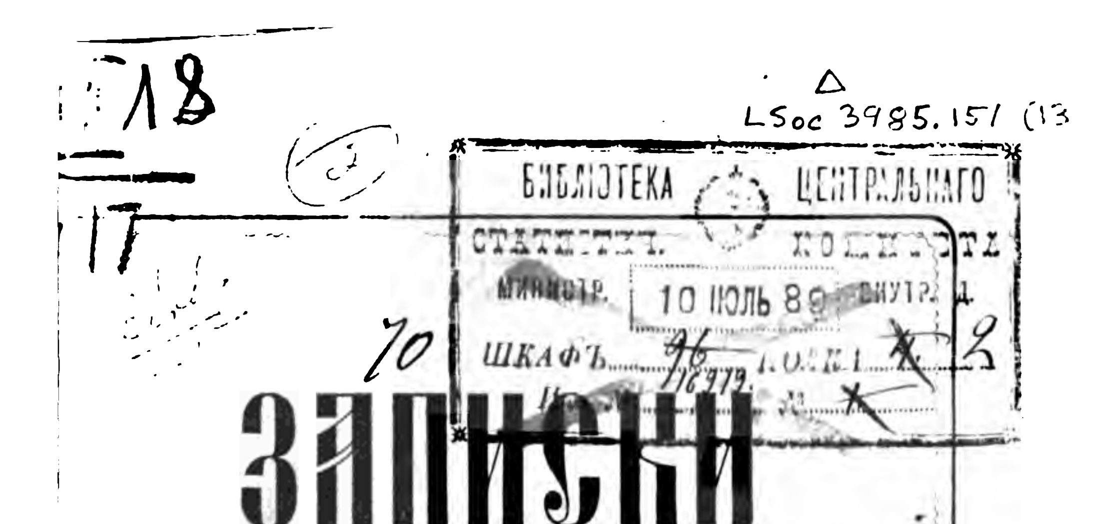
VE
RI
TAS



ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

НОВОРОССІЙСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

ТОМЪ ТРИНАДЦАТЫЙ,

изданный подъ редакціею ордин. проф. А. С. Павлова.

ОДЕССА,
ВЪ ТИПОГРАФІИ УЛЬРИХА И ШУЛЬЦЕ.
1874.

Въ редакціи „Записокъ Императорскаго Новороссійскаго университета" имѣются предыдущіе томы этого изданія, именно:

ТОМЪ I. Содержаніе: 1) Замѣчаніе относительно интегрированія дифференціальныхъ уравненій движенія свободной точки. *И. Соколова.* — 2) О вулканическихъ явленіяхъ близь острова Санторина. *Лапшина.* — 3) Путешествіе Ивана Шильтбергера по Европѣ Азіи и Африкѣ, съ 1394 по 1427 годъ. *Ф. Бруна.* — 4) Древнее хорвато-далматское законодательство. *Ө. Леонтовича.* — 5) De Jovis Lycaei natura cognominisque hujus ratione commentatio. *Юргевича.* — 6) Отчетъ о командировкѣ за границу доцента *Бернштейна* и приложенія. — 7) О тепловыхъ явленіяхъ, обнаруживающихся при соединеніи жидкостей. *Абашева.*

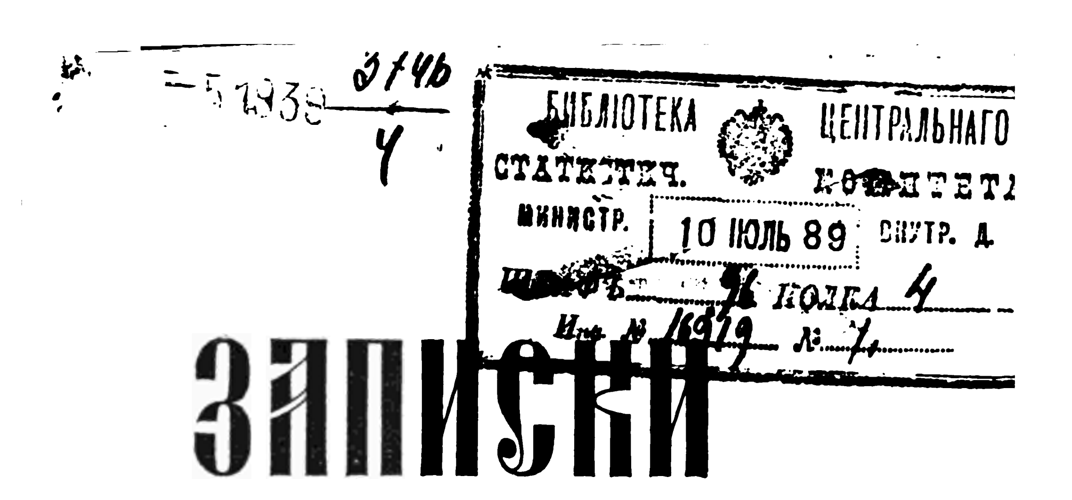
ТОМЪ II Содержаніе: 1) Ягелло-Яковъ-Владиславъ и первое соединеніе Литвы съ Польшею. *Смирнова* — 2) Изслѣдованіе движенія планеты Юноны. *Беркевича.* — 3) Денежный рынокъ въ Россіи отъ 1700 до 1762 года. *Патлаевскаго.*

ТОМЪ III. Содержаніе: 1) Англійскіе деисты XVII и XVIII столѣтій. *Орбинскаго.* — 2) О молочной кислотѣ, образующейся изъ β — іодопропіоновой кислоты. *Н. Соколова.* — 3) Рабская обработка земли. *Вольскаго.* — 4) Путевыя замѣтки. *Ө. Струве.*—5) Торжественное празднованіе въ новороссійскомъ университетѣ тысячелѣтія со дня кончины просвѣтителя славянъ св. Кирилла, 14 февраля 1869 года.

ТОМЪ IV. Содержаніе: 1) Зарожденіе національной литературы въ сѣверной Руси. Изслѣдованіе *И. Некрасова.* — 2) Молодые преступники. *А. Богдановскаго.* — 3) Замѣтка о механическомъ анализѣ почвъ. *Д. Абашева.* — 4) О законахъ превращенія электричества въ теплоту. Изслѣдованіе *Ө. Шведова.*

ТОМЪ V. Содержаніе: 1) О розысканіи особенныхъ рѣшеній дифференціальныхъ уравненій перваго порядка. Разсужденіе *С. Ярошенко.* — 2) О странствованіяхъ царя-пресвитера Іоанна *Ф. Бруна.*— 3) Рецензія сочиненія г. Абашева «о тепловыхъ явленіяхъ, обнаруживающихся при соединеніи жидкостей». *Проф. Бекетова.* — 4) Мнѣніе о томъ-же. *Проф. Лапшина.* — 5) Разборъ того же сочиненія. *Проф. Соколова.* — 6) Замѣчанія на разборъ г. Соколова. *Проф. Абашева.*— 7) Рѣчь проф. Григоровича, произнесенная на университетскомъ празднествѣ въ память св. св. Кирилла и Меѳодія, 11 мая 1869 года.— 8) Краткій отчетъ о состояніи новороссійскаго университета за $18^{69}/_{70}$ академическій годъ. — 9) Приложенія къ отчету: а) Рецензіи представленныхъ студентами сочиненій на конкурсъ въ $18^{69}/_{70}$ г. б) Рѣчь, произнесенная на торжественномъ актѣ въ новороссійскомъ университетѣ *проф. Шведовымъ,* «объ отношеніи физики къ естествовѣдѣнію». — 10) Протоколы засѣданій совѣта (съ 4-го янв. по 30-е мая 1870 года). — 11) Отчетъ *проф. Богишича* о заграничной его командировкѣ.

ТОМЪ VI. Содержаніе: 1) Пахомій—Сербъ, писатель XV вѣка Изслѣдованіе *И. Некрасова.* — 2) Теорія денежнаго обращенія Рикардо. *И. Патлаевскаго.* — 3) Политика народонаселенія въ царствованіе Екатерины II. Изслѣдов. *М. Шпилевскаго.* — 4) Изъ лѣто



ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

НОВОРОССІЙСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

ТОМЪ ТРИНАДЦАТЫЙ,

изданный подъ редакціею ордин. проф. А. С. Павлова.

ОДЕССА,
ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ УЛЬРИХА И ШУЛЬЦЕ.
1874.

Печатано по опредѣленію совѣта Императорскаго новороссійскаго университета.

Ректоръ Ѳ. Леонтовичъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Часть оффиціальная.

ПРОТОКОЛЫ

Засѣданій совѣта

ИМПЕРАТОРСКАГО НОВОРОССІЙСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

1874 года, января 4-го дня, члены совѣта Императорскаго новороссійскаго университета: А. М. Богдановскій, А. В. Куницынъ, М. П. Смирновъ, Я. Я. Вальцъ, В. Н. Юргевичъ, К. И. Карастелевъ, Е. Ѳ. Сабининъ, Д. Н. Абашевъ, М. М. Вольскій, А. С. Павловъ, Ѳ. Н. Шведовъ, И. І. Патлаевскій, И. В. Ягичъ, И. С. Некрасовъ, С. П. Ярошенко, И. Ф. Синцовъ, и П. П. Цитовичъ, собравшись, подъ предсѣдательствомъ ректора Ѳ. И. Леонтовича, *слушали:* представленія факультетовъ: а) историко-филологическаго, объ освобожденіи на предстоящихъ повѣрочныхъ испытаніяхъ тѣхъ изъ студентовъ III и IV курсовъ отъ устнаго испытанія, которые представятъ сочиненія по какимъ либо предметамъ; и б) физико-математическаго — объ освобожденіи на этихъ же испытаніяхъ студентовъ IV курса математическаго, естественнаго и технико-агрономическаго отдѣленій отъ экзаменовъ по всѣмъ предметамъ и студентовъ II и III курсовъ математическаго отдѣленія отъ экзамена по теоріи опредѣлителей, какъ добавилъ деканъ факультета потому, что чтеніе этого предмета еще неокончено. *Опредѣлили*: 1) одобривъ предположенія факульте-

товъ, представить г. попечителю объ освобожденіи нѣкоторыхъ курсовъ отъ повѣрочныхъ испытаній въ настоящемъ году; и 2) сообщить факультетскимъ собраніямъ, чтобы распредѣленіе экзаменовъ на будущее время не представлялось на утвержденіе совѣта.

Засѣданіе 19-го января.

Присутствовали 21 профессоровъ.

Слушали:

Предложенія г. попечителя одесскаго учебнаго округа:

2. Отъ 11 го декабря 1873 года за № 6513 объ оставленіи библіотекаря университета, статскаго совѣтника Шишковскаго на службѣ еще на 5 лѣтъ, съ 7-го октября 1873 года.

При чемъ доложено, что объ этомъ сообщено уже въ правленіе и г. Шишковскому. *Опредѣлили*: за сдѣланнымъ распоряженіемъ принять къ свѣдѣнію.

3. Отъ того же числа за № 6514 объ утвержденіи доцента Лигина исправляющимъ должность секретаря физико-математическаго факультета, на три года, съ 4-го декабря 1873 г.

При этомъ доложено, что объ утвержденіи г. Лигина сообщено уже въ правленіе и въ факультетъ. *Опредѣлили*: принять къ свѣдѣнію.

4. Отъ 21-го декабря за № 6812, на имя г. ректора съ запросомъ, оказывается ли необходимымъ командирова-

заграницу доцента Малинина, согласно имѣющемуся о томъ въ министерствѣ ходатайству совѣта новороссійскаго университета.

При этомъ доложено, что настоящее предложеніе было передаваемо въ юридическій факультетъ, который донесъ: «1) такъ какъ г. Малининъ, по выдержаніи испытанія на степень магистра по разряду гражданскаго права, судоустройства и судопроизводства и по удовлетворительномъ защищеніи магистерской дисертаціи, утвержденъ въ званіи доцента для преподаванія гражданскаго судоустройства и судопроизводства, каковое преподаваніе и началъ уже съ октября мѣсяца, то въ настоящемъ его званіи онъ не можетъ воспользоваться командировкою заграницу на правахъ кандидатовъ, приготовляющихся къ профессорскому званію, но что 2) г. Малининъ и въ званіи доцента имѣетъ желаніе быть командированнымъ заграницу как для научныхъ цѣлей по предмету его преподаванія вообще, такъ и для лучшаго, нагляднаго ознакомленія съ судебнымъ устройствомъ въ Германіи и Франціи, срокомъ съ 1-го мая 1874 по сентябрь 1875 года, съ удержаніемъ ему, г. Малинину, на время этой командировки, доцентскаго его оклада и съ прибавкою изъ суммъ министерства 800 р., на тѣхъ же основаніяхъ, какъ это было сдѣлано при командировкѣ доцента Пригары. Юридическій факультетъ, находя съ своей стороны такую командировку существенно полезною, уже принялъ мѣры, чтобы не послѣдовало ущерба для преподаванія судоустройства и судопроизводства въ будущемъ академическомъ году».

Далѣе г. ректоръ объяснилъ совѣту, что, въ виду спѣшности дѣла, онъ уже сообщилъ отзывъ юридическаго факультета г. попечителю, въ донесеніи отъ 24 декабря

за № 1194. *Опредѣлили*: за сдѣланнымъ распоряженіемъ принять къ свѣдѣнію.

5. Отъ 28 декабря за № 6903 о сообщеніи свѣдѣній, въ чемъ заключался вопросъ, разсматривавшійся въ засѣданіи совѣта 2 октября 1873 г., при баллотированіи котораго состоялось спорное большинство голосовъ и чѣмъ именно руководствовались 4 члена совѣта, отказавшись отъ подачи голоса. *Опредѣлили*: донести г. попечителю съ приложеніемъ копій 13 и 31 стт. протоколовъ засѣданій совѣта 6 сентября и 2 октября 1873 года.

6. Отъ того-же числа за № 6904 объ ассигнованіи сверхсмѣтнаго кредита на содержаніе ординарному профессору Ковалевскому. *Опредѣлили*: сообщить въ правленіе университета.

7. Отъ того-же числа за № 6905 о разрѣшеніи выдачи лаборанту Тегартену 200 руб. 33 коп., въ награду за исправленіе имъ должности втораго лаборанта химической лабораторіи.

При чемъ доложено, что о настоящемъ разрѣшеніи сообщено уже въ правленіе университета. *Опредѣлили*: принять къ свѣдѣнію.

8. Отъ 31 декабря за № 6966 о томъ, что г. министръ народнаго просвѣщенія нашелъ крайне неудобнымъ привести въ исполненіе предположеніе совѣта о постройкѣ отдѣльнаго зданія для устройства въ немъ постоянныхъ квартиръ для преподавателей университета. *Опредѣлили*: принять къ свѣдѣнію.

9. Отъ 9 января за № 89 о томъ, не признаетъ-ли совѣтъ возможнымъ нынѣ-же принять въ студенты университета бѣлградскаго уроженца Константина Павловича, окончившаго 5-й классъ бѣлградской гимназіи. *Опредѣлили*:

донести г. попечителю, что въ виду скораго окончанія академическаго года, невозможно съ какою нибудь пользою для Павловича принять его въ студенты.

10. Отъ 14 января за № 198 о разрѣшеніи освободить студентовъ нѣкоторыхъ курсовъ отъ повѣрочныхъ испытаній въ текущемъ академическомъ году.

При этомъ доложено, что о настоящемъ разрѣшеніи сообщено уже въ факультеты. *Опредѣлили:* принять къ свѣдѣнію.

11. Отъ 16 января за № 234 объ оставленіи при университетѣ на 2 года, съ 1 января 1874 года, кандидатовъ Козубскаго и Бершадскаго для приготовленія къ профессорскому званію съ производствомъ стипендіи, изъ суммъ министерства, по 600 руб. въ годъ каждому, и объ установленіи надлежащаго надзора за ихъ занятіями. *Опредѣлили:* сообщить въ историко-филологическій и юридическій факультеты для зависящихъ распоряженій.

12. Отъ того-же числа за № 235, при коемъ препровождено утвержденное г. министромъ народнаго просвѣщенія слѣдующее положеніе о стипендіяхъ вдовы капитанъ-лейтенанта М. Д. Микрюковой при новороссійскомъ университетѣ.

1. «По духовному завѣщанію умершей вдовы капитанъ-лейтенанта Маріи Дмитріевны Микрюковой душеприкащикомъ ея представленъ, для учрежденія въ новороссійскомъ университетѣ стипендій, капиталъ въ 28.500 руб. процентными бумагами государственнаго банка и наличными деньгами 25 р. с.

2. На проценты съ этого капитала учреждаются на отдѣленіи естественныхъ наукъ физико-математическаго факультета Императорскаго новороссійскаго университета 4 стипендіи въ 340 руб. сер. каждая съ наименованіемъ оныхъ

«стипендіями вдовы капитанъ-лейтенанта Маріи Дмитріевны Микрюковой».

3. Стипендіи назначаются достойнымъ и бѣднымъ людямъ христіанскаго вѣроисповѣданія.

4. Право избранія, по представленію физико-математическаго факультета, предоставляется совѣту новороссійскаго университета, который подвергаетъ стипендіатовъ тому-же контролю надъ ихъ занятіями, какой установленъ правилами университета для казенныхъ стипендіатовъ.

5. Изъ остатковъ, имѣющихъ образоваться отъ неполнаго израсходованія процентовъ съ капитала на стипендіи, составляется особый капиталъ, изъ котораго выдаются, по удостоенію совѣта, суммы для дальнѣйшаго усовершенствованія тѣмъ изъ окончившихъ курсъ наукъ, которые пожелаютъ ѣхать заграницу съ ученою цѣлью».

Опредѣлили: сообщить въ физико-математическій факультетъ, передавъ положеніе о стипендіяхъ Микрюковой въ правленіе университета.

13. Отъ того-же числа за № 236 о доставленіи списка тѣхъ книгъ, которыя новороссійскій университетъ можетъ предложить московскому румянцевскому и публичному музеямъ въ обмѣнъ на дублеты старопечатныхъ книгъ, находящихся въ тѣхъ музеяхъ. *Опредѣлили:* повторить предложеніе библіотекарю немедленно составить каталогъ дублетовъ.

14. Представленія факультетовъ о назначеніи студентамъ стипендій и пособій во 2-й половинѣ текущаго академическаго года. *Опредѣлили*: признавая всѣхъ студентовъ заслуживающими стипендій и пособій по успѣхамъ предоставить правленію распредѣлить имѣющіяся въ рас

поряженіи университета суммы, на этотъ предметъ назначенныя, между наиболѣе нуждающимися.

15. а) Представленіе физико-математическаго факультета о дальнѣйшей судьбѣ университетской формы, и

б) особое мнѣніе по этому дѣлу профессора Сабинина, *Опредѣлили:* передать особое мнѣніе г. Сабинина въ физико-математическій факультетъ, прося его представить свое заключеніе въ совѣтъ къ концу слѣдующей недѣли, а до этого пріостановить и разсмотрѣніе представленія факультета о фермѣ.

16. Представленіе историко-филологическаго факультета объ утвержденіи магистра Кондакова въ занимаемой имъ должности доцента. *Опредѣлили:* представить г. попечителю.

17. Представленіе того-же факультета о приглашеніи учителя гимназіи Нищенскаго для элементарнаго преподаванія греческаго языка, въ качествѣ сторонняго преподавателя.

Въ результатѣ происшедшей за симъ баллотировки г. Нищинскій получилъ 14 голосовъ избирательныхъ и 7 неизбирательныхъ. *Опредѣлили:* войти съ ходатайствомъ къ г. попечителю, согласно представленію историко-филологическаго факультета.

18. Представленіе юридическаго факультета о возведеніи экстраординарнаго профессора Цитовича въ ординарные профессоры.

По выслушаніи этого представленія ректоръ заявилъ слѣдующій отзывъ объ ученыхъ трудахъ г Цитовича: «Г. Цитовичъ, въ теченіе своей педагогической дѣятельности, начавшейся съ 1867 года въ харьковскомъ, а съ прошлаго года въ новороссійскомъ университетѣ, успѣлъ

издать слѣдующіе ученые труды: Исходные моменты въ исторіи русскаго права наслѣдованія. Харьковъ, 1870 года (магистерская диссертація); Деньги въ области гражданскаго права. Харьковъ, 1873 г. (докторская диссертація); Проектъ положенія объ акціонерныхъ обществахъ (въ журналѣ гражд. и уголов. права за 1873 г.) и лекціи по торговому праву. Одесса, 1873 г. Уже въ первомъ трудѣ г. Цитовичъ заявилъ себя какъ одинъ изъ лучшихъ и даровитѣйшихъ нашихъ историковъ-цивилистовъ. Несомнѣнная заслуга автора состоитъ прежде всего въ томъ, что онъ, можно сказать, первый у насъ понялъ всю научную важность примѣненія къ исторіи русскаго права метода догматическаго анализа и изученія законодательныхъ памятниковъ, и успѣлъ, путемъ такого анализа, блистательно разрѣшить одинъ изъ наиболѣе спорныхъ и трудныхъ вопросовъ по древней исторіи русскаго права, — вопросъ о системѣ и характерѣ русскаго права наслѣдованія эпохи Русской Правды. Положенія, развитыя магистерской диссертаціей г. Цитовича, принадлежатъ къ существеннымъ научнымъ пріобрѣтеніямъ, добытымъ въ послѣднее время въ нашей, весьма не богатой историко-юридической литературѣ. Такимъ-же методомъ и достоинствами отличаются и остальныя работы г. Цитовича. Его лекціи по торговому праву (изданъ пока одинъ выпускъ), кромѣ педагогическаго значенія, важны уже въ виду отсутствія у насъ литературы торговаго права, — авторъ съ полнымъ правомъ могъ сказать, что онъ пробиваетъ «брешь, откуда, въ замѣтныхъ контурахъ, открывается перспектива на обширную terra incognita». Догматическій методъ, вполнѣ характирующій направленіе ученыхъ трудовъ г. Цитовича, вмѣстѣ съ добытыми имъ результатами изслѣдованій, показываютъ

что нашъ почтенный профессоръ стоитъ на твердой почвѣ историческаго и теоретическаго анализа и изученія избранной спеціальности. Въ виду сказаннаго будетъ только простымъ долгомъ справедливости предлагаемое нынѣ юридическимъ факультетомъ возведеніе г. Цитовича въ званіе ординарнаго профессора».

Въ результатѣ произведеннаго за симъ баллотированія г. Цитовича въ ординарные профессоры гражданскаго права получилось 17-ть голосовъ избирательныхъ и 4 неизбирательныхъ. *Опредѣлили*: просить ходатайства г. попечителя предъ министромъ народнаго просвѣщенія объ утвержденіи г. Цитовича ординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ гражданскаго права со дня избранія его совѣтомъ, т. е. съ 19-го января 1874 года.

19. Представленіе ординарнаго професора церковнаго законовѣдѣнія, А. С. Павлова: «долгъ признательности побуждаетъ меня свидѣтельствовать объ ученыхъ заслугахъ, неоднократно оказанныхъ мнѣ пропрефектомъ венеціанской библіотеки св. Марка, Іоанномъ Велюдою Г. Велюдо, авторъ нѣсколькихъ замѣчательныхъ историческихъ и археологическихъ изслѣдованій, написанныхъ частію на греческомъ, частію на латинскомъ языкѣ, нерѣдко дѣлалъ мнѣ сообщенія о содержаніи малоизвѣстныхъ греческихъ рукописей названной библіотеки, а иногда доставлялъ и точныя копіи неизданныхъ текстовъ. Вполнѣ убѣжденный, что г. Велюдо съ такою же готовностію будетъ дѣлиться научными сокровищами, находящимися у него подъ руками, и съ другими гг. профессорами нашего университета, честь имѣю ходатайствовать предъ совѣтомъ о присвоеніи ему званія члена — корреспондента нашего университета. При этомъ не могу не обратить вниманія совѣта на то обстоя-

тельство, что г. Велюдо за услуги, оказанныя имъ и другимъ русскимъ ученымъ, занимавшимся въ венеціанской библіотекѣ, Всемилостивѣйше пожалованъ, по ходатайству совѣта с.-петербургскаго университета, орденомъ св. Станислава 2-й степени». *Опредѣлили:* признавъ г. Велюдо членомъ-корреспондентомъ, на основаніи единогласнаго его избранія, увѣдомить его объ этомъ.

20. Представленіе физико-математическаго факультета о командированіи доцента Клименка съ ученою цѣлію заграницу на одинъ годъ, съ 15-го августа 1874 года.

При происшедшемъ засимъ баллотированіи, посредствомъ закрытой подачи голосовъ, вопросъ о заграничной командировкѣ г. Клименко единогласно рѣшенъ утвердительно. *Опредѣлили:* просить ходатайства г. попечителя предъ министромъ народнаго просвѣщенія о командированіи г. Клименка, съ указанною въ представленіи факультета цѣлію, заграницу на одинъ годъ съ 15-го августа 1874 года.

21. Представленіе того-же факультета о порученіи преподаванія во 2-й половинѣ 1873 — 74 учебнаго года технической химіи профессору Веригo, по 4 лекціи въ недѣлю практической астрономіи астроному-наблюдателю Блоку и физической географіи — профессору Шведову, по 2 лекціи въ недѣлю, съ вознагражденіемъ гг. Вериго и Шведова согласно постановленію совѣта, а также объ утвержденіи рѣшенія факультета, чтобы на предстоящемъ годичномъ испытаніи по астрономіи экзаменовать студентовъ по всему предмету. *Опредѣлили:* утвердивъ распоряженіе факультета какъ о распредѣленіи преподаванія въ наступившемъ полугодіи, такъ и объ экзаменѣ по астрономіи, просить разрѣшенія г. попечителя о производствѣ профессорамъ Вериго

и Шведову вознагражденія за чтеніе лекцій по вакантнымъ каѳедрамъ въ размѣрѣ 225 р. за годичную лекцію.

22. Представленіе того-же факультета о томъ, что кандидатъ Гребницкій, по болѣзни, не можетъ воспользоваться данною ему командировкою въ Петербургъ. *Опредѣлили*: принять къ свѣдѣнію.

23. Представленіе того-же факультета объ исходатайствованіи кандидату Гребницкому командировки съ ученою цѣлію на берега Босфора и Дарданельскаго пролива съ наступающаго февраля мѣсяца по срокъ окончанія получаемой имъ стипендіи. *Опредѣлили*: отложить баллотированіе настоящаго вопроса до слѣдующаго засѣданія совѣта.

24. Представленіе факультета объ оставленіи кандидата Репяхова на два года при университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію по зоологіи, съ производствомъ ему стипендіи изъ суммъ министерства народнаго просвѣщенія, по 600 р. въ годъ.

При происшедшей засимъ баллотировкѣ г. Репяхова въ стипендіаты для приготовленія къ профессорскому званію по зоологіи получилось 21 голосъ избирательный и ни одного неизбирательнаго. *Опредѣлили*: просить ходатайства г. попечителя предъ министромъ народнаго просвѣщенія объ оставленіи кандидата Репяхова на 2 года при университетѣ, для приготовленія къ профессорскому званію по зоологіи, съ содержаніемъ по 600 р. въ годъ изъ суммъ министерства.

25. Представленіе его же объ утвержденіи въ степени кандидата естественныхъ наукъ Пренделя Ромула и Трофимова Константина. *Опредѣлили*: утвердивъ гг. Пренделя и Трофимова въ степени кандидата выдать имъ установленные на это званіе дипломы.

удобнымъ, согласно мнѣнію моему и журналу совѣта министра 17-го марта 1866 г. № 18, пригласить г. Куницына продолжать чтеніе лекцій по означеннымъ предметамъ до окончанія текущаго академическаго года, съ принятіемъ затѣмъ участія въ испытаніяхъ студентовъ и съ производствомъ ему за сей трудъ вознагражденія изъ штатныхъ суммъ университета, въ видѣ платы.

Вслѣдствіе чего его сіятельство разрѣшаетъ поручить заслуженному ординарному профессору новороссійскаго университета, дѣйствительному статскому совѣтнику Куницыну, со времени увольненія его отъ службы, за выслугою срока, преподаваніе студентамъ, какъ русскаго гражданскаго права, такъ и римскаго права, въ качествѣ сторонняго преподавателя, до окончанія академическаго года, съ предоставленіемъ ему права окончить студентскіе экзамены и съ производствомъ ему за сей трудъ вознагражденія, въ видѣ платы, въ размѣрѣ оклада содержанія ординарнаго профессора, изъ штатныхъ суммъ университета, со дня прекращенія производства ему содержанія по званію профессора, присовокупивъ при этомъ, что на утвержденіе настоящаго распоряженія его сіятельствомъ будетъ испрошено въ концѣ года, Высочайшее соизволеніе. О вышеизложенномъ сообщаю совѣту новороссійскаго университета для надлежащаго распоряженія».

По выслушаніи настоящаго предложенія, ректоръ университета, обративъ вниманіе совѣта на то, что въ мотивѣ министерскаго распоряженія вошло очевидное недоразумѣніе будто бы университетъ не имѣлъ преемника для преподаванія предметовъ, доселѣ читавшихся профессоромъ Куницынымъ, предложилъ совѣту дать министерству необходимыя объясненія по этому дѣлу. Послѣ преній, предложен

г. ректора принято большинствомъ 16 голосовъ (гг. Цитовичъ, Синцовъ, Ярошенко, Некрасовъ, Ягичъ, Патлаевскій, Сѣченовъ, Головкинскій, Мечниковъ, Вольскій, Беркевичъ, Юргевичъ, Григоровичъ, Кудрявцевъ, Вальцъ, ректоръ) противъ 6-ти (г. Павловъ, высказавшій, что недоразумѣніе министерства вызвано недостаточно полнымъ и не надлежаще мотивированнымъ представленіемъ юридическаго факультета, и гг. Шведовъ, Абашевъ, Сабининъ, Карастелевъ и Куницинъ), давшихъ отвѣтъ отрицательный. *Опредѣлили*: предложеніе г. попечителя принять къ исполненію; въ виду же состоявшагося рѣшенія представить г. министру объясненія по настоящему дѣлу,—просить юридическій факультетъ формулировать вызываемыя существомъ дѣла объясненія и въ возможной скорости представить ихъ въ совѣтъ.

2. Представленіе физико-математическаго факультета *о закрытіи* разряда техническихъ наукъ и агрономіи: «Еще до основанія университета, дворянство, а впослѣдствіи земство новороссійскаго края опредѣлили жертвовать ежегодно значительную сумму (около 6000 р.) для усиленія преподаванія агрономическихъ наукъ. Общество сельскаго хозяйства южной Россіи пожертвовало для той же цѣли свой хуторъ въ Одессѣ. Наконецъ, въ штатъ новороссійскаго университета была внесена сумма въ 3000 р. на содержаніе фермы и завѣдывающаго ею. Кромѣ того, при открытіи университета назначены были министерствомъ особые преподаватели по агрономіи и агрономической химіи. Всѣ эти обстоятельства ясно указывали на потребность здѣшняго края въ высшемъ сельскохозяйственномъ образованіи. Указанныя же выше средства, предоставленныя въ распоряженіе физико-математическаго факультета, представлялись достаточными для этой цѣли, тѣмъ болѣе, что изъ суммъ

жертвуемыхъ земствомъ, за исключеніемъ поступавшихъ въ штатную сумму 3000 р. на содержаніе фермы и завѣдывающаго ею, оставалось еще почти 3000 р., на которые факультетъ считалъ возможнымъ расчитывать для усиленія преподаванія агрономическихъ наукъ. Въ этихъ видахъ факультетомъ былъ составленъ проектъ, сначала въ 1866 году, разряда техническихъ наукъ и агрономіи а потомъ, въ 1869 году, разряда чисто-агрономическихъ наукъ.

Въ 1868 году вышелъ въ отставку профессоръ агрономіи, и такъ какъ, по уставу, для агрономическихъ наукъ назначается лишъ одна каѳедра, то факультетъ и предпринялъ ходатайствовать объ учрежденіи въ нашемъ университетѣ особой каѳедры агрономіи, имѣя въ виду средства, жертвуемыя земствами для усиленія преподаванія агрономическихъ наукъ. Имѣя въ виду какъ тѣ средства, которыя уже находились въ распоряженіи факультста, такъ и тѣ, на которыя, какъ было указано выше, факультетъ расчитывалъ, факультетъ находилъ возможнымъ организовать преподаваніе агрономическихъ наукъ вполнѣ удовлетворительно и потому ходатайствовалъ объ открытіи этого разряда. Въ 1869 году и былъ открытъ разрядъ техническихъ наукъ и агрономіи согласно проекту, утвержденном министерствомъ. Это открытіе было встрѣчено съ большим сочувствіемъ обучающеюся въ нашемъ университетѣ молодежью: въ первый годъ открытія отдѣленія на него поступило 19 человѣкъ. Но, несмотря на всѣ, принятыя университетомъ, мѣры для окончательной организаціи отдѣленія, надежда на успѣхъ этого дѣла не осуществилас Ходатайства факультета и совѣта объ учрежденіи особ каѳедры агрономіи не имѣли успѣха; вскорѣ затѣмъ зе ство отказалось отъ дальнѣйшаго внесенія жертвуемы

нихъ ежегодно суммъ, вслѣдствіе чего университетъ долженъ лишиться средствъ на содержаніе фермы и ея завѣдывающаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ, начало быстро уменьшаться число слушателей на этомъ отдѣленіи. Не предвидя возможности, въ ближайшемъ будущемъ, получить необходимыя средства для надлежащей организаціи отдѣленія техническихъ наукъ и агрономіи и считая не цѣлесообразнымъ удерживать его какъ особый разрядъ въ настоящемъ его видѣ, факультетъ единогласно постановилъ: ходатайствовать о закрытіи разряда техническихъ наукъ и агрономіи; при чемъ 6 голосовъ (гг. Синцовъ, Ярошенко, Сабининъ, Беркевичъ, Карастелевъ и Вальцъ) были поданы въ пользу окончательнаго закрытія и 5 (Лигинъ, Головкинскій, Вериго, Абашевъ и Шведовъ) въ пользу временнаго закрытія. Письменное предложеніе профессоровъ Ярошенка, Вериго и Мечникова, послужившее поводомъ къ обсужденію этого вопроса, при семъ прилагается».

Предложеніе это заключается въ слѣдующемъ: «въ 1866 г., по ходатайству нашего университета, г. министромъ было утверждено подраздѣленіе физико-математическаго факультета на 4 отдѣленія, въ число которыхъ вошло отдѣленіе технико-агрономическихъ наукъ. Въ этомъ отдѣленіи главными предметами были назначены: 1) агрономія или агрономическая химія, 2) технологія или техническая химія, 3) опытная химія, 4) опытная физика; и вспомогательными: 1) техническая механика, 2) физическая географія, 3) зоологія, 4) ботаника, 5) минералогія и геогнозія.

Съ начала 1869 — 70 года, по ходатайству факультета, это отдѣленіе было открыто и уже въ ноябрѣ того-же года факультетъ доносилъ совѣту, что это отдѣленіе *не*

соотвѣтствуетъ цѣлямъ агрономическаго образованія, столь важнаго для здѣшняго края и потому ходатайствовалъ о преобразованіи его въ разрядъ чисто-агрономическихъ наукъ, согласно проекту, составленному профессоромъ Абашевымъ, по которому, къ прежде предположеннымъ предметамъ, присоединены, какъ дополнительные, сельскохозяйственное законодательство и политическая экономія; кромѣ того, раздѣлены предметы агрономія и агрономическая химія, а техническая химія замѣнена сельскохозяйственной технологіей. Затѣмъ, въ концѣ того-же года, профессоръ Абашевъ вошелъ въ факультетъ съ представленіемъ, въ которомъ, между прочимъ, говоритъ: «теперешнее состояніе разряда технико-агрономическихъ наукъ, открытаго при нашемъ университетѣ, въ высшей степени неудовлетворительно. Для одного спеціальнаго предмета имѣется профессоръ агрономической химіи; агрономія, технологія и техническая химія вовсе не читаются; существуетъ учебная ферма и есть лицо, ею завѣдывающее, но, при отсутствіи преподаванія агрономіи, она составляетъ совершенно безполезную принадлежность факультета». При этомъ профессоромъ Абашевымъ былъ снова представленъ проектъ учрежденія отдѣленія чисто-агрономическихъ наукъ и факультетъ, подтверждая мнѣніе г. Абашева, снова ходатайствовалъ объ учрежденіи этого отдѣленія, согласно новому проекту, который разнился отъ прежняго (представленнаго въ ноябрѣ) только замѣной каѳедры технической химіи каѳедрой агрономіи. Г. министръ не согласился утвердить этихъ проектовъ, вслѣдствіе включенія въ число обязательныхъ предметовъ сельскохозяйственнаго законодательства и политической экономіи, а также и потому, что спеціализація начинается ранѣе 3-го курса. Факультетъ согласи-

выпустить эти два предмета и начать специализацію съ 3-го курса, причемъ составлено было слѣдующее раздѣленіе предметовъ: предметы главные: 1) опытная физика, 2) опытная химія, 3) агрономическая химія, 4) агрономія и 5) сельскохозяйственная технологія; предметы вспомогательные: 1) физическая географія, 2) ботаника, 3) зоологія, 4) минералогія и 5) геогнозія. Этотъ проектъ также не былъ утвержденъ г. министромъ, за неимѣніемъ средствъ къ открытію новой каѳедры агрономіи; при этомъ г. министръ предлагалъ открыть эту каѳедру на счетъ одной изъ новыхъ, въ замѣщеніи которой не предвидится близкая необходимость. Но такъ какъ университетъ не нашелъ возможнымъ уступить какую нибудь изъ названныхъ каѳедръ для агрономіи, то г. министръ предложилъ обратиться къ мѣстному земству за средствами для опредѣленія штатнаго преподавателя агрономіи. Факультетъ, какъ извѣстно, обращался къ земству, но получилъ отказъ.

Изъ предложенной выше выписки изъ дѣла объ учрежденіи у насъ разряда агрономическихъ наукъ, можно вывести слѣдующія заключенія: 1) факультетъ, съ своей стороны, исчерпалъ всѣ возможныя средства для устройства этого отдѣленія, не скупясь даже на значительныя измѣненія въ разныхъ проектахъ, и, не смотря на все это, цѣль не достигнута; 2) факультетъ не разъ уже приходилъ къ убѣжденію въ неудовлетворительномъ состояніи техникоагрономическаго отдѣленія.

Въ настоящее время мы имѣемъ все то-же техникоагрономическое отдѣленіе, которое было открыто еще въ 1869 — 70 академическомъ году, и которое въ продолженіи 4-хъ лѣтъ оставалось постоянно почти въ томъ-же плачевномъ состояніи, на которое указывалъ профессоръ

Абашевъ еще въ первый годъ существованія этого отдѣленія; на немъ, какъ и прежде, нѣтъ до сихъ поръ преподавателей технологіи, технической механики и агрономіи, ферма, все также, составляетъ безполезную принадлежность факультета, да въ добавокъ земство отказалось отъ отпуска суммъ на ея содержаніе. Кромѣ всего этого, нѣтъ и въ будущемъ никакой надежды на сколько нибудь удовлетворительное устройство этого отдѣленія. По этому мы рѣшаемся предложить факультету ходатайствовать о закрытіи у насъ существующаго отдѣленія технико-агрономическихъ наукъ. Кромѣ этого, мы рѣшаемся также обратить вниманіе факультета и на предполагавшееся у насъ отдѣленіе чисто-агрономическихъ наукъ, для котораго, по нашему мнѣнію, не предвидится удовлетворительнаго существованія. Вопервыхъ, на этомъ отдѣленіи, по послѣднему проекту, въ число главныхъ предметовъ включены агрономія и сельскохозяйственная технологія. Для перваго изъ нихъ необходимо учрежденіе особой каѳедры, на что́, какъ мы уже сказали, надежды нѣтъ; что-же касается сельскохозяйственной технологіи, то пріобрѣтеніе преподавателя по этому предмету возможно только на счетъ технической химіи; на сколько это удобно и выполнимо — предоставляемъ судить спеціалистамъ. Во вторыхъ, по проекту предполагается пять дополнительныхъ предметовъ (физическая географія, ботаника, зоологія, минералогія и геогнозія), которые студенты агрономы должны слушать вмѣстѣ съ студентами естественнаго отдѣленія и при томъ въ продолженіе 4-хъ лѣтъ (ибо эти предметы читаются во всѣхъ 4-хъ курсахъ естественнаго отдѣленія). Вслѣдствіе этого студенты-агрономы въ теченіи всего курса будутъ обременены значительнымъ числомъ лекцій по дополнительнымъ предметамъ, которые

даже можетъ быть будетъ болѣе числа ихъ по главнымъ предметамъ — не говоря уже о томъ, что это обстоятельство помѣшаетъ студентамъ въ ихъ занятіяхъ спеціальными предметами, въ этомъ есть еще одно неудобство. Понятно, что при испытаніяхъ, напр. по ботаникѣ, зоологіи и пр. нельзя требовать отъ студента-агронома тѣхъ-же свѣдѣній, какъ и отъ студента естественнаго отдѣленія, и эти требованія, очевидно, будутъ опредѣляться не различіемъ въ объемахъ этихъ предметовъ, а только бо́льшей, или крайней снисходительностію къ студентамъ-агрономамъ, поэтому эти послѣдніе будутъ слушать по дополнительнымъ предметамъ очень много, а знать, по всей вѣроятности, очень мало.

На основаніи всего сказаннаго, мы рѣшаемся предложить факультету не только ходатайствовать о закрытіи технико-агрономическаго отдѣленія, но также прекратить ходатайство объ учрежденіи проектированнаго разряда чисто-агрономическихъ наукъ. Ко всему сказанному считаемъ не лишнимъ присоединить также свѣдѣнія о числѣ студентовъ, поступившихъ въ теченіи 4-хъ лѣтъ на технико-агрономическое отдѣленіе: въ 1869 — 70 г. на I-й курсъ поступило семь человѣкъ, въ 1871 — 72 — четыре, въ 1872 — 73 — одинъ, въ настоящемъ академическомъ году — одинъ. Теперь на технико-агрономическомъ отдѣленіи 9 студентовъ: по одному на I и II курсахъ, три на III и четыре на IV курсѣ. Эти цифры показываютъ, что и поступающіе въ нашъ университетъ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе убѣждаются въ неудовлетворительности технико-агрономическаго отдѣленія».

Раздѣляя убѣжденіе факультета, что не цѣлесообразно было-бы удерживать отдѣленіе техническихъ наукъ и агро-

номіи, какъ особый разрядъ, въ настоящемъ его видѣ, члены совѣта раздѣлились лишь въ мнѣніи, закрыть-ли разрядъ окончательно или только временно. Голосованіе показало, что на сторонѣ перваго мнѣнія было большинство 14 членовъ (гг. Цитовичъ, Синцовъ, Ярошенко, Сѣченовъ, Мечниковъ, Беркевичъ, Сабининъ, замѣтившій, что при этомъ условіи лучше можетъ развиться агрономическая спеціализація, Карастелевъ, Юргевичъ, Григоровичъ, Вальцъ, Куницынъ, Богдановскій, ректоръ) противъ 10-ти (гг. Некрасовъ, Вериго, Ягичъ, Патлаевскій, Головкинскій, Шведовъ, Павловъ, Вольскій, Абашевъ, Смирновъ), высказавшихся за временное закрытіе разряда. *Опредѣлили:* согласно состоявшемуся по большинству голосовъ рѣшенію совѣта, представить г. попечителю о необходимости окончательнаго закрытія технико-агрономическаго отдѣленія.

3. А) Представленіе того же факультета о дальнѣйшей судьбѣ фермы, внесенное въ засѣданіе совѣта 19 января, ст. 15-я.

«Физико-математическій факультетъ, въ засѣданіи своемъ 15-го декабря 1873 г., слушалъ отношеніе правленія за № 1204, въ которомъ правленіе, вслѣдствіе заявленія г. ректора объ отказѣ земствомъ въ денежномъ пособіи на содержаніе фермы университета, передаетъ на обсужденіе факультета вопросъ о дальнѣйшей судьбѣ фермы. Послѣ прочтенія особыхъ мнѣній, поданныхъ профессорами Сабининымъ и Мечниковымъ по этому вопросу, первый изъ нихъ, въ доказательство необходимости передачи фермы въ общество сельскаго хозяйства, привелъ тотъ фактъ, что ферма пришла въ разстроенное состояніе и что причину этого слѣдуетъ искать въ отсутствіи профессора агрономіи. Затѣмъ факультетъ вступилъ въ обсужденіе дѣла, изъ котораго выяснилась, что между членами

факультета существуютъ два различныя мнѣнія о дальнѣйшей судьбѣ университетской фермы, одно изъ этихъ мнѣній заключается въ томъ, что слѣдуетъ *передать ферму обществу сельскаго хозяйства*, другое въ томъ, что *ферму слѣдуетъ удержать* и эксплоатировать для научныхъ цѣлей, отдавая ее въ пользованіе частному лицу, которое обязалось бы производить извѣстныя работы, по указанію членовъ факультета, и устроивъ изъ нея, по предложенію декана, г. Вальца, сельскохозяйственную опытную станцію (Landwirthschaftliche Station), преслѣдующую чисто-научныя цѣли и на которой опыты производились бы подъ руководствомъ нѣкоторыхъ изъ членовъ факультета. Въ виду этихъ двухъ мнѣній, деканъ предложилъ баллотировать каждое изъ нихъ; при баллотировкѣ перваго мнѣнія, большинствомъ голосовъ рѣшено, чтобы ферму не передавать въ общество сельскаго хозяйства, при чемъ г. Сабининъ заявилъ, что онъ войдетъ съ особымъ мнѣніемъ, съ изложеніемъ тѣхъ данныхъ, которыя онъ сообщалъ въ факультетъ, и которыя находятся въ мнѣніи, заслушанномъ въ физико-математическомъ факультетѣ 10-го февраля 1873 года; при голосованіи втораго изъ приведенныхъ мнѣній, большинствомъ голосовъ рѣшено эксплоатировать научнымъ образомъ ферму, отдавая ее въ вышеупомянутое пользованіе, устроивъ при ней опытную сельскохозяйственную станцію и поручивъ руководство производимыхъ на ней опытовъ нѣкоторымъ изъ членовъ факультета. Затѣмъ деканомъ былъ возбужденъ вопросъ по поводу мнѣнія, выраженнаго профессоромъ Сабининымъ, о необходимости замѣнить каѳедру агрономической химіи каѳедрою агрономіи; по мнѣнію профессора Сабинина, возможно возложить преподаваніе и агрономіи, и агрономической химіи на одно лицо, такъ какъ

для курса агрономической химіи достаточно 3-хъ лекцій въ недѣлю, читаемыхъ на III-мъ курсѣ, а при этомъ условіи, конечно, возможно прочитать еще 3 лекціи агрономіи на IV курсѣ, гдѣ студенты имѣютъ много свободнаго времени; эту возможность возложенія на одно лицо преподаванія агрономической химіи и агрономіи, даже при существующемъ агрономическомъ разрядѣ, профессоръ Сабининъ привелъ въ пользу его мнѣнія о замѣнѣ каѳедры агрономической химіи каѳедрою агрономіи. По выслушаніи вышеизложеннаго, большинствомъ 9-ти голосовъ противъ 2-хъ, постановлено: не входя въ обсужденіе вопроса, возбужденнаго профессоромъ Сабининымъ, такъ какъ онъ былъ уже разсматриваемъ, представить его въ совѣтъ, приложивъ къ нему, какъ объясненіе со стороны факультета, послѣднее его рѣшеніе по этому вопросу, поименованное въ 15 ст. протокола совѣта отъ 20-го января 1872 года, а именно: г. министръ народнаго просвѣщенія, по ходатайству земства херсонской губерніи объ усиленіи преподаванія агрономическихъ наукъ въ нашемъ универпитетѣ, предложеніемъ отъ 17 мая сего года сдѣлалъ запросъ о томъ, не найдетъ ли факультетъ возможнымъ, на основаніи примѣчанія къ § 14 унив. устава, замѣнить существующую въ нашемъ университетѣ каѳедру агрономической химіи-каѳедрою агрономіи, или, въ случаѣ невозможности, войти съ представленіемъ о замѣнѣ, на основаніи § 42 унив. устава, другой какой либо каѳедры каѳедрою сельскаго хозяйства.

Факультетъ по этимъ двумъ вопросамъ имѣетъ честь представить слѣдующее.

1). Агрономическая химія, представляя изложеніе явленій законовъ химическихъ, физическихъ и физіологическихъ, лежащихъ въ основаніи земледѣльческихъ процес

совъ, составляетъ научное основаніе, на которомъ построены всѣ пріемы раціональной агрономической техники. Практическое значеніе агрономической химіи такъ велико, что въ настоящее время въ западной Европѣ существуетъ до 40 опытныхъ станцій, посвященныхъ почти исключительно изученію явленій, принадлежащихъ къ области агрономической химіи; въ ней лежатъ всѣ задатки усовершенствованій въ области сельскаго хозяйства; подробное изученіе ея составляетъ, потому, первую потребность при университетскомъ преподаваніи агрономическихъ наукъ. Но, независимо отъ прикладнаго интереса агрономической химіи, очень великъ и ея чисто-научный интересъ; доказательствомъ этому можетъ служить какъ то, что уставъ 1863 г. ввелъ ее въ наши университеты, такъ и то, что въ теченіи послѣдняго десятилѣтія преподаваніе ея стало вводиться и въ германскихъ университетахъ, даже такихъ, при которыхъ нѣтъ спеціальныхъ агрономическихъ разрядовъ, каковы университеты лейпцигскій и гейдельбергскій. Поэтому факультетъ находитъ, что преподаваніе агрономической химіи въ полномъ ея размѣрѣ во всякомъ случаѣ должно быть сохранено.

2). По постоянному штату при физико-математическомъ факультетѣ полагается всего 13-ть штатныхъ преподавателей; въ наличности имѣются въ настоящее время слѣдующіе преподаватели: по чистой математикѣ 2,—астрономіи 1, — физикѣ 2, — химіи 1 и имѣется въ виду другой, избранный уже совѣтомъ, по зоологіи 3,—ботаникѣ 2, по минералогіи нѣтъ, но имѣется въ виду и уже избранъ совѣтомъ, по геологіи 1, по физической географіи нѣтъ, по агрономической химіи 1, по технической химіи нѣтъ Итого, въ настоящее время, на факультетѣ состоитъ всего 15

преподавателей и имѣется въ виду еще пріобрѣтеніе 2-хъ которые изъявили свое согласіе на поступленіе въ нашъ университъ и уже избраны факультетомъ и совѣтомъ, — слѣдовательно, остаются вакантными лишь двѣ штатныя преподавательскія должности, которыя факультетъ имѣетъ въ виду замѣстить преподавателями физической географіи и технической химіи. Изъ этого видно, что въ настоящее время на факультетѣ не остается ни одного свободнаго штатнаго преподавательскаго мѣста.

Далѣе, что касается практической агрономіи, то факультетъ находитъ, что она можетъ быть излагаема въ университетѣ не иначе, какъ въ связи съ агрономической химіей и какъ практическое приложеніе послѣдней; изложеніе агрономіи въ иной формѣ, т. е. не въ видѣ практическаго приложенія агрономической химіи, по мнѣнію факультета, не только не могло бы оказать содѣйствія распространенію раціональныхъ и серьозныхъ знаній, но, напротивъ, могло бы даже оказать то именно вредное вліяніе на уровень университетскаго образованія, опасенія котораго высказаны въ особой, Высочайше учрежденной коммисіи для разсмотрѣнія отчета министерства народнаго просвѣщенія за 1869 годъ, низводя одинъ изъ предметовъ университетскаго образованія въ область чистаго эмпиризма. Наконецъ, что касается до предположенія о возложеніи на одно лицо преподаванія и агрономической химіи, и агрономіи, то объ этомъ факультетъ считаетъ безполезнымъ распространяться, такъ какъ, при самомъ поверхностномъ даже знакомствѣ съ современными курсами агрономіи и агрономической химіи, для всякаго очевидно, что изложеніе обоихъ предметовъ, въ размѣрахъ, сообразныхъ съ уровнемъ университетскаго преподаванія, не только далеко превосходитъ

силы одного лица, но даже и для двухъ составляетъ весьма трудную задачу, если принять во вниманіе практическія занятія по обоимъ предметамъ, по агрономіи на фермѣ, по агрономической химіи—въ лабораторіи.

Въ виду всѣхъ этихъ соображеній факультетъ находитъ, что 1) ни одна изъ существующихъ каѳедръ не можетъ быть замѣнена каѳедрою агрономіи; 2) въ случаѣ невозможности имѣть особыхъ штатныхъ преподаватей и по агрономической химіи и по агрономіи, факультетъ находитъ нужнымъ сохранить каѳедру агрономической химіи, такъ какъ она представляетъ сама по себѣ большой теоретическій интересъ и можетъ быть изучаема независимо отъ практическихъ цѣлей; и 3) для удовлетворенія же справедливаго желанія херсонскаго земства, факультетъ не видитъ другаго исхода, какъ только просить совѣтъ вновь ходатайствовать предъ г. министромъ объ открытіи при новороссійскомъ университетѣ особой каѳедры агрономіи.

Мнѣніе профессора Сабинина состоитъ въ слѣдующемъ: «на основаніи представленія физико-математическаго факультета, значащагося въ 20-й ст. протокола засѣданія совѣта 28-го марта 1873 г., совѣтъ постановилъ: ходатайствовать, чрезъ г. попечителя, предъ новороссійскимъ и бессарабскимъ генералъ-губернаторомъ, не признаетъ ли онъ возможнымъ оказать оказать свое содѣйствіе къ тому, чтобы расположить земство новороссійскаго края и Бессарабіи принять участіе въ учрежденіи каѳедры агрономіи ежегоднымъ отпускомъ на этотъ предметъ суммы не свыше 4 т. рублей. Отвѣтъ отъ г. генералъ-губернатора еще не полученъ; вслѣдствіе чего я теперь считаю необходимымъ представить мое мнѣніе, состоящее изъ слѣдующихъ 2-хъ предложеній: 1) если университетъ не получитъ отъ зем-

ства пособія, необходимаго на учрежденіе каѳедры агрономіи, то слѣдуетъ ходатайствовать предъ г. министромъ народнаго просвѣщенія о передачѣ фермы въ общество сельскаго хозяйства и объ учрежденіи, по крайней мѣрѣ, каѳедры сельскаго хозяйства чрезъ замѣну ею каѳедры агрономической химіи, чѣмъ и оправдается заботливость университета о выгодахъ края, такъ какъ, кромѣ той пользы, которую доставитъ краю преподаваніе агрономіи,—профессоръ этого предмета, сообщеніемъ агрономическихъ свѣдѣній, необходимыхъ для сельскихъ хозяевъ, и руководствомъ въ ихъ практической дѣятельности, может оказать несомнѣнную услугу развитію сельскаго хозяйства въ новороссійскомъ краѣ, гдѣ нѣтъ высшаго сельскохозяйственнаго учебнаго заведенія; между тѣмъ замѣна каѳедры агрономической химіи каѳедрою агрономіи не можетъ имѣть вреднаго вліянія на уровень университетскаго преподаванія, какъ это согласно и съ примѣчаніемъ 14 § унив. устава; 2) если университетъ будетъ имѣть отъ земства пособіе, необходимое на учрежденіе каѳедры агрономіи, то долгъ— оправдать общественное довѣріе, а также сдѣланныя и правительствомъ и новороссійскимъ краемъ значительныя пожертвованія на ферму требуютъ, чтобы, при возложеніи преподаванія агрономической химіи и агрономіи на одно лицо, ходатайствовать предъ г. министромъ народнаго просвѣщенія объ оставленіи фермы въ вѣдѣніи университета и объ обращеніи на ея содержаніе тѣхъ 3 т. р., которые теперь отпускаются на каѳедру агрономической химіи, такъ какъ, при существованіи каѳедры агрономіи, нѣтъ необходимости въ особой каѳедрѣ агрономической химіи, а вслѣдствіе неоднократнаго указанія министерства на Высочайшее повелѣніе о соблюденіи строгой бережливости, было бы

совершенно безуспѣшнымъ ходатайство объ ассигнованіи на содержаніе фермы особой суммы изъ казны».

Предложеніе профессора Мечникова заключается въ слѣдующемъ: «имѣя въ виду, что университетская ферма не приносила никакой пользы университету даже въ то время, когда на нее отпускались деньги, а напротивъ служила поводомъ къ цѣлому ряду непріятностей; кромѣ того, принимая въ соображеніе, что теперь, въ виду отказа земства, положеніе фермы должно усложниться и, вообще говоря, ухудшиться, — я предлагаю факультету ходатайствовать о возвращеніи фермы обществу сельскаго хозяйства южной Россіи».

В). Особое мнѣніе профессора Сабинина, внесенное въ засѣданіе совѣта 19-го января: «имѣю честь войти въ совѣтъ съ мнѣніемъ по поводу вопроса о фермѣ, возникшаго вслѣдствіе отказа херсонской земской управы въ отпускѣ новороссійскому университету суммы на содержаніе фермы.

Въ 11-й ст. протокола засѣданія совѣта 21-го декабря 1870 г. значится слѣдующій докладъ г. ректора: «учебная сельскохозяйственная ферма поставлена въ настоящее время въ неопредѣленное положеніе, значительно затрудняющее успѣшное ея развитіе; съ одной стороны, правленіе университета, не имѣя достаточно данныхъ для того, чтобы рѣшить, полезна-ли и необходима-ли та или другая издержка, предполагаемая управляющимъ фермою, часто затрудняется въ разрѣшеніи ея; — съ другой стороны, если обращаться въ факультетъ по поводу каждаго представленія завѣдывающаго фермою, то происходитъ значительная потеря времени, которая для хозяйства фермы можетъ быть чрезвычайно вредна. Вслѣдствіе этого желательно, чтобы установлены были правила, на основаніи которыхъ дѣй-

ствовалъ-бы управляющій фермою и чтобы относительно капитальныхъ построекъ, пріобрѣтеній и распоряженій по фермѣ былъ установленъ надлежащій контроль съ технической стороны». На основаніи такого доклада г. ректора, совѣтъ опредѣлилъ: 1) подчинить управляющаго фермою контролю профессора агрономической химіи относительно капитальныхъ построекъ, пріобрѣтеній и вообще распоряженій по фермѣ, вмѣнивъ управляющему фермою въ обязанность обращаться предварительно къ профессору и, получивъ его согласіе, давать дальнѣйшій ходъ дѣлу; о чемъ и сообщить къ исполненію управляющему фермою; 2) просить профессора Абашева составить проектъ правилъ для управляющаго учебною фермою. Вслѣдствіе такого постановленія, физико-математическій факультетъ представилъ въ совѣтъ, въ его засѣданіе 10-го февраля 1871 года (10-я ст. протокола этого засѣданія) составленный профессоромъ Абашевымъ и одобренный факультетомъ проектъ общихъ основаній организаціи фермскаго хозяйства. Проектъ этотъ былъ заслушанъ въ засѣданіи совѣта 10-го февраля 1871 г. и въ 10-й ст. протокола этого засѣданія значится такое постановленіе совѣта: утвердивъ изложенныя въ докладной части протокола общія основанія организаціи хозяйства университетской учебной фермы, просить физико-математическій факультетъ составить подробныя правила веденія фермскаго хозяйства для руководства управляющему фермою. На основаніи такого постановленія совѣта, физико-математическій факультетъ вошелъ въ совѣтъ университета съ слѣдующимъ представленіемъ: «въ факультетъ поступило два проекта подробныхъ правилъ веденія фермскаго хозяйства: одинъ составленный профессоромъ Абашевымъ, другой — управляющимъ учебною фер-

мою, г. Армфельдомъ. Разсмотрѣвъ оба проекта, факультетъ постановилъ: представить ихъ въ петровскую академію и просить ея заключенія, на настоящій-же годъ поручить г. Армфельду вести хозяйство фермы на прежнихъ основаніяхъ, и, согласно прошенію профессора Абашева, уволить его отъ обязанности наблюдать за веденіемъ хозяйства фермы. Дѣло о двухъ проектахъ подробныхъ правилъ, составленныхъ гг. Абашевымъ и Армфельдомъ, вмѣстѣ съ просьбою перваго изъ нихъ о сложеніи съ него особаго наблюденія за ходомъ фермскаго хозяйства, доложено было совѣту въ его засѣданіе 22 марта 1872 года и въ 15-й ст. протокола того засѣданія значится такое постановленіе совѣта: 1) утвердивъ распоряженіе факультета о веденіи фермскаго хозяйства въ текущемъ году, просить петровскую академію разсмотрѣть два проекта представленные въ физико-математическій факультетъ новороссійскаго университета, 2) профессора Абашева, согласно его просьбѣ, уволить отъ обязанности особаго наблюденія за ходомъ фермскаго хозяйства. Отвѣтъ-ли отъ петровской академіи еще не полученъ, или-же два проекта подробныхъ правилъ, составленные гг. Абашевымъ и Армфельдомъ и предназначенные къ отсылкѣ въ петровскую академію, туда еще не отправлены, — рѣшенія этого вопроса нѣтъ въ протоколахъ засѣданій совѣта; но, спустя цѣлыхъ полтора года послѣ постановленія совѣта о посылкѣ въ петровскую академію двухъ проектовъ подробныхъ правилъ, составленныхъ гг. Абашевымъ и Армфельдомъ, — г. ректоръ, въ засѣданіи 25 сентября 1872 года (17-я ст. протокола этого засѣданія) снова доложилъ совѣту, что крайне желательно, чтобы физико-математическій факультетъ составилъ *точныя и подробныя правила* для руководства управляющему

фермою, указавъ въ то-же время, какія именно задачи должны быть имъ разрѣшены, и что со стороны факультета необходимъ контроль надъ веденіемъ хозяйства на фермѣ, дабы вполнѣ удовлетворить ожиданіямъ мѣстнаго общества, желающаго видѣть въ ней образцовое учебное учрежденіе». Всѣ, изложенныя мною данныя, заключающія въ себѣ содержаніе постановленій совѣта и факультета, а также докладовъ г. ректора совѣту, приведены мною для доказательства того, что г. Армфельдъ, будучи вначалѣ предоставленъ одному себѣ, затѣмъ, во все время управленія своего фермою, завѣдывалъ ею безъ надлежащихъ инструкцій, содержащихъ въ себѣ точныя и подробныя правила, которыя служили-бы управляющему фермой руководствомъ для веденія фермскаго хозяйства; — между тѣмъ, ферма пришла въ разстроенное состояніе. Этотъ фактъ сдѣлался уже общеизвѣстнымъ чрезъ напечатаніе въ протоколахъ засѣданій совѣта двухъ представленій правленія и физико-математическаго факультета, — тѣхъ именно двухъ учрежденій университета, изъ которыхъ первое обязано слѣдить за цѣлостію фермскаго имущества и должною отчетностью по фермѣ, а второе — за техническою стороною фермскаго хозяйства. Представленіе правленія сдѣлано въ засѣданіи совѣта 25 сентября 1872 г. (17 ст. протокола этого засѣданія) слѣдующаго содержанія: «правленіе имѣетъ честь сообщить совѣту о томъ, что г. ректоръ, въ засѣданіи правленія 25-го августа сего года, заявилъ, что, въ бытность свою на университетской фермѣ, онъ убѣдился въ крайне плохомъ состояніи хозяйства и домоводства фермы». Въ 23-й ст. протокола засѣданія совѣта 22-го марта 1873 г. значится слѣдующее представленіе физико-математическаго факультета: «въ отвѣтъ на предложеніе совѣта

отъ 3-го марта за № 51, физико-математическій факультетъ имѣетъ честь донести, что касается до фермской земли, то, по мнѣнію факультета, приступать въ концѣ марта или началѣ апрѣля къ сельско-хозяйственнымъ операціямъ не только невозможно *при разстроенномъ состояніи фермы*, но даже вредно, такъ какъ это повлечетъ къ безполезной затратѣ денегъ». Если, теперь, принять во вниманіе слѣдующія три обстоятельства: 1) что дѣло о разстроенномъ состояніи фермы уже прекращено совѣтомъ болѣе чѣмъ полгода назадъ даже до начала текущаго мѣсяца; 2) что г. Армфельдъ, безъ всякаго препятствія со стороны совѣта, перемѣщенъ изъ должности управляющаго фермою на другую, высшую должность — доцента института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи; и 3) что изъ протоколовъ засѣданій совѣта выходитъ, что виновникомъ разстроеннаго состоянія фермы никто не оказался, — то эти три обстоятельства приводятъ невольно къ тому выводу, что причину разстроеннаго состоянія фермы главнымъ образомъ слѣдуетъ искать въ отсутствіи въ нашемъ университетѣ профессора агрономіи, какъ дѣйствительно компетентнаго судьи и руководителя въ веденіи фермскаго хозяйства. Такимъ образомъ, становится несомнѣннымъ то заключеніе, что ферма, при новороссійскомъ университетѣ, не принесетъ и впредь никакой пользы безъ профессора агрономіи, который былъ-бы полезнымъ руководителемъ управляющему фермою, пріобрѣтая у него авторитетъ своимъ знаніемъ, усердіемъ къ дѣлу фермскаго хозяйства и должнымъ отношеніемъ къ управляющему учебною фермою, опредѣляемымъ такъ, чтобы требованія свои къ сему послѣднему, по дѣламъ фермы, выражать точнымъ

образомъ помощію установленныхъ инструкцій для веденія фермскаго хозяйства.

Необходимость каѳедры агрономіи для университетской фермы признана и совѣтомъ; вслѣдствіе чего совѣтъ входилъ къ г. министру народнаго просвѣщенія съ ходатайствомъ о замѣнѣ каѳедры технической химіи каѳедрою сельскаго хозяйства (5-я ст. протокола засѣданія совѣта 27-го апрѣля 1870 года). На основаніи этого ходатайства совѣта и представленія предсѣдателя херсонской губернской земской управы объ учрежденіи при новороссійскомъ университетѣ особой каѳедры сельскаго хозяйства, г. министръ поручилъ на обсужденіе совѣту вопросъ (14-я ст. протокола засѣданія совѣта 31-го мая 1871 г.): «не будетъ-ли признано возможнымъ, на точномъ основаніи примѣчанія къ § 14-му унив. устава, замѣнить существующую нынѣ каѳедру агрономической химіи каѳедрой сельскаго хозяйства, или, въ случаѣ невозможности приведенія сей мѣры въ исполненіе, то войти съ представленіемъ о замѣнѣ, на основаніи § 42-го, л. В п. 3-й того-же устава, другой какой либо каѳедры каѳедрой сельскаго хозяйства». Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ г. министра, совѣтъ опредѣлилъ (15-я ст протокола засѣданія совѣта 20-го января 1872 г.): сдѣлать г. попечителю одесскаго учебнаго округа представленіе, согласно рѣшенію физико-математическаго факультета слѣдующаго содержанія: 1) ни одна изъ существующихъ каѳедръ не можетъ быть замѣнена каѳедрою сельскаго хозяйства; 2) въ случаѣ невозможности имѣть особыхъ штатныхъ преподавателей и по агрономіи и по агрономической химіи, факультетъ находитъ нужнымъ сохранить каѳедру агрономической химіи, такъ какъ она представляетъ сама собой большой теоретическій интересъ и м

жеть быть изучаема независимо отъ практическихъ цѣлей; и 3) для удовлетворенія-же справедливаго желанія херсонскаго земства факультетъ не находитъ другаго исхода, какъ только ходатайствовать предъ г. министромъ народнаго просвѣщенія объ открытіи при новороссійскомъ университетѣ особой каѳедры агрономіи. Мотивы, приводимые факультетомъ для *отрицательнаго* рѣшенія вопроса о замѣнѣ каѳедры агрономической химіи каѳедрою агрономіи, состоятъ изъ слѣдующихъ трехъ положеній: 1) преподаваніе агрономической химіи въ полномъ ея размѣрѣ во всякомъ случаѣ должно быть сохранено; 2) агрономія должна быть излагаема, какъ практическое приложеніе агрономической химіи; и 3) невозможно возложеніе на одно лицо преподаванія и агрономической химіи и агрономіи въ объемѣ, требуемомъ университетскимъ преподаваніемъ. Если и принять первыя два положенія — доказанными, то ихъ только однихъ недостаточно для вывода факультетскаго рѣшенія относительно упомянутаго вопроса, если только не будетъ доказано третье положеніе; но въ томъ-то и вся суть, что факультетъ считалъ даже безполезнымъ распространяться объ этомъ третьемъ положеніи въ томъ засѣданіи, въ которомъ состоялось его рѣшеніе, выше приведенное мною (изъ 15-й ст. протокола засѣданія совѣта 20 января 1872 г.), а чрезъ то самое это рѣшеніе и дѣлается голословнымъ. Считаю долгомъ обратить вниманіе совѣта на слѣдующія три данныя, которыя приводятъ къ тому заключенію, что, и при сохраненіи преподаванія агрономической химіи въ объемѣ университетскаго курса, и при изложеніи агрономіи, какъ практическаго приложенія химіи, — все таки возможно возложеніе на одно лицо преподаванія и агрономической химіи и агрономіи.

1) На одинъ и тотъ-же вопросъ относительно возможности сосредоточить въ одномъ лицѣ преподаваніе и агрономіи и агрономической химіи въ объемѣ университетскаго курса, — физико-математическій факультетъ нашего университета представилъ совѣту два рѣшенія, діаметрально противуположныя между собою. Дѣйствительно, въ 13-й ст. протокола засѣданія совѣта 18-го января 1871 года значится такое представленіе физико-математическаго факультета: «физико-математическій факультетъ имѣетъ честь представить составленный профессоромъ Абашевымъ проектъ преобразованія отдѣленія техническихъ наукъ и агрономіи. Одобряя этотъ проектъ, *факультетъ находитъ нужнымъ добавить къ нему, что преподаваніе агрономіи и агрономической химіи должно быть сосредоточено въ одномъ штатномъ преподавателѣ*, какъ при временномъ, такъ и при нормальномъ штатѣ, не исключая возможности имѣть для этого сверхштатнаго преподавателя;» между тѣмъ какъ спустя только одинъ годъ, именно въ 15-й ст. протокола засѣданія совѣта 20-го января 1871 года, въ представленіи физико-математическаго факультета находится слѣдующее выраженіе: «наконецъ, *что касается до предположенія о возложеніи на одно лицо преподаванія и агрономической химіи и агрономіи, то объ этомъ факультетъ считаетъ безполезнымъ распространяться*, такъ какъ, при самомъ поверхностномъ даже знакомствѣ съ современными курсами агрономіи и агрономической химіи, для всякаго очевидно, что изложеніе обоихъ предметовъ, въ размѣрахъ, сообразныхъ съ уровнемъ университетскаго преподаванія, не только превосходитъ силы одного лица, но даже и для двухъ составляетъ весьма трудную задачу.» Эта діаметральная противуположность двухъ сейчасъ при-

веденныхъ рѣшеній физико-математическаго факультета даетъ поводъ къ тому заключенію, что рѣшеніе имъ вопроса о возможности возложить на одно лицо преподаваніе и агрономической химіи и агрономіи не находитъ себѣ основанія вслѣдствіе именно того, что въ нашемъ университетѣ нѣтъ профессора агрономіи, какъ дѣйствительно компетентнаго судьи въ рѣшеніи такого вопроса. 2) Университеты петербургскій и кіевскій имѣютъ одного только профессора агрономіи и не имѣютъ особаго преподавателя агрономической химіи; между тѣмъ на профессорѣ агрономіи необходимо лежитъ обязанность въ томъ, чтобы студенты были знакомы съ агрономической химіей, такъ какъ, по мнѣнію нашего же физико-математическаго факультета (15 ст. прот. зас. совѣта 20-го января 1872 г.), агрономія можетъ быть излагаема въ университетѣ не иначе какъ практическое приложеніе агрономической химіи и изложеніе агрономіи въ иной формѣ низводитъ этотъ предметъ университетскаго преподаванія въ область чистаго эмпиризма. Но, конечно, нѣтъ никакого основанія предполагать, что въ вышеупомянутыхъ университетахъ, въ которыхъ есть каѳедра агрономіи и нѣтъ особаго преподавателя агрономической химіи,—изложеніе агрономіи было бы таково, что низводитъ этотъ предметъ университетскаго преподаванія въ область чистаго эмпиризма, а потому, безъ сомнѣнія, въ этихъ университетахъ, агрономія также излагается, какъ практическое приложеніе агрономической химіи и въ нихъ, слѣдовательно, одинъ и тотъ же профессоръ агрономіи преподаетъ агрономію и вмѣстѣ съ тѣмъ знакомитъ студентовъ съ агрономическою химіею, показывая имъ ближайшее отношеніе химіи къ агрономіи. 3) На нашемъ физико-математическомъ факультетѣ существуетъ отдѣленіе техническихъ

наукъ и агрономія, — и агрономія вовсе не читается, а читается только агрономическая химія на одномъ только третьемъ курсѣ по три лекціи въ недѣлю; — столько же въ недѣлю лекцій агрономіи на четвертомъ курсѣ дало бы возможность студентамъ этого курса прослушать хотя главнѣйшую и для новороссійскаго края важнѣйшую часть агрономіи — земледѣліе, чѣмъ, хотя нѣсколько, восполнился бы пробѣлъ, существующій на отдѣленіи техническихъ наукъ и агрономіи и состоящій въ томъ, что студенты 4-го курса этого отдѣленія имѣютъ число лекцій, недостаточное для избранной ими спеціальности. — На самомъ дѣлѣ, кромѣ лекцій, общихъ съ студентами отдѣленія естественныхъ наукъ, студенты 4-го курса отдѣленія техническихъ наукъ и агрономіи имѣютъ только двѣ недѣльныя лекціи технической химіи, спеціально для нихъ назначенныя; между тѣмъ какъ на 4-мъ курсѣ и должны быть преимущественно сосредоточены занятія студентовъ по избранной ими спеціальности. По шести въ недѣлю лекцій было бы достаточно для преподаванія и агрономической химіи и агрономіи, если только эти шесть лекцій распредѣлить такъ: 1) на 2-мъ курсѣ читать три лекціи агрономической химіи, причисливъ этотъ предметъ къ общимъ факультетскимъ, каковымъ агрономическая химія и считалась нашимъ физико-математическимъ факультетомъ въ 1868 — 69 академическомъ году; 2) три же лекціи агрономіи сдѣлать совмѣстными для 3-го и 4-го курсовъ, тогда три недѣльныя совмѣстныя лекціи 3-го и 4-го курсовъ равнозначущи съ шестью недѣльными лекціями одного курса, а такое число недѣльныхъ лекцій для преподаванія агрономіи въ объемѣ университетскаго курса считается достаточнымъ физико-математическимъ факуль-

тетомъ петербургскаго университета, гдѣ агрономическая специализація имѣетъ надлежащее развитіе (прот. засѣд. петербург. университета, № 6-й 1873 г., стр. 116-я). Такимъ образомъ, профессоръ агрономіи каждогодно читалъ бы только три недѣльныхъ лекціи агрономіи 3-му и 4-му курсамъ совмѣстно, да еще на 2-мъ курсѣ три лекціи агрономической химіи, — всего шесть недѣльныхъ лекцій, а такое число лекцій можетъ читать одинъ даже такой профессоръ, который имѣетъ практическія занятія съ студентами. И такъ, относительно возможности сосредоточить въ одномъ лицѣ преподаваніе агрономіи и агрономической химіи въ объемѣ университетскаго курса, — изъ двухъ вышеприведенныхъ, діаметрально-противуположныхъ рѣшеній нашего физико-математическаго факультета, — первое совершенно справедливо, а второе, какъ діаметрально-противуположное первому, уже никакъ не можетъ быть принято въ основаніе рѣшенія о замѣнѣ каѳедры агрономической химіи каѳедрой агрономіи. Эта замѣна вызывается тѣмъ обстоятельствомъ, что не предвидится успѣха въ ходатайствѣ совѣта о томъ, чтобы, при существованіи у насъ въ настоящее время отдѣльной каѳедры агрономической химіи, имѣть также и *особую каѳедру агрономіи.* Между тѣмъ, нижеслѣдующія два данныя показываютъ, какъ въ настоящее время необходима каѳедра агрономіи въ нашемъ университетѣ, гдѣ, вотъ уже пятый годъ, существуетъ разрядъ техническихъ наукъ и агрономіи, а агрономія—то и не читалась и до сихъ поръ все еще не читается. А) Въ существующій у насъ разрядъ техническихъ наукъ и агрономіи входятъ слѣдующіе предметы главные: 1) агрономія или агрономическая химія, 2) технологія или техническая химія, 3) опытная химія и 4) опытная физика;

предметы вспомогательные: 1) техническая механика, 2) физическая географія, 3) зоологія, 4) ботаника, и 5) минералогія и геогнозія (7-я ст. протокола засѣданія совѣта 11-го мая 1866 года). Въ объясненіе того, что въ приведенномъ росписаніи предметовъ назначено читать только агрономію или агрономическую химію, — имѣю честь представить вниманію совѣта *указаніе* г. министра народнаго просвѣщенія, заключающееся въ предложеніи его отъ 15-го апрѣля 1870 года за № 1400 (7-я ст. протокола засѣданій совѣта 30-го мая 1870 года) въ слѣдующемъ объясненіи: «все, что можетъ сдѣлать физико-математическій факультетъ новороссійскаго университета, на основаніи существующихъ постановленій, это — подраздѣлить отдѣленіе техническихъ наукъ и агрономіи на двѣ спеціальности, *техническую* и *агрономическую*, распредѣливъ, согласно тому и на основаніи вышеупомянутаго постановленія министерства народнаго просвѣщенія, предметы общіе или основные и спеціальные». На основаніи этого указанія г. министра, въ существующемъ у насъ отдѣленіи техническихъ наукъ и агрономіи и имѣютъ мѣсто двѣ отдѣльныя, самостоятельныя спеціальности: *агрономическая* и *техническая*, или, по крайней мѣрѣ, одна изъ нихъ должна имѣть надлежащее развитіе; и, очевидно, для первой необходима *агрономія*, а для второй, — при чтеніи только агрономической химіи безъ преподаванія агрономіи, — необходимы: *техническая химія* или *технологія и техническая механика*. Если теперь принять во вниманіе слѣдующія три обстоятельства: 1) что на нашемъ физико-математическомъ факультетѣ нѣтъ особаго профессора технической химіи, а чтеніе ея только поручается стороннему преподавателю, профессору химіи А. А. Вериго; 2) что техническая механика н

только вовсе не читается, но на физико-математическомъ факультетѣ не былъ даже и поднимаемъ вопросъ о необходимости преподаванія этого предмета на отдѣленіи техническихъ наукъ и агрономіи; и 3) что совѣтъ, на основаніи представленія физико-математическаго факультета, неоднократно ходатайствовалъ о преобразованіи разряда техническихъ наукъ и агрономіи въ разрядъ чисто *агрономическій* (а, 13-я ст. протокола засѣданій совѣта 17-го ноября 1869 года, б, 5-я ст. протокола засѣданій совѣта 27-го апрѣля 1870 года, в, 13-я ст. протокола засѣданій совѣта 18-го января 1871 года, г, 14-я ст. протокола засѣданій совѣта 20-го января 1872 года),—то эти три обстоятельства указываютъ на то, что и совѣтомъ и физико-математическимъ факультетомъ признавалось необходимымъ, чтобы на существующемъ у насъ отдѣленіи техническихъ наукъ и агрономіи надлежащее развитіе имѣла *спеціальность агрономическая*, а для надлежащаго развитія этой спеціальности каѳедра агрономіи — conditio sine qua non. Б) Изъ химической лабораторіи петербургскаго университета, гдѣ нѣтъ отдѣльной каѳедры агрономической химіи, вышло 8 работъ анализа почвъ и подпочвъ губерній петербургской, московской, смоленской и симбирской; 4 анализа овса тѣхъ же губерній, 4 работы четырехъ минеральныхъ удобреній: суперфосфата, жженой кости, поташа и сѣрнокислаго натрія. Всѣ эти 16 работъ были сдѣланы съ надлежащею провѣркою, потому что каждое опредѣленіе было производимо совершенно независимо двумя наблюдателями; всѣ эти работы напечатаны въ трудахъ втораго съѣзда русскихъ естествоиспытателей въ Москвѣ 1870 года, между тѣмъ какъ изъ агрономической лабораторіи нашего университета, гдѣ каѳедра агрономической химіи существуетъ уже 6-й годъ, не

вышло въ свѣтъ ни одной работы подобнаго рода. Такой фактъ показываетъ, что въ университетахъ, гдѣ химія преподается во всей подробности, и гдѣ для студентовъ имѣется полная возможность заниматься въ лабораторіяхъ анализомъ тѣхъ или другихъ веществъ, близкихъ избранной ими съ 3-го курса спеціальности,—весьма возможно обойтись безъ отдѣльной каѳедры агрономической химіи, а для агрономической спеціальности болѣе желательно, чтобы въ составѣ профессоровъ физико-математическаго факультета находился профессоръ агрономіи, какъ это и имѣетъ мѣсто въ другихъ университетахъ, и въ нихъ, какъ напримѣръ въ петербургскомъ, агрономическая спеціализація состоитъ въ томъ, что студенты, желающіе посвятить себя этой спеціальности съ 3-го курса, занимаются преимущественно агрономіей и ботаникой. Подобная агрономическая спеціализація, основанная на нынѣ существующихъ постановленіяхъ, можетъ содѣйствовать и дѣйствительно содѣйствуетъ распространенію раціональныхъ и серьозныхъ агрономическихъ знаній, какъ доказательствомъ тому служитъ петербургскій университетъ; агрономическая же спеціализація, безъ преподаванія агрономіи, не можетъ имѣть надлежащаго развитія, потому что агрономическая химія одна сама по себѣ составляетъ лишь научную основу для построенія раціональной практической агрономіи, а успѣшное развитіе каждой науки обусловливается именно тѣмъ, чтобы, при преподаваніи ея, имѣло мѣсто не только теоретическое ея изложеніе, но и практическое его приложеніе. Такъ, еслибы въ университетѣ введена была астрономическая спеціализація, состоящая въ томъ, чтобы студенты, посвятившіе себя этой спеціальности съ 3-го курса, занимались преимущественно астрономіей, анализомъ и аналитической механикой,

то астрономическая спеціализація была бы, конечно, не полная и не приносила бы никакой пользы, еслибы при устройствѣ ея студенты не слушали практической астрономіи; точно также и агрономическая спеціализація будетъ далеко не полная и не будетъ пріобрѣтать себѣ адептовъ, если, при существованіи ея, студенты вовсе не будетъ слушать самой агрономіи; только *при каѳедрѣ агрономіи*, агрономическая спеціализація принесетъ пользу юношеству и сельскому хозяйству, доставляя молодымъ людямъ легкій переходъ отъ школы къ практической дѣятельности, а сельскимъ хозяевамъ — научно-образованныхъ агрономовъ.

Такія теоретическія и фактическія данныя приведены мною для того, чтобы доказать, что въ настоящее время каѳедра агрономіи, *независимо отъ учебной фермы*, необходима въ нашемъ университетѣ уже и потому только, что у насъ существуетъ отдѣленіе техническихъ наукъ и агрономіи, на которомъ, какъ уже признано и факультетомъ и совѣтомъ, агрономическая спеціальность должна имѣть надлежащее развитіе; такъ что каѳедра агрономіи необходима въ нашемъ университетѣ и въ томъ даже случаѣ, когда ферма перейдетъ въ общество сельскаго хозяйства. Конечно, необходимость каѳедры агрономіи увеличилась-бы еще болѣе, еслибы ферма оставалась въ вѣдѣніи университета, потому что ферма при университетѣ, безъ каѳедры агрономіи, не можетъ имѣть серьезнаго научнаго значенія; а такъ какъ не предвидится успѣха въ ходатайствѣ совѣта о томъ, чтобы, при сохраненіи каѳедры агрономической химіи, имѣть также особую каѳедру агрономіи, то и слѣдуетъ ходатайствовать о замѣнѣ каѳедры агрономической химіи каѳедрою агрономіи. Безотлагательность же такой мѣры вызывается тѣмъ состояніемъ, въ которомъ находится теперь разрядъ

техническихъ наукъ и агрономіи, въ которомъ онъ находился также при самомъ открытіи своемъ (1-я ст. протокола засѣданія совѣта 12-го мая 1869 года) и которое признано и физико-математическимъ факультетомъ и совѣтомъ *неудовлетворительнымъ*, какъ въ этомъ можно удостовѣриться изъ 5-й ст. протокола засѣданія совѣта 27-го апрѣля 1870 года. Смѣю думать, что сохраненіемъ отдѣльной каѳедры агрономической химіи, безъ каѳедры агрономіи, совѣтъ не приметъ на себя отвѣтственности въ продленіи настоящаго неудовлетворительнаго состоянія разряда техническихъ наукъ и агрономіи. Я вполнѣ увѣренъ, совѣтъ признаетъ, что продленіе такого неопредѣленнаго состоянія техническихъ наукъ и агрономіи во всѣхъ отношеніяхъ вредно, и что совѣтъ положитъ конецъ такому тягостному состоянію этого разряда — ходатайствомъ о замѣнѣ каѳедры агрономической химіи каѳедрою агрономіи, на основаніи самаго распредѣленія предметовъ разряда техническихъ наукъ и агрономіи, на основаніи вышеприведеннаго указанія г. министра, и на основаніи уже признанной и факультетомъ и совѣтомъ необходимости образованія агрономической спеціальности на существующемъ разрядѣ техническихъ наукъ и агрономіи. Вслѣдствіе-же отказа херсонскаго земства въ отпускѣ нашему университету суммы на содержаніе фермы, остается одно: войти въ министерство народнаго просвѣщенія съ представленіемъ о передачѣ фермы въ общество сельскаго хозяйства, согласно со 2-мъ пунктомъ сдѣланныхъ съ этимъ обществомъ условій на передачу, въ пользованіе, университету хутора, завѣщаннаго обществу дворяниномъ Канарскимъ (4-я ст. протокола засѣданія совѣта 11-го сентября 1867 года). Такое мнѣніе мое, представленное на благоусмотрѣніе совѣта еще 7-го февраля 1873 г.,

было-бы достаточно и теперь, еслибы совѣту было *положительно* извѣстно объ отказѣ земства новороссійскаго края и Бессарабіи въ пособіи на учрежденіе каѳедры агрономіи; но такъ какъ еще не полученъ отвѣтъ отъ новороссійскаго и бессарабскаго генералъ-губернатора на ходатайство совѣта, значущееся въ 20-й ст. протокола засѣданія совѣта 28-го марта 1873 года, то по этому самому я и считаю теперь необходимымъ представить на благоусмотрѣніе совѣта мое мнѣніе въ двухъ предложеніяхъ: 1) Если университетъ не получитъ отъ земства новороссійскаго края и Бессарабіи пособія, необходимаго на учрежденіе каѳедры агрономіи, то слѣдуетъ ходатайствовать предъ г. министромъ народнаго просвѣщенія о передачѣ фермы въ общество сельскаго хозяйства и объ учрежденіи по крайней мѣрѣ каѳедры агрономіи чрезъ замѣну ею каѳедры агрономической химіи, чѣмъ и оправдается заботливость университета о выгодахъ края, такъ какъ, кромѣ той пользы, которую доставитъ и университету и новороссійскому краю преподаваніе агрономіи, профессоръ этого предмета и сообщеніемъ агрономическихъ свѣдѣній, необходимыхъ для сельскихъ хозяевъ, и руководствомъ въ ихъ практической дѣятельности, можетъ оказать несомнѣнную услугу развитію сельскаго хозяйства въ новороссійскомъ краѣ, гдѣ нѣтъ высшаго сельско-хозяйственнаго учебнаго заведенія; 2) Если университетъ будетъ имѣть отъ земства новороссійскаго края и Бессарабіи пособіе, необходимое на учрежденіе каѳедры агрономіи, то долгъ — оправдать общественное довѣріе, а также сдѣланныя и правительствомъ и новороссійскимъ краемъ значительныя издержки требуютъ, чтобы, при возложеніи преподаванія и агрономіи и агрономической химіи на одно лицо — именно на профессора агрономіи —

ходатайствовать предъ г. министромъ народнаго просвѣщенія объ оставленіи фермы въ вѣдѣніи университета и объ обращеніи на ея содержаніе и на жалованье управляющему тѣхъ трехъ тысячъ рублей, которые теперь отпускаются на каѳедру агрономической химіи, такъ какъ, при существованіи каѳедры агрономіи, нѣтъ необходимости въ особой каѳедрѣ агрономической химіи, а вслѣдствіе неоднократнаго указанія министерствомъ на Высочайшія повелѣнія о соблюденіи строгой бережливости, было-бы совершенно безполезнымъ ходатайствовать объ ассигнованіи на содержаніе фермы особой суммы изъ казны. Такъ какъ дѣло о судьбѣ фермы должно быть представлено совѣтомъ на разрѣшеніе г. министру народнаго просвѣщенія, то, на основаніи 2 п. Высочайше утвержденныхъ правилъ о правахъ и обязанностяхъ ректора, какъ предсѣдателя совѣта, покорнѣйше прошу совѣтъ, чтобы и мнѣніе мое было также препровождено на благоусмотрѣніе г. министра, вмѣстѣ съ представленіемъ его сіятельству рѣшенія совѣта относительно вопроса о фермѣ, возникшаго вслѣдствіе отказа херсонскаго земства въ отпускѣ нашему университету суммы, необходимой на содержаніе фермы».

C). Отзывъ физико-математическаго факультета по поводу мнѣнія профессора Сабинина: «физико-математическій факультетъ, въ засѣданіи своемъ 23-го января сего года, слушалъ предложеніе совѣта за № 169, въ которомъ совѣтъ просилъ факультетъ сообщить ему свое заключеніе о приложенномъ отдѣльномъ мнѣніи профессора Сабинина относительно замѣны каѳедры агрономической химіи каѳедрою агрономіи. По прочтеніи мнѣнія профессора Сабинина и прилагаемаго отдѣльнаго мнѣнія, представленнаго профессоромъ Мечниковымъ по тому-же вопросу, деканъ Вальцъ заявилъ:

а) что изъ нашего университета вышли въ свѣтъ и также производятся работы, касающіяся агрономической спеціальности, именно: 1) подробные анализы винъ, бывшихъ на выставкѣ, учрежденной обществомъ сельскаго хозяйства южной Россіи; 2) готова къ напечатанію работа г. Дородницына: анализъ почвы университетской фермы; 3) въ настоящее время г. Куделинъ производитъ изслѣдованіе надъ 115 образцами почвъ изъ различныхъ мѣстъ херсонской губерніи; 4) студентъ Шельтинга занимается изслѣдованіемъ вліянія мѣднаго купороса на проростаніе пшеницы, т. е. повторяетъ опыты Ноббе и Кюне, пришедшихъ къ разногласнымъ результатамъ; 5) изъ нашего университета вышелъ г. Боровскій, заявившій себя весьма почтеннымъ трудомъ «о состояніи сельскаго хозяйства въ Венгріи»; б) на основаніи знакомства съ работами и личнаго знакомства съ профессоромъ Совѣтовымъ, профессоръ Вальцъ не можетъ сомнѣваться въ томъ, что въ петербургскомъ университетѣ вполнѣ раціонально и строго-научно излагается агрономія и успѣхъ агрономіи въ томъ университетѣ, онъ, вмѣстѣ съ нимъ, приписываетъ тому, что въ числѣ преподавателей другихъ предметовъ есть лица, живо интересующіяся вопросами сельскаго хозяйства, а именно профессоръ Менделѣевъ, подъ руководствомъ котораго произведены многія работы по агрономической химіи, и профессоръ Бутлеровъ, извѣстнѣйшій русскій спеціалистъ по пчеловодству. Что-же касается до кіевскаго университета, въ которомъ профессоръ Вальцъ былъ слушателемъ, то при немъ въ этомъ университетѣ читался эмпирическій курсъ сельскаго хозяйства.—Послѣ этихъ заявленій декана Вальца, профессоръ Абашевъ высказалъ слѣдующія возраженія на мнѣніе профессора Сабинина. «Не желая утруждать факультетъ

длинными препирательствами съ г. Сабининымъ, я ограничусь лишь указаніемъ на ошибочность основныхъ положеній профессора Сабинина. 1) Г. Сабининъ длиннымъ рядомъ силлогизмовъ приходитъ къ тому, что наша ферма пришла въ разстройство потому, что у насъ нѣтъ профессора агрономіи и что не были составлены подробныя и точныя правила, которыя служили-бы управляющему фермой руководствомъ. Исторія нашей фермы представляетъ самое лучшее доказательство ошибочности перваго изъ этихъ положеній: съ основанія университета и до 1867 года у насъ не только былъ профессоръ агрономіи, но онъ даже лично завѣдывалъ фермою (за что и получалъ особое вознагражденіе). Между тѣмъ этотъ періодъ существованія фермы долженъ быть признанъ самымъ несчастнымъ: издержаны въ теченіи этого времени тысячи рублей, между тѣмъ какъ хозяйство не велось, на фермѣ не держалось ни работниковъ, ни рабочаго скота и землю обрабатывалъ крестьянинъ, пользовавшійся ея плодами, за что онъ исполнялъ обязанности сторожа. Изъ построекъ, въ этотъ періодъ возведенъ небольшой сарай для орудій, оправленъ жилой домъ и построена башня съ резервуаромъ и короткимъ водопроводомъ, который оказался негоднымъ для употребленія, хотя и былъ много разъ переправляемъ. Какого качества были пріобрѣтенія, сдѣланныя г. Палимпсестовымъ, видно изъ того, что наборъ орудій, пріобрѣтенныхъ имъ за 1200 рублей и никогда не бывшій въ употребленіи, впослѣдствіи промѣненъ тому-же торговцу на другія орудія стоимостью въ 400 рублей,—а г. Палимпсестовъ былъ профессоромъ агрономіи и лично управлялъ фермой! Столь-же ошибочно и второе положеніе г. Сабинина. Фермское хозяйство дѣло весьма сложное, въ составъ его

входятъ факторы чрезвычайно измѣнчивые, неподдающіеся никакимъ правиламъ, какъ напримѣръ состояніе погоды, появленіе вредныхъ насѣкомыхъ, болѣзни скота и т. д.; поэтому въ дѣлѣ фермскаго хозяйства все зависитъ отъ личнаго умѣнія, добросовѣстности и распорядительности управляющаго; только цѣль хозяйства должна быть точно опредѣлена, а даже планъ его можетъ быть установленъ не иначе, какъ по соглашенію съ управляющимъ, въ исполненіи-же этого плана ему должна быть предоставлена полная свобода. Контроль можетъ заключаться лишь въ томъ, что, усмотрѣвъ неспособность управляющаго вести дѣло надлежащимъ образомъ, слѣдуетъ его замѣнить другимъ лицомъ. Что-же касается до мысли приводить въ порядокъ разстроенное хозяйство посредствомъ «подробныхъ и точныхъ правилъ», то она можетъ придти въ голову лишь тому, кто не имѣетъ никакого понятія о сельскомъ хозяйствѣ. И такъ, оба эти положенія г. Сабинина совершенно ложны. 2) Далѣе, г. Сабининъ доказываетъ возможность возложить преподаваніе агрономіи и агрономической химіи на одно лицо: было-бы слишкомъ утомительно опровергать всѣ его доводы; въ общихъ и неопредѣленныхъ выраженіяхъ легко можетъ запутываться и затемняться истина; поэтому я воспользуюсь лишь тѣмъ, что г. Сабининъ въ одномъ мѣстѣ входитъ въ нѣкоторыя подробности и такимъ образомъ даетъ возможность приложить къ его разсужденію deductio ad absurdum. Онъ предполагаетъ распредѣлить преподаваніе агрономическихъ наукъ такъ: на II курсѣ читать агрономическую химію по 3 часа въ недѣлю а на III и IV—агрономію, сводно, по 3 же часа въ недѣлю, что составитъ для преподавателя 6 лекцій, а для слушателей—9 лекцій въ недѣлю; но это предположеніе неиспол-

нимо: на II-мъ курсѣ агрономическую химію читать не возможно, такъ какъ студенты еще вовсе не знакомы ни съ физіологіей питанія растеній, ни съ минералогіей и геологіей; наконецъ, даже формальное распоряженіе министерства не допускаетъ спеціализаціи преподаванія раньше какъ съ III-го курса; а если перенести чтеніе агрономической химіи на III-й курсъ, то, даже по распредѣленію г. Сабинина, оказывается, что для преподаванія агрономіи и агрономической химіи нужны 9 лекцій въ недѣлю и практическія занятія на фермѣ и въ лабораторіи, т. е. количество труда почти вдвое больше того, какое совѣтъ призналъ за норму для ординарнаго профессора. И такъ, собственныя предположенія г. Сабинина приводятъ, если исправить сдѣланную имъ очевидную и грубую ошибку, къ выводу, совершенно противуположному тому, который онъ защищаетъ. 3) Столь-же не вѣрно утвержденіе г. Сабинина о томъ, что мнѣніе факультета по этому предмету бездоказательно; въ послѣднемъ опредѣленіи факультета сказано, что факультетъ считаетъ безполезнымъ распространяться объ этомъ предметѣ, такъ какъ для всякаго, кто знакомъ хотя поверхностно съ современными курсами агрономіи и агрономической химіи, это очевидно; бездоказательно это можетъ казаться только для того, кто не имѣетъ даже поверхностнаго знакомства съ современными курсами агрономіи и агрономической химіи; но такому лицу, вмѣсто того, чтобы оспаривать мнѣніе факультета, слѣдуетъ «хотя поверхностно ознакомиться съ современными курсами агрономіи и агрономической химіи», и тогда оно тотчасъ убѣдится въ вѣрности мнѣнія факультета, какъ это доказываетъ и выводъ, сдѣланный мною изъ собственныхъ предположеній г. Сабинина. 4) Желая доказать безполезность каѳедры

агрономической химіи и пользу каѳерды агрономіи, г. Сабининъ говоритъ, что изъ химической лабораторіи петербургскаго университета вышло въ свѣтъ значительное число работъ по агрономической химіи, а изъ нашего университета не вышло ни одной подобной. Укажу, вопервыхъ, на логическую непослѣдовательность, выказанную здѣсь г. Сабининымъ; чтобы доказать пользу преподаванія агрономіи безъ агрономической химіи, ему слѣдовало указать не на агрономическія работы, сдѣланныя въ химической лабораторіи, а на агрономическія работы, произведенныя подъ руководствомъ профессоровъ агрономіи; этотъ предметъ преподается во всѣхъ нашихъ университетахъ, въ томъ видѣ какъ желаетъ этого г. Сабининъ, уже почти 40 лѣтъ, и хотя въ числѣ преподавателей этого предмета были и есть весьма достойныя лица, а потому слѣдовало ожидать, что образовалась масса ученыхъ агрономовъ, что произведена масса работъ по агрономіи, — между тѣмъ, ничего этого нѣтъ и единственныя работы по этому предмету, на которыя указываетъ г. Сабининъ, вышли изъ химической лабораторіи. Не есть-ли это самое лучшее доказательство нецѣлесообразности преподаванія агрономіи такъ, какъ это имѣло мѣсто до сихъ поръ? Какъ на доказательство того, что всѣ наши университеты на это именно такъ смотрятъ,— я укажу на то обстоятельство, что со времени утвержденія новаго устава ни одна, сдѣлавшаяся вакантною, каѳедра агрономіи не была замѣщена профессоромъ агрономіи и что вездѣ онѣ, по мѣрѣ возможности, замѣщаются профессорами агрономической химіи. 5) Профессоръ Сабининъ упрекаетъ факультетъ въ томъ, что онъ по одному и тому-же вопросу представилъ два рѣшенія, діаметрально противуположныя; именно: въ засѣданіи 19-го декабря 1870 года постанов-

лено: «факультетъ, соглашаясь съ мнѣніемъ профессора Абашева, нашелъ нужнымъ добавить къ оному, что преподаваніе агрономіи и агрономической химіи должно быть сосредоточено въ одномъ штатномъ преподавателѣ, какъ при временномъ, такъ и при нормальномъ штатѣ, не исключая возможности имѣть для этого сверхштатнаго преподавателя»; а второе рѣшеніе, содержащееся въ 15-й ст. протокола засѣданія совѣта 20-го января 1872 года, было слѣдующее: «что касается до предположенія о возложеніи на одно лицо преподаванія агрономіи и агрономической химіи, то факультетъ считаетъ безполезнымъ объ этомъ распространяться, такъ какъ, при самомъ поверхностномъ даже знакомствѣ съ современными курсами агрономіи и агрономической химіи, для всякаго очевидно, что изложеніе обоихъ предметовъ, въ размѣрахъ сообразныхъ съ уровнемъ университетскаго преподаванія, не только превосходитъ силы одного лица, но даже и для двухъ составляетъ весьма трудную задачу». Этотъ упрекъ факультету лишенъ всякаго основанія: въ первомъ опредѣленіи факультета вовсе не было рѣчи по вопросу о возложеніи преподаванія агрономіи и агрономической химіи на одно лицо; рѣшался лишь вопросъ о числѣ штатныхъ преподавателей, которые могутъ быть назначены для преподаванія агрономическихъ наукъ; это видно какъ изъ того, что въ рѣшеніи факультета сказано, что преподаваніе агрономіи и агрономической химіи должно быть сосредоточено въ лицѣ одного штатнаго преподавателя, не исключая при этомъ возможности имѣть сверхштатныхъ преподавателей, такъ и изъ того, что при распредѣленіи предметовъ, которое имѣлось при этомъ въ виду, назначено было читать агрономію или агрономическую химію. Изъ этого видно, что упрекъ, сдѣланный факультету профессоромъ

Сабининымъ, не имѣетъ никакого основанія: факультетъ никогда не измѣнялъ своего мнѣнія по этому предмету, а измѣнилъ свое мнѣніе одинъ профессоръ Сабининъ, который со всѣми упомянутыми рѣшеніями факультета соглашался, а теперь оспариваетъ ихъ правильность. Такимъ образомъ, такъ какъ фактическія основанія, на которыхъ основано мнѣніе профессора Сабинина, оказываются ошибочными, то нѣтъ надобности опровергать конечные его выводы». Противъ перваго пункта возраженія профессора Абашева, профессоръ Сабининъ возразилъ тѣмъ, что самъ профессоръ Абашевъ (5-я ст. протокола засѣданія совѣта 27-го апрѣля 1870 года) признаетъ, что учебная ферма, при отсутствіи преподаванія агрономіи, составляетъ безполезную принадлежность факультета, а тѣмъ самымъ признаетъ необходимость того, чтобы ферма была подъ вѣдѣніемъ профессора агрономіи; такое положеніе профессора Абашева находится прямо въ противорѣчіи съ тѣмъ, что сказано имъ въ первомъ пунктѣ его возраженія противъ мнѣнія профессора Сабинина. Въ отвѣтъ на то, что, какъ профессоръ Абашевъ говоритъ, мысль приводить въ порядокъ разстроенное хозяйство посредствомъ подробныхъ и точныхъ правилъ можетъ придти въ голову тому, кто не имѣетъ никакого понятія о сельскомъ хозяйствѣ, — профессоръ Сабининъ считаетъ достаточнымъ указать на то, что факультетомъ и совѣтомъ было постановлено составить подробныя правила веденія сельскаго хозяйства и что противъ этого постановленія профессоръ Абашевъ не дѣлалъ никакихъ возраженій. Противъ втораго пункта возраженія профессора Абашева, профессоръ Сабининъ обращаетъ вниманіе факультета на то, что петровскою академіей принимается студентомъ каждый, имѣющій точно такія-же познанія,

какія требуются отъ студента университета, а между тѣмъ въ петровской академіи агрономическая химія читается только на одномъ II курсѣ,—слѣдовательно предложеніе о чтеніи агрономической химіи на одномъ только II курсѣ не имѣетъ той очевидной и грубой ошибки, которую предполагаетъ въ этомъ предложеніи профессоръ Абашевъ. Противъ третьяго пункта можно сказать только одно, что отъ поверхностнаго знакомства съ какимъ-бы то ни было предметомъ трудно ожидать что нибудь основательное. Противъ четвертаго пункта профессоръ Сабининъ дѣлаетъ возраженіе состоящее въ томъ, что онъ не доказываетъ пользы преподаванія агрономіи безъ агрономической химіи, — это неправда; профессоръ Сабининъ доказываетъ только то, что въ университетахъ, гдѣ химія читается во всей подробности, вовсе можно обойтись безъ отдѣльной каѳедры агрономической химіи, и говоритъ, что доказательствомъ этого положенія самымъ нагляднымъ образомъ можетъ служить устройство агрономической спеціализаціи въ петербургскомъ университетѣ. Противъ пятаго пункта профессоръ Сабининъ считаетъ нужнымъ возразить слѣдующее: изъ протокола факультета, въ которомъ состоялось его рѣшеніе о томъ, что преподаваніе агрономіи и агрономической химіи должно быть сосредоточено въ одномъ штатномъ преподавателѣ, нисколько не слѣдуетъ ни того, чтобы въ этомъ засѣданіи факультета рѣшался вопросъ о числѣ штатныхъ преподавателей, ни того, чтобы при этомъ рѣшеніи факультета имѣлось въ виду то распредѣленіе предметовъ на которое указываетъ профессоръ Абашевъ, а, напротивъ, прямо видно, что рѣчь шла о возложеніи преподаванія агрономіи и агрономической химіи на одно лицо, такъ какъ въ протоколѣ сказано, что такое постановленіе факультета про-

фессоръ Абашевъ находитъ противузаконнымъ. Еслибы указанное рѣшеніе факультета имѣло тотъ смыслъ, что невозможно возложеніе на одно лицо преподаванія агрономіи и агрономической химіи, то на какомъ-же основаніи профессоръ Абашевъ находитъ его противузаконнымъ? Послѣ этого для каждаго понятно, на чьей сторонѣ истина, на сторонѣ профессора Сабинина, или на сторонѣ профессора Абашева, и какое значеніе имѣетъ то заявленіе г. Абашева, что факультетъ никогда не измѣнялъ своего мнѣнія, а измѣнилъ мнѣніе только профессоръ Сабининъ. Притомъ, профессоръ Сабининъ вовсе не думалъ дѣлать упрекъ факультету: этотъ упрекъ навязанъ ему профессоромъ Абашевымъ. Затѣмъ, профессоръ Абашевъ заявилъ, что отвѣтныя замѣчанія г. Сабинина нисколько не опровергаютъ его возраженій и потому онъ считаетъ излишнимъ возражать на нихъ. Послѣ изложенныхъ преній, деканъ, вслѣдствіе предложенія нѣсколькихъ членовъ факультета — отложить рѣшеніе разсматриваемаго вопроса до слѣдующаго засѣданія, предложилъ на голосованіе вопросъ: отложить-ли рѣшеніе разсматриваемаго вопроса до слѣдующаго засѣданія или нѣтъ? большинствомъ 9-ти голосовъ противъ 3-хъ — опредѣлено: не откладывать. Вслѣдъ затѣмъ деканомъ былъ подверженъ голосованію второй вопросъ: согласенъ-ли факультетъ на баллотировку вопроса въ слѣдующей редакціи: возможно-ли возложить преподаваніе агрономіи и агрономической химіи на одно лицо; опредѣлено: принять эту редакцію съ объясненіемъ декана, что подъ словомъ возложить онъ разумѣетъ право требовать преподаванія агрономической химіи и агрономіи отъ одного лица; при произведенномъ голосованіи 10 голосовъ отвѣчали, что невозможно, а два голоса (проф. Ярошенко и Шведовъ), что

возможно; при чемъ проф. Шведовъ и Сабининъ заявили, что они желаютъ выразить особое мнѣніе по этому вопросу; профессоръ Шведовъ замѣтилъ, что въ разъясненіи, высказанномъ деканомъ, возможность понимается въ смыслѣ права, а права факультета опредѣляются уставомъ, почему на постановленный вопросъ возможенъ одинъ только отвѣтъ; профессоръ Сабининъ заявилъ, что въ отвѣтъ на предложенный деканомъ вопросъ онъ подалъ голосъ: нѣтъ, но что эта подача его голоса не находится въ противорѣчіи съ тѣмъ, что онъ высказалъ въ своемъ особенномъ мнѣніи, гдѣ онъ разумѣлъ подъ возможностью возложить на одно лицо преподаваніе агрономіи и агрономической химіи не право факультета, а возможность выполненія однимъ лицомъ преподаванія агрономіи и агрономической химіи. Въ заключеніе деканъ постановилъ вопросъ: слѣдуетъ-ли ходатайствовать о замѣнѣ каѳедры агрономической химіи каѳедрою агрономіи; при произведенномъ голосованіи 11 членовъ отвѣтили, что не слѣдуетъ, и 1 членъ (профессоръ Сабининъ) — что слѣдуетъ. При семъ прилагается отвѣтъ профессора Сабинина на возраженіе профессора Мечникова». Мнѣніе профессора Мечникова, разсматривавшееся въ засѣданіи факультета 23-го января: «не имѣя возможности явиться сегодня въ факультетское засѣданіе, считаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о мнѣніи профессора Сабинина, переданномъ факультету. Замѣна агрономической химіи агрономіей въ настоящее время немыслима по слѣдующимъ двумъ причинамъ. Вопервыхъ, потому, что агрономическая химія, какъ предметъ несравненно болѣе научный чѣмъ агрономія, болѣе соотвѣтствуетъ существеннымъ нуждамъ университета; во вторыхъ-же, потому, что для преподаванія агрономической химіи у насъ уже суще-

ствуетъ лицо, обладающее и научными свѣдѣніями, и преподавательскимъ опытомъ; для каѳедры-же агрономіи подобнаго лица нѣтъ и не имѣется въ виду. Говоря объ этомъ предметѣ, я не могу скрыть своего удивленія по поводу того, что г. Сабининъ нигдѣ не касается вопроса о самомъ преподаваніи и преподавателяхъ разсматриваемыхъ наукъ, хотя ему должно быть хорошо извѣстно, что это вопросъ первостепенной важности, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда каѳедра, предлагаемая къ уничтоженію, замѣщена, а на ту, которую предлагаютъ открыть, не имѣется въ виду ни одного кандидата. Въ дополненіе къ сказанному, считаю нужнымъ замѣтить слѣдующее: харьковскій университетъ ходатайствовалъ недавно *о замѣнѣ* (вакантной, а не замѣщенной преподавателемъ) *каѳедры агрономіи* каѳедрой физіологіи животныхъ; въ виду-же послѣдовавшаго со стороны министерства отказа, онъ счелъ болѣе удобнымъ искать не агронома, а химика, для преподаванія сельско-хозяйственной химіи. Въ представленіи профессора Сабинина сказано много справедливаго о неудовлетворительномъ состояніи нынѣшняго техникo-агрономическаго отдѣленія, но высказанныя имъ затрудненія несравненно легче устраняются закрытіемъ отдѣленія и передачей фермы обществу сельскаго хозяйства, чѣмъ замѣной каѳедръ». Отвѣтъ профессора Сабинина на вышеозначенное мнѣніе профессора Мечникова: «на то, что профессоръ Мечниковъ письменно возразилъ противъ моего особаго мнѣнія, переданнаго въ факультетъ, считаю долгомъ дать слѣдующій отвѣтъ. Въ доказательство того, что замѣна каѳедры агрономической химіи каѳедрой агрономіи въ настоящее время немыслима, профессоръ Мечниковъ приводитъ два мотива: 1) агрономическая химія, какъ предметъ не-

сравненно болѣе научный, чѣмъ агрономія, болѣе соотвѣтствуетъ существеннымъ нуждамъ университета; 2) для преподаванія агрономической химіи у насъ уже существуетъ лицо, обладающее и научными свѣдѣніями и преподавательскимъ опытомъ, для каѳедры-же агрономіи подобнаго лица нѣтъ и не имѣется въ виду. На первый мотивъ г. Мечникова отвѣчу лишь тѣмъ, что раціональная практическая агрономія точно такой-же научный предметъ, какъ и агрономическая химія; да притомъ и преподаваніе раціональной практической агрономіи въ университетѣ немыслимо безъ знакомства студентовъ съ агрономической химіей. Относительно втораго мотива г. Мечникова, я полагаю, что, при разсужденіяхъ о предметахъ преподаванія, — весьма натурально не предметы приспособлять къ преподавателямъ, а, гдѣ возможно, преподавателей къ предметамъ; а что занятіе каѳедры агрономіи профессоромъ агрономической химіи возможно, доказывается постановленіемъ совѣта г. министра, выраженнымъ въ предложеніи его сіятельства отъ 18-го января 1869 года за № 555 (7-я ст. протокола засѣданія совѣта 3-го февраля 1869 года), по которому профессоръ агрономической химіи можетъ занять каѳедру агрономіи. Вслѣдствіе этого постановленія совѣта министра нѣтъ препятствія для г. Абашева къ переходу съ каѳедры агрономической химіи на каѳедру агрономіи, еслибы и состоялась предлагаемая мною замѣна первой каѳедры второю. Предположеніе-же объ отказѣ на этотъ переходъ со стороны г. Абашева я считалъ невозможнымъ, такъ какъ такой отказъ былъ-бы равнозначущъ съ равнодушіемъ къ пользамъ края, между тѣмъ какъ, при каждомъ ходатайствѣ о преобразованіи отдѣленія техническихъ наукъ и агрономіи въ разрядъ чисто-агрономическій, г. Абашевъ

выражалъ столько сочувствія къ пользамъ края, что не оставалось никакого сомнѣнія въ томъ, что для осуществленія ихъ г. Абашевъ готовъ на всякую жертву, для перехода-же съ каѳедры агрономической химіи на каѳедру агрономіи не представляется никакой особенной жертвы для профессора агрономической химіи; дѣйствительно, если, какъ заявилъ письменно профессоръ Вальцъ, профессоръ агрономической химіи, г. Бутлеровъ, считается извѣстнымъ спеціалистомъ по пчеловодству, то для профессора агрономической химіи не составляетъ затрудненія принять на себя преподаваніе агрономіи. Говоря объ этомъ единственно только по поводу того, что профессоръ Мечниковъ считалъ не лишнимъ возразить письменно противъ моего особаго мнѣнія, переданнаго въ факультетъ, — я, съ своей стороны, не могу также не выразить того, что удивленіе г. Мечникова не имѣетъ никакого основанія, такъ какъ въ моемъ особомъ мнѣніи, переданномъ въ факультетъ, указана прямо и точно цѣль моего предложенія о замѣнѣ каѳедры агрономической химіи каѳедрою агрономіи; эта цѣль — та, чтобы, не только словомъ, но и дѣломъ оказать, по мѣрѣ возможности, пользу для края и тѣмъ самымъ оправдать общественное довѣріе къ нашему университету, а такая цѣль, я увѣренъ, заслуживаетъ не удивленія, а полнаго сочувствія; способъ-же достиженія цѣли моего предложенія о замѣнѣ каѳедры агрономической химіи каѳедрой агрономіи я предоставлялъ самому профессору агрономической химіи, факультету и совѣту, чтó и подтверждается именно тѣмъ, что я въ моемъ особомъ мнѣніи нигдѣ не касался вопроса о преподавателяхъ агрономіи; я полагаю, что и въ этомъ также нѣтъ ничего удивительнаго».

При обсужденіи данныхъ, заключающихся въ выше-

изложенныхъ бумагахъ, профессоръ Сабининъ сдѣлалъ еще дополнительное объясненіе изложенное такъ: «въ подтвержденіе того, что сказано о судьбѣ фермы въ моемъ особомъ мнѣніи, обсуждавшемся, по предложенію совѣта, въ засѣданіи физико-математическаго факультета 23-го января 1874 года, — я считаю своимъ долгомъ привести слѣдующее данное. Въ предложеніи г. министра народнаго просвѣщенія отъ 17-го мая 1871 года есть *указаніе* на то, что существованіе университетской фермы представляется не имѣющимъ серьознаго научнаго значенія безъ преподаванія сельскаго хозяйства (14 ст. протокола засѣданія совѣта 31-го мая 1871 года). Поставляя себѣ въ непремѣнную обязанность руководствоваться этимъ справедливымъ *указаніемъ г. министра*, я нахожу необходимымъ оставаться при томъ мнѣніи, что, безъ учрежденія каѳедры агрономіи, ферму слѣдуетъ передать въ общество сельскаго хозяйства, такъ какъ, по приведенному мною *указанію г. министра*, университетская ферма, безъ преподаванія агрономіи, не можетъ быть *учебной*, между тѣмъ какъ условіе, на которомъ Высочайше утверждена передача хутора дворянина Канарскаго обществомъ сельскаго хозяйства въ безплатное пользованіе нашему университету, и состоитъ именно въ томъ, чтобы на этомъ хуторѣ была *учебная* сельско-хозяйственная ферма (4-я ст. протокола засѣданія совѣта 11-го сентября 1867 года)».

Когда пренія достаточно выяснили невозможность дальнѣйшаго содержанія фермы сообразно ея назначенію, какъ одного изъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій университета, постановленъ былъ вопросъ: передать-ли ферму въ общество сельскаго хозяйства южной Россіи, или удержать при университетѣ, въ надеждѣ на лучшія условія въ буду

щемъ? 16-ть голосовъ поданы за передачу (гг. Цитовичъ, Синцовъ, Ярошенко, Некрасовъ, Патлаевскій, Ягичъ, Сѣченовъ, Мечниковъ, Шведовъ, Вольскій, Беркевичъ, Сабининъ, Юргевичъ, Григоровичъ, Кудрявцевъ, Богдановскій) 7 за удержаніе (гг. Павловъ, Головкинскій, Абашевъ, Карастелевъ, Вальцъ и ректоръ), а два члена (гг. Куницынъ и Смирновъ) подали условное мнѣніе: передать, если у университета нѣтъ средствъ къ содержанію, и удержать, если средства есть.

Далѣе поставленъ былъ возбужденный профессоромъ Сабининымъ вопросъ о замѣнѣ каѳедры агрономической химіи каѳедрою агрономіи. Передъ голосованіемъ г. Сабининъ сдѣлалъ слѣдующее заявленіе: «въ засѣданіи физикоматематическаго факультета 23-го января 1874 года, при обсужденіи моего особаго мнѣнія, профессоръ Абашевъ сдѣлалъ письменное заявленіе о томъ, что, со времени введенія устава 1863 года, въ университетахъ вакантная каѳедра агрономіи, по мѣрѣ возможности, замѣщается каѳедрою не агрономіи, а агрономической химіи. Въ томъ предположеніи, что профессоръ Абашевъ основывалъ свое заявленіе на фактахъ, я не позволилъ себѣ въ упомянутомъ засѣданіи факультета возражать противъ заявленія г. Абашева, такъ какъ, притомъ, я и не имѣлъ данныхъ. Но только что во вторникъ, 29-го января 1874 года, я узналъ о фактѣ, который заставляетъ сомнѣваться въ справедливости приведеннаго мною заявленія профессора Абашева, а именно: *на вакантную каѳедру агрономіи* харьковскій университетъ приглашаетъ, по конкурсу, *занять каѳедру* не агрономической химіи, а *агрономіи*. Кромѣ одного только нашего университета, въ которомъ каѳедра агрономической химіи занята г. Абашевымъ,—ни въ какомъ другомъ уни-

верситетѣ не была замѣщена вакантная каѳедра агрономіи каѳедрой агрономической химіи».

Въ результатѣ голословія оказалось, что за замѣну высказались лишь двое: профессоръ Сабининъ и профессоръ Куницынъ, подавшій голосъ въ такой формѣ: замѣнить, если профессоръ Абашевъ согласиться взять на себя преподаваніе агрономіи. *Опредѣлили:* согласно мнѣнію большинства, передать Императорскому обществу сельскаго хозяйства южной Россіи ту часть фермы, которая была уступлена обществомъ въ пользованіе университета. Предварительно-же приведенія этого рѣшенія въ исполненіе, представить, чрезъ г. попечителя, министру народнаго просвѣщенія.

Засѣданіе 2-го марта.

Присутствовали 23 профессора.

Слушали:

Предложенія г. попечителя одесскаго учебнаго округа

2. Отъ 21-го января за № 315-мъ объ изъявлені Высочайшей благодарности за вѣрноподданническія чувства выраженныя во всеподданнѣйшемъ поздравленіи по случа бракосочетанія Великой Княжны Маріи Александровны с Герцогомъ Эдинбургскимъ. *Опредѣлили:* записать въ про токолъ.

3. а) Отъ 23-го января за № 395 о томъ, что министръ народнаго просвѣщенія не находитъ возможным

назначить г. Срединскому стипендію изъ суммъ министерства; и

б) Представленіе физико-математическаго факультета объ оставленіи г. Срединскаго еще на одинъ годъ при университетѣ, безъ стипендіи. *Опредѣлили*: оставить г. Срединскаго при университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію еще на одинъ годъ, безъ содержанія.

4. Отъ того-же числа за № 396 о командированіи доцента Малинина, съ 1-го мая 1874 по сентябрь 1875 года, заграницу съ ученою цѣлію, съ добавочнымъ содержаніемъ въ количествѣ 400 р. въ годъ.

При чемъ доложено, что объ этомъ сообщено уже въ юридическій факультетъ. *Опредѣлили*: за сдѣланнымъ распоряженіемъ принять къ свѣдѣнію.

5. а) Отъ того-же числа за № 397 о томъ, что г. министръ народнаго просвѣщенія не находитъ возможнымъ ходатайствовать о заграничныхъ командировкахъ профессоровъ Ярошенка и Синцова; и

б) представленіе физико-математическаго факультета: «такъ какъ г. министръ не нашелъ возможнымъ согласиться на командированіе заграницу профессоровъ Ярошенка и Синцова, то физико-математическій факультетъ имѣетъ честь просить совѣтъ ходатайствовать о командированіи профессора Ярошенка заграницу на первое полугодіе будущаго академическаго года, т. е. съ 15-го августа 1874 по 1-е января 1875 года, присовокупляя, что въ преподаваніи отъ этого не произойдетъ никакого ущерба. Вмѣстѣ съ этимъ факультетъ ходатайствуетъ о командированіи профессора Синцова заграницу на одинъ годъ, съ 15-го августа 1874 по 15-е августа 1875 года, объясняя при этомъ, что, такъ какъ преподаваніе геологіи можетъ, безъ

ущерба для слушателей, быть перенесено на IV-й курсъ, то предметъ, преподаваемый г. Синцовымъ, никому не будетъ порученъ». *Опредѣлили*: ходатайствовать вновь, согласно представленію факультета.

6. Отъ того-же числа за № 398 объ утвержденіи магистра Кондакова въ должности доцента.

Доложено, что объ этомъ сообщено уже въ историко-филологическій факультетъ и въ правленіе университета. *Опредѣлили*: принять къ свѣдѣнію.

7. Отъ 27-го февраля за № 1192 объ отказѣ земства херсонской губерніи ассигновать сумму на учрежденіе каѳедры сельскаго хозяйства. *Опредѣлили*: увѣдомить физико-математическій факультетъ.

8. Онъ 28-го февраля за № 1299 объ освобожденіи г. министромъ народнаго просвѣщенія стипендіата Власенка, вслѣдствіе его болѣзни, отъ обязательной службы по учебному вѣдомству; при чемъ предлагается совѣту, чтобы впредь, при выборѣ кандидатовъ для отправленія заграницу на счетъ суммъ министерства, обращаемо было непремѣнно должное вниманіе на состояніе ихъ здоровья. *Опредѣлили*: принять къ свѣдѣнію и въ потребныхъ случаяхъ къ надлежащему исполненію.

9. Отъ того-же числа за № 1200 объ учрежденіи при новороссійскомъ университетѣ особой должности секретаря по студентскимъ дѣламъ. *Опредѣлили*: сообщить въ правленіе и принять мѣры къ замѣщенію должности.

10. Представленіе историко-филологическаго факультета: «историко-филологическій факультетъ симъ имѣетъ честь представить совѣту слѣдующее свое ходатайство: деканъ факультета, ординарный профессоръ Смирновъ вошелъ въ факультетъ съ представленіемъ, что въ виду готовящагося

раздѣленія, а затѣмъ и перевозки архива новороссійскаго генералъ-губернаторства, весьма желательно было бы ученое участіе членовъ факультета въ разборѣ архива, а потому и настоятельно необходимо испросить для этого участія требуемое разрѣшеніе. На это ординарный профессоръ Григоровичъ, соглашаясь съ высказаннымъ мнѣніемъ, представилъ особую записку, въ которой, указывая факультету на важность въ дѣлѣ изученія южнорусскихъ земель такого собранія документовъ, какъ архивъ новороссійскаго генералъ-губернаторства, предлагалъ факультету ходатайствовать, чрезъ посредство совѣта, объ оставленіи означеннаго архива въ Одессѣ и объ учрежденіи такимъ образомъ въ ней, по примѣру Кіева, центральнаго южнорусскаго архива. Историко-филологическій факультетъ, обсудивъ предложенныя для пользованія архивомъ мѣры, считаетъ долгомъ просить совѣтъ о ходатайствѣ, гдѣ слѣдуетъ, въ пользу учрежденія центральнаго южнорусскаго архива и въ то же время полагаетъ необходимымъ обратиться въ совѣтъ съ ходатайствомъ объ испрошеніи факультету допущенія къ разбору архива непосредственно въ настоящее время».

Въ своемъ мнѣніи о центральномъ южнорусскомъ архивѣ профессоръ Григоровичъ представилъ слѣдующія соображенія: «съ усиленіемъ изученія земли русской возникла потребность исторической ея географіи, задачи которой мало, повидимому, отвѣчая утилитарнымъ цѣлямъ, вызвали однакожъ пытливость даровитѣйшихъ тружениковъ, безкорыстно сознающихъ долгъ свой служить отечеству. Только на югѣ Россіи, гдѣ задачи эти чужды нажившимся выходцамъ, труженики встрѣчаютъ препятствія въ недоступности пособій. Таврида, бывшее Запорожье, земля бывшая славяносербская и, наконецъ, очаковская земля и Россовлахія, т.

е. Бессарабія могли бы быть предметомъ весьма желанныхъ изслѣдованій, еслибы эти пособія сосредоточены были въ одномъ мѣстѣ. Нынѣ, съ преобразованіемъ колоніальнаго управленія и канцеляріи генералъ-губернатора, нельзя не питать надежды, что милостивое правительство даруетъ южному краю учрежденіе, которымъ удостоены Кіевъ и Вильно. Оно и на югѣ учредитъ центральный архивъ, куда могутъ быть сданы всѣ дѣла городовъ южнаго края. Нельзя сомнѣваться, что эти дѣла доставятъ обильный матеріалъ для исторіи населенія южнаго края; но преимущественно географія, а съ нею и бытовыя изслѣдованія получатъ пособіе, за которое будутъ благодарить тѣ труженики, которые убѣждены, что начало исторіи русскаго народа идетъ съ юга и что безкорыстнѣйшіе подвиги въ дѣлѣ цивилизаціи совершены русскими — на югѣ». *Опредѣлили*: согласно представленію факультета просить ходатайства г. попечителя объ учрежденіи въ Одессѣ центральнаго южнорусскаго архива и о допущеніи теперь же къ разсмотрѣнію архива новороссійскаго генералъ-губернаторства преподавателей университета, ординарныхъ профессоровъ: Григоровича, Смирнова, Некрасова, Леонтовича и Павлова и доцента Кочубинскаго.

11. Представленія факультетовъ о назначеніи депутатами на археологическій съѣздъ въ Кіевѣ, отъ историко-филологическаго — профессора Григоровича и доцента Кондакова, и отъ юридическаго — профессора Павлова.

По выслушаніи настоящаго представленія, профессоръ Григоровичъ отказался принять званіе депутата отъ университета на предстоящемъ съѣздѣ. *Опредѣлили*: увѣдомить предварительный комитетъ съѣзда о назначенныхъ депутатахъ.

12. Представленіе историко-филологическаго факультета

о назначеніи музею изящныхъ искусствъ единовременно пособія въ 1000 рублей изъ остатковъ отъ штатной суммы, назначенной на содержаніе личнаго состава университета въ 1874 году. *Опредѣлили*: въ виду заявленія профессора Мечникова о настоятельныхъ нуждахъ другихъ кабинетовъ, отложить разсмотрѣніе вопроса объ ассигнованіи пособія музею изящныхъ искусствъ до слѣдующаго засѣданія совѣта, предложивъ физико-математическому факультету представить соображенія о нуждахъ его учебно-вспомогательныхъ учрежденій.

13. Представленіе того же факультета о командированіи доцента Кочубинскаго съ ученою цѣлію заграницу на 2 года, съ добавочнымъ содержаніемъ по 800 р. въ годъ. При чемъ факультетъ представилъ и одобренный имъ къ напечатанію въ «Запискахъ» планъ предполагаемой поѣздки г. Кочубинскаго.

При происшедшемъ за симъ баллотированіи вопроса о заграничной командировкѣ доцента Кочубинскаго получилось 12 голосовъ избирательныхъ и 12 неизбирательныхъ. *Опредѣлили*: въ виду несостоявшагося большинства голосовъ оставить вопросъ о командированіи г. Кочубинскаго несостоявшимся.

14. Представленіе того же факультета о пріостановленіи ходатайства касательно приглашенія г. Нищинскаго частнымъ преподавателемъ въ университетъ. *Опредѣлили*: отложить ходатайство.

15. Представленіе физико-математическаго факультета о командированіи профессора Шведова въ Петербургъ, съ 23-го марта по 8-е апрѣля, для осмотра центральной физической обсерваторіи. *Опредѣлили*: представить г. попечителю.

16. Представленіе того же факультета о командированіи профессора Мечникова въ ставропольскую, астраханскую и оренбургскую губерніи, для антропологическихъ изслѣдованій,

съ 5-го мая по 1-е августа 1874 года, и о снабженіи его открытымъ листомъ отъ г. министра внутреннихъ дѣлъ и г. начальника гражданскаго управленія на Кавказѣ. *Опредѣлили*: представить г. попечителю.

17. Представленіе того-же факультета объ избраніи магистра ботаники Баталина въ штатные доценты по каѳедрѣ ботаники.

Въ приложенномъ къ представленію факультета предложеніи, профессоръ ботаники Вальцъ пишетъ: «съ выходомъ въ отставку доцента Кощуга сдѣлалось вакантнымъ второе преподавательское мѣсто по каѳедрѣ ботаники; имѣю честь рекомендовать факультету, для замѣщенія этой вакансіи, нашего извѣстнаго фитофизіолога, преподавателя горнаго института и консерватора Императорскаго с.-петербургскаго ботаническаго сада, магистра ботаники Александра Ѳедоровича Баталина, котораго я предлагаю избрать штатнымъ доцентомъ по каѳедрѣ ботаники.

Александръ Ѳедоровичъ началъ публиковать свои изслѣдованія въ 1870 году и съ тѣхъ поръ уже успѣлъ заявить свою дѣятельность цѣлымъ рядомъ немаловажныхъ трудовъ, преимущественно по физіологіи растеній. Труды эти внесли въ науку не мало новыхъ данныхъ для разъясненія интересныхъ вопросовъ растительной жизни. Интересный и мало разработанный вопросъ о вліяніи свѣта на развитіе различныхъ тканей и на формировки растительныхъ членовъ въ особенности обратилъ на себя вниманіе А. Ѳ., который публиковалъ по этому вопросу цѣлый рядъ работъ, а именно: 1) о вліяніи свѣта на внутреннее строеніе стеблей нѣкоторыхъ высшихъ растеній. Въ трудахъ втораго съѣзда русскихъ естествоиспытателей и въ Bulletin de l'Ac. d. sc. d. S.-Pétersbourg; XV. Цѣлымъ рядомъ тщательныхъ опытовъ

надъ крессомъ, коноплей, картофелемъ, маисомъ и т. д. А. Ѳ. пришелъ къ слѣдующимъ интереснымъ результатамъ: 1) свѣтъ не имѣетъ вліянія на дѣленіе клѣточекъ кожицы; 2) свѣтъ вліяетъ на дѣленіе клѣтокъ паренхимы коры; 3) сильный свѣтъ (непосредственный солнечный) дѣйствуетъ на дѣленіе клѣточекъ паренхимы коры, какъ темнота; 4) разсѣянный свѣтъ благопріятствуетъ дѣленію этихъ клѣточекъ; 5) присутствіе свѣта благопріятствуетъ увеличенію числа древесныхъ элементовъ; 6) образованіе новыхъ сосудистыхъ пучковъ въ однодольныхъ растеніяхъ въ зависимости отъ свѣта, который благопріятствуетъ такому образованію; 7) отсутствіе свѣта обусловливаетъ слабое утолщеніе стѣнокъ клѣточекъ колленхимы; 8) на утолщеніе клѣтокъ луба и древесины свѣтъ не имѣетъ никакого вліянія. II Ueber die Wirkung des Lichtes auf die Entwickelung der Blätter. Bot. Zeit. 1871, и о вліяніи свѣта на образованіе формы растеній. С.-Петербургъ, 1872 года. Въ этихъ статьяхъ, г. Баталинъ имѣетъ, главнымъ образомъ, въ виду вопросъ о вліяніи свѣта на формировку стеблей и листьевъ, но, тѣмъ не менѣе, сообщаетъ нѣкоторыя интересныя данныя относительно этого вліянія на другія части растеній. Въ этихъ работахъ, изобилующахъ поучительными наблюденіями, путемъ многочисленныхъ опытовъ, сопровождавшихся тщательными микроскопическими изслѣдованіями и при помощи строгаго критическаго анализа, г. Баталинъ опровергаетъ ошибочные результаты изслѣдованій извѣстнаго нѣмецкаго ботаника Крауса, — опровергаетъ ошибочное предположеніе знаменитаго нѣмецкаго ботаника Сакса относительно вліянія хлорофиля на развитіе листьевъ,—указываетъ, что причина недоразвитія листьевъ въ темнотѣ заключается въ томъ, что, въ отсутствіи свѣта, клѣточки, ихъ составляющія,

перестаютъ размножаться, что большая длина, свойственная нѣкоторымъ листьямъ, какъ и многимъ стеблямъ, выросшимъ въ темнотѣ, заключается въ усиленномъ удлинненіи клѣточекъ, что свѣтъ извѣстной напряженности содѣйствуетъ размноженію клѣтокъ, между тѣмъ какъ сильный свѣтъ задерживаетъ ихъ размноженіе и т. д., однимъ словомъ — А. Ѳ. значительно расширяетъ наши свѣдѣнія по вопросу о вліяніи свѣта на формировку листьевъ и стеблей и на развитіе клѣтокъ ихъ составляющихъ. Въ связи съ разсмотрѣнными работами можно еще поставить слѣдующіе труды А. Ѳ.: III и IV. Neue Beobachtungen über die Bewegung der Blätter bei Oxalis, въ журналѣ Flora 1871 года и въ трудахъ Императорскаго с.-петербургскаго ботаническаго сада. Здѣсь излагаются изслѣдованія, сдѣланныя надъ нѣсколькими видами кислицы, которыя доказываютъ несправедливость взгляда Morren'a, по мнѣнію котораго сотрясенія вызываютъ измѣненіе въ положеніи листьевъ кислицы, и указываютъ, что это измѣненіе производится главнымъ образомъ свѣтомъ; сотрясеніе же является агентомъ содѣйствующимъ. Кромѣ того, здѣсь мы находимъ и то интересное указаніе, что сильное освѣщеніе и по отношенію къ этому процессу дѣйствуетъ также точно, какъ и темнота. Въ этой же статьѣ мы находимъ намекъ на разрушительное дѣйствіе сильнаго освѣщенія на хлорофиль, что позже вполнѣ подтвердилось изслѣдованіями г. Баталина надъ хвойными растеніями, результаты которыхъ были имъ сообщены въ засѣданіяхъ ботанической секціи третьяго съѣзда русскихъ естествоиспытателей и напечатаны въ протоколахъ этой секціи. V Ueber die Ursachen der periodischen Bewegungen der Blumen und Laubblätter, Flora, 1873. Несмотря на то, что по вопросу о движеніи листовыхъ членовъ существуютъ

работы такихъ изслѣдователей, какъ Kraus, Pfeffer, Millardet, знаменитый Hofmeister и т. д., — работа А. Ѳ. и здѣсь вноситъ новыя данныя и составляетъ немаловажный шагъ впередъ на пути къ разъясненію этого вопроса. Она доказываетъ, что существовавшія объясненія періодическихъ движеній листовыхъ членовъ не достаточны, и что главная причина этихъ движеній заключается въ неравномѣрномъ ростѣ противулежащихъ сторонъ, при чемъ соединенныя вліянія свѣта, теплоты и напряженности тканей измѣняютъ въ различной степени эту неравномѣрность развитія*).

Изученіе вліянія свѣта на растительные организмы, которому А. Ѳ. посвятилъ столько работъ, не лишило его однакожъ возможности заниматься и другими вопросами; такъ, по вопросу о половыхъ отношеніяхъ растеній онъ публиковалъ три работы: VI. Beobachtungen über die Bestäubung einiger Pflanzen, въ Bot. Zeit. 1871 года, VII. Die Selbstbestäubung bei Juncus bufonius, въ Bot. Zeit. 1871 года и VIII. Вліяніе дыма на плодоношеніе гречихи. Земл. газ., 1870 года. Въ этихъ статьяхъ сообщаются новыя данныя по вопросу объ опыленіи растеній, и въ послѣдней дается объясненіе факту, давно замѣченному сельскими хозяевами. Это объясненіе заключается въ томъ, что дымъ удаляетъ насѣкомыхъ отъ гречихи и тѣмъ самымъ

(*) По вопросу о вліяніи свѣта на растеніе, А. Ѳ. публиковалъ еще статью подъ заглавіемъ: по поводу опытовъ Плизантона надъ ростомъ винограда. Жур. Сад. 1872 года Въ этой статьѣ А. Ѳ. знакомитъ русскую публику съ удивительными результатами, полученными г. Плизантономъ при культурѣ винограда въ оранжереѣ, въ которой восьмая часть бѣлыхъ стеколъ была замѣнена фіолетовыми, — указываетъ на недостаточность объясненій, которыя далъ извѣстный французскій ботаникъ Duchutre и предлагаетъ новое. По его мнѣнію, результаты, къ которымъ пришелъ Плизантонъ, объясняются тѣмъ, что виноградъ получилъ ослабленный свѣтъ, а также сыростью воздуха въ теплицѣ.

вреденъ для ея плодоношенія, такъ какъ ей свойственно перекрестное опыленіе. Всѣ упомянутые труды г. Баталина ясно свидѣтельствуютъ о его обширномъ знакомствѣ съ ботаническою литературою, къ которой онъ относится вполнѣ критически, онѣ обнаруживаютъ способности А. Ѳ. вѣрно ставить научные вопросы и избирать вѣрные пути къ ихъ разрѣшенію и свидѣтельствуютъ о его основательномъ знакомствѣ съ методами изслѣдованія. Въ преподавательскихъ его способностяхъ я не сомнѣваюсь также, такъ какъ я, съ особеннымъ удовольствіемъ, слушалъ сообщенія, которыя онъ дѣлалъ на бывшемъ въ Кіевѣ съѣздѣ русскихъ естествоиспытателей. Осмѣливаюсь-же покорнѣйше просить факультетъ избрать нашего фитофизіолога, А. Ѳ. Баталина штатнымъ доцентомъ по каѳедрѣ ботаники».

Въ результатѣ происшедшаго за симъ баллотированія г. Баталина въ доценты получилось 21 голосовъ избирательныхъ и 3 неизбирательныхъ.

Затѣмъ доложена была справка о штатныхъ мѣстахъ на физико-математическомъ факультетѣ:

	По постоян. штату:	По времен. штату:	На лицо
Ординарныхъ профессоровъ .	11	11	12.
Экстраординарныхъ.	5	4	1.
Доцентовъ.	3	3	4.

Опредѣлили: по надлежащемъ сношеніи съ начальствомъ Императорскаго ботаническаго сада, просить г. попечителя о перемѣщеніи магистра Баталина доцентомъ ботаники въ новороссійскій университетъ со дня состоявшаго избранія его совѣтомъ на эту должность, т. е. со 2-го марта 1874 г., и объ отпускѣ ему съ означеннаго времени содержанія въ размѣрѣ 1200 руб. изъ суммъ государственнаго казначей-

ства, на основаніи Высочайше утвержденнаго въ 22-й день марта 1871 года мнѣнія государственнаго совѣта о переходѣ содержанія личнаго состава новороссійскаго университета отъ временнаго штата къ постоянному, такъ какъ 10 окладовъ доцентскихъ, отпускающіеся по дѣйствующему временному штату, идутъ на содержаніе состоящихъ на лицо 10 доцентовъ.

18. Представленіе того-же факультета о напечатаніи въ университетскихъ запискахъ, по поводу появившейся брошюры г. Ковалевскаго «замѣтка о моемъ магистерскомъ экзаменѣ», экзаменаціонныхъ листовъ магистерскаго испытанія г. Ковалевскаго. *Опредѣлили:* напечатать въ видѣ приложенія къ настоящей статьѣ протокола.

19. Представленіе того-же факультета о выдачѣ консерватору физическаго кабинета Сталевичу вознагражденія въ размѣрѣ 400 рублей, изъ спеціальныхъ средствъ, за производство имъ метеорологическихъ наблюденій. *Опредѣлили:* передать, для предварительныхъ соображеній, въ бюджетную коммисію.

20. Представленіе того-же факультета о назначеніи еще одной лекціи въ недѣлю по зоологіи, по четвергамъ, на мѣсто лекціи, читаемой профессоромъ Сѣченовымъ, который находитъ возможнымъ окончить свой курсъ въ 4 лекціи въ недѣлю, и о прибавленіи одной лекціи по начертательной геометріи, по средамъ, отъ 11 — 12 часовъ. *Опредѣлили:* разрѣшить.

21. Представленіе того-же факультета о томъ, чтобы экзамены студентовъ III и IV курсовъ математическаго отдѣленія начались съ 10-го апрѣля въ виду большаго числа предметовъ, читаемыхъ на этихъ курсахъ. *Опредѣлили:*

просить разрѣшенія г. попечителя начать годичныя испы-
съ 22-го апрѣля по всѣмъ факультетамъ.

22. Представленіе того-же факультета объ освобожденіи студентовъ 3-го курса отдѣленія естественныхъ наукъ отъ годичныхъ испытаній по ботаникѣ, зоологіи и химіи; студентовъ 2-го курса того-же отдѣленія — по ботаникѣ и зоологіи; ст. Бутенка — отъ экзаменовъ по минералогіи и геологіи и ст. Кутитонскаго — по алгебрѣ и богословію, такъ какъ оба эти студента имѣютъ уже удовлетворительныя отмѣтки по означеннымъ предметамъ, полученныя ими на предшествовавшихъ годичныхъ испытаніяхъ. *Опредѣлили*: разрѣшить.

23. Представленія факультетовъ: а) физико-математическаго—объ утвержденіи въ степени кандидата математическихъ наукъ Николая Зайкевича и Станислава Сипко; и б) юридическаго—объ утвержденіи въ степени кандидата гг. Бѣлкина и Верисоцкаго. *Опредѣлили*: утвердивъ поименованныхъ въ докладной части протокола лицъ въ степени кандидата, выдать имъ установленные дипломы.

24. Секретарь совѣта доложилъ переписку о зачисленіи въ число студентовъ I-го курса отдѣленія естественныхъ наукъ физико-математическаго факультета новороссійскаго университета исключеннаго изъ с.-петербургскаго университета Ореста Габеля, которому министерство разрѣшило вновь поступить въ студенты университета, какъ сообщено въ предложеніи г. попечителя одесскаго учебнаго округа, заслушанномъ въ 8-й ст. протокола засѣданія совѣта 2-го ноября 1873 года. *Опредѣлили*: зачислить.

25. Представленіе правленія со смѣтою доходовъ и расходовъ спеціальныхъ средствъ на 1875 г. *Опредѣлили* утвердить.

26. Докладъ бюджетной коммисіи о денежныхъ выдачахъ изъ спеціальныхъ средствъ: «на разсмотрѣніе бюджетной коммисіи поступили слѣдующія предложенія:

1) отъ историко-филологическаго факультета о назначеніи единовременнаго пособія лектору Топорову. . . . . 200 руб.

2) отъ физико-математическаго — о выдачѣ консерватору Видгальму награды въ размѣрѣ половиннаго годоваго жалованья. . . . . . . 250 руб.

3) отъ того-же факультета о выдачѣ астроному-наблюдателю Блову подъемныхъ . . . . 400 руб.

4) о выдачѣ садовнику Рудольфу денежной награды въ. . . . . 200 руб.

5) отъ юридическаго факультета о выдачѣ г. Цитовичу подъемныхъ денегъ . . . . . .

6) отъ правленія университета о выдачѣ награды вольнонаемному писцу библіотеки Карлу Кальсадѣ. . . . . 50 руб.

7) отъ правленія университета объ увеличеніи содержанія административнымъ чиновникамъ.

При обсужденіи этихъ предложеній, коммисія прежде всего нашла необходимымъ сдѣлать предварительный расчетъ суммъ, которыми совѣтъ университета можетъ располагать въ теченіи настоящаго года.

На основаніи прошлогодней вѣдомости о количествѣ суммъ сбора и расхода спеціальныхъ денежныхъ средствъ университета за 1873 годъ, оказывается, что общая сумма сбора платы за слушаніе лекцій въ прошломъ году простиралась всего до 9.520 руб. и что, слѣдовательно, и въ нынѣшнемъ году она, никоимъ образомъ, не можетъ превысить этой цифры, такъ какъ нѣтъ никакихъ основаній

расчитывать на увеличеніе наличнаго состава студентовъ. Напротивъ, съ большею вѣроятностію можно предполагать, что сумма сбора не превыситъ 9.000 руб., такъ что, если къ ней причислить остатокъ отъ прошлаго года въ 621 р. 71½ к., то общая сумма сбора въ 1874 году можетъ простираться до 9.621 руб. 71½ коп. Но изъ этой общей суммы всего денежнаго сбора, предполагаемаго въ 1874 г., необходимо предварительно исключить ту часть расходовъ, которая неизбѣжно должна быть сдѣлана совѣтомъ въ теченіи 1874 года, на основаніи уже существующихъ прежнихъ распоряженій совѣта. Принимая въ основаніе приблизительнаго расчета расходы прошлаго года, къ числу этихъ необходимыхъ издержекъ, предстоящихъ въ 1874 году слѣдуетъ отнести: 1) 1.000 руб. дополнительнаго жалованья профессору Ярошенкѣ; 2) 800 руб. жалованья лаборанту Дородницыну; 3) 300 руб. жалованья редактору университетскихъ «Записокъ»; 4) 192 руб. 2% вычета въ сумму ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія; 5) 200 руб. на выписку медалей для студентовъ 6) 1.812 руб. въ типографію за напечатаніе университетскихъ «Записокъ» и сочиненій профессоровъ; 7) 1.120 руб. въ уплату за иностранные журналы и газеты; 8) 307 руб. въ уплату за русскіе журналы и газеты; 9) 75 руб. на корреспонденцію; и 10) 50 руб. на мелкіе расходы, всего въ совокупности 5.856 руб, — слѣдовательно, изъ общей суммы предполагаемаго въ 1874 году сбора въ 9.621 руб. 71½ коп., остается въ распоряженіи совѣта свободнаго остатка, для покрытія всѣхъ могущихъ встрѣтиться въ теченіи текущаго года нуждъ университета, всего 3.765 р. 71½ коп. На основаніи этого предварительнаго расчета, принимая во вниманіе незначительность свободнаго остатка

съ одной стороны, и необходимость покрывать уже отчасти предвидимыя, а также непредвидимыя издержки въ теченіи цѣлаго года, съ другой стороны, — коммисія находитъ необходимымъ, по поводу сдѣланныхъ ей предложеній, поступить слѣдующимъ образомъ: 1) выдать гг. Блоку и Цитовичу подъемныхъ денегъ въ размѣрѣ 300 р. каждому; 2) выдать, въ видѣ вознагражденія, гг. Видгальму, Рудольфу и Кальсадѣ по 50 руб. каждому; 3) предложеніе о выдачѣ г. Топорову 200 руб. возвратить обратно по поводу смерти его; 4) предложеніе правленія относительно увеличенія жалованья, на счетъ спеціальныхъ средствъ университета, отклонить по недостаточности этихъ средствъ».

По выслушаніи настоящаго доклада, профессоры Мечниковъ и Вальцъ возражали противъ пониженія опредѣленныхъ факультетомъ выдачъ, находя въ особенности несоразмѣрнымъ пониженіе, предложенное коммисіею относительно вознагражденій консерватору зоологическаго кабинета и ученому садовнику. Предсѣдатель коммисіи объяснилъ, что пониженіе вызвано необходимостью за недостаткомъ спеціальныхъ средствъ и что въ задачи бюджетной коммисіи вовсе не входило соразмѣрять назначенія выдачъ съ заслугами представляемыхъ.

Послѣ наступившихъ по этому поводу преній, ректоромъ поставленъ былъ для голосованія вопросъ, согласны ли члены совѣта съ бюджетной коммисіей, или признаютъ нужнымъ повысить предлагаемыя ею назначенія. 10 членовъ совѣта (гг. Цитовичъ, который въ тоже время заявилъ, что, въ виду происходившихъ преній, онъ отказывается вовсе отъ полученія подъемныхъ денегъ, Синцовъ, Некрасовъ, Ягичъ, Павловъ, Вольскій, Абашевъ, Сабининъ, Смирновъ, Куницынъ) подали голоса за мнѣніе коммисіи,

а 12 (гг. Ярошенко, Патлаевскій, Сѣченовъ, Мечниковъ, Головкинскій, Беркевичъ, Карастелевъ, Григоровичъ, Кудрявцевъ, Вальцъ, Богдановскій и ректоръ) за повышеніе назначеній.

Вслѣдъ за этимъ предсѣдатель и члены бюджетной коммисіи, находя, что ихъ работы, направленныя къ установленію должнаго порядка и необходимой бережливости въ расходованіи спеціальныхъ средствъ, очевидно, не имѣютъ въ совѣтѣ настоящаго значенія, отказывались отъ дальнѣйшихъ занятій въ коммисіи, но, по просьбѣ совѣта, призвавшаго ихъ дѣятельность полезною, остались. Далѣе, вопросъ о назначеніи подъемныхъ гг. Цитовичу и Блоку рѣшенъ въ смыслѣ предложенія бюджетной коммиссіи большинствомъ всѣхъ присутствовавшихъ членовъ противъ одного, профессора Беркевича. Затѣмъ вопросъ, прибавить-ли гг. Видгальму и Рудольфу по 100 руб., къ назначеннымъ коммисіей выдачамъ по 50 руб, или принять предложеніе коммисіи, рѣшенъ большинствомъ 12 голосовъ (гг. Цитовичъ, Ярошенко, Патлаевскій, Мечниковъ, Сѣченовъ, Головкинскій, Карастелевъ, Григоровичъ, Кудрявцевъ, Вальцъ, Богдановскій, ректоръ) противъ 10 (гг. Синцовъ, Некрасовъ, Ягичъ, Павловъ, Вольскій, Абашевъ, Беркевичъ, Сабининъ, Смирновъ, Куницынъ), въ смыслѣ перваго предложенія. *Опредѣлили:* выдать гг. Цитовичу и Блоку подъемныхъ по 300 руб., не принимая, по предложенію профессора Вальца, отказа г. Цитовича; — гг. Видгальму и Рудольфу, въ видѣ вознагражденія, по 150 руб., а Кальсадѣ 50 руб. изъ спеціальныхъ средствъ; о чемъ и сообщить въ правленіе для надлежащихъ распоряженій.

27. Рапортъ библіотекаря съ представленіемъ алфа-

витнаго каталога дублетовъ университетской библіотеки, на карточкахъ.

При чемъ доложено, что алфавитъ этотъ препровожденъ г. ректоромъ, чрезъ попечителя округа, въ московское древнехранилище. *Опредѣлили*: за сдѣланнымъ распоряженіемъ принять къ свѣдѣнію.

28. Рапортъ его же съ представленіемъ каталога дублетовъ для напечатанія. *Опредѣлили*: 1) отпечатать каталогъ въ оффиціальномъ отдѣлѣ университетскихъ записокъ на суммы, назначенныя на печатаніе протоколовъ; 2) предложеніе библіотечной коммисіи о перечисленіи нѣкоторыхъ дублетовъ въ студентскій отдѣлъ библіотеки утвердить.

29. Два рапорта проректора на имя г. ректора о томъ, что не читали лекцій: I, въ январѣ: *а) по болѣзни*: Ө. И. Леонтовичъ 1 л, А. М. Богдановскій 1 л., Р. В. Орбинскій 1 л., И. І. Патлаевскій 1 л., Н. А. Головкинскій 1 л., П. П. Цитовичъ 1 л., И. М. Сѣченовъ 1 л., Ө. Н. Шведовъ 2 л., Л. Ө Беркевичъ 2 л., Д. П. Лебедевъ 1 л., А. П. Пригара 3 л.; *б) по случаю отпуска*: И. М. Сѣченовъ 3 л.; *в) по неявкѣ студентовъ*: Н. Л. Турнефоръ 6 л.; *г) по случаю назначенія въ число присяжныхъ засѣдателей*: Е. Ф. Клименко 6 л.; *д) по неизвѣстной причинѣ*: Д. П. Лебедевъ 1 л.; II, въ февралѣ: *а) по болѣзни*: Ө. И. Леонтовичъ 2 л., И. С. Некрасовъ 2 л., Ө. Н. Шведовъ 2 л., Н. А. Головкинскій 1 л., А. А. Вериго 3 л., С. П. Ярошенко 2 л., П. П. Цитовичъ 1 л., Л. Ө. Беркевичъ 1 л., Е. Э. Блокъ 1 л., В. М Войтковскій 4 л., Д. П. Лебедевъ 5 л., М. И. Малининъ 1 л., А. П. Пригара 13 л.; *б) по случаю отпуска*: В. Н. Лигинъ 8 л.; *в) по случаю назначенія въ число присяжныхъ засѣдателей*: И. И. Мечниковъ

8 л.; *г) по неявкѣ студентовъ*: А. А. Кочубинскій 3 л., Н. Л. Турнефоръ 9 л.; *д) по случаю назначенія депутатомъ въ гимназію*: Д. П. Лебедевъ 1 лекцію». *Опредѣлили*: занести въ протоколъ, предложивъ проректору неявляющимся на лекціи студентамъ сдѣлать надлежащее внушеніе.

30. Представленіе физико-математическаго факультета о возведеніи доцента Лигина въ экстраординарные профессоры по каѳедрѣ механики, съ присовокупленіемъ, что въ факультетѣ г. Лигинъ избранъ единогласно.

При этомъ донесеніи приложено слѣдующее представленіе въ факультетъ профессоровъ: Карастелева, Сабинина, Беркевича и Ярошенка: «доцентъ нашего университета по каѳедрѣ механики, Валеріанъ Николаевичъ Лигинъ удостоенъ степени доктора прикладной математики харьковскимъ университетомъ за написанное имъ разсужденіе «обобщенія нѣкоторыхъ геометрическихъ свойствъ движенія системъ». Самостоятельность и важность этого новаго труда и другихъ сочиненій и статей, опубликованныхъ г. Лигинымъ во французскихъ и русскихъ математическихъ журналахъ, его отличная педагогическая дѣятельность по преподаванію практической механики даютъ намъ прочное основаніе для ходатайства предъ факультетомъ о возведеніи доцента Лигина въ званіе экстраординарнаго профессора по каѳедрѣ механики.

Г. Лигинъ получилъ математическое образованіе въ нашемъ университетѣ и былъ командированъ на два года заграницу для приготовленія себя къ занятію каѳедры практической механики. Будучи еще студентомъ, онъ написалъ разсужденіе «о притяженіи элементовъ», за которое награжденъ совѣтомъ золотою медалью. Во время своего пребыванія заграницею, какъ извѣстно факультету, г. Ли-

гинымъ написано разсужденіе «геометрическая теорія абсолютнаго движенія неизмѣняемой системы», за которое онъ удостоенъ физико-математическимъ факультетомъ нашего университета степени магистра прикладной математики. Кромѣ поименованнаго сейчасъ сочиненія, г. Лигинымъ напечатаны еще слѣдующія статьи:

1) «Геометрическая теорія относительнаго движенія точки и неизмѣняемой системы»; эта статья, въ совокупности съ магистерскимъ разсужденіемъ, обнимаетъ кинематику неизмѣняемой системы во всей цѣлости.

2) «Обобщеніе на случай конечныхъ перемѣщеній одной теоремы Шаля относительно сопряженныхъ осей».

3) «Sur le lieu des points d'un système invariable mobile d'une manière générale dans l'espace, dont les accélérations du premier ordre sont constantes». Bulletin d. l. Société mathem. de France. T. I. Эта замѣтка есть сообщеніе, сдѣланное г. Лигинымъ въ парижскомъ математическомъ обществѣ, въ которомъ онъ состоитъ членомъ.

4) «Note historique sur le problème des engrenages cylindriques». Bul. d. l. Soc. math. de France. T. I. Это второе сообщеніе г. Лигина напечатано въ бюллетенѣ по одобрѣнію президента общества, г. Шаля.

5) «Обобщенія нѣкоторыхъ геометрическихъ свойствъ движенія системъ». Одна часть этого разсужденія была напечатана въ Nouvelles annales d. math. за 1873 годъ, подъ заглавіемъ «sur quelques propriétés géometriques du déplacement d'une figure plane dans son plan», а другая появится въ нашихъ «Запискахъ» подъ заглавіемъ «объ ускореніяхъ высшихъ порядковъ въ движеніи неизмѣняемой системы».

Это послѣднее сочиненіе г. Лигина, за которое онъ получилъ степень доктора прикладной математики въ харь-

ковскомъ университетѣ заслуживаетъ того, чтобы о немъ распространиться нѣсколько подробнѣе. Оно состоитъ изъ обстоятельнаго историческаго обзора занимающихъ автора вопросовъ и двухъ частей.

Первая часть, объ ускореніяхъ высшихъ порядковъ въ движеніи неизмѣняемой системы, раздѣлена на два параграфа. Въ первомъ параграфѣ г. Лигинъ находитъ, весьма удачнымъ по своей простотѣ аналитическимъ путемъ, выраженія слагающихъ по двумъ неподвижнымъ осямъ ускоренія какого либо n-го порядка точки плоской неизмѣняемой фигуры, движущейся въ своей плоскости въ функціяхъ ускоренія той же точки порядка $n - 1$. Эти выраженія даютъ автору возможность получить весьма просто нѣсколько совершенно новыхъ результатовъ, какъ напримѣръ геометрическія мѣста точекъ, имѣющихъ во 1-хъ, касательное, во 2-хъ — нормальное ускореніе n-го порядка, равное нулю, и мѣста точекъ, имѣющихъ полное ускореніе n-го порядка постоянное. Во 2-мъ параграфѣ г. Лигинъ переходитъ къ теоретически болѣе интересному и болѣе общему случаю движенія системы въ пространствѣ. Сначала онъ разсматриваетъ тотъ случай, когда въ системѣ есть неподвижная точка, и, доказавъ, что въ этомъ случаѣ центръ ускореній какого бы ни было порядка совпадаетъ съ центромъ вращенія, переходитъ затѣмъ къ самому общему случаю движенія системы. Сравнивая здѣсь, между прочимъ, формулы, посредствомъ которыхъ выражаются слагающія по тремъ осямъ координатъ ускоренія n-го порядка въ этомъ общемъ случаѣ, г. Лигинъ получаетъ интересный законъ, что въ самомъ общемъ движеніи ускореніе какого нибудь n-го порядка всякой точки системы тождественно съ ускореніемъ того же порядка, какое имѣла бы эта точка, еслибы

система вращалась около мгновеннаго центра ускореній n-го порядка. Въ этомъ же параграфѣ г. Лигинъ находитъ и для самаго общаго случая движенія геометрическія мѣста, подобныя тѣмъ, которыя онъ получилъ при плоскомъ движеніи.

Вторая часть разсужденія г. Лигина посвящена выводу, изъ основнаго геометрическаго закона перемѣщенія плоской коллинеарно-измѣняемой фигуры, основныхъ законовъ плоской подобно измѣняемой и неизмѣняемой фигуры, опубликованныхъ Шалемъ безъ доказательства въ Bulletin des sciences mathématiques de Férussac. Изъ этого краткаго разбора послѣдняго разсужденія г. Лигина видно, что оно содержитъ новые результаты, интересные не только сами по себѣ, но и какъ продолженіе работъ по тому же вопросу академика Сомова, изложенныхъ въ его кинематикѣ. Г. Лигинъ, занимаясь съ усердіемъ и знаніемъ дѣла избранной имъ спеціальностью, слѣдитъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и за современнымъ развитіемъ пріемовъ преподаванія; подтвержденіемъ чему можетъ служить, между прочимъ, переводъ его на русскій языкъ брошюры Шлезингера «методъ преподаванія начертательной геометріи, въ смыслѣ новой геометріи»,—брошюры, интересной въ настоящее время въ виду введенія начертательной геометріи въ число предметовъ преподаванія въ реальныхъ училищахъ».

При происшедшемъ засимъ баллотированіи о возведеніи г. Лигина въ экстраординарные профессоры получилось 24 голоса избирательныхъ и ни одного неизбирательнаго. *Опредѣлили:* согласно состоявшемуся избранію, просить ходатайства г. попечителя предъ министромъ народнаго просвѣщенія объ утвержденіи доцента по каѳедрѣ механики, доктора Лигина экстраординарнымъ профессоромъ по той же каѳедрѣ, со дня избранія его совѣтомъ, т. е. съ 2 марта 1874 г.

31. Представленіе юридическаго факультета, при коемъ приложена составленная имъ, по порученію совѣта, редакція объясненія по дѣлу о профессорѣ Куницинѣ: «Совѣтъ Императорскаго новороссійскаго университета, принимая къ исполненію распоряженіе г. министра народнаго просвѣщенія объ оставленіи профессора Куницына, въ качествѣ частнаго преподавателя гражданскаго и римскаго права, на вторую половину учебнаго 1873 — 1874 года, съ своей стороны имѣетъ честь представить въ объясненіе своихъ распоряженій, что заслуженный профессоръ Куницынъ своевременно не заявлялъ факультету о своемъ намѣреніи продолжать начатые имъ курсы до конца втораго семестра, и что послѣ уже, письменно, было имъ заявлено г. ректору о нежеланіи подвергаться какимъ бы то ни было баллотировкамъ для продолженія службы. Съ другой стороны, со времени самаго приглашенія г. Цитовича на службу въ новороссійскій университетъ большинство членовъ совѣта и факультета смотрѣли на него, какъ на полнаго и прямаго преемника г. Куницыну. Если факультетъ возложилъ на г. Цитовича, профессора гражданскаго права, преподаваніе торговаго права, то этимъ факультетъ не создавалъ еще особой, новой каѳедры торговаго права, которой въ уставѣ нѣтъ, а смотрѣлъ на торговое право, какъ на часть гражданскаго, и притомъ такую часть, которую г. Цитовичъ впослѣдствіи, по усмотрѣнію факультета, могъ ввести въ общую систему своихъ чтеній по гражданскому праву, какъ онъ и дѣлалъ это, будучи преподавателемъ гражданскаго права въ харьковскомъ университетѣ. Вслѣдствіе этого на г. Цитовича возлагалось на второе полугодіе настоящаго учебнаго года преподаваніе не 3-хъ наукъ, а только 2 хъ— римскаго права и гражданскаго права.

Что касается каѳедры римскаго права, то она остается, къ сожалѣнію, не занятою, и профессоръ Куницынъ читалъ римское право, какъ посторонній предметъ, за особое вознагражденіе. Поручая преподаваніе римскаго права г. Цитовичу, факультетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и совѣтъ, руководствовались тѣми же соображеніями, которыхъ они держались, поручая преподаваніе этого предмета г. Куницыну. Преподаваніе римскаго права въ русскихъ университетахъ всегда имѣло и имѣетъ смыслъ, главнымъ образомъ, какъ преподаваніе предмета, такъ сказать, служебнаго русскому гражданскому праву; и если въ данное время не оказывается подходящаго, особаго преподавателя, то факультетъ и совѣтъ считаютъ самымъ цѣлесообразнымъ соединить преподаваніе русскаго гражданскаго права и римскаго права въ одномъ лицѣ.

Имѣя все это въ виду, факультетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и совѣтъ, зная способности, трудолюбіе и энергію профессора Цитовича, не затруднились возложить на него преподаваніе гражданскаго и римскаго права, что̀, по настоящему распредѣленію лекцій, вмѣстѣ съ торговымъ правомъ (3 лекціи), составитъ 10-ть часовъ въ недѣлю. Такія усиленныя занятія для г. Цитовича предстояли только въ теченіи одного, и при томъ меньшаго, семестра, но за то они обеспечивали правильный переходъ къ новому порядку дѣлъ, весьма желательному для факультета и совѣта».

Отдѣльное мнѣніе профессора Павлова: «по настоящему дѣлу я имѣлъ уже честь выразить мое мнѣніе въ ближайшемъ засѣданіи совѣта, подавъ голосъ въ томъ смыслѣ, что дѣло это не заключаетъ въ себѣ достаточныхъ поводовъ къ какимъ либо объяснительнымъ представленіямъ г. министру. Еслибы оно шло обыкновеннымъ порядкомъ,

т. е. еслибы заслуженный профессоръ Куницынъ своевременно заявилъ факультету о своемъ желаніи продолжать начатые имъ курсы гражданскаго и римскаго права до конца втораго семестра, то, само собою понятно, что факультетъ принялъ бы такую услугу съ полною признательностію, значитъ — исходъ дѣла былъ бы совершенно тотъ же, что̀ и теперь».

Пущенная, послѣ объясненій, на баллотировку открытыми голосами редакція объясненія юридическаго факультета большинствомъ 12-ти голосовъ (профессоръ Павловъ, заявившій, что онъ остается при мнѣніи, что нѣтъ повода къ объясненію и согласившійся съ нимъ, профессоръ Ярошенко, гг. Некрасовъ, Ягичъ, Патлаевскій. Сабининъ, Карастелевъ, Григоровичъ, Кудрявцевъ, Смирновъ, Куницынъ) противъ 8-ми (гг. Синцовъ, Сѣченовъ, Мечниковъ, Головкинскій, Абашевъ, Вальцъ, Богдановскій, ректоръ) отвергнута.

Послѣ этого г. ректоръ внесъ устное предложеніе, не признаетъ ли совѣтъ возможнымъ оставить предположеніе о дачѣ министерству объясненій безъ послѣдствій. Члены совѣта отклонили разсмотрѣніе этого предложенія въ настоящемъ засѣданіи. *Опредѣлили*: вслѣдствіе неодобренія большинствомъ голосовъ редакціи объясненія, и въ виду новаго предложенія г. ректора, отложить вопросъ до слѣдующаго засѣданія.

32. Представленіе того же факультета съ ходатайствомъ, въ виду тяжелой болѣзни доцента Пригары, требующей продолжительнаго леченія и особыхъ климатическихъ условій, о командированіи его, г. Пригары, для излеченія болѣзни, на одинъ годъ заграницу, въ южную Германію, Францію и Италію, съ сохраненіемъ содержанія. *Опредѣлили*: ходатайствовать.

Приложеніе къ 13-й ст. протокола засѣданія совѣта 2-го марта.

ЗАПИСКА

о путешествіи по славянскимъ землямъ доцента А. Кочубинскаго.

Историко-филологическому факультету благоугодно было поручить мнѣ составить записку о предложенной г. заслуженнымъ профес. В. И. Григоровичемъ командировкѣ меня заграницу въ славянскія земли на два года; исполняя порученіе факультета и представляя у сего планъ предполагаемаго путешествія моего въ Австро-Венгрію, Дунайскія княжества, Турцію (европейскую), Сербію и Черногорію, я предварительно позволю себѣ остановиться на современныхъ требованіяхъ той науки, посильному служенію которой я опредѣлилъ себя — науки славянства, прежде чѣмъ приступлю къ указанію цѣлей, къ достиженію которыхъ могла бы служить моя поѣздка.

Каѳедра славянскихъ нарѣчій, т. е. наука славянства, ведетъ свое начало въ русскихъ университетахъ съ 1835 года—съ утвержденія университетскаго устава гр. Уварова.

Открытіе новаго предмета университетскаго преподаванія и вызванное имъ изученіе славянства у насъ отвѣчало настоятельнымъ, насущнымъ потребностямъ русской науки, изученія Россіи.

Уже очень рано въ русской жизни выработалось сознаніе необходимости научнаго знакомства съ славянствомъ. Первыя серьозныя попытки дать мѣсто изученію славянства въ русской наукѣ мы видимъ въ трудахъ «Россійской Академіи», начиная съ знаменитыхъ лексическихъ трудовъ Императрицы Екатерины и кончая словопроизводными опытами, «разсужденіями и замѣчаніями по части языкознанія» неустаннаго славянскаго труженика — адмирала Шишкова. Россійская Академія, или, что тоже, школа Шишкова, во всѣхъ своихъ предначертаніяхъ руководилась мыслью о необходимости совмѣстнаго изученія своего роднаго съ родовымъ.

Располагая болѣе или менѣе значительными средствами, Академія, издавая массу своихъ трудовъ и способствуя изданію «полезныхъ книгъ»—какъ «Россійской грамматики» Востокова, «Словаря славяно-греческаго» Экономиса, въ то же время награждала «отличныя заслуги по части словесности» ученыхъ южныхъ и западныхъ славянъ (Вука Стефановича, «богемскаго профессора Ганке», т. е. Ганку), ободряла возникающія дарованія: на средства Академіи былъ отправленъ къ румынамъ Юрій Венелинъ «для собранія рѣдкихъ книгъ и рукописей на разныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ, особенно, по части языкознанія»(*).

Преслѣдуя интересы «вѣрнаго и глубокаго познанія языка отечественнаго», самъ адмиралъ предложилъ Академіи составленіе «Словопроизводнаго словаря» по новому образцу, далъ примѣръ «Истолковательнаго словаря древнихъ славянскихъ словъ», сочинилъ «Опытъ сравнительнаго

(*) *Ѳедоровъ* (членъ Россійск. Акад.). «Обозрѣніе трудовъ Рос. Академіи» въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія», ч. II (1834) отд. 3, стр. 60 — 63.

словаря славянскихъ нарѣчій», родныхъ русскому, показалъ всю важность начатаго Екатериною словаря сравнительнаго 200 нарѣчій, которому удивлялась, но коимъ доселѣ не пользовалась Европа, привелъ въ порядокъ матеріалы, собранные десницею сей Государыни, и въ примѣчаніяхъ своихъ представилъ доказательство первобытности и многообъемлемости славянскаго языка(*). Самъ почти что не зная чешскаго языка(**), Шишковъ рѣшается на комментацію только что открытой Краледворской рукописи — чтобы показать, что «языкъ въ сей старинной рукописи есть почти чистый нашъ языкъ», что «слово о полку Игоревѣ темнѣе для насъ, нежели сія Богемская рукопись» (***). Въ борьбѣ съ неумѣренными карамзинистами, Шишковъ отстаиваетъ право на вниманіе церковно-славянскаго языка, защищаетъ его мѣсто въ системѣ русскаго образованія: «польское нарѣчіе отошло всего далѣе отъ нашего, такъ что мы и уразумѣть онаго не можемъ; но русское не есть нарѣчіе словенскаго языка, а тотъ же самый языкъ, не имѣющій ни малѣйшаго съ нимъ различія» (Опытъ словопроизв. словаря).

Правда, слабонаучны были пріемы знаменитаго адмирала и его сотоварищей по Академіи въ ихъ трудахъ, посвященныхъ изученію славянства; (****) торопливо они

(*) *Ib*. 65 — 66.

(**) *Соколовъ*, «Ученыя записки казанскаго университета». 1845 стр. 10

(***) «Сочиненія etc. адм. Шишкова» т. VI стр. 184.

(****) Таковы труды Шишкова: «Опытъ разсужденія о первоначаліи, единствѣ и разности языковъ» (т. V. 294 — 418; т. XI. 28 — 155; т. XIII 1 — 22. Первобытный человѣкъ, по Шишкову, могъ «отсутствіе свѣта представить себѣ подъ выраженіемъ *нпть очей*, которое сократилъ сперва въ *нечь*, а потомъ въ *ночь*, откуда пошли *nox*, *notte*, *nat* и пр. Изъ сего явствуетъ, что словенское слово, ближе всѣхъ другихъ показывающее коренное значеніе свое, долженствуетъ быть первобытное или родоначальное».

приводили въ исполненіе свои обширные замыслы,—но ими руководило вѣрное чутье, и—какъ знать — быть можетъ, наука со временемъ и извинитъ многія увлеченія шишковистовъ, и оправдаетъ нѣкоторыя изъ нихъ.....

Туже высокую преданность изученію славянства, но меньшее увлеченіе, трезвое отношеніе къ дѣлу мы находимъ въ стремленіяхъ и научной дѣятельности не членовъ оффиціальной академіи, но болѣе чѣмъ академіи — членовъ знаменитаго ученаго кружка государственнаго канцлера графа Румянцева: Востокова, митр. Евгенія, Калайдовича, Кеппена. Люди различнаго общественнаго и государственнаго положенія, они были близки другъ къ другу своею любовью къ славянству—къ его прошлому и настоящему. Достойныя вниманія времена! Съ умиленіемъ читаешь только что изданную «Переписку Востокова», съ благоговѣніемъ памятуешь того мужа, который, возвратившись съ вѣнскаго конгресса, не опасался снизойти до интересовъ славянства. Востоковъ неожиданно прочелъ послѣсловіе евангелія 1164 г., сообщаетъ объ этомъ Калайдовичу — и оба они увѣрены, какъ-то порадуется этому открытію самъ канцлеръ, больной, на Кавказѣ, на минеральныхъ водахъ. «Я въ обязанности нахожусь — пишетъ Румянцевъ Калайдовичу — принести вамъ мою благодарность за то, что... мнѣ передали *столь важное для меня извѣстіе* о достоинствѣ одного рукописнаго моего евангелія...»(*).

Корифеемъ этой румянцевской академіи былъ нашъ Востоковъ. Онъ былъ средоточіемъ и представителемъ славянской науки почти въ теченіе полувѣка, къ нему были

XI. 152); «Опытъ всеобщаго словаря» (т. XIII); «Собраніе языковъ и нарѣчій» (т. XIV—XVI) и др.

(*) «Переписка» № 33, стр. 67.

обращены взоры всѣхъ. «Что дѣлается съ вашею славянскою грамматикой — пишетъ Востокову Кеппенъ изъ Вѣны 1-го октября 1823 года—прошу Васъ увѣдомить меня объ этомъ для сообщенія здѣшнимъ ученымъ, которые въ семъ дѣлѣ желаютъ Вамъ возможнаго успѣха» (*). «Учителя и вождя своего на стезѣ грамматическихъ изслѣдованій» (**) онъ учитъ старому языку, представивъ ему обстоятельное изложеніе языка Остромирова евангелія, хотя не удостаивается отвѣта отъ заходящаго свѣтила славянской науки; гордый Копитаръ чувствуетъ свою слабость для изданія Клоціевой глаголиты, взываетъ о помощи къ Востокову: «sis rei peritissimus» (***); «хотя—нѣхотя вы должны мнѣ замѣнить Добровскаго» — говоритъ Копитаръ Востокову по другому поводу (****); для Шафарика Востоковъ лучшій якорь надежды (*****).

Если сравнить доселѣ ничѣмъ незамѣнимыя изданія румянцевскаго кружка: Іоанна Екзарха, Библіографическіе листы, Славянскіе памятники, Описаніе музейныхъ рукописей—съ давно забытыми (справедливо или нѣтъ) трудами членовъ Россійской Академіи, мы легко поймемъ, насколько плодотворнѣе для изученія славянства въ Россіи была ученая дѣятельность частнаго кружка предъ кипучею работою шишковской академіи. Достаточно замѣтить, что Востоковъ, самъ членъ Россійской Академіи, слишкомъ недовѣрчиво смотрѣлъ на вчинанія своихъ сотоварищей: «не задолго до того, какъ я былъ осчастливенъ письмомъ Вашего

(*) *Ib.* стр. 74.

(**) По выраженію самого Востокова въ письмѣ къ I. Добровскому въ 1824 г. *ib.* стр. 101.

(***) *Ib.* стр. 283.

(****) *Ib.* стр. 348.

(*****) *Ib.* стр. 355.

Сіятельства — пишетъ Востоковъ Румянцеву — сдѣлано мнѣ было порученіе отъ Россійской Академіи составлять вмѣстѣ съ П. Ив. Соколовымъ *Сравнительный словарь всѣхъ славянскихъ нарѣчій* на подобіе Линдева словаря.... Россійская Академія бѣдна матеріалами къ такому обширному труду, и я надѣюсь недостатки оныхъ частію пополнить изъ сокровищъ Вашей, С. гр., библіотеки... Порученное мнѣ Академіею составленіе словаря будетъ однакожъ для меня побочною только работою, пока я не кончу своей грамматики» (*).

Весьма естественно, если не люди шишковскаго направленія, а дѣятели кружка Румянцева, придавъ изученію славянства строгій научный характеръ, смогли пріобрѣсть этому изученію болѣе и болѣе общественнаго интереса, показать его значеніе и для русской науки, и для русской жизни, — и интересъ къ славянству изъ замкнутаго кружка избранныхъ людей переходитъ на болѣе широкую арену.

Я остановлюсь на нѣкоторыхъ фактахъ изъ нашей литературной и университетской жизни 30-хъ годовъ, на фактахъ, которые непосредственно предшествовали открытію славянской каѳедры въ университетахъ и которые, съ одной стороны, покажутъ, насколько расширились интерессы славянства ко времени распаденія румянцевскаго кружка, съ другой — послужатъ достаточнымъ объясненіемъ значенія реформы, произведенной гр. Уваровымъ на историко-филологическихъ факультетахъ — въ интересѣ русской науки.

Извѣстный своимъ безпощаднымъ скептицизмомъ, профессоръ—издатель «Вѣстника Европы», «Михаилъ Трофимовъ сынъ Каченовскій», былъ одинъ изъ первыхъ серьозныхъ ратователей въ русской журналистикѣ необходимост

(*) *Ib.* стр. 28.

славянскаго изученія для Россіи: онъ ясно и категорически заявилъ о нераздѣльности изученія Россіи отъ изученія всего славянства, изученія русскаго языка отъ изученія другихъ славянскихъ нарѣчій. Немилостиво разбирая «Исторію русскаго народа» Н. Полеваго, Каченовскій требовалъ отъ историка слѣдить за органическимъ развитіемъ основныхъ началъ славянства. «Развѣ жизнь, которою дышетъ народъ русскій — говоритъ Каченовскій по поводу книги Полеваго — течетъ изъ жилъ варяжскихъ? развѣ русскіе не суть кровныя дѣти знаменитыхъ славянъ, искони обитателей страны, донынѣ ихъ носящей и питающей? Вліяніе варяжскихъ пришельцевъ на образованіе восточныхъ славянъ въ Руси было совершенно внѣшнее, механическое, а не органически живое... Статочное-ли дѣло, ни думано, ни гадано, пуститься въ росказни о рогѣ съ пивомъ или медомъ, переходившемъ изъ рукъ въ руки пирующихъ Скандинавовъ, и вмѣстить въ немногихъ словахъ событія тысящелѣтій, совершившіяся на землѣ, составлявшей коренное жилище Народа Русскаго, съ племенемъ котораго родную отрасль онъ составляетъ» (*). Для объясненія наиболѣе трудныхъ явленій въ русской исторіи Каченовскій прибѣгалъ къ минувшей жизни славянъ: новгородскую вольную общину онъ выводилъ изъ муниципій балтійскихъ славянъ(**); Русскую Правду онъ пояснялъ изъ языка чешскаго и по-

(*) «Вѣстн. Европы» 1830. № 1 стр. 64 — 66. «Вѣстникъ Европы» вѣровалъ даже, что славянство есть новый элементъ въ исторіи человѣчества: «Русь, дщерь и представительница великаго Славянскаго племени, назначается маніемъ неисповѣдимаго промысла — разыгрывать первую роль въ новомъ дѣйствіи великой драмы судебъ человѣческихъ» (1830. № 2 стр. 150). Такъ было полвѣка назадъ.

(**) «О времени и причинахъ вѣроятнаго переселенія славянъ на берега Волхова» въ «Ученыхъ Запискахъ Московскаго Университета», 1834 г. № IX. Ср. «Журн. Мин. Нар. Просв.» ч. IV (1834) отд. 4 стр. 126.

лабскаго: «и не усматриваемъ ли мы—говоритъ Каченовскій—въ шумныхъ новгородскихъ вѣчахъ тѣхъ народныхъ сборищъ, которыя нѣкогда были принадлежностью Лютичей?» (*).

Славянскія нарѣчія, по мыслямъ «Вѣстника Европы», есть первый и главный источникъ для объясненія нашего роднаго языка. Въ № 8 за 1830 годъ нѣкто Босцѣша помѣстилъ статью: «Взглядъ на россійскія лѣтописи въ філологическомъ отношеніи». Косцѣша, сожалѣя, что языкъ лѣтописей, разнообразившійся по различію времени и мѣста, не подвергся еще филологической критикѣ, требуетъ составлять словари на лѣтописи и указываетъ на языкъ народный, на сравненія съ нѣмецкимъ и греческимъ, какъ на средства для такой критики. Но анонимный критикъ «Взгляда» идетъ далѣе и поправляетъ автора: «не менѣе справедливо сказанное въ піесѣ, что при составленіи особенныхъ словарей на лѣтописи... не безполезно прибѣгать и къ другимъ словарямъ. Здѣсь однако-же я позволилъ-бы себѣ изъясниться рѣшительно: я сказалъ-бы прямо, что языки, и въ особенности родственныя нашему нарѣчію, необходимо нужны—conditio sine qua non—для изслѣдователя сколько нибудь боязливаго...»(**). Критикъ упрекаетъ даже Карамзина въ невнимательности къ славянскимъ нарѣчіямъ. Указывая на передачу Карамзинымъ лѣтописнаго *вѣно* словомъ благодарность, критикъ замѣчаетъ: «справившись съ словарями родственныхъ нашему языковъ, онъ увидѣлъ-бы, что *вѣно*, *вяно* есть приданое». (***)

(*) Разборъ статьи Каченовскаго — «Разсужденіе о Русской Правдѣ» въ «Журналѣ Мин. Н. Просвѣщенія», ч. XII (1836 г.) отд. 6. стр. 370.

(**) «Вѣстн. Евр.» 1830 г. № 13, стр. 69.

(***) *Ib.* стр. 73.

Для Каченовскаго и его сотрудниковъ было совершенно ясно и то значеніе, которое имѣютъ труды Востокова — представителя румянцевскаго кружка—въ области славяно-русскаго изученія: «при опредѣленіи времени, къ которому принадлежитъ языкъ извѣстной лѣтописи, могутъ служить хорошимъ пособіемъ замѣчанія о славянскомъ языкѣ, изложенныя почтеннымъ нашимъ филологомъ Востоковымъ» (*).

Весьма естественно, если въ томъ университетѣ, которому Каченовскій посвятилъ свою многолѣтнюю жизнь— свой умъ и знаніе, мысли его объ изученіи славянства нашли впервые полное сочувствіе. Въ объявленіи московскаго университета о конкурсѣ «для желающихъ занять катедру краснорѣчія, стихотворства и языка россійскаго», послѣ смерти пр. Мерзлякова (26 іюля 1830), было потребовано отъ соискателя знанія славянскихъ нарѣчій. «Касательно языка россійскаго» соискатель долженъ былъ показать: «a) стихійныя начала его, сродство въ коренныхъ словахъ съ древними языками и законы этимологическихъ измѣненій; b) отношенія къ нему языковъ славянскаго происхожденія, прежде установившихся и получившихъ постоянныя формы, а именно: церковнаго, богемскаго и польскаго; c) отношенія къ тому-же языку россійскому нарѣчій областныхъ, преимущественно литовско-русскаго и юго-русскаго (малороссійскаго)» (**).

(*) «Вѣстн. Евр.» 1830 № 15 — 16, стр. 308.

(**) «Вѣстн. Евр.» 1830 № 21—22, стр. 154— 155. Замѣтимъ, что подобныя требованія были заявлены тогда, когда напр. орд. пр. Чановъ въ харьковскомъ университетѣ (въ 1832 — 33 г.) читалъ «риторику, піитику и исторію россійской литературы по руководству Греча» («Журн. Мин. Нар. Пр.» ч. IV (1834) стр. 365), и только въ казанскомъ университетѣ адъюнктъ Рыбушкинъ читалъ «славянскій языкъ», да въ демидовскомъ лицеѣ Зиновьевъ—отдѣльный курсъ—«О свойствахъ русскаго языка» (*ib.* Ср. ч. V (1835) стр. 320).

Въ 1830 г. «Вѣстникъ Европы» прекратилъ свое существованіе: но мысли его продолжали жить и развиваться въ литературѣ; «Библіотека для чтенія» Сенковскаго унаслѣдовала убѣжденія московскаго журнала. Разбирая курсъ словесности Глаголева, Сенковскій прямо заявилъ, что русская филологія находится въ ребячествѣ, а для выхода отсюда ей необходимо твердое знаніе языковъ польскаго, моравскаго, сербскаго, богемскаго, малороссійскаго и бѣлорусскаго. Противъ этого тяжелаго отзыва оріенталиста никто изъ людей науки не возражалъ. Одинъ только Руссовъ, любившій спорить ради спора, наивно отвѣчалъ Сенковскому въ сочиненіи «О подлинности Слова о полку Игоревѣ», что русская филологія не ребенокъ, что она началась еще вмѣстѣ съ христіанствомъ. Съ тѣмъ-же простодушіемъ Руссовъ возражаетъ Сенковскому, что «намъ польскій языкъ не нуженъ, потому что поляки насъ клеветали и были нашими врагами», что пускай тотъ, у кого есть досугъ и охота, учится разнымъ славянскимъ нарѣчіямъ: но въ нихъ Россія крайней надобности не имѣетъ, потому что «славяно-россійскій языкъ, отдѣлясь отъ прочихъ нарѣчій своихъ, возвысился, очистился, обогатился, образовался и продолжаетъ быстро развиваться».

Сенковскій не могъ отвѣчать подобнымъ противникамъ изученія славянства, смѣшивающимъ науку съ политикой; только С. Строевъ (подъ псевдонимомъ Скромненко) замѣтилъ Руссову, что ребячество русской филологіи — это аксіома, что изъ его собственныхъ словъ видно, «какъ мало знакомъ онъ съ исторіей языковъ славянскихъ и какъ худо понимаетъ значеніе науки филологіи» (*).

(*) «Сѣверная пчела» за 1834 г., № 291.

Ребячество доказалъ на себѣ Руссовъ; безсиліе ребенка не отрицалъ и тотъ, кто, безспорно, желалъ было поднять русскую филологію, но неудачно (*). Когда въ 1835 извѣстный Шафарикъ спросилъ М. П. Погодина въ Прагѣ объ особенностяхъ русскихъ нарѣчій, чѣмъ горячо интересовался уже ранѣе Копитаръ (**), «я — доноситъ г. Погодинъ гр. Уварову — краснѣя долженъ былъ отвѣчать ему, что на этотъ предметъ до сихъ поръ у насъ не обращали еще вниманія и что только книжный языкъ получилъ *недавно* хорошія грамматики отъ г. Греча, Востокова, Калайдовича» (***). Русскій путешественникъ говорилъ правду,— въ «Журналѣ Мин. Нар. Просвѣщенія» за 1835 годъ мы встрѣчаемъ тоже печальное признаніе: «въ первый разъ— замѣчаетъ онъ — видимъ книгу (Krótkie zebranie etc.) на *томъ* нарѣчіи, которымъ говоритъ въ Литвѣ и Бѣлоруссіи простой народъ, — такъ мало у насъ извѣстны отрасли природнаго нашего языка». Журналъ выражаетъ желаніе, чтобы наши филологи занялись «сравнительнымъ изученіемъ сего и другихъ нарѣчій — трудъ обширный, но отмѣнно полезный для языка и исторіи» (****).

Такимъ образомъ, мало-по-малу интересы изученія славянства подымались въ русскомъ ученомъ обществѣ более и болѣе; живѣе и живѣе сознавалась необходимость вводить славянскаго члена индоевропейской семьи въ глав-

(*) Переводомъ «Institutiones» Добровскаго, но не въ томъ видѣ, въ какомъ желалъ ихъ видѣть знаменитый Востоковъ еще въ 1823 году: я съ моей стороны не взялся-бы быть просто переводчикомъ этой грамматики, находя въ ней многое, требующее передѣлки, пополненія и сокращенія» (В—въ Калайдовичу). «Переписка». стр. 48.

(**) *Ib.* стр. 281, письмо Копитара къ Востокову 30 апр. 1830.

(***) «Журн. М. Н. Пр.» ч. VII (1835), стр. 548.

(****) Часть VIII, отд. 6, стр. 179 — 180.

нѣйшіе вопросы языкознанія. Профессоръ харьковскаго университета, нынѣ академикъ, Дорнъ издаетъ—«De affinitate linguae slavicae et sanscriticae», сочиненіе «весьма интересное по многимъ выводамъ» (*); академ. Греффе занимается «сравнительными этимологическими изысканіями надъ личными мѣстоименіями въ языкахъ древнихъ классическихъ и нарѣчіяхъ славянскихъ и германскихъ» (**).

Въ виду этого возрастающаго интереса къ изученію, къ ознакомленію съ славянствомъ, и министерство графа Уварова не могло остаться равнодушнымъ зрителемъ: оно любило науку. И дѣйствительно, оффиціальный органъ министерства, съ перваго-же года существованія (1834) съ самымъ полнымъ участіемъ отнесся къ дѣлу изученія славянства, настаивая на необходимости изученія его. Съ живой симпатіей относился «Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія» ко всякому явленію въ области славянской литературы, науки, жизни, въ области иностранной науки о славянствѣ—была-ли это поэма, сборникъ народныхъ пѣсенъ, памятникъ старины, филологическій или историческій трактатъ, какое либо литературное предпріятіе. Отводя на страницахъ своихъ мѣсто рецензіямъ, письмамъ объ явленіяхъ текущей славянской литературы, открывъ даже особую рубрику—«Литература славянскихъ нарѣчій», «Новости славянской литературы», журналъ гр. Уварова знакомилъ русскихъ читателей со всякимъ, сколько-нибудь интереснымъ сочиненіемъ по славянству, объявлялъ о цѣнѣ его, подпискѣ въ Петербургѣ и т. д. Приведемъ два, три факта.

Уже въ первомъ, вступительномъ томѣ «Журналъ М.

(*) *Ib.* часть II (1834), стр. 33.

(**) «Отчетъ Импер. Академіи наукъ за 1833 г.».

Н. Пр.» представилъ отчетъ о вышедшихъ въ 1833 году въ Австріи книгахъ по славянству: о грамматикѣ «для иллирійскихъ славянъ Берлиха (!), говорящихъ однимъ нарѣчіемъ съ сербами», объ «иллирійскомъ переводѣ вульгаты Палкониика (!)», о сербской христоматіи «для иллирійцевъ греческаго исповѣданія», т. е. Serbische Lesekörner Шафарика, «которая ясно доказываетъ, что нынѣшній сербскій языкъ во всѣхъ формахъ своихъ столь-же древенъ, какъ и славяно-церковный» и пр (*). Во второмъ томѣ помѣщена критика «Исторіи россійскаго государства» Страля: критикъ «Журнала» указываетъ автору, что «восточные источники могли-бы привести къ важнымъ результатамъ относительно происхожденія славянъ, еслибы мы тщательно сравнили славянскія нарѣчія съ восточными языками, руководствуясь тѣми правилами, кои сообщены намъ Добровскимъ, Греффе, Экономисомъ, Боппомъ и Дорномъ». Онъ упрекаетъ, далѣе, его, почему онъ нисколько не обратилъ вниманія на «различныя нарѣчія славянскія, которыхъ изслѣдованіе весьма важно для исторіи ихъ» (**). При выходѣ въ свѣтъ «Hystorja prawodawstw Słowiańskich» Мацѣевскаго, органъ гр. Уварова замѣчаетъ между прочимъ: «пора славянамъ заняться подробнымъ изслѣдованіемъ своихъ узаконеній и убѣдиться въ томъ, что какъ языкъ и нравы, такъ равно и узаконенія тѣсно связуютъ ихъ между собою» (***).

Теперь, принявъ во вниманіе всѣ вышеуказанныя обстоятельства—факты изъ нашей ученой, университетской и журнально-литературной жизни 30-хъ годовъ, мы легко поймемъ, что графъ Уваровъ, открывая новымъ универ-

(*) Стр. 479.
(**) Критика пр. Круве, стр. 35 — 37.
(***) Часть IV (1834) отд., I стр. 29.

ситетскимъ уставомъ 1835 года на историко-филологическихъ факультетахъ новую, славянскую каѳедру — «Исторіи и литературы славянскихъ нарѣчій» (§ 11,5), имѣлъ въ виду — удовлетворить не разъ громко заявленнымъ требованіямъ русской науки. Новая каѳедра имѣла, говоря словами Сенковскаго, вывести русскую филологію изъ ребячества съ одной стороны, дать вообще изученію славянства твердую точку опоры, вывести его изъ шатанія, обезопасить отъ случайностей, съ другой (*). Если введеніе каѳедры славянскаго права уставомъ 1863 года было вызвано состояніемъ русской юридической науки: «назначена новая каѳедра исторіи славянскихъ законодательствъ — говоритъ въ докладной запискѣ бывшій министръ г. Головнинъ—по причинѣ отсутствія которой въ русскихъ юридическихъ факультетахъ историческая разработка вопросовъ русскаго права не могла имѣть достаточныхъ основаній и страдало все изученіе русскаго права» (**); то съ неменьшимъ правомъ 30 лѣтъ тому назадъ была открыта

(*) Изъ «Переписки Востокова» мы видѣли, насколько занятія славянствомъ имѣли домашній, семейный характеръ, и какъ много зависѣли они отъ случая. Чтобы заняться хорутанскимъ языкомъ, Востоковъ долженъ былъ обратиться къ государств. канцлеру съ просьбой—выписать для него нѣсколько книжекъ на этомъ нарѣчіи, и какъ В—овъ былъ радъ, когда эти книжки были получены. Еще въ болѣе затруднительномъ положеніи было изученіе славянства среди австрійскихъ славянъ, какъ это мы видимъ изъ переписки Шафарика съ Я. Колларомъ, печатающейся въ журналѣ чешскаго Музея. Занимаясь въ 1821 году хорутанскимъ языкомъ, Шафарикъ чистосердечно признается, что въ глаза еще не видѣлъ Копитаровой грамматики (письмо 6 «Čas» 1873. II), хотя она вышла въ Австріи въ 1808 году; приготовивъ свою знаменитую «Исторію слав. литературы», Шафарикъ отчаявался — будетъ-ли она когда издана (письмо 13 — 14, ib. вып. VI); живя въ южной Венгріи, онъ не могъ добыть свѣдѣній о сѣверной Венгріи—напр. о числѣ словаковъ, русскихъ (ib).

(**) «Проектъ общаго устава Императорскихъ Россійскихъ университетовъ». Спб. 1862. Тип. Ак. Н. § 17. 3).

на историко-филологическихъ факультетахъ каѳедра «Исторія и литературы славянскихъ нарѣчій»: въ указаніи отношеній роднаго къ родовому новая каѳедра должна была дать русской филологической и исторической наукѣ достаточныя основанія и возвысить ея цѣну.

Въ имени, которымъ были обозначена славянская каѳедра гр. Уваровымъ въ уставѣ 1835 г., мы видимъ всѣ признаки новой, еще не сформировавшейся науки: «Исторія и литература славянскихъ нарѣчій» не даетъ намъ указанія ни содержанія, ни объема славянской науки; — выяснить все это принадлежало тѣмъ избранникамъ, которымъ выпала трудная обязанность быть первыми вѣстителями славянской науки съ университетской каѳедры.

Если современному французскому славису изученіе славянства напоминаетъ дантовъ лѣсъ (*), то лѣсъ этотъ былъ еще темнѣе, когда вступили въ него первые наши университетскіе слависты, по указанію гр. Уварова. «Море великое — въ глубь никто не пускался!» могли сказать они (**), направляясь въ славянскія земли—для единственно возможнаго изученія славянства — на мѣстѣ.

Въ октябрѣ 1837 уѣхалъ за море нашъ старѣйшій славистъ, О. М. Бодянскій, предназначенный тогда на московскую каѳедру: онъ открылъ собою ученыя паломничества въ славянство (***), поэтому его взглядъ на славянскую науку для насъ особенно интересенъ.

(*) *L. Leger*, «Le monde slave». Paris, 1873, p. XXIV.

(**) «Рукописная литература славяно-русская море великое: въ глубь никто не пускался» — сказалъ П. Строевъ, окончивъ путешествіе по монастырямъ Россіи. «Журн. Мин. Н. Пр.» ч. V (1835) стр. 98.

(***) До него путешествовали у австрійскихъ славянъ: П. И. Кеппенъ — въ 1823 г., и М. П. Погодинъ — въ 1835 г. Кеппенъ былъ первый русскій, изучившій Венгрію. Ср. «Библіографическіе Листы» № 12. стр. 168 и сл. «(о валахахъ); стр. 471 (о слав. словахъ у мадьяръ)», *Его-же*—

Для Осипа Максимовича «Исторія и литература славянскихъ нарѣчій» обнимала самыя разнообразныя стороны жизни славянства: языкъ въ его историческомъ развитіи и въ народныхъ говорахъ, литература, исторія, археологія, право—все это входитъ въ область изученія новой каѳедры; во всестороннемъ изученіи славянства — цѣль слависта. «Я постановилъ себѣ обязанностію—пишетъ онъ въ своемъ первомъ отчетѣ—всѣ, какія только встрѣтятся мнѣ библіотеки, къ коимъ можно имѣть доступъ, осмотрѣть и узнать, не скрывается ли въ нихъ какихъ либо замѣчательныхъ письменныхъ и печатныхъ древнихъ памятниковъ, относящихся къ древне-славянской, русской и прочихъ славянскихъ племенъ исторіи, литературѣ и языкамъ». «Въ четыре прожитые мною здѣсь (въ Прагѣ) мѣсяца я исключительно занимался теоретически — систематическимъ усовершенствованіемъ себя въ старомъ и ново-чешскомъ, словацкомъ, верхне-и нижне-лужицкомъ языкахъ, ихъ исторіи литературы и исторіи народа... Теперь я занимаюсь дальнѣйшимъ усовершенствованіемъ своихъ познаній въ теоріи древне-славянскаго церковнаго языка по старо-печатнымъ и рукописнымъ памятникамъ, предпочтительно болгарскимъ и сербскимъ, въ сербскомъ языкѣ, его исторіи литературы и исторіи самого народа. Въ концѣ мая оставлю Прагу, намѣреваясь обозрѣть замѣчательнѣйшія историческія мѣста Чехіи, вмѣшаться въ самый народъ, особенно тамъ, гдѣ онъ говоритъ еще не испорченнымъ роднымъ языкомъ, сдѣлать наблюденія надъ его отмѣнами...» (*) Но среди этой массы изученія Осипъ Максимовичъ останавливается

«Literärnotizen betreffend die madyarischen Dialekte in Ungern und Siebenbürgen». Ptrb. 1826. и письма въ «Ж. М. Н. Пр.» ч. XI (1836) отд. 6. стр. 211.

(*) Отъ 23 марта 1838. «Ж. М. Н. Пр.» XVIII (1838). 393 — 403. Ср. отчетъ отъ 1 февраля 1832. ib. XVIII (1839) отд. 4—стр. 29.

съ особеннымъ вниманіемъ на практическихъ занятіяхъ славянскими нарѣчіями; практическое усвоеніе ихъ онъ тѣсно связываетъ съ успѣхомъ славянской каѳедры въ университетѣ. «Въ теченіе годоваго пребыванія моего заграницей—пишетъ онъ въ заключеніе втораго отчета—кромѣ ближайшаго знакомства съ исторіей и литературой чешской, польской, словацкой и сербской, я успѣлъ *усвоить* (курс. подл.) себѣ и языки этихъ четырехъ народовъ и имѣю твердую надежду, при помощи Божьей, то-же сдѣлать и съ остальными славянскими языками, т. е. булгарскимъ, словинскимъ, верхне-и нижне-лужицкимъ. Я въ душѣ своей глубоко убѣжденъ, что безъ короткаго и основательнаго знакомства, или, лучше, *усвоенія* (курс. подл.) себѣ этихъ языковъ нельзя дѣйствовать съ полной надеждой на успѣхъ и пользу на ожидающемъ меня поприщѣ преподаванія» (*).

Въ приведенныхъ словахъ мы слышимъ полную исповѣдь нашего перваго магистра славянскихъ нарѣчій—какъ онъ понималъ науку, введенную въ университетъ уставомъ 1835 года,—«Исторію и литературу славянскихъ нарѣчій». Внѣ спора, въ умныхъ отчетахъ нашего многопытливаго странника, мы видимъ, говоря вообще, правильно намѣченныя границы, пространство славянской науки: Осипъ Максимовичъ не ошибся, когда въ сферу славянскаго изученія внесъ, вмѣстѣ съ языками и литературой, исторію и археологію — дальнѣйшее развитіе изученія славянства не противурѣчило его взглядамъ. Съ однимъ только позволительно не согласиться: въ нѣсколько преувеличенномъ значеніи практическаго «усвоенія» славянскихъ нарѣчій, говоровъ. — Кто, пробираясь изъ одного края въ другой, не

(*) «Ж. М. Н. Пр.» ч. XXIII. отд. 4. стр 29. 30.

замѣтилъ за собой, что, прежде чѣмъ говорить на языкѣ страны новаго мѣстожительства, необходимо бываетъ позабыть, на время, языкъ страны послѣдняго пребыванія? Близость нарѣчій неминуемо влечетъ путаницу ихъ.

Не столь широко раскинулъ границы славянской каѳедры преждевременно погибшій для русской науки высокоталантливый Петръ Ивановичъ Прейсъ. И онъ, какъ нашъ старѣйшій славистъ, занимается и исторіей, и литературой; но во всѣхъ его заграничныхъ занятіяхъ былъ одинъ центръ тяжести — языкъ; около него располагались другія области, по степени ихъ важности для языка (*). Спеціализировавшись на языкѣ, Прейсъ останавливается не столько на усвоеніи славянскихъ нарѣчій, сколько на опредѣленіи отношеній ихъ между собою и къ языкамъ индоевропейской семьи.

«Мои занятія преимущественно состояли въ изученіи языка литовскаго, котораго знаніе сдѣлалось необходимостью для филолога славянскаго» — этими знаменитыми словами начинаетъ Прейсъ свое первое донесеніе гр. Уварову, начавъ изученіе славянства съ Литвы (**). Это изученіе привело его къ глубокому убѣжденію въ самостоятельности лит. языка и въ тѣсной связи съ славянствомъ. «Филологъ съ живѣйшимъ интересомъ разсматриваетъ работу народа, который, получивъ матеріалъ, общій европейскимъ языкамъ, распоряжается имъ и формуетъ своеобразно, національно».

(*) «Литовское племя — говоритъ Прейсъ — характеризуетъ свою особенность не однимъ языкомъ: она выражена еще самостоятельнѣе и сильнѣе въ его миѳологіи. Я постоянно имѣлъ въ виду этотъ предметъ: его нельзя исключить изъ круга занятій славянскаго филолога». «Не исключаю исторіи изъ круга своихъ занятій въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ она требуетъ помощи филологіи». 1-ое донесеніе. «Ж. М. Н. Пр.» ч. XXVI (1840) отд. 4. стр. 28.

(**) «Ж. М. Н. Пр.» XXVI (1840). отд. 4 стр. 17.

«Консонантизмъ славянскихъ языковъ, развиваясь постепенно и послѣдовательно, произвелъ сильный переворотъ въ судьбѣ грамматическихъ формъ. Языкъ литовскій, оставаясь вѣрнымъ вокализму, сохранилъ ихъ въ болѣе первоначальномъ видѣ. Преимущественно въ послѣднемъ отношеніи языкъ сей необходимъ для славянскаго филолога и принадлежитъ къ важнѣйшимъ источникамъ и матеріаламъ для исторіи славянскихъ языковъ. Критическое сличеніе сихъ послѣднихъ съ языкомъ литовскимъ, осмѣливаюсь думать, принесетъ существенную пользу славянской филологіи» (*). Изъ Литвы Прейсъ переходитъ къ кашубамъ, изучаетъ ихъ языкъ, опровергаетъ мнѣніе Мронговіуса, иностраннаго сочлена румянцевскаго кружка, о близости его къ русскому языку и утверждаетъ отношеніе его къ языкамъ польскому и полабскому (**). Далѣе мы не будемъ слѣдить за Прейсомъ.

Такимъ образомъ, для Прейса «Исторія и литература славянскихъ нарѣчій» была прежде всего каѳедрой языка, «славянской филологіи». Но если онъ въ этомъ отношеніи съузилъ границы, намѣченныя его первымъ сотоварищемъ, то съ другой стороны онъ ихъ раздвинулъ чрезъ внесеніе литовскаго языка въ область славянскаго изученія. Указавъ значеніе Литвы «для исторіи славянскихъ языковъ», Прейсъ

(*) *Ib.* 19. 22. Чтобы видѣть, какимъ мощнымъ орудіемъ въ рукахъ Прейса былъ литовскій языкъ, мнѣ достаточно указать, что знаменитый славистъ, анализируя литовское склоненіе, прозрѣлъ и въ славянскихъ языкахъ тему на *u* (оу): «сличая склоненія, литовскія съ славянскими, находимъ, что въ послѣднихъ нѣтъ особаго склоненія, соотвѣтствующаго литовскому на *u*. При дальнѣйшемъ однакоже изслѣдованіи оказывается, что слав. языки сохранили это склоненіе въ нѣкоторыхъ только падежахъ, но затмили его начало». *Ib.* 24. Лестный отзывъ о Прейсѣ Востокова еще до путешествія, см. «Переписку». Стр. 466.

(**) 2-е донесеніе. «Ж. М. Н. Пр.» ч. XXVII (1840). 4 стр. 1—13.

пріобрѣлъ право на глубокую признательность отъ потомства.

Близкій товарищъ по занятіямъ и странствованію Прейса, третій нашъ путешественникъ, Измаилъ Ивановичъ Срезневскій, и въ своихъ убѣжденіяхъ относительно изученія славянства былъ болѣе или менѣе близокъ къ нему: но если Прейсъ былъ прежде всего историкъ славянскихъ языковъ, то Измаилъ Ивановичъ—этнографъ ихъ (*). Изученіе нарѣчій съ ихъ богатыми говорами онъ тѣсно связывалъ съ изученіемъ бытовыхъ условій жизни, и потому въ полномъ этнографическомъ изученіи славянства — его говоровъ, произведеній оригинальнаго народнаго ума и фантазіи, нравовъ, обычаевъ, вѣрованій — онъ ставилъ первую задачу слависта. «Все, что составляетъ предметъ литературы въ обыкновенномъ значеніи этого слова — говоритъ Измаилъ Ивановичъ въ введеніи къ своему первому отчету — не можетъ быть однакожъ исключительнымъ предметомъ его (слависта) наблюденій. Онъ долженъ узнать языкъ славянскій въ его коренной характеристикѣ и многообразныхъ измѣненіяхъ въ разныхъ странахъ и въ разные вѣка, долженъ обращать особенное вниманіе на тѣ произведенія, въ которыхъ отразились, которыя одушевили наиболѣе умъ и фантазію, вкусъ и образованность славянъ, какъ племени, отличнаго отъ другихъ по духу и жизни». Для достиженія всѣхъ этихъ цѣлей славистъ долженъ изучать старинные памятники, сохранившіе свѣжѣе всего «народность языка, народность мысли и чувства», итти въ народъ — «вслушиваться

(*) Маститый нашъ академикъ, съ особеннымъ сочувствіемъ вспоминая свое нѣкогдашнее путешествіе вмѣстѣ съ Прейсомъ по славянскимъ землямъ, говоритъ въ «Перепискѣ Востокова»: «мы даже надѣялись представить одинъ общій отчетъ... съ тѣмъ, что Прейсъ возьметъ на себя описаніе памятниковъ письма, а я описаніе памятниковъ живой рѣчи, нами записанныхъ, и отличій мѣстныхъ говоровъ». стр. 467.

въ его рѣчь, простую, не испорченную исполненіемъ придуманныхъ правилъ, въ его пословицы, пѣсни, преданія, въ которыхъ онъ выражаетъ себя, свой умъ и фантазію, вкусъ и понятія, свою жизнь и свое прошедшее, такъ простосердечно и такъ полно». Но изслѣдованію лингвистико-литературному славянства должно предшествовать предварительное изученіе современнаго быта: «чтобы онъ (славистъ) могъ понять сознательно то, что прочтетъ въ старыхъ хартіяхъ, и услышитъ въ деревняхъ и поляхъ, онъ долженъ узнать образъ жизни славянъ, ихъ нравы и обычаи, вѣрованія и обряды». «Такъ—заключаетъ Измаилъ Ивановичъ—понялъ я долгъ, наложенный на меня путешествіемъ по землямъ славянскимъ» (*).

И такъ, этнографія славянства, какъ индивидуальной особи, «отличной отъ другихъ по духу и жизни», ея выраженію въ языкѣ, «простосердечной» народной литературѣ и бытѣ—вотъ задача «Исторіи и литературы славянскихъ нарѣчій». Ею опредѣляются и составныя части славянской науки: исторія и географія языка, литература и, прежде всего, народная, исторія бытовая. Таково было убѣжденіе Измаила Ивановича. Понятно, что съ этой точки зрѣнія многія явленія славянской жизни, по видимому, крупныя и

(*) Отъ 8 февраля 1841 г. «Ж. М. Н. Пр.» ч. XXXI (1841) отд. 4. стр. 9. 10. 11. Донесенія — этнографическаго характера. Въ нихъ Измаилъ Ивановичъ говоритъ о кашубахъ, чехахъ, упрекая послѣднихъ за небреженіе къ изученію своей народности, о мораванахъ, съ удовольствіемъ замѣчая, что Моравія сохранила въ бо́льшей чистотѣ свою народность, силезцахъ, лужичанахъ, у которыхъ онъ нашелъ много старославянскаго и даже русскаго, словенцахъ, у которыхъ онъ съ сожалѣніемъ замѣтилъ крайне слабое развитіе «этнографическихъ и филологическихъ изслѣдованій», объ угорскихъ и галицкихъ русскихъ, на нарѣчіи которыхъ онъ остановился съ особеннымъ вниманіемъ. 2-й отчетъ въ «Ж. М. Н. Пр.» ч. XXXVII (1843). Ср. путевыя письма Измаила Ивановича къ Ганкѣ, печатавшіяся въ журналѣ чешскаго Музея за 1840, 1841 и 1842 года, о тѣхъ же предметахъ.

блестящія, какъ поэзія Дубровника-Рагузы, теряютъ свой позаимствованный блескъ.

Намъ остается еще коснуться воззрѣній на славянскую каѳедру четвертаго нашего слависта-ветерана, Виктора Ивановича Григоровича, посланнаго гр. Уваровымъ позже другихъ — въ 1844 году — за границу «для усовершенствованія въ исторіи и литературѣ славянскихъ нарѣчій» на два съ половиною года. Не историческое изученіе языка, не всестороннее этнографическое изслѣдованіе славянскихъ нарѣчій привлекало вниманіе Виктора Ивановича, а интересы славянской письменности, особенно начальной, интересы перваго просвѣщенія. Въ основаніе всего славянскаго изученія онъ ставилъ изслѣдованіе вопросовъ, связанныхъ съ судьбой славянскихъ письменъ, и съ юношескимъ жаромъ онъ устремился на отважное странствованіе по балканскому полуострову—изъ Солуня въ Охридъ, изъ Охрида въ Прилипъ, Скопію, Истибъ, Меленикъ, Рыло, Филиппополь, Трьново, Букарештъ, безъ фирмана, съ небольшими деньгами въ карманѣ, осматривая повсюду монастыри и ихъ библіотеки, разыскивая «лапидарные и письменные памятники» (*). Историко-литературные интересы заставили его остановиться на византійской литературѣ, на языкѣ румынскомъ въ Македоніи и Валахіи, на письменности румынской, на памятникахъ югозападныхъ славянъ. «Въ Рагузѣ посвятилъ я время давно желаннымъ и, смѣю сказать, пріятнѣйшимъ занятіямъ. Рано развившаяся въ семъ городѣ литература не могла не быть предметомъ особеннаго любопытства» (**). Вопросы языка стояли у Виктора Ивано-

(*) *Григоровичъ*, «Краткая записка о путешествіи». «Ж. М. Н. Пр.» LIV (1845). отд. 4. стр. 27.

(**) *ib.* 35.

вича на второмъ планѣ. «Изъ Вѣны отправился я путешествовать по южнымъ австрійскимъ владѣніямъ и въ Бѣлградъ сербскій. Цѣль сего путешествія была пріобрѣтеніе полнѣйшихъ свѣдѣній въ языкахъ и письменности славянскихъ племенъ... Долгомъ почитаю довести до свѣдѣнія, что вообще въ такихъ предпріятіяхъ я менѣе имѣлъ въ виду разнообразіе говоровъ одного и того же нарѣчія... При изученіи какого либо нарѣчія, принималъ я за главное познаніе того, которое болѣе возведено къ письменности» (*). Другими словами, на изученіе славянскихъ языковъ онъ смотрѣлъ съ точки зрѣнія педагогической (**). Расходясь такимъ образомъ болѣе или менѣе значительно въ постановкѣ вопросовъ для славянской каѳедры отъ своихъ старѣйшихъ сотоварищей, въ особенности, отъ Прейса и г. Срезневскаго, Викторъ Ивановичъ былъ согласенъ съ ними въ опредѣленіи системы науки, въ указаніи ея содержанія. Въ «Программѣ преподаванія славянскихъ нарѣчій», напечатанной имъ еще въ 1841 году, содержаніе ея опредѣлялось слѣдующими частями: собственно славянскія нарѣчія, исторія литературъ и древности (исторія бытовая и политическая).

Тяжелымъ, долгимъ трудомъ выработанныя воззрѣнія на открытую графомъ Уваровымъ каѳедру «Исторіи и литературы слав. нарѣчій» первыхъ нашихъ профессоровъ въ трудную эпоху первыхъ начинательныхъ работъ, по-

(*) *ib.* 34.

(**) Эта мысль нѣсколько разъ повторяется въ отчетѣ: «изъ всѣхъ частей будущаго преподаванія существенно полагалъ я всегда славянское языкознаніе»—говоритъ Викторъ Ивановичъ и потому, занимаясь лингвистическими сочиненіями Шафарика, замѣчаетъ: «такіе труды, въ высшей степени соотвѣтствующіе назначенію моему, должны были быть предметомъ ближайшихъ изученій». *ib.* 39.

слѣдовавшее затѣмъ разбирательство среди многообразнаго, почти не тронутаго матеріала—даютъ возможность предвидѣть, въ какихъ направленіяхъ должно было пойти славянское изученіе у насъ, какіе интересы оно имѣло захватить въ будущемъ. Обозрѣвъ мысленнымъ окомъ блестящую ученую и педагогическую дѣятельность нашихъ первыхъ славистовъ, мы видимъ, какъ постепенно шло впередъ, развивалось и утверждалось изученіе славянства въ указанныхъ ими трехъ направленіяхъ: лингвистическомъ, историко-литературномъ и историческомъ (исторія, бытъ, миѳологія). Вспомнимъ тѣхъ людей науки, которые образовались ихъ трудами, вышли изъ ихъ школы: Соколова, Новикова, Гильфердинга, Лавровскаго, Ламанскаго, Майкова, Макушева, Дювернуа. Можно замѣтить только, что съ наименьшей силою развивалось направленіе историко-литературное, съ наибольшей — историческое: изъ названныхъ восьми именъ пять принадлежатъ исторіи; направленіе лингвистическое заняло середину. Высокая, самоотверженная дѣятельность нашихъ первыхъ учителей въ области славизма и ихъ многочисленныхъ и достойныхъ учениковъ создала русскую славистику, подняла славянское изученіе, и славянская наука выходитъ за тѣсные предѣлы своей земли. Можно сказать болѣе: изученіе славянства только впервые на русской почвѣ отрѣшилось отъ мелкихъ личнонародныхъ и политическихъ счетовъ(*), возвысилось до

(*) Шафарикъ очень рано сталъ заподозрѣвать ученую честность Копитара (письмо къ Коллару отъ 18 августа 1824. «Časopis». 1873. стр. 392. Ср. письмо отъ 10 марта 1822—судъ его объ орѳографіи Вука. ib. стр. 124). Копитаръ, въ свою очередь, уже во второмъ письмѣ къ Востокову обозвалъ Ганку шарлатаномъ («Переписка» стр. 282), слѣдуя по пути Добровскаго (Ср. «Wiener Jahrb». 1824. т. XXVII). Для чешскихъ ученыхъ Копитаръ былъ какимъ-то злымъ духомъ: «онъ былъ лукавый Мефистофель славянской литературы, полный пристрастія и, что хуже того, политическо-религіозный сплетникъ» — пишетъ чистосердечно Ганка Востокову, которому западные слависты обык-

уровня безстрастнаго изслѣдованія и, подвергшись систематизаціи, приняло форму опредѣленной, правда, частной, но необходимой науки въ системѣ другихъ гуманныхъ наукъ. Неясное, неточное наименованіе славянской каѳедры въ уставѣ граѳа Уварова получило теперь опредѣленную формулировку. Въ проектѣ университетскаго устава 1862 года мы читаемъ: «въ историко-филологическомъ факультетѣ полагаются слѣдующія каѳедры и науки:... 6) славянская филологія: а) славянскія нарѣчія, б) исторія славянскихъ литературъ, в) исторія славянскихъ племенъ г) славянскія древности» (**). Правда, уставъ 1863 г. опустилъ третію науку—исторію славянскихъ племенъ — изъ каѳедры «славянской филологіи», но въ наши дни мы слышимъ голоса, справедливо совѣтывающіе возвратиться къ воззрѣніямъ проекта устава 1862 года.

Такимъ образомъ, историко-филологическій факультетъ благоволитъ усмотрѣть, что въ настоящее время каѳедра славянской филологіи, состоя изъ трехъ-четырехъ, хотя близкихъ, но болѣе или менѣе отдѣльныхъ обширныхъ наукъ, есть настолько необъятное поле для изслѣдованія, что не подъ силу одного человѣка охватить его. Масса новыхъ задачъ, вызываемыхъ изученіемъ славянства, — укажу на многія параллельныя явленія въ жизни славянскихъ нарѣчій съ языками романскими, выставляетъ массу новыхъ требованій. Современное состояніе славянской науки требуетъ отъ каждаго, занимающагося ею, тѣмъ строже

нозенно жаловались на свои кручины. («Переписка» стр. 372). Ср. также Челаковскаго «Sebrané listy». Praha, 1865, стр. 419. Вообще отношенія между зап. славистами были некрасивыя, и личное пристрастіе вносилось въ науку.

(**) «Проектъ общаго устава Императорскихъ университетовъ». Спб. 1862. тип. Ак. Н. стр. 2. § 12.

отнестись къ себѣ, чѣмъ меньше опыта имѣетъ онъ за собой. Можетъ ли человѣкъ, начинающій только еще разбираться въ сферѣ съ каждымъ днемъ растущей науки, принять на себя изученіе всего славянства, поставить себѣ цѣлію всестороннее изученіе его, всѣ проявленія его тысячелѣтней жизни? Ему позволительно, не покидая интересовъ цѣлой науки, не разбрасываясь, отмѣрить себѣ извѣстную сферу изученія и на ней остановиться. Вотъ почему немногія области изъ немногихъ наукъ-частей «славянской филологіи» я дозволилъ бы себѣ сдѣлать предметомъ моихъ занятій въ двухлѣтнюю бытность мою за границей. Двухлѣтній срокъ, быть можетъ, покажется нѣсколько долгимъ; но, помимо того, что лингвистическое и историко-литературное изученіе нѣкоторыхъ племенъ славянскихъ (на которомъ я позволю себѣ остановиться) въ Австріи, Венгріи, Румыніи, Турціи и Сербіи, какъ работа медленно-кропотливая, не возможно въ короткое время, я могъ бы еще сослаться на мнѣніе знаменитаго судьи въ дѣлѣ славянскомъ. Когда первый отрядъ нашихъ славистовъ собирался въ путь — дорогу, Востоковъ писалъ петербургскому попечителю о путешествіи Прейса: «срокъ, назначенный путешественнику для объѣзда всѣхъ земель, которыя онъ долженъ будетъ посѣтить,—два съ половиною года, отнюдь не великъ» (*). Да будетъ же позволено мнѣ примѣнить къ себѣ слова, сказанныя десять лѣтъ назадъ, какъ дружескій совѣтъ, нашимъ именитымъ славистомъ, В. И. Ламанскимъ, своему собрату по профессіи — Е. И. Фортунатову, когда они начинали свое славянское путешествіе: «каждый изъ русскихъ, изучающихъ въ Австріи и Турціи славянскія нарѣчія, долженъ объѣхать по возможности всѣ земли, —

(*) «Переписка», стр. 466.

но пусть всякій изъ нихъ изучитъ одинъ народъ по преимуществу» (*). Этотъ совѣтъ будетъ моею руководною нитью.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній, я перехожу къ изложенію плана путешествія и программы занятій.

Начиная съ ближайшаго, я считалъ бы удобнымъ прежде всего остановиться на Галиціи. Восточная Галиція представляетъ особенный интересъ. Во Львовѣ—средоточіе ученой и литературной дѣятельности русскихъ и польскихъ галичанъ; но, помимо этого, Львовъ удобный пунктъ, откуда легко дѣлать экскурсіи въ разныя направленія: на в. отъ Сана идутъ русскіе говоры, на з.—польскіе. Положеніе русскаго нарѣчія въ старину и въ наше время — вотъ тѣ два филологическіе вопроса, которые, прежде всего, представляются наблюдателю. Какъ далеко шла малороссійская рѣчь на западъ въ старое время и, если этнографическая граница малоросовъ и поляковъ на западѣ была въ старину не та, что̀ теперь, то въ какомъ порядкѣ шло это измѣненіе границы (**)? Тѣже вопросы имѣютъ мѣсто и по отношенію къ юговосточной границѣ малороссійскаго племени, гдѣ оно сосѣдитъ съ румынами: русскій-ли элементъ жилъ здѣсь на счетъ румынскаго, или наоборотъ? Но, помимо этого, историческія судьбы самого малороссійскаго нарѣчія въ Галиціи и Буковинѣ, безъ отношенія къ сосѣдямъ, представляютъ высокій интересъ для славянскаго языковѣда. Русскіе по сю и по ту сторону «Горбовъ» (Карпатъ) суть автохтоны страны: исторія не

(*) «Ж. М. Н. Пр.» ч. CXVII (1863). стр. 256. (отчетъ Фортунатова).

(**) Въ 1/2 XVII в. въ одной Перемышльской епархіи было 3.400 приходовъ съ 3 милліонами прихожанъ; теперь—700 приходовъ и 800.000 прихожанъ. А. Бадудянскій». «Исторія церковная Новаго Завѣта». «Вѣна. 1851, 3 изд.). ч. II. стр. 183. пр. ж).

знаетъ о ихъ приходѣ сюда, но знаетъ, что уже очень рано отсюда выходили цѣлые народы — сербы, хорваты въ VII вѣкѣ; раннія преданія чешскія выводятъ также свой народъ изъ-за Горбовъ; здѣсь искони имя «русскій» было словомъ домашнимъ (*); здѣсь уже первая славянская церковь содѣйствовала просвѣщенію русскаго народа (**). Понятно, что и языкъ карпатскихъ русскихъ — этой старѣйшей исторической вѣтви русскаго народа, столь же древній, какъ и русскій человѣкъ въ Карпатахъ, его исторія и современное состояніе, могутъ объяснить не мало, какъ въ

(*) «Попытайте нынѣ — говоритъ извѣстный знатокъ Галиціи—якого нибудь простолюдина греческаго исповѣданія надъ Днѣстромъ, Сяномъ або Попрадомъ, надъ верхнею Тисою, Латорицею або Вугомъ, пôдъ Черногорою (на Покутью) або пôдъ Лôмницею на Спѣжу: «Якій ты чоловѣкъ»? Онъ вѣрно вамъ ôдповѣсть: «Русинъ» (Руснакъ).—Та якои ты вѣры?—«Рускои».—Навѣть забувшіи свôй языкъ именують ся чужимъ говоромъ: «Оросъ — емберекъ» (рускіи люде) — я говорю тутъ о мадярахъ греч. исповѣданія». *Я. Головацкій.* «Вѣнокъ русинамъ на обжинки». II. Вѣна, 1847, стр. 145. 146. О стародавности русскаго имени у Горбовъ свидѣтельствуютъ и древнѣйшіе венгерскіе лѣтописцы («Multi de Ruthenis Almo duci adhaerentes secum in Panoniam venerunt, quorum posteritas usque in hodiernum diem (XI или XII вѣкъ) per diversa loca in Hungaria habitat») и средненѣмецкіе памятники («Nibelunglied». по изд. Лахманна, строфы 1279. 1280). Ср. *I. Bidermann.* «Die ungarischen Ruthenen». I. 6 и сл.

(**) Намъ неизвѣстны границы Меѳодіевой епархіи, особенно на в.; н вѣроятно, онѣ были тѣже, что и пражской епископіи въ X вѣкѣ:» Inde a orientem hos fluvios habet terminos: *Bug* et Ztir (вар. Ztiz, Zur) cu Cracoua civitate provinciaque cui Vag nomen est... Inde Ungarorum (ва Ungariorum, у Иречка въ Кодексѣ Ungaroruff) limitibus additis usque a montes, quibus nomen est Tritri (вар. Tatri), dilatata procedit». (Хрони Козьмы по рук. XII в. въ изданіи Кёппке. «Monum. hist. German» т. X стр. 92). Слѣд. югоз. Русь по Стырь (притокъ Припети) могла находиться въдѣніи Меѳодія. Какъ бы то ни было, исторія знаетъ о славянскомъ хр стіанствѣ въ Карпатахъ уже въ XI вѣкѣ, ибо съ этого времени иду частыя попытки къ обращенію русскихъ въ латинство. Свидѣтельства собра у А. Балудянскаго. «Исторія церковная». ч. II. стр. 179. пр. в.) Ср. ст 189. 203.

жизни западныхъ славянскихъ языковъ, такъ въ судьбѣ русскихъ нарѣчій на востокѣ (*). Дѣйствительно, особенности малорусскаго нарѣчія, и, преимущественно, въ Галиціи, давно уже обратили на себя вниманіе историковъ слав. языковъ. Еще въ 20 годахъ каноникъ Могилевскій въ статьѣ «О русскомъ языкѣ» доказывалъ исконное различіе малорусскаго нарѣчія «отъ прочихъ вѣтвей славянскаго языка» (**); Востоковъ ставилъ русскій языкъ въ средину между 2-мя разрядами Добровскаго; Максимовичъ въ своемъ извѣстномъ сочиненіи: «Критико-историческое изслѣдованіе о русскомъ языкѣ» (***), выдѣливъ русскій языкъ въ особую фамилію, малорусское нарѣчіе ставитъ въ такое-же отношеніе къ великорусскому, въ какомъ находятся задунайскія нарѣчія (болгаро-сербо-краинскія) къ западнымъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ около него группируетъ всѣ славянскіе языки: «южнорусскій языкъ оказывается наиболѣе далекимъ отъ разряда югозападнаго — говоритъ М. — и, примыкая непосредственно къ языкамъ сѣверозападнымъ, онъ отдѣляетъ собою разрядъ югозападныхъ языковъ отъ сѣвернорусскаго. Такъ и по самому мѣстопребыванію южнорусскимъ краемъ задунайскіе словены отдалены отъ сѣвернорусскихъ» (стр. 562).

Въ виду вышеизложенныхъ обстоятельствъ, я считалъ бы для себя неудобнымъ перейти прямо къ западославян-

(*) Укажу слѣд. особенности: смягченіе *дж*; усиленное полногласіе: *черемье*, «безъ черева сучка бреше»; нагорода; усиленіе *і* въ *е у*: повенъ, огень, ку (ко); Abl. f. *в*: нововъ красотовъ, съ невъ; gen. adj. на *ог*: рôдногъ брата; вся система склоненія въ Plur. Ср. донесеніе г. Срезневскаго въ «Ж. М. Н. Пр.» XXXVII (1842). 4. стр. 68 — 72.

(**) Въ переводѣ съ польскаго въ «Ж. М. Н. Пр.» ч. XVII (1838) отд. 2. стр. 17—43.

(***) *ib*. стр. 533—563.

скимъ языкамъ, миновавъ русское нарѣчіе въ Галиціи. Географія и исторія русскаго нарѣчія по сѣверному склону Карпатъ—вотъ тѣ два пункта, на которыхъ я остановился бы въ Галиціи. Мѣстная географія, институтъ Оссолинскихъ, митрополичья уніатская капитула, городской архивъ, ставропигія, надѣюсь, помогутъ мнѣ въ историческихъ розысканіяхъ надъ малороссійскимъ нарѣчіемъ (*); личныя наблюденія—для опредѣленія его современнаго состоянія. Занятія мѣстнымъ нарѣчіемъ необходимо соединены съ изученіемъ втораго мѣстнаго нарѣчія — польскаго, и потому время моего пребыванія въ Галиціи я подѣлилъ бы между русскимъ нарѣчіемъ и польскимъ языкомъ.

Какъ замѣчено было выше, русская рѣчь въ Буковинѣ граничитъ съ румынскимъ языкомъ. Цѣня высоко значеніе румынскаго языка въ области славистики въ отношеніяхъ лингвистическомъ и историко-литературномъ: своей славянской частью румынскій языкъ предлагаетъ интересный матеріалъ, какъ для общеславянскаго, такъ и для русскаго лингвиста; много любопытныхъ, но пока не разрѣшенныхъ вопросовъ ставитъ исторія самаго народа—начало славянской церкви среди румынъ и ея продолжительное существованіе, распространеніе славянской грамоты, языка, письменности, — я въ бытность свою въ восточной Галиціи и Буковинѣ счелъ бы возможнымъ сдѣлать первыя подготовительныя работы къ послѣдующимъ занятіямъ румынскимъ языкомъ. Если, какъ мнѣ кажется болѣе вѣроятнымъ, ру-

(*) Въ Бернадинскомъ монастырѣ во Львовѣ хранились нѣкогда русскіе документы въ количествѣ 100 томовъ (Ж. М. Н. Пр. ч. XVII. стр. 23 примѣч.). Уже ли самостоятельная Галиція не оставила намъ ни одной русской грамоты, если грамоту 1351 года, найденную Д. Зубрицкимъ и напечатанную имъ въ 4 томѣ его исторіи («Анонимъ Гнезненскій и Іоаннъ Длугошъ» стр. 91—92), считать древнѣйшей?

мыны Молдавіи, въ противность теоріи Рёсслера, вышли изъ юговосточныхъ Карпатъ, изъ Мармароша, гдѣ они и понынѣ живутъ смѣшанно съ русскими и уніаты(*), то естественнѣе искать источникъ славянскаго элемента языка молдавскихъ румынъ въ русскомъ нарѣчіи Буковины и сѣверной Венгріи, чѣмъ выводить его изъ-за Дуная. Въ этомъ случаѣ румынское и мадьярское произношеніе нѣкоторыхъ русскихъ географическихъ именъ можетъ только возстановить старый характеръ русскаго языка. Любимое румынами имя—Kimpolung—встрѣчающееся въ Родопскихъ горахъ, на югѣ, въ формѣ Κίμβα Λόγγος (у Кедрена II. 457), въ Валахіи Мармарошѣ и Буковинѣ, на сѣверѣ, по нашему мнѣнію, состоитъ изъ двухъ частей, изъ которыхъ первая есть румынскій переводъ славянскаго лагъ—второй части, и свидѣтельствуетъ тѣмъ о русскомъ ринезмѣ. Тоже свидѣтельство мы находимъ въ оффиціальныхъ мадьярскихъ назва-

(*) Въ уѣздѣ (дистриктѣ) Сигетскомъ. «Schematismus ven. cleri graeci ritus cathol. dioecesis Munkácsiensis pro anno 1868». Unghvár. стр. 82. Ср. *Czoernig*. «Ethnohraphie d. uest. Mon.» I. § 31. Въ Мармарошскомъ комитатѣ есть много чисто русскихъ селъ, но съ румынскими названіями: Врустура, Барлабашъ, Мармарошъ, Талаборъ, Тишора, Грибушены. Съ другой стороны, въ южной части Мармароша и сѣверной Седмиградіи есть немало русскихъ географическихъ именъ: Красна (рѣка и комит. городъ), Быкъ (гора), Боргутъ (село), Быстрица (рѣка, ком. городъ), Bistricsora и др. Отсюда можно предположить, что румынская колонизація шла изъ Трансильваніи на с., поглощая русское населеніе, и затѣмъ поворотила на востокъ. Аналогическое явленіе представляетъ Бессарабія. Сѣверная часть ея — Хотинскій уѣздъ — въ сильной степени румынизована, хотя населеніе русское; средняя часть населена исключительно молдаванами, хотя мѣстныя названія указываютъ на славянское происхожденіе Многочисленные монастыри Бессарабіи основаны, большею частью, выходцами изъ Малороссіи: Жабка, Городище и др.; около монастырей селились бѣглецы — крестьяне; но въ настоящее время у нихъ забыта всякая память объ ихъ малороссійскомъ происхожденіи. Послѣдними свѣдѣніями я обязанъ М А. Ганицкому, учителю Кишиневской семинаріи, путешествовавшему по монастырямъ средней Бессарабіи.

ніяхъ русскихъ селъ въ Мармарошѣ: Dombó=р. Дубовое, Lonka-Széles=р. Лугъ (въ дистриктѣ Dombóense); Kis—Lonka=р. Лугъ (въ дистриктѣ Сигетскомъ) (*).

Въ восточной Галиціи я предполагалъ-бы провести лѣтніе мѣсяцы, а затѣмъ осенью отправиться въ Прагу. Я останавливаюсь на Прагѣ потому, что Прага не только располагаетъ массой рукописей по старочешскому языку и литературѣ, занятія которыми у меня идутъ издавна, но и дастъ мнѣ возможность прослушать зимній семестръ по славянскимъ языкамъ въ университетѣ (**).

Занимающемуся исторіей славянскихъ языковъ нельзя не отмѣтить, какъ отличительнѣйшую черту, поражающее сходство историческаго развитія чешскаго и русскаго языковъ: судьбы обоихъ языковъ — запада и востока славянства—представляютъ почти что тождество. Въ оправданіе этой мысли я-бы долженъ былъ призвать на помощь историческую грамматику обоихъ языковъ; но это вывело-бы меня за предѣлы настоящей записки(***). Преслѣдуя интересы языка, я остановился-бы на тѣхъ старочешскихъ памятникахъ, которые даютъ или діалектическія указанія, или данныя для исторіи языка въ періодъ броженія звуковъ и формъ. Таковы памятники XIV, XV и отчасти XVI вѣковъ, когда еще не успѣла выработаться централизація языка(****):

(*) «Schematismus». стр. 66. 67. 81.

(**) Въ настоящемъ лѣтнемъ семестрѣ читаются въ пражскомъ университетѣ слѣд. курсы по славянству: Hattala — O cizinských spůsobech mluvení, Libušin soud; Gebauer — Формологію чешскаго языка; Emler — Геральдику съ палеографическими упражненіями.

(***) Въ своей статьѣ—«Какъ долго жилъ русскій супинъ»? я старался показать это на употребленіи супина въ слав. нарѣчіяхъ.

(****) «Toto poslední (однообразіе XVI в.) dálo se nejvíce za příkladem mluvy, jaká panovala v Praze, jakožto středu říše i vzdělanosti, i v nejbližším jejím okolí, a tím spůsobem opanoval v jazyku spisovním onen atticis

Bohemarius, въ моравско-словацкой переписи 1390 года, Mistra Kunrata «Sequentionarius seu Prosarum expositio», 1385 года, съ словацкими особенностями (оба въ библіотекѣ капитулы пражской), чешскія проповѣди при Bohemarius'ѣ, старыя юридическія сочиненія и др.; изъ библейскихъ рукописей укажу на розенберговъ гомиліарій, второй половины XIV вѣка, евангеліе Требоньское, начала XIV вѣка, и на старые списки псалтыри: клементинскій, капитульный и подѣбрадскій.

Что-же касается до литературы, то я ограничился-бы произведеніями братской общины (jednota bratrská) и старыми церковными памятниками. Изъ произведеній общины особенно важны сочиненія Петра Хельчицкаго и Кралицкая библія. Значеніе сочиненій деревенскаго философа въ чешскомъ религіозномъ движеніи я старался показать въ моей книгѣ: «Братья-подобои»; Кралицкая библія есть, по убѣжденію чеховъ, почти не досягаемый идеалъ литературнаго языка, и кромѣ того она, быть можетъ, скажетъ о связи стремленій братьевъ по переводу библіи съ кодификаціонными работами ревнителей православія въ западной Руси конца XVI вѣка (*). Изученіе сочиненій основателя братской общины, вѣроятно, поведетъ меня и за границы чешской земли, такъ какъ нѣкоторыя изъ нихъ разбросаны по библіотекамъ Германіи и даже Франціи.

Покончивъ свои занятія въ Прагѣ, я поѣхалъ-бы въ

---

mus, který sice nemálo přispěl k jeho vybroušení, s druhé pak strany užíváním hlásek tenších na místě plnějších a širších libozvuku nehrubě posloužil. ba někdy stejným íkáním v rozličných skloňovacích pádech i srozumitelnosti na ujmu jest». 1 «Časopis česk. Muz». 1858. стр. 135.

(*) Поляки—лютеране, братья и православные дѣйствовали временами заодно противъ католиковъ. Изданіе Кралицкой библіи было сдѣлано не безъ вліянія польск. литературы. См. Blahoslav «Grammat. česká». Вѣна, 1858. стр 310.

Вѣну. Пребываніемъ въ Вѣнѣ я воспользовался-бы для двухъ цѣлей: во 1) изучить старыя чешскія рукописи въ придворной библіотекѣ; во 2) прослушать курсы по славянскимъ нарѣчіямъ профессора Миклошича и Шемберы. Изъ Вѣны я поѣхалъ-бы на Пресбургъ, а оттуда въ Пештъ, гдѣ началъ-бы свое знакомство съ славянскими народностями сѣверной Венгріи—словаками и русскими.

Словаки (slovák, tóth), восточная отрасль чешскаго племени, занимаютъ на югѣ, по сосѣдству съ мадьярами, комитаты (megye): Poszony, Nyitra, Bars, Hont, Nógrád, Gömör, Abaúj, гдѣ численность ихъ колеблется между 26—50%;—на сѣверѣ, по южному склону Карпатъ: Trencsén, Thurócz, Zolyom, Liptó, Arva, Szepesm, Sáros, Zemplén, Unghvár, гдѣ численность ихъ колеблется между 16—90 и болѣе процентовъ.

Русскіе (русинъ, руснакъ, orosz), непосредственно продолжая поселенія словаковъ по южному склону Карпатъ, занимаютъ комитаты: Szepesm, Sáros, Zemplén, Unghvár, Bereg, Ugocsa, Mármáros. Въ первыхъ трехъ русскіе живутъ смѣшано съ словаками, въ Мармарошѣ съ валахами. Численность ихъ колеблется между 15% на з. и 60% на в. (*).

Такимъ образомъ, чешское и русское племя сходятся съ двухъ противуположныхъ концовъ на почвѣ Венгріи,

(*) По Шафарику, словаковъ 2.753.000, русскихъ 625.000; по Головацкому («Вѣнокъ». 210) русскихъ—510.280; по Келети, слов. 1.817.228, русск. 469.420; по Шмитту («Statistik des öster.-ungar. Kaiserst.», 1872), слов. 1.825 500, русск. 448,000. Жилища словаковъ и русскихъ показаны по этнографической картѣ, приложенной къ статистикѣ Венгріи Келети (Keleti): «Hazánk és nepe». Pest, 1871. Ср. стр. 66 — 69. Кромѣ русскихъ уніатовъ, въ сѣверной Венгріи живутъ еще мадьяре-уніаты, скорѣй всего, омадьяренные русскіе, до 200.000 (?), въ комитатахъ: Abaúj, Borsod, Torna, Gömör, Szaboles, Szatmar. Ср. «Status praesens, seu anni 1804. dioecesis graeco—catholicae Munkacsiensis» у Basilovits'a въ «Brevis notitia fundationis Theodori Koriathovits». t. II, (Cassov. 1805). p. VI. стр. 5.

какъ сходились они уже здѣсь почти за 1000 лѣтъ (*). Но есть вѣроятіе предполагать, что словаки и русскіе встрѣчались у южныхъ Карпатъ еще до нашествія мадьяръ (**).

Если словаки есть обрывокъ отъ западной части славянства, а русскіе отъ восточной, то и рѣчь ихъ необходимо должна носить всѣ признаки принадлежности этихъ обоихъ народовъ къ двумъ различнымъ отраслямъ славянства.

Но, не говоря уже о томъ, что въ мѣстахъ взаимной встрѣчи словаковъ и русскихъ — въ комитатахъ Сепешскомъ, Шарошскомъ, Земпленскомъ и Унгварскомъ, рѣчь однихъ неуловимо переливается въ рѣчь другихъ (***), система звуковая, формальныя особенности поразительно сближаютъ это западное нарѣчіе съ русскимъ языкомъ. Я приведу нѣсколько примѣровъ. Носовой малый, вмѣстѣ съ русскимъ, словакъ измѣняетъ въ ä, ia: mäso, pamiatka; *ъ* возвышаетъ въ *о*, *ь* въ *е* и даже *о*: lož, orol. Понятно

(*) Около 894 г. при вторженіи мадьяръ уже существовали русскія поселенія: Munka (Munkács), Hungu (Unghvár), Semlum (Zemplin), Budrugh (Bodrógh), Borsua (Beregh), Ugosa (Ugocs). Ср. *Czoernig.* «Ethnographie.» II стр. 261, 269. Около того-же времени русскіе выводятъ свои колоніи далеко на Дунай: Oroszvár=Karlburg (ком. Moson). Старое трансильв. поселеніе *Auraria* minor мадьяре назвали *Zalathna* (по-нѣм. Schlatten) — словомъ изъ языка своихъ русскихъ боевыхъ сотоварищей. *ib.* 262. Ср. *Bel.* «Compendium Hungar. geograph». p. 131, 108, 147.

(**) Мѣстные русскіе ученые всегда считали свой народъ автохтонами, хотя не отрицали позднѣйшаго прилива изъ Галиціи См. *Basilovits.* «Brevis notitia». I. Cass. 1799. стр. 77 — 78. Къ этому убѣжденію приходятъ и новѣйшіе нѣмецкіе ученые. См. *Bidermann.* «Die ungarischen Ruthenen». I. 6. II. 43. 44. Ср. выше, гдѣ рѣчь о Галиціи.

(***) Еще первый русскій изслѣдователь тѣхъ краевъ, И. И. Срезневскій замѣтилъ, что «сближеніе малороссовъ съ словаками породило нѣсколько говоровъ словацко-русскихъ и русско-словацкихъ» («Мысли объ исторіи русск. языка». 45). Ср. донесеніе его въ «Ж. М. Н. Пр.» XXXVII (1842). отд. 4 стр. 65. Ср. *Bidermann.* «Die ung. Ruth.» I. 12, хотя толкованіе его ложно.

поэтому, что въ трудно произносимой группѣ согласныхъ вставнымъ звукомъ является *е*, *о*: sester, slivok. *ь* не исчезаетъ безслѣдно въ концѣ словъ: deň, smrt'. Мѣстами слышатся слова даже въ полногласной формѣ: čerieslo, čerešňa вм. чешск. třislo, třešně. Различая твердое и мягкое *l* и *r*, *g* и *h*, смягчая мѣстами *b* чрезъ *l*: hrobl'a, hrable, въ то время какъ сосѣдъ его русскій опускаетъ *l*: спю, робю, здоровя (*), словакъ іотуетъ *d* въ *dz*=малорус. *дж*, *з*: prichadzat', и сохраняетъ, подобно великорусу, гортанные передъ *ѣ*, *i*: ruke, nohe, muche, velkí, mnohí, matkin, mačochin. Наконецъ, въ морфологіи словацкаго нарѣчія мы замѣчаемъ у него стремленіе, общее съ русскимъ языкомъ, усвоить женскія падежныя формы всѣмъ именамъ безъ различія: chlapami, kost'am, kost'ach, delám, delami, delách, и проч. Что-же касается до чехизмовъ въ словацкомъ нарѣчіи, то ихъ немного, и они могутъ быть объяснены долговременнымъ употребленіемъ чешскаго языка въ школѣ, церкви и литературѣ; таковы слова: tisíc, cítit'.

Это особенное положеніе словацкаго нарѣчія, его одинаково близкое отношеніе къ чешскому и русскому языкамъ, уже давно обратило на себя вниманіе науки, и, очевидно, въ виду его, Шафарикъ, пятьдесятъ лѣтъ назадъ пришелъ къ мысли, что вообще малороссійское нарѣчі[е] русскаго языка находится въ болѣе близкомъ отношені[и] къ языкамъ II порядка, чѣмъ какой другой языкъ I порядка (**),—къ мысли, доведенной до крайности Максимовичемъ.

Если, такимъ образомъ, необходимо признать особе[н]

(*) Срезневскій. Донесеніе въ «Ж. М. Н. Пр.» ч. XXXVII (1842) от[д.] 4. стр. 53.

(**) «Geschichte der slaw. Sprache und Literatur». стр. 140.

ную фонетическую и формальную близость словацкаго нарѣчія чешскаго языка въ нарѣчіямъ русскаго языка, то справедливо видѣть въ рѣчи бѣдныхъ обитателей южныхъ Карпатъ звѣно, связующее языки крайнихъ славянъ запада и востока—чеховъ и русскихъ. Если, съ другой стороны, принять во вниманіе, что современное словацкое нарѣчіе представляетъ въ извѣстномъ смыслѣ собственно чешское нарѣчіе, въ его древнѣйшей формѣ, XI — XIII вѣк., то можно даже допустить, что чешско-словацко-русскій языкъ есть говоръ одной обширной народной семьи, члены которой связаны между собой болѣе тѣсными узами, чѣмъ кто-либо изъ нихъ съ своими соплеменниками на сѣверъ или югъ.

Такъ я понимаю словацкое нарѣчіе въ кругу славянскихъ языковъ.

Послѣ вышесказаннаго, смѣю надѣяться, историко-филологическій факультетъ согласится, что изучать славянскія нарѣчія и не посѣтить словацкій край, обойти «словенское» нарѣчіе, для меня дѣло трудное; и потому изъ Пешта я полагалъ-бы отправиться въ сѣверную Венгрію — къ словакамъ и русскимъ. Путь мой лежалъ-бы на Тырнаву, Гренчинъ, Св. Мартинъ, Баньску Быстрицу, Пряшевъ, Кошицы, Ужгородъ, Мункачъ, Густъ, Сигетъ. Изъ Мармароша чрезъ Карпаты я направился-бы въ Буковину и верхнюю Молдавію.

Южная Буковина и верхняя Молдавія—зерно, изъ котораго выросло молдавское господарство. Страна эта—молдавская Өиваида. На небольшомъ пространствѣ—масса старыхъ монастырей: Suceava, Niamtzo, Veraticu, Besboïeni, Piatra, Быстрица и др. Выходцы изъ русской Венгріи, молдавскіе румыны, естественно, по старой памяти, упо-

требляли церковно-славянскій языкъ въ церкви, русскій въ дѣловыхъ бумагахъ (*). Священники, монахи изъ Галиціи, Малороссіи усиливали и поддерживали долго русско-славянскій элементъ среди молдаванъ — до конца прошлаго столѣтія (**). При самомъ бѣгломъ обзорѣ старопечатныхъ молдавскихъ богослужебныхъ книгъ — XVII, XVIII

(*) До конца XV вѣка русскіе и валахи сѣв. Венгріи вѣдались «церковью Св. Николая Исповѣдника» въ Мункачѣ, другими словами, монастыремъ, основаннымъ въ 1360 году княземъ Өеодоромъ Коріатовичемъ, бѣглецомъ изъ Подоліи; какъ управлялась русская церковь въ Венгріи до XIV ст. — неизвѣстно; но нѣтъ сомнѣнія, что она существовала съ древнѣйшихъ временъ. Князь Өеодоръ посадилъ въ свой монастырь «monachos ruthenos», вѣроятно, изъ Галиціи. Впервые епископъ Мункачскій упоминается въ грамотѣ Венг. короля Владислава, 1491 г. (см. *Basilovits*. «Brevis notitia...» I. 1 стр. 10—11; 21). Мармарошскіе молдаване на мѣстѣ своего новаго жилища признавали власть Галицкой каеедры: вѣроятно, и до ихъ переселенія они зависѣли отъ Галицкаго митрополита. Замѣтимъ, что, быть можетъ, въ честь митрополичьей церкви во Львовѣ—Успенія Божьей Матери—церкви и монастыри молдавскіе чаще всего были посвящаемы именно этому празднику—«Адормиріи Пречистій».

(**) Въ 1794 году умеръ въ знаменитомъ Нямецкомъ монастырѣ старецъ Паисій Величковскій, извѣстный русскій паломникъ XVIII вѣка. Другъ его, іеромонахъ Ефремъ Діаковскій, «проповѣдникъ св. Софіи въ Кіевѣ» умершій чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ Паисія, — тамъ-же, въ Нямцѣ, написалъ въ виршахъ «Надгробное рыданіе старцу Паисію отъ всѣхъ чадъ его духовныхъ»:

«Ты насадилъ правіи иноковъ устави,
Возростоша здравіи бесѣды и нравы.
Ты открылъ ученія, раздѣливъ на лики,
Да славословятъ Творца разными языки.
Ново благолѣпіе церкви восприяша,
Лучшимъ образомъ ему служити познаша.
Чтеніе и пѣніе толь красно явися,
Аки отъ сна воспрянувъ весь міръ удивися».

Авторъ хвалитъ далѣе литературную дѣятельность Паисія въ Нямецкомъ мон.—«къ книгамъ отеческимъ любовь ненасытную»:

«Любя преводити оныя на многи языки,
Да знаютъ подвигъ древнихъ послѣднія вѣки».

(Изъ современной рукописи одного изъ средне-бессарабскихъ монастырей, сообщенной мнѣ г. Ганицкимъ, строфа 2 и 7).

вѣковъ, въ которыхъ чинъ службъ на славянскомъ языкѣ, указанія-же священно-служителямъ, отдѣльныя замѣчанія, употребительнѣйшія молитвы—на молдавскомъ или съ переводомъ по-молдавски, мы легко замѣтимъ, что въ основу славянскаго текста положена старая русская редакція (*). Даже съ отдаленною Москвою никогда не прерывались пріятельскія сношенія у монастырей молдавскихъ: они были въ XVI вѣкѣ, они не прекращались въ XVIII. По поводу открытаго въ далекомъ Быстрицкомъ монастырѣ Малой Валахіи русскаго фамильнаго воздуха изъ Тихвина, конца XVI вѣка, современный румынскій историкъ готовъ допустить, что чрезъ русскихъ иноковъ-паломниковъ могли итти даже государственныя сношенія Бориса Годунова съ княземъ Михаиломъ Храбрымъ(**); въ одной русской рукописи ½ XVIII стол. изъ Добружскаго монастыря въ Бессарабіи (***).

(*) Напр. въ Рънд8ала сентеи ши думнезещи литургіи, карѣ ѧете аше ѧ бесѣрека чѣ маре ши ла ста гора», XVII—XVIII в. in 8. стр. ύпз, безъ конца, въ Добружскомъ монастырѣ въ Бессарабіи. По этому славянскому требнику служили молдаване-монахи въ монастырѣ до присоединенія Бессарабіи къ Россіи и въ первое время послѣ, о чемъ свидѣтельствуютъ разныя помѣтки, приписки на поляхъ. Переплетъ сдѣланъ изъ листковъ подобнаго же, но болѣе стараго молдаво-славянскаго требника. Для образчика языка приведу нѣкоторыя молитвы: «Црю нбесныи, оутѣшителю, дше истинныи, везд̾ѣсыи и вед исполндаи, съкровище бгихъ и живни подателю, пріиди и воселисд в ны, и ѡчисти ны ѡт ведкід скверны и спси бліе дшд ншд». (стр. ді). «Блгопрідтиꙋ сътвори млтвꙋ нашꙋ, дарꙋи намъ ѡставленідмъ прегрѣшеніем нших, покрыи нас кровомъ крилꙋ твоею, ѿгени ѡт насъ вецкаго врага и сꙋпостата, оумири нщꙋ живнь Гсди, помлꙋи насъ и миръ твой и спси дша наша, яко блгъ и чявколюбецъ». (стр. ύзі). Книга эта сообщена была мнѣ также г. Ганицкимъ.

(**) Одобеско въ «Трудахъ Московскаго археологическаго общества» т IV. вып. I. стр. 19.

(***) Рукопись имѣетъ слѣд. заглавіе: «Основательное разностей показаніе между православною греческою и римскою папскою церковію сочинен-

мы встрѣчаемъ слѣдующую запись: «сія книга отъ синодалнаго члена, ставропигіального новоспаского, чтỏ при великомъ градѣ Москвѣ, мнастыря архимандрита Мисаила Чирского въ ставропигіалной крестовоздвиженской, великоскитской, чтỏ на Покутью, мнстырь дана вкладомъ для поминовенія родителей своихъ мсця маія ꙁ҃ дня ҂аѱ҃ꙁа году. въ великомъ градѣ Москвѣ».

Естественно, при издавнемъ сочувствіи старыхъ молдаванъ къ славянскому міру, старѣйшіе монастыри Молдавіи — Сучавскій и Нямецкій, служа долгое время средоточіемъ церковнаго управленія, не могутъ не хранить въ стѣнахъ своихъ старыхъ памятниковъ славянской письменности и потому не должны быть оставляемы безъ вниманія въ интересѣ исторіи славянской литературы. Дѣйствительно, Нямецкій монастырь, «убѣжище языка и національной литературы» (Ubicini), владѣетъ въ настоящее время библіотекой въ 1671 томъ (*). Необходимо допустить, что среди этихъ книгъ есть и славянскіе памятники. Но, помимо этого, какъ ни превратно судятъ-рядятъ румынскіе ученые о славянскомъ элементѣ въ ихъ родномъ языкѣ—о времени и причинѣ его появленія, какъ ни легковѣрны они къ разнымъ историческимъ побасенкамъ, вслѣдствіе своего легкаго отношенія къ наукѣ (**), но и они

ное въ самой краткости ради знанія тѣмъ, которые не могутъ въ долгомъ бгословскомъ книгъ чтенія упражнятися. ҂ѱамл҃а года, сентебря в҃ день». Красивый уставъ, на бумагѣ, въ 4. 62 стр. Сообщена г. Ганицкимъ.

(*) *Lanbert.* «Orient, Grèce et Turquic d'Europe». Paris. 1873. стр 980.

(**) Обращикомъ такого отношенія къ дѣлу можетъ служить книга извѣстнаго румынскаго ученаго-Цесаря Болліака—«Mémoires pour servir à l'histoire de la Roumanie. I. Topographie de la Roumanie». Paris. 1856. Всѣ, самые темные вопросы у него рѣшаются легко. О Днѣстрѣ онъ замѣчаетъ: «Ce fleuve sépare les Roumains des Tartares d'Oczacoff et des Ma

должны сознаться, что было время, когда славянскій языкъ былъ единственнымъ выразителемъ высшихъ, духовныхъ интересовъ народа. «Въ это время (XV в.) — говоритъ историкъ румынскаго языка—молдаване, недовольные флорентійской уніей, низложили своего митрополита Митрофана и отбросили латинскія буквы, которыя дотолѣ они употребляли въ книгахъ, чтобы принять буквы и литургію славянскую. Изъ церкви славянскій языкъ перешелъ въ управленіе и сдѣлался языкомъ оффиціальнымъ. Большинство государственныхъ актовъ, значительное число памятниковъ этой эпохи писаны на этомъ языкѣ, который не былъ понятенъ ни народу, ниже самимъ священникамъ» (*). Знакомство съ молдавскими памятниками этого послѣдняго рода, равно какъ съ славянскими рукописями, случайно занесенными въ монастыри молдавскіе при ихъ сношеніяхъ съ православнымъ міромъ, составитъ первую цѣль моего странствованія по румынскимъ княжествамъ, особенно по верхней Молдавіи.

Вторая цѣль — изученіе современнаго румынскаго языка, воскрешающаго въ извѣстной степени старый характеръ нѣкоторыхъ славянскихъ нарѣчій. Если румынскіе филологи не желаютъ знаться съ славянской стихіей своего языка и въ своемъ недоброхотствѣ къ ней готовы на всякую сдѣлку, лишь-бы только удалить свою рѣчь отъ вся-

---

lo—Rusei: les premiers appartiennent à la race des Zizini; les seconds, fixés en Podolie et en Gallicie, sont des Slaves de la branche des Rassove et de la famille des Wychodin à Zizini. Safarica. Carte dec Slaves». стр. 2. прим. 2. Что это значитъ? ср. стр. 13. 16 и др.

(*) Мирческо у Isambert'а. стр. 938. Мирческо повторяетъ безъ всякой критики Кантемира. Ср. «Описаніе Молдавіи». Москва. 1789. стр. 383—384. М. забылъ, что изъ трехъ древнѣйшихъ лѣтописей Валахіи—XVI вѣка—одна писана по—славянски. (*Лауріану*. «Magazinu istoriku пентру Дасіа» Букурещи, 1845. I. стр. 6).

каго прикосновенія съ славянствомъ, то изученіе этой славянской стихіи необходимо выпадаетъ на долю слависта (*).

Въ Яссахъ я предполагалъ бы остановиться на болѣе или менѣе продолжительное время для практическаго изученія румынскаго языка. 2 библіотеки, базиліанская школа, основанная еще Василіемъ Лупуломъ, масса старыхъ церквей (48), окрестные монастыри (Cetatonia, Ciorcea, Frumosa, Socola, Aaron Voda), Васлуй, Гушь, Романъ съ древнѣйшей епископіей и семинаріей — все это предметы, необходимые для обозрѣнія. Въ Букарештѣ, центрѣ румынскаго образованія, я покончилъ бы мои румынскія занятія. Архивы, библіотека и музей заслуживаютъ особеннаго вниманія. Эти учрежденія значительно облегчаютъ занятія старою румыно-славянскою письменностью: такъ въ настоящее время, послѣ секуляризаціи монастырей, всѣ предметы, имѣющіе цѣну по своей древности, взяты изъ монастырей и свезены въ столицу. Публичная библіотека, основанная въ 1834 году изъ книгъ, полученныхъ отъ митрополита въ числѣ 12 т. томовъ, заключаетъ въ себѣ въ настоящее время около 40 т. названій и 273 рукописей. Понятно, что она обогатилась особенно въ послѣд-

---

(*) Еще Carra (въ XVIII ст.) замѣтилъ, что молдавскій языкъ, происходя главнымъ образомъ отъ латинскаго, заключаетъ въ себѣ извѣстную долю славянскаго («Histoire de la Moldavie et de la Valachie» Jassy. 1778 стр. 218). Но въ настояще время политическія стремленія румыновъ заставляютъ ихъ не видѣть то, что ясно для наблюдателя—иностранца. «Что касается до языка—учитъ насъ Убичини — то онъ образовался изъ дорическаго и кельтическаго; позже примѣшался къ нему латинскій языкъ и нарѣчіе Ульфилы» («Provinces danubiennes». II. стр. 198. 207). Въ 1869 г. я проѣзжалъ Буковину. Въ Черновцахъ, на станціи, я познакомился съ однимъ помѣщикомъ изъ Молдавіи. Помню, однажды дорогою завелъ я рѣчь съ моимъ спутникомъ о вліяніи славянскаго языка на румынскій; но ему былъ непріятенъ этотъ разговоръ, и онъ мнѣ сухо отвѣтилъ: «все это вліяніе ограничилось тѣмъ, что оставило намъ слово *чарялло*.

ніе годы, послѣ секуляризаціи многочисленныхъ монастырей Великой и Малой Валахіи (*). Государственные архивы Букарешта, заключающіе въ себѣ богатый матеріалъ для исторіи румынъ послѣднихъ вѣковъ, пополнятъ мои опыты по позднѣйшей исторіи ихъ — по исторіи отношеній ихъ къ славянамъ. Посѣтивъ затѣмъ замѣчательные по своимъ историческимъ и литературнымъ воспоминаніямъ города нагорной и западной Валахіи и южной Трансильваніи: Търговище (старая княжеская и митрополичья столица, до 1716 года), Кымпу-Лунгъ, монастырь Синайскій (Sinaica, съ прекрасной библіотекой), Брашевъ (Brasovŭ, Kronstadt), Сибинь (Cibin, Hermanstadt), Бурте-д' Арджешъ (Curtea d' Argesŭ), Краіову, я у Журжева оставилъ бы Румынію и вступилъ въ Болгарію.

Нарѣчіе восточной Болгаріи не входитъ въ программу моихъ занятій: оно не представляетъ особеннаго интереса для филолога, по свой скудости звуковой и формальной. Поэтому въ придунайской Болгаріи я счелъ бы удобнымъ ограничиться посѣщеніемъ такихъ городовъ, какъ Търново,

(*) Вотъ данныя 1845 года о числѣ монастырей въ Валахіи. Митрополія Унгровлахійская имѣла 19 метоховъ; архіепископія Рымникская и Новосеверинская — 7 метъ.; епископія Бузеуская —14, Арджесская—5 мет. Независимыхъ монастырей 20: Тисмана, Козія, Быстрица, Хорезул, Арнотъ, Говора, Бранковени, Садова, Стрихая, Мотру, Главачоул, Кымпу—Лунгу, Віерошулъ, Рыкочовул, Дѣлул, Знаговул, Мъркуца, Св. Пантелеймона, Бериславешти, Колцѣ; они имѣли подъ собой 27 скитовъ. Сверхъ сего—21 муж. и 19 женск. киновій. Монастыри зависимые: 9 св. Гроба, съ 7 скитами; 3 Синайской горы, съ 2 скитами; 14 Аѳонской горы, съ 8 скит.; 1 патріархіи Александрійской, съ 3 скит.; 1 патр. Антіохійской; 16 разныхъ греч. епархій европейской Турціи. Итого: 132 + 68 = 200 монаст. разныхъ наименованій. См. *Александру Дженоглу*. «Історіе бисеричѣскъ прескуртъ». Букурещи. 1845. стр. 451—456. Нѣкогда эти монастыри были богаты памятниками старины: «въ 1860 г., будучи назначенъ румынскимъ правительствомъ произвести изслѣдованія и развѣдки во многихъ древнихъ монастыряхъ, я—говоритъ г. Одобеско—въ первый разъ привелъ въ извѣстность археологическія богатства, находившіяся въ Быстрицѣ». («Труды М. арх. общ.» IV. в. I. стр. 3»).

Габрово: это центры просвѣщенія пробуждающейся Болгаріи. Полный глубокаго уваженія къ просыпающемуся народу, къ его благороднымъ стремленіямъ выйти изъ матеріальной и духовной нищеты (*), я могъ бы остановиться на нарѣчіи придунайскихъ болгаръ только тогда, если бы я чувствовалъ себя въ состояніи прослѣдить его историческія судьбы; но эта задача, о разрѣшеніи которой мечталъ еще покойный Прейсъ, задача будущаго, когда вновь открытые памятники болгарской письменности XIV—XVIII вѣковъ скажутъ намъ что-нибудь опредѣленное о состояніи языка за это, намъ мало извѣстное время (**).

Но, отступаясь отъ восточноболгарскаго нарѣчія, я съ тѣмъ большимъ вниманіемъ остановлюсь на изученіи говора болгаръ верхней Македоніи. Нарѣчіе македонское для меня интересно по своему отношенію къ сербскому языку. Нарѣчіе это, насколько я могу судить о немъ изъ печатныхъ и нѣкоторыхъ рукописныхъ сборниковъ народныхъ пѣсенъ, сказокъ, представляетъ то-же положеніе по отношенію къ сербскому языку, какое словацкое нарѣчіе по отношенію къ языку русскому: оно есть та-же переходная ступень отъ одного типа языка къ другому, заключая въ себѣ настолько-же сербскихъ, насколько и болгарскихъ особенностей.

(*) «Il semble — говоритъ A. Dumon—qu'une longue décadence, que la misère surtout ait effacé sur son visage les traits accentués d'une race primitive. Pauvrement vêtu, embarassé quand il parle, il donne l'idée d'un peuple malheureux et timide». («Le Balcan et l'Adriatique». стр. 134).

(**) «Историко-критическое изложеніе языка ихъ (болгаръ), древняго и новаго, его разнообразныя судьбы дома и на чужбинѣ, принадлежитъ — говоритъ Прейсъ—къ труднымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ къ самымъ занимательнымъ задачамъ славянской филологіи и исторіи. Кажется, нашему времени предоставлено привесть наконецъ въ извѣстность всѣ факты, относящіеся къ этому предмету». («Ж. М. Н. Пр.» ч. XXXIII отд. 4 стр. 62).

Въ наукѣ принято считать относительно въ позднѣйшее время совершившійся подъемъ глухихъ звуковъ *ъ* и *ь* въ *а* одной изъ спеціальныхъ чертъ сербскаго вокализма: лаж, дан. Но, обратившись къ болгарскому нарѣчію верхней Македоніи, мы замѣчаемъ тотъ-же подъемъ, съ тою только разницею противу сербскаго языка, что предъ нами, какъ бы во-очію, совершается процесъ перерожденія глухихъ звуковъ въ *а*. Одно и то-же слово, иногда въ устахъ одного и того-же человѣка, является то съ старѣйшимъ звукомъ — *ъ*, *ь*, то съ его новѣйшей замѣной *а*. Примѣръ подъема:

— Хокем те нещо прашати,
Не мой ми мене *лажати* (*)

Соотвѣтственно этому, носовое *ѫ*, понижаясь до *ъ*, возвышается затѣмъ до а:

— Тукъ речете: ожени се Марица,
Мътенъ Дунавъ младожения.
— Шо ми Дунавъ *матенъ* тече де?

Ту-же неустойчивость мы видимъ и относительно *ъ*, заканчивающаго группу согласныхъ на *л*: то онъ остается, какъ въ старославянскомъ языкѣ, то исчезаетъ вмѣстѣ съ *л*, какъ въ сербскомъ, взамѣнъ чего является звукъ *у*:

— Чаша дава, дробни слъзи роне.
— Яно, мори Яно, що си прежутела,
Що си прежутела, како жута дуня?

(*) Этотъ и слѣдующіе примѣры взяты изъ сборника пѣсенъ, записанныхъ въ окрестностяхъ Кратова, у верховьевъ Брегальницы, г. Карановымъ, ученик. Од. 2 гимназіи. Сербскія поселенія (у Монастыря, Охриды, Призрена и Приштины) слишкомъ далеки отъ горъ Кратовскихъ, чтобы возможно было предположить механическое вліяніе сербскаго языка на языкъ этихъ болгарскихъ горцевъ. (см. карту Лежана). Ср. также прекрасныя замѣчанія о мѣстномъ болгарскомъ нарѣчіи В. И. Григоровича въ «Путешествіи по европ. Турціи». стр. 104—106.

Въ соотвѣтствіе сербскому ћ и ђ является *кь*, *гь*. вм. восточноболгарскаго *шт*, *жд*:

— Донесе цвеке свакакво.

— Удри дервиша мегь веги.

Наконецъ, совершенно сербскій метатезисъ въ мѣст. *ѣсь*:

— Еденъ владалъ дневна доба,
Други владалъ нокьна доба;
Едно царство сва-та земя,
Сва-та земя, сва-та вода,
Сва-та вода, сво, що расте.

Въ виду этихъ любопытныхъ особенностей македонскаго нарѣчія, я, послѣ бѣглаго обзора придунайской Болгаріи, чрезъ курганное средогорье верхней Тунджы (*) отъ Казанлыка къ Эски-Загрѣ, Адріанополь, Константинополь, Аѳонъ, Солунь, вдоль Вардара и Брегальницы предполагалъ бы направиться въ верхнюю Македонію — въ Кратово, Прилипъ, Монастырь, Охриду, для ближайшаго знакомства съ нарѣчіемъ мѣстныхъ болгаръ.

Изъ сѣверной Македоніи мнѣ удобнѣе всего было бы пробраться въ старую Сербію, Герцеговину и Босну, а оттуда въ независимую Сербію, въ Бѣлградъ. Здѣсь я предполагалъ бы прожить болѣе или менѣе продолжительное время, занимаясь сербскимъ языкомъ и литературой под руководствомъ моего достоуважаемаго друга, академика Ю. Даничича. Поѣздки внутрь княжества—на в., къ монастырямъ Раваницѣ и Манассіи, «задужбинамъ» Лазар

(*) Многочисленные курганы свидѣтельствуютъ, что это средигорь одна изъ древнѣйшихъ населенныхъ мѣстностей Балкана. (Ср. *Matković* «Najnovije geografske publikacije o Balkanskom poluotoku» — «Rad» XXV (1874). стр. 195).

и Стефана, на югъ, къ лаврѣ Студеницкой, дали бы мнѣ возможность познакомиться съ историческими святынями сербскаго народа, съ мѣстною народною рѣчью и вмѣстѣ съ тѣмъ вглядѣться въ бытъ его. Изъ Бѣлграда я отправился бы въ Срѣмъ — Новый Садъ, Фрушку гору — а отсюда, чрезъ Славонію, Дяково—въ Загребъ. Рукописныя собранія Загребскія—библіотеки академіи наукъ и архіепископа — мнѣ болѣе или менѣе извѣстны. Изученіе церковныхъ пѣсенъ по старымъ глагольскимъ рукописямъ хорватской редакціи и произведеній нѣкоторыхъ далматинцевъ —вотъ тѣ двѣ задачи, которыя я намѣтилъ бы для себя въ Загребѣ. На церковныхъ пѣсняхъ поповъ-глаголяшей я останавливаюсь потому, что, можетъ быть, отъ нихъ слѣдуетъ вести начало далматинской поэтической литературы. Что же касается до этой послѣдней, то громадная масса произведеній далматинскихъ писателей XV — XVII вѣковъ, изъ которыхъ только немногіе были изданы, не дозволитъ мнѣ заняться всѣми ими: поэтому я считалъ бы для себя обязательнымъ ограничиться памятниками, имѣющими историческій интересъ. Таковы, напримѣръ, произведенія, вызванныя борьбой славянъ съ турками. Сравнительное изученіе памятниковъ XVII вѣка: поэмы Гундулича «Osman» и драмы Ирнявича «Osmančica», съ одной стороны, и поэмы неизвѣстнаго польскаго писателя «Wojna Chocimska», съ другой — изученіе, матеріалы для котораго собираются мною уже нѣсколько лѣтъ, показываетъ, насколько давнозабытое произведеніе боснійскаго епископа въ пониманіи историческихъ событій выше поэмы Гундулича. На подобныхъ произведеніяхъ далматинской музы я позволилъ бы себѣ остановиться.

Изъ Загреба я побывалъ бы у чакавскихъ хорватовъ— на сѣверномъ берегу Адріатическаго моря, откуда мой путь

лежалъ бы по Далмаціи вплоть до Черной Горы. Въ Задрѣ и Дубровникѣ я постарался бы познакомиться съ мѣстными книгохранилищами. Изъ Черной Горы, обратно чрезъ Далмацію и Истрію, я вступилъ бы въ землю словенцевъ. Небогатые памятниками, какъ старой, такъ и новой литературы, словенцы богаты стариной своего языка, и потому знакомство съ словенскими нарѣчіями Краины, Штиріи и Каринтіи было бы задачей моего пребыванія у словенцевъ.

На словенцахъ я считалъ бы возможнымъ покончить свое путешествіе по славянскимъ землямъ. Но если бы дозволило мнѣ время и средства, то для пополненія свѣдѣній своихъ о сѣверозападномъ славянствѣ я отправился бы въ Лужицы, Силезію, Познань и старую Пруссію.

Въ заключеніе, я считаю долгомъ своимъ прибавить, что въ представляемой запискѣ я нигдѣ не коснулся изученія новогреческаго языка: ни силы мои, ни характеръ моего главнаго изученія — изученія славянскихъ нарѣчій, ни отмѣренное на путешествіе время, не дозволяютъ мнѣ принять на себя обязательства, плохое исполненіе котораго я считалъ бы для себя тяжкою провинностью. Я буду счастливъ, если окажусь въ состояніи добиться болѣе или менѣе удовлетворительнаго отвѣта на тѣ вопросы, которые намѣчены въ запискѣ, запастись тѣми свѣдѣніями, которыя необходимы мнѣ для моей дѣятельности, и тѣмъ оправдать высокое довѣріе факультета. Говоря это, я имѣю въ виду два неизбѣжныя препятствія для полной успѣшности моего путешествія — два не минуемые спутника всякаго путешествія по славянскимъ землямъ: дороговизну жизни и еще бо́льшую дороговизну кочеваній.

Приложеніе къ 18 ст. протокола засѣданія совѣта 2-го марта.

Статья 6-я протокола засѣданія физико-математическаго факультета, бывшаго 15-го января 1873 года, и въ которомъ, подъ предсѣдательствомъ профессора Сабинина, присутствовали профессоры: Беркевичъ, Абашевъ, Шведовъ, Мечниковъ, Сѣченовъ, Вальцъ, Марковниковъ, Ярошенко и Синцовъ и доцентъ Кощугъ: *слушали:* прошеніе доктора философіи Владиміра Ковалевскаго о допущеніи его къ испытанію на степень магистра по минералогіи и геогнозіи. *Опредѣлили:* допустить г. Ковалевскаго въ ближайшее засѣданіе факультета.

Статья 4-я протокола засѣданія физико-математическаго факультета, бывшаго 19-го января 1873 года, и въ которомъ, подъ предсѣдательствомъ профессора Сабинина, присутствовали профессоры: Абашевъ, Мечниковъ, Шведовъ, Сѣченовъ, Вальцъ, Марковниковъ, Синцовъ и Ярошенко и доценты: Кощугъ и Умовъ.

Въ засѣданіи факультета докторъ философіи іенскаго университета, Владиміръ Ковалевскій подвергался испытанію на степень магистра минералогіи и геогнозіи по предметамъ минералогіи, геологіи и палеонтологіи. Экзаменаторомъ былъ профессоръ Синцовъ. Испытаніе признано удовлетворительнымъ. При этомъ факультетомъ постановлено: назначить, согласно заявленію Ковалевскаго, испытаніе по аналитической химіи и опытной физикѣ въ субботу, 3-го февраля. *Экзаменаціонный листъ:* Въ засѣданіи физико-математическаго факультета 19-го января 1873 года, докторъ философіи іенскаго университета, Владиміръ Ковалевскій под-

и назначить, по соглашенію съ г. Ковалевскимъ, устное испытаніе по опытной физикѣ. При этомъ профессоръ Синцовъ заявилъ, что онъ остается при особомъ мнѣніи. При чтеніи протокола, въ засѣданіи 7-го февраля, нѣкоторые члены, на основаніи поданнаго г. Ковалевскимъ прошенія, изъявили желаніе измѣнить свое мнѣніе; вслѣдствіе чего предсѣдательствующимъ былъ снова перебаллотированъ предложенный въ прежнемъ засѣданіи вопросъ; при чемъ оказалось, что въ пользу назначенія вновь устнаго испытанія по минералогіи, геологіи и палеонтологіи подали голоса: Ярошенко, Вериго, Синцовъ, Сѣченовъ, Шведовъ, Мечниковъ и Беркевичъ, а противъ назначенія: Кощугъ, Вальцъ и Сабининъ. *Опредѣлили*: назначить устное испытаніе г. Ковалевскаго по минералогіи, геологіи и палеонтологіи въ четвергъ, 8-го февраля.

Протоколъ засѣданія физико-математическаго факультета, бывшаго 8-го февраля 1873 года, и въ которомъ, подъ предсѣдательствомъ профессора Сабинина, присутствовали профессоры: Абашевъ, Мечниковъ, Шведовъ, Сѣченовъ, Вальцъ, Марковниковъ и Синцовъ и доцентъ Кощугъ.

Слушали: въ засѣданіи физико-математическаго факультета 8-го февраля докторъ философіи іенскаго университета Владиміръ Ковалевскій подвергался устному испытанію на степень магистра минералогіи и геогнозіи по предметамъ минералогіи, геологіи и палеонтологіи. Экзаменаторомъ былъ экстраординарный профессоръ Синцовъ, которымъ предложены были слѣдующіе три первые вопроса: 1) о девонской формаціи С. Америки, 2) о трилобитахъ и раковинахъ третичнаго вѣнскаго бассейна и 3) о тетардоэдріи кварца; а профессоромъ Абашевымъ послѣдніе два вопроса: 4) объ образованіи минераловъ рудныхъ жилъ и

5) о разрушеніи минераловъ подъ вліяніемъ атмосферныхъ дѣятелей. Отвѣты г. Ковалевскаго на первые четыре вопроса факультетъ нашелъ неудовлетворительными, а отвѣтъ на одинъ пятый вопросъ удовлетворительнымъ. Такъ какъ устное испытаніе г. Ковалевскаго по минералогіи и геогнозіи признано оконченнымъ, то предсѣдательствующій почелъ необходимымъ сдѣлать предложеніе о томъ, чтобы теперь-же рѣшить вопросъ: находитъ-ли факультетъ удовлетворительнымъ или нѣтъ все устное испытаніе г. Ковалевскаго по минералогіи и геогнозіи, происходившее въ двухъ засѣданіяхъ 19-го января и 8-го февраля сего года? Профессоръ Марковниковъ сдѣлалъ возраженіе противъ этого предложенія, подавъ мнѣніе, что факультетъ можетъ рѣшить предложенный вопросъ только послѣ устнаго испытанія по физикѣ, т. е. по окончаніи всѣхъ испытаній. Вслѣдствіе чего предсѣдательствующій подвергъ открытой баллотировкѣ вопросъ: какъ считаетъ факультетъ необходимымъ, теперь или послѣ устнаго испытанія г. Ковалевскаго по физикѣ постановить рѣшеніе о результатѣ устнаго испытанія г. Ковалевскаго по минералогіи и геогнозіи? Большинствомъ 5-ти голосовъ (гг. Марковниковъ, Вальцъ, Сѣченовъ, Мечниковъ и Абашевъ) противъ 4-хъ (Кощугъ, Синцовъ, Шведовъ и Сабининъ) *опредѣлено*: постановить рѣшеніе о результатѣ устнаго испытанія п минералогіи и геогнозіи послѣ испытанія по физикѣ, и сообразно съ этимъ назначить, по соглашенію съ г. Ковалевскимъ, засѣданіе для устнаго испытанія по опытной физикѣ. Подписали: за декана профессоръ Сабининъ, И. Сѣченовъ, Ил. Мечниковъ, Вальцъ, И. Синцовъ, Д. Абашевъ, И. Кощугъ, В. Марковниковъ. *Экзаменаціонный листъ.* Въ засѣданіи физико-математическаго факультета 8-го февраля 1873 г.

докторъ философіи іенскаго университета, Владиміръ Ковалевскій подвергался испытанію на степень магистра минералогіи и геогнозіи по предметамъ минералогіи, геологіи и палеонтологіи. *Вопросы*: 1) по геологіи: о девонской формаціи сѣверной Америки, *отмѣтка*—неудовлетворительно; 2) по палеонтологіи: о трилобитахъ и о раковинахъ третичнаго вѣнскаго бассейна, — неудовлетворительно; 3) по минералогіи: а) о тетардоэдріи кварца, — неудовлетворительно; б) объ образованіи минераловъ рудныхъ жилъ, — неудовлетворительно в) о разрушеніи минераловъ подъ вліяніемъ атмосферныхъ дѣятелей, — удовлетворительно. Подписали: экзаменаторъ И. Синцовъ, Д. Абашевъ, Ѳ. Шведовъ, Вл. Марковниковъ, И Кощугъ, И. Сѣченовъ, Мечниковъ, Вальцъ, Сабининъ.

Статья 1-я протокола засѣданія физико-математическаго факультета, бывшаго 29-го марта 1873 года, и въ которомъ, подъ предсѣдательствомъ декана Вальца, присутствовали профессоры: К. И. Карастелевъ, Д. Н. Абашевъ, И. М. Сѣченовъ, Е. Ѳ. Сабининъ, Н. А. Головкинскій, И. Ф. Синцовъ, В. В. Марковниковъ, А. А. Вериго и доцентъ И. Ф. Кощугъ.

Слушали: прошеніе на имя декана Владиміра Ковалевскаго о сообщеніи ему результатовъ испытанія по главнымъ предметамъ: геогнозіи, палеонтологіи и минералогіи. *Опредѣлили*: считать испытаніе г. Ковалевскаго по минералогіи, геологіи и палеонтологіи неудовлетворительнымъ большинствомъ семи голосовъ противъ одного, и увѣдомить объ этомъ г. Ковалевскаго.

Часть ученая.

ФЕДОНЪ,

РАЗГОВОРЪ ПЛАТОНА.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫМИ ПРИМѢЧАНІЯМИ

Дмитрія Лебедева.

ФЕДОНЪ ПЛАТОНА.

Разговаривающія лица: Эхекратъ, Федонъ, Аполлодоръ, Сократъ, Кебесъ, Симміасъ, Критонъ, исполнитель распоряженій одиннадцати.

Эхекратъ. Самъ ли ты, любезный Федонъ, былъ у Сократа въ тотъ день, когда онъ выпилъ ядъ въ темницѣ, или ты слышалъ объ этомъ отъ кого нибудь?

Федонъ. Я самъ тогда у него былъ, любезный Эхекратъ [1].

Эхекратъ. Что же говорилъ онъ передъ смертью, и какъ умеръ? Я послушалъ бы объ этомъ тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ, что въ настоящую минуту нѣтъ рѣшительно никого изъ фліунтскихъ гражданъ [2], кто бы ѣхалъ въ Аѳины, а равно и оттуда давно уже нѣтъ гостя, который могъ бы сообщить намъ что нибудь другое, кромѣ того, что Сократъ умеръ отъ яду; больше этого у насъ ничего не говорятъ.

Федонъ. Слѣдовательно, вамъ неизвѣстно и то, что относится къ суду, и какъ онъ происходилъ?

Эхекратъ. Нѣтъ, объ этомъ намъ сообщалъ кто-то, и мы еще удивлялись, что приговоръ былъ исполненъ долгое время спустя [3], послѣ того какъ былъ произнесенъ. Что было причиной этому, Федонъ?

Федонъ. Случайное обстоятельство, Эхекратъ. Наканунѣ произнесенія приговора увѣнчивали [4] корабль [5], который аѳиняне ежегодно посылаютъ [6] въ Делосъ [7].

Эхекратъ. А что это за корабль?

Федонъ. Это, какъ говорятъ аѳиняне, тотъ самый, на которомъ Ѳезей [8] привезъ нѣкогда въ Критъ семь юношей и

семь дѣвицъ, и спасъ ихъ и себя. Говорятъ, что аѳиняне тогда же дали обѣтъ Аполлону, если Ѳезей и его спутники будутъ спасены, отправлять ежегодно священное посольство[9] въ Делосъ, которое они дѣйствительно съ того времени и до сихъ поръ ежегодно посылаютъ въ честь бога. А законъ ихъ предписываетъ, какъ скоро начнется приготовленіе священнаго посольства, сохранять въ это время городъ отъ всего нечистаго, и не приводить въ исполненіе смертныхъ приговоръ, пока корабль не съѣздитъ въ Делосъ и не возвратится обратно, что продолжается иногда долгое время, если пловцевъ застигнутъ противные вѣтры; началомъ же священнаго празднества принимается то время, когда жрецъ Аполлона увѣнчаетъ корму корабля; это какъ разъ и случилось, какъ я сказалъ, наканунѣ произнесенія приговора; и вотъ по этой-то причинѣ Сократу пришлось пробыть такъ долго въ темницѣ, — въ промежутокъ времени между произнесеніемъ и исполненіемъ приговора.

II. Что же ты можешь разсказать намъ объ обстоятельствахъ его смерти, любезный Федонъ? Что онъ говорилъ и дѣлалъ, и кто изъ людей близкихъ былъ тогда при немъ? или одиннадцать судей[10] не позволяли тамъ присутствовать никому, и онъ умеръ, лишенный общества друзей?

Федонъ. О, напротивъ; при немъ было тогда нѣсколько человѣкъ, и даже много.

Эхекратъ. Прими же на себя трудъ разсказать намъ обо всемъ этомъ какъ можно подробнѣе, если только ты не занятъ теперь какимъ нибудь особенно важнымъ дѣломъ.

Федонъ. Я свободенъ, и попытаюсь вамъ разсказать; да мнѣ и самому вспоминать о Сократѣ всегда пріятнѣе, чѣмъ что нибудь другое, — говорить о немъ, также какъ и слушать.

Эхекратъ. Но, любезный Федонъ, тѣ, которые приготовились слушать твой разсказъ, не меньше чѣмъ и ты любятъ Сократа[11]; постарайся же передать намъ все съ тою точностью, какая только будетъ для тебя возможна.

Федонъ. Я испытывалъ именно что-то необыкновенное, находившись тогда у Сократа; въ душѣ моей не было жалости, хотя я присутствовалъ при смерти моего друга; этотъ человѣкъ

представлялся мнѣ блаженнымъ, любезный Эхекратъ, во всемъ существѣ своемъ, также какъ и въ своихъ рѣчахъ: такъ безстрашно и съ такимъ достоинствомъ онъ умиралъ. Мнѣ казалось, что онъ переселяется въ аидъ не безъ особеннаго опредѣленія боговъ [12], и что онъ будетъ тамъ наслаждаться блаженствомъ, какимъ едва ли наслаждался кто нибудь когда нибудь. Вотъ почему у меня нимало не было въ душѣ сожалѣнія, какъ можно бы ожидать отъ человѣка, присутствующаго при печальной сценѣ. Точно также, съ другой стороны, я не чувствовалъ и того удовольствія, которое мы обыкновенно испытывали, когда вели наши философскія бесѣды. Рѣчи наши отчасти и тогда имѣли этотъ характеръ; но въ душѣ у меня дѣйствительно было какое-то необыкновенное чувство, какое-то непонятное соединеніе радости и печали, раждавшееся при мысли о томъ, что этотъ человѣкъ долженъ скоро умереть. Всѣ мы, присутствовавшіе тамъ, были почти въ одинаковомъ подобномъ же настроеніи духа; всѣ попеременно то смѣялись, то плакали; больше другихъ, впрочемъ, плакалъ Аполлодоръ [13], потому что ты знаешь его и его характеръ.

Эхекратъ. Какъ не знать!

Федонъ. Онъ то именно всецѣло предавался тогда скорби, опечаливая этимъ меня также какъ и другихъ.

Эхекратъ. Кто же присутствовалъ тогда у Сократа, любезный Федонъ?

Федонъ. Изъ его согражданъ былъ этотъ самый Аполлодоръ, Критовулъ и отецъ его Критонъ [14], Гермогенъ, Эпигенъ, Эсхинъ и Антисѳенъ. Кромѣ того пеаніецъ Ктезиппъ, Менексенъ и нѣкоторые другіе его сограждане; Платонъ же, какъ я думаю, былъ боленъ [15].

Эхекратъ. А изъ чужестранцевъ былъ кто нибудь?

Федонъ. Да, были: Симміасъ Ѳивянинъ [16], Кебесъ и Федонидъ, кромѣ того Эвклидъ и Терпсіонъ изъ Мегары.

Эхекратъ. А Аристиппъ и Клеомбротъ были [17]?

Федонъ. Не было; говорили, что они находились тогда на Эгинѣ [18].

Эхекратъ. А еще кто былъ?

Федонъ. Да это, кажется, почти всѣ, которые тамъ присутствовали.

Эхекратъ. Ну, и такъ о чемъ же шла ваша бесѣда?

III. Постараюсь передать тебѣ все съ самаго начала. Во всѣ предшествовавшіе дни я, также какъ и прочіе, постоянно навѣщали Сократа, приходя по утрамъ въ судилище, въ которомъ производился судъ, такъ какъ оно находится неподалеку отъ темницы. Здѣсь мы ожидали каждый день, пока отопрутъ темницу, проводя время въ бесѣдахъ, потому что она отпиралась не рано. Когда же ее отпирали, мы входили къ Сократу, и обыкновенно проводили съ нимъ цѣлый день; но въ этотъ день мы собрались раньше обыкновеннаго, такъ какъ наканунѣ, оставивши вечеромъ темницу, узнали, что корабль возвратился уже изъ Делоса. Въ слѣдствіе этого мы согласились собраться въ обычномъ мѣстѣ какъ можно раньше. Мы пришли, а привратникъ, который обыкновенно насъ впускалъ, вышедши къ намъ на встрѣчу, просилъ насъ подождать и не входить, прежде чѣмъ онъ насъ позоветъ. «Одиннадцать судей», прибавилъ онъ, «освобождаютъ въ настоящую минуту Сократа отъ оковъ, и объявляютъ ему, что онъ долженъ сегодня умереть». Спустя немного времени онъ возвратился, и пригласилъ насъ войти. Мы вошли и увидѣли Сократа, съ котораго только что сняли цѣпи, и извѣстную тебѣ Ксантиппу [19], которая сидѣла подлѣ него съ ребенкомъ на рукахъ. Едва она увидѣла насъ, какъ начала рыдать, и приговаривать, что обыкновенно приговариваютъ въ подобныхъ случаяхъ женщины: «О Сократъ, повторяла она съ воплями, сегодня въ послѣдній разъ бесѣдуютъ съ тобою твои друзья, и ты съ ними». Сократъ, взглянувши на Критона, сказалъ: Критонъ, пусть ее уведетъ кто нибудь домой. Слуги Критона [20] вывели ее, а она продолжала кричать и бить себя въ грудь. Сократъ приподнялся на постели, согнулъ колѣно, началъ его разглаживать рукой, и разглаживая сказалъ: что за странную вещь, друзья мои, составляетъ то, что люди называютъ пріятнымъ; какъ чудно соединяется оно съ тѣмъ, что кажется ему противуположнымъ, — съ печальнымъ; оба эти чувства не могутъ быть въ человѣкѣ въ одно и тоже

время, а между тѣмъ, если кто нибудь ищетъ одного и достигнетъ его, онъ почти всегда бываетъ вынужденъ принять и другое, какъ будто бы оба ощущенія были связаны однимъ концемъ. Мнѣ кажется, прибавилъ онъ, что если бы на это обратилъ вниманіе Эзопъ [21], онъ сложилъ бы басню, — какъ богъ, желая примирить воюющія противуположности, и не успѣвши въ этомъ, соединилъ ихъ концы, отчего и происходитъ, что какъ скоро человѣка посѣтитъ одно чувство, — вслѣдъ за нимъ является и другое. Это, очевидно, происходитъ въ настоящее время, прибавилъ онъ, и со мною, потому что прежде я чувствовалъ боль въ колѣнѣ отъ оковъ, а теперь это чувство смѣнилось для меня ощущеніемъ пріятнымъ.

IV. Кебесъ, прервавъ его рѣчь, сказалъ: клянусь Зевесомъ, любезный Сократъ, ты хорошо сдѣлалъ, что напомнилъ мнѣ объ этомъ. Нѣкоторые, — и въ числѣ другихъ въ недавнее время Эвенъ [22], — спрашивали меня о стихотвореніяхъ, которыя ты сочинилъ, переложивши въ стихи басни Эзопа [23] и написавши гимнъ Аполлону [24], — какія побужденія руководили тобою, что ты, перешедши въ темницу, началъ писать стихи, никогда не писавши ихъ прежде? И такъ, если ты желаешь, чтобы я былъ въ состояніи отвѣчать Эвену, когда онъ опять спроситъ меня объ этомъ, — а я увѣренъ, что онъ спроситъ, — то скажи, что̀ я долженъ отвѣчать?

Отвѣчай ему, любезный Кебесъ, согласно съ истиной, сказалъ Сократъ, — а именно, что я писалъ эти стихотворенія не изъ желанія входить въ соперничество съ нимъ и его произведеніями; я знаю, что это было бы нелегко; я писалъ единственно изъ желанія узнать, чего требовали отъ меня нѣкоторыя посѣщавшія меня видѣнія, и очистить свою совѣсть [25], если именно поэзія была тѣмъ изящнымъ искусствомъ, на служеніе которому они меня призывали. Это было такъ. Часто въ моей прошедшей жизни мнѣ являлось одно и тоже видѣніе, — въ разныя времена въ разныхъ видахъ, но съ одной и тою же рѣчью. «Сократъ», говорило оно мнѣ, «посвяти себя искусству музъ [26] и упражняйся въ немъ» [27]. Сначала я думалъ, что оно побуждало и ободряло меня [28] продолжать заниматься тѣмъ, чѣмъ

я занимался и въ прежнее время. Подобно тому, какъ воодушевляютъ бѣгущихъ на ристалищѣ, такъ, думалъ я, и меня мое видѣнiе возбуждало заниматься тѣмъ, чѣмъ я занимался, — служить искусству музъ, то есть величайшей наукѣ философiи[29], которой я посвящалъ мои труды. Но теперь, послѣ того, когда надо мною былъ произнесенъ приговоръ, а празднество Аполлона замедлило мою смерть я счелъ долгомъ, если мое видѣнiе въ своихъ частыхъ явленiяхъ возбуждало меня къ занятiю искусствомъ болѣе обыкновеннымъ, не противиться его голосу, а послѣдовать; потому что для меня безопаснѣе — не покидать этой жизни, прежде чѣмъ я исполню свой долгъ передъ божествомъ, и, повинуясь видѣнiю, напишу нѣсколько поэтическихъ произведенiй; такимъ образомъ, я прежде всего сочинилъ гимнъ божеству, которому въ то время праздновали, а послѣ гимна, разсудивши, что поэтъ, если онъ хочетъ быть поэтомъ, долженъ представлять въ стихахъ разсказъ, а не однѣ только поэтическiя мысли[30], а самъ я неизобрѣтателенъ въ вымыслѣ, — я переложилъ въ стихи басни Эзопа, какiя имѣлъ подъ рукою и зналъ, — первыя которыя мнѣ попались.

V. И такъ вотъ что, любезный Кебесъ, передай Эвену: пусть онъ будетъ здоровъ, и, если онъ мудръ, пусть какъ можно скорѣе слѣдуетъ за мною. Я же, какъ кажется, уйду отъ васъ сегодня, потому что такъ хотятъ аѳиняне.

Симмiасъ воскликнулъ: чего ты требуешь этимъ отъ Эвена, любезный Сократъ? Я много разъ бесѣдовалъ съ нимъ, и думаю, судя по тому, что я о немъ знаю, что онъ ни за что не послѣдуетъ добровольно твоему совѣту.

Какъ, воскликнулъ Сократъ, развѣ Эвенъ не философъ?

Мнѣ, по крайней мѣрѣ, онъ представляется философомъ, отвѣчалъ Симмiасъ.

[illegible] онъ захочетъ послѣдовать совѣту, — [illegible] образомъ [illegible] философiи [illegible] для достиженiя [illegible] философъ не [illegible] самоубiйственной [illegible] божествен[illegible] съ по-

стели на землю, и все остальное говорилъ уже сидя въ такомъ положеніи.

Кебесъ спросилъ его: какъ это понимать, любезный Сократъ? причинять себѣ насильственную смерть противно божественному закону, а между тѣмъ философъ долженъ желать слѣдовать за умирающимъ?

Какъ, любезный Кебесъ, развѣ вы, — ты и Симміасъ, ничего объ этомъ не слышали въ то время, когда жили въ обществѣ Филолая [31]?

По крайней мѣрѣ ничего опредѣленнаго, любезный Сократъ.

Да я и самъ говорю объ этомъ только то, что слышалъ, а слышаннаго не имѣю причины скрывать отъ васъ [32]; сверхъ того для человѣка, переселяющагося въ другой міръ, быть можетъ, приличнѣе всего разсуждать и вспоминать существующіе разсказы объ этомъ переселеніи [33], — каково оно, по нашему мнѣнію, должно быть; да чѣмъ другимъ можно бы и заниматься въ промежутокъ времени до заката солнца?

VI. На какомъ же основаніи говорятъ, любезный Сократъ, что лишать себя жизни противно божественному закону? Я слышалъ уже и отъ Филолая въ то время, когда онъ съ нами жилъ, — обстоятельство, о которомъ ты сей часъ меня спрашивалъ, — и отъ нѣкоторыхъ другихъ, что этого дѣлать не должно, но яснаго объ этомъ не слышалъ никогда ничего и ни отъ кого [34].

Не надобно отчаеваться, сказалъ Сократъ; скоро, можетъ быть, и услышишь; и, можетъ быть, тебѣ покажется удивительнымъ, что изъ всѣхъ возможныхъ вещей это составляетъ единственно простую истину, и что въ этомъ случаѣ никогда не бываетъ такъ, какъ въ другихъ, то есть, чтобы извѣстнымъ людямъ въ извѣстное время было лучше умереть, нежели жить; можетъ быть тебѣ покажется удивительнымъ, что даже тѣмъ, которымъ было бы лучше умереть, нежели жить, не позволительно благодѣтельствовать самимъ себѣ, но нужно ожидать посторонняго благодѣтеля.

Кебесъ, тихо улыбнувшись, сказалъ на своемъ родномъ нарѣчіи: «это вѣдаетъ Зевсъ» [35].

Мысль эта можетъ показаться странною, сказалъ Сократъ, но она имѣетъ свое основаніе. Ученіе объ этомъ предметѣ, сообщаемое только посвященнымъ [36], что мы, люди, содержимся въ нѣкотораго рода темницѣ [37], и что самому не должно отъ нея освобождаться, или бѣгать изъ нея, мнѣ представляется многознаменательнымъ и не легко объемлемымъ разумомъ. Во всякомъ случаѣ, любезный Кебесъ, мнѣ кажется, справедливо говорятъ, что боги заботятся о насъ, и что мы, люди, составляемъ ихъ собственность. Или тебѣ представляется не такъ?

Совершенно такъ, сказалъ Кебесъ.

Не правда-ли, продолжалъ Сократъ, что если бы кто изъ твоихъ рабовъ лишилъ себя жизни, въ то время какъ ты не опредѣлялъ ему смерти, то ты бы разсердился, и если бы имѣлъ возможность наказать его, то наказалъ бы?

Совершенно вѣрно, отвѣтилъ тотъ.

И такъ, въ силу этого, мнѣ кажется, не безосновательно то разсужденіе, что не должно лишать себя жизни, прежде чѣмъ самъ богъ укажетъ необходимость къ этому, какъ напр. въ настоящемъ случаѣ мнѣ.

VII. Это, сказалъ Кебесъ, мнѣ кажется совершенно естественно; но то, что̀ ты сей часъ говорилъ, именно, что каждый философъ долженъ желать смерти [38] — представляется чѣмъ-то страннымъ, любезный Сократъ, если, какъ мы сейчасъ признали, справедливо, что божество о насъ заботится, и что мы составляемъ его собственность. Съ разумомъ рѣшительно несогласно, чтобы самые мудрые люди не скорбѣли душой, оставляя то служеніе, въ которомъ ихъ руководятъ лучшіе изъ всѣхъ руководителей — боги; потому что человѣкъ мудрый не станетъ думать, что онъ будетъ лучше заботиться о себѣ самъ, сдѣлавшись свободнымъ. Только безумецъ могъ бы думать, что отъ господина должно бѣжать, и не разсудилъ-бы, что отъ добраго не нужно бѣжать, а всѣми силами его держаться; поэтому бѣгство его было бы противно разсудку; но кто обладаетъ умомъ тотъ пожелалъ бы навсегда остаться при томъ, который лучше его. Такимъ образомъ, любезный Сократъ, мнѣ представляется истиной нѣчто противное тому, что̀ было сей часъ говорено

мудрымъ естественно умирая скорбѣть, а безумцамъ радоваться.

Сократъ, услышавъ это, остался, какъ мнѣ показалось, очень доволенъ настойчивостью Кебеса, и, взглянувъ на насъ, сказалъ: Кебесъ всегда ищетъ на все основаній, и не вдругъ соглашается съ тѣмъ, что кто нибудь скажетъ.

Однако-же, Сократъ, замѣтилъ Симміасъ, мнѣ и самому представляется, что Кебесъ говоритъ отчасти справедливо [39]. Почему, въ самомъ дѣлѣ, истинно мудрые люди должны бѣгать отъ владыкъ, лучшихъ чѣмъ они сами, и безъ сожалѣнія съ ними разставаться? Мнѣ кажется, что рѣчь Кебеса направлена прямо противъ тебя [40], такъ какъ ты такъ легко покидаешь и насъ и благихъ владыкъ, въ благости которыхъ ты и самъ увѣренъ, — боговъ?

Вы говорите правду, возразилъ Сократъ, и мнѣ кажется, говорите это для того, чтобы заставить меня защищаться противъ этого какъ будто бы въ судилищѣ.

Совершенно такъ, сказалъ Симміасъ.

VIII. Я постараюсь, началъ Сократъ, чтобы моя защита передъ вами имѣла большій успѣхъ, нежели какой она имѣла передъ судьями. Если бы я не думалъ, друзья мои Симміасъ и Кебесъ, что я отойду во первыхъ къ другимъ богамъ, — мудрымъ и благимъ [41], а потомъ къ умершимъ людямъ, лучшимъ чѣмъ живущіе на землѣ, то я былъ бы неправъ, не скорбя при наступленіи смерти. Но, знайте, что я надѣюсь перейти къ людямъ добрымъ, хотя впрочемъ этого я не буду утверждать рѣшительно; — но что я перейду къ богамъ всеблагимъ, — относительно этого да будетъ вамъ извѣстно, что, если я могу утверждать съ достовѣрностью что нибудь изъ подобныхъ вещей, то я буду это утверждать. Вотъ почему я не печалюсь при мысли о смерти [42], но имѣю добрую надежду, что извѣстная участь существуетъ и для умершихъ [43], и, согласно древнему преданію, гораздо лучшая для добрыхъ, нежели для злыхъ.

Но какъ же, однако, любезный Сократъ, сказалъ Симміасъ, развѣ ты думаешь покинуть насъ, унесши съ собою твой взглядъ на этотъ предметъ, или ты сообщишь его и намъ? Мнѣ ка-

жется, что это благо общее и для насъ; да кромѣ того, если ты насъ убѣдишь въ томъ, что ты высказываешь, то это будетъ вмѣстѣ и твоей апологіей.

Постараюсь, сказалъ Сократъ; но послушаемъ прежде, что намъ скажетъ Критонъ; онъ, какъ я замѣчаю, давно уже собирается что-то сказать.

Что же я скажу тебѣ, Сократъ, отвѣчалъ Критонъ, другое, кромѣ того, что давно уже повторяетъ мнѣ человѣкъ, который долженъ дать тебѣ ядъ, — что тебѣ какъ можно меньше нужно разговаривать; говорятъ, что тѣ, которые разговариваютъ, сильно разгорячаются; а съ употребленіемъ яду ничего такого нельзя соединять: въ противномъ случаѣ, люди, позволяющіе себѣ что нибудь подобное, бываютъ иногда принуждены пить по два и по три раза.

Не обращай на него вниманія [44], сказалъ Сократъ; пусть только онъ приготовитъ свое питье, какъ будто бы онъ долженъ былъ дать мнѣ два, и, если будетъ нужно, три раза.

Я почти предвидѣлъ твой отвѣтъ, возразилъ Критонъ; но право этотъ человѣкъ давно мнѣ не даетъ покою.

Оставь его, сказалъ Сократъ.

Только вамъ, моимъ судьямъ, я намѣренъ дать отчетъ, — на какомъ основаніи человѣкъ, который дѣйствительно провелъ жизнь въ занятіяхъ философіей, естественно долженъ быть спокоенъ духомъ въ то время, когда готовится умереть, и имѣть добрую надежду наслѣдовать по смерти величайшія блага. Я попробую, друзья мои Симміасъ и Кебесъ, показать — какъ это такъ.

IX. Люди, занимающіеся надлежащимъ образомъ философіей, остаются неизвѣстны другимъ въ томъ отношеніи, что они желаютъ не иного чего, какъ только умереть и быть для всего мертвыми [45]. А если это справедливо, то было бы конечно очень странно, если бы философы, желавши въ теченіе всей жизни только одного этого, стали бы печалиться, когда пришла смерть, — пришло то, къ чему они давно стремились и чего желали.

Симміасъ, засмѣявшись при этомъ, сказалъ: клянусь Зе-

весомъ, любезный Сократъ, я вовсе не расположенъ былъ смѣяться, но ты меня заставилъ. Я думаю, что многіе, услышавъ это, нашли бы, что это очень хорошо сказано о философахъ, а наши сограждане[46] вполнѣ согласились бы съ тѣмъ, что истинные философы дѣйствительно желаютъ смерти, и что они съ своей стороны понимаютъ, что философы ея достойны.

И справедливо бы сказали, любезный Симміасъ, кромѣ того, что они это понимаютъ; нѣтъ, они не понимаютъ ни того, почему истинные философы желаютъ смерти[47], ни того, почему они ея достойны, и какой именно[48]. Но будемъ продолжать нашу бесѣду, сказалъ Сократъ, оставивши въ покоѣ этихъ людей. Обозначаемъ ли мы нѣчто, когда произносимъ слово: смерть?

Конечно, отвѣчалъ Симміасъ.

Означаемъ ли мы этимъ именемъ что нибудь другое, чѣмъ отдѣленіе души отъ тѣла, и сущность смерти не состоитъ ли въ томъ, что тѣло, разлучившись съ душой, существуетъ само по себѣ, а душа, освобожденная отъ тѣла, сама по себѣ? Составляетъ ли смерть что нибудь другое, а не это?

Не другое, а именно это, отвѣчалъ Симміасъ.

Разсмотри внимательно, мой добрый другъ, точно ли тебѣ кажется такъ же какъ и мнѣ; потому что такимъ образомъ мы, я думаю, лучше поймемъ то, о чемъ разсуждаемъ. Какъ ты думаешь, прилично-ли философу гоняться за такъ называемыми удовольствіями, напр. за удовольствіями пировъ и попоекъ?

Менѣе всего, Сократъ, отвѣчалъ Симміасъ.

Ну, а за удовольствіями любви?

Никоимъ образомъ.

Ну, а другія заботы, касающіяся нуждъ жизни тѣлесной, считаетъ важными философъ? Такъ напр. обладаніе красивымъ платьемъ, обувью и другими украшеніями тѣла[49] — цѣнитъ ли онъ высоко, или же ставитъ ни во что, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда крайняя необходимость заставитъ его что нибудь такое употреблять?

Я думаю, что истинный философъ всѣмъ этимъ пренебрегаетъ.

Слѣдовательно ты рѣшительно того мнѣнія, продолжалъ Сократъ, что заботы такого человѣка не должны имѣть предметомъ тѣла, но, удаленные отъ него, насколько только возможно, должны быть обращены къ душѣ?

Я такъ думаю.

Не ясно ли отсюда, что философъ прежде всего во всѣхъ подобнаго рода вещахъ, преимущественно передъ другими людьми, отрѣшаетъ душу отъ общенія съ тѣломъ?

Очевидно.

Между тѣмъ, любезный Симміасъ, многіе смотрятъ такъ, что тѣмъ, которые не находятъ никакого удовольствія въ обладаніи подобнаго рода предметами, или лишены ихъ, не стоитъ и жить; а человѣкъ, который не думаетъ объ удовольствіяхъ тѣла, представляется имъ близкимъ къ состоянію смерти.

Ты говоришь вещи какъ нельзя болѣе истинныя.

X. Ну, а въ пріобрѣтеніи знанія [50], служитъ ли тѣло препятствіемъ, если его принимаютъ соучастникомъ при изслѣдованіи, или нѣтъ? Я разумѣю вотъ что: передаютъ ли зрѣніе и слухъ что нибудь людямъ безобманчиво, или же поэты [51] правы, когда постоянно твердятъ, что мы ничего не слышимъ и не видимъ съ точностію? а если эти тѣлесныя чувства не довольно безошибочны, тѣмъ менѣе остальныя; потому что всѣ они низшаго достоинства, или тебѣ не представляется такъ?

Напротивъ, совершенно такъ, сказалъ Симміасъ.

Когда же, продолжалъ Сократъ, душа доходитъ до познанія истины? потому что какъ скоро она пытается изслѣдовать что нибудь съ помощію тѣла, то тѣло очевидно вводитъ ее въ заблужденіе.

Правда.

И такъ не путемъ ли размышленія, если только это достижимо какимъ бы то ни было путемъ вообще, становится для нея яснымъ что нибудь въ бытіи [52]?

Да.

А размышляетъ душа лучше всего тогда, когда ничто подобное не возмущаетъ ее, — ни слухъ, ни зрѣніе, ни печаль, ни удовольствіе, когда она заключается всецѣло въ самое себя,

не пользуясь ни въ чемъ помощью тѣла[53], и, на сколько только это для нея возможно, не сообщаясь съ нимъ и не прикасаясь къ нему, устремляется въ область бытія[54].

Это такъ.

Не правда ли, что и въ этомъ случаѣ душа философа въ высшей степени презираетъ тѣло, бѣжитъ отъ него, и стремится сдѣлаться чѣмъ-то отдѣльнымъ[55]?

Очевидно.

А какъ мы будемъ, Симміасъ, понимать слѣдующія вещи: называемъ ли мы что нибудь само въ себѣ справедливымъ или нѣтъ?

Конечно называемъ, клянусь Зевесомъ.

А что нибудь другое прекраснымъ или добрымъ?

Да какъ же нѣтъ?

А видѣлъ ли ты когда нибудь что нибудь такое глазами?

Никогда, сказалъ Симміасъ.

Дошелъ ли ты до понятія объ этихъ вещахъ помощію какого нибудь другого изъ тѣлесныхъ чувствъ? Я говорю обо всемъ вообще, какъ напр. о величинѣ, здоровьѣ, силѣ, словомъ сказать о сущности всего, — о томъ, что такое каждая такая сущность сама въ себѣ. Познаемъ ли мы сокровеннѣйшую глубину ихъ съ помощію тѣла, или же это бываетъ такимъ образомъ, что тотъ, кто больше другихъ пріучилъ себя мысленно проникать въ сущность, которую хочетъ изслѣдовать, наиболѣе приближается къ пониманію каждой[56]?

Конечно.

И такъ, не тотъ ли достигаетъ въ этомъ случаѣ совершеннѣе другихъ цѣли, кто устремляется къ каждой сущности одною только мыслью, не пользуясь при размышленіи чувствомъ зрѣнія, и не соединяя съ мысленнымъ созерцаніемъ дѣйствія какого нибудь другого тѣлеснаго чувства, но отдаваясь чистой мысли, мысли въ самой себѣ, стремится постичь чистое и существующее само въ себѣ[57], отрѣшаясь при этомъ, на сколько только возможно, отъ зрѣнія, слуха, и, чтобы все сказать однимъ словомъ, отъ всего тѣла, какъ возмущающаго душу и не позволяющаго ей достигать истины и мудрости во всѣхъ

тѣхъ случаяхъ, когда она входитъ съ ними въ общеніе? Не такой ли человѣкъ, любезный Симміасъ, придетъ къ познанію бытія, если только кто нибудь можетъ къ этому придти?

Ты говоришь, любезный Сократъ, удивительно вѣрно, отвѣчалъ Симміасъ.

XI. Итакъ, въ слѣдствіе всего этого, сказалъ Сократъ, не должна ли въ умахъ истинныхъ философовъ явиться мысль, которую они будутъ и высказывать между собой, — именно, что, согласно этому разсужденію, насъ, кажется, выводитъ на ровный путь въ изслѣдованіи истины одна дорога[58], потому что, пока мы заключены въ тѣла, пока наша душа связана съ этимъ зломъ, мы небудемъ вполнѣ обладать тѣмъ, къ чему стремимся: я разумѣю истину. Тѣло представляетъ намъ въ этомъ случаѣ безчисленныя препятствія по причинѣ необходимости заботиться о немъ; случающіяся иногда болѣзни служатъ также помѣхой въ изысканіи истины; наконецъ, оно наполняетъ насъ любовными склонностями, пожеланіями, опасеніями, всякаго рода призраками и разной суетой[59]; такъ что справедливо говорятъ, что мы, благодаря нашему тѣлу, никогда и ни въ чемъ не можемъ быть мудрыми. Ничто иное, какъ тѣло и его пожеланія производятъ войны, бунты и битвы; потому что всѣ войны имѣютъ источникомъ стремленіе къ обогащенію, а стремиться къ обогащенію мы побуждаемся тѣломъ, такъ какъ мы обязаны ему попеченіемъ. Такимъ образомъ, въ слѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ у насъ не остается времени для занятія философіей[60]. Но самое худшее изъ всего то, что, если тѣло и оставляетъ намъ иногда нѣкоторый досугъ, и мы обращаемся къ изслѣдованію чего нибудь, оно снова, всюду замѣшиваясь въ наши изысканія, производитъ въ насъ волненіе и безпокойство, возмущая нашу внутреннюю тишину до того, что мы, благодаря ему, дѣлаемся неспособны созерцать истину. И такъ отсюда ясно, что, если мы желаемъ что нибудь настоящимъ образомъ знать, то намъ необходимо отрѣшаться отъ тѣла и одною душею созерцать сущность вещей. Такимъ образомъ, только тогда, какъ кажется и какъ показываетъ наше изслѣдованіе, мы достигнемъ того, къ чему стремимся и чего мы называемъ себя любителями, то

есть знанія, когда окончимъ жизнь, а не теперь, пока живемъ. Если же познавать что нибудь совершеннымъ образомъ невозможно при участіи тѣла, то одно изъ двухъ: или для насъ не существуетъ возможности достигать знанія, или мы будемъ обладать имъ только по смерти; потому что только тогда душа будетъ существовать сама въ себѣ[61], отрѣшенная отъ тѣла, а не прежде. — Но пока мы живемъ, мы можемъ, какъ видно изъ всего этого, только въ томъ случаѣ приближаться къ истинѣ, если будемъ какъ можно менѣе сообщаться и дружиться съ тѣломъ, кромѣ случаевъ самой крайней необходимости; если не будемъ исполняться его свойствами, но будемъ блюсти себя отъ него чистыми до тѣхъ поръ, пока богъ не разрѣшитъ насъ. — Тогда, освободившись чистыми отъ безумныхъ пожеланій тѣла, мы будемъ, вѣроятно, находиться съ такими же сущностями[62] какъ мы сами, и черезъ самихъ себя все постигать въ его чистомъ видѣ; а это, вѣроятно, и есть истина: нечистому же невозможно соприкасаться съ чистымъ. Вотъ что̀, я думаю, Симміасъ, истинные любители мудрости должны думать и говорить между собою. Или тебѣ не представляется такъ?

Я убѣжденъ въ этомъ болѣе, нежели въ чемъ нибудь другомъ, Сократъ.

XII. И такъ, если это справедливо, любезный другъ, сказалъ Сократъ, то для человѣка, когда онъ придетъ туда, куда я иду, есть большая надежда именно тамъ, — если только это возможно гдѣ нибудь, — вполнѣ достичь того, ради чего мы предпринимали въ прошедшей жизни много трудовъ, такъ что переселеніе, которое въ настоящее время мнѣ предстоитъ, будетъ совершено мною съ доброй надеждой, точно также какъ и каждымъ другимъ, кто можетъ думать, что онъ приготовилъ уже къ этому очищеніемъ свою мысль[63].

Конечно такъ, сказалъ Симміасъ.

А очищеніе, какъ мы говорили въ предыдущей части бесѣды, не состоитъ-ли въ томъ, чтобы уединять какъ можно болѣе душу отъ тѣла, пріучать ее собираться и сосредоточиваться въ самое себя, и жить на сколько только это возможно,

и въ жизни настоящей и потóмъ, только въ себѣ самой, отрѣшившись отъ тѣла, какъ будто отъ оковъ?

Совершенно такъ, сказалъ Симміасъ.

И не это ли называется смертью — освобожденіе и отдѣленіе души отъ тѣла?

Конечно, отвѣтилъ тотъ.

Истинные философы всегда стремятся, какъ мы говоримъ, болѣе всего и одни изъ всѣхъ людей отрѣшать душу отъ тѣла, и это именно, то есть освобожденіе и отдѣленіе души отъ тѣла, составляетъ предметъ постоянныхъ занятій философовъ. Не такъ ли?

Очевидно.

И такъ не было ли бы смѣшно, какъ я сказалъ въ началѣ разсужденія, если бы человѣкъ, который въ теченіе всей своей жизни стремился жить жизнью, близкой къ состоянію смерти [64], сталъ бы потомъ скорбѣть при наступленіи смерти? Не смѣшно ли бы это было?

Еще бы нѣтъ!

Въ самомъ дѣлѣ, любезный Симміасъ, продолжалъ Сократъ, истинные философы упражняются въ томъ, что они умираютъ, и умереть на самомъ дѣлѣ имъ менѣе страшно, чѣмъ кому нибудь изъ людей. Это ты можешь видѣть вотъ изъ чего. Если философы ненавидятъ тѣло во всѣхъ отношеніяхъ [65], и желаютъ имѣть одну только душу, то не было ли бы крайнею несообразностію, если бы они чувствовали страхъ или печаль, при исполненіи ихъ желанія, если бы они не шли съ радостію туда, гдѣ есть надежда получить то, къ чему они стремились въ теченіе жизни? а стремились они къ мудрости и освобожденію отъ союза съ тѣломъ, которое ненавидѣли. Многіе, послѣ потери дорогихъ имъ существъ [66], по смерти женъ и сыновей, добровольно сходили въ аидъ, въ надеждѣ увидѣть тамъ тѣхъ, кого они любили и быть съ ними вмѣстѣ; а человѣкъ, который истинно любитъ мудрость, и имѣетъ твердую надежду получить въ обладаніе ту мудрость, которая достойна этого имени, не въ иномъ какомъ мѣстѣ, а именно въ аидѣ, — будетъ умирая скорбѣть, а не пойдетъ туда съ радостію? Надобно думать

что онъ пойдетъ туда съ радостію, любезный другъ, если только онъ истинный философъ, потому что онъ твердо будетъ вѣрить, что именно тамъ и нигдѣ больше будетъ обладать чистою мудростью. А если такъ, то не было ли бы крайнею несообразностію, какъ я сейчасъ сказалъ, если бы такой человѣкъ сталъ бояться смерти?

XIII. Конечно, это было бы крайне несообразно, клянусь Зевесомъ, отвѣтилъ тотъ.

И такъ, сказалъ Сократъ, если ты увидишь человѣка, который скорбитъ при наступленіи смерти, — не будетъ ли это служить для тебя достаточнымъ доказательствомъ, что человѣкъ этотъ любитъ не мудрость, а тѣло [67]? а такой человѣкъ непремѣнно любитъ и деньги и почести, — иногда одно, иногда другое, а иногда то и другое вмѣстѣ.

Это дѣйствительно такъ, какъ ты говоришь, отвѣчалъ Симміасъ.

А то, любезный Симміасъ, что̀ называютъ мужествомъ [68], сказалъ Сократъ, не есть ли нѣчто свойственное по преимуществу людямъ, расположеннымъ подобнымъ образомъ [69], то есть философамъ?

Совершенно справедливо, отвѣтилъ тотъ.

А воздержаніе, именемъ котораго многіе обозначаютъ то, чтобы не отдаваться всецѣло страстямъ, но презирать ихъ, и удерживать въ границахъ, — не принадлежитъ ли оно единственно людямъ, которые по преимуществу пренебрегаютъ тѣломъ, и проводятъ жизнь въ занятіяхъ философіей?

Непремѣнно такъ, сказалъ Симміасъ.

Въ самомъ дѣлѣ, продолжалъ Сократъ, если ты начнешь разсматривать мужество и воздержаніе другихъ людей, то увидишь, что эти добродѣтели ихъ заключаютъ въ себѣ что-то странное.

Какимъ образомъ, Сократъ?

Ты знаешь, отвѣчалъ Сократъ, что всѣ другіе считаютъ смерть величайшимъ изъ золъ.

Совершенно вѣрно, отвѣтилъ тотъ.

И такъ люди мужественные между ними не подвергаются ли

смерти, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда подвергаются, единственно изъ боязни — подвергнуться въ противномъ случаѣ большему злу?

Правда.

Слѣдовательно всѣ другіе, кромѣ философовъ, мужественны потому, что они боятся, мужественны вслѣдствіе страха. Но это право что-то странное, — быть мужественнымъ изъ страха и боязни.

Конечно такъ.

Ну, а воздержные изъ нихъ[70]? Не происходитъ ли и съ этими того же самого? Не бываютъ ли они воздержны по нѣкотораго рода невоздержанію? Мы говоримъ, что это невозможно, но на самомъ дѣлѣ бываетъ именно нѣчто подобное съ ихъ глупымъ воздержаніемъ. Они отказываютъ себѣ въ однихъ удовольствіяхъ, боясь лишиться другихъ, къ которымъ они стремятся и любовь къ которымъ всецѣло ими обладаетъ. Они называютъ невоздержаніемъ — подчинятся страсти къ удовольствіямъ, а между тѣмъ съ ними происходитъ именно это самое, когда они побѣждаютъ влеченіе къ однимъ удовольствіямъ одолѣваемые жаждой другихъ. А это совершенно походитъ на то, что было сейчасъ сказано, — что они воздержны вслѣдствіе нѣкотораго рода невоздержанія.

Кажется, это такъ.

О дорогой мой Симміасъ, не правиленъ подобнаго род обмѣнъ[71], какъ скоро дѣло касается добродѣтели, то есть - мѣнять удовольствія на удовольствія, и печали на печали, опасенія на опасенія и большее на меньшее, какъ будто-б монету. Одна истинная монета, на которую все это должно о(мѣнивать, — это мудрость: за нее и черезъ нее покупается продается дѣйствительно все[72], — и мужество и воздержаніе справедливость; однимъ словомъ, истинная добродѣтель нера лучна съ мудростію, — бываютъ или не бываютъ при это удовольствія, и опасенія и все другое подобное. Но если д бродѣтель не основана на мудрости, и мѣняется одна на другу то не призрачна ли такая добродѣтель, не рабская ли она существу, и не лишена ли она въ характерѣ своемъ всего з

роваго и истиннаго? А истинное въ этомъ случаѣ [73] есть очищеніе себя отъ всего подобнаго: и воздержаніе, и справедливость, и мужество и самая мудрость суть не что иное, какъ религіозное очищеніе [74]. Тѣ, которые установили для насъ это таинственное служеніе, не были люди обыкновенные: уже въ древности они хотѣли на дѣлѣ показать этими загадочными образами, что тотъ, кто сойдетъ въ аидъ, не будучи посвященъ въ таинства и очищенъ, будетъ погруженъ въ грязь, а очищенный и посвященный, прибывъ туда, будетъ жить вмѣстѣ съ богами. Завѣдывающіе религіозными посвященіями говорятъ: «много людей, носящихъ тирсъ, но мало вдохновляемыхъ божествомъ» [75]. А эти послѣдніе, по моему мнѣнію, суть именно люди, занимавшіеся надлежащимъ образомъ философіей. Я, по возможности, не упускалъ въ теченіе жизни ничего, чтобы принадлежать къ числу этихъ людей, но стремился къ этому всѣми силами. Были ли мои стремленія направлены надлежащимъ образомъ, и имѣлъ ли я въ нихъ успѣхъ, — я узнаю навѣрно, пришедши туда, если угодно будетъ богу, — въ непродолжительномъ времени, какъ мнѣ кажется.

Это, любезные друзья мои Симміасъ и Кебесъ, я говорю въ защиту свою передъ вами, желая показать, что я справедливо не скорблю и не досадую, покидая и васъ и здѣшнихъ владыкъ, — боговъ; я думаю, что и тамъ я встрѣчу ничуть не меньше благихъ повелителей и друзей, хотя очень многіе этому не вѣрятъ. Если въ этой защитѣ моей передъ вами я имѣлъ больше успѣха, чѣмъ передъ моими аѳинскими судьями, — это было бы хорошо.

XIV. Когда Сократъ окончилъ, Кебесъ въ свою очередь началъ слѣдующую рѣчь. Все, что ты говорилъ, Сократъ, мнѣ кажется справедливо; но мысли, высказанныя тобою о душѣ, встрѣчаютъ у людей большое недовѣріе. Быть можетъ, душа, послѣ того когда она разрѣшится отъ тѣла, перестаетъ вовсе существовать, разрушаясь и погибая въ тотъ самый день, когда человѣкъ умретъ; какъ скоро она освобождается отъ тѣла, и выходитъ изъ него на подобіе дыханія или дыму, она, разсѣявшись, улетаетъ и исчезаетъ безслѣдно, и ея уже нигдѣ

больше нѣтъ. Если-жъ бы она существовала гдѣ нибудь какъ чистая сущность, заключенная въ самой себѣ, и освобожденная отъ золъ, которыя ты сейчасъ исчислялъ, то мы имѣли бы большу́ю и прекрасную надежду, Сократъ, что все, что ты говоришь, истина. Но, я думаю, нужно не мало доводовъ и доказательствъ на то [76], что душа человѣка умершаго продолжаетъ существовать, и обладаетъ силой и способностями ума [77].

Ты правъ, Кебесъ, сказалъ Сократъ; но что-жъ мы будемъ дѣлать? Не хочешь ли, начнемъ объ этомъ разсуждать, — дѣйствительно ли это такъ, или нѣтъ?

Я, сказалъ Кебесъ, съ удовольствіемъ выслушалъ бы твое мнѣніе объ этомъ.

По крайней мѣрѣ, я не думаю, сказалъ Сократъ, чтобы кто нибудь, — хотя бы это былъ комическій писатель, — слушая меня, сказалъ, что я говорю вздоръ, или разсуждаю о вещахъ, которыя меня не касаются. И такъ, если тебѣ угодно, — приступимъ къ изслѣдованію этого предмета.

XV. Разсмотримъ его прежде всего въ слѣдующемъ отношеніи: дѣйствительно ли души умершихъ людей находятся въ аидѣ, или нѣтъ? Извѣстное намъ объ этомъ преданіе принадлежитъ древнимъ временамъ: оно говоритъ, что души людей, уходящихъ отсюда, продолжаютъ существовать тамъ, и возвращаются снова сюда, и раждаются изъ умершихъ. Если это дѣйствительно такъ, если живущіе родятся вновь изъ умершихъ, то что другое отсюда слѣдуетъ какъ не то, что наши души по смерти находятся въ аидѣ? потому что онѣ очевидно не могли бы снова раждаться, если бы перестали существовать. И это само по себѣ служило бы достаточнымъ доказательствомъ истинности этого, если бы въ самомъ дѣлѣ было очевидно, что живущіе родятся не инымъ какимъ нибудь образомъ, какъ только изъ умершихъ. Но если это не такъ, то надобно искать другихъ доказательствъ.

Конечно, отвѣчалъ Кебесъ.

Не должно разсматривать этого вопроса исключительно относительно людей, если ты хочешь изслѣдовать точнѣе предметъ, продолжалъ Сократъ, но относительно всѣхъ животныхъ и ра

стеній, однимъ словомъ — относительно всего, въ чемъ только имѣетъ мѣсто рожденіе. Разсмотримъ все вообще: не раждается ли все точно такимъ образомъ, то есть не иначе, какъ противуположное изъ противуположнаго, разумѣется тамъ, гдѣ противуположности существуютъ, какъ напр. прекрасное противуположно безобразному, справедливое несправедливому и точно такимъ же образомъ безчисленные другіе предметы. И такъ разсмотримъ, — составляетъ ли необходимость, чтобы то, чтò имѣетъ себѣ противуположное, раждалось не иначе, какъ изъ своего противуположнаго: такъ наприм., если что нибудь дѣлается бòльшимъ, то не необходимо ли, чтобы оно сначала было меньшимъ, а потомъ уже сдѣлалось бòльшимъ?

Конечно.

И если что нибудь дѣлается меньшимъ, — не дѣлается ли оно меньшимъ послѣ, а прежде не было ли оно бòльшимъ?

Это такъ, сказалъ Кебесъ.

Не точно ли такимъ же образомъ образуется слабѣйшее изъ сильнѣйшаго, и болѣе быстрое изъ болѣе медленнаго?

Совершенно вѣрно.

Что же далѣе? Если что нибудь дѣлается худшимъ, то не становится ли оно такимъ изъ лучшаго, и болѣе справедливое не образуется ли изъ болѣе несправедливаго?

Да какъ же иначе?

И такъ, сказалъ Сократъ, мы̀ достаточно твердо установили то, что все раждается именно такимъ образомъ, — противуположное изъ противуположнаго?

Конечно.

Что же еще? Не существуетъ ли между ними, — между всѣми противуположностями вообще, — того явленія, чтобы двѣ противуположности представляли двоякое образованіе, какъ переходъ отъ одного противуположнаго къ другому и обратно, — отъ второго къ первому? между бòльшимъ и меньшимъ не занимаетъ ли средины увеличеніе и уменьшеніе, и не говоримъ ли мы, что одно увеличиваетъ, а другое уменьшаетъ?

Да, отвѣтилъ Кебесъ.

Не точно ли такимъ образомъ это бываетъ съ раздѣленіемъ

и соединеніемъ, и со всѣми другими явленіями, даже если иногда мы не имѣемъ названій для обозначенія ихъ? на дѣлѣ, однакожъ, это непремѣнно бываетъ такъ, то есть предметы раждаются одни изъ другихъ, и переходятъ одинъ въ другой посредствующимъ дѣйствіемъ [78].

Совершенно вѣрно, отвѣчалъ Кебесъ.

XVI. Далѣе, продолжалъ Сократъ, есть ли что нибудь противуположное жизни, какъ напр. сонъ противуположенъ состоянію бодрствованія?

Конечно, отвѣчалъ Кебесъ.

Что?

Смерть.

Не образуются ли эти явленія одно изъ другого, если они противуположны, и не существуетъ ли между ними, по причинѣ ихъ двойственности, двухъ переходовъ отъ одного къ другому [79]?

Да какъ же нѣтъ?

Теперь, продолжалъ Сократъ, я хочу предложить тебѣ объ одной четѣ [80] двухъ противуположныхъ явленій, о которыхъ я сей часъ говорилъ, — о ней самой, и о способѣ рожденія одного явленія изъ другого, а ты скажи мнѣ о другой четѣ. Я разумѣю сонъ и бодрствованіе. Я говорю, что изъ явленія сна образуется явленіе бодрствованія, а изъ бодрствованія — сонъ; а способы образованія ихъ, — для одного будетъ засыпаніе, а для другого пробужденіе. Достаточно ли ясно я представилъ это тебѣ, или нѣтъ?

Совершенно.

Скажи же мнѣ и ты такимъ же образомъ, продолжалъ Сократъ, относительно жизни и смерти. Не говоришь ли ты, что смерть составляетъ противуположность жизни?

Да.

И что эти оба явленія раждаются одно изъ другого?

Да.

И такъ, что́ же раждается изъ живаго?

Мертвое, сказалъ Кебесъ.

А изъ мертваго что́? продолжалъ Сократъ.

Необходимо признать, что живое, отвѣчалъ Кебесъ.

И такъ, любезный Кебесъ, живыя существа и живущіе люди раждаются изъ умершихъ?

Очевидно, отвѣтилъ тотъ.

Слѣдовательно наши души, сказалъ Сократъ, продолжаютъ существовать въ аидѣ.

Кажется такъ.

А изъ посредствующихъ дѣйствій, составляющихъ переходъ отъ жизни къ смерти и обратно, не есть ли одно очевидно? потому что смерть составляетъ, конечно, нѣчто очевидное? Не такъ ли?

Конечно, сказалъ Кебесъ.

Какъ же мы теперь будемъ разсуждать далѣе? продолжалъ Сократъ. Не признаемъ ли мы въ соотвѣтствіе смерти другого противуположнаго явленія — возврата къ жизни, или природа окажется въ этомъ случаѣ хромою? Нужно ли намъ принять рожденіе, какъ противуположность умиранію?

Непремѣнно такъ.

Какое именно?

Возрожденіе.

И такъ, не есть ли возрожденіе, — если только оно существуетъ, — сказалъ Сократъ, образованіе живущихъ изъ умершихъ?

Совершенно такъ.

Такимъ образомъ, мы согласились въ томъ, что живые образовались изъ умершихъ, точно такъ какъ умершіе изъ живыхъ; а если такъ, — это мнѣ представляется достаточнымъ доказательствомъ того, что души умершихъ необходимо должны существовать гдѣ-то, откуда онѣ опять возвращаются въ міръ.

Мнѣ кажется, любезный Сократъ, сказалъ Кебесъ, на основаніи тѣхъ началъ, которыя мы приняли, необходимо должно быть такъ.

XVII. Теперь обрати вниманіе на то, любезный Кебесъ, продолжалъ Сократъ, что мы не безъ основанія, какъ мнѣ кажется, приняли эти начала. Если бы явленія не находились всегда въ соотвѣтствіи одни съ другими, и не возникали бы одни изъ другихъ, совершая какъ бы круговое движеніе, но каждое явленіе переходило бы только въ противуположное себѣ,

и не возвращалось бы снова къ тому, чѣмъ было прежде, а потомъ не переходило бы опять въ другое, то ты понимаешь, что все бы наконецъ приняло одинъ и тотъ же видъ, пришло бы къ одному и тому же состоянію, и всякое рожденіе прекратилось бы?

Какъ это такъ? спросилъ Кебесъ.

Нѣтъ никакой трудности понять, что̀ я говорю, отвѣчалъ Сократъ. Если бы напр. существовало засыпаніе, и не было соотвѣтствующаго ему явленія — пробужденія спящаго отъ сна, то ты понимаешь, что природа сдѣлала бы наконецъ разсказъ объ Эндиміонѣ [81] вещью, не стоящей вниманія, и его сонъ обратился бы въ ничто по той причинѣ, что все очутилось бы точно въ такомъ же состояніи какъ и онъ, то есть въ состояніи сна. И если бы все только смѣшивалось, но не раздѣлялось, то скоро исполнилось бы анаксагоровское [82]: «всѣ вещи находились въ смѣшеніи». Точно такимъ же образомъ, другъ мой Кебесъ, если бы все причастное жизни только умирало, и умершее оставалось въ этомъ состояніи, не возраждаясь опять, то не необходимо ли, чтобы все наконецъ пришло къ состоянію смерти, и не было ничего живого? потому что, если бы живущее раждалось изъ чего нибудь другого, а не изъ мертваго, и живущее умирало, то какое средство существовало бы къ тому, чтобы все наконецъ не было поглощено смертью?

Никакого, мнѣ кажется, средства, любезный Сократъ, сказалъ Кебесъ. Я думаю, что ты говоришь какъ нельзя болѣе справедливо.

Это, какъ мнѣ кажется, болѣе справедливо, нежели что нибудь, любезный Кебесъ, сказалъ Сократъ; и мы не обманываемся, соглашаясь съ тобою въ этихъ вещахъ: все это существуетъ на самомъ дѣлѣ — и рожденіе живущихъ изъ умершихъ и бытіе душъ умершихъ, и то, что жребій добродѣтельныхъ лучше, а злыхъ хуже.

XVIII. Дѣйствительно, любезный Сократъ, началъ, прерывая рѣчь его, Кебесъ: это совершенно необходимо и на основаніи того, что̀ ты часто высказывалъ, — если справедливо что ученіе есть для насъ ничто иное, какъ припоминаніе, — и

основаніи этого разсужденія очевидно необходимо, чтобы мы узнали когда-то прежде то, что припоминаемъ теперь. А это было бы невозможно, если бы наша душа не существовала гдѣ нибудь, прежде чѣмъ воплотилась въ человѣческій образъ; таким образомъ, и въ силу этого основанія душа представляется чѣмъ-то безсмертнымъ.

Но, любезный Кебесъ, сказалъ, прерывая его, Симміасъ, — какія существуютъ на это доказательства? напомни мнѣ, потому что въ настоящее время я ихъ не помню хорошо.

Я напомню тебѣ одно, но прекрасное доказательство, отвѣчалъ Кебесъ. Люди, когда ихъ о чемъ нибудь спрашиваютъ, если только вопросъ сдѣланъ хорошо, сами собою отвѣчаютъ на все правильно, чего они не могли бы дѣлать, если бы не обладали врожденнымъ знаніемъ и здравымъ умомъ. Далѣе, если кто нибудь укажетъ имъ геометрическія фигуры, или что нибудь подобное, то отсюда откроется какъ нельзя яснѣе, что это дѣйствительно такъ.

Если ты не убѣждаешься этимъ, любезный Симміасъ, продолжалъ Сократъ, то не согласишься ли ты съ нами, разсматривая этотъ предметъ слѣдующимъ образомъ. Ты сомнѣваешься, что такъ называемое ученіе есть припоминаніе?

Я въ этомъ не сомнѣваюсь, отвѣчалъ Симміасъ; но я желаю только, прибавилъ онъ, это самое испытать, — хочу чтобы вы припомнили мнѣ то, о чемъ идетъ рѣчь, то есть: что̀ значитъ припоминать[83]? Я почти уже на основаніи того, что началъ говорить Кебесъ, припоминаю и убѣждаюсь; тѣмъ не менѣе, однакожъ, я съ удовольствіемъ послушалъ бы теперь, какъ ты это доказываешь.

Я доказываю это слѣдующимъ образомъ, сказалъ Сократъ. Мы конечно будемъ согласны въ томъ, что если кто нибудь что нибудь припоминаетъ, то надобно чтобы онъ зналъ это когда нибудь прежде.

Конечно такъ, сказалъ Симміасъ.

Не признаешь ли ты также и того, что когда знаніе придетъ къ намъ подобнымъ способомъ, то оно есть припоминаніе? Я разумѣю вотъ что: если кто нибудь, видѣвъ или слышавъ

что нибудь прежде, или получивъ понятіе о чемъ нибудь помощію какого нибудь другого чувства, представляетъ не только это, но въ тоже время думаетъ о другомъ предметѣ, котораго познаніе не такое же, а иное, то не справедливо ли мы говоримъ, что онъ вспомнилъ о томъ, о чемъ подумалъ?

Какъ это?

Возьмемъ напр. слѣдующее: познаніе человѣка и лиры — разныя ли эти вещи?

Да какъ же нѣтъ?

А знаешь ли ты, что это испытываютъ любовники, увидѣвъ лиру или платье, или что нибудь другое, что̀ употребляетъ предметъ ихъ привязанности[84]? Они узнаю́тъ лиру и въ душѣ ихъ является образъ мальчика, которому она принадлежитъ. Это — воспоминаніе. Точно также случалось, я думаю, часто, что кто нибудь, увидѣвъ Симміаса, вспоминалъ Кебеса, и примѣровъ этого рода можно бы привести безчисленное множество.

Безчисленное множество, клянусь Зевесомъ, отвѣчалъ Симміасъ.

И такъ, все подобное, сказалъ Сократъ, не представляетъ ли нѣкотораго рода воспоминанія, особенно, если кто нибудь испытываетъ это относительно такихъ вещей, которыя забылъ за давностію времени, или оттого что не думалъ о нихъ?

Совершенно такъ, сказалъ Симміасъ.

Далѣе, продолжалъ Сократъ, можно ли, видя нарисованную лошадь или лиру вспоминать о человѣкѣ, или видя нарисованнаго Симміаса вспоминать Кебеса?

Конечно.

И не точно ли такимъ же образомъ, видя нарисованнаго Симміаса, вспоминать самого Симміаса?

Конечно можно, отвѣчалъ Симміасъ.

XIX. И такъ не очевидно ли изъ всего этого, что воспоминаніе раждается въ насъ иногда при сходствѣ, а иногда при несходствѣ предметовъ?

Очевидно.

Но если кто нибудь что нибудь вспоминаетъ при сходствѣ,

то не необходимо ли, чтобы онъ вмѣстѣ съ этимъ думалъ и о томъ, — нѣтъ ли въ предметѣ, нѣкотораго недостатка для совершеннаго сходства съ тѣмъ, о которомъ онъ вспомнилъ [85]?

Необходимо.

Разсмотри внимательно, продолжалъ Сократъ, дѣйствительно ли это такъ? Говоримъ ли мы, что равенство есть нѣчто? Я не разумѣю равенства одного куска дерева другому, или камня камню, или равенства одного какого нибудь подобнаго предмета другому; но, помимо всего этого, я разумѣю нѣчто иное, — самое равенство [86]: будемъ ли мы утверждать, что оно есть нѣчто, или же ничто?

О конечно, мы будемъ утверждать, что оно есть нѣчто; клянусь Зевесомъ, сказалъ Симміасъ.

А знаемъ ли мы что оно такое въ самомъ себѣ?

Безъ сомнѣнія, отвѣтилъ Симміасъ.

Откуда же мы получили понятіе о немъ? Не изъ тѣхъ ли предметовъ, о которыхъ мы сей часъ говорили, — видя напр. куски дерева или камни, или другіе равные предметы, — не изъ этихъ ли предметовъ составили мы понятіе о равенствѣ, которое есть нѣчто отличное отъ самыхъ предметовъ? потому что, въ самомъ дѣлѣ, не представляется ли оно тебѣ отличнымъ? Разсмотри это самое еще слѣдующимъ образомъ: представляются ли тебѣ равные камни или куски дерева, которые всегда одни и тѣже, всегда тѣми же самыми, или же иногда равными, а иногда нѣтъ?

Конечно.

Далѣе: бываетъ ли когда нибудь, чтобы равное представилось тебѣ неравнымъ [87], или равенство неравенствомъ?

Никогда, Сократъ.

И такъ, равные предметы и равенство не одно и тоже?

Ни въ какомъ случаѣ, какъ мнѣ кажется, Сократъ.

Однакожъ, продолжалъ Сократъ, не изъ этихъ ли равныхъ предметовъ, которые однакожъ отличны отъ равенства, ты образовалъ идею равенства, и получилъ о немъ понятіе?

Ты говоришь какъ нельзя болѣе справедливо, отвѣчалъ Симміасъ.

А равно или неравно вслѣдствіе этого равенство самимъ предметамъ?

Конечно нѣтъ.

Впрочемъ, это не дѣлаетъ разницы, продолжалъ Сократъ. И такъ, если ты, глядя на одинъ извѣстный предметъ, представляешь при видѣ его и другой, сходный или несходный съ нимъ, то это конечно будетъ воспоминаніе.

Конечно такъ[88].

Что же далѣе? продолжалъ Сократъ; не происходитъ ли съ нами чего нибудь подобнаго при видѣ кусковъ дерева и тѣхъ равныхъ предметовъ, о которыхъ мы говорили, — представляются ли они намъ равными, какъ само равенство, или же имъ чего нибудь недостаетъ для того чтобы быть такими какъ само равенство, или же этого недостатка въ нихъ нѣтъ?

Имъ недостаетъ очень многаго, отвѣтилъ тотъ.

И такъ, мы признаémъ, что если кто нибудь, видя извѣстный предметъ, думаетъ: то, что я вижу теперь, стремится быть такимъ же, какъ нѣчто другое, но ему недостаетъ чего-то для этого, и оно не можетъ сдѣлаться такимъ-же точно какъ другое, а стоитъ ниже другого, мы, говорю, признаémъ, что тотъ, кто думаетъ такимъ образомъ, долженъ знать предварительно то, вслѣдствіе чего онъ говоритъ, что извѣстный предметъ, хотя похожъ на нѣчто другое, но однакожъ отстаетъ отъ этого послѣдняго?

Это необходимо.

Ну, такъ какъ же? испытываемъ ли мы что нибудь подобное, или нѣтъ, относительно равныхъ предметовъ и самого равенства?

Конечно.

И такъ очевидно необходимо, чтобы мы знали равное прежде того времени, когда, увидѣвъ въ первый разъ равные предметы, пришли къ мысли, что всѣ они стремятся быть равными какъ само равенство[89], однакожъ стоятъ ниже его.

Конечно такъ.

Не признаемъ ли мы также и того, что мы пришли къ этой мысли не иначе, и не могли придти къ ней иначе, какъ

посредствомъ зрѣнія, осязанія или какого нибудь другого чувства, потому что въ настоящемъ случаѣ это все равно?

Это все равно, Сократъ, по отношенію къ предмету нашего разсужденія.

И такъ необходимо съ помощію чувствъ придти къ той мысли, что все, принимаемое подобнымъ образомъ чувствами, стремится къ равенству, и однако стоитъ ниже его? или какъ мы будемъ въ этомъ случаѣ говорить?

Конечно такъ.

Слѣдовательно, прежде чѣмъ мы начали видѣть и слышать, или принимать что нибудь съ помощію другихъ чувствъ, мы должны были получить гдѣ нибудь понятіе о самомъ равенствѣ, — что оно такое въ самомъ себѣ, для того чтобы могли возводить къ нему подлежащіе чувствамъ равные предметы и видѣть, что они стремятся стать равными какъ само равенство, но однако стоятъ ниже его.

Это необходимый выводъ изъ того, что было сказано, любезный Сократъ.

А не правда ли, что мы тотчасъ по рожденіи видѣли, слышали и пользовались употребленіемъ другихъ чувствъ?

Конечно.

И такъ намъ необходимо было получить понятіе о равенствѣ прежде всего этого?

Да.

Очевидно, слѣдовательно, что мы должны были получить его прежде рожденія.

Очевидно такъ.

XX. И такъ, если мы, получивъ понятіе о немъ прежде рожденія, родились вмѣстѣ съ нимъ, то не очевидно ли опять, что мы знали и прежде рожденія и тотчасъ по рожденіи не только равное, или большее и меньшее, но и всѣ вещи подобнаго рода? потому что мы говоримъ теперь столько же о равенствѣ, сколько о прекрасномъ въ его сущности, добромъ, справедливомъ и святомъ; словомъ сказать обо всемъ, чему только мы приписываемъ бытіе [90], спрашивая въ вопросахъ и

отвѣчая въ отвѣтахъ, такъ что мы необходимо должны были получить знаніе всего этого прежде рожденія.

Это такъ.

И если бы мы не забывали каждый разъ полученнаго знанія, то мы всегда раждались бы знающими, и сохраняли бы знаніе всю жизнь; потому что знать есть не что иное, какъ сохранять пріобрѣтенное знаніе и не терять его; а забвеніемъ, любезный Симміасъ, не называемъ ли мы потерю знанія?

Совершенно такъ, Сократъ, отвѣчалъ Симміасъ.

Если же, какъ думаю я, получивъ знаніе до рожденія, мы потеряли его черезъ рожденіе, а потомъ съ помощію чувствъ вновь пріобрѣтаемъ тѣ знанія, которыя имѣли нѣкогда прежде, то не будетъ ли то, что̀ мы называемъ ученіемъ, возобновленіемъ присущаго намъ знанія, и говоря, что это значитъ припоминать, — не говоримъ ли мы правильно?

Безъ сомнѣнія такъ.

Потому что мы признали возможнымъ [91], чтобы кто нибудь, воспринимая впечатлѣніе отъ извѣстнаго предмета, — помощію ли зрѣнія и слуха, или какого нибудь другого чувства, — образовывалъ бы при этомъ и представленіе чего нибудь другого, что̀ онъ забылъ, и съ чѣмъ предметъ имѣетъ близость вслѣдствіе сходства, или несходства. Такимъ образомъ, какъ я говорю, необходимо принять одно изъ двухъ: или мы всѣ родимся съ этимъ знаніемъ и обладаемъ имъ всю жизнь, или же тѣ, о которыхъ мы говоримъ, что они учатся, дѣлаютъ впослѣдствіи времени не что иное, какъ припоминаютъ, и ученіе есть припоминаніе.

Это дѣйствительно совершенно справедливо, Сократъ.

XXI. И такъ, что̀ же изъ двухъ ты примешь, Симміасъ, — то ли, что мы родимся знающими, или что мы припоминаемъ впослѣдствіи вещи, знаніемъ которыхъ обладали прежде?

Въ настоящую минуту, любезный Сократъ, я немогу сдѣлать выбора. Однакожъ, можешь ли ты сдѣлать выборъ въ слѣдующемъ случаѣ, и какъ ты думаешь объ этомъ предметѣ? Можетъ ли знающій человѣкъ отдать отчетъ въ томъ, что̀ онъ знаетъ, или нѣтъ?

Это совершенно необходимо, Сократъ.

А какъ тебѣ кажется, — всѣ ли люди способны дать отчетъ въ томъ, о чемъ мы сейчасъ говорили?

Я бы этого желалъ, сказалъ Симміасъ, но я сильно боюсь, что завтра въ это время не найдется никого, кто бы могъ это сдѣлать, какъ слѣдуетъ.

И такъ, любезный Симміасъ, тебѣ не кажется, чтобы всѣ люди знали эти вещи?

Никоимъ образомъ.

И такъ они припоминаютъ послѣ то, что нѣкогда узнали?

Непремѣнно такъ.

Когда же наши души получили это знаніе? Конечно, не съ того времени, какъ мы родились на свѣтъ?

Конечно нѣтъ.

Слѣдовательно прежде?

Да.

И такъ души, любезный Симміасъ, существовали прежде, чѣмъ явились въ человѣческомъ образѣ, — существовали безъ тѣлъ и обладали знаніемъ.

Если, однакожъ, мы не получаемъ этихъ знаній при рожденіи, Сократъ, потому что это время еще у насъ остается.

Допустимъ это, другъ мой, но въ такомъ случаѣ — какое же будетъ другое время, когда мы ихъ теряемъ[92]? потому что мы не родимся съ ними, какъ мы сейчасъ признали. Развѣ теряемъ въ тоже время, какъ и получаемъ? или ты можешь назвать какое нибудь другое время?

Рѣшительно нѣтъ, Сократъ. Я, незамѣтно для самого себя, сказалъ то, что не имѣетъ смысла.

XXII. И такъ, любезный Симміасъ, дѣло получаетъ для насъ слѣдующій видъ. Если, какъ мы постоянно твердимъ, существуютъ на самомъ дѣлѣ прекрасное, и доброе и всѣ подобнаго рода сущности, и мы относимъ къ нимъ все, получаемое нами посредствомъ чувствъ, находя эти сущности прежде всего въ себѣ самихъ, если мы сближаемъ сущности находящіяся внѣ насъ съ тѣми, которыя заключены въ насъ, то — не необходимо ли, чтобы, какъ существуютъ всѣ эти сущности, такъ точно

существовала наша душа, и притомъ существовала прежде, чѣмъ мы родились? Если же эти сущности не существуютъ, то наше разсужденіе обращается въ ничто. Не такъ ли это, и не равно ли необходимо, чтобы существовали и эти сущности и наши души, и притомъ существовали прежде, чѣмъ мы родились? А если не существуетъ одно, то не существуетъ и другое.

Выше всякой мѣры, любезный Сократъ, сказалъ Симміасъ, мнѣ представляется это одинаково необходимымъ, и наше разсужденіе приходитъ теперь къ вѣрному заключенію, — именно къ тому, что наша душа точно такимъ же образомъ существовала прежде нашего рожденія, какъ та сущность, о которой ты говоришь; потому что для меня ничто такъ не очевидно, какъ то, что все это существуетъ какъ нельзя болѣе дѣйствительнымъ образомъ, — прекрасное и доброе и все другое, о чемъ ты теперь говорилъ; и для меня доказательство достаточно убѣдительно.

А какъ для Кебеса? спросилъ Сократъ; потому что нужно убѣдить и Кебеса.

Я думаю, что и онъ убѣдился вполнѣ, отвѣчалъ Симміасъ, хотя никто такъ не упоренъ въ сомнѣніи при разсужденіяхъ. Но я думаю, сказанное тобою довольно убѣдило и его, что душа наша существовала прежде, чѣмъ мы родились.

XXIII. Тѣмъ не менѣе однакожъ, вопросъ — будетъ ли она существовать и послѣ того, когда мы умремъ, — и мнѣ, любезный Сократъ, представляется не разрѣшеннымъ, продолжалъ Симміасъ; но то, что многіе противъ этого возражаютъ, и что было сейчасъ высказано Кебесомъ, еще сохраняетъ силу, — не разсѣевается ли душа умирающаго человѣка, и не оканчивается ли этимъ ея бытіе? потому что, что препятствуетъ ей раждаться, и образовываться изъ чего нибудь и существовать, прежде чѣмъ она войдетъ въ человѣческое тѣло, а послѣ, — когда воплотится, и потомъ освободится отъ тѣла, — умирать и уничтожаться?

Ты справедливо говоришь, Симміасъ, сказалъ Кебесъ, потому что мы, кажется, разрѣшили только половину вопроса который должны разрѣшить. Мы показали, что душа наша существовала прежде нашего рожденія; но нужно еще доказать

что она будетъ существовать и послѣ того, когда мы умремъ, точно такъ, какъ существовала прежде, чѣмъ мы родились, если мы хотимъ, чтобы наше разсужденіе достигло своей цѣли.

Но это доказано, друзья мои Симміасъ и Кебесъ, сказалъ Сократъ, даже теперь, если только вы соедините въ одно и наше настоящее разсужденіе и то, чтò мы признали прежде, — именно, что все живое раждается изъ мертваго. Потому что, если душа существовала прежде, и если она, отправляясь въ этотъ міръ и раждаясь, должна была родиться не изъ чего другого, какъ изъ смерти и изъ мертваго, то не необходимо ли, чтобы она существовала и послѣ нашей смерти, такъ какъ ей необходимо родиться опять? такимъ образомъ доказано, слѣдовательно, и то, о чемъ вы говорите теперь.

XXIV. Я думаю однакожъ, что ты и Симміасъ охотно углубитесь больше въ этотъ предметъ [93], и что вы боитесь какъ дѣти, чтобы вѣтеръ не развѣвалъ, и не разносилъ въ разныя стороны душу выходящую изъ тѣла, — особенно, если кому случится умирать не при безвѣтріи, а при сильномъ вѣтрѣ.

Кебесъ, засмѣявшись, сказалъ: постарайся, любезный Сократъ, переувѣрить насъ, какъ будто бы мы въ самомъ дѣлѣ того боялись; или лучше сказать, представь себѣ, что не мы боимся, а что между нами есть дитя, которое этого боится. И такъ постараемся его убѣдить не пугаться смерти, какъ будто бы страшилища.

Для этого нужно, сказалъ Сократъ, напѣвать ему каждый день магическую пѣснь [94] до тѣхъ поръ, пока этою пѣснью не разгоните въ немъ страхъ.

Но откуда же, любезный Сократъ, сказалъ Кебесъ, мы возьмемъ хорошаго пѣвца, способнаго пѣть такія пѣсни, когда ты насъ покидаешь?

Греція велика, другъ мой Кебесъ, сказалъ Сократъ; въ ней много способныхъ къ этому людей; много также народовъ чужеземныхъ, которыхъ нужно посѣтить всѣхъ, отыскивая такого пѣвца, и не жалѣть для этого ни денегъ, ни трудовъ, потому что нѣтъ ничего, на что вы могли бы употребить лучше ваши деньги. Надобно искать и среди самихъ себя, такъ какъ

вы, можетъ быть, не легко найдете людей, которые могли бы сложить эту пѣсню лучше, чѣмъ вы.

Это непремѣнно такъ будетъ, сказалъ Кебесъ; но возвратимся къ тому, на чемъ мы остановились, если ты этого желаешь.

Разумѣется желаю, потому что — какъ же этого не желать?

Прекрасно сказано, сказалъ Кебесъ.

XXV. И такъ, — началъ Сократъ, — намъ нужно прежде всего предложить самимъ себѣ вопросъ: какому классу предметовъ свойственно этому подвергаться, то есть разсѣеваться, за какіе предметы мы должны бояться, чтобы съ ними этого не случилось, и за какіе нѣтъ? потомъ необходимо разсмотрѣть, — къ какому изъ двухъ классовъ относится душа, и на основаніи этого или имѣть твердую надежду за нее, или напротивъ опасаться.

Ты справедливо говоришь, сказалъ Кебесъ.

И такъ не тому ли, что образовалось черезъ сложеніе или по природѣ уже сложно, свойственно это претерпѣвать — раз лагаться точно такъ же, какъ сложилось? Если же что нибуд оказывается несложнымъ, то не такому ли именно свойственно, - если только это можетъ быть свойственно чему нибудь, — н разлагаться?

Мнѣ кажется это такъ, сказалъ Кебесъ.

А не представляетъ ли самой большей вѣроятности, чтоб то по преимуществу было несложно, что неизмѣнно и находит всегда въ одномъ и томъ же состояніи, а то, что въ разны времена бываетъ различно, и никогда не остается неизмѣнно было сложно?

Мнѣ, по крайней мѣрѣ, представляется такъ.

Но возвратимся, сказалъ Сократъ, къ тому, о чемъ вели рѣчь въ предыдущемъ разсужденіи. Сущность вообще, к торой мы приписываемъ бытіе въ нашихъ вопросахъ и отвѣтахъ, остается ли она всегда одной и той же и неизмѣнной, или же разныя времена бываетъ различна? Равное въ самомъ себѣ, п красное въ самомъ себѣ, наконецъ каждая сущность сама себѣ, — допускаютъ ли онѣ когда нибудь хотя малѣйшую пе мѣну? или же каждая изъ нихъ, будучи простою и равн

только самой себѣ [95], находится всегда въ одномъ и томъ же состояніи, и не допускаетъ ни подъ какимъ видомъ, никогда и ни въ чемъ, даже малѣйшей перемѣны?

Эти сущности, Сократъ, отвѣчалъ Кебесъ, необходимо должны оставаться неизмѣнными.

А какъ бываетъ въ этомъ случаѣ со многими прекрасными предметами,— красивыми людьми, лошадьми, одеждами, или другими какими бы то ни было подобными предметами,— равными, или прекрасными или всѣми вообще,— одноименными съ соотвѣтствующими имъ сущностями? Остаются ли и предметы неизмѣнны, или же, въ противуположность сущностямъ, можно сказать, никогда и ни подъ какимъ видомъ не остаются неизмѣнными,— ни сами въ себѣ, ни во взаимномъ отношеніи одинъ къ другому?

Эти иначе, отвѣчалъ Кебесъ; предметы никогда не остаются неизмѣнны.

Не правда ли, что къ этимъ послѣднимъ ты можешь и прикасаться, и видѣть ихъ и ощущать съ помощію другихъ чувствъ, а сущности, которыя всегда неизмѣнны, могутъ быть постигаемы не иначе, какъ только мысленнымъ созерцаніемъ, такъ какъ онѣ невидимы и не пріемлются чувствомъ зрѣнія?

XXVI. Ты говоришь, отвѣчалъ Кебесъ, какъ нельзя болѣе справедливо.

И такъ, согласенъ ли ты, сказалъ Сократъ, чтобы мы приняли два рода сущностей,— видимыя и невидимыя?

Допустимъ.

Допустишь ли ты при этомъ, что невидимое всегда неизмѣнно, а съ видимымъ никогда не бываетъ, чтобы оно было постоянно равно самому себѣ?

Допустимъ и это, сказалъ Кебесъ.

Теперь, продолжалъ Сократъ,— есть ли въ насъ что нибудь другое, кромѣ тѣла и души?

Ничего другого, сказалъ Кебесъ.

Какъ же мы будемъ въ этомъ случаѣ говорить: съ которымъ изъ двухъ классовъ предметовъ болѣе сходно и родственно тѣло?

Очевидно для всякаго, сказалъ Кебесъ, что съ классомъ предметовъ видимыхъ.

А душа? видима она или невидима?

Для людей, по крайней мѣрѣ, она невидима, Сократъ, сказалъ Кебесъ.

Но мы говоримъ о предметахъ видимыхъ и невидимыхъ только для природы людей; или ты думаешь для чьей нибудь другой?

Для природы людей.

И такъ, чтò же мы скажемъ о душѣ: доступна она для чувства зрѣнія, или недоступна?

Недоступна.

Слѣдовательно, она невидима?

Да.

И такъ душа болѣе чѣмъ тѣло походитъ на то, что не видимо, а тѣло на то, чтò видимо?

Это какъ нельзя болѣе необходимо, любезный Сократъ.

XXVII. Не говорили ли мы незадолго передъ этимъ, что душа, какъ скоро она принимаетъ въ соучастіе тѣло при изслѣдованіи чего нибудь, — помощію ли зрѣнія, слуха или какого нибудь другого чувства, — потому что изслѣдовать что нибудь черезъ тѣло, значитъ изслѣдовать что нибудь посредствомъ чувствъ, — тогда она увлекается тѣломъ къ тому, что никогда не остается неизмѣнно, начинаетъ перебѣгать отъ одного предмета къ другому, теряетъ спокойствіе и кружится какъ опьянѣлая[96] вслѣдствіе того, что она пришла въ соприкосновен съ подобными предметами?

Совершенно такъ.

Но когда она изслѣдуетъ что нибудь сама черезъ себя, она устремляется къ тому, что чисто и вѣчно, и безсмертно неизмѣнно; и такъ какъ она по природѣ родственна съ этим послѣднимъ, то она остается съ нимъ каждый разъ до тѣхъ пор пока остается сосредоточенною въ самой себѣ, и пока это для н возможно. Тогда она перестаетъ перебѣгать отъ одного предме къ другому, и въ общеніи со всѣмъ этимъ остается неизмѣнн и равною самой себѣ, такъ какъ она пришла въ соприкос

веніе съ подобными сущностями. Не это ли состояніе души называютъ размышленіемъ?

Совершенно вѣрно, любезный Сократъ: ты говоришь прекрасно, и говоришь истину.

И такъ еще разъ, — съ какимъ родомъ предметовъ, и на основаніи предыдущихъ разсужденій и на основаніи сказаннаго теперь, кажется тебѣ ближе и родственнѣе душа?

Мнѣ кажется, сказалъ Кебесъ, что каждый, какъ бы онъ ни былъ мало способенъ понимать, согласится, любезный Сократъ, въ силу этихъ разсужденій съ тѣмъ, что душа во всѣхъ отношеніяхъ ближе къ тому, что неизмѣнно, нежели къ тому, что не имѣетъ этого свойства.

А тѣло?

Тѣло ближе къ другому классу предметовъ.

XXVIII. Разсмотри это самое еще слѣдующимъ образомъ. Когда душа и тѣло находятся вмѣстѣ, то тѣлу природа указываетъ повиноваться и находиться подъ управленіемъ, а душѣ начальствовать и повелѣвать [97]. Такимъ образомъ и на основаніи этого, — что̀ изъ двухъ представляется тебѣ подобнымъ божественному, и что походитъ на смертное? Не представляется ли тебѣ естественнымъ, что божественное — по природѣ должно начальствовать и руководить, а смертное — находиться подъ управленіемъ и повиноваться?

Мнѣ представляется именно такъ.

Съ чѣмъ же болѣе представляетъ сходства душа?

Очевидно, Сократъ, душа походитъ на то, что божественно, а тѣло на то, что смертно.

Смотри же, любезный Кебесъ, сказалъ Сократъ, — не вытекаетъ ли изъ всѣхъ нашихъ разсужденій, что душа какъ нельзя болѣе подобна тому, что божественно, и безсмертно, и пріемлемо только мыслію, и просто по существу, и неразрушимо и всегда неизмѣнно; а тѣло чрезвычайно походитъ на то, что человѣческое, и смертное, и неудобопріемлемое мыслію, и многообразное, и разрушимое и никогда не остающееся неизмѣннымъ и равнымъ самому себѣ. Можемъ ли мы, другъ мой Кебесъ, что нибудь противъ этого сказать и доказать, что это не такъ?

Не можемъ.

XXIX. Теперь, чтожъ далѣе? Если это дѣйствительно такъ, то не прилично ли тѣлу тотчасъ разрушаться, а душѣ, напротивъ, быть всецѣло неразрушимой, или близко къ этому?

Да какъ же нѣтъ?

Ты видишь, однакожъ, продолжалъ Сократъ, что послѣ того, когда человѣкъ умретъ, — видимая его часть, тѣло, — то что представляется взору, и что̀ мы называемъ трупомъ, который по природѣ своей долженъ разрѣшаться, распадаться и разсѣеваться, не испытываетъ ничего подобнаго тотчасъ-же, но продолжаетъ существовать довольно долгое время. Если же кто умретъ, сохранивъ красоту тѣла, то тѣло продолжаетъ существовать очень долгое время съ той же красотой[98]; тѣло же, изъ котораго вынули внутренности и набальзамировали, какъ бальзамируютъ въ Египтѣ, сохраняется почти въ цѣломъ составѣ невѣроятно долго; а нѣкоторыя его части, — кости, нервы и все другое подобное, остаются, даже когда самое тѣло сгніетъ, можно сказать, безсмертными. Не такъ ли?

Конечно.

А душа, — невидимое начало, отправляясь въ такое мѣсто, которое, подобно ей, благородно, и чисто, и невидимо и поэтому справедливо называется міромъ невидимымъ[99], — къ благому и мудрому богу, куда, если ему угодно, должна скоро отправиться и моя душа, — ужели эта душа, съ такими свойствами и такою природой, едва только освободится отъ тѣла, тотчасъ разсѣевается и погибаетъ, какъ утверждаютъ многіе? До этого далеко, друзья мои Симміасъ и Кебесъ! Гораздо скорѣе надобно допустить слѣдующее. Если душа освобождается чистою, не унося съ собою ничего тѣлеснаго, такъ какъ она не хотѣла ни въ чемъ добровольно сообщаться въ настоящей жизни съ тѣломъ, но избѣгала его, и сосредоточивалась въ себѣ самой, потому что постоянно объ этомъ заботилась, — а это означаетъ не что иное, какъ то, что она здраво философствовала, и самымъ дѣломъ приготовлялась спокойно встрѣтить смерть, — или забота о смерти состоитъ не въ этомъ?

Совершенно такъ.

И такъ, не отправляется ли расположенная подобнымъ образомъ душа къ тому, что̀ подобно ей, — къ невидимому, божественному, и безсмертному и мудрому? Прибывъ туда, она получаетъ въ удѣлъ блаженство, — освобожденная отъ заблужденій, и неразумія, и опасеній и необузданныхъ страстей, и всѣхъ другихъ человѣческихъ золъ, и, — какъ утверждаютъ посвященные въ таинства, — проводитъ вѣчность съ богами. Такъ ли мы будемъ говорить, любезный Кебесъ, или иначе?

XXX. Такъ, клянусь Зевесомъ, сказалъ Кебесъ.

Но, я думаю, что если она освобождается отъ тѣла запятнанною и нечистою, такъ какъ она постоянно находилась въ общеніи съ нимъ, служила ему и любила его, очаровываясь имъ, также какъ страстями и удовольствіями до того, что ничто уже не казалось ей истиннымъ кромѣ того, что тѣлесно, — къ чему можно прикасаться, что можно видѣть, пить, ѣсть, чѣмъ можно наконецъ пользоваться для удовольствій любви, и привыкши съ другой стороны ненавидѣть, бояться и избѣгать того, что сокровенно и невидимо для глазъ, что мысленно и пріемлемо только философіей, — думаешь ли ты, что душа, настроенная подобнымъ образомъ, освобождается отъ тѣла чистою и заключенною только въ самой себѣ?

Ни въ какомъ случаѣ, отвѣчалъ Кебесъ.

И я думаю, что она бываетъ связана узами тѣлеснаго, съ которымъ ее соединило какъ бы въ одно цѣлое постоянное сотношеніе и общеніе съ тѣломъ, такъ какъ она жила жизнью съ нимъ нераздѣльной, и прилагала о немъ много заботъ.

Конечно.

Эта оболочка души, любезный другъ, надобно думать, есть нѣчто тяжелое, гнетущее въ землѣ, земное и видимое. Душа, обремененная ею, сама становится тяжелою, и влечется опять къ видимому міру, пугаясь невидимаго и аида. Тогда она, какъ говорятъ, начинаетъ блуждать вокругъ могильныхъ памятниковъ и гробницъ, подлѣ которыхъ бываютъ иногда дѣйствительно видимы тѣнеобразные призраки душъ [100], — образъ, который принимаютъ всѣ подобныя души, не разрѣшившіяся отъ тѣла

чистыми, но имѣющія въ немъ свою часть, вслѣдствіе чего онѣ и бываютъ видимы.

Это естественно, любезный Сократъ.

Конечно, вполнѣ естественно, Кебесъ. И это не суть души людей добрыхъ, но злыхъ, которыя бываютъ принуждены блуждать вокругъ подобныхъ мѣстъ, неся въ этомъ наказаніе за прежній дурной образъ жизни. И онѣ блуждаютъ подобнымъ образомъ до тѣхъ поръ пока, увлекаемые любовью къ тѣлесному, которое всюду ихъ преслѣдуетъ, не заключатся въ какое нибудь тѣло опять.

XXXI. Естественно, что онѣ соединяются при этомъ съ животными такого же нрава, какой онѣ сами выказали при жизни.

Какъ это, Сократъ?

Напримѣръ. Люди, которые отличались обжорствомъ, развратомъ и разгульною жизнью [101], и не избѣгали этихъ пороковъ [102], естественно должны входить въ ословъ и подобныхъ животныхъ. Не такъ ли?

То, что ты говоришь, очень вѣроятно.

А тѣ, которыя всему предпочитали несправедливости, тираннію и грабежи переселяются въ волковъ, ястребовъ и коршуновъ. Или души этого рода могутъ идти въ какое нибудь другое мѣсто?

Нѣтъ сомнѣнія, сказалъ Кебесъ, что онѣ переселяются въ подобныхъ животныхъ.

Такимъ образомъ, сказалъ Сократъ, не очевидно ли и относительно остальныхъ, — куда каждая душа должна идти по сходству своего образа жизни?

Очевидно; какъ нѣтъ?

А между этими, продолжалъ Сократъ, не самыя ли счастливыя, и не идутъ ли въ самое лучшее мѣсто души, ознаменовавшія себя добродѣтелью общественной и гражданской, которую называютъ воздержаніемъ и справедливостью, и которая образовалась въ нихъ путемъ навыка и упражненія, безъ помощи философіи и размышленія?

Въ какомъ же отношеніи эти души самыя счастливыя?

Потому что онѣ, вѣроятно, снова войдутъ въ тѣла такихъ же существъ, — общительныхъ и мирныхъ, какъ напр. пчелъ, осъ или муравьевъ, или въ такихъ же точно людей, и тогда отъ нихъ будутъ уже раждаться люди добродѣтельные.

Это вѣроятно.

XXXII. Войти же въ сонмъ боговъ тому, кто не стремился къ мудрости, и не отошелъ совершенно чистымъ, невозможно: это доступно только любителю знанія [103]. Вотъ по этой-то причинѣ, друзья мои Симміасъ и Кебесъ, истинные философы воздерживаются отъ всѣхъ пожеланій тѣла, остаются въ этомъ воздержаніи тверды и не предаютъ себя ихъ власти, а вовсе не изъ боязни разстройства имущества и бѣдности, какъ бываетъ съ большею частью людей и людьми любостяжательными, или не изъ боязни подвергнуться поношенію и безславію, подобно тому, какъ бываютъ воздержны по этимъ причинамъ люди властолюбивые и честолюбивые.

Поступать подобнымъ образомъ было бы неприлично философамъ, сказалъ Кебесъ.

Конечно, клянусь Зевесомъ, отвѣчалъ тотъ. По этому-то именно, любезный Кебесъ, всѣ тѣ, которые заботятся о своей душѣ и живутъ не для того, чтобы служить тѣлу [104], презираютъ все подобное, и не идутъ однимъ путемъ съ другими, которые не знаютъ сами, куда идутъ. Думая напротивъ, что не должно дѣлать ничего противнаго философіи, и тому освобожденію и очищенію, которое она даетъ, они держатся ея, слѣдуя по пути, по которому она ихъ ведетъ.

XXXIII. Какъ это, Сократъ?

Я тебѣ скажу, отвѣчалъ Сократъ. Любители мудрости знаютъ, что философія, принимая на свое попеченіе ихъ душу [105], всецѣло связанную тѣломъ, и приросшую къ нему, — которая по этому вынуждена созерцать бытіе черезъ тѣло, какъ будто черезъ стѣны темницы, но не сама черезъ себя, и вслѣдствіе этого находится въ состояніи полнаго незнанія, и чувствуетъ крѣпость этой тюрьмы, — крѣпость, которую образуютъ страсти [106], такъ какъ человѣкъ самъ помогаетъ закрѣплять какъ можно крѣпче свои оковы, — любители мудрости, говорю, знаютъ, что

философія, принимая на свое попеченіе ихъ душу въ такомъ состояніи, кротко увѣщеваетъ ее, стараясь освободить ее отъ оковъ, и показывая ей, что изслѣдованіе чего нибудь черезъ зрѣніе обманчиво, точно также какъ черезъ слухъ и другія чувства, и убѣждаетъ ее уединяться отъ нихъ, какъ скоро нѣтъ рѣшительной необходимости пользоваться ими, и указываетъ ей собираться и сосредоточиваться въ самой себѣ, и не довѣрять ничему кромѣ самой себя во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда она изслѣдуетъ сущее въ самомъ себѣ — сама черезъ себя. Философія убѣждаетъ душу не считать истиннымъ ничего, что она изслѣдуетъ съ помощію другихъ проводниковъ знанія, и что является различнымъ, смотря по различію проводниковъ; потому что все это вещи чувственныя и видимыя, а то, что созерцаетъ она, мысленно и невидимо. Такимъ образомъ душа истиннаго философа, будучи убѣждена въ томъ, что этому освобожденію не должно противиться, избѣгаетъ удовольствій, и пожеланій, и печалей и опасеній, на сколько только это для нея возможно, считая, что если кто нибудь неумѣренно предается удовольствіямъ, или опасеніямъ, или печалямъ или пожеланіямъ, тотъ терпитъ отъ всего этого не такое малое зло, какъ бы кто нибудь могъ думать, — какое терпитъ, напр. человѣкъ, подвергшись болѣзни, или расточивши на удовлетвореніе страстей свое имущество, но величайшее зло, и что̀ хуже всего, терпитъ это, самъ этого не замѣчая.

Какое-же это зло, Сократъ? спросилъ Кебесъ.

То, что душа каждаго человѣка, предаваясь очень сильно радости или печали, необходимо приходитъ при этомъ къ мысли, что все то, изъ-за чего она попреимуществу это испытываетъ, есть нѣчто весьма существенное и истинное, а между тѣмъ на самомъ дѣлѣ оно не таково, потому что это бываютъ попреимуществу предметы видимые. Не такъ ли?

Конечно.

Не при такихъ ли чувствахъ душа попреимуществу связывается тѣломъ?

Какимъ образомъ?

Каждое удовольствіе и печаль, какъ будто бы имѣя гвоздь,

прикрѣпляетъ душу къ тѣлу, и соединяетъ ее съ нимъ, дѣлая ее нѣкоторымъ образомъ тѣлесною, такъ что она считаетъ истинныхъ только то, что находитъ истиннымъ тѣло. Поэтому я думаю, что душа, именно вслѣдствіе того что она образуетъ тотъ же взглядъ на вещи, какой имѣетъ тѣло, понеобходимости находитъ удовольствіе въ томъ же самомъ, пріобрѣтаетъ тѣже свойства и начинаетъ питаться тою же пищею[107], такъ что дѣлается неспособною перейти чистою въ аидъ, но всегда выходитъ изъ тѣла, оскверненная тѣлеснымъ[108], вслѣдствіе чего скоро входитъ снова въ какое нибудь тѣло, и внѣдряется въ немъ, какъ будто посѣянная, лишаясь черезъ это общенія съ божественнымъ, и чистымъ и неизмѣннымъ.

Ты говоришь, любезный Сократъ, вещи какъ нельзя болѣе истинныя, сказалъ Кебесъ.

XXXIV. И такъ вотъ почему, другъ мой Кебесъ, истинные любители мудрости воздержны и мужественны, а вовсе не вслѣдствіе тѣхъ причинъ, которыя приводятъ многіе. Или можетъ быть и ты того же мнѣнія, какъ и другіе?

Напротивъ, я думаю, что мнѣніе это несправедливо.

Конечно. Душа истиннаго философа будетъ разсуждать именно такъ, и не будетъ думать, что философія должна ее освободить, а послѣ того когда освободитъ, — предать ее снова удовольствіямъ и печалямъ, для того чтобы онѣ связали ее опять, и производить такимъ образомъ безконечную работу, напоминающую обратнымъ образомъ работу станка Пенелопы[109]. Душа, стремящаяся къ мудрости, приготовляя себѣ тишину, недоступную для удовольствій и печалей, слѣдуя разуму и всегда ему повинуясь[110], созерцая истинное, и божественное и неизмѣнное для мысли[111], и находя въ этомъ свою пищу, думаетъ, что такъ должно жить до тѣхъ поръ, пока она живетъ. Когда же она окончитъ жизнь на землѣ, то отправляясь къ тому, что ей родное и такой же природы какъ она сама, она освобождается отъ человѣческихъ золъ. Питавшись подобною пищею, и проводивши жизнь въ подобнаго рода занятіяхъ, она не боится, друзья мои Симміасъ и Кебесъ, чтобы она не разсѣялась при освобожденіи отъ тѣла, не была развѣяна вѣтрами, не разлетѣлась въ разныя стороны, и не обратилась бы наконецъ въ ничто.

XXXV. Когда Сократъ окончилъ рѣчь, наступило долгое молчаніе. Казалось, что онъ и самъ весь погрузился въ размышленіе о томъ, что было сказано, и весьма многіе изъ насъ; а Кебесъ и Симміасъ начали другъ съ другомъ разговаривать. Сократъ, обративъ на нихъ вниманіе, спросилъ: о чемъ у васъ бесѣда? вамъ не представляется достаточнымъ сказанное нами? прибавилъ онъ, потому что, въ самомъ дѣлѣ, еще остается много сомнѣній и возраженій, если кто захочетъ изслѣдовать удовлетворительно этотъ вопросъ. Если вы бесѣдуете о другомъ предметѣ, то я не имѣю ничего сказать; но если вы повѣряете другъ другу ваши сомнѣнія по тому же самому вопросу, то начинайте немедленно говорить и излагать ваши мнѣнія, если вамъ кажется, что объ этомъ можно сказать лучше; примите соучастникомъ вашихъ бесѣдъ и меня, если надѣетесь, обсуждая этотъ предметъ вмѣстѣ со мною, скорѣе придти къ цѣли.

Симміасъ отвѣчалъ: я скажу тебѣ истину, Сократъ. Мы, давно уже имѣя сомнѣнія, понуждаемъ и просимъ одинъ другого спросить тебя, — желая слышать твое мнѣніе, но медлимъ тебя безпокоить, боясь, чтобы это не было тебѣ непріятно при твоемъ настоящемъ несчастіи.

Сократъ, услышавъ это, кротко улыбнулся и сказалъ: полно, другъ мой Симміасъ! Мнѣ въ самомъ дѣлѣ трудно увѣрить другихъ въ томъ, что я не считаю несчастіемъ настоящаго со мной случая, если я никакъ не могу убѣдить въ этомъ васъ: вы боитесь, чтобы я не былъ теперь въ худшемъ расположеніи духа, чѣмъ это бывало обыкновенно въ прошлое время моей жизни. Вы, какъ видно, считаете, что я въ предвѣденіи будущаго стою ниже лебедей, которые почувствовавъ, что имъ настала пора умереть, поютъ въ это время самыя многочисленныя и прекрасныя пѣсни [112], какихъ никогда не пѣвали прежде, — радуясь, что они отходятъ къ божеству, которому служатъ. Но люди, по свойственному имъ страху смерти, клевещутъ и на лебедей, говоря, что онѣ поютъ съ печали, оплакивая наступленіе смерти; а о томъ не разсуждаютъ, что ни одна птица не поетъ, когда терпитъ голодъ, или холодъ или какое нибудь другое горе, — ни соловей, ни ласточка, ни удодъ, о

которыхъ говорятъ, что они съ печали жалобно поютъ. Мнѣ же кажется, что ни эти птицы не поютъ въ печали, ни лебеди; напротивъ, я думаю, что эти послѣднія, какъ птицы Аполлона [113], обладаютъ даромъ предвѣденія будущаго, и прозрѣвая блаженство аида, поютъ и радуются въ послѣдній свой день болѣе, чѣмъ пѣли и радовались прежде. Но я считаю и себя сослужителемъ лебедей и посвященнымъ тому же самому богу, и думаю, что я получилъ отъ моего повелителя даръ предвѣденія не въ меньшей степени, какъ и онѣ [114], и что я покидаю жизнь не съ большимъ сожалѣніемъ, чѣмъ и онѣ. И такъ, на этомъ основаніи вамъ надобно говорить и спрашивать меня, о чемъ хотите спросить, — до тѣхъ поръ пока это позволяютъ намъ одиннадцать судей аѳинянъ.

Прекрасно сказано, замѣтилъ Симміасъ. Я спрошу тебя о томъ, что возбуждаетъ сомнѣніе во мнѣ, а потомъ скажетъ тебѣ и онъ, — въ чемъ онъ не согласенъ съ тѣмъ, что было говорено. Я думаю объ этомъ предметѣ, любезный Сократъ, можетъ быть, точно также какъ думаешь и ты: достичь совершеннаго познанія его въ жизни настоящей или невозможно, или необыкновенно трудно. Тѣмъ не менѣе однакожъ — не изслѣдовать всѣми возможными способами того, что о немъ говорятъ, и отставать, прежде нежели онъ будетъ разсмотрѣнъ со всѣхъ сторонъ, — это признакъ человѣка слабодушнаго. Въ этомъ случаѣ надобно сдѣлать одно изъ двухъ, — или узнать истину отъ другихъ, или дойти до нея самому; или же, — если то и другое окажется невозможно, — избрать самое лучшее и наиболѣе недоступное опроверженію человѣческое разсужденіе. Ввѣрившись ему какъ будто ладьѣ, надобно переплывать съ опасеніемъ настоящую жизнь, если нѣтъ возможности проходить ее болѣе вѣрнымъ и безопаснымъ образомъ на болѣе прочномъ кораблѣ, или при помощи нѣкотораго рода божественнаго откровенія [115]. И такъ, я не буду стыдиться предлагать теперь тебѣ вопросы, потому что и ты этого требуешь, да и я впослѣдствіи времени не буду упрекать себя въ томъ, что не высказалъ теперь всего, что думаю; потому что мнѣ, любезный Сократъ, когда я разсуждаю объ этомъ предметѣ и самъ съ собою и вмѣстѣ

съ нимъ, — все сказанное нами не представляется совершенно удовлетворительнымъ.

XXXVI. Быть можетъ, любезный другъ, сказалъ Сократъ, ты въ этомъ случаѣ и правъ; но скажи, — въ чемъ именно наши разсужденія представляются тебѣ недостаточными? Въ томъ, отвѣчалъ Симміасъ, что это же самое могъ бы кто нибудь сказать о гармоніи, лирѣ и струнахъ. Гармонія въ хорошо устроенной лирѣ [116] есть нѣчто невидимое и безтѣлесное, всецѣло прекрасное и божественное; а лира и струны тѣлесны, матеріальны и сложны, — принадлежатъ землѣ и сродны смертному. И такъ, если бы кто нибудь разломалъ, или разсѣкъ на части лиру и порвалъ струны, — онъ могъ бы утверждать на томъ же основаніи какъ и ты, что гармонія непремѣнно осталась, а не погибла. Потому что въ самомъ дѣлѣ, на основаніи твоего разсужденія, невозможно, чтобы лира съ разорванными струнами осталась, также какъ и струны, представляющія собой смертную природу, а гармонія, которая присуща и родственна божественному и безсмертному, погибла прежде? можно бы утверждать справедливо, что гармонія непремѣнно гдѣ нибудь продолжаетъ существовать, и что гораздо скорѣе погибнутъ дерево и струны, нежели испытаетъ какую нибудь перемѣну она. Я думаю, любезный Сократъ, ты и самъ замѣтилъ, что мы принимаемъ душу именно за нѣчто подобное. Какъ тѣло наше есть взаимодѣйствіе и равновѣсіе теплаго, холоднаго, сухого и влажнаго и прочаго тому подобнаго, такъ точно наша душа есть смѣсь и гармонія тѣхъ же самыхъ началъ, образующаяся изъ правильнаго и равномѣрнаго сочетанія ихъ. И такъ, если душа есть нѣкотораго рода гармонія, то очевидно необходимо, чтобы въ то время, когда тѣло наше чрезмѣрно ослабляется или напрягается, — вслѣдствіе болѣзней и другихъ золъ, — душа, хотя по природѣ своей всецѣло божественная, — погибала тотчасъ же, точно такъ какъ погибаютъ другіе роды гармоніи, выражающейся въ звукахъ, или во всѣхъ вообще произведеніяхъ художниковъ; а то, что остается отъ каждаго тѣла, необходимо должно сохраняться долго, — до тѣхъ поръ, пока не будетъ сожжено или сгніетъ. Обрати же вниманіе, Сократъ, что мы

можемъ возразить на подобныя разсужденія, если кто нибудь станетъ утверждать, что душа, будучи соединеніемъ началъ, составляющихъ тѣло, погибаетъ первою въ такъ называемой смерти.

XXXVII. Сократъ, окинувъ насъ взглядомъ, какъ онъ обыкновенно дѣлалъ, и улыбнувшись сказалъ: Симміасъ, однако, говоритъ дѣло. И такъ, если кто нибудь изъ васъ скорѣе найдется отвѣтить на его возраженіе чѣмъ я, то пусть отвѣчаетъ: мнѣ кажется, что онъ въ самомъ дѣлѣ возразилъ на мое разсужденіе недурно. Однако, мнѣ представляется необходимымъ, прежде отвѣта ему, выслушать еще Кебеса, — что̀ онъ въ свою очередь противъ насъ скажетъ? этимъ мы съ одной стороны выиграемъ время, для того чтобы лучше обдумать нашъ отвѣтъ, а потомъ, выслушавъ обоихъ, или согласиться съ ними, если найдемъ, что они говорятъ истину [117], или же, въ противномъ случаѣ, защищать наше мнѣніе. И такъ, любезный Кебесъ, продолжалъ Сократъ, скажи намъ, — что̀ затрудняетъ тебя еще въ настоящемъ случаѣ, и возбуждаетъ въ тебѣ сомнѣніе?

Я тебѣ скажу, отвѣчалъ Кебесъ. Мнѣ кажется, что наше разсужденіе стоитъ на одномъ мѣстѣ, и возраженія, которыя мы привели прежде, еще сохраняютъ силу. Я не отвергаю того, что душа наша существовала прежде, чѣмъ воплотилась въ человѣческій образъ: это мнѣ представляется доказаннымъ прекрасно, и, — если не будетъ съ нашей стороны нескромностію такъ выразиться [118], — вполнѣ удовлетворительно; но что она продолжаетъ существовать и послѣ нашей смерти, — это мнѣ не кажется такъ же очевидно. Я не согласенъ съ возраженіемъ Симміаса, что душа не есть нѣчто болѣе сильное или болѣе долговѣчное, чѣмъ тѣло; потому что она, мнѣ кажется, несравненно выше всѣхъ подобнаго рода предметовъ. Но почему же ты, — могъ бы спросить меня разсудокъ, — все еще сомнѣваешься, когда самъ видишь, что, по смерти человѣка, слабѣйшая его часть продолжаетъ существовать? не слѣдуетъ ли отсюда необходимо, что болѣе долговѣчное также продолжаетъ существовать? Обрати однако вниманіе, — не покажется ли тебѣ важно то, что я про-

тивъ этого скажу. Естественно, что и мнѣ нужно употребить въ этомъ случаѣ какой нибудь образъ, какъ сдѣлалъ Симміасъ. Мнѣ представляется, это похоже на то, какъ если бы кто нибудь сказалъ тоже самое о какомъ нибудь умершемъ въ старости ткачѣ, — то есть, что онъ не погибъ, а безъ сомнѣнія продолжаетъ гдѣ-нибудь существовать, и въ доказательство представилъ бы сотканную имъ одежду, которую онъ носилъ, говоря, что она цѣла, а не погибла; потомъ, когда такое разсужденіе нашли бы страннымъ, спросилъ: что долговѣчнѣе, — человѣкъ или одежда, которая ему служитъ и которую онъ носитъ? и послѣ отвѣта, что человѣкъ вообще гораздо долговѣчнѣе, — счелъ бы доказаннымъ, что тѣмъ болѣе продолжаетъ существовать гдѣ нибудь человѣкъ, — такъ какъ то, что имѣетъ менѣе продолжительный періодъ существованія, не погибло. Я думаю, Симміасъ, что это не такъ; поэтому обрати вниманіе на мои слова. Каждый пойметъ, что тотъ, кто сталъ бы это утверждать, сказалъ бы нелѣпость. Ткачъ этотъ износилъ много сотканныхъ имъ такихъ одеждъ, и умеръ, переживъ ихъ всѣ, кромѣ, какъ мнѣ кажется, послѣдней. Но отсюда ничуть не слѣдуетъ, чтобы человѣкъ былъ слабѣе и меньше долговѣченъ, чѣмъ одежда. Я думаю, что это сравненіе хорошо выражаетъ отношеніе души къ тѣлу, и тотъ, кто сказалъ бы это самое о нихъ, сказалъ бы, мнѣ кажется справедливо, — именно, что душа есть нѣчто болѣе долговѣчное, а тѣло — нѣчто болѣе слабое и менѣе долговѣчное. Этими словами онъ высказалъ бы ту мысль, что каждая душа изнашиваетъ много тѣлъ, а особенно, если она долго живетъ на землѣ; потому что, если тѣло постоянно разрушается и погибаетъ еще при жизни человѣка, а душа постоянно возсоздаетъ уничтожаемое, то очевидно, что въ то время, когда для человѣка наступаетъ смерть, душа носитъ свою послѣднюю одежду, и только по отношенію къ ней погибаетъ первою. А какъ скоро душа погибаетъ, тогда и тѣло тотчасъ показываетъ свою слабость, и исчезаетъ, быстро сгнивая. И такъ, на основаніи этого разсужденія, нельзя еще быть увѣреннымъ, что душа наша продолжаетъ существовать, посл

нашей смерти. Если бы кто нибудь согласился даже съ мнѣніемъ человѣка, утверждающаго больше, нежели сколько утверждаешь ты, уступивъ ему, что душа наша существовала не только во время, предшествовавшее нашему рожденію, но что ничто не мѣшаетъ душамъ нѣкоторыхъ людей оставаться по смерти, и продолжать существовать далѣе, и много разъ раждаться и снова умирать, — потому что природа духа до того сильна, что она выдерживаетъ сопротивленіе при многократныхъ новыхъ рожденіяхъ, — если бы кто нибудь, говорю, согласился съ тобою въ этомъ, — то все таки не согласился бы въ томъ, что душа не утомляется наконецъ этими многократными рожденіями, и не погибаетъ въ которой нибудь изъ смертей совершенно. Онъ прибавилъ бы, что никто не можетъ чувствовать той смерти и того разрушенія тѣла, которое приноситъ съ собой уничтоженіе души, потому что чувствовать это кому бы то ни было изъ насъ невозможно. А если такъ, то очевидно, что каждый довѣряющій смерти, довѣряетъ ей безумно, какъ скоро не можетъ доказать, что душа всецѣло безсмертна и неразрушима. Если же доказать этого нельзя, то очевидно опять, что каждый, для кого наступаетъ смерть, долженъ опасаться за свою душу, — чтобы она не погибла при наступающемъ разлученіи съ тѣломъ.

XXXVIII. Когда мы выслушали эти разсужденія, у всѣхъ явилось въ душѣ непріятное чувство, какъ мы послѣ сознавались другъ другу; въ самомъ дѣлѣ, едва только мы твердо убѣдились предыдущими разсужденіями, — какъ эти новыя смутили насъ опять, и произвели въ насъ недовѣріе не только къ тому, что было сказано прежде, но и къ тому, что могло быть сказано по этому предмету впослѣдствіи времени. Мы пришли къ заключенію, что или мы — неспособные понимать дѣло судьи, или предметъ самъ по себѣ можетъ приводить только къ сомнѣніямъ.

Эхекратъ. Клянусь богами, Федонъ, я васъ въ этомъ извиняю; потому что, когда я теперь слушаю тебя, — мнѣ приходитъ на мысль спросить самого себя: какимъ же доказательствамъ мы будемъ наконецъ вѣрить, когда даже тѣ разсужденія

Сократа, которыя казались намъ такъ убѣдительны, потеряли у насъ вѣру? Взглядъ этотъ сильно меня увлекаетъ[119], как увлекалъ прежде, — именно, что душа наша есть нѣкотораг рода гармонія; высказанный теперь, онъ напомнилъ мнѣ, чт мнѣ и самому прежде такъ представлялось; такимъ образомъ теперь опять, какъ будто бы съ самаго начала, я нуждаюс въ новомъ изслѣдованіи, которое убѣдило бы меня, что вмѣст съ умирающимъ не умираетъ душа. И такъ, разскажи, рад Зевса, — какъ Сократъ продолжалъ разсужденіе[120]? былъ ли онъ, какъ ты сказалъ о себѣ и другихъ, непріятнымъ образом пораженъ имъ, такъ что вы могли это замѣтить, или же — спо койно продолжалъ защищать свое мнѣніе? Доказалъ ли он его вполнѣ, или мало удовлетворительно? Разскажи намъ о всемъ этомъ, сколько только можешь, точнѣе.

Федонъ. Я часто, любезный Эхекратъ, удивлялся С крату, но никогда не удивлялся ему больше, какъ присутств вавъ при немъ въ этотъ разъ. Что онъ нашелся, что отв чать, это конечно не удивительно; но я удивлялся въ нем больше всего тому, съ какимъ удовольствіемъ, какъ благосклон и одобрительно онъ принялъ возраженія молодыхъ людей, как тонко подмѣтилъ впечатлѣніе, произведенное на насъ возраж ніями, какъ успѣшно при этомъ случаѣ намъ помогъ, и насъ, бѣгущихъ и побѣжденныхъ, остановилъ, заставивъ возвратить назадъ, и вмѣстѣ съ нимъ продолжать изслѣдованіе.

Эхекратъ. Какимъ образомъ?

Федонъ. Я тебѣ разскажу. Я случайно сидѣлъ по прав сторону у его постели, на небольшомъ возвышеніи, а онъ г раздо выше меня. Начавъ водить рукой по моей головѣ, и сж мая волосы на шеѣ, — онъ имѣлъ привычку играть при случ моими волосами, — онъ сказалъ: завтра, любезный Федонъ, навѣрно обрѣжешь себѣ эти прекрасные волосы[121].

Конечно, любезный Сократъ, отвѣтилъ я.

Ну нѣтъ, сказалъ Сократъ, если только ты меня г слушаешься.

Какъ такъ? спросилъ я.

Сегодня, сказалъ Сократъ, я долженъ обрѣзать себѣ св

а ты свои волоса, если только наше разсужденіе погибло, и мы не въ силахъ его воскресить. Я, по крайней мѣрѣ, — если бы былъ на твоемъ мѣстѣ, и мое разсужденіе отъ меня ускользало, — произнесъ бы клятву, какъ дѣлали Аргивяне[122], — не прежде начать растить себѣ волосы, чѣмъ я одолѣю, возобновивши бой, разсужденія Симміаса и Кебеса.

Однако, замѣтилъ я, говорятъ, что съ двумя и Геркулесу трудно сражаться[123].

А ты, отвѣчалъ Сократъ, призови на помощь меня, какъ Іолая[124], пока еще не кончился день.

Призову, отвѣтилъ я, но не такъ, какъ Геркулесъ Іолая, а какъ Іолай Геркулеса.

Все равно, сказалъ Сократъ.

XXXIX. Прежде всего надобно однакожъ остерегаться, чтобы съ нами не случилось несчастія.

Какого? спросилъ я.

Того, чтобы мы не сдѣлались врагами изслѣдованій вообще, какъ иные дѣлаются врагами людей. Нѣтъ для человѣка зла больше того, когда онъ возненавидитъ изслѣдованіе. Ненависть къ разсужденіямъ и ненависть къ людямъ образуются одинаковымъ образомъ; ненависть къ людямъ является въ насъ тогда, когда мы слишкомъ много довѣряемъ кому нибудь безъ разбора, и считая извѣстнаго человѣка искреннимъ, чистосердечнымъ и вѣрнымъ, спустя нѣкоторое время находимъ его злымъ и вѣроломнымъ, и опять встрѣчаемъ другого такого же. Если бы это случилось съ кѣмъ нибудь много разъ, и особенно относительно людей, которыхъ онъ считалъ самыми близкими и преданными себѣ, то такой человѣкъ, испытавши много зла, начинаетъ ненавидѣть всѣхъ людей и думать, что уже ни въ комъ нѣтъ рѣшительно ничего истиннаго. Или ты не замѣчалъ, что это происходитъ именно такъ?

Да, конечно, отвѣтилъ я.

Не постыдно ли, сказалъ Сократъ, и не очевидно ли, что такой человѣкъ входитъ въ общеніе съ людьми, не зная того, что относится къ нимъ. Если бы онъ вступалъ въ отношенія съ ними, умѣя ихъ распознавать, онъ представлялъ бы

дѣло такъ, какъ оно есть, то есть что люди очень добрые, также какъ и очень злые немногочисленны, а занимающіе средину между тѣми и другими встрѣчаются въ большомъ числѣ.

Какъ это? спросилъ я.

Точно такъ, отвѣчалъ Сократъ, какъ бываетъ съ очень малыми и большими предметами. Согласенъ ли ты съ тѣмъ, что нѣтъ вещи болѣе рѣдкой, какъ встрѣтить между людьми человѣка очень большого, или очень маленькаго, собаку, или что нибудь въ этомъ родѣ? или же что нибудь очень быстрое или очень медленное, слишкомъ безобразное или очень красивое, совершенно бѣлое или совершенно черное? Не замѣчалъ ли ты, что во всѣхъ подобныхъ предметахъ крайности рѣдки и немногочисленны, а явленія, представляющія средину, обыкновенны и часты?

Конечно, отвѣтилъ я.

Не согласишься ли ты и съ тѣмъ, сказалъ Сократъ, что если бы было предложено состязаніе въ злобѣ, то и здѣсь очень немногіе оказались бы первыми?

Естественно, сказалъ я.

Конечно естественно, отвѣчалъ Сократъ; но не въ этомъ однакожъ разсужденія представляютъ сходство съ людьми, — я слѣдовалъ за тобой въ рѣчи, — а въ томъ, если кто нибудь приметъ извѣстное разсужденіе за истинное, не обладая достаточно способностью разсуждать, а потомъ, немного спустя, это разсужденіе покажется ему ложнымъ, — будетъ ли оно таково на самомъ дѣлѣ или нѣтъ, — и точно такимъ же образомъ другое и третье [125]. Это попреимуществу бываетъ съ тѣми людьми которые любятъ разсуждать за и противъ извѣстной истины [12 ты знаешь, что люди эти кончаютъ убѣжденіемъ, что он сдѣлались мудрѣйшими изъ людей, и одни только поняли, чт ни въ предметахъ, ни въ разсужденіяхъ нѣтъ ничего истинна и твердаго, но что все катится впередъ и назадъ [127], какъ в Еврипѣ [128], и не остается ни одной минуты въ одномъ и том же положеніи.

Конечно, отвѣчалъ я; ты говоришь совершенно справедлив

Не было ли бы печально, любезный Федонъ, если бы к

нибудь, — въ то время какъ существуетъ разсужденіе истинное и здравое и понятное для ума, — выслушавъ разсужденія такого рода, которыя въ одно время представляются истинными, а въ другое нѣтъ, сталъ бы обвинять не самого себя, или свою неспособность разсуждать, а кончилъ бы тѣмъ, что, съ горя, охотно перенесъ бы вину съ себя на разсужденія вообще, и въ остальную свою жизнь ненавидѣлъ бы разсужденія и клеветалъ на нихъ, лишивши такимъ образомъ самъ себя истины и познанія бытія.

Конечно, клянусь Зевесомъ, отвѣтилъ я; это было бы крайне печально.

XL. И такъ, сказалъ Сократъ, будемъ остерегаться этого прежде всего, не позволяя входить въ душу нашу той мысли, что едва-ли разсужденія заключаютъ въ себѣ что нибудь здравое; будемъ лучше смотрѣть такъ, что мы сами не находимся въ здоровомъ состояніи: нужно сохранять бодрость духа и заботиться о томъ, чтобы быть здоровыми; тебѣ и другимъ это нужно ради остальной вашей жизни, а мнѣ ради смерти. Я боюсь, чтобы въ настоящей бесѣдѣ мнѣ не явиться передъ вами въ такомъ отношеніи къ предмету, которое прилично не философу, а людямъ чуждымъ знанія и любителямъ преній. Извѣстно, что люди этого рода, разсуждая о предметѣ, заботятся не объ истинѣ, составляющей предметъ изслѣдованія, а единственно о томъ, чтобы ихъ положенія были приняты за истину присутствующими; и мнѣ кажется, что я въ настоящемъ случаѣ различаюсь отъ нихъ только тѣмъ, что забочусь не о томъ, чтобы мои разсужденія были приняты за истину присутствующими, — по крайней мѣрѣ не это моя главная цѣль, — а о томъ, чтобы все это явилось какъ нельзя болѣе истиннымъ въ моихъ собственныхъ глазахъ; потому что я разсуждаю объ этомъ, мой дорогой другъ, и посмотри, — съ какою пользою для самого себя! Если то, что̀ я говорю, составляетъ истину, то въ истинѣ полезно убѣдиться; если же для человѣка, окончившаго жизнь, нѣтъ больше ничего, то въ промежутокъ времени, остающійся мнѣ до смерти, я, по крайней мѣрѣ, не буду наводить моими сѣтованіями тоски на присутствующихъ; и это незнаніе не

будетъ для меня продолжительно,—потому что это было бы зло,—а кончится скоро. Приготовившись такимъ образомъ, друзья мои Симміасъ и Кебесъ, сказалъ Сократъ, я приступаю къ разсужденію. Вы же, если хотите быть мнѣ послушны, думайте меньше о Сократѣ, а больше объ истинѣ; если найдете, что я говорю истину, согласитесь со мною; а если нѣтъ, сражайтесь со мною всѣми силами, остерегаясь, чтобы я не обманулъ вслѣдствіе излишней ревности и себя и васъ, и не оставилъ васъ потомъ какъ пчела, оставляющая свое жало въ сдѣланной ею ранѣ [129].

XLI. Однако, нужно начинать, сказалъ Сократъ; но прежде всего напомните мнѣ то, что вы говорили, если окажется, что я что нибудь забылъ. Симміасъ, кажется, имѣетъ сомнѣнія и боится, чтобы душа, хотя она есть нѣчто болѣе божественное и прекрасное чѣмъ тѣло, не погибала прежде его, вслѣдствіе того, что она представляетъ собою нѣкотораго рода гармонію. Кебесъ же, какъ мнѣ показалось, согласился со мною, что душа долговѣчнѣе тѣла, но прибавилъ къ этому, что никому не можетъ быть извѣстно — не погибаетъ ли она послѣ того, когда износивъ нѣсколько тѣлъ, покинетъ послѣднее, и не составляетъ ли смерти собственно уничтоженіе души, потому что тѣло не перестаетъ разрушаться постоянно. Это ли именно, друзья мои Симміасъ и Кебесъ, намъ нужно изслѣдовать? Оба согласились, что изслѣдованію подлежитъ это самое.

Отвергаете ли вы, спросилъ Сократъ, всѣ предыдущія разсужденія, или одни принимаете, а другихъ нѣтъ?

Одни, отвѣчали они, принимаемъ, а другихъ нѣтъ.

Что же вы скажете, продолжалъ Сократъ, о томъ разсужденіи, въ которомъ мы утверждали, что ученіе есть припоминаніе, и если это такъ, то необходимо, чтобы наша душа существовала гдѣ нибудь прежде, чѣмъ заключилась въ тѣло?

Я, сказалъ Кебесъ, и тогда какъ нельзя болѣе былъ имъ убѣжденъ, и теперь держусь его тверже, чѣмъ какого нибудь другого мнѣнія.

И я точно также, сказалъ Симміасъ; и признаюсь, я бы даже очень удивлялся, если бы когда нибудь сталъ думать объ этомъ предметѣ иначе.

Но тебѣ необходимо, мой дорогой ѳиванскій гость, возразилъ Сократъ, думать иначе, если только ты остаешься при томъ мнѣніи, что гармонія есть нѣчто сложное, а душа, какъ нѣкотораго рода гармонія слагается изъ началъ, образующихъ тѣло? потому что ты, конечно, не позволилъ бы себѣ сказать, что гармонія образовалась прежде, чѣмъ явилось то, изъ чего она должна образоваться? Или ты это допустишь?

Никоимъ образомъ не допущу, Сократъ, сказалъ Симміасъ.

Но замѣчаешь ли ты, продолжалъ Сократъ, что тебѣ приходится это допустить, какъ скоро ты утверждаешь, что душа существовала прежде, чѣмъ воплотилась въ образъ и тѣло человѣка; ясно, что она сложилась изъ такихъ началъ, которыя еще не существовали; потому что гармонія не есть для тебя нѣчто такое же, какъ то, съ чѣмъ ты ее сравниваешь: лира, струны и звуки, еще не приведенные въ согласованіе, существовали прежде; гармонія же является послѣ всего этого, и погибаетъ раньше. Какимъ же образомъ это разсужденіе твое будетъ согласно съ тѣмъ?

Никоимъ образомъ, отвѣтилъ Симміасъ.

А между тѣмъ, сказалъ Сократъ, если какое разсужденіе должно представлять собою гармонію, то конечно прежде всего — разсужденіе о гармоніи.

Это необходимо, сказалъ Симміасъ.

Но это разсужденіе, продолжалъ Сократъ, не представляетъ у тебя согласія съ предыдущимъ. Теперь смотри: которому изъ двухъ мнѣній ты отдаешь предпочтеніе, — тому ли, что ученіе есть припоминаніе, или что душа есть гармонія?

Я приму гораздо скорѣе первое, любезный Сократъ, отвѣтилъ Симміасъ; потому что второе сложилось у меня безъ доказательства, — на основаніи вѣроятности и кажущейся стороны дѣла, какъ слагаются мнѣнія у большей части людей. Но я знаю, что разсужденія, которыя основываютъ свои доказательства на вѣроятностяхъ, шатки, и, если ихъ не остерегаться, легко вводятъ въ заблужденіе и въ геометріи и во всѣхъ другихъ наукахъ. А разсужденіе о припоминаніи и ученіи было нами утверждено на такомъ началѣ, которое стоитъ того, чтобы

его принять. Мы сказали по этому случаю, что душа наша существовала прежде чѣмъ воплотилась, потому что она обладаетъ какъ своею собственностью — сущностью, носящей имя бытія. Я согласился съ этимъ разсужденіемъ, какъ я убѣжденъ, основательно и справедливо; но поэтому самому, представляется, уже необходимо, чтобы ни самъ я не принималъ, ни раздѣлялъ мнѣнія другого, что душа есть гармонія.

XLII. А что ты скажешь, Симміасъ, продолжалъ Сократъ, разсматривая предметъ слѣдующимъ образомъ. Думаешь ли ты, что гармоніи, или другому сочетанію свойственно находиться въ другомъ состояніи, нежели въ какомъ находятся начала, изъ которыхъ первыя сложились?

Никоимъ образомъ.

Дѣйствительно, я думаю, что имъ несвойственно ни дѣлать, ни претерпѣвать что нибудь, отличное отъ того, что дѣлаютъ или претерпѣваютъ ихъ начала.

Симміасъ согла́сился.

Въ силу этого гармонія должна не руководить началами, изъ которыхъ она сложена, а слѣдовать имъ?

Онъ былъ того-же мнѣнія.

И такъ далеко до того, чтобы гармонія двигалась или звучала противуположнымъ образомъ, или представляла какое нибудь другое противорѣчіе съ своими частями.

Конечно, до этого далеко, сказалъ Симміасъ.

Что же далѣе? продолжалъ Сократъ. Не есть ли каждая гармонія по природѣ такова, что она является гармоніей только въ той степени, въ какой она приведена въ согласованіе?

Я этого не понимаю.

Не бываетъ ли обыкновенно такъ, сказалъ Сократъ, что чѣмъ больше, чѣмъ въ высшей степени она уравновѣшена, — если только она можетъ это допускать, — тѣмъ высшей и совершеннѣйшей является она гармоніей, а чѣмъ меньше и въ меньшей степени уравновѣшена, — тѣмъ меньше и въ низшей степени?

Конечно.

А можетъ ли это имѣть мѣсто относительно души, — такъ, чтобы это можно было представить хотя въ малѣйшей степени,

[illegible], чтобы одна душа была болѣе душою, чѣмъ другая, или наоборотъ, менѣе душой, чѣмъ другая?

Конечно нѣтъ: никоимъ образомъ.

Скажи мнѣ, ради Зевса, не говорятъ ли объ одной душѣ, что она обладаетъ умомъ и добродѣтелью, и что она хороша, а о другой, — что она отличается глупостью и пороками, и что она зла? Говоря такимъ образомъ, не говорятъ ли справедливо?

Конечно справедливо.

Ну, а тѣ люди, которые утверждаютъ, что душа есть гармонія, — какъ они будутъ смотрѣть на такія качества ея, какъ добродѣтель и порокъ? Скажутъ ли они, что то и другое представляетъ опять другую гармонію и дизгармонію, и что одна душа, — душа добрая, — находится въ состояніи гармоніи, и, будучи гармоніей по природѣ, носитъ въ себѣ еще другую гармонію, а другая, — душа злая, — находится въ состояніи дизгармоніи, и не носитъ въ себѣ гармоніи?

Я, по крайней мѣрѣ, не буду такъ говорить, сказалъ Симміасъ; но очевидно, что именно нѣчто подобное сказалъ бы тотъ, кто принялъ бы, что душа есть гармонія.

Но мы уже согласились прежде, сказалъ Сократъ, что ни одна душа не есть въ большей или меньшей степени душа, чѣмъ каждая другая; а это другими словами значитъ то, что ни одна гармонія не есть въ большей или высшей, или напротивъ въ меньшей степени гармонія, чѣмъ всякая другая. Не такъ ли?

Конечно.

А не допуская бо̀льшей или мѐньшей степени, гармонія не можетъ имѣть большаго или меньшаго согласованія? Такъ?

Такъ.

Не допуская же согласованія въ своихъ частяхъ въ большей или меньшей степени, можетъ ли гармонія быть гармоніей въ большей или меньшей степени, или только въ равной?

Въ равной.

И такъ душа, — въ силу того, что ни одна душа не есть въ большей или меньшей степени душа, чѣмъ каждая другая, — не представляетъ большаго или меньшаго согласованія?

Такъ.

А если такъ, то очевидно, что душа не можетъ быть причастна въ большей степени дизгармоніи или гармоніи?

Конечно нѣтъ.

А въ такомъ случаѣ, могутъ ли порокъ или добродѣтель находиться въ одной душѣ въ большей степени, чѣмъ въ другой, если порокъ есть дизгармонія, а добродѣтель гармонія?

Не могутъ.

По здравому разсужденію, любезный Симміасъ, правильнѣе сказать, — ни одна душа не будетъ причастна порока, если она есть гармонія; потому что гармонія, будучи этимъ всецѣло, то есть гармоніей, никогда не можетъ быть поэтому причастна дизгармоніи.

Разумѣется нѣтъ.

А слѣдовательно и душа, — въ силу того, что она есть всецѣло душа, — порока.

Какъ это возможно послѣ того, что сказано?

На основаніи этого разсужденія, слѣдовательно, всѣ души всѣхъ живыхъ существъ будутъ для насъ одинаково добры, если только въ природѣ всѣхъ душъ заключается одинаково это свойство — быть душами.

Мнѣ представляется такъ, любезный Сократъ, сказалъ Симміасъ.

А признаешь ли ты, что это разсужденіе основательно, и что мы должны его принять, если бы справедливо было то положеніе, что душа есть гармонія [130]?

Ни подъ какимъ видомъ.

XLIII. Далѣе, продолжалъ Сократъ, — изъ всего, что только есть въ человѣкѣ, укажешь ли ты что нибудь, что господствовало бы въ немъ, кромѣ души, а особенно если это будетъ душа мудрая?

Нѣтъ.

Уступаетъ ли она пожеланіямъ тѣла, или же противится имъ? Я разумѣю напр. такіе случаи. Ощущеніе жара и жажды направляетъ душу къ противному, — къ тому, чтобы не пить; ощущеніе голода къ тому, чтобы воздерживаться отъ ѣды, и

въ тысячѣ другихъ случаевъ мы видимъ, что душа противится пожеланіямъ тѣла. Не такъ ли?

Совершенно такъ.

Но мы согласились въ предыдущихъ разсужденіяхъ, что душа, если она есть гармонія, никогда не можетъ звучать иначе чѣмъ то, что приводитъ ее въ напряженіе, или ослабляетъ, или колеблетъ, и вообще — какому бы измѣненію ни подвергались начала, изъ которыхъ она сложена, — она можетъ только слѣдовать имъ, но не управлять ими?

Да, мы это признали; да какъ же этого и не признать?

Но чтожъ? Не оказывается ли на дѣлѣ, что душа дѣйствуетъ совершенно противуположнымъ образомъ, управляя началами, изъ которыхъ она, какъ утверждаютъ нѣкоторые, сложена, сопротивляется почти всѣмъ имъ въ теченіе цѣлой жизни, высказываетъ надъ ними свою власть всѣми способами, укрощая одни строго и болѣзненно, — помощію гимнастики и медицины, а другія болѣе кроткимъ образомъ, — угрожая пожеланіямъ, и увѣщевая ихъ и бесѣдуя съ ними, — желаніями, гнѣвомъ и страхомъ, какъ нѣчто совершенно отличное съ чѣмъ-то отличнымъ другимъ? Это самое представляетъ въ Одиссеѣ Гомеръ, гдѣ онъ говоритъ объ Одиссеѣ [131]:

Въ грудь онъ ударилъ себя и сказалъ раздраженному сердцу:
Сердце, смирись; ты гнуснѣйшее вытерпѣть силу имѣло.

Ужели ты думаешь, что поэтъ написалъ это, представляя душу гармоніей и чѣмъ-то такимъ, что способно руководиться пожеланіями тѣла, а не повелѣвать имъ, и господствовать надъ ними, или не признавая души чѣмъ-то гораздо болѣе божественнымъ, чѣмъ гармонія [132]?

Клянусь Зевесомъ, любезный Сократъ, мнѣ не представляется такъ.

И такъ, драгоцѣнный другъ мой, мы ни подъ какимъ видомъ не должны говорить, что душа есть нѣкоторый родъ гармоніи; потому что, въ противномъ случаѣ, мы очевидно не будемъ согласны ни съ божественнымъ поэтомъ Гомеромъ, ни сами съ собою.

Это такъ, сказалъ Симміасъ.

XLIV. Ну, и хорошо, сказалъ Сократъ; теперь, ѳиванская гармонія, какъ кажется, нѣсколько утихла[133]; но какъ, любезный Кебесъ, и какими доводами успокоимъ мы Кадма?

Ты, я думаю, найдешь, сказалъ Кебесъ; потому что рѣчью противъ гармоніи ты удивительно какъ превзошелъ мое ожиданіе. Когда Симміасъ высказалъ то, въ чемъ онъ сомнѣвался, я съ крайнимъ удивленіемъ представлялъ, чтобы кто нибудь могъ что нибудь противупоставить его разсужденіямъ; тѣмъ больше я былъ пораженъ, что онъ съ первой же минуты не могъ выдержать перваго натиска твоей рѣчи; и такъ я не буду удивляться, если и разсужденіе Кадма испытаетъ ту же самую участь.

О, добрый мой другъ, сказалъ Сократъ, не осыпай меня такими похвалами[134], чтобы чья нибудь зависть не уничтожила разсужденія, къ которому мы приступаемъ. Впрочемъ, предоставимъ это попеченію бога; сами же мы, схватившись другъ съ другомъ, какъ герои Гомера[135], изслѣдуемъ, — есть ли въ разсужденіи твоемъ истина? Сущность того, что ты предлагаешь изслѣдовать, заключается въ слѣдующемъ. Ты требуешь доказательствъ на то, что душа наша неразрушима и безсмертна; ты боишься, чтобы философъ, который въ виду смерти сохраняетъ надежду и думаетъ, что онъ будетъ гораздо блаженнѣе тамъ, по смерти, нежели, какъ еслибы онъ умеръ, проведши иначе земную жизнь, ты боишься, говорю, чтобы надежда этого философа не была въ этомъ случаѣ безразсудна и напрасна? По твоему мнѣнію показать, что душа есть нѣчто сильное и богоподобное, что она существовала, прежде чѣмъ мы сдѣлались людьми, — вовсе не значитъ доказать, что она безсмертна, а только то, что она долговѣчна, что она существовала гдѣ нибудь до этого безконечное число лѣтъ, многое знала и дѣлала, но при всемъ этомъ не была безсмертна; ты говоришь, что самый приходъ ея въ человѣческое тѣло составляетъ для нея начало гибели, какъ будто бы нѣкотораго рода болѣзнь; такъ что она проводитъ въ бѣдствіяхъ земную жизнь, а оканчивая ее, погибаетъ совершенно въ такъ называемой смерти. Ты говоришь, что по отношенію къ опасеніямъ, которыя каждый изъ насъ

можетъ въ этомъ случаѣ имѣть, рѣшительно все равно — входитъ ли она въ тѣло однажды или много разъ, и что каждый, кто только не безуменъ, долженъ справедливо имѣть въ этомъ случаѣ опасенія, не зная и не имѣя возможности представить доказательствъ на то, что она безсмертна. Это именно, какъ кажется мнѣ, ты утверждаешь другъ мой Кебесъ; я съ намѣреніемъ повторяю слова твои много разъ для того, чтобы что нибудь не ускользнуло отъ насъ, и ты по своему желанію могъ бы что нибудь прибавить или убавить.

А Кебесъ въ отвѣтъ на это сказалъ: я въ настоящемъ случаѣ не имѣю нужды ни убавлять, ни прибавлять ничего; это именно то самое, что я хочу сказать.

XLV. Сократъ послѣ долгаго молчанія и размышленія сказалъ: ты ищешь разрѣшить, другъ мой Кебесъ, не легкій вопросъ; потому что для этого нужно изслѣдовать причину рожденія и разрушенія вообще. И такъ, если хочешь, я разскажу тебѣ, какъ было въ этомъ случаѣ со мною, а ты, если только что нибудь изъ того, что я скажу, покажется тебѣ годнымъ для твоего собственнаго убѣжденія въ предметѣ изслѣдованія, воспользуешься этимъ.

Разумѣется, отвѣчалъ Кебесъ, что я этого желаю.

И такъ выслушай мой разсказъ. Когда я былъ, любезный Кебесъ, еще молодымъ человѣкомъ, у меня было удивительно сильное стремленіе къ той наукѣ, которую называютъ наукой о природѣ[136]. Я находилъ что-то особенно высокое въ томъ, чтобы знать причину каждаго явленія, — почему то или другое родится, почему погибаетъ и почему существуетъ. Я долго переходилъ отъ одного мнѣнія къ другому, стараясь разрѣшить прежде всего слѣдующій вопросъ: не бываетъ ли такъ, что послѣ того какъ что нибудь теплое или холодное подвергнется извѣстному разложенію, — тогда образуются живыя существа, какъ утверждали нѣкоторые[137]? И не есть ли кровь та сила[138], помощію которой мы мыслимъ, или воздухъ[139] или огонь[140], или же ни одинъ изъ этихъ предметовъ, а мозгъ воспроизводитъ въ насъ впечатлѣнія слуха, зрѣнія и обонянія[141]; изъ впечатлѣній этихъ раждаются потомъ воспоминаніе и представ-

ленie, а воспоминанie и представленie, пришедши въ состоянie покоя[142], творятъ такимъ образомъ науку. Потомъ, когда я наблюдалъ преходимость этихъ предметовъ, равно какъ и перемѣны, происходящія на небѣ и на землѣ, я кончилъ тѣмъ, что нашелъ самаго себя такъ неспособнымъ къ подобному изслѣдованiю, какъ не счелъ бы никого другого. Я приведу тебѣ ясное на это доказательство. Изслѣдованie, о которомъ я говорю, сдѣлало меня до того слѣпымъ даже относительно вещей, которыя я прежде понималъ ясно, — какъ по крайней мѣрѣ казалось мнѣ самому и другимъ, — что я отвыкъ понимать и то, что прежде, какъ я думалъ, зналъ относительно многаго, и въ частности относительно того, какимъ образомъ растетъ человѣкъ. Прежде я считалъ очевиднымъ для всякаго, что это совершается черезъ ѣду и питье. Такъ какъ черезъ употребленie пищи плоть прибавляется къ плоти, и кости къ костямъ, а равнымъ образомъ къ другимъ элементамъ прибавляются въ той же пропорціи сродные имъ элементы, — каждый къ каждому, — то такимъ образомъ то, что сначала было малымъ, становится потомъ большимъ, и маленькій человѣкъ возрастаетъ въ большого. Такъ я думалъ въ то время: находишь ли ты это основательнымъ?

Мнѣ представляется такъ, сказалъ Кебесъ.

Разсмотри также слѣдующее. Мнѣ всегда представлялось, что если человѣкъ большого росту стоитъ рядомъ съ человѣкомъ маленькаго росту, то первый выше послѣдняго головой, и точно такимъ же образомъ одна лошадь выше другой. Приведу примѣръ еще болѣе очевидный: десять мнѣ казалось больше восьми по той причинѣ, что первое число содержитъ въ себѣ двѣ лишнихъ единицы противъ послѣдняго, и все двухлоктевое больше одnолоктевого въ силу того, что первое половиной превышаетъ послѣднее.

А теперь, сказалъ Кебесъ, какъ тебѣ это представляется?

Клянусь Зевесомъ, отвѣчалъ Сократъ, я очень далекъ отъ мысли, что я понимаю причину котораго нибудь изъ этихъ явленій, — я, который не могу увѣрить себя въ томъ, что если кто нибудь прибавитъ къ единицѣ единицу, то та единица, къ

которой прибавлена другая, становится двумя, или прибавленное и то, къ чему прибавлено, — черезъ прибавленіе одного къ другому становятся двумя. Меня очень удивляетъ, что, въ то время какъ каждая единица существовала отдѣльно и была единицей, и ни та ни другая не были двумя, послѣ того какъ онѣ между собою сблизились, — это сдѣлалось для нихъ причиной, по которой онѣ превратились въ два, то есть именно — черезъ помѣщеніе ихъ одной подлѣ другой. Точно также я не могу увѣрить себя, что если кто нибудь раздѣлитъ единицу на двое, то раздѣленіе составляетъ причину, по которой единица превращается въ два; потому что послѣдняя причина очевидно противуположна той, по которой единицы въ первомъ случаѣ сдѣлались двумя. Въ первомъ случаѣ это произошло черезъ то, что двѣ единицы были помѣщены одна подлѣ другой, и одна была прибавлена къ другой, а теперь черезъ то, что одна единица отнимается и отдѣляется отъ другой. Точно такимъ же образомъ я не увѣренъ, что знаю, — какъ образуется единица, ни того, — чтобы все сказать однимъ словомъ, — почему, на основаніи этого способа изслѣдованія, что нибудь раждается, погибаетъ или существуетъ. Я замѣняю этотъ способъ изслѣдованія другимъ, — моимъ собственнымъ, а этого одобрить никакимъ образомъ не могу.

XLVI. Когда же я однажды услышалъ, какъ нѣкто читалъ изъ книги, написанной, какъ онъ сказалъ, Анаксагоромъ [143], что умъ есть распорядитель и виновникъ всего, — я обрадовался этой причинѣ, и нашелъ нѣкоторымъ образомъ хорошимъ, что умъ есть виновникъ всего; я думалъ, что если это такъ, то приводящій все въ порядокъ умъ все располагаетъ и помѣщаетъ каждый отдѣльный предметъ такъ, чтобы это представляло для нихъ самое лучшее. Такимъ образомъ, если бы кто нибудь захотѣлъ найти причину для каждаго предмета, — вслѣдствіе которой каждый раждается, погибаетъ или существуетъ, — то надобно опредѣлить относительно каждаго то, какъ ему лучше всего существовать, или что претерпѣвать или дѣлать. А на основаніи этого начала человѣку прилично изслѣдовать какъ относительно себя, такъ и относительно всего другого не что иное, какъ самое лучшее и совершенное, при чемъ онъ необходимо узнаетъ и самое худ-

5

шее, такъ какъ познаніе того и другого одно и тоже. Такъ разсуждая, я съ радостію думалъ о томъ, что нашелъ въ Анаксагорѣ учителя, объясняющаго мнѣ причины всѣхъ вещей согласно моему собственному образу мыслей, — человѣка, который, сообщивъ мнѣ сначала, — представляетъ ли земля плоскость, или кругла, показалъ бы потомъ причину и необходимость такой или другой ея формы, опираясь на начало наилучшаго, и объясняя, что ей лучше быть такою; а сказавши, что земля находится въ центрѣ міра [144], объяснилъ бы при этомъ, что ей лучше находиться въ центрѣ міра; и если бы онъ мнѣ это ясно показалъ, то я былъ бы готовъ не требовать больше никакой другой причины. Точно такого же рода изслѣдованіе я готовъ былъ сдѣлать относительно солнца, луны и прочихъ свѣтилъ, — ихъ взаимной скорости, движенія и происходящихъ съ ними перемѣнъ, — въ какомъ отношеніи представляется лучшимъ, чтобы каждое изъ нихъ дѣлало или испытывало то, что дѣлаетъ или испытываетъ. Я никогда не думалъ, чтобы этотъ философъ, признавши, что все это устроено умомъ, сталъ бы потомъ приводить для этихъ явленій какія нибудь другія причины, кромѣ той, что имъ лучше быть такъ, какъ они есть. Я думалъ, что такой философъ, объясняя причину каждаго отдѣльнаго явленія и всѣхъ вмѣстѣ, долженъ показать то, что составляетъ самое лучшее для каждаго изъ нихъ и всѣхъ вообще. Я не отдалъ бы въ этомъ случаѣ моихъ надеждъ за дорогую цѣну, но, принявшись со всею ревностью за подобныя книги, прочелъ бы ихъ со всевозможной для меня скоростью, для того чтобы какъ можно скорѣе достичь познанія самаго лучшаго и худшаго.

XLVII. И такъ я немедленно отправился въ этотъ путь, любезный другъ, увлекаемый чудными надеждами, но, по мѣрѣ того какъ я подвигался впередъ и продолжалъ чтеніе, увидѣлъ человѣка, который не дѣлалъ никакого приложенія изъ ума, и не къ нему возводилъ причины правильнаго распорядка вещей, а поставлялъ ихъ въ воздухѣ, эфирѣ, водѣ и другихъ также несообразно принятыхъ началахъ. Тогда мнѣ показалось, что съ этимъ философомъ случилось тоже самое, какъ если бы кто

сказалъ: все, что Сократъ дѣлаетъ, — онъ дѣлаетъ на основаніи разсудка, а потòмъ, приступая къ объясненію причинъ каждаго моего дѣйствія въ частности, сказалъ бы прежде всего, что я сижу здѣсь въ настоящее время потому, что мое тѣло состоитъ изъ костей и нервовъ, что кости тверды и соединены одна съ другой суставами, что нервы способны напрягаться и сжиматься, что они покрываютъ кости вмѣстѣ съ мясомъ и кожей, которая содержитъ и окружаетъ то и другое. Поэтому, какъ скоро кости гнутся въ мѣстахъ своихъ соединеній, то нервы, послѣ того какъ я ихъ ослабляю и напрягаю, даютъ мнѣ возможность сгибать мои члены, и это составляетъ причину, по которой я, склонившись здѣсь, сижу. Точно такимъ же образомъ, тоже самое сказалъ бы этотъ человѣкъ, объясняя причину, по которой мы въ настоящее время бесѣдуемъ, если бы сталъ приводить въ объясненіе такія причины, какъ напр. голосъ, воздухъ, слухъ и тысячи другихъ подобныхъ, вмѣсто того чтобы указать причины настоящія, — именно, что послѣ того какъ аѳиняне сочли за лучшее осудить меня, нашелъ по этому самому лучшимъ, и болѣе справедливымъ и я — сидѣть здѣсь, въ ожиданіи казни, къ которой они меня присудили; потому что, клянусь собакой [145], давно уже эти нервы и кости находились бы, я думаю, подлѣ Мегары, или среди Беотянъ [146], перенесенныя туда надеждой на лучшее, если бы я не считалъ болѣе справедливымъ и прекраснымъ, вмѣсто того чтобы бѣжать и укрываться, понести наказаніе, которое опредѣлила мнѣ республика. Но называть причинами подобнаго рода вещи — слишкомъ нелѣпо. Если бы кто нибудь сказалъ, что не имѣя всего этого — костей и нервовъ и всего вообще, что я имѣю, я не былъ бы въ состояніи дѣлать того, что нахожу нужнымъ, — тотъ сказалъ бы истину. Но сказать, что все это составляетъ причину, по которой я дѣлаю то, чтò дѣлаю, — что я этимъ способомъ дѣйствую черезъ умъ, а не въ выборѣ лучшаго, — значитъ сказать очевидную, крайнюю нелѣпость. Это значитъ не быть въ состояніи различать, что иное дѣло дѣйствительная причина, а иное то, безъ чего причина не была бы причиной. Ее-то многіе, мнѣ представляется, изслѣдуютъ какъ будто въ темнотѣ, и называя

ее чуждымъ ей именемъ, выдаютъ другой предметъ за причину. Вотъ почему одинъ окружаетъ землю вихремъ, производимымъ небесами[147], и дѣлаетъ ее неподвижною, а другой подпираетъ основаніе ея воздухомъ, принимая ее такимъ образомъ за широкій сосудъ; но той силы, помощію которой все это расположено такъ, какъ расположено, — лежащей во всѣхъ этихъ предметахъ способности быть расположенными наилучшимъ образомъ, — они не ищутъ, и не думаютъ о томъ, что всѣ они заключаютъ въ себѣ нѣкоторую божественную силу; они надѣются найти наконецъ Атласа[148], который бы обладалъ бо̀льшимъ могуществомъ и безсмертіемъ, чѣмъ она, и былъ бы больше способенъ все содержать, но ничуть не представляютъ, что только доброе и разумное дѣйствительно все соединяетъ и содержитъ. Что касается до меня, то я бы съ величайшею радостію сдѣлался чьимъ угодно ученикомъ, для того, чтобы узнать эту причину, — какова она въ дѣйствительности. Но послѣ того какъ, мнѣ не удалось мое исканіе и я былъ не въ силахъ ни найти ее, ни узнать отъ другихъ, я пустился въ новое плаваніе, и — хочешь ли, Кебесъ, я разскажу тебѣ о пути, который я предпринялъ для ея отысканія?

Я какъ нельзя болѣе этого желаю, отвѣтилъ тотъ.

XLVIII. Послѣ того, началъ Сократъ, когда я отказался отъ изслѣдованія сущности бытія, я счелъ нужнымъ остерегаться, чтобы не испытать того, что испытываютъ люди, созерцающіе и наблюдающіе солнечное затмѣніе; потому что нѣкоторые портятъ себѣ зрѣніе, если видятъ образъ его не въ водѣ, или другой подобной средѣ. Нѣчто подобное изслѣдывалъ и я, и боялся, чтобы мое духовное зрѣніе вовсе не померкло, если я буду смотрѣть на предметы глазами и соприкасаться съ ними помощію каждаго другого тѣлеснаго чувства. Вслѣдствіе этого мнѣ показалось необходимымъ, обратившись къ причинамъ — изслѣдовать въ нихъ истинную сущность бытія. Впрочемъ, можетъ быть, образъ, который я беру для сравненія, не представляетъ подобія съ тѣмъ, о чемъ я говорю; потому что я не признаю также точно, что тотъ, кто изслѣдуетъ бытіе въ его причинахъ, созерцаетъ его лучше въ образахъ, нежели въ его собственной

сущности [149]. Но, однако я устремился по этому пути, и принимая каждый разъ за основаніе извѣстное начало, которое нахожу наиболѣе твердымъ, я все то, что мнѣ кажется согласнымъ съ этимъ началомъ, признаю за истинное, — будетъ ли дѣло касаться причинъ или чего бы то ни было, — а то, что несогласно съ нимъ, — не признаю. Но я хочу объяснить тебѣ лучше то, что̀ говорю, потому что, я думаю, ты теперь еще этого не понимаешь.

Клянусь Зевесомъ, любезный Сократъ, сказалъ Кебесъ, я не понимаю этого ясно.

XLIX. Однакожъ, сказалъ Сократъ, я не говорю ничего новаго, а только то, что я не переставалъ говорить постоянно и прежде, и теперь — въ предыдущей части разсужденія. И такъ я намѣренъ продолжать объяснять тебѣ ту причину, которая составляла предметъ моихъ изслѣдованій. Я возвращаюсь снова къ тому, о чемъ было говорено много разъ и съ этого начинаю, принимая за основаніе, что есть нѣчто прекрасное въ самомъ себѣ, доброе, великое и все другое подобное. Если ты это мнѣ уступаешь и соглашаешься, что это дѣйствительно существуетъ, то я надѣюсь отсюда показать тебѣ и раскрыть, что душа безсмертна.

Ты можешь немедленно сдѣлать выводъ, сказалъ Кебесъ, потому что я тебѣ это уступаю.

Разсмотри, сказалъ Сократъ то, что отсюда слѣдуетъ, — не представится ли тебѣ такъ, какъ представляется мнѣ. Для меня очевидно, что если существуетъ что нибудь прекрасное, помимо прекраснаго въ самомъ себѣ, то оно прекрасно не черезъ что иное, какъ черезъ то, что оно причащается прекраснаго въ самомъ себѣ, и точно такъ же я говорю обо всемъ другомъ. Допускаешь ли ты эту причину?

Допускаю, отвѣчалъ Кебесъ.

И такъ послѣ этого, продолжалъ Сократъ, я уже не понимаю и не могу понять другихъ причинъ съ ихъ утонченностями [150]. Но если мнѣ кто нибудь скажетъ, почему что нибудь прекрасно, — будетъ ли оно имѣть прекрасный цвѣтъ, или форму или что нибудь подобное, — то я уже не ищу больше

другихъ причинъ, — потому что все другое только затемняетъ мое пониманіе, но, просто, безъ утонченностей, и, можетъ быть, даже слишкомъ простодушно держусь той мысли, что извѣстный прекрасный предметъ дѣлаетъ прекраснымъ не что иное, какъ присутствіе въ немъ прекраснаго въ самомъ себѣ, — его пріобщеніе красоты послѣдняго, какимъ бы способомъ оно ни происходило. Я не утверждаю относительно этого болѣе[151], но утверждаю, что всѣ прекрасные предметы прекрасны по причинѣ присутствія въ нихъ прекраснаго въ самомъ себѣ. Вотъ, мнѣ кажется, самый вѣрный отвѣтъ, который я могу дать относительно этого и себѣ самому и другому. Держась такого начала, думаю, что я никогда не ошибусь, но могу безопасно отвѣчать и самому себѣ и каждому другому, что прекрасные предметы бываютъ прекрасны черезъ прекрасное въ самомъ себѣ. Или тебѣ не представляется такъ?

Я именно такого мнѣнія.

Точно также большія вещи велики своею величиною, и бо̀льшія суть бо̀льшія по той же причинѣ и меньшія — меньшія по причинѣ присутствія въ нихъ малости?

Да.

И такъ, ты уже не будешь раздѣлять мнѣнія, если кто нибудь скажетъ, что одинъ человѣкъ выше другого головою, или меньшій тѣмъ же самымъ меньше, но будешь утверждать, что ты не принимаешь другого объясненія кромѣ того, что все, бо̀льшее сравнительно съ другимъ, больше другого ничѣмъ другимъ какъ величиною, и по этой причинѣ, то есть вслѣдствіе величины, есть большее, а меньшее — меньше не другимъ чѣмъ, какъ малостію, и поэтому, то есть по причинѣ малости, есть меньшее. Ты будешь, я думаю, утверждать именно такимъ образомъ, опасаясь, чтобы кто нибудь не указалъ тебѣ на слѣдующее противорѣчіе. Если ты скажешь, что какой нибудь человѣкъ больше или меньше другого головою, то во первыхъ очевидно, что и большее больше и меньшее меньше — тѣмъ же самымъ, а во вторыхъ, что человѣкъ бо̀льшій — больше другого головою, которая мала, а это очевидно составляетъ странность[152], чтобы

кто нибудь былъ большимъ черезъ малость. Не опасался ли бы ты такого возраженія?

Конечно, отвѣчалъ улыбаясь Кебесъ. Точно такимъ же образомъ, продолжалъ Сократъ, не опасался ли бы ты говорить, что десять больше восьми двумя, и что первое число превосходитъ второе именно по этой причинѣ, — а не количествомъ и не черезъ количество, и что все, имѣющее два локтя, превышаетъ одноложтевое половиной, а не величиной? потому что возраженіе въ этомъ случаѣ остается тоже самое.

Конечно такъ, отвѣчалъ Кебесъ.

Что жъ далѣе? Не остерегался ли бы ты говорить, что, если одинъ прибавить къ одному, то прибавленіе составитъ причину образованія двухъ; или, если единицу раздѣлить, то причиной образованія двухъ будетъ раздѣленіе? Не сталъ ли бы ты громко кричать, что ты не знаешь иного способа образованія каждаго единичнаго бытія, кромѣ причащенія его — сущности, свойственной тому классу явленій, къ которому каждое принадлежитъ, и что вслѣдствіе этого ты не имѣешь иной причины образованія двухъ, кромѣ причащенія чего нибудь природы двойственнаго числа, такъ что то, чтò должно сдѣлаться двумя, должно причаститься природы двойственности, а то, что должно сдѣлаться единицей, — пріобщиться природы единичности? Не оставилъ ли бы ты въ покоѣ всѣхъ этихъ раздѣленій, и прибавленій и другихъ подобныхъ утонченностей, предоставивъ людямъ болѣе ученымъ чѣмъ ты дѣлать подобные отвѣты, а самъ, боясь по пословицѣ [153] своей собственной тѣни и своего незнанія, — не держался ли бы указаннаго нами вѣрнаго начала, и не отвѣчалъ ли бы постоянно въ такомъ смыслѣ? Еслижъ бы кто нибудь сталъ нападать на самое начало, [154] — не оставилъ ли бы ты этихъ возраженій безъ вниманія и отвѣта до тѣхъ поръ, пока не разсмотрѣлъ бы всѣхъ послѣдствій, вытекающихъ изъ этого начала, — согласны ли они, по твоему мнѣнію, или не согласны, одно съ другимъ? Когдажъ бы тебѣ нужно было отдать отчетъ въ самомъ началѣ, то не отдалъ ли бы ты его точно такимъ же образомъ, — утверждая опять новое начало, лучшее, по твоему мнѣнію, сравнительно съ прежнимъ, пока наконецъ не пришелъ

бы къ чему нибудь удовлетворительному? И ты конечно не будешь смѣшивать, — какъ поступаютъ люди, любящіе разсуждать за и противъ извѣстной истины [155], — начала и вытекающихъ изъ него послѣдствій, если хочешь постигнуть что нибудь въ бытіи? потому что у этихъ послѣднихъ объ этомъ нѣтъ ни рѣчи, ни заботы. Эти люди, вслѣдствіе своей мудрости, способны смѣшивать рѣшительно все, и при этомъ оставаться довольными сами собою. Если только ты въ самомъ дѣлѣ принадлежишь къ философамъ, ты будешь, я думаю, поступать такъ, какъ я говорю.

Ты говоришь, любезный Сократъ, вещи какъ нельзя болѣе истинныя, сказали вмѣстѣ Симміасъ и Кебесъ.

Эхекратъ. Клянусь Зевесомъ, любезный Федонъ, они были правы; потому что Сократъ доказывалъ предметъ съ удивительной ясностью для каждаго, кто сколько нибудь имѣетъ ума.

Федонъ. Совершенно такъ казалось, любезный Эхекратъ, и всѣмъ присутствовавшимъ.

Эхекратъ. Точно такъ кажется и намъ, хотя насъ тамъ не было, а мы только слушаемъ теперь твой разсказъ.

L. Но что было говорено послѣ этого, Федонъ?

Сколько могу припомнить, послѣ того, когда съ нимъ въ этомъ согласились и признали, что каждая идея есть нѣчто дѣйствительное, и что предметы, причащаясь идей, получаютъ отъ нихъ свое имя, Сократъ предложилъ вопросъ: если ты согласенъ съ тѣмъ, что это дѣйствительно такъ, то не утверждаешь ли ты говоря, что Симміасъ больше Сократа и меньше Федона, — не утверждаешь ли ты, говорю, что въ Симміасѣ находится то и другое, — и великость и малость?

Конечно.

И такъ сказалъ Сократъ, ты долженъ признать, что Симміасъ превосходитъ ростомъ Сократа не такимъ образомъ, какъ обыкновенно въ этомъ случаѣ выражаются; потому что не въ природѣ Симміаса быть бо́льшимъ; онъ больше не потому, что онъ Симміасъ, но величиною, которая случайно выпала ему на долю; равнымъ образомъ, онъ превосходитъ ростомъ Сократа не потому что Сократъ есть Сократъ, но потому что Сократу принадлежитъ малость сравнительно съ его великостью.

Правда.

Точно также и Федонъ въ свою очередь превышаетъ его не тѣмъ, что онъ Федонъ, но тѣмъ, что Федону принадлежитъ великость сравнительно съ малостью Симміаса.

Справедливо.

Такимъ образомъ, Симміасъ носитъ имя и малаго и большого, занимая средину между тѣмъ и другимъ, — представляя малость, которую превосходитъ великость одного, и уступая великость другому, превосходящую его собственную малость. При этомъ улыбнувшись Сократъ продолжалъ: я, кажется, выражаюсь объ этомъ предметѣ съ точностью людей, списывающихъ рукописи [156]; но это дѣйствительно такъ, какъ я говорю.

Тотъ согласился.

Все это я говорю, прибавилъ онъ, съ тѣмъ, чтобы ты думалъ объ этомъ тоже, что думаю я. Для меня очевидно, что не только великость сама въ себѣ не допускаетъ того, чтобы представлять собою и большое и малое, но даже та, которая принадлежитъ намъ, никогда не принимаетъ малости и никогда не можетъ быть превышаема, но — одно изъ двухъ: или великость убѣгаетъ и скрывается, когда къ ней приближается противное ей, — малость, или, когда малость придетъ, то великость перестаетъ существовать; но оставаться, и, принявши въ себя малость, стать чѣмъ нибудь инымъ противъ того, чѣмъ она была, — она не хочетъ. Такимъ образомъ я, какъ скоро принялъ и удержалъ малость, доколѣ остаюсь тѣмъ, чѣмъ я есмь, остаюсь малымъ, а то, что велико, никогда не можетъ представлять собою малаго; равнымъ образомъ малое заключающееся въ насъ, никогда не можетъ сдѣлаться или быть большимъ; точно также ничто другое изъ противуположныхъ, доколѣ только что нибудь остается самимъ собою, не можетъ сдѣлаться и быть въ одно и тоже время противуположнымъ самому себѣ; но, встрѣчая что нибудь себѣ противное, или удаляется или погибаетъ.

Мнѣ представляется рѣшительно такъ, сказалъ Кебесъ.

LI. Кто-то изъ присутствующихъ, — не помню хорошо, кто именно, — выслушавъ это сказалъ: «боги благіе! не согласились ли

мы въ предыдущихъ разсужденіяхъ въ томъ, что совершенно противно высказываемому теперь, — именно, что большее раждается изъ меньшаго, и меньшее изъ большаго, и что противуположныя вообще раждаются только такимъ образомъ, — изъ противуположныхъ же, а теперь, мнѣ кажется, рѣчь ведется въ томъ смыслѣ, что этого никогда не бываетъ».

Сократъ приподнялъ голову, и выслушавъ эту рѣчь, сказалъ: ты кстати [157] вспомнилъ объ этомъ; тѣмъ не менѣе однакожъ ты не понимаешь различія между тѣмъ, что говорится теперь, и что было говорено тогда. Тогда было говорено, что противуположныя родятся изъ противуположныхъ; а теперь мы говоримъ, что противуположное никогда не можетъ сдѣлаться противуположнымъ самому себѣ, — ни то, которое заключается въ насъ, ни противуположное въ природѣ. Тогда, любезный другъ, мы говорили о вещахъ, которыя имѣютъ себѣ противуположныя, называя ихъ именами, заимствованными отъ этихъ противуположныхъ; а теперь мы говоримъ о сущностяхъ, которыя, присутствуя въ вещахъ, сообщаютъ имъ свое имя; потому что о вещахъ этого рода мы никогда не скажемъ, что онѣ получаютъ бытіе одна отъ другой. При этомъ, взглянувши на Кебеса, Сократъ сказалъ: а тебя, любезный Кебесъ, не смутило что нибудь изъ того, что онъ сказалъ?

Нѣтъ, теперь я уже не въ такомъ настроеніи духа, отвѣчалъ Кебесъ, хотя впрочемъ не говорю, чтобы не оставалось еще многаго, что приводитъ меня въ сомнѣніе.

Однакожъ мы признали рѣшительно, сказалъ Сократъ, что противуположное никогда не сдѣлается противуположнымъ самому себѣ.

Совершенно такъ, сказалъ Кебесъ.

LII. Разсмотри также и слѣдующее, сказалъ Сократъ, — не согласишься ли ты со мною? Говоришь ли ты, что теплое и холодное есть нѣчто?

Да.

Разумѣешь ли ты подъ этимъ тоже самое, что̀ мы называемъ снѣгомъ и огнемъ?

О, нѣтъ, клянусь Зевесомъ.

И такъ теплота есть нѣчто иное чѣмъ огонь, а холодъ иное чѣмъ снѣгъ?

Да.

А это, я думаю, ты также признаешь, что снѣгъ, доколѣ онъ остается снѣгомъ, никогда не приметъ теплоты, какъ мы говорили въ предыдущихъ разсужденіяхъ, и оставаясь тѣмъ, чѣмъ онъ есть, то есть снѣгомъ, не сдѣлается вмѣстѣ съ тѣмъ теплымъ, но, при приближеніи къ нему теплоты или удаляется, или погибаетъ?

Конечно.

Равнымъ образомъ и огонь, когда къ нему приближается что нибудь холодное, или скрывается или погибаетъ, и никогда не можетъ, принявши въ себя холодъ, оставаться вмѣстѣ и огнемъ, какъ былъ, и холоднымъ.

Ты говоришь правду, сказалъ Кебесъ.

И такъ, продолжалъ Сократъ, съ нѣкоторыми вещами этого рода бываетъ такимъ образомъ, что не только самая идея всегда удерживаетъ свое имя, но его также удерживаетъ и нѣчто иное, что̀, не будучи самой идеей, представляетъ нѣкоторый видъ или образъ ея, — доколѣ это нѣчто остается самимъ собою. Впрочемъ то, что я говорю, можетъ быть, будетъ яснѣе изъ слѣдующихъ примѣровъ. Всегда ли нечетъ будетъ имѣть то имя, которое мы ему усвояемъ? Не такъ ли?

Конечно.

Только ли онъ одинъ изъ всего вообще? потому что я спрашиваю именно объ этомъ, — или и что нибудь другое, что хотя не есть тоже самое, что нечетъ, однакожъ его необходимо вмѣстѣ съ его собственнымъ называть и этимъ именемъ [158], — вслѣдствіе того, что сама природа такъ установила, что оно никогда не отдѣляется отъ нечета? Я разумѣю подъ этимъ напримѣръ тройственное число и многое другое. Обрати вниманіе на тройственное число. Не находишь ли ты, что его надобно называть и его собственнымъ именемъ и именемъ нечета? а названіе нечета не равносильно названію тройственнаго числа. Между тѣмъ таковы именно по природѣ своей числа — три, пять и всякое другое непарное [159], такъ что, не составляя того же самаго,

что нечетъ, — каждое изъ нихъ всегда будетъ нечетомъ; точно такимъ же образомъ — два, четыре и всякое вообще парное число, хотя и не одно и тоже съ четомъ, однакожъ каждое изъ нихъ всегда будетъ четъ. Согласенъ ли ты съ этимъ, или нѣтъ?

Да какъ же съ этимъ не согласиться? сказалъ Кебесъ.

Теперь обрати вниманіе на то, что я хочу показать: дѣло въ слѣдующемъ. Не трудно замѣтить, что не только эти противуположныя не принимаютъ одно другого, но и тѣ, которыя не будучи взаимно противуположны, всегда однакожъ имѣютъ противуположныя себѣ; и эти послѣднія очевидно не могутъ принимать идеи, противуположной той, которая находится въ нихъ самихъ, но когда она къ нимъ приближается, то они или погибаютъ или удаляются. Не скажемъ ли мы, что число три погибнетъ или испытаетъ что угодно другое, прежде чѣмъ сдѣлается четнымъ числомъ, оставаясь въ тоже время тремя?

Очевидно такъ, сказалъ Кебесъ.

А между тѣмъ, сказалъ Сократъ, два не составляютъ противуположности тремъ.

Конечно нѣтъ.

И такъ, не только прямо противуположныя идеи не принимаютъ одна къ другой, когда одна къ другой приближаются, но и нѣчто другое не выдерживаетъ приближенія себѣ противуположнаго.

Ты говоришь вещи какъ нельзя болѣе истинныя, сказалъ Кебесъ.

LIII. Теперь — хочешь ли, продолжалъ Сократъ, мы опредѣлимъ, если только въ состояніи будемъ это сдѣлать, какія это вещи?

Хорошо, отвѣтилъ тотъ.

Не будутъ ли это, любезный Кебесъ, именно тѣ, которыя, — чтò бы ни заняли, заставляютъ предметъ удерживать не только его собственную идею, но и идею чего нибудь ему противуположнаго [160]?

Какъ это?

Точно такъ, какъ мы сейчасъ говорили. Ты конечно знаешь

что то, въ чемъ проявится идея тройственнаго числа, должно быть не только тремя, но и нечетомъ?

Разумѣется.

Къ такому явленію, говоримъ мы, идея противуположная той, которая его образуетъ, никогда не придетъ?

Нѣтъ.

А его образуетъ идея нечета?

Да.

И этой идеѣ противуположна идея чета?

Да.

И такъ идея чета никогда не выйдетъ въ число три?

Конечно нѣтъ.

Поэтому три непричастно идеѣ чета?

Непричастно.

Слѣдовательно оно нечетное?

Да.

Вотъ это самое я предлагалъ опредѣлить, а именно: какіе предметы, не будучи противуположны чему нибудь другому, не принимаютъ однакожъ самого противуположнаго, какъ напр. въ настоящемъ случаѣ число три, не будучи противуположно четному числу, тѣмъ не менѣе однакожъ не принимаетъ его, потому что оно всегда приводитъ съ собой противуположное ему, — нечетъ, точно такъ, какъ два приводитъ противуположность къ нечету, огонь къ холодному и очень многое другое подобнымъ же образомъ. И такъ смотри, — не опредѣляешь ли ты этого такимъ образомъ, что не только противуположное не принимаетъ противуположнаго, но и то, что приводитъ съ собой противуположное, такъ что никогда приводящее съ собой противное не принимаетъ само противнаго тому, что оно приводитъ. Остановись на этомъ еще разъ, потому что слышать много разъ одно и тоже не дурно: пять никогда не приметъ идеи чета, или десять, — удвоенное число пяти — идеи нечета. Это послѣднее, хотя противуположно не нечету, а чему нибудь другому, не приметъ однако идеи нечета; равнымъ образомъ полуторное число и всѣ другія того же рода, какъ напр. половина, не примутъ идеи цѣлаго — точно также,

какъ треть и всѣ другія подобныя, если ты раздѣляешь въ этомъ случаѣ мое мнѣніе и согласенъ, что это такъ.

Я совершенно согласенъ съ тобою и раздѣляю твое мнѣніе.

LIV. Теперь отвѣчай мнѣ, сказалъ Сократъ, опять сначала, и отвѣчай не тѣми словами, которыя заключаются въ вопросѣ, а другими, подражая мнѣ. Я требую этого, находя, кромѣ того безопаснаго способа отвѣтовъ, который я употреблялъ выше [161], — въ томъ, что было говорено теперь, — другой не менѣе безопасный способъ. Если ты спросишь меня, — присутствіе чего именно дѣлаетъ тѣло наше теплымъ, то я не далъ бы тебѣ хотя и безопаснаго, но слишкомъ простого отвѣта, что это бываетъ тогда, когда въ него входитъ теплота, но, на основаніи того, что сказано теперь, сдѣлалъ бы болѣе утонченный отвѣтъ, что это бываетъ тогда, когда въ него входитъ огонь. Если ты спросишь меня, — какое начало, присутствуя въ тѣлѣ подвергаетъ его болѣзни, я не отвѣчу, что это начало болѣзнь, а — лихорадка. Равнымъ образомъ на вопросъ, — присутствіе чего именно въ числѣ дѣлаетъ его нечетнымъ, я не скажу — нечетъ, а единица, и точно такимъ же образомъ буду разсматривать все другое. Смотри же, достаточно ли ты понялъ чего я хочу.

Совершенно.

Отвѣчай же мнѣ, продолжалъ Сократъ, — присутствіе чего именно въ тѣлѣ дѣлаетъ его живымъ?

Присутствіе души, отвѣтилъ тотъ.

Всегда ли это такъ бываетъ?

Да какъ же иначе? сказалъ Кебесъ.

И такъ душа, что̀ бы она ни заняла, всегда приноситъ жизнь тому, къ чему приходитъ?

Да, она приноситъ съ собой жизнь, отвѣчалъ Кебесъ.

А есть ли что нибудь противуположное жизни, или нѣтъ?

Есть.

Что?

Смерть.

И такъ душа никогда не приметъ противуположнаго тому

что она всегда съ собой приноситъ, какъ мы согласились на основаніи предыдущихъ разсужденій.

Конечно, ни въ какомъ случаѣ, отвѣчалъ Кебесъ.

LV. Ну такъ какъ же? сказалъ Сократъ. Какъ мы называемъ то, что не принимаетъ идеи четнаго числа?

Нечетнымъ, сказалъ Кебесъ.

А то, чтò не принимаетъ справедливаго или музыкальнаго?

Одно мы назовемъ немузыкальнымъ [162], а другое несправедливымъ.

Хорошо, — а то, что не принимаетъ смерти, какъ мы называемъ?

Безсмертнымъ.

Но душа не принимаетъ смерти?

Нѣтъ.

Слѣдовательно, она безсмертна?

Безсмертна.

Хорошо, сказалъ Сократъ. Можемъ ли мы теперь сказать, что это доказано? Или какъ тебѣ кажется?

Доказано вполнѣ удовлетворительно, любезный Сократъ.

Ну, какъ же Кебесъ? продолжалъ Сократъ. Если бы для нечетнаго числа существовала необходимость быть негибнущимъ, — не должно ли быть этимъ самымъ и три?

Да какъ же нѣтъ?

И если бы существовала необходимость, чтобы все, лишенное теплоты, было негибнущимъ, то всякій разъ, когда кто нибудь приблизилъ бы къ снѣгу что нибудь теплое, не удалялся ли бы снѣгъ цѣлымъ и нераспустившимся? потому что онъ не погибъ бы, а равнымъ образомъ и, оставаясь самимъ собою, не принялъ бы въ себя теплоты.

Ты говоришь справедливо, сказалъ Кебесъ.

Точно такимъ же образомъ, если бы все не принимающее холода было негибнущимъ, то — какъ скоро что нибудь холодное приблизилось бы къ огню, онъ не погасалъ бы и не погибалъ, но удалялся бы невредимымъ.

Необходимо такъ, сказалъ Кебесъ.

А не точно ли такимъ же образомъ необходимо, возразилъ

Сократъ, сказать это самое и о безсмертномъ? Если безсмертное есть вмѣстѣ съ тѣмъ непогибающее, то невозможно, чтобы душа погибала, когда къ ней приблизится смерть; потому что она, на основанія сказаннаго, никогда не приметъ смерти и не сдѣлается мертвою, подобно тому какъ, — какъ мы сейчасъ сказали, — три или нечетъ не сдѣлаются четнымъ числомъ, или огонь или теплота, которая заключена въ немъ, не сдѣлаются холоднымъ. Но что мѣшаетъ, возразитъ кто нибудь, чтобы нечетное число, — хотя оно никогда, какъ мы признали, не можетъ сдѣлаться четнымъ черезъ приближеніе къ нему четнаго, — тѣмъ не менѣе однакожъ не погибало при этомъ приближеніи, и чтобы на мѣстѣ его не являлось четное? Если бы кто нибудь сталъ это утверждать, то мы не могли бы спорить съ нимъ, — что нечетное число не погибло, потому что нечетное число не есть нѣчто негибнущее; но если бъ мы признали его такимъ, то легко могли бы доказать, что, при приближеніи четнаго числа, нечетъ и три удаляются; и точно такимъ же образомъ могли бы разсуждать объ огнѣ, о тепломъ и о всемъ остальномъ. Не такъ ли?

Конечно такъ.

А слѣдовательно, точно такимъ же образомъ въ настоящемъ случаѣ и о безсмертномъ. Если мы признаемъ, что все безсмертное есть вмѣстѣ съ тѣмъ негибнущее, то очевидно, что душа при безсмертіи своемъ будетъ также негибнущею; если жъ мы съ этимъ несогласны, — нужно искать другихъ доказательствъ.

Но въ этомъ нѣтъ никакой необходимости, сказалъ Кебесъ; потому что едва-ли что нибудь можетъ быть неразрушимо, если безсмертное и вѣчное способно принимать разрушеніе.

LVI. По крайней мѣрѣ, сказалъ Сократъ, я думаю, что богъ, самая сущность жизни и — если есть еще что нибудь безсмертное, — все это никогда не погибаетъ, какъ это признаютъ всѣ.

Безъ сомнѣнія, клянусь Зевесомъ, отвѣчалъ Кебесъ, это признаютъ всѣ люди, и еще больше, я думаю, боги.

А такъ какъ безсмертное вмѣстѣ съ этимъ неразрушимо, то можетъ ли душа, будучи безсмертною, не быть при этомъ и неразрушимою?

Это совершенно необходимо.

И такъ, когда къ человѣку приходитъ смерть, тогда то́, что въ немъ есть смертнаго, видимымъ образомъ умираетъ, а безсмертное отходитъ цѣлымъ и невредимымъ, уступая мѣсто смерти.

Очевидно.

И такъ, любезный Кебесъ, сказалъ Сократъ, душа преимущественно передъ всѣмъ другимъ безсмертна и неразрушима, и наши души дѣйствительно будутъ существовать въ аидѣ.

Я, по крайней мѣрѣ, любезный Сократъ, ничего не имѣю противъ этого сказать, отвѣчалъ Кебесъ, равно какъ не имѣю основанія не соглашаться съ твоими разсужденіями; но если на это имѣетъ что нибудь возразить нашъ Симміасъ, или кто нибудь другой, то хорошо не молчать объ этомъ, потому что я не знаю, — на какое другое время кромѣ настоящаго можно отложить то, что хотѣлъ бы кто нибудь сказать или услышать объ этомъ предметѣ.

Равнымъ образомъ и я съ своей стороны, сказалъ Симміасъ, не имѣю основаній не соглашаться послѣ всего сказаннаго. Тѣмъ не менѣе однакожъ, принимая во вниманіе важность предмета, о которомъ мы разсуждаемъ, равно какъ и сознавая человѣческую слабость [163], я вынужденъ хранить въ душѣ нѣкоторое недовѣріе къ предыдущимъ разсужденіямъ.

Не только должно, любезный Симміасъ, сказалъ Сократъ, какъ ты справедливо замѣтилъ, но и первыя основанія, — какъ бы они ни представлялись вамъ вѣрными, — нужно изслѣдовать болѣе тщательнымъ образомъ; и когда вы ихъ достаточно изслѣдуете, тогда, какъ мнѣ кажется, будете держаться изложеннаго нами доказательства на столько твердо, на сколько только человѣку возможно понимать подобныя вещи; и какъ скоро это сдѣлается вамъ ясно, вы уже не будете ничего больше искать.

Ты говоришь истину, сказалъ Кебесъ.

LVII. И такъ, друзья мои, нужно подумать о томъ, что если душа безсмертна, то она должна составлять предметъ заботы не только по отношенію къ тому времени, которое мы

называемъ жизнью, но и ко всему вообще, и, быть можетъ, окажется, что опасность, если кто этой заботой станетъ пренебрегать, чрезвычайно велика. Если бы смерть была прекращеніемъ всякаго бытія [164], то для людей злыхъ было бы находкой, умирая, освобождаться въ одно и тоже время отъ тѣла, отъ души и отъ своей порочности; но такъ какъ душа безсмертна, то для нея нѣтъ другого спасенія отъ золъ, какъ только сдѣлаться возможно болѣе лучшей и мудрой; потому что она переходитъ въ аидъ, не унося съ собой ничего, кромѣ своего направленія и пріобрѣтенныхъ навыковъ; а то и другое, какъ говорятъ, приноситъ мертвому величайшую пользу или вредъ при самомъ началѣ схожденія его въ аидъ. Говорятъ объ этомъ предметѣ такъ. Каждый умершій отводится тѣмъ демономъ, на попеченіи котораго онъ находился въ теченіе жизни [165], въ извѣстное мѣсто, откуда, всѣ собравшіяся тамъ души, подвергшись предварительно суду, отправляются въ аидъ вмѣстѣ съ вождемъ, которому поручено провожать туда уходящихъ отсюда. Послѣ того, какъ онѣ получатъ тамъ то, что должны получить, и отбудутъ урочное время, другой вождь опять приводитъ ихъ въ этотъ міръ, послѣ многихъ и длинныхъ періодовъ времени. А путь этотъ не таковъ, какимъ описываетъ его Телефъ у Эсхила [166]: онъ говоритъ, что къ аду ведетъ прямая дорога, а мнѣ кажется, что дорога и не прямая и не одна; потому что иначе не было бы нужды въ вождяхъ, такъ какъ заблудиться гдѣ нибудь было бы невозможно, если бы она была одна; но, кажется, что она имѣетъ много раздѣленій и поворотовъ, какъ я догадываюсь объ этомъ изъ нашихъ религіозныхъ таинствъ и похоронныхъ обрядовъ. Душа благонравная и мудрая слѣдуетъ за вождемъ, не оставаясь въ неизвѣстности относительно настоящаго своего положенія [167]; а та, которая, какъ я прежде сказалъ, страстно привязана къ тѣлу, долгое время витаетъ вокругъ него и могильнаго кургана; и только послѣ долгаго сопротивленія и страданій идетъ, увлекаемая насильно и съ трудомъ назначеннымъ для этого демономъ. Когда же она приходитъ туда, гдѣ находятся другія души, то души, неочищенной и совершавшей что нибудь такое, какъ несправедливыя

убійства или подобныя, сродныя этимъ дѣла и сродныя подобнымъ душамъ — этой души всѣ избѣгаютъ и отвращаются, и ни одна не хочетъ быть ни ея спутникомъ ни вождемъ. Тогда она начинаетъ блуждать, испытывая всевозможныя бѣдствія, пока исполнятся опредѣленные періоды времени, по прошествіи которыхъ она насильно отводится въ приличное ей жилище. А душа, которая провела жизнь въ чистотѣ и воздержаніи, получивъ спутниками и руководителями боговъ, поступаетъ въ то жилище, которое ей прилично.

LVIII. На землѣ есть много удивительныхъ мѣстъ, да и сама она вовсе не такова и по виду и по величинѣ, какою изображаютъ ее тѣ, которые обыкновенно о ней разсуждаютъ [168], какъ меня убѣдилъ въ этомъ одинъ человѣкъ.

Какъ же ты думаешь объ этомъ, Сократъ? спросилъ Симміасъ. Я самъ много слышалъ о землѣ, но это не то, въ чемъ убѣжденъ ты; поэтому я съ удовольствіемъ бы послушалъ твой разсказъ.

Любезный Симміасъ, для того чтобы объ этомъ разсказать, — мнѣ кажется не нужно искусства Главка [169]; но доказать, что это дѣйствительно такъ, — это мнѣ представляется дѣломъ такой трудности, которая превышаетъ искусство самого Главка; и можетъ быть у меня не достало бы для этого силъ; а если бы я и въ состояніи былъ это сдѣлать, — остающееся мнѣ время жизни, Симміасъ, недостаточно для продолжительной бесѣды. Тѣмъ не менѣе однакожъ мнѣ ничто не мѣшаетъ разсказать о видѣ земли, такъ какъ я ее представляю, и разныхъ ея мѣстностяхъ.

Этого будетъ достаточно, сказалъ Симміасъ.

И такъ, я прежде всего убѣжденъ въ томъ, началъ Сократъ, что если земля находится посреди небесъ [170] и представляетъ сферическую форму, то она не имѣетъ нужды ни въ воздухѣ, ни въ какой нибудь другой подобной подпорѣ, для того чтобы не упасть; но что для поддержанія ея достаточно одинаковаго со всѣхъ сторонъ свойства неба и равновѣсія самой земли; потому что каждое тѣло, находящееся въ равновѣсіи, будучи заключено среди другого, имѣющаго тоже

свойство, не будетъ наклоняться ни въ ту ни въ другую сторону, но будетъ при подобномъ положеніи неподвижно. Вотъ въ чемъ я убѣжденъ прежде всего, сказалъ Сократъ.

И справедливо, отвѣчалъ Симміасъ.

Сверхъ того я думаю, что земля чрезвычайно велика, и что мы населяемъ извѣстную небольшую ея часть отъ фазиса до геркулесовыхъ столбовъ [171], расположившись вкругъ моря, какъ муравьи или лягушки вокругъ болота, и что многіе другіе живутъ во многихъ другихъ подобныхъ же мѣстахъ; потому что на поверхности земли, кругомъ по всему ея пространству, есть много впадинъ различныхъ видовъ и величины, въ которыя собираются вода, туманы и воздухъ. Настоящая же земля лежитъ чистая подъ чистыми небесами, на которыхъ находятся свѣтила, называемыя многими разсуждающими объ этихъ предметахъ — эѳиромъ; а элементы, постоянно стекающіе въ земныя впадины, составляютъ основу, на которой покоится эѳиръ. И такъ, мы живемъ въ углубленіяхъ земли, сами этого не зная, и думаемъ, что мы населяемъ ея возвышенности, подобно тому какъ если бы кто, живя въ глубинѣ морской бездны, думалъ, что онъ живетъ на поверхности моря, и, созерцая сквозь водяную влагу солнце и другія свѣтила, воображалъ бы, что море есть небо; никогда же не поднимавшись по причинѣ тяжести и слабости своей на поверхность моря, и никогда не поднимавъ головы изъ глубины волнъ, не видѣлъ бы, — насколько мѣста, занимаемыя нами, чище и прекраснѣе тѣхъ, которыя занимаетъ онъ, а равно и не слышалъ бы объ этомъ отъ кого нибудь, кто бы все это видѣлъ. Въ такомъ точно положеніи находимся и мы, потому что, обитая въ одномъ изъ углубленій земли, думаемъ, что населяемъ ея поверхность, и называемъ воздухъ небомъ, какъ будто бы свѣтила, совершающія свое теченіе въ небесномъ пространствѣ, составляли настоящее небо; а это значитъ то, что мы, по причинѣ нашей слабости и тяжести, не въ состояніи подняться на оконечную высоту воздушнаго пространства. Если жъ бы кто нибудь взошелъ на вершину его, или могъ подняться туда съ помощію крыльевъ, и увидѣлъ бы, вынырнувъ отсюда, то, что находится тамъ, подобно тому какъ

рыбы, вынырнувъ изъ морской глубины, видятъ то, что находится здѣсь — у насъ, и если бы это былъ человѣкъ по натурѣ способный къ продолжительному созерцанію, — онъ узналъ бы, что тамъ находится истинное небо, истинный свѣтъ и настоящая земля; потому что наша земля, — эти камни и вся здѣшняя мѣстность повреждены и изъѣдены, подобно тому какъ повреждено и изъѣдено морскою солью все, находящееся въ морѣ. На днѣ морскомъ нѣтъ ничего цѣннаго, однимъ словомъ, ничего совершеннаго: тамъ пещеры, песокъ, глубокая грязь и нечистота всюду, гдѣ только есть земля, такъ что все это не идетъ ни въ какое сравненіе съ красотами нашихъ мѣстъ. А то, что находится надъ нами оказалось бы въ свою очередь далеко прекраснѣе того, что находится у насъ. Если объ этомъ предметѣ нужно сообщить вамъ прекрасное сказаніе, то стоитъ внимательно выслушать, другъ Симміасъ, каковы предметы, находящіеся на возвышеніи земли, подъ небесами.

Мы съ удовольствіемъ бы выслушали этотъ разсказъ, любезный Сократъ, отвѣчалъ Симміасъ.

LIX. И такъ, прежде всего, другъ мой, говорятъ что настоящая земля, если бы кто нибудь взглянулъ на нее сверху, по виду такова, какъ шары изъ двѣнадцати кожъ, — пестрая, разцвѣченная разными цвѣтами, — первообразомъ тѣхъ, которые употребляютъ живописцы. Вся земля состоитъ тамъ изъ подобныхъ цвѣтовъ, и притомъ гораздо болѣе блестящихъ и чистыхъ, чѣмъ наши. Въ одномъ мѣстѣ она имѣетъ видъ пурпура удивительной красоты, въ другомъ цвѣтъ золота, въ иномъ — бѣлѣе гипса или снѣга; точно также представляетъ она другіе цвѣта, и притомъ гораздо разнообразнѣе и прекраснѣе тѣхъ, которые мы когда нибудь видѣли. Да и эти самыя низменности ея, будучи наполнены водою и воздухомъ, представляютъ свои цвѣта, блистающіе въ разнообразіи другихъ, такъ что видъ ея есть одно непрерывное ихъ измѣненіе. При такомъ видѣ этой земли, на ней произрастаютъ въ подобномъ же соотношеніи между собой растенія, — деревья, цвѣты и плоды; ея горы и камни представляютъ точно такимъ же образомъ, въ томъ же самомъ соотношеніи, блескъ [172], прозрачность и восхитительные цвѣта; наши

камни, такъ высоко цѣнимые у насъ,—сердолики, яшмы, изумруды и другіе подобные суть только ихъ малыя частицы; а тамъ нѣтъ ничего, что не было бы точно такое же, и даже еще прекраснѣе. Причина этому та, что тамошніе камни чисты, не изъѣдены и не повреждены какъ наши гнилыми осадками, морскою солью и всѣмъ другимъ, что стекаетъ въ наши низменности и причиняетъ обезображеніе и болѣзни камнямъ, землѣ, животнымъ и растеніямъ [173]. Настоящая же земля украшена всѣми этими драгоцѣнными камнями и сверхъ того золотомъ, серебромъ и всѣмъ другимъ подобнымъ: тамъ всѣ эти драгоцѣнные камни лежатъ на открытыхъ мѣстахъ, разсѣянные въ огромномъ количествѣ и огромными массами по всему ея пространству, такъ что созерцаніе этой земли составляетъ блаженство блаженныхъ душъ. На землѣ этой находится много различныхъ родовъ животныхъ и много людей, изъ которыхъ одни занимаютъ ея средину, другіе живутъ вокругъ предѣловъ воздушнаго пространства, какъ мы вкругъ моря, иные на островахъ, окружаемыхъ воздухомъ, близь твердой земли; однимъ словомъ, что у насъ вода и море относительно нашихъ нуждъ, то тамъ воздухъ, а что̀ для насъ воздухъ, то для нихъ — эѳиръ. Ихъ времена года отличаются такимъ благорастворенiемъ, что они не знаютъ болѣзней, и живутъ гораздо долѣе чѣмъ живущіе здѣсь; и зрѣніемъ, и слухомъ, и способностями ума [174] и всѣмъ другимъ подобнымъ превосходятъ насъ въ той же степени, въ какой воздухъ превосходитъ чистотой воду, а эѳиръ — воздухъ. У нихъ есть священныя рощи и храмы боговъ [175], въ которыхъ дѣйствительнымъ образомъ присутствуютъ боги, такъ что люди получаютъ отъ нихъ отвѣты и откровенія, видятъ ихъ чувственнымъ образомъ и имѣютъ другія подобныя сообщенія съ ними. Солнце, луну и звѣзды люди видятъ тамъ такими, каковы они въ самой дѣйствительности, и блаженство ихъ въ другихъ отношеніяхъ сообразно этому.

LX. Вся земля дѣйствительно такова по своей природѣ, равно какъ и мѣстности вокругъ земли, потому что на всемъ ея протяженіи, кругомъ по ея впадинамъ, есть много мѣстностей, — днѣ болѣе углубленныя и открытыя, чѣмъ тѣ, на которыхъ

мы живемъ; другія болѣе углубленныя, но менѣе открытыя, чѣмъ наша мѣстность; а есть такія, которыя менѣе глубоки сравнительно съ нашей, но болѣе обширны. Всѣ эти мѣста прорѣзаны во многихъ мѣстахъ подъ землей соединяющими ихъ одно съ другимъ узкими и широкими отверзтіями, и имѣютъ проходы, черезъ которые льется изъ одного мѣста въ другое, какъ будто бы въ жерла огромная масса воды, и несчетное множество неизсякающихъ ключей съ горячей и холодной водой, много огня и большія огненныя рѣки, много рѣкъ жидкой грязи, изъ которыхъ однѣ чище, а другія грязнѣе, наподобіе того какъ текутъ въ Сициліи [176] грязные ручьи впереди потока лавы, и какъ самый потокъ лавы. Изъ этихъ потоковъ наполняется каждая порознь мѣстность, смотря потому, какой поворотъ принимаетъ каждый разъ тотъ или другой потокъ; и всѣ они движутся вверхъ и внизъ, какъ будто бы въ самой землѣ заключалось нѣкоторое равномѣрное колебаніе. Это колебаніе происходитъ отъ слѣдующей естественной причины. Одно изъ отверзтій земли чрезвычайно обширно, и идетъ непрерывно черезъ всю землю. Это самое отверзтіе разумѣетъ Гомеръ [177], когда говоритъ:

Въ даль необъятную, гдѣ подъ землей глубочайшая бездна,

которую и онъ самъ въ другомъ мѣстѣ и многіе другіе поэты называютъ тартаромъ. Въ эту бездну стекаются всѣ рѣки и изъ нея же всѣ вытекаютъ опять, при чемъ каждая становится такой или другой, смотря потому, какія она проходитъ земли. А причина, почему всѣ потоки вытекаютъ отсюда и текутъ сюда опять, та, что влага не имѣетъ ни дна, ни основанія [178]; она держится въ висячемъ положеніи, и кипитъ волнами вверхъ и внизъ, а воздухъ и вѣтеръ вкругъ нея дѣлаютъ тоже самое; потому что они слѣдуютъ за ней и тогда, когда она устремляется къ тѣмъ, и когда къ этимъ странамъ земли. Подобно тому какъ, при дыханіи воздухъ постоянно выдыхается и вдыхается, такъ тамъ — поднимаемое движеніемъ волны сотрясеніе воздуха производитъ страшные, неизобразимые вихри, и въ то время когда онъ входитъ и когда выходитъ. И такъ, когда вода поднявшись устремится на то мѣсто, которое мы называемъ низшимъ, то, протекая сквозь землю, впадаетъ въ нахо-

дящіяся тамъ рѣки и наполняетъ ихъ наподобіе того, какъ дѣлаютъ люди качающіе воду [179]. Когда же она, покинувъ тѣ мѣста, устремляется къ намъ, — она снова наполняетъ наши потоки; а эти послѣдніе, наполнившись, уходятъ опять сквозь землю, разливаются по разнымъ проходамъ, и достигая того мѣста, куда каждый проложитъ себѣ путь, — образуютъ моря, озера, рѣки и источники. Уходя отсюда снова сквозь землю и протекая пространства, — одни большія по числу и протяженію а другіе меньшія и кратчайшія, изливаются въ тартаръ, — одни гораздо ниже того мѣста, гдѣ наполняются, а другіе — немного ниже, но всѣ вообще впадаютъ ниже своего истока; при этомъ нѣкоторые впадаютъ насупротивъ той стороны, откуда берутъ начало, а другіе — съ той же самой. Есть и такіе, которые описываютъ въ движеніи своемъ полный кругъ, обвиваясь однажды или много разъ вокругъ земли какъ змѣи, и, — какъ скоро достигнутъ возможно большей низменности, — низвергаются въ тартаръ. Но каждое изъ такихъ теченій можетъ спускаться только до средины, а не далѣе; потому что съ этого мѣста каждое въ теченіи своемъ уже восходитъ.

LXI. Есть и многія другія обширныя и разнообразныя теченія, и въ числѣ этихъ многихъ — четыре извѣстныхъ [180], изъ которыхъ самое большее, обтекающее землю кругомъ, между ея крайними предѣлами, есть такъ называемый Океанъ. Насупротивъ его и въ противуположномъ направленіи течетъ Ахеронъ, который, проходя пустынныя мѣста и по временамъ скрываясь подъ землю, изливается въ ахерузійское озеро, — куда сходятъ души большей части умершихъ, и откуда онѣ, пробывъ тамъ опредѣленные періоды времени, — однѣ болѣе, а другія менѣе продолжительные, — высылаются снова въ поколѣнія живыхъ. Третья рѣка принимаетъ начало посрединѣ этихъ двухъ теченій. Протекая неподалеку отъ истока обширную мѣстность, пылающую сильнымъ огнемъ, она образуетъ озеро, превосходящее величиной наше море и кипящее водою и грязью; отсюда она течетъ, извиваясь кругами, бурная и грязная, и обтекая землю кругомъ, достигаетъ береговъ ахерузійскаго озера; но не смѣшивается съ его водами, а, поворотивъ много разъ подъ землей, впадаетъ

въ самой низменной части тартара. Это — та самая рѣка, которую называютъ пирифлегетономъ, и которой кипящіе ручьи выбрасываютъ изверженія на землю всюду, гдѣ только могутъ найти проходъ. Насупротивъ нея падаетъ четвертая рѣка, протекая въ страшномъ и пустынномъ мѣстѣ, которое, какъ говорятъ, все голубого цвѣта и которое называютъ стигійскимъ, а озеро, образуемое изліяніемъ рѣки — стиксомъ. Излившись сюда, и почерпнувъ въ водахъ его страшныя силы и скрывшись потомъ подъ землею, она продолжаетъ теченіе, извиваясь кругами насупротивъ пирифлегетона, и встрѣчаетъ его въ ахерузійскомъ озерѣ съ противуположной стороны. И этой рѣки вода не смѣшивается ни съ какою другою; и эта рѣка, извиваясь въ теченіи своемъ кругомъ, впадаетъ въ тартаръ насупротивъ пирифлегетона. Имя этой рѣки, какъ говорятъ поэты, — Коцитъ.

LXII. При такомъ устройствѣ царства тѣней, умершіе, какъ скоро каждый достигнетъ мѣста, куда его ведетъ демонъ, прежде всего подвергаются суду, — какъ тѣ, которые вели добрую и благочестивую жизнь, такъ и тѣ, которые жили иначе. Люди же, которыхъ жизнь будетъ признана за нѣчто среднее, отправившись къ Ахерону и взошедши на приготовленныя для нихъ ладьи, приплываютъ на нихъ къ озеру, и остаются тамъ жить. Какъ скоро онѣ очистятся и понесутъ наказаніе за преступленія, — если которая нибудь душа совершала ихъ, — освобождаются, а за добрыя дѣла получаютъ награды, — каждая по заслугѣ. Тѣже души, которыя по великости преступленій будутъ признаны неисцѣлимыми, какъ наприм. совершившія многія и притомъ важныя святотатства, или многочисленныя несправедливыя и противузаконныя убійства, или что нибудь другое подобное, — всѣ подобныя души приличествующая имъ судьба повергаетъ въ тартаръ, откуда онѣ никогда не выходятъ. А души, которыхъ преступленія, хотя и будутъ признаны загладимыми, но важными, какъ наприм. тѣ, которыя въ гнѣвѣ совершили какое нибудь насиліе противъ отца или матери и проводили остальную жизнь въ раскаяніи, или же тѣ, которые сдѣлались человѣкоубійцами какимъ нибудь другимъ подобнымъ образомъ, — эти души, хотя понеобходимости попадаютъ въ тартаръ, но, попавши туда и

пробывши тамъ годъ, выбрасываются волной, — человѣкоубійцы въ Коцитъ, а отцеубійцы и матереубійцы въ пирифлегетонъ. Какъ скоро онѣ, уносимыя теченіемъ, достигнутъ ахерузійскаго озера, то начинаютъ кричать и зовутъ по имени, — убійцы тѣхъ, которыхъ они убили, а обидчики обиженныхъ ими, и призывая просятъ и умоляютъ позволить имъ войти въ озеро, и принять ихъ; если убѣдятъ — входятъ и освобождаются отъ страданій; а если нѣтъ — уносятся обратно въ тартаръ, а оттуда опять въ тѣ же самыя рѣки, и это не прекращается для нихъ до тѣхъ поръ, пока онѣ не упросятъ обиженныхъ ими; потому что такое наказаніе наложено на эти души судьями. Души, которыя окажутся проводившими преимущественно передъ другими благочестивую жизнь, — это тѣ, которыя, освободившись и избавившись отъ мѣстностей, на которыхъ живемъ мы, какъ будто бы изъ темницъ, возносятся въ чистое жилище — на высоту, и живутъ на дѣйствительной, настоящей землѣ. Между ними души, достаточно очистившія себя съ помощію философіи, будутъ жить во все послѣдующее время совершенно безъ тѣлъ, и войдутъ въ жилища, еще болѣе прекрасныя чѣмъ эти, — которыя не легко описать, и для чего при настоящихъ обстоятельствахъ у насъ нѣтъ достаточно времени.

LXIII. Имѣя въ виду то, что мы представили, любезный Симміасъ, надобно употреблять всѣ старанія, чтобы усвоить себѣ въ жизни настоящей добродѣтель и мудрость: награда за подвигъ прекрасна и надежда на нее велика!

Утверждать что все это дѣйствительно такъ, какъ я описалъ, неприлично человѣку здравомыслящему; тѣмъ не менѣе однакожъ надобно принять или это или нѣчто подобное относительно нашихъ душъ и ихъ жилищъ. Такъ какъ душа дѣйствительно безсмертна, то разсуждать о ней подобнымъ образомъ мнѣ представляется и приличнымъ, и такому разсужденію можно рисковать довѣриться; потому что самый рискъ въ этомъ случаѣ прекрасенъ, и нужно напѣвать самому себѣ такія волшебныя пѣсни. Поэтому-то я и продлилъ свой разсказъ. И такъ, въ силу этого долженъ имѣть твердую надежду за свою душу тотъ человѣкъ, который въ теченіе жизни пренебрегалъ удо-

вольствіями и украшеніями тѣла, какъ чуждымъ душѣ и въ томъ убѣжденіи, что все это скорѣе приноситъ ей вредъ чѣмъ пользу, который заботился о пріобрѣтеніи знаній и украшавши душу не чуждымъ, но собственно ей свойственнымъ украшеніемъ, — воздержаніемъ, справедливостью, мужествомъ, свободой и истиной ожидаетъ въ такомъ душевномъ настроеніи сошествія въ аидъ, какъ готовый сойти туда, когда позоветъ его судьба. И вы, продолжалъ онъ, друзья мои Симміасъ и Кебесъ, какъ и прочіе, сойдете туда когда нибудь, — каждый въ свое время. Меня же судьба уже зоветъ, сказалъ бы трагическій поэтъ, и мнѣ уже почти пора приступить къ омовенію; потому что мнѣ представляется лучше выпить ядъ, напередъ вымывшись, и не безпокоить женщинъ омовеніемъ мертваго тѣла.

LXIV. Когда онъ это сказалъ, Критонъ отвѣчалъ: «добро, Сократъ! что же ты приказываешь[181] имъ или мнѣ относительно ли дѣтей или чего нибудь другого, исполненіемъ чего мы могли бы оказать тебѣ наиболѣе пріятную для тебя услугу?»

То, что я всегда говорилъ, любезный Критонъ, отвѣчалъ Сократъ: ничего новаго — именно то, что вы, заботясь о себѣ, сдѣлаете услугу и мнѣ и моимъ близкимъ и себѣ самимъ, хотя бы теперь вы этого не обѣщали. Если же вы не будете заботиться о себѣ и не станете жить, придерживаясь какъ стези и того, что сказано нами теперь, и того, что было говорено въ прежнее время, то, хотя бы вы въ настоящее время обѣщали мнѣ много и рѣшительно, — это ни къ чему не послужитъ.

Мы постараемся поступать именно такъ, сказалъ Критонъ; но какъ мы тебя похоронимъ?

Какъ вамъ будетъ угодно, отвѣтилъ онъ, — если только вы овладѣете мной, и я не ускользну отъ васъ. При этомъ тихо улыбнувшись и окинувъ насъ взоромъ, онъ сказалъ: «я никакъ не могу, друзья мои, убѣдить Критона въ томъ, что Сократъ, это — я, человѣкъ, въ настоящее время бесѣдующій съ вами и дающій правильное теченіе каждой части нашего разсужденія. Онъ думаетъ, что тотъ, кого онъ черезъ нѣсколько времени увидитъ мертвымъ, буду я, и спрашиваетъ: какъ меня похо-

ронить [182]? А то, о чемъ я давно уже веду долгую рѣчь, именно, что я не останусь съ вами, послѣ того когда выпью ядъ, но отправлюсь, отошедши въ жилища блаженныхъ, это, кажется, я безполезно ему доказывалъ, утѣшая только васъ и себя. Поручитесь же за меня [183], сказалъ Сократъ, передъ Критономъ; но въ смыслѣ противномъ тому, какъ онъ самъ ручался за меня передъ судьями. Онъ ручался, что я останусь, а вы поручитесь, что я не останусь, послѣ того когда умру; но отправлюсь въ путь, — поручитесь для того, чтобы Критонъ легче могъ это перенести, и когда увидитъ тѣло мое сожигаемымъ или погребаемымъ, не скорбѣлъ бы за меня душой, точно претерпѣвающаго какое-то страшное зло. Пусть онъ не говоритъ на похоронахъ, что онъ полагаетъ Сократа, что онъ его выноситъ или погребаетъ его! Будь увѣренъ, мой добрый Критонъ, прибавилъ Сократъ, что выражаться неточно не только дурно само по себѣ, но и приноситъ нѣкоторый вредъ душамъ. Нужно имѣть въ этомъ случаѣ мужество и говорить, что ты погребаешь мое тѣло: похорони же его такъ, какъ тебѣ будетъ угодно, и какъ ты найдешь наиболѣе сообразнымъ съ законами.

LXV. Сказавши это, онъ всталъ и ушелъ въ другую комнату, чтобы совершить омовеніе; Критонъ послѣдовалъ за нимъ, а намъ онъ приказалъ остаться. Мы остались, и начали бесѣдовать о томъ, что было говорено, провѣряя опять сказанное, и снова разсуждая о нашемъ несчастіи, — какъ оно было для насъ велико. Мы искренно были увѣрены, что подобно тѣмъ, которые потеряли отца, мы будемъ проводить сиротами нашу остальную жизнь. Когда Сократъ окончилъ омовеніе и къ нему были приведены его дѣти, — у него было два сына маленькихъ и одинъ взрослый, — и когда вошли принадлежавшія къ его дому женщины [184], онъ, поговоривши съ ними въ присутствіи Критона и приказавши то, что хотѣлъ приказать, выслалъ женщинъ и дѣтей, а самъ возвратился къ намъ. Уже было близко къ солнечному закату, потому что онъ долго пробылъ во внутренней комнатѣ. Пришедши по окончаніи омовенія, Сократъ сѣлъ и послѣ этого немного уже говорилъ. Тогда вошелъ служитель одиннадцати судей и подошедши къ нему сказалъ: «Со-

кратъ! мнѣ конечно не придется сдѣлать тебѣ того упрека, какой я дѣлаю другимъ, за то что они раздражаются и осыпаютъ меня проклятіями, когда я по распоряженію одиннадцати объявляю имъ приказаніе пить ядъ. Въ теченіе всего этого времени я видѣлъ въ тебѣ, при всѣхъ другихъ случаяхъ, человѣка самаго благороднаго, самаго кроткаго и лучшаго изъ всѣхъ, которые когда нибудь сюда входили, и потому я хорошо знаю, что и теперь ты на меня не сердишься, — потому что ты знаешь виновниковъ твоего несчастія, — а на нихъ. Теперь, такъ какъ тебѣ извѣстно, какую вѣсть я пришелъ тебѣ объявить, — прощай, и старайся какъ можно легче перенести то, что неизбѣжно.» При этихъ словахъ залившись слезами, онъ отвернулся въ сторону и вышелъ.

Сократъ, проводивъ его глазами, сказалъ: «и ты прощай; мы сдѣлаемъ такъ, какъ ты совѣтуешь.» И обратившись къ намъ прибавилъ: какой добрый человѣкъ: во все время моего пребыванія здѣсь онъ навѣщалъ меня и иногда бесѣдовалъ со мной, обнаруживая при этомъ въ себѣ одного изъ лучшихъ людей; и теперь какъ благородно онъ меня оплакиваетъ! Ну, Критонъ, послѣдуемъ же его совѣту; пусть мнѣ принесутъ ядъ, если онъ приготовленъ, а если нѣтъ,—пусть человѣкъ приготовитъ.

Но я думаю, любезный Сократъ, возразилъ Критонъ, что солнце стоитъ надъ горами и не зашло еще; да сверхъ того я знаю, что другіе принимаютъ ядъ очень поздно послѣ того, когда имъ прикажутъ; а пиршествуютъ и пьютъ сколько угодно; а нѣкоторые наслаждаются даже удовольствіями любви съ предметами своей привязанности; и такъ не спѣши: у тебя еще есть время.

Сократъ возразилъ на это: тѣ, о которыхъ ты говоришь, любезный Критонъ, имѣютъ свое основаніе дѣлать подобнымъ образомъ; они думаютъ, что поступая такъ, они выигрываютъ; но я имѣю свое основаніе, почему такъ не сдѣлаю; я думаю что, выпивши ядъ немного позже, я не выиграю ничего, кромѣ того что сдѣлаюсь смѣшенъ самому себѣ, — желая такъ пламенно жить и сберегая то, чего уже нѣтъ. И такъ поди, сказалъ Сократъ, слушайся и не противься.

LXVI. Критонъ, выслушавъ это, сдѣлалъ знакъ мальчику, который подлѣ стоялъ. Мальчикъ вышелъ, и, промедливъ долгое время, возвратился, ведя съ собой человѣка, который долженъ былъ дать ядъ, принесенный имъ приготовленнымъ въ чашѣ. Сократъ, увидѣвъ вошедшаго человѣка, сказалъ: хорошо, мой добрый другъ; такъ какъ тебѣ эти вещи знакомы, — научи меня, что̀ я долженъ дѣлать?

Ничего другого, отвѣтилъ тотъ, какъ выпивши ходить, пока у тебя не явится тяжесть въ ногахъ, потомъ лечь; такимъ образомъ ядъ самъ собою сдѣлаетъ свое. Съ этими словами онъ подалъ Сократу чашу. Сократъ, принявши ее съ веселымъ видомъ, любезный Эхекратъ, безтрепетно, не измѣнясь ни въ лицѣ ни во взорѣ, но взглянувъ, по своему обычаю пристально[185] на тюремщика, спросилъ: что ты думаешь относительно возліянія изъ этого питья въ честь какого нибудь божества: можно или нѣтъ?

Мы приготовили, Сократъ, столько, отвѣтилъ тотъ, сколько считали необходимымъ принять.

Понимаю, сказалъ Сократъ; но конечно и позволительно и должно помолиться богамъ о томъ, чтобы переселеніе мое отсюда туда совершилось благополучно; объ этомъ именно я молюсь, и, — о если бы это было такъ! При этомъ онъ поднесъ къ устамъ чашу, и выпилъ ее легко и спокойно. До этой поры многіе изъ насъ могли еще удерживаться отъ слезъ; но когда мы увидѣли, что онъ пьетъ и уже выпилъ, то долѣе были не въ силахъ; у меня самого невольно ручьемъ полились слезы; закутавъ голову въ плащъ я плакалъ о себѣ самомъ: не его оплакивалъ я, а свое собственное несчастіе, лишаясь въ немъ такого друга. Критонъ, еще прежде меня не могши удержаться отъ слезъ, вышелъ. Аполлодоръ и прежде не переставалъ плакать, а тогда зарыдалъ и своими воплями и криками потрясъ души всѣхъ присутствующихъ, кромѣ души Сократа: что вы дѣлаете, чудные вы люди! сказалъ онъ. Я именно главнымъ образомъ по этой причинѣ и выслалъ женщинъ, чтобы онѣ не сдѣлали чего нибудь подобнаго: я слышалъ, что умирать нужно съ добрыми предзнаменованіями[186]. И такъ успокойтесь, и сохраните мужество.

Услышавъ это, мы устыдились, и удержали слезы. А онъ походивши и сказавъ, что у него тяжелѣютъ ноги, легъ на спину, потому что такое наставленіе далъ ему тюремщикъ. Тогда, человѣкъ, давшій ему ядъ, притрогиваясь къ нему отъ времени до времени, пробовалъ его ноги и голени; потомъ, сильно сжавъ ему одну ногу, спросилъ: чувствуетъ ли онъ это? Сократъ отвѣчалъ — нѣтъ. Потомъ тоже самое сдѣлалъ съ бедрами, и такимъ образомъ восходя выше, показалъ намъ, что онъ уже холодѣлъ и коченѣлъ. И самъ онъ также пробовалъ свое тѣло и сказалъ, что, какъ скоро ядъ достигнетъ до сердца, онъ отойдетъ. Холодъ почти уже коснулся нижней части живота [187], когда онъ, раскрывшись, — потому что онъ былъ накрытъ [188], — сказалъ свои послѣднія слова: «Критонъ, мы должны пѣтуха Асклепію [189]; исполните и не пренебрегите этимъ.»

«Будетъ исполнено», отвѣчалъ Критонъ, «но не имѣешь ли ты еще чего нибудь сказать?»

На этотъ вопросъ Сократъ уже ничего не отвѣтилъ, а спустя немного времени вытянулся въ судорожномъ движеніи; тогда человѣкъ раскрылъ его; взоръ его уже былъ неподвиженъ. Замѣтивъ это, Критонъ смежилъ ему уста и глаза.

LXVII. Таковъ былъ, любезный Эхекратъ, конецъ нашего друга, — человѣка, какъ мы прямо можемъ сказать, лучшаго изъ всѣхъ, какихъ мы знали въ его время, и вообще самаго мудраго и справедливаго изъ людей [190].

ПРИМѢЧАНІЯ.

1. αὐτός ὦ Ἐχέκρατες. См. Виттенбаха, Plat. Phaed. ed. 1825, p. 121 и Шмидта, Kritischer Commentar zu Pl. Phaedon, Halle, 1850 p. 1.

2. τῶν πολιτῶν φλιασίων — изъ ѳліунтскихъ граждан.] Ѳліунтъ былъ небольшой вольный городъ въ пелопонезской области Сикіоніи; прилежавшій къ нему округъ назывался φλιασία; самый городъ находился въ разстояніи 12-ти миль отъ Аѳинъ по прямому пути.

3. πολλῷ ὕστερον — ἀποθανών — приговоръ былъ исполненъ долгое время спустя.] Промежутокъ времени между произнесеніемъ приговора и исполненіемъ его составляетъ тридцать дней. Объ этомъ обстоятельствѣ мы знаемъ изъ Ксеноѳонта. Xen. Memor. III, 8, 2.

4. ἐστεμμένη — увѣнчивали и пр.]. Увѣнчивали лавромъ; лавръ — дерево, посвященное Аполлону.

5. ἡ πρύμνα — τοῦ πλοίου — корабль]. Буквально: корму корабля.

6. πέμπουσιν — ежегодно посылаютъ.] т. е. πέμπειν εἰώθασιν — имѣютъ обыкновеніе посылать; въ нѣкоторыхъ изданіяхъ (Фишера, Виттенбаха) послѣ πέμπουσιν прибавлено еще κατ' ἔτος, и это чтеніе мнѣ представляется лучше, потому что даетъ болѣе опредѣленный смыслъ. Штальбаумъ переводитъ: solemniter mittunt.

7. εἰς Δῆλον] Δῆλος — Delos — Делосъ — (нынѣшній Дили) островъ на эгейскомъ морѣ, заключающій не болѣе пяти миль въ окружности, но свято почитавшійся въ цѣлой Греціи, какъ мѣсто рожденія Аполлона и Діаны. Вокругъ него расположены цикладскіе острова. Forbiger, kurzer Abriss der alten Geographie.

8. ἐν ᾧ Θησεύς — ἐσώθη — на которомъ Ѳезей — спасъ ихъ и себя.] Миносъ, критскій царь, предпринялъ войну противъ аѳинянъ, съ цѣлію отмстить имъ за смерть сына своего Андрогея, умерщвленнаго на панаѳенейскомъ праздникѣ. Потомъ согласился оставить

Аѳины въ покоѣ съ условіемъ, чтобы аѳинскіе граждане каждые девять лѣтъ присылали на островъ Критъ въ видѣ дани семь юношей и семь дѣвицъ, (οἱ δὶς ἑπτὰ ἐκεῖνοι) которые были запираемы въ лабиринтъ, и дѣлались тамъ добычей пожиравшаго ихъ чудовища минотавра. Ѳезей, сынъ аѳинскаго царя Эгея и Этры, добровольно предложившій себя въ число жертвъ, когда срокъ отправленія этой дани наступилъ въ третій разъ, убилъ минотавра и вышелъ изъ лабиринта при помощи дочерей Миноса, Аріадны и Федры, изъ которыхъ первую онъ оставилъ въ Наксосѣ, а на второй, спустя немного времени, женился, и потомъ вмѣстѣ съ спутниками благополучно возвратился въ Аѳины.

9. θεωρίαν ἀπάξειν — отправлять — священное посольство.] Ѳеоріями у грековъ назывались торжественныя священныя посольства, которыя были отправляемы на всѣ великія народныя игры, въ Делосъ и другія священныя мѣста. Первоначальная цѣль ихъ заключалась въ томъ, чтобы соединеніемъ отдѣльныхъ республикъ въ общихъ религіозныхъ празднествахъ поддерживать воспоминаніе о первоначальномъ единствѣ происхожденія. Ближайшею задачею каждой ѳеоріи было принесеніе отъ имени государства жертвы тому или другому божеству, а также вопрошеніе оракула. Обыкновенно въ составъ ѳеоріи входило большое число лицъ, желавшихъ принять участіе въ праздникѣ, или же отправлявшихся съ политическими и торговыми цѣлями. Всѣ эти лица назывались однимъ общимъ именемъ θεωροί и состояли подъ нѣкотораго рода надзоромъ главы посольства ἀρχιθέωρος, ближайшею обязанностью котораго было заботиться о томъ, чтобы отправленное посольство явилось на празднествѣ, не уронивъ ни въ какомъ отношеніи своего достоинства. Вотъ слова древняго схоліаста: Θεωροὶ δέ εἰσιν οἱ πεμπόμενοι θῦσαι καὶ θεραπεῦσαι τὸν θεόν· ὅθεν καὶ αἱ ὁδοὶ δι᾿ ὧν ἐπορεύοντο θεωρίδες κέλευθοι ἐκαλοῦντο, καὶ τα διδόμενα θεωρικά, καὶ ἡ ναῦς ἡ εἰς Δῆλον πεμπομένη θεωρίς, καὶ ὁ ἱερεὺς θεωρός. Ѳеоріи собственно делосскія имѣли и свое собственное, частное названіе — δηλιασταί, а корабль назывался δηλιάς. О пышности и блескѣ, съ которыми онѣ иногда были отправляемы, мы находимъ свѣденія у Плутарха, въ жизнеописаніи Никія. Здѣсь подробно описана ѳеорія, которую Никій, послѣ жестокой неудачи аѳинскихъ полководцевъ въ Сициліи,

отвелъ на островъ Делосъ. Вотъ это мѣсто. Никій высадился на берегъ съ хоромъ, жертвенными животными и прочимъ экипажемъ (παρασκευή) и навелъ ночью приготовленный въ Аѳинахъ мостъ, великолѣпно украшенный позолотой, живописью, вѣнками и коврами. Мостъ этотъ, длиною въ четыре стадіи (= 490 футовъ) былъ положенъ черезъ небольшой проливъ, отдѣляющій Ренію отъ Делоса. Съ разсвѣтомъ онъ перевелъ черезъ него торжественную процессію, при чемъ хоръ въ богатомъ убранствѣ исполнялъ гимны въ честь бога. Послѣ жертвоприношенія, игръ и праздничнаго пиршества, онъ принесъ въ даръ Аполлону мѣдную пальму, а потомъ, купивши за 10,000 драхмъ (2,800 талеровъ) участокъ поля, посвятилъ ему-же, съ тѣмъ чтобы доходы съ этого участка были обращаемы делосцами на жертвоприношенія и пиршества въ честь бога. Знаменитѣйшею изъ ѳеорій была аттическая, ежегодно отправляемая на островъ Делосъ. Объ этой самой и говоритъ здѣсь Платонъ.

10. οἱ ἄρχοντες — одиннадцать судей] = οἱ ἕνδεκα. (См. Штальб. p. 79, Фишера, Plat. Phaed. p. 236; у Карпова ошибочно переведено — архонты.) Неоффиціально они были также называемы ἐπιμεληταί τῶν κακούργων, а во времена Димитрія Фалерейскаго νομοφύλακες, — имя, котораго не должно смѣшивать съ другимъ νομοφύλακες, явившимся раньше. Это были важныя должностныя лица въ Аѳинахъ, которыя имѣли надзоръ за тюрьмами и приведеніемъ въ исполненіе смертныхъ приговоровъ, почему ихъ обыкновенно сравниваютъ съ римскими triumviri capitales. На ихъ обязанности лежало имѣть наблюденіе надъ заключенными, и тѣхъ изъ нихъ, которые содержались подъ стражей въ видахъ обезпеченія явки ихъ въ судъ, представлять въ надлежащее время въ судилище, а за тѣми, которые содержались въ тюрьмѣ для наказанія, наблюдать, чтобы они не были освобождаемы ни раньше, ни позже опредѣленнаго времени. Они также должны были заботиться о правильности въ исполненіи смертныхъ приговоровъ. Ихъ служители (ὑπηρέται; ὁ τῶν ἕνδεκα ὑπηρέτης въ Федонѣ объявляетъ Сократу, что уже настало время пить ядъ) назывались также παραστάται. Οἱ ἕνδεκα дѣлали опись конфискованнымъ имуществамъ, старались приводить въ извѣстность то, что было изъ нихъ утаеваемо, назначали ихъ къ продажѣ,

которую производили πολῆται, и возникавшія отсюда тяжбы представляли въ судъ.

11. Ἀλλὰ μὴν — τοιούτους ἑτέρους ἔχεις — тѣ, которые приготовились слушать твой разсказъ, не меньше чѣмъ и ты любятъ Сократа.] Similes, qui te audiant, habes. Варіантъ ἑταίρους отвергнутъ Фишеромъ. Я измѣнилъ выраженіе подлинника, желая яснѣе передать внутренній смыслъ рѣчи Эхекрата. Въ тонѣ, которымъ Эхекратъ это высказываетъ, слышится ревность его къ Федону, который, присутствовавъ при послѣднихъ минутахъ Сократа, видимо гордится преимуществомъ своего положенія передъ слушателями, и старается выставить при каждомъ удобномъ случаѣ свою любовь къ учителю. Это же чувство самодовольства Федона проглядываетъ и въ самомъ началѣ діалога, въ его отвѣтѣ на вопросъ Эхекрата: Αὐτός, ὦ Φαίδων, παρεγένου etc. Виттенбахъ при объясненіи этого мѣста дѣлаетъ слѣдующую ссылку: Hermogenes de methodo, cap. 1, p. 518 vim in diversa significatione pronominis αὐτὸς singularem inesse demonstrat. «Αὐτός, ὦ Φαίδων, παρέγενου»; «Αὐτός, ὦ Ἐχέκρατες». Ὁ μὲν γὰρ ἤρετο ὡς θαυμάζων καὶ μακαρίζων τὸν παραγενόμενον; ὁ δὲ ἀπεκρίνατο σεμνυνόμενος καὶ μέγα φρονῶν. p. 121. См. ссылки, указан. въ пр. 1.

12. ἄνευ θείας μοίρας — sine consilio et voluntate deorum, qui ei consulerent. Штальбаумъ.

13. εἷς δὲ Ἀπολλόδωρος. О личности Аполлодора см. во 2-ой гл. анализа.

14. οὗτός τε — παρῆν — изъ его согражданъ былъ и пр.] О Критонѣ см. во 2-ой гл. анализа. Платонъ, какъ извѣстно, озаглавилъ его именемъ одинъ изъ своихъ діалоговъ. Говорятъ, что у него было четыре сына: **Критовулъ**, Гермогенъ, Эпигенъ и Ктезиппъ. Штальбаумъ однакожъ предполагаетъ, что упоминаемый въ этомъ мѣстѣ **Гермогенъ** былъ сынъ Гиппоника и братъ Калліаса. (См. Proleg. ad Cratyl. p. 19.) Точно также онъ считаетъ вѣроятнымъ, что подъ **Эпигеномъ** должно разумѣть не сына Критона, а то лице, которое упоминается въ Apol. Socrat. p. 33 E и Xen. memor. 12, 1, — сына Антифона. **Эсхинъ**, аѳинянинъ, сынъ Лизанія и ученикъ Сократа; подъ его именемъ до насъ дошло три разговора, напечатанныхъ въ послѣднемъ томѣ беккеровскаго изданія Платона **Антисѳенъ** былъ ученикомъ Горгія, а послѣ другомъ и почитателемъ Сократа; основатель цинической школы. Пеаніецъ **Ктезиппъ**

ex παιανιᾷ δήμῳ τῆς πανδιονίδος φυλῆς oriundus — одно изъ главныхъ лицъ въ разговорѣ Лизій. **Менексенъ**, — ученикъ Сократа; его именемъ Платонъ озаглавилъ одинъ изъ своихъ діалоговъ.

15. Πλάτων δέ, οἶμαι, ἠσθένει — **Платонъ же**, какъ я думаю, былъ боленъ.] Штальбаумъ считаетъ не лишенною правдоподобія догадку Форстера, что Платонъ разумѣетъ подъ этимъ скорбь, произведенную въ немъ мыслью о близкой смерти ихъ великаго учителя. А что онъ ничего не упоминаетъ о Ксенофонтѣ, то это обстоятельство приводятъ обыкновенно въ числѣ доказательствъ зависти и вражды, существовавшей между Платономъ и Ксенофонтомъ. Но противъ этого давно уже было замѣчено, что Ксенофонтъ за годъ до смерти Сократа отправился въ походъ въ Азію, и слѣдовательно не могъ присутствовать при смерти учителя. Это единственное мѣсто во всѣхъ діалогахъ Платона, гдѣ онъ упоминаетъ о самомъ себѣ, — обстоятельство, которое, по всей вѣроятности, послужило для Панетія однимъ изъ основаній отвергнуть подлинность Федона. См. Штальб. p. 83, Бинш. Plat. Phaed. p. 14

16. Ναί, Σιμμίας τέ γε ὁ Θηβαῖος — καὶ Τερψίων. О Симміасѣ и Кебесѣ см. во 2-ой гл. анализа. По свидѣтельству Діогена Лаэрція тотъ и другой оставили сочиненія, изъ которыхъ, однако, до насъ не дошло ничего. **Федонидъ**, вѣроятно, также былъ ѳиванецъ. **Эвклидъ**, изъ Мегары, извѣстный основатель мегарской школы — одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ учениковъ Сократа. Съ опасностію жизни онъ навѣщалъ своего учителя, приходя по ночамъ изъ Мегары въ женскомъ платьѣ. По смерти Сократа, онъ далъ убѣжище его ученикамъ, а именно Платону, что и произвело между ними, при всемъ различіи ихъ взглядовъ, дружбу, продолжавшуюся и впослѣдствіи времени. Онъ написалъ шесть діалоговъ. Въ философской системѣ своей онъ старался соединить ученіе элеатовъ съ ученіемъ Сократа. Этого Эвклида надобно отличать отъ соименнаго ему александрійскаго математика, жившаго столѣтіемъ позже, автора στοιχεῖα, δεδομένα etc. О **Терпсіонѣ** намъ неизвѣстно ничего. Эвклидъ передаетъ ему разговоръ Сократа съ Ѳеететомъ въ діалогѣ Платона — Ѳеететъ. Ср. Скворцова, Платонъ о знаніи, Москва, 1871 p. 20—23.

17. Ἀρίστιππος καὶ Κλεόμβροτος. — **Аристиппъ** изъ Кирены, впослѣдствіи времени основатель извѣстной киренской школы, провелъ

молодость въ Аѳинахъ, въ обществѣ Сократа, по совѣту котораго его отецъ, богатый купецъ, прислалъ его въ Грецію. Впослѣдствіи времени онъ является самостоятельнымъ учителемъ, сначала на островѣ Эгинѣ, а потомъ въ Сиракузахъ — при дворѣ Діонисія младшаго, а наконецъ, какъ кажется, въ Аѳинахъ, гдѣ онъ, по смерти Сократа, положилъ основаніе сократической школѣ. Основное начало его ученія состояло въ томъ, что первое благо жизни составляетъ удовольствіе, (ἡδονή) которое достигается высшимъ духовнымъ развитіемъ и пріобрѣтаемою черезъ него свободою. **Клеомбротъ**, родомъ изъ Амвракіи, въ Эпирѣ. Цицеронъ разсказываетъ, Tusc. 1, 34, что онъ по прочтеніи Федона бросился въ море. Смерть его описана Каллимахомъ въ одной изъ эпиграммъ. Если это тотъ самый, то отсутствіе его въ день смерти учителя тѣмъ болѣе удивительно, и смерть его самого, можетъ быть, нужно объяснять не иначе, какъ глубокимъ раскаяніемъ въ томъ невниманіи, какое онъ выказалъ къ Сократу въ послѣднія его минуты. Впрочемъ, еще нѣкоторые древніе писатели сомнѣвались, — дѣйствительно ли это тѣ самые Аристиппъ и Клеомбротъ, которыхъ обыкновенно здѣсь разумѣютъ.

. . . ης etc. Эгина — островъ въ сароническомъ заливѣ, между [illegible] и Аттикой, около двухсотъ стадій въ окружности, по [illegible] части гористый, а во внутренности — необыкновенно [illegible], богатый прекрасною глиною, которая употреблялась [illegible] матеріалъ для драгоцѣнныхъ сосудовъ.

[illegible] Ξανθίππην etc. Имя Ксантиппы, какъ злой и корыстолюбивой женщины обратилось въ пословицу; на дѣлѣ однако, она [illegible] гораздо лучше своей репутаціи. Добрая хозяйка и заботливая [illegible] она естественно имѣла причины быть недовольною мужемъ, [illegible] слишкомъ мало заботился о домѣ и семействѣ. Сократъ, [illegible] извѣстно, не отличался семейными добродѣтелями, и Штейнгардъ положительно идеализируетъ въ этомъ отношеніи его характеръ, приписывая ему качества хорошаго мужа и отца.

[illegible] Κρίτωνος — ex Critonis servis. Богатые и знатные аѳиняне никогда не выходили изъ дому одни, но всегда имѣли при себѣ [illegible] рабовъ.

[illegible] — Aesopus. Баснописецъ Эзопъ представляетъ въ греческой литературѣ переходную ступень отъ миѳическаго къ историче-

скому времени; его обыкновенно считаютъ современникомъ Солона и семи мудрецовъ. Разсказываютъ, что онъ находился въ услуженіи въ качествѣ раба у многихъ господъ, а потомъ получилъ свободу; совершивъ путешествіе къ лидійскому царю Крезу, онъ былъ посланъ имъ въ Дельфы, гдѣ за богохуленіе былъ свергнутъ съ гіампейской скалы. Справедливѣе можно сказать, что обстоятельства его жизни намъ мало извѣстны: біографія его, написанная византійскимъ монахомъ Максимомъ Планудомъ, — скорѣе романъ, нежели біографія. Первое собраніе его басенъ было сдѣлано Димитріемъ Фалерейскимъ; (за 300 лѣтъ до Р. X.) а новое въ 10-ти книгахъ — Бабріасомъ, во времена Августа; но холіямбы, въ которые онъ ихъ переложилъ, были впослѣдствіи времени опять оставлены, хотя слѣды ихъ доселѣ сохраняются въ прозѣ. Число басенъ и ихъ порядокъ, вслѣдствіе этого, въ рукописяхъ и изданіяхъ далеко не одинаковы. Изданіе, составленное на основаніи монтекассинской рукописи, содержитъ 423 басни.

22. Ἀτὰρ καὶ Εὐηνὸς πρώην — и — въ недавнее время Эвенъ.] Эвенъ, уроженецъ острова Пароса, — поэтъ и софистъ; по нѣкоторымъ извѣстіямъ онъ былъ учителемъ Сократа въ стихотворномъ искусствѣ; но это извѣстіе, судя по той ироніи, съ которою Сократъ говоритъ о немъ какъ въ нашемъ діалогѣ такъ и въ апологіи, представляется невѣроятнымъ. Онъ писалъ элегіи, изъ которыхъ нѣкоторые отрывки дошли до насъ; но стихотворенія его, какъ по содержанію такъ и по формѣ, не представляютъ ничего замѣчательнаго.

23. ἐντείνας τοὺς τοῦ Αἰσώπου λόγους — переложивши въ стихи басни Эзопа.] Извѣстіе о томъ, что Сократъ перелагалъ въ стихи басни Эзопа сохранилось у Плутарха. W. p. 16. C. Діогенъ Лаэрцій говоритъ только объ одной баснѣ и приводитъ ея начало.

Αἴσωπος ποτ᾽ ἔλεξε Κορίνθιον ἄστυ νεμοῦσι
Μὴ κρίνειν ἀρετὴν λαοδίκῳ σοφίῃ.

Онъ также приводитъ начало похвальной пѣсни въ честь Аполлона:

Δήλι᾽ Ἄπολλον χαῖρε καὶ Ἄρτεμι, παῖδε κλεεινώ.

24. εἰς τὸν Ἀπόλλω προοίμιον — и написавши гимнъ Аполлону.] Προοίμιον — hymnus. Первоначально подъ этимъ разумѣлось поэтическое вступленіе, которое рапсодъ предпосылалъ своему стихотворенію.

Обыкновенно оно содержало въ себѣ похвалу божеству, праздникъ котораго воспѣвался въ похвальной пѣсни большого объема, или стихотворенія эпическаго содержанія. Такія поэтическія вступленія сохранились для насъ въ небольшихъ гомерическихъ гимнахъ. Между писателями проэмій упоминаются Терпандръ и Аріонъ. Позже проэміи были часто смѣшиваемы съ собственно такъ называемыми гимнами. Это προοίμιον Діонъ Хризостомъ называетъ пеаномъ, — имя сдѣлавшееся впослѣдствіи времени общимъ названіемъ для всякаго лирическаго стихотворенія въ честь божества вообще, и по преимуществу Аполлона. Штальбаумъ опредѣляетъ προοίμιον такъ: prooemia s. exordia vulgato usu omnino dicuntur pro hymnis in laudem deorum, imprimis Apollinis decantatis.

25. Αφοσιούμενος. Я перевелъ «очистить свою совѣсть», и думаю, что это самая точная передача глагола αφοσιοῦσθαι, который буквально соотвѣтствуетъ латинскимъ: expiare, abominari. Штальбаумъ переводитъ animum religione liberare, facere aliquid animi religione solvendi causa. Шлейермахеръ «mich vor Schaden zu hüten». Астъ замѣчаетъ противъ послѣдняго: potius est — nichts schuldig zu bleiben.

26. Μουσικὴν. Μουσική sc. τέχνη иногда также τὰ μουσικά — musica, orum, — собственно музыкальное искусство вообще; но древніе соединяли съ понятіемъ музыки гораздо болѣе обширное значеніе, разумѣя подъ ней не одно только то искусство, которое мы разумѣемъ. Музыка обнимала у нихъ все духовное образованіе вообще, — научное также какъ и художественное, но попреимуществу философію, поэзію, мимику, танцовальное искусство и искусство прорицаній. Вслѣдствіе этой древней связи мудрости съ музыкой мудрѣйшимъ изъ боговъ былъ владѣвшій лирою Аполлонъ, а изъ героевъ — Орфей. Музыка вмѣстѣ съ гимнастикой составляла вторую необходимую принадлежность свободнаго воспитанія — παιδεία; отдѣленіе ея отъ поэзіи впервые послѣдовало во времена Платона, и не было имъ одобряемо. Такъ какъ у древнихъ всѣ искусства и науки состояли подъ покровительствомъ музъ, то я думаю, что передача μουσική выраженіемъ, — «искусство музъ» составляетъ самый близкій переводъ; содержаніе же рѣчи ясно показываетъ, — какое именно искусство разумѣется здѣсь.

27. ποίει καὶ ἐργάζου. — ποίει ita accepit primum Socrates pro simplici

fac, deinde sensu exquisitiore ad poësin et versuum compositionem retulit. Виттенб. p. 135. Ἐργάζεσθαι est versari in aliquo opere, tractare aliquid.

28. μοι παρακελεύεσθαι καὶ ἐπικελεύειν — оно побуждало и ободряло меня.] Такъ объясняетъ различіе обоихъ глаголовъ Фишеръ, и съ нимъ соглашается Виттенбахъ. Recte, говоритъ послѣдній, Fischerus παρακελεύεσθαι explicat hortari aliquem ut aliquid faciat; ἐπικελεύειν — incitare facientem. Виттенб. p. 135.

29. φιλοσοφίας μὲν οὔσης μεγίστης μουσικῆς — величайшей наукѣ философіи.] Буквально: «величайшей музыкѣ»; но такъ какъ значеніе, которое соединяли съ музыкой древніе, совершенно намъ чуждо, то я измѣнилъ выраженіе. Strab. X. p. 717, 13. Μουσικὴν ἐκάλεσεν ὁ Πλάτων καὶ ἔτι πρότερον οἱ Πυθαγόρειοι τὴν φιλοσοφίαν. Платонъ считалъ философію самой совершенной музыкой потому, что она ведетъ къ мудрости и добродѣтели, а эти послѣднія, по его ученію, представляютъ собою гармонію и музыку, — понятіе о философіи, заимствованное имъ у пиѳагорейцевъ.

30. ποιεῖν μύθους, ἀλλ' οὐ λόγους — представлять въ стихахъ разсказъ, а не однѣ только поэтическія мысли.] Aesopi fabulae, говоритъ Штальбаумъ, quae supra dicebantur λόγοι, hic vocantur μῦθοι. Quod ne cui mirum accidat, tenendum est λόγον esse vocabulum generis atque significare quamcunque orationem et narrationem, sive veram sive fictam; sed interdum, ubi opponitur μῦθος, de narratione vera usurpari solet. И такъ λόγος, безъ противуположенія μῦθος, также означаетъ разсказъ — narratio, почему басни Эзопа и называются λόγοι; тоже самое значеніе имѣетъ и μῦθος. Въ противуположеніи одного другому λόγος получаетъ значеніе изложенія въ стихахъ извѣстной истины, а μῦθος — поэтическаго вымысла. (См. Штальб. p. 93, Астъ, annotat. in Phaed. tom. undec. p. 509). Шлейермахеръ перевелъ Fabeln dichten und nicht vernünftige Reden; Миллеръ Fabeln dichten, nicht aber Reden; Кэри — to make fables and not discourses. Мнѣ кажется, что употребленное мною, — «поэтическія мысли», ближе выражаетъ характеръ стихотворенія, не имѣющаго эпическаго содержанія и слѣдовательно значеніе греческаго λόγος, противуполагаемаго μῦθος, нежели Rede и discourse у нѣмецкихъ и англійскаго

переводчика. Противуположеніе μῦθος понятію λόγος весьма хорошо выражается нѣмецкими Dichtung — Wahrheit.

31. Φιλολάῳ συγγεγονότες — когда жили въ обществѣ Филолая.] Филолай, одинъ изъ знаменитѣйшихъ пиѳагорейцевъ, по Платону — современникъ Сократа, уроженецъ Кротона или Тарента. Въ молодости онъ былъ ученикомъ Пиѳагора. Онъ первый началъ излагать письменно распространявшееся дотолѣ изустно ученіе своего учителя. Сочиненіе его на дорическомъ нарѣчіи состояло изъ трехъ книгъ: περὶ κόσμου, περὶ φύσεως, περὶ ψυχῆς. До насъ дошли отъ него небольшіе отрывки. Настоящее мѣсто Федона показываетъ, что Симміасъ и Кебесъ пользовались его философскими наставленіями въ Ѳивахъ. Ученіе его изложено въ сочиненіи Бёка: Philolaos des Pythagor. Lehren nebst den Bruchstücken seines Werkes.

32. φθόνος οὐδεὶς λέγειν — не имѣю причины скрывать отъ васъ.] φθόνος — invidia. Forma φθόνος οὐδείς in eo ponitur qui non gravatur vel recusat, sed libenter aliquid facit, dicit, dicturus est al. Lex. Plat. Аста — φθόνος. Штальбаумъ переводитъ: lubenter dicam, прибавляя—formula solemnis.

33. διασκοπεῖν τε καὶ μυθολογεῖν — разсуждать и вспоминать существующіе разсказы и пр.] Суземиль справедливо видитъ въ этихъ словахъ выраженіе двоякаго способа разсужденій Платона, — діалектическаго и миѳическаго. Бишофъ, Pl. Phaed. p. 28. Μυθολογεῖν est disserere vel confabulari (ut διαμυθολογεῖν) praecipue de rebus occultis, quas fabulis vel narrationibus, imaginibus, similitudinibus al. illustramus. Астъ, annotat. in Phaed. p. 514. sq.

34. σαφὲς δὲ — οὐδὲν ἀκήκοα — но яснаго объ этомъ не слышалъ — ничего и ни отъ кого.] Намекъ на темноту ученія и загадочный способъ выраженія пиѳагорейцевъ. Olympiodorus ad h. l. Ἔθος ἦν τοῖς πυθαγορείοις δι' αἰνιγμάτων λέγειν.

35. Ἴττω Ζεύς — это вѣдаетъ Зевсъ.] Ἴττω вмѣсто ἴστω, по-беотійски.

36. ὁ μὲν οὖν ἐν ἀπορρήτοις λεγόμενος περὶ αὐτῶν λόγος — ученіе объ этомъ предметѣ, сообщаемое только посвященнымъ.] Я нѣсколько измѣнилъ выраженіе подлинника; буквальный переводъ: «то, что говорится въ тайномъ ученіи.» Какое же здѣсь разумѣется ученіе? Одни комментаторы, какъ напр. Нюсслинъ (Der Plat. Phaedon, Mannheim 1863, p. 120, примѣч. 19), видятъ въ этомъ мѣстѣ

указаніе то на орфическія то на элевзинскія мистеріи, но Штальбаумъ рѣшительно отвергаетъ это объясненіе на томъ основаніи, что у Платона мистеріи никогда не называются этимъ именемъ. (ἀπόῤῥητα) Штальбаумъ, и вслѣдъ за нимъ большая часть изслѣдователей новаго времени, разумѣютъ подъ этимъ внутреннюю, эсотерическую сторону пиѳагорейскаго ученія (interior pythagoreorum doctrina.) Этого послѣдняго мнѣнія держались и древніе, (хотя впрочемъ позднѣйшіе) какъ это видно изъ Цицерона, Cato maj. c. 20. Мнѣ представляется гораздо основательнѣе мнѣніе Бишофа, который думаетъ, что выраженіе ἐν ἀποῤῥήτοις заключаетъ въ себѣ и то и другое, — и указаніе на мистеріи и на тайное ученіе пиѳагорейцевъ. Für welche Erklärung soll man sich nun entscheiden? говоритъ онъ. Für keine ausschliesslich. Denn Socrates konnte sich auf alle jene Quellen beziehen. Ihm lag nur daran, seine mythische Darstellung an eine Tradition anzuknüpfen; je ausgebreiteter diese war, desto besser. Бишофъ. Pl. Phaed. p. 32.

37. ἔν τινι φρουρᾷ ἐσμεν οἱ ἄνθρωποι — мы, люди, содержимся въ нѣкотораго рода темницѣ.] φρουρᾷ, говоритъ Штальбаумъ, non de statione, sed de carcere intelligendum videtur, etc. p. 98. Съ этимъ объясненіемъ согласенъ и Астъ. Переводя φρουρά латинскими custodia и statio, онъ прибавляетъ: etiam ut Lat. custodia est carcer и приводитъ это самое мѣсто изъ Федона. Дѣйствительно, логическій ходъ мысли Сократа требуетъ, чтобы φρουρά перевести словомъ: темница, а не постъ или стража.

38. τοὺς φιλοσόφους — ἀποθνήσκειν — каждый философъ долженъ желать смерти.] Lubenter mori velle, Штальб. p. 100.

39. νῦν γέ μοι δοκεῖ τι καὶ αὐτῷ λέγειν etc. Мнѣ и самому представляется, что Кебесъ говоритъ отчасти справедливо.] Nunc mihi et ipsi videtur aliquid dicere, quod dignum sit, cujus habeatur ratio, quod movere possit gravem dubitationem atque dignam, quae tollatur. Штальб. p. 101, sq.

40. καί μοι—τείνειν τὸν λόγον — мнѣ кажется, что рѣчь Кебеса направлена противъ тебя.] Te petere hac oratione, his verbis. ibid.

41. παρὰ θεοὺς ἄλλους — къ другимъ богамъ.] Земля, небо и подземный міръ состоятъ въ вѣденіи особенныхъ божествъ, подъ управленіемъ верховнаго божества. Такъ въ концѣ Критона законы, какъ

верховныя силы, говорятъ о своихъ братьяхъ, — законахъ въ подземномъ мірѣ. Ниссленъ, р. 121, прим. 25.

42. οὐχ ὁμοίως ἀγανακτῶ — не печалюсь при мысли о смерти.] Буквальный переводъ этого мѣста, съ сохраненіемъ равносильной подлиннику краткости выраженія и совершенной точности въ передачѣ мысли, довольно труденъ, и потому переводчики понеобходимости отступаютъ. (Ср. Миллера и Кэри.) Non aeque moveor morte, sive sim venturus et profecturus ad alios homines sapientiores et ad deos alios, sive non, i. e. valde moverer morte, nisi scirem et crederem me profecturum esse ad deos.

43. εἶναί τι τοῖς τετελευτηκόσι — извѣстная участь существуетъ и для умершихъ.] Manere aliquid mortuos neque ipsos interire.

44. ἔα — χαίρειν αὐτόν — не обращай на него вниманія.] h. e. mitte, noli curare hominis praecepta et admonitiones.

45. ἀποθνήσκειν τε καὶ τεθνάναι — умереть и быть для всего мертвымъ.] Одинъ и тотъ же глаголъ употребленъ въ двухъ разныхъ значеніяхъ. Первое выраженіе — ἀποθνήσκειν имѣетъ буквальный смыслъ т. е. означаетъ обыкновенную физическую смерть, а второе — смыслъ метафорическій. Люди, преданные философіи, стараются подавить въ себѣ всякое влеченіе чувственности и стремленіе ко внѣшнимъ благамъ; живя исключительно въ мірѣ идей — они мертвы для всего ихъ окружающаго. Штальбаумъ: ἀποθνήσκειν = mori; τεθνάναι = in statu et conditione mortis versari. Ср. Миллера, Plat. Werke, B. IV, p. 570, прим. 14.

46. τοὺς μὲν παρ' ἡμῖν ἀνθρώπους — наши сограждане т. е. ѳиванцы, беотяне.

47. οἱ φιλοσοφοῦντες θανατῶσι — философы желаютъ смерти.] θανατῶσι, Schol. = θανάτου ἐπιθυμοῦσι, mori cupiunt. У Карпова, (у котораго, мимоходомъ замѣчу, рѣшительно нѣтъ возможности исчислить всѣ ошибки въ переводѣ), въ этомъ мѣстѣ непостижимо странная и ничѣмъ необъяснимая ошибка. Вмѣсто того, чтобы перевести согласно значенію глагола θανατῶ, «истинные философы желаютъ смерти», онъ переводитъ: «у м р у т ъ л и (?!) истинные философы.» А то бы еще не умерли! Замѣчательно, что этотъ непонятный промахъ сдѣланъ Карповымъ во 2-мъ, исправленномъ изданіи Платона (соч. Плат. С. П. Б. 1863-го г, ч. II, стр. 69.) Въ Пропилеяхъ, гдѣ онъ напечаталъ свой переводъ Федона въ первый

разъ, это мѣсто передано вѣрно. (Проп. кн. V, стр. 25.) Чѣмъ объяснять такую странность, не знаю.

48. οἱ φιλοσοφοῦντες — ἄξιοί εἰσι τοῦτο πάσχειν — философы ея (смерти) достойны, и дальше: καὶ οἵου θανάτου — и какой именно.] Vulgus ignorat quatenus philosophi morte digni sint et quali morte. Significat autem philosophos eatenus morte dignos esse, quia tota eorum vita sit mortis commentatio atque mereri mortem beatissimam, quae eos traducat ad maximam a corpore libertatem. Штальб. p. 107.

49. ἱματίων διαφερόντων κτήσεις καὶ ὑποδημάτων — обладаніе красивымъ платьемъ, обувью.] ἱμάτια διαφέροντα sunt pallia magnifica, candida; ὑποδήματα — calcei, quibus contingetur totus pes. Аѳиняне, какъ извѣстно, любили щеголять роскошью нарядовъ, при чемъ обувь играла также не послѣднюю роль. Сократъ тѣмъ съ большимъ правомъ могъ порицать эту суетность своихъ согражданъ, отъ которой не были свободны даже философы, какъ напр. Аристотель, (Діог. Лаэрц. III, 19) что онъ самъ обыкновенно носилъ очень простую и недорогую одежду. (Xen. Memor. 1, 6, 2, Plat. Symp. B. Ἀριστοφ. νεφέλαι, υ. 103.)

50. τί δὲ — τῆς φρονήσεως κτῆσιν — ну, а въ пріобрѣтеніи знанія и пр.] Я не согласенъ въ настоящемъ случаѣ съ мнѣніемъ Штальбаума, который, основываясь на различіи σοφία и φρόνησις, находящемся у Цицерона (Cic. Off. 43, 153.) придаетъ послѣдней въ данномъ случаѣ значеніе чисто нравственной добродѣтели. Смыслъ дальнѣйшей рѣчи ясно показываетъ, что φρόνησις нужно понимать въ этомъ мѣстѣ въ болѣе обширномъ значеніи, — въ значеніи знанія вообще, а не одного только пониманія вопросовъ этики и приложенія выработанныхъ нравственныхъ правилъ къ жизни. И такъ Фишеръ объясняетъ это мѣсто совершенно правильно, говоря: φρόνησις est sapientia, quae posita est in scientia naturae rerum. Pl. Phaed. p. 268.

51. οἱ ποιηταὶ ἡμῖν ἀεὶ θρυλοῦσιν — поэты правы, когда постоянно твердятъ.] οἱ ποιηταί — подъ этимъ разумѣются Парменидъ, Эмпедоклъ и Эпихармъ; какъ философы, такъ и сицилійскій комикъ отрицали возможность достиженія точнаго знанія посредствомъ тѣлесныхъ чувствъ. Olympiodorus C. I, p. 13. ποιητὰς λέγει Пар-

μενίδην, Ἐμπεδοκλέα, Ἐπίχαρμον· οὗτοι γὰρ οὐδὲν ἀκριβὲς λέγουσιν εἰδέναι τὴν αἴσθησιν.

52. τι τῶν ὄντων — что нибудь въ бытіи.] Разумѣются идеи, которыя однѣ, по ученію Платона, представляютъ постоянное, неизмѣнное бытіе, потому что міръ видимыхъ явленій есть нѣчто преходящее и измѣняющееся. (анализъ, гл. 8-ая.) Штальб. h. e. τῶν ὄντως ὄντων, idearum, quae solae afferunt veritatitis scientiam et cognitionem. p. 112.

53. ἐῶσα χαίρειν τὸ σῶμα — не пользуясь ни въ чемъ помощію тѣла.] i. e. non utens corporis opera et ministerio. Штальб. ibid.

54. ὀρέγηται τοῦ ὄντος — устремляется въ область бытія.] Штальбаумъ: ὀρέγεσθαι τοῦ ὄντος est cognoscere studere rei cujuspiam naturam. Nam τὸ ὄν id est, quod τὸ ὄντως ὄν.

55. αὐτὴ καθ' αὑτὴν γίγνεσθαι — сдѣлаться чѣмъ-то отдѣльнымъ.] т. е. въ процессѣ своего внутренняго, мысленнаго созерцанія совершенно отрѣшиться отъ тѣла. Штальб. h. e. sola et in se quasi collecta. ibid.

56. αὐτὸ ἕκαστον — каждой (сущности.)] Разумѣются не предметы и явленія видимаго міра, а чистыя идеи. Unumquodque per se spectatum, h. e. cujusque rei naturam et formam, sc. ἰδέαν. ibid.

57. ἀλλ' αὐτῇ καθ' αὑτὴν — τῶν ὄντων — но отдаваясь чистой мысли, мысли въ самой себѣ — чистое и существующее само въ себѣ.] Чистое, — εἰλικρινές т. е. неизмѣняемое, потому что идеи, о которыхъ идетъ рѣчь, исключаютъ всякую возможность видоизмѣненій въ своемъ бытіи. Штальбаумъ: dicitur autem εἰλικρινές quidquid nihil dispar sui et dissimile admixtum habet, sincerum, purum. Walckenar. in Schol. ad N. F. ed. Wassenbergh T. II, p. 181. «in glossariis redditur integrum, sincerum. Abstrusior aliquanto compositionis ratio. Videtur tamen vox formata ab εἶλος et κρίνω. Hoc notat secernere. Εἶλος et ἶλος et ἴλη globus est, ab εἰλεῖν et ἰλεῖν volvere. Ex hac origine εἰλικρινές proprie significat volvendo s. volubile agitatione secretum, atque adeo cribro purgatum.» p. 114.

58. κινδυνεύει — ἐν τῇ σκέψει — насъ, кажется, — въ изслѣдованіи — одна дорога.] Греческій текстъ этого мѣста довольно труденъ, и составляетъ предметъ споровъ между комментаторами. Шмидтъ (въ соч. «Duorum Phaed. Plat. locorum explicatio», Viteb. 1846) предложилъ вмѣсто μετὰ τοῦ λόγου (принятаго Штальбаумомъ) чтеніе μετὰ

τούτου τοῦ λόγου, одобренное К. Фр. Германомъ. Я перевелъ согласно поправкѣ, сдѣланной Шмидтомъ, не смотря на возраженія противъ этого исправленія Штальбаума. Разбирая чтеніе Шмидта, онъ, между прочимъ, говоритъ: nemo quisquam dixerit: es scheint uns ein schmaler Weg mit Hilfe dieses Satzes herauszuführen, quandoquidem angustae viae non potuit recte talis doctrina vel potius talis sententia tribui. Справедливо ли это замѣчаніе? мнѣ, по крайней мѣрѣ, оно не представляется основательнымъ. Замѣчу противъ Штальбаума слѣдующее. Признавши единственно вѣрнымъ способомъ изслѣдованія чисто мысленное созерцаніе, при которомъ совершенно устраняется дѣйствіе тѣлесныхъ чувствъ, Сократъ естественно долженъ былъ смотрѣть на этотъ избранный имъ путь, какъ на просторный и широкій въ дѣлѣ изслѣдованія, а слѣдовательно выраженіе ἀτραπός здѣсь повидимому неумѣстно. Но употребляя выраженіе — «узкая тропинка» (ἀτραπός) для обозначенія пути, который, по его идеѣ, составляетъ просторную, широкую дорогу, онъ разумѣетъ: во 1-хъ то, что этимъ путемъ идутъ очень немногіе, — только истинные философы; во 2-хъ, что его не всѣ видятъ и знаютъ: масса, толпа, идетъ дорогой обыкновенной, всѣмъ извѣстной; въ 3-хъ наконецъ, — и это, по моему мнѣнію, самое главное, — то, что какъ бы человѣкъ ни усиливался при изслѣдованіи отрѣшаться отъ тѣла, — совершенное устраненіе вліянія внѣшнихъ чувствъ, и вообще условій жизни тѣлесной — невозможно. Очевидно, слѣдовательно, что этотъ путь, просторный и широкій въ идеѣ, есть путь узкій въ дѣйствительности. Ἐκφέρειν, educere, nunc significat: ex difficultatibus educere, quae sensuum perturbationibus ac ludibriis oriuntur, ita ut ad certum aliquem finem perveniatur. Nam proprie est: ex impedito in liberum educere, e loco septo in apertum efferre. Штальб. p. 115. Астъ даетъ этому глаголу въ этомъ мѣстѣ значеніе ducere или adducere. Приведши разбираемый нами текстъ, онъ переводитъ: adducere eo ut, h. e. in hanc sententiam ut existimemus. (Lex. Plat. ἐκφέρω.) Послѣднее, по моему мнѣнію, проще и естественнѣе. Бишофъ, послѣ критическаго разбора текста этого мѣста и объясненій на него Гейндорфа, Шлейермахера и Штальбаума, дѣлаетъ слѣдующій переводъ. Es führt uns ein Weg in unsrer Untersuchung cum ratione, mit Nothwendigkeit, dahin, oder: der Gang unserer Untersuchung führt

uns mit (logischer) Nothwendigkeit darauf (zu dem Resultat) dass — etc. Бин. Plat. Phaed. p. 49. Ср. Виттенб. p. 159.

59. φλυαρίας — πολλῆς — наполняетъ насъ — суетой.] h. e. denique omnino nugis et rebus futilibus. Olympiodor. p. 29. φλυαρίαν καλεῖ ὁ Πλάτων πᾶν τὸ περιττόν, οὐ μόνον τὸ ἐν λόγοις, ἀλλὰ καὶ τὸ ἐν ἔργοις. Conf. Sympos. p. 211 E.

60. ἀσχολίαν ἄγομεν φ. π. — у насъ не остается времени для занятія философіей.] Α. α. φ. π. est impedimur, ne ponere studium in philosophia possimus: nihil studii tribuimus philosophiae, non vacamus philosophiae. Фишеръ, p. 276. Виттенбахъ: et ex hac corporis caussa, propter has cupiditates et negotia, otium tractandae philosophiae nobis intercipitur. p. 163.

61. τότε γὰρ αὐτὴ καθ' αὑτὴν ἡ ψ. etc. только тогда душа будетъ существовать сама въ себѣ и пр.] Tum enim demum secum ipse vivet animus, secretus a corpore nec unquam antea; atque dum vivemus, ita demum quam proxime ad veram scientiam accedemus, si, quam maxime fieri possit, nos a corporis consuetudine et communione, nisi ubi summa ejus necessitas inciderit, abstrahamus caveamusque, ne vitiosa corporis natura inquinemur, sed potius nos ab ea puros illibatosque servemus, donec nos deus ipse exsolverit. Штальбаумъ, p. 118.

62. μετὰ τοιούτων — съ такими же сущностями.] Карповъ переводитъ: съ подобными намъ существами. Неточно. Не существами, а сущностями. Intell. καθαρῶν Штальбаумъ ibid. Виттенб. cum talibus versabimur; p. 164. Подъ τοιούτων не разумѣются исключительно божества и философствовавшія въ земной жизни души, а вмѣстѣ съ тѣмъ и чистыя идеи, которыя будетъ созерцать по смерти во всей полнотѣ и совершенствѣ ихъ душа истиннаго философа.

63. οἱ παρεσκευάσθαι τὴν διάνοιαν ὥσπερ κεκαθ. — приготовилъ къ этому очищеніемъ свою мысль.] sibi mentem comparatam esse, quasi purgatam putat. Штальб. p. 120. qui putat sibi mentem praeparatam esse, quippe purgatam. Виттенб. p. 167.

64. ὅ τι ἐγγυτάτω ὄντα τοῦ τεθνάναι οὕτω ζῆν — жить жизнью, близкой къ состоянію смерти.] h. e. qui se ita componit et hoc studet, ut vitam agat morti quam proximam.

65. εἰ γὰρ διαβέβληνται τῷ σώματι — ненавидятъ тѣло и пр.] h. e. si

infensi sunt corpori, si oderunt omnino corpus. Штальб. ab omni parte inimici sunt corpori, infensi; corpus ut inimicum suspicantur et oderunt. Виттенб. p. 168.

66. ανθρωπίνων μὲν παιδικῶν — дорогихъ имъ существъ.] Commemorantur ἀνθρώπινα παιδικά ita, ut deinde iis opponantur ἡ φρόνησις καὶ ἡ φιλοσοφία quasi θεῖα παιδικά. Nam παιδικά interdum dicitur de rebus caris et amatis. Штальб. p. 122. Ср. Виттенб. p. 168. Гейндорфъ приводитъ здѣсь весьма кстати мѣсто изъ Горгія. p. 482 A. ἀλλὰ τὴν φιλοσοφίαν, τὰ ἐμὰ παιδικά, παῦσον ταῦτα λέγουσαν.

67. οὐ φιλόσοφος — ἀλλά φιλοσώματος — любитъ не мудрость, а тѣло.] Въ подлинникѣ игра созвучіемъ словъ, которой нѣтъ возможности передать по-русски: «не другъ мудрости, а другъ тѣла.» См. Кунарда, Plat. Phaed. p. 20.

68. ἆρ' — οὐ καὶ ἡ ὀνομαζομένη ἀνδρεία — а то, что называютъ мужествомъ и пр.] Раздѣленіе ἀρετή на четыре вида (φρόνησις, ἀνδρεία, σωφροσύνη, δικαιοσύνη) принадлежитъ пиѳагорейцамъ, какъ это доказалъ на основаніи пиѳагорейскихъ отрывковъ Виттенбахъ. φρόνησις = prudentia et sapientia, (L. A.) по-нѣмецки vernünftige Einsicht, Weisheit. ἀνδρεία = fortitudo, perseverantia; по-нѣмецки Muth, Tapferkeit. σωφροσύνη = sanitas animi, temperantia vel moderatio; по-нѣмецки Besonnenheit, Selbstbeherrchung. У Платона, впрочемъ, σωφροσύνη имѣетъ болѣе обширный смыслъ, чѣмъ нѣмецкое Besonnenheit, и иногда совпадаетъ съ понятіемъ φρόνησις. Какъ трудно передать σωφροσύνη однимъ словомъ на другой языкъ видно изъ того, что первый художникъ латинскаго языка, Цицеронъ переводитъ σωφροσύνη: modestia, moderatio и temperantia. δικαιοσύνη = justitia, probitas; по-нѣмецки Gerechtigkeit, Richtigkeit. По-русски наиболѣе близкій и точный переводъ можно принять слѣдующій: φρόνησις = мудрость, благоразуміе; ἀνδρεία = мужество, твердость духа; σωφροσύνη = здравый умъ, воздержаніе, умѣренность; δικαιοσύνη = справедливость, честность.

69. τοῖς οὕτω διακειμένοις — людямъ, расположеннымъ подобнымъ образомъ.] iis, qui student animum sejungere a corpore atque sperant se sapientiam esse assecuturos, ubi venerint ad inferos. Штальб. p. 126.

70. τί δὲ οἱ κόσμιοι αὐτῶν — ну, а воздержные изъ нихъ?] κόσμιοι et σώφρονες hoc loco sunt fere synonyma; intelliguntur enim modesti ac temperantes, qui ab ἀκολασίᾳ alieni sunt. Штальб.

71. μὴ γὰρ οὐχ αὕτη ᾖ ἡ ὀρθὴ πρὸς ἀρετὴν ἀλλαγή — καταλλάττεσθαι — неправиленъ подобнаго рода обмѣнъ, какъ скоро дѣло касается добродѣтели, то есть мѣнять и пр.] Греческій текстъ этого мѣста представляетъ по рукописямъ два варіанта. Штальбаумъ послѣ πρὸς ἀρετὴν прибавляетъ ἀλλαγή и объясняетъ смыслъ текста такъ: noli hanc sentiendi agendique rationem probare; vide enim, ne haec non sit recta ad virtutem quod attinet permutatio, ut voluptates cum voluptatibus — commutemus (p. 128.) Это же чтеніе принимаетъ и Бишофъ (Pl. Phaed. p. 55.) Другіе издатели — Фишеръ (p. 286), Виттенбахъ (p. 172) и Шмидтъ (Erste Hälfte, p. 25) выбрасываютъ ἀλλαγή, а въ такомъ случаѣ при прилагательномъ ἡ ὀρθὴ нужно подразумѣвать ὁδός. Согласно этому чтенію, Виттенбахъ переводитъ: vide ne haec non sit recta ad virtutem via, voluptates cum voluptatibus — commutare, — не это прямой путь къ добродѣтели, чтобы мѣнять и пр. При этомъ онъ предлагаетъ и конъектуру, — ἡ ὀρθὴ ἀρετή. Я предпочелъ первый варіантъ, такъ какъ онъ, по моему мнѣнію, опирается на болѣе твердыя основанія. Самое важное въ этомъ случаѣ то, что прибавка ἀλλαγή оправдывается лучшими рукописями, а потòмъ, какъ основательно замѣчаетъ Штальбаумъ, переписчикъ скорѣе могъ пропустить, нежели вставить слово. Бишофъ прибавляетъ къ этому, что если отбросить ἀλλαγή, то употребленный Платономъ въ этомъ мѣстѣ образъ не будетъ выдержанъ. Всѣ эти основанія, взятыя вмѣстѣ, по моему мнѣнію, даютъ первому варіанту рѣшительный перевѣсъ надъ послѣднимъ. Главное, что заставляетъ критиковъ оспаривать прибавку ἀλλαγή, — это близкое употребленіе предлога πρός въ двухъ разныхъ значеніяхъ; въ первомъ мѣстѣ (πρὸς ἀρετὴν) онъ имѣетъ значеніе касательно, относительно, что касается до —, а въ дальнѣйшихъ выраженіяхъ (ἡδονὰς πρὸς ἡδ. etc.) значеніе русскаго — на; но подобный способъ выраженія у Платона встрѣчается.

72. καὶ τούτου μὲν πάντα καὶ μετὰ τούτου ὠνούμενά τε καὶ πιπρασκόμενα τῷ ὄντι ᾖ — за нее, и черезъ нее покупается и продается дѣйствительно все.] Штальбаумъ (p. 129.) объясняетъ это мѣсто такъ: et vereor, ne quae hoc numismate emuntur venduntur que

ea demum re vera sint, etc. Виттенбахъ, (p. 173.) не дѣлая поправки въ текстѣ, замѣчаетъ однако противъ этого чтенія слѣдующее: compositio non satis respondens sententiae disputationis; quippe ὠνούμενα ad τούτου, id est, ad φρονήσεως, referri, nequit. Itaque, продолжаетъ онъ далѣе, hujusmodi vel collocatio, vel certe interpretatio, requiritur, quasi scriptum sit: καὶ τούτου μὲν πάντα τε πιπρασκόμενα καὶ μετὰ τούτου ὠνούμενα i. e. et si hac omnia vendantur et cum hac (i. e. prudenter) omnia emantur, tum re vera constat et fortitudo et temparantia et justitia et summatim vera virtus, quae sine prudentia esse nequit. Въ заключеніе онъ говоритъ: quum verbum ονεῖσθαι passiva significatione inauditum sit, malim cum Heindorfio: καὶ μετὰ τούτου, ἃ ὠνούμεθά τε καὶ πιπράσκόμεν, τῷ ὄντι ᾖ. Бишоѳъ предлагаетъ послѣ τῷ ὄντι ᾖ отбросить запятую; denn, говоритъ онъ, nicht darum handelt sichs, dass alles mit der (um die) φρόνησις Gekaufte und Verkaufte wirklich sei, sondern dass alles dieses Tugend (σωφροσύνη, ἀνδρεία etc.) sei. Pl. Phaed. p. 55.

73. τὸ δ' ἀληθὲς — а истинное въ этомъ случаѣ.] τὸ ἀληθὲς противуполагается предыдущему σκιαγραφία.

74. καθαρμός τις ᾖ — не что иное, какъ религіозное очищеніе.] Что подъ этимъ разумѣть: орѳическія или элевзинскія мистеріи? Большинство комментаторовъ разумѣетъ первыя, такъ какъ онѣ попреимуществу были sacra lustralia; къ элевзинскимъ же таинствамъ, хотя они также совершались при извѣстныхъ очищеніяхъ, люди, оскверненные преступленіями, вовсе не допускались. Первое мнѣніе тѣмъ вѣроятнѣе, что слѣдующее непосредственно за тѣмъ выраженіе о блаженствѣ посвященныхъ, равно какъ и стихъ: ναρθηκοφόροι μὲν πολλοί etc. — орѳическіе. Въ орѳическихъ мистеріяхъ различалось пять степеней очищенія.

75. ναρθηκοφόροι μὲν πολλοί, βάκχοι δέ τε παῦροι — много людей, носящихъ тирсъ, но мало вдохновляемыхъ божествомъ.] Орѳическій стихъ, о которомъ упомянуто въ предыдущемъ примѣчаніи. Употреблявшійся какъ пословица, онъ и здѣсь имѣетъ метаѳорическій смыслъ. Значеніе его въ этомъ мѣстѣ весьма хорошо объясняетъ Фишеръ слѣдующими словами: multi prae se ferunt amorem et studium philosophiae, sed pauci sunt vere philosophi. Pl. Phaedo, p. 291. Климентъ Александрійскій, приводя этотъ стихъ, сбли-

жаетъ его съ евангельскимъ изреченіемъ: «много званныхъ, но мало избранныхъ.» Матѳ. гл. XX, ст. 16. См. Кузена, Oeuvres de Platon, vol. 1, p. 211.

76. οὐκ ὀλίγης παραμυθίας δεῖται καὶ πίστεως — нужно не мало доводовъ и доказательствъ и пр.] Graecum παραμυθία non solum est cosolatio animi, sed etiam judicii confirmatio, qua sententia difficilis et incredibilis ad probabilitaem explicatur. Виттенб. Pl. Phaed. p. 177. πίστις est fides vel persuasio, sensu qui dicitur subjectivo. Астъ, Pl. Opcr. tom. undecim. p. 572. Ср. Бишофа, Pl. Ph. p. 63.

77. τινα δύναμιν ἔχει καὶ φρόνησιν — обладаетъ силой и способностями ума.] φρόνησις nunc non est sapientia, sed mentis conscientia, cogitandi el intelligendi facultas s. intelligentia. Штальб. p. 134.

78. γένεσίν τε εἶναι ἐξ ἑκατέρων εἰς ἄλληλα — переходятъ (предметы) одинъ въ другой посредствующимъ дѣйствіемъ.] h. e. duplicemque esse ex altero ad alterum transitionem. Штальб. p. 138.

79. καὶ αἱ γενέσεις — δυοῖν ὄντοιν — и не существуетъ ли между ними, по причинѣ ихъ двойственности, двухъ переходовъ отъ одного къ другому?] h. e. et rationes, quibus haec gignuntur, duae sunt duobus illis interjectae? Штальб. p. 138.

80. συζυγίαν — объ одной четѣ.] i. e. par rerum contrariarum. Штальб. p. 139. Est συζυγία sensu dialectico copulatio disjunctorum, par contrariorum: v. c. aliquid, nihil; vita, mors; somnus, vigilia etc. Виттенб. p. 180.

81. πάντ' ἂν λῆρον τὸν Ἐνδυμίωνα ἀποδείξειε — природа сдѣлала бы разсказъ объ Эндиміонѣ вещью, не стоющей вниманія.] Recte Stephanus: omnia tandem facerent, ut quae de Endymione dicuntur, nugae esse viderentur. Штальб. p. 141. Ср. Виттенб. p. 185. Эндиміонъ — Ἐνδυμίων — извѣстный по миѳологіи вѣчнымъ сномъ, любимецъ луны. Преданія о немъ указываютъ частію на Элиду, частію на Карію. Въ Элидѣ его дѣлаютъ сыномъ Аэтліоса, или Зевса и Калики, правителемъ страны, отцемъ Эпіоса, Антолоса и Пеона, которымъ онъ предложилъ состязаніе въ бѣгѣ за обладаніе Олимпіей. Эпіосъ побѣдилъ. Эндиміонъ имѣлъ отъ Селены пятьдесятъ дочерей, которымъ даютъ аллегорическое значеніе пятидесяти мѣсяцевъ между одной олимпіадой и другой. Гробница его находилась въ Олимпіи. По другимъ сказаніямъ, онъ удалился въ Карію, или былъ карійскій охотникъ или пастухъ, который

въ пещерѣ горы Латмоса покоился вѣчнымъ сномъ. Селена любитъ прекраснаго юношу, и каждую ночь сходитъ къ нему съ небесъ, чтобы его поцѣловать и подлѣ него отдохнуть. Непробудный сонъ Эндиміона былъ даромъ, полученнымъ имъ отъ Зевса, такъ какъ онъ самъ пожелалъ покоиться вѣчнымъ сномъ въ неувядающей юности и красотѣ.

ταχὺ ἂν τὸ τοῦ Ἀναξαγόρου γεγονὸς εἴη — то скоро исполнилось бы анаксагоровское и пр.] Анаксагоръ по духу ученія составляетъ ступень перехода отъ іонійцевъ къ Сократу. Его называютъ ученикомъ Гермотима и Анаксимена. Онъ родился въ Клазоменѣ, въ Лидіи, около 70-ой олимпіады или за 500 лѣтъ до Р. Х., и былъ почти современникомъ философовъ Демокрита, Эмпедокла, Парменида, Зенона. Отказавшись отъ общественныхъ должностей, онъ посвятилъ себя занятію науками. Послѣ многочисленныхъ путешествій, на тридцатомъ, или, по другимъ извѣстіямъ, на сорокъ пятомъ году жизни Анаксагоръ прибылъ въ Аѳины, въ самую блестящую эпоху аѳинской жизни, — въ правленіе Перикла, съ которымъ вошелъ въ дружескія отношенія. Эврипидъ и Ѳукидидъ были его учениками. Обвиненный въ безбожіи (*ἀσέβεια*), онъ избѣжалъ казни, благодаря краснорѣчивой защитѣ Перикла: смертный приговоръ былъ замѣненъ изгнаніемъ. Оставивъ Аѳины, онъ поселился въ Лампсакѣ, гдѣ и кончилъ жизнь около 73-хъ лѣтъ отъ роду. Жители Лампсака воздвигли ему по смерти гробницу съ слѣдующей надписью: «эта гробница вмѣщаетъ въ себѣ великаго Анаксагора, котораго умъ изслѣдовалъ небесные пути истины.» Основа его философской системы заключается въ слѣдующемъ положеніи: *πάντα χρήματα ἦν ὁμοῦ; εἶτα νοῦς ἐλθὼν αὐτὰ διεκόσμησε* — всѣ вещи находились въ смѣшеніи; потомъ пришелъ умъ и привелъ ихъ въ порядокъ.» Подробности объ ученіи Анаксагора см. въ анализѣ (оконч. VII-ой гл.), а замѣчанія на его систему Платона въ Федонѣ. (p. 97 C—99 C.)

83. *δέομαι παθεῖν — ἀναμνησθῆναι* — мнѣ только нужно — припоминать?] Вмѣсто *παθεῖν* во всѣхъ кодексахъ *μαθεῖν*. Παθεῖν — поправка Серрана, принятая Штальбаумомъ. Не смотря на то, что большинство комментаторовъ (Фишеръ, Виттенбахъ, Шмидтъ) держится текста манускриптовъ, я перевелъ по чтенію Штальбаума,

которое защищаетъ и Бишофъ. (Pl Phaed. p. 81, sq.) Согласно этому чтенію Штальбаумъ переводитъ: sed hoc ipsum, de quo sermo est (h. e. τὴν ἀνάμνησιν) cupio experiri, hoc est commonefieri a vobis πῶς ἡ καλουμένη μάθησις ἀνάμνησίς ἐστι. Платонъ играетъ выраженіемъ ἀναμνησθῆναι: Симміасъ проситъ припомнить ему, — что̀ значитъ припоминать?

84. τὰ παιδικά — предметъ ихъ привязанности.] De uno intelligitur, ut fere semper intelligendum est. Sic in Parm. p. 127 B. Zeno Eleates narratur fuisse παιδικὰ τοῦ Παρμενίδου etc. Штальб. p. 146.

85. εἴτε τι ἐλλείπει τοῦτο — ἐκείνου — нѣтъ ли — недостатка — сходства съ тѣмъ и проч.] utrum illud ratione similitudinis nonnihil distet necne ab eo, de quo recordatus sit. Астъ, Plat. Op. t. XI. p. 593. Ἐλλείπειν τί τινος est aliquo esse in aliqua re inferiorem vel deteriorem. Штальб. p. 147. Вообще ἐλλείπειν синонимъ ἐνδεῖν, какъ это можно видѣть изъ непосредственно слѣдующаго: ἐνδεεστέρως ἔχειν. Биш. Pl. Phaed. p. 89.

86. αὐτὸ τὸ ἴσον — самое равенство.] i. e. ideam et formam aequalitatis animo conceptam. Nam αὐτό indicat vim et naturam alicujus rei per se consideratae. Штальб. p. 148. Notio universalis aequalitatis, idea aequalitatis. Виттенб. p. 187.

87. αὐτὰ τὰ ἴσα ἔστιν ὅτε ἄνισά σοι etc. — равное — неравнымъ.] Платонъ обозначаетъ обыкновенно отвлеченныя сущности (равное въ самомъ себѣ, прекрасное въ самомъ себѣ) прилагательнымъ средняго рода въ числѣ единственномъ, — αὐτὸ τὸ ἴσον, αὐτὸ τὸ καλόν, а соотвѣтствующія имъ понятія конкретныя — прилагательнымъ средняго рода во множественномъ. τὸ ἴσον, τὸ καλόν = равное въ самомъ себѣ, прекрасное въ самомъ себѣ. τὰ ἴσα, τὰ καλά = равные, прекрасные предметы. Но въ этомъ мѣстѣ τὰ ἴσα обозначаетъ не предметы равные, а самую идею равенства — ideam aequalitatis, ipsam notionem universalis aequalitatis. Такъ какъ равенство, отвлеченное отъ многихъ равныхъ, но разнородныхъ предметовъ, само заключаетъ въ себѣ нѣкоторымъ образомъ понятіе множественности, то Платонъ употребилъ τὸ ἴσον во множественномъ числѣ вмѣсто ἰσότης. См. Шт. p. 149. Вит. p. 187.

88. οὐκοῦν ἢ ὁμοίου ὄντος — πάνυ μὲν οὖν — а равно или неравно равенство — конечно такъ] Шмидтъ (Krit. Komment. zu Pl. Phaed. I, p. 60—66.) считаетъ это мѣсто неподлиннымъ, въ чемъ съ

нимъ соглашается и Суземилъ. Genet. Entwick. der Pl. Philos. 1, p. 430. Основаніе такого взгляда то, что оно нарушаетъ ходъ логическаго развитія мысли. Иначе думаетъ объ этомъ Штальбаумъ. Послѣдній прежде всего обращаетъ вниманіе на то, что никто не можетъ указать, какъ могло явиться въ текстѣ это мѣсто, которое, разсматриваемое само въ себѣ, носитъ чистѣйшій колоритъ платоновской рѣчи. Далѣе, если эти слова выбросить, то становится совершенно непонятно, къ чему направлено предыдущее разсужденіе Сократа о двоякомъ родѣ воспоминанія, — разсужденіе, которое было ведено съ такою утонченностію анализа въ XVIII гл. Подробнѣе развитіе доказательствъ Штальбаума см. въ самомъ примѣч. его къ этому мѣсту. (p. 150.) Ср. Бишофа, который также защищаетъ его подлинность. (Pl. Phaed. p. 87.) Что касается меня, то я думаю, что доказательства Штальбаума можно признать достаточно убѣдительными. Переписчику прибавку приписать невозможно, а изъ схоліастовъ едва ли бы кто рѣшился исправлять Платона.

89. ὅτι ὀρέγεται μὲν πάντα ταῦτ' εἶναι — что всѣ они стремятся быть и пр.] h. e. haec omnia (τὰ ἴσα) appetere ipsi aequalitatis formae fieri similia, nec tamen fieri posse. Штальб. p. 152. Ср. Виттенб. p. 188.

90. οἷς ἐπισφραγιζόμεθα τοῦτο, ὃ ἔστι — чему только мы приписываемъ бытіе.] h. e. quibus τῆς οὐσίας signum imprimimus, quae nomine essentiae insignimus. Штальб. p. 154; ср. Виттенб. p. 189. Приписываемъ бытіе т. е. вѣчное, безусловное, единственно истинное бытіе; разумѣются идеи.

91. δυνατὸν γὰρ δὴ τοῦτό γ' ἐφάνη — потому что мы признали возможнымъ и пр.] Sententia haec est: nam fieri sane posse videbatur antea, ut quis vel oculis vel auribus vel alio quodam sensu aliquid perciperet et simul mente sua conciperet notionem rei ab illa, quam sensibus percepit, diversae, cujus oblitus erat, quae huic conjuncta erat, vel dissimilitudine, vel similitudine sua. Штальб. p. 156.

92. ἐν ποίῳ ἄλλῳ χρόνῳ — какое же будетъ другое время и пр.] Scil. nisi eodem illo tempore, quo nascimur. Штальб. p. 157. Non possumus istas notiones accipere nascentes; quia nascentes eas per-

dimus: nec potes aliquid tempus excogitare, quo eas perdamus. Виттенб. p. 191.

93. καὶ τοῦτον διαπραγματεύσασθαι — углубитесь больше въ этотъ предметъ.] h. e. mihi videmini libenter etiam hanc quaestionem pertractaturi aliquanto diligentius. διαπραγματεύεσθαί τι dicuntur ii, qui studium et operam in re aliqua ponunt, qui de re aliqua quaerunt. Sic c. 45. περὶ γενέσεως καὶ φθορᾶς τὴν αἰτίαν διαπραγματεύσασθαι est quaerere de natura et caussa ortus atque interitus rerum. Фишеръ, p. 321.

94. ἐπᾴδειν αὐτῷ — напѣвать ему магическую пѣснь.] ἐπᾴδω = incanto; etiam verbis demulcentibus vel persuadentibus utor, consolor. admoneo, animum erigo al. (L. A.) Буквально этотъ глаголъ переводится латинскимъ — accinere — припѣвать. Вотъ какъ опредѣляетъ значеніе его Фишеръ. ἐπᾴδειν est incantare, excantare, h. e. verbis certis et vocibus uti, — carmina vocat Virgilius, — quibus vulnera sanentur, quibus leniantur morbi, ut corporis, ita etiam animi, quibus morbi utriusque generis vel leventur, vel tollantur et depellantur. Pl. Phaed. p. 322. Магія — ars magica — является у Грековъ въ самой глубокой древности. Уже въ Одиссеѣ Гомера мы находимъ многочисленныя доказательства существованія у нихъ въ тѣ времена чародѣйства, — искусства, которое, по суевѣрному представленію массъ въ грубыя и невѣжественныя времена, даетъ человѣку возможность пріобрѣтать сверхъестественную власть надъ силами природы и людьми и устраивать свою или чужую судьбу въ томъ или другомъ отношеніи согласно своимъ видамъ и желаніямъ. Сюда относятся: очарованный напитокъ Елены, (Od., 4, 220) заговариваніе раны Одиссея сыновьями Автоликоса, (Odyss. 19, 457.) превращеніе Цирцеею съ помощію волшебнаго жезла и напитка спутниковъ Одиссея и другихъ въ свиней, львовъ и проч., возвращеніе ихъ помощію обратныхъ средствъ чародѣйства въ прежній видъ, (Od. 10, 212, 233, 287) некіомантія Одиссея (Od. 10, 503 sqq., 11, 1, sqq.) etc. Здѣсь же, въ указанныхъ мѣстахъ Гомера мы находимъ и слѣды чародѣйскаго языка, слова — θέλγειν, φάρμακον и однокоренное съ нашимъ глаголомъ существительное — ἐπαοιδή. Не буду входить въ дальнѣйшія подробности, потому что это относятся уже къ исторіи магіи у Грековъ. Для насъ въ на-

стоящемъ случаѣ важенъ фактъ въ самомъ общемъ его видѣ, насколько это необходимо для точнаго опредѣленія употребленнаго Сократомъ глагола. И такъ ἐπᾴδειν собственно значитъ напѣвать волшебную, чародѣйственную пѣснь,—пѣснь, которая присутствіемъ въ ней тайной, сообщенной ей мнимо всемогущими, суевѣрными средствами силы покоряла бы всецѣло умы и сердца людей, и заставляла бы ихъ невольно вѣрить тому, о чемъ она поетъ. Противуположный этому по значенію глаголъ ἐξεπᾴδειν — уничтожать что нибудь въ комъ нибудь съ помощію волшебной пѣсни, исцѣлять кого нибудь отъ чего нибудь посредствомъ пѣсни. Едва ли нужно говорить, что эти выраженія Сократа должны быть принимаемы не въ собственномъ, а въ переносномъ значеніи и понимаемы съ одной стороны въ смыслѣ величія предмета, о которомъ пѣсня поетъ, и драгоцѣнности идеи безсмертія для сердца человѣка, а съ другой — въ смыслѣ силы и глубины философскихъ доказательствъ, которыя она должна въ себѣ заключать.

95. μονοειδὲς ὄν — простою и равною только самой себѣ.] μονοειδής = uniusmodi, simplex. (L. A.) Порусски μονοειδής ближе всего переводится прилагательнымъ — простой (въ смыслѣ метафизическомъ.) Въ понятіе μονοειδὲς входитъ все, существующее αὐτὸ καθ' αὑτό. Такъ какъ простое по существу неразрушимо, то у Платона μονοειδὲς соединяется съ понятіемъ τὸ ἀδιάλυτον и противуполагается понятіямъ τὸ πολυειδὲς καὶ διαλυτόν; εἴτε πολυειδὴς εἴτε μονοειδής (ἡ ἀληθὴς φύσις.) Pol. X, 612 A. Штальб. p. 165. объясняетъ это прилагательное такъ: dicitur μονοειδές, quod est sibi par et sui simile, quod nihil in se habet admixtum dispar sui neque dissimile.

96. ἰλιγγιᾷ — кружится какъ опьянѣлая.] ἰλιγγιῶ — vertigine corripior, titubo; stupeo, obstupesco (L. A.) Vertigine correptus rotatur et circumagitur. Verbum eleganti metaphora dicitur de iis, qui prae judicii et consilii inopia nesciunt, quid agant et quo se vertant. Штальб. p. 169.

97. τῷ μὲν δουλεύειν καὶ ἄρχεσθαι ἡ φύσις προστάττει, τῇ δὲ ἄρχειν καὶ δεσπόζειν — тѣлу природа указываетъ повиноваться и находиться подъ управленіемъ, а душѣ начальствовать и повелѣвать.] Почему? Отвѣтъ на это находимъ въ Тимеѣ. Душа есть ранѣе явившееся и высшее начало, а потому и господствующее; душа сотворена

раньше, а тѣло позже; вслѣдствіе этого тѣло, по естественному закону, должно подчиняться душѣ. Τὴν δὲ δὴ ψυχὴν οὐχ ὡς νῦν ὑστέραν ἐπιχειροῦμεν λέγειν, οὕτως ἐμηχανήσατο καὶ ὁ θεὸς νεωτέραν; οὐ γὰρ ἂν ἄρχεσθαι πρεσβύτερον ὑπὸ νεωτέρου ξυνέρξας εἴασεν. Tim. p. 34 C. Ср. Виттенб. p. 203.

98. ἐὰν μέν τις καὶ χαριέντως ἔχων τὸ σῶμα τελευτήσῃ, καὶ ἐν τοιαύτῃ ὥρᾳ καὶ πάνυ μάλα; συμπεσὸν γὰρ τὸ σῶμα καὶ ταριχευθὲν etc. — если же кто умретъ, сохранивъ красоту тѣла, то тѣло продолжаетъ существовать очень долгое время съ той же красотой; тѣло же, изъ котораго вынули внутренности и набальзамировали и пр.] Текстъ этого мѣста весьма труденъ и различно объясняется комментаторами. Штальбаумъ даетъ ему слѣдующее толкованіе. Est enim, говоритъ онъ, totius loci sententia haec: nam sive quis vel in ipso aetatis flore mortuus fuerit, quo tempore corpus propter teneritatem suam putredini maxime est obnoxium, vel hac tali aetate perquam diu durat; potest enim integrum conservari prope immensum tempus Aegyptiorum more conditum medicaminibus; sive corpus in putredinem abierit, sicuti fit, ubi non amplius viride et vegetum fuit, certe nonnullae ejus partes, ossa, ac tendines et quae sunt alia id genus omnia, prope immortales videntur esse. p. 171, sq. Виттенб. дѣлаетъ такое объясненіе: i. e. si quidem quis etiam corpore florente et caeterum bene constituto mortuus fuerit, et simili tempestate. (Imo: atque florente aetate. Nam ὥρα de eximia juvenilis aetatis specie dicitur, ut recte observavit. Heindorf.) p. 205. Не буду приводить другихъ объясненій, потому что ихъ слишкомъ много: сводъ и критическій разборъ мнѣній остальныхъ комментаторовъ см. у Шмидта (Kr. Com. zu Pl. Phaed. v. 1, p. 83—88.) Что касается до меня, то я бы предложилъ такое объясненіе этого мѣста. По моему мнѣнію соединять съ выраженіемъ ἔχειν χαριέντως — цвѣтущій возрастъ жизни, какъ это дѣлаетъ Штальбаумъ, нѣтъ никакой необходимости. Подъ выраженіемъ ἔχειν χαριέντως нужно разумѣть вообще красоту, — будетъ ли она принадлежать тому или другому возрасту человѣка. Такъ и объясняетъ это выраженіе Бишофъ, Pl. Phaed. p. 105. Далѣе, ὥρα имѣетъ то же самое значеніе представляетъ синониму ἔχειν χαριέντως. Такимъ образомъ переводъ будетъ слѣдующій: «если же кто умретъ, сохранивъ красоту тѣла

то тѣло продолжаетъ существовать очень долгое время съ той же красотой.» Послѣ τελευτήσῃ должна стоять запятая, (какъ и ставятъ ее Штальбаумъ, Гейндорфъ и Шмидтъ) а дальнѣйшее — καὶ ἐν τοιαύτῃ ὥρᾳ καὶ πάνυ μάλα — нужно соединять съ предыдущимъ: ἐπιμένει. Крайнее затрудненіе, которое дѣлаетъ непосредственно слѣдающая за тѣмъ частица γάρ, при этомъ объясненіи совершенно устраняется. Логическое развитіе мысли слѣдовательно получается такое, какъ бы Сократъ говорилъ слѣдующимъ образомъ: «мы видимъ, что тѣло сохраняется очень долгое время; мало того: оно не только продолжаетъ существовать, но остается долгое время съ той же самой красотой; (если кто умеръ, сохранивъ красоту, слѣд. напр. не истощенный болѣзнію) потому что будучи очищено отъ внутренностей и набальзамировано, оно сохраняется почти въ цѣломъ составѣ и пр. Объ употребленіи ὥρα въ этомъ значеніи у Платона см. Аста. Ср. Гроссе, (Plat. Phaed., Halle, 1828 p. 160), Фишера, (p. 335.) Кузена, t. I, p. 362. За тѣмъ дальнѣйшія выраженія: σῶμα συμπεσὸν = corpus exenteratum, cui viscera et intestina exempta sunt; σῶμα ταριχευθὲν = corpus medicatum, conditum sale, nitro, aromatis et odoribus, etiam gummi et cera. Фиш. ibid. Ср. Виттенб. p. 205.

99. ἡ δὲ ψυχὴ — τὸ ἀειδές — εἰς Ἅιδου ὡς ἀληθῶς — душа нѣчто невидимое — въ такое мѣсто, которое и пр. — міромъ невидимымъ.] Въ подлинникѣ игра словъ, непереводимая по-русски. Душа, начало невидимое, (τὸ ἀειδές) отправляется въ невидимое мѣсто (Ἀΐδης — аидъ.) См. Виттенб. p. 206, Штальб. p. 173. Прибавка ὡς ἀληθῶς указываетъ на то, что подъ этимъ нужно разумѣть не подземный міръ, какъ обыкновенно представляютъ, а то мѣсто, гдѣ живутъ τὰ ἀειδῆ, τὰ ὄντως ὄντα — невидимыя идеи.

100. περὶ τὰ μνήματά — φαντάσματα — вокругъ могильныхъ памятниковъ — тѣнеобразные призраки душъ.] Intelliguntur σκιοειδῆ φαντάσματα umbrae, larvae umbratiales, quae quia credebantur circa sepulcra versari et terrere vivos, propterea ab Apulejo nominantur sepulcrorum terriculamenta. Штальб. p. 175. Вмѣсто φαντάσματα есть и другое чтеніе — φάσματα. Смыслъ, впрочемъ, не измѣняется, потому что значеніе обоихъ существительныхъ почти одно и тоже. φάσμα = visum, simulacrum; etiam ostentum s. prodigium. (L A.) Древніе Глоссаріи переводятъ φάσματα imagines mortuorum; σκιο-

ειδῆ φαντάσματα sunt umbrae. larvae umbratiales. Фиш. p. 341 Народное вѣрованіе о блужданіи нѣкоторыхъ душъ вокругъ своих гробницъ было, какъ извѣстно, очень распространено въ древ ности. Лактанцій, Institut. 11, 2, 6: vulgus existimat anima circa tumulos et corporum suorum reliquias aberrare. См. Виттенб p. 208.

101. γαστριμαργίας τε καὶ ὕβρεις καὶ φιλοποσίας — обжорствомъ, развра томъ и разгульною жизнію.] Γαστριμαργία est voracitas, heluatio ὁ γαστρίμαργος = τῇ κοιλίᾳ μαινόμενος, ἀκρατής, ἄπληστος, πολυ φάγος, какъ объясняетъ Гезихій. ὕβρεις autem de flagitiis et stu pris intelligendum. φιλοποσίας, — чтеніе принятое Штальбаумом Другіе комментаторы (Фишеръ, Виттенбахъ) на основаніи других рукописей читаютъ φιλοτησίας. Разница въ чтеніи не дѣлает впрочемъ, ни малѣйшей разницы въ смыслѣ; значеніе обоих существительныхъ совершенно одно и тоже, такъ что Астъ (L. P. отказывается даже отъ опредѣленія φιλοτησία, дѣлая при этом словѣ только ссылку на φιλοποσία. φιλοτησίας — propinationes be nevolas, invitationes ad bibendum. Виттенб. p. 213.

102. καὶ μὴ διευλαβημένους — и не избѣгали этихъ пороковъ.] Ficinu neque quidquam pensi pudorisque habuerunt. Фишеръ: οἱ μὴ δι βλαβημένοι sunt, qui sibi non cauerunt ab istis vitiis, qui nc fugerunt ista vitia, neque adeo differunt ab iis, qui ante dic sunt οἱ μεμελετηκότες atque οἱ ἐπιτετηδευκότες. p. 345. Штальб qui sibi non prorsus ab illis vitiis caverunt, qui illa non om modo fugerunt. p. 177.

103. ἢ τῷ φιλομαθεῖ — только любителю знанія.] Прилагательное φιλ μαθής здѣсь повидимому не точно, потому что блаженство вѣчн жизни, по взгляду Сократа, принадлежитъ только философу. I самомъ дѣлѣ однакожъ неточности нѣтъ, потому что оба э прилагательныя φιλομαθής и φιλόσοφος употребляются иногда ка синонимы. φιλομαθής — понятіе родовое; φιλόσοφος — видово всякій φιλόσοφος есть вмѣстѣ съ тѣмъ φιλομαθής, но не на об ротъ: не всякій φιλομαθής есть φιλόσοφος. Тѣмъ не менѣе одн кожъ оба эти прилагательныя употребляются иногда одно вмѣс другого. Подобный способъ выраженія часто встрѣчается и Цицерона, который называетъ философовъ viri docti et doctissin

Виттенб. p. 215. Ср. у Гёца (Götz) Pl. Werke, Ausb. 1842 г. erst. B. p. 137 и у Фиш. p. 346, sq.

104. ἀλλὰ μὴ σώματα πλάττοντες ζῶσι — и живутъ не для того, чтобы служить тѣлу.] Выраженіе πλάττειν σῶμα останавливаетъ на себѣ вниманіе своею необыкновенностію, въ силу чего Штальбаумъ предполагаетъ въ этомъ мѣстѣ испорченность текста, хотя впрочемъ не утверждаетъ этого положительно. (Locus ut videtur corruptus.) Nam σῶμα πλάττειν, говоритъ онъ, etsi recte dici possunt ii, qui corpus artificiose fingunt, formant, colunt, tamen non recte illi dicuntur, qui corpori inserviunt, ejusque curae molliter sunt dediti. (p. 180.) Вопреки мнѣнію Штальбаума, я думаю, что употребленіе выраженія πλ. σ. и въ этомъ послѣднемъ значеніи не будетъ неправильностію, такъ какъ безраздѣльно отдаваться чувственнымъ влеченіямъ и служить исключительно тѣлу есть тоже самое, что πλ. σ. (принимаемое въ собственномъ смыслѣ) творить, создавать тѣло. Съ этой точки зрѣнія πλ. σ. есть синонима прямого, нефигуральнаго выраженія σῶμα θεραπεύειν, (Фиш. 348) и представляетъ аналогію съ другимъ: πλάττειν ψυχήν. Ср. Виттенб. p. 217 и Гёца, p. 140.

105. παραλαβοῦσα — ἡ φιλοσοφία — что философія, принимая на свое попеченіе ихъ душу.] παραλαμβάνειν — dicitur de omnibus iis, qui aliquem accipiunt instituendum, erudiendum praeceptis, monitis, consiliis augendum et formandum omninoque tractandum, ut hoc loco de philosophia, quae studet animum a vinculis corporis liberare et exsolvere. Штальб. p. 180. Въ этомъ значеніи глаголъ этотъ употребляется Платономъ и въ другихъ мѣстахъ. Alcib. I, p. 121 E. Apol. p. 18 B.

106. καὶ τοῦ εἱργμοῦ — δεδέσθαι — и чувствуя крѣпость этой тюрьмы,— крѣпость, которую образуютъ страсти.] Греческій текстъ этого труднаго мѣста представляетъ и различныя чтенія и разныя объясненія. Чтобы дать читателю возможность сличить эти чтенія и объясненія, я приведу примѣчаніе къ нему Бишофа, у котораго сдѣланъ сводъ и критическій разборъ мнѣній комментаторовъ. Вотъ его примѣчаніе. καὶ τοῦ εἱργμοῦ δεινότητα κατιδοῦσα, ὅτι δι' ἐπιθυμίας ἐστίν, ὡς ἂν μάλιστα αὐτὸς ὁ δεδεμένος ξυλλήπτωρ εἴη τοῦ δεδέσθαι — erklärt Heindorf und übersetzt nach ihm Schleiermacher so, dass ὅτι δι' ἐπιθυμίας ἐστίν heisst, das Furchtbare des Gefäng-

nisses ist dies, dass es aus Lust besteht; dieses aus Lust Bestehen ist seine Furchtbarkeit. Allein erstens hat diese Erklärung sprachliche und sachliche Schwierigkeiten, da das nur aus Lust Bestehen doch wohl deutlicher ausgedrückt sein würde, der hierin liegende Gedanke selbst aber kaum richtig und auch kaum platonisch ist, da doch Plato schwerlich irgendwo so etwas sagt, wie dass der Leib aus Lust bestehe, zweitens schliesst sich das Folgende, wobei ὡς als gleichbedeutend mit ὥστε zu nehmen wäre, nicht so leicht an, bringt wenigstens einen durch das Vorausgehende nicht geforderten Zusatz hinzu. Deshalb ist der andern Erklärung (von Fischer, Stallbaum, Rückert, Ast, Müller) beizupflichten, wonach δι' ἐπιθυμίας ἐστιν im Sinne von ἐπιθυμεῖ genommen wird, so dass es sich auf das Folgende bezieht: die Furchtbarkeit des Kerkers besteht darin, dass er (der Kerker) voll Begierde darnach ist, ihn selbst, seinen Gefangenen (die Seele) zum Mithelfer für dessen eigne Gefangennahme zu gewinnen. Nicht nothwendig aber ist es, mit Stallbaum εἱργμοῦ als gleichbedeutend mit τοῦ εἴργοντος anzusehen, da es sehr wohl heissen kann: der Einschluss, die Umzäunung, der Kerker oder das Gitter, wie Schleiermacher übersetzt, welches sprachlich allein zulässig ist, während natürlich sachlich es sich von selbst versteht, dass das Gefängniss auch das Gefangenhaltende, die Umzäunung das Umzäunende ist. Die hier gegebene Erklärung scheint auch trotz Schmidt's Bedenken immer noch die beste zu sein und einfacher als Deuschle's Aufassung der Stelle. Dass es nicht heisst τὸν εἱργμὸν κατιδοῦσα ὅτι, sondern τοῦ εἱργμοῦ τὴν δεινότητα, — kann nicht hindern, dennoch εἱργμός als Subject des Satzes ὅτι δι' ἐπιθυμίας ἐστὶν zu verstehen, da ja doch offenbar τὴν δεινότητα nur gesetzt ist für das gewöhnlichere τὸν δεινὸν εἱργμόν, um seine δεινότης mehr herauszuheben. Will man's nun ganz genau nehmen, so kann man sagen, auch zu δι' ἐπιθυμίας müsse δεινότης Subject sein; allein die ἐπιθυμία kommt doch nimmermehr der δεινότης, sondern auf jeden Fall dem εἱργμός zu, denn übersetzen, wie Nüsslin: die Furchtbarkeit ist «Wirkung» der Begierde, darf man nicht, da dieses sicherlich anders ausgedrückt sein würde als mit δι' ἐπιθυμίας ἐστὶν. Es ist ja aber auch gar nicht so bedenklich δεινότης als Subject zu nehmen, nämlich δεινότης εἱργμοῦ, welche

dann eben soviel ist als δεινὸς εἱργμός. Nur so, wenn man δι' ἐπιθυμίας ἐστὶν nimmt im Sinn von: voll Begierde sein, in Begierde stehen, und als Subject dazu (wenigstens dem Sinn nach) εἱργμός, schliesst sich das Folgende leicht an. Denn zu übersetzen mit Deuschle: ὡς ἂν «grade wie wenn», ist sprachlich nicht ohne Bedenken, da es dann doch wohl ὥσπερ heissen würde, und wird dem Sinn kaum besser Genüge thun, als die von uns angenommene Erklärung dieser Worte, wodurch dieselben ein wesentliches Glied des Satzes werden. Pl. Phaed. p. 114, sqq.

107. ὁμότροπός τε καὶ ὁμότροφος — пріобрѣтаетъ тѣ же свойства и начинаетъ питаться тою же пищею.] Непереводимая по-русски игра словъ. ὁμότροπος = qui eisdem est moribus; ὁμότροφος = qui eisdem rebus pascitur, vel idem appetit. (L. A.)

108. τοῦ σώματος ἀναπλέα — оскверненная тѣлесными.] Синонима ἀκάθαρτος, — corpore polluta et inquinata. Штальб.

109. ἀνήνυτον — μεταχειριζομένην — производить и пр. — станка Пенелопы.] Другими словами: уничтожать то, что сдѣлано. Пенелопа, извѣстная вѣрностью жена Одиссея, желая отклонить своихъ жениховъ отъ ихъ настойчивыхъ исканій, начала ткань и три года сряду распускала по ночамъ то, что успѣвала соткать въ теченіе дня. Предварительно ею дано было обѣщаніе выдти за-мужъ по окончаніи работы. Какъ Пенелопа сначала производила, а потомъ уничтожала ткань, такъ противуположнымъ этому образомъ (ἐναντίως) колеблющійся въ своихъ правилахъ человѣкъ сначала уничтожалъ бы въ себѣ съ помощію философіи то, что явилось въ немъ какъ результатъ жизни чувственной, а потòмъ, возвращаясь къ прежнему, возсоздавалъ бы въ себѣ вновь стремленія, уничтоженныя въ немъ вліяніемъ философіи. Очевидно, что работа философіи надъ душой человѣка была бы въ этомъ случаѣ ἔργον ἀνήνυτον.

110. ἑπομένη τῷ λογισμῷ καὶ ἀεὶ ἐν τούτῳ οὖσα — слѣдуя разуму и всегда ему повинуясь.] Ἕπομαι имѣетъ здѣсь значеніе слѣдовать т. е. повиноваться πείθεσθαι. Дальнѣйшее: καὶ ἀεὶ ἐν τούτῳ οὖσα нѣкоторые комментаторы соединяютъ съ послѣдующимъ: τὸ ἀληθὲς — τρεφομένη, (см. Гроссе, Plat. Phaed. p. 176.) Но гораздо основательнѣе Штальбаумъ — съ предыдущимъ: h. e. et semper in eo occupata s. id semper agens, ut rationi obtemperet.

111. τὸ ἀδόξαστον—неизмѣнное для мысли.] т. е. безусловно истинное. Точное опредѣленіе понятія, которое Платонъ соединяетъ съ словомъ δόξα, представляетъ величайшую трудность, и можетъ быть предметомъ цѣлаго обширнаго изслѣдованія. Опредѣленіе это тѣмъ труднѣе, что у самого Платона оно представляетъ въ разныхъ діалогахъ различные оттѣнки. (См. Скворцова, Платонъ о знаніи, стр. 180 и сл.) Но вообще понятіе δόξα — opinio, sententia (нѣм. Vorstellung) у него противуполагается понятію ἐπιστήμη = scientia, cognitio. (нѣм. das Verstehen.) δόξα — мнѣніе — имѣетъ мѣсто въ области видимаго бытія, — предметовъ, о которыхъ мы составляемъ понятіе помощію внѣшнихъ чувствъ; ἐπιστήμη — знаніе въ самомъ точномъ и строгомъ значеніи слова, потому что предметъ его — идеи, представляющія вѣчное, неизмѣнное бытіе.

112. οἳ ἐπειδὰν — ᾄδουσι — которые — поютъ и пр.] поэтическое сказаніе о пѣсни умирающей лебеди составляло предметъ всеобщаго вѣрованія у древнихъ. Извѣстіе объ этомъ мы находимъ у многихъ греческихъ и римскихъ писателей. Нѣкоторые натуралисты новаго времени засвидѣтельствовали вѣрность наблюденія, сдѣланнаго древними, и утверждаютъ положительно, что лебеди (изъ породы cygnus melanorhynchus; у Линнея — anas cygnus) предчувствуя приближеніе смерти, поютъ жалобныя, но въ тоже время самыя нѣжныя и прекрасныя свои пѣсни. Другіе впрочемъ отрицаютъ этотъ фактъ.

113. τοῦ Ἀπόλλωνος ὄντες — какъ птицы Аполлона.] Ἀπόλλων — Apollo — Аполлонъ, по миѳологіи, сынъ Зевса и Леты (Λητώ.) Ни у Гомера, ни у Гезіода нѣтъ свѣдѣній о мѣстѣ его рожденія; только гимнъ указываетъ его родину — островъ Делосъ. Аполлонъ = свѣтлый (φοῖβος) — богъ порядка, защитникъ закона, всего добраго и прекраснаго въ природѣ и родѣ человѣческомъ. Высокое преимущество его передъ другими божествами (кромѣ одного Зевса) — даръ прорицаній, предвѣдѣнія будущаго Онъ получилъ этотъ даръ отъ самого Зевса для того, чтобы предостерегать людей отъ несчастій и возвѣщать имъ волю отца боговъ и людей. Онъ по преимуществу — μάντις. Одаренный предвѣдѣніемъ будущаго самъ, онъ можетъ сообщать этотъ даръ и другимъ, — богамъ и смертнымъ. (Гермесъ, Калхасъ.) Изъ деревъ ему посвященъ лавръ, а изъ птицъ — лебеди. Сократъ въ настоящемъ мѣстѣ объясняетъ поэтически инстинктивное предчувствіе умирающей

лебеди и ея послѣднюю, прощальную пѣснь предвѣдѣніемъ, которое она, какъ птица Аполлона, получаетъ непосредственно отъ него самого. См. предыд. примѣч.

114. ἐγὼ δὲ — τοῦ δεσπότου — но я считаю и пр. — какъ и онѣ.] По вѣрованіямъ древнихъ душа умирающаго обладала предвѣдѣніемъ будущаго. Такъ умирающій Патроклъ предсказываетъ въ Иліадѣ своему побѣдителю Гектору смерть отъ руки Ахиллеса, Il. XVI, v. 851 sqq., а Гекторъ въ томъ же положеніи смерть Ахиллесу отъ Париса. Il. XXII, 358 sqq. Дидона у Виргилія, умирая предсказываетъ Энею несчастія въ Италіи, погибель въ битвѣ и вражду между потомками его и ея. Сократъ называетъ въ настоящемъ мѣстѣ Аполлона своимъ повелителемъ (δεσπότης) а себя сослужителемъ лебедей (ὁμόδουλος) именно въ этомъ смыслѣ. Какъ человѣкъ умирающій онъ обладаетъ предвѣдѣніемъ будущаго и знаетъ, что̀ его ожидаетъ по смерти. Въ эти минуты онъ таинственно посвященъ Аполлону, и раздѣляетъ предвѣдѣніе съ его вѣщей птицей — лебедью.

115. ἐπὶ βεβαιοτέρου ὀχήματος ἢ λόγου θείου — на болѣе прочномъ кораблѣ или при помощи нѣкотораго рода божественнаго откровенія.] Что здѣсь разумѣется подъ θεῖος λόγος? Отвѣтить положительно на этотъ вопросъ не только трудно, но едва ли даже возможно; по крайней мѣрѣ, нельзя указать въ цѣломъ Федонѣ другого вопроса, который бы болѣе затруднялъ комментаторовъ, и представлялъ болѣе разногласій. По смыслу текста λόγος θεῖος, о которомъ идетъ рѣчь, противуполагается предыдущему — λόγοι ἀνθρωπίνοι. Послѣдніе, — это rationes et argumenta, quae humano ingenio excogitata et inventa sunt. Что же касается до λόγος θεῖος, то Штальбаумъ дѣлаетъ къ этому мѣсту слѣдующее примѣчаніе. Hic locus interpretes multum vexavit, usque dum ei C. F. Hermanni doctrina et ingenium lucem attulit. Is enim in comment. de magistris Socratis p. 37. scite observavit θεῖον λόγον non esse alium, quam qui divino beneficio atque θείᾳ μοίρᾳ hominibus obtingat. Itaque intelligitur δόξα ὀρθή, quam Platonem constat ita tribuisse mortalibus, ut eam totam a θείᾳ μοίρᾳ repeteret. Apertum est, говоритъ онъ въ заключеніе, λόγον θεῖον non esse alium, quam qui antea dictus est βέλτιστος τῶν ἀνθρωπίνων λόγων.» Вопреки мнѣнію Штальбаума и Германа, я думаю, что разумѣть

подъ θεῖος λόγος — δόξαν ὀρθήν или ἐπιστήμην едва ли позволяетъ логическій ходъ мысли цѣлаго мѣста. Выраженіе λόγος θεῖος весьма ясно противуполагается предыдущему: λόγοι ἀνθρώπινοι, и такъ какъ два логически противуположные члена дѣленія взаимно исключаютъ другъ друга, то λόγος θεῖος должно представлять нѣчто отличное отъ предыдущаго. Принимая въ соображеніе то, что Симміасъ говорилъ выше о невозможности, или по крайней мѣрѣ необыкновенной трудности разрѣшенія этого вопроса въ жизни настоящей (ἐν τῷ νῦν βίῳ) и недостаточности для этой цѣли всѣхъ вообще τῶν ἀνθρωπίνων λόγων — подъ θεῖος λόγος можно разумѣть непосредственное откровеніе божества. Изъ всѣхъ вообще λόγων ἀνθρωπίνων надобно избирать то, которое окажется наиболѣе твердымъ и основательнымъ, и понеобходимости довольствоваться имъ, за невозможностью основать разрѣшеніе этого вопроса на высшемъ и болѣе совершенномъ началѣ — откровеніи божественномъ.

116. ἐν τῇ ἡρμοσμένῃ λύρᾳ — въ хорошо устроенной лирѣ.] est lyra modulata, eine gestimmte Lyra. Штальб.

117. ἐάν τι δοκῶσι προςᾴδειν — если найдемъ, что они говорятъ истину.] h. e. si quid veri dicere videbuntur. Προσᾴδειν употреблено здѣсь вмѣсто λέγειν τι, сообразно характеру предмета, о которомъ идетъ рѣчь. Говорится о гармоніи.

118. εἰ μὴ ἐπαχθές ἐστιν εἰπεῖν — если не будетъ съ нашей стороны нескромностію такъ выразиться.] nisi dictu molestum et invidiosum sit. Sic subinde usurpatur ἐπαχθής de nimia et intempestiva sua aliorumve laudatione, quae ipsis iis, ad quos et de quibus fit, molesta et injucunda est. Виттенб. p. 227.

119. ὁ λόγος οὗτος ἀντιλαμβάνεται — взглядъ этотъ сильно меня увлекаетъ.] h. e. mirifice me capit, ita ut ab altera illa sententia quasi abstrahar et abducar. Штальб.

120. πῇ ὁ Σ. μετῆλθε τὸν λόγον — какъ Сократъ продолжалъ разсужденіе?] quomodo Socrates persecutus sit et ad finem perduxerit disputationem de animi immortalitate. Штальб.

121. τὰς καλὰς—ἀποκερεῖ — ты обрѣжешь себѣ эти прекрасные волосы.] pulchras has comas tondebis. Греки, какъ и многіе другіе народы древняго востока, имѣли обыкновеніе въ знакъ траура обрѣзывать себѣ волосы. Такъ поступаетъ Ахиллесъ по смерти Патрокла, Алек-

сандръ—по смерти Гефестіона; точно такимъ же образомъ выражали свою скорбь о потерѣ Александра Персы, а восточные цари — о потерѣ Германика. Иногда обрѣзанные въ знакъ траура волосы были полагаемы на могильномъ курганѣ оплакиваемаго лица. Совершенно противуположный обычай существовалъ у Римлянъ и вообще у народовъ западныхъ, которые во время траура отращали волоса. Законодательство евреевъ запрещало выраженіе скорби посредствомъ обрѣзыванія волосъ, въ отличіе отъ обыкновеній сосѣднихъ язычниковъ. Ср. Виттенб. р. 232 и Гроссе, р. 210.

122. ὥσπερ Ἀργεῖοι — какъ дѣлали Аргивяне.] Историческій фактъ, на который указываетъ здѣсь Сократъ, сохраненъ Геродотомъ. (1, 82.) Аргивяне, будучи побѣждены въ двухъ сраженіяхъ лакедемонянами, и потерявъ городъ Тирею, обрѣзали себѣ свои длинные волосы, и, подъ угрозой проклятія за неисполненіе, постановили слѣдующій законъ: ни одинъ гражданинъ не долженъ растить себѣ волосъ, равно какъ и женщины не должны носить золотыхъ украшеній, прежде нежели потерянный городъ не будетъ вновь завоеванъ. Въ противуположность этому, лакедемоняне установили обратный законъ, и съ этихъ поръ носили длинные волоса, чего не дѣлали прежде.

123. πρὸς δύο οὐδ' ὁ Ἡρακλῆς etc. — говорятъ, что съ двумя и Геркулесу трудно сражаться.] Историческое происхожденіе этой, совершенно понятной по мысли и часто употреблявшейся у древнихъ пословицы неодинаково объясняется схоліастами, комментирующими это мѣсто Федона. Наиболѣе впрочемъ удовлетворительнымъ считаютъ слѣдующее объясненіе. Въ то время, когда Геркулесъ, по сказанію миѳа, сражался съ лернейскою гидрой, Гера выслала противъ него огромнаго рака, и Геркулесъ, будучи не въ силахъ одновременно бороться съ двумя чудовищами, призвалъ на помощь Іолая. Этотъ послѣдній часто раздѣлялъ съ Геркулесомъ его подвиги. Ἰόλαον μὲν δὴ τὰ πολλὰ Ἡρακλεῖ συγκάμνειν λέγουσιν. Paus. VIII, p. 629.

124. τὸν Ἰόλεων — Іолая.] Іолай или Іолей, сынъ Ификла, постоянный спутникъ и оруженосецъ Иракла. Въ сраженіи Геркулеса съ тысячеглавою лернейскою гидрой онъ оказалъ ему помощь, выжигая горящими головнями въ туловищѣ змѣя тѣ мѣста, на которыхъ находились отсѣкаемыя Геркулесомъ головы. (Иначе трудъ Гер-

кулеса былъ бы безполезенъ, потому что намѣсто каждой отсѣкаемой головы мгновенно выростало двѣ новыхъ.) Съ помощью Іолая Геркулесу удалось такимъ образомъ овладѣть безсмертной головой змѣя. Зарывъ ее въ землю и наваливъ на это мѣсто тяжелый камень, онъ этимъ способомъ побѣдилъ и умертвилъ гидру.

125. καὶ αὖθις ἕτερος καὶ ἕτερος — и точно такимъ же образомъ другое и третье.] Кэри (Cary, the Works of Plato, vol. 1, p. 95.) находитъ невѣрнымъ переводъ этого мѣста у Аста и Кузена, — и, по моему мнѣнію, онъ въ этомъ случаѣ совершенно правъ. Соотношеніе съ предыдущимъ, — разсужденіе о томъ, какъ люди дѣлаются мизантропами,—ясно показываетъ, какъ нужно перевести ἕτερος καὶ ἕτερος.

126. ἀντιλογικοὺς — людьми, которые любятъ разсуждать за и противъ извѣстной истины.] ἀντιλογικός = contra dicendi peritus, disputator contentionis studiosus. Отсюда: ἡ ἀντιλογική = ars contra dicendi s. in contrariam partem disputandi. ἀντ — οὺς: qui rationi de omnibus in utramque partem disputandi operam navant.

127. ἄνω καὶ κάτω στρέφεται — катится впередъ и назадъ.] h. e. omnia esse incerta nec praebere ullam scientiae firmitatem et constantiam. Штальб. Платонъ часто употребляетъ это выраженіе, говоря о непостоянствѣ и измѣняемости чего нибудь. ἄνω καὶ κάτω или просто: ἄνω κάτω (послѣднее рѣже.)

128. ὥσπερ ἐν Εὐρίπῳ — какъ въ Эврипѣ.] Пословица, выражающая непостоянство, вѣчную измѣняемость чего нибудь. Отсюда выраженія: εὐρίπιστος или εὔριπος ἄνθρωπος — непостоянный, ненадежный человѣкъ. Эврипъ — названіе бурнаго пролива между Беоціей, Аттикой и Эвбеей; волны его, по причинѣ безпрестанныхъ приливовъ и отливовъ, каждыя сутки семь разъ перемѣняли мѣста. Ливій (28, 6, 10) изображаетъ его еще болѣе бурнымъ. Fretum ipsum Euripi non septies die, sicut fama fert, temporibus statis reciprocat; sed temere in modum venti, nunc huc, nunc illuc verso mari, velut monte praecipiti devolutus torrens rapitur.

129. ὥσπερ μέλιττα — ἐγκαταλιπὼν — какъ пчела, оставляющая и пр.] Аѳинскій комикъ Эвполисъ (въ пьесѣ δῆμοι) сказалъ о Периклѣ въ то время, когда этотъ послѣдній старался возбудить своихъ согражданъ къ начатію пелопонезской войны: οὕτως ἐκήλει καὶ

μόνος τῶν ῥητόρων τὸ κέντρον ἐγκατέλειπε τοῖς ἀκροωμένοις. Подобнымъ же образомъ о силѣ и убѣдительности перикловой рѣчи выражается и Цицеронъ. Cic. de Orat. III, 34. tantamque in eo (Pericle) vim fuisse (dixerunt) ut in eorum mentibus, qui audissent, quasi aculeos quosdam relinqueret.

130. καὶ πάσχειν ἂν ταῦτα ὁ λόγος εἰ ὀρθὴ etc. — что это разсужденіе— его принять и проч.] h. e. et rationi s. disputationi nostrae putas ne fore, ut hoc accidat, si quidem vera esset illa sumtio, quae animum ait esse harmoniam? Штальб.

131. οὗ λέγει τὸν Ὀδυσσέα — гдѣ онъ говоритъ объ Одиссеѣ.] Odys. XX, 17.

132. ἢ καθ' ἁρμονίαν — чѣмъ-то гораздо болѣе божественнымъ, чѣмъ гармонія.] «quam ut cum harmonia comparari possit.» pervulgata loquendi ratione. Штальб.

133. τὰ μὲν Ἁρμονίας — теперь ѳиванская Гармонія и пр.] Игра словъ, каламбуръ. Симміасъ доказывалъ, что душа есть гармонія. Такъ какъ оба философа, Симміасъ и Кебесъ, были ѳиванцы, то Сократъ шутливо называетъ изложенную Симміасомъ теорію гармоніи именемъ личности, извѣстной въ ѳиванской исторіи — Гармоніи, дочери Ареса и Афродиты и жены Кадма. Продолжая тотъ же шутливый тонъ, Сократъ даетъ и Кебесу имя Кадма, намекая можетъ быть на то, что Кебесъ поставилъ весьма сильное возраженіе противъ безсмертія души и слѣдовательно представляетъ нѣкоторое сходство съ Кадмомъ, заложившимъ крѣпость Кадмею.

134. μὴ μέγα λέγε, μή τις ἡμῶν βασκανία — не осыпай меня такими похвалами и пр.] Μὴ μέγα λέγε — ne magna loquaris. βασκανία = invidia, fascinatio. Гордыя, высокомѣрныя рѣчи, заключающія въ себѣ самовосхваленіе, оскорбляютъ божество, и вызываютъ его мщеніе. Сократъ боится, чтобы похвалы, которыя дѣлаетъ ему другъ, не возбудили зависти со стороны божества. βασκανία вм. φθόνος.

135. Ὁμηρικῶς ἐγγὺς ἰόντες — схватившись другъ съ другомъ, какъ герои Гомера.] Выраженіе ἐγγὺς ἰέναι употребляется у Гомера при описаніи борьбы героя съ противникомъ, (Il. 4, 496; 5, 611.) слѣдовательно выражаетъ непріязненное отношеніе. Auf gut homerisch an einander tretend, d. h. als wackere Kämpfer.

136. περὶ φύσεως ἱστορίαν — наукой о природѣ.] Кэри (Plat. W. v. 1, p. 102.) переводитъ это выраженіе: a history of nature. (Такъ переведено и у Карпова — «исторіей природы». Соч. Пл. ч. II,

стр. 114.) Неточно. ἡ. π. φ. ἱ. не исторія природы, (такой науки не было у древнихъ, также какъ не существуетъ у насъ) а наука о природѣ. Виттенб. i. e. sapientias, quam vocant cognitionem naturae, i. e. partem philosophiae physicam. p. 247. Ср. Штальб. p. 229. См. Wörterburch der Plat. Philos. Wagner, Götting. 1799, p. 8.

137. ὥς τινες ἔλεγον — какъ утверждали нѣкоторые.] Іонійскіе философы — Анаксагоръ (Diog. Laërt. 11, 9.) и его ученикъ Архелай (D. L. 11, 16.)

138. τὸ αἷμά ἐστιν — кровь та сила и пр.] Мнѣніе Эмпедокла. (D. L. VII, 159.)

139. ἢ ὁ ἀήρ — или воздухъ.] Ученіе Анаксимена.

140. ἢ τὸ πῦρ — или огонь.] Ученіе Гераклита.

141. ὁ δὲ ἐγκέφαλος — а мозгъ и пр.] Мнѣніе это было сильно распространено въ древности. (D. L. VIII, 30.)

142. λαβούσης τὸ ἠρεμεῖν — пришедши въ состояніе покоя.] ἠρεμῶ = quiesco, vel quietus sum, etiam taceo. (L. A.) т. е. отдавшись тому внутреннему, спокойному, ничѣмъ не возмущаемому и не развлекаемому созерцанію, о которомъ Платонъ говорилъ во вступительной части діалога, опредѣляя значеніе чистой мысли въ дѣлѣ познанія. Только при такомъ условіи и при такомъ способѣ изслѣдованія возможно ἐπιστήμη, — истинное, дѣйствительное знаніе, потому что δόξα, относясь къ кругу явленій міра видимаго, представляетъ собою нѣчто такъ же измѣняющееся, какъ и самыя явленія.

143. ὡς ἔφη ᾿Αναξαγόρου — (изъ книги, написанной) какъ онъ сказалъ Анаксагоромъ.] Объ Анаксагорѣ см. прим. 82 и въ анализѣ конецъ VII-ой гл.

144. εἰ ἐν μέσῳ etc. — въ центрѣ міра.] Ученіе іонійцевъ и элеатовъ. Laërt. IX, 2.

145. νὴ τὸν κύνα — клянусь собакой.] Употребленная Сократомъ клятва часто встрѣчается у Платона и въ другихъ діалогахъ, равно какъ у Атенея и Лукіана. Какой ея смыслъ? Кажется, что ей не должно придавать другого значенія кромѣ того, какое имѣютъ иногда шуточныя выраженія подобнаго рода и у насъ. По крайней мѣрѣ едва-ли можно думать, что Сократъ опирался въ этомъ случаѣ на сомнительный примѣръ Радаманта, и употреблялъ шуточную

форму клятвы, желая избѣгать по религіозному чувству призыванія въ разговорахъ имени боговъ. Мы встрѣчаемъ примѣры, что онъ клянется Герою (νὴ τὴν Ἥραν.) Въ Горгіи формула этой самой клятвы встрѣчается съ прибавкою: τὸν Αἰγυπτίων θεόν. Разумѣется, что и эта прибавка также не что иное, какъ шутка, и нѣкоторые церковные писатели (Лактанцій) совершенно несправедливо обвиняютъ по этому поводу Сократа въ нечестіи.

146. ἢ περὶ Μέγαρα ἢ Βοιωτούς — подлѣ Мегары или среди Беотянъ.] Мегара и Беоція — области, пограничныя съ Аттикой. Сократъ называетъ здѣсь именно эти области потому, что ему было легко, по самой близости ихъ къ Аѳинамъ, найти себѣ убѣжище въ которой нибудь изъ нихъ, если бы онъ захотѣлъ послѣдовать совѣту своихъ друзей и спастись бѣгствомъ. Vid. Crit. p. 45 A. sq. et pag. 53 B.

147. δίνην περιτιθεὶς τῇ γῇ ὑπὸ τοῦ οὐρανοῦ — окружаетъ землю вихремъ, производимымъ небесами.] Iungendum, opinor, δίνην ὑπὸ τοῦ οὐρανοῦ, vorticem qui a coelo fit, говоритъ Штальбаумъ. Verte: alius quidem turbinem circumdans terrae, quo coelum eam vertat, stabilem scilicet eam facit. Виттенб. p. 255.

148. ἀλλὰ ἡγοῦνται—τούτου Ἄτλαντα — надѣются найти наконецъ Атласа.] Именемъ Атласа здѣсь обозначается универсальная всесозидающая и всесодержащая творческая сила. Атласъ — Ἄτλας — Титанъ, сынъ Титана Япета и Климены или Азіи, братъ Прометея и Эпиметея. Hesiod. theog. 507. Это — мудрый богъ, который знаетъ морскія глубины и поддерживаетъ столбы, подпирающіе небо и землю. По объясненію нѣкоторыхъ, Атласъ представляетъ олицетвореніе горы, которую народныя вѣрованія дѣлали опорою небесъ. Когда впослѣдствіи времени имя горы превратилось въ имя лица, самый миѳъ нѣсколько измѣнился, такъ какъ личность, при подобномъ представленіи, была бы лишена произвольнаго движенія: вслѣдствіе этого Атласъ поддерживаетъ столбы, подпирающіе небеса. Гора касается вершиною небесъ, а основаніемъ упирается въ морское дно. Поэтому-то Атласъ знаетъ морскія глубины, и, какъ всѣ морскіе боги, представляетъ собою мудрѣйшее, всевѣдущее божество. По Гезіоду (theog. 517.) Атласъ долженъ былъ носить на головѣ и плечахъ небесный сводъ, въ наказаніе за участіе, которое онъ принималъ въ борьбѣ титановъ

съ олимпійцами. Миѳическія сказанія помѣщаютъ его обыкновенн на крайнихъ предѣлахъ запада, въ сосѣдствѣ съ океаномъ и гесперидами; онъ обладаетъ большими стадами и садами гесперидъ. Позднѣйшія преданія дѣлаютъ изъ него африканскую гору Атласъ и разсказываютъ, что онъ, сдѣлавшись царемъ въ Африкѣ, былъ превращенъ Персеемъ съ помощью головы Медузы въ гору за то, что отказалъ ему въ гостепріимствѣ. Другія преданія помѣщаютъ Атласа въ Аркадіи. По объясненію нѣкоторыхъ толкователей миѳовъ, Атласъ есть не что иное, какъ математикъ и астрономъ, изобрѣтатель небеснаго глобуса.

149. οὐ γὰρ—ξυγχωρῶ — τὸν ἐν—τοῖς ἔργοις — потому что я не признаю также точно — въ сущности.] Текстъ этого мѣста представляетъ различныя объясненія у комментаторовъ. Шмидтъ (Krit. Comment. zu Plat. Phaed., zw. Hälfte, p. 27.) отдаетъ предпочтеніе объясненію Аста. Die richtige Erklärung, говоритъ онъ, hat Ast gegeben. Sie lautet: «Sensus est: Falsa fortasse usus sum similitudine, dum rerum perscrutationem per rationes comparavi cum solis spectatione in aqua vel tali re, siquidem illi, qui solem in aqua spectant, non ipsum solem sed tantum ejus imaginem cernunt, contra ii qui res per rationes perscrutantur (h. e. qui νοούμενα non φαινόμενα intuentur) non imagines cernunt, sed veram rerum naturam cognoscunt. Я перевелъ это мѣсто почти буквально, не упуская однакожъ изъ виду логическаго развитія цѣлой мысли и соотношенія предыдущаго съ послѣдующимъ. Точно такое объясненіе даетъ этому мѣсту и Кэри, вездѣ сохраняющій буквальную близость къ подлиннику. Вотъ его переводъ. I do not altogether admit that he who considers things in their reasons considers them in their images, more than he does who views them in their effects. Pl. W. v. 1, p. 106.)

150. τὰς ἄλλας — τὰς σοφὰς — съ ихъ утонченностями.] Сократъ говоритъ съ очевидною иронією.

151. οὐ γὰρ ἔτι τοῦτο διισχυρίζομαι — я не утверждаю относительно этого болѣе.] nam quaenam ratio inter res singulares earumque species aeternas intercedat, id nondum certo dixerim. Штальб. p. 245.

152. τέρας εἶναι — составляетъ странность.] τέρας = monstrum. (L. A.) τέρας vocatur in dialecticis τὸ παράδοξον, ἄτοπον, ἀδύνατον. Штальб. p. 246.

153. τὸ λεγόμενον — по пословицѣ.] quod est in proverbio, ut in proverbio dicitur. Штальб.

154. ἐχόμενος ἐκείνου — τῆς ὑποθέσεως ἔχοιτο — не держался ли бы ты и пр. — нападать на самое начало.] h. e. firmiter amplexus tutam illam rationis partem, sic responderes: si quis vero ipsam rationem oppugnaret, valere juberes eum —. Выраженіе: ἔχεσθαί τινος имѣетъ два различныхъ значенія. Одно — aliquid apprehensum firmiter tenere, ei adhaerescere; другое — aliquid apprehendere, invadere, aggredi. Виттенб. p, 260, sq.

155. οἱ ἀντιλογικοί — люди, любящіе разсуждать за и противъ извѣстной истины.] Софисты. Черта, которую указываетъ въ настоящемъ мѣстѣ Сократъ, составляетъ ихъ отличіе отъ философскихъ школъ другихъ направленій. Характеръ софистовъ съ этой стороны такъ извѣстенъ, что имя ихъ обратилось въ пословицу. Тѣмъ не менѣе однакожъ установившійся по преданію взглядъ на значеніе софистовъ отвергается, какъ извѣстно, очень многими изслѣдователями. Платонъ, не любившій софистовъ, говоритъ о нихъ вездѣ съ ироніей. (См. Льюиса, Ист. филос. стр. 103 и дал.)

156. ξυγγραφικῶς ἐρεῖν — я выражаюсь съ точностью людей списывающихъ рукописи.] Опредѣленіе точнаго значенія ξυγγραφικῶς составляетъ предметъ разнорѣчій между комментаторами. Фишеръ переводитъ historicorum more; Виттенбахъ scriptorum civilium s. publicorum ratione; Гейндорфъ — quasi συγγραφῇ sive chirographo cauendum sit — объясненіе, съ которымъ соглашается и Штальбаумъ. (Postrema interpretatio proxime ad verum accedit.) Астъ: ξυγγραφικῶς = ita ut in syngrapha fit, h. e. quam accuratissime. (L. A.) Послѣднее объясненіе мнѣ представляется наиболѣе удовлетворительнымъ. Сократъ какъ будто хочетъ предупредить упрекъ собесѣдниковъ, что онъ такой темный и трудный вопросъ (объ идеяхъ) разрѣшаетъ такъ твердо и положительно. (ξυγγραφικῶς = выражается съ точностью людей, пишущихъ рукописи.) Соотношеніе предыдущаго съ послѣдующимъ выраженіемъ: ἀλλ' οὖν ἔχει γέ που ὡς λέγω — «но это дѣйствительно такъ, какъ я говорю,» вполнѣ оправдываетъ такое объясненіе ξυγγραφικῶς.

157. ἀνδρικῶς — кстати.] ἀνδρικῶς = fortiter, audacter; probe. (L. A.) gnaviter—rem memoriter retulisti. Solent enim vocabula a pugna et certamine repetita ad disputationem transferri. Штальб. p. 253.

158. μετὰ τοῦ ἑαυτοῦ ὀνόματος καὶ τοῦτο καλεῖν — вмѣстѣ съ его собственнымъ называть и этимъ именемъ.] quod tamen, praeterquam quod suo ipsius nomine appellatur, etiam nomine τοῦ περιττοῦ appellandum est.

159. καὶ ὁ ἥμισυς τοῦ ἀριθμοῦ ἅπας — и всякое другое непарное.] половинный рядъ чиселъ. Противуполагается непосредственно слѣдующему за тѣмъ: ἅπας ὁ ἕτερος στίχος τοῦ ἀριθμοῦ.

160. ἀρ' οὖν, ἔφη, ὦ Κέβης, τάδε εἴη ἄν — не будутъ ли это, любезный Кебесъ, именно тѣ (вещи) и пр.] Все это мѣсто, а особенно слѣдующее послѣ словъ—οὐ γὰρ Χεῖρον πολλάκις и пр. представляетъ чрезвычайную трудность, въ чемъ соглашаются рѣшительно всѣ комментаторы. Perobscura sunt, говоритъ Штальбаумъ, quae deinceps sequuntur. Quae si quam habent explicationem etc. Я при переводѣ этого мѣста удержалъ то объясненіе, которое обыкновенно даетъ ему большая часть комментаторовъ. Приведу полный переводъ его, сдѣланный извѣстнымъ нашимъ эллинистомъ П. М. Леонтьевымъ,—(переводъ составленный, какъ говоритъ переводчикъ, при дружественномъ содѣйствіи М. Н. Каткова.) Вотъ его примѣчаніе. «Слѣдующее за симъ (приведеннымъ въ началѣ нашего примѣчанія греческимъ текстомъ) мѣсто представляетъ въ подлинникѣ важныя затрудненія относительно смысла, происходящія по всей вѣроятности отъ вставки въ текстъ не относящихся къ нему словъ. Шлейермахеръ перевелъ его буквально, но непонятно и даже не согласно съ его очевиднымъ смысломъ. За тѣмъ слѣдуетъ переводъ.—«Не то ли это, Кебетъ, сказалъ онъ, что̀, овладѣвая вещью, вынуждаетъ ее имѣть не только свою собственную идею, но и идею чего либо всегда чему либо противоположнаго? — Какъ ты это говоришь?—А такъ, какъ сейчасъ говорили: ты вѣдь знаешь конечно, что все овладѣваемое идеею трехъ, вынуждено быть не только тремя, но и нечетомъ?—Конечно.—Ко всѣмъ стало-быть подобнымъ вещамъ не подойдетъ идея, противная той формѣ, которая производитъ въ нихъ это качество.—Нѣтъ, не подойдетъ.—Здѣсь же производится оно вѣдь формою нечета? — Да. — Но вѣдь нечету противоположна идея чета? — Да. — Стало-быть къ тремъ никогда не подойдетъ идея чета?—Очевидно никогда.—По этому число три не имѣетъ ничего общаго съ идеей чета.—Ничего общаго.—И такъ число три есть

нечетное.—Да. — А я намѣренъ былъ опредѣлить, что̀ такое, не будучи чему либо противуположно, не принимаетъ однако его, подобно троицѣ, которая, хотя и не противна чету, однакожь все таки не принимаетъ его (ибо всегда несетъ съ собою нѣчто противоположное чету), или подобно двоицѣ, не принимающей нечета, огню, не принимающему холода, и такъ далѣе. Посмотри же теперь, не опредѣлишь ли этого вотъ какъ: не только противоположное не принимаетъ своего противоположнаго, но и то̀, что̀ вноситъ во все, во что ни входитъ, одну изъ противоположностей, само это, вносящее противоположность, отнюдь не принимаетъ противнаго вносимому имъ. Повторимъ еще разъ (ибо не худо и нѣсколько разъ выслушать): число пять не приметъ образа чета, а образа нечета не приметъ число десять, въ которомъ пять удвоено. Да и само двойное, хотя противуположно не нечету, а иногда чему нибудь, однакожь не приметъ образа нечета. А равно не приметъ образа цѣлаго числа часть полуторная и ничто подобное, напримѣръ половина или треть и такъ далѣе. (Пропил. кн. V, стр. 63 и слѣд.).

161. Λέγω δὲ παρ' ἣν τὸ πρῶτον ἔλεγον ἀπόκρισιν — я требую этого, находя, кромѣ того безопаснаго способа отвѣтовъ, который я употреблялъ выше]. Фишеръ: Volo a te mihi ita responderi, quia video et intelligo (ὁρῶν) ex iis, quae modo disputavimus (ἐκ τῶν νῦν λεγομένων p. 104 D. sqq.) praeter illam responsionem, quam supra (παρ' ἣν τὸ πρῶτον ἔλεγον ἀπόκρισιν p. 100 D. ὅτι τῷ καλῷ τὰ καλὰ γίγνεται καλά κ. τ. λ.) ostendi dari posse, recte et sine ullo erroris periculo (τὴν ἀσφάλειαν) dari posse aliam aeque veram et certam. (ἄλλην ἀσφάλειαν). p. 440.

162. Ἄμουσον — немузыкальнымъ]. Ἄμουσος — a musica alienus, musicae imperitus; a musica vel poësi et in univ. a doctrina alienus, inelegans, turpis (L. A.) Противуполается понятію — μουσικός. Я перевелъ буквально — немузыкальный, желая избѣжать перифраза. (Точно такъ переводитъ и Кэри — unmusical.) Но «немузыкальный» не нужно принимать въ нашемъ значеніи слова. Что̀ разумѣли Греки подъ музыкой (μουσική) объ этомъ см. примѣч. 26.

163. Τὴν ἀνθρωπίνην ἀσθένειαν ἀτιμάζων — сознавая человѣческую сла-

бость.] i. e. humanam imbecillitatem tantae rationum magnitudini perspiciendae imparem existimans. Виттенб. p. 276.

164. Τοῦ παντὸς ἀπαλλαγή—прекращеніемъ всякагб бытія.] т. е. полнымъ и совершеннымъ уничтоженіемъ, — уничтоженіемъ не только тѣла, но и души.

165. ὁ ἑκάστου δαίμων ὅσπερ ζῶντα εἰλήχει — каждый умершій — тѣмъ демономъ, на попеченіи котораго онъ находился въ теченіе жизни.] Δαίμων — Daemon. У Гомера еще нѣтъ существеннаго различія между словами δαίμων и θεός. Только у Гезіода впервые являются демоны, какъ второй разрядъ существъ, стоящихъ выше человѣка. Въ Op. et dd. 122, онъ говоритъ, что люди золотого вѣка, по окончаніи земной жизни сдѣлались демонами, — благими, превышеземными существами, хранителями людей. Невидимо обтекая всю землю, они оберегаютъ права и собственность ихъ. Каждый человѣкъ получаетъ на все время земной жизни своего демона, который служитъ ему спутникомъ и руководителемъ, — представленіе близко подходящее къ христіанскому ученію объ ангелахъ-хранителяхъ.

166. ὡς ὁ Αἰσχύλου Τήλεφος — Телефъ у Эсхила.] Τήλεφος,—Телефъ— аркадянинъ, сынъ Геракла и Авги, дочери аркадскаго царя Элеоса. По приказанію царя мальчикъ былъ брошенъ на парѳенійской горѣ (in monte parthenio) и вскормленъ ланью, откуда получилъ и имя Телефа (отъ глаг. θηλάζειν = lactare и ἔλαφος = cerva.) Когда онъ впослѣдствіи времени является при дворѣ мизійскаго царя Тевтранта, то Авге, на которой этотъ послѣдній женился, сдѣлалась снова его матерью, а Тевтрантъ, который обходился съ нимъ какъ съ роднымъ сыномъ, сдѣлалъ его наслѣдникомъ мизійскаго престола. Трагедія Эсхила, о которой здѣсь упоминаетъ Платонъ, также какъ и эврипидовская подъ тѣмъ же названіемъ, до насъ не дошли.

167. οὐκ ἀγνοεῖ τὰ παρόντα — не оставаясь въ неизвѣстности относительно настоящаго своего положенія.] Гейнде предлагаетъ вмѣсто ἀγνοεῖ чтеніе ἀγανακτεῖ; но другіе комментаторы (Виттенбахъ Штальбаумъ) весьма основательно отвергаютъ эту конъектуру. Виттенбахъ переводитъ слѣдующимъ образомъ: non ignorat res praesentes: praesens conditio ei non plane nova et inexpectata

accidit: agnoscit eam sibi jam antea meditatione mortis et philosophia cognitam. p. 285.

168. ὑπὸ τῶν περὶ γῆς εἰωθότων λέγειν — какою изображаютъ ее тѣ, которые обыкновенно о ней разсуждаютъ.] Трудно сказать, какую именно философскую школу разумѣетъ здѣсь Платонъ. Изслѣдованіемъ вопроса о видѣ и положеніи земли занимались многіе философы—Өалесъ, Анаксимандръ, Анаксагоръ, Пиөагоръ и друг. Кажется, однако, что здѣсь разумѣются пиөагорейцы. Штальбаумъ.

169. οὐχ ἡ Γλαύκου γέ μοι τέχνη δοκεῖ εἶναι — мнѣ кажется не нужно искусства Главка.] Пословица, употреблявшаяся о дѣлѣ, не представляющемъ особенной трудности. Историческое происхожденіе ея объяснить довольно трудно, такъ какъ грамматики противорѣчатъ въ этомъ случаѣ другъ другу. Главкъ — полумиөическое имя художника, въ дѣйствительности лица котораго сомнѣвались уже древніе. Одни комментаторы разумѣютъ подъ этимъ именемъ Главка изъ Хіоса, о которомъ упоминаетъ Геродотъ, (I, 25.) а другіе—соименнаго ему музыканта.

170. εἰ ἔστιν ἐν μέσῳ τῷ οὐρανῷ — если земля находится посреди небесъ и пр.] Форстеръ: Ita eam collocari statuit Socrates, ap. Aeschinem p. 112 ed. Clerc. et Plato in Tim. p. 40 C. et in Phaedro p. 247 A.) An vero ibi secundum hunc circa centrum suum volvatur, an prorsus quiescat inter Arist. de coelo II, 13 et Proclum in Tim. p. 280 sqq. nequaquam convenit.» Проклъ пользуется этимъ мѣстомъ для опроверженія тѣхъ, которые, на основаніи разныхъ мѣстъ Тимея, думали приписывать Платону мнѣніе, что земля обращается вокругъ своей оси, а не стоитъ неподвижно.

171. μέχρι Ἡρακλείων στηλῶν ἀπὸ Φάσιδος — отъ Фазиса до Геркулесовыхъ столбовъ.] Штальбаумъ: nos qui terram habitemus inde a Phaside usque ad columnas Herculis, h. e. qui Europam incolamus. Φᾶσις = рѣка въ Малой Азіи. Въ древности она составляла границу между Европой и Азіей, а позже — границу между Азіей и Колхидой. Рѣка извѣстная подъ этимъ именемъ въ позднѣйшія времена, есть безспорно нынѣшній Ріонъ; но Фазисъ Эсхила, (fragm. 177) по мнѣнію ученыхъ — нынѣшняя Кубань. Крайнюю противоположность ея отъ востока къ западу Европы составляютъ — Ἡράκλειοι στῆλαι — Геркулесовы столбы (гибралтарскій

проливъ.) По миѳическому преданію, скалы, соединявшія нѣкогда Африку съ югомъ Испаніи, были раздвинуты Геркулесомъ, (отвуда и древнее названіе пролива.) Mela, 1, 5, 14 sqq. Deinde est mons praealtus, ei quem ex adversa Hispania attollit objectus; hunc Abylam, illum Calpen vocant, columnas Herculis utrumque. Addit fama nominis fabulam, Herculem ipsum junctos olim perpetuo jugo diremisse colles, atque ita exclusum antea mole montium oceanum, ad quae nunc inundat, admissum.

172. τήν τε λειότητα — блескъ.] Исправленіе сдѣланное Стефаномъ и принятое Штальбаумомъ. Другіе издатели (Фишеръ, Виттенбахъ) сохраняютъ согласно съ кодексами τελειότητα. Я держался чтенія Штальбаума и думаю, что логическія основанія этого чтенія на столько тверды, что его рѣшительно можно предпочесть. (См. Штальб. p. 280; ср. Фиш. p. 465.)

173 καὶ γῇ καὶ τοῖς ἄλλοις ζώοις τε καὶ φυτοῖς — землѣ и животнымъ и растеніямъ.] et praeterea animalibus et plantis. Штальб. Употребленіе ἄλλος въ такомъ значеніи весьма обыкновенно.

174. φρονήσει — способностями ума.] Въ нѣкоторыхъ (весьма немногихъ) кодексахъ—ὀσφρήσει; но первое чтеніе имѣетъ рѣшительный перевѣсъ. Было бы очень странно, если бы Платонъ, говоря о высокой природѣ жителей рая, ограничился только указаніемъ на ихъ физическое превосходство, — совершенство тѣлесныхъ чувствъ, и ни слова не упомянулъ бы о томъ, въ чемъ выражается дѣйствительное совершенство людей — способностяхъ ума. Сверхъ того непосредственно за этимъ слѣдующее καὶ πᾶσι τοῖς τοιούτοις конечно не было бы прибавлено, если бы дѣло шло только о предметахъ однородныхъ.

175. θεῶν ἄλση τε καὶ ἱερά — священныя рощи и храмы боговъ.] Ἄλσος = saltus, nemus, lucus. (L. A.) ἱερόν = templum vel sacellum. Ἄλση τε καὶ ἱερά h. e. luci s. nemora diis consecrata atque fana in iisdem extructa. Deinde φῆμαι sunt voces deorum. Штальб.

176. ὥσπερ ἐν Σικελίᾳ — на подобіе того какъ — въ Сициліи.] Потокъ горячей лавы, который описываетъ здѣсь Платонъ, выходитъ изъ горы Этны. О немъ говорятъ Діог. Лаэрц. V, 39; Діодоръ Сицилійскій V, 6 и XIV, 59.

177. ὅπερ Ὅμηρος — это самое — Гомеръ.] Iliad. VIII, 14.

778. πυθμένα οὐκ ἔχει οὐδὲ βάσιν — не имѣетъ ни дна, ни основанія.]

i. e. hic liquor nec fundum nec fundamentum habet. Ratio est, quod in medio terrae positus et quasi conglobatus ipse se sustinet, vi sua et natura centrum suum undequaque petens. Itaque αἰωρεῖται i. e. in sublimi suspensus tenetur. Sed idem κυμαίνει ἄνω καὶ κάτω fluctuat sursum ac deorsum, i. e. quaquaversum superficiem terrae appetit. Nam ἄνω et κάτω intelligenda sunt non duo tantum, sed omnia hujus terrae sibi e diametro opposita loca. Виттенб. p. 301.

179. ὅταν τε οὖν—οἱ ἐπαντλοῦντες — на подобіе того, какъ дѣлаютъ люди, качающіе воду.] ἐναντλῶ=infundo vel transfundo. Passiv. infundendo impleor. Виттенбахъ объясняетъ это мѣсто слѣдующимъ образомъ. Haec ita intelligenda sunt: quando igitur aqua per impetum suum recedit in locum nobis e diametro oppositum, quiqqe scilicet infra vocatur, nec tamen infra est, siquidem in terra nil proprie infra et surpa est: sed quum aqua in illum locum recessit, tunc in flumina, quae illic sunt, ex inferiore terra (διὰ τῆς γῆς) emergens influit, eaque implet: ut apud nos faciunt hi, qui aquam antlia haurientes eam alteri aquae affundunt. ibid.

180. τυγχάνει δ'ἄρα ὄντα κ. τ. λ. — и въ числѣ и пр.] Проклъ (in Rempublicam p. 396) говоритъ, что Платонъ заимствовалъ слѣдующее за тѣмъ описаніе рѣкъ у Гомера. ὁ ἐν τῷ Φαίδωνι Σωκράτης καὶ τῶν ποταμῶν ἐκεῖθεν (ab Homero) τὴν ἱστορίαν παρείληφε. Штальбаумъ рѣшительно отвергаетъ это заимствованіе. Multum sane fallatur, говоритъ онъ, si quis hanc Platonis descriptionem homericam esse putet. Затѣмъ онъ указываетъ самыя черты различія описанія гомерическаго отъ описанія Платона. (Подробности см. въ самомъ примѣч. Штальбаума p. 288, sqq. Ср. Виттенб. p. 302, sqq.

181. ἐπιστέλλεις — приказываешь.] ἐπιστέλλειν proprium est de extrema morientium voluntate. Штальбаумъ.

182. πῶς με θάπτῃ—какъ меня похоронить.] Глаголъ θάπτω употребляется какъ о погребеніи, такъ и о сожженіи тѣлъ. Слѣдовательно ближайшій смыслъ вопроса: желаетъ ли Сократъ, чтобы его тѣло было предано землѣ, или сожжено? Но можно также разумѣть и объ обрядахъ погребенія, такъ какъ въ Аѳинахъ съ древнѣйшихъ временъ существовалъ обычай погребенія.

183 ἐγγυήσασθε — поручитесь и проч.] ἐγγυᾶσθαί τινα est sponsione facta aliquem, alicui tradere i. e. spondere pro aliquo, fidem praestare.

184. καὶ αἱ οἰκεῖαι γυναῖκες — **принадлежавшія къ его дому женщины.]** Нѣкоторые ученые (и въ числѣ ихъ извѣстный Гемстергузіусъ) между прочимъ на основаніи этого мѣста утверждаютъ фактъ двоеженства Сократа. Но во 1-хъ уже древніе признавали это двоеженство за вымыселъ, (Plut. Arist. p. 335.) во 2-хъ выраженіе—αἱ οἰκεῖαι γυναῖκες — никакимъ образомъ нельзя разумѣть относительно женъ, потому что въ послѣднемъ случаѣ было бы сказано просто: γυναῖκες.

185. ταυρηδὸν ὑποβλέψας — **взглянувъ — пристально.]** буквально: «по-бычьи» torvo vultu intuens, defixis in eum oculis. Штальб.

186. ὅτι ἐν εὐφημίᾳ χρὴ τελευτᾶν — **что умирать нужно съ добрыми предзнаменованіями.]** Фицинъ переводитъ cum faustis acclamationibus. Корнаръ—cum laudatione et bonorum verborum pronunciatione. Εὐφημία—fauentia — собственно священное безмолвіе, которое предшествовало каждому жертвоприношенію и приготовительнымъ къ нему молитвамъ; оно торжественно возвѣщалось принятымъ въ такихъ случаяхъ выраженіемъ: εὐφημία ἔστω или εὐφημεῖτε; у Римлянъ: favete linguis. По свидѣтельству Олимпіодора это былъ обычай пиѳагорейскій. Fauentia i. e. linguis favere, опредѣляетъ Виттенбахъ, a male ominatis verbis abstinere, bona verba pronunciare; εὐφημία valet in primis in cultu deorum et sacrificiis; proinde quoque in morte, quae et ipsa res sacra est; ut εὐφημία sit officium et morientis, et eorum, qui ei adsunt. p. 317.

187. περὶ τὸ ἦτρον — **нижней части живота.]** Moeris: ἦτρον τὸν ὑπὸ τὸν ὀμφαλὸν τόπον Ἀττικῶς; ὑπογάστριον ἑλληνικῶς. Timaeus: ἦτρον· ὁ μεταξὺ ὀμφαλοῦ τε καὶ αἰδοίου τόπος.

188. ἐνεκεκάλυπτο γάρ — **потому что онъ былъ накрытъ.]** У древнихъ существовалъ обычай накрывать голову умирающаго. Xen. Cyrop. VIIi, 7, 28. Liv. IV, 12, VIII, 9.

189. τῷ Ἀσκληπιῷ ὀφείλομεν ἀλεκτρυόνα — **мы должны пѣтуха Асклепію.]** Асклепій - богъ врачебной науки. Кромѣ козы, совы и змѣи ему былъ посвященъ и пѣтухъ. По выздоровленіи отъ болѣзни ему обыкновенно приносили въ жертву пѣтуха. Сократъ проситъ друзей исполнить это послѣ его смерти, выражая этимъ взглядъ на земную жизнь, какъ на продолжительную болѣзнь, отъ которой излечиваетъ человѣка смерть. Послѣдняя, слѣдовательно, по

взгляду Сократа, есть выздоровленіе, переходъ къ истинной, желанной жизни.

190. τῶν τότε, ὧν ἐπειράθημεν, ἀρίστου καὶ ἄλλως φρονιμωτάτου — изъ всѣхъ, какихъ мы знали въ его время, и вообще самаго мудраго и пр.]. См. примѣч. къ этому мѣсту Штальбаума, p. 309. Ср. Виттенб. p. 320, Нюсслина p. 151. Гроссе p. 353, и пр.

ЗАМѢЧАТЕЛЬНѢЙШІЯ ГРЕЧЕСКІЯ РУКОПИСИ

каноническаго содержанія въ московской синодальной (бывшей патріаршей) библіотекѣ.

Занимаясь прошлымъ лѣтомъ въ московской синодальной библіотекѣ, я между прочимъ разсмотрѣлъ нѣсколько греческихъ рукописныхъ Кормчихъ и другихъ каноническихъ сборниковъ, съ цѣлію отмѣтить въ ихъ составѣ и содержаніи тѣ или другія особенности, имѣющія спеціальный интересъ для канониста.

Одна изъ такихъ рукописей, именно — иверская Кормчая № 398, содержащая въ себѣ извѣстный каноническій сборникъ въ 50-ти титулахъ Іоанна Схоластика, въ недавнее время описана двумя нашими учеными: архимандритомъ Амфилохіемъ, который, по палеографическимъ признакамъ, отнесъ ее къ IX-му вѣку, и академикомъ И. И. Срезневскимъ, которому мы обязаны тщательнымъ изложеніемъ состава и содержанія этой драгоцѣнной рукописи, сравнительно съ печатнымъ изданіемъ (Жюстеля) и лучшими списками Схоластика, находящимися въ другихъ европейскихъ библіотекахъ, а также — и съ древнѣйшими изводами славянскаго Номоканона *). Я могу прибавить къ этимъ описаніямъ только одну черту, не лишенную особеннаго значенія въ глазахъ канониста: на л. 66 об. и 67, вслѣдъ за 50-ю титулами Схоластика, помѣ-

---

*) Описаніе архим. Амфилохія помѣщено въ Археологическомъ Вѣстникѣ 1867 г. стр. 15; академика Срезневскаго — въ Запискахъ Академіи Наукъ 1871 г.

щена подъ заглавіемъ: *περὶ κανόνων ἐγκληματικῶν παρασημείωσις ἐμφαίνουσα τόν τε τίτλον καὶ τοὺς χρόνους τοῦ ἁμαρτήματος* — та самая статья, которая въ другихъ спискахъ и печатныхъ изданіяхъ надписывается: *τοῦ μεγάλου Βασιλείου περὶ τίτλου καὶ χρόνου ἁμαρτημάτων* *), или, какъ въ нашей печатной Кормчей: «Василія Вел. о времени согрѣшающихъ» (гл. 22). По своему положенію, надписанію и прямымъ замѣткамъ, выставленнымъ на полѣ, статья эта имѣетъ въ иверской Кормчей видъ и значеніе сокращеннаго указателя (*παρασημείωσις*) главнѣйшихъ покаянныхъ правилъ, изложенныхъ въ различныхъ титулахъ Іоанна Схоластика. Вотъ полный текстъ этого указателя:

Т̂. γ. Ὁ χειροτονῶν ὑπερόρια, καθαιρείσθω.

Т̂. ια. Ὁ διὰ χρημάτων χειροτονούμενος καθαιρείσθω, καὶ ὁ χειροτονήσας.

Т̂. ιδ. Ὁ ἐγγύας διδοὺς κληρικὸς, καθαιρείσθω.
Ὁ τόκους λαμβάνων κληρικὸς, ἢ παυσάσθω, ἢ καθαιρείσθω.

Т̂. ιε. Ὅς τύψει πιστὸν ἢ ἄπιστον, ἱερεὺς ὢν, καθαιρείσθω.

Т̂. κδ. Ὅτι οὐ δεῖ γυναῖκα ἐν θυσιαστηρίῳ εἰσιέναι.

Т̂. κε. Ἡ παρθενείαν ὁμολογήσασα, καὶ ἐκπεσοῦσα, ἔτη ιε.

Т̂. λθ. Οἱ καταμαντευόμενοι ἐπὶ ἀνευρέσει τινῶν, ἔτη ζ.
Ὁ μάντεσιν ἑαυτὸν ἐπιδιδοὺς, ἔτη κ.
Ὁ τὸν Χριστὸν ἀρνησάμενος, ἐν τῷ τέλει τοῦ βίου ἀξιούσθω τοῦ ἁγιάσματος.
Ὁ χωρὶς ἀνάγκης παραβὰς τὴν εἰς Χριστὸν πίστιν, ἔτη ιβ.
Ὁ γοητείαν καὶ φαρμακείαν ἐξαγορεύων, τὸν τοῦ φονέως χρόνον ἐξομολογηθήσεται.

Т̂. μ. Ὁ ἀκρωτηριάζων ἑαυτὸν κληρικὸς, καθαιρείσθω· λαϊκὸς δὲ τοῦτο ποιῶν, ἀφοριζέσθω ἔτη γ, καὶ κληρικὸς μὴ γενέσθω **).

---

*) Σύνταγμα τῶν θείων καὶ ἱερῶν κανόνων, ἐκδ. ὑπὸ Ῥάλλη κα Ποτλῆ, т. IV стр. 404—405. Перепечатано изъ Бевериджа (Συνόδικον, т. II въ особомъ прибавленіи, безъ счета страницъ).

**) Въ другихъ рукописяхъ и въ печатныхъ изданіяхъ за этимъ правиломъ прибавлено: Ἡ κατ' ἐπιτήδευσιν φθαρεῖσα, ἔτη ι.

Ὁ ἑκουσίως φονεύων, ἔτη κ̄. *).

Ṫ. μα. Ὁ μοιχεύων, ἔτη κ̄.

Ὁ ἀφίων τὴν νομίμως συναφθεῖσαν γυναῖκα, καὶ ἄλλην ἀγόμενος, ἔτη ιε ἢ η̄.

Ṫ. μβ Ὁ πόρνος ὁ εἰς ἐλεύθερον σῶμα πορνεύων, ἔτη ζ̄.

Ṫ. μδ. Ὁ ἀρσενοκοίτης, ἔτη ιε **).

Ὁ κτηνοβάτης, ἔτη ιε.

Ἀδελφομιξία, ἔτη κ̄.

Ὁ ἰδίᾳ ἀδελφῇ συμμιαινόμενος, ἔτη ια, χωριζόμενος δηλονότι τῆς πράξεως.

Ὁ κλέπτης, ἔτη β̄.

Ṫ. με. Ὁ ἐπίορκος, ἔτη ι̅.

Ὁ τυμβωρύχος, ἔτη ι̅.

Цитаты, выставленныя на полѣ, вполнѣ соотвѣтствуютъ указаннымъ въ нихъ титуламъ Схоластика. Значитъ, между этими титулами и занимающею насъ статьею существуетъ внутренняя, такъ сказать, генетическая связь, происходящая, можетъ быть, отъ самого Схоластика. Въ послѣдствіи, когда таже самая статья вошла въ составъ другихъ каноническихъ сборниковъ (именно—въ т. наз. аристиновскій синопсисъ), прежнія ссылки ея на свой источникъ естественно утратились, и только въ оглавленіи, въ словѣ τίτλος, остался темный намекъ на первоначальную связь ея съ систематическимъ сборникомъ Схоластика. Переписчики, для которыхъ намекъ этотъ былъ уже непонятенъ, но которые видѣли, однако, что статья содержитъ въ себѣ почти исключительно сокращенный текстъ епитимійныхъ правилъ Василія Великаго, имѣли основаніе прибавить въ оглавленіи: τοῦ μεγάλου Βασιλείου ***).

---

*) Прибавлено: Ὁ ἀκουσίως, ἔτη ι̅, καὶ κληρικὸς μὴ γενέσθω.

**) У Бевериджа, а за нимъ и въ аѳинской Синтагмѣ, число лѣтъ тутъ не обозначено.

***) Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ рукописяхъ, представляющихъ настоящую статью уже отдѣльно отъ 50-ти титуловъ Схоластика, она

Другой списокъ того же систематическаго сборника Іоанна Схоластика представляетъ греческая Кормчая (τῆς ἁγίας Λαύρας — на Аѳонѣ) № 432 (срав. каталогъ Маттеи, 1805 г. стр. 311 № XIV). Рукопись эта, въ большую 4-ку, на 228 пергаминныхъ листахъ, написана разными почерками, изъ коихъ первоначальный и господствующій несомнѣнно принадлежитъ рукѣ XI вѣка. На первыхъ пяти листахъ помѣщены позднѣйшимъ писцомъ слѣдующія дополнительныя статьи:

Л. 1. Περὶ τῶν ε' πατριαρχειῶν καὶ τῶν τούτων κλιμάτων — краткое сказаніе о пяти патріаршихъ престолахъ, которые исчисляются въ такомъ порядкѣ: іерусалимскій, римскій, константинопольскій, александрійскій, антіохійскій.

Л — об. Ἐπιστολὴ Πέτρου πατριάρχου Ἀντιοχείας πρὸς τὸν ἀρχιεπίσκοπον Γραδένσης, ἤγουν Βενετίας. Издано Котельеромъ въ Monum. Eccles. Graec. t. II p. 112 — 135.

Л. 5. Περὶ τῶν οβ' ἑρμηνευτῶν τῆς γραφῆς καὶ τῶν παρερμηνευσάντων, ἀπὸ φωνῆς τοῦ ἁγίου Ἐπιφανίου. Конецъ этой статьи дописанъ на нижнемъ полѣ обѣихъ страницъ слѣдующаго листа, занятаго старшимъ текстомъ.

Съ 6-го листа начинается собственно каноническое содержаніе рукописи и первоначальный ея почеркъ. Впереди (л. 6 — 11) — подробное оглавленіе, увѣнчанное стихомъ: Ὁ τῇδε πίναξ τοῦ θεοῦ νόμου πέλει. За тѣмъ — опять позднѣйшая прибавка (третьей руки), состоящая въ статьѣ о принятіи еритиковъ, которая въ другихъ рукописяхъ (напримѣръ въ синодальной № 467, л. 170) и въ изданіи Гоара (Euchology. 1647. p. 883) надписывается: ἐκ τοῦ Εὐχολογίου τοῦ πατριαρχικοῦ.

Л. 12. Символъ вѣры на латинскомъ языкѣ; почеркъ, повидимому, первой руки.

Съ листа 13 идутъ статьи, указанныя въ оглавленіи, именно:

является еще безыменною и подъ слѣдующимъ осмысленнымъ заглавіемъ: Περὶ ἐγκληματικῶν κανόνων παρασημείωσις σύντομος, ἐμφαίνουσα τὸ ἁμάρτημα καὶ τοὺς χρόνους τοῦ ἐπιτιμίου (Coxe, Catalog. Biblioth. Bodl. I p. 521).

Л. 13. Διδασκαλία τῶν ἁγίων καὶ ἐνδόξων Ἀποστόλων — 1 и 2 глава 8-й книги Апостольскихъ Постановленій.

Л. 15. Διδασκαλία τῶν ἁγίων Ἀποστόλων περὶ χαρισμάτων— гл. 4. 5. 16—26 той же книги.

Л. 17. Σίμωνος Καναναίου· ὑπὸ πόσων ἐπισκόπων ὀφείλει χειροτονεῖσθαι ἐπίσκοπος — гл. 27—31.

Л. 18. Παύλου τοῦ ἁγίου Ἀποστόλου διάταξις περὶ κανόνων ἐκκλησιαστικῶν — гл. 32.

Л. — об. Πέτρου καὶ Παύλου τῶν ἁγίων Ἀποστόλω̃ διάταξις περὶ ἀργίας δούλων — гл. 33—45.

Л. 20. Περὶ εὐταξίας διδασκαλία πάντων τῶν ἁγίων Ἀποστόλων — гл. 46.

Л. 21. Συναγωγὴ κανόνων ἐκκλησιαστικῶν εἰς ν̄ τίτλους διῃρημένη — самое собраніе Іоанна Схоластика, съ предисловіемъ и оглавленіемъ 50-ти титуловъ. Въ концѣ послѣдняго титула (л. 62 об.) приписано уставными буквами:

ΤΕΛΟΣ ΣΥΝ ΘΕΩ͂ ΤΩΝ Ν̄ ΤΙΤΛΩΝ ΤΟΥ ΝΟΜΟΚΑΝΟΝΟΣ

—приписка замѣчательная, показывающая, что въ XI вѣкѣ чисто-каноническій сборникъ Схоластика носилъ уже названіе номоканона. Если же взять во вниманіе, что слѣдующій за номоканономъ листъ (63) остался отъ первой руки незаписаннымъ, и только въ послѣдствіи на лицевой страницѣ его помѣщено стихотвореніе Григорія Богослова о книгахъ священнаго писанія (Pitra, I. p. 654): то можно будетъ съ вѣроятностію заключать, что вышеприведенная приписка находилась уже въ самомъ оригиналѣ настоящей рукописи.

Л. 64. Подъ раскрашеной заставкой — Ἔκθεσις πίστεως ἐκτεθεῖσα παρὰ τῶν τιή ἁγίων πατέρων — символъ вѣры 1-го никейскаго собора.

Л. — об. Πρόλογος τῆς ἐν Γάγγρᾳ συνόδου — окружное посланіе собора, въ которомъ первоначально изложены были его правила, но которое, само собою понятно, не могло найти мѣста въ систематическомъ сборникѣ Схоластика (Pitra, I. p. 485).

Л. — Πρόλογος τῆς ἐν Ἀντιοχείᾳ συνόδου — такое же соборное посланіе (Ib. p. 455).

Л. 65. Πρόλογος τῶν ἐν Λαοδικείᾳ τῆς Φρυγίας συνελθόντων πατέρων. Начало: Ἡ ἁγία σύνοδος... (Ibid. p. 494, подъ текстомъ).

Л. — Τῆς β' συνόδου. Πρόλογος τῶν ρν ἁγίων πατέρων τῶν ἐν Κωνσταντινουπόλει συνελθόντων, ἥτις ἐστὶν οἰκουμενική. Слѣдуетъ προσφωνητικὸς λόγος собора къ императору объ утвержденіи вновь составленныхъ каноновъ (Ibid. p. 507 — 508), съ извѣстною замѣткою въ концѣ: Τάδε ὥρισαν..... τοῦ μεγάλου (ib.), ἤγουν (прибавляетъ нашъ списокъ) τὰ ἐν τοῖς πεντήκοντα τίτλοις κατὰ συνήθες γραφέντα.

Л. — Πρόλογος τῶν σ' ἁγίων πατέρων τῶν ἐν Ἐφέσῳ συνελθόντων τὸ πρότερον, ἥτις ἐστὶ τρίτη οἰκουμενικὴ σύνοδος. Συναχθέντων ἡμῶν.... βλάπτειν ἢ ὠφελεῖν τινας (Ibid., p. 515), и посланіе того же собора къ памфилійскимъ епископамъ о тамошнемъ митрополитѣ Евстаѳіи (ib. p. 520).

Л. 66. Κανόνες τῶν ἐν Κωνσταντινουπόλει ἐν τῷ Τρούλλῳ τοῦ βασιλικοῦ παλατίου συνελθόντων ἁγίων πατέρων ἐπὶ Ἰουστινιανοῦ τοῦ εὐσεβεστάτου καὶ φιλοχρίστου ἡμῶν βασιλέως. Προσφωνητικὸς τῆς αὐτῆς ἁγίας συνόδου и пр., какъ у Питры (t. II. p. 14). Въ концѣ правилъ (л. 87 об.) та же самая приписка, которую Питра нашелъ въ валлицелліанскомъ и ватиканскомъ кодексахъ (Κανόνες..... Ἱεροσολύμων. Ibid. p. 72. not. 21).

Послѣ этой статьи оставленъ пробѣлъ, шириною въ ладонь; за тѣмъ на слѣдующемъ листѣ, подъ новою заставкою (въ видѣ четырехконечнаго креста):

Л. 88. Κανόνες τῶν ἐν Νικαίᾳ πατέρων συνελθόντων τὸ δεύτερον ἐν ἔτει ,ςσϞς' τῆς κόσμου κτίσεως, ινδ. ια', εὐσεβῶς βασιλευόντων Κωνσταντίνου καὶ Εἰρήνης, τῆς αὐτοῦ μητρός. Надъ каждымъ правиломъ оглавленіе, какъ у Питры (t. II. p. 103 sq.).

Л. 93 об. Τοῦ ἁγίου Πέτρου ἐπισκόπου Ἀλεξανδρείας καὶ μάρτυρος κανόνες φερόμενοι ἐν τῷ περὶ μετανοίας αὐτοῦ λόγῳ (Pitra, I. p. 551 — 561). Всѣ правила съ заголовками; надъ послѣднимъ (15-мъ) надписано: τοῦ αὐτοῦ ἐκ τοῦ λόγου τοῦ εἰς Πάσχα περὶ νηστείας τετράδος καὶ παρασκευῆς.

Л. 99 об. Таблица родства.

Л. 100. Ἐπιστολὴ κανονικὴ τοῦ ἁγίου Γρηγορίου τοῦ θαυματουργοῦ, ἐπισκόπου Νεοκαισαρείας (ib. p. 562—566).

На лл. 101 об.—108 помѣщены каноническія статьи Василія Великаго, неизвѣстныя Схоластику, именно: посланіе къ хорепископамъ, къ подчиненнымъ ему епископамъ, отрывки изъ 27 и 29 главы сочиненія о Св. Духѣ, посланіе къ Діодору тарсскому, къ Григорію пресвитеру, къ никопольцамъ и къ Амфилохію (о различіи пищи).

Л. 108 об. Ἐπιστολὴ κανονικὴ τοῦ ἁγίου Γρηγορίου ἐπισκόπου Νύσσης πρὸς τὸν ἐν ἁγίοις Λητόϊον ἐπίσκοπον Μελιτινῆς (ib. p. 619—629).

Л. 114. Τοῦ ἁγίου Κυρίλλου ἀρχιεπισκόπου Ἀλεξανδρείας πρὸς Δόμνον. Тутъ же изложены и правила, содержащіяся въ посланіи того же св. Кирилла къ ливійскимъ и пентапольскимъ епископамъ (ib. p. 650—653).

Л. 115 об. Θεοφίλου τοῦ ἁγιωτάτου ἀρχιεπισκόπου Ἀλεξανδρείας τῶν θεοφανίων ἐπιστάντων ἐν κυριακῇ προσφώνησις (p. 646).

Л. 116. Τιμοθέου τοῦ ἁγιωτάτου πατριάρχου Ἀλεξανδρείας, ἑνὸς τῶν ρν′ ἁγίων πατέρων τῶν ἐν Κωνσταντινουπόλει πρὸς τὰς προσενεχθείσας αὐτῷ ἐπερωτήσεις ἐπισκόπων καὶ κληρικῶν (ib. p. 630).

Л. 117. Τοῦ ἁγίου Ἀθανασίου ἐπιστολὴ πρὸς Ἀμοῦν μονάζοντα (ib. p. 566—59).

Л. 119. Τοῦ αὐτοῦ ἐκ τῆς λθ′ ἑορταστικῆς ἐπιστολῆς — о книгахъ священнаго писанія и (л. 20) начало стихотворенія Григорія Богослова о томъ же (ср. л. 63).

Л. 120 об. Ἐγκύκλιος ἐπιστολὴ Γενναδίου τοῦ ἁγιωτάτου πατριάρχου Κωνσταντινουπόλεως и пр., какъ у Питры (t. II, p. 183—187).

Л. 122. Посланіе патріарха Тарасія къ папѣ Адріану. Начало: Τῷ τὰ πάντα ἁγιωτάτῳ καὶ μακαριωτάτῳ ἀδελφῷ καὶ συλλειτουργῷ κυρίῳ Ἀδριανῷ πάπᾳ τῆς πρεσβυτέρας Ῥώμης· Ταράσιος ἀνάξιος ἐπίσκοπος Κωνσταντινουπόλεως ἐν Κυρίῳ χαίρειν (ib. p. 304—313).

Послѣ этого посланія на 126 листѣ, оставшемся отъ пер-

ваго писца пустынь, написано другою рукою чье-то (архіерейское) исповѣданіе вѣры въ 14 пунктахъ, изъ коихъ четыре (8—11) отнесены на оборотную страницу 159 листа.

Л. 127. Κανόνες ἐκτεθέντες (ὑπὸ) τῶν ἐν Καρθαγένῃ συνελθόντων σιζ' μακαρίων καὶ ἁγίων πατέρων. Полный (κατὰ πλάτος) переводъ дѣяній кароагенскаго собора 419 года, съ латинскаго текста по редакціи Діонисія Малаго (Justelli, Biblioth. juris canon. veteris, p. 141—174). Нашъ списокъ могъ бы значительно восполнить пробѣлы печатныхъ изданій этого перевода (въ той же Biblioth. стр. 321—409 и въ Acta Conciliorum Лаббе, Гардуина и др.). Замѣчательно еще, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ приписаны на поляхъ краткіе отрывки латинскаго подлинника: не указываетъ-ли это на особенную близость настоящаго списка къ той (неизвѣстной) рукѣ, которой принадлежитъ греческій переводъ актовъ кароагенскаго собора 419 года? Счетъ правилъ отличенъ отъ Діонисіева, которому слѣдуетъ и авторъ номоканона въ XIV титулахъ: вмѣсто 138 насчитано 133 и — не безъ основанія: послѣднія пять правилъ Діонисіева счета суть не правила, а документы, принадлежащіе къ дѣяніямъ собора.

Л. 151. Τῆς γενομένης συνόδου ἐπὶ Κυπριανοῦ τοῦ ἁγιωτάτου ἀρχιεπισκόπου Καρχηδόνος, ἐπισκόπων πδ' συναχθέντων εἰς τὴν αὐτὴν Καρχηδόνα, περὶ τοῦ δεῖν βαπτίζεσθαι τοὺς αἱρετικούς· ἥτις σύνοδος προγενέστερα μέν ἐστι τῆς ἐν Νικαίᾳ συνόδου, δευτερεύει δὲ διὰ τὴν τῆς οἰκουμενικῆς συνόδου αὐθεντίαν. Опредѣленіе этого собора (255 г.) изложено здѣсь съ тѣмъ же самымъ предисловіемъ неизвѣстнаго греческаго переводчика, которое вполнѣ издано Ламбеціемъ въ описаніи греческихъ рукописей вѣнской библіотеки (Comment. ed. Kollar, t. III. p. 925—927). Текстъ самаго опредѣленія раздѣленъ на 84 пункта, по числу членовъ собора; противъ каждаго пункта написано по латинѣ, кѣмъ онъ высказанъ (N episcopus dixit). Значитъ, и здѣсь переписчикъ имѣлъ дѣло съ оригиналомъ, близкимъ къ эпохѣ появленія самаго перевода.

Л. 160. Τοῦ ἁγίου Ἐπιφανίου ἐπισκόπου Κύπρου Κωνσταντίας, ὅτι πασῶν αἱρέσεων μητέρες καὶ πρωτότυποι τέσσαρες, ἐξ

ῶν καὶ ἄλλαι πᾶσαι ἀνεφύησαν. Въ концѣ замѣтка: ὁμοῦ αἱρέσεις ρος´.

Л. 176. Τιμοθέου πρεσβυτέρου τῆς μεγάλης ἐκκλησίας Κωνσταντινουπόλεως πρὸς Ἰωάννην πρεσβύτερον καὶ σκευοφύλακα τῆς ἁγίας Θεοτόκου ἐν Χαλκοπρατίοις, περὶ διαφορᾶς προσερχομένων τῇ εὐαγεστάτῃ ἡμῶν πίστει (Cotelerius, Monum. eccles. graec. I, p. 278 sq.).

Л. 182. Τοῦ ἁγίου Ἀναστασίου πατριάρχου Ἀντιοχείας περὶ δεσμευθέντων, μὴ δύνασθαι παρ' ἑτέρου λύσιν λαβεῖν.

Л. — об. Κανὼν τῆς γενομένης συνόδου ἐν Ῥώμῃ ὑπὸ τοῦ ἁγίου Μαρτίνου πάπα — 20-е правило римскаго (латеранскаго) собора, бывшаго въ 649 году, при папѣ Мартинѣ, по распоряженію котораго всѣ акты этого собора были переведены на греческій языкъ (Labbe, Conciliorum t. VI. p. 360).

Л. —. Τοῦ ἁγίου Γρηγορίου τοῦ θεολόγου ἐπιστολὴ πρὸς τὸν ἄρχοντα τῆς χώρας, ὥστε μὴ ἐπικύπτειν τοὺς ἀνιέρους τὸ σύνολον εἰς τὰ ἐκκλησιαστικά.

Л. 183. Κανόνες ἐκτεθέντες παρὰ τῆς ἁγίας συνόδου, τῆς ἐν περιωνύμῳ ναῷ τοῦ Θεοῦ Λόγου συστάσης, τὴν ἑβδόμην καὶ οἰκουμενικὴν σύνοδον ἐπιβεβαιωσάσης, πᾶσαν δὲ σχισματικὴν καὶ αἱρετικὴν πλάνην ἀπελασάσης (Pitra, II. p. 142). Правила изложены безъ раздѣленія одного отъ другаго.

Л. 184. Ἐπιστολὴ γραφεῖσα ἀπὸ Κωνσταντινουπόλεως πρὸς Μαρτύριον, ἐπίσκοπον Ἀντιοχείας περὶ τοῦ ὅπως χρὴ δέχεσθαι τοὺς αἱρετικοὺς, προσερχομένους τῇ ἁγίᾳ ἐκκλησίᾳ (Pitra, II. p. 187). Тоже самое посланіе помѣщено ниже, на л. 186 об.

Л.—об. Τοῦ μακαρίου Διονυσίου, ἀρχιεπισκόπου Ἀλεξανδρείας— посланіе къ Василиду (Pitra, I. p. 541).

Л. 188. Διάταξις οζ´ διὰ τοὺς φύσιν ἀσελγαίνοντας καὶ ὀμνύοντας κατὰ τριχός τε καὶ κεφαλῆς καὶ τῶν τοιούτων, κελεύει ταῖς ἐσχάταις ὑποβάλλεσθαι τιμωρίαις — 77 новелла Юстиніана.

Л. 189. Ἐκ τῶν μετὰ τὸν κώδικα θείων νεαρῶν διατάξεων и пр.—извѣстное собраніе въ 87 главахъ, извлеченныхъ Схоластикомъ изъ новеллъ Юстиніановыхъ. Впереди помѣщенъ подробный указатель содержанія этихъ главъ, надписанный: Τῆς ἐγκειμένης μετὰ τοὺς κανόνας τῶν συνόδων διατάξεως τὰ κεφάλαια.

За тѣмъ — приписка: Εἰς δόξαν τοῦ μεγάλου Θεοῦ и пр. (см. Pitra, II. p. 385—390). Съ листа 192 идутъ самыя 87 главъ, въ концѣ которыхъ помѣщены извѣстныя двѣ схоліи (πρίβατά ἐστι τὰ τῇ βασιλείᾳ ἰδιαζόντως διαφέροντα и пр.), попавшія въ печатную Коричую (см. у Розенкампфа, изд. 2. прилож. VIII. стр. 96).

Л. 207 об. — 228 (послѣдній) Διατάξεις τῶν πολιτικῶν νόμων ἐκ τῶν νεαρῶν Ἰουστινιανοῦ βασιλέως, συνηγοροῦσαι καὶ ἐπικυροῦσαι τοὺς τῶν ἁγίων πατέρων ἐκκλησιαστικοὺς κανόνας — другое собраніе законовъ Юстиніана, составленное неизвѣстнымъ компиляторомъ въ 25 главахъ. Въ нашемъ спискѣ нѣтъ послѣднихъ 5 главъ; этотъ недостатокъ нельзя объяснять утратою конца рукописи; напротивъ, есть прямое указаніе на то, что столько именно главъ находилось и въ ея оригиналѣ: послѣ 4-й главы (л. 211 об.) помѣщено особое оглавленіе, съ новымъ счетомъ, дальнѣйшихъ 16-ти (πίναξ τῶν νεαρῶν Ἰουστινιανοῦ κεφ. ιϛ′), которыя такимъ образомъ получаютъ видъ самостоятельнаго и цѣлаго сборника.

Описанная Кормчая, доказывая самымъ нагляднымъ образомъ продолжавшееся въ XI вѣкѣ употребленіе, въ греческой церкви, Схоластикова сборника, съ тѣмъ вмѣстѣ вполнѣ подходитъ подъ ту характеристику, какую даетъ знаменитый канонистъ XII вѣка Θеодоръ Вальсамонъ наиболѣе распространеннымъ въ современной практикѣ спискамъ греческаго Номоканона. Ἐπειδὴ δὲ εἶδον — говоритъ онъ въ толкованіи на 2-е правило трульскаго собора (Σύντ. II, 311; ср. Beveregii Synodicon t. II. annot. p. 128)—μέγαν ἄνθρωπον προσκομίζοντα νομοκάνονον, ἔχον κατεσρωμένους τοὺς διὰ Κλήμεντος κανόνας τῶν ἁγίων Ἀποστόλων (разумѣются, конечно, не правила, а постановленія — διαταγαί — апостольскія, отвергнутыя трульскимъ соборомъ, но отчасти державшіяся въ спискахъ Схоластикова сборника, подобныхъ иверской и настоящей Кормчей), καὶ νεαρὰς διαφόρους τοῦ βασιλέως Ἰουστινιανοῦ μὴ δεχθείσας εἰς τὴν ἀνακάθαρσιν τῶν νόμων (т. е. въ извѣстныя Базилики)· παρεγγυῶμαι πᾶσι τοῖς μέλλουσιν ἀναγινώσκειν νομοκάνονα, μὴ προσέχειν τοῖς παλαιοτέροις βιβλίοις τῶν νομοκανόνων, ἀλλ᾽ ἀναγινώσκειν τὸ παρὰ

τοῦ πατριάρχου Φωτίου πονηθὲν καὶ εἰς ιδ' τίτλους διαιρούμενον· τὸ δὲ νομοκάνονον τὸ συμποσῶσαν εἰς ν' τίτλους τοὺς νόμους καὶ τοὺς κανόνας, καὶ τὰ λοιπά, τὰ ἔχοντα νεαρὰς τοῦ Ἰουστινιανοῦ ἀπρακτησάσας, μὴ δεχθείσας ἐν τοῖς βασιλικοῖς, καὶ ἄλλους τινὰς νόμους ἐκ τῶν κωδίκων, καὶ τῶν διγέστων, καὶ δοκοῦντα καταπλουτίζεσθαι ὑπὸ πολυλογίας (εἶδον γὰρ μυρία τοιαῦτα βιβλία παρὰ πολλοῖς ἀξιολόγοις ἀνδράσι), μηδὲ λόγου ἀξιοῦν, ὡς κινδυνώδη καὶ ἀποτρόπαια, ἀλλ' ἐπιτρέπειν τὴν τούτων ἀπώλειαν. Къ счастію для науки, списки Номоканона, подобные настоящему, сохранились отъ фанатизма строгихъ практиковъ XII вѣка. По такимъ спискамъ мы имѣемъ возможность приблизительно опредѣлить составъ Схоластикова сборника въ эпоху первоначальнаго перевода его на славянскій языкъ. При этомъ невольно вспоминаю, что въ извѣстномъ паннонскомъ житіи св. Меѳодія, въ числѣ переводныхъ трудовъ славянскаго апостола, упоминается и Номоканонъ — названіе, усвояемое въ настоящемъ спискѣ сборнику Схоластика.

Рукопись № 467, въ большую 4-ку, на 227 листахъ, пергаминная, красиваго письма XI — XII вѣка. Здѣсь содержится номоканонъ въ XIV титулахъ (л. 9 об. — 143) съ слѣдующими замѣчательными особенностями въ редакціи: 1) втораго, Фотіева предисловія—нѣтъ; 2) въ перечнѣ правилъ (ἐκ ποίων συνόδων τε καὶ προσώπων κ. τ. λ) исчисляются только: правила апостольскія, соборовъ—отъ никейскаго до константинопольскаго (при Нектаріи) и св. отцовъ—отъ Діонисія александрійскаго до Геннадія константинопольскаго (л. 10 об.); 3) въ самыхъ титулахъ а) правила (κανόνες) приводятся въ полномъ текстѣ, какъ и νόμοι, а не указываются только цифрами*); б) такъ называемые Фотіевы соборы ни разу не встрѣчаются; в) Вальсамоновыхъ толкованій на κείμενα еще нѣтъ, но по мѣстамъ написаны на поляхъ краткія схоліи; г) многихъ главъ не достаетъ.

---

*) Но правила трульскаго и 7-го вселенскаго приводятся; первый цитируется такъ: Συνόδου οἰκουμενικῆς ς' συγκροτηθείσης ἐπὶ Ἰουστινιανοῦ βασιλέως ἐν τῷ Τρούλλῳ τοῦ παλατίου (напр. тит. I. гл. 1, 3, 24).

Изъ дополнительныхъ статей, подробно исчисленныхъ въ каталогѣ Маттеи (стр. 319) и, большею частію, извѣстныхъ по печатнымъ изданіямъ, мы приведемъ здѣсь вполнѣ слѣдующія неизданныя апокрифическія правила, которыя отчасти встрѣчаются и въ нашемъ Номоканонѣ при Большомъ Требникѣ:

Л. 146 об. Τῆς πρώτης συνόδου· Ὅτι οὐ χρὴ τοὺς μονάζοντας, ἐκτὸς τοῦ ἱερέως ἢ τοῦ ἡγουμένου, ποιεῖν τίποτε, ἢ ἀποδημεῖν πώποτε.

Ὅτι οὐκ ἔξεστιν ἱερέα κοσμικὸν ἀποτάσσειν μοναχόν, ἢ ἐνδύειν σχῆμα· ὃ γὰρ αὐτὸς οὐ περίκειται, πῶς δίδωσιν ἄλλοις, εἰ μὴ μοναχοὶ ἱερεῖς ὄντες, ἢ ἡγούμενοι ἱερεῖς ὄντες. Ср. Номок. при Требникѣ гл. 82, стр. 97, гдѣ правило это усвояется никейскому собору.

Τῆς δ' συνόδου· Ὅτι οὐκ ἔξεστι τοὺς ἀπὸ τῆς ἱερωσύνης ἐπὶ τὸ μοναχικὸν ἐρχομένους, πάλιν εἰς τὸ ἱερατεῖον ἐπιπηδᾷν· ἀποθέμενοι γὰρ τὸν βαρὺν ζυγὸν τοῦ ἱερατείου, τὸν ἐλαφρὸν ζυγὸν τοῦ Χριστοῦ ἐπεσπάσαντο, κατὰ τὸν λέγοντα· ὁ ζυγός μου χρηστός ἐστι, καὶ τὸ φορτίον μου ἐλαφρόν. Εἰ δὲ εὑρεθῇ τοιοῦτος φιλόνεικος ὤν, ἀνάθεμα ἔστω, καὶ οἱ κοινωνοῦντες αὐτῷ Ср. Номок. гл. 90, стр. 104—105.

Ὁ ἁρπάζων μονάστριαν καὶ φθείρων αὐτήν, μὴ κοινωνείτω ἔτη κ'· ὁμοίως καὶ αὐτὴ μετὰ νηστειῶν καὶ προσευχῶν.

Ὁ ἀποταξάμενος τῷ κόσμῳ καὶ γενόμενος μοναχός, εἶτα μετὰ ταῦτα ἐπιδειξάμενος βίον ἐνάρετον, γενέσθω καὶ διάκονος, καὶ πρεσβύτερος, καὶ ἐπίσκοπος, κἂν θέλῃ, κἂν μὴ θέλῃ, ὡς ἄξιος.

Ὅτι οὐ χρὴ τοὺς μονάζοντας, ἀποβαλόντας εὐλάβειαν, ἀνθίστασθαι τὸν ἱερέα εἰς οἱονδήποτε πρᾶγμα, ὅπερ αὐτῷ δόξει, καὶ μάλιστα ἐὰν δικαίως πράττῃ καὶ λέγῃ, κατὰ τοὺς θείους καὶ ἱεροὺς κανόνας· εἰ δὲ καὶ σκληροῦνται καὶ ἀποβάλλονται τὸν ἱερέα, οἱ τοιοῦτοι ἀποβαλλέσθωσαν τῆς ἐκκλησίας καὶ τῆς κοινωνίας τῶν ἁγίων μυστηρίων ἑξαμηναῖον χρόνον· ἄρχοντα γὰρ τοῦ λαοῦ οὐκ ἐρεῖς κακῶς. Ср. Номок. гл. 122, стр. 124.

Л. 147 об. Τῆς ἐν Ἀγκύρᾳ συνόδου. Καθ' ἑξῆς τοῦ λέγειν· ἀδύνατον τὰ τοιαῦτα ἁμαρτήματα, ἀλλοπίστους λέγομεν, πόρνους, μοιχούς, ἀνδροφόνους, παιδεράστας, καὶ ἐπαοιδούς, οὐ μικρὸν οὐ μέγαν, ὅλως εἰς ἱερωσύνην εἰσελθεῖν κελεύομεν, κἂν μετανοήσωσι

καὶ (κἂν ?) οὐ μετανοήσωσι· παντελῶς γὰρ ὁ κανὼν πάντας διώκει τῆς ἱερωσύνης, ὅσους ἐγραψάμεθα ἐν τῷ κανόνι τούτῳ· ἀνάξιοι γὰρ τῆς ἱερωσύνης ὑπάρχουσι παντελῶς, ἐὰν εἶχον ὑπαρχὴν τριετεῖς πράξαντες τὰ ἁμαρτήματα ταῦτα· μετανοήσαντες δὲ, σωθήσονται δυνάμει Θεοῦ. Τῶν δὲ τοιούτων τὰ ἐπιτίμια ὑπάρχουσιν οὕτως· ἐὰν μὴ μετανοήσωσιν, η' ἔτη τῆς κοινωνίας ἔξω μενέτωσαν, τῆς ἐκκλησίας ἔστωσαν ἔξω ἔτη β'· ἀνάξιοι γὰρ προσφορᾶς τοῦ φαγεῖν, ἕως τέλους ζωῆς αὐτῶν. Εἰ δὲ προσέλθουσι τῇ ἀνεπαισχύντῳ μετανοίᾳ τοῦ Χριστοῦ ἐν πάσῃ καθαρᾷ συνειδήσει, καὶ τοῦ μὴ ἐπιστρέψαι πάλιν ἐπὶ ταῖς αὐταῖς ἁμαρτίαις, γενέσθω ἐπ' αὐτοὺς ἔλεος πολὺ καὶ φιλανθρωπία, μετὰ διδαχῆς πολλῆς, ἵνα πάντες ὦμεν ἀχώριστοι τῆς βασιλείας τοῦ Χριστοῦ.

На л. 162, предъ исповѣданіемъ вѣры въ 22 пунктахъ, помѣщена слѣдующая схолія: Χρὴ πάντα χριστιανὸν ὁμολογεῖν καρδίᾳ καὶ στόματι, ὡς αἱ ἅγιαι καὶ οἰκουμενικαὶ ἓξ ἐβεβαίωσαν σύνοδοι, λέγω δὴ ἡ ἐν Νικαίᾳ, καὶ αἱ ἐν Κωνσταντινουπόλει γ̄ (т. е. τρεῖς), καὶ ἡ ἐν Ἐφέσῳ τὸ πρότερον, καὶ ἡ ἐν Καλχηδόνι (sic), καθὼς ὑποτέτακται.

Кормчая № 397, въ 8-ку, на 185 листахъ, пергаминная XIII вѣка. Письмо чрезвычайно мелкое и неразборчивое; листы въ началѣ и концѣ жестоко пострадали отъ сырости, въ которой когда-то и гдѣ-то находилась рукопись. На первомъ листѣ, подъ раскращеною заставкою, можно прочитать вооруженнымъ глазомъ: πίναξ σὺν Θεῷ τῆς ἱερᾶς τῆσδε βίβλου; но въ самомъ перечнѣ главъ ясно видно только число ихъ — 46.

По своему содержанію и расположенію составныхъ частей, рукопись эта почти совершенно сходна съ венеціанскимъ наніевымъ спискомъ XIII—XIV вѣка (№ 226), описаннымъ Мингарелли (см. Graeci codices mss. apud Nanios patricios venetos asservati. Bononiae. 1784. p. 414 sq.). Въ составъ того и другаго списка входятъ три каноническихъ сборника: хронологическая синтагма (синод. л. 2—124; нан. л. 1—111), псевдо-Схоластиковъ номоканонъ въ 50 титулахъ (синод. л. 133 об. — 162; нан. л. 168—200: въ послѣднемъ приписывается

Θеодориту киррскому) и сокращеніе каноновъ Симеона магистра и логоѳета (синод. л. 162 — 180; нан. л. 200 sq.). Между этими главными составными частями помѣщено значительное число мелкихъ дополнительныхъ статей, такъ что, по рѣдкому разнообразію своего содержанія, настоящій сборникъ можетъ быть названъ каноническимъ «Цвѣтникомъ».

Синтагма еще не имѣетъ здѣсь общепринятыхъ толкованій Зонары или Вальсамона; но на поляхъ и въ самомъ текстѣ разсѣяно множество краткихъ схолій, въ которыхъ или указываются сходныя правила, или соглашаются видимо—противорѣчащія. Изъ этихъ схолій, типически повторяющихся и въ другихъ (дозонаровскихъ) спискахъ синтагмы, могла бы составиться своего рода glossa ordinaria, весьма поучительная въ историко-каноническомъ отношеніи: и здѣсь, также какъ въ латинской глоссѣ къ Декрету Граціана и папскимъ Декреталамъ, творилось новое право, едва-ли вполнѣ исчерпанное знаменитыми комментаторами синтагмы въ XII вѣкѣ *). Тѣмъ достойнѣе сожалѣнія, что новѣйшій издатель источниковъ каноническаго права греческой церкви — ученый кардиналъ Питра, имѣвшій въ рукахъ и синодальный и наніевъ списокъ, не воспользовался ими для пополненія изданныхъ имъ отрывковъ до-зонаровской канонической схоліи-глоссы (Juris eccles. Graecorum historia et monumenta, t. II. p. 657 sq.); другаго же Питры, особенно между русскими канонистами, скоро не дождемся....

Кромѣ схолій каноническихъ, синодальный и наніевъ списокъ представляютъ еще рядъ схолій историческихъ: правиламъ каждаго собора предпосылается краткое сказаніе (ὑπόθεσις) о времени и поводѣ его составленія. Нѣкоторыя изъ этихъ сказаній надписываются просто именемъ Θеодора (именно — сказаніе о первомъ вселенскомъ соборѣ, л. 7; начало: Ἀλεξάνδρεία πόλις ἐστὶ μεγίστη καὶ πολυάνθρωπος; — конецъ: νόμους ἔγραψαν εἴκοσι); другія — болѣе подробно: ἀπὸ φωνῆς Θεοδώρου τοῦ

*) Нѣтъ сомнѣнія, что Зонара и Вальсамонъ въ своихъ толкованіяхъ уже пользовались готовыми схоліями, нерѣдко повторяя ихъ вполнѣ и буквально.

θεοφιλεστάτου (или *δσιωτάτου*) *ἀββᾷ καὶ σοφωτάτου φιλοσόφου* (сказанія о третьемъ и четвертомъ вселенскихъ соборахъ, изданныя Питрою, op. cit. t. II. p. 430 — 432); остальныя (о второмъ, пятомъ, шестомъ и трульскомъ вселенскихъ и семи помѣстныхъ: анкирскомъ, неокесарійскомъ, сардикскомъ, гангрскомъ, антіохійскомъ, лаодикійскомъ и кареагенскомъ) — безымянны; но большая часть ихъ, по всей вѣроятности, принадлежитъ тому же аввѣ Θеодору *). Изъ всѣхъ этихъ сказаній мы приведемъ здѣсь одно — о трульскомъ (пято-шестомъ) вселенскомъ соборѣ (691 г.), о которомъ обыкновенно умалчиваютъ другія *Συνοδικά* (патріарховъ Германа, Никифора, Фотія и пр. **) и который въ нашемъ *ὑπόθεσις* еще не называется вселенскимъ:

Ὑπόθεσις τῆς ἐν Κωνσταντινουπόλει ἁγίας συνόδου τῆς ἐν τῷ Τρούλλῳ (л. 59 об.):

Ἐπὶ Ἰουστινιανοῦ τοῦ νέου βασιλέως συνήχθη ἐν Κωνσταντινουπόλει ἐν τῷ Τρούλλῳ τοῦ βασιλικοῦ παλατίου σύνοδος, ἥτις καὶ ἐπεκύρωσε πάσας τὰς προδηλωθείσας ἁγίας συνόδους τὰς τέσσαρας τὰς οἰκουμενικὰς καὶ τὰς ἓξ τὰς τοπικὰς καὶ τὰς μετὰ ταύτας δύο

---

*) Это несомнѣнно, по крайней мѣрѣ, относительно сказаній о четырехъ вселенскихъ и шести помѣстныхъ соборахъ (отъ анкирскаго до лаодикійскаго), такъ какъ въ другихъ каноническихъ рукописяхъ тѣже самыя сказанія встрѣчаются въ видѣ особаго цѣлаго (*Συνοδικόν*), хотя и безъ имени автора (См. C o x e, Catalog. Biblioth. Bodlean. t. I. p. 150. n. 30).

**) Исключеніе составляетъ только одинъ пространный синодикъ, составленный, вѣроятно, во времена патріарха Фотія и объемлющій сказанія о 153 соборахъ (начиная отъ апостольскаго въ Іерусалимѣ и оканчивая константинопольскимъ 879 г. въ храмѣ св. Софіи). Здѣсь подъ № 135 содержится краткое извѣстіе о трульскомъ соборѣ, довольно сходное съ приведеннымъ въ текстѣ, именно: «Ἰουστινιανὸς τοίνυν βασίλεια τὰ πατρῷα δεξάμενος, θεῖαν καὶ ἱερὰν ἐν Κωνσταντινουπόλει διακοσίων τεσσαράκοντα θεοφόρων πατέρων συνήγαγε Σύνοδον, ἣ τοὺς παραλειφθείσας τῇ ἁγίᾳ πέμπτῃ καὶ ἕκτῃ Συνόδῳ κανόνας ἐξέθετο, καὶ πάσης Ἑλληνικῆς τε καὶ Ἰουδαϊκῆς, ἀλλά γε καὶ αἱρετικῆς παραδόσεως τὰς ἐκκλησίας ἐκάθηρε (F a b r i c i i Biblioth. graeca, ed. Harless t. XII. p. 441).

ἁγίας συνόδους τὰς οἰκουμενικάς, τὰς γεγονυίας ἐν Κωνσταντινουπόλει, ἥτις καὶ αὐτὴ συνεγράψατο κανόνας ἐκκλησιαστικούς, τὸν ἀριθμὸν ἑκατὸν τρεῖς. (Увеличенный на единицу счетъ правилъ произошелъ отъ раздѣленія 3-го правила на два).

Еще одна весьма замѣчательная для канониста черта въ синодальномъ и наніевомъ спискѣ: правила соборовъ расположены въ томъ самомъ порядкѣ, въ какомъ исчисляетъ ихъ Іоаннъ Схоластикъ въ хронологическомъ перечнѣ составныхъ частей своего систематическаго сборника, именно: послѣ правилъ апостольскихъ, идутъ правила соборовъ: никейскаго, анкирскаго, неокесарійскаго, с а р д и к с к а г о, гангрскаго, антіохійскаго, лаодикійскаго, константинопольскаго, ефесскаго и халкидонскаго (ср. Pitra, t. II. p. 377—378). Этотъ порядокъ есть строго-хронологическій (съ единственнымъ отступленіемъ для никейскаго собора), тогда какъ въ позднѣйшей синтагмѣ (принадлежащей неизвѣстному автору номоканона въ XIV титулахъ, но обыкновенно усвояемой патріарху Фотію) сардикскій соборъ поставленъ послѣ халкидонскаго *διὰ τὸ πολλὰ περί τινων ἐπιχωρίων, ἤγουν τῶν δ υ τ ι κ ῶ ν μερῶν διορίσασθαι* (Ibid. p. 450. 451). Такимъ образомъ синодальный и венеціанскій списокъ носятъ на себѣ довольно ясныя черты еще той древней синтагмы, въ которой содержались только правила четырехъ вселенскихъ и шести помѣстныхъ соборовъ—отъ анкирскаго до лаодикійскаго, послѣ котораго въ обоихъ спискахъ знаменательно замѣчено: *τέλος τῶν τοπικῶν ἁγίων ἕξ συνόδων* (синод. л. 29; ср. у М и н г а р е л л и въ указ. мѣстѣ). Въ позднѣйшемъ составѣ того и другаго списка постепенный ростъ хронологической синтагмы представляется тоже съ замѣчательною вѣрностію: за правилами халкидонскаго собора слѣдуютъ сказанія о 5 и 6-мъ вселенскихъ соборахъ (синод. л. 40 об. — 41 об.), потомъ — *ἐκ τῶν κ α τ ὰ π λ ά τ ο ς κανόνων τῶν ἐν Καρθαγένῃ συνελθόντων σιζ' μακαρίων πατέρων κεφάλαια κατ' ἐκλογὴν ἀολληθέντα, τὸν ἀριθμὸν πδ'* (л. 42) *), и правила

*) Правила кареагенскаго собора 419 года переведены съ латинскаго языка на греческій уже послѣ Схоластика, но еще до трулльскаго собора, который уже подтверждаетъ ихъ во 2 своемъ правилѣ.

соборовъ трульскаго, никейскаго втораго и константинопольскаго двукратнаго (л. 56 об.—88 об.). Что касается, наконецъ, до правилъ константинопольскаго собора въ храмѣ св. Софіи, бывшаго, какъ сказано въ ихъ оглавленіи (синод. л. 181), ἐπὶ Ἰωάννου πάπα Ῥώμης καὶ Φωτίου πατριάρχου Κωνσταντινουπόλεως (879 г.): то имъ дано мѣсто не наряду съ прочими соборными, а уже послѣ каноническихъ посланій св. отцовъ, между разными малозначительными дополненіями синтагмы, — обстоятельство, довольно часто встрѣчающееся и въ другихъ каноническихъ рукописяхъ.

Изъ мелкихъ дополнительныхъ статей къ синтагмѣ отмѣтимъ, въ синодальномъ спискѣ, слѣдующія:

Л. 125 об. Ἐκ τῆς ἐπιστολῆς Βίκτωρος τοῦ Καρθαγένης ἐπισκόπου πρὸς Θεόδωρον πάπα Ῥώμης. Начало: Ἡμεῖς γὰρ ἐλάχιστοι, τοῦ κυρίου διακυβερνοῦντος.... окончаніе: τῷ φανερῷ τούτῳ ἀντιπίπτειν μολύσματι — небольшой отрывокъ изъ посланія карѳагенскаго епископа Виктора къ папѣ Ѳеодору, писаннаго въ 646 году и помѣщеннаго въ подлинникѣ и въ греческомъ переводѣ въ актахъ римскаго латеранскаго собора 649 г. (L a b b e, Conciliorum t. VI. p. 155; срав. выше въ Кормчей № 432, л. 182 об.).

Л. —. Νικολάου πατριάρχου τοῦ παλαιοῦ; начинается: Ἀφίκετο ἡμῖν γράμματα τῆς σῆς θεοφιλείας, ἐπιζητοῦντα παρὰ τῆς ἡμετέρας μετριότητος ψῆφον ἐξενεχθῆναι περὶ πρεσβυτέρου τοῦ στεφανώσαντος παρὰ γνώμην τῶν γονέων τὰ τούτων τέκνα. Это— посланіе патріарха Ф о т і я, изданное Валеттою подъ № 84 (см. Ἐπιστολαὶ Φωτίου, ἐκδ. Λονδίνῳ 1864. σ. 411).

Л. 130 об. Ἐκ τοῦ β′ τίτλου τῶν νεαρῶν διατάξεων Λέοντος καὶ Κωνσταντίνου τῶν βασιλέων κεφάλαιον β′ περὶ γάμων ἐπιτετραμμένων καὶ κεκωλυμένων — 2-я глава такъ называемой «Эклоги, измѣненной по Прохирону» (Z a c h a r i a e, Jus graeco-romanum, t. IV. p. 65). Въ концѣ этой главы извѣстная приписка: ἔτι δὲ καὶ ὅσοι ἐξ ἑνὸς ἀναδόχου διὰ τοῦ ἁγίου βαπτίσματος ἐγεννήθησαν ἀδελφοὶ πνευματικοί, τουτέστι παλληκάριον καὶ κοράσιον (L e u n c l a v i i Jus graec.—rom. t. II. p. 102). Далѣе слѣдуютъ той же Эклоги гл. 3—5, 7, 21. 22. 27. 31.

Л. 132. Посланіе какого-то пресвитера Калаіоанна къ

архіепископу Льву (въ наніевомъ спискѣ прибавлено: Καλαβρίας) подъ заглавіемъ: Τῷ καθηγητῇ τῶν κατηγητῶν καὶ πνευματικῷ μου πατρὶ κυρῷ Λέοντι τῷ γραμματικῷ καὶ ἀρχιεπισκόπῳ, Καλαϊοάννης πρεσβύτερος, δοῦλος Ἰῦ Χῦ ἀνάξιος. Начало: Κληρικός τις ἔγημε γυναῖκα, διδάσκαλε, καὶ πρὶν ἢ συνοικῆσαι τῇ γαμετῇ, βούλεται χειροτονηθῆναι πρεσβύτερος, ἐκδεχόμενος μετὰ τὴν χειροτονίαν ἐκπαρθενεῦσαι αὐτήν и пр. Въ отвѣтѣ, который равно какъ и вопросъ, сколько мнѣ помнится, нигдѣ не изданъ, указанное намѣреніе клирика не одобряется.

Л. 180 (вслѣдъ за сокращеніемъ правилъ Семеона логоѳета): Τῶν ἁγίων πατέρων κεφάλαιον· ὅτι οὐκ ἔξεστιν ἱερέα κοσμικόν и пр. — тоже самое апокрифическое правило, которое въ Кормчей № 467, л. 146 об. приписывается первому собору.

— Κεφάλαιον ια′ ἐκ τοῦ γ′ βιβλίου τῶν Ἀποστολικῶν διατάξεων. Начало: οὐκ ἐπιτρέπομεν λαϊκοῖς ποιεῖν τι ἱερατικόν. См. Pitra, I. p. 234 (cap. 10).

— Ἐκ τοῦ ς′ βιβλίου τῶν διατάξεων τῶν ἁγίων Ἀποστόλων, τοῦ περὶ σχισμάτων, κεφάλαιον ιζ′· περὶ κληρικῶν γαμικὰ παραγγέλματα (Ibid. p. 325).

Л. 181. Κεφάλαιον τοῦ μεγάλου Βασιλείου. Начало: ὅτι οὐκ ἔξεστι τοὺς ἀπὸ τῆς ἱερωσύνης — тоже, что въ № 467 усвояется 4-му собору.

Л. — об. Αἱ νεαραὶ τοῦ κυροῦ Ῥωμανοῦ καὶ τοῦ κυροῦ Κωνσταντίνου καὶ τοῦ υἱοῦ αὐτοῦ καὶ τοῦ κυροῦ Νικηφόρου τῶν βασιλέων. Начало: Εἴ τις ὁρμάσει κόρην, καὶ μετὰ ταῦτα μονάσει. Неиздано.

Л. 182 (послѣдній). Ἐκ τῶν πρακτικῶν τῆς ἐν Νικαίᾳ πρώτης οἰκουμενικῆς συνόδου — опредѣленіе о Пасхѣ, изданное Питрою (См. Spicileg. Solesm. t. IV. p. 541; Juris eccl. Graec. t. I. p. 435 — 436).

Есть, наконецъ, въ синодальной библіотекѣ двѣ каноническія рукописи, которыя, по своей относительной древности,— близости къ эпохѣ составленія своихъ прототиповъ, не имѣютъ себѣ равныхъ ни въ одной изъ европейскихъ библіотекъ: это — списокъ каноническаго синопсиса съ толкованіями Алексѣя Ари-

стина (№ 237), несомнѣнно — одного вѣка съ самимъ толкователемъ, и списокъ алфавитной синтагмы Властаря (№ 149), написанный въ 1342 году, значитъ, — спустя не болѣе 7 лѣтъ послѣ изданія самаго оригинала *). Такъ какъ аристиновскій синопсисъ ни разу не былъ изданъ отдѣльно, а между тѣмъ, по своему отношенію къ нашей печатной Кормчей, онъ имѣетъ особенную важность для русскаго канониста: то я нахожу нужнымъ подробно описать его составъ и содержаніе по указанному синодальному списку (№ 237). Къ этому побуждаетъ меня и другое обстоятельство. Извѣстно, что въ числѣ толкователей и вмѣстѣ редакторовъ каноническаго кодекса греческой церкви въ XII вѣкѣ считается (на ряду съ Аристиномъ, Зонарою и Вальсамономъ) еще Доксопатръ, по однимъ — Григорій, по другимъ — Нилъ **). Единственный списокъ номоканона, съ именемъ этого толкователя, находится теперь въ ватиканской библіотекѣ; единственнымъ источникомъ свѣдѣній объ немъ служитъ описаніе

*) Синтагма Властаря составлена въ 1335 году. См. Mortreuil, Hist. du droit byzantin, III, 462.—О хронологическомъ отношеніи синодальнаго списка къ прототипу правильно замѣтилъ уже извѣстный русскій ученый XVII вѣка—іеромонахъ Евѳимій, переведшій Властареву синтагму съ этого самаго списка («преведеся отъ еллинскаго діалекта на славянскій съ рукописныя греческія книги, на пергаминѣ древлеписанныя въ лѣто 6850, по седми лѣтѣхъ точію самаго сочиненія, живу явленно еще сущу мудрѣйшему оному Матѳею. Сокровиществуемѣй же той древлеписанной гречестѣй книзѣ доднесь въ вивліоѳикѣ патріархіи царствующаго града Москвы». Ркп. синод. библіот. № 226, предисл.). Палеографическій снимокъ послѣсловія этого списка синтагмы см. у Саввы № ді. срав. предисл. стр. 16.

**) Юристы — Мортрёль (Hist. du droit byzantin, III p. 483), Цахаріэ (Historiae juris graeco-romani delineatio, p. 59 и 83), Геймбахъ (De Basilicorum origine, p. 81; Griech.-röm. Recht въ Энциклопедіи Эрша и Грубера, т. 86, стр. 460), считаютъ канониста Доксопатра за одно лицо съ Григоріемъ Доксопатромъ, отъ котораго сохранились схоліи въ Базиликахъ; другіе писатели — Аллацій, Дюканжъ, Фабрицій — за одно лицо съ Ниломъ (=Николаемъ) Доксопатромъ, извѣстнымъ по своему сочиненію о пяти патріаршихъ престолахъ (см. Oudinus Comment. de script. eccles. t. II. p. 1180 sq.).

Монфокона, изданное въ его «Iter Italicum» и «Bibliotheca Bibliothecarum» *). Сравнивъ это описаніе съ синодальнымъ спискомъ Аристинова синопсиса, нельзя не замѣтить поразительнаго сходства между тѣмъ и другимъ сборникомъ (разница, конечно, только въ имени автора). Отсюда невольно приходишь къ заключенію о тожествѣ Доксопатра съ Аристиномъ, другими словами: о случайной замѣнѣ, въ ватиканскомъ спискѣ, имени послѣдняго именемъ перваго. Для нагляднаго убѣжденія въ этомъ, предлагаю параллельное описаніе обоихъ списковъ:

Синодальный списокъ — пергаминный, въ 4-ку, на 105 листахъ, весьма мелкаго и красиваго письма XII вѣка. — Первая страница 1-го листа отъ сырости такъ попортилась, что на ней едва видны слѣды буквъ; здѣсь начинался указатель главъ, занимающій первые 12 листовъ.	Римскій—пергаминный XII вѣка, въ листъ, на 158 листахъ; снимокъ письма помѣщенъ въ Palaeographia Graeca, p. 301; форматъ и число листовъ указаны Мортрёлемъ, по Монфоконову Iter Italicum (Hist. du droit byzantin, III. p. 421. note *d*).
Л. 13. Νομοχάνονον σὺν Θεῷ, περιέχον συνοπτικῶς ὅλους τοὺς κανόνας τῶν ἁγίων καὶ οἰκουμενικῶν συνόδων καὶ τῶν ἁγίων Ἀποστόλων καὶ τοῦ μεγάλου Βασιλείου καὶ ἑτέρων θεοφόρων πατέρων, ἑρμηνευθὲν προτροπῇ τοῦ εὐσεβεστάτου βασιλέως κυροῦ Ἰωάννου τοῦ Κομνηνοῦ, παρὰ τοῦ λογιωτάτου διακόνου τῆς τοῦ Θεοῦ μεγάλης ἐκκλησίας, καὶ νομοφύλακος κυροῦ Ἀλεξίου τοῦ Ἀριστηνοῦ.	Νομοχάνονον σὺν Θεῷ, περιέχον συνοπτικῶς ὅλους τοὺς κανόνας τῶν ἁγίων καὶ οἰκουμενικῶν ἑπτὰ συνόδων, καὶ τῶν ἁγίων Ἀποστόλων καὶ τοῦ μεγάλου Βασιλείου καὶ ἑτέρων θεοφόρων πατέρων, ἑρμηνευθὲν προτροπῇ τοῦ εὐσεβεστάτου βασιλέως κυροῦ Ἰωάννου τοῦ Κομνηνοῦ, παρὰ τοῦ λογιωτάτου διακόνου τῆς τοῦ Θεοῦ μεγάλης ἐκκλησίας, καὶ νομοφύλακος τῆς τῶν Ῥωμαίων βασιλείας, πατριαρχικοῦ νοταρίου καὶ πρωτοπροέδρου τῶν πρωτοσυγκέλων Δοξοπάτρη.
— Τῶν ἁγίων καὶ πανευφήμων Ἀποστόλων κανόνες πε΄.	1. Canones Apostolorum, num. 85.

*) Мы имѣемъ подъ руками только послѣднее изъ названныхъ изданій; здѣсь номоканонъ Доксопатра, принадлежавшій во времена Монфокона еще базиліанскому монастырю въ Римѣ, описанъ на стр. 196—197 перваго тома.

Ι. 18 οб. Τῆς ἐν Νικαίᾳ ἁγίας συνόδου κανόνες κ'.	2. Canones Nicaeni 25 (?) numero.
Ι. 21 οб. Τῶν ἐν Ἀγκύρᾳ ἁγίων πατέρων κανόνες κε'.	3. Ancyranae Synodi canones 25.
Ι. 25. Τῶν ἐν Νεοκαισαρείᾳ συνελθόντων ἁγίων πατέρων κανόνες ιδ'.	4. Neocaesarensis Synodi 15.
Ι. 27. Τῶν ἐν Γάγγρᾳ συνελθόντων ἁγίων πατέρων κανόνες κ'	5. Gangrensis 20.
Ι 28 οб. Τῶν ἐν Ἀντιοχείᾳ συνελθόντων ἁγίων πατέρων κανόνες κε'.	6. Antiochenae 25.
Ι. 32. Τῶν ἐν Λαοδικείᾳ τῆς Φρυγίας συνελθόντων ἁγίων πατέρων κανόνες νθ'.	7. Laodicenae 59.
Ι. 36. Τῶν ἐν Κωνσταντινουπόλει συνελθόντων τῶν ρν' ἁγίων πατέρων κανόνες η'.	8. Constantinopolitanae 150 Patrum canones 8.
Ι.—οб. Τῶν ἐν Ἐφέσῳ συνελθ. ἁγ. πατέρων κανόνες θ'.	9. Ephesinae Synodi canones 9.
Ι. 37 οб. Τῶν ἐν Χαλκηδόνι ἁγ. πατέρων κανόνες λ'.	10. Chalcedonensis 30.
Ι. 42. Τῶν ἐν Σαρδικῇ συνελθ. ἁγ. πατέρων κανόνες κα'.	11. Sardicensis canones 21.
Ι. 44. Τῶν ἐν Καρθαγένῃ συνελθ. ἁγ. πατέρων κανόνες ρλζ'.	12. Cathaginensis 137.
Ι. 63. Ἐκ τῶν ἐν Κωνσταντ. (πραχθέντων) περὶ Ἀγαπίου καὶ Βαγαδίου, ἀντιποιοῦντων Βόστρης.	13. Constantinopolitanae de Agapio et Bagadio canon 1.
Ι. — Τῆς ἕκτης συνόδου τῆς ἐν τῷ Τρούλλῳ κανόνες ρβ'.	14. Constantinopolitanae in Trullo, VI generalis, canones 102.
Ι. 75 οб. Τῆς ἐν Νικαίᾳ συνόδου τὸ δεύτερον κανόνες κβ'.	15. Nicaenae secundae canones 22.
Ι. 79. Τῆς ἐν Κωνσταντ. γενομένης α' καὶ β' συνόδου ἐν τῷ ναῷ τῶν ἁγίων Ἀποστόλων κανόνες ιζ'.	16. C. P. in Templo SS. Apostolorum, πρώτης καὶ δευτέρας, canones 17.
Ι. 80. Τῆς ἐν περιωνύμῳ ναῷ τῆς τοῦ Θεοῦ Σοφίας, ἥτις τὴν ζ' ἐκύρωσε σύνοδον.	17. Constantinopolitanae in Templo S. Sophiae canones 3.

Л. — Τοῦ μεγάλου Βασιλείου ἐκ τῆς α′ ἐπιστολῆς κανόνες ϟθ′ (sic) *) Л. 89. (κανὼν) πε′. Ἐκ τῆς πρὸς Ἀμφιλόχιον ἐπιστολῆς (Σύντ. IV, 258). — πϛ′. Ἐκ τῆς πρὸς Διόδωρον. — об. πζ′. Ἐκ τῆς πρὸς Γρηγόριον πρεσβύτερον, ὥστε χωρισθῆναι τοῦ συνοίκου γυναίου. — πη′. Ἐκ τῆς πρὸς τοὺς χωρεπισκόπους. — πθ′. Πρὸς τοὺς ὑφ' ἑαυτὸν ἐπισκόπους, μὴ χειροτονεῖν ἐπὶ χρήμασιν. — ϟ. Ἐκ τῆς πρὸς Ἀμφιλόχιον περὶ τοῦ ἁ(γίου πνεύματος) κεφάλαιον κζ′, περὶ ἀγράφων ἐθῶν. Л. 90. ϟα′. Ἐκ τῆς κθ′ κεφαλῆς τῆς αὐτῆς πραγματείας.	18. Basilii, 91.
Л.—. Ταρασίου Κωνσταντινουπόλεως Ἁδριανῷ Ῥώμης.	19. Tarasii C. P. Hadriano papae canon 1.
Л.—об. Τοῦ ἁγίου Διονυσίου — сокращеніе двухъ каноническихъ посланій его (къ Василиду и Конону); послѣднее раздѣлено на 4 правила.	20. Dionysii Alexandrini canones 5.
— Πέτρου Ἀλεξανδρείας, τοῦ ἁγίου καὶ ἱερομάρτυρος—14 правилъ.	21. Petri Alexandrini canones 14.
Л. 91. об. Τοῦ ἁγίου Γρηγορίου Νεοκαισαρείας τοῦ θαυματουργοῦ — 13 правилъ.	22. Gregorii Thaumaturgi canones 13.
Л. 92. Τοῦ ἁγίου Ἀθανασίου πρὸς Ἀμοῦν μονάζοντα.	23. Athanasii canones 5.
Л. — об. Τοῦ ἁγίου Γρηγορίου Θεολόγου ἐκ τῶν ἐπῶν περὶ τῶν	Нѣтъ.

*) Подъ этимъ заглавіемъ изложенъ сокращенный текстъ 84-хъ правилъ Василія Великаго, содержащихся въ трехъ каноническихъ посланіяхъ его къ Амфилохію. Толкованія Аристина оканчиваются вмѣстѣ съ этими правилами.

αὐτῶν (т. е. о книгахъ св. писанія, о которыхъ говорится въ послѣднемъ правилѣ Аѳанасія) ἰαμβικοί.

— Τοῦ ἁγίου Ἀμφιλοχίου ἐπισκόπου Ἰκονίου περὶ τῶν αὐτῶν.

Нѣтъ.

Л. 93. Τοῦ ἁγίου Γρηγορίου Νύσσης πρὸς Λητόϊον Μελιτινῆς—8 правилъ.

24. Gregorii Nysseni canones 8.

Л.—об. Τιμοθέου Ἀλεξανδρείας ἑνὸς τῶν ἐν Κωνσταντινουπόλει ρν′ πατέρων, τῶν κατὰ Μακεδονίου ἀθροισθέντων· διάδοχον ἐσχηκότος Θεόφιλον — 15 правилъ.

25. Timothei Alexandrini canones 15.

Л. 94. Θεοφίλου Ἀλεξανδρείας— 14 правилъ.

26. Theophili Alexandrini canones 14.

Л. 95. Τοῦ ἁγίου Κυρίλλου Ἀλεξανδρείας — 7 правилъ изъ 4-хъ посланій.

27. Cyrilli Alexandrini canones 7.

Л. — Εὐλογίου Ἀλεξανδρείας — 1 правило.

28. Eulogii Alexandrini canon 1.

Л. — Γενναδίου Κωνσταντινουπόλεως καὶ τῆς τηνιαῦτα ἐνδήμου ἱερᾶς συνόδου.

29. Gennadii C. P. canon 1.

Л.—об. Γραφὴ ἀπὸ Κωνσταντινουπόλεως Μαρτυρίῳ ἐπισκόπῳ Ἀντιοχείας περὶ τοῦ πῶς δεκτέον αἱρετικοὺς προσιόντας τῇ ἐκκλησίᾳ.

30. Rescriptum Constantinopoli ad Martyrium episcopum Antiochenum canon 1.

Л. — Τοῦ μεγάλου Ἀθανασίου πρὸς Ῥουφινιανόν.

31. Athanasii ad Rufinianum.

Л. 96. Τοῦ ἁγίου Ἀποστόλου Παύλου κανόνες ἐκκλησιαστικοὶ ιζ′.

32. Sanctorum Apostolorum (sic) canones 17.

Л.—об. Τῶν ἁγίων Ἀποστόλων Πέτρου καὶ Παύλου κανόνες ιζ′.

33. SS. Apostolorum Petri et Pauli canones 17.

Л. 97. Κοινῶς τῶν Ἀποστόλων πάντων κανόνες β′.

34. SS. Apostolorum in communi canones 2.

Л.—Τὰ κεφάλαια τοῦ τῆς μεγάλης ἐκκλησίας χρυσοβούλλου, τοῦ Ἰουστινιανοῦ, περὶ τῶν προσφυγόντων δούλων.

35. Τὰ . . . Ἰουστινιανοῦ, id est capita sive canones Bullae aureae Justiniani, quae est in magna ecclesia, num. 6.

Л.—об. Τοῦ μεγάλου Βασιλείου

36. Τοῦ . . . . canones 27. Раз-

περὶ τίτλου καὶ χρόνου ἁμαρτημάτων 26 правилъ.

Л. — Τοῦ αὐτοῦ· πόσοι τύποι (sic) τῶν ἐπιτιμίων.

Л. 98. Τοῦ ἁγίου Κυρίλλου περὶ ὀρθοδοξίας κεφάλαια ιβ' κατὰ Νεστορίου.

Л.—об. Δημητρίου μητροπολίτου Κυζικοῦ περὶ Ἰακωβιτῶν καὶ Χατζιτζαρίων.

Л. 99. Πέτρου Ἀντιοχείας, πρὸς τὸν Βενετίας· γέγονε δὲ γ' οὗτος ἐπὶ τοῦ πατριάρχου κυροῦ Ἀλεξίου.

ница въ счетѣ объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что Монкофонъ причиталъ сюда и слѣдующую въ синодальномъ спискѣ статью, которая у него отдѣльно не показана.

37. Cyrilli contra Nestorium canones 11(?).

38. Demetrii Cyziceni canones 3.

39. Petri Antiocheni canones 4.

Далѣе сходство между списками то прекращается, то возобновляется *). Въ синодальномъ слѣдуютъ:

Л. 99. об. Λέοντος ἀρχιεπισκόπου Βουλγαρίας — изъ посланія противъ латинянъ.

Л. 102. Τοῦ μεγάλου Βασιλείου παραγγελία πρὸς ἱερέα περὶ τῆς θείας λειτουργίας. Начало: Σπούδασον, ὦ ἱερεῦ, σαυτὸν παραστῆσαι (Σύντ. IV, 391).

Л. — Τοῦ αὐτοῦ περὶ τῆς ἁγίας μεταλήψεως (Beverigii, t. II, на 13-мъ ненумеров. листѣ, послѣ стр. 188).

Л. — об. Τοῦ αὐτοῦ περὶ τῶν καταφρονούντων τῶν ἐπιτιμίων. (Ibid.).

Л. — Τοῦ ἁγίου Ἀποστόλου Παύλου ἐκ τῆς πρὸς Κορινθίους ἐπιστολῆς — съ двумя краткими толкованіями.

Л.—Ἐκ τῆς ἐπιστολῆς Γενναδίου (Σύντ. IV, 416). За тѣмъ приписано киноварью: Ὅτι χρὴ τοὺς προσκομίζοντας (καὶ) τὴν εὐχὴν τοῦ ἁγίου βαπτίσματος ποιοῦντας, τὰς εὐχὰς ἐκφωνεῖν· τοὺς δὲ μὴ τοῦτο ποιοῦντας, ὑπευθύνους εἶναι τῇ κρίσει τοῦ μεγάλου Θεοῦ.

Л. — Τοῦ ἁγιωτάτου Τιμοθέου ἀρχιεπισκόπου Ἀλεξανδρείας, ἑνὸς τῶν ρν' ἁγίων πατέρων τῶν ἐν Κωνσταντινουπόλει συνελ-

*) Въ римскомъ спискѣ, по описанію Монфокона, подъ №№ 40 и 41 стоятъ: Iohannis monachi, discipuli s. Basilii, canones 2; Synodorum et Patrum canones 27.

θόντων, ἀποκρίσεις κανονικαὶ πρὸς τὰς ἐπενεχθείσας αὐτῷ ἐρωτήσεις παρά τινων ἐπισκόπων καὶ κληρικῶν — полный текстъ тѣхъ же 15-ти отвѣтовъ, которые сокращенно помѣщены выше, на л. 93 об. И въ римскомъ спискѣ Монфоконъ указываетъ здѣсь правила Timothei alexandrini (№ 42).

Послѣ 104-го листа, на которомъ оканчиваются каноническіе отвѣты Тимоѳея, въ синодальномъ спискѣ не достаетъ нѣсколькихъ листовъ, на которыхъ, судя по оглавленію (л. 12 об.), должны были содержаться слѣдующія статьи, отчасти отмѣченныя Монфокономъ и въ римскомъ спискѣ:

(Ἰωάννου πατριάρχου) Κωνσταντινουπόλεως τοῦ Νηστευτοῦ· *περὶ διαφόρων διαφορῶν καὶ διαθέσεων τῶν ἐξομολογουμένων κρύφια ἁμαρτήματα καὶ τῶν τούτους ἀναδεχομένων* (У Монфокона № 43: Iohannis τοῦ Νηστευτοῦ).

Περὶ *κληρικῶν καὶ λοιπῶν ἱερωμένων* — у Монфокона нѣтъ.

Περὶ *τῶν οἰκουμενικῶν ζ′ συνόδων* (у Монфокона № 44: Septem synodorum oecumenicarum).

Далѣе слѣдуютъ въ оглавленіи еще какія-то двѣ статьи, которыхъ я разобрать не могъ.

Л. 105 (послѣдній). Νομι*κὰ δὲ κεφάλαια διάφορα παρεκβληθέντα πρὸς τὰς ὡς ἐπὶ πλεῖστον ἀναφυομένας ὑποθέσεις.*

Βιβλίον *κη′ τίτλος α′.*

Γενόμενος *ἐπίτροπος οὐ δύναται γαγεῖν τὴν ὑπ᾽ αὐτοῦ ποτὲ ἐπιτροπευθεῖσαν ὀρφανὴν* и пр. У Монфокона подъ № 45 указана, можетъ быть, таже самая статья: De nuptiis.

Итакъ сходство между синодальнымъ и римскимъ спискомъ въ главныхъ составныхъ частяхъ — полное (да и въ дополнительныхъ — разницъ не много). Остается только вопросъ о сходствѣ или различіи толкованій на правила, приписываемыхъ въ одномъ спискѣ Аристину, въ другомъ — Доксопатру. Но и этотъ вопросъ разрѣшается при помощи самого же Монфокона. Въ своей «Греческой Палеографіи» (стр. 301—303) онъ приводитъ изъ римскаго списка снимокъ слѣдующаго мѣста: Τῶν ἀπὸ τῆς νέας Γερμανοῦ παρεῖναι λεγομένων ὑποδιακόνων, τρὶς ζητηθέντων καὶ μὴ εὑρεθέντων, ψῆφον ἐχρῆν ἐξενεχθῆναι· ἀλλὰ διὰ τὴν ἐκκλησιαστικὴν ἡμερότητα πεμφθήτωσαν οἱ περὶ τοῦ

πράγματος διαγνῶναι ὀφείλοντες. **Ἑρμηνεία.** *Οὗτοι οἱ διάκονοι, τοῦ ἐπισκόπου Μαυρεντίου κατηγορήσαντες, καὶ παραγγελθέντες εἰς τὴν σύνοδον ταύτην ἀπαντῆσαι, καὶ προθεῖναι ἅπερ εἰσῆγον κατὰ τοῦ ἐπισκόπου αἰτιάματα· εἶτα δεύτερον καὶ τρίτον ψηλαφηθέντες καὶ μὴ εὑρεθέντες, ὡς συκοφάνται κατακριθῆναι ἔμελλον· ἀλλὰ διὰ τὴν ἐκκλησιαστικὴν ἡμερότητα ὁρισθῆναι σταλῆναί τινας ἀπὸ τῆς συνόδου κριτὰς, καὶ κατὰ χώραν σκοπῆσαι τὰ αἰτάματα, παρουσίᾳ καὶ αὐτῶν τῶν κατηγόρων, καὶ ἁρμοδίαν τῷ πράγματι παρασχεῖν τὴν διάγνωσιν.* **Если мы сравнимъ это мѣсто съ сокращеннымъ (синопсическимъ) текстомъ 100-го правила кареагенскаго собора—по Синтагмѣ Ралли и Потли (т. III. стр. 547) или 103-го—по изданію Бевериджа (Synodicon. t. I. p. 638): то убѣдимся въ совершенномъ тожествѣ quasi—Доксопатрова текста и толкованія—съ Аристиновымъ.**

Изъ позднѣйшихъ (бумажныхъ) рукописей каноническаго содержанія особенно замѣчательными показались мнѣ два сборника: № 455, въ 8-ю, на 356 листахъ, XV вѣка (ср. Mathaei, p. 328. 329. № LI), и № 33—на 117 листахъ *большаго* формата, послѣдней четверти XVII вѣка. Въ первомъ содержится, между прочимъ, довольно исправный списокъ епитимійнаго номоканона, изданнаго по крайне испорченной рукописи Котельеромъ (Monum. eccles. graecae t. I. p. 68—158) и въ славянскихъ рукописяхъ извѣстнаго подъ именемъ Зонара или Зинара (см. мой Номоканонъ при Большомъ Требникѣ, стр. 26—28). Въ синодальномъ спискѣ этотъ номоканонъ (начинающійся на л. 50 об.) имѣетъ такое заглавіе: *Νομοκάνονον τῶν ἁγίων ἀποστόλων Πέτρου καὶ Παύλου, καὶ τῶν ἁγίων πατέρων, ἐμπεριέχων* **(sic)** *διάφορα κεφάλαια ἀντεχόμενα τῶν συμβάντων ἡμῖν ἁμαρτημάτων, καὶ περὶ σωτηρίας ψυχῆς.* **По недостатку времени, я не могъ снять полной копіи этого списка и ограничился только выпиской нѣкоторыхъ мѣстъ, особенно неисправныхъ у Котельера. Не отказываюсь, впрочемъ, отъ мысли издать синодальный списокъ вполнѣ, вмѣстѣ съ славянскимъ переводомъ.**

Рукопись № 33 написана въ 1687 году въ Іерусалимѣ, по распоряженію тамошняго патріарха знаменитаго Досиѳея, для

нашей патріаршей библіотеки, какъ видно изъ собственноручной записи вкладчика на л. 12: Συναγωγὴ νόμων ἐκ διαφόρων νομίμων, ἣν ἐποιήσατο ὁ Ἱεροσολύμων πατριάρχης Δοσίθεος, κόπῳ, σπουδῇ καὶ δαπάνῃ, καὶ ἀφιέρωσεν εἰς τὸ πανευαγὲς πατριαρχεῖον τῆς βασιλευούσης μεγάλης Μοσχοβίας εἰς μνημόσυνον αἰώνιον. ͵αχπζ΄... ὁ Ἱεροσολύμων Δοσίθεος. Въ Москвѣ полученъ этотъ вкладъ въ 1693 году, какъ видно изъ помѣщенной на 1 листѣ грамоты или, точнѣе, исторической записи нашего патріарха Адріана о различныхъ книгахъ и рукописяхъ, присланныхъ въ различныя времена Досиѳеемъ. «Нынѣ же, сказано здѣсь между прочимъ, въ 7201 лѣтѣ онъ же святѣйшій Досиѳей прислалъ съ честнымъ и мудрымъ мужемъ, іеромонахомъ Хрисанѳомъ, архимандритомъ Гроба Господня, книги едины на десять числомъ печатныя, овы греческія, овы же греко-латинскія, и едину сію рукописную, въ ней же собраніе законовъ о различныхъ винахъ въ пятидесяти главахъ. Въ печатныхъ же двухъ томѣхъ собраны каноны св. Апостолъ и св. всѣхъ синодовъ селенскихъ и мѣстныхъ, и особная посланія св. отецъ каноническая, вся съ толкованіями блаженнаго Ѳеодора Валсамона, патріарха антіохійскаго, и Іоанна Зонары, и номоканонъ по пресѣченію (κατ' ἐπιτομὴν) номофилака Алексіа Аристина. Да во второмъ, подобнѣмъ тому, томѣ сочиненіе канонов по алфавиту, сочиненное мудрѣйшимъ и словеснѣйшимъ іеромонахомъ Матѳеемъ Властаромъ *). И сія вся и съ ними градстіи закони, собраныя Фотіемъ святѣйшимъ патріархомъ константинопольскимъ, толкованныя же Ѳеодоромъ, патріархомъ святѣйшимъ антіохійскимъ Властаромъ (читай: Вальсамономъ) **), за благословеніемъ мѣрпости нашея, всесовершенно на славенскій языкъ преведошася, яже благоволившу Богу святому, и тыя вся въ печатное дѣло скоро даны будутъ» ***).

*) Здѣсь, очевидно, говорится объ извѣстномъ изданіи Бевериджа (Beveregius): Συνόδικον sive Pandectae canonum et caet. Oxoniae. 1672.

**) Разумѣется парижское изданіе 1620 г. Номоканона и синтагмы Фотія съ толкованіями Вальсамона.

***) Въ 1692 году, дѣйствительно, конченъ былъ переводъ церковныхъ правилъ, по выше указаннымъ изданіямъ, надъ которымъ тру-

Большая часть статей, содержащихся въ этомъ сборникѣ, извѣстна по печатнымъ изданіямъ. Мы отмѣтимъ и отчасти приведемъ здѣсь вполнѣ только замѣчательнѣйшія *ἀνέκδοτα*, именно:

Л. 25 об. Ἐπιστολὴ Νικηφόρου χαρτοφύλακος. Извѣстна только въ латинскомъ переводѣ, помѣщенномъ въ Bibliotheca magna Patrum (t. XII, p. 547) и отсюда перепечатанномъ у Миня въ Patrolog. curs. compl. t. C. col. 1065—1068.

Л. 26 об. Статья, безъ всякаго заголовка, исчисляющая примѣры перемѣщенія епископовъ. Начало: Ὁ μέγας Εὐστάθιος, ἐπὶ τῶν ἡμερῶν τοῦ ἁγίου βασιλέως Κωνσταντίνου, μετετέθη ἀπὸ Βεῤῥοίας, ἤτοι Χάλεπ, εἰς Ἀντιοχείαν (срав. Σύντ. т. V. стр. 391. строк. послѣд.). Замѣчателенъ слѣдующій примѣръ:

дился іеромонахъ Евеимій (см. Саввы Указатель патріар. библіот. подъ словомъ Θеодоръ Вальсамонъ; срав. Матеей Властарь и Правила). Почему этотъ переводъ, не смотря на обѣщаніе патріарха, не попалъ «въ печатное дѣло»—мнѣ неизвѣстно. Слишкомъ чрезъ сто лѣтъ (именно въ 1800 году) въ святѣйшемъ Синодѣ поднятъ былъ вопросъ о напечатаніи какихъ-то рукописныхъ связокъ, содержавшихъ въ себѣ переводы 1) номоканона и синтагмы съ толкованіями Вальсамона; 2) Беверегія и 3) одного Фотіева Номоканона. Первый и послѣдній были одобрены къ печати московскою духовною цензурою; о второмъ цензура отозвалась, что «переводъ сей ничѣмъ не лучше имѣющагося въ Кормчей» и что въ немъ «въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и смыслу грамматическаго нѣтъ». Синодъ опредѣленіемъ 16 Апрѣля (журналъ № 23) постановилъ: одобренные цензурою переводы отдать на новое разсмотрѣніе синодальному члену Иринею, архіепископу псковскому. Послѣдній въ засѣданіи 26 Мая (журн. № 23) заявилъ, что «эти книги имъ разсматриваны: и поелику правила св. Апостолъ положены въ Требникѣ *), а правило законное патріарха Фотія находится въ Кормчей книгѣ, то и печатать ихъ особыми книгами онъ надобности не находитъ». Опредѣлено: «сіи двѣ книги, не издавая ихъ въ печать, отдать для храненія въ синодальной библіотекѣ» (Дѣло 24-го Марта 1800 г). Но такъ какъ въ настоящее время онѣ тамъ не находятся, то и трудно рѣшить, о какихъ именно переводахъ производилось все это дѣло.

*) Разумѣется, безъ сомнѣнія, Номоканонъ или Законоправильникъ, издаваемый въ концѣ Большаго Требника.

ἐπὶ τῆς βασιλείας Πορφυρογεννήτου, Θεοφύλακτος ὁ Σεβαστείας μετετέθη εἰς τὴν Ῥωσίαν (л. 27). Имя русскаго митрополита Θеофилакта, современника Порфирогенетамъ— Василію († 1025) или Константину († 1028), изъ другихъ источниковъ вовсе неизвѣстно. Лекенъ (Oriens christianus, t. I. p. 1261), найдя тоже самое свидѣтельство въ церковной исторіи Досиθея, относитъ его къ извѣстному изъ русскихъ источниковъ митрополиту Θеопемпту (о которомъ Несторъ упоминаетъ подъ 1038 г.).

Л. 27. Ἔτι σημείωσαι καὶ ταῦτα τὰ πατριαρχικὰ σημειώματα, περὶ μεταθέσεως διαλαμβάνοντα.

Μηνὶ Φευρουαρίῳ ς΄—η, ἡμέρᾳ ς΄, ἰνδικτιῶνος ιδ΄, προκαθημένου τοῦ παναγιωτάτου ἡμῶν δεσπότου, τοῦ οἰκουμενικοῦ πατριάρχου κῦρ Γερμανοῦ, ἐν τοῖς κατὰ τὴν ἁγιωτάτην μητρόπολιν Νικαίας κελλίοις αὐτοῦ, συνεδριαζόντων τῇ μεγίστῃ ἁγιωσύνῃ αὐτοῦ ἱερωτάτων ἀρχιερέων, τοῦ Νικομηδίας Νικηφόρου, τοῦ Μελιτινῆς Μανουὴλ, τοῦ Λαοδικείας Θεοδώρου, τοῦ Ἀλανίας Θεοδώρου, καὶ τοῦ Λοπαδίου Ἀγαπητοῦ, παρισταμένων καὶ τῶν θεοφιλεστάτων δεσποτικῶν ἀρχόντων. Начало: Τιμᾶται ἅπαξ ἁπλῶς ἐν ἅπασιν ἡ ἀκρίβεια.—Неиздано.

Л. 28. Ἕτερον εἰς τὸ αὐτό. Μηνὶ Μαρτίῳ κθ΄, ἡμέρᾳ α΄, ἰνδικτιῶνος ιε΄, προκαθημένου τοῦ παναγιωτάτου ἡμῶν δεσπότου τοῦ οἰκουμενικοῦ πατριάρχου κῦρ Γερμανοῦ ἐν τοῖς ἀνωτέρω δηλουμένοις κελλίοις.—Неиздано.

Л. 30. Ἐρωτήσεις διάφοροι γενόμεναι πρὸς τὸν χαρτοφύλακα κῦρ Νικῆταν, τὸν ὕστερον Θεσσαλονίκης ἀρχιερέα, καὶ ἀποκρίσεις ἐπ' αὐταῖς.—Ἐρώτησις· Εἰκός ἐστιν ἐν τῇ αὐτῇ καὶ μιᾷ ἱερουργίᾳ, ἱερέα καὶ διάκονον χειροτονηθῆναι; καὶ εἴπερ ἀκώλυτον, τὸν σήμερον χειροτονηθέντα διάκονον, μετὰ δευτέραν καὶ τρίτην ἡμέραν, εἰς ἱερέα τελειωθῆναι;—Ἀπόκρ. Ἕνα μὲν καὶ τὸν αὐτὸν, ἐν τῇ αὐτῇ καὶ μιᾷ ἱερουργίᾳ χειροτονηθῆναι διάκονον καὶ ἱερέα, οὐκ ἔστιν εἰκός κ. τ. λ. Въ концѣ этого (неизданнаго) отвѣта Σχόλιον· Ὁ ἁγιώτατος πατριάρχης κῦρ Ἀρσένιος, τὴν σήμερον χειροτονηθεὶς διάκονος, καὶ τῇ μετ' αὐτὴν πρεσβύτερος, καὶ τῇ μετ' ἐκείνην πατριάρχης κεχειροτόνηται. Καὶ ὁ Βουλγαρίας κῦρ Λέων, ὡς ἐν ταῖς αὐτοῦ ἐπιστολαῖς εὗρον, τὸν Κοψόχειλον

Ἰωάννην, τὸν πεπαγομένον (?) διάκονον ὄντα, τῷ σαββάτῳ χειροτονήσας πρεσβύτερον, τῇ ἑξῆς κυριακῇ ἐπίσκοπον τοῦ Γρεβινοῦ κεχειροτόνηκεν. Ταῦτά φησιν ὁ Κυζίκου Θεόδωρος, καλόγηρος ὢν τοῦ πατριάρχου κῦρ Ἀρσενίου.

Л. 34. Συνοδικὸν γράμμα. Подъ этимъ заглавіемъ стоитъ слѣдующая замѣчательная грамота:

Πανευγενέστατε ῥὴξ Ἀρμενίας, Κιλικίας καὶ Ἰσαυρίας. Εἰρήνην ἐπευχόμεθά σοι ἐν Χριστῷ, τῷ τὰ διεστῶτα συναγαγόντι, ὅτι καὶ σὺ θεοφιλῶς τὴν μετὰ τοῦ φιλευσεβοῦς κραταιοῦ καὶ ἁγίου ἡμῶν βασιλέως συγγενικὴν ᾑρετίσω ἀγάπην καὶ ἕνωσιν. Ὁ κραταιὸς καὶ ἅγιος ἡμῶν βασιλεὺς, πρόσταγμα τῆς ἁγίας αὐτοῦ βασιλείας πρὸς τὴν καθ' ἡμᾶς ἀπέλυσε σύνοδον, παραδηλοῦν μετὰ τῶν ἄλλων καὶ τοῦτο, ὡς ἡ λαμπροτάτη εὐγένειά σου, συναλλάσσουσα εἰς συγγένειαν μετὰ τῆς βασελείας αὐτοῦ, καὶ εἰς γυναῖκα ταύτῃ διδοῦσα τὴν θυγατέραν αὐτῆς, ἀπήτησε μετὰ τῶν ἄλλων καὶ ἀσφάλειαν γενέσθαι αὐτῇ διὰ συνοδικῆς ἐγγράφου πράξεως περὶ τοῦ μὴ ἄλλως συναφθῆναι τῇ βασιλείᾳ αὐτῆς (чит: αὐτοῦ) τὴν θυγατέρα τῆς σῆς εὐγενείας, εἰ μὴ κατὰ κανονικὴν ἀκολουθίαν καὶ παρατήρησιν, μετὰ ἱερολογίας τελείας· καὶ ἐπὶ τούτου, κατὰ τὴν σὴν αἴτησιν, ποιῆσαι τὴν καθ' ἡμᾶς συνοδον, τὸ τοιοῦτον κανονικὸν διεκελεύετο πρόσταγμα· ὅτι γοῦν καὶ ἡμῖν εὔλογον ἐνομίσθη τὸ γενέσθαι, καθώς τε ἡ εὐγένειά σου ᾐτήσατο, καὶ ὁ βασιλεὺς πρὸς τοῦτο εἰκότως ἐπένευσε, τὸ παρὸν γράμμα ἰδοὺ πρὸς τὴν σὴν εὐγένειαν ἐγχαράξαι δέον ἐκρίναμεν, δι' οὗ καὶ παραδηλοῦμεν αὐτῇ, ἐγώ τε ὁ πατριάρχης, ἐγὼ ὁ ἀρχιεπίσκοπος Βουλγαρίας, καὶ ἡμεῖς οἱ ὑπὸ τὸν πατριαρχικὸν μέγιστον θρόνον τῆς Κωνσταντινουπόλεως, τῷ τηνικαῦτα παρευρεθέντες ἀρχιερεῖς, καὶ ἐν ἀκροάσει γεγονότες τῆς ὑποθέσεως, ἀλλὰ δὴ καὶ ἐπίσκοποι, ὡς ὁ κραταιὸς καὶ ἅγιος ἡμῶν βασιλεὺς, ὅλος(?), Θεοῦ χάριτι, τῆς εὐσεβείας ἐστὶ, καὶ τῶν θείων καὶ ἱερῶν κανόνων καὶ ὅρων ἐξέχεται, καὶ οὐδὲν παρὰ τὴν νόμιμον καὶ κανονικὴν ἀκολουθίαν ἐθέλει ποιεῖν· ὅπερ καὶ ἀκριβῶς εἰδότες ἡμεῖς, καὶ τῇ σῇ εὐγενείᾳ διὰ τοῦ ἡμετέρου γνωρίζομεν γράμματος, καὶ ἐντελῆ ταύτῃ πληροφορίαν διδόαμεν, ὡς οὐκ ἂν πρὸς μίξιν τῇ σῇ γνησίᾳ συναφθήσεται θυγατρὶ ὁ κραταιὸς καὶ ἅγιος ἡμῶν βασιλεὺς, εἰ μὴ πάντα τὰ ἐκκλησιαστικὰ καὶ κανονικὰ ἔθιμά τε καὶ νόμιμα, κατὰ

писи науки славянской. *В. Григоровича.* — 5) Протоколы засѣданій совѣта университета (съ 19 августа по 21-е декабря 1870 г.).

ТОМЪ VII. Содержаніе: 1) Историческій очеркъ секуляризаціи церковныхъ земель въ Россіи. Ч. 1. Попытки къ обращенію въ государственную собственность поземельныхъ владѣній русской Церкви въ XVI в. *А. Павлова.* — 2) Вступительныя лекціи: по кинематикѣ — *Лигина*, по аналитической геометріи — *Ярошенка.*—3) Отчетъ о состояніи новороссійскаго университета за 1870—1871 г. и приложенія къ нему. — Протоколы засѣданій совѣта (съ 18 января по 31-е мая 1871 года), и приложенія къ нимъ (отчеты Бернштейна и Мечникова).

ТОМЪ VIII. Содержаніе: 1) Протоколы засѣданій совѣта (съ 16 августа по 13 декабря 1871 г. и съ 20 января по 29 мая 1872 г.). — 2) Вступительныя лекціи: а) по каѳедрѣ славянскихъ нарѣчій — *Кочубинскаго*, б) теоріи и исторіи искусствъ — *Кондакова*, в) химіи — *Марковникова*, г) минералогіи — *Головкинскаго.* — 3) Приложеніе: Номоканонъ при Большомъ Требникѣ, изданный вмѣстѣ съ греческимъ текстомъ, до сихъ поръ неизвѣстнымъ, и съ объясненіями издателя.* *А. Павлова.*

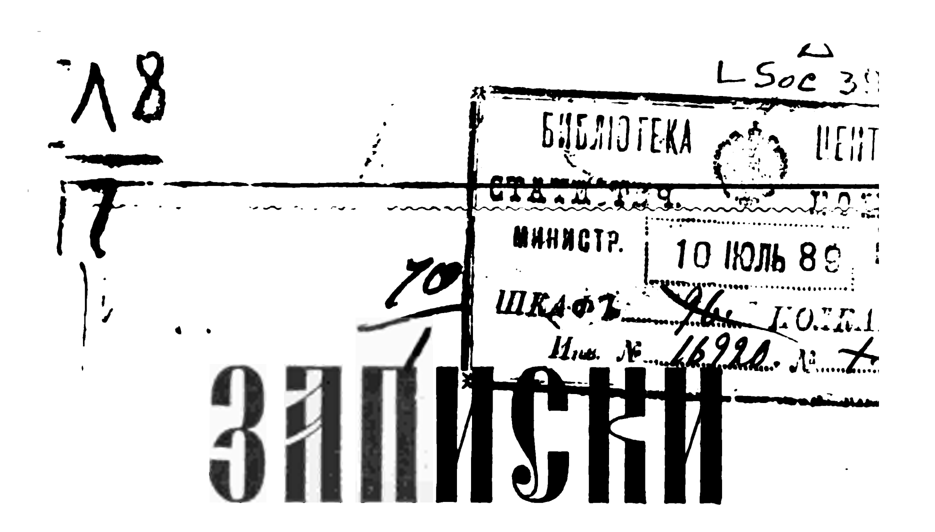
ТОМЪ IX. Содержаніе: 1) Протоколы засѣданій совѣта (съ 18 августа по 23 декабря 1872 года). — 2) Краткій отчетъ Императорскаго новороссійскаго университета въ $18^{71}/_{72}$ академическомъ году. — 3) Задача политической экономіи и отношенія ея къ прочимъ наукамъ. *М. М. Вольскаго.* — 4) Периплъ каспійскаго моря по картамъ XIV столѣтія (съ картою). *Ф. К. Бруна.* — 5) Еще наказный списокъ по Стоглаву. *А. С. Павлова.* 6) Историческій очеркъ теоріи свѣта. *Н. А. Умова.*—7) Начала новой геометріи. *С. П. Ярошенка.*

ТОМЪ X. Содержаніе: 1) Протоколы засѣданій совѣта (съ 18-го января по 27-е апрѣля 1873 года).— 2) Убѣжденіе судьи въ гражданскомъ процессѣ. *Малинина.*—3) Начала новой геометріи (окончаніе). *Ярошенко.* — 4) Теорія простыхъ средъ и ея приложеніе къ выводу основныхъ законовъ электростатическихъ и электродинамическихъ взаимодѣйствій. *Н. Умова.* — 5) Замѣтка по поводу сочиненія г. Лигина: «Теорія абсолютнаго движенія неизмѣняемой системы». *Его-же.*

ТОМЪ XI. Содержаніе: 1) Протоколы засѣданій совѣта (съ 1-го мая по 18-е августа 1873 г.).— 2) Отчетъ о состояніи и дѣйствіяхъ Императорскаго новороссійскаго университета въ $18^{72}/_{73}$ академическомъ году.— 3) Братья Подобои и чешскіе католики въ началѣ XVII вѣка *А. Кочубинскаго.* — 4) Отвѣтъ на статью г. Умова: «Замѣтка по поводу сочиненія г. Лигина: Геометрическая теорія абсолютнаго движенія неизмѣняемой системы» *В. Лигина.*—5) Объ изданіи журнала «Школьная жизнь». —

ТОМЪ XII. Содержаніе: 1) Протоколы засѣданій совѣта (съ 6-го сентября по 5-е декабря 1873 г.)—2) Программа курса церковнаго законовѣдѣнія, одобр. юридическимъ факультетомъ новороссійскаго университета (Приложеніе къ ст. 14-й протокола 2-го ноября).— 3) Памятникъ гарпій изъ Ксанѳа въ Ликіи. Опытъ исторической характеристики. *Н. Кондакова.* — 4) Замѣтка объ ускореніяхъ высшихъ порядковъ въ движеніи неизмѣняемой системы.

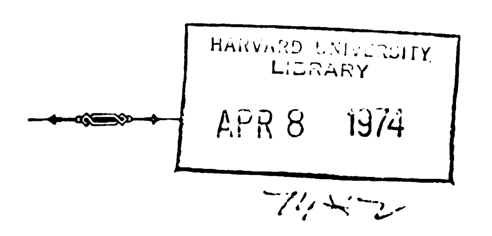
Цѣна за каждый томъ 2 р. 50 коп.



ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

НОВОРОССІЙСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.



ТОМЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ,

изданный подъ редакціею ордин. проф. А. С. Павлова.

ОДЕССА,
въ типографіи Ульриха и Шульце.
1874.

Въ редакціи „Записокъ Императорскаго Новороссійскаго университета" имѣются предыдущіе томы этого изданія, именно:

ТОМЪ VIII. Содержаніе: 1) Протоколы засѣданій совѣта (съ 16 августа по 13 декабря 1871 г. и съ 20 января по 29 мая 1872 г.). — 2) Вступительныя лекціи: а) по каѳедрѣ славянскихъ нарѣчій — *Кочубинскаго*, б) теоріи и исторіи искусствъ — *Кондакова*, в) химіи — *Марковникова*, г) минералогіи — *Головкинскаго*. — 3) Приложеніе: Номоканонъ при Большомъ Требникѣ, изданный вмѣстѣ съ греческимъ текстомъ, до сихъ поръ неизвѣстнымъ, и съ объясненіями издателя. *А. Павлова.*

ТОМЪ IX. Содержаніе: 1) Протоколы засѣданій совѣта (съ 18 августа по 23 декабря 1872 года). — 2) Краткій отчетъ Императорскаго новороссійскаго университета за $18^{71}/_{72}$ академическій годъ. — 3) Задача политической экономіи и отношенія ея къ прочимъ наукамъ. *М. М. Вольскаго.* — 4) Периплъ каспійскаго моря по картамъ XIV столѣтія (съ картою). *Ф. К. Бруна.* — 5) Еще наказный списокъ по Стоглаву. *А. С. Павлова.* 6) Историческій очеркъ теоріи свѣта. *Н. А. Умова.*—7) Начала новой геометріи. *С. П. Ярошенка.*

ТОМЪ X. Содержаніе: 1) Протоколы засѣданій совѣта (съ 18-го января по 27-е апрѣля 1873 года). — 2) Убѣжденіе судьи въ гражданскомъ процессѣ. *Малинина.*—3) Начала новой геометріи (окончаніе). *Ярошенко.* — 4) Теорія простыхъ средъ и ея приложеніе къ выводу основныхъ законовъ электростатическихъ и электродинамическихъ взаимодѣйствій. *Н. Умова.* — 5) Замѣтка по поводу сочиненія г. Лигина: «Теорія абсолютнаго движенія неизмѣняемой системы». *Его-же.*

ТОМЪ XI. Содержаніе: 1) Протоколы засѣданій совѣта (съ 1-го мая по 18-е августа 1873 г.). — 2) Отчетъ о состояніи и дѣйствіяхъ Императорскаго новороссійскаго университета въ $18^{72}/_{73}$ академическомъ году.— 3) Братья-Нодобои и чешскіе католики въ началѣ XVII вѣка *А. Кочубинскаго.* — 4) Отвѣтъ на статью г. Умова: «Замѣтка по поводу сочиненія г. Лигина: Геометрическая теорія абсолютнаго движенія неизмѣняемой системы» *В. Лигина.*—5) Объ изданіи журнала «Школьная жизнь». —

ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

НОВОРОССІЙСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

ТОМЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ,

изданный подъ редакціею ордин. проф. А. С. Павлова.

ОДЕССА,
въ типографіи Ульриха и Шульце.
1874.

[redacted]

Печатано по опредѣленію совѣта Императорскаго новороссійскаго университета.

Ректоръ Ѳ. *Леонтовичъ.*

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Часть оффиціальная.

Нижеслѣдующій каталогъ дублетовъ библіотеки ИМПЕРАТОРСКАГО Новороссійскаго Университета напечатанъ по опредѣленію Совѣта 2-го марта 1874 года (см. протоколъ засѣданія этого числа въ XIII книжкѣ «Записокъ», ч. офф. стр. 79), съ тою цѣлію, чтобы ученыя учрежденія и общества, получающія Университетскія «Записки», имѣли возможность предлагать въ обмѣнъ на означенныя въ каталогѣ книги свои дублеты.

Редакторъ А. Павловъ.

(Приложеніе къ 28-й ст. протокола засѣданія Совѣта новороссійскаго университета 2-го марта 1874 года).

КАТАЛОГЪ

ДУБЛЕТОВЪ БИБЛІОТЕКИ НОВОРОССІЙСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

---

1. **A. B. C.** ali Bucvize teh zherk inu besied. Vzlouzi, 1790, (бр.), 1 vol. in 12-o. (№ 1181).

Abecedárka pro Skoli Slowenske w Mestečkach, a w dědinách. W Budin, 1823. 1 vol. in 8-o (№ 1103).

Abegg Julius, Lehrbuch der gemeinen Criminal-Processes. Königsberg. Bornträger, 1833. 1 vol. in 8-o. (№ 538).

Abegg Julius, System des Criminal-Rechts-Wissenschaft. Königsberg, bei Unzer, 1826. 1 vol. in 8-o. (№ 469).

Abegg Julius, Ueber die Verjährung Rechtskräftig erkannter Strafen. Breslau, 1862. 1 vol. in 8-o. (№ 657).

Abezéndik sa Sholé na Kmetih v' zefarskih kraljévih Deshélah. V' Ljubloni 1816. 1 vol in 12-o. (№ 1179).

Abhandlungen der Königlichen Akademie der Wissenschaften in Berlin. Aus den Jahren 1814—1815, 1816—1817. Berlin, in der Realschul-Buchhandlung, 1818, 1819 in 4-o (№ 1888).
Aus den Jahren 1866, 1867. Berlin 2 in 4-o. (№ 251).

Abicht J., Encyklopädie der Philosophie. Mit literarischen Notizen. Frankfurt am Mayn, Wilmans, 1804. 1 vol. in 8-o. (№ 1528).

Acten des Wiener Congresses in den Jahren 1814 und 1815. Heft 1—7. Herausgegeben von Johann Klüber. Erlangen, bei Enke, 1815. 1 vol. in 8-o. (№ 698).

10. **Adam** Prof., Ueber die Sklaverei bei den Römern. Tübingen, 1866, брош. in 4-o. (№ 1646).

Adressverzeichniss (Niederlausitzsches). Lübben, Ritter. 1806. 1 vol. in 12-o. (№ 1605).

Adelung Johann, Mithridates oder allgemeine Sprachenkunde. T. I. II. III. 1—4 IV. Berlin, 1817. 6 vol. in 8-o. (№ 1051).

Adressverzeichniss des Markgrafthums Niederlausitz und des Cottbusser Kreises auf das Jahr 1811. Lübben, F. Driemel. 1 vol. in 16-o. (№ 1607).

Ahrens H., Die Philosophie des Rechts. Th. II. Die organische Staatslehre. Wien, Gerold, 1850. 1 vol. in 8-o. (№ 1763).

Aimé Martin S., Éducation des Mères des Famille. Paris, Charpentier, 1840. 1 vol. in 8-o. (№ 92).

Aimé Martin. Lettres à Sophie sur la physique, la chimie et l'histoire naturelle. T. II—IV. Paris, 1820. 3 vol. in 16-o. (№ 2043).

Akt uroczysty zakończenia rocznego biegu nauk w Gimnazyum Warsza skim. Warszawa w drukarni J. Węckiego, 1836—37. 2 vol. 4 o. 6pom. (№ 137

Akty cnót teologicznych, 6pom. in 12-o. (№ 171

Albertini et Schweinis, Conspectus fungorum in Lusatiae Superioris cr centium. Lipsiae, Kummer, 1805. 1 vol. in 8-o. (№ 173

20. **Albertus,** Iurisprudentiae medicae T. V. Lipsiae et Goerlitzii, apud March Bibliopolam, 1740, 1 vol. in 4-o. (№ 192

Allaise, Billy.... Cours de Mathématiques. Paris. chez Magimel, 1813. 1 v in 8 o. (№ 12

Allezard, La liberté principe de tous les droits. Paris, Guillaumin et C 1872. 1 vol. in 8 o. (№ 184

Allmanaco, (J Turchi e Constantinopoli storico) per l'anno 1829. Milan 1 vol. in 24 o. (№ 13

Almanach de Gotha Pour l'année 1834, 1856, 1857, 1859, 1861, 1862. Got Iustus Perthes. 6 vol. in 32-o. (№ 100

Alzog Jan, Historja powszechna kościoła, przetłómaczona przez ks. Pi T. I. — III. Petersburg. Nakładem Wolffa 1855, 3 vol. in 8 (№ 29

Amerlingem K., Pronyslný Posel. Spis wšsenaučný. Část 2, 1 2. W Pr 1844. 1 vol. in 8-o. (№ 127

Amerikanka w Polsce. Romans Część 2. St. Petersbourg, w Kraya, 18 1 vol. in 8-o. (№ 125

Ampère J., Histoire littéraire de la France avant le 12-me Siècle. T. I— Paris, chez Hachette, 1839. 3 vol. in 8-o. (№ 97

Andreossy le Comte, Voyage à l'embouchure de la Mer-Noire, ou essai le Bosphore. Paris. chez Plancher, 1818. 1 vol. in 8-o. (№ 1

30. **Anecdotes** dramatiques. T. I — III. Paris, chez Duchesne, 1775. 3 vol. 12-o. (№ 19

Anleitung zur Erdbescheibung. T. I. Wien, 1794. 1 vol. in 8-o. (№ 1

Annalen der Oenologie. Wissenschaftliche Zeitschrift für Weinbau, W behandlung und Weinverwerthung. Herausgegeben von Dr. *Blankenhorn* und Dr. *L. Roesler* B. I. 1—4. Heidelberg, Carl W ter's Universitäts Buchhandlung, 1869 — 1870. 1 vol. in (№ 10

Annalen der Physik. Angefangen von Fr. Albr. C. Gren. Bd. I—V. VI XVIII. Halle, Renger, 1799—1801, 1 vol. in 8-o. Bd. XIX. 1 XX. 2. 3. Halle, Renger, 1805. 5 vol. in 8-o (№ 18

Annalen (Französische) für die allgemeine Naturgeschichte, Physik, Che und Physiologie. Herausgegeben v. Dr. C. H. Pfaff und Friedländer. Jahrg. 1802 Heft 1—4. Jahrg. 1803. Bd. I— Hamburg, Perthes, 1802—03. 4 vol. in 8-o. (№ 18

Annales de Chimie et de Physique. Par M. M. Gay-Lussac et Arago. T. L LXXV. et Table des Tomes LX.—LXXV. Paris, Masson et 1839. 1840. 1841. 7 vol. in 8-o. (№ 18

Annales de Chimie; ou recueil de mémoires concernant la Chimie et les Arts qui en dépendent. Par MM. de Morveau, Lavoisier etc. T. I—XXIV. Paris, chez De Boffe, 1789—97. 24 v. 8-o. (№ 1407).

Annals (the) and Magazine of natural History. Third sery. Vol. XV. XVI. London, 1865. 2 vol. in 8-o. (№ 354).

Annuaire de la Société philantropique (sic) pour 1819. Paris, 1819. 1 vol. in 12-o. (№ 1800).

Annuaire de l'Économie politique pour 1852. 1854 et 1865. Paris. 3 vol. in 16-o. (№№ 322 и 1042).

Annuario della istruzione publica per l'anno scolastico 1862 — 63. Torino. 1 vol. in 8-o. (№ 1797).

Antiquités Russes, éditées par la Soc. Roy. des Antiquaires du Nord. T. I. Copenhague, Berling, 1850 (3 экз.) 3 vol. in 2-o. (№ 1669).
4-й экз-ръ. T. I. 1850, 1 vol. in 2-o, (№ 1992).

Antommarchi T., Memorie ovvero gli ultimi momenti di Napoleone. Vol. I II. Italia, 1827. 2 vol. in 12-o. (№ 36).

Anzeigen (Göttingische gelehrte). Bd. III. Göttingen 1837, 1 vol. in 8-o. (№ 1735).

'Αρεντοόλης, Ἔκθεσις τοῦ Βουτσιναίου ποιητικοῦ ἀγῶνος τοῦ ἔτους 1872. Ἐν Ἀθήναις. 1872. 1 vol. in 8-o. (№ 1830).

Appendix de mythologia, seu fabulosa deorum gentilium historia, 1 vol. in 8-o. (№ 1262).
(стр. 157—206) бpош.

Arago, Astronomie populaire. T. I. II. Paris, Gide et Baudry, 1854 — 55. 2 vol. in 8-o. (№ 1962).

Archenholz (d') Tableau de L'Angleterre et de L'Italie. De L'Angleterre T. II. Gotha, Ettinger, 1788. 1 vol. in 8-o. (№ 1395).

Archiv Český, sebral Fr. Palacký. Dil. I.—IV. V. svazek 21. 22, w Praze. 1840—62 in 4-o. (№№ 945 и 965).

Archiv der Mathematik und Phyzik. Th. 49. 4tes Heft. Greiswald, 1869. 1 vol. in 8-o, брош. (№ 490).

Archiv für Anatomie, Physiologie und wissenschaftliche Medicin. Jahrgang 1845. Heft 5es. Berlin. 1 vol. in 8-o брош. (№ 501).

Archiv für pathologische Anatomie und Physiologie und für klinische Medicin. Herausgegeben von Rudolf Virchow Bd. 83. 1—4. Berlin, 1867. 1 vol. in 8-o. (№ 259).

Archivio storico—italiano. Nuova Serie. Tomo XIII. Disp. 1. 2. XIV. dis. 1. 2. Firenze, 1861. 4 vol. in 8-o. (№ 936).

Ardschuna's Reise zu Indra's Himmel, nebst anderen Episoden des Maha-Bharata. Übersetzt v. Bopp. Berlin, Logier, 1824. 1 vol. in 8-o. (№ 800).

Astronomie (L') enseignée en 22 leçons, traduit de l'Anglais. Paris, Audin, 1824. 1 vol. in 12-o. (№ 1986).

Atlas (zoologischer) beobachtet von Friedr. Eschscholtz. Hf. 1. Berlin, bei Reimer, 1829. 1 vol. in fol. (№ 58).

Atti della societa Ligure di storia patria. Vol. I. fasc. I. III. Genova, 1858. 1860. 2 vol. in 8-o. (№ 954).

Auerbach Berth. Deutscher Volks-Kalender für 1866. Berlin, F. Dümmler. 1 vol. in 8-o. (№ 1596).

Aurelius Victor (a), Z Xiążki zwykle jemu przypisywanéj de Viris illustribus. 1 vol. in 8-o (неполная книга). (№ 1261).

Azbuka Slavenska izjasnena Rimskom, po Pravopisanju Dalmatskomu, Horvatskomu, Slavonskomu i Krajnskomu. U Mljetkach, Theodosiev, 1814. 1 vol. in 8-o (бром.) (№ 1488).

60. **Baader** Fr., Über den Paulinischen Begriff des Versehenseyns des Menschen Würzburg, Stahel, 1837. бром. in 12-o. (№ 1717)

Baader Joseph, Neues System der fortschaffenden Mechanik. München 1822. 1 vol. in folio. (№ 1809)

Bachius Augustus, Historia Iurisprudentiæ Romanæ. Editio sexta. Lipsiæ sumtibus Barthii, 1807. 1 vol. in 8-o. (№ 567)

Bagehot Walter, Englische Verfassungszustände. Berlin, 1868. 1 vol. in 8-o (№ 436)

Bagreeff-Speranski M-me E. (de), — Les îles de la Néva à St. Petersbourg Bruxelles et Leipzig, A. Schnée, 1858. 1 vol. in 32-o. (№ 1670

Bailly, Histoire de l'Astronomie ancienne et moderne. T. I. II. Paris. chez Bernard, 1805. 2 vol. in 8-o. (№ 1961

Balbi Adrien, Abrégé de Géographie. Seconde tirage. Paris, chez Renouard, 1834. 1 vol. in 8-o. (№ 19..

Balbi A., Introduction a L'Atlas Ethnographique du Globe. T. I. Paris chez Rey et Gravier, 1826. 1 vol. in 8-o et Atlas 1 in fol. (№ 1.9

Balbo, Della storia d'Italia dalle origini fino all' anno 1814. Ediz. . Losanna, Bonamici e C ie, 1846. 1 vol. in 8-o. (№ 87

Banfield T. C., Organisation de l'industrie, traduit par Émile Thomas. Paris Guillaumin, 1851. 1 vol. in 8 o. (№ 28

70. **Bandtkie**, Jus Polonicum, codicibus veteribus manuscriptis et editionibus quibusque collatis. Varsaviae, sumt. Societatis regiæ philomathicæ Varsaviensis, 1831. 1 vol. in 4-o. (№ 7(

Barante (de). Histoire de la Convention nationale. T. I.—IV. Paris, Langl 1851 4 vol. in 8-o. (№ 19

Barthélemy, Némésis, satire hebdomadaire. Bruxelles, Laurent, 1836. 1 in 32-o. (№ 19

Barthélemy J., Voyage du jeune Anacharsis en Grèce. T. I.—III. Francfort a|M., 1809. 3 vol. in 12-o. (№ 19

Barthold. Geschichte von Rügen und Pommern. Th. I. Hamburg, Pert 1839. 1 vol in 8-o. (№ 9

Bauer L. Allgemeine Weltgeshichte für alle Stände. B. V. VI. Stuttg Verlag der Chr. Belser, 1838. 2 vol. in 8-o. (№ 1.

Basot F., De la Récidive d'apres la Loi des 18 Avril — 13 Mai 1863. Paris, Menard, 1864. 1 vol. in 8-o. бром. (№ 1553).

Beantwortung der Ackermanschen Beurtheilung und Widerlegung der Gall'schen Hirn - Schädel - uud-Organen-Lehre. Halle, 1806. 1 vol. in 8-o. (2 экземпляра). (№ 1834).

Beaumarchais, La folle journée ou le mariage de Figaro. Comédie. Paris, 1785. 1 vol. in 8-o. (№ 1691).

Beautemps-Beaupré, Note sur un manuscrit du Grand Coustumier de France. Paris, Durand, 1857, бром. 1 vol. in 8-o. (№ 806).

80. **Beck** J., Nouveau manuel du voyageur en Europe. T. I. II. Paris, chez Treuthel, 1810. 2 vol in 12-o. (№ 394).

Becker E., Tafeln der Amphitrite. Leipzig. 1870, 1 vol. in 4-o. (№ 1085).

Becker Karl, Weltgeschichte, VII-te verbesserte Ausgabe. Th X. — XIV. Berlin, Verlag von Duncker, 1837—38. 5 vol. in 8-o. (№ 16).

Becker und **Görling**, Kunst, und Künstler des 18 en Jahrhunderts. Bd. III. Lpz. Seeman, 1865. 1 vol. in 8-o. (№ 766).

Beelaerts van **Blokland**, Historiam collegii consiliariorum commissorum (Gecommitteerde Raden) in Hollandia et Westfrisia, Dissertatio. Lugduni Batavorum, Hazenberg et S-ios, 1838 бром. 1 vol. in 8-o. (№ 911).

Beiträge (Diplomatische) zur Geschichte Pommerns. Hrsg. von R. Klempin. Berlin, A. Bath, 1859. 1 vol. in 8-o. (№ 1726).

Beiträge zur Kenntniss der Schlesischen Provinzial-Recht für Geschäftsmänner. Breslau, bei Leuckart, 1830. 1 vol. in 8-o. (№ 747). Erste Fortsetzung. Breslau, 1830. 1 vol. in 8-o. (№ 1313).

Beiträge zur Kenntniss Russlands und seiner Geschichte. Herausgegeben von Gustav Ewers. Bd. I. 1. Dorpat, 1816. 1 vol. in 12. (№ 517)

Beitrag zur Geschichte der ältern und neueren Verfassung der Reichs-Stadt Frankfurt. Herausgeg. von Dr. J. Gaudelius. Bd. I II. Auf Kosten des Verfassers, 1806. 2 vol. in 8-o. (№ 1336).

Beitrag zur Russischen Finanzlage. Eine Stimme aus Russland im Jahre 1859. Berlin (E. Bock) 1860. 1 vol. in 8-o (бром.) 2 экзем. (№ 1391).

90. **Bemerkungen** über die Behandlung hauptsächlich der Schrotgewehre. бром. in 12-o. (№ 1801).

Benfey, Jabeo und seine Verwandte. Göttingen, Dieterich, 1871. бром. 1 vol. in 4 o. (№ 1937).

Bentham Jérémie, Tactique des assemblées legislatives. T. I. II. Génève, Paschoud, 1816. 2 vol. in 8-o. (№ 372).

Bergson, De exercitoria actione ex jure Romano atque hodierno. Trajecti ad Moenum, 1839. 1 vol. in 8 o бром. (№ 1044).

Bericht an die K Akademie der Wissenschaften zu S. P. b., über Herrn Gorlow's Schrift, unter der Titel: Обозрѣніе экономической статистики Россіи, abgestattet vom Akademiker P. Koeppen, in März 1848. 1 vol. in 8 o бром. (№ 524).

Berriat-Saint-Prix, Cours de procédure civile. 8. édition. Bruxelles, 1837. 1 vol. in 8-o. (№ 557).

Berzelius, Jahres-Bericht über die Fortschritte der physischen Wissenschaften. Aus dem Schwedischen übersetzt von F. Wöhler. 9-ter Jahrg. Tübingen, Laupp, 1830. 1 vol. in 8-o. (№ 1840).

Berzelius, Lehrbuch der Chemie. Nach des Verfassers schwedischen Bearbeitung der Blöde-Palmstedt'schen Auflage übersetzt v. F. Wöhler, Bd. I. 1. 2. II. 1. 2. III. 1. 2. IV. 1. 2. Dresden, Arnold, 1825—1831. 8 vol. in 8-o. (№ 1880).

Berzelius, Vollständiges Sach- und Namen-Register zu dem ersten bis siebenzehnten Jahrgang vom Jahres-Bericht über die Fortschritte der physischen Wissenschaften. Tübingen, Laupp, 1839. 1 vol. in 8 o. (№ 1837).

Beyfügung (Fernere) unterschiedlicher, nach und nach ausgegangener, und zur Fürstlichen Gothaischen Landes-Ordnung. Gotha, bei Reyhern, 1738. 1 vol. in 4-o. (№ 676).

100. **Beiträge** (Neue) zu den Geschichten, Staats-Lehn- und Privat-Rechten der Lande des Chur- und Fürstlichen Hauses Sachsen, gesammelt von H. Francken. Th. I. Altenburg, in der Richterischen Buchhandlung, 1767. 1 vol. in 8 o (2 экз.) (№ 1332).

Bezout, Cours de mathématiques. Partie II. IV. 1. 2. à Paris, Baudelot, 1784. 3 vol. in 8-o. (№ 1694).

Biagioli G., Grammaire italienne, 2me éd. Paris, chez l'Auteur, 1822. 1 vol. in 12-o. (№ 1985).

Bibel (die), oder die ganze Heilige Schrift des alten und neuen Testaments 13-te Auflage. Basel, 1821. 1 vol. in 8-o. (№ 345).

Bible (The Holy) containing the old and new Testaments. Stereotype edition. London. Printed by George Eyre and Andrew Strahan. For the British and Foreign Bible Society, 1804. 1 vol. in 8-o. (№ 1135).

Bible (The Holy) containing the old and New Testaments. Oxford, printed at the Univ. Press, 1845. 1859. 2 vol. in 12-o (2 экз.) (№ 1560).

Biblia sacra to jest Biblia swata. W Berliné, 1813. 1 vol. in 8-o. (№ 180).

Biblia sacra, to jest: wszystkie księgi starego i nowego przymierza 1726. 1 vol. in 8-o. (№ 185).

Biblia to je Zyle Swiate Piszmo starego i nowego Zakona. W Budeschini, 1742. 1 vol. in 8-o. (№ 184).

2-й экземпляръ. W Budeschini, 1823. 1 vol. in 8-o. (№ 184).

3-й экземпляръ. » » 1 vol. in 8-o. (№ 184).

Bibliografia analitica degli Statuti Italiani. Vol. I. 1. 2. Padova, coi tipi del Seminario, 1862. 2 vol. in 8-o. (№ 1580).

110. **Bibliotheca** historico-geographica. Herausgegeben von E. A. Zuchold und G. Schmidt. Jahrg. I.—V. Göttingen, Ruprecht, 1853 — 1857. 10 vol. in 8-o. (№ 1294).

Bibliotheca philologica. Herausgegeb. von J. F. W. Ruprecht. Jahrg. III — VIII. IX. 2. X. Göttingen, Ruprecht, 1850 — 1857. 15 vol. in 8 o. (№ 1293).

Bibliothek der deutschen Classiker. IV. Johannes von Müller's Werke B. II. 2. B. III. 3. Upsala, bei Em. Bruzelius, 1812. 2 vol. in 8-o. (№ 1240).

Bibliothek des literarischen Vereins in Stuttgart, 1850. 1 vol. in 8-o. (№ 914).

Bibliothek (Slavische) oder Beiträge zur Slavischen Philologie und Geschichte. Herausgeg v. Fr. Miklosich Bd. I. Wien, Braumüller, 1851. 1 vol. in 8-o. (№ 83·).

Bibliothèque historique arménienne, traduits par Dulaurier. Paris, Durand. 1858. 1 vol in 8-o. (№ 718).

Biblioteque Universelle de Genève. Série 4-me № 14. 24. Paris, 1847. 2 vol. in 8 o. (№ 842).

Bidrag till Finlands Naturkännedom. Etnografi och Statistik. Häftet Tredje, Femte, Sjuade. Helsingfors, H C. Friis, 1859—60. 3 vol in 8-o. (№ 1713).

Bielski X.. Historya Nowego Testamentu. W Warszawie, w drukarni xięży Pijarów, 1820. 1 vol in 12-o. (№ 297).

Biener Friedrich., Beiträge zu der Geschichte des Inquisitions-Processes. Leipzig, Cnobloch, 1827. 1 vol. in 8 o. (№ 540).

2-й экземпляръ » » » »

120. **Bignon**, Histoire de France, depuis le 18 Brumaire (Novembre 1799) jusqu'à la paix de Tilsit (Juillet 1807) T. I.—VI. Bruxelles, chez Tallier, 1833. (№ 1996).

Biographie (kurze) des Herrn Joachim Vuits neuester Illyrisch-Serbischen Schriftstellers. Pest, bey Füskut, 1826. 1 vol. in 12-o бром. (№ 399).

Biot, Traité élémentaire d'Astronomie physique. Avec des additions relatives à l'Astronomie nautique, par M. de Rossel. 2-de édition. T. II. III Paris, Klostermann, 1811. 2 vol. in 8-o. (№ 1946).

Blagovestvovanije (Lazaro Emmauzskoje svjatoje) nyncze Remeskoje. Въ Чешской Прагѣ. Гаазе, 1846. 1 vol. in 8-o. (№ 1463).

Blanc Louis, Histoire de dix Ans. 1830 — 1840. 4-me édition. T. I. — V. Paris, Pagnerre, éditeur. 1844. 5 vol. in 8-o.

Idem T. I. Paris, 1844 1 vol. in 8-o. (№ 33).

Blancard Louis, Du consul de mer et du consul sur mer. Marseille 1857. бром in 8 o. (№ 1727).

Blancard L., Notice sur les Archives Anciennes. Marseille, Boy, 1861. 1. vol. in 8-o бром. (2 экз.) (№ 1579).

Blanco C., Tablas Sinopticas. Madrid, Minues, 1856. 1 vol. in 4-o бром. (№ 1576).

Blason y Divissa de la M. N. Ум. lea provincia de Guipuzcoa. Nueva recopilacion de los fuers Privilegios buenos Usos y Costumbres... Tolosa, 1696. 1 vol. in 2-o. (№ 666).

Blumenbach Joh., Handbuch der Naturgeschichte Siebente Auflage. Göttingen, bey Dieterich 1803 1 vol. in 12-o. (№ 44).

130. **Blumer**, Handbuch des Schweizerischen Bundesstaatsrechtes. Bd. I. II. Schaffhausen, Hurter, 1863—64. 2 vol. in 8-o. (№ 854).

Bluntschli, Geschichte des schweizerischen Bundesrechtes. B. I. II. Zürich 1846. 2 vol. in 8-o. (№ 1028)

Bodin Félix, Résumé de l'Histoire d'Angleterre. 3-me édition. Paris, Le cointe, 1824. 1 vol. in 16-o. (№ 1997)

2 й экземпляръ. 5-me édition. Paris, 1827. 1 vol. in 24-o. (№ 15)

Bodin Félix, Résumé de l'histoire de France. 6-me éd. Paris, Lecointe, 1824 1 vol. in 16-o. (№ 1998)

Boehlau Hugo, Die Entwickelung des Begriffes der Freiheit im deutsche Rechte. Rostock, Stiller, 1865. 1 vol. in 18-o. (№ 415)

Boehmer J., Meditationes in constitutionem criminalem Carolinam. Halae Gebaurus. 1770. 1 vol. in 4-o. (№ 706)

Boerhaave, Elemeta Chemiae T I. II. Lugduni Batavorum, Severin, 173 2 vol. in 4-o. (№ 1878)

Böttiger C. A., Kleine Schriften archäologischen und antiquarischen Inhalt Bd. I.—III. 2-te Ausgabe. Leipzig, Arnold, 1850. 3 vol. in 8-o (№ 358)

Bogišić Valtazar, Pravni običaji u Slovena. U Zagrebu, 1867. 1 vol. in 8- (№ 744)

Borch G. Fr. A., Specimen historico juridicum inaugurale. Trajecti a Rhenum, 1827. брош. in 8-o. (№ 1658)

140. **Bosse** Rudolf, Grundzüge des Finanzwesens im Römischen Staate. Bd. I. Braunschweig, bei Kabisch, 1803. 1 vol. in 12-o. (№ 576)

Boucenne, Theorie de la Procédure civil. T. I. — IV. Paris, Vivecoq, 183 4 vol. in 8-o. (№ 101)

Boucher, Institutions commerciales. Paris, chez Levrault, 1801. 1 vol. in 4 (№ 30)

Boulé André, Institution ou droit. coutumier du pays de Hainaut. T. I. A Mons, chez Hoyois 1 vol. in 4-o. (№ 67)

Bourdot de Riechebourg, Charles A., Nouveau Coutumier général ou co des coutumes générales et particulières de France. et des p vinces connues sous le nom des Gaules; T. I. — IV. a Pa chez Michel Brunet, 1724. 4 vol. in fol. (№ 11

Βουσάκης, Λόγος ἐκφωνηθεὶς τῇ κή Νοεμβρίου 1871 ἡμέρᾳ τῆς ἀ σήμου ἐγκαθιδρύσεως τῶν νεῶν ἀρχῶν τοῦ ἐθνικοῦ Πανε στημείου. Ἐν Ἀθήναις, 1872. 1 vol. in 8-o. (№ 18

Boutigny, Études sur les corps à l'état sphéroïdal, nouvelle branche physique. 3-me édition. Paris, Masson, 1857. 1 vol. in (№ 18

Boyer A., The complete French Master for ladies and gentelmen. N Vatar, 1779. 1 vol. in 8-o. (№ 1

Boyve François, Remarques sur les loix et Status du Pays-de-Vaud. T. Neuchatel, de l'imp. Fauche, 1776. 1 vol. in 4-o. (№

Brandstäter, Scythica. Disertatio. Regiomenti Prussorum, Bornträger, 1 vol. in 8-o. (№

150. **Branja** inu Evangeliumi na Nedele, inu Prasnike zhes zelu lejtu. v'Lu 1777. 1 vol. in 8-o. (№ 1

Brauchitsch Hein. von, Geschichte des spanischen Rechts. Berlin, 1852. 1 vol. in 8-o. (№ 1035).

Braun David., De scriptorum Poloniæ et Prussiæ historicorum, politicorum..... virtutibus et vitiis Coloniae, 1723. 1 vol. in 4-o. (№ 232).

Breal, De la forme et de la fonction des mots. Paris, Franck, 1866, брош. 1 vol. in 8-o (№ 1963).

Briegleb Karl, Chrestomathie von Belegstellen zur Geschichte des Executiv-Processes. 2-te Auflage I. II. Stuttgart, Liesching, 1854. 1 vol. in 8-o. (№ 556).

Briegleb, Einleitung in die Theorie der summarischen Processe. Leipzig, Tauchnitz, 1859. 1 vol. in 8-o. (№ 874).

Bröder Christian-Gottlob, Praktische Grammatik der lateinischen Sprache. 5-te Auflage. Leipzig, 1803. 1 vol. in 8-o. (№ 1191).

Bröder C., Kleine lateinische Grammatik mit leichten Lectionen für Anfänger, 6-te Auflage. Leipzig, Crusius, 1807. 1 vol. in 8-o. (№ 1464).

Brunnow, Querela non numeratae pecuniae. Mitau, in der Kurländischen Gouvernements — Typographie, 1857. (брош.) 1 vol. in 8-o. (№ 1909).

Buchère Amb., De la Justice civile en Angleterre. Paris, Durand, 1863. 1 vol. in 8-o. (№ 558).

160. **Budzinski** Stanis., O powadze rzeczy osądzonej w procesie cywilnym i kryminalnym. Petersburg, w druk. Wolffa, 1861. 1 vol. in 8-o. (№ 546)

Büdinger Max., Oesterreichische Geschichte bis zum Ausgange des dreizehnten Jahrhunderts. Bd. I. Leipzig, Teubner, 1858. 1 vol. in 8-o. (№ 273).

Büsch Johan, Abhandlung von dem Geldumlauf in anhaltender Rücksicht auf die Staatswirtschaft und Handlung. Bd. I. II. Hamburg, bey Bohn, 1800. 2 vol. in 8-o. (№ 164).

Büsch Johan, Sämmtliche Schriften über die Handlung I. II. Hamburg bei Campe, 1827. 2 vol. in 8-o. (№ 339)

Büsching, Neue Erdebeschreibung (des 1 Theiles 2-er Band). 1 vol. in 12-o. (№ 104).

Bukvize sa sholi odrosteno Mladost. Grad'z, per Josephi Franz Kaiser, 1819. 1 vol. in 8-o. (№ 1143).

Bulletin de l'Académie impériale des Sciences de St. Petersbourg, T. II. St. Petersbourg, MM. Eggers et Comp., 1860. 1 vol. in 4-o. (№ 1883).

Bulletin de la classe historico-philologique de l'Acad. Imp. des Sciences de St. P-bg. T. I. III. St. P-bg., 1843, 1845. 2 vol. in 4-o. (№ 1716).

Bulletin de la classe physico-mathématique de l'Académie Imp. des Sciences de St. Pbg. T. II. III. St. Pbg, 1844—45. 2 vol. in 4-o. (№ 1715).

Bulletin de la commission centrale de Statistique. T. X. Bruxelles, 1866. 1 vol. in 4-o. (№ 595).

170. **Bulletin** de la Société Impériale des Naturalistes de Moscou 1837 №№ 2—8. 8; 1838 № 1—4; 1839 № 1; 1840 № 1. Moscou, 1837—40. 14 Livr. in 8-o. (№ 330).
Année 1870 T. XLIII. 2. Moscou, 1871. in 8-o. (№ 1674)
Bulletin des sciences géographiques, etc.; Economie publique, voyages T. XXI. XXIV. Paris, Au Bureau Central du Bulletin, 1830. 4 vol. in 8-o. (№ 1393).
Bulletin des Sciences Naturelles et de Géologie. T. XX—XXIII. Paris, 1830. 4 vol. in 8-o. (№ 43).
Bulletin scientifique publié par l'Academie Imp. des Sciences de St. Petersbourg T. VII. X. St. Pbg, 1840—42. 2 vol. in 4-o. (№ 1714).
Bunge, Das Recht der Kinder an dem Nachlasse des Vaters bei Lebzeiten der Mutter nach liv. und esth-ländischem Landrechte. Dorpat, Laakmann, 1852. бром. 1 vol. in 8-o. (№ 808).
Burger Joh., Die Landwirthschaft in Ober-Italien. Bd. I. II. Neue Ausg. Wien, W. Braumüller, 1851. 1 vol. in 8-o. (№ 1667)
Burmeister, Alterthümer des Wismarschen Stadtrechtes. Hamburg, Nestler und Melle, 1838. бром. 1 vol. in 8-o. (№ 807)
Busbec, Lettres du baron de Busbec. T. I.—III. à Paris 1748. 3 vol. in 12-o (№ 1685)
Byczkowski, Das Verhältniss der Pflanzen zur Atmosphäre. Dorpat, Laakmann, 1846. бром. 1 vol. in 8-o. (№ 1916)

Caesar C. J., Commentarii de bello Gallico. (безъ заглавія) 1 vol. in 16 (№ 1269
180. **Cagliostro**, ou l'intrigant et le cardinal. T. I. Paris, Lachapelle, 1831. 1 vo in 8-o. (№ 73
Calendarium archi-diocœsis cleri Agriensis ad annum 1806. Agriae. 1 vo in 32-o. (№ 161
Calendarium (Zagrabiense) ad annum bissextilem Jesu Christi 1828. Zgrabiae, Suppan. 1 vol. in 8-o. (№ 158
Cammer-Gerichts-Ordnung in dero Chur-und Marck-Brandenburg. Cöl Druckts Liebpert, 1709. 1 vol. in 2-o. (№ 66
Cantineau P., Nouveau dictionnaire de Poche de la langue française, 6-i éd. Paris, chez Lefèvre, 1817. 1 vol. in 12-o. (№ 198
Capitula regni Siciliae, quae ad hodiernum diem lata sunt T. I. II. Panor Excudebat Angelus Felicella, 1741. 2 vol. in 2-o. (№ 66
Capitulare dell' illustris. et eccelentiss. Signori Consiglieri di Venezia, 17 1 vol. in 4-o. (№ 101
Capitulum electivum provinciae Lithvanae S. Angelii Custodis ordinis pr dicatorum. Vilnae, Neuman, 1833. 1 vol. in 12-o. (№ 11
Carnot S., De la Corrélation des figures de Géométrie. Paris, chez Dup 1801. 1 vol. in 8 o. (№ 11
Caro Jacob, Geschichte Polens. Th. II. III. Gotha, bei Pertes, 1863. 1 2 vol. in 8-o. (№ 5

190. **Carstens** Frid., De successione villicali in ducatu luneburgico cum praefatione Georgi Boehmeri. Göttingae, apud Vandenhoeck, 1763. 1 vol. in 4-o. (№ 707).

Časopis společnosti Wlastenského Museum w Čechach. Ročnj Běh IV. Swazek 1—4. VI. 1—4. W Praze, Matice České, 1830—32. 8 vol. in 8-o. (№ 846).

1859. Swazek I. 1 vol. in 8-o. (№ 832).

Casti Giambattista, Gli animali parlanti, poema epico. Tomo I.—IV. Amsterdam, 1804. 4 vol. in 16.

— — T. I. III. Berlino, 1829. 3 vol. in 16-o.

— — Novelle Galanti. T. I. II. Berlino, 1829. 2 vol. in 16-o.

— — Le Novelle. T. III. Parigi, 1829. 1 vol. in 24-o.

— — Li Giuli tre sonetti T. I II. Firenze, 1827. 2 vol. in 24-o.

— — Idem T. I. Firenze, 1834. 1 vol. in 24-o. (№ 94).

Catalogo delle opere scelte. Venezia, Lazzaro, 1828. 1 т. въ 16-о (бром). (№ 1495).

Catalogue de livres en langues Orientales. Berlin, Asher, 1857. 1 vol. in 8-o бром. (№ 1582).

Catalogue d'une collection de Livres Rares. Posen, Decker, 1851, 1853, 1854. 1856. 5 vol. in 8-o. (№ 1489).

Catalogue d'une collection de livres rares et curieux. A. Asher & C. Berlin, 1854. 1 vol. in 8-o. (№ 1721).

Catalogus cleri diocœsis Lobocensis. Anno 1828, Loboci, бром. in 8-o. (№ 1601).

Catalogus codicum manuscriptorum Bibliothecae Regiae et Universitatis Regimontanae. Fasc. I. Regimonti, Schubert, 1861. 1 vol. in 4-o. (№ 1569).

Catechismus, ali podvuzhenje eniga Christiana. Labacé, 1760. 1 vol. in 8-o. (№ 1160).

200. **Cabaille** P., Glossaire du livre de Jostice et de Plet. Paris, cher Durand, 1850. 1 vol. in 4-o. (№ 1067).

Chabert August, Bruchstücke einer Staats-und Rechtsgeschichte der deutsch-oesterreichischen Länder. Wien, aus der Kaiserl. Königl. Hof- und Staatsdruckerei, 1852. 1 vol. in fol. (№ 1151).

Charron, De la Sagesse. Paris, Bastien, 1783. 1 vol. in 8-o. (№ 1537).

Chateaubriand M. de, De la nouvelle proposition relative au Bannissement de Charles X et de sa famille. Paris, Normand, 1831. 1 vol. in 8-o. (№ 54).

2-й экземпляръ. (№ 2001).

Chateaubriand de, Essai sur la Littérature Anglaise. Parties I. II. Paris, Furne, 1836. 2 vol. in 8-o. (№ 2002).

Chateaubriand de, Études ou discours historiques sur la Chûte de l'Empire Romain. T. I.—IV. Paris, chez Lefevre, 1831. 4 vol. in 8-o. (№ 2005).

Chaveau Adolphe, Essai sur le régime des eaux navigables. Toulouse, chez Gimet, 1859. 1 vol. in 8-o. (№ 506).

Cheruel A., Histoire de l'administration monarchique en France T. I. II. Paris, Dezobry 1855. 1 vol. in 8-o. (№ 461).

Chevalier Michel, Lettres sur l'Amérique du Nord. T. I. II. Bruxelles, Haumann, 1837. 2 vol. in 12-o. (№ 1696).

Chodźko Leonard, Histoire des legions polonaises en Italie, sous le commandement du général Dombrowski. I II. Paris. Barbezat 1829. 2 vol. in 8-o. (№ 636).

210. **Choiseul—Gouffier**, la C-sse de, Mémoires historiques sur l'Empereur Alexandre de la Cour de Russie. Paris, Leroux 1829. 1 vol. in 8-o. (def.) (№ 462).

Chopin, De l'Etat actuel de la Russie. Paris, chez Collin de Plancy, 1822. 1 vol. in 8-o. (№ 804).

Chopin et **A. Ubicini**, Provinces Danubiennes et Roumaines. Parties I. II. Paris, Didot fr. 1856. 1 vol in 8-o (№ 873).

Chrestomathiae Latinae Pars I. Vendobonae, 1817. 1 vol. in 8-o. (№ 1276).

Ciampius S., Feriae Varsavienses. Varsaviae, typis Scholarum Piarum, 1818. 1 vol. in 4-o бром. (№ 1575).

Cicero, M. Tul. Ciceronis opera omnia ex recensione Jo. Ernesti T. I. III.— V. Halis saxonum. 1776. 4 vol. in 8-o. (№ 943).

Civill-Prozessord., (Hessen-Darmstädtische) vom J. 1724 u. Peinliche Gerichts-Ordnung v. Jahr 1726. Darmst, Lerke, 1830. 1 vol. in 8-o. (№ 1008).
2-й экземпляръ. (№ 609).

Cobbett Wil., Le Maitre d'Anglais. Paris, chez Bossange, 1803. 1 vol. in 8-o. (№ 2125)

Code criminel de l'empire du Brésil. Traduit par Victor Foucher. Paris 1834. 1 vol. in 8 o. (№ 550)

Code de Commerce du royaume de Hollande, traduit par Willem Wintgens Paris, Joubert, 1839. 1 vol. in 8 o. (№ 549)

220. **Code** de Commerce et loi de procédure sur les affaires et causes de commerce du royaume d'Espagne. Traduits par Victor Foucher Paris, cher Joubert 1838. 1 vol. in 8 o. (№ 548

Code de procédure civile pour les états de S. M. le roi de Sardaigne. Turin Imprimérie royale, 1854. 1 vol. in 8-o. (№ 555

Code des terriers, ou principes sur les matières féodales. Paris, chez Prau 1769. 1 vol. in 12-o. (№ 100(

Code Napoléon. du 3 Septembre 1807. (Bulletin de Lois № 154 bis IV Seri 1 vol. in 8-o. (№ 128

Codex diplomaticus Brandenburgensis, ed. Riedel. Des ersten Haupttheil Bd. X. Berlin, G. Reimer, 1856. 1 vol. in 4-o. (№ 172

Codex diplomaticus et epistolaris Moraviae. Studio et opera Ant. Bocz T. I—V. Olomucii, Brunae, 1836—50. 5 vol. in 4-o. (№ 173

Codex diplomaticus Lubecensis. Lübeckisches Urkundenbuch. 1te Abtlung. Urkundenbuch der Stadt Lübeck. Theil: I, II, Lief. 13— III 1—11. II-te Abtheilung: Urkundenbuch der Bistums Lübe Theil I. Lübeck, 1843—1867. 4 vol. in 4-o.
2-й экземпл. I-te Abth. Th. III. 1—11. 1 vol. in 4-o. (№ 10

Codex diplomaticus Poloniae, editus studio et opera L. Rzyszczewski et A. Muczkowski ab An. Helcel, T. I. II. 1—3. Varsaviae, Typis Strąbski, 1847—52. 2 vol. in 4 o. (№ 1).

Codex diplomaticus Prussicus. Bd I. II Herausgegeben von Iohannes Voygt. Königsberg, bei Vornträger, 1836. 2 vol. in 4-o. (№ 959).

Codex diplomaticus Silesiae. Bd. I — III. Breslau, Max, 1857 — 60. 3 vol. in 4-o. 2 й экз. Bd. II. (№ 1354).

230. **Codex** Pomeraniae Diplomaticus. Herausgeg. von K. Hasselbach Bd. I. 1—5. Greifswald, Koch, 1843—54. 5 vol. in 4-o. (№ 1355).

2го экземпляра I. 1—5. 1 vol. in 4-o. (№ 967).

Codice di procedura pei giudizi penali degli Stati uniti delle isole Jonie. Corfu, nella Tipografia del Governo, 1841. 1 vol. in 8-o. (№ 543).

Codice penale degli Stati uniti delle isole Jonie. Corfu, nella Tipog. del Governo, 1841. 1 vol. in 8-o. (№ 478).

Collection des constitutions, chartes et lois fondamentales des peuples de l'Europe et des deux Amériques. I — III. V, VI. Paris, chez Béchet, 1823. 5 vol. in 8-o. (№ 2003).

Commentarii (Novi) Academiae scientiarum imperialis Petropolitanae. T. I—XIII, XIV 1, 2. XV — XVII, XX. Petropoli, typis Academiae Scientiarum, 1750—1776. 19 vol. in 8-o. (№ 1865).

Compère (le) **Mathieu**, ou les Bigarrures de l'esprit humain. T. I — IV. Paris. 4 vol. in 18-o. (№ 83).

Compte Rendu de l'Academie impériale des Sciences de St - Pétersbourg. Année 1854 et 1855, 1857. St-Pétersbourg, 1856, 1858. 2 vol. in 8-o. (№ 1889).

2-го экз. 1854 et 1855. St-Pbg, 1856. 1 vol. in 8-o. (№ 1889, a).

Condillac, Oeuvres complètes, T. XXIX. Histoire moderne T. 14, à Paris, chez les libraires associés, An. 1801. 1 vol in 12-o. (№ 1241).

Connaissance des temps ou des mouvements célestes, pour l'an 1846, 1847. Paris, Bachelier, 1843—44. 2 vol. in 8-o. (№ 1758).

Conspectus juris publici regni Hungariae ad Annum 1848, T. I. Viennae, Wallishausser, 1851. 1 vol. in 8-o. (№ 1362).

10. **Conspectus** praelectionum in Universitate litterarum Caesarea Mosquensi a die Augusti XVII anni 1827. 1 vol. in 4-o. (бром.) (№ 1447).

Constitutiones (antiquissimae) synodales provinciae gneznensis. Curavit Rumoaldus Hube. Petropoli, 1856. 1 vol. in 8-o. (№ 352).

Conversations-Lexikon der neuesten Zeit und Literatur. B. I—IV. Leipzig, Brockhaus, 1832. 4 vol. in 8-o. (№ 2004).

Copin Miguel., Definicionis y elementas de todas las ciencias. Traducida del Frances. Barcelona, 1825. 1 vol. in 8-o. (№ 1623).

Corpus juris Fridericianum, I. 1—4. Berlin, bey Decker, 1781. 1 vol. in 8-o. (№ 578).

Corpus juris publici Salisburgensis. Herausgegeben von Judas Zauner, Salzburg, 1792. 1 vol. in 8-o. (№ 1007).

Corsinus Eduard, Notae graecorum sive vocum et numerorum compendia quae in aereis atque marmoreis graecorum tabulis observantur. Florentiae, 1749. 1 vol. in 4-o. (№ 1784).

Cosel C. von, Geschichte des Preussischen Staates und Volkes, Bd. III. Lpz. 1870. 1 vol. in 8-o. (№ 640).

Cousin Victor, Cours d'Histoire de la Philosophie. Leçons 1—7. Paris, Pichon, 1828. 7 livr in 8-o. (№ 91)

Coutumier (nouveau) général, ou corps de coutumes générales et particulieres de France et des Provinces, par Charles A. Bourdot de Richebourg. T. I—IV. Paris, chez Brunet, 1724. 4 vol. in 2-o (№ 523)

250. **Crantz** Albert, Wandalia, oder Beschreibung Wendischer Geschichte. In Hochdeutsch übersetzet durch M St. Macropum. Lübeck, L Albrecht, 1600. 1 vol. in 4-o. (№ 1743)

Creuzer Friedrich, Symbolik und Mythologie der alten Völker. 2te Umgearbeitet Ausgabe. B. II—VI. Leipzig, bei Heyer, 1820—23. 5 vol in 8-o. (№ 929)

2-го экземпляра B. V. VI. Lpzg. 1822, 23. 2 vol. in 8-o. »

Csaplovics Johann, Slavonien und zum Theil Croatien. Th. I. II. Pesth Hartleben, 1819. 2 vol. in 12-o. (№ 367

2-й экземпляръ, Th. I. II. 1 vol. in 12-o. (№ 995

Curtius Ernst, Griechische Geschichte, B. I. Zweiter unveränderter Abdruck Berlin, Weidmannsche Buchhandlung, 1858. 1 vol. in 8- (№ 1097

Cuvillier-Fleury, Portraits politiques et revolutionnaires. Paris, Mich Lévy frerès, 1851. 1 vol. in 8-o. (№ 1092

Czacki, o Litewskich i Polskich Prawach, T. I. II. Warszawa, Ragocz 1800—1801. 2 vol. in 4-o. (№ 75

Czoernig Carl, Darstellung der Einrichtungen über Budget, Staatsrechnu und Controle. Wien, W. Braumüller, 1866. 1 vol. in 8 (№ 161

Czoernig Carl, Oesterreich's Neugestaltung. 1848—1858, Stuttgart, Cot 1858. 1 vol. in 8-o. (№ 45

D'Abrantés la Duchesse, Mémoires sur la restauration ou souvenirs histo ques. T. VI. Bruxelles, Societé typographique Belge, 18 1 vol. in 12-o. (№ 11

Daniels A., Handbuch der deutschen Reichs- und Staatenrechtsgeschich Th. II. Tübingen, Laupp, 1860. 1 vol. in 8-o. (№ 13

260. **Dankowsky** Gr. Al., Bei der erfreulichen Ankunft in Pressburg S. Maje des Kaisers Alexander I, Selbstherrschers aller Russen. druckt mit Weberischen Schriften, 1814. 1 листокъ in (№ 12

Dareste Rodolphe, La Justice administrative en France. Paris, Dur 1862. 1 vol. in 8-o. (№ 4

Davoud-Oghlou, Histoire de la Législation des anciens germains. T. I. II. Berlin, Reimer, 1845. 2 vol. in 8-o. (№ 990).

Davy Humphry, Elemens de chimie agricole. Trad. de l'anglais par A. Bulos. T. I. II. Paris, Ladrange, 1819. 1 vol. in 8-o. (№ 1753).

Dawid (Psalmy) przełożone dosłownie, z osnowy języka Hebrejskiego, na język Polski, przez Radcę Honorowego Pawła Byczewskiego. W Warszawie, w drukarni A. Krethlow, 1854. 1 vol. in 8-o. (№ 1113).

De Candolle Alphonse, Prodromus systematis naturalis regni vegetabilis. Pars XV. fasc. 1. Parisiis. 1 vol. in 8-o. (№ 494).

Defects in the criminal administration and penal legislation of great Britain and Ireland, with remedial suggestions. London, Kitto, 1872. 1 vol. in 8-o. (№ 1964).

Degerando M., Du perfectionnement Moral, ou de l'Éducation de soi-même. 5-e edition, T. I. II. Bruxelles, Louis Haumann et comp., 1833. 2 vol. in 12-o. (№ 1146).

Delavigne Casimir, Oeuvres complètes. Paris, Desrez, 1836. 1 vol. in 8-o. (№ 69).

Delavigne Casimir, Sept Messéniennes nouvelle. Paris, chez Ladvocat, 1827. 1 vol. in 18-o. (№ 80).

270. **Delavigne,** Manuel complet des aspirans au baccalauréat ès—lettres. 2-de édition. Paris, Crochard, 1829. 1 vol. in 8-o. (№ 1844).

Delille Jacques, La Pitié, poëme. Paris, chez Giguet, 1803. 1 vol. in 24-o. (№ 1991).

Delisle L., Notice sur le Psautier D'Ingeburge. Paris, Lainé, 1867. 1 vol. in 8-o. бром. (№ 1577).

Demuth K, Geschichte der Landtafel im Markgrafthume Mähren. Brünn, Nitsch, 1867. 1 vol. in 8-o. (№ 1357).

Denkschriften der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Classe, XII-er Bd. Wien, 1862. 1 vol. in 4-o. (№ 742).

Derriba (Ta Janna) muhsu Kunga Jesus Kristus jeb Deewa swehti wahrdi. Jelgawa, 1845. 1 vol. in 8-o. (№ 1137).

Desewffy Marzel Graf, Der politisch-sociale Radikalismus der Neuzeit. 2-te Ausgabe. Wien, Selch, 1861. 1 vol. in 16-o. (№ 286).

Desmaze Charles, Le Parlement de Paris. Paris, Lévy, 1859. 1 vol. in 8-o. (№ 492).

Desprets C., Traité élémentaire de Physique. Seconde édition. Paris, chez Marvis, 1827. 1 vol. in 8-o. (№ 1976).

Dichter (Deutsche) des XVI-ten Jahr. Hrsg. von K. Goedeke und I. Tittman Bd. VI. Th. 3. Lpz., Brockhaus, 1871. 1 vol. in 8-o. (№ 1697).

280. **Dictionaire** géographique - portatif, Traduit de l'Anglais par Vosgien. Paris, chez Didot, 1769. 1 vol. in 8-o. (№ 2010).

Dictionnaire (le) Royal en Abregé I. 1 vol. in 8-o. (№ 1074).

Dobrowsky Josephus, Institutiones linguae slavicae dialecti veteris. Vindobonae, Schmid, 1822. 1 vol. in 8-o. (№ 933).

Dobrowsky, Kritische Versuche die ältere böhmische Geschichte. III. Wenzel und Boleslaw. Prag, Haase, 1819. 1 vol. in 8-o. (№ 905).

Döbereiner, Elemente der pharmacevtischen Chemie zu Vorlesungen. Jena, Cröker, 1816. 1 vol. in 8-o. (№ 1924).

Doederlein L., Lateinische Synonyme und Etymologien. Th. I II. Leipzig, Vogel, 1826—27. 2 vol. in 8-o. (№ 923).

Domairon, Principes généraux des belles lettres. 4-me édition. T. I — III. Paris, chez Deterville, 1815. 3 vol. in 12-o. (№ 1859).

Domat, Les loix civiles dans leur ordre naturel: le droit public et Legum delectus. T. II. Paris, chez David. 1 vol. in fol. (№ 346).

Doswiadczenia w gospodarstwie i ogrodnictwie, T. I. 1. 2. Warszawa 1795 (неполн. и ветхое). 1 vol. in 8-o. (№ 1279)

Duc de Raguse, Memoires de 1792 a 1832 T. I—VII. Paris, Perrotin, 1857 7 vol. in 8-o. (№ 2059)

290. **Duclos**, Mémoires secretes sur les règnes de Louis XIV et de Louis X T. I. II. Paris, chez Buisson, 1791. 2 vol. in 8-o. (№ 151

2-й экз-ръ, 5-me édit. T. I. II. Paris, chez Collin, 1808. 2 vol. in 8 (№ 2025

Dudik B., Mährens allgemeine Geschichte. Bd. I. IV. Brünn, Verlag de Mährischen Domestikalfondes, 1860, 1865. 2 vol. in 8- (№ 925

Dulaurens, l'abbé, Le compère Mathieu, ou les Bigarrures de l'esprit humai T. I. III. Londres, 1829. 3 vol. in 24-o. (№ 2006

2-й экземпляръ, T. I—III. Bruxelles, 1829 3 vol. in 12-o. (№ 1690

Dumas Aléxandre, Le Vicomte de Bragelonne (suite de Vingt ans après T. I—XIII. Bruxelles, Meline. 13 vol. in 12-o. (№ 201

Dumas Aléxandre, Vingt ans après, suite des Trois Mosquetaires. Pari Dufour, 1849. 1 vol. in 4-o. (№ 200

Dundr J. A., Ponawrženy o stawu a řádech Duchowenstwa w Čechach. Č. W Praze, A. K. Kronberg, 1824. 1 vol. in 12-o. (№ 117

Dupin Charles, Applications de géométrie et de Méchanique. Paris, Bacl lier, 1822. 1 vol. in 4-o. (№ 175

Dupin, Manuel des étudians en droit, et des jeunes avocats. Bruxell 1835. 1 vol. in 16-o. (№ 32

Duprat B., Catalogue de la Libraire Orientale. Partie I. Paris, Molini, 18 1 vol. in 8-o (бром.) (№ 157

Dzieje królestwa polskiego. W Warszawie, nakładem Grela, 1766. 1 in 12-o. (№ 6

300. **Dziennik** praw, T. I — IV. X. XXXIII — XXXVIII. Warszawa, 1810 — 5 vol. in 8-o. (№ 18

Dzwonkowski J. J., Anweisung zu einer gründlichen polnischen Orthog phie. Thorn, Wätzoldt. 1 vol. in 12-o. (№ 11

Ebbinghaus Julius, Die Pilze und Schwämme Deutschlands, 1-te Lief. Auflage (Lief. 2—8 безъ текста 28 таблицъ) Leipzig, 2 тетр in 4-o. (№ 9

Eberhard Johann, Allgemeine Geschichte der Philosophie. 2-te verb. Ausgabe. Halle, bei Hemmerde, 1796. 1 vol. in 8-o. (№ 389).

Echard, Dykcyonarzyk geograficzny. Tom I—III. W Warszawie, w drukarni Dufour, 1782—83. 3 vol. in 8 o. (№ 171).

Egger Franz, Das natürliche öffentliche Recht, Bd. II. Wien, 1810. 1 vol. in 8-o. (№ 381).

Eglise (l') Catholique justifieé contre les attaques d'un écrivain qui se dit orthodoxe, par M.*** Lion, chez Rozand, 1822. 1 vol. in 8-o. (№ 1972).

Eichwald Ed., Reise auf dem Caspischen Meere und in den Kaukasus. Bd. II. 1. 2. Alte Geographie des Caspischen Meeres. Berlin, Mosin, 1838. 1 vol. in 8-o. (№ 1752).

Einkindschaft (die) nach Bamberger Statutar — Recht. Nach den Quellen des Bamberger Land-Rechts, bearbeitet von Schüttinger. Hamburg, Züberlein, 1857. (№ 507).

Eisenbahn - Cursbuch (Schweizerisches), Bale. Krüsi, 1863—74. 1 vol. in 12-o. (№ 1493).

310. **Eisendecher** W., Ueber die Entstehung des Bürgerrechtes im alten Rom. Hamburg, Fr. Perthes, 1829. 1 vol. in 8-o. (№ 1675).

Éléments de la grammaire latine. Part. I. 1 vol. in 8-o. (неполная). (№ 1266).

Empereur (l') Napoléon III et son gouvernemént. Dresde, Meinhold, 1864. 1 vol. in 12-o. (№ 2051).

Encyclopädie für das bürgerliche Leben. Herausgeg. von C. Snell. Giesen, Tasche, 1807. 1 vol. in 8-o. (№ 1524).

Encyklopedie (Mala) nauk. Dil. II. W Praze, Kronberg, 1843. 1 vol. in 8o. (№ 1490).

Endlicher Stephanus, Genera plantarum secundum ordines naturales disposita. Vindobonae, 1836—1840. 1 vol. in 4-o, et supplementum. (4 vol. in 4-o.) (№ 210).

Entwurf einer allgemeinen deutschen Civilprozessordnung. Herausgegeben von G. Peterssen und J Struckmann. Hannover, Helwing, 1864. 1 vol. in 8-o. (№ 552).

Entwurf einer Prozessordnung in bürgerlichen Rechtsstreitigkeiten für das Königreich Bayern. München, bei Kaiser, 1861. 1 vol. in 8-o. (№ 561).

Epictetus, Enchiridion, Curavit Heyne, Editio tertia. Lipsiae, Fritsch, 1783. 1 vol. in 16-o. (№ 254)

Ersch Joh. Sam., Handbuch der deutschen Literatur. Bd. I. II. Amsterdam und Leipzig, 1812—13. 1 vol. in 8-o. (№ 1624)

320. **Erwiederung** auf die Paar Worte über die Schrift: Abkunft der Magyaren.. Pressburg, 1827, (брош.) 1 vol. in 8-o. (№ 1231).

Eschenmayer C., Psychologie in drei Theilen als empirische, reine und angewandte. 2-te Auflage. Stuttgart, Cotta, 1822. 1 vol. in 8-o. (№ 1520).

Eschenmayer, Versuch die scheinbare Magie des thierischen Magnetismus. Stuttgart und Tübbingen, Cotta, 1816. 1 vol. in 8o. (№ 1850).

Esprit (l') de la coûtume de Normandie, seconde édition. (Par Bertrand Hubin, Avocat à Vire). Rouen, chez Maurry, 1701. 1 vol. in 4-o. (№ 672).

Esprit (l') de la Politique. Rotterdam, chez Bronkhorst. 1778 1 vol. in 8-o. (№ 2011).

Etablissement du Lycée Richelieu à Odessa, fondé le 2 Mai 1817; à Paris P. Didot, 1817. (16 экзем.) 16 vol. in 4-o. (№ 1647)

Euler L., Lettres à une princesse d'Allemagne sur divers sujets de physiqu et de philosophie; n-elle édition, revue et augmentée de diver ses notes, par J. B. Labey. T. II. Paris. Courcier, 1812. 1 vol in 8-o. (№ 1133)

Eutropius, Historia Romana. Hale, 1697. 1 vol. in 12o. (безъ заглавнаг листа). (№ 1561)

Evangeliaire Slave de Reims, ou Texte du Sacre fac-simile et publié pa J. B. Silvestre. Paris, Firmin Didot Freres, 1843. 1 vol. in fo (2 экзем. не полные). (№ 1401)

Evangyeliomi (Szvéti), Póuleg Kalendárioma i Róda Rimszkoga ne vsi Nedelne, v Szombothelyi, po Siess Antoni vu Leti, 1804. 1 vo in 8-o. (№ 1132

330. **Ewangelia** a epistole na nedele a Swátky pres cely Rok. W Budině, 180 1 vol. in 8-o. (№ 1107

Ἐξήγησις τῶν δογμάτων τῆς χρηστιανικῆς πίστεως κατὰ τὴν συντομ διαλεγμένην ἀπὸ τὴν ἁγίαν γραφήν. Londra, par J. Filliggo 1813. (17 экз.) (бром.) 1 vol. in 8-o. (№ 1423 (№ 175

Exploration scientifique de l'Algèrie pendant les annèes 1840, 1841, 184 Physique générale, II. Observations sur le Magnétisme Ter stre, par M. G. Aimé. Paris, Imprim. Royale, 1846. 1 vol. in (№ 187

Extractus Juris Provincialis, Pragæ, Rüdigerum, 1710. 1 vol. in 16 (№ 136

Falk Johan, Beyträge zur topographischen Kenntniss des Russischen Reic Bd. I—III. St. Pbg. gedruckt bey K. Akademie d. Wiss., 17 3 vol.in 4-o. (№ 10

Fehr Joseph, Ueber die Entwickelung und den Einfluss der politischen T orien. Jnnsbruck, Wagner, 1855. 1 vol. in 8-o. (№ 358,

Fénélon, Przypadki Telemaka Syna Ulissesa. (неполная) 1 vol. in (№ 127

Ferrand Antoine, L'Esprit de l'Histoire, ou lettres Politiques et mora d'un Père à son Fils. 4-me éd. T. I—IV. Paris, chez Ny 1805. 4 vol. in 8-o. (№ 20

2 й экземпляръ, V-me édition T. I—IV. Paris, chez Déterville, 18 4 vol. in 8-o. (№ 19

Fetzer Carl, Theorie der altwürtembergischen Justitz—und Gerichts-Ver sung. Stuttgart, bei Metzler, 1805. 1 vol in 12-o. (№ 5

Ficquelmont le comte de, Lord Palmerston, l'Angleterre et le continent. T. I. II. 1. Paris, Amyot, 1852. 2 vol. in 8-o. (№ 2015).

340. **Ficquelmont** L. Grafen, Deutschland, Oesterreich und Preussen. Wien, Wilhelm Braumüller, 1851. 1 vol. in 8-o. (№ 1087).

Fielding H., The History of Tom Jones, a foundling. Vol. I. Dresden, Walther, 1774. 1 vol. in 8-o. (№ 1508).

Figalka ljbezneg Wůné aneb rozliône Pisně. W Lewoci, 1824. 1 vol. in 8-o. (№ 1118).

Figuier, L'année scientifique et industrielle. 3-me Année T. I. II. Paris, Hachette et Cie, 1859. 2 vol. in 8-o. (№ 1823).

Finlay George, History of the Byzantine and Greek Empires from 716 to 1453. In two volumes. Vol. I. Edinburgh and London, William Blackwood and sons, 1854. 1 vol. in 8-o. (№ 1098).

Fischer de Waldheim G., Lettres des Naturalistes de Moscou. Moscou, Semen, 1821. 1 vol. in 8-o. (бром.) (№ 1424).

Flassan de, Histoire générale et raisonnée de la diplomatie française. T. II—VII. Paris, chez Treuttel, 1811. 6 vol. in 8-o. (№ 52).

Flora Brasiliensis, sive enumeratio plantarum in Brasilia hactenus detectarum, ed. St. Endlicher et C. Fr. Ph. de Martiis. Fasc. VI. X—XIV. XVI. XVII. XVIII p. 1—3. XIX—XXIII. contin. fasc. 1. XXIV. XXXVIII. Vindobonæ 1846—64. 20 vol. in fol. (№ 1740).

Flora, oder allgemeine botanische Zeitung. Jahrg. XVI. Bd. I. II. 1850. 2 vol. in 8-o. (№ 1736).

Flourens, de la vie et de l'intelligence. Paris, Garnier, 1858. 1 vol. in 8-o. (№ 1829).

350. **Fontanier** V., Voyages en Orient. Deuxième voyage en Anatolie. Paris, Dumont, 1834. 1 vol. in 8-o. (№ 90).

Fontes rerum austriacarum. Zweite Abtheilung. Bd. VI. 2. X. 1. XIII. 2. XIV 3. XV 1. Wien, 1853—57. 6 vol. in 8-o. (№ 1054).

Fouvent, de Mythologie Greeque, latine et slavanne. Moscou, Impr. Vsévolojsky 1815. 1 vol. in 8-o. (№ 2018).

Forbin le comte de, Voyage dans le Levant. Paris, impr. royale, 1819. 1 vol. in 8-o. (№ 1769).

Forster Charles, Pologne. Paris, Didot, 1840. 1 vol. in 8-o. (№ 644).

Fourcroy, Éléments d'histoire naturelle et de Chimie. T. I—IV. Paris, chez Cuchet 1786. 4 vol. in 8-o. (№ 1861).

Fränkel, Studien und Kritiken über den Text der Schriften des Cicero de or. lib. I. Dorpat, Karow, 1863. 1 vol. in 8-o. (№ 1906).

Fragmenta Historicorum Græcorum, Apollodori Bibliotheca cum fragmentis. Auxerunt Car. et Theod. Mulleri. Parisiis, Firmin Didot, 1841. 1 vol. in 4-o. (№ 248).

Franz der Zweite, König in Germanien, Hungarn und Böheim, Galizien und Lodomerien etc. (Указъ на нѣмецкомъ языкѣ и хорутанскомъ нарѣчіи отъ 23-го ноября 1802 года), брош. 2 vol. in folio. (№ 1194).

Frégier H., Des Classes dangereuses de la population dans les grandes villes. Bruxelles, Meline, 1840. 1 vol. in 8-o. (№ 2020).

360. **Frensdorff,** Die Stadt- und Gerichtsverfassung Lübecks im XII und XIII, Jahrhundert. Lübeck, Bohden. 1861. 1 vol. in 4-o. (№ 1328).

Friedenberg J., Tractatus juridico-practicus de generalibus, et particularibus quibusdam Silesiæ Juribus. T. I. Bresslau, Korn, 1738. 1 vol. in fol. (№ 1353).

Friedlænder, Darstellungen aus der Sittengeschichte Roms in der Zeit von August bis zum Ausgang der Antonine. Theil III. Leipzig, Hirzel, 1871, 1 vol. in 8-o. (№ 1938).

Fritz J. F., To prèdne Evangelske Pratkowane, sa teju stareju Luthorskeju Huzbu, wószerszkej Rězi. Chosehobusu schisczane polá Kühna. 1791. (бром.) 1 vol. in 8-o. (№ 1381).

Fritzo G. C., Powitazski Kazlisch na Naschich Wojakow. (бром.) 1 vol. in 8-o. (№ 1109).

Frölich Erasm., Diplomatarium Garstense. Viennae, 1754. 1 vol. in 4-o. (№ 1725).

Frölich Erasm., Specimen Archontologiæ Carinthiæ. Vindobonæ, Trattner, 1758. 1 vol. in 4-o. (№ 1014).

Fueille de la D., L'Art du Blason. Amsterdam 1695. 1 vol. in 4-o. (зенозное). (№ 1486).

Gallerie der Welt in einer bildlichen und beschreibenden Darstellung. Bd. I Heft 1. (Berlin 1797). 1 vol. in 4-o. (№ 1615)

Gallus Martinus, Chronicon. Adjecit Joannes Bandtkie. Varsaviæ, 1826 1 vol. in 8-o. (№ 366)

370. **Gamba** Chev., Voyage dans la Russie méridionale. T. I II. Paris, 1826. 2 vol in 8-o. (№ 1772)

Gar, Episodio del medio evo Trentino. Trento, tip. Monauni, 1856. бром 1 vol. in 8-o. (№ 906

Gass W., Die Lehre vom Gewissen. Berlin, bei Reimer, 1869. 1 vol. in 8-o (№ 638

Gauret, Stile universel de toutes les cours et jurisdictions du royaume. T II. Paris, 1717. 1 vol. in 4-o. (№ 1066

Gebhard J. G., Wie weit die moralische Schätzung einer Handlung bei d Festsetzung oder Anwendung eines Strafgesetzes in Betrachtu kommen darf. Berlin, bei Unger, 1804. 1 vol. in 8-o. (№ 661

Gebhardi Ludwig, Geschichte aller Wendisch-Slavischen Staaten. B. 1. Hall bey Gebauer, 1790. 1 vol. in 4-o. (№ 94

Geib Gustav, Lehrbuch des Deutschen Strafrechts. Bd 1. Leipzig, Hirz 1861. 1 vol. in 8-o. (№ 58

Geiger, Ursprung und Entwickelung der menschlichen Sprache und V nunft. Bd. II. Stuttgart, Cotta, 1872, 1 vol. in 8-o. (№ 194

Gemeiner A., Die Verfassung der Centenen und des Fränkischen Königt mes. München, Kaiser, 1855. 1 vol. in 4-o. (№ 10

Gentil C. le, Origines du droit. Essai historique sur les preuves. Paris, Durand, 1863. 1 vol. in 4-o. (№ 544).

380. **Geographia** albo dokładne opisanie królewstw Galicji i Lodomeryi. W Przemyślu, 1786. 1 vol. in 12-o. (№ 299).

Georgi Joh. Gottl., Bemerkungen einer Reise im Russischen Reich. Bd. I. II. St. Petersb. Acad. der Wiss., 1775. 2 vol. in 4.o. (№ 1684).

Gereke Eug., Ueber das Aceton. Odessa, Nitzsche, 1869. 1 vol. in 8-o. бром. (№ 527).

Gerebtzoff Nicolas de, Essai sur l'Histoire de la civilisation en Russie. T. I. II. Paris, Amyot, 1858. 2 vol. in 8-o. (№ 2,016).

Gerichtsordnung der freien Hansestadt Bremen. Bremen, 1820. 1 vol. in 8-o. (№ 1041).

Gerichts-Process und Executions-Ordnung des Johann Wilhelms Hertzogen zu Sachsen. Eisenbach, bey Krebsen, 1702. 1 vol. in 4-o. (№ 679).

Gerland, Ueber das Aussterben der Naturvölker. Lpz., Fleischer, 1868. 1 vol. in 8-o. (№ 1941).

Geschichte der europäischen Staaten. Geschichte des preussischen Staats, von G. Stenzel. Bd. I. II. Geschichte des Kurstaates und Königreiches Sachsen, von E. Böttiger. Bd. I. II. — Geschichte Schweden, von E. Geijer. Bd. I.—III. Geschichte des österreichischen Kaiserstaates, von J. Mailáth. Bd. I. II. Hamburg, Perthes, 1830—32. 1834—1836, 37. 9 vol. in 8-o. (№ 1484).

Geschichte des Liv. Esth-und Curländischen Privatrechts. St. Pbg, 1867. 1 vol. in 8-o. (№ 1070).

Geschichte (Die) der Philosophie (безъ заглавія). 1 vol. in 8-o., бром. (№ 1220).

390. **Gesetz** (allgemeines) über Verbrechen. Wien, bey Edlen, 1787. 1 vol. in 12-o. (№ 519).

2-й экземпляръ » » » »

Gesetz-Bulletin des Grossherzogthums Berg. Abtheilung I (mit Nachtrag) II. № 1—10. 11—17. 18—23. 24. 25. 26. 27. 28. 29. 30. 31—33. 34—52. Düsseldorf 1810—1813. 12 vol. in 8-o. (№ 1286).

Gesetzbuch (allgemeines bürgerliches) für die gesammten deutschen Erbländer der Oesterreichischen Monarchie. Th. I—III. Wien, 1811. 1 vol. in 8-o. (№ 455).

Gesetzbuch über das Verfahren in Strafsachen für den Kanton Bern. Bern, bei Rötzer, 1854. 1 vol. in 8-o. (№ 541).

Gesetze über das gerichtliche Verfahren in Criminalsachen. Hannover, in der Helwingschen Hofbuchhandlung, 1840. 1 vol. in 8-o. бром. (№ 1581).

Gesetzgebung (Die) des Königreichs Bayern, seit Maximilian II mit Erläuterungen. In Verbindung mit Arndts, Bayer, Bluntschli etc. herausgb. von Dollmann. Th. II. 1 vol. in 8-o. (№ 1329).

Gfrörer Aug., Zur Geschichte deutscher Volksrechte im Mittelalter. Bd. I. Schaffhausen, Hurter, 1865. 1 vol. in 8-o. (№ 998).

Gioja Melch., Nuovo prospetto delle scienze economiche. Serie prima T. I — VI. Milano, G. Pizotta, 1815 — 17. 6 vol. in 4-o. (№ 1710).

Girard, l'abbé, Synonymes françois. Amsterdam, chez Wetstein, 1752. 1 vol. in 12. (№ 2019).

Giraudeau de St. Gervais, Conseils sur l'art de guérir soi-même toutes les maladies Vénériennes sans mercure, par la méthode végétale, 13-me édition. Paris, chez l'auteur. 1 vol. in 8-o. брош. (№ 1857).

400. **Gistl** Johannes, Die jetzt lebenden Entomologen. München, Jaquet, 1834. 1 vol. in 8-o. (№ 474).

Glaser J., Anselm Ritter von Feuerbach. Eine rechtsgeschichtliche Biographie. Wien, Sohn, 1858. 1 vol. in 8-o, (брош.) (№ 1511).

Glück, Ausführliche Erläuterung der Pandecten nach Hellfeld, ein Commentar. 2-te Ausgabe, Th. I—VI. 1 2, VII. 2. Erlangen, Palm 1797—1804. 9 vol. in 8-o. (№ 835)

Gmelin Joh. Fr., Geschichte der Chemie. Bd. I—III. Göttingen, Joh. G Rosenbusch, 1787—99. 3 vol. in 8-o. (№ 1749)

Gmelin Sam. Georg, Reise durch Russland zur Untersuchung der drey Natur-Reiche. Th. I—IV. St. Pbg, Acad. der Wiss. 1784. 4 vol in 4-o. (№ 1682)

Gneist, Der Rechtsstaat. Berlin, Springer, 1872. 1 vol. in 8-o. (№ 1969)

Goedel C., Sklaverei und Emancipation der schwarzen Rasse in den Vereinigten Staaten von Nordamerika. Zurich, Schabelitz 185[illegible] 1 vol. in 8-o. (№ 278

Görres J., Aphorismen über die Kunst. Koblenz, 1804. 1 vol. in 8- (№ 1617

Göschen Joh., Vorlesungen über das gemeine Civilrecht. Bd. II. Göttinge 1843. 1 vol. in 8-o. (№ 60[illegible]

Götterversammlung (Die) in Asgard, Maskenzug am 26 Februar 181 Leipzig, брош. 1 vol. in 8-o. (№ 122

410. **Goluchowski** J., Die Philosophie in ihrem Verhältnisse zum Leben gan Völker und einzelner Menschen. Erlangen, Palm, 1822. 1 v in 8-o. (№ 153

Goris Lambertus, Adversariorum juris subcisivorum. Arnhemii, Ex offic Jacobi, 1651. 1 vol. in 4-o. (№ 10[illegible]

Gourdon Édouard, Histoire du Congrès de Paris. Paris, 1857. 1 vol. in [illegible] (№ 19[illegible]

Graetz H., Die Westgothische Gesetzgebung in Betreff der Juden. Bres Korn, 1858. 1 vol. in 4-o. брош. (№ 10[illegible]

Graffschafft (der) Solms, Berichts und Land-Ordnung. Frankfurt a.M. ver von Adam Jungen. 1716. 1 vol. in 12-o. (№ 7

Gramatyka Łacińska dla użytku młodzieży Polskiej. Wydanie nowe prz bione. W Poznaniu i w Warszawie (1824). 1 vol. in (№ 1[illegible]

2-й экземпляръ » » 1 vol. in 8-o »

Grammaire de la langue anglaise (безъ заглавія). 1 vol. in 12-o. (№ 1274).

Grammatyka łacińska ku pożytkowi młodzi szkólnej. W Lublinie, Szczepański, 1817. (1 vol. in 8-o. (№ 1172).

Grassmann, Abhandlung über die Aufgabe «Durch welche gute und nicht theure Mittel kann das Schif-Bauholz dauerhafter gemacht werden, ohne durch dieselbe sich auf andere Weise zu verschlimmern?» St. Petersburg, bey der Kais. Akad. der Wissenschaften, 1780, брош. 1 vol. in 4-o. (№ 1917).

Grattenauer Karl, Ueber die Nothwehr. Ein Beitrag zur wissenschaftlichen Behandlung des Kriminalrechts. Breslau, bei Korn, 1806. 1 vol. in 12-o. (№ 521).

120. **Grecz**, Rys historyczny literatury rossyjskiej. Warszawa 1823. 1 vol. in 8-o (№ 1082).

Gretschel, Ad edictum Athalarici regis Ostrogothorum apud Cassiodorum, variarum IX. Lipsiae, Teubner, 1828, брош. 1 vol. in 4-o. (№ 813).

Groddeck Godofr., Grammatica graeca. Vilnae, Typis Zawadzki 1817. 1 vol. in 8-o. (№ 392).

Groddeck Godofr., Initia historiae Grecorum litterariae. 1. 2. Vilnae, Sumtibus Zawadzki, 1821. 1 vol. in 8-o. (№ 141).

Grotius. Le droit de la guerre et de la paix. Nouvelle traduction par Jean Barbeyrac. T. I. II. Basle, chez Tourneisen, 1768. 2 vol. in 8-o. (№ 1952).

Gruber Augustin, Abschiedspredigt. Laibach, 1824, (брош.) 1 vol. in 8-o. (№ 1234).

Grün Anastasius, Schutt. Dichtungen. 2-te Auflage. Leipzig, Widmann, 1836. 1 vol. in 16-o. (№ 85).

Guadagnoli Antonio, Raccolta delle poesie gioeose. Italia, 1836. 1 vol. in 24-o. (№ 89).

Güldenstaedt A. J., Discours academique sur les produits de Russie. S. Pb. 1 vol. in 4-o. брош. (№ 111).

Güldenstädt Joh. Ant., Reisen durch Russland T. I II. St. Pbg., 1787—91. 2 vol. in 4-o. (№ 1683).

130. **Guerard** M. B., Polyptyque de l'Abbé Jrminon. T. I. 1 2. II. Paris, à l'imprimerie royale, 1844. 3 vol. in 4-o. (№ 1322).

Guettée, Abbé, La Papauté Schismatique ou Rome dans ses rapports avec l'Eglise orientale. Paris, 1863. 1 vol. in 8-o. (№ 2022).

Guizot, Cours d'Histoire moderne. Bruxelles, Haumann, 1835, 1 vol. in 16-o. (№ 2024).

2-го экзем. Leçons 1—5, 7. 8. Paris, Pichon, 1828, in 8-o. (№ 1267).

Guizot, Cours d'histoire moderne. T. I—IV. Histoire de la civilisation en France, depuis la chute de l'empire Romain jusqu'en 1789. Paris, Pichon et Didier, 1829, 1830. 4 vol. in 8-o. (№ 1953).

Guizot, Memoires pour servir à l'Histoire de mon temps. Paris, Lévi, 1858. 1 vol. in 12-o. (№ 2027).

Guizot, Monk ou Chute de la république et rètablissement de la Monarchie, en Angleterre en 1660. Bruxelles, Meline, 1851. 1 vol. in 12-o. (№ 2028).

Gulde C. C. Dr., Erneuertes Andenken einiger gelehrten Männer. Gottbus, bey Kühn, 1784. 1 vol. in 8-o. (6ρom.) (№ 1230).

Guthrie W., Abrégé de la Nouvelle Géographie universelle, Physique, Politique et Historique. Partie II. Paris, Langlois, 1817. 1 vol. in 8-o. (№ 1346).

Gyurikovits Georgius., Succinctæ animadversiones unius e croatis in Partem III-tiam illustrationis criticæ situs et amtibus Slavoniæ et Croatiæ. Pasonii, 1848. 1 vol. in 12-o. два экземпляра. (№ 937).

Hälschner Hugo, Das Preussische Strafrecht. Bd. I. Bann, bei Marcus. 1 vol. in 8-o. (№ 752).

440. **Hagedorn** T., Ueber den Ersatz der dem Boden durch die Ernten entzogenen Pflanzennahrung. Gekrönte Preisschrift. Leipzig, Reichenbach, 1867. 1 vol. in 8-o. (6pom.) (№ 1411)

Hals-Gerichts-Ordnung (Neue peinliche) vor das Königreich Böhaimb (Margraffthum Mähren) und Schlesien, 1708. Prag, durch Cecinker 1 vol. in 4-o. (№ 670),

Hamonière G., Grammaire russe. Paris, chez Barrois 1817. 1 vol. in 8-o (№ 169)

Hanauer, l'abbé, Les Paysans de l'Alsace au moyen-âge. Paris, 1851. 1 vol in 8-o. (№ 1056)

Handbuch der Aesthetik, in Briefen herausgeg. von J. Eberhard. Th. II III Halle, Hemmerde, 1803, 1804. 2 vol. in 8-o. (№ 1534)

Handbuch (Enzyklopädisches) der wissenschaftlichen Literatur. Herausgeg von W. F. Krug. Bd. I 1. Leipzig, in der Darnmannsche Buchhandlung, 1804. 1 vol. in 8-o. (6pom.) (№ 1465)
2-го экземпляра B I. 1—4. II 5, 1803—1804. 3 vol. in 8-o. (№ 1523

Hanka Wenceslaw, Correspondenz zwischen Kaiser Rudolf, dem ungarische Könige Mathias.... in Betreff des passauischen Kriegsvolke Prag, Sohne, 1845. 1 vol. in 4 o. 6pom. (№ 957

Hanka, Hankovy Píšně. 4 i 5 rozmnožené vydaní w Praze, 1841 i 185 2 vol. in 24-o. (№ 889

Hanka, Начала русскаго языка, Počatky Russkeho Jazyka. V Praze, nakla Spisovatelovym, 1850. 1 vol. in 8-o. (№ 887

(**Hanke** von Hankenstein J. A.), Rezension der Aeltesten Urkunde der Sl vischen Kirchengeschichte, Literatur und Sprache; eines Perg mentenen Codex aus dem VIII Jahrhunderte. Ofen, 1804. 1 v in 4-o. (№ 119

450. **Hasselquist** Friedrich, Reise nach Palästina in den Jahren von 1749 1752. Herausgegeben von Carl Linnaeus. Aus dem Schwedisch Rostock, verlegts Koppe, 1762. 1 vol. in 8-o. (№

Harl, Nauka Policyi. W Bydgoszczy, Grünauer, 1811. 1 vol. in 8-o. (№ 83

Hartmann C., Der Geist des Menschen in seinen Verhältnissen zum phisischen Leben. Wien, Gerold, 1820. 1 vol. in 8-o. (№ 1529).

Hartmann Otto, Ueber die römische Gerichtsverfassung. Göttingen, 1859, 1 vol. in 8-o. (№ 622).

Hauer Josef, Politisch-Statistische Uebersicht der Veränderungen in der Verfassung, Administration und dem Haushalte der österreichischen Monarchie, vom 13 März 1848 bis 13 März 1851. Wien, 1851, 1 vol. in 8-o. (№ 431).

Haxthausen August, Die ländische Verfassung in den einzelnen Provinzen der preussischen Monarchie. Bd. I. Königsberg, 1839. 1 vol. in 8-o. (№ 430).

Haxthausen Aug., Ueber den Ursprung und die Grundlagen der Verfassung in den ehemals slavischen Ländern Deutschlands. Berlin, 1842. 1 vol. in 8-o. бром. (№ 1030).

Heeren M., Manuel historique du système politique des états de l'Europe et de leurs colonies, depuis la découverte des deux Indes. T. I—III. Bruxelles, Louis Haumann et Comp., 1834. 3 vol. in 12-o. (№ 1247).

Heimbach Ernest, Observationum juris græco-romani liber primus. Lipsiæ, Barth. 1830. бром. in 8-o. (№ 1722).

Heine H., Der Salon. Bd. III. Hamburg, Hoffmann, 1837. 1 vol. in 16-o. (№ 86)

460. **Heinemann** K. W. A., Die statutarischen Rechte für Erfurt und sein Gebiet. Erfurt, in Commission der Maring'schen Buchhandlung, 1822. 1 vol in 8-o (№ 1155).

Heinroth, Lehrbuch der Störungen des Seelenlebens. Th. I. II. Leipzig, Vogel, 1818. 2 vol. in 8-o. (№ 798).

Hendschel E., Hendschel's Telegraph. März 1864, Frankfurt a. M. 1 vol. in 8-o. (№ 1492).

Henke Eduard, Grundriss einer Geschichte des deutschen peinlichen Rechts. Th. II. Salzbach, 1809. 1 vol. in 8-o. (№ 516).

Henke Eduard, Handbuch des Criminalrechts und der Criminalpolitik Th. I II. Berlin, 1823. 2 vol. in 8-o. (№ 415).

Henke Eduard, Ueber den gegenwärtigen Zustand der Criminalrechtswissenschaft. Landshut bei Thomann, 1810. 3 vol. in 12-o. (№ 518).

Herbelot Barth. de, Bibliothèque orientale. Maestricht, chez Dufour, 1776. 1 vol. in fol. (№ 48).

Hermann, Lehrbuch der griechischen Antiquitäten. Th. III. Heidelberg, Mohr, 1852. 1 vol. in 8-o. (№ 780).

Idem. Th. II. III. Heidelberg. 2 vol. in 8-o. (№ 920).

Hermes, Zeitschrift für classische Philologie. Herausgegeben von Hübner. Bd. II. 1, 2. Berlin, Weidmann, 1867, 2 vol. in 8-o. (№ 815).

Herschel, Discours sur l'étude de la philosophie naturelle. Paris, Paulin, 1834. 1 vol. in 8-o. (№ 1886).

470. **Heuglin** Th., Ornithologie Nordost-Afrika's. Lief. 1, 2. Cassel, 1 vol. in 8-o. (№ 484).

Heusler A., Verfassungsgeschichte der Stadt Basel im Mittelalter. Basel Bahnmaier, 1860. 1 vol. in 8-o. (№ 1324)
Heynius Chr. G., Opuscula academica collecta. Vol. I—III. Gottingæ, Dieterich, 1785 — 88, 3 vol. in 8-o. (№ 1782]
Hildenbrand, Institutiones practico medicæ. T. I — IV. Viennæ, Gheler 1816—25, 4 vol. in 8-o. (№ 1839)
Hilferding A., Geschichte der Serben und Bulgaren. Abth. 1. Bautzen Schmaler, 1856. 1 vol. in 8-o. (№ 383
Hillenbrand J., Geschichte und Methodologie der Philosophie. Heidelberg Groos, 1819. 1 vol. in 8-o. (№ 1544
Hirtenbrief des Hochwürdigsten Herrn Herrn Roman Sebastian, Bischof zu Seckau. Grätz, gedruckt mit Kienreich'schen Schriften, 182 (бром.) 1 vol. in 4-o. (№ 1201
Hispania, sive de regis Hispaniæ regnis et opibus commentarius. Lugd. Batavor. Ex officina Elzeviriana, 1629. 1 vol. in 32-o. (№ 408
Histoire de la Philosophie herrmetique, (par l'Abbé Lenglet Dufresnoy). T. I. II. Paris, chez Coustelier, 1742. 2 vol. in 12-o. (№ 2034
Histoire de Jules César (par Napoléon), T. I. II. Paris, Plon, 1865 — 6 2 vol. in 8-o. (№ 203
et Atlas. 1 vol. in 4-o. »
480. **Histoire** des trois démembremens de la Pologne. T. I — III. Paris, ch Deterville, 1820. 3 vol. in 8-o. (№ 203
Histoire, dogmes, traditions et Liturgie de l'Eglise Arménienne orienta Paris, Franck, 1855. 1 vol. in 8-o. (№ 202
Histoire secrete de la Cour de Berlin par le comte de Mirabeau. Alenç Malassis, 1789. T. I. II. 2 vol. in 8-o. (№ 15
2 й экз-ръ. T. I. II. 1789. 1 vol. in 8-o. (№ 15
Hofmann F. W., Die Gesammtlandwirthschaft. Wien, R. Lechner, 18 1 vol. in 8-o. (№ 17
Holewiński Władys., O stosunkach majątkowych między małżonkami. tersburg, w drukarni Ohryzki, 1861. 1 vol. in 8-o. (№ 48
Holst Ludolf, Versuch einer kritischen Uebersicht der Völker-Seerec Th. I. Hamburg, bey Bachmann, 1802. 1 vol. in 8-o. (№ 7
Homeyer G., Die Stadtbücher des Mittelalters, insbesondere das Stadtb von Quedlinburg. Berlin, gedruckt in der Druckerei der Kön Akad. der Wissens., 1860. 1 vol. in 4-o. (№ 14
Horatius, Horacyusza pieśni wszytkie przekladania roznych. T. II. W W szawie, M. Groll, 1773. 1 vol. in 8 o. (№ 12
Horatius, Poezie Horacego przełożone na język polski i przypisami ob nione, przez Marcina Fijałkowskiego. T. I. w Wrocławi Korna, 1818. 1 vol. in 8-o. (текстъ на латинск. и польск языкахъ). (№ 11
Horatius, Q. Horatii Flacci de Arte poetica. У Віенн, 1827. 1 vol. in (№ 2
490. **Horatius**, Satyry wszystkie Horacyusza wierszem polskim wyłożone. W nie, 1784. 1 vol. in 8-o. (№ 16

Horváth Joan. Bapt., Elementa Physicæ. Ed. 4, Budae, 1799. 1 vol. in 8-o (№ 1817).

Hube, Prawo Burgundzkie. Warszawa, w drukarni Gazety Polskiej, 1865, бром. 1 vol. in 8-o. (2 экз.) (№ 809).

Hube Romuald, Wywód spraw spadkowych słowiańskich. W Warszawie, 1832. 1 vol. in 8-o. (бром.) (№ 1031).

Hülmann Karl, Staedtewesen des Mittelalters Th. I—IV. Bonn, bei Marcus. 1826. 4 vol. in 8-o. (№ 1015).

Hugo Victor, Lucrèce Borgia. Drame. Paris, Renduel, 1833. 1 vol. in 8-o. (№ 75).

Huhn C. H., Politik, Grundzüge der praktischen Staatskunst. Leipzig, Grunow, 1865. 1 vol. in 8-o. (№ 369).

Humbert M., Du Régime Nuptial des Gaulois, 1858. 1 vol. in 8-o. (бром.) (№ 1487).

Humboldt, Cosmos, essai d'une description physique du monde. Traduit par Ch. Galusky. T. II. Paris, Gide et Baudry, 1848. 1 vol. in 8-o. (№ 1866).

2-й экземпляръ. T. II. Paris, 1848 1 vol in 8-o. »

Humboldt Alexandre de, Discours prononcés à l'Académie Imp. des Sciences de St. Petersbourg, 1829. 1 vol. in 4-o. бром. (№ 98).

50 **Humboldt** Wilhelm, Ueber die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues. Berlin, 1836. 1 vol. in 4-o. (№ 984).

Hupka Krist, Sätze über das peinliche Recht. Wien, bei Gassler, 1784. 1 vol. in 8-o. (№ 479).

Hylzen J. A., Inflanty w dawnych swych, y wielorakich az do wieku naszego dziejach i rewolucyach zebrane. Wilno, 1750, (все сочинение испорчено). 1 vol. in 4-o. (№ 1316).

Jacobs, Elementarbuch der griechischen Sprache. 3-te Auflage. Th. II. Cursus III. Jena, Frommann, 1815. 1 vol. in 8-o. (№ 834).

2-й экз. Th. II. 5-te Ausgabe, 1823. 1 vol. in 8-o. (№ 877).

Jacques Heinrich, Die Verfassung und unsere dringendsten Aufgabe. Wien, Gerold, 1861. 1 vol. in 8-o. бром. (№ 458).

Jadro teje kż. kh. Wutżbé po Nómerach, (бром.) 1 vol. in 8-o. (№ 1275).

Jaeger Julius, Der menschliche Verkehr und seine Theorie. München, G. Franz, 1869. 4 vol. in 8-o. (№ 1804).

Jahrbücher der deutschen Rechtswissenschaft und Gesetzgebung. Herausgegeben von Dr. H. Th. Schletter. Band I, Erlangen, 1855. 1 vol. in 4-o. (№ 1255).

Jahrbücher der Medicin als Wissenschaft. Herausgeg: von F. Schelling. Bd. I. 1. Tübingen, Cotta, 1805. 1 vol. in 8-o. (№ 1518)

Jahrbücher (Dorpater) für Litteratur, Statistik und Kunst. Bd. II. III. IV. V. 1—5. Riga und Dorpat, 1834—35. 2 vol. in 8-o. (№ 1759).

2-й экз. Bd. II. III 1. 2. 4—6. 2 vol. in 8-o. (№ 1759, a).

2-й экз. Bd. IV. V. 1—4. 6. 11 тет. in 8-o. (№ 100).

510. **Jahrbücher** für National-Ökonomie und Statistik. Herausgegeben von Bruno Hildebrand. Bd. XII. 6-es Heft. Jena, 1819. 2 vol. in 8-o. (№ 258).

Jahrbücher für slavische Literatur, Kunst und Wissenschaft. Redacteur Dr. Jordan Schmaler. Jahrgang 1843. I. 1—3. Jahrg. 1844. II. 1—9. 1852—53. I. 1 — 8. 1854, II. 1—8. Jahrg. 1855—56. III. 1—1. Leipzig und Bautzen, 1843—56. 32 vol. in 8-o. (№ 863)

Jahrbücher für Wissenschaftliche Botanik, herausgegeben von N. Pringsheim. IV. 1. 2. Leipz. 1864. 2 vol. in 8-o. (№ 972).

Jahrbücher (Neue) für Philologie und Pädagogik. Begründet von M. Chr. Jahn. Supplementband I—XIV, (также п. заг. Archiv für Philologie und Pädagogik, Bd. I—XIV). Leipzig, Teubner, 1831—48. 14 vol. in 8-o. (№ 1733).

Jahr- und Viehmarkts-Ordnung für die Stadt Roda. бром. 1 vol. in 4-o. (№ 864).

Jacob L., Grundriss der empirischen Psychologie. Lpz., Hartmann, 1814. 1 vol. in 8-o. бром. (№ 1521).

Jakob Ludwig, Grundsätze der National-Oekonomie. Halle, bey Verfass. 1805. 1 vol. in 12-o. (№ 288).

Janka, Dissertatio inaug. Medico-Botanica de Strychneis. Pragæ, Haase. 1834. бром. 1 vol. in 8 o. (№ 1925)

Janos (Konyi) A' Mindenkor nevető Democritus. Budan, K. Betuivel 178.. 1 vol. in 8-o. (неполное) (№ 1260)

Ibn—Foszlan und anderer Araber Berichte über die Russen älterer Zeit Text und Uebersetzung von C. M. Frähn, St. Pbg. 1823, 1 vol in 4-o. (№ 2084)

2 ой экземпляръ. » » (№ 816)

520. **Ireček**, Ueber Eigenthumsverletzungen und deren Rechtsfolgen nach der Altböhmischen Rechte. Wien, 1855. 1 vol. in 8-o. бром. (№ 1032)

Imenosslavnik preszvetlomu y prepostuvanomu Gozpodinu Gospodinu Josef Grofu Sermage od Szomszedvara. 1 vol. in 4-o (бром. (№ 117.)

Index lectionum in Universitate litteraria Berolinensi per 1826—27. бром. in 4-o. (№ 172.)

Index prælectionum in Universitate Literarum Regia Varsaviensi. Varsaviæ. 1818 (бром.) 1 vol. in 4-o. (№ 138.)

Instrukcya dla Nauczycieli i Profesorów szkól publicznych w królestwie Polskiém. бром. 1 vol. in fol. (№ .4.)

John Richard, Das Strafrecht in Norddeutschland. Th. 1. Leipzig, Hirzel. 1858. 1 vol. in 8-o. (№ 42.)

Joseph der Zweite, König im Germanien (Указъ на нѣмецкомъ языкѣ и рутанскомъ нарѣчіи, 20 апрѣля 1785 года). 1 vol. in f. (№ 118.)

Journal de chemie médicale, de pharmacie et de toxicologie. T. III—VI. Sér. 2-de T. II—IV. Paris, chez Béchet Jeune, 1827—38. 1 vol. 8-o. (№ 140.)

Jouy Louis—Franç. de, Principes et usages concernant les Dimes. Paris, chez Durand. 1775. 1 vol. in 12 o. (№ 406).
Ispravnik za erei ali redovnizi, ispovidnizi, i za pokornici. Venezia, 1709. 1 vol. in 16-o (№ 189).
530. **Istruzione** per tutti i capitani de bastimenti che vengono in porto d'Odessa. (1831) бром. in 4-o. (№ 1794)·
Jubelgesang (Pilsens) an Kaiser und König Franz des Ersten, im Februar 1830, von A. Sedlăcek, бром. 1 vol. in 4-o. (1212).
Jubilaei (memoriale celebrati) suscepti regiminis a Friederico Augusto. Budiszin, bey Lehmann, 1818. 1 vol. in 8 o. бром. (№ 296).
Jussieu, Botanique. Paris, Langlois et Leclerq. 1 vol. in 8-o. (№ 1828).

Kadlubko Wicentius, Res gestae principum et regum Poloniæ. Editio repetita. Varsaviae, 1824. 1 vol. in 12 o. (№ 646).
Kalendar (Horvatzki ztoletni) od léta 1818 do 1919. Po Ant. Rosichn, Vu Zagrebu. бром. in 8-o. (№ 1595).
Kalendar (Horvatzki) za léto 1829. Vu Zagrebu, Fr. Suppan. бром. in 16o. (№ 1608).
Kalendár (Narodni) na prestupni Rok Pana 1828. W Budine. 1 vol. in 4-o. (№ 1567).
Kalendár (Nowý y Starý) na rok Páně 1828. W Baňské Bystřicy. бром. in 8-o. (№ 1602).
Kalendar (tolétni) iliti dnevnik ztolétni Horvàtzki do léta 1901. Kasúchi, Vu Zagrebu, nalosen vu Novoszelskoj Szlovarniczi, 1819. 1 vol. in 8-o. (№ 1592).
540. **Kalendarz** Astronomiczno-Gospodarski na rok zwyczajny 1855, 1856, 1857, 1860. Warszawa, nakladem i drukiem Wydawcy. 4 vol. in 4-o (№ 1458).
Kalendarz czyli Rocznik na rok zwyczajny 1851. Warszawa, nakladem i drukiem Wydawcy, 1850. 1 vol. in 4-o. (№ 1566).
Kalendarz domowy i gospodarski, na rok zwyczajny 1831, 1833—36, 1839 40—41—46, 1848—49, 1851—52, 1854. 19 vol. in 4-o. бром. (№ 1586.)
Kalendarz Historyczny na wszystkie dni odnoszone do lat ery chrześciańskiej. 1 vol. in fol. бром. (№ 1570).
Kalendarz Warszawski na Rok Pański 1821. W Warszawie, nakladem Pukstyz. 1 vol. in 4-o. (бром.) (№ 1457).
Kalendarz Warszawski Popularno-Naukowy na rok zwyczajny 1853, 1854, 1859, 1860. 4 vol. in 4-o. (№ 1459).
Kalendarz wydawany przez obserwatorjum astronomiczne warszawskie na rok 1858, 1860, 1861. Warszawa, 1858—61. 3 том. въ 8-о. (№ 1593).
Kalendarzyk dla dzieci przez St. Jachowicza na rok 1848. Warsz., Strąbski. бром. in 16-o. (№ 1604).
Kalendarzyk informacyjny na rok 1837. Wydany przez J. Kaczanowskiego, w Warszawie. 1 vol. in 16-o. (№ 1606).

Kalendarzyk (Nowy) polityczny na rok 1828. 1834. W Warszawie. 2 vol. in 32-o. (№ 1612).

550. **Kalendarzyk** polityczny na rok 1834. 1835. 1837. 1838. 1842. 1849. Wydał Fr. Radziszewski. W Warszawie, 6 vol. in 32-o. (№ 1611).

Kalender (Allgemeiner) für alle Bewohner des österreichischen Kaiserstaates. 1829. Wien, bei Fr. Hagenauer. 1 vol. in 4-o. (№ 1208).

Kamoens Luzyada czyli odkrycie Jndyy Wschodnich. Poema przekładania Jacka Przybylskiego. W Krakowie. 1790. W Drukarni Grebla. 1 vol. in 12-o. (№ 271).

Karschin, Das Julien-Fest im Tempel der Wahrheit. Karlstadt, bey J. N. Prettner, 1828 (бром.) folio. (№ 1217).

Katalog Księg polskich znaydniących sie w księgarni Zawadzkiego i Węckiego. — Katalog nowszych Książek. (Безъ озн. м. и г.) 2 бром. in 8-o. (№ 1599).

Katehizem (Veliki), Na svetlo dal Peter Dainko. V' Radgoni v'Alojz Waicinger'ovemi knigisi, 1826. 1 vol. in 8-o. (№ 1142).

Katterfeld, De Aeschyli Prometheo vincto. Petropoli, Stauff, 1856. бром. 1 vol. in 8-o. (№ 1901).

Kaulfuss J. S., O filologie. W Wrocławiu, W. B. Korn, 1814. бром. in 8-o. (№ 1665).

Kaydanow Jacobo, Tetractys vitae. Petropoli. Typis Joanneson. 1813. 1 vol. in 8-o. (№ 135).

Kaynal, Histoire philosophique et politique. T. I—X. Génève, chez Pellet. 1780. 10 vol. in 12 o. (№ 2,017).

560. **Kázeń** na Slawné Primicie Batthiany Ludvika, 9 sept. 1804, W Trnawe (бром.) 1 vol. in 8-o. (№ 1229).

Keilius Henricus, De Plinii Epistulis emendandis disputatio, 1. 2. Erlangae 1865. 1866. 1 vol. in 4-o; бром. (№ 231)

Kempis Tomme, Pismo od nasledovanya Gospodinna Nasscega Jesussa Dus cevno i Prizamierno. Slovinskiga upisa Bartolomeo Kassicch. V Rimu, Po Francesku Moneti. 1641. 1 vol. in 16-o. (№ 1182)

Khatechismus, w Buduschne, 1809. 1 vol. in 12-o. (№ 334)

Kiesewetter J., Grundriss einer allgemeinen Logik nach Kantischen Grundsätzen. Th. I. Lpz. Köchly, 1824. 1 vol in 8-o. (№ 1556)

Kitka Josef, Ueber den Gerichtsgebrauch und die Mittel, zwecklosen Schreibereien und Verzögerungen. Wien, bei Geidel. 1845. 1 vol. i 8-o. (№ 551)

Klausen R. H., De carmine fratrum arvalium liber. Bonnae, König et va Borcharen 1836. 1 vol. in 8-o. (№ 1382)

Kleinschrod Gallus, Systematische Entwickelung der Grundbegriffe und Grunwahrheiten des peinlichen Rechts. 1—111. Erlangen, bey Pal 1805. 1 vol. in 8-o. (№ 512)

Klöden K., Ueber die Entstehung, das Alter, und die früheste Geschichte d Städte Berlin und Köln. Lüderitz, 1839. 1 vol. in 8-o. (№ 92

Kmet Jzidor, s' svojimi otroki ino lydmi na suetlo dal Peter Dainko. V Ra goni v'Alojz Wajcinger 'ovemi knigisi. 1824. 1 vol. in 8 (№ 113

570 **Knixica** (Abecenda) na bitro ino lehko podvyge Slovenskega braya. V' Radgoni Wejcinger. 1824. 1 vol. in 12-o. (№ 1178).
Koch, Histoire abrégée des traités de paix, entre les puissances de l'Europe, depuis la paix de Westphalie. T. VIII. X—XIII. XV. Paris, chez Gide, 1817—18, 5 vol. in 8-o. (№ 6).
Koch F., Mémoires pour servir à l'Histoire de la Campagne de 1814. T. I—II. 1. 2. Paris, chez Maginel. 1819. 3 vol. in 8-o. (№1980).
2-й экземпляръ. I. II. 1819. 2 vol. in 8-o. (№ 2031).
Koch M., Tableau des révolutions de l'Europe. Nouv. éd. T. I—IV. Paris, Gide, 1814. 4 vol. in 8-o. (№ 1702).
Kock Ch. Paul de, M. Dupont ou la Jeune Fille et sa Bonne. T. I—IV. Bruxelle, Hauman. 1838, 4 vol. in 18-o. (№ 81).
Kodex dyplomatyczny Litwy, wydany przez Fdwarda Raczynskiego. w Wroclawiu, nakładem Schlettera. 1845. 1 vol. in 4 o. (№ 632).
Koeppen, Erläuterungen zur paläographischen Tabelle der slawisch-russischen Schrift von XI bis zum XV Jahrhundert. S. P. B. 1848 1 vol. in 8-o. бром. (№ 309).
Koeppen P., Literärnotizen betreffend die magyarischen und sächsischen Dialecte in Ungarn und Siebenbürgen. S. P. B. 1826, 1 vol. in 8-o. бром. (№ 528).
Koeppen P. von, Die von Ingriern bewohnten Dörfer im St. Petersburgischen Gouvernement. 1853. 1 vol. in 8-o. бром. (№ 525).
(**Koeppen P.**), Nachhall vom Nordgestade des Pontus. Ein Schreiben an den Herrn H. v. Köhler. Wien, bey Gerold. 1823. 1 vol. in 8-o. бром. (№ 308).
2-й экземпляръ (№ 1786).
580 **Koeppen** Peter, Ueber Alterthum und Kunst in Russland. Wien, bey Gerold. 1822; 1 vol. in 8-o. бром. (№ 305).
Koeppen P., Ueber Pflanzen-Aclimatisirung in Russland. S. P. B. 1856. 1 vol. in 8-o. бром. (№ 307)).
(**Koeppen P.**), Ueber Tumuli in Russland. S. P. B. 1836; 1 vol. in 8-o. бром. (№ 304).
Koeppen Peter, Vorläufige Uebersicht der Bevölkerung Russlands, . . im Jahre 1851. S. P. B. 1857. 1 vol. in 8-o. бром. (№ 306).
Köstlin C., Geschichte des deutschen Strafrechts im Umriss. Herausgegeben von Gessler. Tübingen, Laupp. 1859. 1 vol. in 8-o. (№ 503).
Koleda, Kalendár na rok obyčajny. 1851. Borné, Winiker. 1 vol. in 8-o. (№ 1589).
Koledar (Domač) Slovenski za navadno leto 1850. Spisal P. Hitzinger. V Ljubljani, J. Giontini, бром. въ 8-o. (№ 1594).
Kolenati F. A, Meletemata entomologica. Fasc. 1 2. Petropoli, sumptibus Imperialis Academiae Scientiarum. 1845. 2 vol. in 8-o. (№ 67).
Kollár, Ableitung und Erklärung des National-Namens Magyar. Pesth, Trattner, 1827. бром. 1 vol. in 4-o. (№ 818).
Kollar J., Tabule k Staroitalii Slavjanské ve Vídni. V Cisarske Královske Dvorské a státni tiskárne, 1853. 1 vol. in fol. (№ 1207).

590 **Kollątaj** X. H., Rozbior Krytyczny zasad Historyi o poczatkach rodu Ludzkiego. Z rękopismu wydal Ferdinand Kojsiewicz. W Krakowie, w drukarni Universiteckiéj, 1842. 1 vol. in 8-o. (№ 1101).

Koncewicz, Prawidlo pisowni Polskiej. Warszawa, 1856. 1 vol. in 8-o. (№ 1078).

2-й экземпляръ. Warszawa, 1845. 1 vol. in 8-o. »

Koner W., Repertorium über die vom Jahre 1800 bis zum Jahre 1850 in Akademischen Abhandlungen auf dem Gebiete der Geographie etc. erschienen Aufsätze. Bd. I. II. Geschichte. Berlin, 1852 2 vol. in 8-o. (№ 1005).

(**Kopczynski**), Essai de grammaire polonaise. Varsovie, 1807. 1 vol in 12-o. (№ 1080).

Kopczynski O., Grammatyka dla szkól narodowych. Grammatyka Lacinska. Warszawa, 1816. 1 vol. in 8-o. (№ 1141).

Kopf David Traugott. Jaden Kärliz. 1809. 1 vol. in 8-o; бром (№ 1129).

Kopf D. T., Nekotare Woinarske a druge redne Karlize. 1813. 1 vol. in 8-o (бром.) (№ 1110)

Krasicki Jgnacy, Dzieła. Nowe i zupelne Wydanie. T. VI. W. Wroclawiu u Wilhelma Bogumita Korna. 1821. 1 vol. in 8-o. (№ 1144)

Kratz Gustav, Die Städte der Provinz Pommern. Berlin, Barth. 1865. 1 vol in 8-o. (№ 746)

Kretschmann C., Geschichte des Churfürstlich Sächsischen Oberhofgerichts zu Leipzig. Leipzig, Crusius, 1804. 1 vol. in 8-o. (№ 1342)

600 **Kreyssig** Fr., Vorlesungen über den deutschen Roman der Gegenwart Berlin, Nicolai, 1871. 1 vol. in 8 o. (№ 1643)

Krusse, Anastasis der Waräger. Reval, Egger, 1841. бром. 1 vol. in 8-o (№ 885)

Kruse Fr. C. H., Archiv für alte Geographie, Geschichte und Alterthüme Heft I. Breslau, bey Grafs, Barth und Comp. 1821. 1 vol. in 8- (№ 1297)

Krusenstern A., Reise um die Welt in den Jahren 1803—1806. Th. I. S. P. 1 vol. in 4-o. (№ 136?)

Krzywicki Kasimir, Ueber die Besteuerung der Gastwirthschaft ... Dorpt 1846. 1 vol, in 8-o бром. (№ 74)

(**Krzyżanowski**), 1) O kalendarzu arabsko-tureckim. W Warszawie, 18? 1 vol. in 4-o. бром. (№ 157)

2) O kalendarzu żydowskim. W Warszawie, 1844. 1 vol. in 4 бром. экземпл. (№ 157)

Krzyżanowski A., De construendis camaris ellipsoidicis ope projectionis g phicae. Varsaviae, Latkiewicz, 1821. 1 vol. in 4-o. (бром) (№ 14?)

Kumelski N. A., Krótki wyklad Mineralogii. Częsc. II. W Wilnie, A. M cinowski, 1826. 1 vol in 8-o. (№ 12?)

Kunitsch M., Seiner Hochwohlgeborn Stephan von Udvardy, Präfecten Agramer Bisthums Güter. 1829. Warasdin, bey J. Sang (бром.) 1 vol in 4-o. (№ 12?)

Kunitsch Michael, Seiner Bischöflichen Hochwürden dem Hochwürdigst-Hoch-wohlgebornen Herrn Lucian v. Mussiczky beym Antritte des Bisthums ehrerbiethig-t geweiht von Kunitsch. Agram 1 vol. in 4-o. (№ 1199).

2-й экземпляръ. (—).

610 **Kunst-Magazin** der Mechanik und Technischen Chemie. Hrsg. von Chr. G. Eschenbach. Heft I. II. Leipzig, Hinrichs, 1802—1803. 2 vol. in 4-o. (№ 1739).

Kupffer, Voyage dans les environs du mont Elbrouz. S. P. B., Acad. des Sc., 1830. 1 vol. in 4-o. (№ 1687).

Kussevich, De municipalibus juribus et statutis Regnorum Dalmatiae, Croatiae et Slavoniae. Zagrabiae, 1830. 1 vol. in 8-o. бр. (№ 1314).

Κυριακοδρόμιον συντεθὲν ὑπὸ τοῦ Ἀρχιεπισκόπου Νικηφόρος. τομ. 1. 2. Εμ Μόσκα, 1808. (№ 1958).

Kyrlisch Sserskim Bratram Saxonskeho Wojska do Pola ssobudaty, 1806. W Budyschini. (бром.) 1 vol. in 8-o. (№ 1238).

Laboulaye Éduard, La Chaire d'Histoire du Droit et le concours. 1 vol. in 8-o. бро ш. (№ 1001).

Lacroix S. F., Complément des éléments d'Algèbre. 3-me édition, revue. S. P. B., Pluchart, 1814. 1 vol. in 8-o. (№ 220).

Lacroix S. F., Traité élémentaire d'Arithmétique. Paris, chez Pluchart, 1811. 1 vol. in 8-o. (№ 120).

Lacroix S F., Traité élémentaire de Trigonométrie rectiligne et sphérique, V-me édition. Paris, chez Pluchart, 1811. 1 vol. in 8-o. (№ 124).

Lado Horvatzki illiti Sibilla, Vu Zagrebu, 1820. (бром.) 1 vol. in 4-o. (№ 1209).

620 **Laferrière** F., Histoire du droit Français. T. I. II. Paris, Joubert, 1835. 2 vol. in 8-o. (№ 989).

2-й экземпляръ T. II. 1 vol. in 8-o (неполный) (№ 1341).

Lafitte Pierre, Le positivisme et l'économie politique, 2-me édit. Paris, Dunod, 1867. бром. in 8-o. (№ 1765).

Lafosse, Guide du maréchal, ouvrage contenant une connaissance exacte du cheval. Avignon, Chambeau, 1798. 1 vol. in 8-o. (№ 1796)

Lagrèze de, La Féodalité dans les Pyrénées. Paris, Durand, 1864. 1 vol. in 8-o. (№ 1461).

Lagus Wilh., Sveriges Rikes Landslag, Helsingfors, 1852. 1 vol. in 4-o. (№ 963).

—.—. Sveriges Rikes Stadslag, Helsingfors, 1852. 1 vol. in 4-o. (№ 963).

Laharpe J., Lycée, ou cours de littérature ancienne et moderne. T. I—XVI. Paris, chez Ledoux, 1820. 16 vol. in 18-o. (№ 1989).

Lamartine A. de, Histoire des Girondins, T. I—VIII. Paris, Furne, 1847. 8 vol. in 8-o. (№ 2,039).

Lamartine A. de, Souvenirs, impressions, pensées etc. pendant un voyage en Orient (1832—1833). T. I—IV, Paris, Gosselin, 1835. 4 vol. in 4-o. (№ 2040).

Land-Recht, Weinheim, durch Mayren, 1700. 1 vol. in 2-o. (№ 1069)

Landes-Ordnung (verneuerte) des Markhgravthumbs Mähren. 1628, 1 vol. in 4-o. (№ 1360).

630 **Lands Bräuche** (Die gemeine) des Herzogthums Lützenburg. Lützenburg, durch Ferry, 1709. 1 vol. in 12-o. (№ 715).

Landts-Ordnung (Chur-Fürstl.-Pfaltz). Heydelberg, durch Spies, 1582. 1 vol. in 2-o. (№ 1068)

Langsdorff G. de, Mémoire sur le Brésil, pour servir de guide à ceux qui désirent s'y établir, 1820. брош. 1 vol. in 4-o. (№ 99).

L'Ardèche Laurent de, Histoire de l'Empereur Napoléon. Paris, Dubochet, 1839. 1 vol. 8-o (№ 41).

Las Casas le C-te de, Mémorial de Sainte-Hélène. T. I. II. Paris, Boudrin, 1842. 2 vol. in 8-o. (№ 39).

Lauri, Maître italien ou nouvelle Grammaire française et italienne. 3-me édition. Lyon, chez Savy, 1823. 1 vol. in 8-o. (№ 1981)

Le Bas Ph., Precis d'histoire des temps modernes. T. II. Paris, Firmin Didot frères, 1842. 1 vol. in 8-o. (№ 1246)

Lechevalier J. B., Voyage de la Propontide et du Pont-Euxin. T. I. II Paris, Dentu, 1800. 2 vol. in 8-o. (№ 1768)

Le Clerc, Histoire physique, morale, civile et politique de la Russie moderne. T. I—III. Paris, chez Froullé, 1783. 3 vol. in 4 o. (№ 205)

Leçons de Géométrie analytique, Première partie. Trigonométrie. 1 vol. in 8-o. (№ 226)

640 **Lehnrecht** des Markgrafthums Oberlausitz. Bd. I. II, herausgegeben von Weinart, Dresden, 1785. 1 vol. in 8-o. (№ 748)

Leich J. F., Verzeichniss derjenigen Bücher aus allen Wissenschaften, welche vom Monat Juny bis zur Michaelis-Messe erschienen sind 1827, № II. Wien, C. Gräffer, 1827. 1 vol. in 8-o. (№ 1298

Leitfaden zur nordischen Alterthumskunde, hrsg. von der k. Gesellschaft für Nordische Alterthumskunde. Kopenhagen, 1837. 1 vol. in 8-o (№ 1671

Lelewel, Cześć Bałwochwalcza Sławian i Polski, Poznań, Żupanski, 185 1 vol. in 8 o. (№ 917

Lelewel Joach., Polska, dzieje i rzeczy iej. T. XX. Mowy i pisma politycz przez E. Rykaczewskiego. Poznań, 1864. 1 vol. in 8-o. (№ 63

Le Maistre de Sacy, Le nouveau Testament de notre Seigneur Jésus-Chri Paris, Firmin Didot, 1816. 1 vol. in 8-o. (№ 1401

Lemare, Cours de langue latine, ou 4,000 exemples. 3-me édit. Paris, ch Grand, 1819. 1 vol. in 8-o. (№ 192

Lenglet du Fresnoy abbé, Tablettes chronologiques de l'Histoire universell T. I. II. Paris, chez de Bure, 1778. 2 vol. in 12-o. (№ 14

2-го экземпляра T. II. Paris, 1763. 1 vol. in 12-o. (№ 179

Lenglet du Fresnoy abbé, Tablettes chronologiques de l'Histoire universel sacrée et profane, ecclésiastique et civile. Rédigé par Jean Pic T. II. III. Génève, chez Manget, 1808. 2 vol. in 8-o. (№ 1

Leo, Lehrbuch der Geschichte des Mittelalters. Th. I. II. Halle, Anton, 18 2 vol. in 8 o. (№ 77

650 **Léonard** et de Monglave, Histoire abrégée de Paris. T. I. II. Paris, 1824. 2 vol. in 16-o. (№ 2,041).

Lepideptera faunae rossicae, Москва, въ тип. Готье, 1849. бром. 2 т. въ 8-о. (№ 59).

Le Play, La réforme sociale en France. T. I. II. Paris, Plon, 1864. 2 vol. in 8-o. (№ 1835).

Le Play F., L'organisation du Travail. 2-me édition. Tour, Mame, 1870. 1 vol. in 12-o. (№ 703).

Lesur C. L., Annuaire historique universel, pour 1820—1824. Paris, chez Fantin et Thoisnier-Desplaces, 1821—1825. 5 vol. in 8-o. (№ 1245).

Leutbecher J., Dr. Johann Amos Comnenius Lehrkunst. Leipzig, Baensch, 1855. 1 vol. in 8-o. (№ 1370).

Levesque Pierre, Histoire de Russie. Nouvelle édition corrigée. T. V—VIII. Hambourg, chez Fauche, 1800. 4 vol. in 8-o. (№ 155).

Lévi D., Nouveau élémens d'Histoire générale. 1. 2. Paris, 1843. 1 vol. in 12-o. (№ 398).

2-й экземпляръ. T. I. II. Paris, chez l'auteur. 2 vol. in 12-o. (№ 2.042).

Leymarie A., Histoire des Paysans en France. T. I. II. Paris, 1849. 2 vol. in 8 o. (№ 1034).

Lhomond, Éléments de la grammaire française. Nouvelle édition. Paris, J. Moronval, 1830. 1 vol. in 8-o. (№ 1136)

660 **Lhomond**, Histoire abrégée de la réligion avant la venue de Jésus-Christ. Lyon, Cormon, 1809. 1 vol. in 12-o. (№ 2,035).

Libes Antoine, Traité complèt et élémentaire de Physique. T. I—III. Paris, Courcier, 1813. 3 vol. in 8-o. (№ 121).

Lied, gesungen bei der Jnstallation des Herrn Pastors Andreas Broske zu Malschwitz. (2 страницы) in 8-o. (№ 1239).

Linnaea, Ein Journal für die Botanik in ihrem ganzen Umfange. Herausgeg. von D. von Schlechtendal. Bd. X. XI. Jahrg. 1835—36—37. Halle, gedruckt auf Kosten des Herausgebers, 1836—37. 2 vol. in 8-o. (№ 1426).

Linnaeus Carolus, Fauna suecica. Editio altera, auctior. Stockholmiae, sumtu et literis Salvii, 1761. 1 vol. in 8-o. (№ 65).

Linné Carolus, Philosophia botanica. Editio tertia. Berolini, impensis Himbugri, 1790. 1 vol in 8-o. (№ 125).

Listi ino Evangelji na vse nedele, V' Radgoni v' Alojz Wajcinger'ovemi knigisi, 1826. 1 vol. in 8-o. (№ 1124).

Listi inu Evangelji v' nedele, inu prasnike zeliga Lejta. V' Lublani, Natisneni, jih ima na prodaj Maria Skarbina, 1825. 1 vol. in 8-o. (№ 1140).

Livre des Placcarts, édits, réglemens, tarifs, ordonnances et decrets, emanés depuis l'an 1670. Compilées par Joseph Michel Wouters. Bruxelles, chez Frick, 1737. 1 vol in 2 o. (№ 594).

Löwenhardt S. C., Die Identität der Moral- und Natur-Gesetze. Leipzig, Wigand, 1863. 1 vol. in 8-o. (№ 393)

670 **Löwenstein**, De menstruatione normali atque parca. Dorpati, Schuenmann, 1835. бром. 1 vol. in 8 o. (№ 1897)

Κιβωτος τῆς ἑλληνικῆς γλώσσης ἐπισκευασθεῖσα δὲ ἔπειτα καὶ προσεπαυθεῖσα ἴδ ᾳ ὑπὸ Νικολάου Λογάδου. τόμος Α. ἐν ἔτη ᾳπιθ, ἐν Κωνσταντινουπόλει. (№ 1150)

Longet F., Traité de Physiologie. 2-me édition. T. I. Partie II. fasc. 1. 2. Partie III. Paris, Masson, 1857. 59. 3 vol. in 8-o. (№ 1822)

Luna, Agramer Zeitschrift. Jahrgang III. № 3—95. bei Fr. Suppan, 1828 1 vol. in 4 o. (№ 1289)

Luther Martin, Der kleine Catechismus. Moskwa, Universitäts-Druckerey 1823. 1 vol. in 8-o. (№ 1309)

Macháčka S. K., Ženichowé, Půwodni rýmowaná weselohra we třech gedné njeh. W Praze, u Joseph Fetterlowe, 1826. 1 vol. in 8-o. бром (№ 1111

Macieiowski Venc., De vita et constitutionibus C. Q. Messii Traiani Deci Gottingae, Herbst, 1818. 1 vol. in 12 o. (№ 623

Macieiowski Wacław, Historya prawodawstw słowiańskich. T. I—IV, w Wa szawie, 1832. 3 vol. in 8 o. (№ 182

2-го экземпляра. T. I—III. Wydanie drugie w Warszawie, 1856—5 3 vol. in 8-o. (№ 182

3-го экземпляра T. I. 1856. 1 vol. in 8-o. (№ 745

Maciejowski W., Polska. T. I—IV, Petersburg, 1842. 4 vol. in 12 (№ 641

Maiewski W., O Slawianach i Jch Pobratymcach. Część. I. Rozprawy o j zyku sanskrytskim. Warszawa, Dąbrowski, 1816. 1 vol. in 8- 2 экземп. (№ 155

680 **Malblank J.**, Geschichte der peinlichen Gerichts-Ordnung Kaiser Karls Nürnberg, bey Grattenauer, 1782. 1 vol. in 8-o. (№ 105

Maloszowski S. J., Nova et methodica Institutio in lingua Polonica. Riga, b G. Mattias, 1696. 1 vol. in 8-o. (№ 128

Manava-Dharma-Sastra, Lois de Manou, traduites du sanscrit par A. Loi leur Deslongchamps. Paris, Chapelet, 1833. 1 vol. in 8 (№ 68

Mandelstamm L. J., Vorrede. enthaltend die deutsche Einleitung zu den I klärungen der Bibel unter der Benennung Aezmoth-Jose von J. L. Mandelstamm. S. P. B., Buchdruckerei der Kais Akad. der Wissenschaften, 1850. 1 vol. in 8-o. (№ 142

Manecke Urban, Kur- und fürstlich Braunschweig-Lüneburgsches Sta recht. Celle, 1859. 1 vol. in 8-o. (№ 48

Mannert Konr., Geographie der Griechen und Römer. 2-te Auflage. IV-ter, Leipzig, Hahn, 1820. 1 vol. in 8 o. (№ 175

Manuel du voyageur en Suisse. Zurich, chez Orell, 1819. 1 vol. in (№ 2.06

Marcinkiewicz W., Ciekawy'ś? Przeczytaj! Trzy powiastki i wierszyk ulot Mińsk, Dworżec, 1856. 1 vol. in 8-o. (№ 14

Marcinkiewicz W., Dudarz Bialoruski, czyli wszystkiego potrosze. Mińsk, Dworc, 1857. 1 vol. in 8 o. (№ 1500).

Marich J, Plach kraishnika po smerti Pavla Barona od Radivojevich. Vu Zagrebu, Fr. Suppan, 1829. (бpom.) 1 vol. in 4-o. (№ 1216).

690 **Markovics** Joannis Nep., Adumbratio historiæ juris Hungarici privati. Budæ, typis Reg. Universitatis Hungaricæ, 1826. 1 vol. in 8-o. (№ 1253).

Martens Charles Baron de, Manuel diplomatique ou précis des droits et des fonctions des agens diplomatiques. Paris, chez Treutell, 1822. 1 vol. in 8-o. (№ 276).

Martin Alexandre, La Suisse pittoresque et ces environs. Paris, Souverain, 1835. 1 vol. in 4-o. (№ 2,053).

Marx Adolph Bernhard, Die Lehre von der musikalischen Komposition, 4-te vermehrte Ausgabe, II. III. Leipzig, Breitkopf, 1856, 1848. 2 vol. in 8-o. (№ 239).

Marx Karl, Zur Kritik der politischen Oekonomie. Berlin, Duncker, 1859. 1 vol. in 8-o. (№ 498)

Masson J. R., Encyclopédie des enfans. Paris, chez Masson, 1821. 1 vol. in 8-o. (№ 70).

Masson J., Petit dictionnaire de L'Académie françoise. T. II. Paris, chez Masson et Fils, 1821. 1 vol. in 12-o. (№ 1451).

Matheos Ant., Clave de ferias ó prontuario manual para la inteligencia de las Fechas. Madrid, Soto, 1760. бpom. въ 12-o. (№ 1603).

Matthäi Friedrich, Die deutschen Ansiedelungen in Russland. Leipzig, Fries, 1866. 1 vol. in 8-o. (№ 411).

Matuszewski A., Wyklad praktyczni języka Francuzkiego. Cześć I. III. Warszewa, w druk. J. Jaworskiego, 1849. 2 vol. in 8-o. (№ 1158).

700 **Maurer** Georg, Einleitung zur Geschichte der Mark-, Hof-, Dorf- und Stadt-Verfassung. München, Kaiser, 1854. 1 vol. in 8 o. (№ 988).

Mauritius Anton, Der Panslawismus. Leipzig, 1843. 1 vol in 8-o. бpom. (№ 1052).

Méditations religieuses en forme de Discours traduites par Monnard et Gence. T. I. 2. II. 1. 2. Paris, Treuttel 1830. 3 vol. in 8-o. (№ 71).

Meier Moritz und Georg Schoemann, Der Attische Process. Halle, 1824. 1 vol. in 8-o. (№ 545).

Mejer Otto, Einleitung in das deutsche Staatsrecht. Rostock, 1861. 1 vol. in 8o (№ 429)

Meierus M, Historiæ Juris Attici de bonis damnatorum et fiscalium debitorum, libri duo. Berolini, Maurer, 1819. 1 vol. in 8-o. (№ 1333).

Mémoires de la Société royale des Antiquaires du Nord 1836—1849. 4 vol. in 8 o. Copenhague. (№ 631).

2 го экземпляра. 1844. 1845—1847. 2 vol. in 8-o. (№ 631).

Memoires de Louis XVIII, recueillis et mis en ordre par M. le Duc de D**** T. I II. IV. Bruxelles, Leipzig, Allgemeine Niederländische Buchhandlung, 1832. 3 vol. in 12-o. (№ 1089).

Mémoires de Louis XVIII. T. I—VIII. Bruxelles, Melino, 1832—33. 8 vol. in 16-o. (№ 2,044).

Mémoires inedits de l'Amiral Tchitchagoff. Campagnes de la Russie en 1812 contre la Turquie, l'Autriche et la France. Berlin, Schneider, 1855. 1 vol. in 8 o. бром. (№ 472).

710 **Mémoires** pour servir à l'Histoire de France, sous Napoléon. T. 1—III. Paris, Firmin Didot, 1823. 3 vol. in 8-o. (№ 38).

Mémoires presentés à l'Académie Impériale des sciences de S. Pb. T. III. 1. 2. IV. 1. 2. S. Pb. 1836. 37. 2 vol. in 4-o. (№ 50).

Mémoires tirés des papiers d'un Homme d'État. T. II—VI. Paris, chez Michaud, 1831. 1832. 5 vol. in 8-o. (№ 153).

Memorie per la storia della Dalmazia. vol. I. II. Zara, per Battara, 1809. 2 vol. in 8-o. (№ 361).

Ménétries E., Catalogue raisonné des objet de Zoologie. S. Pb., de l'imprimérie de l'Académie Im. des sciences, 1832. 1 vol. in 4-o. (№ 68).

Merrem Blasius, Versuch eines Systems der Amphibien. Marburg, bei Krieger, 1820. 1 vol. in 8-o. (№ 66).

Metastasio Pietro Abate, Opere. T. I—XIV. Prato, Presso Vannini, 1820—1823. 14 vol. in 16-o. (№ 1987).

Metzburg Georg de, Institutiones Mathematicæ. T. 1. 2. Viennæ, Typis Tomæ, 1793. 1 vol. in 8-o. (№ 224).

Michaud et **Poujoulat**, Correspondance d'Orient 1830—1831. T. I—IV. Paris, Ducollet, 1833—35. 7 vol. in 8-o. (№ 1951)

Michaelis A., Commentatio exhibens observationes de ordine succedendi Juris Feudalis Longobardici. Stuttgardiæ, J G. Cotta, 1818. 1 vol. in 4 o. бром. (№ 1321)

720 **Mielcke**, Littauisch-deutsches und Deutsch-littauisches Wörter-Buch. Königsberg, Hartung, 1800. 1 vol. in 8-o. (№ 1944)

Mihanovich A., Zusammenstellung von 200 laut- und sinnverwandten Wörtern des Sanskrites und Slawischen. 1 vol. in 4-o. (бром. (№ 1468)

Mikszewicz, Der Thee hauptsächlich als Handels- und Consumtions-Artikel Dorpat, Laakmann, 1852. бром. 1 vol. in 8-o. (№ 1955)
2-й экземпляръ (№ 1413)

Mikszewicz J., Ueber das Verhältniss der Consumtion zur Production. Dorpat, Schünmann, 1856. 1 vol. in 8-o. (бром.) (№ 1412

Mikszewicz J., Ueber das leitende Princip der Wirthschaftslehre, insbesondere der Nationalökonomie, in Bezug auf Moral und Recht. Dorpat, Laakmann, 1852. 1 vol. in 8-o. бром. (№ 1414

(**Milde Augustin**), Srdečné prosebné pozwánj... Katolického kostela w Lipsku. W Praze, J. Pospissila, 1843. (бром.) 1 vol. in 12-o. (№ 1237

Mindingius, De formæ, in quam geometria britannicus Hamilton integral mechanices analyticæ redegit, origine genuina. Dorpati, typ Mattiesenii, 1864, бром. 1 vol. in 4-o. (№ 1905

Mistriotes Georg, Κρίσις τοῦ Βουτσιναίου ποιητικοῦ ἀγῶνος. Ἀθήνησ 1871. 1 vol. in 8-o. (№ 1014

Mittheilungen aus Justus Perthe's geographischer Anstalt über wichti

neue Erforschungen auf dem Gesammt-Gebiete der Geographie von A. Petermann 1857. 1858. 1859 1—12. 1860 1—12; 1861 1—11. Ergänzungsheft 1—6. Gotha, 1857—1861 in 4-o. (№ 960).
Mittheilungen der königlichen landwirthschaftlichen Akademie Poppelsdorf. I, Bonn, 1868. 1 vol. in 4-o. (№ 1084).
730 **Mittermaier** Joseph, Theorie des Beweises im peinlichen Prozesse. Th. I. Darmstadt, bei Heyer, 1821. 1 vol. in 8-o. (№ 534).
Mittermaier K., Erfahrungen über die Wirksamkeit der Schwurgerichte in Europa und Amerika. Erlangen, bei Enke, 1865. 1 vol. in 8-o. (№ 539).
Mluvoveda (Slovanská) Vyňato z časopisu českého museum XXVI. Svazek. I str. 169. V Praze, Jerábkov, 1852. 1 vol. in 8-o. (бром.) (1479).
Modlitbi a Nábozné Cwičeni, Srdca Gězisa. W Ostrihome, 1828. бром. 1 vol. in 8-o. (№ 1112).
Möhn Juri, Sserskeje Recźje Samozenje a Kwalbu we reczerskim Kyrlischu. W Budyschini, 1806. (бром.) 1 vol. in 8-o. (№ 1123).
Mohl Robert, Staatsrecht, Völkerrecht und Politik. III-er Bd. Politik, zweiter Band. Tübingen. 1869. 1 vol. in 8-o. (№ 513).
Molinier V., Du duel. Toulouse, Bonnal, 1861. 1 vol. in 8-o. (№ 1552).
Molitne Bukvize sa gmejn Volk Slavenskiga Jesika. V' Zelli, Joseph od Bacho, 1819. 1 vol. in 24-o. (№ 1188).
2-й экзем. —
Mollet Joseph, Hydraulique physique. A Lyon, Bolonche, 1810. 1 vol. in 8-o. (№ 1806).
Monet Johann, Enchiridion polonicum oder Polnisches Handbuch (нем. и польск.) 1 vol. in 8-o. (№ 1168).
740 **Montandon** C., Guide du voyageur en Crimée. Odessa, Impr. de la ville, 1834. 1 vol. in 8-o. (№ 1982).
Montesquieu, De l'Esprit des loix. Nouvelle édition. T. II—IV. Paris, chez Billois, 1805. 3 vol. in 12-o. (№ 407).
Monumenta Germaniæ historica. Edidit Georgius Pertz. Tomus XVII. (стр. I—800); XVIII. Hannoveræ, 1861. 63. 2 vol. in 2-o. (№ 2,147).
Monumenta historiae bohemica edita ab. Ant. Gindely (Staré paměti dějin českych) Sešit 1—56. V Prahe, Kober, 1864—69. 5 vol. in 8-o. (№ 1741).
Monumenta spectantia historiam Slavorum meridionalium, edidit Acad. Sc. et Art. Slav. Merid. Vol. III. Zagrabiae, Fr. Župan, 1872. 1 vol. in 8-o. (№ 1821).
Moraczewski, Dzieje rzeczypospolitej Polskiej. T. I—IV. Poznań, 1846. 2 vol. in 8 o. (№ 643).
Moreau de Jonnès, La France avant ses premiers habitants et origines nationales de ses populations. Paris, Guillaumin et Cie, 1856. 1 vol. in 8-o. (№ 891).
Moreri Louis, Le grand Dictionaire historique, ou le mélange curieux de l'Histoire sacrée et profane. T I—VIII. Amsterdam, chez Brunel, 1740. 8 vol. in fol. (№ 178).

Morgan, L'Italie. T. I—IV. Paris, chez Dufart, 1821. 4 vol. in 8-o. (неполное соч.) (№ 72)
Moser Johann, Von der Reichs-Städtischen Regiments-Verfassung. Frankfurt, 1772. 1 vol. in 4-o. (№ 1060).
750 **Moto-proprio** della santitá di nostro signore Papa Pio IX. 15 Ottobre 1847. бром. 1 vol. in 8-o. (№ 811).
Mots (encore quelques) sur la Question d'Orient, Bruxelles, Hayez, 1854. 1 vol. in 8-o. бром. (№ 2,017).
Mowed, The Land Measurer's Assistant. Bampton Oxon, 1816. 1 vol. in 8 o. бром. (№ 629).
Mrówka poznańska pismo ku użyteczněy Zabawie rozumu i serca. Redaktor J. F. Krolikowski № VII. Rok 1821. Miesiąc Lipiec. 1 vol. in 8-o. (№ 1258)
Mücke J., Rede über die Entstehung und den Fortgang des allgem. böhm Wittwen-und Waisen-Instituts. Prag, bei Fr. Geržabek, 1825 (бром.) 1 vol. in 4-o. (№ 1215)
Mülverstedt G., Die ältere Verfassung der Landstände in der Mark Brandenburg. Berlin, 1858. 1 vol. in 8-o. (№ 1018)
Münzkunde (zur) Russlands. S. Pb., 1805. 1 vol. in 8 o. (№ 112)
Mulih J., Skola Kristusseva Kerschanszkoga Navuka obilno puna. Zagreb Weitz, 1744. 1 vol. in 12-o. (№ 1183
Muretus Marc. Ant., Orationes, epistolæ et poemata. Lipsiae, in officin Grossiana, 1750. 1 vol. in 8-o. (№ 1764
Murphy, Elementary principles of the theories of electricity, heat, and molecular actions. Part. I. Cambridge, Deighton, 1833. 1 vol. in 8-o. (№ 1862
760 **Muséum** — Demidoff, T. I. contenant le catalogue de la bibliothèque. Moscou, Schildbach, 1806. 1 vol. in 4-o. (№ 1802
Muther Theod., De origine processus provocatorii ex. l. diffamari quae vocant commentatio. Erlangae, A. Deichert, 1853. бром. in 8- (№ 162

Nachricht über die Einrichtung, den Vermögensstand, die jährlichen Einnahmen und Ausgaben des Privatinstitutes für Taubstumm Prag, bei Fr. Geržabek, 1825. 1 vol. in 4-o. (№ 121
Nachricht von den Kirchen und ihren Lehrern zu Cottbus. Guben, gedru mit Brükners Schriften, 1799. 1 vol. in 4-o. бром. (№ 121
Nachrichten über die Missions-Wirksamkeit unter dem Volk Israel. W schau, 1817. (бром.) 2 vol. in 8-o. (№ 12
Nachtrag zu der dritten Sammlung verschiedener von Zeit der publici Landes-Ordnung des Herzogthums Altenburg Gesätze, Rescri etc. Altenburg, 1823. 1 vol. in 4-o. (№ 6
Nägeli Carl, Beiträge zur Wissenschaftlichen Botanik. 4-tes Heft, Leip Verlag von Engelmann, 1868. 1 vol. in 8-o. (№ 4
Namenbüchlein zum Gebrauche der Landschulen. Laibach, im Verlage de k. Volksschulbücher, 1826. 1 vol. in 12-o. (№ 11

Namenbüchlein zum Gebrauche der Landschulen in den kaiserl. königl. Staaten. Fiume, 1819. 1 vol in 16-o. (№ 173).

Namenbüchlein zum Gebrauche der Landschulen in dem Königreiche Kroatzien. Ofen, 1822. 1 vol. in 16-o. бром. (№ 174).

770 **Namensfeyer** (der hocherfreulichen) Seiner Hochwohlgeboren des Freyherrn Carl Veyder **von Malberg** gewidmet. Karlstadt, bey Prettner, 1827. (бром.) 1 vol. in 4-o. (№ 1205).

Naredba Obchinzka, Za ravnanye, y obdersavanye tak Drusine, kak Gosspodarov prepissana. бром. 1 vol. in 4-o. (№ 1211).

Naujas Jstatimas Jezaus Christaus wieszpaties musu. Wilniuje, 1816. 1 vol. in 4-o. (№ 1616).

Neander A., Allgemeine Geschichte der christlichen Religion und Kirche. Bd. II. Hamburg, bei Perthes, 1828. 1 vol. in 8-o. (№ 1405).

Negedly, Beleuchtung der Streitfrage über die böhmische Orthographie. Herausgb. von Jungmann. Prag, in der Fürsterzbischöflichen Buchdruckerei, 1829. бром. 1 vol. in 8-o. (№ 824).

Nicht Pabst! nicht Luther! nicht Calvin! Einer ist unser Meister: Christus!!! Mahnungen und Rügen der Zeit an die Zeit von R. . . . Dessau, H. Neubürger, 1845. бром. in 8-o. (№ 1719).

Niemcewicz Julyan, Podróze historyczne po ziemiach polskich. Wydanie drugie, Petersburg. Nakładem Wolffa, 1859. 1 vol. in 4-o. (№ 349).

Nietzsche, Programma de juris Livonici fontibus. Lipsiæ, 1831. 1 vol. in 8-o. бром. (№ 1048).

Νικήφορος, ἀρχιεπισκόπου πρώην 'Αστραχανίου. Στοιχέιον μαθηματικῶν Τόμος II. τὰ Αρχιμήδια θεωρήματα, τῆς Τριγωνομετρίας καί τὰς τοῦ κῶνου τόριας; III. Ἄλγεβρα. 2. 'Εν Μόσχα. 1799. (№ 243).

Neukirch, In Platonis politiam quaestionum philologicarum particula II-da. Dorpati, Schünmann, 1835. бром. 1 vol. in 8-o. (№ 1990).

780 **Neumann** A. S., Sätze aus allen Theilen der Rechtsgelehrtheit und der Politik. Prag, 1826. In der Sommerschen Buchdruckerei, бром. 1 vol. in 4-o. (№ 1202).

Noel Fr., Nouveau dictionnaire Français—latin. 8-me tirage. Paris, Le Normant, 1813. 1 vol. in 8-o. (№ 355).

Norvins de, Histoire de Napoléon. T. I—IV. 3-me édit., Paris, chez Thoisnier, 1829. 1 vol. in 8-o. (№ 2,052).

Notiser ur sällskapets pro fauna et flora fennica förhandlingar. Häftet. 1. 2. Helsingfors, Gröndahl, 1848. 1852. 2 vol. in 4-o. (№ 42).

Notitia Editionis codicis bibliorum sinaitici auspiciis Imperatoris Alexandri II. susceptae. Edidit A. F. C. Tischendorf, Lipsiae, Brockhaus, 1860. 1 vol. in 4-o. № 1403).

Nowiny (Prazské) 1826. (неполное) 1 vol. in 8-o. (№ 865).

Ockel F., Die eheliche Gütergemeinschaft nach der Pommerschen Bauer-Ordnung in Neuvorpommern und Rügen. Berlin, Geymann, 1854. (№ 1503).

Oda z powodu slubu zawartego w Warszawskim kościele ewanielickim. Dnia 20 Czerwca 1833 i dnia 6 Kwietnia 1834. 2 vol. 6p. (№ 1471)
Ohlásseni Milostiwého Leta aneb wsseobecného Jubilaeum které geho Swatost Papežska Lew XII w Ržjme roku 1825. slawiw rokem 182(na wesskeré katolické křeštanstwo rorssjřiti ráčil. W Praze (6pom.) 1 vol. in fol. (№ 119ŏ)
Olivieri Agostino, Carte e cronache manoscritte per la Stor:a genovese. Genova, 1855. 1 vol. in 8-o. (№ 970
7J0 **Ordnung** (Begräbniss) für die Stadt Schmölln, 6pom. 1 vol. in 8-o. (№ 801]
Ordnung der öffentlichen Vorlesungen am k. k. Lyceum zu Laibach in Schuljahre 1829. Laibach, bey L. Eger. (6pom.) 1 vol. in 4-o (№ 120
Orfila, Allgemeine Toxicologie oder Giftkunde. Th. I. II. Berlin, Amelang 1818. 2 vol. in 8-o. (№ 183
Organisation sociale de la Russie. Paris, Dentu, 1864. 1 vol. in 8-((№ 2.054
Ornamente (Slavische), gesammelt und herausgegeben von F. Lay. Essej F Lay, 1871. 6pom. 1 vol. in 4-o. (Text.) (№ 1932
Ortis Jacopo, Ultime lettere. Italia, 1802. 1 vol. in 12-o. (№ 96
Idem. Terza edizione, Italia, 1802. 1 vol. in 12-o. (№ 96
Idem. Settimo edizione, Londra, 1830. 1 vol. in 12-o. (№ 9
Ortolan, Éléments de droit pénal. 3-me édition, revue. T. I. II. Paris, Plo 1863. 2 vol. in 8-o. (№ 1977
Ossolinski J., Mowy. Przekladanie Josefa Maximiliana. W Warszawie, J. I Mei, 1784. 1 vol. in 12 o. 6pom. (№ 128C
Ouvaroff, Études de Philologie et de critique, Saint-Pétersbourg, 1843. 1 v in 8-o. (№ 13(
2-й экземпляръ. S. P. B. 1845. 1 vol. in 8-o. (№ 166
Owsjannikow, Disquisitiones microscopicae de medullae spinalis textura. i primis in piscibus factitatae. Dorpati, Laakmann, 1854. 6po 1 vol. in 8-o. (№ 189

800 **Palacky** František, Déjiny Národu Českého w Čechách a w Morawé. Dil. 1. III. 1. 2. w Praze. 1848—51. 8 vol. in 8-o. (№ 9
Palacky, Geschichte von Böhmen. Grösstentheils nach Urkunden und Ha schriften. Bd. I. III. 1. Prag, Kronberger und Weber, 1836— (№ 8
Palacky Franz, Ueber Formelbücher zunächst in Bezug auf böhmische schichte. 1-te Lief., Prag, bei Kronberger, 1842. 1 vol. in (№ 9
Památka Slawného Dne Narozenj Geho Oswjcenosti Alexandra Rudnayi Rudna a Diwácké Nowé-wsi, Dne 4 Rigna Roku 1824. W djně, 6pom. 1 vol. in fol. (№ 11
Pamiętnik Domowy, Kalendarz i Rachmistrz dla wszystkich stanów. Rol Warszawa, w Księgarni Szkól Publicznych, 1846. 1 vol. in (№ 15

Panckoucke C., Description de l'Égypte T. I—IV. VI—VIII. XI—XIII. XVII. XX. Paris, 1821. 13 vol. in 8-o. (№ 2,055).

Parent-Duchatelet A., De la Prostitution dans la ville de Paris. T. I. II. Paris, chez Baillière, 1836. 2 vol. in 8-o. (№ 2,0?0).

Pasion tu je popisuanie od terploinia Jesusa Kristusa inu Niegove Shalostne Matare Marie deviza. 1811, 1 vol. in 8-o. (№ 1200).

Pastoret, Histoire de la Législation. T. I—XI. Paris, chez Didot, 1817—837. 11 vol. in 8-o. (№ 732).

Pauthier G., Le Livre de Marco Polo, citoyen de Venise. Introduction. Paris, 1865. 1 vol. in 8-o. (№ 1046).

810 **Payen** A., Précis de Chimie industrielle. Texte. Paris, Hachette, 1851. 1 vol. in 8-o. (№ 1975).

Pennequino P., Primum Societatis Jesu saeculum Deiparae Virgini Mariae Sacrum. 1640, 1 vol. in 12-o. (№ 1285).

Περί τῆς ἀρχῆς, τοῦ σκοποῦ καὶ τῆς προόδου τῆς περὶ τῆς ἁγίας γραφῆς ἑταιρίας. Κορπου. σ. α. 2 экз. (№ 1431).

Pesmi (posuetne) med Slovenskim Narodom na Outajarskem. V' Radgoni Wajcinger., 1827. 1 vol. in 8-o. (№ 1251).

Petkov (Pet sveteh) Mesza Sushza. V Lublani, 1768. 1 vol. in 18-o. (№ 1185).

Petrowsky, Ueber die bestimmten Integrale. Dorpat, Schünmann, 1839. (3 экземпл.) брош. 3 vol. in 4-o. (№ 1911).

Peysconel de Traité sur le Commerce de la Mer Noire. T. I. II. Paris, chez Cachet, 1787. 2 vol. in 8-o. (№ 473).

Pfeiffer B., Geschichte der landständischen Verfassung in Kurhessen. Cassel, 1834. 1 vol. in 8-o. (№ 1019).

Phaedrus, Phaedri Augusti liberti Fabula Aesopia versibus illyricis a Georgio Ferrich Ragusino redditae. Ragusii, 1813. 1 vol. in 18-o. (№ 228).

Philipps G., Englische Reichs- und Rechtsgeschichte seit der Ankunft der Normannen im Jahre 1066 nach Christi Geburt. Bd. I. II. Berlin, Dummler, 1827—28. 1 vol. in 8-o. (№ 1339).

820 **Phillips** Georg, Ueber das Studium der Geschichte. München, 1846. брош. in 4-o. (№ 1625).

Pielgrzym Lwowski. 1822, Lwow, Piller. 1 vol. in 4-o. (№ 1588).

Pielgrzym, pismo poświęcone filozofii, historyi i literaturze, 1842 № 3—9. 11. 12. 1843 № 1. 2. 11 vol. in 8-o. (№ 1292).

Pięknościach (O) ięzyka Polskiego pod względem dramatycznym. Na Popis publiczny uczniów Królewskiego Gimnazyum Poznańskiego. Poznań, Drukiem Dekera i Komp, 1820. (брош.) 1 vol. in 4-o. (№ 1379).

Piller A., Méthode courte, facile et pratique de langue italienne. Moscou, Semen, 1826. 1 vol. in 8-o. (№ 1971).

Pisctole i Evanglrielya priko svego godiscta novo istomacena po roslogu Missala Dvoru Rimskoga. V Bnezih, 1739. 1 vol. in 4-o. (№ 1827).

Pisma (suetega) Zgodbe iz starega ino novega Zakona. Drygokrat na suetlo dal Peter Dainko. V' Radgoni v' Alojz Wajcinger'ovemi knigisi, 1826. 1 vol. in 8-o. (№ 1131).

Pjsnè nabózné, které pod Mfsu Swatu spivané biwagu ku Ski, a chwàle Bohs Wssemohuciho. W Kossjcach, 1794. 1 vol. in 8 o. (№ 1159).
Pissmo (to Boże) starego Testamenta, 1796. 1 vol. in 4-o. (№ 179).
Pissmo (to Boże) starego Testamenta sa Lutheruszom. Barline, 1824. 1 vol. in 8-o. (№ 183).
830 **Pitsipios—Bey** J. G., L'Orient. Les Réformes de l'empire Byzantin. Paris Dentu. 1858. 1 vol. in 8-o. (№ 2,056).
Platen August, Gesammelte Werke. Stuttgart und Tübingen, Cotta, 1839. 1 vol. in 8-o. (№ 1649).
2-го экземпляра. 2-te Lief. Stutt., 1839. 1 vol in 8-o. (№ 87).
Plenk, Doctrina de morbis venereis. Editio 2-do, Viennae, apud Graeffer, 1787. 1 vol. in 8-o. (№ 1856).
Pliszka Kaz., Rzech o sukcessyi. W Warszawie, 1827. 1 vol. in 4-o. (№ 1742).
Poetry (Readings in), a selection from the Best English Poets. London, Parker, 1850. 1 vol. in 8-o. (№ 1561).
Pokladnice (Česko-Moravska), Kalendář na obyčejný rok 1857. V Praze, Bellmann. 1 vol. in 4-o. (№ 1587).
Policey- Ordnung (Schauenburgische) der Ernsten Graffen zu Holstein. Herausgegeben von Fried. Rottmann, bey Cnax, 1717. 1 vol. in 4-o. (№ 680)
Polignac le Prince de, Études historiques, politiques et morales. T. I—III Bruxelles, 1845. 3 vol. in 24-o. (№ 1988)
Poliński Michał, Paczątki Trygonometryi ploskiej. Wilno, 1821. 1 vol. in 8-o. (№ 244)
Politique (de la) Anglo-Française dans la Question d'Orient. Bruxelles Hayez, 1854. 1 vol. in 8-o. (№ 2,033
840 **Pomay**, Le grand Dictionnaire Royal en trois langues: la françois, la latin et l'allemand. Partie I. Lpz., chez Rieger et fils, 1767. 1 vol in 4-o. (№ 817
Pope Alexander, The poetical Works. Edinburg, 1780. 1 vol. in 8-o. (№ 2,03
Popis (Na) publiczny uczniów Warszawskiego Liceum. Warszawa, 181 1822. 2 vol. in 4-o. (№ 137
Popis publiczny uczniów szkól Departamentowych Warszawskich. Warsz wa, 1816. 1 vol. in 8-o. бром. (№ 137
(Два экземпляра).
Popis publiczny uczniów Szkoly Woiewódzkiej Kieleckiey. W Kielca Wodziczki, 1823. 1 vol. in 4-o. бром. (№ 137
(Два экземпляра).
Popow, O starobylé České Malbě. W Praze, Haze, 1846. бром. 1 vol. in (№ 8
Porucenstwi (Posledni) Zbugnika Ondrásska které sonu swému zanec 1 vol. in 16-o. (№ 11
Posiedzenie Publiczne Krolewsko-Warszawskiego Uniwersitetu. Dnia 31 Li 1822 roku, Warszawa, 1 vol. in 4-o. (№ 14

Pospyšil J. H., Glndy a Nynj. Národnj Zábawnjk pro Čechy, Morawany a Slowáky w Uhřjch. Cjslo 1—25, W Praze, 1833. 4 vol. in 4-o. (№ 1290).
Pospjšil J. H., Kwěty České. Cjslo 1—6. W Praze, 1834. 1 vol. in 4-o. (№ 1291).
850 **Pospjšil** J. H., Poznamenánj wesskerých knĕh českých i ginogazyčných. 1835. (бром.) 1 vol. in 8-o. (№ 1236)
Potthast, Bibliotheca historica medii aevi. Wegweiser durch die Geschichtswerke des Europäischen Mittelalters von 375—1500. Berlin, Kastner et Cie, 1862. 1 vol. in 8-o. (№ 772).
Pouillet M., Éléments de physique expérimentale et de Météorologie. 3-me édit. T. II. Paris, Bechet. 1 vol. in 8-o. (№ 1816).
Pradt de, Question de l'Orient. Paris, Roret, 1836. 1 vol. in 8-o. (№ 2,058).
Pratika (Nova) sa navadno léto 1827. V' Lublani od Kleinmayer. 1 vol. in 24-o. бром. (№ 1187).
Prawa městská Kralowstwj Czeskeho a Margkrabstwj Morawskeho. W Bonš, 1701. (неполное) 1 vol. in 2-o. (№ 764).
Précis des droits des Moldaves et des Valaques, fondé sur le droit des gens et sur les traités. Paris, A. Pougin, 1839. (2 экз.) 2 бром. in 8-o. (№ 1659).
Předneseni jednatele ve valném shromážděni společnosti Musea království Českého. V Prazé, Renn, 1866. 1 vol. in 8-o. бром. (№ 1842).
Prednessenj Geho Excelency neywyšsjho Purkrabjho Frantisska Antonjna hraběte z Kolowrat-Libsteinského. Prag, Häz, 1826. 1 vol. in 4-o. бром. (№ 1456).
Prevost-Parodal M., Deux lettres sur la Reforme du Code pénal, adressées au Journal des Débats. Paris, Lévy Frères, 1862. 1 vol. in 8-o. (бром.) (№ 1512).
860 **Preyer** J. N, Des ungrischen Bauer's früherer und gegenwärtiger Zustand. Pesth, 1838. 1 vol. in 12-o. (№ 440).
Primitz J. N., Deutsch-Slovenisches Lesebuch. Némshko-Slovénske Branja. Grätz, J. Miller, 1813. 1 vol. in 8-o. (№ 1156).
Privat-Mittheilungen in Betreff der zu Tomaszow Mazowiecki im Königreich Polen begonnenen grossen Ansiedlungen. Mit einer Reise-Karte, 1830. 1 vol. in 8-o. бром. (№ 1224).
Probatione (de) causarum judiciali in genere nec non de probatione causarum indirecta. Upsaliae, 1842. 1 vol. in 8-o. (№ 553).
Process- und Gerichts-Ordnung des... Friedrich Augusti, Königs in Pohlen. Dresden, 1724. 1 vol. in 4-o. (№ 677).
Promptuarium, d. i. Ein Leichter Einfund in die Königl. vern. Böhmische und Mährische Lands-Ordnung. Durch Fr. de Serponte et Bregaziis. Stadt Prag, Swoboda, 1678. 1 vol. in fol. (№ 1352).
Prospekt działan towarżystwa naukowego przy Szkole Wojewódzkiey Plockiey. 1 vol. in 4-o. (бром.) (№ 1477).
Przybylski Jacek, Początki ięzyka greckiego. Kraków, 1792. 1 vol. in 12-o. (№ 405).

Ψαλτήριον. Νέα ἔκδοσις· ἐν Βενετία. 1853., (№ 1429).

Psellus Mich., Synopsis legum versibus iambis et politicis. Lipsiae, Sommeri, 1796. 1 vol. in 8-o. (№ 403).

870 **Publications** (Principales) de Firmin Didot Frères. Paris, Didot, 1844. 1 vol. in 8-o. бром. (№ 1573).

Puchmir, Pravopis rusko-česky. V Praze, 1851. 1 vol. in 12-o; бром. (№ 295).

Puchta Georg, Gewohnheitsrecht. Th. I. Erlangen, 1828. 1 vol. in 8-o. (№ 584).

Puchta Georg, Vorlesungen über das heutige römische Recht. I. II. Leipzig. Tauchnitz, 1862. 2 vol. in 8-o. (№ 607).

Pycke M., Memoire couronné en réponse proposée par l'Academie Royale de Bruxelles. Bruxelles, P. J. de Mat, 1823. 1 vol. in 4-o. (№ 1320).

Quadri Antoine, Huit Jours à Venise. Venise, chez Andreola, 1828. 1 vol. in 12-o. (№ 404).

Quatternik, Jeune berger rempli d'Allegresse, dedié à Jean de Jesich. . . . Agram., chez Suppan. 1 листокъ in 5-o. (№ 916).

Quellen (die) des Revaler Stadtrechts. Herausgegeben von F. Bunge. Bd. I. II. Dorpat, Kluge, 1844. 2 vol. in 8-o. (№ 724)

Quitzmann Anton, Die älteste Rechtsverfassung der Baiwaren. Nürnberg, Stein, 1866. 1 vol. in 8-o. (№ 1020).

Rads (Dobra) sa Kuždejo kak mozō spokojni a gluzni buseh. (бром.) 1 vol. in 8-o. (№ 1235).

880 **Radau** M., Orator extemporaneus, seu artis oratoriae breviarium bipartitum. Calissii, 1739. 1 vol. in 16-o. (№ 1270).

Räteln zu Sagan Heinrich, Wunderbare (Erschreckliche) Onerhörte Geschichte und warhaffte Historien: Nemlich (des nechst gewesenen Grossfürsten in der Moschkaw) Joan Basilidis (auff ire Sprach Iwan Basilowitz genant) Leben. Gedruckt zu Görlitz bey Johan Rhambaw, 1596. 1 vol. in 4-o. (№ 234)

Raison (la) du christianisme. T. I—XII. Paris, Sapia, 1835. 12. vol. in 8-o (№ 2.026)

Rakowiecki J. B., Pisma rozmaite. Warszawä, nakladem wydawcy, 1834. 1 vol. in 8-o. (№ 1439)

Rakowiecki J., Prawda Ruska. T. I. II. W Warszawie, w druk. XX Piiarów 1820. 2 vol. in 4-o. (совсѣмъ испорченное сочинение) (№ 1065)

Ranke Joh., Die Lebensbedingungen der Nerven. Lpz., W. Engelmann 1868. 1 vol. in 8-o. (№ 1699)

Ratzeburg Julius, Die Forst-Insecten. Th. III. Berlin, 1844. 1 vol. in 4-o (№ 624)

Rauter, Traité théorique et pratique du droit criminel. Bruxelles, 1837. vol in 4-o. (№ 123)

Raymond Mich., Daniel le lapidaire T. I. Bruxelles, Haumann, 1832. vol. in 12-o (№ 1602)

Razgovor ugodni naroda slovinskogo. Padowa, 1759. 1 vol. in 4-o. (№ 176

890 **Real-Encyclopädie** (Allgemeine deutsche) für die gebildeten Stände. (Conversations-Lexikon). Siebente Originalauflage. Bd. I—XII. Leipzig, Brockhaus, 1830. 12 vol. in 8-o. (№ 2,003).

Recht (Das Alte Lübische), herausgeg. von J. Hach. Lübeck, Rohden, 1839. 1 vol. in 8-o. (№ 1340).

Rechtsdenkmäler (Deutsche) aus Böhmen und Mähren. Herausgegeben von Emil Rössler. Bd. I. II. Prag, Calve, 1845. 1852. 2 vol. in 8-o. (№ 414).

2-го экземпляра. Bd. I. 1845. 1 vol. in 8-o. (№ 1363).

Rechtslexicon, Herausgegeben von Franz Hotzendorff. Heft 1. Leipzig, 1870. 1 vol. in 8 o. бром. (№ 723).

Recueil de l'Académie de Législation de Toulouse T. I. II. 1. 2. III. IV. 1. 2. V. VI. 1. 2. VIII. 1. 2. IX. 1. 2. X. 1. 2. XII. XIII. (1851—1864). Toulouse, F. Gimet, Paris, A. Durand, 1852—1864. 17 vol. in 8-o. (№ 1256).

Recuil de planches sur les Sciences, les arts libéraux et les arts mécaniques avec leur explication. 5-me livr. Paris, 1768. 1 vol. in fol. (№ 749).

Register (etnographisches) zur Abhandlung über Russlands Gesammt-Bevölkerung im Jahre 1838. 1 vol. in 4-o. бром. (№ 418).

Register über das Archiv des Criminalrechts von den Jahren 1798 bis 1856. Braunschweig, Schweitschke, 1857. 1 vol. in 8-o. (№ 554).

Regnault Elias, Histoire criminelle du Gouvernement Anglais. Tournai, Massart, 1843. 1 vol. in 8-o. (№ 716).

Regolamento per la Guardia Civica nello stato Pontificio. 1 vol. in 4-o. бром. (№ 1472).

900 **Regulativ** (Provisorisches) für die Stadt Schmölln. бром. 1 vol. in 4-o. (№ 802).

Reijnders, Diatribe literaria inauguralis in Platonis dialogum symposium. Groningae, Boekeren, 1821. 1 vol. in 8-o. (№ 1960).

Reil, Kleine Schriften wissenschaftlichen und gemeinnützigen Inhalts. Halle, Curt, 1817. 1 vol. in 8-o. (№ 1858).

Rein Wil., Das Criminalrecht der Römer von Romulus bis auf Justinianus. Leipzig, Köhler, 1844. 1 vol. in 8-o. (№ 693).

Reindl F., Ueber Schärfung und Milderung der Strafen. Landshut, in der Krüll'schen Univ. Buchhandlung, 1811. 1 vol. in 8-o. (бром.) (№ 1509).

Reinegg Jacob, Allgemeine historisch topographische Beschreibung des Kaukasus. Th. I. II. Gotha, bei Gerstenberg, 1796. 2 vol. in 8-o. (№ 650).

Reindhard F. V., Prätkowań na prednu Neželu po sswetei Tschojosczi wö tom Lesche 1809. (бром). 1810, 1 vol. in 8-o. (№ 1227).

Reissner, Nonnula de hominis mammaliumque pilis. Dorpati, Schünmann, 1853. бром. 1 vol. in 8-o. (№ 1896).

Repertorium zum Weiske'schen Rechtslexicon. Leipzig, Verlag von Wigand, 1862. 1 vol. in 8-o. (№ 326).

Rerum Hungaricarum monumenta arpadiana. Edidit S. Endlicher. Sangalli Scheitlin, 1849. 1 vol. in 8-o. (№ 1361)

910 **Reutz** Alex. von, Versuch über die geschichtliche Ausbildung der russischen Staats- und Rechts-Verfassung. Mitau, bey Steffenhagen, 1829 1 vol. in 8-o. (№ 740)

Revue Britanique, 1833 I—III; 1837 I—II, 1838 I—II; 1838 1—12; 183 1—12; 1840 1—12; 1840 1—8, 10—12; 1841 1—8; 1842 I. II 1843 II; 1848 I; 1857 1. 2. 4—12; съ 1858 по 1865 полные годы по двѣнадцати книжекъ въ каждомъ; 1866 1. 2. 5—10. Paris in 8-o. (№ 1677)

Revue critique de Législation et de Jurisprudence, T. XVIII. 4—6 XIX. Paris, 1861. in 8-o. (№ 987

Revue des deux Mondes, 1838 1—4; 1839 1—4; 1840 2—3; 1841—44 (по книги); 1845 3—4; 1846 2—4; 1847 1. 2. 4; 1848 1—3; 185 5—8; 1855 7—42; 1856 1—5; 1857 13. 16. 18; 1859—186 (полные годы) 103 vol. in 8-o

2-го экземпляра. T. VIII—LXXVII. Paris, 1857—1868. 70 vol. in 8-o
Annuaire des deux Mondes T. II. IV. VII—XIV. 1851—67. 10 vol. in 8-o
2-го экз. — — — T. IV. VII. X. XI. 4 vol. in 8.o. (№ 1818

Revue historique de droit Français et étranger. T. IV. Paris, 1858. 1 vol. in 8-o. (№ 662

Reyscher A., Beiträge zur Kunde des deutschen Rechts. 1-te Beitrag. Tübingen bei Fues, 1833. 1 vol. in 8-o. (№ 627

Ribeiro, Observações Historicas e criticas para servirem de memorias ao sys tema da diplomatica Portugueza. Lisboa, 1798. 1 vol. in 4- (№ 1047

Richtebrief (Der Schaffhauser), Herausgegeben von Meyer. Schaffhausen Brodtmann, 1857. брош. 1 vol. in 8-o. (№ 81

Richter A., Geschichte der dem russischen Kaiserthum einverleibten deu schen Ostseeprovinzen bis zur Zeit ihrer Vereinigung mit de selben von A. O. Richter. Th. I. II Riga, Kimmel, 1857. 2 v in 8-o. (№ 93

Rilliet et Barthez, Traité clinique et pratique des Maladies des Enfants. I—III. Paris, Baillière, 1843. 3 vol. in 8-o. (№ 18

920 **Ritschelius** Friedericus, De inscriptione columnae rostratae duellianae. P tes 1. 2. Berolini, apud Trantwein, 1852. 1861. 1 vol. in 4 брош. (№ 23

Ritter- und Landrechte (der revidirten esthländischen), Buch 1-er. Re 1852. 1 vol. in 8-o. (№ 7

Rivarol A., De L'Universalité de la langue française. Paris, chez Coch 1797. (№ 1

Roczniki Towarzystwa Krolewskiego Warszawskiego T. XVII. W Warsza 1824. 1 vol. in 8-o. (№ 1

Roggè Karl, Ueber das Gerichtswesen der Germanen. Halle, 1820. 1 v 8-o. (№ 5

Romani Fel., Lucrezia Borgia. Milano, 1833, бром. in 12-o. (№ 1661).
Rommel Chr., Deutsche Chrestomatie. Poetischer Theil. Charkow, gedruckt in der Universitäts-Buchdruckerey, 1813. 1 vol. in 8-o. (№ 1448).
Rosa Gabr., J. Feudi ed i communi della Lombardia. Bergamo, 1854. 1 vol. in 8-o. (№ 1025).
Rosenkranz Karl., Die Poesie und ihre Geschichte. Königsberg, 1855. 1 vol. in 8-o. (№ 1050).
Roth Paul, Feudalität und Unterthanverband. Weimar, 1863. 1 vol. in 8-o. (№ 1023).
930 **Roth** Paul, Mecklenburgisches Lehenrecht, Rostock, 1858. 1 vol. in 8-o. (№ 1027).
Rotteck Karl von, Allgemeine Geschichte vom Anfang der historischen Kenntniss bis auf unsere Zeiten. 12-te Auflage. III. Bd. Freiburg, 1836. 1 vol. in 8-o. (№ 10).
Rousseau J. J., Projet concernant de nouveaux signes pour la musique. Genève, 1781. 1 vol. in 12-o. (1095).
Rousset, Recueil historique d'actes, negotiations, memoires et traitez. T. I—IX. A la Haye, chez Scheurleer, 1728—735. 9 vol. in 12-o. (№ 712).
Rouvière Arnaud de la, Traité du droit de retour. T. I. II. Paris, chez Huart, 1737. 2 vol. in 12-o. (№ 522).
Rozbor staročeske Literatury. R. 1840 a 1841, 1843 a 1844 I. II. W Praze, 1842. 1845. 2 vol. in 4-o. (№ 964).
Idem R. 1840 a 1841. w Praze. 1842; 1 vol. in 4-o. бр. (№ 1100).
Rozklad Nauk w Szkołach Obwodowych. бром. 1 vol. in fol. (2 ekzemplarze) (840).
Rüttimann J., Der Englische Civil-Process. Leipzig, Tauchnitz, 1851. 1 vol. in 8-o. (№ 566).
Rukopis Králodworský. Wydàn od Wàcl. Hanky. W Praze, Haze a Krause, 1819. 1 vol. in 8-o. (№ 823).
Rulhière Cl. de, Histoire de l'anarchie de Pologne. T. I—IV. Paris, Ménard, 1819. 4 vol. in 8-o. (№ 2,072).
940 **Russie** (la) en 1844, Système de Législation, d'administration et de politique de la Russie en 1844. Paris, 1845. 1 vol. in 12-o. (№ 2062).
Russie (la) et les chemins de fer russes. Paris, Garnier, 1857. 1 vol. in 12-o. (№ 324).

Sabler, Beobachtungen über die irdische Strahlenbrechung und über die Gesetze der Veränderung derselben. Dorpat, bei Lindfors Erben, 1839. бром. 1 vol. in 4-o. (№ 1928).
Sätze aus der Rechen- und Messkunst . . . an der K. National-Primarschule zu Agram, am Ende des Schuljahres 1828/29, Agram. бром. 1 vol. in 8-o. (№ 1226).
2-й экзем. (—).
3-ій экземпл. (—).

Saint-Pierre Jacques-Henri-Bernandin, Oeuvres. Mises en ordre et précédés de la vie de l'auteur par L. Aimé — Martin. Bruxelles, Wah len, 1820. 1 vol. in 8-o. (№ 168)

Saint-Sauveur André-Grasset, Voyage historique, littéraire et pittoresqu dans les isles et possessions ci-devant vénitiennes du Levant T. I—III. Paris, chez Tavernier. An VIII. 3 vol. in 8-o. (№ 154)

Salvandry N. de, Histoire de Pologne avant et sous le roi Jean Sobiesk T. I—III. Paris, Sautelet, 1829. 3 vol. in 12-o. (№ 063)

Sammlung alter und neuer Schlesischer Provinzial-Gesätze. Th. I. II. 1. 1 Bresslau, bey Korn. 1771—73. 3 vol. in 4-o. (№ 1358)

Sammlung der wichtigsten und nöthigsten, bisher aber noch nicht heraus gegebenen Kayser- und Königlichen auch Hertzogl. Privilegien Statuten, Rescripten und Pragmatischen Sanctionen des Lande Schlesien. Th, I. Leipzig, bey Teubner, 1736. 1 vol. in 4- (№ 1359

Sammlung (Kleine) solcher altslavischer Wörter welche im heutigen wei dischen Dialecte noch kräftig fortleben. Klagenfurt, Gelb, 182 1 vol. in 8-o. (бром.) 3 экз. (№ 1497

950 **Sammlung** Russischer Geschichte. Stück I—IX. S. Pb., Bey der kays. Ak demie der Wiss., 1732—64. 9 vol. in 12-o. (№ 196

Sammlung (Fortgesetzte) derer in die Wendische Sprache übersetzten Li der. Cotbus, J. M. Kühn, 1749. 1 vol. in 12-o. (№ 1173)

Sand George, Jean Ziska. Bruxelles, Lebègue, 1843. 1 vol. in 18-o. (№ 84

Sand George, Lélia. T. 1. 2. Bruxelles, Meline, 1839. 2 vol. in 18-o. (№ 79

Sand George, Lettre d'un voyageur T. I. II. Bruxelles, Meline, 1838. 2 vo in 18-o. (№ 82

Saulnier, Le Bureau du parlement de Bretagne au XVIII Siècle (1733—1790 Paris, Durand, 1856. бром. 1 vol. in 8-o. 2 экземп. (№ 805

Savigny Fried., System des heutigen Römischen Rechts. Bd. I. Berlin, b Veit, 1840. 1 vol. in 8-o. (№ 60

Sawicki, Historya powszechna (неполный) 1 vol. in 8-o. (№ 116

Say Jean-Bapt, Traité d'Economie politique T. I. II. Paris, chez Renoua 1814, 2 vol. in 8-o. (№ 2.07

Scarbiec diplomatów Papiezkich, Cesarskich, Krolewskich, Csiążęcych; u wał narodowych. Zebrał i w treści opisał J. Daniełowicz. T. Wilno, Kirkor, 1860. 1 vol. in 4-o. (№ 14

960 **Scematismo** dell' Imperiale Regio litorale Austriaco-Illirico. Trieste, Col 1827. 1 vol. in 8-o. (№ 15

Schad J., Institutiones Philosophiae Universae in usum auditorum suor T. I. Logicam puram et applicatam complectens. Charkov typis Universitatis, 1812. 1vol. in 8-o (№ 15

Schédo-Eerroti D., Études sur l'avenir de la Russie. Études: 1. 3. 4. 5. lin, Behr, 1857—60. 4 vol. in in 8-o. (№ 2,0

2-го экземп. Prémière étude. 4-me éd. Ber., 1859. 1 vol. in 4-o. —

3-го экземп. Prémière étude. 3-me éd. Berlin, 1858. 1 vol. in бром. (№

Schindler J. S. F., To prědne wot 21 Pråtkowańow szweżenskich na N

Leto. Barlinu, Schischeżane podlá Doenchs, 1824. 1 vol. in 8-o. (№ 1125).

Schindler J. S. F., Wendisches Noth und Hülfsbüchlein. Th. I. Kühna, 1793. 1 vol. in 8-o. (№ 1108).

Schlötzer C., Table des matières contenues dans la théorie de statistique, ainsique dans celle de l'Histoire. Moscou, de l'impr. de l'Univ. Imp., 1823. 1 vol. in 8-o. (брош.) (№ 1437).

Schlosser F. C., Geschichte des achtzehnten Jahrhunderts und des neunzehnten B. I—V. Heidelberg, Mohr, 1843—1844. 5 vol. in 8-o. (№ 1249).

Schmalz, Das europäische Völkerrecht. 1 vol. in 8-o. (безъ заглав. листа) (№ 710).

Schmidt E., Lehrbuch der mathematischen und physischen Geographie. Th. I. II. Göttingen, bei Vandenhoeck und Ruprecht, 1829—30. 2 vol. in 8-o. (№ 1396).

Schmidt Is. Jac., Forschungen im Gebiete der älteren Bildungsgeschichte der Völker Mittel-Asiens. St.-Pbg., K. Kray, 1824. 1 vol. in 8-o. (№ 1701).

370 **Schmidt**, Ueber den Begriff des Besitzes nach römischem Rechte. Dorpat, Schünmann, 1860. брош. 1 vol. in 8-o. (№ 1908).

Schnabel G. N., General-Statistik der Europäischen Staaten. B. II. Wien, bei J. G. Ritters, 1833. 1 vol. in 8-o. (№ 1296).

Schnitzler J. H., La Russie, la Pologne et la Finlande. Tableau statistique, géographique et historique. Paris, chez Renouard, 1835. 1 vol. in 8-o. (№ 412).

Schnitzler J. H., L'empire des tsars. T. I—IV. Paris, 1856—69. 4 vol. in 8-o. (№ 1627).

Schöffenrecht (Das Magdeburg-Breslauer systematische) aus der Mitte des XIV Jahrhunderts. Herausgegeben von Paul Laband. Berlin, Dümmler, 1863. 1 vol. in 8-o. (№ 684).

Schoeler, De oculi evolutione in embryonibus gallinaceis. Dorpati, Laakmann, 1848. брош. 1 vol. in 4-o. (№ 1913).

Schöttgen und Kreysig, Diplomatische und curieuse Nachlese der Historie von Ober-Sachsen. Th. I—XII. Dresden, bei Hekels, 1730. 3 vol. in 12-o. (№ 1053).

Schott Guilelmus, De lingua Tscuwaschorum. Berolini, 1 vol. in 12-o; бр. (№ 402).

2-й экземпл. (№ 1902).

Schrenk, De formatione pennae. Dorp., Laakmann, 1848. брош. 1 vol. in 8-o (№ 1914).

Schübler G., Grundsätze der Meteorologie in näherer Beziehung auf Deutschland's Clima. Leipzig, Baumgärtner, 1831. 1 vol. in 8-o. (№ 1754).

Schubert G., Ahndungen einer allgemeinen Geschichte des Lebens. Th. I. II. 1, 2. Lpz., Reclam, 1806—21. 3 vol. in 8-o. (№ 1543).

Schütz J., Allgemeine Erdkunde. Bd. V. Wien, Doll, 1808. 1 vol. in 8-o. (№ 1347).

Schulgesetze für Schüler der Israel. Lehranstalt in Odessa. Gedruckt in der Stadt-Buchdruckerey. 1 vol. in 12-o. (бром.) (№ 1515)

Schultz Christoph, Grundlegung zu einer geschichtlichen Staatswissenschaf der Römer. Köln, Buchem, 1833. 1 vol. in 8-o. (№ 568)

Schurzfleischius Henricus, Historia ensiferorum, ordinis Teutonici Livonorum Vitembergae, sumptibus Meyeri, 1750. 1 vol. in 12-o. (№ 155)

Schwarze Friedrich, Das deutsche Schwurgericht und dessen Reform. Erlan gen, Enke, 1865. 1 vol. in 8-o. (№ 535)

Sclopis F., Montesquieu et Machiavel. Paris, Durand, 1856. 1 vol. in 8-o (бром.) (№ 1482)

Scott Walter Sir, Oeuvres complètes. T. 4—10. 32. 64—67. Paris, 1826; 1 vol. in 12-o. (№ 2.070)

Scriptores rerum Silesiacarum, Herausgegeben von Gustav Stenzel. Bd. Breslau, Max, 1835. 1 vol. in 4-o. (№ 962)

Seberini, Pietatis Monumentum Posonii, Landes, 1816. 1 vol. in 4-o 2-й экземпляръ (бром.) (№ 1474)

990 **Seberiny** Jan, Kàzanj na pohrebu Karoline Mattulay dne 29 Móga 1827. vol. in 8-o. бром. 4 экземп. (№ 1072

Ségur le Comte de, Histoire de Russie et de Pierre-le Grand, Paris, chez Ba douin, 1829. 1 vol. in 8-o. (№ 203

Ségur le Comte de, Mémoires ou souvenirs et Anecdotes. T. I. Paris, E mery, 1824. 1 vol. in 8-o. (№ 971

Ségur le Comte de, Oeuvres complètes. T. I—III. Memoires. Paris, Eymer 1824. 3 vol. in 8-o. (№ 2,07

Seidenstücker J. H. P., Elementarbuch der lateinischen Sprache. Abtheil. 5-te Aufl. Hamm u. Lpz., 1830. 1 vol. in 8-o. (№ 162

Selecta ex auctoribus Latinis in usum quartae classis. Warsaviae, 1819. vol. in 8-o. (№ 126

Šember. Dějiny řeči a literatury Československé. Vydáni druhé. Ve Vi Nákladem spisovatelovým, 1859. 1 vol. in 8-o. (№ 8

Senkenberg Henricus, Visiones diversae de collectionibus legum germa rum. Lipsiae, 1765. 1 vol. in 8-o. (№ 10

Serna Pedro, Motivos de la ley de Enjuiciamiento civil. Madrid, 1857. 1 in 8-o. (№

Servo (Jl) moro, Malta, dai torchj americani, 1826. бр. въ 16-о. (№ 1

1000 **Seume** J. G., Sämmtliche Werke. Leipzig, Verlag von Hartknoch, 1835. 1 in 8-o. (№

Seydel, Grundzüge einer allgemeinen Staatslehre. Würzburg, Stuber, 1 vol. in 8-o. (№ 1

Seznam členů společnosti, vědeckých sborů a odborů i úřednictva M království Českého. V Praze, Renn, 1866. 1 vol. in 8 o (№ 1

Sharp, Trattato delle operazioni di Chirurgia. Par. I. II. Osservazioni di Chirurgia di Bartolom. Gerloni ed Ang. Nannoni. Par. III. Venezia, Zatta, 1770. 3 vol. in 8-o. (№ 1852).

Siefert G G. Ph., Nouveau choix des morceaux les plus intéressants de la litterature françoise P. I. II. A Halle, Orphelin, 1814. 1815. 2 vol. in 8-o. (№ 1167).

Siegel H, Die Erholung und Wandelung im gerichtlichen Verfahren. Wien, aus der k. k. hof- und Staatsdruckerei, 1863. 1 vol. in брош. (№ 1551).

Silberschlag, Grundriss der Geschichte der Verfassung, Verwaltung und Gesetzgebung des Preussischen Staats. Berlin, 1860. 1 vol. in 8-o. брош. (№ 1021).

Simonde de Sismondi, Histoire des républiques italiennes du moyen age. 2-de édit. T. 1—XVI. Paris, chez Treuttel, 1818. 16 vol. in 8-o. (№ 2075).

2-го экземпляра T. I—III. VIII. X. XIV. XV. 1818. 7 vol. in 8-o. (№ 1091).

Simonnet J., Histoire et Théorie de la saisine Héréditaire. Paris, Durand. 1851. 1 vol. in 8-o. (№ 508).

Simonnet M., Le Président Fauchet, sa vie et ses ouvrages. Paris, Durand. 1864. 1 vol. in 8-o. (№ 924).

1010 **Sjögren** Andr., Ueber das Werk des kön. Dänischen Etatsrathes und Professors Finn Magnusen, Runamo og Runerne. S. Pb., bei Gräff, 1842. 1 vol. in 8-o. (№ 105).

Sirmiensis L., Status publicus Regni Hungariae et ejus regiminis forma. Viennae, Kurzbek, 1784. 1 vol. in 8 o. (№ 1248).

Sitzungsberichte der königl. bayer. Akademie der Wissenschaften zu München. 1866. Bd. I. II. 1867. Bd. I. II. München, 1866—67. 4 vol. in 8-o. (№ 162).

Škraup, Drátenjk. W Praze, 1826. 1 vol. in 12-o. брош. (№ 1081).

Skrzetuski W., Historya powszechna dla szkol Narodowych. Kraków, 1786. 1 vol. in 8-o. (№ 1268).

Slawianie w badaniach początkowych z Historyi Powszechnéj. Warszawa, Tomaszewski, 1845. 1 vol. in 8-o. (№ 775).

Slovnik Naučny. Dil. I. 1—16. II. 1—5. Dil. II. odd. 2. 1—5. III. 1. V Praze, Kober, 1860. 1861. 1862. 3 vol. in 8-o. (№ 1574).

Smaczniński, Poezye T. I. Warszawa, 1850. 1 vol. in 8-o. (№ 1077).

Smitt Fred. de, Frédéric II, Catherine, et le partage de la Pologne. Paris, Franck, 1861. 1 vol. in 8-o. (№ 2.076).

Snell F., Handbuch der Philosophie für Liebhaber. T. IV. Moralphilosophie. Giessen, Tasche, 1805. 1 vol. in 8-o. (№ 1525).

1020 **Sobólewskj** G., Flora petropolitana. Petropoli, Typis Collegii Imperialis Medici, 1799. 1 vol. in 8-o. (№ 1425).

Sohm, Der Process der Lex Salica. Weimar, Böhlau, 1867. 1 vol in 8-o. (№ 852).

Somerville, Mechanism of the Heavens. London, Murray, 1831. 1 vol. in 8-o. (№ 1882).

Soulavie Jean, Mémoires historiques et politiques du règne de Louis XVI. T. I—VI. Paris, chez Treuttel, 1801. 6 vol. in 8-o. (№ 150).
Soulavie l'abbé, Les classes naturelles des Mineraux et les époques de la nature. S. Pb., 1786. 1 vol. in 4-o. (№ 143).
Soulié Frédéric, Les deux Cadavres. Paris, Gosselin, 1848. 1 vol. in 12-o. (№ 76)
Spalding Joachim, Repertorium juris Mecklenburgici. Rostock, 1781. 1 vol. in 4-o. (№ 717).
Spinoza, Opera quae supersunt omnia. Iterum edenda curavit, praefationes. vitam auctoris, etc. addidit Henr. Paulus. Vol. II. Jenae, in Bibliopolio Academico, 1803. 1 vol. in 8-o. (№ 797).
Spisy Karla Staršího z Žerotina, Odděleni prvni. Svazek prvý. Vydal V. Braudl, V Brne, 1866. 1 vol. in 8-o. (№ 1037).
Sprawa przed publicznością, na popisie rocznym szkoly woiewódzkiéy Plockiéy, Roku 1820—22. W Plocku, 1821—22, 3 vol. in 4-o. бpeш. (№ 1374).
1030 **Sprengel**, Historia rei herbariae. T. I. II. Amstelodami, sumtibus tabernae librariae et artium, 1807—8. 2 vol. in 8-o. (№ 1881).
Sprengel. P., Handwerke und Künste in Fabellen. Berlin, im Verlag der Buchhandlung der Realschule, 1770. 1 vol. in 8-o. (№ 1559).
(**Sreznewsky** J.), Slovanska mluvověda i dopisy z Rus. V. Praze, 1850. 1 vol. in 8-o. бpoш. (№ 400).
Stadt (der) Hamburg Statuten und Gerichts-Ordnung. Neue Auflage. Hamburg, 1771. 1 vol. in 4-o. (№ 678).
Stadtrecht (das Zellesche), Hannover, Hahn, 1800. 1 vol. in 8-o. (№ 685).
Stadtrechten (das) von Solothurn, (Herausgegeben v. Lüthy). Solothurn 1817. 1 vol. in 12-o. (№ 1026).
Stael Madame de, Oeuvres complètes, publiées par son fils. T. VIII et IX. Bruxelles, Hauman, 1830. 2 vol. in 8-o. (№ 2,057).
Stancowich, Della partia di San Girolamo dottore di Santa Chiesa. Venezia, Picotti, 1824. 1 vol. in 8-o. (№ 781).
Stanisław Leszczyński i Polska w pierwszej polowie XVIII wieku przez autora Ukrainy i Zaporóza. T. I. II. Warszawa, 1858. 1 vol in 8-o. (№ 637).
Stannius Herrmann, Handbuch der Anatomie der Wirbelthiere. 2-te Auflage. Berlin, Verlag von Veit. 1854. 1 vol. in 8-o. (№ 428).
1040 **Starovolsci** Simonis, Tractatus tres, Polonia. Sarmatiae Bellatores. Scriptorum Polonicorum Ekatontae. Vratislaviae, apud Kornium, 1734, 1 vol. in 4-o. (№ 233).
Stadt (der) Nürmberg verneute Reformation. 1564, Nürmberg, durch Valentin Geissler. 1 vol. in 2-o. (№ 668).
Statuta Polskie Króla Kazimierza w Wiślicy złożone, z rękopismu wydal K. Wl. Wojcicki. Warszawa, w druk. Kom. Rządowéj sprawiedliwości, 1847. 1 vol. in 8-o. (№ 855),
Statuten (Die) der Stadt Breslau mit beigefügtem Kommentar nach der Bearbeitung des verstorbenen Notariats-Director Uber. Breslau, bei Aderholz, 1832. 7 vol. in 8-o. (№ 1364).

Statuts et Ordonnances touchant le Stile, et manière de proceder en l'administration de Justice devant et par les Cours et Justices séculières du Pays de Liège. A. Liège, chez Milst, 1700. 1 vol. in 12-o. (№ 714).

Stawizne nowoho Zakona, W Buduschne, 1814. 1 vol. in 8-o. (№ 1073).

Stedmann J. G., Voyage a Surinam et dans l'intérieur de la Guiane. Traduit de l'Anglais par P. F. Henry, T. II. III. Paris, chez Buisson, 1799. 2 vol. in 8-o. (№ 12).

Stein L., Die Geschichte des dänischen Civilprocesses. Kiel, 1841. 1 vol. in 8-o. (№ 1058).

Stein L., Geschichte des französischen Strafrechts und des Processes. Basel. 1846. 1 vol. in 8-o. (№ 639).

Steiner Jacob, Vorlesungen über synthetische Geometrie. Th. II. Die Theorie der Kegelschnitte, bearbeitet von Hein. Schröter. Leipzig, Teubner, 1867. 1 vol. in 8-o. (№ 664).

1050 **Stendhal** de, Vie de Rossini. I. II. Paris, chez Boulland, 1824. 2 vol. in 8-o. (№ 1979).

Stenzler Ad. Fr., Yajnavolkya's Gesetzbuch. Sanscrit und Deutsch. Berlin, F. Dümmler, 1849. 1 vol. in 8-o. (№ 1700).

Stephani Ludolf, Ueber einige angebliche Steinschneider des Alterthums. St. Pb., 1851. 1 vol. in 4-o. (№ 1781).

Stephansohn Wolf., Serbisch-Deutsch-Lateinisches Wörterbuch. Wien, bei Armeniern, 1818. 1 vol. in 8-o. (№ 193).

Stephen Henry, Handbuch des englischen Strafrechts und Strafverfahrens. Abtheilung 1. 2. Göttingen, bei Vandenhoeck, 1843. 1 vol. in 8-o. (№ 476).

Sternberg-Manderscheid F., Ueber den gegenwärtigen Stand der vaterländischen Münzkunde in Böhmen. Prag, bei Haase. 1825. 1 vol. in 8-o. бром. (№ 1554).

Steward Dugold, Histoire abregée des sciences metaphysiques, morales et politiques, traduite de l'anglais par J. A. Buchon. Partie I. Paris, Levant, 1820. 1 vol. in 8-o. (№ 1666).

Sticinsky Fr., Von der Ungültigkeitserklärung als Aufhebungsart der Ehe. Dorpat, 1851. 1 vol. in 8-o. бром. (два экз.) (№ 1043).

Stojanovich J., Kratak Pridgovor duhovni. V Ossiku. (бром.) 1 vol. in 8-o. (№ 1228).

Stoy, Manuel élémentaire pour l'instruction de la jeunesse. Rédig. en français par Mr. Perrault. T. I. Breslau et Lpz., Korn, 1812. 1 vol. in 8-o. (№ 799).

1060 **Strafgesetzbuch** (das) für das Königreich Norwegen. Uebersetzt von F. Thaulow, Christiania, 1843. 1 vol. in 8-o. (№ 493).

Strafgesetzbuch (das) für das Königreich Württemberg. Stuttgart, Metzler, 1839. 1 vol. in 8-o. (неполн. стр. 1—80) (№ 1597).

Straf-Gesetz-Buch für den Kanton Thurgau. Frauenfeld, bei Kolb, 1841. 1 vol. in 8-o. (№ 467)

Strafgesetzbuch für den Kanton Graubünden. 1 vol. in 8-o. (6pom.) (№ 1510).

Strafprozess-Ordnung (die) für das Königreich Württemberg mit erläuternden Anmerkungen von Hermann Knapp. Stuttgart, Velser, 1843. 1 vol. in 8-o. (№ 542).

Stransky, De republica Bojema. Amstelaedami, Rüdiger, 1713. 1 vol. in 24-o. (№ 769).

Strinnholm A. M., Wikingszuge, Staatsverfassung und Sitten der alten Skandinavier. Th. I. II. Hamburg, Perthes, 1839. 1 vol. in 8-o. (№ 368]

Struve F. G. W. Ueber die Doppelsterne. Dorpat, Schünmann, 1827. 6pom. in 4-o. (№ 1755).

Struys Jean, Les voyages en Moscovie, en Tartarie, en Perse, aux Indes, e[t] en plusieurs autres Pais étrangers. T. I—III. Lyon, chez Rey 1682. 3 vol. in 24-o. (№ 235)

Stunden der Andacht zur Beförderung wahren Christenthums und häusliche[r] Gottesverehrung. VIII-te verbesserte Original-Ausgabe Bd. I—VIII Aarau, bei Sauerländer, 1822. 8 vol. in 12-o. (№ 55]

1070 **Sudre** Alfred, Histoire du Communisme, 4-me édition. Paris, chez Lecou, 185[.] 1 vol. in 12. (№ 27]

Sue Eugène., La vie de Koat—Ven. Roman, T. I—IV. Bruxelles, Peeter[s] 1834. 4 vol. in 18-o. (№ 78]

Sue Eug., Tajemnice Paryża. Przekład Fr. Chlewaskiego. T. I. Warszaw[a] G. L. Glücksberg, 1844. 1 vol. in 12-o. (№ 1170]

Surowiecki W., O upadku przemysłu i Miast w Polszcze. W Warszawie. vol. in 12-o. (№ 401]

Symbola philologorum Bonnensium in honorem Friederici Ritschelii collect[i] Fasc. I. Lipsiae, B. G. Teubner, 1864. 1 vol. in 8-o. (№ 1628

Sytzama, De jure suffragandi in Frisia. Schultze, 1841. 1 vol. in 8-o. (№ 1462

Szafarzyk J. P., Starożytności Słowianckie. Poznan, 1841. 1 vol. in 12-(неполная) (№ 1277

Szegedus Joannes, Tripartitum juris Ungarici tyrocinium. Pars. III. Tyrn[a]viae, Berger, 1734. 1 vol. in 16-o. (№ 136[.]

Szrek (Schroek). Historya powszechna T. I—III. W Wilnie, w dr. Zawad[z]kiego, 1813. 1 vol. in 12-o. (№ 298

Sztochl, Grammatyka historyczno-krytyczna języka Polskiego. Warszaw[a] 1854. 1 vol. in 8-o (№ 107[.]

1080 **Szulc**, De origine et sedibus veterum Illyriorum, 6pom. 1 vol. in 8 o. (№ 87[.]

Szwaynic J., De historia ingenuitates antiquiore commentarii. Varsavia[e] 1823. 1 vol. in 16-o. (№ 102[.]

Tableau des provinces situées sur la côte occidentale de la mer Caspien[ne] entre les fleuves Terek et Kour. S. Pb., 1798. 1 vol. in 4 (№ 138[.]

Tabora (Neztranchno) vezdassnyega izpiszavanye za leto 1788, od P. G. Vu Zagrebu, Kotche, 1789. 1 vol. in 8-o. (6pom. (№ 149[.]

Taciti Cornelii opera quae extant. Justus Lipsius partremum recensuit. Additi Commentarii auoti emendatique ab ultima manu. Accessit C. Veleius Paterculus cum ejusdem Lipsi auctioribus Notis. Antverpiae, apud Moretum, 1607. 1 vol. in 2-o. (№ 968).

Tancoigne J. M., Voyage à Smirne dans l'Archipel et l'Ile de Candie. En 1811—1814 T. I. II. Paris, Nepveu, 1817. 2 vol. in 16-o. (№ 1383).

Taschenbuch (Gothaisches genealogisches) auf das Jahr 1835. 1836, Gotha, bei Justus Perthes. 2 vol. in 32-o. (№ 1610).

Ta-Tsing-Leu-Lée, ou les lois fondamentales du code pénal de la Chine, Traduit du Chinois par Félix Renouarde Saint-Croix. T. I. II. Paris, chez Lenormant, 1812. 2 vol. in 8-o. (№ 480).

Tchihatcheff Pierre de, Cartes et plans du voyage scientifique dans l'Altaï oriental. Paris, Gide, 1845. 1 vol. in fol. (№ 1780).

Tchorzewski, De politia timaeocritia, ultimo Platonico ternione, Librorum de Legibus praecipua ratione habita. Kazani, 1847. 1 vol. in 8-o. (№ 1899).

1090 **Tennemann** W. Grundriss der Geschichte der Philosophie für den akademischen Unterricht. Herausgegeben von A. Wendt. Lpz. Barth, 1820. 1 vol. in 8-o. (№ 1527).

Tennemann W. B., Rys Historyi filosofii Wedlug przerobienia A. Wendta. przelozyl J. H. S. Rzesinski. T. II. Krakow, 1837. 1 vol. in 8-o. (№ 1257).

Terzichiu Luczi, Pokripglienye umiruchi, ú Harnaski Jesik; popravi i pristampa po ozcu Bernardinu Paulovichiu. V Mleczi, 1800. 1 vol. (неполн.) (№ 1139).

Testament (das neue) unsers Herrn Jesu Christi, übersetzet von Gottlieb Fabricio. Fünfte Auflage, 1775. 1 vol. in 8-o. (№ 181).
2-й экземпляръ. Cottbus. 1821. 1 vol. in 8-o. (№ 181).
3-ій экземпляръ. » » (№ 181).

Testamentas (Naujas) musu Jsganytojo Jezaus Kristaus. Telzeje, 1823. 1 vol. in 8-a. (№ 1165).

Testamenti (Ausi), Suomen Biblia-Seuralda toimitettu. St. Pietarborissa. F. Drechsler. Wuonna, 1814. 1 vol. in 8 o. (№ 1148).

Theils (sämmtliche Hochfürstl. Braunschw. Lüneb. Cellischen) Gerichts-Ordnungen. Hannover, bei Förster, 1712. 1 vol. in 4-o. (№ 694).

Thibaut Anton, Beiträge zur Critik der Feuerbachischen Theorie über die Grundbegriffe des peinlichen Rechts. Hamburg, bey Perthes, 1802. 1 vol. in 12-o. (№ 520).

Thibaut A., Ueber die Nothwendigkeit eines allgemeinen bürgerlichen Rechts für Deutschland. Heidelberg, Mohr, 1814. 1 vol. in 8-o. бром. (№ 1504).

Thiers A., Histoire de la Révolution française. VIII-me édition. T. I—IV. Paris, Imprimerie de Fournier, 1842. 4 vol. in 8-o. (№ 32).
2-й экземпляръ. T. I—X. Paris, Furne, 1839. 10 vol. in 8-o. (№ 2078).

1100 **Thiers A.**, Histoire du Consulat et de l'Empire. T. I—XVIII. XX. Paris, Paulin, 1845—62. 19 vol. in 8-o. (№ 2,079).

2-го экземпл. T. I. III—V. Leipzig, 1845. 4 vol. in 8-o. (№ 45).

Thomasa Kempensaria Bukve v'katireh je sapopadenu tu poduzhenje. Labaci, 1745. 1 vol. in 8-o. 2-й экземпляръ V'Lublani 1778 (№ 1117).

Tidsskrift (Antiquarisk), udgiret of det kongelike Nordiske Oldskrift-Selskab. 1843—1845 Tredje Hefte; 1852—1854Forste og Andet Hefte. Kjobenhavn, 1845. 1854. 2 vol. in 8-o. (№ 1668).

Tocqueville Alexis de, De la Démocratie en Amerique. T. II. Paris, Gosselin, 1835. 1 vol. in 8-o. (№ 370).

Tomaschek J. A., Recht und Verfassung der Markgrafschaft Mähren in XV Jahrhundert, Brünn, A. Nitsch, 1863. 1 vol. in 8-o. (№ 1318).

Tott Baron de, Mémoires sur les Turcs et les Tartares. Partie I—IV. A Amsterdam, 1785. 1 vol. in 8-o. (№ 1770).

Tournefort Pitton de, Relation d'un voyage du Levant. T. I. II. A Amsterdam, 1718. 1 vol. in 4-o. (№ 1777).

Tours Gregorius, Zehn Bücher Fränkischer Geschichte. Bd. I. II. Berlin 1851. 2 vol. in 12-o. (№ 993).

Traditiones et Antiquitates Fuldenses. Herausgegeben von Dronke. Fulda Müller, 1844. 1 vol. in 4-o. (№ 1013).

Transactions (philosophical) of the royal Society of London. For the year 1834, Part. I. II. 1835 Part. I. II. 1854. vol. 144, Part. I. II London, Taylor 1834. 35. 54. 6 vol. in 4-o. (№№ 247 и 246).

1110 **Traveller** (the modern). Vol. X. Russia. Boston, Lilly, 1831. 1 vol. in 12-o. (№ 93).

Tromsdorff, Chemische Receptirkunst oder Taschenbuch für praktische Aerzte Erfurt, Beyer und Maring, 1799. 1 vol. in 8-o. (№ 1885).

Trummer Carl, Die beiden letzten Abhandlungen über das Hamburgische Stadtrecht, Hamburg, 1859. 1 vol. in 8-o. (№ 1017).

Tudományos Gyùjteménynek (Az 1826-ik esztendei), Pesten. брош. 1 vol. in 8-o. (№ 1233).

Tugendhold J., Der alte Wahn vom Blutgebrauch des Israeliten am Osterfeste. Berlin, Veit, 1858. 1 vol. in 8-o. (№ 1555).

Tycho Mommsen, Bemerkungen zum ersten Buche der Satiren des Horaz Frankfurt am Main, Mahlau und Waldschmidt, 1871. брош. vol. in 4-o. (№ 1959).

Uebersicht der Arbeiten und Veränderungen der schlesischen Gesellschaft für vaterländische Cultur im Jahre 1824. vom Dr. J Wen[...] Breslau, bei Grass, 1825. 1 vol. in 4-o. (№ 119[...]).

Uebersicht des Fortschrittes und der Erfolge im Lehrfache der asiatischen Sprachen an der Universität Kasan. Kasan, 1842. 1 vol. in 8 брош. (№ 16[...]).

2-й экземпл. (№ 179[...]).

Uhland, Schriften. Bd. III—V. Stuttgart, Cotta, 1866—70. 3 vol. in 8 (№№ 751 и 90[...]).

Umpfenbach Karl, Lehrbuch der Finanzwissenschaft. Th. II. Erlangen, Enke, 1860. 1 vol. in 8-o. (№ 504).

1129 **Union** (l') Chretiènne, 1863—1864 №№ 1—53; 1864—1865 №№ 1—52; 1865—1866 №№ 1—26. 28—52. Paris, 3 vol. in 4-o. (№ 2.082).

Unterholzner K., Ausführliche Entwickelung der gesammten Verjährungslehre aus den gemeinen in Deutschland geltenden Rechten. Bd. I. II. Leipzig, Verlag von Barth, 1828. 2 vol. in 8-o. (№ 465).

Untersuchungen an dem Institute für Physiologie und Histologie in Graz. Herausgegeben von A. Rollett. Heft II. Lpz., Engelmann, 1871. 1 vol. in 8-o. (№ 1348)

Urkunden (meklenburgische). Herausgegeben von G. Lisch. Bd. I—III. Schwerin, 1837. 1 vol. in 8-o. (№ 991).

2-го экземпляра. Bd. I. 1837. 1 vol. in 8-o. (№ 921).

Urkunden zur Geschichte des Fürstenthums Rügen. Herausgegeben von Carl Fabricius. Bd. I—III. Stralsund, 1841. 2 vol. in 4-o. (№ 961).

Urkundenbuch (Liv-, Esth- und Curländisches) nebst Regesten. Herausgegeben von Bunge. B, I. II. III. 1—3. Reval, bei Kluge, 1853. 3. vol. in 4-o. (№ 731).

Urkundensammlung zur Geschichte des Ursprungs der Städte, in Schlesien und der Ober-Lausitz, von G. A. Tzschoppe. Hamburg. Perthes, 1832. 1 vol. in 4-o. (№ 1356).

Utiešenović Og. M., Die Hauskommunionen der Südslaven. Wien, 1859. 1 vol. in 8-o. (№ 1317).

Vauban de, Traité de la défense des Places. Nouvelle édition publiée par le baron de Valaze. Paris, Anselm. 1829. 1 vol. in 8-o. (№ 2.083).

Veder A., Historia Philosophiae Juris apud veteres. Lugduni Batavorum, apud Hazenberg, 1832. 1 vol. in 8-o. (№ 335)

1130 **Veneroni**, Italienisch-Französisch und Teutsche Grammatica. Dresden, 1854. 1 vol. in 8-o. (№ 1157).

Ventura, Elogio Funebre di Daniello O'Connell. Roma, Cairo, 1847. 1 vol. in 8-o. (№ 879).

Verdet E., Oeuvres T. I. Notes et mémoires. Paris, G. Masson, 1872, 1 vol. in 8-o. (№ 1805).

Verhandlungen der Gelehrten Esthnischen Gesellschaft zu Dorpat. (Разборъ этого сочиненія П. Билярскаго). Изъ Журн. М. Н. Пр. 1849. № 5. С. П6. 1849. 1 vol. in 8-o. бром. (№ 1843).

Verhovacz, Podvúchanya vu naj poglaviteshéh vére iztinah. Zagrebu, 1822. 1 vol. in 12-o. (№ 292).

Versuchs-Stationen (Die Landwirthschaftlichen) Herausgeg. von Nobbe. Bd. XV № 1—3. Chemnitz, Focke, 1872. 2 vol. in 8-o. (№ 1926).

Vertot, Histoire des révolutions de la république romaine T. I—IV. Paris, chez Anselin, 1826. 4 vol. in 24-o. (№ 2,069)

Vertot, Histoire des révolutions de Portugal. Édition stér. Paris, Didot, 1816. 1 vol. in 18-o. (№ 2,068).

Vertot, Histoire des révolutions de Suède. T. I. II. Édition stéréot. Paris, Didot, 1811. 1 vol. in 18-o. (№ 2,067).

Verzeichniss der Bücher, Landkarten welche vom Januar bis Juny 1827 neu erschienen oder neu aufgelegt sind; zu finden bei J. G. Ritter von Mösle in Wien, 1827. 1 vol. in 8-o. (№ 1300).

1140 **Verzeichniss** der im Monate August 1828 im Redoutengebäude in Prag öffentlich ausgestellten böhmischen Gewerbsprodukte. Prag, Colve. бром. in 8-o. (№ 1598).

Verzeichniss einer werthvollen Sammlung älterer und neuerer Werke aus dem Gebiete der Theologie, Philosophie, Pädagogik und der Orientalischen Literatur. Tübingen, Laupp, 1861. 1 vol. in 8-o. (№ 1491).

Verzeichniss (Vollständiges) derjenigen Bücher, die vom Januar bis Juni 1823 in Deutschland wirklich erschienen und in der Buchhandlung Josef Max und Comp. in Breslau schnell zu haben sind. 1823. 1 vol. in 8-o. (№ 1299).

Vessélovsky C., Compte Rendu de L'Academie Jmpériale des sciences de St. Pétersbourg. Année 1857. St. Pb., impr. de l'Acad. Impériale des sciences, 1858. (№ 1463).

Vetter T. Ch. W., Meine Reise nach Grusien im Jahre 1827. S. Pb. 1829 1 vol. in 12-o. (№ 1681).

Vie politique et militaire de Napoléon, racontée par lui-même. T. I—IV. Paris, chez Anselin, 1827. 4 vol. in 8-o. (№ 34).

Vierteljahrs-Schrift (Deutsche) № 31. 32. 34. 35. 38. 39. 40. Stuttgart 1845—1847. 7 vol. in 8-o. (№ 1738).

Vieth, Physikalischer Kinderfreund. 7-tes Bändchen. Leipzig, Barth, 180[illegible] 1 vol. in 8-o. (№ 1867)

Vila Slovinka Giurgia Barakovicchia Zadranina v Cettare Varsti. Venetia 1682. 1 vol. in 8-o. (№ 1278)

Villemain, Cours de littérature française. Tableau du dix-huitième siècle Partie III. Paris, Pichon et Didier, 1829. 1 vol. in 8-o. (№ 1645)

1150 **Villermé**, Tableau de l'État physique et morale des ouvriers. T. I. II. Paris Renouard, 1840. 2 vol. in 8-o (№ 505)

Vitezovich Pav., Oddilyenja figetikoga perva csetiri dila. U Becsu, J. Cele nych, 1865. 1 vol. in 8-o. (№ 1282)

Volkmann A. W., Beitrag zur moralischen Würdigung des Zweikampfes Dorpat, 1841. бром. in 8-o. (№ 1639)

Volkslieder der Wenden in der Ober- und Nieder-Lausitz. Herausgegeben von L. Haupt und Joh. Schmaler. Th. I. Grimma, 1841. be Gebhardt. 1 vol. in 4-o. бром. (№ 953

Volney C. F., Voyage en Syrie et en Egypte. 4-me éd. T. I. II. A Paris, Cou cier, 1807. 2 vol. in 8-o. (№ 1771

Voltaire, Histoire de Charles XII, Roi de Suède. Edition stéréotype. Pari Didot, 1802. 1 vol. in 24-o. (№ 134

2-й экземп. Paris, 1829. Edit. st. 1 vol. in 18-o. (№ 2066)

Voltaire, Histoire de l'Empire de Russie sous Pierre le Grand. Paris, d Mame, 1809. 1 vol. in 12-o. (№ 2.029

Wachsmuth W., Die ältere Geschichte des römischen Staates. Halle, im Verlag der Rengerschen Buchhand., 1819. 1 vol. in 8-o. (№ 1094).
Wachsmuth W., Jus gentium quale obtinuerit apud Graecos ante bellorum cum Persis gestorum initium. Kiliae, 1822. бр. in 8-o. (№ 1720).
Wagner, Commentatio de Cholera Asiatica. Pragae, Typis Sommerianis. 1833. брош. 1 vol. in 8-o. (№ 1884).
1160 **Wagner** J., Von der Natur der Dinge. In drey Büchern. Lpz., Breitkopf, 1803. 1 vol. in 8-o. (№ 1536).
Wailly, Abregé de la grammaire Françoise, przez X. K. Kamieńskiego. Edycya druga, w Warszawie, w drukarni XX. Pijarow, 1816. 1 vol. in 8-o. (№ 1171).
Walcker Carl, Zur Lehre von den Schutzzöllen. Dorpat, 1867. 1 vol. in 8-o. бром. (№ 441).
Walter Scott, The life of Napoleon Buonaparte. Vol. IX. Paris, 1827. 1 vol. in 8-o. (№ 47).
Walther Friedrich, Die Rechtsmittel im Strafverfahren. II-te Abth. München, bei Kaiser, 1855. 1 vol. in 8-o. (№ 537).
Warmiński J., Pamiątka Z Czerniakowa. Warszawa, Jaworski, 1861. 1 т. въ 12-o. бром. (№ 1562).
Warnkoenig L., Oratio de jurisprudentia gentium europaearum una eaque assiduo doctorum commercio excolenda. Lovanii, Michel, 1828. 1 vol. in 8-o. бром. (№ 1502).
Warnkœnig et Gerard, Histoire des Carolingiens. T. I. II. Bruxelles, Rozez, 1862. 2 vol. in 8-o. (№ 773).
Wattenbach, Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter. Berlin, Hertz, 1858. 1 vol. in 18-o. (№ 857).
Weber, Vorlesungen aus der Naturlehre. Abhd. III. Die phisische Chemie. IV, Ueber die Luft, VIII Ueber das Wasser. Landshut, Weber, 1791. 1796. 1801. 3 vol. in 8-o. (№ 1868).
2-го экземпляра. III Abh. Die phisische Chemie. München, Lindauer, 1791. 1 vol. in 8-o. (№ 1868 a).
1170 **Weichsel** F., Rechtshistorische Untersuchungen das gutsherrlich-bäuerliche Verhältniss in Deutschland betreffend. Bremen, 1822. Th. I. III. 2 vol. in 8-o. (№ 1338).
Weiss le colonel de, Principes philosophiques, politiques et moraux. 3-me édition. T. II. Bruxelles, A Peeters, Leipzig, 1832. 1 vol. in 12-o. (№ 1301).
Weissenburg, Geschichte der berüchtigten Bremer Giftmischerin M. G. Gottfried. Stuttgart, Walters, 1829. 1 vol in 8-o. (№ 1799).
Welcker, Das innere und äuszere System der praktischen natürlichen und römisch-christlich-germanischen Rechts-, Staats- und Gesetzgebungs-Lehre. Bd. I. Stuttgart, Metzler, 1829. 1 vol. in 8-o. (№ 872).
Wenck Carl, Lehrbuch der Encyklopädie und Methodologie der Rechtswissenschaft. Leipzig, Märker, 1810. 1 vol. in 8-o. (№ 325).
Werse Ragdustogneyšemu a Wtsoceoswiténému Kňižati Aleksandrowi z Rud-

ného, a Ďiwáckég Nowég-Wsi. W Trnawe, 1820. 1 vol. in fol, бром. (№ 1190).

2-й экземпляръ. (—).

Whewell William, On the motion of points. Cambridge, J. Smith, 1834. 1 vol. in 8-o. (№ 1808).

Wilda W., Das Gildenwesen im Mittelalter. Halle, im Verlag der Rengerschen Buchhandlung, 1831. 1 vol. in 8-o. (№ 1330).

Wilda Wilhelm., Geschichte des deutschen Strafrechts. 1-er Bd. Das Strafrecht der Germanen. Halle, Schweitschke, 1842. 1 vol. in 8-o (№ 356).

Wirschinger H., Darstellung der Entstehung, Ausbildung und des jetzigen rechtlichen Zustandes,der Patrimonial-Gerichtsbarkeit in Bayern. München, 1837. (№ 1022).

1180 **Wissniewski**, Die mittlere jährliche Temperatur auf der Erdoberfläche als Function der geograph. Länge und Breite. Dorpat, Laakmann, 1853. бром. 1 vol. in 8-o. (№ 1912)

Witte T., Meditationes de Jure Criminali respectu juris internationalis institutae. Dorpati, Schünmann, 1851. 1 vol. in 8-o. (№ 1501).

Wocel Jan, O staročeském dědickem Právu. V Praze, 1861. 1 vol. in 4-o (№ 743)

Wolf A., Vorlesungen über die Alterthumswissenschaft, Herausgegeben von J. D. Gürtler. B. I. III. Leipzig, bei A. Lehnhold. 1831. 1839 2 vol. in 8-o. (№ 1319)

Woyna J., Kleiner Lust-Garten, worin gerade Gänge zur polnischen Sprache angewiesen werden; Anno 1693. Dantzig, 1729. 1 vol. in 12-o (№ 1184)

2-й экземпляръ тоже. (—)

Wstęp do Historyi powszechńey. Warszawa, Zawadzki, 1821. 1 vol. in 4-o (бром.) (№ 1480)

Wybor róźnych gatunków Poezyi z rymopisow Polskich dla wzytku Młodzieży. Część I. II. W Warszawie, w drukarni XX Piiarów 1818. 20. 2 vol. in 8-o. (№ 1119 и 1648)

Wýbor z literatury České. Dil. I. od Najstaršich časůw až do počáktu X' Stoleti. W Praze, u Kronberga 1845. 1 vol. in 8-o. (№ 868)

Wyspa St., Helena. Poemat przez Hr. A. K. Drukiem Breitkopf, w Lipski (5 экземпл.) 5 vol. in 12-o. (№ 61

Wzory Sztuki Średniowiecznej i z epoki odrodzenia po koniec wieku XVI W dawnej Polsce. Widawane przez A. Przezdieckiego. Serya I Warszawa, 1856. 1 vol. in 4-o. бром. (№ 1470)

1190 **Xenophon**. Anabasis, seu expeditio Cyri minoris. Editio stereotype curant C. H. Weise. T. III. Lipsiae, 1828. 1 vol. in 8-o. (№ 253)

Ξενόφοντος τὰ Σοξομενα. Σην πλειστέ Ακριβεια στερεοτηπος εκδοθεντα Τῶμος γ'. 'Εν Λειπσία ἐκ τοῦ τυπογρ. χαρ. του Ταυχνιζιο. 1 vol. in 12-o. (№ 1547)

Zaborowski Stanislaw (Księdz), Ortografija Polska. Z lacinskiego na polski język przełożona przez Andreia F. Kucharskiego. W Warszawie, w Drukarni Josefa Weckiego, 1825. (бром.) 1 vol. in 4-o. (№ 1122).
2-й экземпляръ. (—).
Zakrzewski Jan, Wypisy Polskie prozą, i wierszem. W Wilnie i w Warszawie Nakladem Teofile i Aug. Em. Glücksbergów, 1831. 1 vol. in 8-o. (№ 1128).
Zastanowienie się (Bezstronne) nad proieklowaną ustawa następstwa tronu w Polszce, przez pewnego Szlachcica z Ziemi Lukowskiey. 1 vol. in 12-o. (№ 1563).
Zeitschrift (Allgemeine) von Deutschen für Deutsche, herausgeg. von Schelling. Bd. I. Nürnberg, Schrag, 1813. 1 vol. in 8-o. (№ 1445).
Zeitschrift der deutschen morgenländischen Gesellschaft. Bd. XXII. XXIII. XXIV. Heft I. II. 1868. 1869. 1870. Leipzig, Brockhaus, 1868—70 3 vol. in 8-o. (№ 1836).
Zeitschrift für analytische Chemie. Herausgegeben von Dr. C. Remigius Fresenius. Jahrg. IV. Wiesbaden, Kreidel, 1865. 1 vol. in 8 o. (№ 1927).
Zeitschrift für eine künftig aufzustellende Rechtswissenschaft nach dem Prinzip eines transzendentalen Realismus. Herausgegeben von Gollmann. Bd. I, erstes Heft. Frankfurt am Main, 1802. 1 vol. in 8-o. бром. (№ 396).
1200 **Zeitschrift** für spekulative Physik herausgegeben von Schelling. Bd. I. 1, 2 Jena, Gabler, 1800. 1 vol. in 8-o. (№ 1616).
Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung. Bd. XVII. XVIII. Berlin, 1867. 69. 2 vol. in 8-o. (№ 2,148).
Zeitschrift (historische), Herausgegeben von Heinrich von Sybel. Bd. V—VIII. München, 1861. 1862. 4 vol. in 8-o. (№ 256).
Zeitschrift (kritische) für Rechtswissenschaft Bd. I. 1. 2. II. 3. IV. 3. VI—3. VI. 2. 3. Stuttgart, 1826—30. 8 тетрадей in 8-o. (№ 969).
Zelich G., Pastirsco slovo. Zadru, 1808. бром. in 8-o. (№ 1723).
Ziljski M. Sveta brata Ciril i Metod Slavjanska Apostola i osnovatelja slovstva Slavjanskoga. W Zlatnom Pragu, Seyfried, 1864. 1 vol. in 12 o. (экз.) (№ 1449).
Ziljski Mat. Maj., Узajeмнi правoпic славjaнcкi. V Zlatnom Pragu 1865. (3 экз.) 3 vol. in 8-o. (№ 1629).
Ziller T. Einleitung in die allgemeine Pädagogik. Leipzig, Teubner, 1856. 1 vol in 8-o. (№ 1517)
Zimmern Sigmund, Geschichte des römischen Privatrechts bis Justinian I. 1. 2. III. Heidelberg, Mohr, 1826—29. 2 vol. in 8-o. (№ 570).
Životopis Václava Hanky. 1 vol. in 12-o. бром. три экз. (№ 992).
Żochowski, Częśći mowy odmieniające się przez przypadki. Warszawa, nakładem Biura informacyjnego, 1838. 1 vol. in 8-o. (№ 819.
1210 **Zœpfl** Heinrich, Deutsche Rechtsgeschichte. Stuttgart, Krabbe. 1858. 1 vol. in 8-o. (№ 994).

Źrzodłopisma do Dziejow Unii kor. Polskiej i W. X. Litewskiego. Część III. Diariusz Lubelskiego Sejmu Unii. Rok 1569. W Poznaniu. Drukiem ogłosił Działyński, 1856. 1 vol. in 4-o. (№ 615).

Zumpt, Aufgaben zum Uebersetzen aus dem Deutschen ins Lateinische. 3-te Aufgabe. Berlin, Dümmler, 1825. 1 vol. in 8-o. (№ 833).

Zusammenstellung der neueren organischen Process-Gesetze Preussens. Posen, Scherk, 1847. 1 vol. in 4-o. (брош.) (№ 1549).

Żyliński Wacław, List pasterski. Wilno, J. Zawadzki, 1856. брош. in 8-о. (№ 1724)

Адресъ-Календарь или списокъ главныхъ властей Имперіи и всѣхъ властей и чиновниковъ Царства Польскаго на 1854 годъ. Варшава, 1 т. въ 8-о. (№ 1600)

Акты (Воронежскіе), Древнія грамоты и другіе письменные памятники, касающіеся Воронежской губерніи и частію Азова. Собраны и изданы Второвымъ и Александровымъ—Дольникомъ. Книжки 1—3. Воронежъ. въ типограѳ. губер. Правленія, 1851—53. 3 т. въ 8-о. (№ 432)

Акты, собранные Кавказскою Археограѳическою Коммисіею. Т. I. Тиѳлисъ 1866. 1 т. въ 2-о. (№ 1957)

Алексѣевъ Петръ, Церковный словарь. Изданіе 4-е. Части I—V. С. Пб., въ тип. Глазунова. 1817—19. 5 т. въ 8-о. (№ 2.081)

Альманахъ на 1826 для пріѣзжающихъ въ Москву или новѣйшій указатель Москвы. Москва, Семенъ, 1825. 1 т. въ 8-о. (№ 1591)

Андреевскій, О правахъ иностранцевъ въ Россіи до вступленія Іоанна III Васильевича на престолъ Вел. Кн. Московскаго. С. Пб., типогр. Трея, 1854. 1 т. въ 8-о. (№ 1903)

Априловъ Василій, «Болгарскіе книжники», или какому славянскому племени собственно принадлежитъ кирилловская азбука? Одесса, въ гор. типогр., 1844. 1 т. въ 12-о. брош. (№ 158)

Аристотель. О поэзіи. Перевелъ и объяснилъ В. Ордынскій. Москва, въ тип. Готье. 1854. 1 т. въ 8-о. (№ 979)

2-й экземпляръ. (№ 980)

Архивъ югозападной Россіи, издаваемый временною коммиссіею для разбора древнихъ актовъ, Ч. I—III. Кіевъ, въ универ. тип. 1859—61. т. въ 8-о. (№ 1373)

10 **Атласъ** ѳизической географіи. (Безъ заглавія) 5 лист. въ 3-о. (№ 1788)

Банксъ Я., Англійско-Русскій словарь. Т. I. II. Москва, Семенъ, 1838. 2 т. въ 8-о. (№ 1505)

Барскій, Путешествіе къ святымъ мѣстамъ, въ Европѣ, Азіи и Африкѣ находящимся. Ч. I. II. С.-Пб., иждивеніемъ Имп. Акад. Наук 1819. 2 т. въ 4-о. (№ 1443)

Баршевъ Сергій, О мѣрѣ наказеній. Москва, Въ унив. тип., 1840. 1 т. въ 8-о. (№ 357).

Вахманъ Ф., Система логики. Ч. I. (Безъ заглавнаго листа). (№ 1541).

Бееръ, Географія Россійская. При Импер. Академ. наукъ, 1767. 1 т. въ 8-о. (№ 1)392.

Библія, или книги священнаго писанія ветхаго и новаго завѣта (на славян. яз.). 1 т. въ 4-о. (№ 344).

еще два экземпляра. 2 т. въ 8-о. (№ 344).

Библіотека Россійская историческая, содержащая древнія лѣтописи. С.-Пб., При И. Акад. Наукъ. Часть I. 1767. 1 т. въ 4 о. (№ 348)

Билярскій П. С., Образчикъ филологическаго разбора языка новѣйшихъ писателей. (Изъ III т. Зап. Имп. Акад. Наукъ), 3 экз. брош. 3 въ 8-о. (№ 165)1.

Благовѣщенскій Н., Горацій и его время. С.-Пб., въ тип. И. Ак. Н., 1864. 1 т. въ 8-о. (№ 975).

2-й экземпляръ (№ 976).

20 **Блуменбахъ** Іог. Руководство къ естественной исторіи. Ч. I—III. С.-Пб., у Вальховскаго. 1797. 3 т. въ 8-о. (№ 122).

Богъ (съ нами), Бесѣды на рождество Христово. Харьковъ, въ унив. типогр., 1844. 1 т. въ 8-о. (1432).

Божерьяновъ Никол., Описаніе изобрѣтенія и постепеннаго усовершенствованія паровыхъ машинъ. С.-Пб., Х. Гинце, 1842. 1 т. въ 8-о. (№ 1807).

Будаевъ, Общая теорія равновѣсія твердыхъ тѣлъ, погруженныхъ въ жидкость. С.-Пб., тип. Импер. Акад. Наукъ, 1856 брош. 1-т. въ 8-о. № 1894).

Булгаринъ Ѳаддей, Россія въ историческомъ, геграф. и литерат. отношеніяхъ. Ч. I. II. С.-Пб., въ тип. Плюшара. 1830. 2 т. въ 12-о. (№ 118).

2-й экземпляръ. I. II. 2 т. въ 12-о. (№ 884).

Бурнашевъ Вл., Опытъ терминологическаго словаря сельскаго хозяйства, фабричности. Томъ I. С. Пб. 1843, 1 т. въ 8-о (№ 2,092)

Бѣлюстинъ Никита, Руководство къ переводамъ съ россійскаго языка на латинскій. Ч. 1 и 2 Пб., въ тип. Глазунова, 1838. 1845. 2 т. въ 8-о. (№ 365).

Бѣляевъ Н., Крестьяне на Руси. Москва, въ унив. тип., 1860. 1 т. въ 8-о. (№ 754).

Введеніе въ кругъ словесности, Харьковъ, въ унив. тип., 1822. 1 т. въ 8-о. брош. (№ 983).

Введеніе къ первой части свода мѣстныхъ узаконеній губерній остзейскихъ. 1 т. въ 8-о. (№ 2145).

30 **Вельяшевъ**-Волынцовъ Д., Словарь математическихъ и военныхъ наукъ. Ч. I. II. 1—4. С.-Пб., въ тип. Шнора, 1808. 5 т. въ 4-о. (№ 1384).

Венелинъ, Влахо-Болгарскія или Дако-Славянскія Грамоты. С. Пб., тип. Имп. Россійск. Академіи, 1840. 1 т. въ 8-о. (№ 762).

Вериго, Изслѣдованіе надъ Азобензидомъ и его гомологами. Одесса, тип. Нитче, 1866. 1 т. въ 8-о брош. (№ 1855).

Веселаго Θ., Очеркъ исторіи морскаго кадетскаго корпуса. С.-Пб., 1852. 1 т. въ 8-о. (№ 449).

Вейнтраубъ О., Исторія двухъ болѣзней, излеченныхъ посредствомъ животнаго магнетизма. Москва, въ тип. Семена, 1851. 1 т. въ 8-о брош. (№ 2,095).

Вивліоѳика (древняя Россійская), изданная Новиковымъ, изданіе второе. Ч 1—XX. Москва, въ тип. Компаніи типографической, 1788—91. 20 т. въ 8 о (№ 2.122).

Виды береговъ Черннаго моря. Изд. черном. Гидрогр. Депо, съ рисунками акад. Кухаревскаго, въ 1840—41 г. Безъ заглавія, 17 лист. in fol. (№ 1791).

Волчковъ С., французской лексиконъ. Ч. I—III. С. Пб., иждивеніемъ Импер. Акад. Наукъ, 1785—87. 3 т. въ 4-о (2 экз.) (№ 1454).

Вороновъ А., Историко-статистическое обозрѣніе учебныхъ заведеній С.-П—го учебнаго округа съ 1829 по 1853 годъ. С.-Пб., въ тип. Трея, 1854. 1 т. въ 8-о. (№ 409).

Воспитаніе (о неблагоразумномъ и превратномъ домашнемъ) дѣтей въ примѣрахъ, по способу Сальцмана. I. II. С.-Пб., въ тип. Байкова. (№ 395).

40 **Вѣдомости** (С.-Петербургскія) на 1845, — 1858 гг. 1831. 2 т., въ 12-о. 8 т. въ листъ. (№ 652).

Вѣдомость (именная) дѣламъ, по которымъ Госуд. Совѣтъ ходатайствовалъ предъ Государемъ Императоромъ о смягченіи участи подсудимыхъ (съ 1846—1862 г.). 1 т въ 8-о. (№ 688).

Вѣстникъ (Одесскій) на 1856 годъ 1 т., въ листъ. (№ 648).

Вѣстникъ (русскій) 1864 №№ 2—7; 1865 №№ 3, 8, 11 и 12; 10 тетр. въ 8-о. (№ 2130).

Вѣстникъ (Сибирскій). Часть I—VIII. Спб., 1818. 1819. 8 кн. въ 8-о. (№ 1657).

Вѣстникъ юго-западной и западной Россіи. Журналъ, издаваемый К. Говорскимъ. 1863 года, кн. 7 — 10. Кіевъ, въ губерн. тип., 1863. 4 т. въ 8-о. (№ 2093).

Вуичъ Іоакимъ, Путешествіе по Угаріи, Валахіи, Молдавіи, Бессарабіи, Херсону и Крыму. У Београду. 1845. 1 vol in 8-о. (№ 1767).

Гавріилъ Архимандритъ, Исторія философіи. Ч. VI. Казань, въ Универ. тип., 1840. 1. т., въ 8-о. (№ 1481).

Гакстгаузенъ Августъ, Закавказскій край. Часть I. II. С.-Пб. 1857. 2 т., въ 8-о. (№ 2083).

Галичъ А., Исторія философскихъ системъ по иностраннымъ руководствамъ Кн. I. II. С.-Пб., Иверсенъ, 1818. 1 т. въ 8-о. (№ 1545)

50 **Ганка**, Начала священного языка Словянъ. Въ Чешской Прагѣ, Гаазе, 1846 брош. 1 vol. in 8-о. (№ 826)

Геннади Григорій, Литература русской библіографіи. С. Пб., тип. Имп. Акад. наукъ, 1858. 1 т. въ 8-о. (№ 1810)

Географія (Новѣйшая) всеобщая. Ч. II. Смоленскъ, при Губернскомъ Правленіи, 18[illegible] 1 т. въ 8-о. (№ 1344)

Гизе Ферд., Всеобщая химія. Съ нѣм. перев. В. Комлишинскимъ. Харьковъ, въ унив. тип., 1813. (2 экз.) 2 т. въ 8-о. (№ 1746).

Гиртаннеръ Христ., Начальныя основанія химіи. Перев. съ нѣм. С.-Пб., при Имп. Акад. наукъ, 1801. 1 т. въ 8-о. (№ 1747).

Гласъ народолюбца, Пѣсна лурїческо-дїдактїческа. Л. М. 1819. 1 т въ 8-о. (№ 1105).

Глинка Григорій, Древняя религія Славянъ. Митава, въ типогр. у І. Ф. Штеффенгагена и Сына, 1804. 1. т. въ 8-о. (№ 1106).

Голиковъ И., Дѣянія Петра Великаго. Томы: I—XIII и XV. Москва, въ тип. Степанова, 1837. 14 т. въ 8-о. (№ 2088).

(Совсѣмъ испорчено).

Горловъ Иванъ, Начала политической экономіи. Т. I. С.-Пб., 1859. 1 т. въ 8-о. (№ 2101).

Горянинов Павелъ, Зоологія, основанная на зоономіи и примѣненная къ общей пользѣ, особенно къ Медицинѣ съ присоединеніемъ общей Органикологіи и краткой Антропологіи. Ч. I. II. С.-Пб., 1837. 1 т. въ 8-о. (№ 511).

60 **Государство** (русское) въ половинѣ XVII вѣка. Рукопись временъ Царя Алексѣя Михайловича, открылъ и издалъ П. Безсоновъ. Части 1, 2. Москва, въ тип. Семена, 1859—60. 2 тома въ 8-о. (№ 17).

Государство (русское) въ половинѣ XVII вѣка. (Приложеніе къ №№ 1, 2, 5 и 6 Русской Бесѣды), Москва, въ тип. Семена, 1859. 4 тома въ 8-о. (№ 2115).

Грамата (Псковская судная), составленная на вѣчѣ въ 1467 году. Издана по списку хранящемуся въ библіотекѣ Князя Мих. Сем. Воронцова, Н. Мурзакевичемъ. Одесса, въ город. типографіи, 1847. 1 т. въ 4-о. брош. (№ 211).

Грамматика (Россійская), сочиненная Императорскою Россійскою Академіею. С.-Пб, 1809. 1 т. въ 8-о. (№ 260).

Гречъ, Пространная Русская Грамматика, 2-е изданіе. Т. I. С.-Пб., типогр. издателя, 1830. 1 т. въ 8-о. (№ 829)

Гурьевъ, Основанія Трансцендентной Геометріи кривыхъ поверхностей. С.-Пб., при Московской тип., 1826. 1 т. въ 4-о. (№ 215).

Даневскій П., Объ источникахъ мѣстныхъ законовъ нѣкоторыхъ губерній и областей Россіи. С.-Пб., въ типогр. Фишова, 1857. 1 т. въ 8-о. брош. (№ 736).

Даница, Забавник за годину 1826. Година I. Издао Вук. Стеф. Караџић. У Бечу, у штампарији Іерменскога намастира, 1826, 1 т. въ 16-о. (№ 837).

За годину 1827, 1 т. въ 16-о. (№ 890).

Двигубскій, Физика. Изданіе 3-іе. Часть I. Москва, въ универ. тип., 1824. 1 т. въ 8-о. (№ 1929).

Дебу Іосифъ, О кавказской линіи. С.-Пб., въ тип. Крайя, 1829. 1 т. въ 8-о. (№ 106).

70 **Дегай** Павелъ, Пособія и правила изученія Россійскихъ Законовъ. Москва, въ тип. Семена, 1831; 1 т. въ 8-о. (№ 336).
Экз—ръ 2-й » » » » (№ 336).
Денница, Литературная газета. Варшава, 1842. Ч. I. II. 2 vol in 4-о (неполная и испорч.) (№ 838).
Денница, Словянское обозрѣніе. Годъ II. Часть первая. Варшава, 1843. 1 т. въ 8-о. (№ 942).
2-го экз—ра. 1843 годъ № № 1—7
3-го экз—ра. 1843 годъ № № 1—7 } № 839.
Дилтей Филиппъ, Начальныя основанія вексельнаго права. Печатаны при И. Москов. унив., 1772 г. 1 т. въ 4-о. (№ 2096).
Добровскій Іосифъ Аббатъ, Грамматика языка Славянскаго по древнему нарѣчію. Ч. II и III. Перевелъ съ Латинскаго С. Шевыревъ. Санктпетербургъ, въ типографіи Имп. Ак. Наукъ, 1834. 1 т. въ 8-о. (№ 1138).
Долгоруковъ Петръ, Сказанія о родѣ Князей Долгоруковыхъ. С.-Пб., въ тип. Праца, 1840. 1 т. въ 8-о. (№ 425).
Донесеніе слѣдственной Коммиссіи, учрежденной для изысканій о злоумышленныхъ обществахъ. С.-Пб., 1826. брош. 1. т. въ 8-о. (№ 117).
Дополненія къ Актамъ историческимъ, собран. и изд. Археогр. Коммиссіею. Т. V, VI. С.-Пб., тип. Праца, 1855—57. 2 т. въ 4-о. (№ 789).
Дюпенъ Карлъ, Геометрія и Механика искуствъ, ремеслъ и изящныхъ художествъ. Часть I 1—15, II 1—4. С.-Пб., 1830. 19 тетрадей въ 8-о. (№ 377).

Егуновъ А., О направленіи Одесско-Лембергской желѣзной дороги. Кишиневъ, въ тип. Областнаго Правленія, 1865. 1 т. въ 8 о (брош.) (№ 1889).

80 **Жарри де Манси**, Исторія древнихъ и новыхъ литературъ, наукъ и изящныхъ искусствъ. Перевелъ Н. Милашевичъ. Ч. I—IV. Москва, тип. Селивановскаго, 1832—1834. (6 экземпляр.) 24 т. въ 8-о (№ 1887)
7-го экземпляр. Часть I. Москва, тип. Лазаревыхъ, 1832. 1 т. въ 8-о (№ 1887 а).
Житіе и дѣла Марка Аврелія Антонина. С.-Пб., 1760. (неполная и изорванная книга). 1 т. въ 8-о. (№ 1295)
Жокуртъ, Греки—ихъ философія. 1 т. въ 8-о. (№ 1099)
Журналъ или поденная записка Императора Петра Великаго съ 1698 года Ч. I. II. С.-Пб., при Имп. Акад. Наук. 1770. 2 т. въ 4 о (№ 2102)
2-го экз. Часть I. 1770. 1 т. вы 4-о. (№ 1368)
Журналъ Императорскаго человѣколюбиваго общества. Тетр. I—IV. С.-Пб въ типогр. Греча, 1822 4 т. въ 8-о. (№ 1449)
Журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. 1866 № 10; 1837 №№ 2—4. 9 11. 12; 1838 №№ 1. 2. 2. 4—12; 1839 №№ 1—8. 10—12. въ 8-о (№ 1061)

Журналъ Министерства Государственныхъ Имуществъ. 1849—1853 (по 12 кн.); 1854 1—8. 10. 11; 1855 1—12; 1856 1—11. Алфавитн. указатель съ 1841—1856 г. вкл. С.-Пб., 1850. 30 т. въ 8 о. (№ 1731).

Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. 1858 10—12; 1867 1—4. 6. 8—12 1868. 1—12; 1868 1. 4—12; 1869 1—10. 12; 1869 8; 1870 1—12; 1870 10; 1871 1—5. 7—12; 1871 11. 12; 1872 1. 11 и 12. (№№ 177, 1406 и 1890).

Журналъ Министерства Юстиціи. 1859 1—6; 1860 1—12; 1862 1—12; 1863 1—12; 1864 1—12; 1865 1. 2. 4—11. въ 8-о. (№ 996).
2-го экземпл. за 1862 годъ №№ 1—12; 12 кн. въ 8 о. (№ 2104).

Журналъ (Технологическій). Т. I. часть 1. 2; II. III. IV. V. VI. 1. С.-Пб., при Имп. Акад. Наукъ 1804—1809. 6 т. въ 8-о. (№ 1732).
Прибавленіе къ Технол. журналу въ 1806 г. изд. Ч. I. II. С.-Пб., 1806. 1 т. въ 8-о. (№ 1704).

90 **Журналы** засѣданій ученаго комитета главнаго правленія училищъ по проекту общаго устава Россійскихъ университетовъ. С.-Пб., въ тип. Имп. Акад. Н., 1862. 1 т. въ 8-о. (№ 2100).
(три экземпляра).

Завѣтъ (Новый) Господа нашего Іисуса Христа. Смирна, въ тип. Даніянова, 1840. 1 т. въ 8-о. (№ 1402).
(текстъ на славян. языкѣ).

Замѣтки поклонника Святой Горы (Архим. Антонія). Кіевъ, въ тип. Кіево-печ. Лавры, 1864. 1 т. въ 8-о. (№ 1773).

Замѣчанія иностранныхъ педагоговъ на проекты уставовъ учебныхъ заведеній Министерства Народнаго Просвѣщенія. С.-Петербургъ, 1863. 1 т. въ 8-о. (№ 1846).
2-й экземпляръ. (№ 2103).

Замѣчанія на прокетъ общаго устава Россійскихъ университетовъ. Части I II. С.-Пб., въ тип. Имп. Ак. Н., 1862. 2 т. въ 8-о. (два экземп.) (№ 2.140).

Замѣчанія на проектъ устава общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній. Части I—VI. С. Пб., въ тип. Имп. Ак. Н., 1862. 6 т. въ 8 о. (№ 2139).

Записки Горыгорѣцкаго земледѣльческаго института. Кн. I—III. С.-Пб., тип. Мин. Госуд. Имущ. 1852—1854. 3 т. въ 8-о. (№ 1918).
2-го экз. Кн. I. С. Пб, 1852. (№ 1918 а).

Записки Императорскаго Новороссійскаго Университета. Т. V. VII. Одесса, 1870—71. 3 т. въ 8-о. (№ 1,304).
2-го экземпляра. Т. V. VII. 3 т. въ 8-о. (№ 1,305).
3-го экземпляра. » » — (№ 1306).

Записки (Отечественныя), издаваемыя Павл. Свиньинымъ. 1820 № 1—7. (Май—Ноябрь); 1822 № 36—32 (Іюнь—Декабрь) С.-Пб., 14 кн. въ 8-о. (№ 1655).

Записки русскаго географическаго общества кн. 1—4. С.-Пб., 1862. 4 т.
въ 8-о. (№ 2,13
100 **Записки** русскихъ людей, Событія временъ Петра Великаго. Изданіе И. С
харова, С. Пб., 1841. 1 т. въ 8-о. (№ 211
Заподьскій В., Краткое руководство ко всеобщей географіи, по новому р
дѣленію въ 3-хъ отдѣленіяхъ. Москва, въ универ. типогр., 18
1 т. въ 8-о (№ 116
Зерцало (Историческое) или таблица россійской исторіи. 2 ое изданіе. Ли
1—4. (5 экз.) 5 т. in fol. №№ 1783 и 179
Зерченниковъ А., Разсужденіе о важности христіанскихъ путешествій ко
мѣстамъ. Москва, въ тип. Семена, 1840 1 т. въ 8-о. (№ 141
Зуевъ Н., Историческій атласъ для древней, средней и новой исторіи. С.-П
1850. 1 vol. in fol. (№ 12
Зуевъ, Краткое обозрѣніе странъ Европы въ физическомъ отношеніи. С.-П
тип. Глазунова и Комп., 1856. 1 т. въ 4-о. (№ 18

Извлеченія изъ отчетовъ лицъ, отправленныхъ Министерствомъ Народ
Просвѣщенія за границу, для приготовленія къ профессорск
званію. Части I—VII. С. Пб., въ тип. Огризко, 1863—66. 7
въ 8-о. (№ 70
2-й экземпл. 7 т. въ 8-о. (№ 7
Извѣстія византійскихъ историковъ, объясняющія россійскую исторію д
нихъ временъ и переселенія народовъ; собраны Иван
Штриттеромъ. Части I—IV. С.-Пб., при Имп Акад. Н., 1770—
2 т. въ 8-о. (№ 4
Извѣстія Россійской Академіи. Кн VIII. С. Пб., въ тип. Имп. Росс. Ак
1800. 1 т. въ 8-о. (№ 14
Изображеніе (лѣтосчислительное) исторіи знатнѣйшихъ европейскихъ г
дарствъ. С. Пб., 1 листъ. (№ 13
(Два экземпляра).
110 **Изслѣдованіе** каменно-угольнаго Донецкаго бассейна, произведенное въ 18
1839 годахъ, по распоряженію А. Демидова, инженеромъ Ле-
Переводъ Г. Щуровскаго. Москва, въ тип. Семена, 1854.
въ 8-о. и атласъ. 1 т. въ 2-о. (№ 2.1
Изслѣдованія (умозрительныя) Императорской Санкпетербургской Акад
Наукъ. Томы I—V. С.-Пб. При Имп. Акад. Н., 1808—819;
въ 4-о. (№ 2
2-го экземпляра. Томы I II. IV. V. 4 т. въ 4-о (№ 2
Иліичъ Самуйло, Генетліяконъ. У Бечу, 1825. 1 т. въ 8 о. брош. (№ 1
Имесловъ или рѣчникъ личны имена разны народа Славенски. Скупіо І
Пачичъ, а умножіо Іоанъ Колларъ. Издао Іосифъ Миловук
Будиму, 1828. 1 т. въ 8-о (два экземп.) (№
3-й экз—ръ 1 т. въ 8-о. (№

Іоакинфъ Монахъ, Записки о Монголіи. Т. I. Ч. 1. 2. С.-Пб., тип. Крайя,
1 т. въ 8-о. (№

Кавелинъ К., Что есть гражданское право и гдѣ его предѣлы? С.-Пб., въ тип. И. Ак. Н., 1861. 1 т. въ 12-о; брош. (№ 536).

Кадетъ Шарль-Луи, Словарь химическій, обработанный на росс. яз. трудами В. Севергина. Ч. I—IV. С.-Пб., при Имп. Акад. Наукъ, 1810. (2 экз.) 8 т. въ 8-о. (№ 1748).

Казанскій, Исторія Православнаго монашества на Востокѣ. Ч 1. Монашество въ Египтѣ. Москва, тип. Семена, 1854. 1 т. въ 8-о. (№ 1956).

Календарь Армянскій за 1829 и 1854 годъ, Венеція. 2 vol in 32-о. (№ 1265).

Каразинъ Василій, Рѣчь о истинной и ложной любви къ отечеству. Харьковъ, въ унив. тип., 1818. 1 т. въ 16 о брош. (№ 311).

20 **Карастелевъ** Корнелій, Собраніе формулъ и задачъ, относящихся къ интегральному исчисленію. Одесса, въ тип. Нитче, 1857. 1 т. въ 8-о. брош. (№ 217).

Караджичъ Вук. Стеф., Народне Српске Пjесме. Книга II. У Липисци, у штампарији Брејткопфа и Ертла, 1823. 1 т. въ 8-о. (№ 1114).
Кн. V. У Бечу. 1665. 1 т. въ 8-о. (№ 1819).

Карта древнихъ эллинскихъ поселеній по берегамъ Чернаго и Азовскаго морей, составилъ Н. М. Мурзакевичъ. Одесса, лит. Д. Кленова. 1 листъ въ 8-о. (№ 1787).

Касторскій, Начертаніе Словянской Миѳологіи. С.-Пб., тип. Фишера, 1841. 1 т. въ 8-о. (№ 918).

Каталогъ сельско-хозяйственнаго музея М. Г. И. въ С.-Петербургѣ. Отдѣлы I. II. и IV. С.-Пб., въ тип. Безобразова, 1867. 1 т. въ 12-о (№ 1811).

Каталогъ (Систематическій) книгъ, поступившихъ въ библіотеку 2-го отдѣленія собств. Е. И. В. канцеляріи съ 1853 по 1863 г. С.-Пб., 1863. 1 т. въ 8-о. (№ 1762).

Кеппенъ Петръ, Древности сѣвернаго берега Понта. Москва, въ унив. тип., 1828. 1 т. въ 8-о. (№ 617).

Кеппенъ Петръ, Объ этнографической картѣ европейской Россіи. С.-Пб. тип. Имп. Акад. Н., 1852. 1 т. въ 8-о. брош. (№ 310).

Кеппенъ Петръ, О шелководствѣ въ Россіи. 1 т. въ 8-о. брош. (№ 386)

Кесслеръ К., Путешествіе съ зоологическою цѣлью, Кіевъ, 1860. 1 vol. въ 8-о. (№ 1803).

30 **Ключъ** или алфавитный указатель къ исторіи государства Россійскаго Н. Карамзина, составленный П. Строевымъ. Изданіе Н. Эйнерлинга, С.-Пб,. въ тип. Праца. 1844. 1 т. въ 8-о. (№ 207).

Книжка (карманная) для любителей землевѣденія, издаваемая отъ русскаго географическаго общества. С.-Пб., въ типограф. II го отдѣленія собственной Е. И. В. канцеляріи, 1848. 1 т. въ 12-о. (№ 139₁).

Книжка (памятная) Бессарабской области на 1862 годъ. Кишиневъ, въ областной тип. 1 т. въ 8-о. (№ 1335).

Книжка (памятная) морскаго вѣдомства за годы 1867 и 1869. 2 т. въ 12-о. (№ 699).
За 1872-й г. 1 т. въ 12-о. (№ 1676).

Ковалевскій О., О знакомствѣ Европейцевъ съ Азіею. С.-Пб., въ тип. Имп. Акад. Наукъ, 1837. 1 т. въ 8-о. (брош.) (№ 1475).

Кондильякъ Аббатъ, Логика. Переведено съ французскаго. С.-Пб., Изд. Имп. Акад. Наукъ, 1814. 1 т. въ 8-. (№ 1539)

Костомаровъ Н., Очеркъ торговли Московскаго государства въ XVI. и XVII столѣтіяхъ. С.-Пб., въ тип. Тиблена. 1 т. въ 8-о. (№ 25)

Крашенинниковъ Степ., Описаніе земли Камчатки. Ч. I—IV. 2-й тисн. С.-Пб. при Имп. Акад. наукъ. 1786. 1 т. въ 4-о. (№ 1776).

Крузенштернъ, Атласъ къ путешествію вокругъ свѣта. С.-Пб., 1813. 2 т. in fol. (№ 1779 и 1790)

Курасъ, Сокращенная универсальная исторія. С.-Пб., при Имп. Акад. Н., 1862, 1 т въ 8-о. (№ 974).

140 **Лагарпъ** І. Ф., Ликей, или кругъ словесности древней и новой. Части I—V. С.-Пб., въ тип. Плавильщикова, 1810—814. 5 т. въ 8-о. (№ 139).

Лазаровичъ Ефремъ, Содружество древнихъ боговъ. Въ Венеціи. 1810. 1 т. въ 12-о (№ 195).

Лапшинъ В. И., Отчетъ о путешествіи заграницу, лѣтомъ 1861 г.—Харьковъ въ унив. тип., 1862. брош. въ 8-о. (№ 1774).

Левшинъ Алексѣй, Письма изъ Малороссіи. Харьковъ, въ унив. типогр., 1816. 1 т. въ 8-о. (№ 268).

Лексиконъ (философскій), составилъ Гогоцкій. Т. I. Кіевъ, въ унив. типогр., 1857. 1 т. въ 8-о. (№ 2.109).

Лексиконъ (Энциклопедическій). Т. I—VI. С.-Пб, въ тип. Плюшара, 1835—1836. 6 т. въ 8-о. (№ 1950).

Ле-Пле, Изслѣдованіе каменноугольнаго донецкаго бассейна, произведенное въ 1837—39 годахъ, по распоряженію А. Демидова. Переводъ Щуровскаго. Москва, 1854. (Таблицы I—IX). 1 т. въ листъ. (№ 750).

Лессажъ, Историческій, генеалогическій, хронологическій, географическій атласъ. С.-Пб., 1809. (2 экз.) 2 т. in fol. (№ 1789)

Линовскій Владиміръ, Изслѣдованіе началъ уголовнаго права, изложенныхъ въ уложеніи царя Алексѣя Михайловича. Одесса, въ гор. типог., 1847. 1 т. въ 4-о. (№ 775).

Лодій П., Логическія наставленія, руководствующія къ назначенію и различенію истиннаго отъ ложнаго. С.-Пб, Іоаннесовъ, 1815. 1 т. въ (№ 1538).

150 **Лонгинъ** Діонисій, О высокомъ или величественномъ С.-Пб., въ Имп. типогр., 1803. 1 т. въ 8-о. (№ 148).

2-й экземпляръ. 1 т. 8-о.

Лоренцъ Ф., Руководство къ всеобщей исторіи. Ч. I. С.-Пб., 1841. 1 т. въ 8-о. (№ 1242).

Лорини, Опытъ о переправахъ чрезъ рѣки. Перев. съ итал. С.-Пб., Акад. наукъ, 1800. 1 т. въ 8-о. (№ 1693).

Лукинъ Вас., Опытъ практическаго руководства къ производству уголовныхъ слѣдствій и уголовнаго суда по русскимъ законамъ. Изданіе 2-ое С.-Пб., въ тип. Праца, 1852. 1 т. въ 8-о. (№ 2,107).

Лорини, Опытъ о переправахъ чрезъ рѣки. Перев. съ итал. С.-Пб., Акад. наукъ, 1800. 1 т. въ 8-о. (№ 1693).

Лоренцъ Ф., Руководство къ всеобщей исторіи. Ч. 1. С.-Пб., 1841. 1 т. въ 8-о. (№ 1242).

Лукинъ В., Опытъ практическаго руководства къ производству уголовныхъ слѣдствій и уголовнаго суда по русскимъ законамъ. Изд. 2, С.-Пб., тип. Праца, 1852. 1 т. въ 8-о. (№ 2107).

Лѣтописи (Сербске), Части 2. 5. 6. 13—19. 22. 27—31. 106—109. У Будиму, 1825. 1826. 1828—1832. 1863—1865. 14 vol. in 8-о. (№ 1672 и 1893).

Любовскій П., Краткое руководство къ опытному душесловію. Харьковъ, въ Унив. тип., 1815. 1 т. въ 8-о. (№ 1135).

Малышевскій, Александрійскій Патріархъ Мелентій Пигасъ и его участіе въ дѣлахъ Русской Церкви. Т. I. Кіевъ, тип. Кіевопечерской Лавры, 1872. 1 т. въ 8-о. (№ 1891).

Мансуровъ В., Охтенскія адмиралтейскія селенія. Части I — III. С.-Пб., въ тип. Мор. Мин., 1856. 1 т. въ 8-о. (№ 635).

Маркизъ де-ла-Шетарди въ Россіи 1740—1742 годовъ. Издалъ П. Пекарскій. С.-Пб., въ тип. Огризко, 1862. 1 томъ въ 8-о (№ 19).

Массильйонъ Епископъ, Избранныя слова. Ч. I—III. С.-Пб., въ тип. Плавильщикова, 1814. 3 т. въ 8-о. (№ 267).

160 **Матеріалы** для исторіи возмущенія Стеньки Разина. Изд. А. Поповъ (изъ Русской Бесѣды). Москва, тип. Л. Степановой, 1857. 1 т. въ 8-о. (№ 1760).

2-й экз—ръ (№ 928).

Матеріалы для Исторіи и Статистики учебныхъ заведеній Мин. Народ. Просв. Учебныя заведенія въ г. Сумахъ. А. Воронцова. С.-Пб., въ тип. Сущинскаго, 1865. 1 т. въ 8-о (брош.) (№ 1387).

Матеріалы для Исторіи просвѣщенія въ Россіи, собираемые Петромъ Кеппеномъ. № II. Библіографическіе листы 1825 года. С.-Пб., тип. Крайя, 1826. 1 т. въ 4-о. (№ 1812).

2-го экз—ра № № II, III. 1826—27. 2 т. въ 4-о. (№ 1367).

3-го экз—ра № II. 1826. 1. т. въ 4-о. (№ 794).

Матеріалы для Исторіи Учебныхъ Заведеній Мин. Народ. Просв. Исторія Новгородской дирекціи до 1828 года. Н. Отто. С.-Пб., въ тип. Сущинскаго, 1865. 1 т. въ 8 о (брош). (№ 1388).

Матеріалы по вопросу о приготовленіи учителей для гимназій и прогимназій. С.-Пб., А. А. Краевскій, 1865. 1 т. въ 8-о. (№ 1673).

Метода (Краткая) взаимнаго обученія, для первоначальной школы Россійскихъ солдатъ. (Изд. I. Ганри). Крѣп. Мобежъ во Франціи 1817. 1 т. въ 8-о (брош.). (№ 1519).

Милетичъ-Правдословъ Лазарь, Извѣстіе о пресвятомъ изображеніи образа Господа нашего Іисуса Христа. С.-Петербургъ, Иверсенъ, 1829. (брош.) 7-мъ экз. 7 vol in 4-о. (№ 1153).

Миловук, Зачатіе и истино основаніе Матице Сербске, У Будиму, 1829. брош. 1 т. въ 12-о. (№ 827).

Миловук Іосиф, Протак за толкованіе и красну ону кулу у селу кое э у л топису частици 18-той печатано. У Будиму граду. Словима Крал Университ. Пештанског., 1829. 1 т. in 8-о (брош.). (№ 112(

Милутиновић Симеонъ, Зорица—Издана Іосифомъ Миловуком. У Буди Штампом Свеучилишта Пештанска, 1827. 1 т. въ 8-о. (№ 110:

170 **Милутиновић** Симеонъ, Неколике піеснице. У Лаіпцигу, 1826. 1 т. въ 24- (4 экземпл.) брош. (№ 158

Мнѣніе постоянной депутаціи Московскихъ купеческихъ съѣздовъ о закл ченіи торгово-таможеннаго договора между Россіею и германски таможеннымъ союзомъ. Москва, 1865. 1 т. въ 8-о. (№ 2.10

Молитвы (разныя) на чешскомъ языкѣ. 1 т. въ 8-о. брош. (№ 123

Монтескьё, Размышленія о причинахъ величества Римскаго народа и е упадка. Съ французскаго переведенныя переводчикомъ Алексѣе Полѣновымъ. Въ Санктпетербургѣ, въ Имп. Акад. Наукъ, 176 1 т. въ 8-о. (№ 1093

Мордвиновъ Николай, Разсужденіе о могущихъ послѣдовать пользахъ о учрежденія частныхъ по губерніямъ банковъ. С.-Пб., въ типо Восп. Дома, 1816. 1 т. въ 12-о. (№ 301

Москва, оплакивающая бѣдствія свои, нанесенныя ей въ 1812 году. Моск въ унив. типогр., 1813. 1 т. въ 8-о. брош. (№ 1851

Мушицкогъ Лукіанъ, Стіхотворенія. Книга I. Издана Георгіемъ Мушицки Докторомъ медіціне. У Пешти, 1838. 1 т. въ 8-е. (№ 1115

Мѣсяцословъ (Санктпетербургскій карманный) на 1812—1815. Печатано п Имп. Акад. Н. 4 т. въ 16-о. (№ 321

Наставленіе для веденія записокъ по части экономіи или хозяйства; бро (№ 3

Начертаніе правилъ воспитанія въ обоихъ Одесскихъ благородныхъ инс тутахъ. Одесса, 1814. (19 экз.) 19 брош. въ 4-о. (№ 166

Тоже на французск. яз. (9 экз) 9 брош. in 4-о.

180 **Несторъ**, Русскія лѣтописи на древле-славянскомъ языкѣ, сличенныя, пер денныя и объясненныя Авг. Шлецеромъ. Перевелъ Дмитрій Я ковъ. Томы I—III. С. Пб., въ Импер. типогр., 1809—819. 3 въ 8-о. (№ 1

Ноель, Всеобщая исторія о звѣриныхъ и рыбныхъ промыслахъ. Перев. С рецковскій. Т. I. С.-Пб., тип. Имп. Акад. Наукъ, 1817. 1 т. 4-о. (№ 8

Обозрѣніе публичнаго преподаванія Наукъ въ Имп. Моск. Унив. съ 17-го Августа 1829 по 28-го Іюня 1830. Москва, въ универ. т vol. in 4-о. брош. (№ 1

Обозрѣніе Россійскихъ владѣній за Кавказомъ. Ч. I—IV. С.-Пб., въ Деп. Внѣш. торговли, 1836. 4 т. въ 8-о. (№ 1

2-й экземпляръ (№ 2.

Обозрѣніе славяно-русской библіографіи. Тома 1-го книги 2-й выпускъ вертый. С.-Пб., 1849. 1 том. въ 4-о. (№ 1

Образованіе и уставъ Ришельевскаго лицея въ Одессѣ. С.П-б., 1818. (66 экз.) 66 vol. in 8-o. (№ 1745).

Одноосумовъ, Болѣзни печени при перемежающейся лихорадкѣ. Харьковъ, въ унив. тип., 1861. брош. 1 т. въ 8-о. (№ 1907).

Описаніе Кіевопечерской Лавры, Кіевъ, въ тип. Кіевопеч. Лавры, 1826. 1 т. въ 4-о. (№ 1351).

Описаніе Кіевософійскаго собора и Кіевской Іерархіи. Кіевъ, въ тип. Кіевопеч. Лавры, 1825. 1 т. въ 43-о. (№ 450).

Описаніе постепеннаго развитія почтовой гоньбы въ Россіи и существовавшихъ до сего времени способовъ содержанія станцій. С.-Пб., въ тип. Почтоваго Департамента, 1860. 1 т. въ 8-о. брош. (№ 1845).

190 **Описаніе** славянскихъ рукописей московской синодальной библіотеки. Отдѣлъ первый. Издали: Александръ Горскій и Капитонъ Невоструевъ, Москва, въ синод. тип., 1855. 1 т. въ 8-о. (№ 435).

2-й экземпляръ. (№ 866).

Описаніе старопечатныхъ книгъ славянскихъ, Издалъ Павелъ Строевъ. Москва, въ тип. Селивановскаго, 1841. 1 т. въ 8-о. (№ 427).

Описаніе Тибета въ нынѣшнемъ его состояніи, Переводъ съ Китайскаго. С.-Пб., въ тип. И. Воспитат. дома, 1828. 1 т. въ 8-о. (№ 1345).

Опытъ краткой исторіи русской литературы. 1 т. въ 8-о. (№ 1116).

Опытъ областнаго великорусскаго словаря, изданный Вторымъ Отд. Имп. Академіи Наукъ. С.-Пб., Акад. наукъ, 1852. 1 т. въ 4-о. (№ 1650).

Основанія Россійскаго права, Томъ I. С.-Пб., въ тип. коммисіи составленія законовъ, 1821. 1 т. въ 8-о. (№ 210).

Отрывки (избранные) изъ грамматики, эллино-греческаго языка Бутмана, перев. Поповымъ для III и IV классовъ гимназіи. Изд. Хрисохоосомъ, Одесса, 1843. 1 т. въ 4 о. брош. два экз. (№ 986).

Отчетъ и рѣчи, читанные въ чрезвычайномъ собраніи Общ. Сельск. Хозяйст. Южн. Россіи 20 Дек. 1838 г. Одесса, гор. типогр., 1839. брош. in 8-о. (№ 1712).

Отчетъ (Краткій) о состояніи и дѣйствіяхъ Императорской и Царской Варшавской Медико-Хирургической Академіи, Варшава, тип. Ковалевскаго, 1861. брош. 1 т. въ 4-о. (3 экземпл.) (№ 1931).

Отчетъ Русскаго Общества Пароходства и Торговли съ 3-го Августа 1856 по 31 декабря 1857 г. С.-Пб., 1858 г. 1 т. въ 8-о. бр. (№ 701.

200 **Отчетъ**, представленный военному министру по управленію горною и соляною частями въ землѣ войска Донскаго за 1866 годъ. С.-Пб., въ тип. Глазунова, 1867. 1 т. въ 8-о. брош. (№ 700).

Очеркъ (Историческій), Лазаревскаго института Восточныхъ языковъ. С.-Пб., тип. Имп Акад. Наукъ, 1855. 1 т. въ 8-о. (№ 795).

Павлищевъ Н., Учебныя пособія для военно-учебныхъ заведеній. Историческій атласъ Россіи. Варшава, Стромбскій, 1845. 1 т. въ 4-о. (№ 1550).

Палаузовъ, Вѣкъ Болгарскаго царя Симеона. С.-Пб., тип. Акад. Наукъ, 1852. 1 т. въ 8-о. (№ 916).

Палаузовъ С., Румынскія господарства Валахія и Молдавія. С.-Пб., у Кожанчикова, 1859. 1 т. въ 8-о. (№ 955)

Памятники дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ державами иностранными. Томы I. II. С.-Пб., 1851. 1852. 2 т. въ 8-о. (№ 303)

Памятникъ (новый) законовъ имперіи Россійской. Части I—XIII. XV—XVII С.-Пб., въ тип. Прав. Сената, 1823—32. 19 т. въ 4-о. (изданіе неполное и изорванное). (№ 343)

Паратичъ Сигизмундъ, Краткая общая статистика европейскихъ государствъ Харьковъ, въ унив. тип., 1812. 1 т. въ 8-о. (№ 391)

Паратичъ Сигизмундъ, Краткое начертаніе математической географіи. Москва въ тип. Селивановскаго, 1815. 1 т. въ 8-о. (№ 413)

Педагогія и Меѳодика, Переведена I. Беричемъ, въ Будимѣ, письмены Крал Унгарскаго Всеучил. Пештан., 1816. 1 vol in 8-о. (№ 1590)

210 **Пекарскій,** Исторія Имп. Акад. Наукъ въ Петербургѣ. Т. I, II. С.-Пб., тип Имп. Акад. Наукъ, 1870—73 2 т. въ 4-о. (№ 1068)

Пеллико С., О должностяхъ человѣка. Перевод. съ Итальянскаго Н. Хрусталевымъ. Одесса, Міевиль, 1835. 1 т. въ 8-о. (№ 1526)

Переводъ ручной книги законовъ, или такъ называемаго Шестикнижія, собраннаго Конст. Арменопуломъ. Части 1, 2. Съ изданія, печатаннаго въ Венеціи въ 1766 г. Печатано при Сен. тип. въ 183 году. 1 т. въ 2-о. (№ 589)

Переписка Папъ съ Россійскими Государями въ XVI-мъ вѣкѣ. Издан Протоіереемъ Іоанномъ Григоровичемъ. С.-Пб., при И. Ак. Н 1834. 1 т. въ 8-о. (№ 2089)

Петерсъ J., О вексельныхъ оборотахъ. С.-Пб., 1849. 1 т. въ 8-о брош (№ 167

Петрушевскій, Польская метрологія, или описаніе польскихъ мѣръ, вѣсов и монетъ. Изд. 2-е. С.-Пб., тип. Плюшара, 1831. бр. (2 экзем.) 2 т. въ 8-о. (№ 1871

Петрушевскій Ө., Краткая европейская Метрологія. С.-Пб., 1842. въ ти Праца. 1. въ 8 о. (№ 211

Письма Графа М. М. Сперанскаго къ Х. Лазареву. С.-Пб., въ тип. Р гальскаго, 1864. 1 vol. in 8-о. (№ 2.090

Письма о спасенія міра Сыномъ Божіимъ. С.-Пб., тип. III. Отд. Е. И. канцеляріи, 1839. I vol· in 8-о. (№ 803

Плетневъ, Памяти Графа Сергія Семеновича Уварова, президента Имп. Ака Наукъ. С.-Пб., тип. Имп. Акад. Наукъ, 1855. брош. 1 т. въ 8- (№ 90

220 **Плошинскій** А, Городское или среднее состояніе русскаго народа. С.-Пб., тип. Веймара. 1 т. въ 8-о. (№ 15

Погодинъ М., Несторъ, историко-критическое разсужденіе о началѣ Русски лѣтописей. Москва, въ унив. тип., 1839. 1 т. въ 8-о. (№ 93

Положеніе о производствѣ въ ученыя степени. С.-Пб., 1844. 1 т. въ 8-о. (№ 70

Поповичъ J., Разна дѣла. Свезка I. II, У Бидиму, Крадь, 1827. 2 т. 8-о. (№ 179

Поповъ Нилъ, В. Н. Татищевъ и его время. Москва, въ тип. Грачева, 1861. 1 т. въ 8-о. (№ 21).

Правила для пріема воспитанниковъ въ морской Кадетскій Корпусъ. С.-Пб., въ тип. морск. мин. въ главномъ адмиралтействѣ, 1866. 1 т. въ 8-о. (брош.) (№ 1513).

Правила надзора за частнымы учебными заведеніями въ г. Варшавѣ. 1841 года. (брош.) 1 vol. in fol. (брош. лит.) (№ 1193).

Правила поэзіи, Переводъ Аббата Батѐ С.-Пб., въ Морс. тип., 1808. 1 т. въ 8-о. (№ 981).

Прегледъ цѣлога счетоводнога состоянія књижевнога содружества Матице Сербске съ концемъ године 1850. У Будиму, писмены Крал. Свеучилишта Пештанског. 1 т. въ 8-о. (брош.) (№ 1494).

Прибавленіе къ каталогу библіотеки II-го отдѣленія собственной Е. И. В. канцеляріи, напечатанному въ 1849 г. С.-Пб., 1853. 1 т. въ 8-о. (№ 1761).

230 **Приповѣдки** (Галиціи) и загадки зббранія Гр. Илькевичом. У Вѣдни, Мехитаристôв, 1841, 1 vol. in 12-о. (№ 893).

Продолженіе свода законовъ Россійской имперіи, изданія 1842 года. I. XI. XV. 1. 2. XVIII. XIV. С.-Пб. 1843—55. 1 т. въ 8-о. (№ 2137),

Прокоповичъ А., Поучительныя слова. Москва, въ Сѵнодальной тип., 1803. 1 т. въ 8-о. (№ 1436).

Промышленности (о табачной) въ Малороссіи. 1 т. въ 8-о. брош. (№ 385).

Пропилеи, Сборникъ статей по классической древности, издаваемый П. Леонтьевымъ. кн. IV. Москва, въ унив. тип., 1854. 1 т. въ 8-о. (№ 30).

Прописи для чистописанія греческія, латинскія, нѣмецкія и французскія. Изданы Департ. Народн. Просв., С.-Пб., 1833. 1 т. in fol. (№ 1634).

Проектъ торговаго уложенія россійской имперіи. Ч. I. II. С.-Пб., въ тип. Правительств. Сената, 1814. 2 т. въ 8-о. (№ 1442).

Проектъ Устава Русскаго Земскаго Банка. С.-Пб., въ тип. Деп. внѣшней торговли, 1862. 1 т. въ 8-о. (№ 1351).

Пузыревскій П., Очеркъ геогностическихъ отношеній Лаврентьевской системы Выборгской губерніи. С.-Пб., въ тип. Имп. Акад. Н., 1866. 1 т. въ 8-о. брош. (№ 144).

Путешествіе въ сѣверный тихій океанъ, подъ начальствомъ Кука, Клерка и Гора въ 1776—80 г. г. Съ англ. на росс. яз. преложилъ Г. Л. Голенищевъ-Кутузовъ. Ч. I. II. С.-Пб., при Имп. Акад. Наукъ, 1810. 2 т. въ 8-о. (№ 1778).

240 **Путятинъ**, Проэктъ преобразованія морскихъ учебныхъ заведеній. С.-Пб., 1860. 1 т. въ 8-о. (№ 697).

Пѣваніія церногорска и херцеговачка, собрана чубромъ Чойковичемъ. Издана Іосифомъ Миловуком. Ч. 1. У Будиму, 1833. 1 vol. in 8-о. (№ 1076).

2-й аквемпл. У Лайпцигу, 1837. 1 vol. in 8 о. (№ 844).

Разборъ физики г. Веллинскаго, Часть 1. С.-Пб., тип. Деп. Внѣш. торговли, 1834. 1 т. въ 8 о. (№ 1870).

Разряды (Дворцовые), по Высочайшему повелѣнію изданные II-мъ отдѣленіемъ собственной Е. И. В. канцеляріи. Томы I. II. III. и дополненіе и IV. С.-Пб., 1850—55. 4 т. въ 8-о. (№ 342).
2-го экземпляра томъ I. С.-Пб., 1850. 1 т. въ 8-о. (№ 342).
Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ Россійскаго языка, Изданіе второе. С.-Пб., въ тип. Плавильщикова, 1818. 1 т. въ 8-о. (№ 2.118).
Рождественскій Н., Руководство къ Россійскимъ законамъ. С.-Пб., въ тип. Праца, 1848. 1 т. въ 8-о. (№ 2.114).
Рождественскій Н., Основанія государственнаго благоустройства. С.-Пб., 1846. 1 т. въ 8-о. (№ 2113).
Роспись россійскимъ книгамъ для чтенія изъ библіотеки Александра Смирдина. С.-Пб., въ тип. Смирдина, 1828. 1 т. въ 8 о. (№ 300).

Сборникъ Муханова, Москва, въ унив. типогр., 1836. 1 т. въ 4-о. (№ 759).
Сборникъ Постановленій и распоряженій по Цензурѣ съ 1720 по 1862 годъ. С.-Пб., въ тип. Мор. Мин—ва. 1872. 1 т. въ 8 о. (№ 2135).
250 **Сводъ** законовъ Россійской имперіи. Изданіе 1842 года. Томъ I—XI. VIII—XV и указатель къ нему. С.-Пб., 1842. 15 т. въ 8-о. (№ 2.141))
2-го экземпляра. Томы: I—XIII и продолженія: I—IX. XVI—XVIII. 2 т. въ 8-о, (№ 109).
3-го экземпляра. Томы I—III. V—IX. XI-XIV. 12 т въ 8-о. (№ 691).
Сводъ мѣстныхъ узаконеній губерній остзейскихъ. Часть III. Законы гражданскіе. С.-Пб., 1864. 1 т. въ 8-о. (№ 2.143).
Сводъ наблюденій, произведенныхъ въ главной физической и подчиненныхъ ей обсерваторіяхъ. Подъ руководствомъ А. Купфера за 1851 годъ С-Пб., тип. Якобсона, 1853. 1 т. въ 4-о.
Обозрѣніе (Метеорологическое) Россіи за 1853 и 1860 г. С.-Пб., тип Якобсона, 1854. 1862. 2 т. въ 4 о. (№ 1874)
Сводъ (систематическій) существующихъ законовъ Россійской имперіи, издаваемый Коммисіею составленія законовъ. I. II. 1. III. IV. 1. V С.-Пб., въ тип. Пр. Сен., 1815—818. 7 т. въ 4-о. (№ 673)
Свѣдѣнія (историко-статистическія) о земскихъ повинностяхъ. С.-Пб., 1861 1 т. въ 8-о. (№ 683)
Севергинъ Василій, Подробный словарь минералогическій. Т. I. II С.-Пб при Имп. Акад. Н., 1807. 1 т. въ 4 о. (№ 293)
Селезневъ И., Историческій очеркъ бывшаго Царскосельскаго нынѣ Александровскаго Лицея за первое его пятидесятилѣтіе съ 1811 по 186 годъ. С.-Пб., въ тип. Безобразова, 1861. 1 т. въ 8-о. (№ 2117
Семеновъ, Придонская флора. С.-Пб., типогр. Веймара, 1851. 1 т. въ 8- (№ 814
Сенъ-Симонъ, О пребываніи Петра Великаго въ Парижѣ въ 1717 году. (Из журнала Мин. Нар. Пр. 1856 №. 1). 1 т. въ 8-о. (2 экз.) брош (№ 209
Сказанія иностранныхъ писателей о Россіи, изд. Археографическою коммисіею. Т. 1. С.-Пб., тип. Праца, 1851. 1 т. въ 4-о. (№ 783

260 **Словарь** исторический о бывшихъ въ Россіи писателяхъ Духовнаго чина Грекороссійскія церкви. Часть 1. С.-Пб., въ тип. Греча, 1818. 1 т. въ 8-о. (№ 2120).

Словарь Россійско-Польскій, сочиненный по Словарямъ Академіи Россійской. Т. I. II Варшава, Гликсбергъ, 1825—28. 2 т. въ 8 о. (№ 850).

Словарь (треязычный морской) на Англійскомъ, Французскомъ и Россійскомъ языкахъ, въ трехъ частяхъ Собралъ и объяснилъ Александръ Шишковъ, въ тип. Морс. Шлях. Кад. Корпуса, 1795. 1 т. въ 4-о. (№ 2121).

Собраніе важнѣйшихъ памятниковъ по исторіи древняго русскаго права. Издали И. Лазаревскій и Як. Утинъ. С.-Пб., въ тип. губерн. Правленія. 1 томъ въ 8-о. (№ 24).

Собраніе Государственныхъ Грамотъ и договоровъ, хранящихся въ Государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Ч. 1 Москва, тип. Всеволожскаго, 1813. 1 т. въ 2-о. (№ 1949).

Собраніе, (Полное) ученыхъ путешествій по Россіи, изд. Имп. Акад. наукъ. Т. I. Описаніе Камчатки. С.Пб., 1818, 1 т. въ 8-о. (№ 1680).

Собраніе (Торжественное), Имп. Акад. Наукъ 29-го Декабря 1864 года (Рѣчи). С.-Пб., 1865, 1 т. въ 4-о. (№ 1920).

Современникъ, Томъ I. 1836; 1838 1—4; 1839 1—3; 1840 2—4; 1841 1—4; 1842 1 — 3; 1845 1; 1862 № № 2 — 5. Всего 23 т. въ 8-о. (№ 2146).

Соколовъ Ѳ., Критическія изслѣдованія, относящіяся къ древнѣйшему періоду исторіи Сициліи. С-Пб., въ тип. Имп. Акад. наукъ. 1 т. въ 8-о (№ 1206).

Соловьевъ Серг., Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Томъ II. Изданіе второе. Москва, въ тип. Готье, 1856. 1 т. въ 8-о. (№ 1973).

270 **Спасскій**, Сельскохозяйственно-статистическія свѣдѣнія объ Эриванской губерніи за 1870 годъ. брош. 1 т. въ 4-о. (№ 1967).

Сперанскій, Письма графа М. М. Сперанскаго къ X. Лазареву. С.-Пб., тип. Рогальскаго, 1864. 1 т. въ 8-о. (№ 845).

Сперанскій, Руководство къ познанію Законовъ. С.-Пб., въ тип. 2-го Отд. Соб. Е. И. В. Канцеляріи, 1845. 1 т. въ 8 о. (№ 653).
2-й экз—ръ. (№ 482).

Списокъ, русскимъ (sic) памятникамъ, служащимъ къ составленію исторіи художествъ и отечественной Палеографіи, собраннымъ и объясненнымъ Петромъ Кеппеномъ. Напечатанъ иждевеніемъ Гр. Ѳ. Анд. Толстова. Москва, въ тип. Селивановскаго, 1822. 1 т. въ 8-о. (№ 282).

Споменици Србски од 1395 до 1423, то ест писма писана од републике Дубровачке. Преписао Кнез Медо Пуцич. У Београду, 1858. 1 т. въ 4-о. (№ 951)

Способъ, избавиться совершенно отъ оспенной заразы посредствомъ всеобщаго прививанія коровьей оспы. С.-Петербургъ, 1803. 1 т. въ 8-о брош. (№ 1832).

Справочникъ филотехническаго общества. М. 1814 брош. in 4-о. (№ 1695).

Средство устроить въ Россіи поземельный кредитъ. Москва, въ унив. типогр. 1865. 1 т. въ 8-о брош. (№ 2127).

Стафенгагенъ, Краткое руководство къ древней Географіи, Вторымъ тисненіемъ. С.-Пб. При И. Ак. Н., 1788. 1 т. въ 4-о. (№ 2138).

Стойковичъ Аѳан., Система физики. Кн. I. II. Харьковъ, унив. типогр., 1813. 2 т. въ 8-о. (№ 1815).

280 **Столяровъ**, О причинахъ развитія грудныхъ болѣзней въ войскахъ. С.-Пб., тип. Трея, 1872. 1 т. въ 8-о. (№ 1853).

Странникъ, Духовный журналъ. 1862 №№ 1—4. 6—12. С.-Пб., 11 тетр. въ 8-о. (№ 2131).

Судебникъ Государя Царя и Великаго князя Іоанна Васильевича, и нѣкоторые сего Государя и ближнихъ его преемниковъ указы, собранные и объясненные Василіемъ Татищевымъ. Изданіе второе. Москва, въ унив. тип., 1786. 1 т. въ 8-о. (№ 378).

Таблица животныхъ для благородныхъ воспитанниковъ университетскаго пансіона. Москва, въ унив. тип., 1809. 1 т. въ 8-о брош. (№ 477). (пять экземпляровъ).

Таблица минеральнаго царства. Москва, въ унив. тип., 1803. 1 т. въ 8-о. бр. (№ 294). (три экземпляра).

Тайцинъ Гурунъ и Ухери Коли, то есть всѣ законы и установленія Китайскаго (а нынѣ Манжурскаго) Правительства. Перевелъ Алексѣй Леонтіевъ Т. I. С.-Пб., при Имп. Акад. Н., 1781. 1 т. въ 8-о. (№ 682).

Танѣевъ С., Очеркъ народно-учебнаго устройства въ королевствахъ Прусскомъ и Саксонскомъ. Лейпцигъ, Вагнеръ, 1862. 1 т. въ 8-о. (№ 2.124).

Тенаръ, Основанія химическаго разложенія неорганическихъ тѣлъ. Переводъ съ франц. С.-Пб., 1829. 1 т. въ 8-о. (№ 1750).

Тиме Иванъ, Сопротивленіе металловъ и дерева рѣзанью. С.-Пб., въ типогр. Демакова. 1870. 1 т. въ 8-о. (№ 719).
2-й экземпляръ. (№ 720).
3-ій экземпляръ. (№ 721).

Тихменевъ, Историческое обозрѣніе образованія Россійско-Американской компаніи и дѣйствій ея до настоящаго времени. Ч. I. II. С.-Пб., въ тип. Веймара, 1861. 2 т. въ 8-о. (№ 2128).

290 **Толмачевъ** Як., Правила Словесности. С.-Пб., 1822. 1 т. въ 8-о. (№ 1049).

Торговля (государственная внѣшняя) въ разныхъ ея видахъ за годы: 1853. 1854. 1855. 1864 часть II. 1865 часть I. С.-Пб., въ тип. Департ. Вн. Торг., 1854—66. 5 т. въ 4-о. (№ 2.091).

Торнау Н., Изложеніе началъ мусульманскаго законовѣдѣнія. С.-Пб., 1850. 1 т. въ 8-о. (№ 1003)

Торнау Баронъ, Мусульманское право. С.-Пб., 1866. 1 т. въ 8-о. (№ 445).

Труды и лѣтописи общества исторіи и древностей Россійскихъ, части II. III.

1. 2. IV. 1. V. 1. VI. VII. VIII. Москва, 1824—37. 8 т. въ 8-о. (№ 782).

2-го экземп. Часть V. кн. 1. 1830. 1 т. въ 8-о. (№ 114).

Указатель (алфавитный) къ сборнику постановленій по Министерству Народнаго Просвѣщенія (1802—1764). С.-Пб, 1866. два экземпл. 2 т. въ 8-о. (№ 687).

Указатель Варшавской выставки мануфактурныхъ издѣлій и произведеній земледѣлія. Варшава, въ тип. Оргельбранда, 1857. 1 т. въ 8-о. (№ 1467).

Указатель (новый) дорогъ въ Россійской имперіи. Ч. I. II. М., 1083. 3 т. въ 8-о. (№ 1766).

Указатель (Хронологическій) матеріаловъ исторіи инородцевъ европейской Россіи. Составленъ подъ руководствомъ Петра Кеппена. С.-Пб., 1861. 1 т. въ 8-о. (№ 447).

Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ. С.-Пб., 1845. 1 т. въ 8-о. (№ 2144).

2-ой экземпляръ. (№ 118).

300 **Уставъ** С.-Петербургскаго Вольнаго Общества любителей Россійской словесности. Ч. I. II. С.-Пб., въ медицинской тип., 1819. 1 т. въ 8-о. (брош.) (№ 1428).

Уставъ Харьковскаго общества наукъ. Харьковъ, въ унив. тип., 1813. 1 т. въ 8-о. брош. (№ 725).

Учрежденіе Государственнаго совѣта и государственной канцеляріи. С. Пб., 1856. 1 т. въ 8-о. брош. (№ 2136).

Феддерсенъ I. Ф., Житіе Іисуса Христа. Перевелъ съ нѣмецкаго П. Калязинъ, С. Пб., Изд. Импер. Академ. наукъ, 1809. 1 т. въ 8-о. (№ 1419).

Философія (Божественная) въ отношеніи къ непреложнымъ истинамъ. Ч. I—VI. Москва, въ унив. тип., 1818—19. 3 т. въ 8-о. (№ 1434).

Философія (Христіанская) или истинная религія въ Бесѣдахъ на разные тексты Свящ. писанія. Ч. I—V. Москва, въ унив. тип., 1815—17. 5 т. въ 8-о. (№ 1435).

Фогель, Наука жизни. Переводъ Гиршгорна. Вып. 1-й. С.-Пб., тип. Сущинскаго, 1871. 1 т, въ 8-о. (№ 1854).

Фуксъ Е., Исторія россійско-австрійской компаніи 1799 г. Части I—III. С.-Пб., въ воен. тип., 1825. 26. 3 т. въ 8-о. (№ 199).

(Хавскій) Объявленіе о новой книгѣ. Москва, 1855. 1 т., въ 8-о. брош. (№ 1825).

(Пять экземпляровъ).

Хавскій П. О, тысячелѣтіи государства Россійскаго. М., въ тип. Орлова, 1861. 1 т. въ 8-о. брош. (№ 201).

310 **Хавскій**, Предложеніе для окончанія ученаго спора о началѣ годовъ, по

русскому счисленію, Москва, въ полицейской тип., 1850. брош 1 т. въ 12-о. (№ 894)

Хвостовъ Д., О знаменитости Переславля-Залѣсскаго въ древнія и новыя времена. С.-Пб., въ морской типогр., 1830. 1 т. въ 8-о. брош (№ 390)

Ходоровскій В., Курсъ скорописанія по методѣ Карстера. С.-Пб., Э. Працъ 1846. брош. въ 4-о. (№ 1633)

Хозяйство (Русское Сельское). Годъ IV. Томы X—XII. Москва, въ унив тип., 1872. 6 т. въ 8-о. (№ 1930)

Цвѣтаевъ, Cornelii Taciti Germania. I. Опытъ критическаго обозрѣнія текста Варшава, тип. Варшавскаго учебнаго округа, 1873. 1 т. въ 8-о (№ 1965)

Цвѣтаевъ Левъ, Начертаніе Римскаго Гражданскаго Права. Москва, въ унив тип., 1724. 1 т. въ 12-о. (№ 614)

Цвѣты (сѣверные) на 1827 годъ. Изданы Барономъ Дельвигомъ. С.-Пб., 182 1 т. въ 16-о. (№ 315)

Чтніе въ Имп. Обществѣ Ист. и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ. Кн. IV, 1859. Кн. II — IV. 1871. 4 т. въ 8 о (№ 1568)

Шавровъ, Путь въ Индію чрезъ Кавказскій перешеекъ. Тифлисъ, тип. Глав Управленія Намѣстника Кавказскаго, 1872. брош. 1 т. въ 4-о (№ 1966)

Шварцъ, О заложеніи, разведеніи и содержаніи воздушныхъ плодовитыхъ са довъ въ нашемъ климатѣ. Москва, въ унив. тип., 1824. 1 т. в (№ 1919)

320 **Шевыревъ** Степанъ, Исторія Русской Словесности, преимущественно древне XXXIII публичныя лекціи. Томъ I части 1 и 2, Москва, въ унив тип., 1846. 1 т. въ 8-о. (№ 272

Шегренъ Андрей, Осетинская грамматика съ краткимъ словаремъ. Часть С.-Пб., въ тип. Имп. Академіи Н., 1844. (два экз.). 2 тома 8-о. (№ 6

Шлецеръ, Начальныя основанія Государственнаго хозяйства. Ч. I. II. Моск въ Унив. тип., 1821. 2 т. въ 8 о. (№ 14

Шмальцъ Ѳ., Право естественное. Переводъ съ Латинскаго съ прибав ніемъ Исторіи литературы естественнаго права. С.-Пб., въ т Имп. Восп. Дома, 1820. 1 т. въ 8-о. (№ 15

Шмидъ Новый карманный русско-французскій и французско-русскій с варь. Ч. I. II. Лейпцигъ, напечатался у Таухница. 1 т. 12-о. (№ 14

Шмидъ Я., Грамматика монгольскаго языка. Перев. съ нѣм. С.-Пб., А наукъ, 1832. 1 vol. in 4-о. (№ 16

Шмидъ Я., Монгольско-нѣмецко-россійскій словарь. С.-Пб., Акад. нау 1835. 1 vol. in 4-о. (№ 16

Шмитъ, Сокращенная оптика. Переводъ съ Аглинскаго, представленный Академіи флота капитаномъ Г. Гамалѣею. С.-Пб., при Имп. Акад. Наукъ, 1803. 1 т. въ 4-о. (№ 1876).
2-й экземпляръ. 1 т. въ 4-о. (№ 1877).
Шофинъ, Исторія славныхъ государей и великихъ генераловъ. Съ французскаго языка переведенная Яковомъ Козельскимъ. Вторымъ тисненіемъ. Въ Санктпетербургѣ, при Имп. Акад. Наукъ, 1792. 1 т. in 4-о. (№ 1131).
Шрекковъ, Всеобщая исторія вновь переведенная, переработанная нѣсколько и умноженная синхронистическими таблицами, ч. II. Москва, въ тип. Пономарева, 1805. 1 vol. in 8-о. (№ 1252).
2-й экземпляръ часть II. (—).
330 **Шреккъ**, Древняя и новая всеобщая исторія. Переводъ съ нѣмецкаго, Въ 3-хъ частяхъ. Часть I. II. Москва, въ унив. тип., 1814. 2 т. въ 8 о. (№ 1921).
Штиллингъ Г., Тоска по отчизнѣ. Ч. I—V. Москва, въ унив. тип. 1817—1818. (№ 1303).
Штукенбергъ Н., Статистическіе труды. Статьи: 1—7. С.-Пб., 1857. 1 т. въ 8 о. (№ 192).
Шубертъ, Главныя черты Космологіи. Переводъ съ нѣм. Николай Курляндцевъ. Одесса, въ город. тип. 1834. 1 т. въ 8-о. (№ 1948).
Шувъ, Физическая картина Европы. Переводъ съ нѣмецкаго. Одесса, въ городской тип., 1835. (2 экз.) 2 т. въ 8-о. (№ 1869).
Шульгинъ И., Изображеніе характера и содержанія исторіи трехъ послѣднихъ вѣковъ. Изд. 2-е испр. и дополн. С.-Пб., 1833. 1 vol in 8-о. (№ 1250).

Щеночкинъ, Новый способъ бѣленія пеньки С.-Пб., 1815. брош. in 8-о. (№ 1703).

Энгельманъ Иванъ, О пріобрѣтеніи права собственности на землю по русскому праву. С-Пб., въ тип. Тиблена. 1859. 1 т. въ 8-о. (№ 620).
Энгельманъ, Систематическое изложеніе гражданскихъ законовъ, содержащихся въ псковской судной грамотѣ. С.-Пб., тип. Веймара, 1855. 1 т. въ 8-о (два экзем.) (№ 1904).
Еще два экз—ра. (№ 695).
Эртель В., Полный зоологическій и батаническій словарь. Прибавленіе къ французско-русскому словарю. С.-Пб., 1843. 1 т. въ 8-о. (№ 2132).

340 **Язвинскій**, Синхроническія таблицы Всеобщей Исторіи служащія къ Хронографическому Атласу. С. П., тип. Праца, 1840. брош. 1 т. въ 8-о. (№ 895).
Якобъ Л., Курсъ философіи для гимназій Россійской Имперіи, Ч. II. IV. С.-Пб., печатано при Имп. Акад. Наукъ, 1812. 2 т. въ 8-о. (4-й части 3 экз.) (№ 1532).
Яковичъ, О развитіи перитецієвъ у Pleospora herbarum, Tul. Одесса, Нитче, 1866. брош. 1 т. въ 8 о. (№ 1895).
Еще два экз—ра. (№ 1813).

ДУБЛЕТЫ,
оказавшіеся въ библіотекѣ во время печатанія каталога.

Abrégé historique des principaux traits de la vie de Confucius, Célèbre philosophe chinoice. Gravées par Helman, Paris. 1 vol. in 4-o. (№ 2176).

Actenstücke und Briefe zur Geschichte Kaiser Karl V. Bd. I. II. Wien. 1853—57. 4 vol. in 8-o. (№ 2203).

Airy G., Gravitation, an elementary Explanation of the principal Perturbations in the Solar System. London, Knight, 1834. 1 vol. in 12-o. (№ 2149).

Alexandri ab Alexandro, Genialium Dierum. I. II. Ludguni Batavorum. Ex officina Hackiana, 1673. 2 vol. in 12-o. (№ 2246).

Bassville de, Précis historique sur la vie et les exploits de François le Fort. Génève, 1784. 1 vol. in 8-o. (№ 2235).

Betsky, Les Plans et les statuts des differents établissements ordonnés par sa Majesté Impériale Catherine II. T. I. Amsterdam, 1775. 1 vol. in 9.o. (№ 2166).

Beyträge, (neue nordische) zur physikalischen Erd- und Völkerbeschreibung Naturgeschichte und Oekonomie. Bd. I—VII. S.-Pb., 1781—96. 7 vol. in 8-o (№ 2227).

350 **Bömens** Jacob, Theosophia revelata. Alle Göttliche Schriften. I. II. 1715. 2 vol. in 4-o. (№ 2182).

Bossuet, Discours sur l'Histoire universelle. T. I. II. Paris. 1803. 2 vol. in 24-o. (№ 2263).

Bredow, Umständlichere Erzählung der merkwürdigen Begebenheiten aus der allgemeinen Weltgeschichte. Altona, 1814. 1 vol. in 8-o (№ 2222).

Buhle Johann, Geschichte der neuern Philosophie. Bd. I. Göttingen, bey Rosenbuch, 1800. 1 vol, in 8-o. (№ 2163)

Cæsar C., Julii Cæsari commentarii de bello galico. Editio stereot. Lipsiæ, 1828. 1 vol. in 24-o. (№ 2269)

Castelnau, Essai sur l'Histoirē ancienne et moderne de la nouvelle Russie T. I—III. Paris. 1820. 3 vol. in 8-o. (№ 2239)

Chambers, Cyclopædia of english Literature. Vol. II. Edinburgh, 1844. 1 vol in 8-o. (№ 2200)

Chappe d'Auteroche, Voyage en Sibérie T. I. 1. 2. La description du Kamtckatka, T. III. Paris, chez Debure, 1768. 3 vol. in 4-o. (№ 2185)

Coxe Will., Voyage en Pologne et Russie. Traduit par P. Mallet. T. I. II Génève, 1786. 2 vol. in 4-o. (№ 2191)

Degrandpré L., Voyage à la côte occidentale d'Afrique. T. I. II. Paris 1801. 2 vol. in 8-o. (№ 2229)

360 **Deguignes**, Geschichte der Hunnen und Türken, der Mogols. I. II. IV. und Einleitung. Greifswald, Röse, 1768—70. 4 vol. in 4-o. (№ 2169).
Dupré de Saint-Maure, Anthologie russe. Paris, 1823. 1 vol. in 4-o. (№ 2189).

Engelhardt, Reise in die Krym und den Kaukasus. I. II. Berlin, 1815. 1 vol. in 8-o. (№ 2241).
Etude sur l'état social actuel en Europe. S.-Peterb., 1849. 1 vol. in 8-o. (№ 2206).
Ewers, Kritische Vorarbeiten zur Geschichte der Russen. 1. 2. Dorpat, 1814. 1 vol. in 12-o. (№ 2244).

Falk Joh., Beyträge zur Topographischen Kenntniss des Russischen Reichs. Bd. I—III. S.-Pb., 1783. 3 vol. in 4-o. (№ 2181).
Fischer, Sibirische Geschichte. Bd I. II. S.-Pb., 1768. 1 vol. in 8-o. (№ 2219).
Fischer de Waldheim, Oryctographie du gouvernement de Moscou. M. 1837. 1 vol. in fol. (№ 2175).
Forster, Voyage du Bengale à Petersbourg. T. I—III. Paris, 1802. 3 vol. in 8-o. (№ 2228).
Fragments historiques et géographiques sur la Scythie, la Sarmatie et les Slaves. T. I—III. 1795. 3 vol. in 4-o. (№ 2194).

370 **Gamba**, Voyage dans la Russie méridionale. T. I. II Paris, 1826. 2 vol. in 8-o. (№ 2214).
Gay John, Fables. 1. 2. Paris, 1800. 1 vol. in 24-o. (№ 2270).
Georgi Joh., Bemerkungen einer Reise im Russischen Reich in den Jahren 1772—1774. Bd. I. II. S.-Pb., 1775. 2 vol. in 4-o. (№ 2180).
Georgi. Geographisch-Physikalische Beschreibung des Russischen Reichs. Bd. I—VIII und Nachträge. Königsberg, 1797— 802. 9 vol. in 8-o. (№ 2218)
Gmelin Samuel, Reise durch Russland Th. I—IV. S.-Pb., 1770—784. 4 vol. in 4-o. (№ 2177).
Güldenstädt, Reisen nach Georgien und Jmerethi. Begleitet von Klaproth, Berlin, 1815. 1 vol. in 8-o. (№ 2242).
Güldenstädt Joh., Reisen durch Russland. Th. I—II. S.-Pb., 1787. 2 vol. in 4-o. (№ 2178).
Guizot, Histoire de la civilisation en France. T. I—IV. Bruxelles, 1839. 2 vol. in 16-o. (№ 2261)

Hansen P., Auseinandersetzung einer zweckmässigen Methode zur Berechnung der absoluten Störungen der kleinen Planeten. 2-te Abhandlung, Leipzig, Hirzel, 1857. 1 vol. in 8-o. (№ 156).
Henault, Nouvel abrégé chronologique de l'Histoire de France. Nouvelle édition. T. I—III. Paris, 1768. 3 vol. in 16-o. (№ 2258)
380 **Herbelot**, Bibliothéque orientale. Maestricht, Dufour, 1776. 1 vol. in fol. (№ 2183)

Herberstein Sigmund, Moscouiter wunderbare Historien. Basel, 1567, bey Brillinger. 1 vol. in 2-o. (№ 2184).
Hermann Bened., Beyträge zur Physik, Oekonomie, Chemie etc. 1. 2. Berlin, 1786. 1 vol in 8-o. (№ 2237).
Histoire de l'empire de Russie sous Pierre le Grand, 1. II. Amsterdam, 1761. 1 vol. in 8-o. (№ 2240).
Horatius, Quinti Horatii Flacci opera. Editio stereotypa. Parisiis, 1800. 1 vol in 24-o. (№ 2271).
Jaubert, Voyage en Arménie et en Perse. Paris, 1821. 1 vol. in 8-o (№ 2223).
Jbn-Fosslan's und anderer araber Berichte über die Russen älterer Zeit übersetzt von C. Frähn. S.-Pb.. 1823. 1 vol. in 4-o. (№ 2186).
Kant J., Die Religion innerhalb der Grenzen der blosen Vernunft. 2-te verm. Auflage. Königsberg. 1794. 1 vol. in 8-o. (№ 2236).
Karamsin, Histoire de l'Empire de Russie. T. I. III—VI. Paris, 1817. 5 vol. in 8-o. (№ 2216).
Kinneir, Voyage dans l'Asie mineure. T. I. II. Paris, 1818. 2 vol. in 8-o. (№ 2224).
390 **Knorre**, Gutachten über das Werk des Prof. Sewitsch: Приложеніе практ. астрономіи къ геогр. опредѣленію мѣстъ, брош. 1 т. въ 8-о. (№ 2172).

Lacombe, Histoire des revolutions de l'Empire de Russie. Amsterdam, 1778. 1 vol. in 16-o. (№ 2259).
Laharpe J., Lycée, ou cours de Litterature ancienne et moderne. T. II—XI. XIII. Paris, 1800. 11 vol. in 12-o. (№ 2252).
Lalande Jérome, Positions moyennes pour l'époque de 1790,0 des étoiles circompolaires. S.-Pb., 1854. 1 vol. in 4-o. (№ 2158).
Lamé Fleury, L'Histoire moderne. Bruxelles, 1837. 1 vol. in 12-o. (№ 2251).
Laorty-Hadji, L'Egypte, Paris, 1837. 1 vol. in 12-o. (№ 2247).
Le Clerc, Histoire physique, morale et politique de la Russie ancienne. T. I—III. Paris, 1783. 3 vol. in 4-o. (№ 2187).
Histoire physique. . . de la Russie moderne. T. I. II. Paris, 1783. [illegible] vol. in 4-o. (№ 2188).
Levesque, Histoire de Russie. T. I—VII. Paris, chez de Bure, 1782. 7 vol. in 12-o. (№ 2253).
2-го экземпляра. T. II—V. Paris, 1782. 4 vol in 12-o. (№ 2254).
Lomonossow M., Alte Russische Geschichte. Riga, 1768. 1 vol. in 8-o. (№ 2245).

Maleville J., Analyse raisonnée de la discussion du code civil. 2-me édition. T. I—IV. Paris, Garnery. 1807. 4 vol. in 8-o. (№ 2173).
400 **Matthaei**, Eclogae ex variis scriptoribus graecis. 1. 2. Mosquae, 1805. 2 vol. in 8-o. (№ 2211).
Mémoire du regne de Catherine, Impératrice de toute la Russie. Amsterdam, chez Mortier, 1729. 1 vol. in 12-o. (№ 2248).
2-й экземпляръ (безъ заглавнаго листа) (№ 2249).

Montesquieu, De l'Esprit des lois. T. I—IV. Paris, 1803. 5 vol. in 24-o. (№ 2265).
Monumenta Germaniae historica. Edidit G. Pertz. T. XVII. (стр, 1—800) et XVIII. Hannoverae, Hahnian, 1861-63. 2 vol in 2-o. (№ 2147).
Morgan Lady, L'Italie. T. I—IV. Paris, 1821. 4 vol. in 8-o. (№ 2234).

Pallas P., Reise durch verschiedene Provinzen des Russischen Reichs. Th. I—III. 2-te Auflage. S.-Pb., 1801. 4 vol. in 5-o. (№ 2179).
Park, Voyage dans l'intérieur de l'Afrique fait en 1795—1797. T. I. II. Paris, An VIII. 2 vol. in 8-o. (№ 2226).
Pezzl, Nouveau description de Vienne. 5-me éd., Vienne. 1 vol. in 24-o. (№ 2268).

Reimers Heinr., Reise der russisch-kaiserlichen Gesandtschaft an die othomanische Pforte im Jahre 1793. Th. I—III. S.-Pb., 1803. 1 vol. in 4-o. (№ 2192).
Reineggs, Allgemeine historisch-topographische Beschreibung des Kaukasus, Th. 1. 2. Gotha, 1796. 2 vol. in 8-o. (№ 2243).
410 **Resultate** der an der Krakauer Sternwarte gemachten meteorologischen und astronomischen Beobachtungen. Krakau, 1839. 1 vol. in 4-o. (№ 2167).
Rossi P., Cours d'Economie politique. Année 1836-1837. Bruxelles, 1840. 2 vol. in 8-o. (№ 2205).
Rulhière Cl., Histoire de l'Anarchie de Pologne. T. I—IV. Deuxième édition. Paris, 1808. 4 vol. in 16-o. (№ 2257).
Saint-Martin J., Mémoires historiques et geographiques sur l'Arménie. I II. Paris, 1818. 2 vol. in 8-o. (№ 2208).

Sammlung Russischer Geschichte. Bd. I—IX. S.-Pb., 1732—764. 9 vol. in 12-o. (№ 2250).
Seneca, L. Annaei Senecae Philosophi opera. Biponti, vol. I—IV 1782. 4 vol. in 8-o. (№ 2233).
Senkowski, Supplément à l'Histoire générale des Huns, des Turks et des Mogols. S.-Pb., 1824. 1 vol. in 4-o. (№ 2190).
Seume, Spaziergang nach Syrakus im Jahre 1802. Braunschweig, 1803. 1 vol. in 8-o. (№ 2225).
Sévigné Madame de, Recueil des lettres de Madame de Sévigné à Madame de Grignan, sa fille. T. 1. III.—IX. Paris, 1775. 2 vol. in 24-o (№ 2266).
Sicard. Lettre sur Odessa. S.-Pb., 1812. 1 vol. in 16-o. (№ 2260).
420 **Strael**, Considérations sur les principaux événements de la révolution française. T. I—III. Paris, 1818. 3 vol. in 8-o. (№ 2221).
Storch, Historisch-Statistisches Gemälde des Russischen Reichs. Th. I—VI. VIII. und Supplementband. Riga, 1797. 8 vol. in 12-o. (№ 2255).
Strahlenberg Phil., Das Nord- und Ostliche Theil Europa und Asia. Stockholm, 1730. 1 vol. in 4-o. (№ 2195).

2-й экземпляръ. 1 vol. in 4-o. (№ 2196)

Struve F., Etoiles doubles. Mesures micrométriques. de 1724 á 1837 S.-Pb., 1 vol. in 8-o. (№ 2171)

Struve Otto, Librorum in bibliotheca speculae Pulcovensis anno 1858 exe unte contentorum catalogus systematicus. Petropoli, 1860. 1 vol. in 8-o. (два экземпл.) (№ 2159)

Struve W., Etudes d'Astronomie stellaire. S.-Pb., 1847. 1 vol. in 8-o. (№ 2151)

Struve W, Recueil de Mémoires présentés à l'Académie des Sciences pa les astronomes de Poulkova. Vol. I. II. S.-Pb., 1853. 1 vol. i 4-o, (№ 2157)

Struve W., Stellarum fixarum imprimis duplicium et multiplicium Position Mediae pro epocha 1830,0. Petropoli, 1852. 1 vol. in fol. (№ 2155)

Struve W., Sur la Dilatation de la glace. S.-Pb., 1848. 1 vol. in 4-o. (№ 2168)

Struve W., Sur l'Emploi de l'instrument des passages S.-Pb., 1838. 1 vo in 4-o. брош. (№ 2170)

430 **Tableau** général de la Russie moderne. T. I. II. Paris, 1802. 2 vol. in 8- (№ 2215

Tasse, Jérusalem Délivrée. T. I. II. Paris, 1774. 2 vol. in 8-o. (№ 2213

Thierry Augustin, Histoire de la conquête de l'Angleterre par les No mands. Atlas, Paris, 1859. 1 vol. in 2-o. (№ 2204

Tooke, Histoire de l'Empire de Russie. T. I—VI. Paris, 1801. 6 vol. in 8- (№ 2210

Voltaire, Histoire de Charles XII., roi de Suède. Paris, 1802. 1 vol. in 18 (№ 226

Voltaire, Histoire de l'Empire de Russie sous Pierre le Grand. T. 1. 2. P ris, 1803. 2 vol. in 24-o. (№ 226

Voltaire, Théatre. T. I—XII. Paris, 1801. 12 vol. in 24-o. (№ 226

Voyage philosophique, politique et litteraire fait en Russie. Traduit p Chantreau. T. I. II. Hambourg, 1794. 2 vol. in 12-o. (№ 225

Vsévolojsky N., Dictionnaire géographique—historique de l'Empire de Russ T. 1. 2. Moscou, 1813. 1 vol. in 8-o. (№ 222

Weydemeyer A., Tableaux historiques et chronologiques de l'Empire Russie. S.-Pb., 1828. 1 vol. in fol. (№ 217

440 **Winiewsky**, Jndex lectionum in Academia Monasteriensi. 1849. брош. 1 v in 4-o. (№ 215

Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung. Herausg. von Ad. Kuh Bd. XVII. XVIII. Berlin, Dümmler, 1868. 2 vol. in 8-o. (№ 21

Варадиновъ, Исторія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Части I. II. С.- 1858. 2 т. 8-о. (№ 22

Гагемейстеръ, Статистическое обозрѣніе Сибири. Ч. I—III. С.-Пб., 185 т. въ 8-о. (№ 22

Записки (отечественныя), издаваемыя Павломъ Свиньинымъ. Годы 1820—1828. Части 1—4; 5. 1 3; 6. 1 3; 7. 1; 8. 1 3; 9 -12; 13. 2; 15. 1; 21; 22; 23. 2 3; 24. 1 2; 25; 29; 29. 2. 3; 30; 31; 32. 2. 3; 33; 34; 35. въ 12-о. (№ 2165).

Карамзинъ Н., Исторія Государства Россійскаго. Томы I и примѣчанія II — XII. Изданіе 3-е. С.-Пб., 1830. 13 том. въ 8-о. (№ 2232).

Каталогъ дико-растущихъ растеній въ дмитревскомъ уѣздѣ. Изданный Гее-томъ. Москва, 1826. 1 т. въ 8-о. (№ 2238).

Маркусъ, Краткое руководство для врачей къ познанію Россійскихъ законовъ. С.-Пб., 1843 1. т. въ 8-о. (№ 2209).

Обозрѣніе (статистическое) Сибири. С.-Пб. 1810. 1. т. въ 8-о. (№ 2231).

Отчетъ Государственнаго Банка за 1872 г. С.-Пб., 1873. 1 т. въ 4-о. (№ 2154).

450 **Продолженіе** свода мѣстныхъ узаконеній губерній Остзейскихъ. (по 1 янв. 1853). С.-Пб., 1853. 1 т. in 8-о. (№ 2153).

Путешествіе къ Китай чрезъ Монголію въ 1820 и 1821 годахъ. Части 2 и 3 С.Пб.- 1824. 2 т. въ 8-о. (№ 2197).

Рукопись Филарета, Патріарха Московскаго и всея Россіи. Москва. 1837. 1 т. въ 8-о. (№ 2161).

Сборникъ (Новгородскій). Выпуски I — V. Новгородъ, 1866. 5 т. въ 8-о. (№ 2150).

Сводъ законовъ Россійской Имперіи. Изданіе 1842 года. Уставы благочинія. С. Пб. 1842. 1 т. въ 8-о. (№ 2198).

2-й экз—ръ. 1, 8-о (№ 2199).

Словарь (сравнительный) всѣхъ языковъ и нарѣчій, по азбучному порядку расположенный. Части. II—IV. С.-Петербургъ, 1791. 3 т. въ 4-о (№ 2164).

Соловьевъ, О значеніи законовъ. С.-Пб., 1840. 1 т. въ 8-о. бр (№ 2212).

Сушковъ Н., Записки о жизни и времени святителя Филарета, Митрополита Московскаго. Москва, типогр. Мамонтова, 1868. 1 т. въ 8-о. (№ 2162).

Таблицы (статистическія) Россійской Имперіи за 1856 и 1858—63. 2 т. въ 8-о. (№ 2202).

Тепляковъ, Письма изъ Болгаріи. Москва, 1833. 1 т. въ 8-о. (№ 2230).

460 **Тетради** записныя Петра Великаго 1704 — 1706 годовъ. 1774. 1 т. въ 4-о (№ 2160).

Учрежденіе (общее) Министерствъ. Ч. I. С.-Пб., 1811. 1 т. въ 4-о. (№ 2193).

Января (осьмое), 1851 года. бр. 1 т. въ 8-о. (№ 2217).

II. Часть ученая.

II. Часть ученая.

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ ЛЕКЦІЯ

ПО ПРАВОСЛАВНОМУ БОГОСЛОВІЮ,

читанная исправляющимъ должность профессора богословія при Императорскомъ новороссійскомъ университетѣ, священникомъ Александромъ Кудрявцевымъ, 20-го февраля 1874 года.

Мм. Гг.

Наука, которую я буду имѣть честь преподавать вамъ, не будетъ для васъ наукою новою; съ ней знакомы вы ранѣе чѣмъ со всякою другою наукою. Соотвѣтственно ступенямъ вашего умственнаго развитія, она преподавалась вамъ то въ видѣ молитвъ, которымъ учили васъ ваши родители и воспитатели, то въ видѣ историческихъ разсказовъ о важнѣйшихъ событіяхъ церкви Божіей на землѣ, то въ видѣ разъясненія главныхъ основоположеній христіанской вѣры и нравственности, составляющихъ содержаніе православнаго катихизиса. Все, что въ настоящемъ случаѣ предстоитъ вамъ, будетъ состоять только въ раскрытіи и уясненіи тѣхъ сторонъ науки, которыя, по многосложности занятій вашихъ, оставались для васъ или совершенно неизвѣстными, или извѣстными, но не въ такой мѣрѣ, какъ потребно это для христіанина образованнаго. Уясненіемъ этихъ недостающихъ вамъ сторонъ въ образованіи я и намѣренъ начать наши занятія.

1) Гимназія и университетъ.

Истины вѣры до сихъ поръ были преподаваемы вамъ уже въ готовыхъ формахъ христіанскаго вѣроученія. Воспринимая

эти истины, вы имѣли въ виду только тотъ источникъ, который составляетъ для насъ св. писаніе и св. преданіе, а тотъ, который въ глубинѣ нашего духа, которымъ жили и живутъ народы непросвѣщенные свѣтомъ христіанскаго ученія, оставался вамъ, по состоянію вашего умственнаго развитія, малоизвѣстнымъ, между тѣмъ уясненіе этого источника чрезвычайно важно: во-первыхъ, оно относится къ самому главному факту нашей душевной жизни; во-вторыхъ, оно составляло предметъ постояннаго вниманія философствующей мысли; въ-третьихъ, оно пролагаетъ надежный путь къ положительному раскрытію истинъ христіанской вѣры на основаніи источниковъ христіанскаго вѣроученія. На этотъ-то первый пробѣлъ въ вашихъ познаніяхъ вы и должны обратить теперь ваше вниманіе.

Переходя изъ области религіи вообще въ область религіи христіанской, мы встрѣчаемся прежде всего съ ея источниками: священнымъ писаніемъ и свящ. преданіемъ. Хотя знакомство съ этими источниками и не было исключено изъ круга вашихъ занятій, но знакомство это не было непосредственное: содержаніе историческое вамъ извѣстно подъ именемъ священной исторіи, содержаніе догматическое подъ именемъ катихизиса; а что такое самая библія, въ какомъ видѣ она передаетъ это ученіе, кто были ея священными писателями, кто были тѣ, которые оградили и уяснили это ученіе?—это оставалось для васъ малоизвѣстнымъ. Оставаться при такомъ существенномъ недостаткѣ въ знаніи—невозможно. Еслибы свящ. библія была только простой памятникъ древности и тогда незнакомство съ ней было бы неизвинительно, и тогда этого незнакомства нужно-бы было стыдиться гораздо болѣе, чѣмъ незнакомства со всякимъ другимъ замѣчательнымъ памятникомъ; но библія не простой памятникъ: заключая въ себѣ глаголы живота вѣчнаго, она, въ противоположность всякому другому памятнику, возвышается надъ всѣми временными и мѣстными условіями. То самое вліяніе, какое производила прежде, производитъ теперь и будетъ производить, по слову Господа, до скончанія вѣка. «Небо и земля говоритъ Онъ, прейдетъ, словеса-же Моя не мимо идутъ». (Ме

24, 31). Слѣдовательно, съ какой-бы стороны мы ни смотрѣли на библію, изученіе какъ ея самой, такъ и всего, что относится къ ея изученію, есть существенная необходимость христіанина образованнаго.

Отъ источниковъ вѣроученія — прямой и непосредственный переходъ къ основаннымъ на нихъ истинамъ. Хотя изученіе этихъ истинъ и составляло главный предметъ вашихъ занятій, однако и оно, для гармоніи съ тѣмъ умственнымъ развитіемъ, къ какому стремитесь вы, требуетъ нѣкоторыхъ пополненій. Это потому, что истины вѣры и нравственности представляютъ такую глубину въ своемъ содержаніи, что сколько-бы мы ни изучали ихъ, въ нихъ всегда найдутся стороны, потребныя для изученія. Но помимо этой внутренней стороны есть другая, которая оставалась вамъ совершенно неизвѣстною. Я разумѣю здѣсь ту внѣшнюю сторону, которая, въ противоположность неизмѣннымъ истинамъ вѣры, имѣла, согласно съ потребностями времени, характеръ измѣняемости. Къ ней относятся: во-первыхъ буква вѣроопредѣленій, которую, по особымъ намѣреніямъ Промысла, долженъ былъ выработать самъ человѣкъ и которая, прежде чѣмъ достигла своей неизмѣняемости въ никео-цареградскомъ символѣ, стоила ему большихъ усилій; во-вторыхъ, борьба, которую вела церковь съ своими внѣшними и внутренними врагами; въ-третьихъ, попытки, которыя предпринимаемы были мудрыми учителями вѣры, чтобы приблизить ея истины къ слабому человѣческому разумѣнію. Все это вмѣстѣ взятое представляетъ въ себѣ чрезвычайно интересную и поучительную картину. На одной сторонѣ вы видите преемственно смѣняющихъ другъ друга враговъ христіанства, на другой — твердую и непоколебимую церковь Божію, всякій разъ выдѣлявшую тѣмъ большее число ревностныхъ и искусныхъ защитниковъ, чѣмъ больше гоненій было на нее воздвигаемо. Въ этой картинѣ вы увидите и промыслительную волю Божію о церкви и состояніе умственнаго развитія въ каждомъ вѣкѣ и, наконецъ, разгадку многихъ историческихъ событій.

Однѣми истинами вѣры и нравственности христіанской, идея

православной церкви не исчерпывается. Знакомясь съ ними, необходимо ознакомиться съ двумя остальными ея частями, именно: священнодѣйствіями и управленіемъ церкви: съ первыми потому, что онѣ сопровождаютъ насъ отъ колыбели до могилы, со вторыми потому, что отъ этого зависитъ правильная жизнь общества не только въ церковномъ, но и гражданскомъ отношеніи. Такое ознакомленіе хотя и имѣлось въ виду программой вашихъ прежнихъ занятій, но опять не на столько, на сколько потребно это для человѣка вполнѣ образованнаго. Въ отношеніи къ священнодѣйствіямъ вы не простирались далѣе уясненія ихъ настоящаго значенія, а въ отношеніи къ управленію—далѣе наименованія тѣхъ органовъ, при помощи которыхъ оно совершается. Теперь познанія ваши должны быть расширены: съ изъясненіемъ значенія священнодѣйствій должно соединиться указаніе ихъ исторической судьбы; къ наименованію органовъ управленія должно быть присоединено точное и подробное уясненіе какъ обязанностей каждаго, такъ и всѣхъ тѣхъ законовъ, какими управляется церковь.

2) Система наукъ богословскихъ.

Для удовлетворенія указанныхъ нами потребностей выдѣлился мало по малу изъ общей сокровищницы познаній цѣлый рядъ наукъ, который извѣстенъ подъ общимъ именемъ богословія. Слово «богословіе» (Θεολογία), хотя и прилагалось къ ученію о Богѣ вообще и Сынѣ Божіемъ въ особенности (Іоаннъ Богословъ, Григорій Богословъ), но какъ отцы и учители церкви соединяли вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе широкое понятіе [1]), то сперва ученый XII-го вѣка Абелярдъ, а послѣ него и другіе богословы начали прилагать это слово ко всей наукѣ о христіанской вѣрѣ. Представляя въ содержаніи своемъ чрезвычайное разнообразіе, богословіе, какъ и другія науки, нуждается въ извѣстной системѣ, которая могла-бы объединить его и тѣмъ облегчить дѣло обученія. Вопросъ о системѣ, смотря потому кто съ какой точки зрѣнія смотритъ на него, рѣшался и рѣшается

[1]) У Свицера: Thesaur. Ecclesiastic

довольно различно. Одни, какъ напримѣръ Гагенбахъ, основываясь на томъ, что предметъ богословія — христіанство проявляетъ себя съ одной стороны въ исторіи, съ другой — въ ученіи, изъ коихъ первая предполагаетъ изслѣдованіе источниковъ, а второе — практику, дѣлятъ богословіе на четыре части: экзегетическую, историческую, систематическую и практическую [1]. Другіе, усматривая въ богословіи нѣчто подобное дереву, гдѣ есть свой корень, свой стволъ и своя вершина, дѣлятъ богословіе на три части, каковыми бываютъ или: философская, историческая и практическая, какъ у Шлейермахера [2]), или: историческая, систематическая и практическая, какъ у Кіенлена [3]), или: приготовительная, составная и прикладная, какъ у преосв. Макарія. Третьи, полагая въ основу дѣленія, съ одной стороны, познаніе факта спасенія, съ другой — усвоеніе его, дѣлятъ богословіе на двѣ части: познавательную и практическую. Хотя первыя два дѣленія и пріобрѣли въ наукѣ право гражданства, но намъ кажется, что гораздо полезнѣе держаться послѣдняго дѣленія. Главное достоинство его то, что при немъ нѣтъ ни того разъединенія наукъ, какъ въ дѣленіи четырехчастномъ, ни тѣхъ неправильныхъ постановокъ, какъ въ дѣленіи трехчастномъ, но каждая является необходимымъ членомъ цѣлаго, каждая находитъ себѣ должное мѣсто или въ той части, которая занимается разъясненіемъ факта спасенія, или въ той, которая — усвоеніемъ его.

Соотвѣтственно указанному дѣленію, въ составъ первой или познавательной части входятъ: во-первыхъ, тѣ науки, которыя уясняютъ состояніе человѣчества внѣ правой вѣры, во-вторыхъ, тѣ, которыя указываютъ, гдѣ и какъ найти ее, въ-третьихъ, тѣ, которыя систематически излагаютъ въ чемъ состоитъ она. Наукъ, занимающихся изъясненіемъ состоянія внѣ вѣры, двѣ: одна извѣстна подъ именемъ философіи религіи, а другая подъ именемъ исторіи религій. Первая занимается уясненіемъ вопроса о происхожденіи и сущности религіи, а вторая объ историче-

[1]) Enzykl. u. method. s. 110.
[2]) Darstellung des Theologischen Studiums. 1811.
[3]) Encyclopédie des la Théologie chretienne. 1842.

своихъ ея развитіи. Науки, занимающіяся уясненіемъ источниковъ вѣроученія, раздѣляются на два разряда: однѣ относятся къ уясненію св. писанія, а другія къ уясненію священ. преданія. Къ уясненію св. писанія служатъ слѣдующія науки: герминевтика, библіологія, библейская исторія, библейское богословіе и археологія. Задача этихъ наукъ въ отношеніи къ изучающему можетъ быть представлена наглядно въ слѣдующемъ видѣ: герминевтика какъ-бы вооружаетъ изучающаго зрительнымъ аппаратомъ, при помощи котораго онъ могъ-бы разсмотрѣть все обстоятельно и подробно; библіологія сперва обводитъ изучающаго вокругъ самаго зданія и показываетъ его красоту, прочность, т. е. говоритъ о подлинности книгъ, о ихъ боговдохновенности, важности, о текстѣ оригинальномъ, переводахъ, комментаріяхъ, а затѣмъ вводитъ въ самое зданіе и, раскрывъ одну за другой свящ. книги, подробно излагаетъ о ея писателѣ, о времени и мѣстѣ написанія, о содержаніи, съ присоединеніемъ толкованія или на всю книгу, или на мѣста болѣе нуждающіяся въ объясненіи. Остальныя три науки доставляютъ возможность изучать нѣкоторые предметы въ отдѣльности, — а именно: библейская исторія — историческій фактъ спасенія, библейское богословіе — догматическія мѣста каждой книги, библейская археологія — древности еврейскаго народа. Переходя отъ уясненія св. писанія къ уясненію втораго источника вѣроученія — св. преданія, изучающій встрѣчается съ такимъ составомъ наукъ, который отъ предъидущаго состава мало чѣмъ разнится: здѣсь есть и своего рода библіологія и исторія и богословіе и археологія. Библіологію замѣняетъ здѣсь патрологія, исторію библейскую — исторія церкви христіанской, богословіе библейское — богословіе патристическое или исторія догматовъ, археологію еврейскую — археологія христіанская. Задача этихъ наукъ также совершенно сходна. Патрологія, имѣя предметомъ письменное слово, оставленное намъ преемниками апостоловъ — отцами и учителями церкви, точно также, какъ и библіологія, сперва знакомитъ съ жизнію писателя, а затѣмъ съ его твореніями и важнѣйшими изъ нихъ мѣстами; исторія церкви христіанской, начинаясь съ того мо-

мента, гдѣ оканчивается исторія библейская, продолжаетъ тоже дѣло, что и та, т. е. слѣдитъ за историческимъ фактомъ во времена дальнѣйшія; богословіе патристическое или иначе исторія догматовъ, принявъ собранныя библейскимъ богословіемъ истины, слѣдитъ какъ эти истины уясняемы и защищаемы были и какъ онѣ, наконецъ, воплощены были мало по малу въ неизмѣнномъ словѣ; археологія христіанская, опредѣливъ то, что заимствовано отъ народа еврейскаго, слѣдитъ за дальнѣйшимъ развитіемъ христіанской обрядности. Результатомъ пройденнаго бываетъ послѣдній составъ наукъ, имѣющій задачею опредѣлить: въ чемъ состоитъ вѣра? Въ него входятъ двѣ науки: богословіе догматическое и богословіе нравственное. Богословіе догматическое имѣетъ предметомъ истины вѣры, а богословіе нравственное — истины нравственности. Такъ какъ истины вѣры составляютъ для насъ непреложное правило спасенія, то за ними удержано то самое названіе, какое имѣютъ онѣ на языкѣ греческомъ: «δόγματα», т. е. ученіе, правило, предписаніе.

Дѣятельность церкви, составляющая предметъ второй части богословія — практической, сосредоточивается въ трехъ главныхъ пунктахъ: ученіи, управленіи и богослуженіи; отсюда и науки, входящія въ составъ этой части, за исключеніемъ богословія пастырскаго, обнимающаго всѣ три рода дѣятельности, всегда имѣютъ своимъ предметомъ какую-либо изъ этихъ трехъ сторонъ: или ученіе, или управленіе, или богослуженіе. Приложеніемъ ученія занимаются слѣдующія три науки: гомилетика, полемика и апологетика; уясненіемъ управленія — каноническое право; уясненіемъ богослуженія — литургика. Задача этихъ наукъ слѣдующая: гомилетика научаетъ словесному искусству, полемика — отвѣтамъ на возраженія иновѣрныхъ, апологетика отвѣтамъ на возраженія невѣрующихъ, каноническое право — законамъ, которыми управляется церковь, какъ организованное общество, литургика — церковному богослуженію и правильному пониманію всего церковнаго культа.

3) Богословіе и университетъ.

Какъ имѣющая цѣлію не удовлетвореніе простой любознательности, а удовлетвореніе потребностей церкви вообще и высшихъ интересовъ каждаго въ частности, система богословская не можетъ быть, подобно другимъ научнымъ системамъ, предметомъ изученія только нѣкоторыхъ, такъ называемыхъ, спеціалистовъ дѣла. Хотя охраненіе интересовъ церкви и лежитъ на преимущественной отвѣтственности пастырей церкви, однако и остальные вѣрующіе, какъ члены одного тѣла, не могутъ считать его дѣломъ чуждымъ для себя. «Не можетъ, говоритъ Апостолъ Павелъ при объясненіи отношеній членовъ церкви, глазъ сказать рукѣ: ты мнѣ не надобна, или также голова ногамъ: вы мнѣ ненужны. Напротивъ, члены тѣла, которые кажутся слабѣйшими, гораздо нужнѣе» (1 Кор. 12, 21). Слѣдовательно каждый, трудясь надъ своимъ собственнымъ усовершенствованіемъ, долженъ, по мѣрѣ данныхъ ему силъ, трудиться и надъ тѣмъ, что содѣйствуетъ благосостоянію всей церкви. Особенно не могутъ увольнять себя отъ этой задачи такія высшія образовательныя заведенія, какъ университеты. Гдѣ-же и искать лучшаго пониманія своихъ обязанностей и своихъ отношеній, какъ не здѣсь — въ этомъ центрѣ умственнаго образованія? такъ понималъ университетъ свою задачу прежде; такъ же точно онъ долженъ понимать ее и теперь. Я не буду ссылаться въ подтвержденіе своей мысли на то отдаленное время, когда богословіе было царицей наукъ, когда нетолько философія, но и самая юриспруденція имѣли по преимуществу богословскій характеръ — вы можете сказать, что то были времена средневѣковаго мрака, — а ограничусь фактомъ, характеризующимъ современное положеніе университетовъ запада. При всемъ различіи воззрѣній и направленій, доходящихъ подчасъ до явновраждебныхъ церкви, они все таки сохраняютъ къ своимъ церквамъ должныя отношенія, и дорожатъ названіемъ или католическаго или протестантскаго. Если въ такихъ отношеніяхъ стоятъ къ своимъ церквамъ университеты запада, то почему-же

и нашимъ университетамъ не стоять въ такомъ-же отношеніи къ своей церкви, почему и нашимъ не характеризоваться именемъ «православнаго»? Не подумайте, чтобы подобная характеристика могла обусловливаться дѣятельностію одного только богословскаго факультета; нѣтъ, она можетъ служить выраженіемъ всего университета, во всѣхъ его частяхъ. Это—по той простой причинѣ, что истина религіозная, какъ коренящаяся въ глубинѣ человѣческаго духа, соприкасается съ каждымъ его проявленіемъ, слѣдовательно каждая наука, къ какой-бы области знанія ни относилась, всегда, такъ или иначе, прямо или косвенно, но непремѣнно вводитъ ее въ кругъ своихъ изслѣдованій. Ясное доказательство тому представляютъ науки естественныя. Несмотря на то, что предметъ этихъ наукъ гораздо отдаленнѣе всѣхъ другихъ научныхъ предметовъ, однако-же и онъ тѣсно соприкасается съ такими религіозными предметами, какъ: Богъ, міръ, душа, мірозданіе, міроуправленіе и т. п. Отвѣчать на вопросы, возбуждаемые этими предметами, естественная наука одна, безъ содѣйствія другихъ наукъ, особенно безъ содѣйствія богословія, не можетъ; всѣ ея рѣшенія были-бы, въ такомъ случаѣ, поспѣшны, односторонни, что дѣйствительно и видимъ на всѣхъ новѣйшихъ антирелигіозныхъ теоріяхъ. Мы не знаемъ всѣхъ причинъ этого печальнаго явленія, но что отчужденность отъ богословія играетъ при этомъ не послѣднюю роль,—этотъ фактъ выше сомнѣнія. Чѣмъ выше поднимаемся мы по ступенямъ мірозданія, чѣмъ ближе подходимъ къ той сферѣ, гдѣ является дѣйствующимъ существо разумное, тѣмъ ощутительнѣе является присутствіе божественной силы, а отсюда и отношеніе наукъ къ богословію становится тѣмъ замѣтнѣе. Первое мѣсто занимаютъ въ этомъ случаѣ науки историческія. Что̀ составляетъ главное содержаніе сохранившихся до насъ литературныхъ памятниковъ древняго міра? Его религія. Ею начинается не только исторія того народа, которому вручены были тайны откровенія, но исторія всѣхъ появлявшихся на міровой сценѣ народовъ. Подъ какою-бы формою она ни являлась, она всегда проникала все существо человѣка и служила зерномъ для дальнѣйшаго

развитія въ умственномъ, нравственномъ и даже политическомъ отношеніи. Слѣдовательно, не уясни себѣ историкъ этого двигателя, и весь этотъ исчезнувшій міръ, съ его задушевными думами, желаніями и чувствованіями, для него останется навсегда загадкою. А что сказать о томъ великомъ переворотѣ, который произвела въ умахъ и сердцахъ религія христіанская? Вамъ небезъизвѣстно, что не только основныя истины христіанства, но самыя вѣроисповѣдныя различія не прошли безслѣдно на судьбѣ народовъ. Возьмите православный востокъ, римокатолическій и протестантскій западъ, и вы увидите, что каждое изъ этихъ вѣроисповѣданій своеобразно вліяло на судьбу признававшихъ ихъ націй. Слѣдовательно, что-же какъ не богословіе съ его изслѣдованіями по части источниковъ вѣроученія, по части исторіи даетъ ключъ къ уразумѣнію всего этого историческаго матеріала? Это тѣмъ болѣе необходимо, что въ дѣлѣ уясненія религіозной стороны фактовъ вамъ всегда придется стоять на совершенно самостоятельной почвѣ. Каждый историкъ, трудами котораго вы будете пользоваться, всегда будетъ стоять подъ вліяніемъ тѣхъ или иныхъ религіозныхъ возврѣній: въ одномъ увидите теиста, въ другомъ — натуралиста, въ третьемъ — католика, въ четвертомъ — протестанта. Перейдемъ къ наукамъ юридическимъ. Объектъ этихъ наукъ есть человѣкъ, съ его нравственнымъ строемъ, съ его добрыми и порочными проявленіями, съ его отношеніями къ обществу и государству. Кто-же лучше раскроетъ намъ тайну человѣческаго сердца, какъ не Самъ Сердцевѣдецъ? Кто лучше выяснитъ корень зла и укажетъ средства къ уврачеванію его, какъ не Тотъ, Который и явился на землѣ для этой цѣли? Гдѣ найдемъ мы лучшія начала для устройства нашей семейной, общественной и государственной жизни, какъ не въ чистомъ источникѣ — словѣ Божіемъ? Гдѣ, какъ не въ нѣдрахъ церкви, зародились, развились и сложились высшія начала современнаго государственнаго права? Слѣдовательно — и для этихъ наукъ богословіе также необходимо, какъ и для предъидущихъ.

Время университетскаго образованія не есть время однихъ

спеціальныхъ занятій; это есть время, когда выработывается весь умственный и нравственный складъ человѣка, когда слагается въ немъ тотъ опредѣленный взглядъ на вещи, какой мы привыкли называть убѣжденіями. Какъ слагающіяся изъ всего, съ чѣмъ только соприкасается молодая воспріимчивая натура, онѣ нуждаются въ еще большемъ содѣйствіи со стороны богословія, чѣмъ самыя спеціальныя знанія. При этихъ послѣднихъ человѣкъ гарантированъ по крайней мѣрѣ отъ намѣренной лжи, отъ намѣреннаго обмана, тамъ-же не безопасенъ онъ и отъ этого. Не будучи въ состояніи повѣрить всего, о чемъ хлопочутъ его усердные просвѣтители, онъ долженъ многое принимать на-вѣру, слѣдовательно, всякое анти-религіозное ученіе, проводимое путемъ разныхъ популярныхъ изданій, легко можетъ сдѣлаться, даже незамѣтно для него самого, его собственнымъ убѣжденіемъ. Особенно сильна опасность со стороны появляющихся на западѣ популярныхъ произведеній по богословію. Въ этомъ случаѣ вы можете быть жертвою какого угодно обмана: научное изслѣдованіе св. писанія вамъ неизвѣстно, твореній отеческихъ — тѣмъ болѣе; слѣдовательно, стоитъ только одно свидѣтельство опустить, другое выставить или искусно сопоставить, написать живо, бойко, увлекательно и — успѣхъ несомнѣненъ. Чѣмъ объяснить, напримѣръ, что сочиненія Ренана, несмотря на безпощадную критику, все таки держатся въ нашемъ обществѣ? Очевидно тѣмъ, что для провѣрокъ нѣтъ достаточнаго знанія, а для справокъ нѣтъ желанія. Что-же выходитъ? Люди, воображающіе себя отрѣшившимися отъ авторитетовъ вѣры, оказываются легковѣрнѣе самыхъ дѣтей: авторитету церкви, принимаемому вѣками, вѣры нѣтъ, а авторитету француза, открыто обличеннаго въ подлогѣ и обманѣ, полное и безграничное довѣріе. Развѣ возможно подобное отношеніе къ истинѣ для человѣка образованнаго? Развѣ возможно произносить утвержденіе или отрицаніе, пока не найдено къ тому достаточныхъ основаній? Для устраненія этого-то, истинно недостойнаго людей мыслящихъ положенія, и нужно образованіе богословское. Положимъ, увлеченіе и здѣсь возможно, но это увлеченіе будетъ не опасно. Какъ

скоро человѣкъ расположенъ узнать истину, онъ всегда найдетъ ее. Иное дѣло, если невѣріе соединяется съ равнодушіемъ: тогда, закравшись разъ въ душу, оно останется въ ней навсегда, и развѣ только такое нибудь жизненное обстоятельство заставитъ вразумиться и провѣрить воспринятое.

Обратимъ наконецъ вниманіе на вопросы, занимающіе современное общество: всѣ они почти имѣютъ религіозный характеръ. Съ тѣхъ поръ какъ римскій соборъ провозгласилъ новый догматъ о непрогрѣшимости папы, посмотрите, въ какое движеніе пришелъ весь западъ! Оппозиція, высказавшаяся на самомъ соборѣ, проникаетъ теперь всюду, до самой деревенской хижины. Небольшая кучка богослововъ, собравшаяся вокругъ Делингера и рѣшившаяся заявить протестъ свой рѣшительнѣе, разрослась до громадныхъ размѣровъ. Представители этого общества, называющаго себя старокатолическимъ, не довольствуются простымъ отрицаніемъ новаго догмата, но подготовляютъ нѣчто болѣе положительное; они ревностно изучаютъ догматы и обряды иныхъ исповѣданій и ведутъ дѣятельныя сношенія съ представителями послѣднихъ. Наша православная церковь, какъ сохранившая во всей чистотѣ и неприкосновенности все переданное Христомъ и апостолами, по преимуществу, пользуется ихъ сочувствіемъ. На послѣднемъ конгрессѣ, бывшемъ въ Констанцѣ, для сношенія съ ней учреждена была особая коммиссія. Наряду съ борьбой внутри церкви латинской идетъ ожесточенная борьба между церковію и государствомъ, въ которой принимаютъ участіе почти всѣ ученые запада. Театромъ ея служатъ: Германія, Австрія, Швейцарія, Франція, Италія и даже Англія. Предметомъ борьбы служатъ вопросы, касающіеся самыхъ существенныхъ сторонъ жизни христіанской, это: бракъ, школа, отношеніе духовенства къ государству. Борьба ведется нетолько книжно, но даже на публичной аренѣ, въ палатахъ представителей народа. Положеніе церкви протестанской — не многимъ лучше. Кромѣ вопросовъ объ отношеніи церкви къ государству, здѣсь также есть не менѣе интересная борьба между разными направленіями, но какъ борьбой этой занимается наше общество мало, то пе-

юхожу къ характеристикѣ церкви восточной. Здѣсь идетъ іечальная борьба между двумя православными націями: греками і болгарами, разразившаяся отлученіемъ послѣднихъ отъ церковнаго союза съ первыми. Хотя предметы разногласія и не ;уть вопросы догматическіе, но какъ раздѣленіе это противно ;уху и характеру церкви единой, то равнодушными зрителями іамъ оставаться нельзя. Нашъ долгъ, по мѣрѣ силъ и возможюсти, содѣйствовать ихъ примиренію, а это возможно только іри основательномъ знакомствѣ съ ученіемъ православнымъ вобще и исторіей каждой церкви особенно. Подобная-же, только іе въ такихъ размѣрахъ, борьба идетъ между православными въ Австріи, а именно: между румунами и сербами въ Венгріи и іежду румунами и русскими въ Буковинѣ. Нельзя сказать, чтобы и мы, русскіе, вполнѣ свободны были отъ церковныхъ вопросовъ. Едва кончился вопросъ о преобразованіи духовноучебныхъ заведеній, какъ начался вопросъ о преобразованіи судопроизводства въ духовенствѣ; вопросъ — чрезвычайно важный, і потому требующій всесторонняго обсужденія. Обо всѣхъ упомянутыхъ нами вопросахъ живо диспутируется и въ литературѣ : въ обществѣ. Какъ-же при такомъ повсемѣстномъ возбужденіи елигіозной мысли оставаться равнодушнымъ къ изученію богословскихъ предметовъ! Какъ закрывать глаза на такое великое роженіе, какое совершается теперь на западѣ! И если сами ностранцы не находятъ лучшаго для себя исхода среди сомѣній и разногласій, какъ въ возвращеніи къ древнему правоіавію, если для нихъ даже оно стало предметомъ изученія, то амъ-ли не цѣнить его, намъ-ли не изучать его, намъ-ли не скать въ немъ жизненной опоры для себя?

4) Университетъ и богословская каѳедра.

Судя по тому, что университеты наши устраивались по образцу западныхъ, можно было бы ожидать, что и преподаваніе огословія будетъ имѣть тотъ же видъ, т. е. что богословіе удетъ принято въ составъ наукъ университетскихъ и что для его будетъ также существовать особый факультетъ. Ничего

Результатомъ всего этого было бы то, что преподаваніе хромало бы то на ту, то на другую сторону и въ большинствѣ случаевъ не удовлетворяло бы ни той, ни другой. И такъ, если признано, что наука богословская должна имѣть общеобразовательное значеніе, то факультетъ, какъ удовлетворяющій только спеціальнымъ потребностямъ, достаточнымъ для такой цѣли быть не можетъ. Очень возможно, что нѣсколькими богословами позязилось бы болѣе, но взамѣнъ этого исчезли бы въ образованной публикѣ и тѣ немногія богословскія познанія, какія выносятся теперь изъ университета. Ясное доказательство тому видимъ во всѣхъ тѣхъ государствахъ, гдѣ существуютъ такіе факультеты. Чѣмъ, напримѣръ, какъ не недостаточностію въ общебогословскомъ образованіи можно объяснить факты, указываемые современнымъ ученымъ запада Местралемъ въ его сочиненіи «характеристика христіанской церкви въ XIX вѣкѣ»[1]. «Незнаніе и предразсудки, говоритъ онъ, занимаютъ не послѣднее мѣсто между причинами печальныхъ раздѣленій въ христіанствѣ. Католики въ большинствѣ случаевъ ничего не знаютъ протестантовъ и едва считаютъ ихъ за христіанъ; протестанты, въ свою очередь, имѣютъ ложное понятіе о католикахъ. Тѣ и другіе почти ничего не знаютъ объ ихъ братьяхъ христіанахъ восточныхъ, которые составляютъ однако почти четвертую часть всего христіанства.» Эта недостаточность факультетскаго образованія начинаетъ сознаваться и самыми университетами. При нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ то: лейпцигскомъ, вюрцбургскомъ, бонскомъ, и фрейбургскомъ, учреждаются богословскія чтенія для всѣхъ факультетовъ. На ту же недостаточность университетскаго общебогословскаго образованія указываютъ появляющіяся съ 30-хъ годовъ богословскія чтенія для образованной публики вообще. Такимъ образомъ, каѳедра наша не есть явленіе ненормальное, какъ думаютъ нѣкоторые, а плодъ глубокаго пониманія научныхъ потребностей. При ея существованіи не страдаетъ ни спеціальное богословское образованіе, ни общее. Для ищущихъ перваго у насъ есть, во-первыхъ, двѣ каѳедры при самыхъ университетахъ,

[1]) Tableau chretienne au dix-neuvieme siècle.

во-вторыхъ, духовныя академіи, которыя могутъ стать наравнѣ съ каждымъ факультетомъ; для тѣхъ же, которые посвятили себя спеціальному изученію другихъ наукъ, существуетъ каѳедра, гдѣ они могутъ спеціально ознакомиться и съ источниками вѣроученія и съ самыми истинами вѣры и нравственности и съ полнымъ разборомъ всѣхъ недоумѣній, какія могутъ встрѣтиться въ ихъ занятіахъ. Поставленная внѣ связи съ другими факультетами, она даетъ возможность занимающему ее не ограничиваться однѣми научными потребностями, но проникать въ потребности религіозной жизни вообще. Указавъ на такое назначеніе богословской каѳедры въ университетѣ, мы выразили тѣмъ нашу общую задачу, какой намѣрены держаться съ Божьею помощію.

5) Методъ богословскаго преподаванія.

Нельзя не сознаться, что вопросъ о методѣ принадлежитъ къ числу не особенно легкихъ. Это отнюдь не потому, чтобы наука наша не имѣла у себя какого либо выработаннаго метода, а потому, что условія, въ которыя поставлены мы, слишкомъ исключительны. Обширность задачи и высокая важность ея требуютъ разсмотрѣнія предметовъ болѣе или менѣе всесторонняго, между тѣмъ краткость отведеннаго времени заставляетъ ограничиваться самымъ необходимымъ; назначеніе мѣста, какъ мѣста спеціальнаго образованія, требуетъ отношенія къ дѣлу спеціальнаго, строго научнаго, между тѣмъ недостатокъ подготовки въ слушателяхъ и необходимость удовлетворять многостороннимъ потребностямъ заставляютъ избѣгать всего, что могло-бы утомлять своимъ однообразіемъ, своею слишкомъ спеціальною постановкою. Вслѣдствіе такой исключительности, преподаваніе богословія не можетъ совершаться въ томъ видѣ, какъ совершается въ заведеніяхъ духовныхъ. Особенно это нужно сказать о наукѣ догматическаго и нравственнаго богословія, которыя должны составлять главный предметъ нашихъ занятій. Науки эти не могутъ быть разсматриваемы отдѣльно, внѣ связи съ другими богословскими науками; при нихъ необходимо основательное знакомство, во-первыхъ, съ источниками вѣроученія: св. писаніемъ

и св. преданіемъ, во-вторыхъ, со всѣми вспомогательными науками. Въ заведеніяхъ специально-духовныхъ такія потребности могутъ быть удовлетворены, съ одной стороны, достаточной семинарской подготовкой, съ другой — совмѣстнымъ преподаваніемъ всѣхъ указанныхъ наукъ; между тѣмъ, въ университетѣ удовлетворенія такимъ потребностямъ быть не можетъ. Гимназическая подготовка ограничивается изученіемъ только главнаго и существеннаго, а другія, существующія въ университетѣ, богословскія каѳедры, съ одной стороны, ограничиваются только двумя предметами: исторіей церкви и каноническимъ правомъ, съ другой — имѣютъ отношеніе только къ слушателямъ или историческаго или юридическаго факультета. И такъ, намъ нуженъ такой методъ, который давалъ-бы возможность ознакомить нашихъ слушателей и съ источниками вѣроученія и съ самыми истинами вѣры и со всѣмъ, что соприкасается съ христіанскимъ вѣроученіемъ. Нужда въ такомъ методѣ сознается всѣми преподавателями богословія при нашихъ университетахъ. Каждый изъ нихъ вводитъ, для этой цѣли, въ кругъ преподаваній своихъ особую науку, при помощи которой старается удовлетворить указаннымъ потребностямъ. Такой наукой для однихъ служитъ библіологія, или наука о св. писаніи, для другихъ апологетика. Какъ ни высоко ставимъ мы значеніе указанныхъ наукъ для университета, но удовлетворить университетскимъ потребностямъ, при помощи той или другой въ отдѣльности, считаемъ крайне неудобнымъ. Мы считаемъ неудобнымъ при помощи одной библіологіи, потому что, при невозможности раздѣлять библіологію и догматику по двумъ смѣняющимся курсамъ, мы должны-бы были или прочитывать библіологію и догматику въ одинъ годъ, что̀ невозможно, или-же заставлять слушать одинъ изъ курсовъ догматику прежде библіологіи, что̀ еще хуже. Мы не считаемъ удобною и апологетику одну, потому что апологетика предполагаетъ основательное знакомство съ положительнымъ ученіемъ, а такого знакомства въ большинствѣ университетскихъ слушателей нѣтъ. Такимъ образомъ, намъ приходится изыскивать, для удовлетворенія университетскихъ потребностей, иной способъ, чѣмъ

указанные. Въ этомъ случаѣ мы можемъ воспользоваться прекраснѣйшимъ совѣтомъ нашего знаменитаго догматиста преосв. Макарія. Говоря о сравнительномъ достоинствѣ методовъ, онъ признаетъ, что для однихъ, именно для людей хорошо подготовленныхъ, какъ напримѣръ воспитанники духовные, гораздо лучше методъ систематическій, а для другихъ, не владѣющихъ такою спеціальною подготовкою, предпочитаетъ методъ библейско-исторической, какъ одинаково полезный для всѣхъ [1]). Этимъ то, одинаково полезнымъ для всѣхъ, методомъ мы намѣрены воспользоваться для нашего преподаванія.

Библейскій методъ отличается отъ систематическаго очень немногимъ. Истины вѣры и нравственности излагаются здѣсь тоже въ извѣстной системѣ, только система эта прилагается не ко всѣмъ священнымъ книгамъ за одинъ разъ, а или къ каждой книгѣ въ отдѣльности, или только къ извѣстной группѣ книгъ, напр. пятокнижію, четвероевангелію и т. п. Преимущества этого метода для университета состоятъ въ слѣдующемъ: 1) онъ не ставитъ преподавателя въ необходимость ни читать въ одинъ годъ двѣ такія обширныя науки, какъ библіологія и догматика, ни начинать ознакомленіе съ догматикой прежде ознакомленія съ ея источниками: св. писаніемъ и св. преданіемъ, но даетъ возможность, несмотря на смѣняющіеся курсы, заниматься изученіемъ догматовъ вѣры непрерывно, въ теченіи положенныхъ намъ двухъ лѣтъ. Это потому, что наука наша раздѣлена здѣсь на нѣсколько системъ и какъ каждая система представляетъ вполнѣ законченный кругъ истинъ, то какой-бы системой не началъ кто свои занятія, проигрывать отъ этого не можетъ. Особенно ничего не могутъ проиграть тѣ, которые будутъ начинать или ветхимъ или новымъ завѣтомъ: изучившій прежде новый, яснѣе убѣдится въ истинности и высокомъ значеніи ветхаго и, наоборотъ, изучившій прежде ветхій ощутительнѣе сознаетъ нужду въ новомъ. 2) Ознакомленію съ истинами вѣры и нравственности сопутствуетъ ознакомленіе съ главнымъ ея источникомъ: св. писаніемъ, чрезъ что изучаемыя истины вѣры

---

[1]) Введ. въ богосл. Мак. стр. 346.

и нравственности теряютъ характеръ отвлеченности и пріобрѣтаютъ живое дѣйственное значеніе. 3) Ни по отношенію къ полнотѣ, ни по отношенію къ ясности, изложеніе по такому методу уступать систематическому не можетъ: оно не можетъ уступать по отношенію къ полнотѣ, потому что всякая отдѣльная истина будетъ уяснена здѣсь каждой св. книгой въ отдѣльности. Что касается возраженія, будто такой методъ слишкомъ подробенъ и что едва-ли у преподавателя найдется время выполнить по нему, то, имѣя въ виду двухъ-годичное чтеніе, по которому въ одинъ годъ будетъ читаться ветхій завѣтъ, въ другой — новый завѣтъ, особенныхъ затрудненій мы не видимъ. Оно не можетъ уступить по отношенію къ ясности, потому что при немъ хотя и нѣтъ такого цѣлостнаго взгляда на истину, какой даетъ догматика, но какъ цѣлостный взглядъ дается даже катихизисомъ, то разсмотрѣніе каждаго догматическаго мѣста въ отдѣльности, изученіе догматическаго воззрѣнія каждаго св. писателя, можетъ служить только къ большему уясненію этого взгляда и къ облегченію пониманія многихъ догматическихъ мѣстъ, которыя при систематическомъ методѣ кажутся неудобопонятными. 4) Съ особымъ успѣхомъ можетъ быть достигаема при такомъ методѣ цѣль апологетическая. Положительное невѣріе, называемое матеріализмомъ, далеко не такъ распространено въ обществѣ, какъ та раціоналистическая полувѣра, которая, не отвергая христіанство въ самомъ принципѣ, кроитъ его по своей мѣркѣ. Такъ какъ въ орудіе такой полувѣры избирается обыкновенно само св. писаніе, при чемъ неподходящее къ воззрѣнію устраняется, какъ неподлинное, подходящее выставляется въ иномъ свѣтѣ, чѣмъ дѣйствительный, а среднее между тѣмъ и другимъ истолковывается въ пользу предвзятаго мнѣнія, то для противодѣйствія такой полувѣрѣ не можетъ быть лучшаго орудія, какъ то самое, какое употребляется въ дѣло противниками. Какъ скоро и подлинность и важность и достоинство св. писанія будутъ показаны, какъ скоро уяснено, что ученіе Іис. Христа и апостоловъ — одно и тоже, что и отцы церкви ничего не прибавили къ нему и ничего не отняли, что и ученіе, опредѣ-

ленное на соборахъ, есть тоже самое, что Христово и апостольское,—то всѣ воззрѣнія о развитіи христіанскаго ученія, о искаженіи его опровергнутся чрезъ это сами собой. 5) Помимо цѣли апологетической, съ полнымъ успѣхомъ могутъ достигнуться при этомъ и всѣ другія научныя богословскія цѣли. Основа всѣхъ богословскихъ наукъ есть св. писаніе и св. преданіе. Мы не смѣемъ полагать въ основу нашего зданія иного камня, паче лежащаго, еже есть Христосъ (1 Кор. 3); значитъ, если мы будемъ подробно и основательно изучать слово Божіе и отеческія творенія, если каждая свящ. книга будетъ изслѣдована отдѣльно, то намъ откроется величественная въ своей скромности и простотѣ картина и первоначальнаго богослуженія и первоначальнаго управленія и та, исполненная Духа Божія, жизнь первобытнаго христіанскаго общества. Такая близость къ первообразу легко можетъ предохранить насъ отъ той холодности, отъ того равнодушія, съ какими относимся мы часто къ высокому нашему христіанскому званію. Что это не иллюзія, а вполнѣ возможный фактъ, на то имѣемъ мы указанія въ недавнемъ опытѣ нашей русской жизни. Чему, главнымъ образомъ, обязаны мы пробужденіемъ въ насъ національнаго духа, уваженіемъ ко всему родному, отечественному, какъ не изученію памятниковъ древности, какъ не воспроизведенію наукой и искусствомъ добрыхъ сторонъ жизни нашихъ предковъ? Не тоже-ли самое можетъ быть и здѣсь, какъ скоро мы станемъ лицемъ къ лицу съ величественною картиною первобытнаго христіанскаго общества? 6) Методъ библейскій есть такой методъ, который вполнѣ гармонируетъ съ современнымъ настроеніемъ общества. Отличительною чертою этого настроенія есть стремленіе къ наглядности, осязательности. Вслѣдствіе такого стремленія все, что только желаетъ привлечь къ себѣ вниманіе общества, облекается въ форму наглядную, какая бываетъ по преимуществу историческая. Почему и намъ не воспользоваться такимъ настроеніемъ общества? Почему и намъ не придать нашей наукѣ ту-же наглядность, какую имѣютъ другія науки? Пусть каждый видитъ, что не искусственной системой держатся наши великія христіанскія истины, а своею

внутреннею высотою и чистотою. Въ этомъ случаѣ мы имѣемъ прекрасный совѣтъ другого нашего догматиста, преосв. Филарета. «Важность слова Божія, говоритъ онъ, требуетъ, чтобы само слово Божіе было первымъ предметомъ вниманія нашего и смыслъ его изучаемъ былъ основательно, а характеръ откровенной догматики требуетъ, чтобы догматистъ былъ ученикомъ слова Божія, а не принималъ на себя дидактическаго тона по отношенію къ слову Божію. Когда же догматы опредѣляются для насъ не самимъ словомъ Божіемъ или, что тоже, не объясненіемъ писанія писаніемъ, а произволомъ логическаго разсудка, ученіе объ откровенныхъ истинахъ болѣе или менѣе теряетъ характеръ откровеннаго ученія.»

Избирая такой методъ, мы далеко не являемся одинокими въ предпринимаемомъ на себя трудѣ. Изъясненіе догматическаго смысла писанія издавна было любимымъ занятіемъ свв. отцовъ и учителей церкви. Въ оставленныхъ ими обширныхъ комментаріяхъ, почти на всѣ свв. книги можно всегда найти богатѣйшій матеріалъ для уясненія догматическаго ученія каждаго свящ. писателя. Есть нѣсколько даже такихъ твореній, гдѣ изъясненіе имѣетъ видъ нѣкоторой системы. Таковы творенія: св. Кипріана «De Testimoniis», гдѣ онъ подробно раскрываетъ отношеніе ветхаго завѣта къ новому, епископа африканскаго Юнилія (VI) «De partibus legis», гдѣ излагаются доказательства, заимствованныя изъ св. писанія для ученія о Богѣ Отцѣ и Сынѣ Божіемъ, Евсевія «Προπαρασκευὴ Εὐαγγλική и Εὐαγγελικὴ ἀπόδειξις» изъ коихъ въ первомъ онъ излагаетъ отношеніе язычества къ іудейству, а во второмъ — отношеніе ветхаго завѣта къ новому.

Если мы отъ твореній отеческихъ перейдемъ къ богословской литературѣ запада, то увидимъ, что методъ библейскій издавна былъ тамъ самымъ любимымъ методомъ, и что тамъ образовалась даже особая наука извѣстная то подъ именемъ библейскаго богословія, то ветхозавѣтной и новозавѣтной догматики, то — или исторіи догматовъ, или исторіи христіанскаго ученія. Правда, первое появленіе такихъ сочиненій мы встрѣ-

чаемъ у такъ называемыхъ раціоналистовъ; но какъ и ереси, по слову апостола, должны быть среди насъ, чтобы являлись чрезъ это искуснѣйшіе, то это обстоятельство послужило только къ тому, что наряду съ такими библейскими богословіями, какъ богословіе Бауера [1]), Кольна [2]), Ноака [3]) и Баура [4]), появилось много другихъ, которыя, отличаясь не меньшею ученостію ихъ авторовъ, были проникнуты однако другимъ направленіемъ. Впрочемъ и здѣсь есть своя градація: есть между ними такъ называемые супранатуралисты, какъ напримѣръ: Шторъ [5]), Захарія [6]) и др., которые хотя и защищаютъ авторитетъ библіи, но въ частныхъ воззрѣніяхъ отъ раціоналистовъ мало разнятся; есть умѣренные раціоналисты, какъ напримѣръ: Баумгартенъ-Крузіусъ (Grundzüge der Bibl. Theologie. Jena 1828), Вейссъ (Lehrbuch der Bibl. Theologie des N. T. Berlin, 1868); есть — и это большинство — такъ называемые, протестантскіе ортодоксалы, какъ напримѣръ: Неандеръ [7]), Бекъ [8]), Шмидтъ [9]), Гофманъ [10]), Канисъ [11]) Ганъ [12]), и Остерзее [13]), которые принесли богословской литературѣ своими трудами громадную пользу. Но и въ нихъ есть свои недостатки для насъ, къ каковымъ относятся: то вѣроисповѣдные взгляды на догматы, то любимая, отъ времени до времени проглядывающая мысль о развитіи христіанскаго ученія. Есть богословы-римокатолики,

[1]) Lorenz Bauer—Biblische Theologie des N. T. 1800.

[2]) Dan. von Kolln—Biblische Theologie. Leipz. 1836.

[3]) Noack—Biblische Teologie. Einleitung in's A. und N. T. Halle, 1853.

[4]) Baur. Vorlesungen über Neutestamentische Theologie. L. 1864.

[5]) Doctrinae Christianae ex solis sacris libris repetitiae; pars theoretica. Stut. 1803 Storr.

[6]) Zachariae. Biblische Theologie, oder Untersuchungen d. Bibl. Grundes der vornehmsten Theol. Lehren. Tübing. 1780.

[7]) Neander —Geschichte, Pflanzung und Leitung der christlichen Kirche durch die Aposteln. Hamb. 1847.

[8]) Beck—Lehrwissenschaft nach den Bibl. Urkunden. Stuttg. 1841.

[9]) Schmidt.—Biblische Theologie d. N. T. Stuttg. 1853.

[10]) Hoffmann—Schriftbeweis Nordl. 1857—60.

[11]) Kahnis—Die Lutherische Dogmatik, Leipz. 1861.

[12]) Hahn—Die Theologie d. N. T. Leip. 1854.

[13]) Oestersee. Die Theologie d. N. T. Ein Handbuch für akademische Vorlesungen und zum Selbststudium. Barmen 1869.

какъ то: Клее [1]), Шване [2]), Люттербекъ [3]), Баде [4]), Лянгенъ [5]), которые, не освобождая мысль свою отъ преданій церкви вселенской, какъ протестанты, стоятъ къ намъ всего ближе. Трудами всѣхъ этихъ, равно и другихъ германскихъ ученыхъ, которые, по краткости очерка, непоименованы здѣсь, мы можемъ пользоваться съ полнымъ успѣхомъ, разумѣется, подъ условіемъ строгой провѣрки, какъ въ общемъ, такъ и въ частностяхъ, съ ученіемъ православной вселенской церкви.

Нельзя сказать, чтобы и русская богословская литература была совершенно бѣдна сочиненіями подобнаго рода; въ ней нѣтъ только сочиненій систематическихъ, но подготовительныхъ трудовъ чрезвычайно много. Прежде всего, мы должны здѣсь упомянуть о толкованіяхъ на болѣе замѣчательныя мѣста изъ книгъ ветхаго и новаго завѣта, появлявшіяся издавна въ нашихъ духовныхъ журналахъ иногда прямо въ формѣ толкованій, иногда въ формѣ проповѣдей. Таковы проповѣди покойныхъ преосв. Филарета и Иннокентія; таковы проповѣди преосв. Евсевія на воскресные и праздничные дни; есть толкованія на цѣлыя книги, таковы: толкованія Голубева на книги пророковъ и посланіе къ коринѳянамъ; затѣмъ: записки на книгу бытія преосвящ. Филарета московскаго; ученіе св. Іоанна о Словѣ, преосв. Филарета черниговскаго (1869 г.); ученіе книгъ ветхаго и новаго завѣта о св. Троицѣ (Кіевъ, 1862 г.); сводъ текстовъ св. писанія о покаяніи, Литвинова (1859 г. Спб.); статьи объ апостолѣ Павлѣ, арх. Ѳеодора; о евангеліяхъ и евангельской исторіи, арх. Михаила (Москва, 1865 г.); раскрытіе главнѣйшихъ догматическихъ истинъ въ писаніяхъ апостоловъ (Чт. въ М. О. Люб. дух. просв. 1869 г.); ученіе о лицѣ Іисуса Христа въ первыхъ трехъ вѣкахъ христіанства (Прав. Соб. 1870 г.) И намъ долго

[1]) Die Dogmatik der kathol. Kirche.

[2]) Dogmengeschichte der Patristischen Zeit. 1866

[3]) Neutestamentliche Lehrbegriffe. Ein Handbuch für ältesten Dogmengeschichte. Mainz. 1852.

[4]) Christologie der A. T. 1850.

[5]) Das Judenthum in Palästina vor d. Zeit Christi. Freiburg. 1866.

АНАЛИЗЪ ПЛАТОНОВА ДІАЛОГА „ФЕДОНЪ“.

Представляя на судъ читателя анализъ и переводъ одного изъ величайшихъ произведеній Платона, считаю необходимымъ нѣсколько предварительныхъ замѣчаній. Предметъ Федона и его художественное достоинство избавляютъ меня отъ труда говорить о цѣли моего перевода, равно какъ и о полезности каждой — хотя бы относительно весьма несовершенной — попытки объяснить великое произведеніе величайшаго поэта-мыслителя древней Греціи, и сдѣлать это произведеніе доступнымъ массѣ образованныхъ читателей, незнакомыхъ съ Платономъ въ подлинникѣ. Едва ли можно найти во всемірной литературѣ произведеніе, которое бы имѣло столько правъ на вниманіе каждаго мыслящаго человѣка; (по крайней мѣрѣ Федонъ не уступитъ въ этомъ отношеніи никакому другому.) Едва ли можно найти сколько-нибудь образованнаго читателя, который бы не имѣлъ хоть какого нибудь, хоть поверхностнаго понятія о Федонѣ. Чтобы признать Федона произведеніемъ великимъ изъ великихъ, довольно указать на то, что Платонъ первый въ человѣчествѣ высказалъ и облекъ въ форму научнаго анализа идею безсмертія души, — истину, которая составила впослѣдствіи времени основной догматъ, краеугольный камень божественнаго ученія Божественнаго Основателя нашей вѣры, истину, подъ вліяніемъ которой человѣчество новаго времени, возродившись къ новой жизни, стало на ту духовную и нрав-

ственную высоту, о которой не могъ даже мечтать древній міръ. Герой Федона — Сократъ, олицетворяющій собою типъ идеальнаго праведника для цѣлаго ряда поколѣній, и умирающій въ темницѣ невинно осужденнымъ за свою добродѣтель и истину своего ученія! При такой необычной глубинѣ идеи, лежащей въ основѣ Федона, равно какъ и величіи личности его героя, удивительно ли, что онъ всегда обращалъ на себя вниманіе болѣе всѣхъ другихъ произведеній Платона, вызвалъ едва ли не цѣлыя сотни филологическихъ и философскихъ трудовъ, ему посвященныхъ, явился въ многочисленныхъ переводахъ во всѣхъ европейскихъ литературахъ, наконецъ, произвелъ подражанія, какъ напр. Федонъ Мендельзона! На русскій языкъ Федонъ Платона былъ переведенъ Карповымъ. Объ этомъ переводѣ я хочу теперь поговорить съ моимъ читателемъ. Карповъ напечаталъ свой переводъ Платона въ первый разъ въ двухъ томахъ. Первый томъ (Протагоръ, Эвтидемъ, Лахесъ) вышелъ въ 1841-мъ, а 2-й (Хармидъ, Эвтифронъ, Менонъ, Апологія Сократа, Критонъ) въ 42-мъ году. Второе, исправленное изданіе, съ прибавленіемъ новыхъ діалоговъ вышло въ 1863 году, въ 4-хъ томахъ. С. П. Б. При недостаткѣ въ нашей тогдашней литературѣ ученой критики, (а къ классицизму это всегда относилось у насъ больше, нежели къ чему нибудь) переводъ Карпова, сколько мнѣ извѣстно, не подвергался научной оцѣнкѣ со стороны своей вѣрности подлиннику. Сужденіе о немъ произнесла тогда же исключительно литературная критика, и высказанное ею по этому поводу мнѣніе утвердилось какъ въ обществѣ, такъ и въ литературѣ. Изобиліе примѣчаній и довольно обширныя введенія, предшествующія каждому діалогу, окончательно рѣшили дѣло въ пользу Карпова, и до сихъ поръ еще вы услышите — даже иногда въ кругу людей, далеко не чуж-

дыхъ классическаго образованія, и знакомыхъ съ Платономъ въ подлинникѣ — отзывъ о переводѣ Карпова такого рода, что если онъ и представляетъ недостатки, то развѣ только со стороны языка, который всѣ единогласно признаютъ тяжелымъ. Какою громкою репутаціею пользуется у насъ переводъ Карпова, это лучше всего доказывается сужденіями, которыя высказывались о немъ въ печати. Авторъ «философскаго лексикона», пользующійся справедливою и заслуженною извѣстностью въ русскомъ ученомъ мірѣ, г. Гогоцкій отзывается о немъ слѣдующимъ образомъ. «Переводъ разговоровъ Платона», говоритъ онъ, «съ приложеніемъ общаго къ нимъ введенія, и особыхъ вступительныхъ и заключительныхъ объясненій къ каждому порознь, есть трудъ въ полномъ смыслѣ слова капитальный, и могъ бы быть украшеніемъ литературы даже у любого изъ образованнѣйшихъ народовъ Европы. (Филос. лекс., профессора Гогоцкаго, т. 3-й, Кіевъ, 1866 года, стр. 112). Точно такой же отзывъ дѣлаетъ о нашемъ русскомъ Платонѣ и авторъ сочиненія: «de politia Timaeo critia» Тхоржевскій. «Apud Rossos», говоритъ онъ, coepta jam poni platonicorum studiorum rudimenta Karpovii palmaria conversione (De pol. Tim. Crit. Kazani, 1847, pag. X). Отдавая полную справедливость нравственной сторонѣ труда Карпова, который очевидно не могъ руководиться въ подобномъ дѣлѣ другими побужденіями, кромѣ безкорыстнаго стремленія усвоить русской литературѣ произведенія Платона, я, къ сожалѣнію моему, долженъ высказать мнѣніе далеко не въ пользу самаго исполненія Карповымъ его задачи. Трудно найти другой переводъ, который бы заключалъ въ себѣ большее количество ошибокъ, неточностей, обмолвокъ и недосмотровъ всякаго рода. Я не говорю уже о языкѣ и манерѣ выраженія переводчика: въ

этомъ отношеніи нашъ русскій Платонъ — какъ выражался Бѣлинскій о плохихъ сочиненіяхъ — «ниже критики». Но многія ошибки перевода до того поразительны, что передъ ними окончательно становишься въ тупикъ, и не знаешь, чѣмъ ихъ объяснять. Я указалъ на одинъ примѣръ такого рода ошибки въ 47-мъ примѣч. къ моему переводу. Укажу на другой. Это — переводъ орфическаго стиха: ναρθηκοφόροι μὲν πολλοί, βάκχοι δέ τε παῦροι — (р. 69 С.) много людей, носящихъ тирсъ (жезлъ бахуса), но мало вдохновляемыхъ божествомъ (см. примѣч. къ моему перев. 75). Βάκχος = Bacchi sacerdos et orgiorum minister (L. A.) Смыслъ стиха ясенъ. Платонъ употребилъ обыкновенную у грековъ поговорку, разсуждая объ отношеніи, какое существуетъ между истинными и мнимыми философами. Но она, очевидно, имѣетъ общее значеніе, и можетъ быть приведена въ тысячѣ другихъ подобныхъ случаевъ. Той же самой поговоркой могъ бы воспользоваться Платонъ, говоря напр. объ истинныхъ и мнимыхъ поэтахъ, объ истинныхъ и мнимыхъ ученыхъ. По подобію этого можно сказать: много поэтовъ, да мало истинныхъ поэтовъ; много людей науки, да мало истинныхъ ея представителей». Такъ объясняютъ этотъ стихъ и значеніе въ этомъ мѣстѣ βάκχος рѣшительно всѣ схоліасты и комментаторы. (См. Фишера, р. 290 sq.; Штальб. р. 131; Виттенб. р. 176; Нюсслина р. 123 etc.). Приведу и переводъ этого мѣста у лучшихъ иностранныхъ переводчиковъ. Шлейермахеръ даетъ ему такое объясненіе: Thyrsusträger sind viele, doch ächte Begeisterte wenig. (Plat. Werke, von Schleirm. Berlin, 1809 г. zw. theiles drit Band, p. 42). Миллеръ: Denn es gibt, sagen die der Weihungen Kundigen, der Thyrsosträger viele, der vollständig Eingeweihten aber nur wenige.. (Plat. sämmtl. Werke, Leipz. 1854 Ванд. IV, p. 477). Кузенъ: Beaucoup prennent le thyrse, mais peu sont inspirés

par le dieu. (Oeuvres de Platon, traduites par Cousin, Paris, 1822 t. 1 p. 211). Кэри: many wand-bearers, but few inspired. (The works of Plato, Lond. 1871 vol. 1, p. 68.) У Карпова это самое мѣсто переведено такъ: носителей бахусовыхъ жезловъ много, да Бахусовъ-то мало (?!) (Соч. Плат., 2-е изд., 1863 г. ч. II, стр. 76.) Чѣмъ онъ руководился, давая въ настоящемъ случаѣ слову βάκχος то значеніе, котораго не даетъ ему ни одинъ древній писатель, или схоліастъ, также какъ ни одинъ изъ новыхъ комментаторовъ или переводчиковъ, — этого я не берусь рѣшать. Обращу только вниманіе читателя на то обстоятельство, что огромное количество ошибокъ и неточностей въ переводѣ Карпова принадлежитъ второму, исправленному изданію Федона. Въ первомъ же изданіи его подобныхъ промаховъ нѣтъ, и переводъ, говоря вообще, вѣренъ. Чѣмъ это объяснить? Кажется, нужно объяснять не чѣмъ другимъ, какъ тѣмъ, что первый переводъ Федона былъ напечатанъ въ Пропилеяхъ (Проп., кн. V, Москва, 1856 г.) — сборникѣ, издававшемся при Московскомъ Университетѣ, подъ редакціей эллиниста европейской учености, и конечно прежде помѣщенія его въ Пропилеяхъ былъ внимательно просмотрѣнъ редакторомъ. Карповъ же, печатая тотъ же переводъ въ другой разъ, (въ полномъ изданіи Платона) вѣроятно возсоздавалъ свою собственную, первоначальную его редакцію, и дошелъ — до сомнѣнія въ томъ, «умрутъ ли истинные философы», и сожалѣнія о томъ, что «бахусовъ» на свѣтѣ «мало»!

Сдѣлавши эту бѣглую замѣтку о переводѣ Карпова, считаю нужнымъ отдѣльное по этому поводу небольшое объясненіе. Крайне больно было бы мнѣ думать, что найдутся читатели, которые будутъ объяснять высказанное мною о трудѣ Карпова мнѣніе какими нибудь посторонними,

а тѣмъ болѣе неблаговидными побужденіями. Нетрудно понять щекотливость моего положенія въ настоящемъ случаѣ. Представляя русскому читателю мой собственный переводъ Федона, и въ то же время дѣлая неблагопріятный отзывъ о переводчикѣ, котораго репутація утвердилась въ литературѣ, я легче всего могу подвергнуться обвиненію въ одномъ изъ самыхъ неблаговидныхъ побужденій — желаніи «возвысить себя на счетъ другого». Сознаюсь откровенно, что подъ вліяніемъ именно этого опасенія, я сначала не хотѣлъ говорить ничего о переводѣ Карпова; а потомъ, принявъ во вниманіе, что руководиться какими бы то ни было личными побужденіями въ дѣлѣ науки — хотя бы даже опасеніемъ навести на себя подозрѣніе въ дурномъ побужденіи — значитъ во всякомъ случаѣ измѣнять истинѣ, — я счелъ своею прямою и положительною обязанностью высказать о нашемъ русскомъ переводѣ Платона то мнѣніе, которое я о немъ составилъ, послѣ долгаго и внимательнаго изученія подлинника, хотя это мнѣніе далеко не согласно съ утвердившимся въ нашей литературѣ взглядомъ.

Что касается моего собственнаго перевода, то скажу коротко, что я поставилъ себѣ задачею — осуществленіе которой составляетъ конечно необходимое условіе каждаго перевода вообще — соединить возможно большую близость къ подлиннику въ передачѣ не только мыслей, но и самой манеры, характера его выраженій, съ возможно большимъ удовлетвореніемъ требованій русскаго языка. Послѣднее условіе, при переводѣ Платона, мнѣ представляется существенно необходимымъ, такъ какъ Платонъ столько же великій мыслитель, сколько великій поэтъ, и переводить его тяжелымъ, нескладнымъ языкомъ значитъ не «передавать», а «предавать» его, хотя бы самыя мысли передавались вѣрно. По крайней мѣрѣ я заботился въ моемъ переводѣ объ изяществѣ русской

рѣчи, — насколько только мнѣ позволяли это мои силы. А насколько я въ этомъ успѣлъ — судить объ этомъ конечно не мнѣ: никто не можетъ быть судьею въ своемъ собственномъ дѣлѣ.

Скажу нѣсколько словъ объ анализѣ. Путь, который я избралъ въ моемъ анализѣ, слѣдующій. Первыя двѣ главы — историческія по своему содержанію: онѣ посвящены разбору вопроса о подлинности діалога, времени его написанія, и характеристикѣ его съ внѣшней стороны — со стороны значенія въ немъ лицъ, входящихъ въ его составъ. Въ анализѣ собственно философской части разговора, не внося предварительно никакихъ общихъ, а тѣмъ болѣе предвзятыхъ сужденій, я излагалъ психологическую теорію Федона въ той послѣдовательности выводовъ и положеній ея, съ какою она является у самого Платона. Такимъ образомъ, я прежде всего передаю содержаніе каждаго доказательства, стараясь соблюсти при этомъ возможно большую сжатость и полноту; далѣе привожу сужденія критиковъ и комментаторовъ Федона о каждомъ доказательствѣ порознь, при чемъ, соглашаясь съ одними, указываю основанія въ другихъ случаяхъ, почему я не могу согласиться съ тѣмъ или другимъ взглядомъ. Въ заключеніе, я анализирую каждое доказательство съ моей собственной точки зрѣнія, принимая при этомъ за исходный пунктъ вѣрность или невѣрность каждаго общимъ логическимъ основаніямъ, и затѣмъ въ немногихъ словахъ указываю на отношеніе его къ предыдущему направленію греческой философіи, — въ періодъ до Сократа. Можетъ быть, другой изслѣдователь нашелъ бы другой, лучшій методъ; мнѣ, по крайней мѣрѣ, путь избранный мною, представляется самымъ естественнымъ. При этомъ способѣ изслѣдованія, какъ скоро я излагаю сначала доказательство, а потомъ привожу то, что сказано о немъ кри-

тикой, я даю моему читателю возможность провѣрять на каждомъ шагу мои собственные выводы, и видѣть, гдѣ я иногда, можетъ быть, ошибался или увлекался какою нибудь любимою мыслью. Первое и существенное условіе каждаго научнаго изслѣдованія — по моему, по крайней мѣрѣ, убѣжденію — то, чтобы авторъ не навязывалъ читателю своихъ сужденій, и чтобы такъ называемый критическій анализъ не имѣлъ характера личнаго воззрѣнія.

Въ первой главѣ можно было совершенно ничего не говорить о такъ называемомъ генезисѣ діалоговъ Платона, и «трехъ группахъ». Безплодность постановки этого вопроса въ настоящее время сознается уже большинствомъ изслѣдователей, и въ самой Германіи онъ отходитъ наконецъ на второй планъ. Можно было, повторяю, совершенно обойти этотъ вопросъ. Но такъ какъ въ нашей литературѣ работы надъ Платономъ только что начинаются, и большинство русскихъ читателей незнакомо съ исторіей этого вопроса въ европейской критикѣ, то я счелъ нелишнимъ, для приданія полноты изслѣдованію, перечислить разныя гипотезы относительно времени написанія Федона. Приводы подобнаго рода мнѣній всегда полезны, по крайней мѣрѣ отрицательнымъ образомъ, — полезны именно тѣмъ, что, при сопоставленіи ихъ между собою, они лучше всякихъ разсужденій показываютъ полнѣйшую безполезность усилій разрѣшить положительнымъ образомъ то, что исключаетъ всякую возможность положительнаго разрѣшенія.

Нѣсколько словъ о моемъ изложеніи. Въ анализѣ читатель иногда встрѣтитъ варьированіе мысли, и по мѣстамъ возвращеніе къ тому, о чемъ было уже говорено. Это намѣренно. Мнѣ легко въ этомъ повѣрятъ, если я скажу, что, при окончательномъ пересмотрѣ сочиненія, мнѣ ничего не стоило по мѣстамъ сократить и черезъ это придать изло-

женію большую сжатость. Но, при чрезвычайной отвлеченности и утонченности метафизическихъ доказательствъ Федона, (too abstracted, какъ выражается о немъ одинъ англійскій критикъ,) я всячески старался о томъ, чтобы облегчить моему читателю трудъ чтенія и углубленія въ метафизику Платона. Найдетъ, или не найдетъ читателей изслѣдованіе о Федонѣ въ массѣ публики, — это другой вопросъ. Но каждый печатающій свой трудъ непремѣнно долженъ предполагать, что читатели у него будутъ; а въ такомъ случаѣ на пишущемъ лежитъ непремѣнная обязанность заботиться о сбереженіи времени у читателя. Пиша о Платонѣ, я руководился правиломъ самого же Платона: οὐ χεῖρον πολλάκις ἀκούειν (слышать много разъ одно и тоже не дурно).

Въ заключеніе, я долженъ бы сказать о сочиненіяхъ и пособіяхъ, которыми я пользовался какъ для анализа, такъ и для перевода. Но я скажу объ этомъ въ двухъ словахъ. Главнымъ моимъ источникомъ для анализа Федона былъ самый же Федонъ. Я долго и, — могу сказать это по совѣсти, — внимательно изучалъ подлинникъ со всѣми существующими на него схоліями и комментаріями, — разумѣется имѣющими извѣстное значеніе въ наукѣ, потому что перечитать рѣшительно все, когда нибудь писанное о Федонѣ — положительно нѣтъ никакой возможности. Независимо отъ схолій и комментарій, я считалъ для себя прямой обязанностью познакомиться со всѣми (опять все таки разумѣется лучшими) критическими, филологическими и философскими изслѣдованіями и монографіями объ избранномъ мной діалогѣ. Исчислять же эти сочиненія, а тѣмъ болѣе входить въ критическій разборъ ихъ, я не буду. Трудъ подобнаго рода можетъ быть предметомъ цѣлой обширной монографіи; но эта задача не входитъ въ планъ моего сочиненія. Предметъ моего анализа —

не критическій обзоръ источниковъ и пособій для Федона, а самый Федонъ. Простое же исчисленіе сочиненій о Платонѣ, и въ частности о Федонѣ, я считаю дѣломъ совершенно излишнимъ. Спеціалистамъ и безъ меня извѣстны имена и значеніе ихъ въ литературѣ по Платону — Фишера, Виттенбаха, Аста, Штальбаума, Шмидта, Ибервега, Шлейермахера, Миллера, Штейнгарта, Грота, Бузена, Кэри и пр. Для неспеціалистовъ же вопросъ объ источникахъ не представляетъ особеннаго интереса. Изъ самаго анализа моего и примѣчаній къ переводу читатель увидитъ, какими именно пособіями я пользовался для моего труда.

ГЛАВА I. *).

Подлинность Федона. — Время его написанія. — Составъ діалога.

.... τὸ μὲν σαφὲς εἰδέναι (περὶ ψυχῆς) ἐν τῷ νῦν βίῳ ἢ ἀδύνατον εἶναι ἢ παγχάλεπόν τι, τὸ μέντοι αὖ τὰ λεγόμενα περὶ αὐτῶν μὴ οὐχὶ παντὶ τρόπῳ ἐλέγχειν καὶ μὴ προαφίστασθαι, πρὶν ἂν πανταχῇ σκοπῶν ἀπείπῃ τις, πάνυ μαλθακοῦ εἶναι ἀνδρός. Plat. Phaedo, p. 85. C.

.... достичь совершеннаго познанія этого предмета (т. е. вполнѣ удовлетворительнаго научнаго разрѣшенія вопроса о безсмертіи души) въ жизни настоящей или невозможно, или необыкновенно трудно. Тѣмъ не менѣе, однакожъ, не изслѣдовать всѣми возможными способами того, что о немъ говорятъ, и отставать прежде, нежели онъ будетъ разсмотрѣнъ со всѣхъ сторонъ — это признакъ человѣка слабодушнаго.

Viele gewichtige Stimmen haben behauptet, dass ohne den Glauben an ein künftiges Leben und eine künftige Vergeltung keine Religion, kaum ein Staat bestehen könne. Ritter, Unsterblichkeit, Leipz. 1866, p. 1.

Историческая подлинность Федона утверждается на несомнѣнномъ основаніи. Мы имѣемъ объ этомъ разговорѣ чрезвычайно важныя свидѣтельства Аристотеля въ разныхъ мѣстахъ его сочиненій. Вотъ эти мѣста. Ἐν δὲ τῷ Φαίδωνι οὕτως λέγεται, ὡς καὶ τοῦ εἶναι καὶ τοῦ γίγνεσθαι αἴτια τὰ εἴδη ἐστίν (въ Федонѣ говорится, что идеи составляютъ причину бытія и рожденія.) Metaph. I, 9. 991, B, 3. То же самое почти буквально повторяется въ другомъ мѣстѣ метафизики XIII, 5, 1080 A, 2. Совершенно

---

*) Переводъ діалога съ объяснительными примѣчаніями помѣщенъ въ XIII томѣ Записокъ.

согласно съ этимъ мѣсто de gener. et corr. II, 9, 335, B, 9: οἱ μὲν ἱκανὴν ᾠήθησαν αἰτίαν εἶναι πρὸς τὸ γίγνεσθαι τὴν τῶν εἰδῶν φύσιν ὥσπερ ὁ ἐν Φαίδωνι Σωκράτης (они находили достаточную причину происхожденія бытія въ природѣ идей, какъ говоритъ въ Федонѣ Сократъ). Сюда же относится и слѣдующее мѣсто Meteor. II, 2, 355, B, 32: τὸ δ' ἐν τῷ Φαίδωνι γεγραμμένον περί τε τῶν ποταμῶν καὶ τῆς θαλάττης ἀδύνατόν ἐστιν [1]) (то, что говорится въ Федонѣ о рѣкахъ и морѣ невозможно.) Правда, что говоря о діалогѣ Аристотель не называетъ его автора: тѣмъ не менѣе однакожъ свидѣтельства эти сами по себѣ доказываютъ до очевидности принадлежность его Платону. Представить, говоритъ Ибервегъ, чтобы Аристотель приписывалъ разговоръ кому нибудь изъ учениковъ Платона, очень трудно. Въ критикѣ ученія Платона объ идеяхъ, онъ упоминаетъ и о видоизмѣненіяхъ его платониками, при чемъ называетъ ихъ по именамъ, или, по крайней мѣрѣ, довольно опредѣленно даетъ знать, что въ томъ или другомъ случаѣ не должно разумѣть Платона. И такъ, согласіе ученія объ идеяхъ, изложеннаго въ нашемъ діалогѣ, съ ученіемъ, которое приводитъ Аристотель, называя тотъ же разговоръ, доказываетъ положительно тождественность аристотелевскаго Федона съ нашимъ, а на основаніи дальнѣйшихъ соображеній Ибервега, вѣрности которыхъ нельзя не признать, мы имѣемъ право утверждать, что разговоръ этотъ дѣйствительно принадлежитъ Платону. Доказательство это превращается въ яснѣйшую очевидность, если мы сопоставимъ то, что Аристотель говоритъ о значеніи въ Федонѣ идей съ его же замѣчаніемъ касательно невозможности того, что говорится въ діалогѣ о рѣкахъ и морѣ. Послѣднее, очевидно, относится къ описанію подземнаго царства тѣней, миѳъ о которомъ излагается въ концѣ нашего діалога, непосредственно вслѣдъ за четвертымъ (космическимъ) доказательствомъ безсмертія души. Эти указанія Аристотеля, взятыя вмѣстѣ, представляютъ такую силу, въ смыслѣ доказательства подлинности

---

[1]) См. Ueberweg, Untersuchungen über die Echtheit und Zeitfolge Platonischer Schriften p. 134.

Федона, что, по справедливому замѣчанію Ибервега, мы имѣли бы право приписать нашъ діалогъ Платону даже въ томъ случаѣ, если бы древность не сохранила намъ болѣе объ этомъ никакихъ другихъ извѣстій. Но, помимо свидѣтельства Аристотеля, ручательствомъ въ подлинности его можетъ служить и то, что онъ былъ помѣщаемъ во всѣхъ древнѣйшихъ рукописяхъ и собраніяхъ сочиненій Платона. Знаменитый грамматикъ александрійскій Аристофанъ византійскій, (жилъ приблизительно между 260 — 184 до Р. Х.) принимавъ безъ сомнѣнія во вниманіе, при опредѣленіи подлинности діалоговъ, манускрипты александрійской библіотеки, раздѣлилъ сочиненія Платона на трилогіи, и вторымъ произведеніемъ пятой трилогіи помѣстилъ Федона [2]) (Diog. Laërt 61, 62.) Точно также важно и другое свидѣтельство Діогена Лаэрція о грамматикѣ Тразиллѣ, — (современникѣ императора Тиберія)—грамматикѣ, который включилъ нашъ діалогъ въ число подлинныхъ произведеній Платона, и, распредѣливъ ихъ на девять тетралогій, далъ ему четвертое мѣсто въ первой тетралогіи [3]). Въ виду такихъ положительныхъ, и, прямо можно сказать, несомнѣнныхъ свидѣтельствъ древности о подлинности Федона, тѣмъ болѣе страннымъ долженъ казаться намъ скептицизмъ аѳинскаго философа стоической школы Панетія, (2-го в. до Р. Х.) который ее заподозрилъ. Естественно, что изслѣдователи не могли пройти молчаніемъ этого обстоятельства уже потому одному, что взглядъ Панетія является совершенно исключительнымъ. Мнѣнія ученыхъ по этому вопросу дѣлятся на двѣ категоріи. Авторъ исторіи Греціи Гротъ, опираясь на свидѣтельства древнихъ схоліастовъ, (преимущественно аристотелевскаго схоліаста Асклепія) принимаетъ сомнѣніе Панетія за фактъ, объясняя его чисто историческими причинами. Другіе, какъ напр. Виттенбахъ и Бишофъ, отрицаютъ самое существованіе скептическаго взгляда Панетія, опираясь отчасти на неопредѣленность выраженія схоліастовъ Παναίτιός τις «какой-то Панетій», — тогда какъ аѳинскій философъ-стоикъ пользовался большою извѣстностью, — а

---

[2]) Ueberweg, Untersuchungen, p. 190.

[3]) Ueberweg, p. 195.

отчасти на основаніи другихъ соображеній, о которыхъ я скажу ниже. Гротъ указываетъ прежде всего на то обстоятельство, что Панетій, будучи философомъ по профессіи, слѣдовательно приверженцемъ извѣстной философской доктрины, могъ имѣть свои собственныя, чисто личныя побужденія отрицать подлинность нашего діалога. Такъ какъ онъ разъясняетъ эти побужденія и съ исторической и съ психологической точки зрѣнія весьма удовлетворительно, то я приведу это мѣсто вполнѣ. Вотъ что онъ по этому поводу говоритъ. «Мы узнаёмъ съ изумленіемъ, что знаменитый аѳинскій философъ-стоикъ Панетій исключилъ Федона изъ числа подлинныхъ произведеній Платона. Извѣстно, что онъ не признавалъ безсмертія души, и вмѣстѣ съ тѣмъ глубоко удивлялся Платону. Понятно, что онъ считалъ недостойнымъ такого великаго философа, — расточать столько логическихъ утонченностей, поэтическихъ метафоръ и миѳовъ, для подкрѣпленія подобной доктрины. Вѣроятно, онъ также отчасти руководился при этомъ и одною особенностью Федона. Федонъ — единственный разговоръ, въ которомъ Платонъ упоминаетъ о самомъ себѣ, въ третьемъ лицѣ. Если Панетій былъ уже предрасположенъ другими основаніями смотрѣть на діалогъ, какъ на произведеніе, недостойное такого великаго мыслителя, то онъ конечно могъ придать важность подобнаго рода особенности, какъ признаку, что авторомъ разговора былъ кто-нибудь другой. Панетій, очевидно, не принялъ на себя труда познакомиться со внѣшними свидѣтельствами о діалогѣ, на который и Аристотель и Каллимахъ смотрѣли какъ на произведеніе Платона. Кромѣ того, что̀ бы ни говорили о силѣ доводовъ діалога, художественность драматическаго дѣйствія (handling) и выраженія Платона въ немъ очевидны. Этотъ взглядъ Панетія есть самый древній, дошедшій до насъ примѣръ непризнанія подлинности платоновскаго произведенія на основаніи внутреннихъ признаковъ, т. е. въ силу того, что оно показалось критику недостойнымъ Платона; и это конечно одинъ изъ самыхъ несчастныхъ примѣровъ» [1].) Такъ думаетъ о скептицизмѣ Панетія

[1]) Grote, Plato, and the other companions of Sokrates, sec. edit. London, 1867, vol. 1, p. 157 sq.

Гротъ. Другіе, какъ напр. Виттенбахъ и Бишофъ, объясняютъ тотъ же фактъ иначе. Виттенбахъ, приведши подлинную эпиграмму о Панетіи, (приписываемую Сиріану философу,) а также отрывокъ изъ аристотелевскаго схоліаста, (не того, впрочемъ, котораго цитируетъ Гротъ) послѣ критическаго разбора греческаго текста дѣлаетъ окончательный выводъ въ томъ смыслѣ, что стоикъ Панетій никогда не выражалъ сомнѣнія въ подлинности Федона. Какъ на одно изъ доказательствъ своего мнѣнія, Виттенбахъ указываетъ на то обстоятельство, что схоліастъ говоритъ ὑπὸ Παναιτίου, τινὸς — «какого-то Панетія» — выраженіе, котораго онъ, по его мнѣнію, не могъ бы употребить, говоря о знаменитомъ философѣ.

Опредѣливъ то значеніе, которое имѣетъ текстъ эпиграммы по его мнѣнію, онъ говоритъ. Itaque accipiendum a quodam qui item, ut Panaetius, et animum mortalem statuit, et socraticorum dialogorum censuram agere voluit. Panaetius enim, ut constat, utrumque fecit: nec tamen Phaedonem ad spurios aut retulit, aut referre omnino potuit. При этомъ онъ дѣлаетъ предположеніе, что сочинитель эпиграммы могъ быть введенъ въ заблужденіе дурно понятымъ имъ извѣстіемъ какого-то грамматика о томъ, что Панетій разбиралъ діалоги нѣкоторыхъ сократиковъ, и въ числѣ другихъ діалоги Федона. Эпиграмматистъ, по его мнѣнію, могъ ошибочно принять имя Федона-философа за названіе діалога-федона. Въ подкрѣпленіе такой догадки, онъ приводитъ мѣсто изъ Діогена Лаэрція (II, 64) гдѣ о Панетіи говорится именно въ этомъ смыслѣ, — т. е. какъ о критикѣ сократическихъ діалоговъ: πάντων μέντοι τῶν Σωκρατικῶν διαλόγων Παναίτιος ἀληθεῖς εἶναι λέγει τοὺς Πλάτωνος, Ξενοφῶντος, Ἀντισθένους, Αἰσχίνου· διστάζει δὲ περὶ τῶν Φαίδωνος καὶ Εὐκλείδου; τοὺς δ' ἄλλους ἀναιρεῖ πάντας[5]). (Изъ всѣхъ сократическихъ діалоговъ Панетій считаетъ истинными діалоги Платона, Ксенофонта, Антисѳена, Эсхина; сомнѣвается относительно діалоговъ Федона и Эвклида, а всѣ остальные отвергаетъ).

Бишофъ, вполнѣ раздѣляя взглядъ на этотъ вопросъ Вит-

---

[5]) Виттенб. Plat. Phaedo, ed. 1825, p. 118 sqq.

тенбаха, въ подкрѣпленіе своего мнѣнія дѣлаетъ ссылку на Цицерона, который, съ одной стороны, положительно признавалъ подлинность Федона, а съ другой — былъ также знакомъ съ философскими положеніями Панетія, и упоминая о томъ, что послѣдній отвергалъ платоновское ученіе о безсмертіи души, ни въ какомъ случаѣ не умолчалъ бы и о сомнѣніи его въ подлинности Федона [6]). Я изложилъ взглядъ ученыхъ на такъ называемое сомнѣніе Панетія. Считаю необходимою небольшую оговорку. Читателю, знакомому съ европейской критикой вопроса о подлинности платоновыхъ произведеній, можетъ показаться страннымъ, что я вошелъ по этому поводу въ такой подробный разборъ. Сомнѣніе Панетія — предположимъ, что оно дѣйствительно существовало — во всякомъ случаѣ превращается положительно въ ничто передъ громаднымъ значеніемъ свидѣтельствъ Аристотеля и внутренними признаками подлинности діалога. Если сомнѣніе Панетія принимать за дѣйствительный фактъ, то оно вполнѣ удовлетворительно и съ исторической и съ психологической точки зрѣнія разъясняется тѣми философскими побужденіями его, на которыя, слѣдуя схоліасту, указываетъ Гротъ. Если же мы согласимся съ мнѣніемъ Виттенбаха и Бишофа, то скептицизмъ Панетія — не больше, какъ результатъ недоразумѣнія, происшедшаго отъ неправильнаго пониманія текста греческой эпиграммы. Но я имѣлъ въ виду не защиту подлинности Федона противъ скептицизма Панетія, — потому что такая задача не стоила бы труда, — а единственно то обстоятельство, что критики, упоминая иногда о Панетіи мимоходомъ и вскользь, даютъ сомнѣнію его то или другое объясненіе, безъ указанія на противуположный взглядъ. Читатель, не знакомый подробно съ литературой по Федону, можетъ быть поставленъ такимъ образомъ въ недоумѣніе. Сверхъ того, такъ какъ сомнѣніе Панетія представляетъ собою во всякомъ случаѣ единственный отрицательный голосъ противъ подлинности Федона, то мнѣ показалось не безъинтереснымъ и по отношенію къ самому факту, прослѣдить его историческое основаніе. Что же касается до подлинности Федона, то она —

---

[6]) Бишофъ, Plato's Phaedon, Erlangen, 1866 p. 4.

сомнѣвался или несомнѣвался въ ней Панетій — рѣшительно внѣ всякаго сомнѣнія, и критики новаго времени, даже самые скептическіе, какъ напр. Астъ, никогда не исключали нашего діалога изъ числа произведеній Платона.

Несравненно труднѣе вопроса о подлинности Федона другой вопросъ — о времени его написанія. Каждому, кто занимался изученіемъ Платона, извѣстно, что хронологія его произведеній, — опредѣленіе ихъ генетической послѣдовательности представляетъ величайшую трудность. Бишофъ [7]) считаетъ разрѣшеніе этой задачи относительно Платона труднѣе, чѣмъ относительно всякаго другого писателя, а Гротъ [8]) — рѣшительно неосуществимымъ.

Положительная историческая точность, при отсутствіи хронологическихъ указаній въ самыхъ діалогахъ и недостаткѣ внѣшнихъ свидѣтельствъ, здѣсь рѣшительно невозможна. Самая большая вѣроятность основывается на предположеніяхъ и догадкахъ, при чемъ, разумѣется, открывается полный просторъ для всевозможныхъ комбинацій. Если мы возьмемъ сочиненія по исторіи философіи или спеціальныя изслѣдованія о Платонѣ за послѣдніе годы, то будемъ поражены громаднымъ количествомъ хронологическихъ противорѣчій относительно одного и того же произведенія. Единственное, что мы можемъ здѣсь опредѣлять, это — какому періоду умственной и философской зрѣлости Платона принадлежитъ тотъ или другой діалогъ, на основаніи его внутренняго характера. Чтобы опредѣлить время написанія Федона, (насколько разумѣется это возможно) намъ необходимо нѣсколько остановиться на исторіи вопроса о генетической послѣдовательности произведеній Платона вообще, такъ какъ оба эти вопроса — какъ частный и общій — въ тѣсной связи.

Говоря о подлинности діалога, мы упомянули о грамматикѣ Тразиллѣ, и сдѣланномъ имъ раздѣленіи произведеній нашего философа на тетралогіи. До конца прошлаго столѣтія каталогъ этотъ служилъ единственнымъ руководствомъ для всѣхъ критиковъ

---

[7]) Бишофъ, Plato's Phaedon p. 282.

[8]) Grote, Plato, and the other companions of Sokrates, vol. 1, p. 196.

и издателей[9]). Но по мѣрѣ того какъ работы надъ Платономъ становились серьезнѣе, тразилловскій кодексъ потерялъ безусловную вѣру, и ученые XIX-го вѣка, не ограничиваясь тѣмъ, что подняли вопросъ о каждомъ отдѣльномъ произведеніи, задались задачей — привести ихъ во взаимную связь, и опредѣлить ихъ послѣдовательность по времени, съ цѣлію уяснить постепенность философскаго развитія самаго Платона. Во главѣ ученыхъ этого направленія сталъ Шлейермахеръ. Вышедши изъ основнаго положенія, что истинный философъ никогда не начинаетъ съ частнаго, а приступаетъ по крайней мѣрѣ съ предчувствіемъ (Ahnung) системы, Шлейермахеръ задался задачей: представить отдѣльныя произведенія Платона въ ихъ естественной взаимной связи, по мѣрѣ того какъ они все полнѣе и полнѣе раскрывали его философскія идеи. Основная мысль Шлейермахера слѣдовательно та, что Платонъ началъ свою литературно-философскую дѣятельность уже съ напередъ образовавшейся въ его мысли цѣльной системой, которой частныя положенія послѣдовательно развивалъ потомъ въ формѣ діалоговъ. Сообразно этому основному воззрѣнію своему, Шлейермахеръ раздѣлилъ произведенія его на три группы: а) на элементарныя б) переходныя и в) конструктивныя. Къ первой группѣ онъ причисляетъ діалоги, представляющіе только въ зародышѣ то, что лежитъ въ основѣ послѣдующихъ: о діалектикѣ, какъ средствѣ философіи и идеяхъ, какъ ея предметѣ, а также о возможности и объ условіяхъ познанія. Во второй, составляющей переходную ступень (Zwischenraum) къ третьему періоду, онъ помѣстилъ діалоги, имѣющіе задачей различіе между обыкновеннымъ и философскимъ знаніемъ, а также физику и этику; наконецъ, третій отдѣлъ заключаетъ въ себѣ діалоги, имѣющіе объективно-научное содержаніе. Частная классификація ихъ представляется въ слѣдующемъ видѣ:

А) первый отдѣлъ составляютъ: Федръ, Протагоръ, Парменидъ.

В) второй — Ѳеэтетъ, Софистъ, Политикъ, Федонъ, Филебъ.

---

[9]) Grote, Plato etc., v. 1, p. 170.

C) третій — Республика, Тимей, Критій.

Каждый изъ этихъ трехъ отдѣловъ заключаетъ въ себѣ кромѣ того и дополнительные [10].)

Таковъ взглядъ Шлейермахера. Совершенно противуположно этому воззрѣніе К. Ф. Германна, сочиненіе котораго, — Geschichte und System der platonischen Philosophie, — (1839 г.) полное обширной и глубокой учености, составляетъ одно изъ важнѣйшихъ явленій въ литературѣ по Платону. По воззрѣнію Германна, «всеобъемлющій методическій планъ», какой хотѣлъ приписать Платону Шлейермахеръ, «предполагалъ бы, что Платонъ установилъ цѣль цѣлой системы въ главныхъ ея основахъ, и что онъ долженъ былъ эту конечную цѣль свою постоянно имѣть въ виду съ такою точностью, что вся его писательская дѣятельность могла представлять только проведеніе началъ, положенныхъ въ основу его перваго юношескаго произведенія; но если трудно предположить, чтобы Платонъ, еще бывши ученикомъ Сократа, могъ имѣть подобный планъ, то какъ же допустить, чтобы онъ, — если принять во вниманіе то обстоятельство, что на его духовное развитіе дѣйствовало множество внѣшнихъ вліяній и непредвидѣнныхъ случаевъ, — могъ отъ начала до конца своей писательской дѣятельности — въ періодъ времени, обнимающій болѣе пятидесяти лѣтъ, — оставаться такъ неизмѣннымъ, чтобы проводить этотъ планъ черезъ всю свою дѣятельность, и не болѣе какъ только продолжать на початой уже почвѣ» [11])? Нельзя не признать силы этого возраженія, равно какъ и значенія того, что ни въ сочиненіяхъ самого Платона, ни въ свидѣтельствахъ его современниковъ и учениковъ нѣтъ ни малѣйшаго намека на подобный планъ. Отвергнувши отвлеченно-философскій принципъ Шлейермахера, Германнъ основалъ свою теорію генетической послѣдовательности отчасти на обстоятельствахъ жизни и общественныхъ отношеніяхъ философа, а отчасти — на содержаніи и

[10]) Ueberweg, Untersuchungen, p. 12 sqq.

[11]) Hermann, Geschichte und System der Plat. Philos. p. 351, 355. О достоинствѣ его взгляда сравнительно со взглядомъ Шлейермахера см. Ueberweg, p. 56 — 89.

формѣ самыхъ діалоговъ. Методъ его, такимъ образомъ, въ противуположность чисто-философскому взгляду Шлейермахера, историко-критическій. Важнѣйшими событіями въ жизни Платона были смерть Сократа и путешествія. Но если первое изъ этихъ событій, прекративши непосредственное вліяніе на него его учителя, закончило собою періодъ чисто сократическихъ разговоровъ, то путешествія, обогативши его новыми познаніями и расширивъ его философскій кругозоръ, необходимо должны были оказать вліяніе и на его сочиненія. Вслѣдствіе этого Германнъ думалъ, что Платонъ становился постепенно и послѣдовательно на новыя точки воззрѣнія, по мѣрѣ того какъ его философское развитіе подвигалось впередъ, и что его діалоги, какъ сочиненные последовательно, представляютъ выраженіе различныхъ фазисовъ его духовнаго развитія. Сообразно такому воззрѣнію, онъ различаетъ въ литературно-философской дѣятельности Платона три періода: а) первый оканчивается смертію Сократа, или немного позже; б) второй простирается до начала академической дѣятельности Платона; в) третій обнимаетъ собою его академическую дѣятельность. Распредѣленіе діалоговъ по этимъ періодамъ Германнъ дѣлаетъ слѣдующее:

А.) первый періодъ заключаетъ въ себѣ малые разговоры, изъ которыхъ самые ранніе, по его мнѣнію, — Гиппій II, Іонъ, Алкивіадъ I, Лизій, Хармидъ, Лахесъ; сюда же относятся полемическіе, противъ софистовъ, — Протагоръ и Эвтидемъ; затѣмъ слѣдуютъ діалоги, составляющіе переходную ступень ко второму періоду: Апологія, Критонъ, Горгій, Эвтифронъ, Менонъ Гиппій I.

В.) ко второму — мегарейскому — періоду относятся: Ѳеэтетъ, Кратилъ, Софистъ, Политикъ, Парменидъ.

С.) къ третьему, который характеризуется главнымъ образомъ вліяніемъ на Платона пиѳагорейской философіи, принадлежатъ: Федръ, Менексенъ, Симпосіонъ, Федонъ, Филебъ, Государство, Тимей, Критій.

Я изложилъ два противуположныхъ взгляда на генетическую послѣдовательность діалоговъ Платона, — теорію предварительнаго образованія цѣльной системы (по крайней мѣрѣ, въ самомъ

общемъ ея видѣ) и послѣдовательнаго изложенія готоваго уже ученія въ формѣ діалоговъ, и теорію постепеннаго образованія самыхъ идей и философскихъ представленій Платона, по мѣрѣ того какъ его духовное развитіе подвигалось впередъ. Воззрѣнія другихъ ученыхъ болѣе или менѣе примыкаютъ ко взглядамъ Шлейермахера и Германна (иногда, впрочемъ, съ весьма значительными уклоненіями,) но такъ какъ изложеніе ихъ взгляда на философію Платона вообще, далеко бы отвлекло меня отъ моего частнаго вопроса о Федонѣ, то я ограничусь приводомъ мнѣній критики только относительно времени написанія этого послѣдняго діалога. Ближайшіе, по времени, къ Шлейермахеру ученые Виттенбахъ[12]), Астъ[13]) и Зохеръ[14]) относятъ написаніе его къ раннему періоду дѣятельности Платона, а именно ко времени, непосредственно слѣдующему за смертію Сократа. Того же мнѣнія держался и предшественникъ Шлейермахера Теннеманнъ[15].) Штальбаумъ назначаетъ ему мѣсто во второй группѣ, принадлежащей второму періоду философскаго развитія Платона, который впервые дѣлаетъ тогда постановку ученія объ идеяхъ. Защитникъ теоріи Шлейермахера Целлеръ (хотя впрочемъ принимавшій ее съ ограниченіями) думаетъ, что Федонъ едвали далекъ по времени отъ Симпосіона, и что оба діалога написаны позже Парменида; а Мункъ относитъ его на крайній предѣлъ жизни его автора, считая его послѣднимъ его произведеніемъ[16].) Штейнгардъ, принявъ въ главныхъ основаніяхъ теорію Германна, и раздѣливъ всѣ діалоги на этико-сократическіе, (съ переходными ко второму періоду) діалектическіе и академическіе, относитъ Федона къ послѣдней группѣ, ставя его непосредствено послѣ Федра и Симпосіона[17].) Другой защитникъ теоріи Германна, — (хотя также державшійся ее не безусловно) Суземиль,

---

[12]) Plat. Phaed. p. 298.

[13]) Platon's Leben und Schriften, p. 167.

[14]) Ueber Plat. Schriften, p. 79.

[15]) Ueberweg. p. 10.

[16]) Die natürliche Ordnung der platon. Schrift. p. 478 sqq.

[17]) Platon's Werke, von Müller, viert. B. p. 458.

принявъ также три группы, — діалоги сократическіе или этико-пропедевтическіе, діалектическіе и конструктивные, помѣщаетъ Федона во второмъ отдѣлѣ, и при томъ такъ, что онъ служитъ посредствующимъ звѣномъ между вторымъ и третьимъ періодомъ [18].) Я изложилъ въ послѣдовательномъ порядкѣ мнѣнія ученыхъ касательно вопроса: къ какому времени должно отнести написаніе Федона, или какое, по крайней мѣрѣ, генетическое отношеніе его къ другимъ діалогамъ? Мнѣнія критиковъ, какъ видитъ читатель, представляютъ массу противорѣчій. До какой степени бываютъ иногда шатки основанія, принимаемыя въ этомъ случаѣ за точку опоры, я укажу на мнѣніе Мунка, который считаетъ Федона послѣднимъ по времени произведеніемъ нашего философа, основываясь единственно на разсказѣ Діогена Лаэрція, что когда Платонъ читалъ Федона, то изъ слушателей его только одинъ Аристотель имѣлъ терпѣніе оставаться до конца, а всѣ остальные расходились въ половинѣ чтенія [19].) На этомъ одномъ фактѣ (по мнѣнію Грота очень сомнительномъ [20]) Мункъ построилъ цѣлую теорію, и Бишофъ сколько же остроумно, столько и справедливо замѣчаетъ по этому поводу, что если теорія можетъ быть и несовсѣмъ состоятельна въ научномъ смыслѣ, за то писательская дѣятельность Платона получаетъ самое поэтическое окончаніе: лебединая пѣснь его учителя и его собственная сливаются въ одно общее цѣлое [21].) Какое же заключеніе выведемъ мы изъ этого обзора мнѣній относительно времени написанія Федона? Чтò именно, и насколько во всѣхъ этихъ изслѣдованіяхъ есть твердаго и положительнаго? Мы видѣли, что критика прошлаго времени, въ лицѣ Теннеманна, Виттенбаха, Аста и Зохера, смотрѣла на нашъ діалогъ, какъ на произведеніе ранняго періода дѣятельности Платона, написанное имъ тотчасъ по смерти Сократа. Но позднѣйшіе изслѣдователи, подвергнувъ анализу характеръ самаго ученія Федона, —

---

[18]) Susemihl, Die Genetische Entwickelung der Plat. philos. Leipzig, 1855, erst. theil, p. XIV, 410 sqq.

[19]) Munk, die natürliche Ordnung der Plat. Schriften, p. 484.

[20]) Grote, Plato, vol. 1, p. 157 въ примѣч.

[21]) Бишофъ, Plat. Phaed. p. 288.

произведенія по духу чисто пиѳагорейскаго,—задались вопросомъ: какимъ образомъ Платонъ могъ въ ту эпоху своей жизни излагать ученіе пиѳагореизма? Въ періодъ времени, непосредственно слѣдующій за смертью Сократа, пиѳагорейская философія еще не была ему извѣстна. Ознакомленіе его съ философской системой Пиѳагора, относится къ гораздо болѣе позднему времени, а именно къ эпохѣ его перваго путешествія въ Италію и Сицилію, гдѣ онъ слушалъ пиѳагорейскихъ философовъ Архита, Эхекрата, Тимея и другихъ.

Если мы примемъ, согласно изслѣдованіямъ Ибервега, за время возвращенія Платона въ Аѳины и вмѣстѣ съ тѣмъ открытія академіи 387-ый г. до Р. Х., то промежутокъ времени между смертію Сократа и сближеніемъ Платона съ пиѳагорейцами составитъ 12 или 13 лѣтъ. Критика новаго времени отвергла такимъ образомъ на весьма положительномъ основаніи взглядъ на Федона, какъ на юношеское произведеніе нашего философа. Съ другой стороны, если мы примемъ во вниманіе, что тѣ діалоги Платона, которые большинство критиковъ относитъ обыкновенно къ позднѣйшему періоду его жизни, при богатствѣ содержанія, отличаются бѣдностью драматизма, который часто весь выражается въ нихъ изрѣдка примѣшиваемымъ къ изложенію—«да или нѣтъ», то оживленный, полный энергіи и силы драматизмъ Федона стоялъ бы въ такомъ рѣзкомъ противорѣчіи съ этою группой, что составлялъ бы среди нихъ рѣшительно одинокое явленіе. И такъ, самый основательный выводъ изъ сдѣланнаго нами обзора мнѣній о времени написанія нашего діалога долженъ быть тотъ, что онъ относится къ періоду возмужалости Платона, точнѣе,—къ среднему періоду его жизни, слѣдовательно, къ первой половинѣ его академической дѣятельности[22].)

Съ такимъ заключеніемъ вполнѣ согласуется и внутренній характеръ Федона, который, при глубинѣ и многообъемлемости своего религіозно-философскаго міросозерцанія, отличается такою

---

[22]) Критическій обзоръ мнѣній относительно времени написанія Федона, см. у Бишоѳа Plat. Phaedon, гл. VI, p. 282 — 305.

строгою обдуманностью плана, такимъ мастерствомъ въ обработкѣ отдѣльныхъ частей, наконецъ, такою сдержанностью тона и такимъ величавымъ спокойствіемъ въ цѣломъ произведеніи, что всѣ эти качества, взятыя вмѣстѣ, доказываютъ въ авторѣ его столько же установившагося во взглядахъ мыслителя, сколько и художника, достигшаго періода полной зрѣлости своего генія. И такъ, независимо отъ историческихъ соображеній, и на основаніи внутренняго характера самаго діалога, мы имѣемъ полное право утверждать, что онъ принадлежитъ періоду окончательнаго философскаго и художественнаго развитія его автора, что онъ написанъ, какъ выражается Гейзде, ea aetate, qua maxime ingenio, philosophandique studio et facultate vigebat[23].)

Затѣмъ, отъ болѣе точнаго, хронологически опредѣленнаго указанія на время его написанія, и его генетическое отношеніе къ другимъ произведеніямъ Платона, понеобходимости надобно отказаться, вслѣдствіе рѣшительнаго отсутствія положительныхъ данныхъ.

Анализъ Федона со стороны его содержанія и философскаго ученія составляетъ предметъ слѣдующихъ главъ. Но, чтобы читатель могъ легче обнять планъ цѣлаго и взаимное отношеніе его частей, я намѣренъ предварительно изложить содержаніе діалога.

Федонъ представляетъ двѣ главныя части: чисто историческую — описаніе смерти Сократа, и философскую — изслѣдованіе вопроса о безсмертіи души. Та и другая составляютъ одно художественное цѣлое. Взаимное отношеніе отдѣльныхъ его частей представляется въ слѣдующемъ видѣ. Діалогъ заключаетъ въ себѣ:

---

[23]) Initia philosophiae platonicae, vol. tert. p. 189. Ко всему сказанному относительно времени написанія Федона можно прибавить еще слѣдующее. Въ самомъ діалогѣ есть нѣкоторое указаніе на то, что онъ не принадлежитъ періоду молодости Платона. Въ концѣ его мы читаемъ: ἀνδρός — τῶν τότε — ἀρίστου — лучшаго изъ всѣхъ (людей) какихъ мы знали въ его время. О Сократѣ такимъ образомъ говорится, какъ о человѣкѣ предшествующей генераціи. См. Грота Plato etc., vol. II, p. 152 въ примѣч.

Прологъ, въ первой половинѣ котораго (p. 57—59 C.) мы знакомимся изъ разсказа Федона со внѣшней обстановкой Сократа въ темницѣ, именами его собесѣдниковъ, а также внѣшними обстоятельствами, относящимися къ процессу и осужденію его. Вторая половина (p. 59 C — 61 D.) переноситъ насъ уже въ самую темницу Сократа. Философъ передаетъ друзьямъ свою радость, что онъ избавился отъ мучительнаго гнета оковъ, и разсуждаетъ по этому случаю объ отношеніи въ человѣкѣ чувствъ радости и печали, а потòмъ сообщаетъ имъ о своихъ поэтическихъ занятіяхъ въ темницѣ. Заочный совѣтъ, данный имъ Эвену, — не оставаться долго на землѣ, подаетъ поводъ къ началу бесѣды о значеніи жизни и смерти и взглядѣ, который долженъ имѣть на нихъ истинный философъ.

Начинается (p. 61 D.) собственно философская часть, которая вся посвящена доказательствамъ на то, что философъ долженъ видѣть въ смерти высочайшее благо. Сократъ подробно изслѣдуетъ, почему это такъ, и разсматриваетъ вопросъ со всѣхъ сторонъ, — и по отношенію къ счастію и по отношенію къ знанію. Высшее и послѣднее основаніе такого взгляда есть убѣжденіе въ безсмертіи души, — вѣра, что смерть составляетъ переходъ къ лучшей, безконечной жизни. Вопросъ Кебеса: на чемъ же основана эта вѣра — служитъ началомъ научнаго, философскаго изслѣдованія вопроса о безсмертіи. Сократъ приводитъ слѣдующія четыре доказательства:

A. Первое, (p. 70 — p. 72 E.) состоящее въ связи съ миѳомъ о посмертномъ состояніи душъ, основано на существованіи крайнихъ противуположностей въ бытіи. Каждое единичное бытіе всегда имѣетъ нѣчто себѣ противуположное. (Въ приводимыхъ за тѣмъ примѣрахъ, Сократъ беретъ исключительно простыя понятія и сущности.) Если каждое явленіе имѣетъ свою противуположность, то ясно, что смерти и разрушенію видимаго для глазъ тѣла должно непремѣнно соотвѣтствовать безсмертіе чего-то невидимаго, чтò мы называемъ душою. Души же наши, какъ утверждаетъ древнее преданіе, до прихода въ міръ и воплощенія въ тѣла, находились въ аидѣ.

B. Второе доказательство (p. 72 E. — 77 D.) психологи-

ческое. Разсматривая видимые предметы, мы сближаемъ ихъ съ идеями, которыхъ не находимъ въ окружающемъ насъ бытіи; (равное въ самомъ себѣ, прекрасное въ самомъ себѣ и т. д.) между тѣмъ, эти идеи существуютъ въ насъ съ самой минуты рожденія, и при взглядѣ на тотъ или другой предметъ въ душѣ нашей мгновенно пробуждается та или другая идея. И такъ, воспоминаніе душою идей, которыхъ она не воспринимаетъ отъ внѣшнихъ предметовъ, а прилагаетъ къ нимъ, какъ нѣчто готовое, составляетъ ясный признакъ того, что она уже существовала гдѣ-то прежде,—прежде своего прихода въ міръ.

С. Третье доказательство, (р. 78 В.—80 В.) метафизическое, основано на разсмотрѣніи природы души, сравнительно съ природою тѣла. Разрушеніе свойственно только сложному; простое по природѣ своей неразрушимо. Простое всегда одно и тоже, равно только самому себѣ и неизмѣнно; сложное представляетъ нѣчто постоянно измѣняющееся. Первое невидимо, второе доступно чувству зрѣнія. Обращаясь къ душѣ, мы замѣчаемъ, что она болѣе походитъ на то, что невидимо,—въ противуположность видимому тѣлу. Чѣмъ болѣе она при своемъ мысленномъ созерцаніи отрѣшается отъ тѣла и сосредоточивается только въ самой себѣ, тѣмъ болѣе она бываетъ неизмѣнна. Отсюда ясно, что душа по природѣ своей какъ нельзя болѣе приближается къ простому, не состоящему изъ частей и слѣдовательно безсмертному. Разсматривая далѣе взаимное отношеніе въ человѣкѣ души и тѣла, мы видимъ, что душа есть начало повелѣвающее и господствующее, а тѣло подчиненное и повинующееся. Но повелѣвать и господствовать,—это черта божественнаго. И такъ, если тѣло, по природѣ смертное и разрушимое, продолжаетъ иногда существовать очень долгое время по смерти человѣка, тѣмъ болѣе должна продолжать существовать душа, по природѣ близкая къ тому, что̀ божественно.

Третье доказательство заключается миѳомъ о переселеніи душъ. (р. 80 Е.—84 В.) Безсмертіе, о которомъ говорилъ Сократъ въ предыдущемъ доказательствѣ, составляетъ удѣлъ не всѣхъ душъ.

а., (р. 80 Е.—81 А.) Участіе въ общеніи съ божествомъ

и безсмертными сущностями (созерцаніе чистыхъ идей) возможно и достижимо только для чистыхъ душъ.

b., (p. 81 B.—E.) Душа, не очистившаяся въ земной жизни, всегда заключаетъ въ себѣ извѣстную долю чего-то, принадлежащаго міру чувственному.

c., (p. 81 E.—82 B.) Вслѣдствіе этого она осуждается на странствованіе въ тѣлахъ такихъ животныхъ, которыхъ инстинкты соотвѣтствуютъ ея страстямъ и склонностямъ.

d., (p. 82 C.—D.) Понятно, что философъ, который презираетъ чувственность, и старается служить ей какъ можно меньше, совершенно правъ въ своихъ стремленіяхъ.

e., (p. 82 C.—83 E.) Только одна философія даетъ человѣку это духовное очищеніе; очистившись при помощи ея, философъ уже не можетъ возвратиться на путь жизни чувственной. Если онъ такъ поступаетъ, онъ не имѣетъ причины бояться смерти. 84 B.

Послѣ небольшого перерыва въ разсужденіяхъ, (при чемъ Сократъ сравниваетъ свои рѣчи съ пѣснью лебеди) слѣдуетъ

p. 85 C.—86 D. Возраженіе Симміаса, который оспариваетъ безсмертіе души на томъ основаніи, что она можетъ представлять собою не болѣе, какъ гармонію элементовъ тѣла. Далѣе слѣдуетъ

p. 86 E.—88 B. Возраженіе Кебеса, который сравниваетъ отношеніе между тѣломъ и душою съ отношеніемъ между одеждой и ея производителемъ, и во всѣхъ доселѣ представленныхъ Сократомъ доказательствахъ не находитъ достаточнаго основанія къ признанію безсмертія души.

p. 88 C.—89 C. Слѣдуетъ мимическая сцена, въ которой изображается впечатлѣніе, произведенное возраженіями на присутствующихъ, и тò, какъ принялъ ихъ Сократъ: онъ произноситъ рѣчь противъ мизологіи, излагаетъ причины, которыя ее производятъ, и находитъ въ нихъ аналогію съ причинами, производящими мизантропію. Сдѣлавъ друзьямъ предостереженіе противъ мизологіи, онъ приступаетъ къ разбору возраженій.

p. 91 D.—95. Опроверженіе Симміаса основывается на трехъ положеніяхъ.

a., p. 92—93 E. Представленіе, что душа есть гармонія тѣла, уничтожается понятіемъ предсуществованія, (принятаго во второмъ доказательствѣ.)

b., p. 93—94 B. Такъ какъ ни одна душа не есть болѣе душа, чѣмъ другая, то всѣ души, — если бы душа была гармоніей, — представляли бы одинъ родъ и одну степень гармоніи, а слѣдовательно всякое нравственное различіе душъ при этомъ представленіи, уничтожается.

c., p. 94 B. — 95. Душа можетъ противиться тѣлу, господствовать надъ нимъ, что̀ діаметрально противуположно понятію гармоніи.

Послѣ повторенія вопроса Кебеса слѣдуетъ: (p. 96—102) историческій обзоръ предшествовавшихъ Платону философскихъ системъ, какъ переходъ къ его собственному ученію объ идеяхъ.

Онъ излагаетъ: (p. 96–102.)

a., теоріи натуръ-философовъ и математиковъ (философію іонійцевъ и пиѳагорейцевъ) (p. 96 — 97 B).

b., p. 97 B. — 99. ученіе Анаксагора.

c., p. 99 D. — 102. свое собственное ученіе объ идеяхъ, на которомъ утверждается четвертое доказательство, представляющее слѣдующія положенія. Идеи всегда суть нѣчто неизмѣнное, чѣмъ совершенно уничтожается возраженіе, взятое изъ перваго доказательства. Каждая идея, будучи неизмѣнна и равна только самой себѣ, ни въ какомъ случаѣ не можетъ воспринять въ себя другой, себѣ противуположной. Очевидно, слѣдовательно, что душа, которой идея есть жизнь, не можетъ принять смерти. Она по существу своему безсмертна (p. 105) и не разрушима. (p. 107.) За тѣмъ слѣдуетъ

p. 107 B.—115. Миѳъ о посмертномъ состояніи душъ, раздѣляющійся на три отдѣла.

a., первый заключаетъ въ себѣ описаніе странствованія душъ въ подземномъ мірѣ. (p. 107 B. — 108 C.)

b., второй — изображеніе разныхъ мѣстностей земли (108 C. — 113 C.)

с., третій — различныя состоянія душъ по смерти (p. 113 D. — 114 C.).

Послѣдняя сцена (p. 114 D. — 118.) передаетъ разговоръ Сократа съ Критономъ, его свиданіе съ женою и дѣтьми, и прощаніе съ ними, въ ожиданіи темничнаго сторожа. Принятіе Сократомъ яду, и затѣмъ описаніе послѣднихъ минутъ и смерти его составляетъ заключеніе Федона.

ГЛАВА II.

Характеристика лицъ разговора: Федонъ, Эхекратъ, Аполлодоръ, Критонъ, Симміасъ, Кебесъ, Сократъ.

Лица, окружавшія Сократа въ темницѣ, въ день его смерти, могутъ быть раздѣлены на три категоріи относительно роли, какая дана имъ въ Федонѣ. Объ однихъ Платонъ только упоминаетъ, называя ихъ по именамъ, какъ свидѣтелей кончины своего учителя, и ничего болѣе. Въ самомъ діалогѣ мы ихъ не видимъ. Ихъ характеръ и отношенія къ умирающему философу для насъ остаются въ тѣни. Они не принимаютъ участія ни въ разговорѣ ни въ дѣйствіи: это — *κωφὰ πρόσωπα* діалога. Другія, хотя по степени своего умственнаго развитія не въ состояніи принимать участія въ разрѣшеніи одного изъ труднѣйшихъ метафизическихъ вопросовъ, заявляютъ себя такъ или иначе, — то выраженіемъ нѣжныхъ знаковъ любви къ своему умирающему другу, то не менѣе нѣжными заботами объ немъ въ томъ или другомъ отношеніи. Наконецъ, третьи являются его непосредственными собесѣдниками и сотрудниками въ разрѣшеніи вопроса о безсмертіи души. Къ послѣднимъ принадлежатъ Симміасъ и Кебесъ, а имена первыхъ перечисляются въ началѣ разговора. Что же касается до средней группы лицъ, то я намѣренъ прежде всего остановиться на нихъ, такъ какъ ихъ отношенія къ личности Сократа бросаютъ яркій свѣтъ на отношенія къ нему всѣхъ остальныхъ. Я начну съ того сократовскаго ученика и любимца, по имени котораго названъ самый діалогъ. Федонъ[1]) происходилъ изъ благородной и знатной элейской фамиліи. Еще

---

[1]) Preller, Phaedon's Lebensschicksale u. Schriften. N. Rhein. Mus. 1846, IV. p. 391—399.

будучи юношей, онъ былъ взятъ въ плѣнъ Спартанцами и проданъ въ рабство въ Аѳинахъ (lenoni in servitutem traditus est.) Оцѣнилъ ли Сократъ его умственныя способности, предвидя въ немъ будущаго философа, или просто привязался къ личности юноши, но, по настоятельнымъ просьбамъ его, Федонъ былъ выкупленъ,[2]) и съ этого времени посвятилъ себя занятіямъ философіей, поступивъ въ число учениковъ Сократа.[3]) Объ отношеніяхъ его къ послѣднему мы знаемъ изъ самаго же діалога, а именно изъ того мѣста, гдѣ говорится о привычкѣ Сократа играть прекрасными волосами юноши. Εἰώθει γάρ ὁπότε τύχοι, παίζειν μου εἰς τὰς τρίχας, (онъ имѣлъ привычку играть при случаѣ моими волосами) говоритъ онъ самъ. Равнымъ образомъ и онъ былъ привязанъ чувствомъ самой нѣжной любви къ своему наставнику, о чемъ также мы знаемъ изъ его собственнаго разсказа, какъ у него хлынули слезы, послѣ того, когда Сократъ выпилъ чашу съ ядомъ; объ этомъ же свидѣтельствуютъ и слова его въ началѣ діалога: τὸ μεμνῆσθαι Σωκράτους καὶ αὐτὸν λέγοντα καὶ ἄλλου ἀκούοντα ἔμοιγε ἀεὶ πάντων ἥδιστον (вспоминать о Сократѣ для меня всегда пріятнѣе всего, — говорить о немъ, также какъ и слушать.) По свидѣтельству Діогена Лаэрція онъ основалъ впослѣдствіи времени свою собственную философскую школу, которая получила названіе элейской, и по духу ученія имѣла много общаго съ мегарейской.[4]) Сверхъ того онъ былъ также извѣстенъ и какъ писатель діалоговъ, которые отчасти излагали философію Сократа, а отчасти его собственное ученіе.[5]) Что же касается до характера, съ какимъ онъ является у Платона, то мы можемъ отмѣтить въ немъ двѣ существенныхъ черты: неглубокость его философскаго

---

[1]) Алкивіадомъ, или, по другимъ извѣстіямъ, (и это гораздо вѣроятнѣе) Критономъ, или Кебесомъ Сократикомъ. Gell. N. A. II, 18. Diog. L. II, 31.

[2]) Diog. L. II, 31, 105.

[3]) Diog. L. II, 105. Strab. IX, 1, 8. pag. 393. Cas. Suid. v. Φαίδων. Hesych. III. p. 39. ed. Meurs.

[4]) Diog. L. II, 47.

развитія и преданность искренняго, дѣтски наивнаго чувства. Собственно въ философской бесѣдѣ онъ почти не принимаетъ участія; метафизическія утонченности ея очевидно ему не по силамъ; но что онъ глубоко удивлялся Сократу, хотя и не въ состояніи былъ понимать его величія, объ этомъ ясно говорятъ и его слезы и та любовь, съ которой онъ вспоминаетъ о своемъ наставникѣ. Почему Платонъ озаглавилъ разговоръ его именемъ, и предоставилъ ему роль референта прощальной бесѣды Сократа? Изслѣдователи не согласны между собою въ разрѣшеніи этого вопроса. Штальбаумъ находитъ въ этомъ обстоятельствѣ указаніе на тѣсную дружбу Платона съ Федономъ; [6]) озаглавливая свой діалогъ именемъ послѣдняго, Платонъ, по его мнѣнію, имѣлъ въ виду сдѣлать честь другу. [7]) Другіе, какъ напр. Бишофъ, ищутъ разъясненія этого обстоятельства въ личномъ положеніи Федона относительно Сократа. Если бы Платонъ сдѣлалъ референтомъ предсмертной бесѣды философа кого нибудь изъ его согражданъ, то они легко могли явиться пристрастными къ другу, тогда какъ разсказъ, вложенный въ уста чужестранца, очевидно выигрываетъ относительно своего авторитета. [8]) Послѣднее объясненіе, по моему мнѣнію, удовлетворительнѣе уже потому, что оно имѣетъ болѣе положительный характеръ, тогда какъ первое основано на предположеніи. Какъ бы то ни было, но Платонъ далъ Федону главную роль въ діалогѣ, такъ что весь діалогъ представляетъ не что иное, какъ разсказъ Федона, при чемъ положенія и рѣчи дѣйствующихъ лицъ имъ драматизируются. Философъ, которому онъ отдаетъ отчетъ о происходившемъ въ темницѣ Сократа въ день его смерти, былъ Эхекратъ. Но кромѣ этого послѣдняго при разсказѣ присутствовали и другіе слушатели, не принимавшіе участія въ разговорѣ, — κωφὰ πρόσωπα, — что ясно видно изъ обращенія Федона во множественномъ числѣ: οὐδὲ — ἐπύθεσθε, — (слѣдовательно вы не знаете;)

---

[6]) Хотя, впрочемъ, высказываетъ это не какъ фактъ, а только какъ вѣроятное предположеніе. Stalb. Pl. Op. ed. 4-a vol. I, sect. I, p. 66.

[7]) Gell. N. A. II, 18. Macrob. Sat. I, 11.

[8]) Бишофъ, Plato's Phaed. p. 7.

а также изъ замѣчанія Эхекрата: ἀλλὰ μὴν—καὶ τοὺς ἀκουσομένους γε τοιούτους ἑτέρους ἔχεις (тѣ, которые приготовились слушать твой разсказъ, не меньше чѣмъ и ты любятъ Сократа.) Въ составъ лицъ разговора Эхекратъ собственно не входитъ, потому что онъ не былъ при смерти Сократа; но такъ какъ онъ относится по временамъ къ разсказчику то съ тѣмъ, то съ другимъ вопросомъ, то для полной характеристики внѣшности діалога необходимо остановиться и на немъ. Эхекратъ въ эпоху смерти Сократа жилъ во Фліунтѣ, и, по всей вѣроятности, былъ приверженцемъ пиѳагорейскаго ученія. О послѣднемъ обстоятельствѣ можно заключать изъ того, что Діогенъ Лаэрцій [9]) и Ямблихъ [10]) упоминаютъ о пиѳагорейцѣ этого имени, называя его фліунтскимъ. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что это тотъ самый Эхекратъ, о которомъ говорится въ діалогѣ. А такъ какъ онъ родился въ Локрахъ, [11]) то переселеніе его изъ Италіи въ Грецію, по всей вѣроятности, совершилось незадолго до смерти Сократа, что доказывается его полнымъ незнакомствомъ съ дѣлами Пелопонеса и Аѳинъ. Цицеронъ свидѣтельствуетъ, что Платонъ, во время своего перваго италійско-сицилійскаго путешествія, въ числѣ другихъ пиѳагорейцевъ слушалъ въ Локрахъ и Эхекрата. [12]) Но яснѣе чѣмъ изъ этихъ свидѣтельствъ приверженность Эхекрата къ пиѳагорейской философіи открывается изъ его бесѣды, въ которой онъ при разныхъ случаяхъ высказываетъ себя чистымъ пиѳагорейцемъ. Въ порядкѣ послѣдовательности, съ какою являются передъ нами лица разговора, я долженъ перейти къ Критону. Мы встрѣчаемся съ нимъ въ самомъ началѣ, въ первую же минуту по приходѣ друзей Сократа въ темницу, когда этотъ послѣдній поручаетъ ему увести домой рыдающую Ксантиппу. Уже то одно обстоятельство, что Сократъ изъ всѣхъ друзей обратился съ просьбой именно къ нему, показываетъ, что на немъ лежала главная обязанность

---

9) VIII, 46.
10) Vit. Pythag. 250 sq.
11) Cic. de fin. V, 29. Val. Max. VIII, 7, 3.
12) ibid.

исполненія всѣхъ порученій учителя. И дѣйствительно, въ этой роли онъ является передъ нами въ теченіе всей бесѣды, отъ ея начала и до послѣдней минуты, до самой смерти Сократа. Ему дано первое порученіе — увести изъ темницы жену; ему передано и послѣднее — принести пѣтуха въ жертву Асклепію. Онъ, наконецъ, закрываетъ глаза своему умершему другу, и принимаетъ на себя заботы о его погребеніи. Во всѣхъ случаяхъ, гдѣ требовалось оказать Сократу ту или другую услугу, и притомъ большею частію, чисто практическаго свойства, Критонъ является на первомъ планѣ. Что же это за личность, и что его такъ сильно привязываетъ къ Сократу? Критонъ былъ богатый аѳинянинъ, сверстникъ и согражданинъ великаго философа (ἡλικιώτης, καὶ δημότης. [13]) Мы не знаемъ положительно, что было началомъ сближенія его съ Сократомъ, но можемъ предполагать съ самою большею вѣроятностью, что основой ихъ дружбы было единство стремленій. Пламенно любя философію, [14]) Критонъ естественно долженъ былъ искать сближенія съ философомъ, котораго имя было такъ любимо и популярно въ Аѳинахъ. Вошедши въ тѣсныя дружескія отношенія съ Сократомъ, онъ не одинъ разъ доказалъ ему на дѣлѣ свою дружбу, и постоянно служилъ ему своимъ имуществомъ, такъ что обезпеченный въ матеріальныхъ нуждахъ Сократъ могъ спокойно предаваться своимъ философскимъ занятіямъ. [15]) Вообще о характерѣ Критона можно сказать, что это — искренній, преданный, вѣрный другъ. Что же касается до его взглядовъ и убѣжденій, то, будучи философомъ по профессіи и другомъ философа, онъ менѣе всего философъ на дѣлѣ. Смутно понимая, что въ Сократѣ таится что-то великое и необыкновенное, онъ любитъ его всею душой, но возвыситься до пониманія его нравственныхъ идеаловъ, стать въ уровень съ его философскими воззрѣніями онъ рѣшительно не могъ. Практическій взглядъ человѣка,

---

[13]) Apolog. Socr. p. 33. E. Crit. p. 49 A.

[14]) Diog. Laërt. lib. II, 121.

[15]) Diog. Laërt. II, 20, 31, 105, 121. Xenoph. Mem. I, 2, 48. Themist. IV, p. 110. Suidas in v. Κρίτων.

ставящаго на первомъ планѣ удобства и внѣшнія выгоды жизни выступаетъ у него на каждомъ шагу. Готовый черезъ нѣсколько часовъ умереть, Сократъ предлагаетъ друзьямъ посвятить вмѣстѣ съ нимъ послѣднія остающіяся ему на землѣ минуты изслѣдованію вопроса о безсмертіи души: практическій Критонъ совѣтуетъ ему не разгорячаться длинной бесѣдой, изъ опасенія, чтобы не пришлось повторять два или три раза пріемъ яду. Сократъ весь погружается въ вопросъ о безсмертіи, и послѣдній выводъ его разсужденій былъ тотъ, что философъ долженъ смотрѣть на жизнь какъ на несчастіе, а въ смерти видѣть высочайшее благо, что всѣмъ земнымъ должно пренебрегать, — а Критонъ предлагаетъ ему послѣ всего этого вопросъ: какъ онъ распорядится своимъ имуществомъ, и что онъ прикажетъ относительно похоронъ? Сократъ оканчиваетъ свою высокую рѣчь о безсмертіи, и, перешагнувши уже мыслью за предѣлъ всего земнаго, приказываетъ принести чашу съ ядомъ: Критонъ и тутъ обращаетъ вниманіе его на то, что солнце еще не сѣло, что еще можно подождать, и ставитъ такимъ образомъ великаго философа, съ его взглядомъ на смерть, какъ на переходъ къ безсмертной жизни, въ положеніе нерѣшительнаго, колеблющагося человѣка, который бы въ одно и тоже время и желалъ, и боялся бы исполненія своего желанія. Послѣдній совѣтъ Критона — подождать заката солнца — такъ наивенъ, что невольно вызываетъ улыбку; и лучше, чѣмъ какой нибудь другой совѣтъ его, доказываетъ то, что если онъ и носилъ Сократа-друга въ сердцѣ, то Сократъ-философъ рѣшительно не помѣщался въ его головѣ. Рядомъ съ положительной, практической личностью Критона мы видимъ личность другого рода — пылкаго, хотя и мрачно настроеннаго энтузіаста. Личность эта — Аполлодоръ [16].) Мы встрѣчаемся съ нимъ въ діалогѣ только два раза, въ самомъ началѣ и при концѣ. Въ оба эти раза онъ является намъ чисто пассивнымъ, внѣшнимъ, такъ сказать, образомъ. Въ

[16]) За энтузіазмъ, который составлялъ основную черту его характера, онъ получилъ прозваніе μανικός.

первый разъ Федонъ разсказываетъ, что Аполлодоръ, находясь въ темницѣ Сократа, безпрестанно плакалъ о судьбѣ учителя; во второмъ мѣстѣ онъ издаетъ пронзительный крикъ въ ту минуту, когда Сократъ выпиваетъ чашу съ ядомъ. Этими двумя чертами Аполлодоръ обрисованъ весь. Это юноша — съ мягкой, нѣжной, женственной натурой. Его чувствительность доходитъ до крайнихъ границъ. Любя Сократа, можетъ быть, какъ никто больше, [17]) онъ понимаетъ его едва ли не меньше, чѣмъ всѣ остальные. По крайней мѣрѣ такъ выразилось это на дѣлѣ. Въ то время какъ другіе, побѣждаемые неотразимой силой логики Сократа, на-половину усвоиваютъ себѣ его нравственныя воззрѣнія, и вслѣдствіе этого находятся въ полу-печальномъ, полурадостномъ настроеніи духа, — Аполлодоръ весь предается отчаянію. Для него какъ будто не существовала возвышенная бесѣда Сократа о безсмертіи; онъ рѣшительно не хочетъ понять, что Сократъ самъ желаетъ смерти, составляющей, по его глубокому вѣрованію, переходъ къ лучшему, болѣе совершенному бытію. Прекрасно характеризуетъ личность Аполлодора разсказъ Эліана, что онъ принесъ съ собою въ темницу тунику и плащъ, для того чтобы Сократъ умеръ въ богатомъ нарядѣ [18].) Ближайшими собесѣдниками Сократа и соучастниками въ изслѣдованіи вопроса о безсмертіи души являются Симміасъ и Кебесъ. Тотъ и другой — молодые ѳиванцы, слушавшіе въ Ѳивахъ пиѳагорейскую философію у знаменитаго пиѳагорейца Филолая; [19]) оба одинаково горячо преданы Сократу, и столько же отличаются любовью къ наукѣ, сколько и природными дарованіями. Эти два лица являются главными возражателями, и, если можно такъ выразиться, главными сотрудниками Сократа въ разработкѣ основной темы бесѣды. Но при всемъ сходствѣ какъ внѣшняго положенія, такъ и философскаго направленія обоихъ, нельзя не замѣтить нѣкотораго различія въ ихъ характерѣ. Кебесъ болѣе твердъ въ своихъ убѣжденіяхъ; онъ не легко поддается чужому

[17]) Xen. Apol. 28. Xen. Mem. III, 11, 17.
[18]) V. H. I, 16.
[19]) О Филолаѣ см. примѣч. къ переводу 31.

мнѣнію, и не прежде принимаетъ что нибудь за истину, какъ послѣ удовлетворительнаго разрѣшенія всѣхъ возраженій. Эту черту, какъ характеристическую его особенность, замѣчаетъ въ немъ и Сократъ, отзываясь о ней съ большою похвалою, какъ о признакѣ истиннаго философа. Симміасъ далеко не отличается такою стойкостію: онъ гораздо легче и скорѣе отказывается отъ своихъ возраженій. Онъ не такъ логиченъ и послѣдователенъ, какъ Кебесъ, и менѣе изобрѣтателенъ и находчивъ въ сопоставленіи разныхъ сторонъ вопроса. По замѣчанію Штейнгарта, у Кебеса философія является больше дѣломъ разсудка, у Симміаса — она результатъ его не слишкомъ глубокаго чувства.[20]) Какъ истинные философы, они одни держатъ себя съ достоинствомъ во все время бесѣды, не позволяя себѣ тревожить спокойствія духа учителя ни выраженіемъ отчаянія какъ Аполлодоръ, ни неумѣстными совѣтами какъ Критонъ. Цѣль ихъ возраженій одна — разрѣшить великую проблемму безсмертія, получить отъ умирающаго Сократа въ наслѣдство результаты его многолѣтнихъ философскихъ изслѣдованій. Тонъ, въ которомъ оба они возражаютъ ему, показываетъ столько же ихъ уваженіе къ великому философу, сколько и дѣтскую, вполнѣ беотійскую простоту ихъ нрава. Центръ и душу блистательнаго круга друзей и вмѣстѣ героя дня составляетъ Сократъ. Но это имя такъ популярно, значеніе его въ греческой философіи и жизни такъ опредѣленно, что я считаю излишнимъ останавливаться на характеристикѣ его личности вообще, и ограничусь разсмотрѣніемъ вопроса съ частной его стороны, — со стороны того характера, съ какимъ онъ является въ Федонѣ. Много было споровъ между учеными о томъ, кто изъ двухъ учениковъ Сократа оставилъ намъ болѣе вѣрное въ историческомъ смыслѣ изображеніе его личности — Платонъ или Ксенофонтъ? Большинство изслѣдователей новаго времени рѣшаетъ этотъ вопросъ въ пользу Ксенофонта, признавая за Платономъ во многихъ случаяхъ идеализацію.[21]) Чтобы отвѣтить на вопросъ: насколько эта идеали-

---

[20]) Plat. sämmtliche Werke, übers. von Müller B. 4. p. 403.

[21]) Исторія философіи Швеглера, стр. 51.

зація имѣетъ мѣсто въ Федонѣ, я привожу нѣкоторыя нравственныя и философскія положенія Сократа по Ксенофонту, и прежде всего остановлюсь на сократовскомъ ученіи о добродѣтели. Мы знаемъ изъ Ксенофонта и Аристотеля, что Сократъ отождествлялъ понятіе добродѣтели съ понятіемъ знанія, разсматривая первую какъ естественный, необходимый результатъ послѣдняго.[22]) Чтобы человѣкъ поступилъ въ извѣстномъ случаѣ хорошо, нужно не болѣе, какъ чтобы онъ понималъ, что то или другое хорошо, и если онъ поступаетъ дурно, то это единственно вслѣдствіе непониманія, что то или другое дурно. Выходя изъ понятія знанія, какъ основного принципа добродѣтели, и признавая, вслѣдствіе единства начала ея, равенство всѣхъ добродѣтелей вообще,[23]) Сократъ придавалъ ей исключительно политическій, гражданскій характеръ, находя высшее и конечное оправданіе ея цѣлей въ достиженіи цѣлей общественной жизни. Эвдемонизмъ — личное счастіе человѣка въ государствѣ и общее благо гражданъ – ея послѣднее слово. Въ Федонѣ Сократъ учитъ добродѣтели, какъ необходимому условію блаженства загробной жизни, состоящаго въ соединеніи съ божествомъ. Ученіе его такимъ образомъ о добродѣтели здѣсь расширяется и, опираясь на идею безсмертія души, возводится отъ исключительно гражданскаго принципа къ общимъ религіозно-философскимъ основаніямъ. Еще яснѣе, чѣмъ въ ученіи о добродѣтели, замѣтна идеализація федоновскаго Сократа въ его взглядѣ на цѣль жизни и дѣятельности человѣческой вообще, и то значеніе, которое, по его понятіямъ, долженъ придавать философъ нуждамъ и удовольствіямъ тѣла. Дѣйствительный, историческій Сократъ, какъ мы знаемъ изъ «Достопамятностей», далеко не былъ такимъ исключительнымъ партизаномъ духовнаго начала, какимъ выставилъ его въ Федонѣ Платонъ. Онъ одинаково признавалъ въ человѣкѣ значеніе души и тѣла, и въ правильномъ отношеніи того и другого видѣлъ идеалъ здоровой человѣческой натуры. Вотъ что говоритъ объ этомъ Ксенофонтъ: τοῦ σώματος αὐτός τε

---

22) Arist. Eth. VI, 13; Xenoph. Memor. III. 9, 5. См. Швеглера, стр. 56.
23) Истор. филос. Швеглера, р. 57.

οὐκ ἠμέλει, τούς τε ἀμελοῦντας οὐκ ἐπῄνει.[24]) (Онъ не пренебрегалъ заботами о тѣлѣ, и тѣхъ которые не заботились о немъ не одобрялъ.) Въ Федонѣ ученіе Сократа о возвышеніи надъ нуждами жизни тѣлесной и исключительномъ служеніи духу доходитъ до совершеннаго аскетизма. Принимая во вниманіе, что Федонъ излагаетъ главнымъ образомъ ученіе пиѳагореизма, мы имѣемъ право заключать съ самою большею вѣроятностью, что ни одно изъ четырехъ доказательствъ безсмертія души не принадлежитъ Сократу. Для меня, по крайней мѣрѣ, Сократъ, опирающійся въ ученіи о безсмертіи на свой внутренній голосъ, на предчувствіе, по которому онъ сравниваетъ себя съ лебедью,— вѣщею птицей Аполлона, гораздо болѣе похожъ на дѣйствительнаго, историческаго Сократа, чѣмъ во всѣхъ метафизически утонченныхъ своихъ доказательствахъ. Точно также и то, что онъ говоритъ о постепенномъ процессѣ своего философскаго развитія, — какъ онъ перешелъ отъ естествознанія къ Анаксагору, и отъ Анаксагора къ признанію абсолютныхъ идей истиннаго, добраго и прекраснаго, скорѣе относится къ самому Платону, нежели къ его учителю. Изъ сказаннаго нами мы видимъ, что Платонъ вполнѣ идеализировалъ въ Федонѣ личность своего учителя съ теоретической его стороны, — со стороны духа и характера его ученія. Иначе, впрочемъ, нельзя этого и представлять. То, что мы называемъ у Платона философіей Сократа, есть, собственно говоря, ученіе самого Платона, такъ что сократизмъ, а особенно въ діалогахъ позднѣйшаго, пиѳагорейскаго періода, составляетъ у него не болѣе, какъ только элементъ. Но если Платонъ идеализировалъ въ Федонѣ своего учителя, какъ философа, представивъ въ лицѣ его типъ умирающаго праведника, который, въ виду приближенія смерти, отрѣшился уже мыслію отъ всего земного, то лице Сократа, какъ человѣка, — со стороны его характера и отношеній къ людямъ, изображено имъ исторически вѣрно. Несомнѣннымъ ручательствомъ за это служатъ какъ свидѣтельства «Достопамятностей», такъ и факты жизни Сократа, извѣстные намъ по другимъ источникамъ. Чтобы

[24]) Xen. Memor. I, 2, 4.

представить параллель между Сократомъ историческимъ и Сократомъ Платона съ бо̀льшею наглядностью, я и здѣсь, какъ сдѣлалъ выше, — при анализѣ философскаго его направленія, буду останавливаться на отдѣльныхъ чертахъ его личнаго характера, съ какимъ онъ является у Платона. Первое качество, которое прежде всего останавливаетъ наше вниманіе въ федоновскомъ типѣ Сократа, это — его религіозное чувство, его глубокое благоговѣніе передъ божествомъ. Точно такимъ онъ изображенъ и у Ксенофонта. Послѣдній чрезвычайно много распространяется объ этомъ предметѣ въ первой книгѣ «Достопамятностей», и изъ того, что онъ сообщаетъ намъ о религіозномъ чувствѣ великаго философа, мы видимъ, что Сократъ не довольствовался логически отвлеченнымъ, деистическимъ признаніемъ божества, а чтилъ его въ духѣ живой вѣры, совершая моленія, принося жертвы и вообще строго соблюдая тѣ внѣшнія формы богопочитанія, какія предписывались законами отечества. Какое же отношеніе его къ божеству въ Федонѣ? Отъ первой до послѣдней минуты бесѣды, онъ старается утвердить въ умахъ слушателей вѣру въ божество, и если онъ видитъ въ смерти переходъ къ лучшей жизни, то это единственно вслѣдствіе того, что онъ надѣется по смерти соединиться съ богами — «благими и мудрыми владыками людей.» Въ ту минуту, когда темничный сторожъ приноситъ ему чашу съ ядомъ, онъ спрашиваетъ — нельзя ли сдѣлать возліянія, и получивъ отвѣтъ, что ядъ приготовленъ ровно въ такомъ количествѣ, какое необходимо для того, чтобы онъ могъ произвести дѣйствіе, заключаетъ: «помолимся же, по крайней мѣрѣ, чтобы счастливо совершился переходъ изъ здѣшней жизни.» Вторая черта, характеризующая федоновскаго Сократа не меньше, чѣмъ глубокость его религіознаго чувства, это мужество, съ которымъ онъ встрѣчаетъ смерть. Оба эти чувства — вѣра въ благость божества и безтрепетность передъ смертью, имѣютъ въ душѣ его тѣсную связь, такъ что послѣднее опирается у него на первое. Сократъ не боится умереть; онъ желаетъ смерти; но это не мужество отчаянія, которое пробуждается иногда въ людяхъ передъ безнадежностью положенія, не равнодушіе человѣка, утомленнаго жизнью; это сознательный

философски спокойный разсчетъ съ нею, въ той увѣренности, что окончаніе жизни на землѣ и между людьми есть для него начало новой, безконечной жизни въ общеніи съ божествомъ. До какой степени простирается мужество и безстрашіе Сократа передъ смертью, это мы видимъ въ ту минуту, когда онъ принимаетъ ядъ. Онъ осушаетъ чашу съ веселымъ видомъ, не измѣняя себѣ ни словомъ, ни движеніемъ, ни перемѣной въ лицѣ. Въ такой изумительной, непобѣдимой силѣ души нельзя не узнать того самаго Сократа, который выказалъ совершенно подобную твердость въ защитѣ своей передъ аѳинскими судьями. Имѣвши полную возможность избѣжать казни уплатой денежнаго штрафа, онъ съ негодованіемъ отвергаетъ эту мысль, потому что это значило бы признать себя виновнымъ; точно съ такимъ же негодованіемъ отвергаетъ онъ обыкновенныя у подсудимыхъ средства умилостивленія судей — введеніе въ народное собраніе жены и плачущихъ дѣтей; онъ всходитъ на каѳедру ораторовъ для защиты своего дѣла, и вмѣсто того, чтобы стараться расположить къ себѣ своихъ судей, высказываетъ имъ такія ѣдкія и горькія истины, что, по выраженію Цицерона, онъ казался въ эти минуты не подсудимымъ, а повелителемъ и судьею своихъ судей. [25]) Всѣ эти черты силы и твердости духа, принадлежащія дѣйствительному, историческому Сократу, показываютъ, что Платонъ ничуть не преувеличилъ истины дѣла, изображая такими яркими красками его душевный героизмъ въ Федонѣ. Третье на чемъ я остановлюсь, говоря о личности Сократа, это — отношенія его къ друзьямъ, его бесѣда съ ними въ темницѣ. Нельзя надивиться, съ какою нѣжною заботливостью онъ входитъ въ ихъ духовныя нужды, употребляя всѣ усилія къ тому, чтобы ни одинъ вопросъ, при обсужденіи предмета, не остался для нихъ темнымъ и неразрѣшеннымъ. По ихъ движеніямъ и лицамъ онъ предугадываетъ возраженія, и прежде чѣмъ возражатель успѣетъ отнестись къ нему съ вопросомъ, онъ самъ вызываетъ его на объясненіе, имѣя при этомъ въ виду одну цѣль — перелить въ души собесѣдниковъ ту живую вѣру въ безсмертіе, которою проникнутъ онъ самъ. Въ этой чертѣ федоновскаго Сократа опять нельзя не узнать того

---

[25]) Ut non reus, sed dominus et judex judicum esse videretur.

аѳинскаго моралиста-проповѣдника, который посвятилъ всю свою жизнь дѣлу философіи — распространенію между согражданами идей истины и блага; и въ то время какъ, своекорыстные софисты преслѣдовали только свои личныя цѣли, Сократъ постоянно стремился къ одной — къ умственному и нравственному развитію тѣхъ, которые становились его учениками. Въ темницѣ онъ остался также вѣренъ своему призванію, какъ былъ вѣренъ ему цѣлую жизнь. Я указалъ на нѣкоторыя черты сходства личнаго характера Сократа, какимъ онъ изображенъ въ Федонѣ, съ личнымъ характеромъ его, какъ историческаго лица. Всѣ остальныя черты больше или меньше вѣрны дѣйствительности. Что же касается до нравственнаго достоинства его личности вообще, какъ человѣка и философа, то она является намъ въ Федонѣ въ поразительномъ блескѣ. Съ какой бы стороны мы ни разсматривали его, мы всюду видимъ человѣка, который, преподававъ всю жизнь правила мудрости и добродѣтели другимъ, прежде всего въ высочайшей степени усвоилъ ихъ самъ, и путемъ нравственнаго самовоспитанія, кажется, успѣлъ подавить въ себѣ рѣшительно все, что только природа человѣка представляетъ слабаго и несовершеннаго. Посвятивъ добровольно и безкорыстно всю жизнь благу своихъ согражданъ — распространенію среди ихъ ученія истины и блага, онъ оклеветанъ тѣми же согражданами, какъ развратитель юношества, и приговоренъ къ смерти. Въ комъ изъ людей съ душою менѣе возвышенной не родилось бы при подобномъ положеніи сознаніе несправедливости и обиды, и не выразилось бы тономъ негодованія, жалобы или упрека въ неблагодарности! Ничего подобнаго мы не видимъ въ Сократѣ. Нельзя представить себѣ снисхожденія больше того, какое онъ высказываетъ въ сужденіи своемъ о несправедливомъ къ нему судѣ аѳинянъ, и ничто не можетъ превзойти кротости и незлобія, съ которыми онъ вспоминаетъ злую шутку Аристофана, предавшаго его публичному посмѣянію въ своихъ «облакахъ». Приблизившись уже къ послѣднимъ минутамъ, онъ и въ эти минуты не хочетъ отказаться отъ того, что онъ считалъ миссіей и задачей своей на землѣ — научать людей истинѣ. Совершенно забывая себя и свое поло-

женіе, отославши жену, чтобы она не мѣшала своими воплями правильному теченію бесѣды, онъ спокойно, въ ожиданіи темничнаго сторожа съ ядомъ, превращаетъ въ академическую аудиторію свою предсмертную темницу, заботясь единственно объ одномъ — оставить по себѣ въ наслѣдство друзьямъ то, что онъ считаетъ лучшимъ достояніемъ души — вѣру въ ея безсмертіе. Ставши на ту духовную и нравственную высоту, на которой мы видимъ его въ прощальной его бесѣдѣ, преображенный во всемъ существѣ своемъ предчувствіемъ ожидающаго его по смерти блаженства, Сократъ производитъ не только на людей ему близкихъ, но и на всѣхъ его окружающихъ то дѣйствіе, которое вполнѣ отвѣчаетъ его высокой природѣ. Глубоко трагична та сцена Федона, когда великій мученикъ истины, по окончаніи бесѣды о безсмертіи, выпиваетъ принесенную ему чашу съ ядомъ. Его друзья, которые до этой минуты могли еще удерживать слезы, теперь рѣшительно не въ силахъ долѣе сдерживаться. Федонъ закутываетъ голову въ плащъ, и плачетъ какъ дитя; Критонъ, у котораго также хлынули слезы, выходитъ изъ темницы; Аполлодоръ испускаетъ мучительный крикъ, потрясая души всѣхъ присутствующихъ, и не возмущая только возвышенно спокойнаго настроенія души Сократа, который дѣлаетъ ему кроткій, дружескій упрекъ. Даже на грубую натуру темничнаго сторожа, въ которомъ, по самой профессіи его, нельзя предполагать большой чувствительности и жалости, нравственное величіе Сократа дѣйствуетъ такъ сильно, что онъ, подавая ему смертельное питье, проситъ у него прощенія за исполненіе своей печальной обязанности, а передавши чашу, отворачивается въ сторону, чтобы скрыть свои слезы. Всѣ эти сцены ясно показываютъ, какъ неотразимо сильно дѣйствовало нравственное величіе Сократа на всѣхъ, кто только къ нему приближался. Большинство лицъ, его окружавшихъ, не могли понимать его сознательно и вполнѣ, потому что стояли отъ него въ неизмѣримой духовной дали. Но будучи не въ силахъ проникнуть умомъ въ тайну души великаго философа, они преклонялись инстинктивно передъ его царственно величавымъ спокойствіемъ, его вдохновенной рѣчью о безсмертіи, мужествомъ въ виду

смерти, наконецъ, душевнымъ миромъ и кротостью, которыхъ не въ состояніи возмутить и одолѣть никакая несправедливость и обида людей. Сократъ составляетъ тотъ духовный центръ, вокругъ котораго группируются всѣ остальныя лица бесѣды: они отъ него заимствуютъ свой свѣтъ и значеніе. Практическій Критонъ не оттѣнялся бы въ діалогѣ такъ ярко, еслибы онъ не представлялъ своимъ исключительно практическимъ взглядомъ рѣзкаго контраста съ идеально возвышеннымъ настроеніемъ Сократа. Аполлодоръ не поражалъ бы насъ такъ дѣтскимъ выраженіемъ отчаянія, если бы онъ не встрѣчался въ этомъ случаѣ лицемъ къ лицу съ невозмутимымъ спокойствіемъ и героизмомъ духа Сократа. Симміасъ и Кебесъ выказываютъ по временамъ слабость своей діалектики только передъ непобѣдимой логикой Сократа. Всѣ эти лица, бесѣдующія съ нимъ въ темницѣ, обязаны ему въ большей или меньшей степени своимъ нравственнымъ развитіемъ, какъ его друзья и ученики. Каждому изъ нихъ онъ заронилъ въ сердце новую искру стремленія къ добру; каждый изъ нихъ принялъ отъ него, сколько могъ. И вотъ, собравшись вокругъ него теперь въ послѣдній разъ, какъ будто вокругъ своего общаго отца, они такъ же сильно, какъ и трогательно выражаютъ любовь свою къ человѣку, который доставлялъ имъ такъ много высокихъ духовныхъ наслажденій въ жизни. Но, и помимо такого близкаго отношенія къ Сократу его окружавшихъ, личность его не могла производить на нихъ другого дѣйствія въ эти минуты. Если прежде они видѣли въ немъ только философа, проповѣдника нравственности и добродѣтели, то теперь онъ умиралъ передъ ними за истину своего ученія какъ мученикъ. Его страдальческій конецъ, на который онъ обрекъ себя добровольно, желая остаться вѣрнымъ своему призванію и долгу гражданина, сталъ въ глазахъ его друзей апотеозой и его жизни и его ученія. Философъ по профессіи и безукоризненный философъ во всѣхъ своихъ стремленіяхъ, онъ являлся недосягаемо великъ въ своей смерти. Съ такимъ же характеромъ перешелъ онъ и въ потомство. Запечатлѣвъ мученической кончиной вѣрность своей миссіи, онъ составилъ не только своимъ ученіемъ, но и своей свѣтлой, высокой человѣческой личностью эпоху въ исторіи философіи.

ГЛАВА III.

Вступительная часть Федона: Сократъ въ темницѣ; его бесѣда съ друзьями о значеніи жизни и смерти и взглядѣ, который долженъ имѣть философъ на ту и другую.

Въ предыдущей главѣ я представилъ характеристику лицъ, окружавшихъ Сократа въ день его смерти; перехожу къ изложенію содержанія вступительной части діалога. Онъ начинается бесѣдою двухъ философовъ, — фліазійца Эхекрата и элидійца Федона объ обстоятельствахъ смерти Сократа. Первый, находившійся въ то время въ отсутствіи, проситъ послѣдняго, какъ очевидца, разсказать ему о послѣднихъ минутахъ великаго философа, ихъ общаго друга. Увидѣвъ изъ распросовъ Эхекрата, что ему совершенно неизвѣстны обстоятельства дѣла, Федонъ прежде всего объясняетъ ему причину замедленія казни, и то, почему Сократъ содержался такъ долго въ темницѣ. Причина эта — случайное совпаденіе произнесенія надъ нимъ приговора съ днемъ отправленія делосской ѳеоріи, которую аѳиняне ежегодно посылаютъ Аполлону, въ благодарность за избавленіе отъ опасности Ѳезея и его спутниковъ. Жрецъ Аполлона увѣнчалъ наканунѣ священный корабль, а законъ аѳинскій строго предписывалъ прекращеніе всякаго рода казней до его возвращенія. Эхектратъ проситъ разсказать о самыхъ обстоятельствахъ смерти Сократа, — что онъ передъ этимъ говорилъ, что дѣлалъ, и кто въ это время былъ у него. Федонъ охотно соглашается исполнить его просьбу. «Да мнѣ и самому», говоритъ онъ, «вспоминать о Сократѣ всегда пріятнѣе, чѣмъ что нибудь другое, — говорить о немъ, также какъ и слушать». Но, любезный Федонъ, возражаетъ Эхекратъ, какъ будто бы съ нѣкотораго рода ревностью:

«тѣ, которые приготовились слушать твой разсказъ, не меньше чѣмъ и ты любятъ Сократа; постарайся же передать намъ все съ такою точностью, какая только будетъ для тебя возможна». Приступая къ разсказу, Федонъ прежде всего передаетъ своему собесѣднику то впечатлѣніе, которое произвело на него, также какъ и на всѣхъ остальныхъ друзей философа послѣднее ихъ свиданіе съ нимъ въ темницѣ. «Я испытывалъ именно что-то необыкновенное, находившись тогда у Сократа», говоритъ онъ; «въ душѣ моей не было жалости, хотя я присутствовалъ при смерти моего друга; этотъ человѣкъ представлялся мнѣ блаженнымъ, любезный Эхекратъ, во всемъ существѣ своемъ, также какъ въ своихъ рѣчахъ: такъ безстрашно и съ такимъ достоинствомъ онъ умиралъ. Казалось, что онъ переселялся въ аидъ не безъ особеннаго опредѣленія боговъ, и что онъ будетъ тамъ наслаждаться блаженствомъ, какимъ едва ли наслаждался кто-нибудь когда нибудь. Вотъ почему у меня нимало не было въ душѣ сожалѣнія, какъ можно бы ожидать отъ человѣка, присутствующаго при печальной сценѣ. Точно также, съ другой стороны, я не чувствовалъ и того удовольствія, которое мы обыкновенно испытывали, когда вели наши философскія бесѣды. Рѣчи наши отчасти и тогда имѣли этотъ характеръ; но въ душѣ у меня дѣйствительно было какое-то необыкновенное чувство, какое-то непонятное соединеніе радости и печали, раждавшееся при мысли о томъ, что этотъ человѣкъ долженъ скоро умереть.» Вотъ какое впечатлѣніе производитъ умирающій Сократъ на оставляемыхъ имъ друзей! разставаясь съ философомъ, котораго они благоговѣйно чтутъ, и другомъ, котораго нѣжно любятъ, они почти радуются, и едва не торжествуютъ какъ побѣду его невинное осужденіе и смерть; вотъ до какой степени успѣлъ онъ перелить въ сердца ихъ вѣру въ безсмертіе души, и поселить въ нихъ взглядъ на смерть, какъ на переходъ къ новой, безконечно блаженной жизни! Легкими чертами, но тѣмъ рѣзче оттѣняя этимъ группу остальныхъ лицъ изображаетъ Федонъ впечатлѣніе, которое производитъ мысль о разлукѣ съ Сократомъ въ частности на Аполлодора, котораго женственная натура сказывается вся въ ту минуту, когда великій мученикъ истины

выпиваетъ принесенную ему чашу съ ядомъ. Эхекратъ спрашиваетъ, кто именно былъ у Сократа въ день его смерти, и Федонъ называетъ поименно всѣхъ присутствовавшихъ въ темницѣ. «О чемъ же шла ваша бесѣда?» предлагаетъ онъ новый вопросъ. Начинается разсказъ Федона о томъ, что говорилъ и дѣлалъ Сократъ, послѣ того когда они къ нему пришли. Со времени произнесенія обвинительнаго приговора, друзья философа, зная, что имъ недолго уже осталось наслаждаться бесѣдами ихъ великаго учителя и друга, каждый день собираются къ нему въ темницу, и проводятъ въ разговорахъ съ нимъ все время отъ восхода до заката солнца. Въ одинъ изъ такихъ дней, вышедши отъ него вечеромъ, они узнаютъ, что корабль возвратился уже изъ Делоса, и что слѣдовательно слѣдующій день долженъ быть днемъ смерти Сократа. Они собираются на другой день раньше обыкновеннаго въ судилищѣ, гдѣ ожидали постоянно и прежде, пока отопрутъ темницу. Привратникъ, вышедши къ нимъ на встрѣчу, проситъ ихъ подождать и не входить, прежде чѣмъ онъ объявитъ кому слѣдуетъ о ихъ приходѣ. «Одиннадцать судей», прибавилъ онъ, «освобождаютъ въ настоящую минуту Сократа отъ оковъ, и объявляютъ ему, что онъ долженъ сегодня умереть.» Друзья входятъ. Сократъ бесѣдуетъ съ женою своей Ксантиппой, которая держитъ на рукахъ ребенка. Едва она увидѣла друзей философа, какъ начала рыдать, изливаясь въ жалобахъ отчаянія. «О Сократъ», повторяла она съ воплями, «сегодня въ послѣдній разъ бесѣдуютъ съ тобою твои друзья, и ты съ ними.» Сократъ проситъ Критона поручить кому нибудь увести ее изъ темницы; слуги Критона немедленно исполняютъ приказаніе; несчастная женщина продолжаетъ рыдать и поражать себя въ грудь. Оставшись одинъ съ друзьями Сократъ, съ котораго только-что сняли передъ этимъ цѣпи, и для котораго это было можетъ быть первое пріятное ощущеніе, испытанное имъ въ темницѣ, началъ разсуждать о томъ, какъ тѣсно связаны въ человѣкѣ чувства радости и печали, такъ что, при всей кажущейся противуположности ихъ, одно постоянно примѣшивается къ другому, одно неизбѣжно влечетъ за собою другое. «Если бы на это

обратилъ вниманіе Эзопъ, прибавилъ онъ, онъ сложилъ бы басню, — какъ богъ, желая примирить воюющія противуположности, и не успѣвши въ этомъ, соединилъ ихъ концы, отчего и происходитъ, что какъ скоро человѣка посѣтитъ одно чувство, — вслѣдъ за нимъ является и другое. Это, очевидно, происходитъ въ настоящее время, прибавилъ онъ, и со мною, потому что прежде я чувствовалъ боль въ колѣнѣ отъ давленія оковъ, а теперь это чувство смѣнилось для меня ощущеніемъ пріятнымъ.» Имя Эзопа напомнило Кебесу занятія Сократа въ темницѣ. Въ немъ пробудилось любопытство; ему хочется знать, что̀ заставило его писать въ темницѣ стихи, когда онъ никогда не писалъ ихъ прежде? Почему именно въ это время онъ началъ перелагать басни Эзопа, и сочинилъ гимнъ Аполлону? Меня спрашивали объ этомъ нѣкоторые, говоритъ онъ, объясняя Сократу причину своего любопытства, и въ числѣ другихъ, — въ недавнее время, Эвенъ. «И такъ, если ты желаешь, прибавилъ онъ, чтобы я былъ въ состояніи отвѣчать Эвену, когда онъ опять спроситъ меня объ этомъ — а я увѣренъ, что онъ спроситъ — то скажи, что̀ я долженъ отвѣчать?» Вопросъ Кебеса очевидно важенъ, и разрѣшеніе его живо интересуетъ слушателей. Не можетъ не показаться страннымъ въ самомъ дѣлѣ, что человѣкъ, который не былъ поэтомъ по призванію, и никогда не писалъ стиховъ, живя на свободѣ, вдругъ начинаетъ ихъ писать въ тюрьмѣ, и при какихъ же обстоятельствахъ? Когда надъ нимъ произнесенъ смертный приговоръ, и онъ со дня-на-день ожидаетъ его исполненія. Общее любопытство сильно затронуто, и Сократъ счелъ нужнымъ подробное объясненіе. Изъ отвѣта его мы узнаёмъ, что его поэтическими занятіями въ темницѣ руководило то непосредственное вліяніе обладавшаго имъ демона, который внушалъ ему откровенія его нравственной философіи, и на котораго онъ такъ часто ссылается въ своихъ бесѣдахъ. «Часто», говоритъ Сократъ, въ моей прошедшей жизни мнѣ являлось одно и тоже видѣніе, — въ разныя времена въ разныхъ видахъ, но съ одной и той же рѣчью. Сократъ, говорило оно мнѣ, посвяти себя искусству музъ, и упражняйся въ немъ. Сначала я думалъ, что оно побуждало и

ободряло меня продолжать заниматься тѣмъ, чѣмъ я занимался и въ прежнее время. Подобно тому, какъ воодушевляютъ бѣгущихъ на ристалищѣ, такъ, думалъ я, и меня мое видѣніе возбуждало заниматься тѣмъ, чѣмъ я занимался, — служить искусству музъ, т. е. величайшей наукѣ — философіи, которой я посвящалъ мои труды. Но теперь, послѣ того, когда надо мною былъ произнесенъ приговоръ, а празднество Аполлона замедлило мою смерть, я счелъ долгомъ, если мое видѣніе въ своихъ частыхъ явленіяхъ возбуждало меня къ занятію искусствомъ болѣе обыкновеннымъ, не противиться его голосу, а послѣдовать; потому что для меня безопаснѣе — не покидать этой жизни, прежде чѣмъ я исполню свой долгъ передъ божествомъ, и, повинуясь видѣнію, напишу нѣсколько поэтическихъ произведеній. Такимъ образомъ, я прежде всего сочинилъ гимнъ божеству, которому въ то время праздновали; а послѣ гимна, разсудивши, что поэтъ, если онъ хочетъ быть поэтомъ, долженъ представлять въ стихахъ разсказъ, а не однѣ только поэтическія мысли, а самъ я неизобрѣтателенъ въ вымыслѣ, — я переложилъ въ стихи басни Эзопа, какія имѣлъ подъ рукою и зналъ, — первыя, которыя мнѣ попались.» Отвѣтъ Сократа объясняетъ намъ то побужденіе, которое руководило его занятіями въ темницѣ, и заставило его наканунѣ смерти приняться за стихи. Побужденіе это — желаніе исполнить долгъ передъ божествомъ, отвѣчать на призывный его голосъ. «Вотъ что, любезный Кебесъ», сказалъ Сократъ, «передай Эвену: пусть онъ будетъ здоровъ, и, если онъ мудръ, пусть какъ можно скорѣе слѣдуетъ за мною». Необыкновенное желаніе, которое высказалъ Сократъ, пожелавъ Эвену скорой смерти, вопреки принятому людьми обычаю желать долгой жизни, въ высшей степени заинтересовало собесѣдниковъ. Бесѣда принимаетъ съ этой минуты болѣе возвышенное направленіе. До сихъ поръ, изъ разговора друзей и рѣчей самого Сократа, мы знакомились съ разными обстоятельствами его процесса, и его внѣшней обстановкой въ темницѣ. Это — собственно историческая часть пролога. Теперь, по случаю заочнаго совѣта, даннаго философомъ Эвену, въ кругу собесѣдниковъ поднимается вопросъ о значеніи жизни и смерти и взглядѣ, какой долженъ имѣть на

нихъ истинный философъ. Въ этой новой части пролога, которая непосредственно слѣдуетъ, мы становимся лицемъ къ лицу съ нравственнымъ характеромъ личности Сократа. Здѣсь онъ является передъ нами вполнѣ, со всѣми своими философскими представленіями о жизни и смерти, о единственно вѣрномъ способѣ достиженія истины, о верховномъ благѣ, какъ предѣлѣ стремленій души, наконецъ съ его глубокою вѣрою въ ея безсмертіе. Это — часть философская. Прологъ Федона состоитъ такимъ образомъ изъ двухъ частей: чисто исторической и философской. Я изложилъ подробно содержаніе первой; перехожу ко второй. Сократъ пожелалъ Эвену какъ можно скорѣе слѣдовать за нимъ; удивленный Симміасъ отвѣчаетъ, что едва ли онъ такъ равнодушенъ къ жизни, и едва ли будетъ расположенъ послушаться совѣта. «Какъ», возразилъ Сократъ, «развѣ Эвенъ не философъ?» и на отвѣтъ Симміаса, что онъ кажется ему философомъ, замѣтилъ: «въ такомъ случаѣ онъ захочетъ послѣдовать совѣту, — Эвенъ, какъ и всякій другой, кто только надлежащимъ образомъ упражняется въ занятіяхъ философіей; и однакожъ для достиженія этой цѣли, философъ не причинитъ себѣ насильственной смерти». Въ мысляхъ, высказанныхъ Сократомъ, собесѣдники находятъ противорѣчіе. Истинный философъ долженъ желать смерти; остающемуся Эвену дается совѣтъ спѣшить перейти въ другой міръ, а между тѣмъ самоубійство не позволительно. Кебесъ указываетъ на это противорѣчіе. Сократъ обращается къ обоимъ — Симміасу и Кебесу, съ вопросомъ: не слышали ли они объ этомъ чего нибудь въ школѣ пиѳагорейцевъ отъ Филолая, и на отвѣтъ ихъ: «ничего опредѣленнаго» говоритъ, что онъ и самъ знаетъ объ этомъ не больше того, сколько слышалъ отъ другихъ; если онъ началъ объ этомъ рѣчь, то только потому, что не хотѣлъ скрывать отъ нихъ слышаннаго, а также и потому, что самый приличный предметъ бесѣды для умирающаго составляетъ — разсуждать и вспоминать существующіе разсказы о переселеніи въ другой міръ, — каково оно должно быть. Видимое однакожъ противорѣчіе двухъ положеній, высказанныхъ Сократомъ, и его отказъ примирить ихъ вызываютъ новыя настойчивыя просьбы Кебеса разъяснить во-

просъ, если не вполнѣ, то насколько возможно. «Не надобно отчаеваться,» сказалъ Сократъ; «скоро, можетъ быть, и услышишь; и, можетъ быть, тебѣ покажется удивительнымъ, что изъ всѣхъ возможныхъ вещей это составляетъ единственно простую истину, и что въ этомъ случаѣ никогда не бываетъ такъ, какъ въ другихъ, то есть, чтобы извѣстнымъ людямъ въ извѣстное время было лучше умереть, нежели жить; можетъ быть тебѣ покажется удивительнымъ, что даже тѣмъ, для которыхъ было бы лучше умереть, нежели жить, непозволительно благодѣтельствовать самимъ себѣ, но нужно ожидать посторонняго благодѣтеля.» «Ученіе объ этомъ предметѣ, продолжалъ онъ, сообщаемое только посвященнымъ, мнѣ представляется многознаменательнымъ и не легко объемлемымъ разумомъ. Всѣ мы, живя на землѣ и будучи заключены въ тѣла, содержимся въ нѣкотораго рода темницѣ, изъ которой никто не смѣетъ освобождать себя безъ воли боговъ. Люди составляютъ ихъ собственность. И такъ, не возбудитъ ли ихъ гнѣва тотъ, кто, вопреки ихъ волѣ, оставитъ назначенный ему постъ? Только опредѣленіе божества даетъ человѣку право выдти изъ темницы тѣла, какъ напр. въ настоящемъ случаѣ мнѣ», заключилъ онъ. Если такъ, возразилъ Кебесъ, то въ разсужденіи твоемъ, Сократъ, я вижу новое противорѣчіе. На какомъ основаніи человѣкъ долженъ желать выхода изъ этого міра, если его окружаютъ заботы и попеченія его благихъ руководителей, — боговъ? Не странно ли человѣку желать разстаться съ этими попеченіями? Въ подобномъ случаѣ естественна скорбь, а не радость. Настойчивость Кебеса, съ которой онъ для всего ищетъ основаній, и ничего не принимаетъ на вѣру, очень понравилась Сократу. Симміасъ, соглашаясь съ мнѣніемъ Кебеса, замѣтилъ Сократу, что едва ли рѣчь Кебеса не указываетъ прямо на него. Ты слишкомъ легко, говоритъ онъ ему, покидаешь и насъ и благихъ владыкъ міра, въ благости которыхъ ты и самъ увѣренъ, — боговъ. Сократъ признаетъ справедливость замѣчанія, и чувствуетъ необходимость оправдать себя въ глазахъ друзей, выражая при этомъ одно желаніе, чтобы его новая защита передъ ними имѣла бо́льшій успѣхъ, чѣмъ прежняя, — передъ аѳинскими судьями. Два вѣрованія состав-

ляютъ опору твердости Сократа въ настоящемъ его положеніи, и служатъ причиной, почему онъ такъ спокойно встрѣчаетъ смерть. Вопервыхъ, перешедши въ другой міръ, онъ надѣется соединиться тамъ съ истинно добродѣтельными людьми, которые гораздо лучше живущихъ на землѣ, а вовторыхъ достигнуть общенія съ богами, всецѣло благими владыками людей. Первое Сократъ не рѣшается утверждать положительно, во второмъ онъ увѣренъ, какъ въ несомнѣнной истинѣ. «Вотъ почему,» заключилъ онъ, «я не печалюсь при мысли о смерти, но имѣю добрую надежду, что извѣстная участь существуетъ и для умершихъ, и, согласно древнему преданію, гораздо лучшая для добрыхъ, нежели для злыхъ.» Но какъ же, однако, любезный Сократъ, сказалъ Симміасъ, «развѣ ты думаешь покинуть насъ, унеся съ собою твой взглядъ на этотъ предметъ, или ты сообщишь его и намъ? Мнѣ кажется, что это благо, общее и для насъ; да кромѣ того, если ты насъ убѣдишь въ томъ, что ты высказываешь, то это будетъ вмѣстѣ и твоей апологіей.» Сократъ изъявляетъ готовность приступить къ разсужденіямъ, но его останавливаетъ безпокойство Критона, который собирается что-то сказать. На вопросъ Сократа, — что̀ именно безпокоитъ его, Критонъ отвѣчаетъ просьбой, чтобы онъ поменьше говорилъ, сообщая при этомъ замѣчаніе темничнаго сторожа, что всякій волнующій разговоръ ослабляетъ дѣйствіе яду, такъ что вслѣдствіе этого, иногда бываетъ необходимо повторять пріемъ два и даже три раза. Но могло ли подобное предостереженіе остановить Сократа? Короткое приказаніе его, чтобы тюремщикъ приготовилъ двойную и, если нужно, тройную порцію яду, — и друзья приступаютъ къ бесѣдѣ. Чѣмъ больше всего занимаются въ жизни истинные философы? началъ Сократъ. — Размышленіемъ о смерти, приготовленіемъ къ ней. А если такъ, то естественно ли, чтобы человѣкъ, который всю жизнь думалъ о смерти, сталъ скорбѣть и печалиться, когда она пришла? Остроуміе мысли заставило Симміаса засмѣяться, хотя онъ вовсе не расположенъ былъ къ смѣху. Онъ замѣчаетъ, что послѣ такого разсужденія и сограждане его согласились бы съ тѣмъ, что истинные философы желаютъ смерти, и что они ея достойны, на что Сократъ въ свою

очередь возразилъ, что хотя мысль совершенно справедлива, тѣмъ не менѣе однакожъ едва ли бы они ее поняли. Но, оставимъ этихъ людей, сказалъ Сократъ, и возвратимся къ нашему предмету. Что такое смерть? задаетъ онъ новый вопросъ. — Разлученіе души съ тѣломъ, рѣшаютъ собесѣдники. — А какъ понимаетъ жизнь, чѣмъ занимается и къ чему стремится истинный философъ? спрашиваетъ онъ опять. Много ли онъ посвящаетъ заботъ удовлетворенію нуждъ тѣла, стремится ли онъ къ тѣмъ удовольствіямъ, которыя называютъ чувственными, и которыя относятся къ жизни тѣлесной, — за удовольствіями пировъ и попоекъ, или наслажденіями любви? Не стремится ли онъ всю жизнь къ тому, чтобы какъ можно меньше служить тѣлу, и какъ можно больше душѣ, не старается ли онъ уединять, такъ сказать, свою душу, и самымъ образомъ жизни разлучать ее съ тѣломъ; а если такъ, то можетъ ли онъ скорбѣть и печалиться, когда для него наступитъ минута окончательнаго отдѣленія души отъ тѣла — смерть? Отвѣтъ очевиденъ: истинный философъ не долженъ бояться смерти, и онъ дѣйствительно ея не боится. Сократъ беретъ вопросъ съ новой стороны. Какія цѣли и задачи поставляетъ себѣ въ жизни истинный философъ? спрашиваетъ онъ. — Изысканіе истины, пріобрѣтеніе мудрости. Но первымъ врагомъ нашимъ въ дѣлѣ познанія, по его увѣренію, служитъ наше тѣло. Зрѣніе и слухъ передаютъ намъ впечатлѣнія предметовъ обманчиво; а если эти два чувства не безошибочны, тѣмъ менѣе безошибочны остальныя. Душа такимъ образомъ, продолжалъ Сократъ, изслѣдуя истину при участіи тѣла, очевидно впадаетъ въ заблужденіе. Только уединяясь отъ него и отдаваясь чисто мысленному созерцанію, она доходитъ до познанія истины. Далѣе, какъ образуются въ насъ представленія о справедливомъ, прекрасномъ, добромъ, наконецъ обо всѣхъ предметахъ подобнаго рода? Слагаются ли они въ нашей душѣ при помощи тѣла и его органовъ? Нимало. Только путемъ мысленнаго углубленія въ подобнаго рода предметы мы можемъ проникать въ ихъ сущность, и тотъ, кто больше другихъ размышляетъ, больше другихъ приближается къ цѣли своихъ изысканій, — къ постиженію ихъ. Тѣло является въ этомъ случаѣ не помощникомъ, а

врагомъ души, возмущая ея дѣятельность, и препятствуя ей отдаваться своему внутреннему созерцанію. Пока мы облечены тѣломъ, мы не можемъ достичь полнаго обладанія предметомъ нашихъ стремленій, — истиной. Не очевидно ли, что философъ, посвящающій всю жизнь ея изслѣдованію, долженъ по возможности ограничивать и ослаблять дѣйствіе на душу тѣла, такъ какъ оно служитъ для него препятствіемъ въ достиженіи его цѣли? Истинный философъ такъ и поступаетъ: всю жизнь онъ стремится разобщать, насколько только возможно, душу и тѣло, для того чтобы лучше созерцать истину необманчивымъ зрѣніемъ мысли. Естественно ли послѣ этого, чтобы онъ скорбѣлъ и печалился при наступленіи смерти, освобождающей его наконецъ отъ тѣла, съ которымъ онъ боролся цѣлую жизнь, и которое служило для него вѣчнымъ препятствіемъ, вѣчной помѣхой въ изысканіи истины, — въ достиженіи цѣли его стремленій? Очевидное дѣло, что истинный философъ долженъ встрѣчать смерть не съ скорбнымъ, а съ радостнымъ чувствомъ. Сократъ беретъ новую сторону вопроса.... философъ, какъ онъ показалъ, не боится смерти. Какъ же надобно понимать тѣхъ, для которыхъ она составляетъ предметъ страха? Очевидно, что это не философы, — любители мудрости, а любители чувственныхъ удовольствій. Чѣмъ являются въ жизни тѣ и другіе съ нравственной стороны? Сократъ проводитъ параллель между добродѣтелью философа и человѣка обыкновеннаго. Только философъ, говоритъ онъ, можетъ быть мужественъ или воздерженъ. Всѣ другіе, если и обладаютъ иногда этими добродѣтелями, то они въ нихъ призрачны и обманчивы. Что движетъ мужествомъ людей обыкновенныхъ? Презрѣніе къ смерти? Они ея боятся: они любятъ жизнь. Если они и показываютъ себя иногда мужественными, подвергаясь смерти, то единственно изъ боязни — подвергнуться въ противномъ случаѣ гораздо большему злу. Ясное дѣло, что ихъ мужество основано на страхѣ, — на началѣ совершенно противномъ духу истиннаго мужества, которое у философа находитъ опору въ самомъ себѣ. Философъ мужественъ, потому что мужественъ; человѣкъ обыкновенный мужественъ потому, что онъ робокъ. А чѣмъ бываетъ, продолжалъ Сократъ, воздержанн

въ людяхъ обыкновенныхъ? Мы видимъ, что многіе люди дѣйствительно воздержны, — но почему? По невоздержанію. Это можетъ показаться страннымъ, прибавилъ онъ, но это дѣйствительно такъ. Они отказываютъ себѣ въ однихъ удовольствіяхъ только для того, чтобы имѣть возможность предаваться другимъ. Не ясное ли дѣло, что это не есть воздержаніе, а только замѣна одного чего нибудь пріятнаго другимъ пріятнымъ, воздержаніе въ извѣстныхъ случаяхъ, въ пользу невоздержанія въ другихъ? «О дорогой мой Симміасъ, заключилъ Сократъ, неправиленъ подобнаго рода обмѣнъ, какъ скоро дѣло касается добродѣтели, то есть мѣнять удовольствія на удовольствія, и печали на печали, и опасенія на опасенія и большее на меньшее, какъ будто бы монету. Одна истинная монета, на которую все это должно обмѣнивать, — это мудрость: за нее и черезъ нее покупается и продается дѣйствительно все, — и мужество и воздержаніе и справедливость; однимъ словомъ, истинная добродѣтель неразлучна съ мудростію, — бываютъ или не бываютъ при этомъ удовольствія и опасенія, и все другое подобное. Но если добродѣтель не основана на мудрости, и мѣняется одна на другую, то — не призрачна ли такая добродѣтель, не рабская ли она по существу, и не лишена ли она въ характерѣ своемъ всего здороваго и истиннаго?» Какимъ же путемъ можно достичь истинной добродѣтели? Сократъ указываетъ единственное для этого средство, — таинства и религіозные обряды, установленные мудрыми для земнаго очищенія душъ. «Души людей не посвященныхъ въ таинства и неочищенныхъ говоритъ онъ, вошедши въ жилище тѣней, будутъ погружены въ грязь, а очищенныхъ и посвященныхъ, по прибытіи туда, будутъ жить вмѣстѣ съ богами.» Завѣдывающіе религіозными посвященіями, продолжаетъ онъ далѣе, говорятъ: «много людей, носящихъ тирсъ, но мало вдохновляемыхъ божествомъ.» А эти послѣдніе, по моему мнѣнію, суть именно люди, занимавшіеся надлежащимъ образомъ философіей. Я, по возможности, не упускалъ въ теченіе жизни ничего, чтобы принадлежать къ числу этихъ людей, но стремился къ этому всѣми силами. Были ли мои стремленія направлены надлежащимъ образомъ, и имѣлъ ли я въ нихъ успѣхъ, — я узнаю навѣрно,

пришедши туда, если угодно будетъ богу — въ непродолжительномъ времени, какъ мнѣ кажется.» Указавъ на религіозныя мистеріи, какъ необходимое средство земного очищенія, Сократъ заключаетъ рѣчь свою слѣдующими словами: «это, любезные друзья мои, Симміасъ и Кебесъ, я говорю въ защиту свою передъ вами, желая показать, что я справедливо не скорблю и не досадую, покидая и васъ и здѣшнихъ владыкъ, — боговъ; я думаю, что и тамъ я встрѣчу ничуть не меньше благихъ повелителей и друзей, хотя очень многіе этому не вѣрятъ. Если въ этой защитѣ моей передъ вами я имѣлъ больше успѣха, чѣмъ передъ моими аѳинскими судьями, — это было бы хорошо.»

Въ изложенной нами вступительной части Федона, Сократъ представилъ своимъ слушателямъ идеалъ истиннаго философа, и его взглядъ на значеніе жизни и смерти. Мысль Сократа о смерти, какъ о желанномъ благѣ, которое человѣкъ во всякомъ случаѣ долженъ предпочитать жизни, рано явилась въ греческомъ сознаніи, выражаясь у поэтовъ жалобами на бѣдность и неудовлетворительность условій земной жизни. Такъ Софоклъ въ Эдипѣ Колонскомъ прямо и положительно высказываетъ эту мысль. «Первое счастіе,» говоритъ онъ, «не родиться на свѣтъ, а второе какъ можно скорѣе умереть.»[1]) Еще болѣе рѣзкимъ тономъ отчаянія звучитъ эта мысль въ пѣсни Ѳеогниса: «никогда не родиться, никогда не видѣть ослѣпительнаго блеска солнца — высшее благо для смертныхъ; но кто родился, для того лучше всего какъ можно скорѣе сойти въ жилище аида, покрывшис могильною сѣнью.»[2]) Этотъ взглядъ на значеніе жизни больше или меньше проглядываетъ всюду въ произведеніяхъ греческой лирики, какъ обратная сторона свѣтлаго и радостнаго міровоззрѣнія грека. Но если у поэтовъ смерть является не больше какъ прекращеніемъ скорбей и страданій, то у Сократа она составляетъ ступень перехода къ новой, лучшей жизни. Только въ ученіи Сократа человѣчество впервые услышало ясно выска

¹) v. 1225, sqq.

²) v. 425, sqq.

занную идею безсмертія; до него этой идеи не было. Правда, вѣра въ посмертное существованіе душъ составляетъ такой же существенный догматъ религіи грековъ, какъ и каждаго другого народа, но это существованіе является у нихъ въ представленіяхъ народной фантазіи и миѳахъ поэтовъ въ самомъ безотрадномъ свѣтѣ. Аидъ Гомера составляетъ мѣсто изгнанія душъ, гдѣ блуждаютъ тѣни умершихъ, не находя ни въ чемъ отрады. Ахиллъ выражаетъ у него желаніе быть лучше полевымъ работникомъ на службѣ у бѣднаго пахаря, нежели царемъ подземнаго міра.[3]) Тѣнь Дарія, вызванная вдовою его Атоссой, узнавъ о погибели всей арміи Ксеркса, и объяснивъ царицѣ причину постигшаго Персію несчастія, заключаетъ рѣчь свою слѣдующими словами: «старцы, оставшіеся въ живыхъ; живите, наслаждаясь даже въ несчастіи жизнію: мертвымъ нѣтъ отрады.»[4]) Изъ приведенныхъ нами указаній видно, что только въ ученіи Сократа идея безсмертія души получаетъ впервые свой настоящій смыслъ и значеніе. Не простое желаніе успокоенія отъ страданій заставляетъ сократовскаго философа желать смерти, а глубокая вѣра, что она составляетъ ступень перехода къ безсмертію. Во вступительной части Федона Сократъ развиваетъ слушателямъ эту идею, какъ свое личное убѣжденіе, вѣру своего сердца. Но личное убѣжденіе одного не обязательно для другихъ. Со стороны его слушателей естественно ожидать вопроса: на чемъ же онъ основывается, высказывая эту идею такъ твердо и положительно? Гдѣ внутреннія, разумныя основанія его вѣры въ безсмертіе? Кебесъ дѣйствительно задаетъ ему этотъ вопросъ, и проситъ разъяснить его путемъ обыкновеннаго философскаго изслѣдованія. Сократъ изъявляетъ готовность приступить къ разсмотрѣнію доказательствъ. Изложеніе приведенныхъ имъ доказательствъ составляетъ предметъ слѣдующихъ главъ.

---

[3]) Odys. IX, v. 489 sqq.

[4]) Персы Эсхила, v. 840, sqq.

ГЛАВА IV.

Первое доказательство безсмертія души, основанное на древнемъ преданіи, подтверждаемомъ всеобщностью закона «крайнихъ противуположностей» въ бытіи. Анализъ доказательства.

Первое доказательство, на которомъ Сократъ утверждаетъ идею безсмертія души, обыкновенно называютъ физическимъ, или естественно-философскимъ.[1]) Опираясь на положительный, очевидный фактъ, — существованіе крайнихъ противуположностей въ бытіи, въ которомъ каждое явленіе имѣетъ себѣ противуположное, свою, такъ сказать, обратную сторону, доказательство это утверждаетъ безсмертіе души, какъ логически необходимое явленіе, обратно противуположное явленію смерти тѣла. На основаніи его внутренняго характера ему также усвояютъ названіе доказательства «крайнихъ противуположностей.» Состоя въ тѣсной связи съ древнимъ сказаніемъ о посмертномъ состояніи душъ, оно дѣлится на двѣ части: первая содержитъ въ себѣ изложеніе миѳа; вторая представляетъ рядъ чисто философскихъ разсужденій, направленныхъ къ защитѣ преданія, лежащаго въ его основѣ. «Есть древнее сказаніе,» говоритъ Сократъ, «что души, по разлученіи съ тѣлами, сходятъ въ аидъ, и оттуда опять возвращаются въ міръ.» Если бы мы могли это чѣмъ нибудь подтвердить, то безсмертіе души составляло бы несомнѣнный фактъ, потому что для того, чтобы она могла возвратиться, необходимо, чтобы она продолжала гдѣ

---

[1]) Der physische, oder naturphilosophische Beweis. Такое названіе даютъ ему Штейнгартъ (Plat. Werke, viert. B. p. 415.) и Циммерманъ (Die Unsterbl. der Seele in Plato's Phaedo, p. 23.) Съ моей точки зрѣнія оно должно быть названо миѳико-философскимъ.

нибудь существовать по разлученіи съ тѣломъ. Но такъ какъ, посмертное пребываніе душъ въ аидѣ, представляетъ не научно-философскій выводъ, опирающійся на тѣ или другія данныя, а преданіе, то очевидно, что миѳъ этотъ можетъ получить значеніе и силу доказательства только тогда, если мы подтвердимъ истинность его разумными основаніями. Сократъ обращается къ разсмотрѣнію законовъ бытія и говоритъ, что въ природѣ всюду господствуетъ законъ крайнихъ противуположностей, такъ что каждое явленіе представляетъ два обратно-противуположныхъ видоизмѣнія, каждое отдѣльное единичное бытіе возникаетъ и образуется не иначе, какъ изъ своего противуположнаго. Прекрасное составляетъ контрастъ безобразнаго, также какъ справедливое обратную сторону несправедливаго; большее противуположно меньшему, лучшее — худшему. Между двумя крайними гранями противуположныхъ явленій находится двойственный процессъ обратно-противуположныхъ дѣйствій, составляющихъ переходъ отъ одного явленія къ другому, и условіе превращенія одного въ другое. Большее образуется очевидно изъ меньшаго, точно также какъ меньшее потому только могло сдѣлаться меньшимъ, что оно сначала было бо̀льшимъ. Слабѣйшее является слабѣйшимъ вслѣдствіе того, что оно было сначала болѣе сильнымъ, точно такъ какъ болѣе быстрое образовалось изъ болѣе медленнаго. Если что нибудь дѣлается хуже, то очевидно только потому, что оно было сначала лучше, и то, что мы называемъ болѣе справедливымъ, сдѣлалось болѣе справедливымъ потому, что оно сначала было менѣе справедливымъ. Что же составляетъ въ этомъ случаѣ процессъ превращенія одного явленія въ другое? — Послѣдовательность моментовъ перехода. Постепенное обезображеніе составляетъ переходъ отъ прекраснаго къ безобразному, уменьшеніе — отъ большаго къ меньшему, ухудшеніе — отъ лучшаго къ худшему. И такъ бытіе вообще представляетъ въ явленіяхъ своихъ крайнія противуположности, при чемъ переходъ одного въ другое совершается правильно повторяющимся процессомъ круговратнаго движенія. Утвердивши это, какъ общій законъ, выведенный изъ наблюденія частныхъ явленій, Сократъ замѣчаетъ, что такъ необходимо должно быть. Если бы это,

говоритъ онъ, было иначе, — если бы существовало только движеніе впередъ, безъ движенія обратнаго и посредствующаго процесса обратнаго движенія, то очевидно, что все пришло бы наконецъ къ одному и тому же состоянію, и развитіе жизни остановилось бы совершенно. Если бы существовало напр. одно только явленіе засыпанія, и не существовало противуположнаго — пробужденія отъ сна, то что другое могло бы наконецъ произойти, какъ не погруженіе всей природы въ глубокій сонъ? Но бытіе и жизнь тѣмъ именно и охраняются, что каждое явленіе, переходя посредствующимъ процессомъ въ другое, себѣ противуположное, возвращается снова обратнымъ процессомъ къ тому, чѣмъ было прежде. Указавъ на множество частныхъ примѣровъ крайнихъ противуположностей въ бытіи, равно какъ и посредствующихъ процессовъ перехода однихъ явленій въ другія, — одного противуположнаго въ другое соотвѣтствующее противуположное, и заключивъ анализомъ явленій бодрствованія и сна, гдѣ возникновеніе одного изъ другого осязательно очевидно Сократъ останавливается на взаимномъ отношеніи жизни и смерти. Что составляетъ крайнюю противуположность жизни? спрашиваетъ онъ. — Очевидно, смерть. — Откуда возникаетъ эта послѣдняя? — На основаніи всеобщности закона крайнихъ противуположностей очевидно—изъ жизни. — Но если существованіе крайнихъ противуположностей въ явленіяхъ составляетъ всеобщій законъ бытія, то не естественно ли, чтобы видимому, осязательному для глазъ явленію — смерти тѣла, соотвѣтствовало невидимое, неподлежащее чувствамъ противуположное явленіе — безсмертіе чего-то, чтò мы называемъ душою? А если она продолжаетъ существовать, какъ жизненное начало, противуположное началу смерти, то чтò съ нею дѣлается по смерти тѣла? — Явленія переходятъ одно въ другое посредствующими процессами, совершая движеніе впередъ и обратно: и такъ надобно предположить, что и души умершихъ куда-то идутъ, — преданіе говоритъ, — въ аидъ. А такъ какъ ничто не остается въ одномъ и томъ же положеніи, но всѣ явленія подчинены закону движенія круговратнаго, то и души умершихъ, сошедши въ аидъ, не остаются тамъ навсегда, но, по истеченіи извѣстнаго періода времени, возвращаются въ

міръ опять, воплощаясь въ новыя тѣла. И такъ, души живущихъ людей суть не что иное, какъ возвратившіяся въ міръ души умершихъ, также какъ души умершихъ суть сошедшія въ аидъ души живыхъ. Надобно принять одно изъ двухъ, говоритъ въ заключеніе Сократъ: или одно только явленіе смерти, при всеобщности закона крайнихъ противуположностей, не имѣетъ соотвѣтствующаго себѣ крайне-противуположнаго явленія въ безсмертіи, и слѣдовательно природа оказывается въ этомъ случаѣ, какъ онъ выражается, хромою, или же — началу смерти, видимо проявляющемуся въ разрушеніи тѣла, непремѣнно должно соотвѣтствовать безсмертіе чего-то невидимаго, что̀ мы называемъ душою.

Таковъ ходъ перваго, изложеннаго въ Федонѣ доказательства безсмертія души. Души, по этой теоріи, всегда однѣ и тѣже; онѣ ни прибавляются, ни убавляются въ числѣ. Одна и та же душа попеременно то уходитъ изъ міра по смерти тѣла, въ которомъ жила, то возвращается опять, воплощаясь въ новое. Шекспиръ, слѣдовательно, или другой великій поэтъ новаго времени, ничуть не представляетъ особой, самостоятельной духовной единицы. Личность, извѣстная въ исторіи подъ именемъ Шекспира, есть не что иное какъ духъ Эврипида, который, возвратившись черезъ нѣсколько столѣтій на землю и перевоплотившись, въ новомъ тѣлѣ носилъ уже имя Шекспира. Точно также авторомъ «исторіи государства россійскаго,» былъ не Карамзинъ, а Геродотъ, называвшійся въ одномъ изъ своихъ перевоплощеній Карамзинымъ. Каждая душа, слѣдовательно, по этой теоріи, существуетъ попеременно въ двухъ различныхъ формахъ: какъ чистый духъ, и въ соединеніи съ тѣломъ. Первая форма принадлежитъ пребыванію ея въ аидѣ, вторая — періодамъ земной ея жизни. Одна и та же душа воплощается въ мірѣ множество разъ, правильнѣе сказать, періодически возвращается на землю, мѣняя постоянно тѣла, точно такъ какъ тѣло перемѣняетъ платье. Когда мы говоримъ, что такой-то человѣкъ родился, это значитъ, что въ міръ возвратился жившій уже въ немъ прежде извѣстный духъ, начинающій теперь опять свою земную жизнь. И такъ, каждое новое рожденіе есть, собственно

говоря, не что иное, какъ образованіе новаго тѣла. Откуда явилась у Платона теорія перевоплощенія? Мы видѣли, что она основана на древнемъ преданіи. «Извѣстное намъ объ этомъ преданіе», говоритъ онъ, «принадлежитъ древнимъ временамъ»: παλαιὸς μὲν οὖν ἔστι τις λόγος, οὗ μεμνήμεθα. Эта связь теоріи перевоплощенія съ преданіемъ составляетъ первую существенную и характеристическую ея черту. Платонъ начинаетъ не съ философскаго принципа, не съ выводовъ и положеній чистаго разсудка, а съ религіознаго догмата. Зерно доказательства составляетъ миѳъ; философскія разсужденія играютъ въ немъ второстепенную роль, представляя рядъ умозаключеній, которыми, какъ мы замѣтили выше, онъ старается подтвердить истину древняго преданія. Характеръ доказательства ясно указываетъ на тѣсную, непосредственную связь его съ первымъ періодомъ греческой философіи, начавшейся изученіемъ природы, и стремившейся объяснять происхожденіе всякаго отдѣльнаго, единичнаго бытія изъ первоначальной недѣлимой матеріи, которой позднѣйшіе мыслители (Гераклитъ) усвоили внутреннюю, самобытную силу движенія, выражающуюся въ двухъ противуположныхъ процессахъ, сжатія и расширенія, притяженія и отталкиванія. Въ бытіи, такимъ образомъ, является двѣ стороны: самое бытіе, какъ основа измѣненія, и процессъ измѣненія, какъ условіе образованія явленій и перехода одного въ другое. Совершенно подобное мы видимъ и въ изложенной нами психологической теоріи Платона. Съ одной стороны, у него является душа, какъ самостоятельное, неизмѣнное, всегда самому себѣ равное начало, а съ другой — процессъ ея вѣчнаго движенія, совершаемаго ея собственною, внутреннею силою. Еще яснѣе открывается вліяніе первоначальнаго направленія греческой философіи на разсматриваемое нами доказательство въ томъ, что оно въ основѣ своей опирается на миѳъ, на преданіе. Извѣстно, что философія природы, становясь въ ученіи іонійцевъ на почву научнаго изслѣдованія, не вдругъ отрѣшилась отъ космологическихъ и миѳическихъ преданій древнѣйшихъ поэтовъ: символы и миѳы состоятъ въ тѣсной съ нею связи. И такъ, родственность теоріи движенія душъ съ философскими представленіями первыхъ по вре-

мени греческихъ мыслителей очевидна. Платонъ, который еще прежде познакомился черезъ Кратила съ ученіемъ іонійцевъ, и который вообще любилъ держаться преданія, приводитъ первымъ въ числѣ доказательствъ безсмертія такое, которое очевидно допускаетъ нѣкоторую аналогію между чисто психическимъ началомъ и законами и явленіями видимаго міра. Представивши сущность доказательства крайнихъ противуположностей и его историческое значеніе, я перейду къ возраженіямъ, приводимымъ противъ него критикой. Первый недостатокъ, который въ немъ обыкновенно находятъ, это — такъ называемое въ логикѣ petitio principii. Безсмертіе души составляетъ пока еще только вопросъ, предметъ изслѣдованія; а между тѣмъ въ самомъ доказательствѣ, съ первыхъ, такъ сказать, шаговъ его, душа прямо уже принимается за вѣчно движущуюся и, слѣдовательно, безсмертную сущность; такъ что, собственно говоря, всѣ аналогическія данныя доказательства о переходѣ крайнихъ противуположностей изъ одной въ другую направлены единственно къ утвержденію посмертнаго схожденія душъ въ адъ и возврата ихъ въ міръ: самое же безсмертіе души принято уже въ немъ предварительно за фактъ. Недостатокъ этотъ въ первый разъ признанъ въ доказательствѣ Теннеманомъ [2]), и критика послѣдующаго времени повторила то же обвиненіе. Не соглашаясь въ этомъ случаѣ съ мнѣніемъ порицателей Платона, я изложу основанія, въ силу которыхъ я уклоняюсь отъ общаго на этотъ предметъ взгляда. По моему мнѣнію, разрѣшеніе вопроса: признать или не признать въ доказательствѣ указанный недостатокъ находится въ самой тѣсной и близкой связи съ предварительнымъ разрѣшеніемъ другого вопроса: считать или не считать миөъ существенной частью доказательства? Другими словами, — слѣдуетъ ли смотрѣть на это доказательство какъ на чисто-философское или же какъ на религіозно-философское, миөико-философское? Если мы примемъ первое, то petitio principii въ немъ ясно съ послѣднею очевидностью; противъ этого едва ли кто станетъ возражать. Но дѣло въ томъ, что миөъ или преданіе — παλαιὸς λόγος — далеко не

[2]) Виттенб., Plat. Phaedon, p. 313.

имѣетъ въ немъ значенія чего-то прибавочнаго и случайнаго, какъ обыкновенно думаютъ. Если ему не придавать въ настоящемъ случаѣ положительнаго, существеннаго значенія, и не признавать прямой, положительной связи съ нимъ философской части разсужденія, то я предложилъ бы прежде всего слѣдующій вопросъ: для чего Платонъ ввелъ въ доказательство миѳъ, и при томъ такъ, что поставилъ его на первомъ планѣ, упомянулъ объ немъ прежде, чѣмъ перешелъ собственно къ философскому изслѣдованію? Неужели онъ сдѣлалъ это потому, что хотѣлъ придать своимъ разсужденіямъ большій авторитетъ? Но ссылкою на авторитетъ естественно заканчивать, въ силу извѣстнаго положенія: «согласіе утверждаетъ истину», а не начинать. Для чего же онъ, повторяю, приводитъ миѳъ въ самомъ началѣ доказательства? Миѳъ говоритъ о посмертномъ схожденіи душъ въ адъ и періодическомъ возвратѣ ихъ въ міръ. Эта же мысль развивается путемъ аналогическаго умозаключенія въ философской части. Посмертное схожденіе душъ именно въ адъ взято изъ миѳа, какъ нѣчто готовое, что потѣмъ только разъясняется въ философской части разсужденія. Точно такъ Платонъ беретъ изъ того же миѳа, какъ нѣчто готовое, утверждаемое догматомъ положительной вѣры, идею души — мысль о ея безсмертіи. Доказательство въ такомъ случаѣ имѣетъ не чисто философскій, а миѳико-философскій, или, правильнѣе, религіозно-философскій характеръ. Основу его составляетъ миѳъ, а философская часть представляетъ развитіе и объясненіе миѳа. И такъ, если Платонъ беретъ свое понятіе безсмертія изъ области вѣры, гдѣ истина принимается за фактъ помимо предварительнаго изслѣдованія, — то его разсужденіе должно быть свободно отъ упрека въ petitio principii. Изъ этого слѣдуетъ только то, что прежде чѣмъ изслѣдовать безсмертіе, какъ истину философскую, онъ утверждаетъ ее какъ истину религіозную. Платонъ соединяетъ въ своемъ разсужденіи о безсмертіи рѣшительно все, что только можно сказать по этому вопросу: у него является и непосредственное убѣжденіе сердца (взглядъ философа на жизнь во вступительной части діалога, и въ другомъ мѣстѣ предчувствіе умирающей лебеди) и положительная вѣра (миѳъ

о посмертномъ схожденіи душъ въ адъ,) и философія (—изслѣдованіе вопроса: не есть ли душа наша гармонія и два послѣднія доказательства, основанныя на разсмотрѣніи природы души.) Но что онъ не останавливается въ первомъ своемъ доказательствѣ на непосредственномъ понятіи безсмертія, почерпнутомъ изъ религіознаго догмата, это мы видимъ въ концѣ разсужденія, гдѣ та же самая идея безсмертія изслѣдуется чисто философскимъ путемъ и утверждается какъ нѣчто вѣроятное, какъ предполагаемое, логически необходимое — при существованіи крайнихъ противуположностей въ бытіи — явленіе, противуположное явленію смерти. И такъ, въ одномъ и томъ же доказательствѣ идея безсмертія и положительно утверждается, какъ истина религіозная, и съ вѣроятностью предполагается на основаніи разсудочныхъ соображеній. Въ силу этого, я думаю, что доказательство крайнихъ противуположностей рѣшительно чуждо того недостатка, который ему обыкновенно приписываютъ — petitio principii. Думать иначе, значило бы навязывать Платону чисто дѣтскую, смѣшную ошибку. Онъ приступаетъ къ доказательствамъ безсмертія души, и прежде изслѣдованія принимаетъ уже за доказанное то, что хочетъ доказать? Это было бы не только недостойно такого глубокаго ума какъ Платонъ, а просто несообразно съ здравымъ смысломъ. Но дѣло является совершенно въ иномъ свѣтѣ, если мы примемъ миѳъ за существенную часть, за основу разсужденія, и будемъ смотрѣть на его цѣлое не какъ на чисто философское доказательство, а какъ на соединеніе элемента религіознаго съ философскимъ. Теперь я остановлюсь на другомъ возраженіи, которое дѣлаетъ критика противъ теоріи противуположностей. Вотъ что говоритъ противъ нее Циммерманнъ [3].) «Основаніе доказательства не выдерживаетъ критики. Основу его составляетъ круговоротъ жизни въ природѣ. Изъ смерти повсюду возникаетъ жизнь: — но развѣ нельзя перенести этого закона съ такимъ же правомъ на тѣла? Можно согласиться съ теоріей постояннаго чередованія и безпрерывнаго перехода предметовъ изъ одной противуполож-

[3]) Zimmermann, die Unsterblichkeit der Seele in Plato's Phaedo, Leipzig, 1859, p. 28.

ности въ другую, и все таки рѣшеніе нашего вопроса отъ этого не подвигается впередъ. Наше тѣло распадается въ смерти на свои составныя части, которыя потомъ, такъ или иначе, соединяются въ новой органической жизни, и, такимъ образомъ, путемъ разнообразныхъ превращеній, образуютъ новое человѣческое тѣло; это было бы, слѣдовательно, на основаніи закона противуположностей, странствованіе тѣлъ. И такъ, изъ тѣхъ же самыхъ посылокъ можно бы вывести точно также безсмертіе и неизмѣнно однажды навсегда установленное число отдѣльныхъ тѣлъ, какъ и душъ; а такъ какъ доказательство доказываетъ слишкомъ много, то поэтому самому доказываетъ мало.» Продолжая развитіе той же мысли, Циммерманнъ непосредственно вслѣдъ за тѣмъ говоритъ: «можно бы также и обратно, вмѣсто того чтобы дѣлать такого рода заключеніе, стать на почву дѣйствительности, и аргументировать такимъ образомъ: природа творитъ повсюду изъ истлѣвающихъ тѣлъ опять новыя, — но никогда тѣже самыя, какъ мы легко можемъ убѣдиться; все въ природѣ возвращается отъ смерти къ жизни, — но не въ томъ же видѣ! Перенесемъ путемъ аналогіи это наблюденіе изъ жизни природы на жизнь душъ, и мы получимъ слѣдующее положеніе: изъ разсѣевающихся душъ образуются точно также новыя души, какъ изъ истлѣвающихъ тѣлъ новыя тѣла, — но эти души не будутъ тѣже, точно такъ какъ и тѣла.» Приведенное мною мнѣніе о доказательствѣ крайнихъ противуположностей раздѣляетъ и Суземиль[1].) Основная мысль возраженія слѣдовательно та, что доказательство крайнихъ противуположностей слишкомъ обширно, что изъ него будто бы точно также можно выводить индивидуальное безсмертіе опредѣленнаго числа тѣлъ, какъ и опредѣленнаго числа душъ, а беря вопросъ съ другой стороны, — тѣ и другія — и души и тѣла — наслѣдуютъ только безсмертіе космическое — стихійное существованіе въ лонѣ природы, но не личное, индивидуальное безсмертіе. Это новое возраженіе, также какъ и предыдущее, состоитъ въ тѣсной связи съ вопросомъ о значеніи въ доказательствѣ

---

[1]) Die genetische Entwickelung der Platonischen Philosophie, erster Theil, p. 429. Ср. Германна, Geschichte und System der platonischen Philosophie p. 153, 282.

миөа. Изъ теоріи «крайнихъ противуположностей» можно выводить какую угодно нелѣпость, если не принимать его за существенную часть доказательства; но всѣ возраженія и затрудненія исчезаютъ сами собою, если мы посмотримъ на дѣло съ другой стороны, и придадимъ сказанію о посмертномъ схожденіи душъ въ адъ значеніе чего-то такого, что Платонъ только разъясняетъ рядомъ аналогическихъ примѣровъ въ философской части разсужденія. Суземиль, защищая вышеприведенное возраженіе (подробно изложенное у Циммерманна) говоритъ, что изъ доказательства дѣйствительно одинаково слѣдуетъ какъ безсмертіе тѣлъ, такъ и душъ, въ силу того, что Платонъ не опредѣляетъ предварительно различія между духовной и тѣлесной природой [5]) (Substantialität). Предоставляю судить читателю — не становлюсь ли я въ противорѣчіе съ правиломъ извѣстной пословицы: amicus Plato, amicus Socrates, sed magis amica veritas (—пословицы, которая здѣсь приходится буквально), но скажу прямо, что и въ настоящемъ случаѣ я рѣшительно на сторонѣ Платона, противъ его порицателей. Что онъ принимаетъ съ самаго начала доказательства идею личнаго безсмертія души за нѣчто уже готовое, (заимствовавъ эту идею изъ миөа) объ этомъ сказано выше. Точно такъ, какъ основу ея онъ принимаетъ и простоту души, понимая ее какъ единичную, противуположную сложной природѣ тѣла сущность. Правда, онъ не высказываетъ этого въ доказательствѣ прямо, не опредѣляетъ предварительно различія между природой души и тѣла, какъ дѣлаетъ это въ третьемъ доказательствѣ (которое все направлено къ утвержденію этого различія,) но что онъ, принимаетъ душу и тѣло за двѣ противуположныя природы, и косвенно указываетъ на ихъ различіе — это ясно видно изъ хода доказательства. Утверждая фактъ круговратнаго движенія душъ, Платонъ приводитъ какъ аналогическіе примѣры только логически-простыя понятія: большее и меньшее, лучшее и худшее, прекрасное и безобразное, сонъ и бодрствованіе и т. д., слѣдовательно, понятія такого рода, которыя дѣйстви-

---

[5]) Die Gen. Entw. der plat. Philos. p. 429.

тельно имѣютъ соотвѣтствующія себѣ противуположныя, и могутъ переходить одно въ другое. Не ясно ли отсюда, что онъ принимаетъ душу также за простую сущность, какъ просты (въ логическомъ смыслѣ) тѣ понятія, на анализѣ которыхъ онъ утверждаетъ защиту древняго преданія. Мало этого. Платонъ говоритъ, что все подчинено закону возникновенія противуположностей одной изъ другой, — но тутъ же дѣлаетъ ограниченіе, прибавляя: «то, что имѣетъ нѣчто подобное,» то есть — себѣ противуположное (ὅσοις τύγχάνει ὂν τοιοῖτόν τι;) и въ другомъ мѣстѣ: явленія, которыя имѣютъ нѣчто себѣ противуположное (ὅσοις ἔστι τι ἐναντίον.) А такими явленіями, какъ мы видѣли выше, онъ признаетъ только логически-простыя сущности, потому что на самомъ дѣлѣ только онѣ одни могутъ имѣть крайне себѣ противуположныя. Надобно при этомъ обратить вниманіе и на то, что Платонъ, при изложеніи теоріи движенія душъ, не беретъ рѣшительно ни одного примѣра изъ круга явленій міра видимаго, которому принадлежитъ наше тѣло, напр. воды, дерева, камня, а этимъ самымъ, очевидно, признаетъ эти предметы не принадлежащими къ категоріи тѣхъ простыхъ сущностей, которыя допускаютъ нѣчто себѣ противуположное, и слѣдовательно возможность перехода въ это противуположное.

Изъ этого ясно, что душа, въ первомъ доказательствѣ Платона аналогическимъ сближеніемъ ея съ простыми сущностями, признается и сама за простую сущность (— понятіе, составляющее основу безсмертія, утверждаемаго въ самомъ началѣ доказательства на основаніи миѳа;) съ другой стороны, ограниченіе закона крайнихъ противуположностей, замѣчаніе, что не каждое явленіе имѣетъ соотвѣтствующее себѣ противуположное, и рѣшительное исключеніе изъ числа приводимыхъ имъ примѣровъ предметовъ видимыхъ — все это показываетъ, что онъ относитъ эти послѣдніе къ какой-то другой категоріи. И такъ, по моему мнѣнію, если изъ доказательства крайнихъ противуположностей можно выводить путемъ аналогіи вѣчное движеніе душъ, какъ доказательство ихъ безсмертія, то заключенія въ пользу подобнаго, или, точнѣе сказать, точно такого же безсмертія тѣлъ изъ него рѣшительно не выходитъ. Два указанныхъ критикой недостатка въ доказательствѣ — petitio principii и отсутствіе предваритель-

наго опредѣленія въ немъ различія между духовной и тѣлесной природой, вслѣдствіе чего изъ доказательства, по мнѣнію критики, можно точно также выводить безсмертіе тѣлъ, какъ и душъ, касаются его общаго характера, его сущности. Насколько я успѣлъ защитить въ этомъ случаѣ теорію Платона со стороны ея логическихъ основаній, — не знаю; я изложилъ мой личный взглядъ; о вѣрности его предоставляю судить другимъ. Продолжая обзоръ мнѣній ученыхъ о первомъ доказательствѣ, считаю необходимымъ указать также на существенный частный недостатокъ, находимый въ немъ критикой, а именно на то, какъ въ немъ опредѣляется взаимное отношеніе понятій справедливаго и несправедливаго. Вотъ что говоритъ по этому поводу Циммерманнъ. «Мы должны сказать еще слово объ одномъ моментѣ въ развитіи этого доказательства, такъ какъ оно въ этомъ пунктѣ, съ точки зрѣнія философіи нашего времени, можетъ показаться весьма поверхностнымъ, потому что подводитъ подъ одну категорію два совершенно различные предмета. Когда Платонъ, представляя законъ рожденія противуположнаго изъ противуположнаго, выводитъ точно также справедливое изъ несправедливаго, какъ большое изъ малаго, то противъ этого можно возразить, что онъ смѣшиваетъ въ этомъ случаѣ противуположности бытія и небытія, и такого или другого бытія; потому что между справедливымъ и несправедливымъ совершенно иное отношеніе, нежели между большимъ и малымъ. Въ противуположностяхъ такого рода, какъ справедливое и несправедливое, доброе и злое, нѣтъ перехода съ помощію посредствующаго члена, какъ этого требуетъ круговратное движеніе. Иное дѣло, когда вопросъ касается большаго и малаго; тамъ отношеніе образуется помощію бытія съ извѣстнымъ свойствомъ, или безъ него, и слѣдовательно переходъ черезъ прибавку или убавку положительно возможенъ. Аристотель такимъ образомъ оказывается правъ, упрекая Платона въ смѣшеніи количественнаго съ качественнымъ, субстанціальнаго съ акцидентальнымъ. [6]) Другія воз-

---

[6]) Die Unsterblichkeit der Seele in Pl. Phaedo, p. 29 sq. Arist. Metaph. XIV, 1.

раженія, приводимыя критикой противъ доказательства крайнихъ противуположностей, касаются возрастанія народонаселенія и перехода инстинктовъ и душевныхъ склонностей отъ родителей къ дѣтямъ — вопросы, на которые теорія Платона не даетъ отвѣта.

Первое доказательство безсмертія начинается миѳомъ, который, по нашему мнѣнію, состоитъ съ нимъ въ тѣсной связи. Откуда Платонъ его заимствовалъ? Изслѣдователи не рѣшаютъ положительно вопроса, — принадлежитъ ли онъ ученію пиѳагорейцевъ, или кругу орфическихъ сказаній. Впрочемъ, припишемъ ли мы ему то или другое происхожденіе, — это не представляетъ существенной важности. Гораздо важнѣе для насъ въ настоящемъ случаѣ то, что движеніе души, какъ основа ея безсмертія, не составляетъ исключительной доктрины Федона, а играетъ вообще весьма важную роль въ психологической теоріи Платона. Такъ напр. въ Федрѣ мы читаемъ слѣдующее: «каждая душа безсмертна, потому что все вѣчно движущееся безсмертно» (τὸ ἀεικίνητον ἀθάνατον. [7]) Тоже самое онъ говоритъ и въ «законахъ,» называя душу движеніемъ, которое совершается само черезъ себя — κίνησις ἑαυτὴν κινοῦσα. [8]) Но если въ другихъ діалогахъ мысль эта не представляетъ полнаго, законченнаго развитія, то въ Федонѣ она возводится на степень теоріи, состоящей въ связи съ религіознымъ догматомъ. Душа, по ученію Платона, есть самодвижущаяся, и притомъ вѣчно движущаяся сущность. Какое же понятіе даетъ намъ эта теорія о душѣ? Нельзя не признать, что при всемъ остроуміи и утонченности, которыя выказываетъ Платонъ въ ея развитіи, понятіе о психическомъ началѣ является въ ней чѣмъ-то весьма неопредѣленнымъ, и это составляетъ главный, существенный недостатокъ доказательства. Вопросъ: что̀ же движетъ этою вѣчно движущеюся душою въ ея безпрерывныхъ переселеніяхъ изъ ада въ міръ и обратно? Если та сила, которая составляетъ общее начало мірового движенія, то Платонъ впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собою, отождествляя психическую и космическую сущность. Защищая

---

[7]) Paedr. 245 C.
[8]) Leges, X. 894 C.

самостоятельность духовнаго начала, онъ въ тоже время уничтожаетъ ее, потому что поставляетъ душу въ зависимость отъ законовъ матеріальнаго міра, и слѣдовательно признаетъ ее чѣмъ-то аналогическимъ съ его явленіями. Несовершенство этого доказательства въ философскомъ смыслѣ очевидно. Платонъ, кажется, самъ чувствовалъ его недостатки, и оттого оно является у него въ самомъ началѣ, составляя переходъ къ послѣдующимъ, болѣе зрѣлымъ и глубокимъ доводамъ безсмертія, основаннымъ на разсмотрѣніи природы души.

Тѣмъ не менѣе, однакожъ, при всѣхъ относительныхъ несовершенствахъ его, въ немъ есть нѣчто такое, что̀, если и не составляетъ прямого, категорическаго разрѣшенія съ извѣстной стороны вопроса, то во всякомъ случаѣ даетъ предчувствовать, предугадывать истину. Душа, подчиняясь, по теоріи противуположностей, всеобщему закону мірового движенія не переходитъ и не разрѣшается ни во что другое, какъ бываетъ не только съ предметами и явленіями, но и съ тѣми логически-отвлеченными сущностями большаго и меньшаго, лучшаго и худшаго, которыя Платонъ приводилъ въ примѣръ, объясняя аналогически ея движеніе. Даже послѣднія, переходя посредствующими процессами въ соотвѣтствующія имъ противуположности, перестаютъ быть тѣмъ, чѣмъ были прежде; тогда какъ душа, мѣняя въ смерти тѣла условія своего существованія, не измѣняетъ своей сущности, и слѣдовательно оказывается не явленіемъ или моментомъ бытія, а субстанціею, духомъ, носительницею и хранительницею жизни въ самой себѣ, въ лонѣ своей собственной природы. Она испытываетъ попремѣнно два противуположныхъ состоянія: или она существуетъ въ соединеніи съ тѣломъ, или въ обособленномъ видѣ, какъ чистый духъ. Какова же ея внутренняя жизнь и дѣятельность ея силъ въ эти два, противуположные по своему характеру, періода ея существованія? Остаются ли онѣ однѣ и тѣже, или онѣ различны, какъ различны самыя условія ея бытія? Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы находимъ во второмъ доказательствѣ, гдѣ Платонъ излагаетъ теорію идей.

ГЛАВА V.

Второе — психологическое — доказательство безсмертія, основанное на существованіи въ душѣ довременныхъ идей. Анализъ доказательства.

Если душа существовала прежде, чѣмъ воплотилась, то очевидно, что въ ней должно сохраниться нѣкотораго рода воспоминаніе объ этомъ предшествовавшемъ періодѣ ея жизни; внутри ея, — въ ней самой должны сохраниться слѣды прошедшаго ея бытія. Платонъ обращается къ разсмотрѣнію природы души, и находитъ въ ней нѣчто такое, что, по его мнѣнію, несомнѣнно доказываетъ ея прошлое существованіе, а слѣдовательно, на основаніи круговратнаго закона жизни, ея безсмертіе. Такъ какъ это новое доказательство основано на анализѣ самой сущности души, то оно, по характеру своему — психологическое. Доказательство состоитъ въ слѣдующемъ. Сократъ предлагаетъ вопросъ: что есть ученіе? и отвѣчаетъ: «ученіе есть припоминаніе» (μάθησις = ἀνάμνησις.) Если это дѣйствительно такъ, то, очевидно, необходимо, чтобы душа узнала когда-нибудь прежде припоминаемое ею потомъ; а что она дѣйствительно есть существо знающее, видно ясно изъ того, что люди, когда ихъ о чемъ нибудь спрашиваютъ, если только вопросъ сдѣланъ хорошо, находятъ отвѣты сами собою, что, очевидно, было бы невозможно, если бы они не обладали врожденнымъ знаніемъ и здравымъ умомъ. Еще яснѣе это открывается въ томъ случаѣ, когда кто нибудь укажетъ имъ на геометрическія фигуры, или на что нибудь подобное. Далѣе; возьмемъ понятія сходства и несходства, равенства и неравенства и т. д. Мы разсматриваемъ извѣстные предметы и говоримъ, что такой-то предметъ похожъ

на извѣстный другой, а такой-то не похожъ; для того, чтобы мы могли это сказать, надобно, чтобы самыя идеи сходства или несходства предварительно существовали уже въ нашей мысли, были уже готовымъ, напередъ сложившимся въ ней представленіемъ. То же самое относится и къ понятію равенства. Мы смотримъ на извѣстные равные предметы и говоримъ, что они равны между собою, сознавая при этомъ, что имъ недостаетъ многаго для самаго равенства, — для того, чтобы стать или сдѣлаться самимъ равенствомъ, и что равенство, во всякомъ случаѣ, есть нѣчто отличное отъ равныхъ предметовъ. Но чтобы мы могли приложить къ извѣстнымъ предметамъ идею равенства, нужно, чтобы самая идея его предварительно уже существовала въ нашей душѣ. Далѣе. Мы получаемъ впечатлѣнія предметовъ посредствомъ чувствъ — зрѣнія, слуха и т. п. Дѣйствіе этихъ чувствъ началось въ насъ немедленно по рожденіи; тотчасъ по рожденіи, мы стали различать равные или неравные предметы; и такъ, необходимо, чтобы самая идея равенства, прилагаемая нами къ предметамъ, получена была нами предварительно, т. е. прежде рожденія. Само собою разумѣется, что сказанное объ идеяхъ сходства и равенства относится и ко всѣмъ другимъ подобнаго рода представленіямъ: большаго и меньшаго, прекраснаго въ самомъ себѣ, справедливаго, добраго, святого и т. д. Всѣ эти идеи душа приноситъ готовыми въ земной міръ, какъ знаніе, пріобрѣтенное ею въ предыдущемъ періодѣ ея жизни. Обратимъ также вниманіе на слѣдующее. Мы признаемъ бытіе разнообразныхъ сущностей внѣ насъ — прекраснаго, добраго, и т. д., находя въ то же время эти сущности въ самихъ себѣ, въ нашей душѣ. Мы относимъ къ этой, внѣ насъ находящейся, сущности всѣ впечатлѣнія, получаемыя нами посредствомъ внѣшнихъ чувствъ, не воспринимая однакожъ прекраснаго или добраго извнѣ, а постоянно сближая и сравнивая сущность находящуюся внѣ насъ съ тою, которая находится въ насъ самихъ. Не ясный ли отсюда выводъ, что, какъ существуютъ всѣ эти сущности, такъ точно существуетъ наша душа, а такъ какъ всѣ эти сущности существовали прежде насъ, то и душа, носящая въ себѣ ихъ типъ, существовала прежде, чѣмъ мы родились?

Но не получаетъ ли душа идей при рожденіи? — Если это допустить, въ такомъ случаѣ нельзя указать момента, когда бы она ихъ теряла. А что идеи ея помощію ученія и опыта только припоминаются, но не создаются и не творятся въ ней, это ясно показываетъ характеръ ученія. Развѣ принять, что мы теряемъ ихъ въ то же время, какъ и получаемъ, и что здѣсь не бываетъ послѣдовательности двухъ моментовъ? Но это невозможно. И такъ, остается принять, что душа получаетъ извѣстныя понятія, прежде чѣмъ мы родимся въ міръ. Эти неизмѣнныя идеи ея суть не что иное, какъ знаніе, предшествующее въ насъ тому, которое пріобрѣтается опытомъ: онѣ-то и составляютъ нѣкотораго рода воспоминаніе, приносимое душою изъ другого міра. Какая же связь изложенной нами теоріи идей съ разрѣшеніемъ вопроса, о которомъ идетъ рѣчь — съ безсмертіемъ души, съ продолженіемъ ея существованія по смерти тѣла? Новое доказательство, какъ мы видѣли, утверждаетъ только прошедшее, предшествовавшее воплощенію ея бытіе. Но рѣчь идетъ не объ этомъ, а о томъ, — будетъ ли она существовать по окончаніи земной жизни человѣка, слѣдовательно — о ея будущемъ, а не прошедшемъ существованіи. Вопросъ этотъ разрѣшается ссылкой на первое доказательство. Если противуположное раждается только изъ противуположнаго, то очевидно, что живое можетъ родиться только изъ мертваго. И такъ душа, представляющая собою начало жизни, крайне-противуположное началу смерти, проявляющемуся въ разрушеніи тѣла, будетъ существовать и послѣ его смерти.

Вотъ сущность знаменитой теоріи врожденныхъ идей, такъ какъ она изложена у Платона. Душа, по этому ученію, попеременно, то теряетъ первоначальную ясность идей, которыми она обладала въ періодъ, предшествовавшій ея воплощенію, то снова становится причастницею ихъ во всей ихъ полнотѣ: она теряетъ и забываетъ ихъ каждый разъ, какъ скоро приходитъ въ міръ и соединяется съ тѣломъ; возвращается къ первоначальному, полному обладанію ими въ то время, когда, освобождаясь черезъ смерть отъ вліянія тѣла, становится существомъ чисто духовнымъ. Приступая къ анализу изложеннаго доказа-

тельства, я прежде всего остановлюсь на вопросѣ: что̀ навело Платона на мысль о предсуществованіи, и въ какомъ отношеніи находится эта теорія къ его системѣ вообще? Штейнгартъ объясняетъ ее простымъ, аналогическимъ перенесеніемъ понятія о будущей на прошлую жизнь души. Вотъ, что онъ по этому поводу говоритъ: «второе доказательство, которое можно назвать «психологическимъ, — такъ какъ оно основано на фактахъ ду«шевной жизни, — вытекаетъ изъ того широко распространеннаго «представленія пиѳагорейцевъ и Эмпедокла, по которому ученіе «о блужданіи душъ, можетъ быть уже на основаніи древнихъ «мистерій, было объясняемо примѣнительно къ нравственнымъ «цѣлямъ. Оно признавало за истину въ народныхъ вѣрованіяхъ «сознательное продолженіе жизни души и достойное воздаяніе «по смерти, а послѣ видоизмѣнило это вѣрованіе въ томъ, что «какъ за настоящею жизнью слѣдуетъ будущая, такъ точно на«стоящей предшествовала прошедшая, о которой и теперь иногда «являются въ душѣ, въ минуты наибольшаго ея просвѣтленія, «раздробленныя воспоминанія.»[1] Гораздо съ большею подробностію останавливается на этомъ вопросѣ Циммерманнъ, и такъ какъ его взглядъ касается теоріи предсуществованія и со стороны ея частныхъ вопросовъ, — то я приведу его мнѣніе вполнѣ. «Глубокій взглядъ на жизнь», говоритъ Циммерманнъ, «привелъ Платона къ тому убѣжденію, что дѣйствія и силы души не могутъ быть производимы изъ матеріи; и такъ онъ долженъ былъ расширить свой взглядъ. Для двухъ фактовъ онъ не нашелъ объясненія въ настоящемъ бытіи: для ученія и знанія въ формѣ понятій. Когда софисты возражали противъ возможности ученія, говоря, что извѣстное не можетъ быть изучаемо, а неизвѣстнаго нельзя искать, то Платонъ находилъ отвѣтъ на это въ томъ, что неизвѣстное должно быть въ нѣкоторомъ отношеніи также извѣстнымъ, — извѣстнымъ потому, что оно было знаемо прежде, а неизвѣстнымъ потому, что теперь забыто, — и, вслѣдствіе этого, теперь оно есть вновь находимое, т. е. изучаемое. Такимъ образомъ, ученіе становится возможнымъ только при допущеніи пред-

[1] Plat. sämmtliche Werke, übers. von Müller, viert. B. 4, p. 416.

остановлюсь на возраженіяхъ, которыя приводятъ противъ нея изслѣдователи новаго времени.

Тидеманнъ, отвергая начало врожденныхъ идей, говоритъ, что все происходитъ и образуется въ душѣ изъ чувствъ (universalia oriri e sensibus.) Теннеманнъ считаетъ второе доказательство гипотетической приставкой къ первому, и упрекаетъ Платона въ томъ, что онъ не отличаетъ эмпирическихъ понятій отъ чистыхъ идей. Виггеръ говоритъ, что идеи, которыхъ мы не почерпаемъ изъ опыта, заключаются въ возможности представленія (im Vorstellungsvermögen liegen;) при этомъ онъ ссылается на Лейбница и критическую философію. Точно такимъ же образомъ, Петтавель объясняетъ идеи изъ врожденныхъ представленій, при чемъ, разумѣется, допущеніе предыдущаго періода жизни души дѣлается излишнимъ. Кунардъ принимаетъ, что идеи образуются въ насъ изъ взаимодѣйствія опыта и рефлексіи, замѣчая при этомъ, что ученіе Платона несогласно съ цѣлесообразностью и постепенностью развитія природы. Бухеръ говоритъ, что, на основаніи теоріи Платона, идеи, въ періодъ дѣтства человѣка, должны сохраняться наиболѣе чистыми въ душѣ, такъ какъ тогда онѣ бываютъ ближе къ тому времени, когда душа обладала ими вполнѣ, что̀ однакожъ онъ опровергаетъ собственными мыслями Платона.

Первое, что останавливаетъ наше вниманіе при разсмотрѣніи второго доказательства, — это связь существованія въ душѣ идей съ предшествовавшимъ, довременнымъ ея бытіемъ. Вопросъ о происхожденіи идей, какъ извѣстно, былъ предметомъ многочисленныхъ споровъ въ новыя времена. Теорія Локка, принимающая за основной принципъ и источникъ идей внѣшній опытъ, (nihil est in intellectu, quod non prius fuerit in sensu) и теорія Лейбница, поставившая началомъ познанія разумъ съ его идеями, составляютъ крайніе пункты двухъ противуположныхъ воззрѣній — эмпирическаго и идеальнаго. Платонъ принимаетъ идеи, какъ слѣды прошедшаго въ нашей душѣ, какъ признакъ довременнаго періода ея жизни. Ученіе его, такимъ образомъ, объ идеяхъ, въ смыслѣ доказательства безсмертія души, подлежитъ разсмотрѣнію съ двухъ сторонъ: со стороны бытія въ душѣ идей

и со стороны того способа, какъ онъ объясняетъ ихъ происхожденіе, — предсуществованія душъ. И такъ, — первый вопросъ: можно ли допустить въ насъ бытіе тѣхъ идей, которыя называютъ обыкновенно врожденными, и какія явленія психической жизни подтверждаютъ этотъ фактъ? Вопросъ о врожденныхъ идеяхъ составляетъ, какъ извѣстно, одну изъ труднѣйшихъ психологическихъ задачъ, и мы видѣли выше, что теоріи двухъ мыслителей новаго времени, Локка и Лейбница, расходятся въ этомъ случаѣ діаметрально-противуположнымъ образомъ. Такъ какъ ознакомленіе съ этимъ вопросомъ въ томъ видѣ, какъ его поставляютъ и разрѣшаютъ представители идеальнаго направленія философіи, необходимо для оцѣнки научнаго достоинства теоріи Платона, то я коснусь ученія новой философіи объ идеяхъ, насколько это, разумѣется, необходимо для моей цѣли. Наблюдая развитіе въ насъ сознанія, мы видимъ, что въ душѣ нашей есть дѣйствительно нѣчто врожденное, нѣчто такое, что связано съ самой природою мысли, и безъ чего дѣйствіе этой послѣдней рѣшительно невозможно. Начало тождества, (котораго отрицательную форму составляетъ начало противорѣчія — principium contradictionis) и начало достаточнаго основанія (principium rationis sufficientis) проявляются точно также въ сознаніи дитяти, какъ составляютъ основу мышленія зрѣлаго ума, и потому Лейбницъ считаетъ эти двѣ идеи не только врожденными, но первенствующими въ нашей душѣ, и принимаетъ ихъ за основное начало мышленія, а слѣдовательно и познанія. Разсматривая явленія психической жизни вообще, мы гораздо разумнѣе и послѣдовательнѣе приходимъ къ признанію въ насъ бытія идей, нежели къ ихъ отрицанію. Еслибы въ насъ не существовало врожденнаго стремленія къ истинѣ, то дѣятельность ума была бы положительно невозможна, потому что въ такомъ случаѣ въ немъ не было бы внутренняго самовозбужденія къ дѣятельности. Неодолимое стремленіе ума къ истинѣ служитъ яснымъ доказательствомъ того, что въ насъ живетъ инстинктивная увѣренность и въ ея бытіи и въ возможности ея достиженія, а это, другими словами, значитъ тоже самое, что идея истиннаго врождена нашему уму. Сказанное объ идеѣ истины прилагается одинаково

къ идеямъ добра и красоты: еслибы онѣ не составляли содержанія и глубочайшихъ основъ нашей души, то стремленіе человѣка такъ или иначе осуществлять ихъ вовнѣ, никогда не могло бы имѣть того характера всеобщности, какой мы обыкновенно въ этомъ случаѣ видимъ. Эти три великія идеи — истины, блага и красоты, которыя обыкновенно считаютъ первенствующими и основными въ нашей душѣ, сливаются, какъ части въ цѣломъ, въ одной общей идеѣ — идеѣ безконечнаго. Послѣдняя, по самому характеру своему, очевидно, только и можетъ быть врожденной, потому что никакое отвлеченіе, никакая сумма частностей не можетъ дать ее душѣ. Вокругъ нея, какъ вкругъ общаго центра, группируются всѣ остальныя, такъ что, собственно говоря, идеи истины, блага и красоты суть не что иное, какъ раздробленное созерцаніе идеи безконечнаго. Защитники эмпирической теоріи происхожденія идей, возражая противъ самостоятельнаго значенія ихъ, указываютъ на условность проявленія и зависимость ихъ развитія отъ извѣстныхъ внѣшнихъ вліяній. Такъ напр. Кунардъ, опровергая теорію Платона, говоритъ, что иная идея красоты у грековъ, а совершенно иная у китайцевъ; естественный выводъ отсюда, по его мнѣнію, — эмпирическое происхожденіе идеи прекраснаго. Но дѣйствительно ли это возраженіе такъ сильно, что оно можетъ подорвать самостоятельное бытіе идей? Не слѣдуетъ ли изъ фактовъ, приводимыхъ эмпириками, только то, что проявленіе идей вовнѣ совершается подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ условій, а степень вліянія, характеръ и сумма этихъ условій опредѣляютъ характеръ самаго проявленія идеи, принятіе ею того или другого типа? Можно ли изъ условности типа красоты и различія его, напр. у китайцевъ и грековъ, выводить условность самой идеи красоты, какъ это дѣлаетъ Кунардъ? Два зерна одного и того же дерева, посаженныя въ разныхъ мѣстностяхъ, напр. одно въ Китаѣ, а другое въ Греціи, при различіи климатическихъ и почвенныхъ условій, произведутъ деревья, далеко непохожія по виду одно на другое, но изъ этого ничуть не слѣдуетъ, чтобы творческая сила, заключенная въ обоихъ зернахъ, не была одна и таже. Опытъ конечно имѣетъ огромное значеніе въ развитіи идей, но его роль въ этомъ случаѣ далеко

не исключительна. Когда для насъ начинается его дѣйствіе, онъ уже находитъ ихъ готовыми въ нашей душѣ; онъ пробуждаетъ ихъ въ насъ, опредѣляетъ ту или другую форму ихъ проявленія, но ни въ какомъ случаѣ не создаетъ и не вноситъ ихъ въ нашу душу извнѣ. Если это не вполнѣ очевидно съ перваго разу относительно всѣхъ идей души вообще, то весьма ясно относительно нѣкоторыхъ. Самостоятельность въ душѣ нѣкоторыхъ, основныхъ идей, и ихъ полная независимость отъ опыта утверждается весьма простымъ способомъ (фактъ, на который я указалъ выше) — наблюденіемъ надъ развитіемъ въ ребенкѣ началъ сознанія. Что сознанію его присуща идея тождества съ первыхъ минутъ его бытія, — это едва ли нужно доказывать: глядя спокойно на одинъ предметъ, пугаясь и закрывая глаза при видѣ другого, онъ, очевидно, не смѣшиваетъ ихъ между собою, и не принимаетъ одного вмѣстѣ и за другой. Какъ скоро онъ начинаетъ говорить, первые вопросы его любопытства обыкновенно выражаютъ желаніе услышать объясненіе, — отчего происходитъ то или другое? Въ этихъ инстинктивныхъ вопросахъ его ясно проявляется увѣренность его въ необходимости причины, а слѣдовательно и идея необходимости. Прислушайтесь къ вопросамъ его далѣе, послѣ того, какъ вы укажете ему на ближайшую причину явленія, о которомъ онъ предложилъ вопросъ, онъ непремѣнно спроситъ у васъ объясненія самой причины, и задастъ цѣлый рядъ вопросовъ, ища объясненія для каждой новой, которую вы ему назовете. Здѣсь вы видите въ умѣ его присутствіе идеи первой, или конечной причины. Такимъ образомъ, говоря вообще, мы всегда находимъ готовыми въ нашемъ сознаніи идеи — тождества, достаточнаго основанія, идею необходимаго, всеобщаго, конечнаго, идею первой причины и т. п. Что идеи души, — принимая это слово въ самомъ обширномъ значеніи, — дѣйствительно составляютъ въ ней нѣчто врожденное, тѣсно связанное съ ея природой, и что опытъ, который пробуждаетъ ихъ въ насъ, и вызываетъ къ проявленію въ той или другой формѣ, никогда не бываетъ въ этомъ случаѣ силою создающею, — въ доказательство этого я укажу на общеизвѣстный фактъ, значеніе котораго въ настоящемъ вопросѣ, по моему мнѣнію, необыкновенно важно.

Фактъ этотъ — творчество художника. Поэтъ создаетъ произведеніе новое и оригинальное, которое до него не существовало въ мірѣ искусства. Я спрошу: почему къ подобному проявленію идей, и притомъ, какъ показываетъ опытъ, — всегда непосредственному, способенъ именно поэтъ, художникъ, который почти всегда обладаетъ меньшимъ запасомъ наблюденій и положительнаго знанія, нежели какой нибудь глубокій теоретикъ изящнаго, изучившій всевозможные образцы и «повѣрившій алгеброй гармонію», какъ выражается пушкинскій Сальери? Почему теоретикъ изящнаго, наблюденію котораго подпадало несравненно большее количество опытныхъ данныхъ, который гораздо болѣе изучалъ, не въ состояніи подобнымъ образомъ проявлять идей? Далѣе. Какъ возможно объяснить сочувствіе этой, новой и оригинальной въ мірѣ искусства, идеѣ со стороны другихъ, если не тѣмъ, что эта новая, впервые высказываемая идея находитъ ту же самую идею уже готовою въ душахъ другихъ, и не болѣе какъ только выводитъ ее въ душахъ другихъ людей изъ ея безсознательнаго, полудремлющаго состоянія? Въ приведенномъ мною фактѣ творчества поэта я принималъ идеи почти въ томъ смыслѣ, какъ принимаетъ ихъ Платонъ, слѣдовательно, въ самомъ обширномъ, разумѣя подъ ними представленія вообще. Мыслители новаго времени сократили ихъ объемъ, опредѣливъ ихъ, какъ представленія всеобщихъ, безусловныхъ началъ бытія. Въ этомъ смыслѣ, самая всеобщность и безусловность ихъ характера служитъ доказательствомъ того, что происхожденіе ихъ не можетъ быть чисто эмпирическое, потому что, какъ бы мы ни расширяли въ объемѣ анализъ частныхъ фактовъ, какъ бы ни увеличивали массу наблюденій, никакое число частностей не дастъ намъ въ результатѣ всеобщаго и безусловнаго. «Чувства,» говоритъ Лейбницъ, «хотя необходимы для всѣхъ нашихъ познаній, недостаточны однакожъ для того, чтобы дать намъ всѣ; потому что чувства всегда передаютъ намъ частности, то есть отдѣльныя, индивидуальныя истины; а частности, которыя подтверждаютъ истину всеобщую, недостаточны для того, чтобы утвердить всеобщую необходимость той же истины; изъ того, что произошло, не слѣдуетъ, что точно такимъ же образомъ будетъ происходить всегда.

Примѣняя сказанное объ идеяхъ къ теоріи Платона, я прежде всего остановлюсь на томъ, что составляетъ самую характеристическую ея сторону — на предсуществованіи. Платонъ объясняетъ бытіе идей въ душѣ тѣмъ, что она, прежде прихода своего въ земной міръ, жила въ другомъ, гдѣ, не связанная узами тѣла, созерцала лицемъ къ лицу чистыя, божественныя идеи. Покинувъ внѣмірное пространство, она, полная идей, пришла въ земной міръ, и воплотившись получила черезъ прикосновеніе къ матеріи такой страшный ударъ, что мгновенно все забыла. Дѣйствіе внѣшнихъ чувствъ и ученія мало по малу возвращаютъ ей потерянное знаніе, вызывая его изъ дремлющаго состоянія и сообщая ему ясность. Первый вопросъ, представляющійся въ этомъ случаѣ — слѣдующій. На чемъ основывается необходимость объяснять происхожденіе идей души именно такимъ образомъ, то есть предыдущей жизнью ея въ другомъ мірѣ? Развѣ онѣ не могутъ образовываться въ ней иначе? Присутствіе ихъ въ душѣ также можетъ быть объясняемо прирожденностью, какъ и чисто эмпирическимъ путемъ — дѣйствіемъ опыта и внѣшнихъ чувствъ. И такъ Платону, для утвержденія своей теоріи на прочномъ основаніи, необходимо было показать, — насколько онъ могъ это сдѣлать, — преимущество способа объясненія, принятаго имъ, передъ другими воззрѣніями. Ему нужно было показать фактами, что идеи не могутъ быть выводимы исключительно изъ опыта и внѣшнихъ чувствъ, а сверхъ того подробно разобрать вопросъ о прирожденности. Еслибы онъ это сдѣлалъ, тогда большая или меньшая твердость его доказательствъ въ пользу предсуществованія больше или меньше исключала бы возможность разрѣшенія той же задачи другимъ способомъ. Тамъ, гдѣ возможны различныя точки воззрѣнія на предметъ, анализъ необходимо долженъ являться всестороннимъ, и безъ соблюденія этого условія предпочтеніе одного способа объясненія другому можетъ имѣть значеніе только личнаго взгляда, а не научной теоріи. Между тѣмъ Платонъ проходитъ совершеннымъ молчаніемъ эмпирическій способъ объясненія идей, а вопроса о врожденности ихъ касается мимоходомъ и слегка. Перехожу къ разсмотрѣнію частныхъ положеній. На возраженіе Симміаса —

не получаетъ ли душа знанія (идей) при рожденіи, Сократъ отвѣчаетъ: «въ такомъ случаѣ, когда же будетъ другое время, когда мы ихъ теряемъ?» Но на чемъ же, можемъ мы спросить, утверждается необходимость этой потери, и въ силу чего Платонъ принимаетъ ее за дѣйствительный фактъ? Отвѣтъ на это мы находимъ въ развитіи самого доказательства. Я выше изложилъ подробно его содержаніе; теперь, для большаго удобства анализа, кратко повторю его положенія. Наблюдая равные предметы, говоритъ онъ, мы видимъ, что они не совершенно равны между собою; въ этомъ актѣ нашей мысли, то есть, въ непризнаніи совершеннаго ихъ между собою равенства, мы очевидно сближаемъ равные предметы съ чѣмъ-то, что̀ заключается уже какъ нѣчто готовое въ нашей мысли, то есть, съ идеей равенства; что мы не почерпаемъ этой идеи изъ предметовъ, это очевидно; такъ какъ, для того, чтобы мы могли сказать, что предметы равны или неравны, самая идея равенства должна существовать предварительно въ нашей мысли. Далѣе. Мы познаёмъ равные или неравные предметы посредствомъ внѣшнихъ чувствъ, — а пользоваться ими мы начинаемъ съ самой минуты рожденія, и слѣдовательно съ той же минуты различать равные или неравные предметы; и такъ, самая идея равенства получена нами прежде рожденія, — въ какомъ-то другомъ мірѣ. То, что сказано о равенствѣ, продолжаетъ онъ далѣе, нужно отнести и ко всѣмъ другимъ подобнаго рода представленіямъ: прекраснаго, добраго, справедливаго, святого и т. д. Такъ ли это на самомъ дѣлѣ? Можемъ ли мы указать на какія нибудь данныя въ доказательство того, что всѣ эти идеи существуютъ сознательно въ нашей душѣ съ самой минуты рожденія? Опытъ рѣшительно этому противорѣчитъ, и показываетъ, что развитіе идей совершается въ строгой постепенности, при чемъ наблюденіе, и всѣ вообще впечатлѣнія, получаемыя посредствомъ внѣшнихъ чувствъ, хотя и не создаютъ въ насъ идей, но, тѣмъ не менѣе, при образованіи ихъ, играютъ весьма важную роль. Платонъ утверждаетъ, что мы начинаемъ съ самой минуты рожденія пользоваться употребленіемъ внѣшнихъ чувствъ — зрѣнія, слуха и пр.; но зрѣніе и слухъ въ первыя минуты нашей жизни, какъ весьма остроумно

замѣчаетъ Кунардъ, столько же могутъ быть названы зрѣніемъ и слухомъ, сколько слѣпотою и глухотою. Что же касается до сознательнаго присутствія въ душѣ всѣхъ идей вообще въ періодъ ранняго дѣтства, то теорія Платона въ этомъ пунктѣ еще болѣе расходится съ опытомъ, нежели когда онъ говоритъ, что ребенокъ начинаетъ различать равные и неравные предметы немедлённо послѣ того, какъ выйдетъ на свѣтъ изъ лона матери. Сознательное присутствіе въ душѣ однихъ идей дѣйствительно проявляется въ насъ, какъ я замѣтилъ выше, вмѣстѣ съ началомъ сознанія; но кругъ ихъ очень тѣсенъ и ограниченъ: идея тождества, достаточнаго основанія, идея необходимости, конечной причины и другія подобныя же, простыя представленія — вотъ почти все, что составляетъ готовое содержаніе нашей мысли, прежде чѣмъ она начнетъ разработывать впечатлѣнія, получаемыя нами отъ внѣшнихъ предметовъ. Другія идеи, хотя и дремлютъ безсознательно въ душѣ, но раскрываются и получаютъ въ ней ясность не иначе, какъ при участіи опыта, подъ вліяніемъ наблюденій и логическаго отвлеченія. Таковы всѣ вообще идеи, по характеру своему сложныя. Сколько должно образоваться въ душѣ предварительно частныхъ идей, для того, чтобы она могла соединить ихъ въ идею святого! А у Платона все это подводится подъ одну общую категорію! По его увѣренію, идея святого точно также присуща намъ съ минуты рожденія, какъ и идея равенства, которую онъ приводитъ въ примѣръ. И такъ, главные недостатки теоріи Платона, какъ видитъ читатель, заключаются, вопервыхъ, — въ отсутствіи прочнаго основанія, которое, утверждая предсуществованіе души, исключало бы возможность объяснять происхожденіе въ ней идей другимъ образомъ, а вовторыхъ, въ логически-отвлеченномъ построеніи теоріи, при которомъ рѣшительно не были приняты во вниманіе наблюденіе и анализъ положительныхъ данныхъ. Платонъ очевидно увлекся основной мыслью своей теоріи. Признавъ движеніе души за фактъ, онъ началъ искать въ ней слѣдовъ ея прошедшаго бытія, и открывши въ ней нѣсколько готовыхъ, не пріобрѣтаемыхъ опытомъ идей, началъ подводить подъ свою основную мысль всѣ безъ исключенія факты,

ставши такимъ образомъ въ рѣшительное противорѣчіе съ опытомъ. И такъ, доказательство Платона, взятое въ цѣломъ, какъ философскій аргументъ безсмертія, не выдерживаетъ критики. Но если мы посмотримъ на него съ исторической точки зрѣнія, и проведемъ параллель между теоріей Платона и психологическими воззрѣніями натуръ-философовъ, то увидимъ, что оно представляетъ огромный шагъ впередъ. Послѣ ученія іонійцевъ, отождествлявшихъ психическую и космическую сущность, и представлявшихъ душу то началомъ влажнымъ, какъ Θалесъ, то воздухомъ, какъ Анаксимандръ, то огнемъ, какъ Гераклитъ, — величайшую заслугу Платона составляетъ уже то, что онъ первый призналъ въ душѣ бытіе идей, какъ независимаго, самостоятельнаго начала, возвышающагося надъ міромъ явленій. Если онъ не изслѣдовалъ вопроса съ большей глубиною анализа, то это единственно можетъ быть потому, что разсматриваемое нами доказательство лишено характера самостоятельности, такъ что, собственно говоря, оно составляетъ не больше, какъ приставку къ первому, — вторую его половину, хотя, впрочемъ, приставку не гипотетическую, какъ утверждаетъ Теннеманнъ, а опирающуюся на положительный анализъ. Цѣль обоихъ доказательствъ одна и таже — утвердить вѣчное движеніе души. Каждому, кто знакомъ съ исторіей философіи, извѣстно, что бытіе въ душѣ идей признается обыкновенно однимъ изъ самыхъ сильныхъ аргументовъ ея безсмертія. и нѣтъ сомнѣнія, что Платонъ, разсматривая идеи какъ содержаніе нашей души, пришелъ бы къ несравненно болѣе твердымъ и положительнымъ выводамъ относительно ея безсмертія, если бы доказательство его, какъ мы замѣтили выше, не было лишено характера самостоятельности. Оно могло имѣть гораздо большую силу, еслибы онъ отъ присутствія въ душѣ вѣчной и неизмѣнной истины заключилъ къ бытію Верховнаго, Вѣчнаго Существа, котораго отображеніе въ насъ составляютъ идеи. Точно такъ и заключилъ впослѣдствіи времени Декартъ. «Богъ отпечатлѣлъ въ духѣ моемъ идеи», говоритъ онъ, «какъ художникъ полагаетъ печать на своемъ твореніи.» Если бы Платонъ взглянулъ на вопросъ съ этой точки зрѣнія, тогда его ἐπιστήμη ἐνοῦσα καὶ ὀρθὸς λόγος, — начало безусловно истиннаго въ душѣ, —

вилось бы результатомъ не предыдущаго, непонятнаго періода я жизни, и еще болѣе непонятныхъ, безконечныхъ переселеній ея зъ одного міра въ другой, а результатомъ того, еще не перешедшаго въ личное бытіе, довременнаго ея существованія, когда на заключалась въ лонѣ божественной мысли, и, превращаясь ъ актѣ творенія въ личную сущность, — какъ «образъ и подобіе» Божества, — приняла въ себя въ видѣ идей образъ цѣлаго міра. Признавая участіе опыта въ образованіи нашихъ представленій, и, слѣдовательно, опираясь на болѣе естественное начало, теоріи двухъ великихъ мыслителей новаго времени — Декарта и Лейбница разрѣшаютъ вопросъ объ идеяхъ несравненно удовлетворительнѣе, нежели какъ это сдѣлано Платономъ. Лейбницъ, какъ извѣстно, также признаетъ идеи готовымъ содержаніемъ нашей души, но не въ смыслѣ постояннаго, сознательнаго присутствія ихъ въ ней, а въ смыслѣ предрасположенія къ нимъ разума, въ видѣ его способности раждать ихъ изъ себя (non explicite, sed virtualiter. [3]) Точно такъ же объясняетъ врожденныя идеи и Декартъ. «Когда я утверждаю,» говоритъ онъ, «что извѣстная идея намъ врождена, или напечатлѣна природой въ нашихъ душахъ, я разумѣю не то, чтобы она присутствовала въ нашей мысли всегда, но только то, что мы имѣемъ способность ее производить.» Поставивъ развитіе идей въ зависимость отъ вліянія опыта, Лейбницъ сравниваетъ душу съ мраморомъ, въ которомъ жилки предобразуютъ будущую фигуру статуи. Еще болѣе мѣткое и остроумное сравненіе дѣлаетъ по этому поводу другой мыслитель новаго времени — Гербартъ. [4]) Опредѣляя отношеніе идей ума къ дѣйствію на насъ внѣшняго міра, онъ сравниваетъ духъ человѣка съ закрытою книгой, которую раскрываетъ природа. Превосходство этого ученія передъ логически-отвлеченной, положительно расходящейся съ опытомъ теоріей Платона, такъ очевидно, что объ этомъ едва ли даже нужно говорить. Оканчивая анализъ второго доказательства, считаю необходимою небольшую оговорку. Въ анализѣ моемъ я ни словомъ не кос-

---

³) Исторія философіи Швеглера, выпускъ второй, стр. 58.

⁴) Herbart Baron von Cherburg 1581—1638.

нулся ученія Платона о воспоминаніи, (ἀνάμνησις) которое въ развитіи доказательства играетъ у него такую важную роль. Признаюсь, я считалъ это излишнимъ. Какъ скоро показана несостоятельность основного начала теоріи, — предсуществованія и сознательнаго присутствія въ душѣ всѣхъ идей съ момента рожденія, то отдѣльный разборъ ученія о припоминаніи становится ненуженъ. Замѣчу, впрочемъ, мимоходомъ, что я гораздо скорѣе готовъ признать ученіе воспоминаніемъ, при допущеніи прирожденности идей. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ воспоминаніе возвращается къ настоящему своему значенію, то есть, легкому пробужденію и оживленію опытомъ того, что уже таится безсознательно въ душѣ [5]). Второе доказательство безсмертія обращено назадъ: оно утверждаетъ не будущую жизнь души, а ея предыдущее бытіе. Но такъ какъ, въ силу круговратнаго закона жизни, живое раждается только изъ мертваго, то ясно, что душа, которая существовала до соединенія своего съ тѣломъ, будетъ существовать и послѣ его смерти.

---

[5]) Ученіе новой философіи объ идеяхъ весьма обстоятельно изложено въ статьѣ профессора Гогоцкаго. (Филос. лексик. т. 2-й: идея). См. также объ этомъ въ сочиненіи Экиблада: «Опытъ обозрѣнія и біологико-психологическаго изслѣдованія способностей человѣческаго духа.» С. П. Б. 1872 г. стр. 69 — 79.

ГЛАВА VI.

Переходъ къ третьему доказательству. — Третье доказательство безсмертія, основанное на разсмотрѣніи природы души сравнительно съ природою тѣла. — Миѳъ о переселеніи душъ. — Замѣчанія о миѳѣ.

Утвердивъ бытіе въ душѣ идей, какъ одно изъ доказательствъ ея безсмертія, Сократъ предлагаетъ собесѣдникамъ углубиться въ предметъ изслѣдованія. «Вы вѣрно,» говоритъ онъ, «боитесь какъ дѣти, чтобы вѣтеръ не развѣвалъ и не разносилъ въ разныя стороны душу, выходящую изъ тѣла, особенно, если кому случится, прибавилъ онъ шутливо, умирать не при безвѣтріи, а при сильномъ вѣтрѣ?» — Кебесъ, засмѣявшись, сказалъ: «представь себѣ, любезный Сократъ, что мы въ самомъ дѣлѣ этого боимся, и постарайся насъ переувѣрить; представь себѣ, что между нами есть какое нибудь дитя, которое боится этого. Попробуемъ убѣдить и его,» прибавилъ онъ, «не пугаться смерти, какъ будто привидѣнія». «Для этого надобно,» отвѣчалъ Сократъ, «напѣвать ему каждый день магическую пѣснь, до тѣхъ поръ, пока этого пѣснью не разгоните въ немъ страха.» — «Но гдѣ же мы возьмемъ, Сократъ,» сказалъ Кебесъ, «хорошаго пѣвца, способнаго исцѣлять своими магическими пѣснями, когда ты насъ покидаешь?» — «Греція велика, другъ мой Кебесъ,» отвѣчалъ Сократъ; «въ ней много способныхъ къ этому людей; много также народовъ чужеземныхъ, котоырхъ всѣхъ нужно посѣтить, отыскивая такого пѣвца, и не жалѣть для этого ни денегъ, ни трудовъ, потому что нѣтъ ничего, на что бы вы могли употребить лучше ваши деньги. Надобно искать также и среди самихъ себя, такъ какъ, может быть, вы не легко найдете людей, которые могли бы сложить эту пѣсню лучше, чѣмъ вы.» Приступая къ изслѣдо-

ванію вопроса: можетъ ли душа разрушаться и уничтожаться, какъ разрушается и уничтожается тѣло, Сократъ предлагаетъ собесѣдникамъ прежде всего разсмотрѣть, — какому классу предметовъ свойственно уничтожаться, какіе именно предметы могутъ это испытывать, и какіе нѣтъ? Разсмотрѣвъ это, говоритъ онъ, нужно опредѣлить, — къ какому изъ двухъ классовъ предметовъ относится наша душа, — къ тѣмъ ли, которые могутъ, или которые не могутъ уничтожаться? А отвѣтивъ на этотъ вопросъ, мы можемъ или ничего не опасаться, или напротивъ бояться за свою душу. И такъ, первый вопросъ: какіе предметы способны подвергаться разрушенію? Легко понять, что разрушеніе и уничтоженіе прежде всего свойственны тѣмъ предметамъ, которые по природѣ своей сложны, и состоятъ изъ частей, а то, что не состоитъ изъ частей и несложно, должно оставаться неразрушимымъ. Какіе же предметы относятся къ сложнымъ, и какіе къ несложнымъ? Естественно, что то, что всегда остается одинаково и неизмѣнно, должно быть несложно, а то, что не остается въ одномъ и томъ же состояніи, что измѣняется, и въ одно время существуетъ въ одномъ, а въ другое въ другомъ видѣ, необходимо должно быть сложнымъ. Разсматривая бытіе вообще, мы находимъ, что оно является намъ въ двухъ видахъ: или подъ формою бытія отдѣльнаго, единичнаго, или же въ видѣ всеобщихъ началъ, обусловливающихъ своимъ бытіемъ то или другое единичное бытіе. Къ первому классу принадлежатъ всѣ вообще логически-недѣлимые предметы, ко второму относятся сущности. Первые измѣняются и никогда не остаются въ одномъ и томъ же видѣ; вторыя — постоянны, неизмѣнны и равны только самимъ себѣ. Красивые люди, красивыя одежды, красивыя лошади могутъ являться намъ въ одно время въ одномъ, а въ другое — въ другомъ видѣ; прекрасное въ самомъ себѣ всегда неизмѣнно. Первые, то есть всѣ единичные предметы доступны впечатлѣніямъ внѣшнихъ чувствъ — зрѣнія, слуха и т. д.; вторыя, то есть неизмѣнныя и всегда самимъ себѣ равныя сущности, могутъ быть постигаемы только мысленнымъ созерцаніемъ. Бытіе вообщее представляетъ, слѣдовательно, двѣ обширныя сферы — бытіе видимое и бытіе невидимое. Обращаясь затѣмъ къ при-

родѣ человѣка, мы видимъ, что одна сторона его — тѣло — относится къ категоріи предметовъ видимыхъ, а другая — душа — къ разряду невидимыхъ сущностей. Послѣдняя, будучи невидима, какъ невидимы сущности, есть вмѣстѣ съ тѣмъ нѣчто, какъ нельзя болѣе близкое и родственное имъ. Мы совершенно убѣдимся въ этомъ, если обратимъ вниманіе на то, что̀ происходитъ съ нею въ процессѣ изслѣдованія. Изслѣдуя что нибудь съ помощію тѣлесныхъ чувствъ — зрѣнія, слуха и пр., она обращается къ предметамъ видимымъ, и приходя въ соприкосновеніе съ ними, начинаетъ перебѣгать отъ одного къ другому, теряетъ спокойствіе и кружится какъ опьянѣлая. Ясное дѣло, что она пришла въ соприкосновеніе съ тѣмъ, что несродно ея природѣ. Если же она изслѣдуетъ что нибудь сама черезъ себя, — она устремляется къ тому, что чисто, и вѣчно, и безсмертно и неизмѣнно; и, отдаваясь мысленному созерцанію всего этого, остается спокойною и неизмѣнною до тѣхъ поръ, пока остается заключенною въ самой себѣ. Въ послѣднемъ случаѣ она, очевидно, пришла въ соприкосновеніе съ тѣмъ, что близко и родственно ей. Далѣе. Если мы будемъ разсматривать душу и тѣло относительно роли, какую они играютъ въ нашей жизни, то увидимъ, что душа въ человѣкѣ есть нѣчто повелительное и царственное, а тѣло подчиненное и зависимое. Очевидно, что въ отправленіи такого служенія, душа какъ нельзя болѣе приближается къ тому, что божественно, потому что повелѣвать свойственно божественному, также какъ подчиняться и служить — смертному. Соединивъ всѣ эти черты въ одно цѣлое, мы увидимъ, что душа какъ нельзя болѣе подобна тому, что божественно, и безсмертно, и пріемлемо только мыслію, и просто по существу, и неразрушимо и неизмѣнно; а тѣло чрезвычайно походитъ на то, что человѣческое, и смертное, и неудобопріемлемое мыслію, и многообразное, и разрушимое, и никогда не остающееся неизмѣннымъ и равнымъ самому себѣ. Какой же отсюда выводъ? Если мы видимъ, что тѣло — смертное и разрушимое по своей природѣ — иногда сохраняется очень долгое время, особенно, если оно хорошо набальзамировано, то не необходимо ли заключить, чтобы душа, представляющая собою несравненно высшую и болѣе совершенную природу, его пере-

живала, а по смерти тѣла отправлялась въ другое мѣсто, которое, подобно ей, благородно, и чисто, и невидимо — къ благому и мудрому божеству — гдѣ, освободившись отъ всѣхъ человѣческихъ золъ, — она, какъ утверждаютъ посвященные въ таинства, наслаждается блаженствомъ въ общеніи съ божествомъ? Я изложилъ сущность третьяго — метафизическаго — доказательства безсмертія. Душа должна продолжать существовать по смерти тѣла потому, что она есть нѣчто какъ нельзя болѣе близкое и родственное съ тѣмъ, что просто и неизмѣнно по существу, а простое и неизмѣнное не можетъ подлежать разрушенію. Основа этого новаго доказательства, какъ нетрудно замѣтить, заключается въ предыдущемъ; но если тамъ мы видѣли только факты противуположности духовнаго и тѣлеснаго начала, то здѣсь тоже ученіе получаетъ дальнѣйшее развитіе и возводится въ принципъ. Разсматривая это доказательство въ связи съ предыдущимъ періодомъ греческой философіи, нельзя не замѣтить въ немъ его родственности съ ученіемъ Парменида о чистомъ, непреходящемъ, возвышающемся надъ всякимъ измѣненіемъ и всѣми его формами бытіи. Какъ ученіе о движеніи души очевидно носитъ на себѣ вліяніе гераклитовскаго: πάντα χωρεῖ καὶ οὐδὲν μένει (все движется и ничто не остается въ одномъ и томъ же положеніи,) такъ въ ученіи Платона объ идеяхъ замѣтны слѣды философіи Парменида.

Переходя къ научной оцѣнкѣ доказательства, считаю необходимымъ, какъ сдѣлалъ выше, при разборѣ двухъ первыхъ, изложить прежде всего возраженія, приводимыя противъ него критикой. Тидеманнъ упрекаетъ его въ томъ, что въ немъ не доказана простота души, равно какъ и въ томъ, что Платонъ приписываетъ душѣ колебаніе между истиной и заблужденіемъ; вопреки, слѣдовательно, смыслу цѣлой теоріи, душѣ надобно приписать inconstantiam, а поэтому самому mutabilitatem. Теннеманнъ выражаетъ опасеніе, что простое, хотя и неразрушимо (постепенно и по частямъ,) но можетъ уничтожиться вдругъ; вслѣдствіе этого онъ не находитъ здѣсь вполнѣ удовлетворительнаго доказательства простоты души. Два другія возраженія, что сама душа, по Платону, подвержена

измѣненію, и что, по его теоріи, матерія также неразрушима, (такъ что, вслѣдствіе этого, душа не имѣетъ никакого преимущества передъ матеріей, и не больше изъята отъ смерти чѣмъ и она) устраняетъ онъ самъ, какъ скоро упоминаетъ о томъ, что душа, даже въ то время когда она мыслитъ иначе, остается тою же душою, тѣмъ же самымъ субъектомъ, тогда какъ матерія, измѣняясь, дѣйствительно, переходитъ черезъ это въ нѣчто другое. Виггеръ вноситъ въ критику доказательства свое кантовское положеніе, что сущность, не подлежащая чувствамъ какъ душа, вообще не допускаетъ опредѣленія въ смыслѣ простоты или сложности, вслѣдствіе чего онъ долженъ бы совершенно отказаться отъ всякаго изслѣдованія этого вопроса. Петтавель оспариваетъ то, что невидимостью души доказывается ея вѣчность, что̀, впрочемъ, не составляетъ мнѣнія Платона, такъ какъ онъ отъ невидимости души въ соединеніи съ ея равенствомъ самой себѣ (Selbstgleichheit) заключилъ къ ея простотѣ, а отсюда къ ея вѣчности. Сверхъ того, невидимость доказана не вообще, а только для людей, что̀ Платонъ самъ сознавалъ и о чемъ онъ упоминаетъ, но что, однакожъ, ничуть не мѣшаетъ допустить слѣдующее: такъ какъ все вообще невидимое для насъ, какъ напримѣръ идеи, представляетъ сравнительно съ видимымъ для насъ нѣчто болѣе простое, и потому болѣе продолжительное въ своемъ бытіи, то и относительно души можетъ быть принято тоже самое. Наконецъ, этому критику бытіе идей представляется только бытіемъ въ нашей мысли, такъ что, вслѣдствіе этого, изъ существа души вытекаетъ мало утѣшительнаго для ея бытія. Бухеръ находитъ въ нашемъ доказательствѣ, заимствованномъ отъ простоты души, противорѣчіе съ изложеннымъ въ Федрѣ ученіемъ о трехчастномъ дѣленіи ея; тѣмъ болѣе, что Платонъ приписываетъ душѣ не только разумное, но и чувственное (душѣ злыхъ) даже по смерти, — а это послѣднее начало снова влечетъ души этого рода къ міру чувственному; сверхъ того, онъ говоритъ, что все это доказательство основано на ученіи объ идеяхъ, и слѣдовательно падаетъ вмѣстѣ съ нимъ. Мало того. Идеи представляютъ собой вѣчное, а душа есть конечное существо, которое только имѣетъ въ нихъ свою

часть; въ третьихъ, наконецъ, несправедливо то, что душа во всѣхъ случаяхъ есть нѣчто господствующее и управляющее тѣломъ, а точно также часто, и даже чаще встрѣчается противное; наконецъ, если бы душа оставалась всегда равною самой себѣ, то обогащеніе ея познаніями, или, въ сферѣ практической дѣятельности, переходъ отъ добра къ злу и обратно — были бы немыслимы.

Приведенныя мною противъ третьяго доказательства возраженія критики касаются его, какъ видитъ читатель, съ разныхъ сторонъ, и всѣ — болѣе не въ пользу, чѣмъ въ пользу его. Насколько критика въ этомъ случаѣ права? По моему мнѣнію, точная оцѣнка научнаго достоинства доказательства необходимо требуетъ предварительнаго анализа ученія Платона объ идеяхъ, такъ какъ все доказательство, по справедливому замѣчанію Бухера, на немъ основано и падаетъ вмѣстѣ съ нимъ. Въ предыдущей главѣ, мы видѣли, что Платонъ приписываетъ душѣ идеи, какъ ея внутреннее содержаніе. Но что онъ разумѣетъ подъ ними? Каждому, кто занимался изученіемъ его философіи, извѣстно, что онъ не дѣлаетъ научнаго опредѣленія идей — недостатокъ, въ которомъ упрекалъ его еще Аристотель. Онъ полагаетъ какъ нѣчто неоспоримое, очевидное для каждаго, бытіе безусловно истиннаго, справедливаго, прекраснаго. «Для меня ничто такъ не очевидно,» говоритъ въ нашемъ діалогѣ Симміасъ, «какъ то, что все это существуетъ какъ нельзя болѣе дѣйствительнымъ образомъ — прекрасное и доброе, и все другое подобное». «Будемъ ли мы утверждать, что справедливое есть нѣчто, или же ничто?» — «О конечно, клянусь Зевесомъ, мы будемъ это утверждать.» — «А не точно ли такимъ образомъ мы будемъ говорить о прекрасномъ и добромъ?» — «Да, какъ же нѣтъ?» [1]) — «Не черезъ справедливость ли справедливы справедливые, и не черезъ прекрасное ли прекрасны прекрасные предметы?» [2]) Въ приведенныхъ мною мѣстахъ, Платонъ утверждаетъ бытіе идей, какъ нѣчно безусловно необходимое, но не даетъ

[1]) Phaedo, p. 65. D.
[2]) Hippias major, p. 287 D.

своему ученію объ этомъ предметѣ научнаго основанія и формы. Почему? Естественное и ближайшее разрѣшеніе этого вопроса заключается въ томъ, что это зависитъ отъ свободной и поэтической формы его діалоговъ. Но авторъ сочиненія о философіи Платона Фулье, объясняя этотъ фактъ иначе, находитъ болѣе серьезную, и, какъ мнѣ кажется, болѣе основательную причину этого — въ поэтическомъ, созерцательномъ характерѣ міровозрѣнія Платона. «Первая черта генія Платона,» говоритъ онъ, «которая поражаетъ насъ съ перваго разу при чтеніи его сочиненій, это — непосредственная вѣра его въ идеи, то есть въ истинное, доброе и справедливое. Душа человѣка постоянно стремится къ тому, что неизмѣнно и вѣчно, такъ какъ она той же самой природы, (ὡς συγγενὴς οὖσα) и чѣмъ болѣе душа велика, тѣмъ болѣе жива ея вѣра.» [3]) На этомъ родствѣ души съ идеями, на ея постоянномъ мысленномъ стремленіи къ невидимому и неизмѣнному, Платонъ основалъ заключеніе о ея невидимой, нематеріальной природѣ. Приходя въ соприкосновеніе съ видимымъ и многообразнымъ, она испытываетъ тревогу и возмущается; отдаваясь мысленному созерцанію того, что выступаетъ за предѣлы видимаго, находитъ въ этомъ созерцаніи полное внутреннее успокоеніе. Родство ея такимъ образомъ съ тѣмъ, что вѣчно, безсмертно и неизмѣнно доказывается ея постояннымъ стремленіемъ къ области невидимаго. Едва ли можно основательно оспаривать то, что приводимый Платономъ фактъ — постоянное стремленіе души къ вѣчному, безсмертному и неизмѣнному — дѣйствительно показываетъ присутствіе въ насъ какого-то начала, не удовлетворяющагося міромъ явленій, а съ другой стороны, — то, что мы повсюду замѣчаемъ гармонію между стремленіями вообще и дѣйствительнымъ, реальнымъ бытіемъ того, что составляетъ ихъ предметъ, опять, въ свою очередь, доказываетъ — по крайней мѣрѣ, до извѣстной степени твердо — бытіе чего-то невидимаго внѣ насъ, составляющаго предметъ постоянныхъ стремленій нашего внутренняго, невидимаго начала — души. Но изъ доказательства только это и можно выводить. Платонъ

[3]) La Philosophie de Platon par Alfred Fouillée, Paris 1869, tome premier, p. 4.

идетъ однакожъ далѣе, и, на основаніи родства души съ невидимыми и неизмѣнными сущностями, заключаетъ о ея простотѣ. Что же онъ подъ нею разумѣетъ? Отвѣта на этотъ вопросъ мы у него не находимъ. Понятія идей онъ не опредѣляетъ, понятія простоты души — также. Если мы проведемъ параллель между этимъ доказательствомъ Платона и метафизическимъ доказательствомъ новой философіи, основаннымъ на томъ же началѣ,— на идеѣ простоты души, то увидимъ, что новое представляетъ несравненно больше твердости и силы. Послѣднее утверждается на единствѣ, то есть неизмѣнности и всегдашнемъ равенствѣ самому себѣ нашего сознанія, на отсутствіи въ немъ всякой сложности и дѣлимости, слѣдовательно на фактахъ внутренняго самонаблюденія — на анализѣ ея сущности, ея природы. Какъ бы ни были различны точки отправленія дѣятельности души, — обращается ли она къ настоящему, прошедшему или будущему, — она остается одной и той же, сознающею себя всегда тѣмъ же самымъ. Это постоянное единство ея и всегдашнее равенство самой себѣ, при всѣхъ возможныхъ измѣненіяхъ условій ея дѣятельности, показывая въ ней нѣчто недоступное для какихъ бы то ни было измѣненій, даетъ намъ полное право заключать о неразрушимости ея природы, ея безсмертіи. У Платона простота и неизмѣнность души утверждается не на простотѣ и неизмѣнности ея сознанія, слѣд. не на анализѣ ея природы, а внѣшнимъ образомъ — на родствѣ ея съ простыми и неизмѣнными сущностями. Она постоянно стремится къ тому, что просто и неизмѣнно по существу: отсюда надобно заключать, что и собственная природа ея также проста и неизмѣнна. Но что разумѣть подъ простотою тѣхъ сущностей, съ которыми Платонъ сближаетъ душу? Что такое прекрасное въ самомъ себѣ? Для насъ это не больше, какъ идеальный типъ, къ которому мы возводимъ десятки и сотни тысячъ частныхъ, индивидульныхъ явленій. Мы опредѣляемъ прекрасное только по отношенію къ его проявленію, къ его присутствію въ томъ или другомъ предметѣ. Что̀ такое прекрасное въ самомъ себѣ, — это недоступно никакому опредѣленію. Очевидно, слѣдовательно, что душа въ метафизическомъ доказательствѣ Платона является не бытіемъ личнымъ, а от-

влеченно идеальнымъ и изъ ея неизмѣняемости, какъ сущности, ничуть не слѣдуетъ заключенія въ пользу ея личнаго, индивидуальнаго безмертія, съ которымъ мы всегда соединяемъ, какъ необходимую его принадлежность, сохраненіе сознанія и воли. Но и самое понятіе неизмѣняемости души представляетъ у Платона внутреннее противорѣчіе, въ чемъ мы совершенно убѣдимся, если вспомнимъ содержаніе второго доказательства. На основаніи этого послѣдняго, мы гораздо скорѣе должны признать въ ней принципъ измѣняемости, нежели неизмѣняемости. Душа созерцаетъ божественныя идеи въ ихъ полнотѣ и совершенствѣ въ то время, когда она существуетъ, какъ чистый духъ: это періодъ самаго высшаго и глубокаго ея знанія. Соединяясь съ матеріей въ актѣ воплощенія, она получаетъ отъ прикосновенія къ ней такой страшный ударъ, что мгновенно все забываетъ, — подобно тому, какъ человѣкъ, перешедши отъ свѣту къ темной пещерѣ, лишается въ первый моментъ всякой возможности различать окружающіе его предметы. Это моментъ полной противуположности предыдущему періоду, высшая точка ея незнанія. Возобновляя опытомъ и ученіемъ забытыя ею идеи, она испытываетъ новое состояніе, отличное по характеру отъ двухъ первыхъ. Такимъ образомъ, въ то время какъ идеальная сущность прекраснаго остается всегда неизмѣнной и равной самой себѣ, душа представляетъ у Платона нѣчто постоянно колеблющееся, и потому измѣняемое. Бишофъ оспариваетъ въ разборѣ доказательства начало измѣняемости души, ссылаясь на замѣчаніе самого же Теннеманна, (высказанное послѣднимъ противъ самого себя) что душа, при всемъ различіи въ различные періоды времени ея состояній, при существованіи моментовъ и переходовъ въ ея развитіи, остается той же сущностью, тѣмъ же самымъ субъектомъ. Замѣчаніе Бишофа само по себѣ, конечно, справедливо; но едва ли его можно признать справедливымъ относительно нашего доказательства, точнѣе сказать, относительно той точки зрѣнія, съ которой неизмѣняемость души опредѣляетъ Платонъ. Если бы онъ опредѣлялъ неизмѣнность ея по отношенію къ ней самой — къ ея сознанію, то замѣченіе Бишофа было бы безусловно вѣрно. Но Платонъ опредѣляетъ начало неизмѣняе-

мости души не въ смыслѣ неизмѣнности ея природы, а сравнительно, то есть, по отношенію къ тѣмъ неизмѣняемымъ сущностямъ, которыя составляютъ предметъ ея постояннаго мысленнаго стремленія. Она также неизмѣнна, говоритъ онъ, какъ и онѣ; она постоянно стремится къ нимъ, слѣдовательно она родственна имъ. Но какъ скоро душа допускаетъ моменты перехода, какъ скоро ея внутренняя жизнь представляетъ ступени развитія, то совершенной аналогіи и соотвѣтствія ея съ неизмѣнными сущностями уже нѣтъ. Душа очевидно измѣняется, — если не въ своей природѣ, то, по крайней мѣрѣ, въ характерѣ своей внутренней жизни — въ тотъ моментъ, когда, воплощаясь, приходитъ въ соприкосновеніе съ матеріей. Точно также, воскрешая опытомъ и ученіемъ забытыя ею идеи, она представляетъ послѣдовательное измѣненіе своего внутренняго содержанія, а это самое и составляетъ ту относительную, сравнительную измѣняемость ея, которая не допускаетъ полной аналогіи ея съ неизмѣнными сущностями, потому что въ этихъ послѣднихъ мы рѣшительно не можемъ представить моментовъ перехода. Прекрасное, въ смыслѣ идеальнаго типа явленій, только и можетъ быть неизмѣннымъ и равнымъ самому себѣ. Указавши на неизмѣнность души, какъ черту родственности ея съ идеальными сущностями, Платонъ указываетъ и на другую сторону сродства ея съ началомъ божественнаго — на повелительный, царственный голосъ души въ нашей жизни, ея власть и господство надъ тѣломъ. Нельзя не согласиться, что это дѣйствительно сильный аргументъ, если не въ пользу личнаго безсмертія души, (котораго наше доказательство не можетъ утвердить положительно) то, во всякомъ случаѣ, въ пользу превосходства ея природы. Напрасно Бухеръ, оспаривая силу этого аргумента, возражаетъ, что душа не всегда владычествуетъ надъ тѣломъ, а точно также часто, если еще не чаще, встрѣчается противное. Вопервыхъ, даже тогда, когда мы видимъ противное, то есть преобладаніе въ человѣкѣ тѣлесной природы, преобладаніе это никогда не бываетъ исключительнымъ, никогда не простирается на всѣ возможные частные случаи; вовторыхъ, здѣсь существенно важно не то, часто или не часто мы встрѣчаемся съ фактомъ преобладанія души, а важно самое значеніе этого

факта. Какъ скоро онъ существуетъ, — онъ доказываетъ и присутствіе въ насъ какого-то невидимаго, повелѣвающаго начала и совершенство природы его, подчиняющей себѣ — хотя бы только въ нѣкоторыхъ извѣстныхъ случаяхъ — видимую природу — тѣло; а эта черта — способность управлять матеріей непосредственно, помимо ея собственныхъ, въ ней самой заключенныхъ законовъ, очевидно доказываетъ родственность души съ началомъ божественнаго. Платонъ, вопреки Бухеру, вовсе не думаетъ выдавать господства души надъ тѣломъ за постоянный, неизмѣнный фактъ; говоря о людяхъ, чуждыхъ въ образѣ жизни своей философіи, излагая ученіе метемпсихоса, онъ всюду указываетъ намъ примѣры противнаго. Но важно, повторяю, не количество и сумма фактовъ преобладанія души надъ тѣломъ, а то, что эта способность господствовать въ ней есть; а какъ скоро, далѣе, она существуетъ, то душа, родственная въ этой чертѣ съ божественнымъ началомъ, гораздо ближе по этому самому къ началу безсмертія, нежели къ началу смерти. Что же касается до возраженія Бухера, что изложенное въ настоящемъ доказательствѣ понятіе о простотѣ души представляетъ противорѣчіе съ ученіемъ Платона въ Федрѣ о трехчастномъ ея дѣленіи, то я, въ этомъ случаѣ, вполнѣ раздѣляю мнѣніе Бишофа, который находитъ здѣсь только кажущееся противорѣчіе. Вотъ что онъ по этому поводу говоритъ: «не трудно замѣтить правильность этого опредѣленія (простоты души) и его согласимость съ изложеннымъ у Платона въ другомъ мѣстѣ трехчастнымъ дѣленіемъ души. Потому что, если онъ въ одномъ мѣстѣ говоритъ о ея тройственной силѣ, а въ другомъ ничего не говоритъ о трехчастности, то этимъ понятіе простоты души такъ же точно не уничтожается, какъ мы напр. не уничтожаемъ простоты природы божества, или абсолютнаго, когда приписываемъ ему самое большее разнообразіе дѣятельности; такъ какъ дѣятельность въ различныхъ направленіяхъ — это и есть та тройственная сила души, о которой Платонъ говоритъ. Три направленія эти возвращаются всегда къ одному субъекту, но они сами по себѣ не составляютъ души; то или другое изъ нихъ можетъ быть устраненно въ мысленномъ представленіи (какъ напр. во снѣ прекращается даже самое мышленіе) и однакожъ душа

не перестаетъ быть душою. Тѣ три рода дѣятельности, или силы, или какъ бы мы ихъ ни назвали иначе, не соединяются для образованія души, но ἐπιθυμητικόν всегда уже предполагаетъ ἐπιθυμοῦν, точно также какъ νοητικόν или λογιστικόν — νοοῦν или λογιζόμενον. Эти три силы не образуютъ, слѣдовательно, собою субъекта, но возвращаются къ нему, какъ своему общему основанію, изъ котораго они выходятъ, и который производитъ и направляетъ ихъ дѣятельность. И такъ какъ эти различныя силы и роды дѣятельности относятся къ одному субъекту, то они этимъ самымъ показываютъ въ немъ нѣчто простое.»[4]) Оканчивая этими замѣчаніями характеристику третьяго доказательства, я прибавлю къ этому только то, что какъ психологическое ученіе Платона объ идеяхъ, изложенное въ предыдущей главѣ, такъ и это новое доказательство безсмертія, основанное на понятіи простоты души, составляютъ величайшее явленіе въ области философіи. Довольно одного указанія на философскія системы предшественниковъ Платона — Левкиппа[5]) и Демокрита,[6]) разсматривавшихъ душу, какъ соединеніе атомовъ, чтобы увидѣть какой огромный шагъ въ развитіи греческой философіи представляетъ ученіе о томъ же предметѣ Платона. Правда, изложенное нами доказательство не утверждаетъ своего психологическаго принципа (понятія простоты души) научнымъ образомъ, а поэтому и самое безсмертіе доказываетъ больше поэтически-философскимъ нежели научно-философскимъ образомъ, но величайшую заслугу Платона составляетъ уже то одно, что онъ первый опредѣлилъ душу, какъ простую сущность. Твердыхъ и положительныхъ выводовъ въ пользу безсмертія доказательство не даетъ, такъ какъ въ немъ не достаточно уяснено самое основаніе его — понятіе простоты души. Въ цѣломъ оно лишено единства, потому что, съ одной стороны, оно утверждаетъ безсмертіе души на основаніи близости и родственности ея существа съ универсальными,

---

[4]) Бишофъ, Pl. Phaed. S. 322 fg.

[5]) Время жизни Левкиппа относятъ къ V ст. до Р. Х.

[6]) Демокритъ Абдерскій: годъ его рожденія полагаютъ между 470 и 460 до Р. Х.

простыми и неизмѣнными сущностями, а съ другой — на ея повелительной, царственной роли въ нашей жизни, на власти и господствѣ ея надъ тѣломъ, слѣдовательно на превосходствѣ ея природы передъ природою тѣла. Тѣмъ не менѣе, однакожъ, при всей научной шаткости доказательства, оно представляетъ, можетъ быть, болѣе данныхъ въ разрѣшеніи вопроса о безсмертіи, чѣмъ всѣ другія доказательства Федона. Душа — невидимая, неизмѣнная, и, въ силу невидимости и неизмѣнности своей, простая сущность — постоянно стремится къ тому, что̀ мы во всякомъ случаѣ представляемъ себѣ не иначе, какъ только неизмѣннымъ и вѣчнымъ — къ универсальнымъ сущностямъ, возвышающимся надъ всевозможными видоизмѣненіями міра явленій. Только родствомъ души съ этими сущностями и слѣдовательно съ началомъ безсмертнаго можно объяснить это постоянное, мысленное устремленіе ея въ область неизмѣннаго и безсмертнаго. Возвышаясь надъ явленіями окружающаго насъ видимаго міра, она въ то же время возвышается и надъ тѣмъ, что составляетъ начало видимаго въ самомъ человѣкѣ. Ея повелительный голосъ и господство надъ тѣломъ (положимъ, даже только въ немногихъ данныхъ случаяхъ) показываетъ присутствіе въ ней ея собственныхъ, внутри ея самой заключенныхъ и ни отъ чего независящихъ законовъ, а слѣдовательно и присутствіе въ ней иной, отличной отъ тѣла и самостоятельной относительно его жизни. Соединяя различныя положенія доказательства въ одно цѣлое, мы можемъ формулировать окончательный выводъ его слѣдующимъ образомъ. Душа, по характеру и отправленіямъ своей дѣятельности, какъ нельзя болѣе близка къ тому, что̀ мы понимаемъ только безсмертнымъ и вѣчнымъ, и это — близкое къ безсмертнымъ и вѣчнымъ сущностямъ — начало живетъ своею собственною, въ немъ самомъ заключенною жизнью. Понятно, что послѣ всего этого мы съ гораздо большей логикой и правомъ можемъ утвердить за этимъ внутреннимъ началомъ нашимъ то безсмертіе и вѣчное бытіе въ будущемъ, которое принадлежитъ неизмѣннымъ сущностямъ вообще, нежели допустить относительно его преходимость и временность, характеризующія міръ видимыхъ явленій.

МИѲЪ О ПЕРЕСЕЛЕНІИ ДУШЪ.

Души философовъ наслѣдуютъ, по разлученіи съ тѣлами, блаженную вѣчность въ общеніи съ божествомъ. Легко представить, что совершенно иная участь ожидаетъ тѣхъ людей, которые провели земную жизнь въ чувственныхъ удовольствіяхъ и исключительномъ служеніи тѣлу. Души этого послѣдняго рода до того проникаются при жизни тѣлеснымъ, что какъ будто бы сливаются и соединяются съ нимъ въ одно цѣлое. Естественно, что и по смерти онѣ не въ состояніи отрѣшиться отъ этого тѣлеснаго начала — тонкой тѣлесной оболочки, которая, сросшись съ душой при жизни, не покидаетъ ее и по смерти. Естественно также и то, что душа, которая прониклась при жизни любовью къ тѣлесному и жила исключительно для тѣла, — отдаваясь всецѣло заботамъ о немъ и увлекаясь его страстями и удовольствіями, не разстается съ своею земною любовью и по окончаніи земной жизни. Разлучившись съ тѣломъ, она продолжаетъ, по прежнему, любить только тѣлесное. Одолѣваемая этою любовью, и всюду преслѣдуемая не покидающею ее тѣлесной оболочкой, которая, такъ сказать, сплотилась съ нею въ теченіе земной ея жизни, она не хочетъ разстаться съ мыслію о тѣлѣ и по разлученіи съ нимъ. И вотъ, — въ то время какъ чистыя души философовъ переходятъ по смерти въ чистый, невидимый, безтѣлесный міръ, душа, проникнутая любовью къ тѣлесному, начинаетъ витать вокругъ могилы, въ которой погребено ея тѣло, — вслѣдствіе чего подлѣ могильныхъ кургановъ и бываютъ иногда видимы тѣнеобразные призраки душъ. Когда эта жажда тѣлеснаго, постепенно возрастая и усиливаясь въ подобной душѣ, вовобладаетъ ею совершенно, она уже не довольствуется блужданіемъ вокругъ могильныхъ кургановъ, но получаетъ неодолимое стремленіе соединиться опять съ какимъ нибудь новымъ тѣломъ. Тогда она входитъ въ какое нибудь животное. Легко представить, что

каждая подобная душа избираетъ при этомъ такое животное, котораго природные инстинкты и свойства соотвѣтствуютъ ея собственному направленію, выработанному ею въ земной ея жизни. Такъ напр. люди, предававшіеся обжорству, разврату и разгульной жизни, естественно, должны входить въ ословъ и подобныхъ животныхъ. Души, запятнавшія себя на землѣ несправедливостями, тираннією и грабежами, переселяются въ волковъ, ястребовъ и коршуновъ. Тоже самое нужно принять и относительно всѣхъ остальныхъ подобныхъ душъ. А души, ознаменовавшія себя добродѣтелями общественными и гражданскими — воздержаніемъ и справедливостью, которыя образовались въ нихъ чисто практическимъ путемъ — путемъ навыка или упражненія, безъ помощи философіи или размышленія, естественно должны переселяться по смерти въ тѣла животныхъ общительныхъ и мирныхъ, — пчелъ, осъ или муравьевъ, или — въ такихъ же точно людей, и тогда уже отъ нихъ будутъ раждаться люди добродѣтельные.

Я изложилъ содержаніе перваго миѳа Федона. Откуда Платонъ его заимствовалъ? Ближайшее происхожденіе его, конечно, пиѳагорейское, на что ясно указываетъ характеръ миѳа, допускающаго переселеніе душъ исключительно въ тѣла животныхъ. Но догматъ, лежащій въ его основѣ — метемпсихосъ — составляетъ столько же древній, сколько и всеобщій догматъ религій древняго міра. Въ томъ и другомъ отношеніи — какъ въ древности своего происхожденія, такъ и повсемѣстности распространенія — вѣра въ метемпсихосъ не уступаетъ догмату безсмертія души. Мы едва ли удалимся отъ истины, если скажемъ, что метемпсихосъ составляетъ одну изъ самыхъ первоначальныхъ формъ, подъ которой проявилась въ человѣчествѣ идея продолженія жизни по смерти, идея безсмертія души. Приведу нѣкоторые факты въ подтвержденіе, съ одной стороны, всеобщности ученія метемпсихоса въ религіяхъ и философскихъ системахъ древняго міра, а съ другой, его повсемѣстнаго господства у народовъ не-христіанскихъ, даже отчасти въ настоящее время. Ученіе брамиповъ въ древней Индіи, гдѣ мы впервые встрѣчаемся съ этимъ вѣрованіемъ, представляетъ посмертное странствованіе душъ въ тѣлахъ добрыхъ и злыхъ животныхъ, какъ подвигъ покаянія и очистительное

средство. Точно также метемпсихосъ существовалъ и у буддистовъ. Египетскіе жрецы принимали, въ тайномъ ученіи своемъ, три тысячи лѣтъ за тотъ необходимый періодъ времени, въ теченіе котораго должны странствовать всѣ вообще души, переселясь въ тѣла различныхъ животныхъ, — до возвращенія своего въ тѣла людей и жилища блаженныхъ. Греки, по всей вѣроятности, заимствовали ученіе метемпсихоса (μετεμψύχωσις, μετενσωμάτωσις) отъ египтянъ, и первыми распростанителями его въ Греціи были Пиѳагоръ и, такъ называемый учитель его, Ферекидъ. Эмпедоклъ принималъ странствованіе душъ даже по различнымъ растеніямъ. Греческія мистеріи облекали догматъ душепереселенія въ увлекательные миѳы, которые представляли Діониза вождемъ и владыкою душъ; а поэты и философы сообщали этимъ миѳамъ самыя разнообразныя формы. Пиндаръ и орѳическія сказанія поселяютъ душу на островахъ блаженныхъ, только по совершеніи троекратнаго безпорочнаго житейскаго странствованія ея на землѣ. Платонъ распространяетъ періодъ очистительнаго странствованія душъ до полнаго возвращенія ихъ въ лоно божества на 10,000 лѣтъ, въ теченіе которыхъ онѣ блуждаютъ по тѣламъ людей и животныхъ. Плотинъ различаетъ переселеніе душъ изъ невидимыхъ, эѳирныхъ тѣлъ въ земныя, и переселеніе ихъ изъ одного земного тѣла въ другое. Приведенные мною факты ясно говорятъ о всеобщности вѣрованія въ переселеніе душъ какъ у народовъ востока, такъ и въ классическомъ мірѣ Греціи; но, помимо этого, метемпсихосъ составляетъ одинъ изъ коренныхъ и существенныхъ догматовъ каждой языческой религіи. Обитатели древней Италіи, кельтическіе друиды, скиѳы и гипербореи также точно содержали этотъ догматъ въ своемъ религіозномъ вѣроученіи, какъ языческіе народы восточной Азіи, кавказскія племена, дикіе американцы и африканскіе негры содержатъ его съ разными видоизмѣненіями и до сихъ поръ [7].)

При такой всеобщности вѣры въ метемпсихосъ, естественно задаться вопросомъ: что привело человѣка къ подобному вѣрованію?

---

[7]) Читатель, желающій познакомиться подробнѣе съ ученіемъ метемпсихоса, можетъ обратиться къ сочиненію Мейера: Die Idee der Seelenwanderung, Hamburg, 1861.

Какъ онъ могъ во всѣ времена такъ мало цѣнить собственную душу, чтобы заключать ее въ тѣло животнаго или бездушнаго камня? Въ основѣ этого представленія лежитъ одинъ изъ древнѣйшихъ религіозныхъ догматовъ о взаимномъ родствѣ и взаимномъ другъ на друга вліяніи всѣхъ живыхъ существъ, равно какъ о постепенномъ очищеніи и возвращеніи духовно-индивидуальныхъ личностей къ своему общему, первоначальному источнику. Вмѣстѣ съ этимъ на образованіе миѳа вліяла и вѣра въ существованіе души, предшествовавшее земному ея воплощенію; потому что земная жизнь составляетъ, по этому воззрѣнію, только одно звѣно въ цѣпи тѣхъ состояній, которыя должна проходить вышедшая отъ Бога душа, для того, чтобы потомъ возвратиться опять въ его лоно. Миѳъ о переселеніи душъ заключаетъ собою третье доказательство. Ближайшее значеніе его по отношенію къ этому послѣднему состоитъ въ томъ, что онъ служитъ прежде всего непосредственнымъ отвѣтомъ на вопросъ: всѣ ли души безсмертны? До сихъ поръ, говоря о безсмертіи, Платонъ всюду разумѣлъ только душу философа, которая, сохранивъ себя чистою и незапятнанною отъ вліянія тѣла, наслѣдуетъ безсмертіе въ общеніи съ божествомъ и подобными ей сущностями. Но такое высокое, желанное безсмертіе составляетъ удѣлъ немногихъ душъ. Вопросъ: что же будетъ со всѣми остальными, и куда пойдутъ тѣ, которыя не приготовились къ переходу въ другой міръ, и потому не въ состояніи соединиться съ чистымъ и божественнымъ? Миѳъ о переселеніи отвѣчаетъ, что и эти души наслѣдуютъ безсмертіе, хотя, впрочемъ, далеко не похожее на то, которое выпадаетъ на долю людей, посвящавшихъ жизнь занятіямъ философіей.

ГЛАВА VII.

Перерывъ въ разсужденіяхъ: химическая сцена. — Изслѣдованіе вопроса: не есть ли душа гармонія? Переходъ къ четвертому доказательству.

Изобразивъ судьбу души, которая не приготовилась нравственнымъ самоочищеніемъ и самоусовершенствованіемъ къ переходу въ другой міръ, и потому вынуждена блуждать по землѣ, переселяясь изъ тѣла въ тѣло, Сократъ опять обращается къ практической сторонѣ задачи — къ разсмотрѣнію тѣхъ побужденій и правилъ, которыми долженъ руководиться въ жизни истинный философъ. — «Душа человѣка, стремящагося къ мудрости,» говоритъ онъ, «не будетъ думать, что философія должна ее освободить, а когда освободитъ, предать ее снова удовольствіямъ и печалямъ, для того чтобы онѣ связали ее опять, и производить такимъ образомъ безконечную работу, напоминающую обратнымъ образомъ работу станка Пенелопы. Душа, стремящаяся къ мудрости, приготовляя себѣ тишину, недоступную для удовольствій и печалей, слѣдуя разуму и всегда ему повинуясь, созерцая истинное, и божественное и неизмѣнное для мысли, и находя въ этомъ свою пищу, думаетъ, что такъ должна жить до тѣхъ поръ, пока она живетъ; когда же она окончитъ жизнь на землѣ, то отправляясь къ тому, что ей родное и такой же природы, какъ она сама, она освобождается отъ человѣческихъ золъ. Питавшись подобною пищею и проводивши жизнь въ подобнаго рода занятіяхъ, душа мудраго не боится, чтобы она не разсѣялась при освобожденіи отъ тѣла, не была развѣяна вѣтрами, не разлетѣлась въ разныя стороны и не обратилась бы въ ничто.» Когда Сократъ окончилъ рѣчь, насту-

пило долгое молчаніе: казалось, что онъ и самъ весь погрузился въ размышленіе о томъ, что было сказано, и весьма многіе изъ собесѣдниковъ; а Кебесъ и Симміасъ начали тихо разговаривать. Замѣтивъ это, Сократъ спросилъ: «о чемъ у васъ бесѣда? вамъ представляется недостаточнымъ сказанное нами,» прибавилъ онъ, «потому что, въ самомъ дѣлѣ, еще остается много сомнѣній и возраженій, если кто захочетъ изслѣдовать дѣло надлежащимъ образомъ. Если вы бесѣдуете», продолжалъ онъ, «о другомъ предметѣ, то я не имѣю ничего сказать; но если вы повѣряете другъ другу ваши сомнѣнія по тому же самому предмету, то начинайте немедленно говорить и разсуждать, когда вамъ кажется, что объ этомъ можно сказать лучше; пріймите соучастникомъ вашей бесѣды и меня, если надѣетесь при моей помощи обстоятельнѣе изслѣдовать дѣло.» Симміасъ отвѣчаетъ, что они, давно уже тревожась сомнѣніями по вопросу, о которомъ идетъ рѣчь, понуждаютъ и просятъ одинъ другого обратиться къ нему за разрѣшеніемъ, но каждый изъ нихъ боится безпокоить его, при его настоящемъ несчастіи. Сократъ, въ отвѣтъ на это, кротко улыбнулся и сказалъ: «полно, другъ мой Симміасъ! Мнѣ, въ самомъ дѣлѣ, трудно увѣрить другихъ, что я не считаю несчастіемъ настоящаго со мной случая, если я никакъ не могу убѣдить въ этомъ васъ; вы боитесь, чтобы я не былъ теперь въ худшемъ расположеніи духа, чѣмъ это бывало обыкновенно, — въ прошлое время моей жизни. Вы, какъ видно, считаете, что я въ предвѣденіи будущаго стою ниже лебедей, которые, почувствовавъ, что имъ настала пора умереть, поютъ въ это время самыя многочисленныя и прекрасныя пѣсни, какихъ никогда не пѣвали прежде, радуясь, что они отходятъ къ божеству, которому служатъ.» Эти поэтическія предсмертныя пѣсни умирающихъ лебедей Сократъ объясняетъ тѣмъ, что онѣ, какъ птицы Аполлона, обладаютъ даромъ предвѣденія будущаго, и радуются въ послѣдній свой день болѣе, чѣмъ пѣли и радовались когда нибудь прежде. Но какъ соучастникъ въ служеніи лебедей и посвященный тому же богу, Сократъ обладаетъ прозрѣніемъ въ тайны другого міра не меньше чѣмъ и онѣ, и потому покидаетъ жизнь не съ большимъ сожалѣніемъ, чѣмъ и онѣ.

«И такъ,» заключилъ онъ, «на этомъ основаніи вамъ надобно говорить и спрашивать меня, о чемъ хотите спросить, до тѣхъ поръ пока это позволяютъ намъ одиннадцать судей аѳинянъ.» Отвѣтъ Сократа очень понравился Симміасу: онъ изъявляетъ готовность высказать свои сомнѣнія по настоящему вопросу, прибавляя, что его собесѣдникъ сдѣлаетъ тоже самое. Достиженіе въ этомъ случаѣ совершеннаго познанія, — удовлетворительное разрѣшеніе вопроса о безсмертіи души, — по его мнѣнію, или рѣшительно невозможно въ жизни настоящей или необыкновенно трудно. Тѣмъ не менѣе, однакожъ, не подвергать всестороннему разбору того, что обыкновенно объ этомъ предметѣ говорятъ, и отставать прежде изслѣдованія его со всѣхъ сторонъ, — это признакъ человѣка слабодушнаго. Если въ этомъ случаѣ нѣтъ возможности узнать истину отъ другихъ, или дойти до нея самому, то надобно выбрать изъ всѣхъ существующихъ по этому предмету разсужденій то, которое окажется наиболѣе твердымъ и недоступнымъ для опроверженія. Ввѣрившись ему, какъ будто ладьѣ, надобно переплывать съ опасеніемъ настоящую жизнь, если нѣтъ возможности проходить ее болѣе вѣрнымъ и безопаснымъ образомъ, на болѣе прочномъ кораблѣ, или при помощи нѣкотораго рода божественнаго откровенія. Приступая къ разбору положенія Сократа, что душа, по существу своему сродная съ началомъ божественнаго, непремѣнно должна быть поэтому безсмертна, если даже тѣло, по существу сродное смертному, продолжаетъ существовать иногда очень долгое время, — Симміасъ замѣчаетъ, что доказательство не представляется ему сильно. Это же самое, говоритъ онъ, можно бы сказать о лирѣ и гармоніи, гдѣ лира и струны очевидно представляютъ смертное, а гармонія божественное начало. Уже ли послѣ перелома лиры и разрыва струнъ можно утверждать, что гармонія не погибла въ силу того, что она божественна? Точно такимъ же образомъ можно спросить: ужели при разрушеніи тѣла, представляющаго собой природу смертную, можно утверждать, что не погибла душа, въ силу того, что она по существу своему близка къ началу божественнаго? Сократъ признаетъ дѣльность замѣчанія Симміаса, но прежде чѣмъ на него отвѣчать, спрашиваетъ Кебеса: не имѣетъ

и онъ съ своей стороны чего нибудь возразить? Мнѣ представляется, любезный Сократъ, началъ Кебесъ, что существованіе души въ періодъ до воплощенія основательно доказано, но не съ такою же ясностію и очевидностію доказано то, что она будетъ существовать и по смерти тѣла. Душа, говоришь ты, замѣчаетъ онъ Сократу, по природѣ сильнѣе тѣла: но что же отсюда слѣдуетъ? То, что она долговѣчнѣе его, что она существуетъ болѣе продолжительное время, но отнюдь не ея постоянное бытіе, ея безсмертіе. Какъ Симміасъ, для объясненія своей мысли, привелъ въ примѣръ лиру, струны и гармонію, такъ Кебесъ, защищая начало только продолжительнаго существованія, но не безсмертія души, приводитъ примѣръ умершаго въ старости ткача и оставленнаго имъ платья. Разсужденіе твое, Сократъ, говоритъ Кебесъ, похоже на то, какъ если бы кто спросилъ: что долговѣчнѣе — человѣкъ или одежда, которую онъ носитъ, и на отвѣтъ, что человѣкъ, конечно, долговѣчнѣе, возразилъ бы, что если одежда не погибла, то тѣмъ болѣе долженъ продолжать существовать гдѣ нибудь человѣкъ, такъ какъ человѣкъ долговѣчнѣе одежды. Справедливо ли поэтому, указывая на оставшееся и не разрушенное тѣло умершаго человѣка, утверждать, что его душа осталась, а не погибла въ силу того, что существующее менѣе продолжительное время — тѣло осталось и не погибло? Разсужденіе Сократа, по взгляду Кебеса, представляетъ очевидную несообразность. Ткачъ въ теченіе своей жизни износилъ нѣсколько одеждъ, и по отношенію къ послѣдней умеръ прежде. Точно также душа изнашиваетъ въ теченіе жизни нѣсколько тѣлъ, потому что тѣло постоянно разрѣшается и возобновляется, — а потомъ, образовавъ послѣднее, — то, которое носитъ передъ смертью, умираетъ, какъ умеръ ткачъ, а тѣло остается, какъ осталась одежда. Вотъ сущность возраженій, которыя приводятъ Симміасъ и Кебесъ противъ безсмертія души. Сократъ утверждаетъ безсмертіе, опираясь на божественную природу души — на то, что она, представляя, по существу своему, нѣчто близкое и сродное божественному въ противуположность тѣлу, представляющему собой смертное, должна по этому самому быть безсмертна, — а Сим-

міасъ, приведши примѣръ лиры и струнъ съ ихъ смертной природой и гармонію, которая есть нѣчто божественное, отвергаетъ начало Сократа. Божественная гармонія погибаетъ при разрушеніи смертной лиры; точно такъ должна разрушаться и погибать божественная душа при разрушеніи смертнаго тѣла. Кебесъ отвергаетъ другое положеніе, высказанное Сократомъ въ томъ же доказательствѣ, — именно то, что душа необходимо должна переживать тѣло вслѣдствіе своей болѣе сильной природы. «Я не спорю,» прибавляетъ онъ въ заключеніе, «что природа души, въ самомъ дѣлѣ, до того сильна, что она способна подвергаться многочисленнымъ перевоплощеніямъ, и, слѣдовательно, долгое время оказывать сопротивленіе смерти, но никто также не поручится за то, что она не утомляется наконецъ всѣми этими многочисленными перевоплощеніями и новыми рожденіями, и не погибаетъ въ которой нибудь изъ смертей совершенно. Окончательный выводъ Симміаса и Кебеса тотъ, что, по мнѣнію перваго, душа наша есть не больше какъ гармонія, — правильное и равномѣрное сочетаніе началъ организма, а по мнѣнію другого, болѣе сильная природа духа, на которую ссылается Сократъ, доказываетъ только продолжительность, долговѣчность существованія души, но не вѣчность или безсмертіе ея. Трудно передать впечатлѣніе, произведенное на собесѣдниковъ разсужденіями Симміаса и Кебеса. Начинавши уже убѣждаться предыдущими доводами, говоритъ Федонъ, въ истинѣ, защищаемой Сократомъ, мы, выслушавъ возраженія противниковъ, въ одну минуту потеряли довѣріе не только къ приведеннымъ уже доказательствамъ безсмертія, но даже и къ тому, что могло быть сказано по этому предмету въ послѣдствіи времени. Возраженія показались намъ такъ сильны, что противъ нихъ, казалось, рѣшительно нечего было сказать. Эхекратъ спрашиваетъ: какъ подѣйствовали рѣчи Симміаса и Кебеса на Сократа, — былъ ли онъ ими пораженъ и озадаченъ, или же сохранилъ прежнее настроеніе духа? Федонъ описываетъ подробно, съ глубокимъ удивленіемъ къ лицу великаго философа, то непоколебимое спокойствіе, съ которымъ Сократъ выслушалъ возраженія обоихъ друзей. Тонко подмѣтивъ впечатлѣніе, произведенное на собе-

сѣдниковъ рѣчами противниковъ, Сократъ ласково обращается къ юношѣ Федону, котораго нѣжно любилъ, и, начавъ играть его прекрасными волосами, предлагаетъ ему обрѣзать ихъ себѣ въ знакъ траура, прибавляя, что онъ то же немедленно сдѣлалъ бы самъ, если бы могъ думать, что все предыдущее разсужденіе ихъ о безсмертіи погибло, и они не могутъ его воскресить. Ободривъ ласковой рѣчью юношу Федона, онъ предлагаетъ ему приступить къ новому изслѣдованію, прося принять соучастникомъ въ обсужденіи вопроса и его. Но прежде чѣмъ перейти къ самому предмету — разбору возраженій Симміаса и Кебеса — Сократъ старается предостеречь друзей отъ слишкомъ скораго принятія того, что съ перваго раза представляется рѣшительнымъ опроверженіемъ очевидной истины. Иначе легко, говоритъ онъ, потерять вѣру въ самое изслѣдованіе, всякое довѣріе къ разсужденіямъ вообще. Если въ основу разсужденія, продолжаетъ онъ далѣе, положено здравое и твердое начало, то не должно довѣрять первому возраженію, какъ бы оно ни представлялось сильно и неоспоримо. Возраженіе, не основанное на твердомъ началѣ, скоро покажетъ свою несостоятельность, а потомъ, точно такимъ же образомъ, другое и третье, и человѣкъ, не обладающій достаточно способностью разсуждать, легко можетъ потерять довѣріе къ самой истинѣ, — къ разсужденіямъ вообще. Не печально ли было бы видѣть, говоритъ Сократъ, если бы кто нибудь, имѣя къ людямъ слишкомъ большое довѣріе, а потомъ обманувшись въ одномъ, другомъ и третьемъ человѣкѣ, пришелъ бы наконецъ къ убѣжденію, что на свѣтѣ вовсе нѣтъ добрыхъ людей, потерялъ бы вѣру въ людей? Точно такая же осторожность, какая нужна въ сужденіи о людяхъ, необходима и въ дѣлѣ разсужденій, въ изслѣдованіи истины. То или другое разсужденіе, противорѣчащее истинѣ, основанной на твердомъ началѣ, можетъ иногда показаться неоспоримымъ, но надобно держаться припятаго однажды прочнаго и вѣрнаго основанія, не допуская въ разсужденія наши такихъ началъ, которыя въ одно время покажутся истинными, а въ другое ложными; иначе, — довѣряясь подобнаго рода разсужденіямъ, и вслѣдъ затѣмъ обнаруживая ихъ несостоятельность, мы можемъ придти

Сократъ заключаетъ свою рѣчь слѣдующими словами: «и такъ, любезный другъ мой Симміасъ, не должно говорить ни подъ какимъ видомъ, что душа есть гармонія; иначе мы не будемъ согласны ни съ божественнымъ поэтомъ Гомеромъ, ни сами съ собою.»

Я изложилъ въ послѣдовательномъ порядкѣ возраженія, приведенныя Сократомъ противъ Симміаса. Прежде нежели мы перейдемъ къ оцѣнкѣ ихъ достоинства, считаю необходимымъ нѣсколько остановиться на самой теоріи гармоніи. Воззрѣніе это, матеріалистическое по существу, находило себѣ во всѣ времена многочисленныхъ приверженцевъ, являясь то подъ той, то подъ другой формой, и въ настоящее время — едва ли не господствующее, по крайней мѣрѣ, въ извѣстной части общества. Что въ основѣ этого ученія лежитъ глубокій и притомъ самый утонченный матеріализмъ — это едва ли нужно доказывать. Душа, по этому представленію, составляетъ центръ, а тѣло периферію; первая — есть концентрическое, а второе — свободное сочетаніе элементовъ, составляющихъ организмъ. [1]) Ясно, что психическое начало сводится такимъ образомъ къ понятію чистаго небытія, и Штейнгартъ справедливо замѣчаетъ по этому поводу, что взглядъ на душу какъ на гармонію, положительнѣе утверждаетъ понятіе ея разрушимости, чѣмъ всякая другая матеріалистическая теорія; потому что, какъ скоро душа не является отдѣльнымъ отъ тѣла началомъ, то она, собственно говоря, не имѣетъ даже нужды въ уничтоженіи. [2]) Откуда явилась у Платона теорія гармоніи? Діогенъ Лаэрцій называетъ основателемъ этого ученія Зенона, [3]) а Аристотель — Парменида, [4]) и онъ же указываетъ въ другомъ мѣстѣ на пиѳагорейцевъ, какъ на послѣдователей и защитниковъ его. [5]) Пиѳагорейцы, принявъ числа за основу вещей (τοὺς ἀριθμοὺς αἰτίους εἶναι τῆς οὐσίας) и возводя каждое отдѣльное единичное бытіе къ понятію числа и гармоніи, принимали и душу за гармонію, признавая вмѣстѣ съ тѣмъ только въ этой

---

1) Platon's Sämmtl. Werke, von Müller, B. IV, S. 443.

2) Platon's Sämmtl. Werke, B. IV. S. 445.

3) Diog. Laërt. 9, 29.

4) Metaph. 4, 5.

5) De anima I, 4.

послѣдней (въ гармоніи) осуществленіе практической и нравственной идеи. Добродѣтель слѣдовательно по этому ученію есть гармонія, также какъ порокъ, по противуположности, — дизгармонія.[6]) Противъ этого-то ученія пиѳагорейцевъ, вынесеннаго Симміасомъ изъ школы Филолая, возражаетъ теперь Платонъ. Мы видѣли, что онъ приводитъ четыре противудоказательства въ опроверженіе пиѳагорейской доктрины. Собственно говоря, эти четыре доказательства могутъ быть сведены къ тремъ, (какъ и сводитъ ихъ Суземиль;) потому что четвертое есть не болѣе, какъ только простое приведеніе фактовъ, на которыхъ Платонъ утверждаетъ самостоятельность психическаго начала. Основа послѣдняго доказательства заключается во второмъ, гдѣ теоретически высказывается то положеніе, что гармонія никогда не можетъ находиться въ противорѣчіи съ образующими ее началами. Но такъ какъ съ одной стороны второе и четвертое доказательства раздѣлены между собою разсужденіями о добродѣтели и порокѣ и отношеніи ихъ къ гармоніи-душѣ, а съ другой, такъ какъ второе, кромѣ вышеприведенной мысли, заключаетъ въ себѣ и другія положенія, то я, по примѣру нѣкоторыхъ комментаторовъ, отдѣлилъ четвертое, какъ самостоятельное цѣлое.

Перехожу къ анализу. Первое, на что указываетъ Сократъ, приступая къ опроверженію Симміаса, это — несогласимость теоріи гармоніи съ предсуществованіемъ душъ. Если душа наша существовала прежде, чѣмъ воплотилась, то очевидно, что она не можетъ быть гармоніей, потому что иначе гармонія образовалась бы раньше своихъ элементовъ — раньше того, изъ чего она должна образоваться. Легко понять, что возраженіе это имѣло бы силу неопровержимаго доказательства, если бы сама теорія предсуществованія опиралась на болѣе твердыхъ началахъ. Но мы видѣли, при анализѣ психологическаго

---

[6]) Хотя Платонъ говоритъ въ настоящемъ мѣстѣ о психологическомъ ученіи пиѳагорейцевъ такъ положительно, но мы знаемъ изъ другихъ источниковъ, что оно далеко не отличалось такой опредѣленностью. См. Штейнгарта (Plat. Sämmtliche Werke, B. IV, S. 444.) Ср. Циммерманна (Die Unsterblichkeit der Seele in Plato's Phädo, S. 51 fg.) Опредѣляя какъ гармонію иногда самую душу, а иногда только одно изъ ея свойствъ—добродѣтель, они слѣд., по противуположности съ послѣднимъ должны были опредѣлять порокъ какъ дизгармонію.

ученія Платона объ идеяхъ, всю слабость и несостоятельность его въ этомъ пунктѣ. Какъ скоро онъ обошелъ вопросъ о возможности объяснять происхожденіе въ душѣ идей ихъ прирожденностью, или даже чисто эмпирическимъ путемъ; какъ скоро онъ, допустивъ въ душѣ нашей сознательное присутствіе всѣхъ идей съ минуты рожденія, разошелся съ опытомъ, — то ясно, что теорія предсуществованія падаетъ сама собою. Несравненно бо̀льшую силу имѣетъ второе доказательство, именно то замѣчаніе, что гармонія ни въ какомъ случаѣ не можетъ находиться въ противорѣчіи съ своими элементами, что она по природѣ лишена возможности самодѣятельности. Находясь въ зависимости отъ своихъ началъ, она можетъ быть болѣе или менѣе совершенной, сообразно характеру самыхъ началъ; слѣдовательно допускать въ себѣ степени, что немыслимо въ представленіи о душѣ, потому что каждая душа есть всецѣло и безусловно душа — не въ большей и не въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ каждая другая. Въ четвертомъ доказательствѣ, указывая на несогласимость дѣйствій души съ тѣмъ, что мы можемъ приписывать гармоніи, Платонъ приводитъ факты замѣчаемаго нами въ насъ самихъ противодѣйствія побужденіямъ тѣла: мы воздерживаемся отъ ѣды, когда чувствуемъ голодъ, отказываемъ себѣ въ питьѣ, когда чувствуемъ жажду и пр. Очевидно, что всего этого не можетъ совершать душа-гармонія, потому что гармонія по природѣ своей только и можетъ подчиняться образующимъ ее началамъ, только до тѣхъ поръ и существуетъ, пока остается въ согласіи съ ними. И такъ, если въ насъ есть нѣчто, что̀ можетъ противиться требованіямъ и желаніямъ тѣла и заявлять въ извѣстныхъ случаяхъ свои права, то очевидно, что это нѣчто представляетъ какую угодно силу, только не гармонію. Нельзя не согласиться, что приводимые Платономъ факты наблюденій надъ нашей внутренней жизнью имѣютъ въ настоящемъ вопросѣ необыкновенную важность, и если не составляютъ положительнаго опроверженія матеріалистическихъ теорій, то во всякомъ случаѣ составляютъ противъ нихъ весьма сильное возраженіе. По меньшей мѣрѣ, наблюденія эти даютъ намъ полное право предполагать бытіе внутри насъ какого-то независимаго, самостоятельнаго относительно тѣла начала, которое находится въ рѣшительномъ

противорѣчіи съ законами гармоніи, и не повинуется требованіямъ нашей физической природы. Положимъ, что даже отъ признанія присутствія въ насъ этого начала и его особности до безсмертія его еще очень далеко. Но здѣсь прежде всего необыкновенно важно то, что, какъ скоро мы признаемъ бытіе въ насъ какого-то начала, діаметрально противуположнаго не только законамъ, но самой природѣ гармоніи, то мы вмѣстѣ съ этимъ пріобрѣтаемъ право утверждать его реальную дѣйствительность и возможность безсмертія, а слѣдовательно, получаемъ дальнѣйшую возможность поставить вопросъ о дѣйствительности его безсмертія. И такъ положеніе, составляющее выводъ изъ разсужденій Платона о гармоніи и наблюденій надъ нашей внутренней жизнью, можетъ быть формулировано слѣдующимъ образомъ: «есть въ человѣкѣ отдѣльное отъ тѣла, независимое и самостоятельное по отношенію къ нему начало, котораго жизнь управляется его собственными, въ глубинѣ его сущности заключенными законами, не только не подчиненными, но діаметрально-противуположными законамъ гармоніи.» Продолжая возраженія далѣе, Платонъ поставляетъ новый вопросъ — о добродѣтели и порокѣ. Пиѳагорейцы, какъ мы видѣли выше, называли душу гармоніей, опредѣляя точно такимъ же образомъ и понятіе добродѣтели. Очевидно, слѣдовательно, что добродѣтель при этомъ представленіи есть не что иное, какъ гармонія гармоніи, (души) а порокъ — дизгармонія гармоніи. Взаимная несообразность положеній очевидна. Далѣе. Гармонія, по существу своему, представляетъ собой нѣчто безусловное въ смыслѣ совершенства, такъ что одинъ дизгармоническій тонъ рѣшительно уничтожаетъ ее: гармонія по природѣ только и можетъ быть одна. Между тѣмъ, говоря о душѣ, мы различаемъ души по степенямъ нравственнаго ихъ совершенства. Мы говоримъ объ одной душѣ, что она обладаетъ умомъ и добродѣтелью, и что она хороша, а о другой, — что она отличается глупостью и пороками, и что она дурна. Какъ же объяснять это нравственное различіе душъ, если и душа и добродѣтель представляютъ гармонію? Отвергать его очевидно невозможно, потому что это — фактъ, утверждаемый ежедневными наблюденіями. И такъ, приходится допустить сумму большаго и меньшаго въ душевной

гармоніи, принять различіе степеней въ самой природѣ гармоніи, -(вопреки утвержденному прежде положенію, что гармонія можетъ быть только безусловно совершенна, слѣдовательно по природѣ одна;) приходится допустить, что душа добродѣтельная и мудрая гармонична, менѣе добродѣтельная и мудрая — менѣе гармонична; наконецъ, порочная и не обладающая умомъ — дизгармонична. Необходимо признать, (также противъ утвержденнаго прежде положенія,) что одна душа можетъ быть болѣе душою, чѣмъ другая, или наоборотъ — менѣе душою, чѣмъ другая. Разбираемое нами возраженіе Платона, какъ видитъ читатель, представляетъ полемическій характеръ. Собственными положеніями пиѳагорейцевъ — сопоставленіемъ ихъ понятій о душѣ и добродѣтели — онъ показываетъ внутреннее противорѣчіе и логическую несообразность въ ихъ ученіи, что̀ конечно не могло не служить для пиѳагорейца Симміаса сильнымъ, хотя и отрицательнымъ аргументомъ.[1]) Остроуміе и утонченность діалектики, которыя обнаруживаетъ Платонъ въ этомъ анализѣ, неоспоримы. Что же касается логическихъ его основаній, то Платонъ подвергается нападкамъ критики въ этомъ пунктѣ болѣе, чѣмъ въ какомъ нибудь другомъ. Такъ напр. Бухеръ дѣлаетъ замѣчаніе, что «различеніе между музыкальной гармоніей и гармоніей души неправильно, потому что первая, если не представляетъ собою всецѣло гармоничнаго, не есть гармонія: она есть или нѣчто безусловное, или ея вовсе не существуетъ. Вовторыхъ, если даже допустить, что существуютъ степени гармоніи, то душа имѣетъ нѣчто аналогическое съ нею, потому что различныя степени относительной доброты душъ должны быть принимаемы какъ различіе душевной гармоніи. Платонъ впалъ въ тотъ недостатокъ, что онъ слово гармонія употребляетъ не въ одномъ и томъ же смыслѣ: сначала онъ принимаетъ ее, какъ нѣчто допускающее въ себѣ степени, а потомъ какъ абсолютную гармонію.» Справедливо ли это замѣчаніе? Многіе, конечно, найдутъ его справедливымъ, (какъ и дѣйствительно находятъ нѣкоторые критики.) Что касается меня, то я, признаюсь, вижу здѣсь только кажущееся противорѣчіе

---

[1]) См. Фулье, La Philosophie de Platon, t. II, p. 41.

Я не могу удовлетвориться въ этомъ случаѣ объясненіемъ Суземиля, который разсуждаетъ по этому поводу слѣдующимъ образомъ. «Гармонія допускаетъ въ себѣ степени различія, и слѣдовательно не вполнѣ исключаетъ дизгармонію; совершенно противуположнымъ этому образомъ ни одна душа не можетъ быть больше или меньше душою, чѣмъ другая. И такъ, если душа въ своей сущности вообще (ihrem allgemeinen Wesen nach) должна быть опредѣляема черезъ понятіе гармоніи, то это, по меньшей мѣрѣ, возможно при томъ ограниченіи, что гармонія есть нѣчто совершенное. На дѣлѣ однакожъ существуютъ различные роды душъ, которыя различаются между собою добродѣтелью и порокомъ, и это различіе должно быть объясняемо опять необходимымъ предположеніемъ гармоніи и дизгармоніи, заключенныхъ въ гармоніи. Такимъ образомъ, слѣдствіе становится въ противорѣчіе съ необходимо допущеннымъ ограниченіемъ предположенія, — (предположенія, что гармонія есть нѣчто безусловно совершенное) или же нужно уничтожить всякое нравственное различіе душъ; другими словами, уничтожить свободную волю, а вмѣстѣ съ тѣмъ — всякое различіе человѣка отъ животнаго.» [8]) Точно также я не могу вполнѣ согласиться и съ мнѣніемъ Штейнгарта, который говоритъ по этому поводу слѣдующее: «мы не смѣемъ думать, чтобы Платонъ упустилъ изъ виду это противорѣчіе, (въ опредѣленіи гармоніи,) вслѣдствіе поспѣшности. Выставляя его, Платонъ хочетъ указать на неясное и колеблющееся понятіе гармоніи, которая должна быть принимаема то за нѣчто относительное, допускающее въ себѣ большее и меньшее, то за абсолютное, — какъ совершеннѣйшее и чистѣйшее созвучіе всѣхъ частей.» [9]) Гораздо проще и ближе къ дѣлу это кажущееся противорѣчіе въ опредѣленіи гармоніи можетъ быть объяснено, по моему по крайней мѣрѣ мнѣнію, слѣдующимъ образомъ. Восходя въ процессѣ діалектическаго развитія мысли, по обыкновенной своей методѣ, отъ легчайшаго къ труднѣйшему и отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, Платонъ прежде всего останавливается на общеприня-

---

[8]) Susemihl, Die Genetische Entwickelung der Plat. Philos. S. 443.

[9]) Platon's Sämmtl. Werke, von Müller, B. IV. S. 445.

томъ, ходячемъ, такъ сказать, понятіи о гармоніи и душѣ. Не считаю нужнымъ говорить, что гармонія, принимаемая въ истинномъ, настоящемъ своемъ значеніи, только и можетъ быть безусловно совершеннымъ, абсолютно цѣлымъ, потому что, гдѣ есть одинъ дизгармоническій тонъ, тамъ ея не существуетъ. Не такъ однакожъ понимаютъ ее обыкновенно, потому что въ ней различаютъ степени. Съ этого-то обыкновеннаго, общепринятаго, ходячаго, такъ сказать, понятія о гармоніи и начинаетъ Платонъ, сопоставляя это понятіе также съ обыкновеннымъ, общепринятымъ понятіемъ о душѣ, въ которой рѣшительно никто и никогда не различаетъ степеней; такъ что, въ то время какъ мы допускаемъ относительно гармоніи: «большее или меньшее,» — никто не скажетъ, говоря о душѣ, «болѣе душа или менѣе душа.» Припомнимъ отвѣтъ Симміаса на вопросъ Сократа: «которому изъ двухъ мнѣній ты отдаешь предпочтеніе, — тому ли, что ученіе есть припоминаніе, или что душа есть гармонія?» Я приму гораздо скорѣе первое, любезный Сократъ, говоритъ онъ, потому что второе сложилось у меня на основаніи вѣроятности и кажущейся стороны дѣла, какъ слагаются мнѣнія у большей части людей. Вотъ эту-то кажущуюся сторону дѣла и беретъ прежде всего Платонъ, и — сопоставленіемъ понятій о гармоніи, въ которой представляютъ обыкновенно градусы, степени, оттѣнки, и душѣ, въ которой никто и никогда не допускаетъ ничего подобнаго, — показываетъ, что даже «на основаніи кажущейся стороны дѣла,» на основаніи повседневнаго, такъ сказать, всѣми усвоеннаго употребленія словъ: гармонія и душа ни въ какомъ случаѣ не приходится принимать душу за гармонію.

Опредѣливъ понятіе гармоніи, или, лучше сказать, приведши то опредѣленіе, которое ей обыкновенно даютъ, слѣдовательно пока еще не научно-философское, и показавъ, что даже это общепринятое понятіе о ней находится въ рѣшительномъ противорѣчіи съ обыкновеннымъ понятіемъ о душѣ, Платонъ въ дальнѣйшей части разсужденія подвергаетъ то же самое понятіе гармоніи уже научно-философскому анализу, доказывая, что существованіе ея возможно только при условіи полнаго, абсолютнаго ея совершенства, потому что даже только одинъ дизгармоническій

ію̆нъ обращаетъ ее въ ничто. А если такъ, — если гармонія можетъ представлять собою только нѣчто абсолютно-совершенное, безусловное, то — одно изъ двухъ: или свойства души — добродѣтель и порокъ, — принимаемые въ смыслѣ пиѳагорейскомъ, будутъ въ самомъ дѣлѣ не что иное, какъ гармонія и дизгармонія, заключенныя въ гармоніи, или же необходимо рѣшительно отвергнуть существованіе въ душахъ добродѣтели и порока, уничтожить совершенно нравственное различіе душъ по степенямъ ихъ совершенства, — что̀ отвергнуть, очевидно, фактически невозможно. Психологическая теорія пиѳагорейцевъ опровергается Платономъ, такимъ образомъ, сколько остроумно, столько же и основательно. Остановимся теперь на положительной сторонѣ разбираемаго доказательства и посмотримъ, въ какой степени тверды основанія его въ пользу противуположнаго взгляда, — положенія, что душа не представляетъ собою сочетанія началъ организма. Существо души во всѣхъ людяхъ одинаково. На чемъ это утверждается? На внутреннемъ ощущеніи каждаго, на характерѣ самосознанія. Мы сознаѐмъ въ себѣ нѣчто, что̀ въ извѣстныхъ случаяхъ можетъ противорѣчить требованіямъ организма, находиться въ дизгармоніи съ нимъ, и слѣдовательно само никакимъ образомъ не можетъ представлять собою гармоніи, потому что гармонія, какъ начало пассивное, только и можетъ безусловно зависѣть отъ чего нибудь другого, всецѣло повиноваться чему нибудь другому. Родство этого нашего повелительнаго начала съ вѣчными, безсмертными и неизмѣнными сущностями очевидно показываетъ превосходство его передъ всѣмъ видимымъ, слѣдовательно и нашимъ собственнымъ тѣломъ; а способность, принадлежащая этому внутреннему нашему нѣчто, повелѣвать — признакъ того, что оно управляется своими собственными законами и требованіями, отличными отъ законовъ и требованій тѣла. Если это, очевидно болѣе совершенное въ насъ начало — (болѣе совершенное вслѣдствіе очевиднаго родства своего съ болѣе совершеннымъ,) повинуется только самому себѣ, то такой образъ дѣйствій его есть принципъ добродѣтели; противуположное этому — какъ скоро оно отказывается отъ своихъ правъ и уступаетъ ихъ тѣлу — представляетъ порокъ.

И такъ, первый положительный выводъ, который мы извлекаемъ изъ этой части разсужденія Платона — тотъ, что душа по существу своему не различается въ людяхъ понятіемъ мѣры или степени, что каждая душа есть всецѣло и безусловно душа, — фактъ, утверждаемый общимъ сознаніемъ людей. Напрасно возражаютъ, что вся сила аргументаціи Платона утверждается въ этомъ случаѣ только на предположеніи (Voraussetzung) бытія самосознающей души. Общее сознаніе опирается въ этомъ случаѣ на личное, индивидуальное сознаніе каждаго — на самосознаніе, основу котораго составляетъ я. Душа мудрая, также какъ и ограниченная въ своихъ понятіяхъ, добрая также какъ и злая одинаково сознаютъ въ себѣ свое я, какъ нѣчто единичное, безразличное, простое и неизмѣнное по характеру. Въ силу этого Платонъ совершенно правъ говоря, что существо души во всѣхъ людяхъ одно и то же. Развѣ скажутъ, что фактъ самосознанія — не доказательство? Но въ такомъ случаѣ нѣтъ возможности и разсуждать о чемъ бы то ни было: отрицаніе полное и безусловное уничтожаетъ самую возможность мышленія, потому что при этомъ условіи мысль очевидно лишается какой бы то ни было точки опоры. Есть понятія первоначальныя, непосредственныя, на которыхъ утверждается наше мышленіе, и безъ которыхъ оно было бы невозможно. Если мы не признàемъ декартовскаго: cogito, ergo sum, если мы подвергнемъ сомнѣнію вѣрность основныхъ законовъ мысли — тождества, противорѣчія, достаточнаго основанія и пр., то мышленіе мгновенно обращается въ ничто. Несправедливо также оспариваетъ положеніе Платона объ одинаковости существа души въ людяхъ и Кунардъ, который думаетъ, что одна душа можетъ быть болѣе душою, чѣмъ другая; по его мнѣнію, Симміасъ долженъ былъ бы сказать, что одно твореніе имѣетъ душу, а другое — только основаніе ея. Допуская подобнаго рода различіе, онъ очевидно разумѣетъ подъ этимъ бо̀льшую, или меньшую спепень душевныхъ способностей въ людяхъ — ума, памяти, воображенія, силы мышленія и т. д. Но дѣло идетъ не о томъ, какъ вырабатывается подъ вліяніемъ разнообразныхъ условій та или другая душа, даже не объ относительной степени ея природной силы или крѣпости, а о самомъ, такъ сказать, ея зернѣ, ея ос-

ювѣ. Если одна душа проявляетъ въ себѣ бо̀льшую силу мыслительной способности чѣмъ другая, то самая основа этой способности — мыслящая сущность — у всѣхъ одна; разныя степени дѣятельности и обнаруженія ея вовнѣ принадлежатъ субъекту, котораго основу составляетъ я, не представляющее ни малѣйшаго различія въ сознаніи индивидуумовъ. Это-то внутреннее, ощущаемое, хотя и невидимое нами начало, — этотъ заключенный въ насъ повелительный голосъ, это нѣчто, которое имѣетъ способность предписывать законы тѣлу, Платонъ и называетъ душою. Если она, какъ мы говорили выше, дѣйствуетъ согласно съ своими инстинктами и своею природой, не измѣняя своей повелительной роли, — такой образъ дѣйствій ея представляетъ начало добродѣтели; въ противномъ случаѣ, — если она уклоняется отъ того, къ чему призвана природой и не управляетъ тѣломъ, — она порочна. Добродѣтель, слѣдовательно, есть свойство души самоопредѣлять себя къ дѣйствію на основаніи присущихъ каждой душѣ внутреннихъ инстинктовъ, — заключенныхъ въ ней идей истины, блага и красоты; противуположное этому начало — порокъ — представляетъ отреченіе души отъ своихъ правъ и всецѣлое подчиненіе себя тѣлеснымъ склонностямъ и влеченіямъ. Начало добродѣтели, такимъ образомъ, есть высшее выраженіе того господства души надъ тѣломъ, о которомъ Платонъ говорилъ въ четвертомъ доказательствѣ. Это различеніе между добродѣтелью и порокомъ, какъ преобладаніемъ духовнаго или тѣленаго начала, совершенно устраняетъ разсужденіями самаго же Платона возраженіе нѣкоторыхъ критиковъ противъ четвертаго доказательства, которые не хотятъ признать присутствія въ человѣкѣ чего-то, предписывающаго законы нашей тѣлесной природѣ на томъ основаніи, что преобладаніе души надъ тѣломъ никогда не бываетъ явленіемъ всеобщимъ и постояннымъ, и что первая точно также ограничиваетъ послѣднее, какъ и послѣднее—первое. Противъ этого замѣчанія я повторю то, что сказалъ выше, при разборѣ третьяго доказательства. (Въ анализѣ ученія Платона о сродствѣ души съ невидимыми сущностями.) Напрасно Бухеръ, сказали мы, оспаривая силу этого аргумента, возражаетъ, что душа не всегда владычествуетъ надъ тѣломъ, а точно также часто, если еще не

чаще, встрѣчается противное. Вопервыхъ, даже тогда, когда мы видимъ противное, то есть преобладаніе въ человѣкѣ тѣлесной природы, преобладаніе это никогда не бываетъ исключительнымъ, никогда не простирается на всевозможные частные случаи; вовторыхъ, здѣсь существенно важно не то, — часто или не часто мы встрѣчаемся съ фактомъ преобладанія души, а то, что этотъ фактъ существуетъ, и какъ скоро онъ проявляется, — онъ доказываетъ и присутствіе въ насъ какого-то невидимаго, повелѣвающаго начала и совершенство его природы, которая имѣетъ возможность подчинять себѣ видимую природу — тѣло. На этомъ самомъ возраженіи Бухера весьма подробно останавливается Бишофъ, и такъ какъ, съ одной стороны, я вполнѣ и безусловно раздѣляю въ этомъ случаѣ его взглядъ, а съ другой, — такъ какъ самостоятельность психическаго начала представляетъ здѣсь вопросъ первой важности, правильнѣе сказать, составляетъ суть всего дѣла, то я, чтобы дать моему читателю возможность обсудить вопросъ болѣе многостороннимъ образомъ приведу мнѣніе по этому поводу Бишофа вполнѣ. Вотъ, что онъ говоритъ. «Одно обстоятельство вызываетъ въ настоящемъ случаѣ сомнѣніе, а именно то, что Платонъ приписываетъ душѣ такое безусловное господство, въ то время какъ на самомъ дѣлѣ душа и тѣло, по большей части, взаимно опредѣляютъ и ограничиваютъ другъ друга. Но этимъ дано уже все, чего мы можемъ желать; потому что нѣтъ никакой необходимости принимать, что душа есть всегда господствующее. Какъ скоро уступлено, что она есть нѣчто призванное къ господству, что она можетъ владычествовать надъ тѣломъ, становиться съ нимъ въ противорѣчіе и сопротивляться ему, то этимъ самымъ представленіе о душѣ, какъ о гармоніи тѣла, уже устранено; и вмѣстѣ съ этимъ для цѣлаго вопроса о безсмертіи выиграно безконечно много, потому что во всякомъ случаѣ это рѣшительный пунктъ, къ которому приходитъ все: имѣетъ ли душа свободу относительно тѣла? (не абсолютную, а относительную.) Естественно, что подъ свободой не разумѣется произволъ; въ извѣстномъ смыслѣ можно также сказать, что духъ есть нѣчто всецѣло необходимое въ себѣ. (in sich Allernothwendigste.) Но вопросъ не въ томъ, — при-

надлежитъ ли душѣ полный произволъ, а въ томъ, можетъ ли она быть относительно тѣла не только опредѣляемымъ, но и опредѣляющимъ. И пусть она въ тысячѣ случаевъ будетъ опредѣляемымъ; какъ скоро она только въ одномъ есть опредѣляющее, какъ скоро открывается, что она можетъ и должна быть опредѣляющимъ, то этимъ представленіе, что она есть гармонія, дѣйствіе тѣла уже опровергается.» [10]) Теперь я возвращусь на минуту еще разъ ко второму доказательству. Мы видѣли, что теорія идей, на которой Платонъ утверждаетъ предсуществованіе, не выдерживаетъ критики въ этомъ послѣднемъ пунктѣ. Но анализируя доказательство въ его цѣломъ, (гл. V-ая) мы признали независимость нѣкоторыхъ идей отъ чувственнаго наблюденія и опыта. Если мы утвердимъ это какъ фактъ, то какъ бы ни былъ ограниченъ ихъ кругъ, существованіе ихъ во всякомъ случаѣ доказываетъ существованіе въ насъ самихъ какого-то самостоятельнаго, независимаго отъ тѣла начала, которое служитъ, такъ сказать, ихъ хранилищемъ. И такъ, анализъ изложенныхъ нами доказательствъ Платона показываетъ въ нихъ значительную степень твердости и силы, и во всякомъ случаѣ къ этой части разсужденія его нельзя относиться съ тою легкостью, какую позволяютъ себѣ въ этомъ случаѣ нѣкоторые критики, напр. Циммерманнъ. [11]) Каждое изъ четырехъ доказательствъ, взятое отдѣльно, представляетъ довольно сильное основаніе въ пользу самостоятельности души; тѣмъ болѣе силы представляютъ они, взятыя вмѣстѣ. Утвержденіе понятія гармоніи, какъ начала, неспособнаго по природѣ противиться своимъ элементамъ, или находиться съ ними въ противорѣчіи, даетъ твердую точку опоры, опредѣляя съ точностью предметъ изслѣдованія; а указаніе на факты замѣчаемаго нами въ насъ самихъ сопротивленія тѣлу со стороны какого-то другого начала и на бытіе въ насъ нѣкоторыхъ, не пріобрѣтаемыхъ опытомъ или чувственнымъ наблюденіемъ идей, утверждаетъ бытіе самаго начала,

---

[10]) Бишоѳъ, Plato's Phaedon, p. 330.

[11]) Zimmermann, Die Unsterblichkeit der Seele in Plato's Phaedo, Ss. 51 — 54.

независимаго отъ тѣла. Анализъ понятій добродѣтели и порока съ одной стороны показываетъ внутреннее противорѣчіе и, слѣдовательно, несостоятельность ученія пиѳагорейцевъ объ этомъ предметѣ, а съ другой самые факты добродѣтели и порока, — ихъ существованіе, если и не совершенно уничтожаютъ, то во всякомъ случаѣ сильно колеблютъ понятіе о гармоніи-душѣ. Наконецъ, ссылка въ концѣ разсужденій на Гомера есть указаніе на фактъ общаго сознанія людей, на непосредственное, внутреннее убѣжденіе всѣхъ и каждаго въ самостоятельности и независимости отъ тѣла психическаго начала. «Критики, говоритъ Бишофъ, оспариваютъ удовлетворительность опроверженія Платона, но только на томъ или на другомъ основаніи, не будучи въ состояніи доказать, что всѣ его доказательства, взятыя вмѣстѣ, ложны.» [12]) Дѣлать возраженія, прибавлю я къ этому отъ себя, противъ чего бы то ни было — очень не трудно. Гораздо труднѣе противупоставить теоріи, основанной на анализѣ положительныхъ данныхъ, другую теорію, объясняющую тѣ же факты болѣе удовлетворительнымъ образомъ. А такъ какъ возраженія критиковъ, отрицающихъ достоинство этой части разсужденій Платона, ограничиваются указаніемъ только на простую возможность объяснять тѣ же факты иначе, безъ анализа ихъ въ противуположномъ смыслѣ, то мы, согласно съ Бишофомъ, можемъ признать эти отрицательныя доказательства Платона достаточно убѣдительными. [13])

Отвѣтивъ на возраженіе Симміаса, Сократъ шутливо замѣчаетъ, что «теперь ѳиванская гармонія кажется утихла; но какъ, любезный Кебесъ,» прибавилъ онъ, «и какими доводами успокоимъ мы Кадма?» Остроуміе и основательность, съ которыми Сократъ опровергъ предыдущее возраженіе, внушаютъ Кебесу полную надежду, что и онъ также получитъ удовлетворительное разрѣшеніе своихъ сомнѣній. «Когда Симміасъ,» говоритъ онъ, «высказалъ то, въ чемъ онъ сомнѣвался, я съ крайнимъ удивленіемъ представлялъ, чтобы кто-нибудь могъ что-нибудь противупоста-

---

[12]) Бишоѳъ, Plato's Phaedon, S. 325

[13]) Бишоѳъ, Pl. Phaed. S. 330.

вить его разсужденіямъ; тѣмъ больше я былъ пораженъ, что онъ съ первой же минуты не могъ выдержать перваго натиска твоей рѣчи: и такъ, я не буду удивляться, если и разсужденіе Кадма испытаетъ ту же самую участь.» Сократъ проситъ друга не осыпать его такими похвалами, чтобы чья нибудь зависть не уничтожила разсужденія, къ которому они хотятъ приступить. «Впрочемъ, предоставимъ это,» говоритъ онъ въ заключеніе, «попеченію Бога; сами же мы, схватившись другъ съ другомъ какъ герои Гомера, изслѣдуемъ, — есть ли въ разсужденіи твоемъ истина?» Затѣмъ онъ кратко повторяетъ сущность возраженія, касаясь его главнымъ образомъ съ нравственной его стороны. «Ты боишься,» говоритъ онъ, «чтобы философъ, который въ виду смерти сохраняетъ надежду, и думаетъ, что онъ будетъ гораздо блаженнѣе тамъ, — по смерти, нежели, какъ если бы онъ умеръ, проведши иначе земную жизнь, — ты боишься, говорю, чтобы надежда этого философа не была безразсудна и напрасна? По твоему мнѣнію — показать, что душа есть нѣчто сильное и богоподобное, что она существовала прежде, чѣмъ мы сдѣлались людьми, вовсе не значитъ доказать, что она безсмертна, а только то, что она долговѣчна, что она существовала безконечное число лѣтъ прежде, многое знала и дѣлала, но при всемъ этомъ не была безсмертна; ты говоришь, что самый приходъ ея въ человѣческое тѣло составляетъ для нея начало гибели, какъ будто бы нѣкотораго рода болѣзнь; такъ что она проводитъ въ бѣдствіяхъ земную жизнь, а оканчивая ее, погибаетъ совершенно въ такъ называемой смерти. Ты говоришь, что по отношенію къ опасеніямъ, которыя каждый изъ насъ можетъ въ этомъ случаѣ имѣть, рѣшительно все равно, — входитъ ли она въ тѣло однажды, или много разъ, и что каждый, кто только не безуменъ, долженъ справедливо имѣть въ этомъ случаѣ опасенія, не зная и не имѣя возможности представить доказательствъ на то, что она безсмертна. «Это именно, какъ мнѣ кажется, ты утверждаешь, другъ мой Кебесъ,» продолжалъ Сократъ; «я съ намѣреніемъ,» прибавилъ онъ, «повторяю слова твои много разъ, для того, чтобы что-нибудь не ускользнуло отъ насъ, и ты, по своему желанію, могъ бы что нибудь прибавить или убавить.» «Я въ

настоящемъ случаѣ не имѣю нужды ни убавлять, ни прибавлять», отвѣчалъ Кебесъ: «это именно то самое, что я хочу сказать.» Сократъ задумался, и послѣ долгаго молчанія сказалъ, что отвѣтить на этотъ вопросъ нелегко, потому что для этого нужно изслѣдовать причину рожденія и разрушенія вообще. Онъ предлагаетъ ему выслушать разсказъ его о томъ, какъ онъ доискивался этой причины. Въ молодости, говоритъ онъ, у меня было удивительно сильное стремленіе къ той наукѣ, которую называютъ наукой о природѣ. (περὶ φύσεως ἱστορία.) Въ природѣ, въ ея силахъ и явленіяхъ Сократъ прежде всего началъ искать объясненія причинъ бытія — причины происхожденія, существованія и разрушенія предметовъ. Онъ задаетъ себѣ вопросъ: не образуются ли живыя существа вслѣдствіе разложенія чего-нибудь теплаго или холоднаго, и обращаясь къ причинѣ существованія самой мысли, ища силы, помощію которой совершается мышленіе, попеременно видитъ ее въ крови, воздухѣ, огнѣ; потомъ, останавливается на предположеніи, — не есть ли эта сила мозгъ, воспроизводящій въ насъ впечатлѣнія зрѣнія, слуха и обонянія, и не бываетъ ли такимъ образомъ, что изъ получаемыхъ нами впечатлѣній раждаются воспоминаніе и представленіе, а воспоминаніе и представленіе, пришедши въ состояніе покоя, творятъ науку? Но, наблюдая преходимость этихъ предметовъ, равно какъ и явленія, происходящія на небѣ и на землѣ, Сократъ приходитъ къ мысли о невозможности объяснить что-бы-то ни было подобнымъ способомъ; изслѣдуя вещи этимъ путемъ, онъ дошелъ до такой степени умственной слѣпоты, что не сталъ понимать даже и того, что̀ прежде, какъ ему казалось, зналъ хорошо. Такъ напр. прежде ему казалось совершенно естественнымъ, что возрастаніе человѣка совершается черезъ ѣду и питье, — черезъ прибавленіе получаемыхъ нами элементовъ пищи къ элементамъ тѣла. Точно также прежде онъ находилъ, что человѣкъ большо̀го роста выше человѣка маленькаго роста головой, или одна лошадь тѣмъ же самымъ выше другой. Далѣе. Прежде онъ считалъ, что десять больше восьми потому, что первое число содержитъ въ себѣ двѣ лишнихъ единицы противъ послѣдняго, и два локтя больше одного потому, что первое

количество половиной превосходитъ второе. Въ настоящее же время онъ отказывается объяснять причину котораго нибудь изъ этихъ явленій, равно какъ и то, — какимъ образомъ единица, къ которой прибавлена другая единица, становится двумя, или единица, раздѣленная пополамъ, превращается въ два. Причина, по которой образовалось во второмъ случаѣ два, очевидно, противуположна той, которая дѣйствовала въ первомъ, потому что тамъ это произошло черезъ соединеніе, а здѣсь — черезъ раздѣленіе. Точно такимъ же образомъ, говоритъ Сократъ, я не могу убѣдиться, что я знаю, какъ образуется единица, ни того, — чтобы все сказать однимъ словомъ, — почему что нибудь раждается, погибаетъ или существуетъ; я соединяю, заключилъ онъ, съ этимъ способомъ изслѣдованія другой, мой собственный; а этого одобрить никакимъ образомъ не могу. Эти первыя попытки Сократа, или правильнѣе Платона, — найти основную причину бытія носятъ на себѣ ясные слѣды ранняго вліянія на него іонійской философіи, изученіемъ которой началось его философское развитіе, и съ которой онъ познакомился, какъ мы уже упоминали, черезъ Кратила. [14]) Отыскивая эту первоначальную причину, — единую, неизмѣнную субстанцію, которую можно бы было принять за основу безчисленныхъ видоизмѣненій въ предметахъ и явленіяхъ, іонійцы остановились прежде всего на природѣ, такъ какъ въ ней самой естественнѣе всего было предположить эту первоначальную силу. Послѣдовательно переходя отъ одного начала къ другому, они признавали за первую основу вещей то влагу какъ Ѳалесъ, [15]) то воздухъ какъ Анаксименъ, [16]) то пер-

---

[14]) Русская литература имѣетъ превосходное сочиненіе по исторіи греческой философіи въ періодъ до Сократа. Это — сочиненіе Каткова: «Очерки древнѣйшаго періода греческой философіи,» Москва, 1853. Здѣсь читатель найдетъ сжатыя, но весьма мѣткія характеристики упоминаемыхъ нами іонійцевъ, также какъ и характеристику другихъ философскихъ направленій этого періода.

[15]) Ѳалесъ — основатель іонійской школы, уроженецъ Милета; время жизни его полагаютъ обыкновенно между 639 — 546 до Р. Х.

[16]) Анаксименъ (по мнѣнію Риттера) — ближайшій изъ преемниковъ Ѳалеса; годъ рожденія его помѣщаютъ обыкновенно между 55 и 58-й Ол. (560 — 548 до Р. Х.) какъ и Ѳалесъ, Анаксименъ былъ родомъ изъ Милета.

воначальную хаотическую матерію, какъ Анаксимандръ. [17]) Съ этихъ же самыхъ философскихъ принциповъ началъ и Платонъ. Задавъ себѣ вопросъ о силѣ, помощію которой человѣкъ мыслитъ, онъ ищетъ ее то въ крови, какъ объяснялъ процессъ мышленія Эмпедоклъ, [18]) то въ стихіи воздуха, какъ Анаксименъ, то наконецъ, согласно съ Гераклитомъ — [19]) въ огнѣ. Но невозможность объяснить себѣ этимъ способомъ понятіе величинъ или чиселъ, — странность того факта, что единица, прибавленная къ единицѣ, даетъ въ результатѣ два, также какъ и единица, раздѣленная на двое — два, полученіе, слѣдовательно, одного и того же результата помощію двухъ діаметрально-противуположныхъ процессовъ, — необъяснимость этихъ и подобныхъ явленій заставила Сократа отказаться отъ теорій іонійцевъ, и вотъ что онъ разсказываетъ намъ о дальнѣйшемъ ходѣ своего философскаго развитія. «Когда я однажды услышалъ», говоритъ онъ, «какъ нѣкто читалъ изъ книги, написанной, какъ онъ сказалъ, Анаксагоромъ, что умъ есть распорядитель и виновникъ всего, я обрадовался этой причинѣ, и нашелъ нѣкоторымъ образомъ хорошимъ, что умъ есть виновникъ всего; я думалъ, что если это справедливо, то приводящій все въ порядокъ умъ располагаетъ все вмѣстѣ и каждый отдѣльный предметъ такъ, чтобы это представляло для нихъ самое лучшее. Такимъ образомъ, если бы кто нибудь захотѣлъ найти причину для каждаго, по которой каждый раждается, погибаетъ или существуетъ, то надобно опредѣлить относительно каждаго предмета то, — какъ ему лучше всего существовать, или чтò претерпѣвать или дѣлать.» Сократъ останавливается такимъ образомъ на принципѣ ума, какъ на такомъ началѣ, которое объясняетъ причину явленій бытія наиболѣе удовлетворительнымъ образомъ. «Я обрадовался», продолжаетъ онъ, «что нашелъ въ Анаксагорѣ учителя, объясняющаго мнѣ причины явленій согласно моему собственному образу мыслей. При этомъ способѣ объясненія очевидно, что разсуждая напр. о видѣ

---

[17]) Анаксимандръ — род. въ Милетѣ въ 610 году до Р. Х. Ол. 42, 3.

[18]) Эмпедоклъ — род. въ Агригентѣ въ 490 до Р. Х.

[19]) Гераклитъ — родомъ изъ Эфеса; род. около 69 Ол. (503 до Р. Х.)

земли — представляетъ ли она плоскость или кругла — нужно показать не что иное, какъ необходимость той или другой ея формы на основаніи идеи наилучшаго, т. е. показать, что гораздо согласнѣе съ разумомъ, чтобы она была такой, а не другой; точно такимъ же образомъ, назначая ей мѣсто въ центрѣ міра, необходимо показать, что для нея лучше находиться именно въ центрѣ, а не въ какой нибудь другой части вселенной. Если бы кто-нибудь, разсуждая объ этихъ вопросахъ», говоритъ Сократъ, «ясно мнѣ это показалъ, — я былъ бы готовъ не требовать больше никакой другой причины. Точно такого же рода изслѣдованіе я готовъ былъ сдѣлать относительно солнца, луны и прочихъ свѣтилъ, ихъ взаимной скорости и происходящихъ съ ними перемѣнъ, — въ какомъ отношеніи представляется лучшимъ, чтобы каждое изъ нихъ дѣлало или испытывало то, что оно дѣлаетъ или испытываетъ. Очевидно, что какъ скоро въ объясненіе явленій положено это начало, — начало наилучшаго, то всѣ другія причины становятся излишними, потому что оно одно, само по себѣ разрѣшаетъ всѣ возможные вопросы какъ нельзя болѣе удовлетворительно. И такъ, объяснить причину каждаго отдѣльнаго явленія и всѣхъ вмѣстѣ значитъ показать то, что̀ составляетъ самое лучшее для каждаго отдѣльно и для всѣхъ вообще. Я не отдалъ бы въ этомъ случаѣ,» заключилъ Сократ, «моихъ надеждъ за дорогую цѣну, но, принявшись со всею ревностью за подобныя книги, прочелъ бы ихъ со всевозможной для меня скоростью для того, чтобы какъ можно скорѣе достичь познанія самаго лучшаго и худшаго.» Сократъ отправляется по этому, новому для него пути въ области изслѣдованія, увлекаемый, какъ онъ самъ говоритъ, чудными надеждами; но по мѣрѣ того какъ подвигается въ чтеніи впередъ, видитъ человѣка, который не дѣлаетъ никакого приложенія изъ ума, и не къ нему возводитъ причины правильнаго распорядка вещей, а поставляетъ ихъ въ воздухѣ, эѳирѣ, огнѣ и другихъ также несообразно принятыхъ началахъ. Съ обыкновенною тонкостію своей ироніи, но тѣмъ не менѣе ѣдко и зло онъ разбираетъ внутреннее противорѣчіе ученія Анаксагора. «Разсуждать подобнымъ образомъ», (т. е. какъ Анаксагоръ) говоритъ онъ, — «совершенно тоже самое, какъ если-

бы кто-нибудь, разсуждая о моихъ дѣйствіяхъ, сталъ объяснять ихъ такъ. Начавъ съ положенія, что всѣ дѣйствія Сократа вытекаютъ изъ началъ ума, что все, что я дѣлаю, я дѣлаю на основаніи разсудка, а потомъ, перешедши къ объясненію какого-нибудь моего дѣйствія въ частности, напр. къ вопросу, почему я сижу здѣсь, въ этой тюрьмѣ, сталъ бы приводить такія причины, какъ кости, нервы и извѣстное сочетаніе ихъ въ организмѣ, вмѣсто того, чтобы указать на умъ, котораго внутреннее побужденіе и рѣшеніе привело меня сюда. Точно такимъ же образомъ, совершенно подобное сказалъ бы кто-нибудь, если бы, заговоривши о томъ, почему мы здѣсь въ настоящее время бесѣдуемъ, сталъ бы приводить такія причины, какъ напр. голосъ, воздухъ, слухъ и другія подобныя, вмѣсто того, чтобы сослаться на настоящую, а именно, что послѣ того какъ аѳиняне сочли за лучшее осудить меня, нашелъ по этому самому лучшимъ и болѣе справедливымъ и я сидѣть здѣсь въ ожиданіи казни, къ которой они меня присудили». И такъ причина, вслѣдствіе которой Сократъ сидитъ въ темницѣ и его друзья бесѣдуютъ съ нимъ,—это его рѣшимость добровольно подвергнуться казни, которую опредѣлила ему республика. Если же выставлять на первомъ планѣ кости, нервы, точно также какъ звуки голоса и слухъ, то это очевидно значитъ смѣшивать вещи между собою и не различать, что иное дѣло причина, а совершенно иное то, безъ чего причина не была бы причиной. Ее-то именно, говоритъ Сократъ, многіе изслѣдуютъ какъ будто въ темнотѣ, и называя ее чуждымъ ей именемъ, выдаютъ другой предметъ за причину. Вотъ почему одинъ окружаетъ землю вихремъ, производимымъ небесами, и дѣлаетъ ее неподвижною, а другой подпираетъ ее воздухомъ, принимая ее такимъ образомъ за широкій сосудъ; но той силы, помощію которой все это расположено такъ, какъ расположено,—лежащей во всѣхъ этихъ предметахъ способности быть расположенными наилучшимъ образомъ,—они не ищутъ, и не думаютъ о томъ, что они заключаютъ въ себѣ нѣкоторую божественную силу; они надѣются найти Атласа, который бы обладалъ большимъ могуществомъ и безсмертіемъ чѣмъ она, и былъ бы больше

способенъ все содержать, но ничуть не представляютъ, что только доброе и разумное все соединяетъ и содержитъ. Отказавшись и отъ этого способа изслѣдованія, Сократъ пускается «въ новое плаваніе» съ той же самой цѣлью — для отысканія первой причины бытія. И такъ, второй руководитель, которому подчинился Сократъ, отказавшись отъ іонійцевъ, былъ Анаксагоръ. [20]) Этотъ послѣдній рѣзко отличается направленіемъ отъ своихъ предшественниковъ, и представляетъ новую ступень въ развитіи греческой философіи. На немъ теперь мы должны остановиться. Какъ и мыслители предыдущаго періода, Анаксагоръ признавалъ существованіе вѣчной матеріи, не въ раздѣленномъ видѣ элементовъ Эмпедокла, а въ смѣшеніи и соединеніи ихъ. Вѣчная матерія является у него подъ формою безконечнаго множества элементарныхъ частицъ — гомеомерій, (ὁμοιομέρειαι) представляющихъ зародыши, основу вещей. Этою стороною своего ученія онъ слѣдовательно примыкаетъ еще къ іонійцамъ. Но послѣдніе, искавши въ природѣ первоначальной основы, которую можно было бы принять за универсальное производительное начало, и останавливавшись попеременно то на одномъ, то на другомъ, не могли отвѣтить на вопросъ: какъ и почему безконечная матерія раздѣлилась на міры, безчисленные предметы и существа; точно такъ, какъ не могли отвѣтить элейцы на другой вопросъ: какъ и почему безконечное-единое, чистое и несмѣшанное превратилось въ безконечное-многое, нечистое и смѣшанное. Анаксагоръ вводитъ новую силу для объясненія процесса превращенія грубой матеріи въ формы — умъ. (νοῦς) Первоначально всѣ вещи, говоритъ онъ, находились въ смѣшеніи; потомъ началъ дѣйствовать умъ, и все привелъ въ порядокъ. (Εἶτα νοῦς ἐλθὼν πάντα διεκόσμησε.) Умъ, такимъ образомъ, въ ученіи Анаксагора играетъ роль универсальной движущей силы, которая преобразуетъ грубое, дизгармоническое вещество въ стройные, гармоническіе міры. Что же это за сила? «Анаксагоръ опредѣляетъ разумъ, какъ свободно дѣйствующій, ни съ чѣмъ несмѣшанный, какъ причину

---

[20]) Біографическія данныя объ Анаксагорѣ см. во 2-ой части, прим. 82.

движенія, которая сама недвижима, но которая дѣятельна повсюду, какъ начало самое тонкое и чистое. Всѣ эти предикаты основаны еще по большей части на физической аналогіи и не совсѣмъ ясно поставляютъ понятіе о нематеріальности. Но съ другой стороны качество мышленія и сознательная, цѣлесообразная дѣятельность, приписываемая Анаксагоромъ разуму, не оставляютъ никакого сомнѣнія относительно рѣшительно идеальнаго характера анаксагорова принципа. Тѣмъ не менѣе однако Анаксагоръ ограничился только постановкою своей основной мысли, и не далъ ей полнаго развитія. Къ идеѣ нематеріальнаго принципа привела его единственно потребность признать такую движущую причину, которой можно бы приписать вмѣстѣ съ тѣмъ цѣлесообразную дѣятельность. Оттого его νοῦς не больше, какъ двигатель матеріи, и въ этомъ заключается вся его дѣятельность.» Въ цитированномъ нами отрывкѣ изъ Швеглера [21]) весьма точно опредѣляется понятіе анаксагоровскаго νοῦς. Что онъ былъ приведенъ къ предположенію подобной силы невозможностью объяснить процессъ превращенія смѣшанной и грубой матеріи въ опредѣленныя формы предметовъ, — это очевидно. Если врожденная матеріи гераклитовская сила движенія объясняла самое движеніе, то ни въ какомъ случаѣ не могла объяснить распредѣленія матеріи и принятія ею опредѣленной формы. И такъ, необходимо, повторяемъ, нужно было предположить движущую силу внѣ безформеннаго и грубаго вещества, которая могла бы это сдѣлать. Анаксагоръ говоритъ, что эта сила есть умъ. Очевидное дѣло, что эта сила, какъ сила универсальная, превращающая нераздѣленную еще матерію въ стройные міры, должна непремѣнно дѣйствовать сознательно, должна знать, какъ именно нужно распредѣлить частицы вещества, какъ сочетать ихъ въ тѣ или другія формы. И дѣйствительно, изъ отрывка, сохраненнаго намъ Симплиціемъ, мы знаемъ, что Анаксагоръ принималъ умъ за независимое и сознательное начало, дѣйствующее только по своему собственному, внутреннему воз-

---

[21]) Исторія философіи, стр. 31 и слѣд.

ужденію. «Изъ всѣхъ вещей», говоритъ Анаксагоръ, «умъ есть энчайшая и чистѣйшая: онъ имѣетъ полное знаніе всего. Все, го имѣетъ душу — малое и великое — управляется умомъ (νοῦς ρατεῖ.) Разумъ все знаетъ (πάντα ἔγνω νοῦς) — и то, что мѣшано и то, что раздѣлено, и то, что должно быть, и то, го было, и то, что теперь есть, и то, что будетъ, — все строено разумомъ». (πάντα διεκόσμησε νοῦς) Платонъ, какъ мы идѣли выше, порицаетъ теорію Анаксагора за ея внутреннія ротиворѣчія, за дуализмъ ея началъ, — упрекъ, который дѣаетъ ему и Аристотель. Съ одной стороны, Анаксагоръ приниаетъ умъ, какъ сознательную, вседвижущую, всеустроящую силу, а ь другой — вѣчную, независимую отъ него матерію — которая имѣетъ зои собственные, въ ней самой лежащіе законы. Сознательная сила сеустрояющаго ума должна очевидно царить, и зная то, «что олжно быть,» должна все устроять только согласно своей собственой идеѣ; между тѣмъ эта сила встрѣчаетъ матерію, въ которой аключена возможность сдѣлать изъ нея только то, что позволяетъ ея рирода. Приходится такимъ образомъ опять объяснять вещи изъ ихъ самихъ, а не изъ творческаго, сознательнаго принципа ума, нающаго въ совершенствѣ то, «что должно быть.» Съ этой очки зрѣнія Платонъ представляется мнѣ совершенно правъ, огда говоритъ: «по мѣрѣ того, какъ я подвигался впередъ продолжалъ чтеніе, я увидѣлъ человѣка, который не дѣлалъ икакого приложенія изъ ума, и не къ нему возводилъ причины равильнаго распорядка вещей, а поставлялъ ихъ въ воздухѣ, эирѣ, водѣ и другихъ, такъ же несообразно принятыхъ началахъ.» ногіе однако положительно отрицаютъ это противорѣчіе и обвиютъ не Анаксагора, а самого Платона въ томъ, что онъ не энялъ идеи νοῦς, отождествивъ его съ принципомъ нравственаго ума, — съ умомъ человѣческимъ. Я позволю себѣ замѣтить это слѣдующее. Во первыхъ, Платонъ рѣшительно не думаетъ ождествлять того и другого. Онъ просто не больше какъ проодитъ между ними параллель, беретъ примѣръ для сравненія. казавъ на невыдержанность у Анаксагора принятаго имъ начала, ъ говоритъ: καί μοι ἔδοξεν ὁμοιότατον πεπονθέναι «и мнѣ показалось, что это чрезвычайно похоже на то, какъ если бы» и пр.

и за тѣмъ уже приводитъ названные выше примѣры. Вовторыхъ, обвинять Платона такъ рѣшительно и положительно въ непониманіи теоріи Анаксагора, какъ это дѣлаетъ Льюисъ и другіе критики новаго времени, [22]) мнѣ, по крайней мѣрѣ, представляется слишкомъ большою смѣлостію. Я рѣшительно не умѣю представить, чтобы такой глубокій, геніальный умъ какъ Платонъ, коротко знакомый съ философскими системами всѣхъ греческихъ мыслителей, не понималъ теоріи Анаксагора, и притомъ не въ какой нибудь частности, а въ основномъ принципѣ ея,—въ цѣломъ. Имѣвши въ рукахъ подлинныя сочиненія Анаксагора не въ отрывкахъ, какъ имѣемъ ихъ мы, — обстоятельство необыкновенной важности, — а въ полномъ ихъ составѣ, онъ могъ обнимать его теорію полнѣе, а слѣдовательно и судить о ней вѣрнѣе, нежели мы, отдаленные отъ Анаксагора разстояніемъ болѣе 2,000 лѣтъ. Необыкновенно важное значеніе здѣсь имѣетъ и то, что обвиненіе, взводимое на Анаксагора Платономъ, повторяется рѣшительно всѣми древними писателями. Кромѣ Аристотеля, о которомъ мы упомянули выше, ему дѣлаетъ тотъ же самый упрекъ Ксенофонтъ; (Memor., IV, 7, 6.) а согласно съ ними выражаются объ Анаксагорѣ Плотинъ, Климентъ Александрійскій и комментаторъ Аристотеля Симплицій. [23])

Несравненно болѣе естественнымъ представляется то предположеніе, что Анаксагоръ, не успѣвъ еще вполнѣ освободиться отъ вліянія предшественниковъ своихъ іонійцевъ, и допустивъ подобно имъ существованіе вѣчной матеріи, не вездѣ выдерживалъ вѣрность своему собственному принципу, и, впадая по временамъ въ противорѣчіе съ самимъ собою, прибѣгалъ въ объясненіи явленій къ чисто-физическимъ силамъ матеріи болѣе, нежели сколько этого требовала всеустрояющая сила его νοῦς. [24]) Я, не

---

[22]) Исторія философіи отъ начала ея въ Греціи до настоящихъ временъ С. П. Б. 1867 г. с. 79 и сл. Ср. Dictionnaire des sciences philosophiques. Paris, tome premier: Anaxagore.

[23]) См. Виттенбаха, Platonis Phaedo, p. 253.

[24]) Не оправдывается ли это предположеніе самымъ прозваніемъ ὁ φυσικώτατος, даннымъ Анаксагору древними?

крайней мѣрѣ, рѣшительно убѣжденъ, что критика новаго времени относится слишкомъ легко къ обвиненіямъ, взводимымъ на него древними, и тѣмъ болѣе легко, что обвиненія эти высказываются людьми, не только не чуждыми философіи, а такими серьёзными мыслителями, каковы Платонъ, Аристотель и Плотинъ.

ГЛАВА VIII.

Четвертое—космическое—доказательство безсмертія души.—Метафизическо учение Платона объ идеяхъ. — Анализъ доказательства.

Мы переходимъ теперь къ важнѣйшей части разсужденій Платона о безсмертіи, — къ метафизическому ученію его объ идеяхъ. Отвѣтивъ на возраженіе Симміаса, не есть ли душа наша гармонія, и перешедши къ опроверженію замѣчанія Кебеса о возможности допустить ту мысль, что душа по существу своему только долговѣчна, но не безсмертна, Сократъ замѣтилъ послѣднему, что для рѣшенія этого вопроса нужно изслѣдовать причину рожденія и разрушенія вообще. Онъ началъ, какъ мы видѣли, издалека,—съ изложенія процесса своего философскаго развитія, съ разсказа о пути, который онъ прошелъ, отыскивая общую, основную причину всего. Останавливавшись поперемѣнно то на той, то на другой теоріи іонійцевъ, и увидѣвъ невозможность объяснить происхожденіе явленій изъ одной матеріи, Сократъ обратился къ Анаксагору, у котораго онъ встрѣтилъ новую, неизвѣстную іонійцамъ образующую силу — умъ. Онъ съ радостью хватается за эту причину, думая найти въ ней ра рѣшеніе всѣхъ вопросовъ и недоумѣній, уяснить себѣ съ помощію ея всѣ явленія бытія. Но невыдержанность у Анаксагора логической послѣдовательности въ приложеніи принятаго имъ принципа ума, и частая замѣна его образующей силы законами и дѣйствіями чисто-физическими, заставили Сократа оставить его теорію, и обратиться къ самостоятельному изслѣдованію первой причины. Объ этомъ новомъ пути своемъ въ области изслѣдованія, или, какъ онъ выражается, объ этомъ «новомъ

плаваніи» своемъ онъ разсказываетъ теперь Кебесу. Приступаю къ изложенію его теоріи.

«Послѣ того,» началъ Сократъ, «когда я отказался отъ изслѣдованія сущности бытія, я счелъ нужнымъ остерегаться, чтобы не испытать того, что испытываютъ люди, созерцающіе и наблюдающіе солнечное затмѣніе; потому что нѣкоторые портятъ себѣ зрѣніе, если видятъ образъ его не въ водѣ или другой средѣ. Нѣчто подобное изслѣдывалъ и я, и боялся, чтобы мое духовное зрѣніе вовсе не померкло, если я буду смотрѣть на предметы глазами, или соприкасаться съ ними помощію каждаго другого тѣлеснаго чувства. Вслѣдствіе этого мнѣ показалось необходимымъ, обратившись къ причинамъ, изслѣдовать въ нихъ истинную сущность бытія. Впрочемъ, можетъ быть», прибавилъ онъ, «образъ, который я беру для сравненія, не представляетъ подобія съ тѣмъ, о чемъ я говорю; потому что я не признаю также точно, что тотъ, кто изслѣдуетъ бытіе въ его основахъ, созерцаетъ его лучше въ образахъ, нежели въ его собственной сущности. Но однако, я устремился по этому пути, и принимая каждый разъ за основаніе извѣстное начало, которое нахожу наиболѣе твердымъ, я все то, что мнѣ кажется согласнымъ съ этимъ началомъ, признаю за истинное, — будетъ ли дѣло касаться причинъ или чего бы то ни было, — а то, что несогласно съ нимъ, не признаю. Я не говорю», продолжалъ Сократъ, «ничего новаго, а только то, что я не переставалъ говорить постоянно и прежде и теперь, — въ предыдущей части разсужденія; и такъ, я намѣренъ продолжать объяснять тебѣ тотъ родъ причины, которая составляла предметъ моихъ изслѣдованій; я возвращаюсь снова къ извѣстнымъ тѣмъ предметамъ, и съ нихъ начинаю, принимая за основаніе, что есть нѣчто прекрасное въ самомъ себѣ, доброе, великое и все другое подобное». И такъ, вотъ точка отправленія Сократа въ изслѣдованіи первой причины. Начало, изъ котораго онъ объясняетъ бытіе каждаго отдѣльнаго, единичнаго предмета и всѣхъ явленій вообще — идеи. «Есть нѣчто,» говоритъ онъ, «безусловно прекрасное, безусловно доброе, безусловно великое» и т. д. Каждый отдѣльный прекрасный предметъ прекрасенъ не черезъ что иное, какъ черезъ

то, что онъ усвоиваетъ себѣ, воспринимаетъ въ себя природу прекраснаго, или, какъ выражается Платонъ, причащается прекраснаго въ самомъ себѣ. (μετέχει τῆς οὐσίας τοῦ καλοῦ.) Въ чемъ бы ни проявлялась красота отдѣльнаго прекраснаго предмета, — будетъ ли онъ имѣть прекрасный цвѣтъ или форму — его дѣлаетъ прекраснымъ не что иное, какъ присутствіе въ немъ прекраснаго въ самомъ себѣ, — его пріобщеніе красоты послѣдняго, какимъ бы способомъ оно ни происходило. Точно такимъ же образомъ извѣстный предметъ большой величины великъ не черезъ что иное какъ своею великостью, и бо̀льшій — больше по той же причинѣ, т. е. по причинѣ великости, и малый малъ не чѣмъ другимъ, какъ своею малостію. При такомъ способѣ объясненія, очевидно, нѣтъ возможности сказать напр., что одинъ человѣкъ выше другого головою, потому что, если это допустить, то ясно, что, вопервыхъ, большій — больше и меньшій меньше — тѣмъ же самымъ, а вовторыхъ бо̀льшій будетъ выше головою, которая мала; но это представляетъ очевидную странность, чтобы кто нибудь могъ быть большимъ черезъ то, что въ немъ есть нѣчто малое. И такъ, человѣкъ большо̀го роста будетъ великъ потому, что онъ причащается природы великости, также какъ малый малъ потому, что онъ причащается природы малости. Точно такимъ же образомъ странно было бы сказать, что десять больше восьми двумя, и что первое число превосходитъ второе именно по этой причинѣ, т. е. по причинѣ присутствія въ первомъ — двухъ, или, что все двухлоктевое превосходитъ однолоктевое половиной, потому что возраженіе въ этомъ случаѣ тоже самое, какъ и въ предыдущемъ. И такъ число десять превосходитъ число восемь природой количества, точно такъ какъ все двухлоктевое превосходитъ однолоктевое природой величины. Въ силу этого, далѣе, ясно, что образованіе самаго числа двухъ невозможно объяснить прибавленіемъ одной единицы къ другой, или наоборотъ — раздѣленіемъ единицы пополамъ: причина образованія двухъ есть причащеніе чего-нибудь природы двойственнаго числа, точно такъ какъ что-нибудь другое, причащаясь природы единичности, становится единицей. И такъ, всѣ идеи суть прежде всего нѣчто дѣйствительное, (реальное) и всѣ безчисленные единичные предметы получаютъ свое бытіе и названіе черезъ причащеніе

природы идей. Сократъ беретъ вопросъ съ новой стороны. Утвердивъ бытіе идей, какъ самостоятельныхъ сущностей, онъ подвергаетъ разсмотрѣнію ихъ природу и развиваетъ свою мысль, по обыкновенной своей методѣ, въ формѣ примѣровъ. Не утверждаешь ли ты, спрашиваетъ онъ Кебеса, говоря, что Симміасъ больше Сократа и меньше Федона, — не утверждаешь ли ты, что въ Симміасѣ находится и то и другое — и великость и малость? Онъ превосходитъ ростомъ Сократа не потому, что онъ Симміасъ, такъ какъ въ природѣ его не заключается этого свойства, т. е. быть бо̀льшимъ, а превосходитъ великостью, которая досталась ему на долю; точно также онъ превосходитъ Сократа не потому, что Сократъ есть Сократъ, но потому, что Сократу принадлежитъ малость, сравнительно съ его великостью. Федонъ въ свою очередь превышаетъ Симміаса не потому, что онъ Федонъ, но потому что ему принадлежитъ великость передъ малостью Симміаса. Такимъ образомъ, Симміасъ будетъ и великъ и малъ, — превосходя ростомъ одного и уступая другому. Становясь рядомъ съ Сократомъ, онъ великъ передъ нимъ тѣмъ, что онъ причащается въ эту минуту природы великости; становясь рядомъ съ Федономъ, онъ дѣлается малъ вслѣдствіе того, что причащается тогда природы малости. Малость, такимъ образомъ, скрывается и убѣгаетъ, когда къ ней приближается великость; точно также исчезаетъ и великость, когда къ ней приближается малость. Но принять въ себя одна другую, такъ чтобы каждая изъ двухъ идей, воспринявъ въ себя себѣ противную, осталась въ тоже время сама собою, — онѣ не могутъ: двѣ противуположныя идеи взаимно исключаютъ одна другую, и каждая изъ нихъ не можетъ быть извѣстной одной, и, — оставаясь сама собою, — быть вмѣстѣ съ тѣмъ въ тоже время и другой.

Въ отвѣтъ на эти разсужденія Сократа кто-то изъ собесѣдниковъ замѣтилъ, что они противорѣчатъ предыдущимъ. Въ предыдущихъ разсужденіяхъ всѣ согласились въ томъ, что противуположныя родятся только изъ противуположныхъ, — большее изъ меньшаго, лучшее изъ худшаго и т. д. Теперь же, говоритъ возражатель, мнѣ кажется, рѣчь ведется въ томъ смыслѣ, что этого никогда не бываетъ. Сократъ приподнялъ голову и вы-

слушавъ, сказалъ: ты кстати вспомнилъ объ этомъ; тѣмъ не менѣе, однакожъ, ты не понимаешь различія между тѣмъ, что говорится теперь и что было говорено тогда. Вслѣдъ за тѣмъ онъ объясняетъ это различіе. Тогда было говорено, что противуположное родится только изъ противуположнаго, — большее изъ меньшаго и пр., а теперь говорится о томъ, что противуположное никогда не можетъ сдѣлаться противуположнымъ самому себѣ; большее не можетъ сдѣлаться меньшимъ, оставаясь въ тоже самое время и бо́льшимъ. Тогда было говорено о предметахъ, которые имѣютъ себѣ противуположные и получаютъ отъ нихъ имена; теперь говорится о сущностяхъ, которыя присутствуя въ вещахъ, сообщаютъ имъ свое имя. Окончательный, слѣдовательно, выводъ послѣднихъ разсужденій тотъ, что *противуположное никогда не можетъ сдѣлаться противуположнымъ самому себѣ*. До сихъ поръ Сократъ говорилъ о предметахъ и сущностяхъ, представляющихъ прямую противуположность. Теперь онъ обращается къ разсмотрѣнію природы идей, противуположныхъ одна другой только въ нѣкоторой степени. Онъ беретъ понятія теплаго и холоднаго и говоритъ, что эти сущности очевидно представляютъ нѣчто иное, чѣмъ огонь и снѣгъ. Между тѣмъ снѣгъ, — доколѣ остается снѣгомъ, никогда не приметъ въ себя теплоты, и не сдѣлается тепелъ, но, при приближеніи къ нему теплоты, или удаляется, или погибаетъ. Равнымъ образомъ и огонь, какъ скоро къ нему приблизится что нибудь холодное, или удаляется, или погибаетъ; но никогда не можетъ, принявъ въ себя холодъ, остаться и огнемъ, какъ былъ, и вмѣстѣ — чѣмъ нибудь холоднымъ. Что же изъ этого слѣдуетъ? Мы видимъ отсюда, что есть нѣкоторыя сущности такого рода, что не только самая идея не можетъ сообщить имъ своего имени, но и нѣчто другое, что̀, не будучи самой идеей, представляетъ только нѣкоторый видъ или образъ ея. Мысль эта будетъ яснѣе изъ слѣдующихъ примѣровъ. Нечетъ представляетъ собою извѣстнаго рода идею, которой мы всегда усвояемъ это имя, но названіе нечета не принадлежитъ ему исключительно. Есть много другихъ сущностей, которыя мы называемъ вмѣстѣ съ ихъ собственнымъ именемъ и именемъ нечета, — называемъ та

потому, что онѣ по природѣ своей никогда не отдѣляются отъ нечета. Сюда относятся числа три, пять, семь и всѣ вообще непарныя. Точно такимъ же образомъ каждое изъ парныхъ чиселъ — два, четыре, шесть, не составляя одного и того же съ четомъ, всегда представляютъ собою четъ. Изъ названныхъ нами сущностей не только двѣ прямо противуположныя идеи — четъ и нечетъ — взаимно исключаютъ одна другую, и не могутъ воспринимать въ себя одна другой, но и непрямо противуположныя, какъ напр. три и четъ, или два и нечетъ — постоянно и непремѣнно взаимно исключаютъ одну другую и не могутъ принимать одна другой. И такъ второй выводъ, который дѣлаетъ Сократъ изъ разсмотрѣнія этихъ послѣднихъ сущностей тотъ, что не только прямо противуположныя идеи не принимаютъ одна другой, когда одна къ другой приближаются, но и нѣчто другое, что̀, не составляя прямой противуположности извѣстной идеѣ, не принимаетъ однакожъ ея, какъ противуположности той идеѣ, которая заключена въ немъ самомъ. Есть идеи и сущности, которыя что̀ бы ни заняли, заставляютъ предметъ удерживать не только его собственную идею, но и идею чего нибудь ему противуположнаго. Какъ скоро въ чемъ нибудь проявится идея тройственнаго числа, то оно удерживаетъ при себѣ постоянно не только свою собственную идею, — идею троичности, — но вмѣстѣ съ этимъ и идею того, что очевидно не тождественно съ идеею трехъ, — идею нечета. Три, очевидно, не представляетъ собою прямой противуположности чету, и однакожъ никогда не принимаетъ его, такъ какъ это число всегда приводитъ съ собой противное ему — нечетъ. И такъ, повторяетъ Сократъ, не только противуположное не принимаетъ своего противуположнаго, но и все вообще, что приводитъ съ собой противуположное: и это послѣднее (приводящее противуположное) никогда не принимаетъ противнаго тому, что оно съ собой приводитъ. Пять никогда не приметъ идеи чета, или десять, — удвоенное число пяти, — идеи нечета. Точно такимъ же образомъ полуторное число, половина, треть и всѣ другія подобныя никогда не примутъ въ себя идеи цѣлаго. Опредѣливъ природу сущностей,

какъ прямо такъ и непрямо противуположныхъ по отношенію къ вопросу, — могутъ ли онѣ или не могутъ взаимно принимать одна другую, — Сократъ проситъ собесѣдниковъ отвѣчать на его вопросы, предлагая первый вопросъ: присутствіе чего именно въ тѣлѣ дѣлаетъ его живымъ? — Отвѣтъ ясенъ: присутствіе души. — Всегда ли это такъ бываетъ? — Непремѣнно. — И такъ душа, чтобы она ни заняла, всегда приноситъ жизнь тому, къ чему приходитъ? — Конечно. — А есть ли что-нибудь противуположное жизни? — Есть. — Что? — Смерть. Выводъ очевиденъ. На основаніи всеобщности того закона, что противуположныя идеи взаимно исключаютъ одна другую и не могутъ принимать одна другой, — душа, которая представляетъ собою начало жизни, никогда и ни въ какомъ случаѣ не можетъ принять идеи противуположной тому, что она всегда съ собой приводитъ, — т. е. идеи смерти. Окончательный выводъ сдѣланъ; остается только формулировать его. Сократъ продолжаетъ вопросы и спрашиваетъ: какъ мы называемъ то, что не принимаетъ идеи четнаго числа? — Разумѣется — нечетнымъ. А тò, что не принимаетъ идеи справедливаго или музыкальнаго? Одно — несправедливымъ, а другое немузыкальнымъ. А тò, что не принимаетъ смерти — какъ мы называемъ? — Безсмертнымъ. — Но душа не принимаетъ смерти? — Нѣтъ. — Слѣдовательно она безсмертна? — Безсмертна. Послѣднимъ, заключительнымъ выводомъ, такъ ясно и логически вытекающимъ изъ предыдущаго, могло бы и окончиться изслѣдованіе вопроса о безсмертіи; но мы видѣли, что, разсуждая о приближеніи противуположныхъ сущностей, — одной къ другой, — холода къ огню или чета къ нечету, Сократъ употреблялъ выраженіе: «противуположная сущность или удалается, или погибаетъ,» оставляя за тѣмъ дилемму безъ изслѣдованія и рѣшенія. Подъ эту же дилемму подходитъ, очевидно, и начало безсмертнаго. Сократъ поставляетъ вопросъ, который могъ бы ему кто нибудь въ этомъ случаѣ сдѣлать: «что мѣшаетъ, чтобы нечетное число, — хотя оно никогда не можетъ сдѣлаться четнымъ черезъ приближеніе къ нему четнаго, — тѣмъ не менѣе, однакожъ, не погибало при этомъ приближеніи, и чтобы на мѣстѣ его не

являлось четное? Подобнымъ образомъ можно бы спросить и о безсмертномъ: «что мѣшаетъ, чтобы безсмертное не удалялось, когда къ нему приблизится смерть, а погибало, и чтобы смерть не заступала мѣста погибшаго безсмертнаго?» Этотъ новый вопросъ о неразрушимости безсмертнаго Сократъ также предлагаетъ друзьямъ для изслѣдованія; но эти послѣдніе останавливаютъ его замѣчаніемъ, что въ этомъ нѣтъ ни малѣйшей необходимости, потому что, говоритъ въ заключеніе всего Кебесъ, едва ли что нибудь можетъ быть неразрушимо, — если безсмертное и вѣчное способно принять разрушеніе. «Дѣйствительно,» сказалъ Сократъ, «я думаю, что Богъ, самая сущность жизни, и, — если есть еще что нибудь безсмертное, — все это никогда не погибаетъ, какъ это признаютъ всѣ.» Кромѣ безсмертнаго начала души, утверждается такимъ образомъ безсмертіе новыхъ сущностей — Бога и идей. Кебесъ отвѣчаетъ, что это признаютъ всѣ люди, и вѣроятно еще болѣе боги. «Очевидно, слѣдовательно,» продолжаетъ далѣе Сократъ, «что какъ скоро къ человѣку приходитъ смерть, тогда то, что въ немъ есть смертнаго, умираетъ, а безсмертное отходитъ цѣлымъ и невредимымъ, уступая мѣсто смерти. Дальнѣйшій и окончательный отсюда выводъ тотъ, что душа преимущественно предъ всѣмъ другимъ безсмертна и неразрушима, и наши души дѣйствительно будутъ существовать въ адѣ. Кебесъ признаетъ справедливость разсужденій и выводовъ Сократа, и отвѣчаетъ ему, что онъ, съ своей стороны, не имѣетъ ничего болѣе противъ этого возразить; но если, прибавляетъ онъ, на это имѣетъ что нибудь сказать Симміасъ, или кто нибудь другой, то хорошо не молчать объ этомъ; потому что я не знаю, говоритъ онъ, — на какое другое время, кромѣ настоящаго, можно отложить то, что хотѣлъ бы кто нибудь сказать, или услышать объ этомъ предметѣ. Но и Симміасъ отказывается отъ дальнѣйшихъ возраженій, потому что и онъ считаетъ вопросъ разрѣшеннымъ. Тѣмъ не менѣе, однакожъ, — принимая во вниманіе важность предмета, о которомъ мы разсуждали, продолжаетъ онъ далѣе, равно какъ и сознавая человѣческую слабость, я вынужденъ хранить въ душѣ нѣкоторое недовѣріе къ предыдущимъ разсужденіямъ. Не только, любезный

Симміасъ, отвѣчалъ Сократъ, нужно имѣть недовѣріе къ предыдущимъ разсужденіямъ, но даже и первыя начала, — какъ бы они не представлялись вамъ истинными, — нужно изслѣдовать болѣе тщательнымъ образомъ, и когда вы достаточно ихъ изслѣдуете, тогда, какъ мнѣ кажется, будете держаться изложеннаго нами доказательства настолько твердо, насколько это возможно для человѣка; и какъ скоро это сдѣлается для васъ ясно, — вы уже не будете ничего больше искать.»

Я изложилъ содержаніе четвертаго доказательства, составляющаго заключеніе собственно философской части Федона. Доказательство это, какъ видитъ читатель, все основано на ученіи Платона объ идеяхъ; и потому, прежде чѣмъ мы перейдемъ къ анализу его, намъ необходимо остановиться предварительно на этомъ послѣднемъ вопросѣ. Мы видѣли, что Платонъ уже касался его во второмъ доказательствѣ; но тамъ идеи разсматривались чисто съ психологической точки зрѣнія, — какъ внутреннее содержаніе души, какъ непосредственное, хотя до начала ея пробужденія дремлющее въ ней знаніе, какъ воспоминаніе, вынесенное ею изъ другого міра, изъ довременнаго періода ея жизни. Объ идеяхъ же, въ смыслѣ объективнаго, реальнаго бытія, — о ихъ сущности, характерѣ и отношеніи къ міру явленій, онъ не говорилъ ничего. Теперь онъ возвращается снова къ тому же вопросу и разсматриваетъ ихъ уже не какъ представленія души, а какъ нѣчто существующее въ себѣ самомъ, какъ первоначальную творческую силу, создающую всѣ безконечно разнообразные предметы и явленія видимаго міра. Возвратъ къ тому же вопросу былъ очевидно необходимъ; слушатели Сократа убѣдились изъ предыдущихъ разсужденій (изъ анализа понятія ἀνάμνησις) въ реальности идей. Теперь необходимо утвердить это самое начало какъ можно болѣе положительнымъ образомъ и показать, что причина бытія и разрушенія заключается не въ чемъ другомъ, а именно въ идеяхъ, и что слѣдовательно признаніе ихъ дѣйствительности необходимо для объясненія образованія отдѣльныхъ предметовъ, — каждаго, какого-бы то ни было единичнаго бытія.

Что же такое идеи Платона, принимаемыя въ этомъ послѣд-

немъ значеніи? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, (а мы должны отвѣтить на него какъ можно обстоятельнѣе) намъ необходимо нѣсколько остановиться на двухъ системахъ предыдущаго періода греческой философіи. Я уже не разъ имѣлъ случай говорить, что предшественники Сократа — іонійцы искали первоначальной творческой силы въ самой природѣ. Но невозможность найти такое начало, которое можно было бы признать за универсальную причину, заставила мыслителей послѣдующаго времени измѣнить точку отправленія въ своихъ изслѣдованіяхъ. Возникла новая школа элеатовъ, представитель которой Парменидъ [1]) поставилъ, на мѣсто сложности и множественности въ видимой природѣ, чистое, единое бытіе. Совершенно отвергнувъ въ немъ принципъ всякой измѣняемости, онъ устранилъ изъ понятія о немъ временность, пространственность, дѣлимость, разнообразіе, движеніе. Такимъ образомъ міръ явленій представляетъ у него не дѣйствительное, реальное бытіе, а призракъ: истинное бытіе принадлежитъ только единому. По его понятію все, что существуетъ въ одно время и не существуетъ въ другое, не существуетъ дѣйствительнымъ образомъ, а представляетъ только кажущееся. Дѣйствительное бытіе всегда неизмѣнно. Но при такомъ представленіи естественно возникаетъ вопросъ: какъ согласить это чистое, неизмѣнное, чуждое всякихъ формъ и моментовъ бытіе съ дѣйствительнымъ разнообразіемъ и послѣдовательностью въ образованіи предметовъ и явленій? Фактически отвергнуть то и другое, очевидно, невозможно. Далѣе. Если многообразія и сложности въ видимой природѣ нѣтъ, то какимъ образомъ въ насъ является представленіе о нихъ, какимъ дѣйствіемъ познавательной способности какимъ внутреннимъ процессомъ мысли мы его воспринимаемъ? Чего нѣтъ, того очевидно не существуетъ и для мысли. На эти вопросы философія Парменида не даетъ отвѣта. Діаметральную противуположность ученію элеатовъ представляетъ философская система Гераклита. Какъ первые возводили бытіе

---

[1]) Время жизни Парменида относятъ къ концу 6-го и первой половинѣ 5-го в. до Р. Х. Полагаютъ, что онъ былъ уроженцемъ города Элеи (въ великой Греціи) и родился около 61-й Олимпіады (за 536 л. до Р. Х.)

къ принципу неизмѣняемости, такъ послѣдній признавалъ его только въ вѣчномъ движеніи, въ безпрерывномъ чередованіи формъ и превращеніи ихъ, — одной въ другую. При этомъ представленіи, бытіе, собственно говоря, не существуетъ: дѣйствительно только одно становленіе, послѣдовательность моментовъ перехода, процессъ измѣненія. Рожденіе и разрушеніе, возникновеніе и исчезаніе, прибываніе и убываніе, вѣчная борьба противуположностей безъ начала и конца, — вотъ что представляетъ собою, по системѣ Гераклита, видимое нами бытіе. Это не esse, это — одно безконечное fieri. Весь міръ есть не что иное какъ одинъ огромный, непрерывно льющійся потокъ. Какъ прекрасное образное выраженіе этой мысли, древность сохранила намъ слѣдующій отрывокъ самаго же Гераклита. «Никто,» говоритъ онъ, «никогда не входилъ двухъ разъ въ одну и туже рѣку, потому что въ другой разъ она будетъ уже течь другою водою; она разливается и снова собирается, сходится и расходится, выступаетъ изъ береговъ и снова входитъ въ русло». [2]) Точно также никто не можетъ войти въ рѣку тѣмъ самымъ, какимъ въ нее вошелъ. Гераклитовское πάντα ῥεῖ — все течетъ — есть непрекращаемый процессъ перехода противуположностей — одной къ другую; волны рожденія безпрерывно встрѣчаются и сливаются съ несущимися имъ навстрѣчу волнами разрушенія: жизнь и смерть, пробужденіе и засыпаніе, свѣтъ и тьма поминутно превращаются въ соотвѣтствующія себѣ противуположности и снова возращаются къ тому, чѣмъ были прежде. «Все въ природѣ» такимъ образомъ, «существуетъ и вмѣстѣ не существуетъ» (πάντα εἶναι καὶ μὴ εἶναι; οὐδὲν μᾶλλον τὸ ὂν τοῦ μὴ ὄντος εἶναι.) И такъ, если абсолютное, по ученію Гераклита, представляетъ собою единство бытія и небытія, то понятно, что Платонъ не могъ остановиться на подобномъ началѣ. Его не удовлетворило отвлеченное бытіе Парменида, отрицающее міръ явленій, а съ другой стороны онъ,

---

[2]) Плутархъ, De Ei apud Delphos, c. 18, p. 392. Ποταμῷ γὰρ οὐκ ἔστιν ἐμβῆναι δὶς τῷ αὐτῷ καθ' Ἡράκλειτον, οὐδὲ θνητῆς οὐσίας δὶς ἅψασθαι κατὰ ἕξην.

по выраженію Мартена,[3]) былъ испуганъ послѣдствіями, вытекающими изъ ученія Гераклита. Одна система оставляла природѣ бытіе, но отнимала у нея всякую жизнь; другая признавала въ ней жизнь, но призрачную, лишенную сущности, и слѣдовательно лишала все видимое характера дѣйствительнаго бытія. Обѣ діаметрально-противуположныя философскія системы оставляли, такимъ образомъ, неразрѣшенными вопросы первой важности, составляющіе суть всей философіи. Платонъ обратился къ пиѳагорейцамъ. Основу ученія послѣднихъ составляетъ, какъ извѣстно, не качество, а количественное отношеніе и пространственная форма элементовъ матеріи. Здѣсь онъ встрѣтился съ ученіемъ о числахъ, какъ самостоятельныхъ сущностяхъ, бытіе которыхъ не обусловливается ничѣмъ извнѣ, а заключается всецѣло въ нихъ самихъ. Удачно преобразовавъ это ученіе, говоритъ Мартенъ, онъ превратилъ его въ ученіе объ идеяхъ, т. е. родовыхъ, универсальныхъ сущностяхъ, отраженіе которыхъ представляютъ предметы видимаго міра.[4]) Наблюдая окружающій насъ міръ, мы видимъ въ немъ безчисленное множество предметовъ и явленій, подверженныхъ безчисленнымъ видоизмѣненіямъ. Предметы и явленія представляютъ между собою сходство, несходство, противуположность. Такъ напр., наблюдая деревья, я нахожу во всѣхъ ихъ нѣчто общее, — въ каждомъ вижу корень, стволъ, кору, вѣтви, листья. Все, что имѣетъ эти общія принадлежности, я обозначаю общимъ именемъ дерева. Но это названіе, очевидно, не представляетъ дѣйствительнаго, реальнаго значенія, потому что дерева на самомъ дѣлѣ въ природѣ не существуетъ, а существуютъ только деревья. Мы видимъ дубъ, тополь, кедръ, кипарисъ, т. е. отдѣльные, единичные экземпляры деревъ, — но никто и никогда не видѣлъ дерева. Единства такимъ образомъ въ бытіи нѣтъ, потому что нѣтъ той реальной, предметной единицы, въ которой бы примирялись и соединялись всѣ безчисленные, разбросанные по всему пространству земли, единичные экземпляры деревъ. Другая сторона того же вопроса. Наблюдая

---

[3]) Études sur le Timée, t. I, p. 4.

[4]) Ibid.

и опираясь съ другой стороны на анализъ природы ума, который, помимо частныхъ явленій, занимается только общимъ, и котораго требованіямъ и задачамъ должны необходимо поэтому соотвѣтствовать отличныя отъ міра индивидуальныхъ явленій сущности внѣ его, какъ предметъ его мысленной дѣятельности, — Платонъ превратилъ эти общія родовыя понятія въ идеи, сообщивъ имъ предметную, реальную дѣйствительность. Сущность его ученія объ этомъ предметѣ состоитъ въ слѣдующемъ. Богъ сотворилъ отъ вѣчности первообразъ или прототипъ каждаго рода. Этотъ первообразъ представляетъ собой идею всѣхъ однородныхъ единичныхъ предметовъ. Мы видимъ въ мірѣ безчисленное множество деревъ, изъ которыхъ ни одно не представляетъ полнаго и совершеннаго сходства съ другимъ: за предѣлами видимаго бытія, во внѣмірномъ пространствѣ находится одно вѣчное, идеальное дерево, — идеальный типъ всѣхъ существующихъ въ мірѣ экземпляровъ деревъ. Точно такимъ же образомъ всѣ другіе предметы и явленія имѣютъ свои, соотвѣтствующія имъ идеи. Для каждаго родового понятія существуетъ особая, исключительно ему принадлежащая идея. И не только роды и виды, но отвлеченныя качества и даже отношенія возведены Платономъ къ первообразамъ — въ идеяхъ. Однимъ словомъ идею имѣетъ все, что только представляетъ множественность, которую мы превращаемъ въ нашемъ мысленномъ представленіи въ отвлеченное единство, и обозначаемъ однимъ общимъ словомъ. Вотъ почему Платонъ говоритъ объ идеяхъ кровати, стола, силы, здоровья, голоса, цвѣта, объ идеяхъ математическихъ фигуръ, даже объ идеѣ небытія, наконецъ объ идеѣ того, что собственно составляетъ только отрицаніе идеи, — объ идеяхъ порока и зла. [7]) Въ кругу этихъ безчисленныхъ идей онъ создаетъ іерархію отношеній. Идеи, свойственныя одному роду, находятся подъ управленіемъ идей, принадлежащимъ многимъ; эти послѣднія, въ свою очередь, управляются идеями всеобщими, возводимыми къ одной общей идеѣ бытія. Наконецъ надъ идеей бытія возвышается послѣдняя идея, содержащая и объемлющая собой всѣ другія, — великая и цар-

---

[7]) Исторія философіи, Швеглера с. 86.

ственная идея идей, — εἶδος εἰδῶν — верховная идея единства и блага — τὸ ἕν, τὸ ἀγαθόν. [8]) Какое отношеніе идей къ міру явленій? Мы уже сказали, что идеи Платона, принимаемыя въ смыслѣ метафизическомъ, суть не что иное, какъ отвлеченныя логическія понятія, получившія реальную дѣйствительность. Три начала, по его ученію, составляютъ основу бытія: Богъ, идеи и матерія. Приступая къ творенію, Богъ прежде всего сотворилъ идеи, — безконечно-прекрасные образы будущаго безконечно-разнообразнаго міра явленій. Мы приблизимся еще ближе къ истинѣ, если скажемъ, что это даже не образы предметовъ, а самые предметы въ ихъ идеальномъ совершенствѣ, (die Ur-Sache) сіяющіе той несказнннной красотой, съ какой они были зачаты и родились въ лонѣ божественнаго ума. Идеи, также какъ и предметы нашего земного міра, имѣютъ основой матерію; но это не та грубая, чувственная матерія, которую мы видимъ вокругъ себя, а особенная, идеальная, если можно такъ сказать, одухотворенная матерія, рѣшительно исключающая въ себѣ условія пространства и времени, и представляющая нѣчто всегда себѣ равное и неизмѣнное. [9]) Идеи существуютъ отъ вѣчности, подобно божеству. Онѣ не допускаютъ ни малѣйшихъ перемѣнъ въ своемъ бытіи. О нихъ нельзя сказать, что онѣ были, есть или будутъ: онѣ существуютъ неизмѣнно всегда однѣ и тѣже, и подобно божеству однѣ имѣютъ дѣйствительное бытіе, (ὄντα) тогда какъ преходящіе предметы міра видимаго безпрерывно раждаются и погибаютъ, представляя собою такимъ образомъ только тѣнь бытія. [10]) Какое значеніе имѣютъ идеи относительно нашего земного міра? Значеніе творящаго, правильнѣе, — образующаго началъ. Мы уже видѣли изъ примѣровъ, которые приводилъ Платонъ, что предметы и явленія видимаго міра обусловливаются въ той или другой формѣ своего бытія бытіемъ соотвѣтствующихъ имъ идей. Онъ говорилъ, что прекрасный предметъ прекрасенъ не чѣмъ другимъ, какъ присутствіемъ въ немъ начала прекраснаго

---

[8]) Études sur le Timée. tome premier, p. 9.
[9]) Wehrmann, Platonis de summo bono doctrina, Berol. 1843, p. 74
[10]) Martin, Études sur le Timée, t. I., p. 6.

въ самомъ себѣ, большой предметъ — присутствіемъ н... чала великости, малый — малости. Онъ приводилъ при... селъ — десяти и двухъ, и показывалъ способы ихъ ... Я остановлюсь на послѣднемъ примѣрѣ: анализъ ... покажетъ намъ отношеніе идеи къ явленію вообще. ... обыкновеннымъ понятіямъ мы говоримъ, что число дв... черезъ прибавленіе одной единицы къ другой. Н... Платона это не такъ. Онъ рѣшительно отказывается ... какимъ образомъ единица, представляющая собою извѣс... ность, извѣстную природу, перестала быть сама собою, ... такъ сказать, свою природу черезъ то, что рядомъ ... подлѣ нея помѣстили другую точно такую же сущн... же природу. По его ученію единица сдѣлалась двумя ... что она причастилась природы двойственнаго числа. Б... идея двойственности, коснувшись единицы, дала ей ... и новое имя. Какъ образовалось число два, такъ точ... зуются всѣ видимые предметы и явленія: начало явл... жащее въ нашемъ чувственномъ мірѣ, воспринимаетъ ... усвоиваетъ себѣ въ извѣстной степени безсмертную, ... идею, или, по выраженію Платона, причащается (μετέχ... через это реализируется, становится тѣмъ или другимъ ... нымъ бытіемъ. Идеи такимъ образомъ относятся къ явл... какъ причина къ слѣдствію; первыя — дѣятели, послѣднія — ... изведенія; идеи — первообразы, явленія — отблескъ, отраженіе ... Само собою разумѣется, что полнаго и совершеннаго с... между тѣми и другими не существуетъ; потому что явленія ... болѣе, какъ блѣдный снимокъ, слабое подобіе идей. С... тѣхъ и другихъ есть не что иное, какъ сходство насто... дѣйствительнаго предмета и его копіи, или живаго чел... скаго лица и его изображенія на портретѣ. Мы созерцаем... бесныя идеи въ ихъ проявленіи, то есть въ нашихъ зем... предметахъ настолько полно и совершенно, насколько по... совершенно видимъ сіяющее солнце сквозь накопченное ст... Какимъ образомъ явленія видимаго міра причащаются пр... невидимыхъ идей? Аристотель, разбирая ученіе объ ... предметѣ своего учителя, говоритъ, что способъ этотъ ...

необъяснимъ.[11]) Но Платонъ и самъ отказывается отъ ...ненія его; приводя примѣръ прекраснаго предмета, онъ гово... что извѣстный прекрасный предметъ дѣлаетъ прекраснымъ не ...ное, какъ присутствіе въ немъ прекраснаго въ самомъ себѣ, ...ріобщеніе красоты послѣдняго, какимъ бы способомъ оно ...роисходило. (εἴτε παρουσία εἴτε κοινωνία) Какимъ бы спо...ъ ни происходило, скажемъ и мы вмѣстѣ съ Платономъ, ...ащеніе земного начала природы небесной идеи, — міръ види... явленій, при этомъ условіи, очевидно теряетъ свою само...тельность. Предметы и явленія представляютъ въ такомъ ...аѣ не бытіе, а моменты, временно существующія его формы, ...зуемыя идеями. Только однѣ идеи обладаютъ дѣйствитель...ъ бытіемъ и онѣ же однѣ его создаютъ, въ силу чего ...тонъ называетъ ихъ въ одномъ мѣстѣ Тимея вѣчными ...ествами. Богъ, слѣдовательно, по этому ученію является, ...ственно говоря, не творцемъ, а только образователемъ, худож...омъ міра. Онъ создаетъ міръ изъ самобытной, подобно ему ...іно существовавшей матеріи черезъ посредство отъ вѣчности ...воренныхъ имъ идей.

Представимъ теперь сказанное нами объ идеяхъ и отно...ніи ихъ къ міру явленій въ общихъ положеніяхъ. Идеи, по ...раженію Аристотеля, суть всеобщее, отвлеченное отъ единич...ыхъ предметовъ, а по Платону — самостоятельныя, въ самихъ ...бѣ заключенныя сущности. Ихъ число — безконечное множе...во; ихъ мѣсто — внѣмірное пространство. Въ то время ...акъ предметы чувственные видимы, идеи невидимы; пред...еты представляютъ процессъ образованія и допускаютъ въ ...ебѣ измѣненіе; идеи суть бытіе постоянное, (ἡ οὐσία ἧς λόγον δίδομεν τοῦ εἶναι) неизмѣнное и всегда равное самому себѣ (κατὰ ταὐτὰ ἔχει καὶ οὐδέποτε οὐδαμῇ οὐδαμῶς ἀλλοίωσιν οὐδεμίαν ἐνδέχεται.) Предметы допускаютъ смѣшеніе и отно...шеніе; идеи представляютъ единое, имѣющее отношеніе только къ самому себѣ (ἀεὶ αὐτῶν ἕκαστον ὃ ἔστι μονοειδὲς ὂν αὐτὸ καθ' αὑτό.) Идеи пріемлются одною мыслью; (τῷ τῆς διανοίας

[11]) Met. I, 7, p. 999, c. 2; 991, c. 1.

λογισμῷ) мѣстопребываніе ихъ — умный міръ (τόπος νοητός.) Въ заключеніе, приведу два отрывка изъ Федра, содержащіе въ себѣ описаніе красоты небесныхъ идей, ихъ значенія въ дѣлѣ познанія и отношенія ихъ къ міру явленій. «Никакой поэтъ,» говоритъ Платонъ, «никогда не воспѣвалъ, и не съумѣлъ бы достойнымъ образомъ воспѣть этого надзвѣзднаго пространства. (ὑπερουράνιον τόπον.) Это — область настоящаго бытія, — безъ цвѣта, безъ образа, бытія неосязаемаго, видимаго только уму, возничему души. Это — та область, гдѣ вокругъ истиннаго бытія покоится истинное знаніе. Мысль боговъ, которая питается этимъ проникновеніемъ въ истину (νῷ) и чистымъ, безпримѣсныиъ знаніемъ, точно также какъ и каждая другая душа, получившая въ удѣлъ ей принадлежащее, любитъ отдаваться время отъ времени созерцанію этого истиннаго бытія, находя въ этомъ свою пищу и блаженство. Здѣсь души созерцаютъ самую справедливость, самую мудрость, самое знаніе; не то знаніе, — различное въ различныхъ предметахъ, которые мы называемъ существующими, но знаніе имѣющее предметомъ бытіе въ самомъ себѣ, — то, что̀ представляетъ собою истинное, дѣйствительное бытіе.» [12])

Человѣкъ долженъ понимать родъ, то есть разнообразіе, воспринимаемое нами посредствомъ чувствъ, которое можетъ быть обнято въ мысли какъ одно цѣлое. Знаніе же это есть не что иное, какъ припоминаніе душою того, что она созерцала нѣкогда, совершая небесныя странствованія свои вслѣдъ за божествомъ, когда она, презирая называемое нами теперь бытіемъ, возвышалась до созерцанія того, что представляетъ собою истинное бытіе. [13])

Въ представленномъ мною очеркѣ ученія Платона объ идеяхъ, я коснулся этого предмета съ общей его стороны обошедши многіе частные, относящіеся сюда вопросы. [14]) Каждому,

---

[12]) Phaedrus, p. 247 C — E.

[13]) Phaedrus, p. 249. B — C.

[14]) Литература ученія Платона объ идеяхъ чрезвычайно обширна: всего, писаннаго объ этомъ предметѣ,—нѣтъ возможности и перечислить. Не

кто занимался философіей Платона, извѣстно, что его теорія идей не чужда противорѣчій. Такъ напр. сотвореніе ихъ Богомъ утверждается на «Республикѣ.» Въ Тимеѣ — самомъ догматическомъ, и безспорно одномъ изъ послѣднихъ его произведеній — твореніе отрицается: здѣсь идеи признаются совѣчными божеству. Богъ создаетъ міръ изъ совѣчной ему матеріи, по образу независимо отъ него существовавшихъ вѣчныхъ идей. Точно также Платонъ дѣлаетъ различныя ихъ опредѣленія и противорѣчитъ себѣ иногда въ установленіи отношеній міра идеальнаго къ міру чувственному. [15]) Я оставилъ въ сторонѣ всѣ эти частности, такъ какъ мнѣ нужно было познакомить моего читателя съ ученіемъ Платона объ идеяхъ настолько, насколько это необходимо для яснаго пониманія четвертаго доказательства. Я представилъ однѣ только генерическія черты ученія его объ этомъ предметѣ, то есть то, что въ немъ есть наиболѣе общаго. Перехожу къ анализу.

Новое доказательство безсмертія, называемое обыкновенно **космическимъ**, все основано, какъ видитъ читатель, — на ученіи Платона объ идеяхъ. Самъ Платонъ придавалъ ему особенную важность, что видно изъ того, что онъ помѣстилъ его въ концѣ своихъ разсужденій, имъ заключилъ; ясно, что онъ признаетъ его болѣе совершеннымъ, чѣмъ всѣ предыдущія. Что же касается мнѣнія о немъ критики, то изслѣдователи

буду упоминать о сочиненіяхъ Рибблига — Genetische Darstellung der Platonischen Ideenlehre, II B. Leipzig, 1863, 64, и Фулье: La Philosophie de Platon: exposition, histoire et critique de la théorie des idées, Paris, 1869, II vol. (Предполагаю эти сочиненія извѣстными даже читателю неспеціалисту.) Я назову только нѣсколько отдѣльныхъ сочиненій, которыми я пользовался какъ пособіемъ при изученіи предмета. a) **Faehse**: De ideis Platonis, Lipsiae, 1795. b) **Ebben**: de Platonis idearum doctrina, 1849, Bonnae. c) **Nourrisson**: Exposition de la théorie Platonienne des idées, Paris, 1858 г. d) **Nourrisson**: Quid Plato de ideis senserit, Lut. Paris. 1862. e) **Graser**: Ueber Plato's Ideenlehre, Torgau, 1861. f) **Trendelenburg**: Platonis de ideis et numeris doctrina, Lipsiae, 1826. Въ русской литературѣ можно указать на статью — (неоконченную) «Нѣчто объ идеяхъ Платона.» Москвитянинъ, 1843 г. ч. IV, № 8. Сверхъ того объ этомъ предметѣ подробно говорится у Скворцова — въ разныхъ мѣстахъ сочиненій его о Протагорѣ, Менонѣ и Ѳеететѣ.

[15]) Швеглеръ, ист. фил. стр. 86.

расходятся въ оцѣнкѣ его философскаго достоинства. Штальбаумъ, Штейнгартъ и Бишофъ признаютъ за нимъ серьезное значеніе въ разрѣшеніи вопроса о безсмертіи; другіе критики гораздо менѣе къ нему благосклонны, если не совершенно уничтожаютъ его. Такъ напр. Тидеманнъ говоритъ слѣдующее: dyas, quamdiu est dyas, transire in numerum imparem nequit, addita tamen unitate perit dyas et prodit numerus impar ternarius. Anima igitur, quae semper secum affert vitam, quamdiu est anima, mortis omnino est expers; at semper eam esse Plato non demonstravit, adeoque totum corruit argumentum. Согласно съ этимъ мнѣніе Теннеманна: доколѣ душа существуетъ, — къ ней не приходится предикатъ небытія; другими словами, — душа существуетъ, доколѣ существуетъ. Подобнымъ же образомъ разсуждаютъ и другіе. Кунардъ говоритъ, что доказательство ровно ничего не доказываетъ въ силу того, что Платонъ послѣ всѣхъ разсужденій призываетъ на помощь непреходящее бытіе Бога и идей. Съ этими критиками согласенъ въ главныхъ основаніяхъ и Бухеръ, который выставляетъ еще и то, что доказательство, — если бы даже признать его удовлетворительнымъ, — слишкомъ обширно; потому что оно равно доказываетъ безсмертіе душъ животныхъ и растеній, и слѣдовательно имѣетъ пантеистическій характеръ. Я привелъ возраженія критики противъ доказательства Платона; теперь изложу замѣчанія, которыя дѣлаетъ на нихъ Бишофъ: сопоставленіе противуположныхъ взглядовъ лучше всего раскроетъ намъ какъ положительныя, такъ и отрицательныя его стороны. Оспаривая силу вышеприведенныхъ аргументовъ, Бишофъ весьма справедливо останавливаетъ вниманіе читателя на томъ, что Платонъ не заключилъ доказательства, какъ скоро ему уступили ἀθάνατον; онъ доказываетъ далѣе, что ἀθάνατον должно быть ἀδιάφθορον. Этимъ онъ показываетъ то, что душа, не просто только, доколѣ она остается душою, есть ἀθάνατον, но что это ἀθάνατον, представляющее собственную ея сущность, исключаетъ всякій родъ уничтоженія; потому что, хотя число два перестаетъ быть четнымъ, какъ скоро къ нему прибавится единица и черезъ это образуется три, но ἀθάνατον не принадлежитъ къ этому роду

сущностей. Идея жизни, въ которой душа имѣетъ участіе, и черезъ которую она есть то, что есть, дѣлаетъ доступъ къ ней противуположнаго начала, то есть смерти — невозможнымъ. Если мы будемъ принимать разрушеніе, уничтоженіе за процессъ, въ которомъ можно представлять развитіе отъ смерти къ жизни, то даже приступъ его къ душѣ невозможенъ, потому что вмѣстѣ съ этимъ въ ней должно быть принято извѣстное свойство, которое противорѣчитъ всему существу ея, какъ чему-то такому, что въ отличіе отъ всего другого живущаго, — только въ силу своей жизни есть то, что есть. И такъ, число два можетъ перестать быть четнымъ, какъ скоро перестанетъ быть двумя, но душа не можетъ перестать быть живою; потому что смерть не можетъ придти безъ умиранія, т. е. безъ предшествующаго дѣйствія, которое, какъ переходъ отъ жизни къ смерти, противорѣчитъ понятію души.[16]) Теперь мы должны остановиться на замѣчаніи Бухера, что доказательство по характеру своему слишкомъ обширно, что изъ него можно точно также выводить безсмертіе души животныхъ и растеній, какъ и душъ человѣческихъ. И здѣсь я вполнѣ согласенъ съ мнѣніемъ Бишофа, который говоритъ, что хотя мы не находимъ у Платона прямого разъясненія этого, тѣмъ не менѣе однако вопросъ не трудно разрѣшить на основаніи началъ самаго же Платона. Душа человѣческая иначе принимаетъ участіе въ идеѣ жизни, нежели душа животныхъ и растеній. Душа человѣческая сама возвышается въ мышленіи до идеальнаго, выходящаго за предѣлы конечнаго, слѣд. — до первоначальнаго, дѣйствительно существующаго бытія — въ идеѣ; душа животныхъ имѣетъ бытіе черезъ дѣйствительно существующее — идею, но бытіе, ограниченное предѣлами матеріальнаго. Такимъ образомъ душѣ человѣческой, въ отличіе отъ души животной и растительной, принадлежитъ безусловное, неограниченное предѣлами матеріальнаго бытіе; и какъ скоро доказательство утверждаетъ за ней и то, что она должна быть вѣчно живущей, то это также необходимо входитъ въ

16) Бишофъ, Plato's Phaedon, S. 332.

понятіе о ней, и слѣдовательно то уничтоженіе ему противорѣчило бы. Другое возраженіе, приводимое противъ нашего доказательства тѣмъ же критикомъ, состоитъ въ слѣдующемъ. Бухеръ говоритъ, что такъ какъ доказательство это основано на ученіи объ идеяхъ, то оно падаетъ вмѣстѣ съ своимъ основаніемъ. Здѣсь я рѣшительно не согласенъ съ Бишофомъ, по мнѣнію котораго сила настоящаго доказательства вовсе не зависитъ отъ того или другого опредѣленія идей, отъ представленія ихъ тѣмъ или другимъ бытіемъ. Вотъ его слова. «Что доказательство это утверждается на ученіи объ идеяхъ справедливо, но однако не на принятіи того или другого ихъ бытія. Что идеи существуютъ, что онѣ даже рѣшительно во всемъ вообще, (въ видимомъ бытіи — an allem, was ist) суть нѣчто дѣйствительно существующее (das wahrhaft Seiende) — это едва ли кто нибудь станетъ отрицать, кромѣ тѣхъ, которые считаютъ видимость необходимою принадлежностью бытія. Если мы только примемъ, что то истинно существуетъ, что̀ всегда остается неизмѣнно, какъ наприм. прекрасное, которое всегда одно и тоже, тогда какъ явленіе можетъ измѣняться, — то мы вмѣстѣ съ этимъ признаѐмъ реальность идей. Разумѣется, что идеи не составляютъ posterius, а prius; такъ что каждое явленіе предполагаетъ уже то, что въ немъ проявляется, какъ напр. ничто единичное не могло бы быть прекраснымъ, если бы не существовало прекраснаго въ самомъ себѣ. Необходимо ли для идеи проявленіе въ вещахъ, — это вопросъ второстепенный; но во всякомъ случаѣ реальность идей не зависитъ отъ того, — припишемъ ли мы имъ то или другое бытіе или имманентность въ предметахъ. Точно такимъ же образомъ вопросъ: можетъ или не можетъ душа существовать безъ тѣла, не представляетъ перваго вопроса, на который нужно отвѣчать; вопросъ этотъ — о реальности души. И какъ скоро реальность души показана, — что Платонъ сдѣлалъ въ предыдущихъ доказательствахъ, и особенно въ этомъ послѣднемъ, — то далѣе уже можно изслѣдовать: слѣдуетъ ли принимать безтѣлесное существо души, или ея новое тѣло? но нельзя поставлять въ зависимость отъ разрѣшенія этого вопроса

реальности самой души.»[17]) То или другое опредѣленіе идей, какъ читатель видитъ изъ цитированнаго мѣста, по мнѣнію Бишофа, не составляетъ существенной стороны въ нашемъ доказательствѣ. Я думаю совершенно иначе. Крайне странно было бы утверждать за идеями реальную дѣйствительность, если принимать ихъ только въ томъ значеніи, какое усвоено имъ новою философіей. Бишофъ выставляетъ примѣръ прекраснаго предмета и говоритъ, что какъ скоро мы объясняемъ его бытіе проявленіемъ въ немъ начала прекраснаго въ самомъ себѣ, то мы этимъ самымъ признаѐмъ реальность идеи прекраснаго. Но, въ этомъ примѣрѣ реальность, очевидно, принимается не въ прямомъ, то есть, не въ собственномъ своемъ значеніи. Это не болѣе — какъ реальность для нашего мысленнаго представленія, логическое отвлеченіе, превращаемое нами въ реальную дѣйствительность, по невозможности анализировать предметъ до послѣднихъ его основаній; потому что мы не знаемъ, — что̀ такое прекрасное въ самомъ себѣ? Признать за началомъ прекраснаго, точно также какъ и за другими идеями, положительную дѣйствительность, въ смыслѣ внѣмысленнаго и внѣпредметнаго бытія, возможно не иначе, какъ опредѣливъ его реальную сущность, показавъ его бытіе въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы приписываемъ бытіе предметамъ, что̀, конечно сдѣлать очень нелегко. А если такъ, то Бухеръ совершенно правъ, говоря, что доказательство это падаетъ вмѣстѣ съ своимъ основаніемъ — ученіемъ объ идеяхъ; потому что у Платона все на немъ основано. Онъ предпосылаетъ окончательному выводу о душѣ, какъ о жизненномъ началѣ, обширное разсужденіе объ идеяхъ, при чемъ придаетъ реальную дѣйствительность даже такимъ понятіямъ какъ числа, превращая ихъ въ сущности, — въ самостоятельное, отвлеченное отъ предметовъ бытіе. Бишофъ ссылается на то, что Платонъ показалъ реальность души въ предыдущихъ доказательствахъ, и особенно — въ послѣднемъ. О предыдущихъ я скажу ниже; что же касается ссылки его на послѣднее, въ которомъ эта реальность будто бы показана больше чѣмъ въ другихъ, то признаюсь откровенно, что это сужденіе

[17]) Бишофъ, Plat. Phaed. S. 333 fg.

его меня даже удивляетъ. Въ такомъ случаѣ, очевидно, что вопросъ о реальности и предметномъ бытіи самыхъ идей не только получаетъ огромное значеніе, но становится conditio, sine qua non; такъ какъ душа въ настоящемъ доказательствѣ очевидно принимается не только за нѣчто аналогическое съ идеями, но положительно однородное съ ними; и слѣдовательно идеи, принимаемыя въ другомъ, въ нашемъ значеніи слова, не прибавляютъ ровно ничего къ утвержденію понятія реальности души; потому что силлогизмъ Платона очень ясенъ. Какъ всякая идея вообще — доколѣ остается сама собою — не можетъ воспринять въ себя противуположную ей другую, такъ и душа, которой идея есть жизнь, не можетъ воспринять въ себя противуположнаго жизни начала — смерти. А какъ скоро мы отвергаемъ теорію идей, въ смыслѣ самостоятельныхъ предметныхъ единицъ, то очевидно, что и доказательство, на немъ основанное, теряетъ для насъ значеніе въ цѣломъ. Тѣмъ не менѣе однакожъ, несостоятельное въ цѣломъ, оно даетъ намъ новый фактъ для разрѣшенія вопроса о безсмертіи. Фактъ этотъ—понятіе о душѣ, какъ о жизненномъ началѣ, приносящемъ съ собою жизнь всюду, къ чему только оно приближается. На чемъ утверждается это понятіе о жизненности души? Отвѣчаю: оно заключается уже въ предыдущихъ доказательствахъ, и есть окончательный выводъ изъ всего сказаннаго доселѣ. Платонъ не опредѣлилъ, да и не могъ опредѣлить сущности души; въ Федрѣ онъ указываетъ прямо и положительно на эту невозможность, говоря, что опредѣленіе это доступно только уму божественному, а не человѣческому. [18]) Но, мы видѣли въ третьемъ доказательствѣ, что онъ изображалъ ее, какъ нѣчто аналогическое съ тѣмъ, что̀ божественно, и безсмертно, и пріемлемо только мыслію, и просто, и неразрушимо и неизмѣнно. По аналогіи, слѣдовательно, съ свойствами божественнаго и безсмертнаго, душа должна носить начало жизни въ самой себѣ, въ лонѣ своей собственной природы. Какъ скоро Платонъ утвердилъ, сверхъ того, въ дальнѣйшихъ разсужденіяхъ—понятіе неизмѣнности и одинаковости существа души во

---

[18]) Phaedr. p. 246 A.

всѣхъ людяхъ, какъ скоро онъ указалъ на ея повелительную роль въ нашей жизни, то это — неизмѣнность сущности и способность повелѣвать — само по себѣ уже показываетъ въ ней живое начало, потому что съ одной стороны истинное бытіе принадлежитъ только неизмѣнному, а съ другой — это неизмѣнное, имѣющее возможность становиться въ противорѣчіе съ тѣломъ, необходимо носитъ въ себѣ начало внутренней жизни, выражающейся этимъ самымъ свойствомъ ея, т. е. способностью опредѣлять себя къ дѣйствію, независимо отъ побужденій тѣла. Само собою разумѣется при этомъ, что, опредѣляя въ настоящемъ доказательствѣ душу какъ идею жизни, Платонъ не могъ не принимать въ соображеніе при другихъ основаніяхъ и факта общаго сознанія людей, соединяющаго всецѣло и неразрывно съ идеей души идею жизненнаго начала. Здѣсь мы опять встрѣчаемся съ тѣмъ же поэтическимъ, созерцательнымъ характеромъ генія его, о которомъ мы говорили выше. Онъ всегда полагаетъ нѣчто безусловно-истинное, помимо анализа первыхъ основаній: справедливое, прекрасное, доброе и подобныя идеи для него неотрицаемое бытіе, которое онъ полагаетъ въ основу всякаго мышленія. Точно такъ, какъ въ разсужденіи объ идеяхъ вообще, онъ разсуждаетъ и въ настоящемъ вопросѣ. «Всегда ли душа, что бы она ни заняла, приноситъ жизнь тому, къ чему приходитъ?» спрашиваетъ онъ, и затѣмъ даетъ положительный отвѣтъ, оставляя безъ анализа понятіе жизни и жизненнаго начала. Душа, слѣдовательно, по общему сознанію людей, есть жизнь — по существу и какъ носительница и хранительница жизни она всецѣло и безусловно исключаетъ въ себѣ возможность смерти. Она не можетъ умереть, потому что жизнь составляетъ глубочайшую основу ея природы, правильнѣе и точнѣе, — самую ея природу, ея сущность, — нѣчто такое, безъ чего ея рѣшительно невозможно представить. Уничтоженіе въ ней жизни было бы уничтоженіемъ не аттрибута или свойства ея, а самаго ея бытія, такъ какъ она — ничѣмъ не обусловленная и ни отъ чего не зависящая жизнь въ самой себѣ, — начало и основа всего живого, суть и идея жизни. Идея по существу своему безсмертна и неразрушима. Ясное дѣло, что и идея жизни, — а слѣдовательно и

субстанціальная носительница и хранительница ея душа — не можетъ разрушиться; или, оставаясь сама собою, превратиться въ противуположную себѣ другую идею — идею смерти.

Этими немногими замѣчаніями я оканчиваю анализъ четвертаго доказательства, составляющаго заключеніе собственно философской части Федона. Слѣдующая глава представитъ намъ миѳъ о посмертномъ состояніи душъ, и затѣмъ окончаніе исторической части діалога — описаніе послѣднихъ минутъ и смерти Сократа.

ГЛАВА IX.

Нравственный выводъ изъ идеи безсмертія. — Миѳъ о переселеніи душъ. — Замѣчанія о миѳѣ. — Окончаніе исторической части діалога: смерть Сократа.

Если душа дѣйствительно безсмертна, то какой отсюда нравственный выводъ? Очевидно, что она должна составлять для человѣка предметъ самыхъ бòльшихъ заботъ въ теченіе всей его жизни и опасность, если кто станетъ этими заботами пренебрегать, чрезвычайно велика. Если бы смертію тѣла все оканчивалось, то для людей порочныхъ это было бы благо; но такъ какъ душа безсмертна, то единственное спасеніе ея отъ ожидающихъ ее въ будущемъ золъ, — сдѣлаться въ теченіе земной жизни возможно болѣе мудрой и добродѣтельной.

И такъ, посмертная судьба души состоитъ въ тѣсной связи съ ея нравственными качествами, — съ тѣмъ или другимъ направленіемъ, усвоеннымъ ею въ теченіе жизни. Это сообщаетъ идеѣ безсмертія чисто-практическій характеръ и ставитъ образъ дѣйствій человѣка въ прямую зависимость отъ его убѣжденія. Не довольно признавать истину безсмертія въ теоріи: нужно еще жить такъ, чтобы вся жизнь человѣка служила приготовленіемъ къ той жизни, которая одна можетъ удовлетворить безсмертную душу. И не только окончательное рѣшеніе загробной судьбы душъ, но и то, что каждая испытываетъ тотчасъ и немедленно по разлученіи съ тѣломъ, — самый переходъ души въ другой міръ обусловливается и опредѣляется ея нравственнымъ характеромъ. Сократъ излагаетъ —

МИѲЪ О ПОСМЕРТНОМЪ СОСТОЯНІИ ДУШЪ.

Какъ скоро человѣкъ умираетъ, то духъ или демонъ, который былъ его хранителемъ въ теченіе земной его жизни, провожаетъ его въ то мѣсто, гдѣ обыкновенно собираются по смерти всѣ вообще души для выслушанія своего приговора. По окончаніи суда онѣ сходятъ въ адъ подъ предводительствомъ одного общаго, назначеннаго для этого вождя, и, отбывъ тамъ урочное, опредѣленное для каждой, время, возвращаются, предводимыя другимъ вождемъ, снова въ земной міръ. Путь, которымъ онѣ сходятъ въ адъ, вопреки Эсхилу, долженъ имѣть, по мнѣнію Сократа, много раздѣленій и поворотовъ. Иначе, нельзя понять, почему онѣ нуждаются въ проводникахъ при своемъ отправленіи: на прямомъ и открытомъ пути нѣтъ возможности заблудиться. Въ этой же догадкѣ, — въ томъ, что дорога, ведущая къ аду, — непрямая и не одна, Сократа убѣждаютъ также погребальные церемоніи и обычаи грековъ. Нравственное различіе душъ обнаруживается, какъ мы замѣтили выше, тотчасъ и немедленно, при самомъ началѣ схожденія ихъ въ адъ. Душа благонравная и мудрая слѣдуетъ за вождемъ охотно, такъ какъ ей не безъизвѣстенъ ожидающій ее жребій; но та, которая увлекалась въ теченіе земной жизни чувственными удовольствіями, остается долго на землѣ, витая вокругъ могильнаго кургана, въ которомъ погребено ея тѣло; и только послѣ долгаго сопротивленія сходитъ въ подземный міръ, увлекаемая насильно своимъ проводникомъ. Души этого послѣдняго рода, — осквернившія себя любовью къ тѣлесному, — достигая мѣста, гдѣ совершается судъ, принимаются всѣми враждебно: ни одна не желаетъ входить съ ними въ какое бы то ни было общеніе. Тогда, предавшись отчаянію, порочная душа испытываетъ всевозможныя бѣдствія, блуждая одинокою въ подземномъ мірѣ, и по окончаніи долгихъ и длинныхъ періодовъ страданій, отводится, — иногда вопреки своему желанію, — въ то жилище, которое она должна занимать, сообразно

своему настроенію, выработанному ею въ теченіе земной жизни. А души людей, проведшихъ земную жизнь въ воздержаніи и чистотѣ, получаютъ, въ противуположность первымъ, въ удѣлъ такія жилища, которыя составляютъ награду ихъ подвиговъ.

Изображеніемъ странствованія душъ въ подземномъ мірѣ заканчивается первая часть миѳа: вторая представляетъ описаніе различныхъ мѣстностей земли. Начиная разсказъ, Сократъ прежде всего выражаетъ свое убѣжденіе въ томъ, что сложившееся у философовъ представленіе о землѣ — невѣрно. Онъ думаетъ, что она представляетъ много удивительныхъ мѣстъ, и что вообще какъ по своему виду, такъ и по величинѣ она далеко не такова, какою обыкновенно ее изображаютъ. На просьбу, предложенную ему Симміасомъ, — высказать по этому предмету свой взглядъ, — Сократъ отказывается отъ подробнаго описанія земли, такъ какъ остающіеся ему часы жизни слишкомъ для этого недостаточны, но выражаетъ готовность сообщить своимъ слушателямъ объ этомъ предметѣ въ общихъ чертахъ. Первый вопросъ, который онъ поставляетъ, приступая къ разсказу, — это вопросъ о силѣ, помощію которой земля держится въ воздухѣ. По мнѣнію Сократа, это происходитъ отъ двухъ причинъ — одинаковаго повсюду свойства неба и равновѣсія самой земли. Переходя затѣмъ къ вопросу о ея величинѣ, — онъ думаетъ, что она чрезвычайно-велика по протяженію, и что мы населяемъ только малую часть ея, отъ Фазиса до геркулесовыхъ столбовъ, расположившись вокругъ моря, какъ муравьи или лягушки вокругъ болота. Точно такія же мѣстности, — на оконечностяхъ земли, представляющихъ собою углубленія, занимаютъ и другіе народы. Въ эти низменныя мѣстности различной формы и величины стекаютъ обыкновенно вода, туманы и воздухъ. Настоящая же, дѣйствительная земля совершенно чиста и лежитъ посреди чистыхъ небесъ, на которыхъ находятся свѣтила, называемыя эѳиромъ; а элементы, стекающіе въ низменности, составляютъ основу, на которой покоится эфиръ. Люди, живущіе въ земныхъ углубленіяхъ, не замѣчаютъ, гдѣ они живутъ и думаютъ, что они населяютъ дѣйствительную, настоящую землю. Это совер-

шенно похоже на то, какъ еслибы кто нибудь, живя въ глубинѣ моря, воображалъ бы, что онъ живетъ на его поверхности, и принималъ бы видимыя имъ сквозь водяную влагу солнце и небесныя свѣтила за настоящее небо. Очевидно, что такой человѣкъ не могъ бы составить себѣ понятія о томъ, — насколько мѣста, занимаемыя нами, чище и прекраснѣе тѣхъ, въ которыхъ живетъ онъ. Точно такимъ образомъ обитатели земныхъ низменностей, созерцая небо сквозь среду воздуха, принимаютъ воздухъ за самое небо, какъ будто бы текущія въ воздушномъ пространствѣ свѣтила представляли собою настоящее небо. А между тѣмъ увидѣть истинное, дѣйствительное небо человѣкъ могъ бы только тогда, если бы онъ получилъ возможность подняться подобно птицѣ на оконечныя высоты воздушнаго пространства; потому что только тамъ находится истинное небо, истинный свѣтъ и настоящая земля. Что же касается мѣстностей, на которыхъ живемъ мы, то все, находящееся въ этихъ мѣстностяхъ, повреждено и изъѣдено, подобно тому какъ изъѣдено морскою солью все находящееся въ глубинѣ моря. На днѣ морскомъ нѣтъ ничего цѣннаго, ничего совершеннаго: пещеры, песокъ, глубокая грязь и нечистота — все это не идетъ ни въ какое сравненіе съ красотами нашихъ мѣстъ, точно такъ какъ все находящееся у насъ — бѣдно и ничтожно сравнительно съ красотами мѣстностей, лежащихъ на оконечныхъ высотахъ воздушнаго пространства. Сократъ предлагаетъ собесѣдникамъ послушать его разсказъ объ этихъ мѣстностяхъ земли, и, какъ скоро они изъявили готовность слушать, начинаетъ такъ.

Земля, если бы кто нибудь сталъ разсматривать ее съ воздушной высоты, представляетъ такой видъ, какой имѣютъ шары, состоящіе изъ двѣнадцати разноцвѣтныхъ кожъ. Это — непрерывная смѣна и игра самыхъ разнообразныхъ цвѣтовъ, которые, будучи первообразомъ нашихъ земныхъ, далеко превосходятъ ихъ блескомъ и чистотой. Ея неизмѣнныя мѣстности, въ которыя собираются воды и воздухъ, также отражаютъ различные цвѣта, такъ что вся земля представляетъ непрерывное ихъ измѣненіе. На этой землѣ произрастаютъ точно въ такомъ же соотношеніи

между собой (ἀνὰ λόγον) деревья, цвѣты и плоды, а прозрачныя горы и камни ея отличаются блескомъ и восхитительными цвѣтами. Въ то время какъ наши драгоцѣнные камни — сердолики, яшмы и изумруды встрѣчаются у насъ только въ видѣ малыхъ частицъ, тамъ — они обыкновенное явленіе. Различіе это происходитъ отъ оттого, что камни той земли не изъѣдены и не повреждены какъ наши гнилыми осадками и морскою солью. На дѣйствительной же, настоящей землѣ всѣ эти драгоцѣнные камни, также какъ золото и серебро разсѣяны огромными массами по всему ея пространству, такъ что созерцаніе этой земли составляетъ восхитительное зрѣлище блаженныхъ душъ. На землѣ этой, точно также какъ и на нашей, водятся многочисленныя породы животныхъ и живутъ люди, — одни посрединѣ ея, другіе — вокругъ предѣловъ воздушнаго пространства, какъ мы вокругъ моря, иные — на островахъ, окруженныхъ воздухомъ. Воздухъ у жителей настоящей, дѣйствительной земли замѣняетъ собой нашу воду и море, а эѳиръ — воздухъ. Ихъ времена года отличаются такимъ благорастворѣніемъ, что они не знаютъ болѣзней и живутъ гораздо долѣе живущихъ на землѣ. Превосходя насъ совершенствами безболѣзненности и долговѣчности, они превосходятъ насъ и чувствами физическими, также точно какъ способностями ума, и превосходятъ въ той степени, въ какой воздухъ превосходитъ чистотой воду, а эѳиръ — воздухъ. Въ священныхъ рощахъ и храмахъ ихъ присутствуютъ видимымъ, осязательнымъ образомъ боги; люди видятъ ихъ тамъ чувственнымъ образомъ, слышатъ ихъ голоса и получаютъ отъ нихъ откровенія. Солнце, луна и звѣзды имъ представляются тамъ такими, каковы они въ самой дѣйствительности; и блаженство ихъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ такъ же полно и совершенно.

Всѣ окраины земли, представляющія, какъ сказано выше, низменности, очень разнообразны по своему очертанію: однѣ болѣе глубоки, но менѣе открыты; другія болѣе обширны, но менѣе углублены. Подъ окраинами земли, въ глубинѣ ея нѣдръ, всюду проходятъ соединяющіяся между собою отверзтія, черезъ которыя льется громадная масса водъ, — холодные, горячіе, огненные и грязные потоки. Представляя огромное водохранилище, изъ ко-

тораго наполняются водой всѣ наши мѣстности, эти подземные потоки движутся вверхъ и внизъ, какъ будто бы сама земля заключала въ себѣ равномѣрное въ обѣ стороны колебаніе. Одно изъ этихъ подземныхъ отверзтій превосходитъ величиною всѣ другія, проходя непрерывно черезъ всю землю. Это — та самая бездна, которую Гомеръ и другіе поэты называютъ тартаромъ. Сюда, — въ эту страшную бездну стекаются всѣ наши рѣки и отсюда же вытекаютъ опять. Огромное собраніе водъ ее наполняющихъ не имѣетъ ни дна, ни основанія: вся эта масса воды держится въ висячемъ положеніи въ воздухѣ и кипитъ волнами вверхъ и внизъ, попеременно бросаясь то къ той, то къ этой сторонѣ земли, при чемъ каждый разъ устремленіе ея волнъ сопровождается неизобразимо страшными порывами вихря. Стремительно бросаясь на то мѣсто, которое мы называемъ низшимъ, она протекаетъ сквозь землю, наполняя собой рѣки и источники. Бросаясь стремительно снова назадъ, она наполняетъ точно такимъ же образомъ наши собранія водъ, которыя потомъ образуютъ моря, озера, рѣки и источники. Уходя отсюда сквозь землю опять, вся эта масса водъ снова изливается въ тартаръ, при чемъ всѣ вообще теченія ея впадаютъ ниже того мѣста, откуда выходятъ; и притомъ одни изъ нихъ впадаютъ со стороны, противуположной той, откуда выходятъ, а другія — съ той же самой; нѣкоторыя же изъ нихъ описываютъ въ движеніи своемъ кругъ, обвиваясь по-нѣскольку разъ вкругъ земли, на подобіе змѣй. Изъ водныхъ теченій земли, отличающихся своимъ протяженіемъ, наиболѣе извѣстныхъ четыре. Самое обширное, обтекающее землю между крайними ея предѣлами, есть океанъ. Насупротивъ его, въ противуположномъ направленіи, течетъ въ пустынномъ мѣстѣ рѣка Ахеронъ, впадающая въ ахерузійское озеро. Это то самое озеро, куда сходятъ души умершихъ, и откуда онѣ, по истеченіи извѣстнаго времени, высылаются снова въ поколѣнія живыхъ. Третья рѣка принимаетъ начало между двумя первыми теченіями; протекая при самомъ началѣ своемъ черезъ мѣстность, пылающую сильнымъ огнемъ, она образуетъ озеро, превосходящее обширностью море и кипящее водою и грязью; обвиваясь въ круговомъ теченіи своемъ кругомъ

земли, она достигаетъ ахерузійскаго озера; но не сливается съ его волнами, а поворотивъ нѣсколько разъ подъ землей, впадаетъ въ самой низменной части тартара. Это — та самая рѣка, которая прорывается на землю повсюду, въ видѣ кипящихъ изверженій. Имя ея — Пирифлегетонъ. Четвертая рѣка, текущая со стороны противуположной Пирифлегетону, падаетъ въ страшномъ и пустынномъ мѣстѣ, которое все голубого цвѣта и которое называютъ стигійскимъ, а озеро, образуемое рѣкой — Стиксомъ. Излившись въ озеро и почерпнувъ въ водахъ его страшныя силы, она скрывается подъ землю и продолжать течь, извиваясь кругами насупротивъ Пирифлегетона, съ которымъ встрѣчается у ахерузійскаго озера. Точно также какъ и волны Пирифлегетона вѡды ея не смѣшиваются ни съ какими другими: она изливается въ тартаръ насупротивъ Пирифлегетона. Имя этой рѣки, по сказанію поэтовъ, — Коцитъ.

Описаніе тартара составляетъ содержаніе второй части миѳа: третья и послѣдняя изображаетъ посмертное состояніе душъ. Какъ скоро души умершихъ соберутся въ извѣстномъ количествѣ въ извѣстномъ мѣстѣ — онѣ немедленно подвергаются суду, рѣшающему ихъ жребій. Души, которыхъ жизнь будетъ признана за нѣчто среднее между жизнью добродѣтельной и порочной, плывутъ на приготовленныхъ для нихъ ладьяхъ къ Ахерону и входятъ въ озеро, гдѣ несутъ очистительное наказаніе за преступленія, равно какъ и получаютъ награды за добрыя дѣла. Запятнавшія же себя многочисленными и важными преступленіями — святотатствами и убійствами, погружаются навсегда на самое дно тартара. Души же, осквернившія себя преступленіями, хотя и загладимыми, но важными, какъ напр. позволившія себѣ насиліе противъ отца или матери, и заглаждавшія потѡмъ во всю остальную жизнь свой проступокъ раскаяніемъ, или же человѣкоубійцы, — хотя и попадаютъ въ тартáръ, но, по истеченіи извѣстнаго времени, выбрасываются волной — человѣкоубійцы въ Коцитъ, а отцеубійцы и матереубійцы — въ Пирифлегетонъ. Достигая ахерузійскаго озера, къ которому приноситъ ихъ теченіе волны, онѣ умоляютъ обиженныхъ ими о помилованіи; если убѣдятъ, то входятъ въ озеро и освобождаются отъ золъ;

а если нѣтъ,. то попадаютъ обратно въ тартаръ и опять въ тѣ же самыя рѣки, и это не прекращается для нихъ до тѣхъ поръ, пока онѣ не упросятъ обиженныхъ ими; потому что такое наказаніе наложено на эти души судьями. Души философовъ возносятся по окончаніи земной жизни на высокія мѣстности земли, — въ жилища блаженныхъ, а тѣ, которыя отличались чистотой жизни преимущественно передъ всѣми другими, получаютъ въ удѣлъ такія жилища, которыхъ красота — недоступна никакому описанію.

«Имѣя въ виду то, что мы представили, говоритъ въ заключеніе Сократъ, надобно употреблять, любезный Симміасъ, всѣ труды и усилія, чтобы усвоить себѣ въ теченіе жизни добродѣтель и мудрость: награда прекрасна и надежда на нее велика! Утверждать положительно, что всѣ эти вещи точно таковы, какъ я ихъ описалъ, не прилично человѣку здравомыслящему; тѣмъ не менѣе, однакожъ, надобно принять или это, или нѣчто подобное относительно нашихъ душъ и ихъ жилищъ; такъ какъ душа дѣйствительно безсмертна, то разсуждать о ней подобнымъ образомъ мнѣ представляется и приличнымъ, и такому разсужденію можно рисковать довѣриться; потому что рискъ этого рода прекрасенъ, и нужно напѣвать самому себѣ такія волшебныя пѣсни.»

По окончаніи собственно-философской части разсужденія, Сократъ, какъ мы видѣли выше, дѣлаетъ нравственный выводъ изъ идеи безсмертія. Выводъ этотъ предложенъ имъ слушателямъ въ формѣ совѣта — прилагать въ теченіе земной жизни возможно бо́льшія попеченія о душѣ. «Награда прекрасна,» говоритъ онъ желая пробудить въ нихъ духъ мужества, «и надежда на нее велика!» Мысли, высказанныя имъ по этому поводу, составляютъ переходъ отъ четвертаго доказательства къ миѳу. Приступая къ анализу этого послѣдняго, я прежде всего остановлюсь на рѣзко бросающемся въ глаза противорѣчіи и его содержанія съ предыдущимъ миѳомъ метемпсихоса. Въ первомъ, говоря о посмертной судьбѣ душъ, проведшихъ порочно земную жизнь, Платонъ утверждалъ, что многія изъ нихъ переселяются по смерти въ тѣла животныхъ, при чемъ тѣ или другія страсти или пороки, которыми

земли, она достигаетъ ахерузійскаго озера; но не сливается съ его волнами, а, поворотивъ нѣсколько разъ подъ землей, впадаетъ въ самой низменной части тартара. Это—та самая рѣка, которая прорывается на землю повсюду, въ видѣ кипящихъ изверженій. Имя ея — Пирифлегетонъ. Четвертая рѣка, текущая со стороны противуположной Пирифлегетону, падаетъ въ страшномъ и пустынномъ мѣстѣ, которое все голубого цвѣта и которое называютъ стигійскимъ, а озеро, образуемое рѣкой — Стиксомъ. Излившись въ озеро и почерпнувъ въ водахъ его страшныя силы, она скрывается подъ землю и продолжаетъ течь, извиваясь кругами насупротивъ Пирифлегетона, съ которымъ встрѣчается у ахерузійскаго озера. Точно также какъ и волны Пирифлегетона вóды ея не смѣшиваются ни съ какими другими: она изливается въ тартаръ насупротивъ Пирифлегетона. Имя этой рѣки, по сказанію поэтовъ,—Коцитъ.

Описаніе тартара составляетъ содержаніе второй части миѳа: третья и послѣдняя изображаетъ посмертное состояніе душъ. Какъ скоро души умершихъ соберутся въ извѣстномъ количествѣ въ извѣстномъ мѣстѣ — онѣ немедленно подвергаются суду, рѣшающему ихъ жребій. Души, которыхъ жизнь будетъ признана за нѣчто среднее между жизнью добродѣтельной и порочной, плывутъ на приготовленныхъ для нихъ ладьяхъ къ Ахерону и входятъ въ озеро, гдѣ несутъ очистительное наказаніе за преступленія, равно какъ и получаютъ награды за добрыя дѣла. Запятнавшія же себя многочисленными и важными преступленіями — святотатствами и убійствами, погружаются навсегда на самое дно тартара. Души же, осквернившія себя преступленіями, хотя и загладимыми, но важными, какъ напр. позволившія себѣ насиліе противъ отца или матери, и заглаждавшія потóмъ во всю остальную жизнь свой проступокъ раскаяніемъ, или же человѣкоубійцы, — хотя и попадаютъ въ тартаръ, но, по истеченіи извѣстнаго времени, выбрасываются волной — человѣкоубійцы въ Коцитъ, а отцеубійцы и матереубійцы — въ Пирифлегетонъ. Достигая ахерузійскаго озера, къ которому приноситъ ихъ теченіе волны, онѣ умоляютъ обиженныхъ ими о помилованіи; если убѣдятъ, то входятъ въ озеро и освобождаются отъ золъ;

а если нѣтъ, то попадаютъ обратно въ тартаръ и опять въ тѣ же самыя рѣки, и это не прекращается для нихъ до тѣхъ поръ, пока онѣ не упросятъ обиженныхъ ими; потому что такое наказаніе наложено на эти души судьями. Души философовъ возносятся по окончаніи земной жизни на высокія мѣстности земли, — въ жилища блаженныхъ, а тѣ, которыя отличались чистотой жизни, преимущественно передъ всѣми другими, получаютъ въ удѣлъ такія жилища, которыхъ красота — недоступна никакому описанію.

«Имѣя въ виду то, что мы представили, говоритъ въ заключеніе Сократъ, надобно употреблять, любезный Симміасъ, всѣ труды и усилія, чтобы усвоить себѣ въ теченіе жизни добродѣтель и мудрость: награда прекрасна и надежда на нее велика! Утверждать положительно, что всѣ эти вещи точно таковы, какъ я ихъ описалъ, не прилично человѣку здравомыслящему; тѣмъ не менѣе, однакожъ, надобно принять или это, или нѣчто подобное относительно нашихъ душъ и ихъ жилищъ; такъ какъ душа дѣйствительно безсмертна, то разсуждать о ней подобнымъ образомъ мнѣ представляется и приличнымъ, и такому разсужденію можно рисковать довѣриться; потому что рискъ этого рода прекрасенъ, и нужно напѣвать самому себѣ такія волшебныя пѣсни.»

По окончаніи собственно философской части разсужденія, Сократъ, какъ мы видѣли выше, дѣлаетъ нравственный выводъ изъ идеи безсмертія. Выводъ этотъ предложенъ имъ слушателямъ въ формѣ совѣта — прилагать въ теченіе земной жизни возможно большія попеченія о душѣ. «Награда прекрасна,» говоритъ онъ, желая пробудить въ нихъ духъ мужества, «и надежда на нее велика!» Мысли, высказанныя имъ по этому поводу, составляютъ переходъ отъ четвертаго доказательства къ миѳу. Приступая къ анализу этого послѣдняго, я прежде всего остановлюсь на рѣзко бросающемся въ глаза противорѣчіи его содержанія съ предыдущимъ миѳомъ метемисихоса. Въ первомъ, говоря о посмертной судьбѣ душъ, проведшихъ порочно земную жизнь, Платонъ утверждалъ, что многія изъ нихъ переселяются по смерти въ тѣла животныхъ, при чемъ тѣ или другія страсти или пороки, которыми

увлекалась при жизни душа, обусловливаютъ собою ея переселеніе въ то или другое животное. Здѣсь онъ утверждаетъ отчасти противное предыдущему: здѣсь всѣ души умершихъ собираются въ извѣстное мѣсто и подвергаются суду, по окончаніи котораго получаютъ, сообразно заслугамъ, награды или подвергаются наказаніямъ. Какъ объяснять это противорѣчіе? Согласно принятому мною плану, я приведу сначала мнѣніе по этому вопросу критики. Штейнгартъ указываетъ на означенное противорѣчіе въ содержаніи обоихъ миѳовъ, но отказывается отъ соглашенія того и другого. «Довольно странно при этомъ,» говоритъ онъ, «то, что Платонъ въ представленіи этихъ вещей (посмертной судьбы душъ) не остается даже вѣренъ самому себѣ въ одномъ и томъ же діалогѣ; потому что, въ то время какъ прежде онъ говорилъ, что души неочищенныя, послѣ долгаго блужданія вокругъ своихъ могилъ, посылаются наконецъ въ тѣла животныхъ, а души людей добрыхъ переселяются въ животныхъ общительныхъ и мирныхъ, и потомъ опять превращаются въ людей, о переходномъ же состояніи и посмертномъ судѣ не было и рѣчи, — здѣсь, напротивъ, всѣ души, которыя не тотчасъ дѣлаются блаженными, должны прежде своего преобразованія, то есть, прежде чѣмъ онѣ получатъ новыя тѣла, — подвергаться очищеніямъ въ адѣ, а души порочныя должны послѣ долгаго блужданія придти наконецъ въ тартаръ, изъ котораго освобожденіе невозможно — даже черезъ превращеніе въ животныхъ.» [1]) Бишофъ, разсуждая объ этомъ противорѣчіи, старается согласить эсхатологическое ученіе того и другого миѳа. «Ничего не значило бы,» говоритъ онъ, «если бы этотъ миѳъ представлялъ еще бо́льшее отличіе отъ предыдущаго миѳа нашего разговора, нежели какъ это есть въ самой дѣйствительности. Потому что, въ сущности, въ основѣ обоихъ лежитъ одно и то же представленіе, — а именно, что души добрыхъ наслѣдуютъ божественную жизнь, то есть бытіе, отрѣшенное отъ всякихъ условій чувственности и заключенное въ самомъ себѣ, а души злыхъ, напротивъ, пребываютъ въ томъ состояніи, которое соотвѣтствуетъ ихъ стремленіямъ и наклонно-

---

[1]) Platon's sämmtl. Werke, B. IV. S. 455.

стямъ, — но только имъ частію не достаетъ предмета для удовлетворенія своихъ желаній, а частію самый способъ, съ помощію котораго онѣ должны удовлетворять ихъ, служитъ для нихъ наказаніемъ. Что въ первомъ миѳѣ души злыхъ побуждаетъ къ соединенію съ тѣломъ желаніе, а здѣсь ἀνάγκη — въ этомъ нѣтъ существеннаго различія, такъ какъ то и другое — ἀνάγκη — физическая необходимость, и желаніе — слѣпое стремленіе природы, послушное только голосу чувственности, очень легко могутъ быть приняты за одно. А что здѣсь не такъ обстоятельно говорится о переселеніи душъ какъ тамъ, — потому что о немъ конечно упоминается, — это не должно насъ удивлять, потому что въ первомъ миѳѣ самое важное составляетъ отношеніе души къ тѣлу, тогда какъ здѣсь нужно было изобразить состояніе души по смерти вообще.» [2]) Что касается до меня, то я, вопреки Штейнгарту, рѣшительно не могу допустить, чтобы противорѣчіе обоихъ миѳовъ укрылось отъ вниманія самого Платона. Скажу болѣе. Я вижу слишкомъ большую странность со стороны самого Штейнгарта въ томъ, что онъ допускаетъ возможность подобной странности со стороны Платона. Равнымъ образомъ я не могу удовлетвориться и объясненіемъ Бишофа, которому хочется во что бы то ни стало примирить ученіе обоихъ миѳовъ. Я думаю, напротивъ, что въ этомъ примиреніи прежде всего рѣшительно нѣтъ необходимости. Пусть они будутъ еще дальше одинъ отъ другого по содержанію, — и все таки дѣло, то есть ученіе Платона отъ этого не проигрываетъ въ достоинствѣ. Натяжка въ приведенномъ объясненіи Бишофа очевидна. Такъ напр. въ первомъ миѳѣ Платонъ говоритъ, что душу, не очистившуюся въ земной жизни и носящую въ себѣ начала тѣхъ или другихъ пороковъ, побуждаетъ къ соединенію съ тѣломъ ἐπιθυμία — желаніе — страстная любовь къ тѣлесному, всюду за ней слѣдующему, а во второмъ судьбу всѣхъ вообще душъ рѣшаетъ ἀνάγκη — необходимость, — воля хранителя человѣческой души — демона, который, сопровождая къ мѣсту суда охотно повинующіяся ему души добрыя, увлекаетъ туда силою души злыхъ, побѣждая при этомъ

[2]) Plato's Phaedon, S. 212 fg.

ь трудомъ ихъ сопротивленіе. Бишофъ утверждаетъ, что здѣсь ѣтъ существеннаго различія, такъ какъ то и другое — слѣпое гремленіе, послушное только голосу чувственности и ἀνάγκη — изическая необходимость — очень легко могутъ быть приняты ɩ одно. Но здѣсь существенная сторона вопроса не въ нравгвенномъ настроеніи, съ которымъ душа выходитъ изъ тѣла, е въ опредѣленіи силы, которая направляетъ ее въ то или ругое мѣсто, а въ ея посмертной судьбѣ, — въ разрѣшеніи вороса: что̀ съ нею будетъ послѣ того, когда она окончитъ земную ;изнь, — будетъ ли она подвергаться метемпсихическимъ метаорфозамъ, странствуя по землѣ и переселяясь въ тѣла различыхъ животныхъ, или же перейдетъ по разлученіи съ тѣломъ ъ другую область міра — мѣстопребываніе умершихъ, и полу:итъ въ удѣлъ тотъ или другой жребій, сообразно нравственному астроенію и заслугамъ той или другой? А въ такомъ случаѣ ротиворѣчіе въ содержаніи обоихъ миѳовъ и различіе отвѣта ıа этотъ вопросъ въ первомъ и во второмъ такъ очевидны, что ;сякая попытка примирить и согласить оба ученія непремѣнно ʼудетъ искуственна, и возможна только при помощи большихъ ıатяжекъ въ объясненіи. Бишофъ замѣчаетъ, что во второмъ ıиѳѣ только не такъ подробно говорится о переселеніи душъ, о что о немъ во всякомъ случаѣ упоминается, и что, слѣдоательно, оба миѳа опять все таки согласны въ своемъ ученіи. [ѣйствительно, Платонъ въ одномъ мѣстѣ второго миѳа дѣлаетъ казаніе на первый, говоря что душа, которая при жизни была трастно привязана къ тѣлу, не хочетъ идти въ подземный ръ, и только послѣ долгаго сопротивленія съ ея стороны отвотся туда насильно своимъ хранителемъ—демономъ. Но мы видѣли первомъ миѳѣ, что многія души, одолѣваемыя страстною обовью къ тѣлесному, дѣйствительно заключаются въ тѣла ивотныхъ, проводятъ тамъ цѣлые циклы, цѣлые огромные ріоды времени и, слѣдовательно, подчиняются условіямъ жизни вершенно иной нежели та, которую создаетъ, какъ для души бродѣтельныхъ такъ и для порочныхъ, второй миѳъ. Противоıіе такимъ образомъ въ ученіи о посмертной судьбѣ душъ эспоримо, и едва ли попытка Бишофа примирить это противо-

рѣчіе достигаетъ цѣли. Бишофъ очевидно обошелъ въ разрѣшеніи этого вопроса болѣе трудныя его стороны, и потому суть дѣла остается у него неразъясненною. Гораздо проще и, какъ мнѣ кажется, ближе къ существу дѣла можно принять въ этомъ случаѣ слѣдующее объясненіе. Соглашать и примирять указанное противорѣчіе, какъ я замѣтилъ выше, по моему мнѣнію, нѣтъ рѣшительно никакой необходимости. Платонъ не дѣлаетъ этого самъ: какое же начало положитъ въ основу соглашенія критика, и на чемъ будетъ основано въ этомъ случаѣ ея право? Я обращу прежде всего вниманіе читателя на то обстоятельство, что Платонъ при изложеніи обоихъ миѳовъ, точно также какъ и въ своихъ доказательствахъ безсмертія, какъ и вообще въ цѣломъ Федонѣ нигдѣ не говоритъ рѣшительнымъ, утвердительнымъ тономъ, который бы исключалъ въ немъ самомъ всякую возможность сомнѣнія. Онъ очень далекъ отъ мысли выдавать сообщаемое имъ слушателямъ за непреложныя, аксіоматическія истины. Приводя оба миѳа онъ излагаетъ не болѣе, какъ представленія народнаго чувства и народной фантазіи о посмертной судьбѣ человѣка, — излагаетъ слѣдовательно то, чему можно, чему прилично, чему наконецъ, на основаніи нравственныхъ требованій нашей природы, должно вѣрить. А если мы взглянемъ на вопросъ съ этой точки зрѣнія, то видимое противорѣчіе миѳовъ устраняется совершенно. Каждая естественная религія въ такихъ глубочайшихъ вопросахъ, какъ напр. вопросъ о назначеніи человѣка и его посмертной судьбѣ представляетъ противорѣчія, и это — совершенно естественно. Религіозныя вѣрованія народа слагаются подъ вліяніемъ цѣлаго ряда естественныхъ и историческихъ условій, подвергаются различнымъ видоизмѣненіямъ въ разные періоды времени, наконецъ испытываютъ на себѣ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, вліяніе чужеземныхъ, пришлыхъ началъ. Платонъ приводитъ въ Федонѣ параллельно два миѳа, которыхъ предметъ одинъ и тотъ же — загробная жизнь, посмертная судьба душъ. Въ первомъ онъ говоритъ, что души людей, какъ добрыхъ такъ и злыхъ, переселяются по смерти въ тѣла животныхъ, во второмъ — что онѣ предварительно подвергаются суду, и потомъ получаютъ наград

или несутъ наказанія въ извѣстныхъ, опредѣленныхъ мѣстахъ, сообразно своему нравственному характеру и заслугамъ. Мы видѣли въ анализѣ перваго миѳа — до какой степени ученіе метемпсихоса было распространено въ древнемъ мірѣ, и какую важную роль оно играло въ его религіозныхъ и философскихъ системахъ. Понятное дѣло, что разсуждая о загробной жизни — вопросъ, въ которомъ чисто критическое, отрѣшенное отъ авторитета положительной вѣры изслѣдованіе рѣшительно невозможно — Платонъ никакимъ образомъ не могъ обойти ученія, составлявшаго одинъ изъ самыхъ древнихъ и существенныхъ догматовъ религіозныхъ вѣроученій его времени. Рядомъ съ этимъ догматомъ онъ приводитъ другое преданіе, въ которомъ представленіе о посмертной судьбѣ душъ и вообще о загробной жизни получаетъ уже болѣе очищенную, одухотворенную форму. Здѣсь извѣстному нравственному характеру души, выработанному ею въ періодъ земной ея жизни, соотвѣтствуетъ умное мѣстопребываніе ея въ извѣстномъ, опредѣленномъ жилищѣ, и награды, также какъ и наказанія запечатлѣны, если можно такъ выразиться, болѣе спиритуальнымъ характеромъ. Платонъ — повторю опять — приводитъ параллельно два миѳа о загробной жизни, излагаетъ ихъ послѣдовательно одинъ за другимъ, не дѣлая ни малѣйшей попытки къ соглашенію ученія одного съ ученіемъ другого. Не замѣтить этого противорѣчія онъ рѣшительно не могъ; допустить возможность подобной ошибки у Платона — скажу прямо — было бы верхомъ смѣшного. Съ другой стороны, при чрезвычайной рѣзкости, съ которою указанное противорѣчіе бросается въ глаза, и необыкновенной трудности примирить и согласить то и другое ученіе, одинаково невозможно и то, чтобы онъ не обратилъ на это вниманія читателя самъ, и хотя бы двумя-тремя замѣчаніями не указалъ на то отношеніе, въ какомъ должны состоять оба эсхатологическіе миѳа. Припомнимъ нѣкоторыя мѣста Федона, гдѣ онъ поставляетъ вопросъ, — какую степень достовѣрности можно придавать народнымъ вѣрованіямъ о загробной жизни: представляютъ ли они для анализирующаго ума нѣчто непоколебимо твердое и положительное, или же только заключаютъ въ себѣ извѣстную долю возможнаго и вѣроятнаго?

«Утверждать,» говоритъ Сократъ въ заключеніе второго миөа, «что все это дѣйствительно такъ, какъ я описалъ, неприлично человѣку здравомыслящему; тѣмъ не менѣе, однакожъ, нужно принять или это, или нѣчто подобное относительно нашихъ душъ и ихъ жилищъ. Такъ какъ душа дѣйствительно безсмертна, то разсуждать о ней подобнымъ образомъ мнѣ представляется и приличнымъ, и такому разсужденію можно рисковать довѣриться; потому что самый рискъ въ этомъ случаѣ прекрасенъ, и нужно напѣвать самому себѣ такія волшебныя пѣсни.» На замѣчаніе Симміаса, что, послѣ всѣхъ разсужденій о безсмертіи, онъ все еще не признаетъ вопроса разрѣшеннымъ съ послѣдней очевидностью, и потому считаетъ необходимымъ сохранять въ душѣ нѣкоторое недовѣріе къ предыдущимъ разсужденіямъ, Сократъ отвѣчаетъ: «не только должно, (имѣть недовѣріе) но даже и первыя основанія — какъ бы они ни представлялись вамъ сильными — нужно изслѣдовать болѣе тщательнымъ образомъ; и когда вы ихъ достаточно изслѣдуете, тогда, какъ мнѣ кажется, будете держаться изложеннаго нами доказательства настолько твердо, насколько только человѣку возможно понимать подобныя вещи.» Припомнимъ еще одну мысль Симміаса. «Я думаю объ этомъ предметѣ, (о безсмертіи души) говоритъ онъ Сократу, можетъ быть точно такъ же, какъ думаешь и ты: достичь совершеннаго познанія его въ жизни настоящей или невозможно или необыкновенно трудно. Тѣмъ не менѣе, однакожъ, не изслѣдовать того, что о немъ обыкновенно говорятъ, и отставать прежде, нежели онъ будетъ разсмотрѣнъ со всѣхъ сторонъ — это признакъ человѣка слабодушнаго.»

Вотъ какъ понимаетъ самъ Платонъ относительную степень силы и твердости своихъ философскихъ доказательствъ. Еще менѣе могъ онъ принимать рѣшительный тонъ тамъ, гдѣ его анализъ встрѣтился съ авторитетомъ вѣрованій. Какъ скоро онъ нашелъ въ нихъ противорѣчія, — онъ отказывается отъ критической оцѣнки сравнительнаго достоинства обоихъ ученій, и ограничивается простымъ изложеніемъ того и другого. Поставивъ своею задачею при изслѣдованіи вопроса о безсмертіи

διασκοπεῖν καὶ μυθολογεῖν, онъ остался ей вѣренъ и стремясь εὑρεῖν (истину) онъ въ тоже время считаетъ нужнымъ относительно ея и другой путь — μαθεῖν. И вотъ у него излагаются параллельно два миѳа о будущей жизни: съ одной стороны мы видимъ метемпсихосъ, — самую древнюю, самую популярную, и можетъ быть первобытную форму, подъ которой проявилась въ человѣчествѣ идея безсмертія, а съ другой — болѣе очищенную, болѣе разумную, и, такъ сказать, болѣе одухотворенную форму того же представленія во второмъ миѳѣ. Нравственная основа обоихъ — одна: это — соотвѣтствіе между посмертной судьбой человѣка и его заслугами въ земной его жизни. Излагая два противуположныя по своему характеру представленія о загробной жизни, Платонъ говоритъ какъ бы слѣдующимъ образомъ. «Та или другая участь ожидаетъ человѣка по смерти — будетъ ли онъ подвергаться метемпсихическимъ метаморфозамъ, или же продолжать существованіе подъ другими формами бытія — несомнѣнно во всякомъ случаѣ то, что на долю добродѣтельныхъ выпадетъ лучшій, а на долю порочныхъ — худшій жребій.» Догматическая сторона миѳовъ представляетъ очевидное и рѣшительно несогласимое противорѣчіе; но нравственное, практическое значеніе обоихъ— одно и то же. Въ томъ и другомъ полагается какъ нѣчто безусловное—продолженіе существовованія душъ по смерти; въ томъ и другомъ посмертное существованіе — лучшій или худшій жребій душъ— опредѣляется характеромъ и заслугами ихъ въ ихъ земной жизни. Выводъ въ обоихъ случаяхъ одинъ: «живи согласно съ требованіями совѣсти, не дѣлай ближнему зла, и ты будешь такъ или иначе, въ той или другой формѣ наслаждаться блаженствомъ по смерти.» Нравственныя требованія и задачи жизни — цѣль и суть всѣхъ разсужденій Сократа о безсмертіи — находятъ одинаковое оправданіе какъ при одномъ такъ и при другомъ представленіи загробной жизни, и въ нравственной основѣ обоихъ миѳовъ заключается ихъ примиреніе. Изъ какихъ элементовъ сложилось ученіе Платона о посмертной судьбѣ душъ, излагаемое во второмъ миѳѣ? Отвѣтить на это съ положительной точностью, разложить миѳъ на его составныя начала и опредѣлить въ немъ доли различныхъ, вошедшихъ въ составъ его элементовъ, нѣтъ

рѣшительно никакой возможности. Несомнѣнно однако то, что главную основу его составляютъ народныя вѣрованія. Но такъ какъ эти послѣднія видоизмѣнялись у грековъ подъ вліяніемъ поэзіи и мистерій, то естественно, что миѳъ не представляетъ ихъ въ чистомъ, первоначальномъ ихъ видѣ. Странно при этомъ было бы думать, что собственная фантазія Платона и его философское міровоззрѣніе не участвовали въ этомъ изображеніи будущей жизни. По крайней мѣрѣ вліяніе послѣдняго элемента — личныхъ воззрѣній самого Платона — необходимо допустить если не въ догматахъ миѳа, то непремѣнно — въ частностяхъ и подробностяхъ его. Богатая, творческая фантазія великаго поэта-философа замѣтна на каждомъ шагу. Философскія системы мыслителей, — предшественниковъ и современниковъ Платона, неизбѣжно должны были оказать свою долю вліянія на разсматриваемый нами эсхатологическій миѳъ. Космическая система Филолая, помѣщавшаго землю подлѣ планетъ и неподвижнаго звѣзднаго неба и заставлявшаго ее кружиться вокругъ центральнаго огня, конечно очень далека отъ космологіи Платона. Правда, что первая изъ этихъ системъ извѣстна намъ довольно отрывочно, для того чтобы мы могли утвердить за ними и различіе въ частностяхъ; тѣмъ не менѣе, однакожъ, мы имѣетъ свидѣтельство объ этомъ въ самомъ же Федонѣ. «Я много слышалъ о землѣ, говоритъ Сократу Симміасъ, но это — не то, въ чемъ убѣжденъ ты.» Ближайшую связь міровая система Платона представляетъ съ ученіемъ древнихъ пиѳагорейцевъ. Какъ у этихъ послѣднихъ земля является у него шарообразнымъ тѣломъ, свободно движущимся въ центрѣ міра, въ безконечномъ воздушномъ пространствѣ и предохраняемымъ отъ паденія съ одной стороны своимъ собственнымъ равновѣсіемъ, а съ другой — одинаковымъ повсюду свойствомъ окружающаго ее неба.

Мѣстопребываніе душъ, по разлученіи ихъ съ тѣлами, опредѣляется характеромъ ихъ земной жизни и степенью нравственныхъ заслугъ. Души философовъ возносятся на высокія мѣстности земли, и проводятъ тамъ блаженную вѣчность въ сонмѣ боговъ. Рай Платона такимъ образомъ — на землѣ! Въ этомъ послѣднемъ представленіи нельзя не замѣтить съ одной стороны вліянія

антропоморфической религіи Эллиновъ, а съ другой — ихъ взгляда на радости и наслажденія жизни вообще. Древній грекъ не умѣлъ возвыситься до чистыхъ понятій о божествѣ. Онъ поставилъ его высоко, но не очень высоко надъ собою, помѣстилъ его не на небѣ, а — на Олимпѣ. Понятное дѣло, что сведши Бога съ неба на землю, чтобы быть къ нему ближе, онъ не хотѣлъ отдѣлиться отъ него и при назначеніи мѣстности рая, потому что, въ противномъ случаѣ, — перенеся рай на небо, онъ очевидно занялъ бы мѣсто выше своего божества. Понимая радости и блаженство жизни только подъ формою земного бытія, грекъ не могъ представить себѣ иначе и блаженства по смерти, и это составляетъ новую причину, почему рай Платона очутился на землѣ. Что же это за возвышенныя мѣстности, на которыхъ онъ его помѣстилъ? Прежде всего, конечно, — Олимпъ, мѣстопребываніе «отца боговъ и людей» и окружающаго его хора вѣчно блаженныхъ олимпійцевъ. Это — то самое мѣсто, гдѣ живутъ свѣтлыя, божественныя идеи, которыхъ несказанную красоту Платонъ такъ поэтически изобразилъ въ Федрѣ. Возвышаясь надъ воздушнымъ пространствомъ и помѣщаясь подъ эѳирнымъ небомъ горныя вершины, населенныя сонмомъ божествъ, блаженныхъ душъ и безчисленныхъ, безконечно-прекрасныхъ идей, представляютъ собою, какъ выражается Штейнгартъ, «идеальную землю,» — настоящую, дѣйствительную землю, землю по преимуществу, которая одна достойна этого имени. Въ противуположность этому, побережья моря и въ частности мѣстности, прилегающія къ средиземному морю, гдѣ, благодаря физическимъ условіямъ приморскаго климата, измѣненія температуры чаще и очевиднѣе, гдѣ постоянно можно наблюдать приливы и отливы, дожди и туманы, — эти мѣстности представляютъ по космологіи Платона только подобіе земли, нѣкоторый видъ, образъ ея, но не дѣйствительную, настоящую землю. Отношеніе между этой послѣдней и морскими окраинами совершенно тоже самое, какое существуетъ между міромъ ноуменальнымъ и феноменальнымъ. Какъ измѣняющіяся воздушныя явленія морскихъ мѣстностей и безпрерывныя колебанія моря представляютъ начало измѣняемости и преходимости явленій вообще, такъ неподвижныя, непоколебимыя, существующія тысячилѣтія твердыни горъ — сим-

волъ безусловнаго, неизмѣннаго и вѣчнаго; и вотъ Платонъ населилъ эту «высокую землю» отъ вѣчности существовавшими, недопускающими ни малѣйшихъ перемѣнъ въ своемъ бытіи — идеями. «Замѣчательно,» говоритъ Штейнгартъ, «то неуваженіе, съ которымъ Платонъ говоритъ о южно-европейскихъ, по берегамъ средиземнаго моря лежащихъ странахъ, которыя были въ то время центромъ самой оживленной политической и духовной жизни, — взглядъ, съ которымъ мы опять встрѣчаемся въ Критіи, съ тою только разницею, что тамъ роль высокой земли играетъ Аталантида.» [3]) Какимъ образомъ у Платона явилось такое представленіе о «высокой» землѣ, и чтò легло въ основу раздѣленія ея на «высокую и низменную» съ тѣмъ значеніемъ, которое придавалъ той и другой онъ? Не гораздо ли естественнѣе было увлечься роскошной, поэтической природой странъ юга съ ихъ чуднымъ небомъ и климатомъ, съ ихъ богатой и разнообразной растительностью? Основой для помѣщенія мѣстности рая на горныхъ возвышенностяхъ, какъ я замѣтилъ выше, несомнѣнно послужило прежде всего религіозное значеніе у Грековъ Олимпа — центра эллинской миѳологіи. Но несомнѣнно также и то, что на образованіе этого представленія вліяли и другія причины. Разумѣется, что эти причины мы можемъ уяснять себѣ только предположительнымъ образомъ, — съ извѣстною, большею или меньшею долею вѣроятности. Я приведу гипотезу, которую дѣлаетъ по этому поводу Штейнгартъ. «Принятіе ли,» говоритъ онъ, «вращающейся между землею и центральнымъ огнемъ другой, насупротивъ лежащей земли, какъ это допускалъ Филолай, привело Платона къ этому чудному представленію, — вопросъ этотъ тѣмъ болѣе можетъ быть оставленъ безъ изслѣдованія, что та — насупротивъ нашей лежащая земля — была понимаема не какъ часть нашей, но какъ совершенно отдѣльное отъ нея міровое тѣло; съ бòльшею вѣроятностію можно допустить то, что Платонъ приведенъ былъ къ принятію «высокой и низменной» земли, или частей ея — поднебесной воздушной и водно-влажной темными и преувеличенными разсказами о возвышающихся за черту облаковъ

---

[3]) Platon's sämmtliche Werke, B. IV. S. 453.

горахъ на сѣверѣ и востокѣ, и окружающихъ ихъ, широко раскинувшихся и непрерываемыхъ морями равнинахъ.»[4]) Я прибавлю къ этому отъ себя только то, что на первоначальное образованіе такого представленія о значеніи горъ могли дѣйствовать съ одной стороны красота горныхъ мѣстностей вообще, а съ другой — всѣмъ извѣстное физическое и психическое дѣйствіе на человѣка горнаго воздуха. Помѣстивши рай въ области эѳира Платонъ отвелъ мѣсто для ада и тартара въ подземныхъ безднахъ. Глубочайшія бездны тартара, или, какъ называетъ ихъ Платонъ, — «дно тартара» есть собственно адъ. Это — мѣстопребываніе тѣхъ душъ, которыя, по великости своихъ преступленій, осуждены на вѣчныя мученія. Всѣ другія части его суть разныя отдѣленія тартара, гдѣ души менѣе виновныя подвергаются очистительнымъ наказаніямъ, и откуда онѣ, — по истеченіи извѣстныхъ, опредѣленныхъ для каждаго разряда душъ періодовъ времени, — возвращаются снова въ земной міръ. Платонъ создаетъ такимъ образомъ три области для отшедшихъ душъ, — рай, адъ и чистилище съ разными отдѣленіями послѣдняго. Въ этомъ отношеніи второй эсхатологическій миѳъ Федона справедливо называютъ прототипомъ «божественной комедіи» Данта, — божественной комедіей древней Греціи. Разумѣется, что въ художественномъ отношеніи миѳъ — не болѣе, какъ только программа «комедіи.» Описаніе ада и тартара у Платона — простой эскизъ, блѣдный и слабый очеркъ передъ колоссальнымъ величіемъ мистическихъ образовъ, созданныхъ геніемъ Данта. Впрочемъ, нельзя сказать того же объ изображеніи рая. Какъ у Данта лучшую часть поэмы, по признанію критики, составляетъ «адъ», такъ у Платона чудо искусства представляетъ описаніе рая. Изображеніе, не смотря на сжатость очерка, до того живо, краски описанія такъ ярки, и — что поразительнѣе всего — аттрибуты рая такъ близки къ нашему христіанскому ученію объ этомъ предметѣ, что Платонъ въ этомъ отношеніи нѣкоторымъ образомъ предупредилъ будущаго писателя апокалипсиса. Что касается ада и тартара, то здѣсь безъ всякаго сомнѣнія играетъ значитель-

[4]) Platon's sämmtl. Werke, B. IV, S. 463.

ную роль чисто поэтическій элементъ. Опредѣлить — что именно въ этомъ представленіи принадлежитъ преданіямъ народной вѣры и что собственной фантазіи Платона — нѣтъ никакой возможности. Мы можемъ сказать только то, что самое избраніе мѣстности для помѣщенія тартара — въ темныхъ, бездонныхъ пропастяхъ земли — основывается прежде всего на естественномъ, такъ сказать, представленіи. Какъ эѳиръ — символъ свѣта и красоты — и окружаемыя имъ поднебесныя области земли представляютъ собою естественный рай, такъ, въ противуположность свѣту и красотѣ эѳира, адъ долженъ находиться въ самомъ худшемъ отдѣленіи земли — въ темныхъ и мрачныхъ нѣдрахъ ея, въ бездонныхъ подземныхъ пропастяхъ. Основу тартара составляетъ «висячая, безпревывно кипящая волнами и безпрерывно бросающаяся то къ той, то къ этой сторонѣ вода.» Но вода — очистительный элементъ, символъ омовенія грѣховъ. Въ миѳѣ Платона души закоренѣлыхъ, неисцѣлимыхъ грѣшниковъ погружаются въ грязь — на самое дно тартара; души менѣе преступныя и виновныя очищаются водой въ ахерузійскомъ озерѣ, или носятся по адскимъ рѣкамъ, подвергаясь такимъ образомъ въ одно и то же время наказанію и вмѣстѣ съ тѣмъ омываясь отъ грѣховныхъ скверпъ очистительнымъ дѣйствіемъ водной стихіи. Въ изображеніи подземнаго царства можно видѣть (какъ думаетъ Штейнгартъ) — символы философскихъ мыслей. «Огромное болото тартара,» говоритъ онъ, «которое безпрерывно движется посреди земли въ ту и другую сторону подобно качелямъ, представляетъ собою сферу пустого, лишеннаго сущности ничтожнаго вида, (Scheins) который состоитъ въ прямой противуположности съ вѣчно-истинными, неизмѣнными идеями.» [5]) Нѣмецкіе ученые дѣлаютъ много подобнаго рода замѣчаній, давая тому или другому образу миѳа философское толкованіе. Но такъ какъ эти толкованія часто бываютъ очень натянуты, а иногда представляютъ не болѣе какъ мысли, приходившія тому или другому критику при чтеніи Федона, то я не считаю нужнымъ входить въ разборъ этихъ символическихъ объясненій образовъ миѳа, хотя эти объясне-

---

[5]) Platon's sämmtliche Werke, B. IV, p. 453.

нія часто принадлежатъ очень серьезнымъ изслѣдователямъ. Что же касается до упоминаемыхъ въ миѳѣ четырехъ водныхъ теченій, то названія ихъ взяты изъ Гомера; но самое описаніе этихъ теченій во многомъ разнится отъ гомерическаго. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стòитъ только сравнить описаніе адскихъ рѣкъ у Гомера [6]) съ изображеніемъ того же самаго у Платона. Я не буду, однакожъ, останавливаться на отдѣльныхъ чертахъ различія въ томъ и другомъ описаніи; такъ какъ этотъ вопросъ, состоя въ тѣсной связи съ другимъ вопросомъ — о космической системѣ Платона и Гомера вообще, самъ по себѣ можетъ быть предметомъ цѣлой обширной монографіи. Замѣчу только, что это различіе опредѣляется главнымъ образомъ характеромъ космологіи Платона и его понятіями о шарообразномъ видѣ земли.

Обращу вниманіе читателя еще на одинъ частный вопросъ, который составлялъ, какъ и составляетъ предметъ споровъ и разногласій между изслѣдователями. Это — сказаніе миѳа о томъ, что души философовъ будутъ существовать по смерти совершенно безъ тѣлъ (ἄνευ σωμάτων.) Изслѣдователи, какъ я сейчасъ сказалъ, несогласны между собою въ объясненіи этого мѣста, — несогласны именно въ томъ: слѣдуетъ ли принимать выраженіе Платона — ἄνευ σωμάτων — въ собственномъ или же въ несобственномъ смыслѣ? Штальбаумъ держится перваго мнѣнія, при чемъ его не останавливаетъ даже то, что въ миѳѣ упоминается о жилищахъ душъ философовъ. Nec vero in eo haerendum est, говоритъ онъ въ заключеніе своихъ разсужденій по этому вопросу, quod his ipsis animis etiam certa tribuuntur domicilia. Apparet enim sponte id non proprio sensu accipi oportere, sed allegorice dictum esse. Designatur

---

[6]) Odys. X, 508 — 515. Такъ напр. у Гомера Пириѳлегетонъ и Коцитъ сливаются подъ конецъ въ одну рѣку; у Платона Коцитъ впадаетъ въ тартаръ насупротивъ Пириѳлегетона, не смѣшиваясь съ волнами послѣдняго. Въ примѣчаніи къ этому мѣсту Штальбаума, (на которое я ссылаюсь во II-й ч. пр. 180) весьма хорошо проведена эта параллель между описаніемъ Гомера и Платона. Къ этому примѣчанію Штальбаума я и отсылаю моего читателя.

enim vita animi plane libera et in se absoluta, nullisque amplius tacta concretionis malis.[7]) Совершенно иначе объясняетъ это самое мѣсто миѳа Бишофъ, по мнѣнію котораго выраженію — ἄνευ σωμάτων — не слѣдуетъ придавать буквальнаго смысла. Вотъ его слова: «то, что сказано о безтѣлесности душъ философовъ, говоритъ онъ, означаетъ только совершенное освобожденіе отъ тѣла, въ смыслѣ чувственнаго вмѣстилища души; (какъ тѣло было уже изображено въ первой части) но этого не нужно принимать въ смыслѣ полной безтѣлесности, противъ чего одно уже упоминаніе о жилищахъ этихъ душъ составляло бы возраженіе» [8]). Соглашаясь въ настоящемъ случаѣ вполнѣ и безусловно съ мнѣніемъ Бишофа, я прибавлю къ этому отъ себя то, что принятіе выраженія Платона: «ἄνευ σωμάτων» въ буквальномъ смыслѣ представляло бы полное и рѣшительное противорѣчіе всѣмъ догматамъ греческаго антропоморфизма; такъ какъ древній грекъ ни въ созданіи своихъ полуочеловѣченныхъ имъ и облеченныхъ въ прекрасное тѣло боговъ, ни во всѣхъ представленіяхъ своихъ о формахъ загробной жизни рѣшительно не умѣлъ возвыситься до пониманія чистаго, безтѣлеснаго бытія. Во всей миѳологіи эллиновъ нельзя указать ни одного миѳа, въ которомъ бы существованіе духовной личности (бога, полубога или человѣка по смерти) представлялось бы вполнѣ и безусловно отрѣшеннымъ отъ тѣла. Оканчивая характеристику второго миѳа Федона, я считаю необходимымъ указать на его отношеніе къ первому. При самомъ бѣгломъ обзорѣ ихъ содержанія, нельзя не замѣтить между ними большого различія прежде всего относительно полноты, съ которою изображается въ томъ и другомъ посмертное состояніе душъ. Въ то время какъ въ первомъ мы находимъ крайнія грани безусловно-лучшаго и безусловно-худшаго (переселеніе душъ въ тѣла мирныхъ или злыхъ животныхъ) — во второмъ мы видимъ это представленіе лучшаго или худшаго въ посмертной судьбѣ душъ съ различіемъ по

---

[7]) Plat. Opera omnia, ед. 4, v. I, sect. 11, p. 57 sq.

[8]) Бишофъ, Pl. Phaedon, S. 223. Точно такъ же думаетъ объ этомъ предметѣ и Штейнгартъ Pl. s. Werke, B. IV. S. 455.

степенямъ; слѣдов. не только соотвѣтствіе воздаянія съ заслугой, но и съ мѣрою заслуги. Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ второй миѳъ также отличается несравненно большею полнотой. Въ то время какъ первый представляетъ исключительно посмертную судьбу душъ и больше ничего, — второй раскрываетъ намъ отношенія души человѣческой къ другимъ разумнымъ существамъ — отношеніе душъ къ божеству и хранителямъ жизни человѣческой — демонамъ. Демонъ провожаетъ душу человѣческую, уходящую изъ міра, и демонъ возвращаетъ ее снова въ нашъ земной міръ. Въ какомъ отношеніи состоятъ души людей къ божеству — это мы видимъ и въ изображеніи тартара и въ описаніи рая. Въ то время какъ души заключенныя въ тартаръ, какъ тѣ, которыя признаны неисцѣлимыми, такъ и несущія очистительныя наказанія въ адскихъ рѣкахъ, лишены всецѣло общенія съ божествомъ, — души людей добродѣтельныхъ и философовъ вступаютъ по смерти въ прямое и непосредственное отношеніе съ богами, — «получаютъ отъ нихъ отвѣты и откровенія, видятъ ихъ чувственнымъ образомъ, и имѣютъ другія подобныя сношенія съ ними.»

Изобразивъ посмертную судьбу душъ, Сократъ обращается къ друзьямъ съ слѣдующей рѣчью. Утверждать, что все это дѣйствительно такъ, какъ я описалъ, неприлично человѣку здравомыслящему; тѣмъ не менѣе, однакожъ, надобно принять или это, или нѣчто подобное относительно нашихъ душъ и ихъ жилищъ. Такъ какъ душа дѣйствительно безсмертна, то разсуждать о ней подобнымъ образомъ и прилично и такому разсужденію можно рисковать довѣриться; потому что самый рискъ въ этомъ случаѣ прекрасенъ, и нужно напѣвать самому себѣ такія волшебныя пѣсни. По этому-то я и продлилъ свой разсказъ. И такъ, въ силу этого долженъ имѣть твердую надежду за свою душу тотъ человѣкъ, который въ теченіе жизни пренебрегалъ удовольствіями и украшеніями тѣла, какъ чуждымъ душѣ и въ томъ убѣжденіи, что все это скорѣе приноситъ ей вредъ, чѣмъ пользу, который заботился о пріобрѣтеніи знаній, и украшавши душу не чуждымъ, а собственно ей свойственнымъ

украшеніемъ, — воздержаніемъ, справедливостью, мужествомъ, свободой и истиной, ожидаетъ въ такомъ душевномъ настроеніи сошествія въ адъ, какъ готовый сойти туда, когда позоветъ его судьба. И вы, друзья мои Симміасъ и Кебесъ, какъ и прочіе, сойдете туда когда нибудь — каждый въ свое время. Меня же судьба уже зоветъ, сказалъ бы трагическій поэтъ, и мнѣ уже почти пора приступить къ омовенію; потому что мнѣ представляется лучше выпить ядъ, напередъ вымывшись, и не безпокоить женщинъ омовеніемъ мертваго тѣла. Философская часть бесѣды кончена. Практическій Критонъ обращаетъ вниманіе умирающаго на то, что считаетъ необходимымъ въ его положеніи. Онъ предупреждаетъ приказанія, которыхъ отъ него ожидаетъ и спрашиваетъ: не имѣетъ ли онъ поручить друзьямъ что нибудь такое, исполненіемъ чего они могли бы оказать ему наиболѣе пріятную для него услугу? — То, что я всегда говорилъ, любезный Критонъ, отвѣчалъ Сократъ, ничего новаго, — именно то, что вы, заботясь о себѣ, сдѣлаете услугу и мнѣ, и моимъ близкимъ и себѣ самимъ, хотя бы теперь вы мнѣ этого не обѣщали. Если же вы не будете заботиться о себѣ и не станете жить, придерживаясь какъ стези и того, что сказано нами теперь, и того, что было говорено въ прежнее время, то хотя бы вы въ настоящее время обѣщали мнѣ много и рѣшительно, — это ни къ чему не послужитъ.» Критонъ даетъ умирающему философу обѣщаніе за себя и за друзей поступать всегда такъ, какъ онъ ихъ училъ въ прошлое время, и какъ завѣщаетъ имъ при смерти, теперь. Но какъ мы тебя похоронимъ? предлагаетъ онъ новый вопросъ. Сократъ пользуется и этимъ вопросомъ, чтобы сдѣлать новое наставленіе друзьямъ. Онъ обращаетъ ихъ вниманіе на странность выраженія — **тебя**, и отвѣчаетъ Критону, что какъ скоро рѣчь идетъ о погребеніи, то похоронятъ уже будутъ не Сократа, а тѣло Сократа. Я никакъ не могу, друзья мои, говоритъ Сократъ, убѣдить Критона въ томъ, что Сократъ, это — я, человѣкъ, въ настоящее время бесѣдующій съ вами и дающій правильное теченіе каждой части нашего разсужденія. Онъ думаетъ, что тотъ, кого онъ черезъ нѣсколько времени увидитъ мертвымъ, буду я, и спра-

шиваетъ: какъ меня похоронить? А то, о чемъ я давно уже веду долгую рѣчь, — именно, что я не останусь съ вами, послѣ того какъ выпью ядъ, но отправлюсь, отошедши въ жилище блаженныхъ, это, кажется, я безполезно ему доказывалъ, утѣшая только васъ и себя. Поручитесь же за меня, сказалъ Сократъ, передъ Критономъ, — но въ смыслѣ противномъ тому, какъ онъ самъ ручался за меня передъ судьями. Онъ ручался, что я останусь, а вы поручитесь, что я не останусь послѣ того, когда умру; но отправлюсь въ путь, — поручитесь для того, чтобы Критонъ легче могъ это перенести, и, когда увидитъ тѣло мое сожигаемымъ или погребаемымъ, не скорбѣлъ бы за меня душой, точно претерпѣвающаго какое-то страшное зло. Пусть онъ не говоритъ на похоронахъ, что онъ полагаетъ Сократа, что онъ его выноситъ или погребаетъ его! Будь увѣренъ, мой добрый Критонъ, прибавилъ Сократъ, что выражаться неточно не только дурно само по себѣ, но и приноситъ нѣкоторый вредъ нашимъ душамъ. Нужно имѣть въ этомъ случаѣ мужество и говорить, что ты погребаешь мое тѣло: похорони же его такъ, какъ тебѣ будетъ угодно, и какъ ты найдешь наиболѣе сообразнымъ съ законами.

Сократъ окончилъ послѣднее слово. Онъ встаетъ и выходитъ въ другую комнату — совершить омовеніе. Оставшіеся друзья продолжаютъ разговоръ, бесѣдуя въ одно и то же время и о предметѣ, который они вмѣстѣ передъ этимъ изслѣдовали и о своемъ несчастіи — потерѣ общаго наставника и друга. Мы были искренно увѣрены, говоритъ Федонъ, что подобно тѣмъ, которые потеряли отца, мы будемъ проводить сиротами нашу остальную жизнь. Сократъ оканчиваетъ омовеніе и возвращается къ друзьямъ; къ нему приводятъ его дѣтей и принадлежащихъ его дому женщинъ. Онъ вступаетъ съ послѣдними въ недолгую бесѣду, и, отдавши имъ приказанія, высылаетъ ихъ изъ темницы, а самъ возвращается къ друзьямъ. День склонялся уже къ закату, такъ какъ Сократъ долго промедлилъ во внутренней комнатѣ. Бесѣда съ друзьями, по окончаніи омовенія, прекращена. Сократъ послѣ этого почти не говоритъ: онъ сказалъ уже все, что хотѣлъ сказать. Въ

темницу входитъ служитель одиннадцати судей, и обращается къ Сократу съ увѣщательнымъ словомъ. «Сократъ!» говоритъ онъ ему, — «мнѣ конечно не придется сдѣлать тебѣ того упрека, какой я дѣлаю другимъ за то, что они раздражаются и осыпаютъ меня проклятіями, когда я, по распоряженію одиннадцати, объявляю имъ приказаніе пить ядъ. Въ теченіе всего этого времени я видѣлъ въ тебѣ, при всѣхъ другихъ случаяхъ, человѣка самаго благороднаго, самаго кроткаго и лучшаго изъ всѣхъ, которые когда нибудь сюда входили, и потому я хорошо знаю, что и теперь ты на меня не сердишься, — потому что ты знаешь виновниковъ твоего несчастія, — а на нихъ. Теперь, такъ какъ тебѣ извѣстно, какую вѣсть я пришелъ тебѣ объявить, — прощай и старайся какъ можно легче перенести то, что неизбѣжно». При этихъ словахъ залившись слезами, онъ отвернулся въ сторону и вышелъ.

Сократъ, проводивъ его глазами, сказалъ: «и ты прощай; мы сдѣлаемъ такъ, какъ ты совѣтуешь.» И обратившись къ друзьямъ прибавилъ: «какой добрый человѣкъ: во все время моего пребыванія здѣсь онъ навѣщалъ меня и иногда бесѣдовалъ со мной, обнаруживая при этомъ въ себѣ одного изъ лучшихъ людей; и теперь какъ благородно онъ меня оплакиваетъ!» Обратившись затѣмъ къ Критону, Сократъ проситъ его приказать принести ему ядъ. Критонъ обращаетъ вниманіе философа на то, что солнце еще не сѣло, указывая при этомъ на примѣръ многихъ другихъ, которые принимаютъ ядъ долго спустя послѣ того, когда имъ объявятъ приказаніе пить, и предаются въ послѣдніе часы жизни всевозможнымъ удовольствіямъ пиршества и любви. Сократъ отвѣчаетъ другу, что, если подобнымъ образомъ поступаютъ другіе, то ни въ какомъ случаѣ такъ не поступитъ онъ; потому что онъ сдѣлается черезъ это смѣшенъ въ собственныхъ глазахъ: желать такъ пламенно сберечь послѣднія минуты жизни — это значитъ стараться сберечь то, что почти уже совершенно прошло, и чего уже больше нѣтъ. Сократъ даетъ новое приказаніе потребовать ему ядъ. Критонъ дѣлаетъ знакъ стоявшему вблизи мальчику. Этотъ послѣдній выходитъ изъ темницы, и, долго промедливъ, возвращается въ сопровожденіи

человѣка, несущаго смертельное питье. Сократъ проситъ его дать ему наставленіе — чтò ему должно въ этомъ случаѣ дѣлать?

«Ничего другого, отвѣтилъ тотъ, какъ выпивши ходить, пока у тебя не явится тяжесть въ ногахъ, потомъ лечь; такимъ образомъ ядъ самъ собою сдѣлаетъ свое. Съ этими словами онъ подалъ Сократу чашу. Сократъ, принявъ ее съ веселымъ видомъ, безтрепетно, не измѣняясь ни въ лицѣ, ни во взорѣ, но взглянувъ по своему обычаю пристально на тюремщика, спросилъ: что ты думаешь относительно возліянія изъ этого питья въ честь какого нибудь божества: можно или нѣтъ?

Мы приготовили, Сократъ, столько, отвѣтилъ тотъ, сколько считали необходимымъ принять.

Понимаю, сказалъ Сократъ, но конечно и позволительно и должно помолиться богамъ о томъ, чтобы переселеніе мое отсюда туда совершилось благополучно; объ этомъ именно я молюсь, и — о если бы это было такъ! При этомъ онъ поднесъ къ устамъ чашу и выпилъ ее легко и спокойно. До этой поры многіе изъ друзей философа могли еще удерживаться отъ слезъ; но когда мы увидѣли, говоритъ Федонъ, что онъ пьетъ и уже выпилъ, то долѣе были не въ силахъ; у меня самого невольно ручьемъ полились слезы; закутавъ голову въ плащъ, я плакалъ о себѣ самомъ: не его оплакивалъ я, а свое собственное несчастіе, лишаясь въ немъ такого друга. Критонъ, еще прежде меня не могши удержаться отъ слезъ, вышелъ. Аполлодоръ и прежде не переставалъ плакать, а тогда зарыдалъ и своими воплями и криками потрясъ души всѣхъ присутствующихъ, кромѣ души Сократа. Что вы дѣлаете, чудные вы люди! сказалъ онъ. Я, именно главнымъ образомъ по этой причинѣ, и выслалъ женщинъ, чтобы онѣ не сдѣлали чего нибудь подóбнаго: я слышалъ, что умирать нужно съ добрыми предзнаменованіями. И такъ успокойтесь и сохраните мужество.

Услышавъ это, продолжаетъ Федонъ, мы устыдились и удержали свои слезы. А онъ, походивши и сказавъ, что у него тяжелѣютъ ноги, легъ на спину, потому что такое наставленіе далъ ему тюремщикъ. Тогда человѣкъ, давшій ему ядъ, притрогиваясь къ нему отъ времени до времени, пробовалъ его ноги и

голени; потомъ, сильно сжавъ ему одну ногу, спросилъ: чувствуетъ ли онъ это? Сократъ отвѣчалъ — нѣтъ. Потомъ то же самое сдѣлалъ съ бедрами, и такимъ образомъ восходя выше, показалъ намъ, что онъ уже холодѣлъ и коченѣлъ. И самъ онъ также пробовалъ свое тѣло, и сказалъ, что какъ скоро ядъ достигнетъ до сердца, онъ отойдетъ. Холодъ почти уже коснулся нижней части живота, когда онъ раскрывшись — потому что онъ былъ накрытъ — сказалъ свои послѣднія слова: Критонъ, мы должны пѣтуха Асклепію; исполните и не пренебрегите этимъ.»

«Будетъ исполнено», отвѣчалъ Критонъ, «но не имѣешь ли ты еще чего нибудь сказать?»

На этотъ вопросъ Сократъ уже ничего не отвѣтилъ, а, спустя немного времени, вытянулся въ судорожномъ движеніи; тогда человѣкъ раскрылъ его: взоръ его уже былъ неподвиженъ. Замѣтивъ это, Критонъ сомкнулъ ему уста и глаза.

Таковъ былъ, любезный Эхекратъ, говоритъ въ заключеніе Федонъ, конецъ нашего друга — человѣка, какъ мы прямо можемъ сказать, лучшаго изъ всѣхъ, какихъ мы знали въ его время, и вообще самаго мудраго и справедливаго изъ людей.

ГЛАВА X.

Идея Федона: его философское и художественное цѣлое. — Историческая основа послѣдней бесѣды Сократа. — Пиѳагорейскій характеръ доктрины Федона. — Религіозно-нравственный характеръ его. — Доказательства. — Психологическая теорія Федона. — Миѳъ Федра о небесной жизни душъ. — Заключеніе.

Чтò составляетъ предметъ Федона: смерть Сократа или изслѣдованіе вопроса о безсмертіи души? Другими словами, — есть ли это разговоръ по содержанію своему историческій, или же философскій? Переводчики нашего діалога дѣлаютъ иногда къ заглавію его то или другое прибавленіе, въ которомъ выражаютъ свой взглядъ на его основную мысль, при чемъ переводчики нѣмецкіе большею частію озаглавливаютъ его: Phaedon, oder der sterbende Socrates,[1]) а французы — Phédon, ou de l'immortalité de l'ame.[2]) Сами древніе обыкновенно надписывали его: Φαίδων ἢ περὶ ψυχῆς — Федонъ, или о душѣ. Иначе — περὶ ψυχῆς καὶ ἀθανασίας; или еще иначе — περὶ ψυχῆς ἀθανασίας.[3]) Вопросъ объ идеѣ Федона былъ предметомъ многочисленныхъ споровъ между комментаторами и толкователями Платона въ новыя времена, и такъ какъ онъ

---

[1]) Такое заглавіе даетъ ему Миллеръ: Plat. sämmtl. Werke B. IV, S. 371.

[2]) Les oeuvres de Platon, à Amsterdam, 1700, t. second, p. 147.

[3]) Заглавіе — περὶ ψυχῆς утверждено у древнихъ тразилловскимъ кодексомъ. Діог. Лаэрцій, III, 58. Германнъ, державшійся въ своемъ изданіи Платона кодекса Тразилла, также прибавляетъ περὶ ψυχῆς — равно какъ и Фишеръ. Подробно о разныхъ заглавіяхъ нашего діалога по разнымъ манускриптамъ см. у Фишера: Plat. Euthyphro, Apol. Socr. Crito, Phaedo graece ed. tert, Lips. 1783, p. 229 sq.

представляетъ въ настоящемъ случаѣ необыкновенную важность, то я остановлюсь на немъ подробнѣе, и прежде всего приведу по этому поводу мнѣнія критики. Я начну съ изложенія взгляда того ученаго, котораго труды надъ Платономъ составляютъ эпоху въ его изученіи. Шлейермахеръ думаетъ, что Платонъ поставилъ въ нашемъ діалогѣ цѣлью показать, что желанія философа состоятъ въ желаніи смерти, (im «Sterbenwollen»)— въ желаніи сдѣлаться чистымъ духомъ. «Вѣчность души,» говоритъ онъ, «есть условіе возможности истиннаго знанія и обратно — дѣйствительность познанія есть основаніе, изъ котораго скорѣе и положительнѣе всего можно убѣдиться въ вѣчности души.[4]) По объясненію Аста цѣль разговора не заключается ни въ чемъ нибудь фактическомъ или историческомъ, ни въ научномъ.[5]) (Etwas bloss Wissenschaftliches) Зохеръ думаетъ, что вся цѣль разговора заключается въ изображеніи личности Сократа, въ силу чего онъ сопоставляетъ Федона съ Эвтифрономъ, Критономъ и Апологіей; а если Платонъ влагаетъ въ уста умирающаго Сократа разсужденіе о безсмертіи, то онъ видитъ въ этомъ не болѣе какъ только геніальную мысль. Штальбаумъ, разсуждая объ идеѣ Федона, говоритъ слѣдующее: — etiam in Phaedone, sicut in plerisque Platonis dialogis, narratio ac veluti descriptio eorum, quae ex ipsa hominum vita repetuntur, arctissime copulata est cum loci ex philosophia depromti explicatione atque tractatione, ita ut utraque ad unum eundemque finem contendat nec facile queat altera ab altera divelli aut segregari. Quocirca Socratis morientis descriptio et immortalitatis animorum defensio ita coniungitur, ut vere dicere liceat doctrinam et rationem cum ipso rei exemplo arte prorsus divina esse consociatam, adeoque facile possis ambigere, utrum scriptor Socratis morientis imaginem proponere an fidem immortalitatis animorum argumentis adjuvare et confirmare voluerit. Sed nimirum utraque pars tanquam ideale, quod vocant, et concretum

---

[4]) B. V, S. 4 fg.

[5]) Plat. Leben und Schriften, S. 156.

arctissimo vinculo continetur, ut summum atque extremum libri consilium non in alia re cernatur, nisi in eo, ut et exemplo morientis philosophi et argumentis e philosophiae penetralibus repetitis spes immortalitatis ostendatur et confirmetur.[6]) К. Ф. Германнъ признаетъ настоящимъ результатомъ нашего разговора то положеніе, что душа и жизнь составляютъ одно. Штейнгартъ полагаетъ основную мысль и цѣль философскихъ разсужденій разговора въ томъ, что — возведенное до степени познанія убѣжденіе въ вѣчной жизни души, носительницы идеи жизни и непрерывно дѣйствующей посредницы между міромъ идей и явленій, есть основа всей философіи и ея послѣдній результатъ. Воззрѣніе Суземиля, что нашъ разговоръ трактуетъ о душѣ, какъ о чемъ-то среднемъ между идеями и предметами міра матеріальнаго, хотя вообще указываетъ на то мѣсто, которое принадлежитъ Федону въ развитіи философіи Платона, но не указываетъ на то, что̀ составляетъ отличіе Федона отъ другихъ діалоговъ, какъ напр. отъ Федра и Симпосіона, въ основѣ которыхъ лежитъ та же самая мысль. Шмидтъ поставляетъ научную цѣль разговора въ философскомъ утвержденіи ученія о безсмертіи, а художественную цѣль его обозначаетъ слѣдующими словами: «мудрецъ умираетъ охотно, потому что надѣется путемъ смерти достичь истинной жизни;» или — «радость мудраго при наступленіи смерти, производимая въ немъ надеждой, что онъ переходитъ въ истинную жизнь». Въ изложенныхъ мною взглядахъ изслѣдователей и аналитиковъ Федона на его основную мысль и задачу больше или меньше выражается взглядъ критики на этотъ вопросъ вообще. По крайней мѣрѣ, я не знаю ни одного сочиненія о Федонѣ, въ которомъ бы взглядъ изслѣдователя уклонялся слишкомъ далеко отъ того, что сказано по этому предмету критиками, мнѣнія которыхъ я сейчасъ привелъ. Слѣдуя плану, котораго я держался въ анализѣ доказательствъ, я долженъ бы теперь подвергнуть изложенныя мною воззрѣнія ученыхъ на идею Федона критической оцѣнкѣ. Но въ настоящемъ случаѣ я отступлю отъ принятаго

[6]) Plat. opera omnia, 1833, vol. I, sect. 1. p. 22 sq.

мною плана по слѣдующимъ причинамъ. Задача эта (критическая оцѣнка всего сказаннаго разными изслѣдователями объ основной идеѣ Федона) такъ многосложна, что разрѣшеніе ея должно быть предметомъ не только отдѣльной, но обширной монографіи. Если же ограничиться въ этомъ случаѣ простымъ указаніемъ на удовлетворительныя или неудовлетворительныя стороны того или другого взгляда, то такого рода анализъ, какъ я по крайней мѣрѣ убѣжденъ, рѣшительно не достигнетъ цѣли; потому что сужденія, облеченныя въ форму общихъ замѣчаній по такому обширному и сложному вопросу, едва ли удовлетворятъ даже мало требовательнаго читателя. Ни уваженіе къ предмету, ни уваженіе къ авторитету такихъ великихъ въ нашей наукѣ именъ, каковы имена Шлейермахера и Германна не позволятъ добросовѣстному изслѣдователю отнестись къ настоящему вопросу иначе, какъ въ формѣ всесторонняго и притомъ самаго тщательнаго анализа ихъ воззрѣній на значеніе Федона въ философіи Платона вообще. А такого рода критическая оцѣнка всего сказаннаго объ идеѣ Федона необходимо должна быть, какъ я уже замѣтилъ, предметомъ особой монографіи, и слѣдовательно не можетъ входить въ анализъ, гдѣ вопросъ берется съ общей его стороны. Если жъ бы читатель пожелалъ познакомиться съ мнѣніями по этому предмету критики, то я предлагаю ему обратиться для этой цѣли къ Штальбауму или Бишофу, у которыхъ изложенныя мною въ началѣ главы воззрѣнія ученыхъ на основную идею Федона приводятся съ критическимъ разборомъ. Перифразировать чужія мнѣнія — значитъ не болѣе, какъ представлять читателю новыя варіаціи на старыя темы, и слѣдов. не вносить въ разрѣшеніе вопроса ничего новаго. Между тѣмъ каждый добросовѣстный изслѣдователь, серьезно относящійся къ дѣлу науки и изучавшій избранный имъ предметъ самостоятельно, нравственно обязанъ непремѣнно прибавить хотя бы самую малую долю къ тому, что сдѣлано другими. Такъ какъ Федонъ составлялъ для меня предметъ долгаго и внимательнаго изученія, то я, оставляя на этотъ разъ по вышеприведеннымъ причинамъ безъ анализа мнѣнія и сужденія о его идеѣ, уже высказанныя, изложу по этому предмету мой собственный взглядъ.

Первое, что̀ останавливаетъ на себѣ вниманіе при чтеніи Федона, это — искусственность его концепціи, какъ произведенія художественнаго. Впечатлѣніе, выносимое по прочтеніи діалога таково, что ни мысль ни чувство не остаются вполнѣ удовлетворенными. Еще не умѣя отдать себѣ яснаго, сознательнаго отчета, почему діалогъ производитъ такое впечатлѣніе — (по крайней мѣрѣ такое именно онъ постоянно производилъ на меня, какъ ни много я его изучалъ) — чувствуешь, что въ его цѣломъ чего-то недостаетъ, какъ будто бы прочитаны два совершенно отдѣльныя сочиненія, механически соединенныя въ одно. Не могу конечно въ этомъ случаѣ отвѣчать за впечатлѣніе каждаго изъ читателей: я передаю мое собственное, испытанное мною много разъ. Начиная анализировать полученное мною впечатлѣніе, я прежде всего останавливаюсь на томъ, что̀ діалогъ рѣзко распадается на двѣ отдѣльныя части: историческую — простое, спокойно-величавое, въ высочайшей степени художественное описаніе послѣднихъ минутъ одного изъ совершеннѣйшихъ людей древности; а съ другой — чисто научное, философски-отвлеченное и по мѣстамъ до-нельзя отвлеченное изслѣдованіе одного изъ труднѣйшихъ метафизическихъ вопросовъ. Впечатлѣніе читателя двоится такимъ образомъ по весьма простой и понятной причинѣ. Совершенно иное дѣло произведеніе художественное, (какъ напр. историческая часть Федона) гдѣ та или другая идея, принимая форму поэтическихъ образовъ, представляетъ поэтому нѣчто цѣльное и законченное, гдѣ вслѣдствіе этого умъ и мысль читателя отдаются свѣтлому, спокойному, ничѣмъ не возмущаемому созерцанію, а совершенно иное — отвлеченный философскій трактатъ, (какъ напр. философская часть Федона) гдѣ та же самая идея развивается постепенно и послѣдовательно помощію обыкновенныхъ пріемовъ научнаго анализа, и гдѣ, слѣдовательно, мысль читателя, погружаясь въ метафизическія отвлеченности, вынуждена работать на каждомъ шагу. Что Федонъ дѣйствительно представляетъ собою нѣчто двойственное — это доказывается между прочимъ самымъ разнообразіемъ въ пониманіи его идеи. Мы видѣли въ началѣ главы, до какой степени несогласны между собою въ этомъ случаѣ взгляды изслѣдователей. Между тѣмъ, въ исторіи

всеобщей литературы рѣшительно нѣтъ примѣровъ, чтобы произведеніе истинно художественное возбуждало споры относительно своей идеи, такъ какъ она всегда отражается въ немъ до того ярко, что опредѣленіе ея положительно не представляетъ затрудненій. Федонъ, какъ мы видѣли, распадается на двѣ части — историческую и философскую: первая представляетъ въ немъ элементъ художественный, вторая — чисто научный.

Въ чемъ же нужно искать примиренія этихъ двухъ элементовъ, гдѣ единство идеи діалога, потому что двухъ основныхъ идей въ одномъ и томъ же произведеніи очевидно не можетъ быть. На этомъ вопросѣ я теперь остановлюсь. Я попрошу моего читателя позволить мнѣ пробѣжать еще разъ содержаніе исторической части, которою начинается діалогъ, и такъ какъ она хорошо намъ знакома, то я буду указывать только на отдѣльныя черты картины, на отдѣльныя мысли и философскія положенія Сократа, — насколько это нужно для опредѣленія идеи Федона съ той точки зрѣнія, съ какой я понимаю этотъ вопросъ.

Глубокое утро. Друзья философа собираются въ послѣдній разъ въ его темницѣ, чтобы проститься навсегда съ своимъ великимъ учителемъ и другомъ. Сократъ высылаетъ изъ темницы жену, и, выразивъ друзьямъ свою радость, что онъ избавился отъ мучительнаго гнета оковъ, начинаетъ разсуждать по этому случаю объ отношеніи въ человѣкѣ чувствъ радости и печали. Завязывается разговоръ объ Эзопѣ и Сократъ объясняетъ друзьямъ побужденія, руководившія его поэтическими занятіями въ темницѣ. Онъ проситъ ихъ передать его послѣднее заочное привѣтствіе Эвену и совѣтъ, чтобы онъ не оставался долго на землѣ. Остановимся пока на этихъ чертахъ. Я спрошу читателя: что̀ въ этихъ сценахъ Федона обращаетъ на себя вниманіе прежде всего, и поражаетъ мысль съ перваго разу? Меня, по крайней мѣрѣ, прежде всего останавливаетъ лице самого Сократа — то непобѣдимое, невозмутимое спокойствіе, которое сохраняетъ великій философъ въ виду наступающей смерти. Что̀ же производитъ въ немъ такое настроеніе духа? Человѣкъ спокойно бесѣдуетъ съ друзьями, развиваетъ философскія мысли, и, осужденный на смерть, наканунѣ смерти пишетъ въ темницѣ стихи,

сочиняетъ басни! Въ цѣлой бесѣдѣ его вы не слышите ни одного слова, въ которомъ бы выражалось хоть малѣйшее сожалѣніе о томъ, что онъ долженъ умереть! Такое равнодушіе къ жизни очевидно неестественно. Въ жизненной дѣятельности Сократа лежала высокая идея, которой онъ посвятилъ себя всецѣло, и слѣдовательно дорожа самымъ торжествомъ своей идеи, онъ уже по этому одному долженъ былъ дорожить жизнью. Личность Сократа является намъ такимъ образомъ въ самомъ началѣ діалога въ какомъ-то загадочномъ свѣтѣ. Но, прослѣдимъ бесѣду друзей далѣе. Умирающій философъ даетъ Эвену заочный совѣтъ какъ можно скорѣе слѣдовать за нимъ, запрещая ему однако при этомъ самоубійство. Друзья находятъ здѣсь противорѣчіе. Сократъ начинаетъ развивать передъ слушателями нравственныя идеи: самоубійство противно божественному закону; человѣкъ долженъ чтить волю божества, поставляющаго его въ земномъ мірѣ и повиноваться въ этомъ случаѣ его волѣ безусловно. Въ то же время человѣкъ долженъ желать какъ можно скорѣе покинуть земную жизнь. Какъ помирить это противорѣчіе, и въ силу чего Сократъ думаетъ, что человѣкъ долженъ желать не продленія жизни, а возможно болѣе скорой смерти? Отвѣтъ на это мы находимъ въ дальнѣйшей части бесѣды. Жизнь философа, по увѣренію Сократа, вся посвящена стремленію — заживо для всего умереть, кромѣ той великой идеи, которой онъ служитъ. Если, такимъ образомъ, философъ всю жизнь стремится только къ тому, чтобы еще при жизни сдѣлаться для всего мертвымъ, то естественно ли ему скорбѣть, когда для него наступитъ настоящая, дѣйствительная, такъ желанная смерть? Чѣмъ же образуется подобнаго рода стремленіе въ душѣ философа? — Его убѣжденіемъ. — Философъ ищетъ достичь полнаго и совершеннаго знанія, а полное и совершенное знаніе, по взгляду Сократа, рѣшительно недостижимо, пока человѣкъ облеченъ тѣломъ. Наши чувства — зрѣніе, слухъ и пр. развлекаютъ и обманываютъ насъ, а самое тѣло съ своими страстями и болѣзнями, служитъ намъ положительнымъ препятствіемъ въ дѣлѣ достиженія истины. Очевидно, что философъ, который стремится къ обладанію полнымъ, совершеннымъ знаніемъ, долженъ желать

какъ можно скорѣе освободиться отъ тѣла, дѣлающаго такое знаніе рѣшительно невозможнымъ. Когда же философъ его достигнетъ, и можетъ ли онъ его достичь?—Онъ достигнетъ его тогда, когда освободится отъ тѣла, и, сдѣлавшись чистымъ духомъ, будетъ существовать въ какомъ-то другомъ мірѣ. Сократъ беретъ вопросъ о жизни и смерти съ новой стороны—по отношенію ихъ къ идеѣ добродѣтели и верховнаго блага. Всякая добродѣтель вообще—мужество, воздержаніе и пр.—возможна и достижима только для философа. Одинъ философъ мужественъ и воздерженъ въ силу нравственнаго принципа. Всѣ другіе люди, если и оказываются иногда мужественны, то изъ страха наказанія, и слѣд. на самомъ дѣлѣ—они робки. Всѣ другіе люди, если и бываютъ иногда воздержны, то воздерживаются отъ удовольствій одного рода только для того, чтобы, такъ сказать, сберегать себя для удовольствій другого рода, и слѣд. на самомъ дѣлѣ—они невоздержны. Достичь же совершенства добродѣтели возможно не иначе, какъ при помощи религіозныхъ таинствъ и очищеній. Души не очищенныхъ и не посвященныхъ въ таинства будутъ въ другомъ мірѣ погружены въ грязь, а очищенныхъ и посвященныхъ будутъ, по прибытіи туда, жить вмѣстѣ съ богами.

Новая изложенная нами часть бесѣды философовъ раскрываетъ намъ вполнѣ причины того спокойнаго настроенія духа Сократа, въ какомъ мы видимъ его въ первыя минуты, по приходѣ друзей въ темницу. Сократъ не только не боится смерти, а встрѣчаетъ ее съ радостнымъ чувствомъ въ томъ глубокомъ убѣжденіи, что земная жизнь есть только первая ступень, начало безконечно-радостной другой жизни въ другомъ мірѣ, гдѣ стремленія души къ достиженію совершенной истины и совершеннаго блага найдутъ полное удовлетвореніе. Твердость духа Сократа въ виду наступающей смерти опирается такимъ образомъ на его глубокое убѣжденіе въ безсмертіи души. Теперь — когда мы пробѣжали содержаніе всей первой половины исторической части Федона — читатель видитъ лице Сократа въ самомъ поэтическомъ свѣтѣ. Непоколебимая твердость души, глубокая вѣра въ ея безсмертіе и бытіе другого міра, гдѣ она будетъ вознаграждена за свою

земную жизнь, самоотреченіе и самопожертвованіе передъ лицемъ истины и нравственной идеи, наконецъ глубокое благоговѣніе передъ святынею вѣры и очистительной силою ея таинствъ — вотъ качества, съ которыми является передъ нами въ темницѣ лице великаго философа! Умирающій Сократъ это — идеалъ совершеннаго мудреца, человѣка, если можно такъ выразиться, по преимуществу, — одного изъ величайшихъ праведниковъ, которые когда нибудь являлись на землѣ. Тѣмъ не менѣе однакожъ, при всемъ величіи идеальнаго типа Сократа, — насколько мы знакомимся съ нимъ въ этой части діалога — (до начала философскаго изслѣдованія вопроса о безсмертіи) невольно чувствуется что въ этомъ изображеніи чего то недостаетъ. Во всемъ, что Сократъ говорилъ до сихъ поръ, дышетъ вѣра въ безсмертіе души: вся философія, вся его мораль основана исключительно на этомъ убѣжденіи. Въ этой великой идеѣ находятъ свое оправданіе и спокойное настроеніе его духа въ виду наступающей смерти и всѣ стремленія его прошлой, почти уже оконченной жизни. Но — остановимся на минуту на этомъ сократовскомъ profession de foi и проанализируемъ его убѣжденія. Я сейчасъ сказалъ, что въ изображеніи лица Сократа, какимъ онъ является намъ въ этой части діалога — до начала философскихъ доказательствъ безсмертія — есть нѣкоторая неполнота, недоконченность образа. Дѣйствительно. При ближайшемъ анализѣ убѣжденій Сократа, мы не только не удовлетворяемся его нравственными идеалами, а даже находимъ ихъ отчасти странными. Сократъ основываетъ все на идеѣ безсмертія души. Но на чемъ держится въ этомъ случаѣ его убѣжденіе? — На авторитетѣ вѣры? — Нельзя не признать, что это основаніе съ извѣстной точки зрѣнія — весьма сильно. Вѣра дѣйствительно составляетъ одну изъ глубочайшихъ основъ нашей внутренней психической жизни, и, какъ элементъ, входитъ во всѣ наши убѣжденія. Но она — позволю себѣ такъ выразиться — есть знаніе, принадлежащее исключительно нашему чувству; это философія сердца, но не философія духа. Ясно поэтому, что она можетъ дѣйствовать вполнѣ успокоительно только на одну сторону души — сторону чувства, и слѣдовательно имѣетъ значеніе безусловнаго авторитета только для людей непосредственнаго чувства. У людей

другого разряда, кромѣ вѣрящаго и не требующаго доказательствъ сердца, есть еще анализирующій умъ, который рѣшительно во всемъ, а слѣдовательно и въ вопросахъ высшаго знанія, неотступно предъявляетъ свои права. Сократъ говоритъ въ темницѣ не съ людьми непосредственной вѣры, не съ младенцами сердцемъ, а съ философами, которые для всего требуютъ доказательствъ и не принимаютъ ничего безъ изслѣдованія. Передъ такими людьми одной ссылки на авторитетъ положительной вѣры очевидно недостаточно, для того чтобы они могли признать дѣйствительность идеи безсмертія. Далѣе. Сократъ указываетъ на характеръ нашего знанія и говоритъ, что знаніе, котораго можетъ достигать человѣкъ въ жизни настоящей, неполно и несовершенно, и что слѣдов., по всей вѣроятности, долженъ существовать другой міръ и другая жизнь, гдѣ неодолимое стремленіе ума къ истинѣ и знанію будетъ удовлетворено вполнѣ. Но это очевидно — не больше, какъ предположеніе. Можетъ быть такой міръ существуетъ, а можетъ быть и нѣтъ. Далѣе. Сократъ указываетъ на жизнь философовъ — на ихъ добровольное отреченіе отъ всѣхъ ея удовольствій и благъ въ пользу исключительнаго служенія идеѣ; это — новое основаніе его вѣры въ безсмертіе — начало непосредственнаго убѣжденія, свидѣтельство совѣсти. Но и это новое основаніе такъ же не выдерживаетъ критики, какъ и предыдущія. Одного непосредственнаго убѣжденія, очевидно, недостаточно для того, чтобы человѣкъ могъ что нибудь принять за несомнѣнную истину. Тѣмъ болѣе этого недостаточно въ настоящемъ случаѣ, когда Сократъ заходитъ такъ далеко, что рѣшительно считаетъ смерть самымъ радостнымъ явленіемъ нашей жизни и даетъ совѣтъ друзьямъ, пренебрегши рѣшительно всѣмъ, чего ищутъ обыкновенно другіе, — тѣми благами и радостями ея, къ которымъ человѣку стремиться такъ естественно, — посвящать жизнь исключительно на приготовленіе себя къ переходу въ другой міръ. Онъ требуетъ такимъ образомъ отъ друзей отреченія во имя какой-то новой идеи даже отъ тѣхъ бѣдныхъ и ничтожныхъ благъ, которыя только и даны человѣку на долю — скоропреходящихъ земныхъ радостей. Но легко сказать — пожертвовать всѣмъ, когда даже не видишь

основанія, почему долженъ жертвовать, отказаться отъ жизни настоящей, всѣмъ извѣстной, въ пользу какой-то невѣдомой будущей, — принести такую огромную жертву такой идеѣ, которая, быть можетъ, — не что иное, какъ игра фантазіи, самообольщеніе чувства! Изъ всѣхъ основаній, приведенныхъ Сократомъ въ пользу безсмертія доселѣ, самое сильное конечно непосредственное убѣжденіе сердца (жизнь философовъ.) Но одного такого убѣжденія, очевидно, недостаточно для того, чтобы человѣкъ могъ склонить волю другихъ къ такому величайшему акту ея, какъ самоотреченіе, самопожертвованіе, самоуничтоженіе передъ лицемъ нравственной идеи. Мало ли въ чемъ человѣкъ можетъ убѣдиться, если не будетъ провѣрять своихъ убѣжденій строгимъ анализомъ! Религіозный фанатикъ, не умѣющій отличить поклоненія идеѣ отъ символа, въ которомъ она выражается, изступленный фанатикъ-революціонеръ, допускающій возможность пересоздать едва не въ теченіе нѣсколькихъ дней политическую жизнь государства, которой выработанныя вѣками начала превратились въ плоть и кровь народа, — и тотъ и другой будутъ люди не только убѣжденные, а глубоко убѣжденные; но — будемъ ли мы уважать такія убѣжденія, можемъ ли мы смотрѣть на нихъ самихъ какъ на людей умственно и нравственно здоровыхъ, будемъ ли мы сочувствовать ихъ идеаламъ? Очевидно нѣтъ. Что́ же такое наконецъ Сократъ съ его радостью въ виду наступающей смерти, съ его глубокой увѣренностью въ существованіи другого міра, съ его совѣтами друзьямъ — заживо умереть и сдѣлаться мертвыми для всѣхъ благъ настоящей, всѣмъ извѣстной жизни и постоянно жить и мыслями и желаніями въ какомъ-то другомъ, никому невѣдомомъ мірѣ, гдѣ, по его увѣренію, наша душа вполнѣ достигнетъ того, къ чему стремится здѣсь? Что онъ такое въ самомъ дѣлѣ: мечтатель, нравственно-больной человѣкъ, фанатикъ идеи безсмертія? — Мы дошли въ анализѣ нравственной личности Сократа до того пункта, гдѣ философское изслѣдованіе вопроса о безсмертіи души, указаніе разумныхъ основаній — почему Сократъ вѣритъ и думаетъ такъ, какъ онъ вѣритъ и думаетъ, становится дѣломъ полнѣйшей, рѣшительной, безусловной

необходимости. Чтобы оправдать въ нашихъ глазахъ нравственные идеалы Сократа, чтобы показать почему этотъ человѣкъ говоритъ о приготовленной для него чашѣ съ ядомъ такимъ тономъ — какъ будто бы дѣло шло о кубкѣ вина на веселомъ, дружескомъ пиру, чтобы оправдать, говорю, все это въ нашихъ глазахъ — намъ недостаточно однихъ гаданій Сократа о другомъ мірѣ, недостаточно одного внутренняго убѣжденія его въ безсмертіи души или свидѣтельства его совѣсти, недостаточно наконецъ даже его ссылки на авторитетъ положительной вѣры: намъ необходимо познакомиться съ его философіей, услышать отъ него здѣсь же въ его темницѣ — что̀ говоритъ наука о той великой идеѣ, въ которой онъ убѣжденъ, какъ въ несомнѣнной истинѣ. Философская часть Федона такимъ образомъ является прежде всего разъясненіемъ личности и нравственныхъ идеаловъ Сократа, съ которыми мы познакомились въ исторической части, — прямымъ и непосредственнымъ отвѣтомъ на вопросъ: почему онъ думаетъ, что для человѣка лучше умереть, нежели жить? Безъ удовлетворительнаго отвѣта на этотъ вопросъ мы могли бы только сострадать Сократу, сожалѣть о немъ, но никогда не могли бы удивляться ему такъ, какъ мы удивляемся; и трагическая смерть невинно осужденнаго праведника-героя не обратилась бы въ идеалъ вѣковъ и поколѣній, какъ образецъ высокаго конца, запечатлѣвшаго чистую, безупречную жизнь. И такъ, еслибы мнѣ предложили отвѣтить въ двухъ словахъ: «что̀ составляетъ идею Федона», то я бы отвѣчалъ: «апотеоза Сократа». Другими словами: «идею Федона составляетъ умирающій въ темницѣ Сократъ и въ послѣдній, предсмертный часъ свой бесѣдующій съ друзьями о безсмертіи души — идеѣ, въ которой онъ убѣжденъ на основаніи своего внутренняго инстинкта, свидѣтельства совѣсти, авторитета положительной вѣры, и, наконецъ, на основаніи науки — философіи.» Такой отвѣтъ сдѣлалъ бы я относительно идеи Федона, если его разсматривать какъ произведеніе историческое по содержанію, и слѣд. принимать за исходный пунктъ и основу цѣлаго — лице Сократа. Но можно на этотъ самый вопросъ взглянуть и иначе. Принявъ во вниманіе, съ одной стороны, то, что философскія доказательства (практическія, непосредственныя) про-

ведены уже и въ этой, разсмотрѣнной нами, части діалога, а съ другой то, что изслѣдованіе высшихъ вопросовъ знанія (о Богѣ, о душѣ, ея безсмертіи и проч.) основывается главнымъ образомъ на доказательствахъ аналитически-философскихъ, на идеяхъ ума, и что во всѣ наши такъ называемыя непосредственныя убѣжденія, (на которыхъ главнымъ образомъ основывается Сократъ во вступительной части діалога) всегда входитъ, часто незамѣтно для насъ самихъ, извѣстная доля анализа — принявъ, говорю, это во вниманіе — мы имѣемъ полное право смотрѣть на философскую часть, (четыре доказательства безсмертія) какъ на основу и зерно діалога. Какое же значеніе получитъ въ немъ, при этомъ воззрѣніи, личность Сократа? Какъ онъ явился въ діалогѣ — какъ акцессуаръ его философской части, референтъ доказательствъ безсмертія? Странно было бы и подумать! Мы разрѣшаемъ, или по крайней мѣрѣ уясняемъ себѣ высшіе вопросы знанія, какъ я сейчасъ сказалъ, путемъ философскаго изслѣдованія, критическимъ анализомъ чистой мысли. Но это очевидно не единственный путь въ дѣлѣ изслѣдованія этихъ вопросовъ. Странно было бы допускать возможность придти къ философскому утвержденію идеи Божества, если мы ограничимся въ изслѣдованіи вопроса только этимъ способомъ — анализомъ чистой мысли. Что подобнаго рода изслѣдованіе рѣшительно недостаточно, для того чтобы мы могли съ помощію его образовать научно-философское убѣжденіе въ бытіи Верховнаго Существа — объ этомъ едва ли нужно много говорить; потому что, если бы безграничная и безпредѣльная въ своей сущности идея Божества могла подойти подъ опредѣленныя формы мысли, то это самое служило бы полнымъ отрицаніемъ дѣйствительности этой идеи, такъ какъ въ такомъ случаѣ, очевидно, безпредѣльное по сущности и слѣдовательно исключающее возможность какой бы то ни было формы превратилось бы въ ограниченное и опредѣленное. Если мы можемъ приходить путемъ философскаго изслѣдованія къ признанію Верховнаго и Вѣчнаго Существа, то не иначе, какъ соединяя въ анализѣ въ одно цѣлое рѣшительно все, въ чемъ мы можемъ найти хоть какое нибудь о Немъ свидѣтельство. Мы соединяемъ въ этомъ случаѣ въ нашихъ доказательствахъ и то,

что̀ говоритъ намъ объ этомъ предметѣ анализирующій умъ, и непосредственное убѣжденіе сердца и чувство совѣсти — требованіе нашей нравственной природы и положительная вѣра всего человѣчества, я наконецъ начало безконечнаго въ самомъ человѣкѣ. Только при такомъ всестороннемъ способѣ изслѣдованія мы можемъ приходить философскимъ путемъ къ признанію дѣйствительности идеи Божества. Этотъ же самый методъ употребляетъ въ Федонѣ Платонъ при изслѣдованіи вопроса о безсмертіи души. Аналитическій умъ оказывается несостоятельнымъ въ разрѣшеніи высшихъ вопросовъ знанія. Тѣмъ не менѣе однакожъ извѣстную долю въ разрѣшеніе ихъ критическій анализъ чистой мысли все таки вноситъ. Мы видимъ у Платона четыре доказательства, въ которыхъ идея безсмертія изслѣдуется чисто философскимъ путемъ, съ помощію обыкновенныхъ пріемовъ научнаго анализа. Но этого одного — чисто теоретическаго изслѣдованія этого вопроса — очевидно недостаточно для того, чтобы мы могли — по крайней мѣрѣ до извѣстной степени твердо — признать дѣйствительность идеи безсмертія. И вотъ, какъ необходимое, обусловливаемое самой сущностью дѣла дополненіе къ этому чисто-философскому, аналитическому изслѣдованію вопроса, мы видимъ въ Федонѣ другую часть, гдѣ та же самая идея безсмертія, воплощенная въ идеальный образъ умирающаго Сократа, раскрывается передъ нами инымъ способомъ. Здѣсь мы находимъ уже не доказательства аналитическія, а — все то, что говоритъ о дѣйствительности безсмертія непосредственное чувство человѣка — его внутренній инстинктъ безсмертія, заставляющій его отказываться отъ жизни земной въ пользу предощущаемой имъ другой, свидѣтельство совѣсти, авторитетъ положительной вѣры, наконецъ преданія вѣковъ и глубокая вѣра всего человѣчества въ дѣйствительность идеи безсмертія души. Вѣнецъ всего (въ этой части діалога) это — олицетворенная идея вѣры въ безсмертіе — личность самого Сократа, котораго геройская смерть и непобѣдимая вѣра въ другую жизнь дѣйствуютъ столько же трогательно, сколько и успокоительно на нашу душу. Такимъ образомъ, становясь на эту точку зрѣнія и разсматривая діалогъ какъ произведеніе философское, мы должны принять за

основу его — изслѣдованіе вопроса о душѣ. Я, по крайней мѣрѣ, если бы мнѣ предложили отвѣтить въ двухъ словахъ на вопросъ: о чемъ трактуетъ Федонъ, (какъ діалогъ философскій) отвѣтилъ бы прямо и рѣшительно — о душѣ. Идея Федона есть идея человѣческой души, но не по отношенію только къ вопросу о ея безсмертіи, (какъ мы привыкли ошибочно выражаться) а вообще о душѣ — въ самомъ полномъ, безграничномъ значеніи этого слова — со стороны ея сущности,[6]) ея жизни,[7]) ея назначенія,[8]) ея отношенія къ міру идей и явленій,[9]) со стороны характера, съ какимъ она является въ разные періоды своего бытія,[10]) разнообразія судьбы, которую испытываютъ души различныхъ людей,[11]) наконецъ, со стороны чисто-практическаго значенія этой идеи въ изслѣдованіи вопроса: какъ должна дѣйствовать и къ чему должна стремиться въ жизни наша

---

6) Душа есть жизненное начало, животворящее все, къ чему только оно прикасается.

7) Душа попремѣнно вращается въ двухъ мірахъ — ноуменальномъ и феноменальномъ (идей и явленій.)

8) Назначеніе души стремиться къ осуществленію въ земной жизни идеала нравственности и добродѣтели, для того чтобы она могла войти по смерти въ сонмъ боговъ, и проводить блаженную вѣчность въ созерцаніи чистаго бытія, (чистыхъ идей.)

9) Душа заключаетъ въ глубинѣ своей сущности чистыя идеи, которыхъ не находитъ въ окружающемъ ее земномъ бытіи. Мысленное созерцаніе ихъ есть нѣчто удовлетворяющее ее вполнѣ. Міръ моментарныхъ (измѣняющихся и преходящихъ) явленій есть нѣчто несродное ея природѣ, и потому не удовлетворяющее ее.

10) Душа обладаетъ полнымъ и совершеннымъ знаніемъ въ то время, когда живетъ въ мірѣ ноуменальномъ — въ мірѣ чистыхъ идей; b) мгновенно забываетъ полученное въ другомъ мірѣ знаніе, соединяясь въ актѣ воплощенія съ матеріей; c) постепенно воскрешаетъ въ земной жизни опытомъ и ученіемъ забытыя ею идеи.

11) Души философовъ — людей совершенныхъ въ добродѣтели — проводятъ блаженную вѣчность въ сонмѣ боговъ; души, запятнавшія себя въ земной жизни пороками и преступленіями, несутъ наказанія въ тартарѣ,— однѣ вѣчныя, другія временныя; души, проникшіяся при жизни особенною любовью къ тѣлесному, странствуютъ по землѣ, подвергаясь метемпсихическимъ метаморфозамъ въ тѣлахъ различныхъ животныхъ.

душа? [12]) Философская часть Федона (четыре доказательства) это — теоретическое (критическое, аналитическое) изслѣдованіе вопроса о безсмертіи души, а историческая — разрѣшеніе того же вопроса съ помощію непосредственныхъ, практическихъ доказательствъ безсмертія. Обѣ идеи — теоретическая идея души (въ философской части) и практическая сторона той же идеи (непосредственная вѣра человѣка въ безсмертіе и нравственное приложеніе идеи безсмертія къ жизни) примиряются и сливаются въ одно цѣлое въ личности умирающаго Сократа, который и въ силу своей жизни, и своей настоящей кончины, и своей вѣры, и своей философіи является передъ нами въ эти минуты олицетворенной идеей безсмертія, — такимъ провозвѣстникомъ ея, который, говоря намъ о небѣ, невольно заставляетъ всѣхъ и каждаго вѣрить, что его душа и яснѣе и полнѣе, чѣмъ души всѣхъ другихъ людей помнитъ свою прошлую небесную жизнь — въ мірѣ идей. Такимъ образомъ, примемъ ли мы за исходный пунктъ и основу діалога историческую или философскую его часть, мы приходимъ въ обоихъ случаяхъ къ одному и тому же результату, получаемъ одинъ и тотъ же выводъ: идея Федона — есть идея человѣческой души, разсматриваемой какъ со стороны того, что̀ она есть въ своей сущности, такъ и со стороны того, чѣмъ она должна быть въ земной своей жизни. Федонъ — это въ одно и то же время теорія, исторія и нравственная философія души, съ точки зрѣнія Платона. Обѣ половины діалога — теоретическая и практическая сторона вопроса о душѣ — соединены въ немъ такъ тѣсно, что ихъ рѣшительно нѣтъ возможности раздѣлить, и Федонъ, какъ произведеніе философское, представляетъ собою вполнѣ законченное цѣлое, полное и безусловное единство.

Я сказалъ, что за основу Федона можно принимать историческую часть діалога — смерть Сократа — точно съ такимъ же правомъ какъ и философскую — изслѣдованіе вопроса о безсмертіи

---

[12]) Душа, живущая на землѣ, должна пренебрегать всѣми мимолетными, не удовлетворяющими ее благами земли, ради болѣе совершеннаго достиженія одной цѣли — приготовленія себя къ жизни небесной.

души, и что идея діалога въ обоихъ случаяхъ будетъ одна и та же — идея души. Что̀ же должно принять за основу Федона — часть историческую или философскую? Отвѣчаю прямо и положительно: основу діалога составляетъ діалектически-философское изслѣдованіе вопроса о душѣ (четыре доказательства) и, слѣдовательно, это — діалогъ, по характеру своему, философскій. Чѣмъ это можно доказать? Я попрошу моего читателя позволить мнѣ отвѣтить на этотъ вопросъ ниже, гдѣ мнѣ удобнѣе будетъ это сдѣлать, а теперь перейду ко второй половинѣ моей задачи — разсмотрѣнію Федона, какъ произведенія художественнаго. Но на этомъ вопросѣ я остановлюсь весьма коротко. Опредѣленіе идеи Федона и его философскаго значенія вызвало меня на обширное разсужденіе потому, что вопросъ этотъ, какъ читатель могъ видѣть въ началѣ главы, составляетъ предметъ споровъ между изслѣдователями. Что же касается до художественной стороны діалога, (беру пока только историческую его часть [13]) то скажу коротко, что съ этой стороны — признанія за Федономъ высокаго художественнаго достоинства — всѣ мнѣнія рѣшительно и безусловно согласны, и если чѣмъ нибудь иногда между собою различаются, то развѣ только тѣмъ, что одинъ критикъ старается превзойти другого въ выраженіи благоговѣйнаго удивленія къ поэтической красотѣ картинъ и образовъ Федона. Дѣйствительно, художественное совершенство діалога поразительно. Смѣлость концепціи, опредѣленность и законченность образовъ, глубокій драматизмъ въ изображеніи положеній и лицъ, разнообразіе характеровъ и строго-художественная компановка группы — все это, взятое вмѣстѣ, ставитъ нашъ діалогъ на ряду съ самыми высокими поэтическими произведеніями древности. Я ничего не говорю о трагическомъ характерѣ, лежащемъ въ основѣ исторической части: она проник-

[13]) Прошу читателя обратить вниманіе на то, что я разумѣю въ настоящемъ мѣстѣ только одну историческую часть діалога и, слѣдовательно, здѣсь нѣтъ противорѣчія съ тѣмъ, что говорится далѣе о художественности Федона какъ цѣлаго — во взаимномъ отношеніи обѣихъ его частей — исторической и философской.

нута имъ такъ глубоко, что лучшіе аналитики Платона — Штальбаумъ и Штейнгартъ рѣшительно усвояютъ Фѣдону имя трагедіи. Сцена принятія Сократомъ яду и потрясающее впечатлѣніе, произведенное этой сценой на его друзей, до того трагичны, что Федонъ съ этой стороны — со стороны своей трагической силы — положительно выдержитъ сравненіе съ любой трагедіей Шекспира. Впрочемъ, я не буду распространяться о художественномъ достоинствѣ исторической части Федона, такъ какъ это вопросъ вполнѣ покончённый критикой, и слѣдовательно останавливаться на немъ подробно значило бы повторять въ другихъ выраженіяхъ то, что уже давно сказано другими. Теперь передъ нами новая сторона того же вопроса — о художественности Федона вообще, какъ цѣльнаго произведенія. Въ какомъ отношеніи состоитъ историческая часть діалога къ части философской по достоинству исполненія? Вопросъ этотъ, также какъ и предыдущій — о художественности части исторической — принадлежитъ къ числу вопросовъ, окончательно рѣшенныхъ критикой, такъ что въ этомъ случаѣ рѣшительно нѣтъ разногласій. Каждый, кто внимательно прочелъ Федона, согласится съ тѣмъ, что историческая часть діалога (разсматриваемая какъ отдѣльное цѣлое) по достоинству исполненія стоитъ безъ сравненія выше философской. Въ этомъ, какъ я сейчасъ сказалъ, согласны рѣшительно всѣ изслѣдователи. Приведу мнѣніе по этому вопросу англійскаго критика Платона Грея, у котораго эта параллель между обѣими частями діалога проведена весьма рельефно. Вотъ его слова. «Историческая часть діалога удивительна, и хотя въ созданіи и расположеніи ея частей видно все искусство великаго трагика, потому что даже малѣйшее упоминаемое въ ней обстоятельство не имѣетъ недостатка въ трагической силѣ и значеніи — она представляетъ намъ при этомъ высокую простоту естественности. Каждый мыслящій читатель испытаетъ при чтеніи ея то самое, что испытали тѣ, которые были свидѣтелями-очевидцами кончины Сократа, а именно — «какое-то непонятное соединеніе радости и печали въ одно и то же время». Невинность, человѣчность, радостное настроеніе духа и непритворное безстрашіе Сократа передъ смертью извле-

кутъ у него слезы, какъ извлекли у тѣхъ, которые теряли въ немъ какъ будто бы своего отца; но въ то же время покажутъ ему въ Сократѣ такую душу, которая, если бы не была безсмертной, то конечно заслужила быть безсмертной. Философская часть далеко ниже, иногда слаба, иногда темна, слишкомъ отвлеченна; тѣмъ не менѣе, однакожъ, заключаетъ въ себѣ много хорошихъ мыслей и много тонкихъ наблюденій». [14]) Я замѣчу объ этомъ сужденіи Грея относительно философской части діалога то, что оно должно быть принято съ извѣстнымъ ограниченіемъ, и ни въ какомъ случаѣ не можетъ относиться ко всему философскому отдѣлу Федона вообще. Третье доказательство — сближеніе души съ вѣчными и безсмертными сущностями, многія мѣста разсужденій, опровергающихъ теорію гармоніи и вообще всѣ тѣ мѣста, гдѣ Платонъ указываетъ на постоянное стремленіе души къ невидимому и неизмѣнному, какъ на доказательство родственности ея съ началомъ божественнаго, безусловно хороши, и конечно въ своемъ родѣ не уступятъ лучшимъ драматическимъ сценамъ части исторической. Вотъ здѣсь я обращусь къ тому вопросу, который я поставилъ выше, а именно: почему за основу и исходный пунктъ діалога нужно принимать философскую, а не историческую его часть? Въ началѣ главы я говорилъ о двойственности впечатлѣнія, которое дѣлаетъ Федонъ и замѣтилъ, что причина этого совершенно понятна. Одна часть діалога представляетъ намъ вполнѣ художественное изображеніе одного изъ самыхъ трагическихъ событій въ исторіи Аѳинъ — картину смерти невинно умирающаго въ темницѣ праведника, и по характеру своему есть дѣйствительно произведеніе безусловно-художественное. Другая — самый отвлеченный, метафизическій трактатъ. При различіи средствъ, которыми пользуются для выраженія своей идеи поэтъ и философъ, впечатлѣніе, производимое чтеніемъ Федона, неизбѣжно должно двоиться, такъ какъ рядъ поэтическихъ картинъ и рядъ сухихъ силлогизмовъ — двѣ вещи, плохо гармонирующія въ одномъ и томъ же произведеніи. Теперь я спрошу: возможно ли допустить, чтобы такой глубокій, мірообъемлющій геній какъ

---

[14]) The works of Plato, London, 1870, vol. VI, p. 432 ff.

Платонъ могъ допустить такую странную, скажу болѣе, — смѣшную ошибку въ дѣлѣ творчества, чтобы къ поэтическому произведенію придѣлывать метафизическій трактатъ? Ясное дѣло, что основу діалога составляетъ не картина смерти Сократа, а философское изслѣдованіе вопроса о безсмертіи, или правильнѣе — о сущности души. Далѣе. Если мы возьмемъ историческую часть Федона отдѣльно отъ философской, (четырехъ доказательствъ) то увидимъ, что и въ исторической части точно также изслѣдуется вопросъ о безсмертіи души, (собственно — о душѣ) только не путемъ аналитическихъ или чисто-философскихъ, а путемъ непосредственныхъ доказательствъ. Ясно такимъ образомъ, что идея безсмертія — точнѣе, идея души — есть нить, проходящая черезъ весь діалогъ, а Сократъ съ его нравственными принципами и геройскою смертью это — воплощенный въ историческую личность идеалъ того, чѣмъ человѣкъ долженъ въ жизни быть и съ какимъ настроеніемъ духа долженъ умирать; личность федоновскаго Сократа это — превращенная въ живой человѣческій образъ, переведенная въ дѣйствительность практическая идея души. Возвращаюсь снова къ вопросу объ отношеніи въ нашемъ діалогѣ двухъ его частей — исторической и философской. Изъ сказаннаго нами читатель могъ видѣть, что въ художественномъ отношеніи Федонъ не представляетъ того единства, какое онъ представляетъ въ смыслѣ философскомъ, и это, какъ я уже нѣсколько разъ замѣчалъ, совершенно понятно. Поэтъ, который мыслитъ образами, не отдѣляя въ мыслительномъ процессѣ своемъ идеи отъ формы, и превращаетъ самую отвлеченную истину въ цѣльные законченные образы, въ рядъ художественныхъ картинъ, и аналитикъ-философъ, думающій самъ и дѣйствующій на мысль читателя рядомъ сухихъ силлогизмовъ и заставляющій его погружаться въ самыя глубокія метафизическія утонченности — эти два лица не могутъ соединять своихъ произведеній въ одно цѣлое. Невозможно сплотить въ одно сочиненіе трагедію Шекспира или поэму Байрона и «небесную механику» Лапласа; а между тѣмъ почти такого рода соединеніе представляетъ намъ въ художественномъ отношеніи Федонъ. Странно было бы отрицать, что Платонъ принадлежитъ

къ міровымъ геніямъ первой величины, но коренныхъ требованій мысли, основныхъ законовъ творчества не въ силахъ измѣнить никакой геній міра. Двойственность впечатлѣнія, производимая Федономъ, служитъ яснымъ признакомъ того, что онъ въ этомъ отношеніи (въ отношеніи художественномъ) не представляетъ цѣлаго. Въ этомъ отношеніи, повторяю, онъ рѣшительно распадается на двѣ части: съ одной стороны мы читаемъ въ немъ трагедію— въ высочайшей степени поэтическое изображеніе страдальческой кончины одного изъ лучшихъ людей, которыхъ произвела Грецiя, а съ другой — самый отвлеченный и по мѣстамъ до-нельзя отвлеченный философскій трактатъ объ одномъ изъ труднѣйшихъ метафизическихъ вопросовъ. Формулирую сказанное мною объ отношеніи идеи и художественной формы Федона въ слѣдующее положеніе. Федонъ Платона — изслѣдующій вопросъ о сущности и назначеніи человѣческой души — представляетъ собой безусловно-полное и законченное цѣлое, какъ произведеніе философское, (какъ діалогъ догматическій) но какъ произведеніе художественное распадается на двѣ части: на драматическій діалогъ, котораго предметъ — смерть Сократа, и на метафизическій трактатъ о душѣ.

Въ заключеніе представленной мною характеристики Федона, какъ цѣлаго, я коснусь еще одного вопроса, разрѣшеніе котораго не безъинтересно въ настоящемъ случаѣ. Сократъ въ день смерти ведетъ съ друзьями въ темницѣ бесѣду о безсмертіи души. Дѣйствительно ли этотъ разговоръ происходилъ исторически, или же онъ вымышленъ Платономъ? Бишофъ въ сочиненіи о Федонѣ посвящаетъ изслѣдованію этого вопроса отдѣльную главу, и такъ какъ я думаю, что съ нимъ въ настоящемъ случаѣ можно согласиться вполнѣ, то я изложу его взглядъ на этотъ предметъ. Вотъ, что онъ по этому поводу говоритъ. «Историческаго доказательства на то, что Сократъ передъ смертью велъ эти или подобныя бесѣды съ своими друзьями и учениками о безсмертіи души нѣтъ. Тѣмъ не менѣе однакожъ, не только возможно, но въ высочайшей степени вѣроятно, что человѣкъ, который считалъ несообразнымъ съ своимъ достоинствомъ изба-

Я упоминалъ при разныхъ случаяхъ о родственности ученія Федона съ философскими представленіями пиѳагорейцевъ. Считаю необходимымъ, для полнаго охарактеризованія нашего діалога какъ цѣлаго, остановиться еще на этомъ предметѣ, но уже не съ частныхъ сторонъ вопроса, какъ я касался его прежде, а по отношенію къ духу и характеру философской доктрины Федона вообще. Душа по ученію Пиѳагора — самодвижущаяся монада, которая, будучи совершенною по своей природѣ какъ единица, находится въ то же время въ состояніи несовершенства. Это послѣднее образуется ея уклоненіемъ отъ единства т. е. ея природы. Заблужденіе и зло заключаются въ безконечномъ и неопредѣленномъ, а единство представляетъ собой высшее выраженіе истины и совершенства. Всякое совершенство, переходя въ движеніе, переходитъ поэтому въ состояніе несовершенства, и слѣдовательно должно опять потомъ стремиться къ совершенству. Проведемъ параллель между этими общими положеніями пиѳагореизма[16]) и психологической теоріей Федона. Мы видимъ здѣсь, что душа находится въ состояніи вѣчнаго движенія. Она живетъ попеременно то въ небесномъ — ноуменальномъ — мірѣ идей, то въ земномъ — феноменальномъ — мірѣ явленій. Начало совершенства, слѣдовательно, проявляется въ ней тогда, когда она, переходя въ міръ неизмѣнной истины — неизмѣнныхъ, вѣчныхъ, олицетворяющихъ собой верховное единство идей — становится сама неизмѣнною, превращаясь въ полное и безусловное единство въ самой себѣ, въ глубочайшихъ основахъ своей природы. Начало несовершенства проявляется въ душѣ тогда, когда она приходитъ въ движеніе. Ниспадая въ земной міръ, она переходитъ изъ области единства въ область многообразнаго, изъ міра неизмѣннаго — въ міръ вѣчно колеблющихся, измѣняющихся явленій, и слѣдовательно сама нѣкоторымъ образомъ становится въ своей внутренней жизни причастницей многообразія, дѣлается чѣмъ-то многообразнымъ. Затѣмъ лучшіе моменты ея земного бытія — это

[16]) Въ настоящемъ мѣстѣ я привелъ философскія положенія пиѳагореизма, признаваемыя большинствомъ наиболѣе компетентныхъ ученыхъ. Извѣстно, что въ цѣлой исторіи греческой философіи нѣтъ вопроса болѣе темнаго и болѣе запутаннаго какъ философія пиѳагорейцевъ.

тѣ, когда она, отрѣшаясь въ мысленномъ процессѣ своемъ отъ множественнаго и многообразнаго, (— міра явленій) устремляется сама собой, своей всецѣло-единичной природой въ небесную область вѣчно-неизмѣнныхъ, совершеннѣйшихъ единицъ — идей. Въ этихъ психологическихъ представленіяхъ Федона нельзя не признать общности и родственности его теоретическихъ принциповъ съ ученіемъ пиѳагорейцевъ о совершенствѣ единства и несовершенствѣ множества, о совершенствѣ покоя и несовершенствѣ движенія, объ истинѣ въ единствѣ и заблужденіи во множественности. Не смотря на возраженіе нѣкоторыхъ изслѣдователей, которые не хотятъ видѣть въ метемпсихосѣ пиѳагорейскаго догмата, мы имѣемъ весьма твердыя и положительныя указанія на то, что догматъ этотъ въ ученіи пиѳагорейцевъ существовалъ. Утверждая безсмертіе души, какъ одинъ изъ основныхъ принциповъ своей философской системы, Пиѳагоръ принималъ въ душѣ двѣ части — болѣе совершенную и менѣе совершенную, (лучшую и худшую) изъ которыхъ первая по природѣ своей безсмертна, а вторая, послѣ многихъ и долгихъ періодовъ странствованій въ тѣлахъ различныхъ людей и животныхъ, или очищается и достигаетъ нравственнаго совершенства, или погибаетъ. Платонъ очевидно заимствовалъ миѳъ о метемпсихическихъ метаморфозахъ души у Пиѳагора, также какъ этотъ послѣдній — у Египтянъ.[17]. Чтобы не останавливаться на этомъ долѣе, какъ предметѣ, больше или меньше извѣстномъ каждому, кто сколько нибудь знакомъ съ исторіей философіи, скажу коротко, что всѣ другія психологическія положенія Федона больше или меньше отзываются вліяніемъ пиѳагорейской доктрины. Пиѳагорейцы, производивъ душу изъ разлитаго въ мірѣ божественнаго начала, учили, что она временно заключена въ тѣло въ наказаніе за свои прошлыя согрѣшенія. Съ идеей безсмертія души у нихъ неразрывно связывалось ученіе о переселеніи душъ, а съ идеей душепереселенія — представленіе о постепенномъ очищеніи ихъ. То же самое философское ученіе мы находимъ и въ нашемъ діалогѣ. Ученіе о ниспаденіи души въ дольній міръ, о наказа-

---

[17]) Deycks. Plat. de animorum migratione doctrina, Coblenz, 1834, p. 11.

нія за грѣхъ, о переселеніи душъ въ тѣла различныхъ животныхъ, о постепенномъ очищеніи ихъ и совершенствованіи ихъ путемъ этихъ переселеній, наконецъ ученіе о тѣлѣ, какъ о темницѣ души — все это положенія чистаго пиѳагореизма, котораго полнѣйшее отраженіе представляетъ Федонъ. Но еще яснѣе, чѣмъ въ теоретической сторонѣ пиѳагорейскій характеръ доктрины Федона открывается въ нравственно-практическомъ характерѣ его философіи. Установленіе идеи нравственной жизни, указаніе того нравственнаго идеала, къ которому душа должна стремиться для того, чтобы сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ она должна быть по своей природѣ — суть и смыслъ цѣлаго Федона. Всѣ теоретическіе выводы и положенія его направлены — не скажу преимущественно — а исключительно къ нравственнымъ цѣлямъ. Разсматривая вопросъ о душѣ — со стороны ея природы, характера, ея отношенія къ обоимъ мірамъ — идей и явленій, наконецъ, со стороны различныхъ моментовъ и формъ ея бытія, Сократъ не просто старается утвердить въ умахъ слушателей теоретическую идею души, а едва не на каждомъ шагу поставляетъ вопросъ: «какова должна быть цѣль дѣятельности души, чѣмъ она должна быть въ жизни, къ чему она должна стремиться въ мірѣ земномъ, для того чтобы достичь самаго совершеннаго, наилучшаго бытія тогда, когда, разрѣшившись отъ тѣла, она войдетъ въ непосредственное общеніе съ божествомъ и міромъ идей. Сократъ этимъ начинаетъ и этимъ же оканчиваетъ всѣ свои разсужденія о безсмертіи. Съ этой стороны — со стороны нравственно-практическаго характера своего — Федонъ весь проникнутъ духомъ пиѳагореизма. Философское направленіе Пиѳагора, какъ извѣстно, тѣмъ по преимуществу и отличалось отъ другихъ системъ древняго міра, что оно поставляло своею задачею не столько научно-теоретическое развитіе истинъ, сколько нравственное ихъ приложеніе, — практическую сторону жизни. Въ Федонѣ, какъ я уже сказалъ выше, все сводится къ этой цѣли — къ идеѣ истины жизненной, къ идеѣ дѣла, наконецъ къ идеѣ верховнаго блага, котораго душа достигнетъ въ мірѣ другомъ, если разовьетъ и воспитаетъ въ себѣ нравственное начало здѣсь. Какъ послѣднюю цѣль ея кратковременнаго пребыванія «въ тем-

ницѣ тѣла» Сократъ указываетъ ей задачу — трудиться и работать надъ самой собою, для того чтобы она могла еще здѣсь, на землѣ, постепенно возрасти до уровня чистаго, внѣземнаго бытія и сдѣлаться, по окончаніи земной жизни, достойною причастницей, полноправной гражданкой міра небесныхъ идей. Какимъ же путемъ можно достичь такого высокаго совершенства добродѣтели? Сократъ указываетъ на таинства и религіозные обряды, установленные мудрыми для земного очищенія душъ. Нравственное начало Сократа такимъ образомъ опирается на идею практической вѣры: онъ ясно сознаетъ недостаточность собственныхъ силъ и средствъ человѣка для достиженія полнаго духовнаго совершенства. И такъ второй нравственный элементъ Федона — религія. Мы видѣли, до какой степени глубоко проникнута этимъ началомъ вся философія Сократа. Онъ начинаетъ доказательства безсмертія ссылкою на авторитетъ положительной вѣры — миѳомъ о посмертномъ схожденіи душъ въ адъ и періодическомъ возвратѣ ихъ въ міръ; ссылкой на свидѣтельство вѣры и заканчиваетъ свои философскіе доводы (миѳомъ о посмертномъ состояніи душъ.) Между этими двумя миѳами идетъ цѣлый рядъ самыхъ глубокихъ метафизическихъ разсужденій о будущей, посмертной судьбѣ души, но всѣ они примыкаютъ наконецъ, какъ радіусы къ центру — къ свидѣтельству вѣры, потому что Сократъ все этимъ заканчиваетъ. Такимъ образомъ, въ Федонѣ какъ цѣломъ намъ представляется три элемента: философія, мораль и религія; и эти три элемента соединены въ немъ неразрывно въ одно. Вопросъ о сущности, характерѣ и свойствахъ души разрѣшается въ діалогѣ главнымъ образомъ путемъ философскаго изслѣдованія; но онъ изслѣдуется здѣсь не какъ вопросъ только научный, не ради одного теоретическаго интереса истины, а вмѣстѣ съ цѣлію разрѣшенія другого, болѣе близкаго къ намъ вопроса: къ чему должна стремиться въ жизни наша душа, какъ она должна воспитывать себя на землѣ для того, чтобы, возвратившись потомъ на свою родину — небо, явиться въ сонмѣ божествъ тѣмъ, чѣмъ она должна быть по своей божественной природѣ, — достичь идеала совершеннѣйшаго бытія. Но ни то ни другое — ни теоретическое разрѣшеніе во-

проса о душѣ, ни осуществленіе въ жизни идеала совершенной добродѣтели невозможно безъ непосредственнаго участія въ томъ и другомъ случаѣ религіи. Теоретическая философія Федона такимъ образомъ подчинена въ немъ морали, и обѣ вмѣстѣ — и философія и мораль — находятъ свое примиреніе и оправданіе въ авторитетѣ вѣры. Религія, нравственность и философія, говоритъ Бишофъ, [18]) — для Платона одно, такъ что у него нѣтъ одного безъ другого. Но нигдѣ, прибавлю я отъ себя, эти три элемента его философіи не представляютъ такого полнаго, гармоническаго единства, какъ въ нашемъ діалогѣ.

Что же касается до самаго характера нравственныхъ принциповъ Федона и вообще сократовскаго идеала истиннаго философа, то я назову пиѳагорейскую мораль нашего діалога безукоризненно-чистою, безусловно-совершенною — съ точки зрѣнія древняго міра. Жизнь для истины, постоянное стремленіе прилагать идею къ жизни и превращать на каждомъ шагу нравственное убѣжденіе въ нравственный подвигъ, постоянное самоизученіе и самоуглубленіе, презрѣніе ко всему, кромѣ того, что одно безпредѣльно дорого для души — ея вѣчной будущности, наконецъ полное, всецѣлое самоотверженіе передъ лицемъ истины и нравственной идеи — все это какъ нельзя болѣе напоминаетъ нравственныя предписанія и правила Новаго Завѣта. Тѣмъ не менѣе однакожъ, въ томъ практическомъ примѣненіи, которое даетъ этимъ началамъ Сократъ, — высокое совершенство морали Федона получаетъ значеніе только относительное: она удовлетворительна не болѣе, какъ съ точки зрѣнія древняго міра. Если же мы всмотримся въ характеръ ея ближе, то увидимъ, что подъ этою кажущеюся высотою ея идеаловъ скрывается самый глубокій, утонченный эгоизмъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стôитъ только припомнить отвѣтъ Сократа на замѣчаніе Симміаса и Кебеса, что онъ слишкомъ легко покидаетъ и міръ и друзей. «Если бы я не думалъ, друзья мои Симміасъ и Кебесъ, говоритъ Сократъ, что я отойду вопервыхъ къ другимъ богамъ мудрымъ и благимъ, а потôмъ къ умершимъ

[18]) Pl. Ph. S. 368.

людямъ, лучшимъ, чѣмъ живущіе на землѣ, то я былъ бы неправъ, не скорбя при наступленіи смерти». Что вы слышите въ этомъ отвѣтѣ Сократа? Его *я* — эгоистическое желаніе своего личнаго блага. Сократъ безъ сожалѣнія покидаетъ друзей, которымъ онъ могъ бы быть полезенъ, потому, что онъ желаетъ возможно скорѣе достичь путемъ смерти того блаженства, которое недостижимо на землѣ. Такая мораль, повторяю, очевидный эгоизмъ. Человѣкъ новаго времени, воспитанный въ идеяхъ христіанскихъ, никогда не могъ бы отвѣтить такимъ страннымъ и унизительнымъ для себя образомъ своимъ близкимъ: «хотя я знаю, друзья мои, что моя жизнь имѣетъ для васъ значеніе, и я могъ бы еще быть вамъ полезенъ, но такъ какъ я забочусь собственно о себѣ, и всему на свѣтѣ предпочитаю свое личное благо, то я не только безъ сожалѣнія, а съ радостію оставляю васъ, и спѣшу перейти туда, гдѣ мнѣ будетъ лучше.» Божественная религія Христа научила насъ ставить ни во что наше личное благо тамъ, гдѣ оно сталкивается съ благомъ другихъ, и жертвовать собою всецѣло счастію нашихъ ближнихъ. Съ тѣхъ поръ какъ міръ впервые услышалъ слово Вѣчной Истины, — евангельскую заповѣдь: «возлюби ближняго твоего какъ самъ себя» — древній міръ не можетъ уже быть нашимъ руководителемъ въ разрѣшеніи нравственныхъ задачъ, въ практическихъ идеалахъ жизни. Не меньшимъ духомъ эгоизма проникнуто и ученіе Сократа объ отношеніи человѣка къ Божеству. Не распространяясь по этому случаю въ подробностяхъ (такъ какъ это предметъ каждому больше или меньше извѣстный) я укажу только, съ одной стороны, на понятія Сократа о Божествѣ, а съ другой — на общій характеръ его нравственной теологіи. Сократъ, какъ мы видѣли, старается утвердить въ умахъ слушателей вѣру въ Божество. Онъ говоритъ, что «боги — благіе и мудрые владыки людей,» что «люди составляютъ ихъ собственность,» что «боги, наконецъ, имѣютъ о насъ попеченіе.» Идея Божества такимъ образомъ, по ученію Сократа, есть идея мудраго и благаго существа, ко[...] отношеніе къ людямъ — отношеніе любви. Кажется, са[...] гическій и естественный выводъ отсюда тотъ, что че[...]

съ своей стороны, также долженъ любить Божество. Но, у Сократа однако мы не находимъ объ этомъ ни одного слова! А между тѣмъ, выводъ этотъ такъ логически-необходимъ, что безъ него по видимому не было возможности обойтись! Философъ, весь проникнутый убѣжденіемъ въ бытіи мудраго и благаго Божества, обязанъ былъ установить свои отношенія къ нему и объяснить слушателямъ, что человѣкъ долженъ не только чтить, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всей душой любить этотъ идеалъ совершенной мудрости. Наконецъ, я могъ бы по этому случаю замѣтить, что даже одна только любовь къ симметріи и гармоніи, которою такъ вообще дорожилъ древній міръ, должна была подсказать Сократу ту мысль, что если Божество любитъ Сократа, то и Сократъ, съ своей стороны, долженъ любить Божество. Сократъ однакожъ ничего объ этомъ не говоритъ! Какъ безсердечна и холодна эта практическая теологія Федона передъ пламенѣющимъ духомъ любви Новаго Завѣта, поставившаго безграничную, совершенную любовь ко Всеблагому Существу первою и самою святою изъ заповѣдей! Но, если теологическія понятія и мораль Федона не могутъ болѣе удовлетворять насъ, какъ людей новаго времени, воспитавшихся въ безконечно-болѣе возвышенныхъ идеяхъ христіанства, то съ точки зрѣнія чисто-исторической мы должны и въ этомъ отношеніи признать за Платономъ всѣ права на наше глубокое къ нему удивленіе. Разсматриваемое само по себѣ, какъ фактъ древней философіи и жизни, религіозно-нравственное ученіе Федона поражаетъ своею чистотой, и едва ли сколько нибудь основательно можно отрицать то, что строгій, дышащій любовью къ истинѣ, созерцательный и вмѣстѣ подвижническій характеръ морали Федона возвышается неизмѣримо высоко надъ чувственными идеалами древне-греческаго міра.

Въ началѣ главы мы разсматривали вопросъ о философскомъ цѣломъ Федона со стороны его общей, основной идеи. Теперь, я поставлю тотъ же вопросъ съ другой стороны — со стороны его философскаго построенія, связи и взаимнаго отношенія его доказательствъ. Съ художественнымъ строемъ діалога читатель могъ познакомиться изъ предыдущаго, такъ какъ я излагалъ его содержаніе въ той послѣдовательности драматическихъ сценъ

и философскихъ его выводовъ, съ какою она является у самого Платона. Штальбаумъ, давая Федону, какъ я упомянулъ выше, имя трагедіи, проводитъ параллель между художественнымъ построеніемъ діалога и составными частями греческой драмы. Такимъ образомъ, онъ видитъ въ прологѣ его — πρότασιν, (оканчивающійся нравственно-философскими доказательствами безсмертія) въ части собственно-философской (p. 69 E — 107 B.) — ἐπίτασιν съ подраздѣленіемъ его на ἐπεισόδια; наконецъ, третья и послѣдняя часть (до конца) представляетъ ἔξοδον и ἐπίλογον. [19]) Не буду долѣе останавливаться на этомъ, такъ какъ художественную связь и взаимное отношеніе частей цѣлаго діалога читателю очень нетрудно прослѣдить въ нашемъ изслѣдованіи самому. Я остановлюсь на другомъ, болѣе трудномъ и сложномъ вопросѣ — связи и взаимномъ отношеніи разныхъ частей его философскаго отдѣла, и прежде всего приведу по этому вопросу мнѣніе критики. Въ вопросѣ о взаимной связи философскихъ доказательствъ Федона прежде всего обращаетъ на себя вниманіе взглядъ К. Ф. Германна (въ сущности своей согласный съ воззрѣніемъ Штейнгарта.) Германнъ [20]) думаетъ, что различныя философскія доказательства Федона представляютъ собой послѣдовательное развитіе философіи Платона вообще. Совершенно другой взглядъ на отношеніе четырехъ доказательствъ выражаетъ Шмидтъ. [21]) Вотъ, что онъ по этому поводу говоритъ. Средину всей аргументаціи занимаетъ логическое доказательство, заимствованное отъ идей, какъ жизненныхъ корней человѣка; это доказательство окружается съ обѣихъ сторонъ — физическимъ, основаннымъ на понятіи жизни; черезъ оба эти доказательства проходитъ и оба окружаетъ на крайнихъ пунктахъ діалога доказательство нравственное, заимствованное отъ самаго дѣла; и это послѣднее есть не что иное, какъ живая вѣра Сократа въ безсмертіе. Штейнгартъ отчасти примыкаетъ къ Германну, а отчасти — не признавая за выраженіемъ «доказательства» того же значенія — утверждаетъ, согласно съ Шмидтомъ, относительно

---

[19]) Plat. opera omnia vol. I, sect. II éd. 4-a, 31.
[20]) Gesch. und Syst. d. plat. Phil. S. 528—30.
[21]) Бишофъ Pl. Ph. S. 248.

этическихъ разсужденій, какъ онъ ихъ называетъ, — именно относительно первой части и обоихъ миѳовъ, — что они содержатъ въ себѣ основанія, заимствованныя отъ вѣры, (Glaubensgründe) для того, чтобы съ помощію ихъ подтвердить доказательства діалектическія. Целлеръ[22]) признаетъ въ различныхъ доказательствахъ собственно одно, которое постепенно развивается — въ послѣдовательномъ ходѣ отъ непосредственныхъ и аналогическихъ къ научному убѣжденію путемъ анализа.

Я изложилъ мнѣнія критики по вопросу о числѣ и взаимномъ отношеніи философскихъ доказательствъ Федона. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о сравнительной вѣрности вышеизложенныхъ взглядовъ, такъ какъ онъ неоднократно подвергался уже обсужденію, я позволю себѣ предложить читателю мой собственный на этотъ предметъ взглядъ. Проведемъ нить философскихъ доказательствъ діалога сначала въ исторической, а потомъ въ философской части. Мы уже видѣли, что Сократъ, въ самомъ началѣ своей бесѣды, выражаетъ передъ слушателями вѣру въ безсмертіе души, какъ личное, непосредственное свое убѣжденіе. Мы видимъ здѣсь утвержденіе идеи безсмертія на слѣдующихъ основаніяхъ: а) на непосредственномъ убѣжденіи сердца и образѣ дѣйствій философовъ, опредѣляемомъ этимъ убѣжденіемъ; (постоянная мысленная жизнь философовъ въ другомъ мірѣ, съ устраненіемъ всѣхъ заботъ о внѣшнихъ благахъ и выгодахъ жизни земной) b) на характерѣ нашего знанія, крайне-несовершеннаго и недостаточнаго и логически-необходимой потребности признать вслѣдствіе этого дѣйствительность будущаго, отрѣшеннаго отъ тѣла, бытія души, когда ея стремленіе къ совершенному знанію будетъ вполнѣ удовлетворено. (Второй доводъ безсмертія — предположеніе жизни будущей, основанное на характерѣ знанія.) На этихъ чисто непосредственныхъ доказательствахъ безсмертія у Сократа утверждается излагаемое вслѣдъ за тѣмъ нравственное его ученіе — опредѣленіе характера истинной добродѣтели, принадлежащей только философамъ, при чемъ онъ старается убѣдить

[22]) Gr. Phil. II S. 531.

слушателей, чтобы они руководились въ жизни примѣромъ философовъ и принимали ихъ за образецъ, а не жили бы такъ, какъ живутъ не-философы или псевдо-философы. Средство же достиженія совершенства въ добродѣтели — таинства и религіозныя очищенія. Вотъ положенія Сократа во вступительной части діалога. Представляю ихъ еще въ болѣе сжатомъ видѣ.

Дѣйствительность идеи безсмертія утверждается на —

a) убѣжденіи сердца,

b) характерѣ знанія.

Теоретическимъ убѣжденіемъ въ этой истинѣ опредѣляется и обусловливается истинная добродѣтель, а единственный путь къ ней — религія.

Все, что Сократъ сказалъ намъ до сихъ поръ, представляетъ уже въ небольшомъ объемѣ цѣльное разсужденіе по вопросу, о которомъ бесѣдуютъ философы. Онъ представилъ намъ два непосредственныхъ доказательства безсмертія души, (убѣжденіе сердца и характеръ знанія) и сдѣлалъ отсюда практическіе выводы. И такъ этого достаточно для нашего убѣжденія? Нѣтъ; намъ необходимо услышать еще по этому предмету мнѣніе науки, провѣрить все сказанное путемъ философскаго анализа. Слѣдуютъ четыре собственно-философскихъ доказательства. 1) Первое — «крайнихъ противуположностей» — утверждается на миѳѣ, при чемъ періодическое странствованіе душъ, изъ ада въ міръ и изъ міра въ адъ, подтверждается аналогическими примѣрами перехода логически-простыхъ понятій и сущностей изъ одной противуположности въ другую. 2) Второе — психологическое — доказательство подтверждаетъ анализомъ сущности и природы души (бытіемъ въ ней идей) фактъ, содержащійся въ первомъ, а именно показываетъ, что душа человѣка до пришествія своего на землю дѣйствительно существовала въ какомъ-то другомъ мірѣ. 3) Третье доказательство раскрываетъ намъ идею безсмертія души поэтически-философскимъ образомъ. Положивъ въ основу родство души съ невидимыми и неизмѣнными сущностями, (что открывается изъ наблюденія явленій нашей внутренней психической жизни) доказательство утверждаетъ фактъ простоты, и, слѣдовательно, неразрушимости

психическаго начала, такъ какъ все, простое по природѣ, — неразрушимо, въ противуположность сложному, носящему въ самомъ себѣ начало разрушенія. Другое основаніе безсмертія въ томъ же доказательствѣ — самостоятельность ощущаемаго нами внутри насъ самихъ и управляющаго тѣломъ начала, повелительный голосъ души — фактъ, который доказываетъ ея родство съ началомъ божественнаго и слѣдовательно безсмертнаго. 4) Четвертое — космическое — доказательство утверждаетъ научно-философскимъ образомъ бытіе идей, какъ предметныхъ, реальныхъ единицъ, представляющихъ собой творческое начало относительно міра явленій. Идея души — начала однороднаго съ идеями — есть жизнь, которая неразрывно связана съ ея природой; очевидно, слѣдовательно, что душа въ силу этого не можетъ умереть.

Если мы вникнемъ въ основу каждаго изъ этихъ доказательствъ, то увидимъ, что она одна и та же во всѣхъ четырехъ, а именно идея простоты, неизмѣнности и, вслѣдствіе этого, родственности психическаго начала съ началомъ божественнаго. Идея эта полагается въ самомъ началѣ доказательствъ, (въ первомъ) какъ нѣчто уже готовое, опредѣляемое болѣе общей идеей — идеей души, заимствованной изъ миѳа. Въ слѣдующемъ затѣмъ доказательствѣ Платонъ указываетъ на присутствіе въ душѣ простыхъ началъ (идей) — чего-то такого, чего рѣшительно нѣтъ въ окружающемъ насъ бытіи. Очевидно, что и въ этомъ доказательствѣ мы встрѣчаемся съ тѣмъ же понятіемъ простоты психическаго начала, какую мы видѣли въ первомъ. Если душа не опредѣляется пока еще здѣсь сама, въ смыслѣ простой сущности, то намъ показываютъ въ ней носительницу простыхъ сущностей, и слѣд. нѣчто простое по своему внутреннему содержанію. Третье доказательство представляетъ новый моментъ въ развитіи той же идеи — простоты души. Душа постоянно стремится въ мысленномъ созерцаніи своемъ къ простымъ и неизмѣннымъ сущностямъ, становясь сама неизмѣнною, какъ скоро приходитъ въ соприкосновеніе съ ними; ясно, что она есть нѣчто родственное имъ. Понятіе простоты высказано уже такимъ образомъ въ этомъ доказательствѣ какъ научное положеніе, но развитіе этой идеи представляетъ здѣсь еще болѣе поэтически-философскую, нежели научно-философскую форму: про-

стота души еще не доказывается, а указывается только на факты родственности ея съ простыми сущностями. Слѣдующее и послѣднее доказательство утверждаетъ бытіе идей, какъ простыхъ, отъ вѣчности существовавшихъ, неизмѣнныхъ сущностей, и затѣмъ утверждаетъ, также путемъ научнаго анализа, понятіе души, какъ однородной съ идеями, а слѣдовательно по природѣ простой и неизмѣнной сущности. Такимъ образомъ, въ развитіи проходящей чрезъ всѣ четыре доказательства идеи простоты души, первое доказательство представляетъ характеръ религіозно-философскій, второе — научно-философскій; (бытіе идей утверждается въ смыслѣ субъективномъ) третье — поэтически-философскій, и наконецъ четвертое, также какъ и второе — научно-философскій (бытіе идей утверждается въ смыслѣ объективномъ.) Сколько же всѣхъ аналитическихъ доказательствъ безсмертія заключаетъ въ себѣ Федонъ? Отвѣчаю твердо и положительно, согласно съ Целлеромъ, — одно. То, что мы привыкли называть четырьмя доказательствами Федона, представляетъ, собственно говоря, (по справедливому замѣчанію Целлера) не что иное, какъ только разныя ступени, различные моменты въ развитіи одного и того же начала — идеи простоты, неизмѣняемости души. Среди этихъ доказательствъ положительныхъ, основанныхъ на анализѣ сущности психическаго начала, мы видимъ въ Федонѣ рядъ доказательствъ отрицательныхъ — опроверженіе пиѳагорейской теоріи души, какъ гармоніи тѣла. Какое значеніе имѣетъ эта часть разсужденій въ кругу доказательствъ Федона вообще? Она имѣетъ значеніе, какъ мы уже видѣли, прежде всего — полемическое. Для приданія своему изслѣдованію полноты, для обсужденія вопроса со всѣхъ сторонъ, Платону необходимо было подвергнуть критическому разбору одну изъ самыхъ популярныхъ психологическихъ теорій его времени, которая въ ученіи о природѣ души такъ далеко расходилась съ его собственной. Вмѣстѣ съ тѣмъ, эта отрицательная часть разсужденій діалога даетъ намъ также и положительные выводы. Она другимъ способомъ утверждаетъ ту же идею простоты души, которую мы находимъ въ доказательствахъ положительныхъ. Опровергая въ понятіи о душѣ начало простоты условной и зависимой, представляемой гармо-

ніей, она этимъ самымъ утверждаетъ простоту и единичность психическаго начала въ немъ самомъ, внутри его собственной природы, слѣд. не зависящую отъ какого бы то ни было сочетанія. Другой положительный выводъ, который даетъ намъ эта часть разсужденій, — это утвержденіе самостоятельности психическаго начала, руководящагося только своими собственными законами — фактъ, въ которомъ насъ убѣждаютъ наблюденія надъ явленіями нашей внутренней жизни. Философское изслѣдованіе вопроса о безсмертіи кончено. Призналъ ли Платонъ достаточными эти доказательства для утвержденія идеи безсмертія, какъ несомнѣнной, аксіоматической истины? — Нѣтъ: философское изслѣдованіе подобнаго вопроса исключаетъ возможность математически-точнаго результата въ рѣшеніи. И вотъ, какъ подкрѣпленіе и утвержденіе этихъ чисто-научныхъ доказательствъ идеи безсмертія, мы видимъ въ Федонѣ другія доказательства, другой способъ рѣшенія той же задачи — миѳы о будущей жизни. Первый изъ нихъ — метемпсихосъ — даетъ самый общій отвѣтъ на вопросъ о посмертной судьбѣ душъ, преимущественно передъ другими проникшихся въ жизни стремленіями и склонностями тѣлеснаго начала. Точно также миѳъ упоминаетъ въ нѣсколькихъ словахъ и объ участи, ожидающей души людей добродѣтельныхъ, кромѣ философовъ. Второй представляетъ намъ полное рѣшеніе вопроса о будущей жизни всѣхъ вообще душъ — съ посмертнымъ судомъ, отношеніемъ человѣческихъ душъ къ другимъ существамъ — божествамъ и демонамъ, съ различіемъ въ степеняхъ наградъ и наказаній, наконецъ, съ подробнымъ описаніемъ будущихъ жилищъ душъ, — какъ добродѣтельныхъ такъ и порочныхъ. Первый миѳъ, какъ мы уже видѣли, представляетъ болѣе общую, болѣе, такъ сказать, популярную форму вѣрованія древнихъ въ загробную жизнь. Это миѳъ, по характеру своему, — экзотерическій. Второй — отличается болѣе эсотерическимъ характеромъ. Догматы послѣдняго образовались подъ вліяніемъ болѣе очищенныхъ чѣмъ въ первомъ народныхъ вѣрованій, мистерій, ученія философовъ, наконецъ, представленій о загробной жизни, принадлежащихъ лично самому Платону. По положенію и значенію своему въ

діалогѣ первый миѳъ представляетъ обратную сторону, антитезу того, что Платонъ говорилъ передъ этимъ, въ третьемъ доказательствѣ, о характерѣ, котораго достигаетъ наконецъ путемъ долгаго очищенія душа истиннаго философа, и объ ожидающемъ ее посмертномъ блаженствѣ. Второй миѳъ заканчиваетъ собой всѣ доказательства. Это—послѣднее слово, послѣдній аргументъ Платона въ пользу безсмертія души. Но, и послѣ этого, онъ не рѣшается утверждать этой идеи, какъ истины, исключающей даже малѣйшую возможность сомнѣнія. И для него самого, также какъ и для насъ, его читателей, вопросъ о безсмертіи души, послѣ всѣхъ приведенныхъ имъ доказательствъ, остается проблемматическимъ. Послѣдній и окончательный выводъ, который даетъ намъ самъ авторъ Федона относительно продолженія бытія человѣка по смерти и будущей вѣчной жизни души, есть высочайшая, самая большая вѣроятность.

На основаніи сказаннаго мной, я раздѣляю всю группу философскихъ доказательствъ Федона на три категоріи: a) на доказательства непосредственныя (практическія) — въ первой половинѣ исторической части діалога; b) на доказательства собственно-философскія, или аналитическія; c) и на доказательства, опирающіяся на авторитетъ положительной вѣры (оба миѳа.) Послѣднія, строго говоря, также относятся къ доказательствамъ непосредственнымъ (практическимъ); но такъ какъ вѣра, кромѣ внутренняго основанія своего въ самой душѣ, всегда предполагаетъ и начало внѣшнее — авторитетъ преданія, то мы имѣемъ полное право сдѣлать изъ этихъ доказательствъ отдѣльную группу. И такъ философское цѣлое Федона представляетъ намъ слѣдующія основанія безсмертія души:

a) Непосредственное убѣжденіе сердца, — внутренній инстинктъ человѣка, говорящій ему о его безсмертіи.

b) Свидѣтельство науки, утверждающей эту идею съ самою большею вѣроятностію.

c) Свидѣтельство положительной вѣры, утверждающей идею безсмертія, какъ фактъ.

Теоретическая идея души подчиняется въ Федонѣ, какъ мы уже видѣли, нравственной сторонѣ той же идеи. Всѣ фило-

софскія разсужденія его о сущности души направлены къ разрѣшенію одного и того же практическаго, жизненнаго вопроса: къ чему должна стремиться, и какъ должна жить на землѣ наша вѣчная, безсмертная душа, для того чтобы получить, по окончаніи земной жизни, достойный ея природы жребій въ области вѣчнаго, безсмертнаго бытія. Общій характеръ нашего діалога даетъ ему такимъ образомъ значеніе нравственно-философскаго трактата о душѣ. Формулирую сказанное мною о доказательствахъ Федона въ слѣдующее положеніе: «Федонъ, въ четырехъ философскихъ доказательствахъ своихъ, представляетъ развитіе одной и той же идеи—простоты души, какъ неизмѣнной сущности,—идеи, которая, въ діалектическомъ развитіи своемъ, последовательно является намъ подъ формою религіозно-философской, поэтически-философской и научно-философской. Четыре доказательства суть нечто иное, какъ различные моменты одного и того же, основу котораго составляетъ идея души, діаметрально-противуположной по своей природѣ міру видимыхъ явленій. Съ доказательствами чисто-философскими, или аналитическими, находятся въ самой тѣсной связи доказательства непосредственныя, или практическія: и тѣ и другія, находя свою опору въ авторитетѣ положительной вѣры и взаимно между собою переплетаясь, образуютъ неразрывную цѣпь религіозно-нравственно-философскихъ доводовъ безсмертія, соединенныхъ между собою такъ тѣсно, что они рѣшительно представляютъ одно цѣлое».

Въ заключеніе представленнаго мною общаго обзора Федона, я остановлюсь еще на одномъ вопросѣ, разрѣшеніе котораго, въ настоящемъ случаѣ, столько же для насъ важно, сколько и интересно. Какое понятіе даетъ намъ діалогъ о сущности души? Какъ мы должны представлять ее на основаніи Федона: какъ личную, разумную сущность, или же — какъ идею? Вопроса этого не поставить нельзя, такъ какъ въ четвертомъ доказательствѣ Пла-

томъ, повидимому, принимаетъ душу за нѣчто положительно однородное съ идеями, а во второмъ — разсматриваетъ ее исключительно, какъ одинъ огромный резервуаръ идей. Гегель въ своей «исторіи философіи» утверждаетъ, что Платонъ не представлялъ души самостоятельнымъ бытіемъ или сущностью, что онъ не думалъ принимать, въ буквальномъ значеніи слова, ея отдѣльнаго бытія—прежде или послѣ настоящей жизни, и что, вообще, онъ не доходилъ до такого грубаго представленія, (zu dieser Rohheit herabzusinken) чтобы представлять душу существомъ, или поставлять вопросъ относительно продолженія — или постоянства ея бытія въ томъ смыслѣ, какъ мы это представляемъ относительно существа. Гегель думаетъ, что Платонъ принималъ бытіе души, какъ универсальной мысли или идеи, какъ огромнаго аггрегата идей, и въ этомъ смыслѣ приписывалъ ей безсмертіе, такъ что всѣ черты описанія, въ которыхъ онъ изображаетъ ея состояніе, прежде начала земной жизни или послѣ смерти, должны быть понимаемы какъ поэтическія метафоры. Гротъ, приводя изложенное здѣсь мнѣніе Гегеля, замѣчаетъ по этому поводу слѣдующее. Взглядъ Гегеля на этотъ вопросъ заключаетъ въ себѣ много остроумія, и проливаетъ свѣтъ на многія отдѣльныя выраженія Платона, но мнѣ представляется, что Гегель заходитъ слишкомъ уже далеко. И для мысли и для вѣрованій Платона, душа была въ одно и то же время и личной сущностью (particular thing) и началомъ универсальнымъ. Языкъ его позволяетъ намъ понимать подъ этимъ иногда одно, а иногда — другое.» [23]) Бишофъ, разсуждая объ этомъ вопросѣ, говоритъ слѣдующее. «Платонъ въ этомъ случаѣ (въ представленіи души, какъ идеи жизни) опредѣлилъ, съ своей точки зрѣнія, какъ нельзя болѣе ясно, что̀ такое душа. Душа, по Платону, несомнѣнно — реальное бытіе, (ein Ding) а не отвлеченное понятіе или идея; но бытіе такое, которое, въ силу идеи жизни, есть то, что она есть, и для котораго жизнь составляетъ такую

[23]) Не имѣвши подъ рукой исторіи философіи Гегеля въ нѣмецкомъ подлинникѣ, я привелъ изложенный здѣсь его взглядъ по Гроту. Въ этомъ же самомъ мѣстѣ читатель найдетъ и приводимое далѣе сужденіе объ этомъ взглядѣ самого Грота. Plato etc. vol. II, p. 190 fl.

же существенную принадлежность, какъ для огня теплота. Душа, представляя собою отдѣльное бытіе, есть поэтому нѣчто способное подвергаться измѣненію, или представлять противуположныя состоянія, — какъ напр. она можетъ быть доброю и злою,— но въ силу того, что она есть такое бытіе, которому существеннымъ образомъ свойственна жизнь, она отличается отъ всѣхъ другихъ предметовъ, и представляетъ собою нѣчто болѣе, чѣмъ единичное бытіе. Душа есть нѣчто конечное, временное, и въ то же время безконечное, вѣчное, — двойственное по своей природѣ существо, какъ это показываютъ воззрѣнія всѣхъ древнихъ миѳовъ, и религій и философскія крайности матеріализма и спиритуализма. Платонъ признаетъ этотъ двойственный характеръ души, какъ скоро онъ, съ одной стороны, показываетъ ее намъ какъ предметъ, а съ другой — какъ нѣчто отличное отъ всѣхъ предметовъ. Но, она отличается отъ всѣхъ другихъ предметовъ не такимъ образомъ, какъ эти послѣдніе различаются между собою, а тѣмъ, что бытіе, которое принадлежитъ всѣмъ остальнымъ предметамъ какъ нѣчто случайное, ей принадлежитъ какъ существенное, и то, въ чемъ всѣ предметы только посредствующимъ образомъ имѣютъ свою часть — въ ней составляетъ основу, и сущность и элементъ ея бытія. Но здѣсь же равнымъ образомъ заключается и то, что всѣ другіе предметы, въ силу того что они только предметы, не существуютъ дѣйствительнымъ образомъ, а представляютъ бытіе только кажущееся, тогда какъ душѣ принадлежитъ дѣйствительное бытіе.» [24]) И такъ какое же понятіе даетъ намъ Федонъ о душѣ: есть ли это личная сущность, или—идея жизни? Думаю, что если этотъ вопросъ поставить относительно ученія Платона о душѣ вообще— то на него едва ли возможно отвѣтить съ послѣдней, положительной точностью, которая исключала бы въ этомъ случаѣ всякое сомнѣніе; да едва ли совершенная ясность въ представленіи этого предмета существовала для мысли самого Платона. Но поставивши тотъ же вопросъ относительно нашего діалога, какъ самаго полнаго и всесторонняго изслѣдованія Платона о душѣ, мы, думаю, не будемъ далеки отъ истины, если скажемъ, что

---

[24]) Pl. Ph. S. 207.

душа въ Федонѣ является и тѣмъ и другимъ — и личной сущностью и вмѣстѣ идеей, такъ что, въ этомъ послѣднемъ представленіи, она приближается къ понятію универсальной, міровой души. Что Платонъ принимаетъ въ Федонѣ душу за личную сущность — въ этомъ едва ли можно сомнѣваться. На замѣчаніе противъ этого Гегеля, который во всемъ, что Платонъ сообщаетъ намъ о періодахъ жизни души — до воплощенія и посмертномъ — видитъ не больше какъ поэтическія метафоры, я отвѣчу, что мнѣ можно видѣть тамъ, гдѣ это позволяетъ форма, а у Платона въ чисто-философской части его разсужденій нѣтъ даже и подобія миѳической формы. Но еще положительнѣе замѣчаніе Гегеля опровергается тѣмъ, что всѣ теоретическія разсужденія Федона о душѣ направлены, какъ мы уже видѣли, мало сказать— главнымъ образомъ, а рѣшительно и исключительно къ нравственнымъ цѣлямъ. Ясно, что душа у Платона является существомъ, нравственно-отвѣтственной личностью, и какъ скоро нравственные выводы діалога опираются на его теоретическіе принципы, то придавать этимъ послѣднимъ значеніе только поэтическихъ метафоръ — представляется очень страннымъ. Не буду останавливаться на тѣхъ фактахъ, которые утверждаютъ для насъ въ настоящемъ случаѣ понятіе души, какъ личной сущности; читатель имѣетъ передъ собою діалогъ: выводы не трудно сдѣлать самому. Я приведу только нѣкоторые факты, которые даютъ, въ настоящемъ случаѣ, душѣ значеніе чего-то общаго и аналогическаго съ идеями. Мы видѣли въ анализѣ четвертаго доказательства безсмертія, что у Платона превращены въ идеи, въ смыслѣ реальныхъ, предметныхъ единицъ, не только безчисленныя родовыя понятія, но даже отвлеченныя качества и отношенія. Душа, созерцая эти идеи въ періодъ жизни ноуменальной, носитъ ихъ въ то же время въ самой себѣ, внутри своей собственной сущности, какъ мы ясно видѣли это изъ факта припоминанія ею идей, въ періодъ земного ея бытія. Очевидно, слѣдовательно, что душа есть прежде всего огромная коллекція, обширный резервуаръ всевозможныхъ идей, и я думаю, что главнымъ образомъ въ этомъ смыслѣ Платонъ говоритъ о ней, что она есть нѣчто συγγενής съ идеями — нѣчто близкое и родствен-

ное имъ. Мы видѣли далѣе, въ анализѣ того же доказательства, что идеи относительно міра явленій имѣютъ значеніе творящаго, правильнѣе, — образующаго начала, и что каждое явленіе становится тѣмъ, что оно есть, черезъ причащеніе лежащаго въ нашемъ мірѣ земного начала—природы небесной идеи. Нѣчто подобное относительно земного міра представляетъ и душа, одушевляющая въ актѣ воплощенія, по возвращеніи своемъ изъ міра ноуменальнаго, вновь образующееся на землѣ человѣческое тѣло. Но, представляя въ этихъ чертахъ начало близкое и аналогическое съ идеями, она есть въ то же время нравственно-разумная, личная сущность, что ясно доказывается ученіемъ о вмѣняемости ей ея дѣйствій и ея нравственной отвѣтственностью за свою земную жизнь. Такимъ образомъ, душа, въ психологической теоріи Федона, является въ одно и тоже время и бытіемъ личнымъ, — сущностью, весьма близкой къ тому опредѣленію, которое дѣлаемъ ей мы, и вмѣстѣ идеей. Она не есть чистая идея, прежде всего—въ силу своей разумности и нравственныхъ началъ, какъ своего внутренняго содержанія. Она не есть только идея и по характеру своей жизни, потому что, въ то время какъ идеи остаются вѣчно неподвижными и неизмѣнными въ мірѣ ноуменальномъ, душа постоянно вращается между обоими мірами идей и явленій, какъ начало родственное по природѣ своей одному, и періодически увлекаемое силою нравственной необходимости на время въ другой. Въ этихъ чертахъ природы и жизни души—въ ней, вопреки Гегелю, невозможно не признать сущности личной, хотя, впрочемъ, съ особеннымъ, своеобразнымъ характеромъ и такими видоизмѣненіями въ моментахъ ея бытія, которыя рѣшительно не допускаютъ тождественности ея опредѣленія съ нашимъ. Мы видѣли въ ученіи метемпсихоса, что душа, увлекавшаяся при жизни страстями, проникается тѣлеснымъ началомъ до того, что она бываетъ не въ состояніи отдѣлиться при смерти отъ тѣла, безъ тонкой тѣлесной оболочки: въ этомъ представленіи она очевидно теряетъ достоинство своей божественной природы, становясь непохожей ни на свободное отъ всякой формы психическое начало, ни на чистую идею. Метаморфозируясь потомъ въ тѣлахъ различныхъ

животныхъ и насѣкомыхъ, она очевидно сливается въ одно цѣлое съ жизнью природы, становясь элементомъ діаметрально-противуположнаго ея природѣ бытія. Точно также, одна и та же душа въ различные періоды времени одушевляетъ безчисленное множество вновь образуемыхъ человѣческихъ тѣлъ; одна и та же единица-душа даетъ попеременно бытіе въ разные вѣка и тысячилѣтія милліонамъ людей. Въ этихъ психологическихъ представленіяхъ Федона очевидно нельзя не признать не только близости, но положительной родственности психическаго начала съ понятіемъ міровой души, съ универсальнымъ началомъ жизни природы, — по крайней мѣрѣ, въ ея органическихъ явленіяхъ.

Укажу, въ заключеніе всего, на самыя общія стороны ученія Платона о душѣ по другимъ діалогамъ. Думаю, что это сближеніе, дополнивъ то или другое психологическое положеніе Федона какою нибудь новою чертою, представитъ намъ цѣлое его психической теоріи въ болѣе яркомъ свѣтѣ.

a) Душа по Федону какъ нельзя болѣе приближается (*ὁμοιότατον εἶναι*) къ началу божественнаго. Это же самое мы встрѣчаемъ и въ «законахъ»: μετὰ θεοὺς ψυχὴ θειότατον [25]) — «послѣ боговъ по преимуществу божественное начало — душа.» Догматъ Федона, такимъ образомъ, о божественности души дополняется здѣсь новою чертою — признаніемъ ея первенства во всей области бытія, кромѣ божества.

b) Федонъ утверждаетъ безсмертіе души, какъ вѣчно движущагося начала. Точно такое же понятіе о ея безсмертіи находимъ и въ Федрѣ: *ψυχὴ πᾶσα ἀθάνατος; τὸ γὰρ ἀεικίνητον ἀθάνατον* [26]) — «каждая душа безсмертна, потому что все вѣчно движущееся безсмертно.»

c) Мы видѣли въ Федонѣ, что душа по природѣ своей представляетъ начало, какъ нельзя болѣе противуположное тѣлу. «Законы» выражаются объ этомъ слѣдующимъ образомъ: *ψυχὴν σώματος εἶναι τὸ πᾶν διαφέρουσαν, ἐν αὐτῷ τε τῷ βίῳ τὸ παρεχόμενον ἡμῶν ἕκαστον τοῦτ' εἶναι μηδὲν ἀλλ' ἢ τὴν ψυχὴν,*

---

25) Legg. 726 A.

26) Phaedr. 245 C.

τὸ δὲ σῶμα ἰνδαλλόμενον ἡμῶν ἑκάστοις ἕπεσθαι [27]) — «душа совершенно отлична отъ тѣла и то, что каждаго изъ насъ дѣлаетъ тѣмъ, что онъ есть — не что иное, какъ душа; тѣло же, представляющее собой только нашъ образъ, слѣдуетъ за каждымъ изъ насъ.» Здѣсь мы видимъ опять новыя черты, которыми опредѣляется взаимное отношеніе души и тѣла — утвержденіе начала души, какъ дѣйствительнаго бытія и понятіе о тѣлѣ, какъ о призракѣ.

d) Душа, по природѣ своей, стремится къ невидимому и неизмѣнному, и носитъ въ самой себѣ внутреннее ясновидѣніе этого міра. Съ этимъ же свойствомъ ея знакомитъ насъ и Федръ: πᾶσα ἀνθρώπου ψυχὴ φύσει τεθέαται τὰ ὄντα [28]) — «каждая душа по природѣ своей созерцаетъ истинное, дѣйствительное бытіе,» въ силу чего Платонъ въ другомъ мѣстѣ употребляетъ выраженія: τὴν τῆς ψυχῆς ὄψιν [29]) — τὸ τῆς ψυχῆς ὄμμα — [30]) зрѣніе, глаза души.

Этими общими замѣчаніями я оканчиваю обзоръ Федона, какъ цѣлаго. Многія стороны вопроса въ этомъ очеркѣ не затронуты; другія разсмотрѣны не съ той полнотой, какой читатель вправѣ былъ ожидать и требовать. Извиненіе мое въ этомъ случаѣ — крайняя обширность предмета. Каждый вопросъ Федона такъ многосложенъ, что рѣшительно каждый можетъ быть предметомъ отдѣльной монографіи; тѣмъ болѣе обширнаго изслѣдованія требуютъ они, взятые вмѣстѣ. Но, не всегда отъ воли пишущаго зависитъ придать своему сочиненію ту полноту, какую онъ желалъ бы ему дать: часто (если не въ большинствѣ случаевъ) это опредѣляется чисто внѣшними, независящими отъ автора условіями. Само собою разумѣется при этомъ, что многіе недостатки настоящаго изслѣдованія должны быть отнесены уже не ко внѣшнимъ обстоятельствамъ, обусловливающимъ иногда поспѣшность работы, а — лично къ автору. Но если каждый излѣдователь, какъ бы высоко ни

---

[27]) Legg. XII, 959 A.
[28]) Phaedr. 294 E.
[29]) Pol. VII, 519 B.
[30]) Pol. VII, 533 D.

стояло въ наукѣ его имя, всегда и непремѣнно нуждается въ извѣстной долѣ снисхожденія къ извѣстнымъ сторонамъ своего труда, тѣмъ съ большимъ правомъ можетъ разсчитывать на такое снисхожденіе изслѣдователь, печатающій первый ученый свой трудъ. Въ предыдущихъ главахъ моего сочиненія (въ анализѣ доказательствъ) читатель видѣлъ, что я точно держался принятаго мною однажды плана. Читатель находилъ: a) изложеніе доказательства b) сужденія о немъ критики c) мои собственныя замѣчанія относительно доказательства съ указаніемъ основаній, почему я въ извѣстномъ случаѣ не могъ удовлетвориться тѣмъ или другимъ взглядомъ. Въ заключительной главѣ я по необходимости долженъ былъ отступить отъ этого плана, и, оставивъ безъ анализа сужденія критики объ идеѣ Федона, числѣ и взаимномъ отношеніи доказательствъ, изложилъ мой собственный взглядъ на разныя стороны нашего діалога, какъ цѣлаго. Я указалъ выше причины, почему я въ этомъ случаѣ такъ поступилъ, и надѣюсь, что читатель меня оправдаетъ. Позволить себѣ ограничиться общими, бѣглыми замѣчаніями тамъ, гдѣ дѣло идетъ объ оцѣнкѣ взгляда, принадлежащаго корифеямъ науки, было бы недобросовѣстно; между тѣмъ, каждый вопросъ, касающійся Федона какъ цѣлаго, такъ обширенъ, что критическая оцѣнка всѣхъ, высказанныхъ по тому или другому вопросу, относительно его мнѣній, (изложенныхъ въ этой же главѣ,) потребовала бы едва ли не отдѣльнаго тома, — трудъ, который въ настоящее время для меня рѣшительно неосуществимъ. Тѣмъ не менѣе однакожъ, въ оправданіе передъ читателемъ моего взгляда на самый главный и существенный вопросъ, разсматриваемый въ этой главѣ — опредѣленіе идеи Федона, я позволю себѣ сказать нѣсколько словъ о сужденіяхъ по этому вопросу нѣмецкой критики. Читатель видѣлъ, что въ опредѣленіи идеи Федона я рѣшительно разошелся съ другими изслѣдователями. Я думаю, что сужденія нѣмецкой критики по этому вопросу страдаютъ однимъ и тѣмъ же общимъ недостаткомъ: ученые, мнѣнія которыхъ я выше изложилъ, придаютъ основной мысли нашего діалога слишкомъ частный характеръ, и отъ этого опредѣленіе ихъ не охватываетъ всего содержанія

Федона. Между тѣмъ, опредѣленіе идеи научнаго или художественнаго произведенія непремѣнно должно обнимать въ двухъ-трехъ словахъ все его содержаніе, воплощая, такъ сказать, въ одинъ моментъ его цѣлое. Когда мы говоримъ, что идею гётевскаго Фауста составляетъ — стремленіе духа человѣческаго достичь путемъ совершеннаго знанія самаго совершеннаго идеала жизни, то мы выражаемъ въ нѣсколькихъ словахъ все содержаніе Фауста, не исключая ни одного изъ его эпизодовъ, какъ напр. любви Фауста къ Гретхенъ. Теперь, я сопоставлю между собою приведенныя мною выше опредѣленія идеи Федона, представляющія, прямо можно сказать, два крайне-противуположные взгляда на одинъ и тотъ же предметъ. Шлейермахеръ думаетъ, что Платонъ поставилъ въ нашемъ діалогѣ цѣлью показать, что желанія философа состоятъ въ желаніи смерти, (im «Sterbenwollen») въ желаніи сдѣлаться чистымъ духомъ. Если такъ, то я прежде всего предложилъ бы вопросъ: какимъ образомъ подъ это опредѣленіе подойдетъ чисто теоретическая часть Федона, метафизическія стороны изслѣдованія вопроса о душѣ? Ясно, что опредѣленіе, которое даетъ идеѣ нашего діалога Шлейермахеръ, далеко не обнимаетъ собою его содержанія вполнѣ: «опредѣляющее», какъ выражались старинныя логики, (т. е. взглядъ Шлейермахера) оказывается въ этомъ случаѣ очевидно тѣснѣе опредѣляемаго (т. е. совокупности тѣхъ сторонъ, съ которыхъ разсматривается въ Федонѣ вопросъ о душѣ.) К. Ф. Германнъ признаетъ, какъ мы видѣли, настоящимъ результатомъ нашего діалога то положеніе, что душа и жизнь составляютъ одно. Если такъ, то какимъ образомъ согласить съ этимъ опредѣленіемъ нравственно-практическій характеръ Федона, потому что вопросъ о душѣ разсматривается въ немъ не исключительно съ теоретической только стороны. Очевидно, что и опредѣленіе Германна, точно также какъ и опредѣленіе Шлейермахера, не обнимаетъ собою содержанія нашего діалога вполнѣ, потому что чисто практическія стороны его остаются внѣ этого опредѣленія. Если Платонъ, въ заключеніе всѣхъ своихъ теоретическихъ разсужденій о душѣ, опредѣляетъ ее какъ идею жизни, то это положеніе — не что иное, какъ послѣднее.

самое сильное основаніе ея безсмертія, но далеко не идея, или основная мысль цѣлаго діалога, потому что, разсматривая вопросъ, что̀ такое наша душа въ своей сущности, Платонъ ничуть не меньше занимается здѣсь же и другимъ вопросомъ: чѣмъ она должна быть въ земной своей жизни, — что̀ съ нею нужно дѣлать для того, чтобы приготовить ее къ жизни на небѣ, достойной ея небесной природы? Такимъ образомъ, мнѣ рѣшительно представляется, что ни опредѣленіе Шлейермахера, ни опредѣленіе Германна не выражаетъ идеи діалога вполнѣ, хотя, впрочемъ, взглядъ Шлейермахера больше приближается къ истинѣ, нежели Германна. Разрѣшая для себя тотъ же самый вопросъ — объ основной мысли и цѣли Федона — я употребилъ въ моемъ изслѣдованіи чисто практическій пріемъ. Не позволяя себѣ даже подумать о какой бы то ни было предвзятой мысли, какъ бы заманчивой она мнѣ ни представлялась, я превратилъ цѣлое Федона въ тезисы, взявши ихъ внѣ той діалектической формы, какую представляетъ развитіе каждаго изъ частныхъ его положеній. Что̀ далъ мнѣ Федонъ въ сокращеніи всѣхъ теоретическихъ и нравственныхъ принциповъ своего ученія о душѣ, то я и назвалъ его основной мыслью, его идеей. Мы видѣли, что Федонъ изслѣдуетъ вопросъ о душѣ рѣшительно со всѣхъ сторонъ — какъ въ отношеніи научномъ, такъ и жизненномъ, при чемъ эта послѣдняя идея превращена въ немъ, кромѣ всего, въ живой человѣческій образъ, въ дедаловскую статую идеи нравственной жизни — личность умирающаго въ темницѣ спокойною смертію невинно осужденнаго Сократа. Въ силу этого я говорю, что идею Федона составляетъ идея души — въ самой обширной постановкѣ этого вопроса, — какъ со стороны теоретической, такъ и практической. Такимъ образомъ, Федонъ, по моему взгляду, это — полный курсъ психологіи Платона (а не то или другое — теоретическое или нравственное положеніе ея, какъ опредѣляетъ его нѣмецкая критика;) это — всесторонній, всеобъемлющій трактатъ о сущности и назначеніи человѣческой души, который, по принципамъ и общему характеру своему, относится столько же къ области философіи теоретической, сколько и философіи нравственной.

Я прослѣдилъ, больше или меньше подробно, въ девяти главахъ анализа, содержаніе и ходъ нашего діалога, въ послѣдовательномъ развитіи его драматическихъ сценъ и философскихъ выводовъ. Читатель познакомился съ ученіемъ Платона о душѣ по Федону: мы имѣемъ передъ собою теорію и полную исторію души человѣческой, въ разные періоды ея бытія. Мы видѣли, какъ она странствуетъ изъ одного міра въ другой; мы заглядывали внутрь ея самой и познакомились съ ея содержаніемъ — идеями, которыя она въ себѣ носитъ; намъ было указано на ея родство съ безсмертными и вѣчными сущностями, и на ея царственную, повелительную роль въ нашей жизни; намъ опредѣлена, наконецъ, ея сущность, какъ жизненнаго, все одушевляющаго начала. Платонъ показалъ намъ, какъ душа, не сохранившая себя чистою отъ вліянія міра феноменальнаго, метаморфозируется въ тѣлахъ различныхъ животныхъ, нравственно очищаясь и совершенствуясь въ этихъ переселеніяхъ; мы видѣли, какъ она сходитъ въ царство тѣней и подвергается суду; мы спускались въ адъ, гдѣ лежатъ погруженныя навѣки въ грязь души закоренѣлыхъ злодѣевъ; мы познакомились съ разными отдѣленіями тартара, въ которомъ несутъ очистительныя и вмѣстѣ исправительныя наказанія души менѣе преступныя; мы поднимались, наконецъ, въ нагорный, поднебесный рай, гдѣ проводятъ блаженную вѣчность, въ общеніи съ божествомъ и созерцаніи безконечно-прекрасныхъ идей, души истинныхъ философовъ. Платонъ представилъ намъ, такимъ образомъ, въ Федонѣ и то, что̀ такое душа человѣческая есть, и то, чѣмъ она бываетъ иногда, и то, чѣмъ она можетъ, и то, чѣмъ, наконецъ, она должна быть. Въ заключительномъ миѳѣ, представляющемъ описаніе ада, тартара и рая Платонъ нарисовалъ намъ полную картину различнаго рода наказаній душъ осужденныхъ; но жизнь другого рода душъ — блаженство философовъ въ нагорной области рая — для насъ осталось неясно. Платонъ говоритъ намъ въ общихъ выраженіяхъ, что эти души наслаждаются блаженствомъ, но не даетъ намъ нагляднаго изображенія этого блаженства, — картины, какую онъ нарисовалъ, изображая мученія душъ въ тартарѣ. Между тѣмъ, познакомиться съ этимъ предметомъ подробнѣе въ высшей сте-

пени интересно, такъ какъ всѣ разсужденія Сократа о душѣ направлены исключительно къ разрѣшенію одного вопроса — при какихъ условіяхъ и какими путями душа можетъ войти по смерти въ рай? Но, если Федонъ, какъ я сказалъ, не даетъ намъ подробнаго описанія посмертнаго блаженства философовъ, то недостатокъ этотъ восполняетъ другой діалогъ Платона — Федръ. Къ нему теперь мы и обратимся: миѳъ Федра о небесной жизни душъ дополнитъ и дорисуетъ намъ не досказанное Федономъ. Здѣсь же, въ этомъ самомъ миѳѣ, читатель найдетъ и новыя черты, новыя подробности, относящіяся къ земному воплощенію душъ. Платонъ, какъ мы видѣли, отказывается опредѣлить сущность и природу души: онъ прямо говоритъ, что опредѣленіе это доступно уму божественному, а не человѣческому. Но, если онъ не имѣетъ возможности ее опредѣлить, то онъ можетъ представить намъ ее эмблематически, нарисовать картину ея, указать — на что̀ она похожа. Такую картину души и рисуетъ намъ миѳъ Федра. Привожу его вполнѣ.

«Мы можемъ уподобить ее (душу) соединенной силѣ крылатой колесницы и возничаго. Кони и возничіе боговъ всѣ вообще хороши, и хорошей породы; у другихъ — только отчасти. Вопервыхъ, у людей возничій управляетъ парою; а между тѣмъ, изъ коней одинъ — добрый, хорошій конь и хорошей породы, а другой — другой породы и непохожъ на перваго. Поэтому работа нашего возничаго, естественно, трудна и безпокойна. И такъ, нужно попытаться объяснить, почему одни изъ живыхъ существъ названы смертными, а другія безсмертными. Каждая душа занята попеченіемъ обо всемъ неодушевленномъ, и всѣ души, подъ разными формами, странствуютъ въ небесномъ пространствѣ. Душа совершенная и окрыленная паритъ на высотахъ воздушнаго пространства, и управляетъ всѣмъ міромъ; а та, которая лишилась крыльевъ, спускается внизъ, пока встрѣтитъ что нибудь твердое, гдѣ и поселяется, получая въ удѣлъ земное тѣло; тѣло это представляется самодвижущимся, благодаря силѣ, сообщаемой ему душой; и это-то цѣлое — соединеніе души и тѣла — называютъ животнымъ, усвояя тому и другому имя смертнаго. Что же касается до «безсмертнаго», то

[illegible] — [illegible] Божества [illegible] божественное [illegible] Бога [illegible] свойство [illegible] божественное [illegible] превосходству [illegible] точно [illegible] [illegible] Зевсъ [illegible] первый совершаетъ [illegible] слѣдуетъ войско боговъ и духовъ [illegible] потому что [illegible] въ жилищѣ боговъ. Всѣ же другіе верховные боги [illegible] въ числѣ двѣнадцати, слѣдуютъ впереди того войска, которымъ каждый поставленъ. Разнообразны и [illegible] зрѣлища, представляющіяся тогда въ пространствѣ [illegible] блаженному сонму боговъ, во время ихъ [illegible] — [illegible] то время, когда каждый отправляетъ свои божескія [illegible] Имъ сопутствуетъ каждый, кто хочетъ и можетъ, [illegible] зависть чужда божественному хору. Отправляясь, вслѣдъ за тѣмъ къ трапезѣ и пиршеству, они поднимаются на самую [illegible] поднебеснаго пространства. Ровно управляемыя колесницы [illegible] восходятъ туда легко, другія — съ трудомъ. Конь дурной [illegible] оказывается тогда слабъ, склоняется и тянетъ къ землѣ, [illegible] который нибудь изъ нихъ окажется дурно воспитанъ возничимъ. Душѣ, вслѣдствіе этого, предстоитъ трудъ и величайшая борьба. Души, называемыя безсмертными, достигнувъ поднебесной вершины, проникаютъ за нее, и помѣщаются на выпуклой сторонѣ небеснаго свода. Когда онѣ стоятъ тамъ — круговратное движеніе кружитъ ихъ кругомъ небесъ, и онѣ созерцаютъ все занебесное.

Ни одинъ изъ нашихъ поэтовъ не воспѣвалъ, и не съумѣлъ ы достойнымъ образомъ воспѣть этого наднебеснаго простран- гва. Но вотъ оно каково, — потому что надобно смѣло говорить .стину, особенно тому, кто разсуждаетъ объ истинѣ. Это — бласть настоящаго бытія, — безъ цвѣта, безъ образа, бытія не- сязаемаго, видимаго только уму, возничему души. Это — та об- асть, гдѣ вокругъ истиннаго бытія покоится истинное знаніе. Iысль боговъ, которая питается этимъ проникновеніемъ въ ис- ину и чистымъ, безпримѣснымъ знаніемъ, точно также какъ и :аждая другая душа, получившая въ удѣлъ ей принадлежащее, :юбитъ отдаваться, время отъ времени, созерцапію этого истин- іаго бытія, и питается этимъ, и находитъ свое блаженство въ ›томъ созерцаніи истины, — пока новый оборотъ неба не приве- ęетъ ее на то же самое мѣсто. Въ этомъ круговомъ оборотѣ, ɩуша созерцаетъ самую справедливость, самую мудрость, самое знаніе, — не то знаніе, которому свойственно зарожденіе, и ко- горое бываетъ различно въ различныхъ предметахъ, называе- мыхъ нами теперь дѣйствительнымъ бытіемъ, но знаніе, имѣющее предметомъ — бытіе въ самомъ себѣ. Окончивъ точно такимъ же образомъ обзоръ всего другого, что представляетъ дѣйствитель- ное бытіе, и насытившись этимъ созерцаніемъ, душа возвра- щается опять въ поднебесную область и входитъ въ свой чер- тогъ. И какъ скоро она возвратится, возница, поставивъ въ стойло лошадей, разсыпаетъ передъ ними амброзію и поитъ ихъ нектаромъ.

Такова жизнь боговъ. Изъ другихъ же душъ — та, которая наилучшимъ образомъ слѣдуетъ за божествомъ, и которая упо- добилась ему, приподнимаетъ голову своего возничаго за не- бесный сводъ, и уносится общимъ круговращеніемъ; тѣмъ не менѣе однакожъ, затрудняемая своими лошадьми, она едва въ состояніи созерцать истинное. Другая душа то поднимается за небесный сводъ, то опускается, и можетъ, какъ скоро ея кони рванутся вверхъ, видѣть только извѣстныя сущности, а дру- гихъ — не видитъ. Остальныя же души слѣдуютъ вдали, горя желаніемъ увидѣть наднебесныя области, но не могутъ ихъ до- стичь; всѣ онѣ, оставаясь внѣ занебеснаго, уносятся круговра-

щепіемъ внизъ, при чемъ одна душа толкаетъ другую, и одна на другую падаетъ, вслѣдствіе того, что одна другую старается предупредить. Начинается шумъ, борьба, величайшее напряженіе силъ; при этомъ многія души, по неискусству возничихъ, искалѣчиваются; многія другія теряютъ много перьевъ; и всѣ вообще, послѣ величайшихъ усилій, отходятъ не посвященными въ таинства бытія, а удалившись, начинаютъ питаться, какъ своею пищею, только вѣроятнымъ. Причина, по которой души стремятся увидѣть поле истины, состоитъ въ томъ, что на лежащемъ тамъ лугу находится лучшая пища для лучшей части души, и природа крыльевъ, съ помощію которой паритъ душа, питается ею. Законъ Адрастеи таковъ. [31]) Какъ скоро какая нибудь душа увидитъ что нибудь изъ того, что представляетъ собою истину, — она остается невредимою до слѣдующаго оборота, и если бы она могла это дѣлать постоянно, она никогда не испытала бы зла. Но если душа, будучи не въ силахъ сопутствовать Божеству, не видѣла сущностей, или подверглась такого рода несчастію, что напиталась забвеніемъ и пороками, то она становится тяжелою, а отяжелѣвъ, теряетъ крылья и падаетъ на землю. Законъ предписываетъ не поселять ее тогда, съ перваго ея рожденія, въ тѣлѣ животнаго. Душа, которая видѣла болѣе другихъ, одушевляетъ зародышъ тѣла будущаго философа, любителя прекраснаго, музыкальнаго артиста, или чтителя эроса (поклонника любви). Душу, видѣвшую менѣе и занимающую второе мѣсто, законъ поселяетъ въ тѣлѣ правосуднаго царя, или воина, или правителя; третью заключаетъ въ тѣло государственнаго человѣка, домохозяина (эконома) или промышленника; четвертую вводитъ въ зародышъ трудолюбиваго атлета, или врача; пятую — въ того, который будетъ прорицателемъ, или посвященнымъ въ таинства; шестая душа соединится съ тѣломъ поэта, или артиста; для седьмой назначается ремесленникъ, или земледѣлецъ; для восьмой — софистъ, или демагогъ; для девятой — тираннъ. Изъ всѣхъ этихъ душъ та, которая будетъ

[31]) Ἀδράστεια — символическое олицетвореніе закона необходимости, то, чего нельзя избѣжать (ἀ — δρᾶναι).

руководиться въ жизни справедливостью, наслѣдуетъ по смерти лучшій жребій, а душа несправедливая — худшій. Но туда, откуда каждая душа вышла, — ни одна не возвращается раньше десяти тысячъ лѣтъ, потому что ни у одной изъ нихъ не вырастаютъ крылья раньше этого срока, за исключеніемъ только тѣхъ душъ, которыя съ дѣтской простотой сердца искали истины, или философски любили юношество. Эти послѣднія, въ третій оборотъ тысячилѣтія, если онѣ три раза сряду избирали тотъ же родъ жизни, возвращаютъ этимъ способомъ свои крылья, и въ трехтысячный годъ улетаютъ. Всѣ же прочія души, по окончаніи первой своей жизни, подвергаются суду, а послѣ суда — однѣ сходятъ въ подземныя, опредѣленныя для наказаній мѣста, гдѣ и несутъ наказанія, а другія, по опредѣленію того же суда, воспаривъ въ ту или другую небесную область, проводятъ тамъ жизнь, сообразную съ заслугами жизни своей въ человѣческомъ образѣ. По окончаніи тысячи лѣтъ, онѣ прилетаютъ опять, для избранія себѣ по жребію второй жизни, при чемъ каждая избираетъ тотъ жребій, какой сама пожелаетъ. Душа человѣческая можетъ перейти тогда въ тѣло животнаго, или другая изъ животнаго — перейти опять въ человѣка, если эта послѣдняя когда нибудь прежде составляла собой человѣка, потому что та, которая никогда не видала истины, не можетъ принять человѣческаго образа. Человѣкъ долженъ понимать родъ, то есть разнообразіе, воспринимаемое нами посредствомъ чувствъ, которое можетъ быть обнято въ мысли, какъ одно цѣлое. Знаніе же это есть не что иное, какъ припоминаніе душою того, что она созерцала нѣкогда, совершая небесныя странствованія свои вслѣдъ за божествомъ, когда она, презирая называемое нами теперь бытіемъ, возвышалась до созерцанія того, что̀ представляетъ собою истинное бытіе. Въ силу этого, по справедливости, окрыляется мысль одного философа; потому что мысль его постоянно — насколько это возможно — живетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, созерцаніе чего дѣлаетъ Бога божественнымъ существомъ. Человѣкъ, пользуясь какъ должно этими воспоминаніями, освящается черезъ это самыми совершенными таинствами, — и одинъ философъ становится истинно совершеннымъ. Возвышаясь

[illegible] [illegible] [illegible] [illegible] и [illegible] [illegible] въ [illegible]. [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. **)

Не могу болѣе [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] Федона, [illegible] указанiемъ на [illegible] его [illegible] теорiи. [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] съ [illegible] Платона. Иногда [illegible] ее [illegible] [illegible] [illegible] уже [illegible] [illegible] въ [illegible] философскихъ, и представляютъ не [illegible] какъ историческiй фактъ. [illegible] [illegible] [illegible] съ [illegible] и [illegible] [illegible]. [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] для [illegible] [illegible] значенiе. За то многiе другiе не только [illegible] удаляютъ его въ настоящее время, но не понимаютъ и не [illegible] понимать его никогда. Чтобы [illegible] [illegible] образъ [illegible] значенiе [illegible] теорiи Федона, довольно указать [illegible] [illegible] ученiе его объ идеяхъ (въ смыслѣ субъективномъ.) Для насъ это ученiе, конечно, вещь весьма простая. Но, если мы подвергнемъ его оцѣнкѣ съ исторической точки зрѣнiя, и перенесемся болѣе чѣмъ за двѣ тысячи лѣтъ назадъ, — въ ту эпоху, когда человѣческая мысль только что начинала знакомиться съ прiемами научнаго анализа, когда iонiйцы, задававшiе вопросы о душѣ, представляли ее то влагой, то воздухомъ, то огнемъ, — если мы примемъ все это во вниманiе, то не можемъ не благоговѣть передъ величiемъ генiя Платона, который впервые открываетъ въ душѣ присутствiе общихъ началъ, не существующихъ въ окружающемъ ее бытiи — присутствiе въ ней чистыхъ идей. Открывши этотъ фактъ, Платонъ объявляетъ нашу душу вѣчной, безсмертной сущностью. Правда, что ученiе объ идеяхъ облечено у него отчасти въ миѳическую форму, и теорiя предсуществованiя оказывается несостоятельной передъ судомъ критики нашего времени; но, если форма, подъ которой у Платона является эта теорiя, потеряла для насъ свое значенiе, то самая теорiя идей представляетъ фактъ первостепенной, безусловной важности. Кому не извѣстно, какую огромную ро[illegible]

**) Phaedr. 246 A — 249 D.

траетъ ученіе объ идеяхъ въ философіи новаго времени, — и ю величайшее завоеваніе ея сдѣлано Платономъ! Далѣе. Мы идѣли, что онъ первый опредѣлилъ въ Федонѣ понятіе уши, какъ простой сущности. Правда, что опредѣленіе это не редставляетъ у него научнаго характера, и скорѣе можетъ ыть названо поэтически-образнымъ, нежели научно-философскимъ;) довольно уже и того одного, что Платонъ первый высказалъ идею, представляющую едва ли не основу всего ученія эвой философіи о безсмертіи души. Далѣе. Давши намъ поятіе о простотѣ души образнымъ, описательнымъ образомъ, Платонъ въ томъ же Федонѣ дѣлаетъ намекъ на простоту самой рироды ея, простоту психическаго начала въ немъ самомъ, въ его сновѣ. Онъ говоритъ, что существо души во всѣхъ людяхъ динаково. Въ этомъ положеніи Федона содержится уже въ зародышѣ будущее кантовское доказательство безсмертія, основанное на понятіи единства и неразлагаемости нашего сознанія. Эпровержение понятія о душѣ, какъ о гармоніи, даетъ намъ новую точку опоры въ разрѣшеніи вопроса относительно самостоятельности психическаго начала, представляя положенія такого рода, что вся послѣдующая философія не могла сказать по этому вопросу ничего новаго противъ того, что сказано Платономъ. Эбращаясь затѣмъ къ нравственной сторонѣ Федона, мы встрѣчаемъ здѣсь ученіе, которое чистотою началъ и своихъ практическихъ идеаловъ не только рѣшительно возвышается надъ общимъ уровнемъ міровоззрѣнія древнихъ, но какъ будто бы предсказываетъ будущее христіанство. Когда Сократъ говоритъ о крайне несправедливыхъ къ нему аѳинянахъ такимъ тономъ, какъ будто бы дѣло шло о самыхъ искреннихъ и близкихъ къ нему его друзьяхъ, то мы, кажется, слышимъ въ этомъ тонѣ его то божественное слово, которое міръ услышалъ только черезъ три съ половиной столѣтія послѣ Платона: «любите враги ваша, благословите клевущія вы.» [33].) А отреченіе сократовскаго философа отъ всѣхъ выгодъ и благъ жизни земной, въ пользу одного завѣтнаго идеала — безпрепятственнаго и болѣе совершен-

[33]) Матѳ., V, 44.

наго приготовленія себя къ жизни небесной, и совѣтъ Сократа друзьямъ — живя тѣломъ на землѣ постоянно жить мыслями и желаніями на небѣ — все это какъ нельзя болѣе напоминаетъ намъ евангельскія правила: «не любите міра, ни, яже въ мірѣ» [34]) и «горняя мудрствуйте». [35]) Наконецъ, для полной и совершенной оцѣнки ученія Платона о душѣ, и въ частности ученія Федона, необходимо имѣть въ виду то, что Платонъ первый высказалъ и развилъ научнымъ образомъ идею безсмертія души. Только въ его ученіи великая идея получила впервые форму научнаго изслѣдованія, и поступила въ разрядъ тѣхъ первостепенныхъ жизненныхъ вопросовъ, которые никогда не перестанутъ занимать человѣческой мысли. До какой степени заслуга Платона въ этомъ отношеніи велика — лучшимъ отвѣтомъ на это служитъ христіанство и вся философія послѣдующаго времени.

---

[34]) I Іоан. II, 15.
[35]) Кол. III, 2.

ОПЕЧАТКИ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Стран.		*Строка.*	*Напечатано.*	*Должно читать.*
VIII	—	11 сверху	L. A.	Lexicon platonicum Astii.
18	—	8 сверху	представленіи, уничтожается.	представленіи уничтожается.
21	—	7 сверху	ученикоъ	учениковъ.
23	—	3 снизу	Ксантипу	Ксантиппу.
35	—	7 снизу	Эхектратъ	Эхекратъ.
45	—	11 снизу	неочищенныхъ говоритъ	неочищенныхъ, говоритъ.
47	—	13 сверху	въ живыхъ;	въ живыхъ!
47	—	2 снизу въ прим.	Odys. IX	Odys. XI.
50	—	17 сверху	очевидно	очевидно,
51	—	13 снизу	россійскаго,» былъ	россійскаго» былъ.
67	—	8 снизу	въ себѣ самомъ	въ себѣ самой.
78	—	3 снизу въ примѣч.	Экиблада	Экеблада.
87	—	3 сверху	безмертія	безсмертія.
87	—	2 снизу	замѣченіе	замѣчаніе.
137	—	5 снизу	способности	способности,
141	—	10 снизу	не могда	не могла
143	—	7 сверху	матерія	матерія.
147	—	10 снизу въ примѣч.	De ideis Platonis	De ideis Platonis disputatio.
169	—	2 сверху	εὑρεῖν	εὑρεῖν
170	—	15 снизу	гово- Сократу	говоритъ. Сократу
176	—	3 снизу въ примѣч.	omnia, ед. 4	omnia, ed. 4-a.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

4	—	1 сверху	потчи	почти.

22	— 1 сверху	и соединеніемъ, и со всѣми другими и пр.	и соединеніемъ, охлажденіемъ и нагрѣваніемъ и со всѣми другими и пр.
75	— 11 сверху	не выйдетъ	не войдетъ
84	— 1 снизу	днѣ болѣе и пр.	однѣ болѣе и пр.
86	— 8 сверху	и протяженію а другіе	и протяженію, а другіе.
107	— 19 сверху	Symp. B.	Symp. 220 B.
111	— 15 снизу	Selbstbeherrchung.	Selbstbeherrschung.
142	— 11 сверху	τελευτᾶν	τελευτᾷν.

III. Приложеніе.

Матеріалы для исторіи народнаго продовольствія въ Россіи.

I.

Коммиссія 1768 года объ устройствѣ государственныхъ хлѣбныхъ запасныхъ магазиновъ для продовольствія народа.

Предлагаемая статья заключаетъ въ себѣ часть матеріаловъ, собранныхъ авторомъ во время его ученой командировки въ Москву и въ Петербургъ для занятій въ тамошнихъ библіотекахъ и архивахъ. Печатаемые матеріалы, заимствованные изъ московскаго архива министерства юстиціи, относятся къ исторіи вопроса объ устройствѣ государственныхъ хлѣбныхъ магазиновъ для продовольствія народа.

Не говоря о практическомъ интересѣ печатаемыхъ документовъ для настоящаго времени, которое такъ занято вопросомъ о народномъ продовольствіи, нельзя не придавать имъ и теоритической важности. Они знакомятъ насъ съ тою стороной царствованія Императрицы Екатерины II, которая мало затронута въ русской литературѣ, а именно, съ русской администраціей того времени. Всѣмъ болѣе или менѣе знакомы знаменитые законодательные акты, изданные въ царствованіе Екатерины Великой, какъ напримѣръ, дворянская грамота, городовое положеніе, учрежденіе о губерніяхъ и т. д. Но немногіе знакомы съ административною дѣятельностію въ эту славную эпоху русской исторіи. А между тѣмъ можно сказать, что съ царствованія Екатерины II ведетъ свое начало русская администрація въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Царствованіе Императрицы Екатерины Великой, ознаменованное многими законодательными актами пер-

востепенной важности, отличается также живою, кипучею административною дѣятельностію. Кромѣ всѣмъ извѣстной законодательной коммиссіи для составленія проекта новаго уложенія съ ея спеціальными отдѣлами, въ царствованіе Императрицы Екатерины II учреждалось нѣсколько правительственныхъ коммиссій для обсужденія разныхъ мѣропріятій по административной части. Къ числу такихъ коммиссій относится и коммиссія 1763 года объ учрежденіи государственныхъ запасныхъ магазиновъ для продовольствія народа, исторія возникновенія и дѣятельности которой и составляетъ содержаніе настоящей статьи. Незнакомство наше съ административною дѣятельностію въ царствованіе Екатерины II обусловливается главнымъ образомъ тѣмъ обстоятельствомъ, что большая часть документовъ сюда относящихся, еще не обнародованы и хранятся въ нашихъ архивахъ. Въ этомъ отношеніи въ особенности обращаетъ на себя вниманіе московскій архивъ министерства юстиціи, въ которомъ хранится масса драгоцѣнныхъ матеріаловъ для исторіи русскаго административнаго права въ XVIII столѣтіи. Можно безъ преувеличенія сказать, что значительная часть документовъ, печатаемыхъ въ разныхъ историческихъ изданіяхъ, какъ относящихся преимущественно къ политической и литературной исторіи Россіи, представляютъ несравненно меньшій интересъ, наименьшую важность сравнительно съ тѣми документами, которые хранятся въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи, какъ относящимися главнымъ образомъ къ исторіи русской администраціи, находившейся въ постоянныхъ непосредственныхъ сношеніяхъ съ русскимъ обществомъ, съ русскимъ народомъ. Вообще можно сказать, что исторія внутренней администраціи находится въ неразрывной, тѣсной связи съ внутреннею, соціальною, бытовою исторіей народа. Но, несмотря на всю важность этихъ матеріаловъ, хранящихся въ архивѣ министерства юстиціи, они остаются до сихъ поръ необнародованными и необработанными. Въ надеждѣ и съ цѣлію обратить вниманіе на эти драгоцѣнные матеріалы и вызвать дѣятелей, которые бы взялись энергически за ихъ обнародованіе и обработку, авторъ и печатаетъ нижеслѣдующую статью.

Мысль объ учрежденіи въ Россіи хлѣбныхъ запасныхъ магазиновъ для продовольствія народа впервые возникла въ царствованіе Петра Великаго. Въ 1724 г. января 20 данъ былъ сенату указъ, писанный рукой самаго Императора, которымъ повелѣно: «учинить экономіи генеральнаго, котораго должность первая надъ хлѣбомъ, чтобы вездѣ запасный былъ, дабы въ неурожайные годы народъ голоду не терпѣлъ; сію должность взять изъ иностранныхъ уставовъ, и къ тому свое прибавить и предложить» (п. с. з. № 4420). Но указъ этотъ, подобно многимъ другимъ петровскимъ указамъ, остался на бумагѣ и не былъ приведенъ въ исполненіе. Да и самъ Петръ I ни мало не заботился объ его исполненіи. Дѣятельность Императора главнымъ образомъ была обращена на обезпеченіе продовольствія войска, а не народа. При немъ и при ближайшихъ его преемникахъ учреждены были запасные провіантскіе магазины для войска, изъ которыхъ иногда, въ случаѣ крайней нужды, выдавались пособія и неимущимъ обывателямъ. Обыкновеннымъ же средствомъ къ пресѣченію голода въ царствованіе Петра I и его ближайшихъ преемниковъ служили слѣдующія мѣры: описываніе и отобраніе хлѣба у помѣщиковъ и крестьянъ для раздачи голодающимъ заимообразно, а также описываніе хлѣба у промышленниковъ и купцовъ и принужденіе ихъ къ продажѣ хлѣба по назначенной цѣнѣ. Обыкновенно эти мѣры приводились въ исполненіе подъ страхомъ жестокаго истязанія, вѣчнаго разоренія и даже смертной казни въ случаѣ утайки (см. п. с. з. №№ 4618, 6569, 9590, 9668, 9709, 10299).

Запасные провіантскіе магазины для продовольствія войска въ большихъ размѣрахъ существовали только до 1732 года, т. е. до времени соединенія провіантскаго управленія съ кригсъ-коммиссаріатомъ, а впослѣдствіи они и совсѣмъ не наполнялись. Отсутствіе хлѣбныхъ запасовъ для продовольствія войска на случай дороговизны было крайне убыточно для казны, такъ какъ подрядчики, пользуясь этою дороговизной, часто ставили въ казну провіантъ за дорогую цѣну. Поэтому въ царствованіе Елизаветы Петровны снова былъ поднятъ вопросъ объ устройствѣ хлѣбныхъ запасныхъ магазиновъ въ Россіи преимущественно

для продовольствія войска, но которые бы въ случаѣ нужды могли служить и пособіемъ для народа.

Въ 1743 году 24 марта дѣйствительный тайный совѣтникъ, генералъ-прокуроръ и кавалеръ князь Никита Юрьевичъ Трубецкой внесъ въ сенатъ предложеніе слѣдующаго содержанія: «Сверхъ того, что на повсягодные расходы для войскъ Ея Императорскаго Величества провіанту всегда надобно, запасные магазины содержать въ такомъ числѣ, какъ отъ Его Величества (Петра I) положено и до 1732 г. содержано было, а сверхъ того и по вышеозначенному Его же Величества Высочайшему указу (1724 г. января 20) и экономіи генеральнаго и къ нему помощниковъ опредѣлить, выбравъ способныхъ и надежныхъ къ тому людей и особливыя на то суммы положить, дабы тѣмъ не токмо такихъ возвышаемыхъ отъ подрядчиковъ цѣнъ миновать, но имѣя закупленный въ удобное время хлѣбъ въ магазинахъ готовый, въ случаѣ гдѣ либо недорода раздавать, а когда въ ономъ нужды состоять не будетъ и въ заморскій отпускъ отпускать; отъ сего не токмо такіе происходимые непорядки и передачи пресѣчься могутъ, но интересу Ея Императорскаго Величества не малое прирощеніе воспослѣдуетъ.» На основаніи этого предложенія правительствующій сенатъ того же 24-го марта 1743 года приказалъ: «для учрежденія запасныхъ магазиновъ о тѣхъ городахъ, гдѣ хлѣбъ болѣе родится, яко то въ Орлѣ и въ прочихъ тому подобныхъ мѣстахъ, откуда къ С.Петербургу и въ Москвѣ также и къ другимъ пограничнымъ городамъ водяная коммуникація имѣется, также и о пограничныхъ мѣстахъ и гдѣ напредъ сего запасные магазейны учреждены были, учиня росписаніе, предложить къ разсужденію правительствующаго сената немедленно.» Но это опредѣленіе сената не было исполнено и участь этого новаго предложенія князя Трубецкаго была такая же, какъ и участь другихъ его предложеній: оно осталось на бумагѣ безъ всякаго осуществленія на практикѣ.

Между тѣмъ потребность въ устройствѣ запасныхъ магазиновъ, по прежнему, сознавалась правительствомъ. Въ 1754 году сенаторъ генералъ-фельдмаршалъ и кавалеръ графъ Петръ Ивановичъ Шуваловъ представилъ правительствующему сенату под-

робный проектъ объ устройствѣ провіантскаго управленія въ Россіи. Проектъ графа Шувалова раздѣляется на нѣсколько частей, составляющихъ какъ бы отдѣльные проекты (прожекты, какъ тогда выражались).

Въ 1-й части своего проекта, озаглавленной такъ: о учрежденіи для арміи магазейновъ и о прочемъ касающемся до полковъ въ содержаніи ихъ провіантомъ и фуражемъ, графъ Шуваловъ разсуждаетъ о необходимости устройства въ Россіи трояваго рода хлѣбныхъ запасныхъ магазиновъ: полковыхъ, капитальныхъ и портовыхъ. «По всѣмъ видимымъ обстоятельствамъ, говоритъ онъ, для удовольствія полковъ и общенародной пользы нужда совершенная требуетъ порядочное основаніе учинить въ учрежденіи тройныхъ магазейновъ: первые для удовольствія полковъ, другіе капитальные для балансу въ цѣнѣ на хлѣбъ внутри государства, третьи при портахъ, дабы всегда при случаѣ всякой надобности, а наипаче, (отъ чего Боже сохрани) ежели въ. нѣкоторыхъ мѣстахъ недородъ послѣдуетъ, чтобы имѣть надежный рессурсъ отъ запасныхъ магазейновъ и содержать цѣну хлѣба въ равновѣсіи по состоянію времени; ибо безсумнительно всякому какое изобиліе благословеніемъ Божіемъ во многихъ мѣстахъ Россійскаго государства родится хлѣба и какою дешевою цѣною по множеству онаго бѣдные земледѣльцы принуждены продавать на платежъ государственныхъ податей, такъ что напослѣдокъ едва сами нужное пропитаніе имѣютъ, когдажъ посѣщеніемъ Божіимъ, хотя въ одинъ годъ случится недородъ, то, не имѣя запаснаго хлѣба, несносную нужду претерпѣвать должны». Отсюда видно, что графъ Шуваловъ имѣлъ въ виду посредствомъ устройства трояваго рода магазиновъ достигнуть нѣсколькихъ цѣлей: и менѣе убыточное для казны продовольствіе войска, и обезпеченіе народнаго продовольствія на случай неурожая и, наконецъ, доставленіе крестьянамъ возможности болѣе выгоднаго сбыта ихъ продуктовъ.

Во второй части своего проекта, графъ Шуваловъ трактуетъ о земскихъ комисарахъ для распоряженія по устройству, содержанію и другимъ хозяйственнымъ операціямъ относительно запасныхъ магазиновъ. Онъ предлагаетъ съ этою цѣлію назна-

чить особенныхъ комисаровъ а именно: въ каждую губернію — генералъ-губерніи комисара съ двумя помощниками оберъ-комисарами, въ каждую провинцію — по одному провинціалъ-комисару, и въ каждый приписной городъ — по одному уѣздному комисару. Первые должны были опредѣляться по усмотрѣнію правительствующаго сената, вторые и третьи должны были выбираться дворянствомъ или назначаться отъ правительствующаго сената изъ отставныхъ штабъ или оберъ-офицеровъ. Въ третьей части проекта авторъ излагаетъ правила, какимъ образомъ всѣмъ комисарамъ и каждому особо въ ихъ званіи поступать.

Наконецъ, въ четвертой части графъ Шуваловъ излагаетъ планъ учрежденія конторы для государственной экономіи. Контора эта должна быть учреждена при правительствующемъ сенатѣ изъ нѣсколькихъ персонъ извѣстнаго состоянія. Она обязана была не токмо о приращеніи всякихъ государственныхъ доходовъ стараться, но и о пользѣ всенародной и ихъ прибыткахъ изыскивая къ тому всевозможные способы имѣть попеченіе. Съ этою цѣлію проектировалось: «въ ту контору позволить подавать всякаго званія людямъ о внутреннихъ государственныхъ пользахъ и выдуманныхъ удобнѣйшихъ способахъ прожекты, которые оной разсматривать и буде по чьему прожекту предъусмотрятъ полезность докладывать правительствующему сенату съ изъясненіемъ своего мнѣнія для конфирмаціи и награжденія полезнаго прожекту подателя». Проектируемая контора должна была имѣть въ своемъ вѣдѣніи всю государственную неокладную денежную казну, изъ которой содержать ежегодно опредѣленное число четвертей хлѣба въ магазинахъ капитальныхъ и перевозить его въ портовые магазины для отпуску за моря. Затѣмъ, графъ Шуваловъ излагаетъ подробныя правила относительно наполненія магазиновъ хлѣбомъ, указывая при этомъ опять на ту пользу, которую можетъ доставить народу учрежденіе подобныхъ магазиновъ. Съ этою цѣлію экономическая контора должна собирать вѣрныя свѣдѣнія объ урожаѣ, умолотѣ и о торговыхъ цѣнахъ хлѣба и сообразно съ этими данными установлять на каждый уѣздъ, гдѣ будутъ магазины, такую цѣну за принимаемый хлѣбъ, «коя бы могла

крестьянству съ пользою быть и въ томъ ихъ многотрудную крестьянскую работу наградить и они податьми въ казну чрезъ продажу своего хлѣба за домашними расходы и сѣмена моглибъ безъ тягости оплатиться, а не такъ какъ до нынѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ хотя хлѣба и великій по благодати Божьей урожай, но по дешевости онаго крестьянинъ семьянистый не въ состояніи податей деньгами оплатить, а кромѣ продажи хлѣба способу не имѣвъ къ полученію денегъ за доимку принужденъ иногда и въ рабочію пору подъ карауломъ сидѣть, черезъ что не только таковымъ вящее изнуреніе, но и въ платежѣ податей недоборы слѣдовать могутъ». Точно также по установленной цѣнѣ дозволялось и помѣщикамъ поставлять хлѣбъ въ магазины вмѣсто уплаты подушныхъ денегъ за своихъ крестьянъ.

Наконецъ, въ заключеніи своего проекта, графъ Шуваловъ снова указываетъ на учрежденіе государственныхъ магазиновъ, какъ на средство для продовольствія народа на случай неурожая: «сверхъ всего вышеписаннаго» говоритъ онъ, «великій способъ отъ учрежденія магазейновъ быть можетъ въ томъ, ежели гдѣ (отъ чего Боже сохрани), сдѣлается недородъ хлѣба, то изъ оныхъ безъ нужды продовольствовать людей возможно съ возвратомъ въ оные впредъ отъ тѣхъ людей, кому роздано будетъ, какъ довольный родъ хлѣба будетъ».

Таково содержаніе проекта графа П. И. Шувалова объ учрежденіи государственныхъ запасныхъ магазиновъ въ Россіи. Онъ весьма сходенъ съ предложеніемъ князя Трубецкаго, можно даже считать проектъ перваго подробнымъ развитіемъ мнѣній, высказанныхъ княземъ Трубецкимъ. Оба они считали полезнымъ почти полное сосредоточеніе всей хлѣбной торговли въ рукахъ правительства. Проектъ этотъ былъ прослушанъ 1-го февраля 1755 года въ правительствующемъ сенатѣ, который «имѣя довольное разсужденіе», какъ сказано въ протоколахъ, постановилъ слѣдующую резолюцію: по первому и второму пунктамъ объ устройствѣ провіантскихъ полковыхъ магазиновъ разсмотрѣть учрежденной при военной коллегіи коммисіи и представить ея мнѣніе въ сенатъ; по третьему и четвертому пунктамъ объ

учрежденіи капитальныхъ магазиновъ разсмотрѣніе имѣть особливо опредѣленнымъ для экономической конторы отъ правительствующаго сената персонамъ; по предложенію о земскихъ комисарахъ имѣть разсужденіе въ учрежденной при сенатѣ о сочиненіи уложенія коммиссіи; наконецъ, для лучшаго и скорѣйшаго разсмотрѣнія о государственной экономической конторѣ, учредить при сенатѣ особую комисію, въ которую опредѣлить къ засѣданію изъ членовъ камеръ и коммерцъ коллегіи, да нѣсколько членовъ изъ служащихъ и отставныхъ генералитетскихъ и штатскихъ ранговъ, знающихъ довольно обстоятельства внутренности государства и добрыхъ экономовъ деревень своихъ.

Вслѣдствіе этихъ резолюцій сената началась канцелярская переписка и дѣло такъ затянулось, что до вступленія на престолъ Екатерины II не было устроено никакихъ запасныхъ магазиновъ.

Императрица Екатерина II, вполнѣ понимая то бѣдственное положеніе русскаго народа, до котораго онъ былъ доведенъ несовсѣмъ разборчивою политикой Петра I и его ближайшихъ преемниковъ, и руководясь популаціонистическими идеями, господствовавшими въ современной Европѣ, обратила особенное вниманіе на обезпеченіе народнаго продовольствія (см. наше изслѣдованіе: политика народонаселенія въ царствованіе Екатерины II. Одесса. 1871 г.) Въ числѣ множества мѣръ, принятыхъ Великой Императрицей съ этою цѣлію, одно изъ главныхъ мѣстъ занимало устройство хлѣбныхъ запасныхъ магазиновъ. Вскорѣ по вступленіи своемъ на престолъ, а именно 23 августа 1762 года, Екатерина II издала собственноручный указъ слѣдующаго содержанія: хлѣбные магазины завести во всѣхъ городахъ, дабы всегда цѣна хлѣба въ моихъ рукахъ была (п. с. з. № 11649). Зная хорошо о той медленности, которою отличалась административная дѣятельность сената вообще. и въ частности по вопросу объ устройствѣ хлѣбныхъ запасныхъ магазиновъ, Императрица 25 октября того же 1762 года въ присутствіи своемъ въ сенатѣ повелѣть изволила, чтобъ по именному Ея Императорскаго Величества собственноручному указу о заведеніи въ городахъ казенныхъ магазейновъ, сенатъ старался немедленно исполненіе сдѣлать. Во исполненіе этого Высочайшаго повелѣнія,

сенатъ приказалъ сдѣлать выписки изъ прежнихъ указовъ, распоряженій и предложеній по этому предмету. 14 ноября того же года въ Высочайшемъ Ея Императорскаго Величества присутствіи въ правительствующемъ сенатѣ слушана выписка о государственныхъ въ Россіи магазейнахъ и по выслушаніи Ея Императорское Величество Высочайше указать соизволила: для полковъ, гдѣ магазейнамъ быть и въ какомъ числѣ четвертей хлѣба о томъ имѣть разсужденіе учрежденной воинской коммисіи, а что касается до государственыхъ запасныхъ магазейновъ, то выбрать двухъ надежныхъ персонъ, которымъ сдѣлать о томъ планъ, въ которыхъ мѣстахъ и какъ великимъ онымъ быть и какая сумма денегъ на то заготовленіе хлѣба потребна и подать со мнѣніемъ въ сенатъ; въ потребныхъ же случаахъ о учрежденіи тѣхъ магазиновъ, какъ воинской коммисіи, съ оными опредѣленными персонами, такъ и тѣмъ персонамъ съ коммисіей имѣть сношеніе и трактовать обще, чего ради, выбравъ кандидатовъ, доложить Ея Императорскому Величеству. Во исполненіе этого Высочайшаго повелѣнія декабря 12 того же года правительствующій сенатъ представилъ Ея Императорскому Величеству двухъ кандидатовъ: генералъ-поручика Веймарна и генералъ-маіора Никиту Бекетова, которые тогда же и были Высочайше опредѣлены къ разсмотрѣнію вопроса объ учрежденіи запасныхъ государственныхъ магазиновъ. Изъ этихъ-то лицъ и составилась коммисія 1763 г. объ учрежденіи государственныхъ магазиновъ въ Россіи.

Приступая къ исполненію порученнаго имъ дѣла, генералъ-поручикъ Веймарнъ и генералъ-маіоръ Бекетовъ 9 января 1763 года обратились въ сенатъ съ всепокорнѣйшимъ рапортомъ, въ которомъ, признавая необходимымъ для добросовѣстнаго исполненія Высочайшаго порученія основательное знакомство съ внутреннимъ состояніемъ всего государства и откровенно сознаваясь въ своемъ невѣдѣніи относительно этого предмета, («мы же, писали они, какъ одинъ, такъ и другой будучи всегда и во все время продолженія нашей службы при арміи и воинскихъ Ея Императорскаго Величества командировкахъ и отсутственны отъ внутреннихъ государства провинцій отдаленныхъ мѣстахъ не

малѣйшаго повода такого себѣ обширнаго знанія получить случая не имѣли безъ коего однако ко исполненію приступить въ состояніи не находимся»), покорнѣйше просили сенатъ доставить имъ разныя свѣдѣнія, находящіяся въ архивахъ сената, а за неимѣніемъ таковыхъ предоставить имъ право требовать отъ всѣхъ присутственныхъ мѣстъ государства всякія извѣстія и подробныя вѣдомости. Въ рапортѣ подробно перечислены тѣ свѣдѣнія, которыя, по ихъ мнѣнію, были крайне необходимы для составленія плана устройства хлѣбныхъ запасныхъ магазиновъ. Такъ, прежде всего для рѣшенія вопроса о томъ въ какихъ мѣстахъ, какого рода и какой величины должны быть устроены магазины, они считали необходимымъ имѣть подробную именную роспись всѣхъ губерній, провинцій, воеводствъ, городовъ и уѣздовъ. Затѣмъ для опредѣленія количества запаснаго хлѣба, необходимаго въ каждомъ магазинѣ, они просили доставить имъ свѣдѣнія о томъ, сколько всѣхъ податныхъ душъ числится по послѣдней ревизіи, а также о числѣ жителей въ мѣстностяхъ, гдѣ не бываетъ ревизская перепись по душамъ, объ ясашныхъ и о прочихъ лицахъ, не положенныхъ въ подушный окладъ. Наконецъ, для опредѣленія какія мѣстности можно считать хлѣбородными и слѣдовательно удобными для устройства хлѣбныхъ магазиновъ, а также для установленія смѣты во что могутъ обойтись эти магазины и для указанія средствъ перевозки хлѣба изъ внутреннихъ магазиновъ въ портовые, Веймарнъ и Бекетовъ считали необходимымъ имѣть слѣдующія свѣдѣнія: 1) какихъ качествъ и добротъ въ разсужденіи земледѣлія и плодоносія въ каждомъ мѣстѣ обстоитъ и какими порядками и обрядами оное земледѣліе въ каждомъ мѣстѣ производится и сколько въ каждомъ мѣстѣ во время десяти лѣтъ ежегодно хлѣбнаго урожая было; 2) подробное и аккуратное объ городахъ объясненіе, которые именно на рѣкахъ, или отъ оныхъ въ отдаленности и въ какомъ разстояніи внутрь земли отстоятъ, какая между ими коммуникація водою или сухимъ путемъ обстоитъ и какимъ посредствомъ оная коммуникація содержится; 3) рѣки, коя коммуникаціею между городовъ и провинцій служатъ, до которыхъ именно мѣстъ къ судовому ходу способными бываютъ или за какими

препятствіями сіе учиниться не можетъ, какія именно на оныхъ суда обыкновенно ходятъ и гдѣ на оныхъ рѣкахъ пристани способныя имѣются или впредъ иногда таковыя учреждены быть могутъ, а ко онымъ изъ какихъ мѣстъ именно хлѣбъ и прочее въ отправленіи было, есть и впредь быть уповательно; 4) къ которому времени, т. е. въ которомъ мѣсяцѣ именно новоурожаемому хлѣбу вымолотъ оканчивается и какой именно въ каждомъ мѣстѣ по вымолотѣ хлѣбъ обыкновенно бываетъ овинный ли или сыромолотный; ежели сыромолотный гдѣ имѣется, то по какимъ причинамъ овиннаго въ обычай по нынѣ введено не было или по какимъ же именно причинамъ ввести не можно; 5) какое до сего времени въ каждомъ мѣстѣ хлѣбу было обращеніе, куда, на что и по какимъ цѣнамъ оному была продажа и за оною не воспослѣдовалъ ли когда въ какихъ мѣстахъ въ хлѣбѣ недостатокъ и за какими именно резонами; 6) въ какомъ состояніи и есть ли по внутреннимъ во всѣхъ мѣстахъ дорогамъ черезъ рѣчки (которыя хотя малый судовой ходъ судами или плотами имѣть могутъ) мосты, переправы яко же на низменныхъ болотныхъ и топкихъ мѣстахъ гати и переправы же, которыя служить могутъ для всегдашней комуникаціи и свободнаго проѣзду обывательскихъ упряжекъ; 7) въ которыхъ мѣстахъ лѣса въ какой величинѣ и обширности и въ нихъ какихъ родовъ лѣсъ имѣется, объясняя, которые именно казенными и партикулярными состоятъ, не меньшежъ въ какомъ тѣ лѣса отъ береговъ большихъ и къ судовому ходу способныхъ рѣкъ разстояніи находятся и какая до сего времени въ употребленіи оныхъ лѣсовъ экономія наблюдается; 8) имѣются ли, гдѣ именно и въ какомъ ли состояніи, какъ то неоднократными Ея Императорскаго Величества изъ высокоправительствующаго сената подтвердительными указами повелѣно, пильныя мельницы съ объясненіемъ таковымъ сколько въ каждой имѣется рамокъ и сколько пилъ въ оныхъ ходятъ.

Изъ вышеизложеннаго видно, какъ широка была программа тѣхъ вопросовъ, на которые желали получить объясненіе члены коммиссіи объ учрежденіи государственныхъ запасныхъ магазиновъ въ Россіи: она обнимала собою почти все внутрен-

нее экономическое состоянiе Россiи. Но, начертывая эту програмну, авторы ея не скрывали тѣхъ затрудненiй, съ которыми сопряжено было выполненiе ея на практикѣ. Они знали очень хорошо, что требуемыя ими свѣдѣнiя не могутъ быть получены обыкновеннымъ канцелярскимъ путемъ, «но егда, какъ не безъ упователыно, писали они, всѣ выше сего упомянутыя объясненiя отъ высокоправительствующаго сената за не имѣнiемъ о томъ извѣстiя получить возможности не будетъ и егда не меньше сумнѣнiя остается, что требуемое о вышеупомянутыхъ объстоятельствахъ отъ губернiевъ, воеводствъ и прочихъ мѣстъ извѣстiя и вѣдомости не столь аккуратны, ясны, подробны и довольны быть могутъ, чтобъ на оныя безсумнѣнно полагатися и такого важнаго дѣла основать можно было; ибо не безъизвѣстно, что умалчивая многихъ воеводъ и земскихъ управителей въ такихъ дѣлахъ незнанiе и безъискуство, въ Россiи такихъ записокъ, а особливо о урожаѣ въ обыкновенiи не состоитъ».

Поэтому Веймарнъ и Бекетовъ кратчайшимъ и лучшимъ и успѣшнѣйшимъ способомъ къ доставленiю такихъ свѣдѣнiй считали личный объѣздъ ихъ самихъ, а также лицъ ими назначенныхъ по всему государству.

Таково содержанiе рапорта, представленнаго въ сенатъ Веймарномъ и Бекетовымъ 9 января 1763 года. Изъ него видно, какъ добросовѣстно отнеслись они къ порученному имъ дѣлу, съ какими вѣрными и правильными прiемами приступили къ его исполненiю. Результатомъ этого рапорта былъ сенатскiй указъ отъ 14 февраля 1763 года, помѣщенный въ полномъ собранiи законовъ подъ заглавiемъ «о сношенiи коммиссiи о учрежденiи государственныхъ магазиновъ съ коллегiями промеморiями и съ подчиненными имъ мѣстами указами и о чиненiи по требованiямъ той коммиссiи скорѣйшаго исполненiя» (п. с. з. № 11756). Этимъ указомъ признано оффицiально существованiе коммиссiи подъ именемъ *коммиссiи о учрежденiи государственныхъ магазиновъ* и всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ повелѣно по требованiямъ той коммиссiи во всемъ скорѣйшее исполненiе чинить. Но Императрица Екатерина II, опасаясь, что разрѣшенiе такого важнаго государственнаго вопроса будетъ отложено на неопредѣ-

ленное время и что дѣло по устройству запасныхъ магазиновъ снова затянется, 1763 года марта 27 Высочайше повелѣла: о томъ дѣлѣ, не ожидая на посланныя отъ учрежденной запасныхъ государственныхъ магазиновъ коммиссіи во всѣ государства Россійскаго мѣста о принадлежащемъ къ тому учрежденію магазейновъ справки отвѣствіемъ и для столь наилучшаго объясненія, избѣжанія продолженія времени представить отъ оныхъ особъ всенижайшее мнѣніе. Въ исполненіе этого Высочайшаго повелѣнія коммиссія 7 мая 1763 года представила въ правительствующій сенатъ свое мнѣніе подъ слѣдующемъ заглавіемъ: «*по именному Ея Императорскаго Величества всевысочайшему изустному повелѣнію вкратцѣ представленное содержаніе проектовъ о заведеніи государственныхъ магазиновъ съ уменьшительнымъ и весьма умѣреннымъ изчисленіемъ смѣтою, во что такое предпріятіе обойтиться могло, не меньшежъ и сокращенное уваженіе главнѣйшихъ въ семъ дѣлѣ находящихся неудобствъ и безполезностей со всенижайшимъ мнѣніемъ какимъ то образомъ чрезъ то желаемое намѣреніе скорѣе безъ большихъ трудностей отягощенія и казенному иждивенію наводимыхъ издержекъ достигнуто и въ дѣло произведено быть бы могло.*»

Мнѣніе это заключаетъ въ себѣ обширный, подробный докладъ по вопросу не только объ устройствѣ хлѣбныхъ запасныхъ магазиновъ, но и вообще объ обезпеченіи народнаго продовольствія въ Россіи.

Этотъ замѣчательный докладъ коммиссіи по своему содержанію естественно распадается на двѣ части. Первая половина его посвящена подробному разбору вышеуказанныхъ предложеній или проектовъ князя Трубецкаго и графа Шувалова объ учрежденіи хлѣбныхъ запасныхъ магазиновъ въ Россіи. Вторая половина доклада заключаетъ въ себѣ собственное мнѣніе докладчиковъ о наилучшихъ средствахъ къ обезпеченію народнаго продовольствія. Докладчики подвергаютъ критическому разсмотрѣнію проектированныя учрежденія съ точки зрѣнія стоимости, цѣлесообразности, полезности, возможности и выгодности и приходятъ къ тому заключенію, что осуществленіе этого предпріятія стало

бы громадныхъ издержекъ со стороны казны, а между тѣмъ въ дѣйствительности его должно считать напраснымъ, безполезнымъ, невозможнымъ, вреднымъ, какъ для казны, такъ и для всего общества. Крайне замѣчательны тѣ данныя и тѣ аргументы, которые они приводятъ въ подтвержденіе своего мнѣнія. Такъ. сначала они представляютъ подробное исчисленіе тѣхъ расходовъ, которые бы потребовались на устройство, содержаніе и разныя операціи по хлѣбнымъ магазинамъ. Опираясь на данныя, заключающіяся въ семьнадцати примѣрныхъ вѣдомостяхъ, (приложенныхъ къ самому докладу) они приходятъ къ тому заключенію, что по весьма уменьшительнымъ и умѣреннымъ смѣтамъ и исчисленіямъ осуществленіе этого дѣла стоило бы *сто двадцать шесть милліоновъ пятьдесятъ шесть тысячъ семьсотъ двадцать рублей.* Затѣмъ докладчики подробно излагаютъ основанія, почему «такое ужасныхъ денежныхъ возтребующее предпріятіе не токмо силъ превосходящимъ оказаться, но и дѣйствительно 1) напрасно, 2) безполезно, 3) невозможно, 4) вредно какъ для казны Ея Императорскаго Величества, такъ и для благосостоянія всего общества, учиниться могло».

1) *Напраснымъ* такое ужаснаго иждивенія возтребующее предпріятіе быть кажется потому, во 1-хъ, что большая часть государства не меньше естественнаго плодоносія какъ то и въ другихъ краяхъ и государствахъ быть можетъ имѣетъ, чему доказательствомъ состоитъ, что при самомъ худомъ и не основательномъ въ земледѣліи и крестьянской экономіи и работъ производства порядка еще рѣдко гдѣ слыхано, чтобы гдѣ совершенный хлѣбу недородъ обстоялъ, и хотя то и можетъ когда въ которой нибудь провинціи или мѣстѣ обстояло, но однако и того изслѣдовать бы подлежало: не происходило ли это иногда больше отъ нерадѣнія въ собраніи хлѣба съ поля, яко же и въ вымолотѣ, нежели отъ самаго дѣйствительнаго неурожая; во 2-хъ, хотя въ нѣкоторыхъ частяхъ государства и такія мѣста быть могутъ, гдѣ по негодности земли хлѣба, или мало, или вовсе не родится, но однако обыватели и въ тѣхъ мѣстахъ безъ большой нужды и чрезвычайной дороговизны хлѣба пропитываются промыслами своихъ рукодѣлій или жь такими произраще-

ніями, которыя къ хлѣбородству неспособная земля производитъ, яко то льномъ, конопленъ и прочимъ, какъ то не безъизвѣстно въ Костромскомъ уѣздѣ по луговой сторонѣ дѣйствительно и состоитъ. Промыслъ Божій такихъ естественныхъ въ одномъ разсужденіи недостатковъ всемѣрно для пользы общества учредилъ, дабы люди другъ другу услужить и въ союзномъ обществѣ остаться принуждены были. Такъ и въ хлѣбородныхъ мѣстахъ въ такихъ промыслахъ, посредствомъ коихъ не хлѣбородныя мѣста питаются, недостатокъ можетъ быть; ежелижъ бы вездѣ и по всѣмъ городамъ казенные хлѣбные для народа магазейны содержать, то бы черезъ то не въ хлѣбородныхъ мѣстахъ промыслы и ремесла оставлены, въ хлѣбородныхъ же мѣстахъ въ тѣхъ вещахъ, кои въ нехлѣбородныхъ на хлѣбъ свой получили, недостатки наведены быть могли и тѣмъ ни инообъ что послѣдовало, какъ разрушеніе натуральнаго равновѣсія. И тако изо всего того не иное заключить должно, какъ то, что заведеніе по всему государству магазейновъ не инако какъ напраснымъ признавать надобно, изъ чего и слѣдуетъ:

2) Что то магазейное учрежденіе еще и *безполезнымъ* признавать можно въ томъ разсужденіи, что какъ такія чрезъ неурожай хлѣба Божескія посѣщенія не по всему государству, но развѣ въ нѣкоторомъ маломъ числѣ онаго мѣстъ и то крайне рѣдко больше одного года случится и обстоять могли бы, чтобъ отъ того дѣйствительно большаго и такого народу голоду воспослѣдовало бъ, чтобъ отъ ближайшихъ сосѣднихъ провинцій и мѣстъ вспоможеніе учинено и хлѣба привозкою онаго пресѣчь возможности состоять не могло. А что въ такихъ бы частныхъ нѣкоторымъ мѣстамъ случаяхъ въ цѣнѣ хлѣба противъ хорошихъ урожайныхъ временъ нѣсколькимъ выше не состояло, то въ томъ, кажется, во всегдашнее время непремѣннаго уравниванія учинить столь наименьше резону обстоять можетъ, какъ чрезъ то и въ прилежаніи народскомъ безполезныя слѣдства возрастися моглибы, и что тѣ мѣста, въ которыхъ неурожай бываетъ, прочихъ своихъ чрезъ промысловъ и рукодѣльевъ происходимыхъ товаровъ въ пропорціи цѣнъ хлѣба установить и продавать не оставятъ, умалчивая, что такіе неурожаи и взаимно и въ тѣхъ

мѣстахъ, въ которыхъ благословенные урожаи были, а напротивъ того изобильный хлѣбу уродъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онаго неурожай состоитъ, быть могутъ, въ какомъ случаѣ взаимственное только воздаяніе и всѣмъ мѣстамъ равное сверстаніе былобъ.

3) Что касается до *возможности* такого учрежденія въ сходственность часто упомянутыхъ проектовъ, то умалчивая по вышеписаннымъ исчисленіямъ потребныхъ ужасныхъ денежныхъ суммъ чрезъ слѣдующее разсужденіе и дѣлъ обстоятельствъ уваженіе явно доказаннымъ быть кажется: 1) что деревенская экономія, а особливо въ земледѣліи, въ снятіи, въ вымолотѣ и въ собраніи хлѣба въ обширномъ государствѣ не токмо разнымъ, но можно и генерально сказать весьма не порядочнымъ и крайне убыточнымъ образомъ производится, почему въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ежегодно столь мало хлѣба сбираемо быть можетъ, что за домашнимъ содержаніемъ не вездѣ потребнаго для наполненія магазейновъ числа хлѣба доставить можно. 2) Что по не имѣнію довольныхъ и способныхъ коммуникацій во многихъ мѣстахъ иного способа для отправленія хлѣба не состоитъ, какъ развѣ на великомъ разстояніи гужомъ и съ крайнимъ убыткомъ и народскимъ и ихъ упряжки истощеніемъ, чрезъ что вмѣсто желаемой дешевости въ цѣнахъ только возвышеніе воспослѣдовалобъ. 3) Что во отправленіи столь многаго числа хлѣба въ самое для земледѣльцевъ нужнѣйшее страдное время потребнаго числа добровольныхъ работниковъ сыскаться способовъ не осталось, но по нарядамъ неволею употребиться подлежало. Какіяжъ чрезъ такія неволею употребленія народа отягощенія, прижетки и несправедливости учинены былибъ, о томъ всемъ, яко же и о другихъ многихъ невозможностяхъ, распространяться за лишнее почитается.

4) *Вреднымъ* казнѣ Ея Императорскаго Величества и сущей всего общества пользѣ сіе напрасное и безполезное и невозможное предпріятіе всемѣрно оказалось бы. 1) Въ разсужденіе коммерціи. Не безъизвѣстно то есть, что иностранцами изъ сѣверныхъ хлѣбоизобильныхъ странъ для запасенія тѣхъ краевъ, въ коихъ мало земледѣлія имѣется, яко же и тѣхъ въ коихъ временно или случайно хлѣбъ не родится и недостатки быть могли, покупается; слѣдственно ежегодная потребность не оди-

накою, но перемѣнною быть можетъ. Не меньше жъ извѣстно, что окромѣ Россійскаго государства великія хлѣба продажи въ Пруссіи, Польшѣ, Помераніи, Мекленбургіи, Богеміи и Вестфаліи, яко же въ Англіи, по требующимъ онаго купцамъ производится. Слѣдственно и натурально, что всякое мѣсто остающееся свое за собственнымъ содержаніемъ изобиліе тѣмъ купцамъ продавать старается и лучше излишекъ свой дешевле продавать нежели въ ожиданіи лучшихъ и прибыльнѣйшихъ цѣнъ долгое время въ своихъ житницахъ содержать стараться будетъ, въ чемъ точно преимущественное искусство и проворство купечества и коммерціи состоитъ. Неоспоримо то есть, что обыкновенная хлѣбу цѣна, какъ въ Ригѣ, такъ и въ прочихъ по Бальтическому морю лежащихъ мѣстахъ рѣдко до 30 рублевъ за ластъ бываетъ, а еще рѣже до 35 и 45 рублевъ дойти можетъ. И потому ежели бъ цѣна токмо до 30 рублевъ и ниже состоялабъ, а по вышеобъявленному исчисленію не, ниже 33 рублевъ 18 копѣекъ ластъ проданъ быть могъ, то изъ Россійскихъ портовъ безъ знатнаго убытка хлѣбу за море отпуску быть не могло. И хотя бъ цѣна и столь бы прибыточна состоялабъ, что съ нѣкоторымъ выигрышемъ иностраннымъ купцамъ продать можно, то однако всемѣрно опасатися должно, что другія хлѣбомъ торгующія мѣста вѣдая, что хлѣбный торгъ или отпускъ не въ рукахъ купеческихъ т. е. многихъ, но казною или засчетъ одного состоитъ, всемѣрно не упустили бъ тому хлѣбному торгу всевозможныхъ препятствій навести и елико возможно себѣ того торга присвоить. Почему и сомнѣваться не можно (какъ то и дѣйствительно бываетъ), что тѣ хлѣбомъ торгующія иностранныя мѣста для достиганія такого ихъ намѣренія хлѣбъ свой гораздо дешевле продавать станутъ, нежели какъ изъ Россіи выпускаемый проданъ быть могъ, въ разсужденіи такомъ, чтобъ своихъ запасовъ сбыть и хлѣбомъ торгующихъ купцовъ отъ Россійскихъ портовъ къ себѣ привлечь, а паче всю хлѣбную коммерцію елико то имъ возможно себѣ на предбудущія времена присвоить, вѣдая, что Россія, когда ужъ одного года своихъ запасовъ безъ накладу продавать не могла и не хотѣла, то ужъ въ впредь будущихъ годахъ еще бъ меньше

того безъ наивящаго убытка учинить бы могла; ибо егда бъ чрезъ залежаніе нѣкоторыя части хлѣба порча сдѣлалась, то и слѣдственно цѣны остающимся запасамъ что далѣе то болѣе возвысились бы. И хотя чрезъ такія дешевыя купцамъ уступки имъ самимъ въ такомъ случаѣ не безъ убытка и накладу былобъ, но имъ то весьма сносно и не гораздо чувствительнымъ быть можетъ въ разсужденіи той безсумнѣнной надежды, что отвлекши купцовъ отъ россійскихъ портовъ черезъ короткое время снесенный убытокъ еще съ хорошею прибылью замѣнить могутъ и что тотъ случайный накладъ не одному или десятерымъ отяготительнымъ сдѣлается, но между стами или тысячами продавцевъ раздѣлится. Многіе испытанные безсумнѣнно засвидѣтельствуютъ, что чрезъ отвычки купцовъ потерянный торгъ крайне трудно и почти никогда возстановить уже возможности не имѣется. А какъ затрудненія въ хлѣбномъ торгѣ учиненныя купцовъ къ другимъ мѣстамъ, гдѣ того безъ меньшихъ хлопотъ и дешевле доставить могутъ, приставать привыкаютъ, то и въ тѣхъ новыхъ мѣстахъ хлѣбу торгъ преумножается, а въ случаѣ и тамъ недовольнаго достатка тѣ мѣста, въ коихъ покупнымъ хлѣбомъ довольствовались, по нуждѣ и неволѣ къ земледѣлію приложитися. И тако столь знатная часть торга какой то есть хлѣбной гораздо уменьшена быть можетъ. Ежели же торгъ хлѣбный, яко изъ знатнѣйшихъ въ сѣверныхъ краяхъ торговъ умалится или жъ и вовсе хотя и на время пресѣчется, то безсумнѣнно послѣдуетъ, что въ портахъ меньше чужестранныхъ кораблей прибывать можетъ; отъ чего однако не иное что воспослѣдуетъ, какъ то что и другіе окромѣ хлѣба товары множество безъ продажи внутри оставались бы и какъ отъ одного такъ отъ другихъ пошлинные сборы пропадалибъ и вся коммерція разрушена и наконецъ и вовсе истреблена быть бы могла.

2) Въ разсужденіи прилежанія и трудолюбія народскаго. Когда во всѣхъ городахъ, какъ то прожектами требуется, готовые хлѣбные запасы содержаны будутъ и народу извѣстнымъ состоитъ, что по востребующимся случаямъ и во время неурожая нужды, (кои однако въ самомъ дѣлѣ не отъ точнаго недороду, но иногда больше отъ нерадѣнія и неприлежности и не имѣнія

къ земледѣлію склонности происходить бы могли), за наличную деньгами заплату потребное имъ число хлѣба получать могутъ, то всемѣрно не малая опасность состоитъ, что большая часть а особливо въ околичности столичныхъ и большихъ городовъ лежащихъ земледѣльцевъ отъ столь многотруднаго упражненія отстать и къ другимъ промысламъ и ремесламъ толь наипаче прилагатися будутъ, что ремесломъ или другою работою гораздо больше себѣ денегъ доставить могутъ, нежелибъ имъ то земледѣліемъ своимъ было дано, что и въ самомъ дѣлѣ происходитъ, какъ то множественное число крестьянъ и земледѣльцевъ нѣкоторые отъ недовольнаго имѣнія и доброты пахотной земли, большая же часть единственно по прихотямъ и желанію къ большему чрезъ другіе промыслы выиграшу. оставляютъ всю домашнюю экономію и земледѣліе и отдаляютъ себя на нѣсколько сотъ верстъ отъ домовъ своихъ, употребляются въ наемъ извозничать, сидѣльцами въ лавкахъ и разнощиками для продажи всякихъ товаровъ, садовниками и въ другія къ тому подобныя работы и подѣлки, пренебрегая всю крестьянскую экономію. Отъ чего однако, какъ то и безсумнѣнно окажется, что въ городахъ по умноженію народа въ хлѣбѣ дороговизна, а въ деревняхъ въ земледѣльствѣ упущеніе со опустошеніемъ воспослѣдуетъ. И хотя подумать можно, что положеніемъ изъ магазейновъ продажею хлѣба большихъ цѣнъ крестьянству во упущеніи ихъ экономіи препятствіемъ служить могло, но въ семъ однако никакого успѣха не предвидилось бы; ибо такіе въ другихъ дѣлахъ себя употребляющіе крестьяне за роботу и ремесла ихъ такожде возвышенную заплату востребуя получать бы случай имѣли; примѣръ же ихъ и другихъ въ отдаленныхъ мѣстахъ (какъ то уже и дѣйствительно обстоитъ) живущихъ крестьянъ къ подражанію толь наиболѣе побуждать можетъ, какъ то и ежедневные примѣры имъ оказываютъ, что въ промыслахъ, хотя въ отдаленныхъ мѣстахъ обращающіеся крестьяне съ хорошими прибытками въ дома свои хотя опустошенные возвращаются. Не трудно и не безъ всякого вѣроятія изъ того заключить можно, что не токмо при продолженіи отъ земледѣльства отдаленіевъ и несклонностей сіе первонужнѣйшее и полезнѣйшее для чело-

вѣческаго рода и всего общества упражненіе т. е. земледѣліе въ такой степени оставлено и упущено быть можетъ, что отъ того дѣйствительная дороговизна и голодъ воспослѣдуетъ; но и потому уже и во всѣхъ прочихъ ремеслахъ, рукодѣліяхъ и другихъ для общества подобныхъ дѣлахъ противныя и безполезныя дѣйства оказатися могутъ, и паче въ такихъ случаяхъ, когда по оказующейся нуждѣ хлѣбъ, какъ для содержанія народскаго, такъ и на сѣмена въ магазейнахъ за наличныя деньги продать или заимообразно обывателямъ произвести надлежало, затхлымъ или мало чѣмъ порченымъ или жъ къ проростанію неспособнымъ оказываться могъ, чрезъ то не иное какъ негодованіе и неудовольствіе народа къ правительству, но случайно и гораздо вреднѣйшія обстоятельства и слѣдства возрасти могли бъ, какъ то въ подобныхъ случаяхъ по засвидѣтельству древней исторіи въ Римѣ и дѣйствительно происходило; а всему тому по большей части единственно заведеніе и содержаніе въ городахъ готовыхъ запасовъ причиною состоять могло. Почему егда бъ все то какъ не безуповательно произвело бъ справедливѣйшимъ образомъ вреднымъ почитаемо бы было. 3) Въ разсужденіи благосостоянія всего общества. Легко себѣ представить можно, что при худомъ и почти истребленномъ коммерціи состояніи и искорененія къ земледѣльству склонности и охоты, яко же прилежанія и трудолюбія народскаго, всему обществу наконецъ такое изнеможеніе и недостатки произошли бъ, что способы едвалъ остаться могутъ при собственномъ своемъ содержаніи казенныхъ податей изъ чего выручить, что однако еще ни отъ чего другаго, какъ отъ непремѣннаго огромнаго казнѣ Ея Императорскаго Величества крайне отяготительнаго и самому народу многотруднаго и безполезнаго заведенія магазейновъ воспослѣдовало бъ.

За этимъ подробнымъ разборомъ проэктовъ князя Трубецкаго и графа Шувалова слѣдуетъ изложеніе собственнаго мнѣнія членовъ коммисіи о средствахъ обезпеченія народнаго продовольствія на случай голода и дороговизны «самократчайшимъ, безубыточнѣйшимъ и меньше затрудненія наводимымъ какъ Ея Императорскаго Величества казнѣ, такъ общества пользѣ во всемъ сходномъ способомъ». Собственный проектъ коммиссіи

1763 г. крайне интересенъ по экономическимъ идеямъ, высказаннымъ въ немъ, и весьма важенъ по практическимъ послѣдствіямъ, вызваннымъ имъ. Поэтому мы изложимъ слово въ слово содержаніе этого проекта по редакціи, хранящейся въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи. Проектъ или мнѣніе Веймарна и Бекетова распадается на два отдѣла. Въ 1-мъ говорится о средствахъ для предупрежденія голода, во 2-мъ—о средствахъ къ пресѣченію дороговизны.

I. Для предупрежденія во время могущаго неурожая народу голода.

Чтобъ не токмо во всѣхъ городахъ, но безъ изъятія во всѣхъ мѣстахъ, какъ для предупрежденія отъ неурожая хлѣбовъ голоду, такъ и для другихъ скоро требующихъ обстоятельствъ и нуждъ во всегдашнее время готовые запасы имѣлись бы, не употребляя къ тому ниже многихъ казнѣ Ея Императорскаго Величества напрасно наводимыхъ издержекъ, ниже всему обществу неоминуемыхъ и крайне отяготительныхъ и многихъ другихъ въ себѣ заключающихъ безполезностей, затрудненіевъ за наилучшее признавается: чтобы всякій помѣщикъ каждый въ своей деревнѣ, а въ городахъ магистраты повинными были по числу имъ принадлежащихъ душъ по меньшей мѣрѣ столько хлѣба на содержаніе и сѣмена въ амбарахъ своихъ запасомъ содержать, какъ то на годовое или двугодичное время потребно быть бы могло, какъ то и дѣйствительно въ Лифляндіи и Эстляндіи, яко же и въ иныхъ государствахъ чинится. А какъ крестьяне въ точномъ рабствѣ у помѣщиковъ своихъ состоятъ; сіижъ послѣдніе черезъ первыхъ благостоянія содержаніе свое и доходы получаютъ, то всемѣрно никто въ содержаніи благосостоянія своихъ крестьянъ больше интересованъ быть не можетъ, какъ самъ каждый помѣщикъ. Слѣдственно оному и требовать не можно, чтобъ чужимъ какъ (а не) единственно собственнымъ его стараніемъ такое ему въ пользу обращающееся учрежденіе учинено было. И хотя и сомнѣваться не можно, чтобы каждый помѣщикъ въ собственную свою пользу такого рачительнаго запасомъ предвидѣнія охотно не прилагалъ, но какъ и между оными иногда и такіе случаются, кои по худой своей экономіи и къ растощенію склонностямъ собственную свою

пользу пренебрегая не малѣйшаго о своихъ крестьянъ содержаніи попеченія и радѣнія имѣть не могутъ, что (то) для принужденія такихъ помѣщиковъ и какъ для ихъ собственной пользы, такожъ и для голоду и временно въ сѣменахъ бываемаго недостатка самымъ кратчайшимъ и лучшимъ способомъ быть кажется, чтобъ Всемилостивѣйшими и къ сущей всѣхъ Ея Императорскаго Величества вѣрноподданныхъ служащей пользы по особливой Монаршеской щедротѣ и милосердію указами во всемъ государствѣ предписано и къ неотмѣнному исполненію повелѣно было, дабы каждый помѣщикъ въ своей деревнѣ или гдѣ то каждому способнѣе казаться можетъ, а магистратомъ въ своемъ вѣдомствѣ по числу душъ всегдашнемъ непремѣннымъ запасомъ хотя сперва только на одинъ годъ на содержаніе и сѣмена въ амбарахъ въ готовности содержали и никогда ни продажею, ни винокуреніемъ ни подъ какимъ видомъ того годоваго запаса не переводили, развѣ по снятіи новаго урожая хлѣба съ поль надежда состоитъ сверхъ годоваго содержанія столькожъ оставаться, какъ то и годовому непремѣнному запасу подлежательно будетъ. И затѣмъ, дабы хлѣбъ всегда содержанъ былъ свѣжій, то по прошествіи года оный старый запасъ употребляли бы въ свои домашнія потребы, а вмѣсто того отъ новаго урожая такую жъ препорцію положа содержали со включеніемъ такого монаршескаго указа и вѣчнымъ закономъ, какъ въ Лифляндіи и Эстляндіи состоитъ и точно исполняется, что ежели во время неурожая приключившагося дѣйствительнаго голода крестьяне какъ на содержзніе свое такъ и на сѣмена не отъ помѣщиковъ самихъ, но отъ сосѣдей ихъ тѣмъ хлѣбомъ удовольствованы и содержаны будутъ то въ наказаніе столь мало пекущагося и безчеловѣчнаго помѣщика тѣ крестьяне уже не оному настоящему помѣщику, но тому вѣчно принадлежать имѣли бъ, который ихъ во время бѣдственнѣйшаго голода содержалъ и довольствовалъ, и чтобы у такого не состоятельнаго и къ предуосужденію своего потомства безпечнаго хозяина не отмѣнно безпереводно для своего домашняго и крестьянъ своихъ продовольствія годовая провизія содержана была смотрѣть близълежащимъ сосѣдямъ другъ за другомъ и, буде по ихъ увѣщеваніямъ

въ томъ не исправятся, чинить представленіе правительствамъ, дабы тѣ правительства такимъ несостоятельнымъ и безпечнымъ людямъ могли учинить принужденіе и въ городахъ наложеніемъ на магистратъ доправляемой толикаго числа денежной суммы, колико для всего города жителей годовой запасъ покупкой обойтиться можетъ. Равномѣрное же попеченіе, какъ отъ помѣщиковъ и магистратовъ въ разсужденіе запасовъ востребовалось, имѣть бы подлежало въ селахъ и деревняхъ государственныхъ крестьянъ старательствомъ каждаго мѣста начальникомъ обще съ міромъ, за коимъ къ тому и смотрѣть самимъ тѣхъ мѣстъ командующимъ, а въ случаѣ не имѣнія оныхъ воеводамъ и отъ нихъ къ тому опредѣленнымъ особамъ безъ всякаго однако въ томъ происходящаго міру отягощенія и налога. И будебъ таковаго запаса которымъ помѣщикамъ въ одинъ годъ вдругъ собрать за недовольнымъ урожаемъ возможности не было, то ежегодно хоть нѣсколько и до такого числа, чтобы по послѣдней мѣрѣ въ три года вышеписанная годовая запасная провизія безсомнѣнно собрана и готовою содержана была.

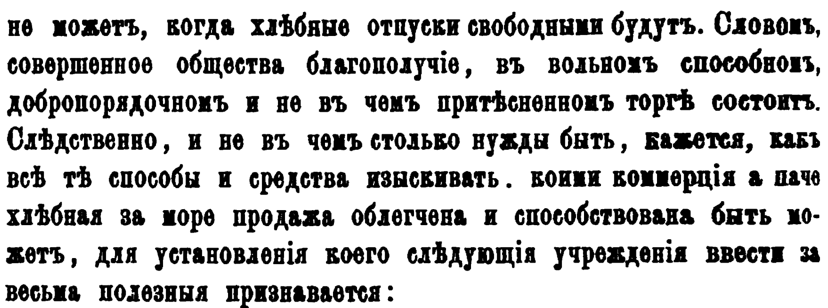
Симъ способомъ опасность голоду всемѣрно предупреждена и въ государствѣ множественно знатнаго запаса (кромѣ тѣхъ запасовъ о коихъ подъ симъ пространнѣе явствуетъ) безъ всякаго казнѣ иждивенія и подданныхъ отягощеніевъ и убытковъ содержано бы было. А сверхъ того еще и сія многоважная польза воспослѣдовала бы: 1) Что въ самомъ короткомъ времени вездѣ, гдѣ то нужда востребовалась бы, за извѣстную цѣну для собраніевъ войскъ знатнѣйшіе магазины заведены и марширующимъ полкамъ для проходовъ изъ одной провинціи въ другую или куда то повелѣно было бъ безъ предварительныхъ и много время требующихъ преуготовленіевъ ни въ чемъ недостатка воспослѣдовать не моглобъ; для чего и дабы всѣхъ чрезъ подряды происходящихъ подлоговъ, интересу ущербъ и обывателямъ предобижденіе предупредить необходимо и весьма полезно быть кажется, чтобъ для такихъ казенныхъ потребностей всегда непремѣнныя каждому хлѣбу цѣны, смотря по губерніямъ и провинціямъ такія установляемы были, чтобы обывателямъ чрезъ то не малѣйшей обиды не воспослѣдовало, и они свой хлѣбъ въ

казну съ хорошимъ своимъ авантажемъ отдать пріохочены были. Сколько же велики бы тѣ постановляемы непремѣнныя цѣны смотря по мѣсту и не былибъ, но безсомнѣнно уповать можно, что казна чрезъ то въ лучшемъ выигрышѣ остаться можетъ, нежели до сего время подрядными покупками обходилось. 2) Что хлѣбомъ торгующее купечество въ такихъ случаяхъ, когда хлѣбъ за море съ хорошимъ прибыткомъ и авантажемъ отпускаемъ быть можетъ, совершенно знать будутъ, гдѣ и отъ кого и сколько по повольной торговой цѣнѣ тѣхъ суммъ, кои имъ за море отпустить потребно, безъ потерянія времени и не малѣйшей въ коммерціи остановки получить въ состояніи будутъ.

II. Для пресѣченія чрезвычайной въ продажѣ хлѣба дороговизны.

Свойственно то человѣчеству есть, что такіе законы охотнѣе безъ меньшаго подлога и преимущественнѣйше исполняются, кои бы всего общества пользы съ пользою каждой особы сопряженными состоятъ. Общество тѣмъ однимъ благополучнымъ почитаемо быть не можетъ, когда только отъ страха голоду безопаснымъ и въ нужнѣйшемъ своемъ содержаніи довольнымъ состоитъ; потребности такихъ вещей, кои одной землѣ не свойственны, но изъ другихъ краевъ получатся, бывъ уже въ свѣтѣ со всѣмъ необходимыми, (то) всемѣрно тѣ способы и средства для доставленія оныхъ вещей, которыя способнѣйшими и прибыточнѣйшими почитаемы быть могутъ, наибольше всего изыскивать и въ дѣло произвесть должно. Съ наилучшимъ прилежаніемъ и благополучнѣйшимъ успѣхомъ производимое земледѣліе, ремесла, художества и все рукодѣлье, коль бы совершенными и не состояли, въ изнеможеніи придти и наконецъ почти вовсе истреблены быть могутъ, ежели надеждою прибытка и выигрыша поощряемы не будутъ. Поощреніемъ и побужденіе ко всему тому всемѣрно и въ томъ состоитъ, чтобъ сверхъ собственныхъ потребностей остающееся изобиліе въ чужія руки пошло и чрезъ то хозяину своему приращеніе, прибытокъ и удовольствіе доставилибъ и тѣмъ новое въ немъ желаніе къ дальнимъ и пріумноженнымъ трудамъ и прилежаніемъ побудило; сіе ни инако какъ посредствомъ добропорядочной, вольной и прибыточной коммерціи до-

стигается. Напрасными и можно сказать отяготительными всѣ содержащіяся въ государствѣ хлѣба запасы быть бы могли, ежелибъ излишность и ежегодно умножающіяся хлѣбныя провизіи съ прибыткомъ съ рукъ не сбыть. И сколь ни велика надобность во имѣніи всегдашнихъ готовыхъ запасовъ состоитъ, не меньшежъ надобность и въ томъ требовалось бы, чтобы такихъ людей имѣть, кои къ торгу склонность, искуство и прилежаніе имѣютъ. Сими послѣдними, ежелибъ всѣ къ тому потребные способы облегчены и посредствомъ прибытковъ пріохочены были, имѣющіеся хлѣбные запасы не взирая на большіе въ иные края отпуски отнюдь уменьшены, а цѣны хлѣбу въ государствѣ чрезъ то ничѣмъ возвышены быть не могутъ, но напротивъ того всемѣрно какъ хлѣбные запасы пріумножены, такъ и цѣны въ разсужденіи внутренности государства ниже обстоять имѣлибъ, если только къ свободному и порядочному торгу руководствованы и всѣ тѣ случаи и обстоятельства избѣгаемы были, чрезъ что оному торгу препятствіе, убытки и вредъ причинены бываютъ. Королевство Аглицкое дѣйствительно примѣромъ служитъ, что вмѣсто того, что предъ симъ для содержанія народу ежегодно знатная хлѣбная сумма отъ чужихъ народовъ покупалась и цѣна хлѣбу въ Англіи всегда высокая обстояла и потому за море отпуски наистрожайше запрещены были. Съ того времени, какъ вольные отпуски хлѣбу за море учреждены и для пріохочиванія съ каждой мѣры отпускаемаго хлѣба изъ государства нѣкоторое число награжденій дается, земледѣліе въ Англіи столько пріумножилося, что ежегодно многознатное число хлѣба въ иныя края отпускается, а за всѣмъ тѣмъ цѣна предъ прежнемъ внутри государства ниже состоитъ. Сіи дѣйства однако воспослѣдовать не могутъ, когда торгъ выпускаемому хлѣбу только въ рукахъ нѣкоторыхъ особъ или компаній, а не всего купечества, состоять будетъ и не всѣмъ безъ изъятія дозволяется; ибо довольными примѣрами доказывается, что чрезъ такихъ а паче въ хлѣбѣ монополіяхъ, не токмо коммерція страждетъ, но и цѣна внутри единственно по пристрастіямъ монополистовъ временемъ возвышена, временемъ же и унижена, но всегда ко вреду общества бываетъ, что однако воспослѣдовать


не можетъ, когда хлѣбные отпуски свободными будутъ. Словомъ, совершенное общества благополучіе, въ вольномъ способномъ, добропорядочномъ и не въ чемъ притѣсненномъ торгѣ состоитъ. Слѣдственно, и не въ чемъ столько нужды быть, кажется, какъ всѣ тѣ способы и средства изыскивать. коими коммерція а паче хлѣбная за море продажа облегчена и способствована быть можетъ, для установленія коего слѣдующія учрежденія ввести за весьма полезныя признавается:

1) Весьма пространная Имперія Русская хотя множество больших и къ судовому ходу способныхъ рѣкъ имѣетъ, но тѣмъ не менѣе ниже довольной ниже способной коммуникаціи не состоитъ и за тѣмъ весьма бы полезно было, чтобы въ нужнѣйшихъ и въ главнѣйшихъ мѣстахъ тѣ коммуникаціи учинены и тѣмъ посредствомъ самодальнѣйшія отъ морскихъ береговъ лежащія мѣста съ портами сообщены были, дабы не токмо хлѣбъ, но и другіе въ отпускъ потребные товары безъ большихъ убытковъ доставляемы.

2) А какъ не всѣ рѣки одного и такого свойства, чтобы на всѣхъ однимъ маниромъ и одной величины построенныя суда ходить могли, но затѣмъ часто перегрузка быть должна. Къ томужъ и весьма убыточно становилось бы, ежелибъ (какъ до сего времени бываетъ) купцы изъ дальнѣйшихъ внутреннихъ мѣстъ съ хлѣбомъ и съ другими своими товарами до самыхъ морскихъ портовъ въ надеждѣ полученія себѣ большой прибыли слѣдуютъ, чему однако въ самомъ дѣлѣ потому быть не можетъ, что путевые расходы имъ чрезвычайно великими становятся и какъ они иногда годъ и до двухъ изъ домовъ своихъ отлучены въ промыслахъ своихъ домашнихъ не малаго себѣ вреда и потери принять могутъ такъ, что и самый большой въ портѣ на привозимый товаръ полученный авантажъ того замѣнить не можетъ, что на путевые расходы издержано и что упущеніемъ времени въ продолженіи промысла потеряется. Всякому торговому человѣку гораздо сходнѣе быть кажется малые, но частые авантажи нежели большіе но рѣдко получаемые прибытки достать. И потому за полезное почитаемо быть могло, чтобъ и въ томъ купечеству къ ихъ собственной пользѣ служащіе предѣлы предписаны и потому сходныя учрежденія опре-

дѣлены были, а именно: чтобъ въ приличныхъ мѣстахъ, а особливо по большимъ и къ судовому ходу способнымъ рѣкамъ лежащихъ тѣстахъ, такъ называемые Штапельстеты или торговыя пристани съ такими привиллегіями учреждаемы были, что далѣ и мимо ихъ ни которымъ купцамъ товаровъ своихъ не провозить, но въ оныхъ торговыхъ пристаняхъ тамошнему купечеству по повольной цѣнѣ не отмѣнно продавать. А дабы купечество въ тѣхъ привиллегированныхъ торговыхъ пристаняхъ къ предобижденію съ товарами прибывшихъ купцовъ, согласясь между собою, за безцѣнокъ оныхъ товаровъ не получило, то по близости той торговой пристани или города назначить подлежало три или четыре города съ такими же и въ равной силѣ привиллегіями, дабы пріѣзжающіе купцы по примѣчанію, что въ одномъ мѣстѣ имъ въ предобижденіе не настоящія и имъ сходныя цѣны даютъ, къ другимъ слѣдовать и тамъ продавать могли, почему первые то увидѣвъ и сами собою добровольно лучшую, подлежащую и продавцамъ сходную цѣну давать будутъ. Чрезъ такое торговыхъ пристаней па вышеупомянутыхъ привиллегіяхъ назначиваніе пріѣзжающіе купцы хотя противъ портовыхъ цѣнъ въ тамошнихъ мѣстахъ гораздо дешевле свои товары продавать будутъ, но совсѣмъ тѣмъ за исключеніемъ великихъ издержекъ, а паче время медленія сія не малая выгодность воспослѣдовалабъ, что при полученіи себѣ резонабельнаго авантажа въ скоромъ времени въ домы свои возвращатися къ промыслу торга, къ впредбудущему году къ предвидѣнію имѣть и себя всячески употребить могутъ. Торговыхъ же пристаней купцы, имѣя ежегодно готовый запасъ, отправленія свои или къ таковымъ къ пути лежащимъ и назначеннымъ торговымъ же мѣстамъ или же къ портамъ заблаговременно учинятъ. И тѣмъ способомъ вся коммерція гораздо облегчена была и какъ товары чрезъ многія руки ходилибъ, то бы не токмо всякому продавцу но и многимъ къ препровожденію и тому подобнымъ упражненіямъ употребляющіеся люди всякіе настоящимъ выграшемъ пользовались, и совсѣмъ тѣмъ однако цѣны отправляемыхъ товаровъ въ портахъ всемѣрно не дороже нынѣшняго обойтиться могли. И тако, сверхъ пользы происходящей какъ отъ говаровъ такъ

и денежной циркуляціи или кругообращенія, еще и сія полезность сама собою воспослѣдовалабъ, что сверхъ годоваго у помѣщиковъ и въ городахъ имѣющагося хлѣбнаго запасу еще многіе знатные во всѣхъ торговыхъ пристаняхъ и портахъ не малые хлѣбные магазейны состоялибъ, коими въ случаѣ неурожая и отъ голоду пользоваться можнобъ. Но сіи отпусковъ остановленій не инако, какъ съ великимъ разсмотрѣніемъ и по крзйней необходимости учинить бы подлежало, какъ то о томъ ниже сего въ 4-мъ пунктѣ обстоятельно упоминается.

3) Какъ не малая часть хлѣборорднѣйшихъ мѣстъ по близости тѣхъ рѣкъ имѣется, которыя теченіе свое въ Черное и Каспійское моря имѣютъ, то безсомнѣнно всему государству весьма полезнѣе бы и толь наиприбыточнѣе состоялобъ, ежелибъ коммерція къ тамошнимъ краямъ открыта и основана быть бы могла, такъ какъ не безъизвѣстно въ Архипелагѣ и на Итальянскихъ берегахъ хлѣбъ съ знатнѣйшимъ прибыткомъ проданъ быть бы могъ и какъ провозные убытки къ тѣмъ мѣстамъ гораздо ниже противъ отправленіяжъ по Балтическому морю состоять могли бы.

4) Когда коммерціи, а особливо хлѣбному торгу ни что вредительнѣе быть не можетъ, какъ частыя объ отпускѣ онаго за море запрещенія, потому что торгующіе купцы и корабли своихъ надобностей въ такомъ случаѣ индѣ искать принуждены и тѣмъ отъ портовъ и торговъ нашихъ такъ отвыкаемы быть могутъ, что по воспослѣдованіи вновь вольныхъ отпусковъ уже дѣйствительно вновь не возвратятся. Того для кажется необходимо и весьма полезнымъ быть, чтобъ такія въ отпускахъ хлѣба никогда запрещенія учинены не были, но егда по усмотрѣнію дѣйствительнаго неурожая и въ хлѣбѣ могущаго недостатка въ отпуску остановку чинить за неминуемобъ почиталось, то лучшимъ способомъ быть признавается, чтобы пошлины на отпускаемый хлѣбъ токмо на одно то время, какъ новыми урожаями безпокойныя и опасныя обстоятельства минутъ, по усмотрѣнію вышнихъ правительствъ лучше возвышены, нежели запретительными указами тѣ заморскіе отпуски остановлены были; ибо незахотя двойныя или тройныя пошлины платить хлѣбъ всемѣрно

въ государствѣ остатьсябъ могъ, а иностранные купцы и корабли явнаго резона не имѣли отъ портовъ нашихъ отстать. По минованію же неурожаевъ и опасностей въ хлѣбѣ нужды тѣ прибавленныя пошлины для толь наилучшаго въ хлѣбномъ торгу иностраннымъ купцамъ къ нашимъ портамъ пріохочиванію не токмо все сбавить, но еще нѣсколько противъ прежнихъ пошлинъ и уменьшеніе сдѣлать полезнымъ быть бы могло, дабы чрезъ то паки заморскій отпускъ возстановиться и по прежнему обращаться могъ.

5) Купечество, мѣщанство и художники, какъ они для общества необходимо надобными людьми состоятъ, а паче первые, посредствомъ коихъ прилежаніе и проворство вся коммерція содержится и все общество пользуется, всемѣрно въ своихъ преимуществахъ и въ упражненіи ихъ званія безъ предобижденія и приметокъ содержаны быть подлежатъ. Слѣдственно и ничто полезнѣйшее какъ для оныхъ, такъ и для всего общества быть бы могло, какъ то, что каждому чину и званія уставы предписаны и никому не дозволено бы было въ такое дѣло вмѣшатися, которое не точно до его званія принадлежитъ; ибо коммерція ничѣмъ столько быть разрушена не можетъ какъ тѣмъ, когда напримѣръ земледѣлецъ въ купечество и въ фабричные или мануфактурные заводы, а купецъ или художникъ въ земледѣліе вступится и тѣмъ себя самихъ дѣйствительно въ изнеможеніе приводить, а всему обществу крайнѣйшій вредъ учинить могутъ.

6) Когда отъ свободнаго и вольнаго всему купечеству торгу при учрежденіи вышеупомянутыхъ особыхъ привиллегіями снабженныхъ торговыхъ пристаней безсумнѣнно уповать должно, что земледѣліемъ упражняющіеся обыватели отъ своего земледѣльства за домашними потребностями оставшее излишество хлѣба дорожѣе нынѣшняго продавать и тѣмъ прибытокъ въ свою пользу получить могутъ. Для толь наилучшаго сего намѣренія достиганія и въ хлѣбной продажи прибыточнѣйшихъ цѣнъ полученія, якоже и лучшаго всѣхъ обывателей а особливо въ отдаленнѣйшихъ внутреннихъ провинцій содержанія, весьма полезнѣйшимъ способомъ то быть бы имѣлось, чтобъ въ тѣхъ отдаленныхъ мѣстахъ, гдѣ никакого хорошаго способа ко отправленію своего хлѣба къ портамъ не имѣется, консумція или къ житію чело-

вѣческому принадлежащихъ вещей употребленіе елико то можно пріумножена была. Къ чему другихъ и лучшихъ способовъ не предвидѣтся какъ то, что по приличности каждаго мѣста и онагѡ преимущественнѣйшихъ произращеній и другихъ доходовъ мануфактуры фабрики и заводы учреждаемы или изъ тѣхъ мѣстъ переведены были, въ коихъ нынѣ къ отягощенію и дороговизны наведенію оныхъ мѣстъ состоятъ, какъ то примѣромъ столичный городъ Москва и дѣйствительно служитъ, въ коихъ можетъ не токмо для знатности и содержанія чистоты мѣста неприличные заводы, яко то кожевенные и тому подобные, но и многихъ другихъ фабрикъ состоятъ, къ которымъ первоначальная матерія изъ дальныхъ внутреннихъ мѣстъ не безъ излишнихъ убытковъ доставляется и при которыхъ ужасное множество работниковъ содержится и тѣмъ дороговизна въ хлѣбѣ и въ прочихъ харчевыхъ припасахъ причиняется. Гораздо сходнѣе и какъ самимъ фабрикъ содержателямъ дешевле становиться, но и въ провинціяхъ лежащимъ городамъ и около оныхъ состоящимъ деревенскимъ обывателямъ полезнѣйше быть бы имѣлось, егдабъ тѣ фабрики, мануфактуры и заводы въ такіе внутренніе города переведены и учреждены были, къ которымъ первоначальные къ каждому дѣлу матеріалы по близости слѣдственно и дешевле доставить можно и отъ коихъ по заготовленіи тѣ фабричныя вещи посредствомъ водяной коммуникаціи въ Москву и во всѣ прочія мѣста, куда надобность востребовалабъ, безъ большихъ издержекъ и убытковъ доставлены быть могли. А какъ не во всѣхъ обширнаго государства Россійскаго въ городахъ и провинціяхъ къ заведенію фабрикъ и мануфактуръ ни возможности, ни приличности не состоялобъ, то тѣмъ не меньше кажется въ оныхъ консумція чрезъ ското-и-коноводства, овчарни и тому подобныхъ заведеній къ толь наивящей народской пользѣ пріумножена быть бы могла, что ужъ себя принужденными не увидѣлибъ на нѣсколько сотъ верстъ хлѣбъ харчь, сѣно и прочія потребности къ городу на продажу свозить и тѣмъ своихъ лошадей и упряжей не въ состояніе и гибель приводить.

Какъ по новымъ Ея Императорскаго Величества апробованнымъ до войскъ касающимся учрежденіямъ, всѣмъ полкамъ

наивсегдашнее время не токмо непремѣнныя квартиры назначены, но и полковымъ командирамъ, безпосредственно отъ главной провинціальной канцеляріи заключаемыхъ подрядовъ, въ тѣхъ же мѣстахъ для всѣхъ полковыхъ служителей поповольной цѣнѣ хлѣбъ и провіантъ и всѣ прочія до полковыхъ нуждъ потребныя вещи ихъ полковыхъ командировъ собственнымъ стараніемъ пріуготовить и закупить, то и не безсумнительно, что тѣмъ всемилостивѣйшимъ учрежденіемъ во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ полкамъ непремѣнныя квартиры назначены, консумція гораздо пріумножится и обывателямъ въ продажѣ хлѣба, съѣстныхъ припасовъ и всего прочаго хорошія прибыли приростися имѣютъ.

Сими и тому подобными къ пользѣ народной обращающимися учрежденіями требуемое прожектами въ хлѣбѣ и въ цѣнахъ равновѣсіе гораздо легче и способнѣе производимо быть кажется, нежели чрезъ заведеніе ужаснаго иждивенія требуемыхъ на счетѣ казенномъ состоящихъ государственныхъ магазейновъ. Не меньшежъ кажется, что Ея Императорскаго Величества намѣреніе, чтобы цѣна хлѣба всегда въ рукахъ Ея Императорскаго Величества состояла, всѣмъ неоминуемо самымъ дѣломъ исполняемо было, егдабъ по вышеписанному безъ казеннаго иждивенія употребленія въ всемъ государствѣ всегда готовые запасы содержаны были и егда по востребованію нужды хлѣбные за море отпуски не запретительными указами, но чрезъ временное пріумноженіе портовыхъ пошлинъ остановлены были.

Но ежели завсѣмъ тѣмъ разсудилось бы, хоть не весьма большихъ для пользы народной въ случаѣ всякихъ приключеніевъ потребныхъ казенныхъ магазейновъ въ приличныхъ мѣстахъ въ государствѣ завести, то кажется и сіе съ небольшимъ и излишнемъ казеннымъ иждевеніомъ такимъ порядкомъ учиниться моглобъ: что стараніемъ и попеченіемъ губернаторовъ только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ за неплодоносіемъ земли рѣдко хорошіе и прибыточные урожаи бываютъ, за наличныя деньги по повольной цѣнѣ толикое число хлѣбныхъ запасовъ зерновымъ хлѣбомъ, а не мукою покупано и въ готовности содержано было, сколько по числу въ тѣхъ неплодоносныхъ мѣстахъ живущихъ обывателей необходимо по ихъ разсужденіямъ возна-

добилось, ассигнуя имъ на такія покупки токмо каждаго ихъ вѣдомства подкладныя суммы съ тѣмъ однако подтвержденіемъ, чтобъ къ наблюденію казеннаго интереса все то безъ излишней передачи производилось. А дабы отъ долголежанія хлѣбу ни порчи, ни траты не приключилось, отдать на ихъ губернаторскую волю и разсмотрѣніе, чтобы тѣ хлѣбныя суммы ежегодно купцамъ и другимъ людямъ продавать, ища при той продажѣ такой казнѣ прибыли, чтобы не токмо для содержанія анбаровъ или такъ называемыхъ магазейновъ употребляемые годовые расходы замѣнены, но и сверхъ того ежегодно столько денежнаго прибытку въ казну, чтобъ по прошествіи не далѣе десяти лѣтъ вся при первой покупкѣ употребленная денежная сумма возвращена, и то учрежденіе впредь единственно отъ продажи выигрышнихъ денегъ содержено и, буде въ томъ по ихъ разсмотрѣнію надобность состоять моглабъ, пріумножено было.

Таково содержаніе доклада комисіи 1763 года по вопросу объ учрежденіи государственныхъ запасныхъ магазиновъ для продовольствія народа. Сравнивая его съ вышеприведенными предложеніями князя Трубецкаго и графа Шувалова, нельзя не замѣтить между ними рѣзкой разницы и даже можно сказать совершенной противоположности. Князь Трубецкой и графъ Шуваловъ, какъ мы видѣли, считали необходимымъ для обезпеченія продовольствія войска и народа сосредоточить всю хлѣбную торговлю въ рукахъ казны, между тѣмъ какъ члены комисіи 1763 года считали лучшимъ средствомъ для этого развитіе частной хлѣбной торговли. Затѣмъ другимъ средствомъ для обезпеченія народнаго продовольствія докладчики считали обязательное устройство хлѣбныхъ запасныхъ магазиновъ въ селеніяхъ и городахъ на счетъ помѣщиковъ и городскихъ обществъ. Наконецъ только въ тѣхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ вслѣдствіе неплодородія почвы рѣдко бываютъ хорошіе урожаи, докладчики допускали устройство магазиновъ на казенной счетъ. Вообще, идеи, высказанныя докладчиками, совершенно противорѣчатъ тѣмъ началамъ, которыми руководилось русское правительство, начиная съ Петра I въ своей дѣятельности съ цѣлью предупрежденія и пресѣченія дороговизны и голода. Какова же была судьба этого

замѣчательнаго доклада? Онъ былъ послѣднимъ актомъ дѣятельности комисіи 1763 года объ учрежденіи государственныхъ хлѣбныхъ магазиновъ въ Россіи. 8 мая 1763 года Императрица во время присутствія своего въ сенатѣ Высочайше указать соизволила: оное отъ комиссіи государственныхъ магазиновъ мнѣніе разсмотрѣть и представить Ея Императорскому Величеству сенату съ своимъ мнѣніемъ, а опредѣленнымъ въ ту комиссію персонамъ явиться къ мѣстамъ (службы), также и канцелярскихъ служителей распустить въ прежнія ихъ мѣста. Такимъ образомъ комиссія 1763 года окончила свое короткое существованіе. 19 августа того же 1763 года правительствующій сенатъ слушалъ мнѣніе комиссіи и опредѣлилъ поднести Ея Императорскому Величеству всеподданнѣйшій докладъ съ своимъ мнѣніемъ, но 10 ноября того же года при слушаніи этого опредѣленія въ правительствующемъ сенатѣ постановлено: истребовать мнѣніе главной провіантской канцеляріи и для того подпискою вышеписаннаго о государственныхъ магазейновъ опредѣленія обождать. Изъ генералъ прокурорскихъ дѣлъ, хранящихся въ московскомъ архивѣ минис. юст. видно, что до 1768 года дѣло объ устройствѣ магазиновъ въ сенатѣ не разсматривалось. Въ этомъ году копія со всего плана начертаннаго комиссіей 1763 года по устройству государственныхъ запасныхъ магазиновъ отослана въ комиссію о сочиненіи проекта новаго уложенія. Намъ неизвѣстно: былъ ли этотъ планъ разсматриваемъ въ какой либо изъ спеціальныхъ комиссій объ уложеніи и какова была вообще дальнѣйшая судьба этого доклада. Но, во всякомъ случаѣ, весьма вѣроятно, что докладъ комиссіи не остался безъ вліянія на административную практику, такъ какъ не одною случайностью можетъ быть объяснено близкое сходство между идеями, высказанными въ докладѣ комиссіи и тѣми началами, которыя лежали въ основаніи мѣръ, принятыхъ русскимъ правительствомъ въ царствованіе Екатерины II съ цѣлью обезпеченія народнаго продовольствія. Императрица, вѣроятно убѣжденная доводами докладчиковъ, отказалась отъ первоначальнаго намѣренія завести во всѣхъ городахъ хлѣбные запасные магазины, «дабы всегда цѣна хлѣба въ моихъ рукахъ

была», какъ она выразилась въ указѣ 23 августа 1762 года. И съ этого времени административная дѣятельность русскаго правительства относительно народнаго продовольствія получила совершенно иной характеръ, иное направленіе сравнительно съ тѣмъ, которое преобладало въ періодъ царствованія Петра I и его ближайшихъ преемниковъ. Обычай описывать и отбирать хлѣбъ у имущихъ для раздачи его неимущимъ мало по малу выходитъ изъ употребленія. Многочисленныя и разнообразныя ограниченія и стѣсненія внутренней хлѣбной торговли, какъ напр. описываніе запасовъ у хлѣбныхъ торговцевъ, назначеніе таксъ, запрещеніе вывоза хлѣба изъ одной мѣстности въ другую, отмѣняются въ царствованіе Екатерины II. Свободная хлѣбная торговля внутри государства, по мнѣнію Императрицы, есть лучшее средство обезпеченія народнаго продовольствія, (см. именной указъ, данный московскому главнокомандующему графу Брюсу отъ 3 февраля 1785 г. п. с. з. № 16143). Всякаго рода монополіи юридическія или фактическія Императрица считала вредными для общества, и этимъ объясняются ея негодованіе и преслѣдованія, обращенныя противъ скупщиковъ, перекупщиковъ и томуподобныхъ лицъ. Съ цѣлію облегченія и поощренія внутренней хлѣбной торговли правительство Екатерины Великой принимало различнаго рода мѣры, какъ напр. попеченіе о развитіи судоходства, назначеніе премій и т. п. Точно также и внѣшняя хлѣбная торговля сдѣлалась почти свободною: правительство Екатерины II только въ рѣдкихъ и крайнихъ случаяхъ прибѣгало къ запрещенію вывоза хлѣба за границу. Другимъ средствомъ къ предупрежденію дороговизны и голода въ царствованіе Екатерины II служило развитіе и улучшеніе земледѣлія, сельскаго хозяйства вообще и въ частности разведеніе различныхъ хлѣбныхъ суррогатовъ, какъ напр. картофеля. Затѣмъ, одною изъ главныхъ мѣръ для обезпеченія народнаго продовольствія въ царствованіе Екатерины Великой считалось устройство хлѣбныхъ запасныхъ магазиновъ. Правительство Екатерины II старалось всячески побудить помѣщиковъ, сельскія и городскія общества къ заведенію хлѣбныхъ запасовъ на собственный счетъ. Но безпечность и бездѣятельность дворянскихъ, сельскихъ и городскихъ обществъ

принуждали правительство заводить казенные магазины во многихъ городахъ и селеніяхъ. Наконецъ, въ царствованіе Императрицы Екатерины Великой признано было общею мѣрой для облегченія голодающаго населенія устройство казенныхъ и общественныхъ работъ (п. с. з. № 14418) (*).

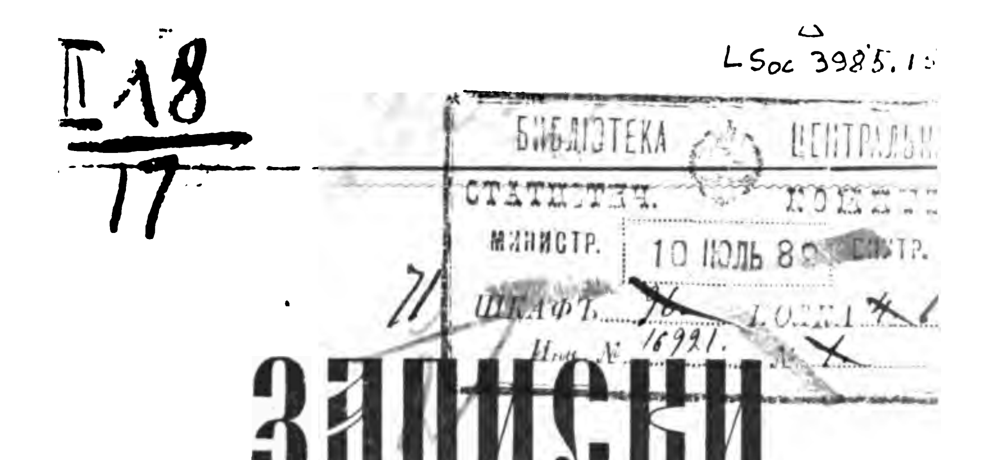
М. Шпилевскій.

(*) Подробное изложеніе и оцѣнка мѣръ по обезпеченію народнаго продовольствія въ царствованіе Екатерины II составляетъ содержаніе приготовляемаго нами къ печати особаго изслѣдованія, основаннаго на многихъ печатныхъ и рукописныхъ источникахъ.

ТОМЪ XII. Содержаніе: 1) Протоколы засѣданій совѣта (съ
:ентября по 5-е декабря 1873 г.) — 2) Программа курса церков-
законовѣдѣнія, одобр. юридическимъ факультетомъ новороссій-
университета (Приложеніе къ ст. 14-й протокола 2-го ноября).—
мятникъ гарпій изъ Ксаноа въ Ликіи. Опытъ исторической ха-
)истики. *Н. Кондакова.* — 4) Замѣтка объ ускореніяхъ высшихъ
:овъ въ движеніи неизмѣняемой системы.

ТОМЪ XIII. Содержаніе: 1) Протоколы засѣданій совѣта съ
нваря по 2 е марта 1874 г.—Записка о путешествіи по славянскимъ
:ъ. Доцента *А. Кочубинскаго.* (Приложеніе къ 13-й ст. протокола
нія совѣта 2-го марта). — 3) Статья 6-я протокола засѣданія
-математическаго факультета 17-го января 1873 года (приложеніе
-й статьѣ протокола засѣданія совѣта 2-го марта). — 4) Федонъ,
)ръ Платона. Переводъ съ объяснительными примѣчаніями. *Д.*
'ва. — 5) Замѣчательнѣйшія рукописи каноническаго содержанія
:овской синодальной (бывшей патріаршей) библіотекѣ. *А. Павлова.*

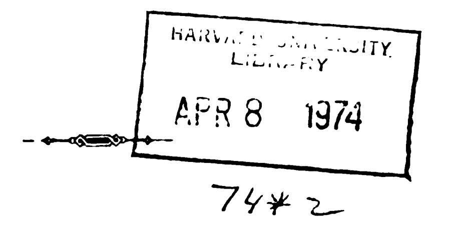
Цѣна за каждый томъ 2 р. 50 коп.



ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

НОВОРОССІЙСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.



ТОМЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ,

изданный подъ редакціею ордин. проф. А. С. Павлова.

ОДЕССА,
ВЪ ТИПОГРАФІИ УЛЬРИХА И ШУЛЬЦЕ.
1874.

Печатано по опредѣленію совѣта Императорскаго новороссійскаго университета.
Ректоръ Ѳ. *Леонтовичъ*.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Часть оффиціальная.

КРАТКІЙ ОТЧЕТЪ
о
СОСТОЯНІИ и ДѢЙСТВІЯХЪ
Императорскаго новороссійскаго университета
въ $18\frac{73}{74}$ академическомъ году.

I. Личный составъ университета.

Въ личномъ составѣ служащихъ въ университетѣ произошли въ истекшемъ академическомъ году слѣдующія перемѣны:

1) Составъ преподавателей пополнился назначеніемъ магистра Малинина доцентомъ по каѳедрѣ судоустройства и гражданскаго судопроизводства, магистра духовной академіи Кудрявцева—исправляющимъ должность профессора православнаго богословія и бывшаго профессора университета св. Владиміра Ковалевскаго—ординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ зоологіи.

2) Изъ прежде служившихъ: а) исправлявшіе должность доцентовъ Кочубинскій и Кондаковъ утверждены въ занимаемыхъ ими должностяхъ; б) возведены въ высшія званія: доцентъ Лигинъ въ званіе экстраординарнаго профессора, доцентъ Цитовичъ въ званіе экстраординарнаго, а потомъ и ординарнаго профессора, экстраординарные профессоры Ярошенко и Синцовъ—въ ординарные профессора; в) выбыли: доцентъ по каѳедрѣ ботаники Кощугъ по прошенію и заслуженные профессоры: православнаго богословія протоіерей Павловскій и гражданскаго права Куницынъ—за выслугою опредѣленнаго срока.

3) Затѣмъ число наличныхъ преподавателей въ новороссійскомъ университетѣ состоитъ въ настоящее время изъ 26 ординарныхъ профессоровъ, 2 экстраординарныхъ, 9 доцентовъ и 1

астронома-наблюдателя. По факультетамъ преподаватели распредѣляются слѣдующимъ образомъ: по историко-филологическому: 6 ординарныхъ профессоровъ, 1 экстраординарный и 3 доцента; по физико-математическому: 13 ординарныхъ профессоровъ, 1 экстраординарный, 3 доцента и 1 астрономъ-наблюдатель; по юридическому: 7 ординарныхъ профессоровъ и 3 доцента.

Кромѣ этихъ преподавателей состоятъ вообще при университетѣ: 1 профессоръ православнаго богословія и 2 лектора новѣйшихъ иностранныхъ языковъ.

4) Остаются незамѣщенными слѣдующія каѳедры:

Въ историко-филологическомъ факультетѣ:

1. Всеобщей исторіи и
2. Исторіи всеобщей литературы.

Въ физико-математическомъ:

3. Физической географіи и
4. Технической химіи.

Въ юридическомъ:

5. Энциклопедіи права,
6. Римскаго права и
7. Международнаго права.

Впрочемъ замѣщеніе двухъ изъ перечисленныхъ вакантныхъ каѳедръ, именно: всеобщей исторіи и римскаго права, можно считать уже обезпеченнымъ, такъ какъ совѣтомъ, по представленіямъ факультетовъ, избраны уже: на первую каѳедру магистрантъ Успенскій съ званіемъ доцента, и на вторую докторъ гражданскаго права, ординарный профессоръ римскаго права въ демидовскомъ юридическомъ лицеѣ Дювернуа съ званіемъ ординарнаго профессора.

Въ составѣ должностныхъ лицъ по учебно-административной и другимъ частямъ произошли слѣдующія перемѣны: экстраординарный профессоръ Лигинъ и доцентъ Шпилевскій утверждены секретарями — первый физико-математическаго факультета на мѣсто выслужившаго срокъ профессора Ярошенко, второй юридическаго на мѣсто также выслужившаго срокъ профессора Патлаевскаго; кандидатъ естественныхъ наукъ Вернеръ опредѣленъ лаборантомъ

химической лабораторіи; помощникъ библіотекаря Л. Брунъ перемѣщенъ на должность секретаря по студентскимъ дѣламъ; библіотекарь Шишковскій, по выслугѣ срока на пенсію, оставленъ на службѣ еще на 5 лѣтъ.

II. Учебная и ученая дѣятельность университета.

1) Съ 1 іюня 1873 по 1 іюня 1874 г. историко-филологическій факультетъ имѣлъ 25 засѣданій, въ томъ числѣ 2 публичныхъ; физико-математическій 30 засѣданій, изъ нихъ 3 публичныхъ; юридическій 26 засѣданій, въ томъ числѣ 2 публичныхъ, и совѣтъ университета 21 засѣданіе.

2) Въ распредѣленіи предметовъ и порядкѣ преподаванія какъ факультеты, такъ и совѣтъ руководствовались прежними правилами, остававшимися въ силѣ и въ теченіе всего 1873—74 академическаго года. Тѣ же перемѣны, которыя вызвались положеніемъ дѣлъ, состояли въ слѣдующемъ: въ историко-филологическомъ факультетѣ преподаваніе по вакантной каѳедрѣ всеобщей исторіи раздѣлено было между стороннимъ преподавателемъ, заслуженнымъ профессоромъ Бруномъ и ординарнымъ профессоромъ русской исторіи Смирновымъ, а преподаваніе греческаго языка усилено порученіемъ чтенія лекцій по этому предмету, кромѣ наличнаго преподавателя этого предмета, ординарному профессору по каѳедрѣ сравнительной грамматики индоевропейскихъ языковъ Ягичу; въ физизо-математическомъ факультетѣ преподаваніе по вакантной каѳедрѣ физической географіи поручено было ординарному профессору физики Шведову; преподаваніе по другой вакантной каѳедрѣ технической химіи—ординарному профессору химіи Вериго; преподаваніе практической астрономіи — астроному-наблюдателю Блоку; преподаваніе механики раздѣлено между ординарнымъ профессоромъ Карастелевымъ и возвратившимся изъ заграничной ученой командировки экстраординарнымъ профессоромъ Лигинымъ; въ юридическомъ факультетѣ: преподаваніе по вакантнымъ каѳедрамъ: энциклопедіи права — доценту Пригарѣ, римскаго права — заслуженному профессору Куницыну и международнаго права—доценту Шпилевскому. Кромѣ того, въ истекшемъ

академическомъ году въ кругъ предметовъ, преподаваемыхъ на юридическомъ факультетѣ, введено было торговое право, преподаваніе котораго поручено было доценту, нынѣ ординарному профессору гражданскаго права Цитовичу.

4) Мѣрами къ усиленію учебной дѣятельности студентовъ и способами контроля надъ ихъ занятіями, сверхъ годичныхъ и полугодичныхъ контрольныхъ испытаній, служили на *историко-филологическомъ факультетѣ*, задаваемыя на старшихъ курсахъ письменныя работы по спеціальнымъ предметамъ, какъ-то: русской и всеобщей исторіи, славянской филологіи и др. Кромѣ того по нѣкоторымъ предметамъ, какъ то: исторіи славянскихъ нарѣчій и литературѣ существовали практическія упражненія, равно какъ и въ особые часы—по латинскому языку. По исторіи искусствъ въ особо назначенный часъ студенты занимались въ университетскомъ музеѣ изящныхъ искусствъ. *Юридическій факультетъ*, по примѣру прежнихъ лѣтъ, задавалъ темы для письменныхъ работъ на дому; факультетъ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе убѣждается въ полезности этой педагогической мѣры. Чтобы побудить студентовъ къ исправному исполненію этой обязанности, факультетъ постановилъ не допускать къ экзаменамъ тѣхъ изъ нихъ, которые не представятъ годичныхъ сочиненій. Кромѣ того въ истекшемъ академическомъ году доцентъ Шпилевскій представилъ факультету подробную записку о практическихъ занятіяхъ съ студентами-юристами въ аудиторіи. Факультетъ одобрилъ въ принципѣ изложенный въ этой запискѣ планъ практическихъ занятій и постановилъ передать его членамъ факультета для спеціальнаго разсмотрѣнія, въ видахъ установленія общихъ мѣръ въ этомъ направленіи. *На физико-математическомъ факультетѣ*, практическія занятія студентовъ составляютъ необходимое условіе серьезнаго изученія факультетскихъ предметовъ.

5) Съ цѣлію же поощренія студентовъ къ ученымъ занятіямъ ежегодно назначаются особыя темы для соисканія медалей. На текущій академическій годъ назначены темы:

Историко-филологическимъ факультетомъ: «общественное и семейное положеніе, образъ жизни и характеръ греческой женщины

въ гомерическій вѣкъ, съ подробной характеристикой наиболѣе замѣчательныхъ историческихъ женщинъ, упоминаемыхъ въ Иліадѣ и Одиссеѣ»; физико-математическимъ: 1) по математикѣ: «о развертываніи функцій по синусамъ и косинусамъ кратныхъ перемѣнной» (причемъ требуется вывести теорему Фурье и показать приложенія ея къ интегрированію уравненій въ частныхъ производныхъ)», 2) по ботаникѣ: «о вліяніи теплоты на развитіе растеній; юридическимъ: «имѣетъ ли въ настоящее время вторая часть кормчей практическое значеніе».

6) Преподавателями и другими служащими въ университетѣ напечатаны въ истекшемъ году слѣдующія сочиненія: заслуженный ординарный профессоръ Григоровичъ напечаталъ въ запискахъ новороссійскаго университета «записку о поѣздѣ на Каялу, Колку и затѣмъ въ бизюковъ и короунскій монастырь, и побережье Днѣстра отъ Бендеръ до Аккермана». Ординарный профессоръ Ягичъ въ V и VI книгѣ изданія южно-славянской академіи наукъ подъ заглавіемъ «Старине» помѣстилъ статью «описаніе и извлеченія изъ разныхъ южно-славянскихъ вовсе неизвѣстныхъ или мало извѣстныхъ рукописей». Заслуженный профессоръ Юргевичъ напечаталъ въ IX томѣ записокъ одесскаго общества исторіи и древностей статьи: 1) «донесеніе о поѣздкѣ въ Крымъ» и 2) «о древне-эллинской могилѣ близь Севастополя». Заслуженный профессоръ Брунъ напечаталъ: 1) въ запискахъ Императорской академіи наукъ «черноморскіе готы и слѣды ихъ долгаго пребыванія въ южной Россіи»; 2) въ запискахъ одесскаго общества исторіи и древностей «путешествіе турецкаго туриста изъ Гоніи въ Анапу».

И. д. ординарнаго профессора, протоіерей Войтковскій помѣстилъ въ херсонскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ: 1) слово предъ крестнымъ ходомъ въ память основанія г. Одессы и 2) слово въ недѣлю православія.

И. д. ординарнаго профессора, священникъ Кудрявцевъ напечаталъ: 1) въ запискахъ новороссійскаго университета вступительную свою лекцію по богословію, 2) въ актовой книжкѣ славянскаго благотворительнаго общества св. св. Кирилла и Меѳодія—

слово, сказанное за литургіей въ день памяти св. св. Кирилла и Меѳодія и 3) въ херсонскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ нѣсколько словъ изъ ряда бесѣдъ, сказанныхъ въ университетской церкви въ св. четыредесятницу, воскресные и праздничные дни.

Ординарный профессоръ Вальцъ напечаталъ въ запискахъ общества сельскаго хозяйства южной Россіи статью 1) «какіе элементы относятся къ числу необходимыхъ составныхъ частей пищи растеній» и 2) подъ его руководствомъ студентъ Шельтингъ напечаталъ въ томъ же журналѣ свои изслѣдованія надъ головневыми грибами и надъ вліяніемъ мѣднаго купороса на прорастаніе зеренъ пшеницы.

Ординарный профессоръ Шведовъ напечаталъ статью «Ueber die Electricitätsstrahlen» въ Poggendorf's Annalen für Physik und Chemie.

Ординарный профессоръ Синцовъ напечаталъ: 1) дополнительную замѣтку къ статьѣ: «геологическій очеркъ Саратовской губерніи» въ запискахъ новороссійскаго общества естествоиспытателей и 2) нѣсколько словъ по поводу брошюры доктора іенскаго университета Влад. Ковалевскаго «замѣтка о моемъ магистерскомъ экзаменѣ»—въ запискахъ новороссійскаго университета.

Ординарный профессоръ Павловъ напечаталъ въ запискахъ новороссійскаго университета извлеченіе изъ отчета о своей командировкѣ въ Москву и Петербургъ для занятій въ тамошнихъ архивахъ и библіотекахъ подъ заглавіемъ «замѣчательнѣйшія греческія рукописи каноническаго содержанія въ московской синодальной (бывшей патріаршей) библіотекѣ».

Ординарный профессоръ Цитовичъ издалъ 2 выпуска лекцій по торговому праву—отдѣльною книгою, и напечаталъ разборъ проекта объ акціонерныхъ компаніяхъ—въ журналѣ гражданскаго и уголовнаго права.

Ординарный профессоръ Леонтовичъ налитографировалъ часть лекцій по внутренней исторіи древняго русскаго права.

Экстраординарный профессоръ Лигинъ напечаталъ: 1) «Sur le lieu des points d'un système invariable mobile d'une manière générale dans l'espace, dont les accélérations du

premier ordre sont constantes» въ 1 томѣ Bulletin de la société mathématique de France; 2) «Note historique sur le problème des engrenages cylindriques» тамъ же; 3) «Sur quelques propriétés du deplacement d'une figure plane dans son plan» въ Nouvelles Annales de Mathématiques, 4) «замѣтку объ ускореніи высшихъ порядковъ въ движеніи неизмѣняемой системы» въ запискахъ новороссійскаго университета; 5) «отвѣтъ на статью г. Умова: замѣтка по поводу сочиненія г. Лигина: геометрическая теорія абсолютнаго движенія неизмѣняемой системы», тамъ же; 6) «обобщенія нѣкоторыхъ геометрическихъ свойствъ движенія системъ» — отдѣльною книжкою.

Доцентъ Шпилевскій помѣстилъ въ вѣдомостяхъ одесск. градоначальства извлеченіе изъ прочтенной имъ публичной лекціи «о дороговизнѣ квартиръ въ большихъ городахъ и о мѣрахъ противъ нея».

Доцентъ Кочубинскій напечаталъ въ запискахъ новороссійскаго университета монографію «Братья Подобои и чешскіе католики въ началѣ XVII вѣка» и 2) «записку о путешествіи по славянскимъ землямъ».

Доцентъ Кондаковъ напечаталъ тамъ же «памятникъ Гарній и символика греческаго искусства».

Доцентъ Умовъ напечаталъ: 1) «Ein Theorem über die Wechselwirkungen in endlichen Entfernungen» въ Zeitschrift für Mathematik und Physik; 2) «теорія взаимодѣйствій на разстояніяхъ конечныхъ»—въ математическомъ сборникѣ, 3) «уравненія движенія энергіи въ тѣлахъ» — отдѣльною книжкою.

Лаборантъ Петріевъ напечаталъ «Ueber Bibrom und Bioksynolonsäure» въ Berichte der deutschen chemischen Gesellschaft.

Консерваторъ физическаго кабинета Сталевичъ произвелъ вычисленія метеорологическихъ наблюденій за 1873 годъ, напечатанныя въ лѣтописяхъ главной физической обсерваторіи въ Петербургѣ. Консерваторъ ботаническаго кабинета Ришави напечаталъ: 1) «Альгологическія изслѣдованія» въ запискахъ новороссій-

скаго общества естествоиспытателей; 2) «отчетъ объ экскурсіяхъ, произведенныхъ въ Крыму»—также.

Лаборантъ Спиро напечаталъ изслѣдованіе «къ вопросу объ иннерваціи дыхательныхъ движеній» въ запискахъ новороссійскаго университета.

7) Ординарный профессоръ Мечниковъ читалъ публичныя лекціи по зоологіи, ординарный профессоръ Сѣченовъ по физіологіи животныхъ, ординарный профессоръ Шведовъ по физической географіи, ординарный профессоръ Вериго по органической химіи, астрономъ-наблюдатель Блокъ по космографіи, по 1 часу въ недѣлю. Кромѣ того профессора Мечниковъ, Сѣченовъ, Шведовъ и Вериго прочли по одной публичной лекціи, первый «о борьбѣ за существованіе и о подборѣ народовъ», второй «о цѣлесообразности устройства человѣческаго тѣла», третій «о вліяніи температуры на цивилизацію», четвертый «о днѣстровской водѣ» и доцентъ Шпилевскій «о дороговизнѣ квартиръ въ большихъ городахъ и о мѣрахъ противъ нея».

8) Подвергались устному и письменному испытанію *на степень магистра*: русской исторіи—кандидатъ Марковичъ, исторіи русской литературы—кандидатъ Смирновъ, астрономіи—кандидатъ новороссійскаго университета Кононовичъ, химіи—кандидатъ новороссійскаго университета Петріевъ. За исключеніемъ г. Смирнова, который еще продолжаетъ испытанія, всѣ остальные окончили свои испытанія съ успѣхомъ. Разсмотрѣны и одобрены, а затѣмъ подвергнуты публичному защищенію диссертаціи: а) *на степень магистра славянской филологіи* магистранта Кочубинскаго подъ заглавіемъ «Братья Подобои и чешскіе католики въ началѣ XVII вѣка», *зоологіи*—магистранта Спиро подъ заглавіемъ «къ вопросу объ иннерваціи дыхательныхъ движеній», *гражданскаго права*—магистранта Малинина подъ заглавіемъ «убѣжденіе судьи въ гражданскомъ процессѣ»; б) *на степень доктора гражданскаго права*—магистра Дювернуа подъ заглавіемъ: «основная форма корреальнаго обязательства». Защищенія признаны удовлетворительными и авторы удостоены искомыхъ степеней.

9) Изъ окончившихъ въ университетѣ курсъ студентовъ, а равно и подвергавшихся окончательнымъ испытаніямъ постороннихъ лицъ, удостоены: а) степени кандидата: 2 по историко-филологическому факультету, 18 по физико-математическому и 18 по юридическому; званія дѣйствительнаго студента: 7 по историко-филологическому факультету, 5 по физико-математическому и 38 по юридическому; изъ нихъ 17 предоставлено право въ установленный срокъ представить диссертаціи на степень кандидата.

10) Оставлены при университетѣ на 2 года для приготовленія къ профессорскому званію кандидаты: Козубскій по всеобщей исторіи, Бершадскій по государственному праву, Репяховъ по зоологіи, Прендель по ботаникѣ, а магистранты: князь Кантакузинъ графъ Сперанскій и Кононовичъ съ тою же цѣлью отправлены за границу, первый по международному праву, второй по астрономіи.

11) Независимо отъ прямыхъ своихъ занятій и исполненія непосредственныхъ своихъ обязанностей, нѣкоторые преподаватели исполняли особыя порученія начальства. Такъ, ректоръ университета Леонтовичъ съ 1 іюня по 1 іюля, съ 14 по 4 и съ 23 по 29 сентября 1873 г. и съ 25 апрѣля по 23 мая 1874 г. управлялъ одесскимъ учебнымъ округомъ; проректоръ Богдановскій съ 6 іюня по 1 іюля, съ 21 іюля по 17 августа и съ 12 по 20 декабря 1873 г. и съ 26 апрѣля по 23 мая 1874 г. исправлялъ должность ректора; командированы были совѣтомъ: заслуженный ординарный профессоръ Григоровичъ депутатомъ на 3 археологическій съѣздъ въ Кіевѣ, ординарный профессоръ Шведовъ въ С.-Петербургъ для осмотра центральной физической обсерваторіи, ординарный профессоръ Мечниковъ въ ставропольскую, астраханскую и оренбургскую губерніи для антропологическихъ изслѣдованій; доцентъ Малининъ, съ ученою цѣлію, за границу; ординарный профессоръ Вольскій участвовалъ въ работахъ по организаціи однодневной переписи народонаселенія въ г. Одессѣ, а также принималъ участіе въ занятіяхъ статистическаго съѣзда херсонскаго земства.

Историко-филологическій факультетъ занимался разсмотрѣ-

ніемъ 5 сочиненій, представленныхъ для соисканія преміи И. Г. Вучины, предложенной за лучшее драматическое сочиненіе, написанное для народнаго театра. Къ сожалѣнію, и на этотъ разъ, какъ и въ прошломъ году, ни одно изъ нихъ не оказалось достойнымъ преміи.

III. Хозяйственно-распорядительная часть.

Новороссійскій университетъ съ 1-го іюня 1873 г. имѣлъ въ своемъ распоряженіи слѣдующія денежныя средства:

1) Оставалось къ 1 іюня 1873 г. отъ суммы, ассигнованной по § 5 смѣты министерства народнаго просвѣщенія на тотъ годъ, на содержаніе университета:	
а) По ст. 1 й на содержаніе личнаго состава . . . . . , ...	75120 р. 87 к.
б) По ст. 2-й на учебныя пособія, хозяйственные и другіе расходы	38419 » 83 »
в) По ст. 3 й на стипендіи и пособія студентамъ	9040 » 20 »
2) Отъ суммы, ассигнованной по § 17 ст. 12 той же смѣты, на пособіе обществу естествоиспытателей при университетѣ .	198 » 91 »
Всего . .	122779 р. 81 к.

Изъ этой суммы израсходовано:

1) На жалованье, столовыя и квартирныя служащимъ при университетѣ . .	69363 р. 07 к.
2) На учебныя пособія, хозяйственные и другіе расходы	37459 » 83 »
3) На стипендіи и пособія студентамъ университета	9011 » 22 »
4) На содержаніе общества естествоиспытателей при университетѣ	198 » 91 »
5) Причитается еще къ выдачѣ разнымъ лицамъ за сдѣланные университетомъ заказы	5164 » 15 »
Всего . .	121197 р. 18 к.

Затѣмъ поступило въ свободные ресурсы государственнаго казначейства . .	1582 р. 63 к.
Балансъ .	122779 р. 81 к.
По финансовой смѣтѣ министерства народнаго просвѣщенія 1874 г. на содержаніе новороссійскаго университета въ этомъ году назначено:	
По § 5-му смѣты:	
По 1-й ст. на содержаніе личнаго состава	134950 р. — к.
По 2-й ст. на учебныя пособія, хозяйств. и другіе расходы	51400 » — »
По 3-й ст. на стипендіи и пособія студентамъ университета	17500 » — »
По § 17—18:	
По 12—10 ст. на пособіе обществу естествоиспытателей при университетѣ .	2500 » — »
Итого . .	206350 р. — к.
Сверхъ того ассигновано дополнительнаго кредита:	
По § 5-му смѣты:	
По 1-й ст. содержаніе секретаря по студентскимъ дѣламъ	724 р. 44 к.
По § 14—15 смѣты:	
По ст. 1-й на приготовленіе профессоровъ и учителей на ученыя командировки	1314 » 84 »
А всего .	208,389 » 28 »
Изъ этой суммы по 1-е іюня 1874 г. израсходовано:	
а) На содержаніе личнаго состава .	54524 р. 50 к.
б) На учебныя пособія хозяйственные и другіе расходы	20884 » 05 »
в) На стипендіи и пособія студентамъ университета	8797 : 30 »
г) На приготовленіе профессоровъ и на ученыя командировки	1314 » 84 »

д) На пособіе обществу естествоиспытателей при университетѣ	2500 р. — к.
Итого . .	88020 р. 69 к.
Затѣмъ къ 1-му іюня 1874 года въ остаткѣ	120368 р. 59 к.
Балансъ .	208389 р. 28 »

Сверхъ суммы, отпускаемой изъ казны, университетъ имѣетъ и свои спеціальныя средства, состоящія изъ а) сбора платы съ студентовъ за слушаніе лекцій, б) за матрикулы, и в) въ пожертвованныхъ капиталахъ.

а) Сбора платы за слушаніе лекцій къ 1 му іюня 1873 года оставалось. . .	884 р. $56^1/_2$ к.
Съ 1-го іюня 1873 по 1-е іюня 1874 года поступило	7400 » — »
Итого . .	8284 р. $56^1/_2$ к.
Изъ нихъ перечислено $2^0/_0$ вычета въ сумму ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія	190 р. 40 к.
Израсходовано на разные предметы по опредѣленіямъ совѣта университета .	7423 » 98 »
Итого . .	7614 р. 38 к.
Затѣмъ къ 1-му іюня 1874 года состоитъ	670 р. $18^1/_2$ к.
б) Сбора за матрикулы къ 1-му іюня 1874 года оставалось	63 » $85^1/_2$ »
Съ 1-го іюня 1873 г. по 1-е іюня 1874 года поступило	249 » — »
Итого . .	312 р. $85^1/_2$ к.
Изъ этой суммы въ томъ же году израсходовано	200 р. — к.
Затѣмъ къ 1-му іюня 1874 года состоитъ	112 » $85^1/_2$ »

в) Пожертвованныхъ капиталовъ на содержаніе изъ $^0/_0$ оныхъ стипендіатовъ

разныхъ наименованій къ 1-му іюня 1873 г. состояло:

наличными	2678 р. 13¼ к.
въ билетахъ . . .	68800 » — »
Итого . .	71478 р. 13¼ к.
Съ 1 го іюня 1873 года по 1-е іюня 1874 года получено % на пожертвованные капиталы	4945 р. — к.
Всего . .	76423 р. 13¼ к.
Изъ этой суммы съ 1-го іюня 1873 г. по 1-е іюня 1874 года выдано стипендій студентамъ университета и ученикамъ гимназій	3179 р. 30 к.
Затѣмъ къ 1-му іюня 1874 года состоитъ:	
наличными деньгами . .	4443 » 83 »
процентными бумагами. .	68800 » 83 »
Итого . .	73243 р. 83 к.

Съ 1-го іюня 1873 по 1-е іюня 1874 поступило пожертвованій: а) книгами отъ ординарнаго профессора университета А. С. Павлова одно сочиненіе для университетской библіотеки и 22 сочиненія для такъ называемаго студентскаго отдѣла библіотеки; отъ учителя ришельевской гимназіи А. А. Шапелова—87 названій, въ 173 томахъ; б) принадлежностями минцъ-кабинета и музея изящныхъ искусствъ: отъ секретаря совѣта В. А. Орлова — двѣ серебряныя медали—турецкая и англійская за крымскую войну и 14 мѣдныхъ русскихъ и иностранныхъ монетъ; отъ протоіерея Сухомлинова—три мѣдныхъ римскихъ монеты; отъ ординарныхъ профессоровъ университета: И. И. Мечникова — девять серебряныхъ и двѣ мѣдныхъ иностранныхъ монетъ и десять бурхановъ или платковъ съ буддійскими изображеніями отъ калмыковъ; И. І. Патлаевскаго—икона покрова Божіей матери; отъ англійскаго капитана мистера Тельфера —двѣ мѣдныя монеты грузинской царицы Тамары XIII вѣка; в) принадлежностями геологическаго и палеонтологическаго кабинета — отъ бывшаго новороссійскаго и бессарабскаго генералъ-губернатора П. Е. Коцебу—коллекція образцовъ разныхъ горныхъ породъ этого края, и отъ отставнаго

фейерверкера Васильева—кости допотопнаго животнаго, найденные имъ на берегу рѣки Днѣстра. Здѣсь же съ признательностію должны мы упомянуть о пожертвованіяхъ въ пользу университетской церкви. Доброхотными дателями въ теченіе академическаго года пожертвовано 849 р. 43 к. деньгами. Вкладчиками болѣе значительныхъ приношеній были: почетный гражданинъ Шевалдышевъ, капитанъ Григорьевъ, кандидаты Гербакони и Репнинскій, кандидатъ Козубскій, капитанъ Петровскій, графъ Подгоричани-Петровичъ, г. Цикальоти, г. Костицынъ, генералъ Дубецкій, г. Самборскій, г. Венглинскій, почетн. гражд. Носковъ, г. Грицай, дѣйствительный статскій совѣтникъ Циммерманъ, г-жа Назаревичъ, князь Кантакузинъ графъ Сперанскій, г. Маразли К., докторъ Зубковскій, поручикъ Черемушкинъ и г. Маньковскій. Изъ вещественныхъ приношеній пожертвованы Анастасіей Осип. Скаржинскою, не въ первый разъ уже благодѣющею на украшеніе нашего храма, три воздуха изъ голубаго венеціанскаго бархата, изящно вышитые стеклярусомъ.

Съ 1-го іюня 1873 по 1-е іюня 1874 года заключены подряды:

1) На поставку для университета 17300 пуд. грушевскаго антрацита суммою въ 3806 р.; 2) на годичную очистку ретирадныхъ и помойныхъ ямъ, находящихся въ дворахъ университетскихъ зданій, суммою въ 620 руб., и 3) на производство работъ по ремонту университетскихъ зданій и зданія астрономической обсерваторіи по утвержденной на этотъ предметъ г. одесскимъ градоначальникомъ смѣтѣ, суммою въ 3645 руб. Наконецъ, съ разрѣшенія г. министра народнаго просвѣщенія, пріобрѣтено хозяйственнымъ способомъ 73 саж. дубовыхъ дровъ на сумму 2847 р.

IV. Объ учащихся.

1) Сравнительная таблица числа студентовъ и постороннихъ слушателей состоявшихъ въ университетѣ въ 1873—74 академическомъ году.

Въ новороссійскомъ университетѣ.	Состояло на лицо къ 1-му іюня 1873 года	Къ 1-му іюня 1874 года состояло на лицо	Въ 1873—74 акад. году поступило: Изъ гимназій	Изъ духовныхъ семинарій	Изъ раввин. учи-лищъ и част. гимн.	Изъ друг. универ. и лицеевъ	Въ теченіе 1873—74 ак. г. выбыло: До окончанія курса	По окончаніи курса
Студентовъ	277	237	18	22	4	6	41	49
Постороннихъ слушателей.		15						

2) Вѣдомость о числѣ учащихся въ университетѣ къ 1-му іюня 1874 года.

Въ новороссійскомъ университетѣ.	ЧИСЛО СТУДЕНТОВЪ: Въ историко-филологи-ческомъ факультетѣ	Въ юридическомъ фа-культетѣ	Въ физ.-мат. факультетѣ: По математическо-му разряду	По разряду естест-венныхъ наукъ	По разряду техни-ческихъ наукъ	Всѣхъ студентовъ	Число постороннихъ слу-шателей	ВСЕГО
Студентовъ и постороннихъ слушателей	30	151	24	27	5	237	15	252

ВѢДОМОСТЬ

о числѣ студентовъ, освобожденныхъ отъ платы за слушаніе лекцій въ 1873—74 академическомъ году.

	Всѣхъ студентовъ	Освобождено отъ взиманія платы		ВСЕГО	Какой % общаго числа студентовъ
		По прошеніямъ	Стипенд. унив. на основ. § 108 уст. универ.		
Изъ числа бывшихъ въ теченіи академическаго года студентовъ въ новороссійск. университетѣ	327	38	79	117	35%

Изъ состоящихъ на лицо студентовъ было стипендіатовъ: на сумму, назначенную по штату университета — 72; на сверхштатную сумму, ассигнованную изъ казны для кавказскихъ стипендіатовъ—10; кубанскаго казачьяго войска—2; славянскихъ стипендіатовъ—5; на счетъ процентовъ съ пожертвованныхъ капиталовъ—13; на счетъ бессарабскаго земства—8; на счетъ русскаго общества пароходства и торговли—1; на счетъ умершаго губернскаго секретаря Маринаки—3.

Что касается до поведенія студентовъ внутри зданій университета, то лучшимъ доказательствомъ безупречности его долженъ служить тотъ фактъ, что въ теченіе года не было ни одного подсудимаго предъ домашнимъ университетскимъ судомъ, который вслѣдствіе того ни разу и не собирался.

Доброе поведеніе сопровождалось и трезвымъ, солиднымъ отношеніемъ студентовъ къ обязанностямъ ихъ въ сферѣ науки; доказательствомъ того служатъ постоянныя занятія и труды въ лабораторіяхъ и музеяхъ, а равно годичныя сочиненія ихъ, представляемыя профессорамъ.

V. ВѢДОМОСТЬ

числѣ и наименованіи учебно-вспомогательныхъ учрежденій при
ператорскомъ новороссійскомъ университетѣ и о состояніи оныхъ
въ 1873—74 академическомъ году.

Число учрежденій.	Наименованіе и составъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій.
1	**Университетская библіотека:**
	Книгъ русскихъ и иностранныхъ — сочиненій . . . .
	Книгъ русскихъ и иностранныхъ — томовъ . . . .
	Періодическихъ изданій — названій . . . .
	Періодическихъ изданій — томовъ и тетрадей . . . .
	Рукописей (томовъ или тетрадей) . . . .
	Картъ, рисунковъ, портретовъ и чертежей (листовъ) .
2	**Студентская библіотека:**
	Книгъ — названій сочиненій . . . .
	Книгъ — томовъ . . . .
	Періодическихъ изданій — названій . . . .
	Періодическихъ изданій — тетрадей и томовъ . . .
	Рукописей, картъ, гравюръ, рисунковъ и плановъ (листов
3	**Астрономическая обсерваторія:**
	Инструментовъ астрономическихъ и геодезическихъ . .
	» топографическихъ . . . .
	» физическихъ . . . .

*) Въ 1873 году пріобрѣтено 222 названія періодическихъ издані[й] составляютъ продолженія изданій.

…	нихъ со- ло къ 1 ря 1873 года. Эк-земпл.	Вновь пріобрѣтено въ 1873 году. Нуме-ровъ.	Эк-земпл.	На сумму. руб.	к.	Въ теченіе 1873 года убыло. Нуме-ровъ.	Эк-земпл.	За симъ состояло къ 1 января 1874 г. Нуме-ровъ.	Эк-земпл.	На сумму. руб.	к.
)3	—	2305	—	10955	4	275	—	33123	—	135407	42
·	53015	—	4802			—	1346	—	56271		
6	—	11(*)	—			—	—	667	—		
	11097	—	921			—	—	—	12018		
2	92	12	12			—	—	104	104		
5	535	35	35			—	—	570	570		
	—	46	—	176	60	—	—	3110	—	2753	10
	5130	—	85			—	—	—	5215		
	—	10	—			—	—	83	—		
	1037	—	66			—	—	1103	1103		
	29	—	—			—	—	29	29		
	—	—	—	—	—	—	—	—	—	12563	69
	—	—	—	—	—	—	—	—	—	320	50
	—	—	—	—	—	—	—	—	—	263	—

ко 11 вновь выписаны; остальныя же 211 выписывались прежде и

Число учрежденій.	Наименованіе и составъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій.
	Книгъ и журналовъ . . . .
	Моделей . . . .
	Подвижной утвари и другихъ принадлежностей . . .
4	**Кабинетъ практической механики:**
	Моделей . . . .
	Подвижной утвари и другихъ принадлежностей . . .
5	**Физическій кабинетъ съ лабораторіею:**
	Инструментовъ и приборовъ . . . .
	Химическихъ препаратовъ . . . .
	Разнаго рода посуды . . . .
	Книгъ, атласовъ и моделей . . . .
6	**Химическая лабораторія и кабинетъ:**
	Химическихъ препаратовъ, реактивовъ и другихъ принадлежностей . . . .
7	**Минералогическій кабинетъ съ лабораторіею:**
	Минераловъ . . . .
	Геологическихъ и географическихъ картъ . . . .
	Подвижной утвари и другихъ принадлежностей . . .

…нихъ состояло къ 1 …аря 1873 года.		Вновь пріобрѣтено въ 1873 году.				Въ теченіе 1873 года убыло.		За симъ состояло къ 1 января 1874 года.			
…ровъ.	Экземпл.	Нумеровъ.	Экземпл.	На сумму.		Нумеровъ.	Экземпл.	Нумеровъ.	Экземпл.	На сумму.	
				руб.	к.					руб.	к.
19	—	—	—	—	—	—	—	19	—	302	40
24	—	—	—	—	—	—	—	24	—	74	56
04	—	—	—	—	—	—	—	104	—	740	69
29	—	—	—	—	—	—	—	129	—	6305	77
9	—	3	—	156	35	—	—	12	—	523	35
4	569	16	18	689	1	—	—	470	587	13122	86
1	1	—	—	—	—	—	—	1	1	21	64
5	5	—	—	—	—	—	—	5	5	9	60
2	42	—	—	—	—	—	—	42	42	190	93
0	24180	32	—	102	36	—	—	1412	—	23856	17
	6950	—	1200	310	19	—	—	—	8150	6810	19
	—	—	—	56	66	—	—	—	—	56	16
	—	—	—	838	—	—	—	=	—	838	—

Число учрежденій.	Наименованіе и составъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій.
8	**Кабинетъ физической географіи:**
	Книгъ, атласовъ, глобусовъ и картъ . . . .
	Инструментовъ . . . .
9	**Метеорологическая обсерваторія:**
	Инструментовъ и снарядовъ . . . .
	Книгъ, атласовъ и моделей . . . .
10	**Кабинетъ геологическій и палеонтологическій:**
	Гипсовыхъ моделей . . . .
	Книгъ и другихъ изданій . . . .
	Подвижной утвари и другихъ принадлежностей . . .
11	**Ботаническій кабинетъ:**
	Сухихъ растеній . . . .
	Инструментовъ и приборовъ . . . .
	Коллекціи гипсовыхъ и восковыхъ моделей и прапарат и проч. . . . .
	Книгъ . . . .
	Подвижной утвари, посуды и пр. . . . .

…нихъ состояло къ 1 января 1873 года.		Вновь пріобрѣтено въ 1873 году.				Въ теченіе 1873 года убыло.		За симъ состояло къ 1 января 1874 года.			
…ровъ.	Экземпл.	Нумеровъ.	Экземпл.	На сумму. руб.	к.	Нумеровъ.	Экземпл.	Нумеровъ.	Экземпл.	На сумму. руб.	к.
50	58	--	—	—	—	—	—	50	58	520	69
33	39	1	1	295	88	—	—	34	40	1751	77
33	47	—	—	—	—	—	—	33	47	739	93
8	8	—	—	—	—	—	—	8	8	36	30
-	—	—	—	—	—	—	—	—	—	300	16
-	—	—	—	—	—	—	—	—	—	438	15
-	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1684	—
-	47600	—	400	35	—	—	-	—	48000	2837	95
	—	—	—	—	—	—	—	13	—	893	9
	—	—	—	—	—	—	—	30	—	25	50
	—	176	—	300	—	—	—	176	—	300	—
	—	—	—	350	—	—	—	—	—	2509	97

Число учрежденій.	Наименованіе и составъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій.
12	**Ботаничесій садъ:**
	Оранжерейныхъ растеній . . . .
	Фруктовыхъ деревьевъ . . . .
	Кустарниковъ и травъ . . . .
	Разныхъ садовыхъ и оранжерейныхъ принадлежностей .
13	**Зоологическій кабинетъ съ лабораторіею:**
	Книгъ и другихъ изданій . . . .
	Чучелъ и препаратовъ въ спиртѣ . . . .
	Инструментовъ . . . .
	Подвижной утвари и другихъ принадлежностей . . .
14	**Зоотомическій кабинетъ съ лабораторіею:**
	Скелетовъ и препаратовъ въ спиртѣ . . . .
	Книгъ и другихъ изданій . . . .
	Инструментовъ . . . .
	Подвижной утвари и другихъ принадлежностей . . .
15	**Физіологическій кабинетъ:**
	Приборовъ и лабораторной мебели . . . .
	Химическихъ препаратовъ и реактивовъ . . . . . .

…нихъ со-…яло къ 1 …варя 1873 года.		Вновь пріобрѣтено въ 1873 году.				Въ теченіе 1873 года убыло.		За симъ состояло къ 1 января 1874 года.			
…ровъ.	Эк-земпл.	Нуме-ровъ.	Эк-земпл.	На сумму. руб.	к.	Нуме-ровъ.	Эк-земпл.	Нуме-ровъ.	Эк-земпл.	На сумму. руб.	к.
50	—	65	—	—	—	30	—	585	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
27	—	325	—	—	—	300	—	1152	—	—	—
39	—	—	—	—	—	—	—	39	—	388	85
38	—	—	—	—	—	—	—	138	—	18076	23
07	—	1	—	170	—	—	—	2608	—		
53	—	—	—	—	—	—	—	53	—		
48	—	—	—	—	—	—	—	48	—		
—	365	—	15	174	20	—	—	—	380	4780	81
—	70	—	—	—	—	—	—	—	70		
54	—	—	—	—	—	—	—	54	—		
24	—	—	—	484	80	—	—	207	—		
1	—	—	—	—	—	—	—	121	—	2000	—
	—	—	—	—	—	—	—	—	—	300	—

сооруженіе перваго локомотива, раздѣлены огромнымъ промежуткомъ времени почти въ два вѣка. Только съ началомъ нашего столѣтія разрозненные первыми изобрѣтателями понятія о рельсахъ и о паровозѣ сливаются въ одно цѣльное понятіе о желѣзной дорогѣ въ ея современномъ смыслѣ, которая такимъ образомъ остается изобрѣтеніемъ настоящаго вѣка, хотя происхожденіе одного изъ двухъ основныхъ ея элементовъ восходитъ до XVII столѣтія и принуждаетъ начать мой разсказъ съ этой сравнительно отдаленной эпохи.

Весьма естественно, что первая мысль о рельсахъ возникла въ странѣ, гдѣ самый родъ главнаго мѣстнаго промысла порождалъ настоятельную потребность въ облегченіи сухопутной перевозки значительныхъ грузовъ. Въ Англіи еще съ XVI вѣка недостатокъ и дороговизна дровъ обратили вниманіе туземцевъ на покоющіяся въ нѣдрахъ британскаго острова несмѣтныя сокровища новаго топлива, которое подъ именемъ сначала морскаго, а затѣмъ землянаго или каменнаго угля вскорѣ пріобрѣло такой возрастающій сбытъ во всей Европѣ, что въ настоящее время слышатся уже серьезныя опасенія въ возможности скораго истощенія громадныхъ британскихъ бассейновъ. Однѣ изъ первыхъ каменноугольныхъ копей были открыты въ такъ называемомъ ньюкэстльскомъ бассейнѣ, въ окрестностяхъ Ньюкэстля и Дургэма (*). Уголь, добытый изъ копей и поднятый коннымъ воротомъ, а позднѣе паровой машиной на поверхность земли, надо было доставлять, для дальнѣйшей отправки, къ ближайшей пристани на рѣкѣ Тайнѣ. Первоначально его перевозили отъ копей къ кораблямъ въ мѣшкахъ или корзинахъ, просто навьюченныхъ на спины лошадей. Позднѣе стали употреблять возы на двухъ колесахъ, движеніе которыхъ облегчали тѣмъ, что заставляли ихъ катиться по проложеннымъ на пути колеямъ изъ каменныхъ плитъ; вскорѣ, вѣроятно къ началу XVII столѣтія, эти первые возы были замѣнены другими, большими и о четырехъ колесахъ, получившими названіе *вагоновъ*. «Тысячи людей», пишетъ въ началѣ XVII вѣка одинъ мѣстный писатель, «заняты этой торговлей углемъ;

(*) Сравн. Smiles, Life of George Stephenson. Lond. 1859.

тысячи добываютъ свой хлѣбъ, работая въ копяхъ, и тысячи другихъ — перевозя уголь въ возахъ къ рѣкѣ Тайнѣ». Затѣмъ, чтобы еще болѣе облегчить движеніе возовъ уменьшеніемъ тренія, стали замѣнять каменныя колеи параллельными деревянными брусками, покоющимися на поперечныхъ шпалахъ. Введеніе этихъ первыхъ деревянныхъ рельсъ приписываютъ Бомону и относятъ къ тридцатымъ годамъ XVII вѣка. Въ 1676 году одинъ посѣтитель ньюкэстльскихъ окрестностей засталъ такія рельсныя дороги уже общепринятыми, а сто лѣтъ спустя другой путешественникъ нашелъ, что онѣ не только значительно умножились, но что были даже предприняты и произведены огромныя работы съ цѣлью проложенія такихъ дорогъ по ровной мѣстности; по его словамъ, эта система деревянныхъ рельсъ весьма облегчала перевозку, позволяя одной лошади легко тащить до шестидесяти мѣшковъ каменнаго угля. Сенъ-Фонъ, французскій путешественникъ, посѣтившій Ньюкэстль въ 1791 году, говоритъ, что употребительная при сосѣднихъ копяхъ рельсная дорога превосходитъ все, что онъ видѣлъ въ томъ-же родѣ; «рельсы», пишетъ онъ, «сдѣланы изъ дерева, поверхность ихъ закруглена; а чугунныя колеса возовъ снабжены, какъ блоки, жолобами на ободахъ, чтобы охватывать закругленную поверхность рельсъ». Подобныя-же рельсныя дороги существовали въ то-же время въ валлійскихъ, кумберландскихъ и шотландскихъ каменноугольныхъ бассейнахъ.

Медленно и постепенно совершался переходъ отъ этихъ грубыхъ деревянныхъ рельсъ къ тѣмъ, по которымъ мчатся современные локомотивы. Ближайшее усовершенствованіе составляютъ узкія и тонкія желѣзныя полоски, которыми при нѣкоторыхъ копяхъ покрывали поверхность деревянныхъ рельсъ для охраненія частей, наиболѣе подверженныхъ разрушающему дѣйствію тренія. Но быстрое гніеніе дерева не позволяло долго довольствоваться и этой комбинаціей: уяснилась необходимость дѣлать сплошныя рельсы изъ металла. Предполагаютъ, что первыя металлическія рельсы были положены въ Уайттэвенѣ въ 1738 году; онѣ были чугунныя и имѣли форму плоскихъ прямоугольныхъ полосокъ. Въ 1767 году Джонъ Курръ проложилъ отъ одной копи близь Шеффильда путь изъ плоскихъ чугунныхъ рельсъ, прибитыхъ къ де-

ревяннымъ поперечнымъ шпаламъ и снабженныхъ бортами съ внутренней стороны пути съ цѣлью обезпечить направленіе движенія возовъ. Нѣсколько лѣтъ спустя, въ 1789 году, Джиссонъ, прокладывая рельсный путь въ Лейчестершайрѣ, ввелъ чугунныя рельсы съ выдающимися по обѣ стороны, грибовиднымъ профилемъ и замѣнилъ бортъ, связанный въ системѣ Курра съ рельсой, желобомъ въ ободѣ колесъ. Эта система, вскорѣ почти повсемѣстно замѣнившая другія, соединяла уже въ себѣ самыя существенныя свойства рельснаго пути нашего времени, съ однимъ только важнымъ различіемъ — въ матеріалѣ рельсъ: чугунъ вскорѣ оказался недовольно прочнымъ и былъ вытѣсненъ нынѣ употребительнымъ желѣзомъ.

Такимъ образомъ рельсный путь, вызванный необходимостью и усовершенствованный разнообразными опытными требованіями, сталъ уже къ концу прошлаго и къ началу нашего столѣтія общераспространеннымъ средствомъ перевозки въ каменноугольныхъ бассейнахъ Англіи. Но одною скромною доставкою землянаго угля къ рѣчнымъ пристанямъ и ограничивалось пока его примѣненіе; между тѣмъ, въ то-же самое время и главнымъ образомъ въ той-же самой странѣ подготовлялось и все болѣе созрѣвало другое открытіе — перемѣщеніе силою пара, которое, идя сначала самостоятельнымъ путемъ, по самой природѣ вещей необходимо должно было встрѣтиться и соединиться съ началомъ движенія по рельсамъ, чтобы вмѣстѣ съ нимъ составить одно изъ величайшихъ и благодѣтельнѣйшихъ изобрѣтеній всѣхъ вѣковъ и народовъ.

Быстрое развитіе торговли каменнымъ углемъ въ Англіи давно побуждало мѣстныхъ механиковъ искать средствъ, которыя могли бы съ выгодой замѣнить мускульную силу животныхъ при перевозкѣ угля отъ копей до рѣкъ. Первыя усовершенствованія относились, какъ мы видѣли къ дорогамъ; но вагоны по рельсамъ продолжали приводиться въ движеніе лошадьми. Правда, что еще въ концѣ XVII вѣка Макуортъ пытался облегчить движеніе вагоновъ дѣйствіемъ вѣтра; онъ снабжалъ нагруженные возы парусами, такъ что благопріятный вѣтеръ помогалъ тянувшему животному иногда въ такой мѣрѣ, что, по свидѣтельству одного очевидца, автора изданнаго въ 1698 году сочиненія о

каменноугольныхъ копяхъ, одна лошадь совершала работу за десять и за двадцать лошадей; но этотъ способъ Макуорта былъ скоро оставленъ и забытъ, что легко объясняется крайнею неправильностью дѣйствія такого измѣнчиваго источника силы, какъ вѣтеръ.

Первый, высказавшій мысль о примѣненіи силы водянаго пара къ перемѣщенію по обыкновеннымъ дорогамъ, былъ одинъ изъ извѣстныхъ дѣятелей въ дѣлѣ изобрѣтенія и усовершенствованія паровой машины — Сэвери, въ началѣ прошлаго столѣтія. Ту-же мысль вмѣстѣ съ подробностями ея исполненія передавалъ въ 1759 году Уатту другъ его Робисонъ, бывшій впослѣдствіи профессоромъ гласговскаго университета. Десять лѣтъ позднѣе самъ Уаттъ, прося о знаменитой первой привиллегіи на свою паровую машину, описалъ движитель, подобный предложенному Робисономъ. Но всѣ эти попытки оставались лишь теоретическими проектами.

Честь перваго практическаго осуществленія идей Сэвери и Робисона принадлежитъ французскому военному инженеру Кюньо. Преслѣдуемый мыслью замѣнить дѣйствіе лошадей при перемѣщеніи орудій и запасовъ въ артиллерійской практикѣ какимъ-нибудь механическимъ средствомъ, онъ прибѣгнулъ къ силѣ водянаго пара и построилъ свою «паровую тѣлежку», первый паровозъ для движенія по обыкновеннымъ дорогамъ.

Кюньо началъ съ сооруженія небольшой модели своей машины въ 1769 году. Въ это время швейцарскій офицеръ Планта занимался въ Парижѣ съ своей стороны рѣшеніемъ того-же вопроса о паровомъ перемѣщеніи. Планта было дано отъ генерала Грибоваля порученіе разсмотрѣть машину Кюньо и дать отзывъ о ней; онъ нашелъ ее во всѣхъ отношеніяхъ совершеннѣе своей собственной, и Кюньо получилъ отъ министра Шуазеля разрѣшеніе построить свою машину въ истинныхъ размѣрахъ на казенный счетъ. При опытахъ, произведенныхъ въ присутствіи Шуазеля, Грибоваля и многихъ другихъ зрителей, этотъ первый паровозъ достигалъ по горизонтальному пути скорости въ $3\frac{1}{2}$ версты въ часъ; но вслѣдствіе несоотвѣтствія между размѣрами паровика и поршней, машина не могла двигаться безостановочно болѣе пят-

надцати минутъ, послѣ чего надо было оставлять ее столько-же въ покоѣ, чтобы дать время образоваться новому пару. Несмотря на эти недостатки, опытъ сочли достойнымъ поощренія и Кюньо было велѣно построить новую машину съ такими размѣрами, чтобы при нагрузкѣ въ 200 — 250 пуд. движеніе ея было непрерывно и скорость по ровному пути была не менѣе трехъ верстъ въ часъ. Эта новая паровая тѣлежка была окончена въ 1770 г., но ее повидимому никогда не подвергали опытамъ; она сохранилась по настоящее время въ извѣстной коллекціи машинъ Conservatoire des arts et métiers въ Парижѣ (*). Устройство паровоза Кюньо весьма элементарно: передняя его часть есть небольшая паровая машина, состоящая изъ круглаго мѣднаго паровика и двухъ паровыхъ цилиндровъ съ простымъ и независимымъ дѣйствіемъ, поршни которыхъ приводятъ попремѣнно въ движеніе одно и то-же двигательное колесо; задняя-же часть, предназначенная для нагрузки, есть обыкновенная тѣлежка, лежащая на двухъ колесахъ, съ козлами для управляющаго машиниста.

Попытки Кюньо, не смотря на ихъ малый успѣхъ, заслуживаютъ почетное мѣсто въ исторіи паровоза, какъ первый практическій шагъ къ изобрѣтенію пароваго движителя.

Три года послѣ опытовъ Кюньо, американецъ Эвенсъ, извѣстный какъ первый строитель паровыхъ машинъ высокаго давленія, изобрѣлъ другой паровозъ для обыкновенныхъ дорогъ и взялъ на него въ штатѣ Мэриландъ привиллегію; но. гонимый всю свою жизнь нерасположеніемъ людей къ своимъ предпріятіямъ, онъ только въ 1800 году впервые пустилъ на улицахъ Филадельфіи свою патентованную паровую тѣлежку. Этотъ опытъ произвелъ большое удивленіе, но не уничтожилъ однако общественнаго предубѣжденія противъ его изобрѣтеній и машина Эвенса была вскорѣ забыта.

Въ 1785 году Уаттъ привелъ въ исполненіе свой проектъ паровоза, вошедшій въ патентъ его паровой машины и внушенный вѣроятно указаніями Робисона. Модель Уатта, построенную

(*) Подъ нумеромъ S, a, 25. Сравн. Catalogue des collections du Conservatoire des arts et métiers, publié par Morin, p. 315.

его другомъ и сотрудникомъ Уилльямомъ Мэрдокомъ, можно было видѣть на всемірной лондонской выставкѣ 1851 года; она была небольшихъ размѣровъ, вышиной не болѣе одного фута; машинка была высокаго давленія, паровикъ въ ней подогрѣвался просто спиртовою лампою и вся она покоилась на трехъ колесахъ, подобно тѣлежкѣ Кюньо. Попытки Уатта и Мэрдока ограничились построеніемъ этой единственной модели.

Въ эту пору мысль о паровомъ перемѣщеніи начинаетъ овладѣвать умами въ англійскихъ каменноугольныхъ бассейнахъ.

Нѣкто Томасъ Алленъ беретъ тамъ въ 1789 году привиллегію на изобрѣтеніе средства для перевозки кладей помощью одного пара. Это изобрѣтеніе никогда не было испытано практически и замѣчательно только какъ первый опытъ рѣшенія вопроса въ мѣстности, которой суждено было сдѣлаться родиной современнаго локомотива.

Всѣ помянутые до сихъ поръ опыты воспользоваться паромъ какъ движущей силой относились только къ движенію по обыкновеннымъ дорогамъ. До начала нашего столѣтія ни одинъ изобрѣтатель не пытался примѣнить свой паровозъ къ перемѣщенію по рельсному пути. Заслуга перваго такого соединенія двухъ великихъ зрѣющихъ изобрѣтеній въ одно, простая, но таящая въ себѣ громадныя реформы мысль о примѣненіи паровоза къ рельсамъ принадлежитъ Ричарду Тревитэйку, уроженцу Корнваллиса и ученику Мэрдока.

Какъ мы видѣли, къ концу прошлаго столѣтія употребленіе рельсныхъ дорогъ сдѣлалось повсемѣстнымъ въ странѣ англійскихъ каменноугольныхъ копей; начинали даже серьезно обсуждать вопросъ о распространеніи ихъ на все королевство для перевозки товаровъ вообще, въ надеждѣ, что этимъ понизятся цѣны большей части предметовъ. Въ это время Тревитэйкъ, увлеченный вѣроятно примѣромъ модели, построенной его учителемъ Мэрдокомъ по указаніямъ Уатта, взялъ въ 1802 году вмѣстѣ съ своимъ двоюроднымъ братомъ Вивіаномъ привиллегію на новый паровозъ, который, какъ прямо сказано въ подробныхъ условіяхъ патента, годенъ и для обыкновенныхъ, и *для рельсныхъ* дорогъ. Товарищество Тревитэйка съ Вивіаномъ объясняется тѣмъ, что

въ то время привиллегіи обходились дорого и что Вивіанъ далъ деньги на патентъ, а можетъ быть и на постройку машины, которыхъ не имѣлъ изобрѣтатель. Несмотря однако на ясно сознанную и высказанную мысль о примѣнимости новой машины къ рельсному пути, Тревитэйкъ приспособилъ свой первый паровозъ только къ обыкновеннымъ дорогамъ. Онъ рѣшился выставить свою машину и производить опыты надъ ней въ столицѣ, гдѣ она возбудила живой интересъ и обратила на себя такое вниманіе ученыхъ, что одинъ изъ извѣстнѣйшихъ научныхъ представителей того времени, сэръ Гумфри Дэви, писалъ вскорѣ послѣ видѣнныхъ опытовъ къ одному изъ своихъ друзей: «Я надѣюсь скоро услышать, что *драгоны* (такъ онъ называлъ паровозъ) капитана Тревитэйка наполнили собою всѣ большія дороги Англіи». Послѣ первыхъ опытовъ паровозъ былъ выставленъ для лондонской публики въ особой оградѣ, но на второй-же день Тревитэйкъ, по какой-то странности, закрылъ ограду и взялъ свою машину назадъ; быть можетъ онъ пришелъ къ убѣжденію о неприложимости ея къ сообщенію по обыкновеннымъ дорогамъ.

Годъ спустя Тревитэйкъ принялся за построеніе втораго паровоза, предназначеннаго для перевозки рудъ изъ валлійскихъ рудниковъ по *рельсному пути*, осуществляя такимъ образомъ впервые свою новую мысль о соединеніи двухъ началъ — силы пара и рельсъ. Въ этомъ первомъ *локомотивѣ* въ тѣсномъ значеніи слова, паровикъ имѣлъ видъ горизонтальнаго цилиндра съ плоско-закругленными концами, былъ сдѣланъ изъ кованнаго желѣза и нагрѣвался изнутри. Внутри-же паровика помѣщался единственный паровой цилиндръ, имѣвшій $4^1/_2$ фута длины и 8 дюймовъ въ діаметрѣ; колеса приводились въ движеніе системою зубчатокъ, на которую движеніе поршня передавалось помощью шатуна и кривошипа; чтобы предотвратить прекращеніе движенія въ концѣ каждаго хода поршня въ единственномъ цилиндрѣ, въ движеніи механизма участвовало маховое колесо; машина была высокаго давленія и паръ въ ней дѣйствовалъ попеременно на обѣ стороны поршня. При первыхъ опытахъ этотъ паровозъ возилъ нѣсколько тяжело нагруженныхъ вагоновъ со скоростью около 5 англ. миль въ часъ. Но вскорѣ обнаружились важные недостатки

новаго способа перевозки; рельсы, по которымъ двигался паровозъ, были еще плоской системы и, не выдерживая вѣса машины, часто ломались. Послѣ одного переѣзда, при которомъ локомотивъ раздавилъ множество рельсъ и наконецъ сошелъ съ нихъ совсѣмъ, Тревитэйкъ отказался отъ приложимости своего изобрѣтенія, видя, что весь успѣхъ дѣла зависитъ отъ радикальнаго измѣненія устройства рельсъ, измѣненія, на которое, вслѣдствіе его значительной стоимости, не соглашались владѣльцы дороги. Въ машинѣ сняли колеса и стали употреблять ее какъ водоподъемный снарядъ; а ея изобрѣтатель, человѣкъ, подошедшій ближе всѣхъ своихъ предшественниковъ и современниковъ къ настоящему рѣшенію вопроса о желѣзныхъ дорогахъ, оставилъ, подъ вліяніемъ первой неудачи, навсегда свою плодотворную мысль, предоставивъ воспользоваться ею своимъ болѣе твердымъ въ преслѣдованіи поставленныхъ цѣлей и болѣе счастливымъ преемникамъ.

Съ этихъ поръ вкрадывается въ вопросъ о движеніи локомотива по рельсамъ несчастное механическое предубѣжденіе, которое на нѣсколько лѣтъ затормозило дальнѣйшій успѣхъ изобрѣтенія Тревитэйка. Оно заключалось въ общераспространенной и ложной мысли, что если паровой движитель долженъ тянуть по рельсамъ соразмѣренный съ нимъ значительный грузъ, то сцѣпленіе между гладкими ободами колесъ локомотива и гладкими рельсами будетъ такъ незначительно, что колеса будутъ буксировать, т. е. вращаться, оставаясь на одномъ мѣстѣ, и слѣдовательно поѣздъ не будетъ имѣть никакого движенія. Трудно понять, какъ такое заблужденіе могло удержаться продолжительное время, какъ, вмѣсто того чтобы съ самаго начала провѣрить справедливость положенія опытомъ, бросились на безполезное исканіе различныхъ средствъ для устраненія мнимаго препятствія, т. е. для увеличенія сцѣпленія колесъ съ рельсами, исканіе, на которое потратили много трудовъ и времени, отклоняя такимъ образомъ самое изобрѣтеніе, по причинѣ, существующей въ одномъ воображеніи, отъ истиннаго пути, на который навели его опыты Тревитэйка.

Такъ, Блэнкинсопъ построилъ въ 1811 году локомотивъ, въ которомъ, въ виду увеличенія сцѣпленія, два колеса по одной сторонѣ машины и одна изъ рельсъ пути были

снабжены зубцами и приходили въ взаимное зацѣпленіе во время движенія паровоза. Эта машина была пущена въ 1812 году по дорогѣ, проложенной между копями Мидлетона и городомъ Лидсомъ на протяженіи $3^1/_2$ англ. миль. Не смотря на ложное основаніе ея устройства, она дѣйствовала тамъ нѣсколько лѣтъ для перевозки землянаго угля, представляя собою первый примѣръ правильнаго примѣненія паровоза къ нуждамъ торговли. Много посѣтителей пріѣзжало въ Лидсъ смотрѣть на дѣйствіе удивительной машины Блэнкинсопа; въ числѣ ихъ былъ и русскій Императоръ Николай Павловичъ, который остался отъ видѣннаго въ восхищеніи.

Въ то-же самое время и въ силу все того-же предразсудка, Чапманъ въ Ньюкэстлѣ пытался, безъ всякаго успѣха, замѣнить рельсы цѣпями, протянутыми по всему пути, а Брэнтонъ въ Дербишайрѣ изобрѣталъ своего «механическаго путника», который долженъ былъ перемѣщаться на ногахъ, движимыхъ попеременно силой пара, но разлетѣлся въ дребезги при первомъ-же опытѣ отъ взрыва пароваго котла.

Наконецъ Блэкетъ, владѣлецъ угольныхъ копей въ Вилэмѣ, цѣлымъ рядомъ новыхъ попытокъ, свидѣтельствующихъ о его неутомимой настойчивости и непоколебимомъ убѣжденіи въ успѣхѣ своихъ предпріятій, положилъ конецъ всѣмъ этимъ безполезнымъ усиліямъ къ отстраненію несуществующаго препятствія и подготовилъ путь трудамъ того человѣка, въ рукахъ котораго должно было окончательно восторжествовать новое изобрѣтеніе.

Присутствовавъ при опытахъ надъ паровозомъ Тревитэйка въ Лондонѣ и увидавъ его дѣйствіе, Блэкетъ съ 1804 года рѣшился ввести такой-же движитель на рельсномъ пути, проложенномъ отъ его копей въ Вилэмѣ на протяженіи четырехъ миль. Замѣнивъ предварительно уцѣлѣвшія еще на этомъ пути деревянныя рельсы плоскими чугунными, онъ въ теченіи восьми лѣтъ построилъ и испыталъ три различные локомотива съ зубчатыми колесами безъ всякаго успѣха. Несмотря на всѣ эти неудачи, на неудовольствіе рабочихъ, на насмѣшки сосѣднихъ владѣльцевъ копей, примѣнявшихъ къ нему англійскую пословицу, что «сумасшедшій не долго живетъ въ мирѣ съ своими деньгами», Блэкетъ не уны-

валъ и приступилъ къ сооруженію четвертой машины, которой суждено было сдѣлать рѣшительный шагъ впередъ. Усердными помощниками Блэкета были Джонатанъ Форстеръ, механикъ, и Уилльямъ Гедлей, инспекторъ видэмской копи. Особенно послѣднему новые опыты были въ значительной степени обязаны своимъ успѣхомъ. Видя одно изъ главныхъ препятствій удачѣ предыдущихъ попытокъ въ зубчатой формѣ колесъ и рельсъ, онъ задался вопросомъ, не будетъ-ли возможно достигнуть достаточнаго сцѣпленія между колесомъ и рельсой при гладкихъ поверхностяхъ обоихъ элементовъ. Опыты, предпринятые для рѣшенія этого вопроса надъ движеніемъ тяжело нагруженной повозки по обыкновенной рельсной дорогѣ, привели къ ясному утвердительному результату и доказали, что одного вѣса паровоза достаточно для достиженія сцѣпленія, позволяющаго машинѣ везти по гладкимъ рельсамъ данное число вагоновъ. Этимъ былъ нанесенъ смертельный ударъ распространившемуся предубѣжденію противъ гладкихъ рельсъ, а вмѣстѣ и всѣмъ ложнымъ средствамъ, придуманнымъ Блэнкинсопомъ, Чапманомъ и другими для устраненія именно той простѣйшей формы, которую слѣдовало удержать. Новый лучъ истины озарилъ послѣ многихъ лѣтъ изобрѣтаемую систему перемѣщенія.

Въ это время приступилъ къ изученію вопроса человѣкъ, котораго заслуги въ исторіи желѣзныхъ дорогъ такъ велики и многочисленны, что благодарное потомство его нерѣдко называло ихъ изобрѣтателемъ. Въ такомъ названіи есть, конечно, доля преувеличенія; потому что окончательный успѣхъ паровоза былъ, подобно всѣмъ другимъ механическимъ открытіямъ, дѣломъ не одного опредѣленнаго лица, а результатомъ усилій цѣлаго ряда людей и поколѣній, подвигавшихъ вопросъ медленно и послѣдовательно, параллельно требованіямъ своего времени; но чтобы назвать величайшаго представителя изобрѣтенія желѣзной дороги, чтобы указать на личность, тѣснѣе всѣхъ другихъ связанную съ этимъ изобрѣтеніемъ, слѣдуетъ безспорно остановиться на имени Джоржа Стефенсона, которое съ одинаковымъ правомъ занимаетъ первое мѣсто въ исторіи паровоза, какъ имя Джэмса Уатта — въ исторіи паровой машины.

Джоржъ Стефенсонъ былъ сынъ бѣднаго рабочаго каменно-угольныхъ копей въ ньюкэстльскомъ бассейнѣ. Онъ родился въ 1781 году въ деревнѣ Вилэмъ при Тайнѣ; скудость средствъ и большое число дѣтей не позволили отцу дать никакого образованія сыну; Джоржъ ребенкомъ не могъ посѣщать даже сельской школы и только семнадцати лѣтъ, занимая уже мѣсто механика при копи, гдѣ его отецъ служилъ кочегаромъ, онъ по собственному желанію и на свои заработанныя деньги, началъ учиться чтенію, письму и ариѳметикѣ. Благодаря своему необыкновенному усердію и крайней точности въ исполненіи своихъ обязанностей, Джоржъ очень рано пріобрѣлъ репутацію надежнаго и искуснаго машиниста и оставался въ этомъ званіи много лѣтъ. Въ 1802 г. онъ женился, а годъ спустя родился единственный сынъ его Робертъ, впослѣдствіи достойно раздѣлившій славу своего отца. Біографія Джоржа Стефенсона представляетъ весьма поучительный и полный интереса примѣръ, какъ человѣкъ, при самыхъ неблагопріятныхъ внѣшнихъ условіяхъ, лишенный благотворнаго вліянія правильнаго образованія, самоучка во всѣхъ своихъ знаніяхъ, можетъ, одною силою здраваго практическаго смысла и твердой настойчивости въ достиженіи поставленныхъ цѣлей, стать однимъ изъ полезнѣйшихъ дѣятелей своего вѣка. Какъ бы желалъ я набросать передъ Вами хотя самые крупные штрихи этой неутомимой, всегда кипящей дѣятельностью и высоко-нравственной жизни! Но это завлекло бы меня за предѣлы моей темы.

Въ то время, когда Блэкетъ производилъ свои опыты надъ движеніемъ паровозовъ въ Вилэмѣ, мы находимъ Джоржа Стефенсона старшимъ механикомъ при копи въ сосѣдней деревнѣ Киллингуортъ. Вниманіе Стефенсона давно было обращено на улучшеніе средствъ для доставки угля изъ копей въ пристань. Смотря на дѣйствіе машинъ Блэнкинсопа, Чапмана и Блэкета, испытываемыхъ въ его сосѣдствѣ, онъ видѣлъ ихъ практическіе недостатки и постепенно рождалось въ немъ сознаніе возможности построить паровозъ болѣе совершенный относительно и силы, и экономіи топлива. Уже въ 1813 году онъ предложилъ владѣльцамъ киллингуортской копи проектъ новой «путешествующей машины», какъ онъ въ то время называлъ локомотивъ, и получилъ

разрѣшеніе приступить къ ея постройкѣ. Въ этомъ первомъ паровозѣ Стефенсона, оконченномъ и пущенномъ лѣтомъ 1814 года, замѣчались два паровые цилиндра, которыхъ поршни дѣйствовали непосредственно не на колеса, несущія локомотивъ, а на особую систему зубчатыхъ колесъ, передававшихъ свое движеніе первымъ; колеса, поддерживающія машину, и рельсы были гладки, такъ какъ Стефенсонъ изъ собственныхъ опытовъ и изъ опытовъ Блэкета зналъ, что въ этихъ условіяхъ сцѣпленіе получается достаточное. При первомъ испытаніи на рельсной дорогѣ между Киллингуортомъ и Тайной локомотивъ повезъ, поднимаясь по небольшому уклону (1: 450), восемь нагруженныхъ вагоновъ со скоростью 4 англ. миль въ часъ и продолжалъ съ этихъ поръ дѣйствовать правильно нѣкоторое время.

Не смотря однако на значительныя преимущества этого перваго паровоза Стефенсона передъ всѣми до него построенными, онъ все же представлялъ тяжелую, неуклюжую и не экономную машину. Различныя части механизма, слишкомъ тѣсно расположенныя, давили другъ на друга; совершенное отсутствіе рессоръ влекло за собой постоянные вредные толчки машины во время ея дѣйствія; употребленіе зубчатыхъ колесъ, какъ промежуточнаго привода, причиняло новые толчки и еще болѣе увеличивало неровность хода; такъ называемая поверхность нагрѣва, т. е. та часть поверхности паровика, съ которой непосредственно соприкасается пламя горящаго топлива, была мала сравнительно съ размѣрами котла, тогда какъ отъ величины этой поверхности зависитъ во всякой паровой машинѣ степень парообразованія, а слѣдовательно и напряженность дѣйствія; наконецъ, точныя вычисленія показали, что со стороны экономіи и скорости паровозъ Стефенсона не представлялъ почти никакихъ выгодъ передъ дѣйствіемъ лошади, а отъ этихъ выгодъ долженъ былъ конечно зависѣть весь успѣхъ новаго движителя. Какъ Вы видите, моментъ былъ критическій для судьбы предпріятія; но въ это время Стефенсона осѣнила счастливая мысль, упрочившая побѣду всего изобрѣтенія.

Въ первыхъ паровозахъ паръ, совершившій свое дѣйствіе въ цилиндрахъ, выпускался прямо въ окружающій воздухъ. Рѣз-

кій и пронзительный свистъ, которымъ сопровождался такой выходъ пара, часто пугалъ животныхъ, находящихся въ близи дѣйствующей машины, что вызывало неудовольствія и жалобы мѣстнаго населенія. Чтобы предотвратить это неудобство, Блэкетъ въ своихъ паровозахъ пропускалъ отработавшій паръ въ особый помѣщенный позади машины резервуаръ, изъ котораго онъ, нѣсколько охладившись, безъ шума выходилъ въ воздухъ. Стефенсону первому пришла въ голову простая мысль, что если провести паръ изъ цилиндровъ въ дымовую трубу локомотива, заставляя его вытекать вверхъ по вертикальному направленію, то тѣмъ не только весьма просто устранится неудобство, которое имѣлъ въ виду Блэкетъ, но будетъ достигнута еще и та выгода, что паръ, текущій съ большою быстротою, сообщитъ свою скорость воздуху въ трубѣ, слѣдовательно увеличитъ тягу и тѣмъ вызоветъ усиленное горѣніе и болѣе быстрое парообразованіе.

Первый-же опытъ подтвердилъ блестящимъ образомъ справедливость предположеній Стефенсона: сила его перваго паровоза сразу болѣе чѣмъ удвоилась; тотъ-же паровикъ, вслѣдствіе усиленной тяги, производилъ несравненно большее количество пара и та-же машина двигалась съ удвоенной скоростью. Какъ не проста эта мысль выпускать отработавшій паръ въ дымовую трубу, она составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ успѣховъ паровоза и желѣзно-дорожнаго дѣла, потому что въ ней таится залогъ той чудовищной быстроты, съ которой перемѣщаютъ насъ на громадныя разстоянія современные поѣзды.

Должно замѣтить, что Тревитэйкъ, въ своемъ локомотивѣ, пущенномъ въ 1803 году, употреблялъ тотъ-же пріемъ выпуска пара изъ цилиндра въ дымовую трубу; но два факта несомнѣнно доказываютъ, что онъ не зналъ дѣйствія паровой струи на тягу, а направлялъ ее въ дымовую трубу единственно для предотвращенія прямого, шумнаго выхода изъ цилиндра: во первыхъ, онъ въ томъ-же паровозѣ употреблялъ мѣхи для усиленія пламени, а, во вторыхъ, онъ въ 1815 году взялъ привиллегію на особую систему вентиляторовъ для увеличенія тяги.

Ободренный успѣхомъ своего новаго открытія, Джоржъ Стефенсонъ въ 1815 году построилъ второй локомотивъ, который

справедливо можно назвать прототипомъ современныхъ паровозовъ. Онъ, какъ первый, содержалъ два паровыхъ цилиндра, но стержни ихъ поршней дѣйствовали уже непосредственно на колеса помощью шатуновъ и кривошиповъ; промежуточная система зубчатыхъ колесъ, причинявшая столько невыгодъ въ первой машинѣ, была устранена; двѣ пары колесъ паровоза соединялись между собой донынѣ употребительною комбинацiею горизонтальныхъ сочлененныхъ шестовъ; наконецъ, отработавшiй паръ выходилъ въ дымовую трубу. Много усовершенствованiй было сдѣлано съ тѣхъ поръ въ подробностяхъ устройства паровоза и Джоржемъ Стефенсономъ, и его сыномъ, и его послѣдователями, но всѣ эти дальнѣйшiе успѣхи имѣютъ въ общемъ цѣломъ лишь второстепенное значенiе; въ сущности, Стефенсоновъ паровозъ 1815 года представлялъ уже локомотивъ въ современномъ смыслѣ; изобрѣтенiе, которому посвященъ мой разсказъ, было сдѣлано, начались и послѣдовали усовершенствованiя, имѣющiя болѣе спецiальный, чѣмъ общiй интересъ. Я не стану поэтому утомлять ими Вашего вниманiя, а укажу еще въ краткихъ чертахъ на ходъ практическаго примѣненiя и распространенiя новаго открытiя.

Хотя съ 1815 года локомотивы Джоржа Стефенсона ни на одинъ день не прекращали своего движенiя по дорогѣ между Киллингуортомъ и пристанью на Тайнѣ, прошло однако нѣсколько лѣтъ, пока они обратили на себя должное вниманiе современниковъ и вызвали подражанiе на другихъ рельсныхъ дорогахъ. Не трудно объяснить такое долгое равнодушiе страны и общества къ важнѣйшему механическому изобрѣтенiю вѣка, принявъ во вниманiе тѣ неблагопрiятныя условiя, среди которыхъ оно созрѣло и существовало въ первое время. «Джоржъ Стефенсонъ», какъ справедливо замѣчаетъ одинъ его извѣстный бiографъ, «не имѣлъ достаточныхъ средствъ, чтобы привлечь вниманiе публики на свое важное открытiе; не потому, чтобы онъ не сознавалъ его огромнаго значенiя и не предвидѣлъ его всеобщаго примѣненiя, но потому, что онъ былъ человѣкъ необразованный и неспособный выразить своихъ мыслей о предметѣ. Киллингуортская каменно-угольная копь лежала далеко отъ Лондона, этого центра научной жизни Англiи, и ее не посѣщалъ ни одинъ ученый,

ни одинъ писатель, который могъ-бы съ успѣхомъ обратить общее вниманіе на замѣчательную машину Стефенсона. Даже мѣстные журналисты повидимому не знали о существованіи киллингуортской желѣзной дороги». Надежда Стефенсона на скорое распространеніе новаго способа сухопутнаго сообщенія была тогда такъ слаба, что онъ неоднократно останавливался на мысли эмигрировать въ Америку съ цѣлью ввести на озерахъ Соединенныхъ Штатовъ другое великое примѣненіе силы пара — только входившіе тогда въ употребленіе пароходы; но этой мечтѣ не суждено было сбыться.

Въ 1819 году владѣльцы каменноугольной копи въ Гэттонѣ, видя успѣшные результаты киллингуортской линіи, рѣшились построить такую-же дорогу до ближайшей пристани на рѣкѣ Уэрѣ и поручили Стефенсону должность главнаго инженера предпріятія. 18-го ноября 1822 года была открыта съ полнымъ успѣхомъ эта вторая и самая длинная желѣзная дорога того времени: длина линіи была въ 8 англ. миль; пять паровозовъ двигались по ней одновременно и каждый тащилъ 17 вагоновъ вѣсомъ въ 64 тонны со скоростью 4 англ. миль въ часъ; на большихъ уклонахъ, избѣгнуть которыхъ помощью насыпей или тунелей не позволяли эграниченныя денежныя средства, дѣйствіе локомотивовъ замѣнялось дѣйствіемъ постоянныхъ машинъ.

Три года спустя открылась первая разрѣшенная правительствомъ общественная линія между двумя городами — Дэрлингтономъ и Стоктономъ на Тиссѣ, главнымъ строителемъ которой былъ опять Джорджъ Стефенсонъ. По совѣту послѣдняго здѣсь были впервые проложены желѣзныя рельсы, вмѣсто непрочныхъ чугунныхъ; скорость поѣздовъ доходила въ часъ до 12 англ. миль. Ближайшая цѣль, для которой была сооружена дорога, заключалась въ перевозкѣ угля и товаровъ вообще между попутными и крайними пунктами линіи; только на всякій случай акціонеры разрѣшили Стефенсону построить одинъ вагонъ для путешественниковъ. Этотъ первый пассажирскій вагонъ, мѣтко названный своимъ строителемъ «Experiment», началъ свое правильное движеніе 10-го октября 1825 года; сначала его возила лошадь со скоростью 6 миль въ часъ; но значительный и быст-

рый успѣхъ, который имѣлъ этотъ опытъ желѣзно-коннаго сообщенія, развилъ такую конкуренцію и такъ умножилъ число такихъ вагоновъ, что вскорѣ убѣдились въ необходимости припрягать ихъ къ товарнымъ поѣздамъ. Введеніемъ этихъ смѣшанныхъ поѣздовъ и было положено начало пассажирскому движенію по желѣзнымъ дорогамъ.

Поѣзды-же, предназначенные для однихъ путешественниковъ, начали ходить только съ 1830 года, съ открытіемъ линіи между Ливерпулемъ и Манчестеромъ (*). Открытіе этой линіи замѣчательно еще во многихъ другихъ отношеніяхъ. Во первыхъ, правительственная концессія на ея постройку стоила ея предпринимателямъ и защитникамъ, во главѣ которыхъ снова стоялъ Джоржъ Стефенсонъ, нѣсколькихъ лѣтъ самой упорной борьбы; до того велико было даже въ просвѣщеннѣйшихъ слояхъ общества число людей, непонимающихъ выгодъ новаго изобрѣтенія. Но еще несравненно больше были затрудненія, съ которыми встрѣтились строители при проложеніи полотна по мѣстности, частью затопленной глубокими болотами, частью покрытой рѣками, горами и уклонами; пришлось строить множество мостовъ самаго различнаго устройства, воздвигать путепроводы, пробивать первые тунели; и насколько теперь подобныя сооруженія кажутся обыкновенны, на столько трудны они были въ то время по своей новизнѣ и отсутствію всякаго опыта въ дѣлѣ. Когда наконецъ линія была готова, тогда къ дню ея открытія акціонеры предпріятія назначили конкурсъ на лучшій паровозъ для движенія по новой дорогѣ; четыре изъ представленныхъ машинъ, локомотивы Брайтуайта и Эриксона, Гакуорта, Берсталля и Стефенсона, удовлетворили условіямъ объявленной программы и были допущены къ конкурсу. Паровозъ Стефенсона, подъ названіемъ «Rocket» затмилъ всѣ остальные и получилъ единственную назначенную премію. Быстрота «Rocket» доходила до невиданной еще скорости 35 англійск. миль въ часъ; главное его отличіе отъ

(*) По этой-же линіи между Ливерпулемъ и Манчестеромъ 6 лѣтъ спустя, въ 1836 году, былъ проведенъ Уитстономъ первый электрическій телеграфъ.

паровоза 1815 года и существенный успѣхъ заключались въ новомъ устройствѣ пароваго котла: верхняя половина паровика служила паровымъ резервуаромъ, нижняя была наполнена водой; эту то нижнюю часть пронизывали 25 мѣдныхъ трубокъ, которыя, сообщаясь однимъ концомъ съ печью, а другимъ съ дымовою трубою, пропускали огненные газы и значительно увеличивали поверхность нагрѣва. Съ давнихъ поръ чувствовалась между строителями паровыхъ машинъ потребность въ средствѣ увеличивать поверхность нагрѣва при данномъ вѣсѣ и данныхъ размѣрахъ паровика, такъ какъ отъ этой поверхности прямо зависѣло количество образованнаго пара, а слѣдовательно и сила машины; но только въ 1829 году французскому инженеру Марку Сэгену удалось практически рѣшить этотъ вопросъ изобрѣтеніемъ такъ называемыхъ трубчатыхъ котловъ, системы, которой желѣзныя дороги въ значительной степени обязаны своимъ успѣхомъ. Стефенсонъ оцѣнилъ сразу выгоды Сэгенова устройства и принялъ его для котла своего «Rocket».

Въ Англіи, какъ мы видѣли, взошла, развивалась и созрѣла впервые мысль о желѣзныхъ дорогахъ. Но понятно, что новое изобрѣтеніе не могло оставаться долгое время достояніемъ одной страны или націи; едва открылись первыя общественныя линіи отъ Стоктона до Дэрлингтона, и отъ Ливерпуля до Манчестера, едва въ самой Англіи начало пробуждаться сознаніе великой будущности желѣзныхъ дорогъ, какъ почти всѣ страны континента стали испытывать у себя ихъ примѣнимость.

Первая рельсная дорога на материкѣ была построена во Франціи между Сентъ-Этіенномъ и Андрезьё; разрѣшенная правительствомъ еще въ 1823 году, она была открыта пять лѣтъ спустя и только для коннаго движенія. Въ 1830 году началось желѣзно-конное сообщеніе отъ Сентъ-Этіенна до Ліона, а въ 1832 году на той-же линіи двинулись первые во Франціи локомотивы.

Въ Германіи первая желѣзная дорога, открытая между Линцомъ и Будвейсомъ въ 1828 году, предназначалась также только для коннаго сообщенія; паровозное движеніе началось семь лѣтъ спустя на маленькой линіи отъ Нюрнберга до Фюрта.

Россія съ 1838 года соорудила свою первую желѣзную дорогу отъ Петербурга къ Царскому Селу; а въ 1851 году была открыта соединяющая наши двѣ столицы николаевская линія.

Постепенно рельсная сѣть стала покрывать всѣ европейскія государства и многія населенныя страны другихъ материковъ.

Новѣйшія статистическія данныя свидѣтельствуютъ о необычайной и все возрастающей быстротѣ, съ которой въ послѣднее время распространяются желѣзныя дороги во всѣхъ частяхъ свѣта. Въ 1861 году сѣть желѣзныхъ дорогъ всего земнаго шара достигла 103 тысячъ верстъ, представляя собою расходъ въ 10 милліардовъ рублей. Черезъ шесть лѣтъ эта длина возросла до 146 тысячъ верстъ, а еще шесть лѣтъ спустя, т. е. въ прошломъ году, протяженіе рельсной сѣти одной Европы превосходило 154 тысячи верстъ.

Можно сказать съ достовѣрностью, что въ настоящее время протяженіе всѣхъ дѣйствующихъ на землѣ желѣзныхъ дорогъ достигло 250 тысячъ верстъ, длины, превышающей болѣе чѣмъ въ 41 разъ радіусъ земнаго шара и равной приблизительно $^5/_7$ разстоянія луны отъ нашей планеты.

Эти цифры краснорѣчивѣе всякихъ словъ говорятъ о значеніи того изобрѣтенія, историческій очеркъ котораго я старался изложить передъ Вами.

II. Часть ученая.

II. Часть ученая.

Къ вопросу объ иннерваціи дыхательныхъ движеній.

Первоначальная цѣль предлагаемаго изслѣдованія состояла въ разработкѣ вопроса о вліяніи различныхъ частей головнаго мозга на дыхательные центры продолговатаго мозга. Въ этомъ отношеніи, въ самомъ дѣлѣ, въ наукѣ имѣются лишь отрывочныя данныя. Причину этого слѣдуетъ искать отчасти въ слѣдующемъ обстоятельствѣ. Изслѣдованіе дыхательнаго аппарата производилось до сихъ поръ почти исключительно на теплокровныхъ животныхъ. Извѣстно же, что при остановкѣ кровеобращенія или обезкровленіи центральныхъ массъ, эти послѣднія быстро теряютъ свою раздражительность, такъ что подъ часъ трудно бываетъ рѣшить: произошло-ли прекращеніе дыхательныхъ движеній въ данномъ случаѣ отъ разрушенія какой нибудь части дыхательнаго аппарата или только отъ мѣстной потери раздражительности, при цѣлости всего аппарата? (*). Холоднокровныя животныя представляютъ въ этомъ отношеніи то

(*) Одинъ изъ важнѣйшихъ методовъ, употребляемыхъ при изученіи функцій различныхъ отдѣловъ нервной системы, состоитъ, какъ извѣстно, въ перерѣзываніи отдѣльныхъ частей ея съ цѣлью выдѣленія или раздраженія ихъ. При этомъ всегда, даже въ самыхъ счастливыхъ случаяхъ, происходитъ мѣстное обезкровленіе ткани (хотя, можетъ быть, и неполное), продолжающееся, по крайней мѣрѣ, вплоть до закупорки перерѣзанныхъ сосудовъ свернувшеюся кровью.

преимущество, что они при подобныхъ операціяхъ несравненно болѣе выносливы. Такъ, извѣстно, что частичные разрѣзы центральныхъ массъ и даже общее обезкровленіе лягушка выноситъ несравненно долѣе, чѣмъ теплокровныя животныя. Въ виду этихъ выгодъ я и предпринялъ изслѣдованіе иннерваціи дыхательныхъ движеній на лягушкѣ.

По этому предмету въ наукѣ имѣются слѣдующія данныя: Флуранъ ([1]) утверждаетъ, что «на лягушкѣ поперечная перерѣзка мозга тотчасъ подъ мозжечкомъ ведетъ за собой немедленное прекращеніе дыхательныхъ движеній, которыя затѣмъ уже не возобновляются вплоть до смерти животнаго». Подобное мнѣніе высказываетъ и Виттихъ ([2]). Вопросъ объ анатомическомъ положеніи дыхательнаго центра былъ, впрочемъ, для послѣдняго изслѣдователя вопросомъ второстепеннымъ. Главная цѣль его изслѣдованія состояла въ разрѣшеніи вопроса о томъ, автоматичны-ли дыхательные центры у лягушки, или-же они возбуждаются къ дѣятельности путемъ рефлекторнымъ (нормально изъ легкихъ). Виттихъ склоняется ко второму воззрѣнію главнымъ образомъ на основаніи слѣдующихъ опытовъ. Послѣ вырѣзыванія легкихъ дыхательныя движенія у лягушки постепенно исчезаютъ безъ явленій dyspnoë ([3]). Такіе-же результаты онъ получилъ

([1]) Flourens: «Détermination du noeud vital ou point premier moteur du mécanisme respiratoire dans les Vertébrés à sang froid». Comptes rendus. 1862 г. LIV, стр. 314.

([2]) v. Wittich: «Ueber die Beziehungen der Medulla oblongata zu den Athembewegungen bei Fröschen». Virchow's Archiv 1866 г. B. XXXVII. На стр. 329 онъ говоритъ: «Лягушка съ поперечной перерѣзкой четверныхъ возвышеній (на половинѣ ихъ высоты) жила всего 4 дня; дыхательныя движенія наблюдались только вслѣдъ за искусственнымъ раздраженіемъ. При цѣлости одного продолговатаго мозга лягушки быстро умирали, не обнаруживая дыхательныхъ движеній даже при раздраженіи съ периферіи».

([3]) l. c. стр. 337: «Тотчасъ послѣ перевязки и вырѣзыванія легкихъ у лягушекъ замѣчается еще рядъ дыхательныхъ движеній; однако эти движенія относительно частоты отстаютъ далеко отъ нормы, а по прошествіи нѣкотораго времени исчезаютъ совершенно».

при перерѣзкѣ обоихъ бродящихъ нервовъ (1) и при перевязкѣ trunci pulmon. съ одной стороны вмѣстѣ съ экстирпаціей одного легкаго съ другой. Онъ не дѣлалъ опытовъ съ перевязкой обоихъ trunc. pulmon. Посредствомъ этой операціи, какъ извѣстно, обезкровливается вмѣстѣ съ легкими и кожа—этотъ суррогатъ легкаго у лягушекъ съ экстирпированными легкими. На стр. 342 приведенной статьи онъ говоритъ, что онъ предпочелъ одностороннюю перевязку tr. pulm. вмѣстѣ съ вырѣзываніемъ легкаго съ другой стороны на томъ основаніи, что перевязку обоихъ tr. pulm. лягушки переживаютъ лишь очень короткое время. Едва-ли однако нужно много времени, чтобы видѣть, умираетъ-ли животное вслѣдъ за операціей при явленіяхъ dyspnoë, или безъ нихъ. А между тѣмъ именно такого рода опытъ по видимому могъ-бы всего скорѣе рѣшить данный вопросъ. При этой формѣ въ самомъ дѣлѣ изъ опыта исключается кожное дыханіе; у лягушекъ-же газовый обмѣнъ черезъ кожу существуетъ всегда, даже лѣтомъ (2). А есть основанія думать, что для обнаруженія dyspnoë недостаточно измѣнить извѣстнымъ образомъ составъ крови (resp. обезкровить центры),—необходимо еще, чтобы это измѣненіе (resp. обезкровленіе) совершалось съ извѣстной быстротой. Именно Куссмауль (3) говоритъ, что всѣ бурныя явленія, замѣчаемыя при обезкровленіи, происходятъ только въ томъ случаѣ, когда анемія наступаетъ быстро; ихъ нѣтъ, если анемія происходитъ постепенно.—Такъ какъ я не работалъ надъ лѣтними лягушками, то не могу представить съ своей стороны опытовъ въ этомъ направленіи. Въ наукѣ однако существуютъ данныя, несогласныя съ наблюденіями Виттиха. Такъ

(1) l. c. стр. 341. Диспноэтическія явленія, которыя онъ наблюдалъ тотчасъ послѣ этой операціи, онъ объясняетъ существованіемъ механическаго препятствія со стороны замкнутой голосовой щели (?). Между тѣмъ опытовъ съ перерѣзкой vagorum, послѣ предварительнаго вырѣзыванія голосовыхъ связокъ, не представлено.

(2) Berg: «Untersuchungen über die Hautathmung des Frosches.» Inaugural-Dissertation. Dorpat. Стр. 32. Въ Іюлѣ, въ самую жаркую пору, лягушки жили у этого изслѣдователя, послѣ перевязки (плотной) и вырѣзыванія легкихъ, minimum 3 часа, maximum 27—очевидно, благодаря кожному дыханію.

(3) Kussmaul und Tenner «Untersuchungen über Ursprung und Wesen der fallsuchtartigen Zuckungen bei der Verblutung u. s. w.» Moleschott's Unters. zur Naturlehre etc. B. III стр. 118.

напр. Бергъ (¹) наблюдалъ дыхательныя движенія у лягушекъ въ теченіи нѣсколькихъ дней послѣ экстирпаціи легкихъ (²).

Изъ этого перечня существующихъ данныхъ видно, что относительно иннерваціи дыхательныхъ движеній у лягушки извѣстно еще очень не много. Имѣющіеся на лицо факты стоятъ большею частью еще не твердо. Въ виду этого слѣдовало бы прежде всего повторить на лягушкахъ факты, добытые на теплокровныхъ въ опытахъ Розенталя, которые въ данномъ случаѣ стоятъ на первомъ планѣ. Такіе опыты должны очевидно дѣлаться на лѣтнихъ лягушкахъ; работать надъ послѣдними мнѣ однако до сихъ поръ не удалось. Оттого я и началъ свои изслѣдованія съ разработки вопросовъ о топографическомъ устройствѣ дыхательныхъ центровъ, объ явленіяхъ координаціи дыхательныхъ движеній и о вліяніи головнаго мозга

(¹) l. c. стр. 29. Онъ описываетъ послѣдствія экстирпаціи легкихъ такъ: «Тотчасъ послѣ операціи животное, кромѣ впалыхъ боковъ, ничѣмъ не отличалось отъ нормальной лягушки. По прошествіи получаса оно, опираясь на выпрямленныя переднія конечности и вытянутыя заднія, высоко подняло голову и оставалось въ такой позѣ впродолженіи нѣсколькихъ часовъ. Дыхательныя движенія ноздрей и глотки продолжались съ тою же частотой, какъ и обыкновенно. Отъ времени до времени животное широко разѣвало ротъ, какъ бы силясь глубоко вздохнуть. На другой день послѣ операціи дыхательныя движенія продолжались безъ перемѣны»....Затѣмъ лягушка начинаетъ постепенно слабѣть и на 5-ый день умираетъ. У другой лягушки «чрезъ нѣсколько мгновеній послѣ операціи полость живота вздулась ad maximum (трахея была перевязана не совсѣмъ плотно). Дыхательныя движенія были часты» и т. д. На 14-ый день послѣ операціи лягушка ночью выскочила изъ своего помѣщенія и на другой день найдена на полу мертвой.

(²) Въ виду этихъ разнорѣчивыхъ данныхъ я долженъ относительно вопроса о возбужденіи дыхательныхъ движеній у лягушки придерживаться въ настоящей статьѣ тѣхъ воззрѣній, которыя принимаются въ наукѣ на основаніи опытовъ надъ теплокровными животными.—Относительно иннерваціи дыханія у лягушки существуетъ еще изслѣдованіе д-ра Шумовскаго (Военно-Медицинскій Журналъ, 1865 г., часть XCIV, Сентябрь, стр. 9). Что касается фактическихъ данныхъ, то мы съ этимъ изслѣдователемъ расходимся почти на каждомъ шагу. Онъ тоже изслѣдовалъ вліяніе различныхъ отдѣловъ головнаго мозга на дыхательныя движенія; свои результаты онъ резюмируетъ на стр. 25 такъ: «послѣ всякаго разрѣза головнаго мозга происходитъ остановка дыханія». Далѣе, однако, на стр. 41 онъ говоритъ: «они (другіе опыты) во всякомъ случаѣ показываютъ, что прикосновеніе инородныхъ тѣлъ къ головному мозгу усиливаетъ сокращеніе вдыхательныхъ мышцъ и учащаетъ ихъ ритмъ».

на центры продолговатаго. (¹) Описанію опытовъ, касающихся, главнымъ образомъ, этихъ вопросовъ, посвященъ первый отдѣлъ предлагаемой статьи. Во второмъ отдѣлѣ рѣчь идетъ объ эффектахъ электрическаго раздраженія сѣдалищнаго нерва на движенія дыхательной щели лягушки и на дыхательныя движенія кролика вообще.

I.

У лягушки наружное отверстіе дыхательной трубки закрыто, какъ извѣстно, крышкой, состоящей изъ двухъ створокъ, правой и лѣвой. Створки эти въ покойномъ состояніи сомкнуты такъ плотно другъ съ другомъ, что совершенно разобщаютъ полость легкихъ отъ полости рта. Мало этого: онѣ способны, въ силу только своего механическаго устройства, безъ всякаго участія мышечныхъ силъ, разобщать вполнѣ эти двѣ полости и въ томъ случаѣ, когда полость легкихъ растянута значительно; напр. даже сильнѣе, чѣмъ это бываетъ въ тѣхъ нормально-встрѣчающихся случаяхъ, когда лягушка, какъ говорится, «надувается». Въ этомъ легко убѣдиться на свѣжемъ трупѣ, надувая растяжимое легкое черезъ отверстіе, сдѣланное въ верхушкѣ одной изъ его половинъ. Въ этой разобщенной такимъ образомъ отъ внѣшней среды полости, какъ и въ дыхательной полости всякаго другаго животнаго, воздухъ, измѣняясь извѣстнымъ образомъ вслѣдствіе интимнаго сосѣдства съ кровью волосныхъ сосудовъ, становится наконецъ негоднымъ для дальнѣйшаго газоваго обмѣна и требуетъ возобновленія. Это возобновленіе, т. е. вентиляція воздуха въ полости легкихъ, у лягушки достигается рядомъ движеній, отличныхъ отъ дыхательныхъ движеній высшихъ позвоночныхъ, такъ какъ у лягушки нѣтъ ни замкнутой грудной клѣтки, ни грудобрюшной преграды. У нормальной лягушки (²) происходятъ непрерывно періодическія со-

(¹) Послѣ первыхъ-же опытовъ мнѣ пришлось однако ограничиться въ своихъ изслѣдованіяхъ однимъ ритмическимъ аппаратомъ дыхательной щели. Причину этого читатель узнаетъ сейчасъ-же.

(²) Я разумѣю здѣсь лягушку не зимнюю, а лѣтнюю, у которой дыхательныя движенія происходятъ достаточно энергично и по непрерывности своей приближаются къ дыхательнымъ движеніямъ теплокровныхъ животныхъ. Дѣло въ томъ, что зимой у лягушекъ значительно понижается потребность въ

кращенія въ сферѣ мышцъ, подтягивающихъ os hyoideum напередъ и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣсколько кверху (лягушку слѣдуетъ вообразить въ сидячемъ положеніи). Эти движенія производятся главнымъ образомъ дѣятельностью слѣдующихъ мышцъ: m.m. petrohyoidei, четыре съ каждой стороны; затѣмъ geniohyoidei и отчасти hyoglossus. А такъ какъ os hyoideum помѣщается въ существѣ ткани задней части дна ротовой полости, то она при описанныхъ движеніяхъ увлекаетъ за собой и дно рта, которое въ покойномъ состояніи отвисаетъ небольшимъ куполомъ книзу. Впрочемъ для приподниманія дна ротовой полости существуетъ отдѣльная мышца, именно m. submaxillaris. Волокна этой мышцы, расположенной тотчасъ подъ кожей, протянуты поперекъ отъ лѣвой вѣтви нижней челюсти къ правой (*) и слѣдовательно при сокращеніи своемъ уплощаютъ отвислое дно рта и вмѣстѣ съ m. m. petrohyoid. прихлопываютъ его къ нёбу. Періодическія подниманія и опусканія дна рта всего удобнѣе наблюдать, если посадить животное на прозрачную стеклянную пластинку и глядѣть на него снизу. Этого рода движеніями лягушка, при открытыхъ ноздряхъ и закрытой дыхательной щели, на подобіе вѣера, вентилируетъ полость рта. Стоитъ ей только раскрыть дыхательную щель и прихлопнуть при закрытыхъ ноздряхъ подбородокъ къ нёбу,—и весь воздухъ изъ полости рта протолкнется въ полость легкихъ. Это она по временамъ и дѣлаетъ. Въ самомъ дѣлѣ, если смотрѣть снизу черезъ стеклянную пластинку на ея бока, то легко замѣтить, что каждый разъ, какъ она прихлопнетъ подбородокъ кверху, вентилируя ротъ, бока немного опадаютъ; это зависитъ оттого, что os hyoideum при движеніи впередъ увлекаетъ за собой механически короткую трахею, съ которой оно связано тканью. Однако, кромѣ этихъ незначительныхъ измѣненій, въ объемѣ бо-

---

О, такъ что для нихъ на долгое время достаточно одного т. наз. кожнаго дыханія. Онѣ могутъ жить съ вырѣзанными легкими болѣе мѣсяца, тогда какъ лѣтомъ лягушки при такихъ условіяхъ погибаютъ обыкновенно въ теченіе дня. (Berg l. c.).

(*) Собственно говоря, они тянутся не непрерывно: посрединѣ ихъ раздѣляетъ сухожильная полоса, напоминающая lineam albam.

ковъ лягушки замѣчаются по временамъ болѣе рѣзкія колебанія, связанныя съ одновременнымъ раскрываніемъ дыхательной щели. Лѣтняя лягушка устраиваетъ дѣло обыкновенно такъ: въ нѣсколько пріемовъ сильно наполнивъ описаннымъ образомъ свои легкія, она сидитъ нѣкоторое время надутая, только подбородкомъ играетъ, вентилируя ротъ. Послѣ такой паузы она наоборотъ въ нѣсколько пріемовъ значительно опоражниваетъ свое легкое (когда открыты ноздри и дыхательная щель, легкое спадается въ силу своей эластичности; кромѣ того для выдыханія существуетъ особая мышца, m. transversus abdomini) и затѣмъ снова начинается наталкиванье воздуха въ легкія или вдыханіе и т. д.

На зимнихъ лягушкахъ эти явленія далеко не такъ рѣзки вслѣдствіе того, что дыхательныя движенія у нихъ менѣе энергичны. Часто по одному наружному виду бываетъ трудно рѣшить, произошло-ли при данномъ движеніи подбородка раскрываніе дыхательной щели, или нѣтъ. Можно-бы было думать a priori, что всего удобнѣе наблюдать измѣненія, происходящія въ объемѣ легкихъ, обнаживши послѣднія, т. е. вскрывши брюшную полость. При этомъ способѣ однако вводятся въ явленіе посторонніе моменты, которые значительно осложняютъ его. Такъ напр. нѣжная ткань легкаго подвергается при этомъ дѣйствію воздуха; кромѣ того этой операціей дается возможность обмѣна крови легкихъ прямо съ окружающей средой; обнажаются брюшныя внутренности и т. д. Такимъ образомъ оказывается, что у зимнихъ лягушекъ дыхательныя движенія, т. е. вентиляція полости рта + періодическое раскрываніе дыхательной щели, по своей нерѣзкости и непостоянству не годятся для наблюденій. За то на зимнихъ и осеннихъ лягушкахъ обнаженная дыхательная щель съ ея ритмическими сокращеніями оказалась весьма хорошимъ объектомъ для наблюденія. Нижеописанные опыты и касаются почти исключительно иннерваціи этого органа.

Зимняя лягушка, внесенная изъ холодной кладовой въ теплую (около 16°) лабораторію, черезъ короткое время выходитъ изъ своего оцѣпенѣнія. Движенія ея конечностей пріобрѣтаютъ мало по малу быстроту и ловкость, приближающуюся къ нормѣ.

Обнаженная дыхательная щель начинаетъ биться.—Обнаженіе ея производилось слѣдующимъ образомъ: отрѣзывался кусокъ нижней челюсти такихъ размѣровъ, чтобы удобно было слѣдить глазами за движеніями створокъ щели. Предварительные опыты убѣдили меня въ томъ, что это для моихъ цѣлей вполнѣ позволительно. (*) Въ теченіи того короткаго времени, какое требуется для большинства моихъ опытовъ, въ біеніяхъ щели обыкновенно не происходитъ рѣзкихъ измѣненій. Въ опытахъ, однако, которые длятся долгое время, это обстоятельство должно, конечно, быть принято въ расчетъ.—Относительно нормальной частоты и силы сокращеній щели трудно сказать что-нибудь общее, потому что онѣ крайне разнообразны у различныхъ животныхъ. Въ то время какъ у однихъ щель бьется вяло, съ перерывами, нерѣдко встрѣчаются индивидуумы, у которыхъ ритмическая дѣятельность щели по своей непрерывности и энергичности подходитъ къ сердечнымъ сокращеніямъ. Эти-то послѣдніе и представляютъ объекты, наиболѣе годные для опытовъ.

Въ большинствѣ опытовъ я укрѣплялъ лягушку въ висячемъ положеніи на двухъ булавкахъ, продѣтыхъ—одна черезъ кончикъ верхней челюсти, другая черезъ ноги, обыкновенно парализованныя перерѣзкой сѣдалищныхъ нервовъ. Булавки вкалывались въ подвижную пробковую рамку, укрѣпленную въ штативѣ. Въ опытахъ съ раздраженіемъ отдѣльныхъ участковъ центральныхъ массъ индукціонными ударами, необходимо было укрѣплять лягушку болѣе неподвижно. Это достигалось укрѣпленіемъ или головы еще въ двухъ мѣстахъ, или рукъ, или туловища,—смотря по мѣсту раздраженія. Электроды подводились къ мозгу слѣдующимъ образомъ: къ верхнему переплету рамки прикалывался булавкой пробочный кубикъ, просверленный насквозь параллельно рамкѣ. Въ этотъ каналъ вставлялась стеклянная трубочка, на концѣ которой укрѣплялись двѣ тонкія

(*) Я дѣлалъ контрольные опыты такъ: въ днѣ рта я снаружи прорѣзывалъ небольшое окошечко, оставляя въ цѣлости только прозрачную слизистую оболочку и сквозь нее наблюдалъ за движеніями щели. Этотъ способъ несравненно менѣе удобенъ нежели первый.

иголки въ отвѣсномъ положенiи. Эти послѣднiя связнвались проволоками со вторичною спиралью индукцiоннаго аппарата (санный аппаратъ Дюбуа-Раймона съ придаткомъ Гельмгольца, одинъ Данiель). Подвижность стеклянной трубочки въ пробочномъ кубикѣ давала возможность принаравливаться къ разстоянiю мѣста раздраженiя отъ верхняго переплета рамки.

Если лягушкѣ вскрыть маленькими ножницами черепную полость, перерѣзать продолговатый мозгъ поперекъ на границѣ верхней его трети со средней и затѣмъ разрушить всѣ центральныя массы, лежащiя выше разрѣза, то въ ритмической дѣятельности дыхательной щели замѣчаются слѣдующiя измѣненiя: щель сама по себѣ больше не бьется; иногда только вслѣдъ за разрѣзомъ она даетъ нѣсколько сокращенiй, а затѣмъ остается уже въ покоѣ. Такимъ образомъ оперированная лягушка можетъ въ прохладномъ влажномъ мѣстѣ жить больше мѣсяца и никогда, такъ сказать, сами по себѣ, безъ искусственнаго раздраженiя, створки щели не раскрываются. Рефлекторный аппаратъ этого движенiя однако цѣлъ. Одиночное раскрыванiе щели можно вызвать на множество ладовъ; напр. если дунуть въ полость рта, или, если сжать брюшныя внутренности. Рефлексъ на щель получается тоже при тактильномъ и болевомъ раздраженiи кожи и т. д. Отражательные центры щели обнаруживаютъ при этомъ иногда даже особенную чувствительность; такъ напр. случается, что такое слабое тактильное раздраженiе кожи руки, которое въ самой раздражаемой конечности не обнаруживаетъ двигательнаго эффекта, вызываетъ сокращенiе мышцъ щели. — Эта повышенная раздражительность объясняется, по всей вѣроятности, болѣе близкимъ сосѣдствомъ рефлекторныхъ центровъ нашего органа съ поверхностью мозга, обнаженной разрѣзомъ. Раздражающее влiянiе съ поверхности этой раны распространяется на близь лежащiя центральныя образованiя, весьма вѣроятно, съ большею силою, чѣмъ на центры болѣе удаленные.

Особенно легко вызываются рефлексы съ внутренностей; они обыкновенно кромѣ того носятъ на себѣ ясный характеръ тетаничности. Стоитъ только лягушкѣ съ вышеописаннымъ разрѣзомъ мозга начать вскрывать ножницами полость брюха или нѣсколько

согрѣть обнаженныя внутренности, приближая къ нимъ пламя свѣчи,—щель широко раскрывается и держится въ такомъ положеніи нѣкоторое время. Тоже самое происходитъ, если осторожно ворошить тупой палочкой кишки или мочевой пузырь, или щипать ихъ пинцетомъ.—Если перерѣзать rhami communicantes симпатическаго нерва (1) или, оставивши ихъ въ цѣлости, перерѣзать спинной мозгъ между 3 и 4 позвонкомъ, всѣ рефлексы съ внутренностей пропадаютъ. Это значитъ, что возбужденіе въ нашемъ рефлексѣ идетъ по сообщающимъ вѣтвямъ симпатическаго нерва и входитъ въ спинной мозгъ не выше 4-го позвонка.

Если лягушкѣ, у которой мозгъ перерѣзанъ между первой и второй третью продолговатаго мозга, перерѣзать еще спинной мозгъ тотчасъ подъ верхушкой 4-го желудочка,—рефлексы въ сферѣ щели еще возможны, и именно ихъ можно вызвать раздраженіемъ слизистой оболочки рта въ области щели, напр. дуновеніемъ. Изъ этого слѣдуетъ, что *отражательная группа дыхательной щели у лягушки заложена въ нижнихъ двухъ третяхъ продолговатаго мозга.* Раздвоеніемъ этой части мозга вдоль пополамъ (2) эту отражательную группу можно расчленить на *двѣ группы, соотвѣтствующія правой и лѣвой створкамъ щели въ отдѣльности.*

Хотя у лягушки съ вышесказанной поперечной перерѣзкой продолговатаго мозга не только прекращается нормальная ритмическая дѣятельность щели, но и одиночныя открыванія могутъ быть вызываемы только яснымъ искусственнымъ раздраженіемъ съ периферіи,—однако продолжительнымъ переферическимъ раздраженіемъ можно вызвать рядъ періодическихъ сокращеній мышцъ щели, участвующихъ въ раскрываніи ея. Такого рода

---

(1) Рамка, къ которой прикрѣплена лягушка, повертывается такъ, чтобы животное висѣло горизонтально, спиной кверху; тогда кишки отвисаютъ книзу и сообщающія вѣтви симпатическ. нерва лежатъ передъ глазами экспериментатора.

(2) Разрѣзъ этотъ производится посредствомъ ряда вкалываній въ мозгъ остроконечнымъ ножичкомъ. До операціи слѣдуетъ снимать оболочки мозга.

явленіе наблюдается напримѣръ при продолжительномъ раздраженіи центральнаго отрѣзка nervi ischiadici индукціонными ударами средней силы. Рядъ сокращеній дыхательной щели можетъ быть вызванъ еще продолжительнымъ термическимъ раздраженіемъ внутренностей. Ритмическія сокращенія щели, вызванныя такимъ образомъ, по своему внѣшнему виду, сходны съ сокращеніями, наблюдаемыми на нормальной лягушкѣ. Отличаются онѣ развѣ только тѣмъ, что обыкновенно носятъ на себѣ характеръ тетаничности.

Кромѣ этого *свойства приходить въ періодическую дѣятельность при продолжительномъ раздраженіи съ периферіи*, рефлекторные центры дыхательной щели обладаютъ и другимъ свойствомъ центральныхъ образованій, описаннымъ Сѣченовымъ для центровъ, связывающихъ кожу съ мышцами скелета (*), именно свойствомъ *суммировать отдѣльныя раздраженія*. Такъ, одиночные индукціонные удары извѣстной силы (тѣ-же результаты даетъ и постоянный токъ), приложенные къ сѣдалищному нерву не вызываютъ дѣятельности мышцъ щели, а рядъ ударовъ той-же силы, слѣдующихъ другъ за другомъ съ достаточной частотой, ведетъ за собой раскрываніе щели.

Такъ какъ дыхательная щель при цѣлости однихъ рефлекторныхъ ея центровъ остается, какъ оказывается, въ покоѣ, то слѣдовательно при нормальныхъ условіяхъ должны гдѣ-нибудь существовать такого рода образованія, присутствіе которыхъ обусловливаетъ нормальную ритмическую дѣятельность нашего органа. Такого рода механизмы должно искать въ среднихъ частяхъ головнаго мозга, такъ какъ при цѣлости связи этихъ частей съ продолговатымъ щель бьется нормальнымъ образомъ. Если, начиная съ corpora bigemina, поперечными разрѣзами удалять, идя книзу, все новые и новые участки мозга,— ритмическая дѣятельность щели постепенно ослабѣваетъ; но она существуетъ, если даже отдѣлить мозжечекъ и незначительную часть продолговатаго мозга; и только наконецъ, при разрѣзѣ по ниж-

(*) Сѣченовъ «Объ электрическомъ и химическомъ раздраженіи чувствующихъ спинно-мозговыхъ нервовъ лягушки» С.-Петербургъ, 1868 г.

ней границѣ верхней трети продолговатаго мозга, біенія щели прекращаются.

Какую-же роль играютъ эти новые механизмы относительно центровъ, расположенныхъ въ нижнихъ двухъ третяхъ продолговатаго мозга? Прежде, однако, чѣмъ объяснять роль вышележащихъ механизмовъ, спрашивается: не лежитъ-ли объясненіе всего явленія въ оперативныхъ пріемахъ опыта? Вотъ въ чемъ дѣло: перерѣзывая продолговатый мозгъ поперекъ, мы перерѣзываемъ вмѣстѣ съ веществомъ мозга и кровеносные сосуды его; а по воззрѣніямъ современной физіологической школы, возбудитель дыхательныхъ движеній есть кровь, циркулирующая по продолговатому мозгу. Стоитъ только вообразить себѣ, что вслѣдствіе перерѣзки прекращается циркуляція крови по продолговатому мозгу, и все явленіе объясняется слѣдующимъ образомъ: при разрѣзѣ среднихъ частей циркуляція крови въ продолговатомъ мозгу не тронута; тогда какъ разрѣзъ по границѣ верхней его трети съ средней или обезкровливаетъ его центры, или прекращаетъ къ нимъ доступъ свѣжихъ раздражителей (вслѣдствіе закупорки сосудовъ свернувшеюся кровью), или-же, наконецъ, оставляя въ цѣлости только часть кровеносныхъ путей, понижаетъ тѣмъ раздражительность центровъ. Но мысль эта теряетъ свое вѣроятіе на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) лягушки съ одними рефлекторными центрами дыхательной щели жили у меня, какъ объ этомъ было говорено выше, больше мѣсяца и центры эти не только не теряли раздражительности, но послѣдняя была въ нихъ иногда даже повышена сравнительно съ нормой; исчезала только ритмическая дѣятельность ихъ безъ яснаго искусственнаго раздраженія съ периферіи. Кромѣ того 2) когда подходишь съ поперечными разрѣзами головнаго мозга сверху постепенно все ближе и ближе къ средней трети продолговатаго, случается, что при цѣлости кусочка верхней трети продолговатаго мозга величиной въ $^1|_2$ m. m. щель еще бьется; а отрѣзываніе и этого кусочка ведетъ за собой покой щели. Затѣмъ 3) мнѣ приходилось раздваивать продолговатый мозгъ вдоль; лягушка теряла при этомъ иногда относительно много крови,—ритмическая дѣятельность щели однако не исчезала.

Такимъ образомъ оказывается, что для объясненія этихъ явленій вѣрнѣе будетъ предположить *въ среднихъ частяхъ головнаго мозга существованіе механизмовъ, присутствіе которыхъ обусловливаетъ нормальную ритмическую дѣятельность цели.* Въ чемъ-же состоитъ ихъ функція по отношенію къ центральному аппарату, заложенному въ продолговатомъ мозгу?

Въ первую минуту кажется вѣроятною слѣдующая мысль: это суть механизмы высшаго разряда, превращающіе постоянное раздраженіе простаго рефлекторнаго центра продолговатаго мозга въ періодическіе импульсы къ его дѣятельности. Съ той минуты однако какъ доказано, что этотъ рефлекторный центръ самъ въ себѣ уже заключаетъ способность приходить въ періодическую дѣятельность при постоянномъ раздраженіи,—не оказывается никакой необходимости предполагать еще особые т. наз. періодическіе центры. Дѣло объяснимо иначе. Относительно иннерваціи дыхательныхъ движеній у теплокровныхъ животныхъ, въ настоящее время въ наукѣ принимается слѣдующая гипотеза: центры дыхательные лежатъ въ нижнихъ частяхъ продолговатаго мозга; кровь, циркулирующая по капиллярамъ этихъ частей центральной нервной системы, возбуждаетъ ихъ къ дѣятельности. Эта гипотеза основывается главнымъ образомъ на слѣдующихъ фактахъ: 1) разрушеніе нижнихъ долей продолговатаго мозга ведетъ за собой прекращеніе дыхательныхъ движеній (Легаллуа, Флуранъ и др.); 2) если перерѣзать головной мозгъ по верхней границѣ продолговатаго, туловище дѣлаетъ еще нѣсколько вздоховъ; если перерѣзать спинной мозгъ тотчасъ подъ верхушкой четвертаго желудочка, на головѣ замѣчается еще нѣсколько дыхательныхъ движеній; 3) перерѣзка всѣхъ центростремительныхъ нервовъ продолговатаго мозга не прекращаетъ дыхательныхъ движеній (Розенталь); 4) зажиманіе сонныхъ артерій вмѣстѣ съ позвоночными прекращаетъ дыхательныя движенія при явленіяхъ dyspnoë. Опыты Легаллуа и Флурана еще не доказываютъ, что въ той части мозга, которую они разрушаютъ, заключенъ весь центральный аппаратъ, обусловливающій періодическую дѣятельность дыхательныхъ мышцъ. Если предположить, что дыхательныя движенія возбуж-

даются рефлекторно, то опытъ Флурана можетъ быть объясненъ такъ: въ немъ разрушаются только рефлекторные центры и тогда, не смотря на то, что периферія, изъ которой собственно и выходятъ импульсы къ дыхательнымъ движеніямъ, цѣла, движенія конечно должны прекратиться сразу. Въ опытахъ съ перерѣзкой нервовъ не были удалены среднія части головнаго мозга. Въ опытахъ съ обезкровливаніемъ продолговатаго мозга вмѣстѣ съ послѣднимъ обезкровливались и среднія части. А изъ моихъ опытовъ надъ лягушкой оказывается, что одни рефлекторные центры безъ среднихъ частей не дѣйствуютъ ритмически помимо искусственнаго раздраженія.

Всѣ эти факты объяснимы, если предположить, что *въ среднихъ частяхъ головнаго мозга и въ верхней трети продолговатаго существуютъ образованія, эквивалентныя периферическимъ аппаратамъ другихъ рефлекторныхъ механизмовъ тѣла; эти образованія возбуждаются кровью и, черезъ посредство межцентральныхъ волоконъ (эквивалентныхъ центростремительнымъ приводамъ), возбуждаютъ центры продолговатаго мозга къ дѣятельности.* Тогда нашъ разрѣзъ по границѣ верхней трети продолговатаго мозга равносиленъ отдѣленію центра отъ чувствующей поверхности; отсюда центръ, не смотря на то, что сохранилъ свою раздражительность, остается въ покоѣ, пока не возбуждается изъ другихъ точекъ периферіи. Тотъ фактъ, что вслѣдъ за этой перерѣзкой щель иногда даетъ нѣсколько сокращеній, объясняется пораненіемъ (возбужденіемъ) при перерѣзкѣ центростремительныхъ приводовъ нашего аппарата. Тоже объясненіе можетъ быть приложено и къ тѣмъ нѣсколькимъ вздохамъ, которые замѣчаются у теплокровныхъ животныхъ послѣ отдѣленія продолговатаго мозга отъ головнаго. Послѣ перерѣзки тотчасъ подъ верхушкой четвертаго желудочка дыхательная щель у лягушки еще долго бьется ритмически. Быстрое исчезновеніе дыхательныхъ движеній въ верхнихъ частяхъ тѣла теплокровныхъ животныхъ при этой операціи объясняется побочными причинами, именно потерею раздражительности центровъ, вслѣдствіе обезкровленія. Въ пользу высказанной гипотезы говорятъ, кромѣ того, опыты съ раздра-

женіемъ среднихъ частей головнаго мозга индукціонными ударами, объ которыхъ рѣчь будетъ ниже.

Провѣрить это воззрѣніе слѣдовало-бы такъ: прекратить притокъ крови къ среднимъ частямъ (отнять раздражителя у периферіи), оставивъ кровообращеніе въ продолговатомъ мозгу не тронутымъ, тогда дыхательныя движенія должны прекратиться. Затѣмъ дать вновь доступъ крови къ среднимъ частямъ,—дыхательныя движенія должны возстановиться. Къ сожалѣнію, такого рода опыты встрѣчаютъ непреодолимыя трудности, такъ какъ доступъ къ кровеноснымъ сосудамъ среднихъ частей невозможенъ безъ нарушенія связи этихъ послѣднихъ съ продолговатымъ мозгомъ.

Считаю долгомъ здѣсь же оговориться по поводу слѣдующаго обстоятельства. Я позволяю себѣ сопоставлять факты, добытые на теплокровныхъ животныхъ относительно дыхательныхъ движеній, съ явленіями на дыхательной щели лягушки (*), на томъ основаніи, что оба процесса въ сущности одинаковы; разницы между ними можно ожидать лишь количественной. Повторить на теплокровныхъ животныхъ факты, добытые на лягушкѣ, не всегда возможно. Напримѣръ извѣстно, что у теплокровныхъ животныхъ, послѣ перерѣзки продолговатаго мозга, послѣдній быстро теряетъ свою раздражительность, такъ что въ этомъ отношеніи, при существующихъ методахъ изслѣдованія, трудно ожидать успѣха. Я дѣлаю попытки примѣненія фактовъ, добытыхъ на лягушкѣ, къ теплокровнымъ животнымъ, до повторенія оныхъ, хотя бы въ другой формѣ, лишь въ видахъ выгоды самаго вопроса.

Другое объясненіе нашихъ опытовъ можетъ состоять въ слѣдующемъ: всѣ существенныя части дыхательнаго аппарата заключены въ продолговатомъ мозгу; центры, заложенные въ немъ, при нормальныхъ условіяхъ сами возбуждаются циркулирующей по мозгу кровью къ дѣятельности, безъ посредства цен-

---

(*) По движеніямъ дыхательной щели можно всего вѣрнѣе судить о дыхательныхъ движеніяхъ вообще. Въ этомъ отношеніи дыхательная щель лягушки напоминаетъ діафрагму высшихъ животныхъ.

тростремительныхъ приводовъ; въ среднихъ-же частяхъ существуютъ придаточные механизмы, какимъ-то образомъ *облегчающіе* дѣятельность центровъ продолговатаго мозга. Это объясненіе, которое явно темнѣе перваго, имѣетъ за себя однако аналогію въ нервномъ аппаратѣ локомоціи у лягушки. Всѣ существенныя части этого послѣдняго аппарата заключены въ спинномъ мозгу; однако обезглавленная лягушка не ползаетъ какъ нормальная, а только при искусственномъ раздраженіи можетъ сдѣлать нѣсколько шаговъ. (*) Безъ головнаго мозга локомоторный аппаратъ дѣйствуетъ туго; при цѣлости связи его съ головнымъ мозгомъ онъ дѣйствуетъ несравненно легче. Наши опыты на дыхательной щели повидимому аналогичны этимъ явленіямъ.

Должно, однако, замѣтить слѣдующее. Для локомоціи строго доказана цѣлость всѣхъ существенныхъ частей этого аппарата у обезглавленнаго животнаго: периферическая чувствующая поверхность дана главнымъ образомъ кожей; рефлекторные центры, соединяющіе кожу съ мышцами скелета и ихъ взаимная межцентральная связь находятся въ спинномъ мозгу; центробѣжные приводы къ мышцамъ тоже цѣлы. Для дыхательныхъ же движеній, при цѣлости двухъ нижнихъ третей продолговатаго мозга, строго доказано существованіе рефлекторныхъ центровъ и центробѣжныхъ приводовъ; цѣлость же нормальныхъ мѣстъ приложенія импульсовъ къ дѣятельности не доказана строго. Въ самомъ дѣлѣ, въ опытахъ Розенталя съ обезкровленіемъ продолговатаго мозга, вмѣстѣ съ этимъ послѣднимъ обезкровливаются всегда и среднія части, а на лягушкѣ, какъ мы видѣли выше, легко доказать, что центры нижнихъ долей продолговатаго мозга, отдѣленные отъ среднихъ частей, остаются въ покоѣ несмотря на то, что не теряютъ своей раздражительности впродолженіи долгаго времени. Если принять, что при нормальныхъ условіяхъ кровь раздражаетъ прямо центры продолговатаго мозга, то для объясненія нашего факта придется прибѣгать къ предположеніямъ въ

(*) См. мою статью: «Physiolog.-Topograph. Unters. am Rückenmark des Frosches», Mémoires de l'Académie des Sciences de S.-Pétersbourg, VII série, t. XVI, № 7. 1870 г. стр. 5.

родѣ слѣдующаго: раздражительность центровъ продолговатаго мозга, по отдѣленіи ихъ отъ среднихъ частей, для обычнаго своего раздражителя, крови, пропадаетъ, оставаясь не тронутой для другихъ возбудителей (тактильное раздраженіе кожи и др.). По моему мнѣнію, первое объясненіе естественнѣе: кровь, протекая по среднимъ частямъ головнаго мозга, раздражаетъ здѣсь образованія, эквивалентныя чувствующимъ аппаратамъ другихъ нервныхъ механизмовъ; это раздраженіе при посредствѣ центростремительныхъ волоконъ дѣйствуетъ непрерывно на центры продолговатаго мозга, которые вслѣдствіе этого періодически посылаютъ импульсы по центробѣжнымъ волокнамъ къ дыхательнымъ мышцамъ. Въ наукѣ, сколько мнѣ извѣстно, нѣтъ фактовъ, противорѣчащихъ такому объясненію; имъ кромѣ того устанавливается рефлекторный типъ для дыхательныхъ движеній. Предположеніе существованія въ центральныхъ мозговыхъ массахъ образованій, эквивалентныхъ периферическимъ аппаратамъ, не заключаетъ въ себѣ ничего невѣроятнаго. Въ самомъ дѣлѣ, съ большою вѣроятностью можно думать, что для многихъ нервныхъ процессовъ, относящихся къ сферѣ психической дѣятельности и совершающихся по типу рефлекторному, периферія лежитъ въ центральныхъ массахъ (въ анатомическомъ смыслѣ) и возбуждается тоже кровью.

Для дальнѣйшаго изслѣдованія устройства центральнаго аппарата дыхательной щели я производилъ продольные разрѣзы мозга на различныхъ высотахъ, имѣя въ виду, главнымъ образомъ, слѣдующую мысль: обѣ створки щели (какъ и всѣ дыхательныя мышцы) сокращаются одновременно всю жизнь; обусловливается ли это явленіе устройствомъ самихъ рефлекторныхъ центровъ продолговатаго мозга и ихъ взаимной связи, или-же для дружнаго дѣйствія всѣхъ рефлекторныхъ центровъ, участвующихъ въ произведеніи дыхательныхъ движеній, требуется, отдѣльно отъ нихъ, существованіе особыхъ аппаратовъ, которые бы координировали эти движенія? Дѣло, однако, оказалось сложнѣе, чѣмъ можно было думать.

При цѣлости однихъ нижнихъ двухъ третей продолговатаго мозга, створки щели (при искусственномъ возбужденіи съ периферіи)

сокращаются синхронично. Это говоритъ скорѣе за то, что въ самихъ рефлекторныхъ центрахъ и ихъ взаимной связи въ продолговатомъ мозгу лежитъ свойство рождать двигательные эффекты одновременно. А между тѣмъ, если на цѣлой лягушкѣ раздвоить даже весь продолговатый мозгъ,—створки бьются одновременно. Случается, правда, что послѣ этой операціи, сначала бьется только одна створка, а другая присоединяется къ ней только черезъ извѣстный промежутокъ времени; сокращенія этой послѣдней однако всегда совпадаютъ съ сокращеніями первой.—Послѣднее явленіе происходитъ, вѣроятно, вслѣдствіе того, что раздражительность центровъ второй створки пострадала отъ операціи больше, чѣмъ раздражительность первой (*).

Если раздвоить мозгъ, начиная отъ верхней границы corpora bigemina до средней трети продолговатаго мозга, разстройства въ координаціи движеній дыхательной щели тоже не получается.

Разстройство это наступаетъ тогда, когда раздвоены центральныя массы, начиная отъ corpora bigemina *до продолговатаго мозга включительно.* Если принять, что свой-

---

(*) Продольные разрѣзы продолговатаго мозга производились еще прежде. Именно Шиффъ (Lehrbuch der Physiologie des Menschen, 1859 г. стр. 323) въ опроверженіе мнѣнія Флурана о неразрывности его «жизненнаго узла» приводитъ опыты Фолькмана и Лонже, по которымъ «продольные разрѣзы продолговатаго мозга не прекращаютъ дыхательныхъ движеній обѣихъ сторонъ тѣла». Далѣе онъ уже отъ себя самого выражаетъ слѣдующую мысль: «гармонія въ сокращеніяхъ дыхательныхъ мышцъ обѣихъ половинъ тѣла обусловливается нормально цѣлостью той части центральной нервной системы, которая расположена между обоими дыхательными центрами (для правой и лѣвой половинъ тѣла въ отдѣльности) въ продолговатомъ мозгу». Эту мысль онъ высказываетъ на основаніи слѣдующаго опыта: кролику раздвоенъ вдоль продолговатый мозгъ; если закрыть одну ноздрю пальцемъ и затѣмъ отнять послѣдній—эта ноздря дышетъ чаще другой. На цѣлой лягушкѣ (съ нетронутой нижней челюстью), послѣ раздвоенія продолговатаго мозга, я не наблюдалъ разстройства координаціи дыхательныхъ движеній (сюда же относятся и движенія ноздрей), такъ что для лягушки, по крайней мѣрѣ, не могу подтвердить мнѣніе Шиффа.

ство рождать двигательные эффекты одновременно лежитъ только во взаимной связи центральныхъ группъ правой и лѣвой створки, то изъ этихъ опытовъ должно вывести, что комиссуры между этими группами существуютъ, кромѣ продолговатаго мозга, еще и выше—въ среднихъ частяхъ головнаго мозга. При этомъ однако остается неяснымъ смыслъ такого богатства коммиссуръ. Если принять въ среднихъ частяхъ существованіе образованій, эквивалентныхъ периферическимъ, то при помощи еще новыхъ предположеній ([1]), можно бы объяснить наши опыты; но именно введеніе этихъ новыхъ предположеній (хотя и не уступающихъ въ вѣроятности предположенію существованія «коллатеральныхъ» коммиссуръ) и составляетъ слабую сторону такихъ объясненій.

При этихъ опытахъ мнѣ случалось, при полномъ разстройствѣ координаціи, находить по вскрытіи мозжечекъ не раздвоеннымъ. При цѣлости же небольшаго кусочка вверху corpora bigemina, наоборотъ, гармонія не нарушалась ([2]). Эти опыты говорятъ за то, что или предполагаемыя «коллатеральныя» коммиссуры не переходятъ изъ одной половины въ другую на уровнѣ мозжечка, или (при второмъ объясненіи) перекреста центростремительныхъ волоконъ въ области мозжечка не существуетъ.

Перехожу теперь къ описанію опытовъ, произведенныхъ съ цѣлью изслѣдованія вліянія нѣкоторыхъ частей головнаго мозга на ритмическую дѣятельность дыхательной щели.

([1]) Напр: отъ каждой точки предполагаемой периферіи протянуты центростремительныя волокна для каждой створки въ отдѣльности; съ одной стороны на другую волокна эти переходятъ въ области среднихъ частей. Это слѣдуетъ предположить для объясненія явленій при раздвоеніи одного продолговатаго мозга. Для объясненія явленій при раздвоеніи однихъ среднихъ частей требуется еще слѣдующее: пока цѣла межцентральная связь между правой и лѣвой створками въ продолговатомъ мозгу, импульсъ, данный одной изъ нихъ, немедленно сообщается другой.

([2]) Тотчасъ послѣ операціи иногда замѣчалось разстройство координаціи на весьма короткое время. Разъ оправившись, створки уже затѣмъ все время бьются синхронически.

1. Поперечные разрѣзы въ сферѣ *верхнихъ двухъ третей мозговыхъ полушарій* даютъ эффекты непостоянные. Чаще всего при этомъ замѣчается учащеніе біеній щели вмѣстѣ съ усиленіемъ дѣятельности мышцъ раскрывателей створокъ, длящееся короткое время.

2. Поперечный разрѣзъ, проведенный ниже — *по нижней трети полушарій,* ведетъ за собой остановку сокращеній щели на продолжительное время или же значительное угнетеніе ея дѣятельности. Послѣ того, какъ пройдетъ этотъ первый эффектъ разрѣза, и щель снова начнетъ биться, можно изслѣдовать значеніе частей мозга, расположенныхъ близь разрѣза, прикладывая къ послѣднему различные раздражающіе стимулы. Я употреблялъ въ дѣло кристаллики поваренной соли и слабый индукціонный токъ ([1]). Первый эффектъ раздраженія въ обоихъ случаяхъ есть остановка біеній щели. Это указываетъ на то, что въ *нижней трети полушарій расположены такъ называемые задерживательные механизмы нашего нервнаго аппарата.*

Относительно путей, по которымъ идетъ это тормозящее вліяніе нижней доли полушарій къ нашему аппарату, я могу представить слѣдующіе опыты ([2]).

а). Лягушкѣ раздвоенъ вдоль головной мозгъ, начиная отъ corpor. bigemin. внизъ до продолговатаго включительно: створки бьются врозь; правая чаще лѣвой (на два удара лѣвой створки приходится почти 5 ударовъ правой).—По нижней трети праваго полушарія проведенъ поперечный разрѣзъ: правая створка стоитъ въ теченіи $1\frac{1}{2}$ минутъ; лѣвая бьется по преж-

---

([1]) Когда раздраженіе производится посредствомъ кристалловъ поваренной соли, рамку съ лягушкой слѣдуетъ перевертывать кверху ногами. Этимъ пріемомъ избѣгается возможность затеканія солянаго раствора къ нижележащимъ отдѣламъ мозга.

([2]) Говоря о «задерживающихъ механизмахъ», о «ходѣ ихъ путей», я придерживаюсь воззрѣній, наиболѣе распространенныхъ въ наукѣ и всего проще передающихъ факты. Возможно, что въ основѣ явленій торможенія лежатъ сосудо-двигательные эффекты, явленія интерференціи или что-либо другое; вопросъ въ этомъ направленіи еще почти не тронутъ. А пока прежнее воззрѣніе не опровергнуто, нѣтъ основаній отказываться отъ него.

нему.—На правой половинѣ проведенъ новый поперечный разрѣзъ,—по границѣ между правымъ полушаріемъ и зрительнымъ бугромъ: вскорѣ послѣ разрѣза правая створка начинаетъ биться: по прошествіи минуты она уже снова бьется чаще лѣвой (¹). Изъ этого опыта слѣдуетъ, что въ сферѣ зрительныхъ бугровъ тормозящее вліяніе нижнихъ долей полушарій не переходитъ изъ одной половины въ другую.

b) Продольный разрѣзъ проведенъ начиная отъ corpor. bigem. до средней трети продолговатаго мозга. Створки бьются одновременно.—Поперечный разрѣзъ, проведенный по нижней трети одного изъ полушарій, останавливаетъ обѣ створки заразъ.

Тотъ-же результатъ получается, если

c) раздвоенъ одинъ продолговатый мозгъ, или

d) если поперечнымъ разрѣзомъ разрушена одна половина продолговатаго мозга на границѣ верхней его трети со средней.

Эти послѣдніе опыты говорятъ за то, что пока цѣла координирующая связь между створками,—возбужденіе одной половины тормазовъ дѣйствуетъ на обѣ створки, и наоборотъ.

3. Если у лягушки, у которой вслѣдствіе разрѣза по нижней трети полушарій остановились сокращенія щели, отнять и послѣднюю треть полушарій (поперечный разрѣзъ ведется по границѣ между полушаріями и зрительными буграми), щель обыкновенно очень скоро послѣ этого начинаетъ биться и бьется обыкновенно долгое время весьма правильно (однообразно) относительно ритма и силы сокращеній (²).

Поперечные разрѣзы *зрительныхъ бугровъ* даютъ результаты непостоянные. Однако первый эффектъ раздраженія ихъ (слабыми индукціонными ударами или поваренной солью) есть обыкновенно остановка біеній, такъ что и въ этой части мозга слѣдуетъ предположить существованіе такихъ образованій, которыя при ихъ раздраженіи тормозятъ дѣятельность щели.

(¹) Этотъ опытъ приведенъ въ видѣ примѣра изъ числа многихъ, сдѣланныхъ въ той же формѣ.

(²) Фактъ этотъ замѣченъ уже Виттихомъ, l. c. стр. 330.

4. Поперечные разрѣзы и раздраженія *четверныхъ возвышеній* производятъ совершенно противоположные эффекты,— они ускоряютъ и усиливаютъ біенія щели. Уже при одномъ разрѣзѣ дѣло часто доходитъ до продолжительнаго тетаническаго раскрытія щели. При раздраженіи разрѣза солью или слабыми индукціонными ударами, первымъ эффектомъ бываетъ всегда *учащеніе* біеній; затѣмъ сокращенія становятся сильнѣе и сливаются наконецъ въ тетаническое раскрытіе щели. При этомъ обыкновенно, вслѣдствіе одновременнаго тетаническаго натяженія голосовыхъ связокъ и сокращенія брюшныхъ мышцъ, послѣдняя фаза явленія сопровождается крикомъ.—Если принять существованіе въ продолговатомъ мозгу автоматическихъ дыхательныхъ центровъ, то эти явленія говорятъ въ пользу существованія въ среднихъ частяхъ головнаго мозга такихъ придатковъ къ дыхательному аппарату, которые усиливаютъ его дѣятельность. Если же справедливо, что въ среднихъ частяхъ разсыпана периферія рефлекторнаго дыхательнаго аппарата, тогда это явленіе можетъ быть объяснено слѣдующимъ весьма вѣроятнымъ предположеніемъ: въ нашихъ опытахъ периферія раздражается сильнѣе, чѣмъ обыкновенно (кровью), оттого и эффекты сильнѣе. Это явленіе тогда совершенно аналогично эффектамъ, замѣчаемымъ на кожно-мышечномъ аппаратѣ спиннаго мозга при раздраженіи центральнаго отрѣзка сѣдалищнаго нерва индукціонными ударами т. наз. средней силы. И здѣсь тоже получаются вначалѣ періодическія сокращенія мышцъ сгибающихъ и разгибающихъ конечности, которыя наконецъ сливаются въ тетаническое вытягиваніе конечностей книзу (соотвѣтственно выдыханію съ крикомъ) (*)

(*) Нѣтъ сомнѣнія, что между дыхательнымъ и локомоторнымъ (кожномышечнымъ) аппаратами существуетъ аналогія. На нее указывалось уже со стороны нѣсколькихъ изслѣдователей. Я однако оставляю дальнѣйшее проведеніе этой аналогіи на основаніи новыхъ данныхъ до болѣе полной разработки вопроса. Въ этомъ отношеніи не существуетъ еще разработки явленій, обнаруживаемыхъ на локомоторномъ аппаратѣ при частичныхъ разрѣзахъ нѣкоторыхъ отдѣловъ головнаго мозга (напр. среднихъ частей, вызывающихъ т. наз. «насильственныя движенія» и при отрѣзываніи полушарій, ведущемъ за собой покой локомоторнаго аппарата.

Если заставить въ нашемъ случаѣ дѣйствовать индукціонный токъ болѣе продолжительное время, то вслѣдъ за описаннымъ періодомъ усиленной дѣятельности щели наступаетъ періодъ покоя. Затѣмъ (при продолжающемся раздраженіи) черезъ извѣстный промежутокъ времени (различный въ отдѣльныхъ случаяхъ), снова появляются сокращенія щели, которыя, постепенно ускоряясь и усиливаясь, доходятъ до тетануса. Вслѣдъ за этой фазой дѣятельности наступаетъ снова фаза покоя, которая въ свою очередь смѣняется фазой дѣятельности и т. д.

Эти явленія *періодичности*, съ которыми мы встрѣтимся еще разъ при описаніи эффектовъ продолжительнаго непрерывнаго раздраженія чувствующихъ нервовъ, аналогичны явленіямъ, которыя наблюдалъ Сѣченовъ надъ кожно-мышечнымъ аппаратомъ лягушки при продолжительномъ раздраженіи сѣдалищнаго нерва; такъ что гипотетическія объясненія, которыя онъ даетъ своимъ опытамъ, могутъ быть приложены и сюда, если остановиться на мысли, что въ среднихъ частяхъ головнаго мозга расположены образованія, эквивалетныя периферіи, и центро-стремительныя волокна дыхательнаго аппарата. Но, съ другой стороны, въ нашемъ случаѣ, кромѣ предполагаемыхъ центро-стремительныхъ волоконъ, раздражаются вѣроятно и другія образованія, которыя прямо или косвенно могутъ влiять на сокращенія щели, такъ что дѣло становится крайне сложнымъ. На основаніи этой сложности и малой разработанности этого вопроса, (*) я удерживаюсь отъ построенія новыхъ гипотезъ для объясненія этихъ явленій.

5. Если раздвоить вдоль весь головной мозгъ вплоть до верхушки 4-го желудочка, то изъ двухъ створокъ дыхательной щели образуются, такъ сказать, два отдѣльные ритмическіе органа. Вмѣстѣ съ раздѣленіемъ ритмическихъ центровъ, и всѣ придатки къ нимъ, описанные выше, существуютъ теперь для каждой створки въ отдѣльности. Въ самомъ дѣлѣ, поперечные разрѣзы и раздраженія отдѣльныхъ половинъ мозга на различныхъ высотахъ произво-

(*) Напр. вліяніе продолжительнаго раздраженія центровъ на движенія конечностей еще не изслѣдовано.

дить тѣже эффекты на соотвѣтствующихъ створкахъ, какъ и описанные уже разрѣзы и раздраженія цѣлыхъ частей на обѣ створки вмѣстѣ.

Это указываетъ на расчленимость не только ритмическихъ центровъ, но и ихъ придатковъ (1).

II.

Перехожу теперь къ описанію опытовъ, произведенныхъ съ цѣлью изслѣдовать вліяніе раздраженія чувствующихъ нервовъ на дыхательныя движенія. Относительно этого вопроса въ наукѣ существуютъ слѣдующія данныя:

Шиффъ (2), стараясь опровергнуть мнѣніе Розенталя о специфичности nervi laryngei по отношенію къ дыханію въ смыслѣ тормозящаго нерва, приводитъ результаты опытовъ съ раздраженіемъ чувствующихъ нервовъ на различныхъ животныхъ. Онъ получалъ при раздраженіи заднихъ частей тѣла вдыханіе, при раздраженіи переднихъ — выдыханіе. Фалькъ (3) изучалъ

---

(1) При опытахъ съ частичными перерѣзками мозга мнѣ случалось наблюдать на створкахъ щели слѣдующее явленіе. Вслѣдъ за поперечнымъ разрѣзомъ половины продолговатаго мозга надъ рефлекторными центрами, или половины corpor. bigem., створка, соотвѣтствующая разрѣзу, сокращается обыкновенно въ теченіи нѣкотораго времени сильнѣе, чѣмъ другая; иногда она даже держится нѣкоторое время тетанически раскрытою, въ то время какъ другая бьется; наконецъ еще встрѣчались случаи, гдѣ соотвѣтствующая створка тотчасъ послѣ разрѣза (въ теченіи короткаго времени впрочемъ) бьется чаще другой (напр. вдвое чаще); сокращенія этой послѣдней однако всегда совпадаютъ съ сокращеніями первой. Явленія эти явно аналогичны извѣстному Броунъ-Секаровскому явленію на заднихъ конечностяхъ при половинныхъ перерѣзкахъ спиннаго мозга и достойны дальнѣйшей разработки.

(2) M. Schiff: «Le nerf laryngé est—il un nerf suspensif? Expériences faites pour la solution de cette question». Comptes rendus, tome LIII, 1861 г. стр. 330.

(3) Falk: «Ueber eine eigenthümliche Beziehung der Hautnerven zur Athmung». Reichert's Archiv, 1869 стр. 236.

измѣненіе дыхательныхъ движеній при погруженіи животнаго въ воду (9°—38°). При этомъ животному вставлялась въ трахею канюля съ длинной каучуковой трубкой, черезъ которую оно и дышало послѣ потопленія. Погружалъ ли онъ все животное или только часть его (головой впередъ или ногами (1)—все равно), онъ получалъ всегда вначалѣ остановку въ выдыханіи; затѣмъ дыхательныя движенія понемногу возстановлялись. Кратчмеръ (2) изслѣдовалъ весьма обстоятельно рефлексъ со слизистой оболочки носовой полости на дыхательныя движенія: при пропусканіи черезъ носъ табачнаго дыма, или паровъ различныхъ жидкостей (хлороформа, алькоголя, амміака и др.) получается остановка въ выдыханіи. Возбужденіе при этомъ идетъ по волокнамъ ner. trigemini. Раздраженіе самаго нерва индукціонными ударами (сила не дана) вызываетъ инспирацію. Кратчмеръ также не получалъ выдыханія при раздраженіи ner. dorsalis pedis. Траубе (3) наблюдалъ при раздраженіи одной вѣтки n. ischiadici выдыхательныя движенія (громкій крикъ). У Лудвига (4) есть указанія на то, что раздраженіе чувствующихъ нервовъ производитъ ускореніе дыханія. Тоже наблюдалъ Блумбергъ при раздраженіи ner. cutan. brachii medii (5). Гейденгайнъ, Ціонъ и Чирьевъ наблюдали при раздраженіи ner. ischiadici учащеніе дыхательнаго ритма, сопровождавшееся обыкновенно увеличеніемъ глубины отдѣльныхъ вздоховъ (6).

(1) Противъ Шнееа.

(2) Kratschmer: «Ueber Reflexe von der Nasenschleimhaut auf Athmung und Kreislauf». Sitzungsberichte der Acad. der Wisscns. Band 62, II Abt. 1870 г. стр. 147

(3) Это указаніе взято у Розенталя: «Die Athembewegungen и т. д.» 1862 г. стр. 23,

(4) Ludwig: «Lehrbuch der Physiologie» 1858 г. T. I, p. 211, T. II, p. 487—490.

(5) Blumberg: «Untersuchungen über die Hemmungs—Function des Nervus laryngeus superior». Inaugural. Dissert. Dorpat. 1865 г. стр. 10.

(6) R. Heidenhain: «Ueber Cyon's neue Theorie и т. д.» Pflüger's Archiv, B. IV, стр. 554.—E. Cyon «Zur Lehre von der reflectorischen Erregung der Gefässnerven» Pflüger's Archiv, B. 8, 1873 г. стр. 334.

Изъ этого перечня видно, что въ наукѣ до сихъ поръ не существуетъ систематическаго изслѣдованія вліянія на дыханіе спинно-мозговыхъ чувствующихъ нервовъ, т. е. нервовъ неимѣющихъ прямаго отношенія къ дыхательнымъ движеніямъ. Отдѣльныя данныя по этому предмету кромѣ того подъ часъ противорѣчивы. Нижеслѣдующіе опыты и представляютъ попытку къ пополненію этого пробѣла.

Мои опыты отличаются отъ предшествовавшихъ главнымъ образомъ слѣдующимъ: 1) я всегда раздражалъ самый нервный стволъ, а не периферическія его окончанія, по той причинѣ что только при этомъ способѣ можно съ достаточной тонкостью варіировать силу раздраженія; а пробные опыты убѣдили меня, что эта сторона дѣла имѣетъ большое вліяніе на качественную сторону самаго явленія; 2) раздраженіе производилось всегда по возможности продолжительное время.

Въ настоящей статьѣ я ограничусь описаніемъ эффектовъ раздраженія одного сѣдалищнаго нерва впродолженіи 1' и болѣе. Раздраженіе производилось рядомъ индукціонныхъ ударовъ, получаемыхъ отъ вторичной спирали аппарата Дюбуа-Раймона съ прибавкою Гельмгольца, при одномъ Даніелѣ. Начну съ лягушекъ. Объектомъ для этихъ опытовъ мнѣ служили лягушки двоякаго рода: однимъ (a) я перерѣзывалъ продолговатый мозгъ поперекъ по границѣ верхней его трети со среднею и изучалъ вліяніе раздраженія nervi ischiadici на оставшіеся дыхательные центры продолговатаго мозга; другимъ (b) я отрѣзывалъ только полушарія головнаго мозга и изучалъ такимъ образомъ тѣ же явленія на животныхъ, у которыхъ, какъ объ томъ говорено было выше, щель бьется сравнительно правильнымъ ритмомъ.—Пріемы оставались тѣ-же, что и въ опытахъ, въ описанныхъ первомъ отдѣлѣ, или же измѣнялись въ слѣдующемъ направленіи. Лягушка, подготовленная для опыта, прислонялась въ вертикальномъ положеніи крестцовой областью къ краю пробковой пластинки. Укрѣпленіе ея производилось въ мѣстѣ соприкосновенія съ пробкой и затѣмъ еще длинной булавкой, проткнутой въ горизонтальномъ направленіи черезъ кончикъ верхней челюсти. Эта булавка вкалывалась въ столбикъ, приклеенный къ пробковой пла-

стинкѣ позади лягушки. Этотъ послѣдній способъ оказался очень удобнымъ.

Если сдѣлать цѣлый рядъ опытовъ, варіируя силу раздраженія, начиная отъ самыхъ слабыхъ токовъ до самыхъ сильныхъ, результаты окажутся чрезвычайно разнообразными, колеблющимися то въ сторону покоя, то въ сторону усиленной дѣятельности нашего органа. Стоитъ однако обратить только должное вниманіе на силу раздраженія, и явленія наши получаютъ характеръ довольно постоянный. По этому я, при описаніи резултатовъ, раздѣлю ихъ на 3 категоріи, соотвѣтственно различной силѣ раздражающаго тока. Въ первую категорію войдутъ эффекты раздраженія nег. ischiadici токами, которые при постепенномъ придвиганіи вторичной спирали, первые обнаруживаютъ какое-бы то ни было вліяніе на дѣятельность дыхательной щели; такіе токи я назову «слабыми». Токи по-сильнѣе, по эффектамъ своего дѣйствія отличающіеся отъ первыхъ, я назову «средними». Наконецъ, токи еще сильнѣе (эффекты опять иные)—«сильными». Этимъ я не хочу сказать, чтобы между эффектами дѣйствія этихъ токовъ не существовало переходовъ,—раздѣленіе это дѣлается только для удобства описанія (*). Опыты, произведенные въ этомъ направленіи надъ лягушками а), дали слѣдующіе результаты:

Слабый токъ даетъ одиночное сокращеніе мышцъ щели.

Средній токъ даетъ рядъ сокращеній. Кромѣ того обыкновенно вслѣдъ за этимъ наблюдается слѣдующее явленіе: послѣ короткой паузы, вновь появляются сокращенія щели, кончающіяся обыкновенно тетаническимъ раскрытіемъ ея; затѣмъ наступаетъ снова пауза—фаза покоя, смѣняющаяся въ свою очередь новой фазой дѣятельности и т. д. Такого рода фазъ можно наблюдать нѣсколько.

(*) Болѣе точное опредѣленіе этихъ силъ затруднительно на томъ основаніи, что они мѣняются (хотя не въ широкихъ границахъ) отъ одного животнаго къ другому и даже у одного и того-же животнаго, смотря по количеству времени, протекшему послѣ перерѣзки нерва. Силы эти, впрочемъ, легко устанавливаются послѣ нѣсколькихъ опытовъ въ этомъ направленіи.

Если брать токъ *еще сильнѣе*, въ явленіи замѣчается слѣдующее измѣненіе: въ началѣ раздраженія нѣтъ сокращенія мышцъ щели; если во время этого покоя прекратить дѣйствіе тока, щель дѣлаетъ одно или нѣсколько сокращеній (*).

Такъ какъ у лягушки съ отрѣзанными гемисферами (b) дыхательная щель бьется, и раздраженію сѣдалищнаго нерва приходится такимъ образомъ врываться въ существующую уже ритмическую дѣятельность, то уже a priori можно ждать въ результатахъ опытовъ надъ лягушками b) нѣкоторыхъ отличій отъ лягушекъ a). Результаты, однако, оказались въ главныхъ чертахъ сходные.

Если щель бьется, то раздраженіе ner. isch. *слабымъ* токомъ учащаетъ ея біенія.

Во время раздраженія сѣдалищнаго нерва токомъ *средней* силы въ дѣятельности щели наблюдается періодичность, состоящая въ поочередномъ появленіи фазъ усиленной дѣятельности (вначалѣ раздраженія замѣчается именно этого рода фаза) и фазъ покоя щели.

Первый эффектъ *сильнаго* тока есть обыкновенно остановка біеній.

Эти опыты прибавляютъ, такимъ образомъ, еще новый фактъ періодической дѣятельности центровъ при постоянномъ раздраженіи съ периферіи. Они кромѣ того даютъ ключъ къ объясненію нѣкоторыхъ разнорѣчивыхъ показаній авторовъ по этому предмету. Такъ можно думать, что Кратчмеръ получалъ при раздраженіи газами периферическихъ аппаратовъ trigemini выдыханіе, а при раздраженіи самаго ствола индукціонными ударами—вдыханіе, оттого, что въ первомъ случаѣ раздраженіе было сильнѣе, чѣмъ во второмъ. Раздраженіе въ опытахъ Фалька всегда сильное (погруженіе значительныхъ участковъ кожи въ воду)—оттого и первый эффектъ постоянно выдыханіе и т. д.

(*) Подобное явленіе запаздыванія рефлекса наблюдается на лягушкахъ a) тоже при сильномъ раздраженіи кожи, напр. одиночнымъ прикосновеніемъ раскаленной проволокой и при сжатіи пальцами брюшныхъ внутренностей. Въ послѣднемъ случаѣ раскрытіе щели происходитъ обыкновенно только послѣ того какъ лягушка выпущена изъ рукъ.

Эти изслѣдователи производили однако свои опыты надъ теплокровными животными. Представленныя объясненія, впрочемъ, согласны и съ моими опытами надъ кроликами, къ описанію которыхъ я и перехожу (*).

Форма опытовъ. Кролику, укрѣпленному на Черняковскомъ столикѣ, дѣлается трахеотомія. Въ дыхательную трубку плотно ввязывается двурогая стеклянная канюля. Одинъ рогъ ея (о) открытъ,—черезъ него кроликъ дышетъ до опыта; во время самаго опыта онъ замыкается такъ: на него надѣта коротенькая каучуковая трубка, которая и зажимается клещами. Другой рогъ канюли (к) сообщается съ внутренней полостью большаго стекляннаго баллона. Воздухъ въ этомъ баллонѣ, когда ротъ о) замкнутъ, вслѣдствіе періодически другъ за другомъ слѣдующихъ вдыханій и выдыханій кролика, періодически то разрѣжается, то сдавливается. Эти колебанія записываются на вертящемся барабанѣ съ безконечной лентой при посредствѣ ртутнаго манометра, соединеннаго съ баллономъ стеклянной трубкой. Трубки, соединяющія трахею и манометръ съ баллономъ берутся по возможности короткія и широкія. На барабанѣ кромѣ того отмѣчается время въ секундахъ по способу Лудвига; перерывателемъ тока при этомъ служитъ метрономъ. Моментъ начала раздраженія и конецъ его отмѣчается на бумажной лентѣ барабана по данному сигналу помощникомъ.—Изъ этого описанія видно, что записываніе дыхательныхъ движеній въ моихъ опытахъ производится по способу аналогичному съ тѣмъ, который употреблялъ Герингъ при своихъ работахъ надъ дыханіемъ. Я предпочелъ этотъ методъ способу регистрированія дыханія при посредствѣ каучуковой подушечки, приложенной снаружи къ грудной клѣткѣ, на томъ основаніи, что, какъ извѣстно, при послѣднемъ способѣ, наблюдаемые (на кривыхъ) эффекты зависятъ при прочихъ равныхъ условіяхъ оттого, въ какомъ мѣстѣ приложена подушечка. Случается, что въ то время какъ въ одномъ мѣстѣ грудной клѣтки мышцы работаютъ, въ другомъ онѣ недѣятель-

(*) Само собой разумѣется, что эти объясненія слѣдуетъ разсматривать только какъ вѣроятныя предположенія; такъ какъ я въ своихъ опытахъ раздражалъ только сѣдалищный нервъ.

ни или даже работают въ противоположномъ направленіи. Между тѣмъ при томъ способѣ, который я употреблялъ, на ленту заносятся результаты дыхательности всѣхъ мышцъ, участвующихъ въ наблюдаемыхъ дыхательныхъ движеніяхъ. Главный недостатокъ принятаго мною способа заключается въ слѣдующемъ: въ теченіи опыта воздухъ въ баллонѣ, вслѣдствіе потребленія животнымъ O, и выдыханія CO_2, измѣняется, а это обстоятельство остается не безъ вліянія на дыхательную дѣятельность. Для того, чтобы контролировать этотъ недостатокъ, я устраивалъ дѣло такъ: я заставлялъ животныхъ дышать этимъ замкнутымъ пространствомъ безъ раздраженія нервовъ и записывалъ дыхательныя движенія на барабанѣ. При этомъ оказалось, что начиная со 2-й минуты послѣ замыканія трубочки o), (свои опыты съ раздраженіемъ я начиналъ всегда около этого времени) въ теченіи одной, двухъ минутъ, дыханія становятся обыкновенно на 1, 2 вдоха въ 5″ рѣже (напр. такъ: въ концѣ первой минуты послѣ замыканія боковой трубочки, животное дѣлало въ теченіи 5″ двѣнадцать вдоховъ, а вначалѣ четвертой минуты—десять, одиннадцать вдоховъ въ 5″); за то сила этихъ вдоховъ нѣсколько увеличивается. Измѣненія эти происходятъ крайне постепенно. Эти данныя и слѣдуетъ принимать въ расчетъ при разсматриваніи результатовъ опыта.

На кроликѣ, какъ и на лягушкѣ, оказалось, что сила самаго раздражителя имѣетъ большое вліяніе на качество эффектовъ. И здѣсь всѣ разнообразные эффекты, обнаруживающіеся на дыхательныхъ движеніяхъ при раздраженіи nervi ischiadici, можно свести къ тремъ главнымъ типамъ, соотвѣтственно 3-мъ градаціямъ въ силѣ раздражающаго тока. Опыты въ этомъ направленіи дали слѣдующіе результаты.

Слабый токъ производитъ постоянно учащеніе дыхательнаго ритма; отдѣльные вдохи при этомъ становятся положе. Въ видѣ примѣра привожу (на рис.) кривую 1, полученную отъ кролика при раздраженіи сѣдалищнаго нерва рядомъ слабыхъ индукціонныхъ ударовъ. Въ ней *AB* представляетъ ту часть кривой, которая написана манометромъ до раздраженія; точка *B* совпадаетъ съ r—моментомъ начала раздраженія нерва; на линіи tt

время отмѣчено въ секундахъ. Никакихъ измѣненій въ правильности дыхательнаго ритма слабый токъ не производитъ. Если раздѣлить время на промежутки въ 5″ и сосчитать число дыханій въ каждомъ послѣдовательномъ такомъ промежуткѣ, то вся наша кривая (на рисункѣ представлена только часть ея) выразится слѣдующимъ рядомъ цифръ:

10, 10, 9, 10, 9, 11, 11, 10, 9, (начало раздраж.) 13, 12, 11, 10, 11, 11, 10, 10, 11; 10, (конецъ раздр.) 11, 9, 10, 9, 9, 9, 9.—

Еще до раздраженія, на промежуткѣ 6 мъ и 7-мъ замѣтно учащеніе ритма (съ 10, 9 дыханій въ 5″ на 11). Это явленіе я наблюдалъ постоянно вслѣдъ за осторожной укладкой нерва на электроды (при замкнутомъ еще ключѣ). Въ описанномъ опытѣ укладка нерва началась въ 5-мъ промежуткѣ (этотъ моментъ тоже отмѣчался помощникомъ); эта маликуляція длится нѣсколько секундъ и всегда ведетъ за собой незначительное учащеніе ритма, длящееся 5, много 10 секундъ. Если нервъ случайно вытягивается сильнѣе — эффекты получаются уже иные, соотвѣтствующіе болѣе сильному электрическому раздраженію нерва, объ которомъ рѣчь будетъ ниже.

Тотчасъ послѣ окончанія раздраженія замѣчается еще нѣкоторое время учащеніе ритма, что тоже обыкновенно наблюдается при этихъ опытахъ. Это явленіе должно разсматривать по всей вѣроятности какъ *слѣдъ* раздраженія (Nachwirkung).

Описанные эффекты раздраженія n. ischiadici слабымъ токомъ длятся обыкновенно все время, пока дѣйствуетъ токъ (я раздражалъ впродолженіи одной, двухъ минутъ). Въ приведенномъ примѣрѣ раздраженіе длилось 50″. Привожу числа другаго примѣра, въ которомъ раздраженіе продолжалось около 2′:

9, 9, ?, 8, 8, 7, 9, 8, 6, 7, 7, (нач. раздр.) 8, 9, 9, 8, 10, 12, 12, 9, 9, 10, 9, 9, 8, 8, 8, 7, 8, 7, 7, 8, 8, 7, 7, 7, (кон. раздр.) 7, 7, 7, 7, 7, 6, 8, 6, 7, 7, 6, 7 (*).

(*) И здѣсь отдѣльныя цифры представляютъ число дыханій въ послѣдовательные промежутки въ 5″.

Въ этомъ опытѣ нервъ положенъ на электроды до замыканія боковой трубочки o); число *9* въ седьмомъ промежуткѣ говоритъ какъ бы за временное учащеніе, однако въ предшествующемъ промежуткѣ (шестомъ) стоитъ *7*, такъ что сумма обоихъ промежутковъ (*16*) равняется суммѣ двухъ предшествующихъ имъ. Кромѣ того я не вводилъ дробей, а собственно на самой кривой видно, что половина перваго вздоха седьмаго промежутка принадлежитъ пятому.—Въ этомъ примѣрѣ «слѣдъ» раздраженія замѣтенъ еще долѣе, чѣмъ въ первомъ; можетъ быть оттого, что самое раздраженіе продолжалось долѣе? ([1]) На рисункѣ кривой этого опыта замѣчается еще слѣдующее явленіе: глубина дыханій, которая въ началѣ раздраженія по прежнему уменьшается, съ теченіемъ раздраженія постепенно увеличивается и доходитъ даже до размѣровъ, превосходящихъ норму. Такого рода явленіе я замѣчалъ обыкновенно, если раздражающій токъ взятъ посильнѣе «слабаго» ([2]).

Явленія, замѣчаемыя на дыхательныхъ движеніяхъ при раздраженіи ner. isch. токами *средней* силы, отъ момента начала раздраженія въ ихъ послѣдовательномъ порядкѣ представляются въ слѣдующемъ видѣ (кривая 2-ая, какъ примѣръ). 1) Рядъ мелкихъ, частыхъ вздоховъ, иногда держащихся нѣкоторое время на инспираціи (напр. на нашей кривой—при *i*, *i*) — отъ *B* до *C*. 2) Затѣмъ (отъ *C* до *D*): длинное выдыханіе (*ex*); нѣсколько вздоховъ, долго держащихся на выдыханіи

([1]) Въ настоящемъ случаѣ цифры (если-бы не было «слѣдовъ») должны бы были, судя по контрольнымъ опытамъ, по окончаніи раздраженія уменьшиться сравнительно съ цифрами послѣднихъ промежутковъ до раздраженія: а между тѣмъ онѣ начинаютъ уменьшаться только по прошествіи 40″.

([2]) Этотъ опытъ отличается отъ перваго еще тѣмъ, что въ немъ maximum учащенія ритма падаетъ не на начало дѣйствія тока, а появляется послѣ 30″ раздраженія. Токъ, которымъ я дѣйствовалъ въ этомъ опытѣ, назвалъ въ записной книжкѣ (еще до разсмотрѣнія результатовъ), токомъ «больше слабаго». При описаніи эффектовъ раздраженія токами средней силы читатель увидитъ, что тамъ около 30-ой секунды всегда наступаетъ учащеніе (сравнительно съ началомъ дѣйствія тока). Такимъ образомъ послѣдній примѣръ представляетъ какъ бы переходъ отъ слабаго раздраженія къ среднему.

(е, е, е....); два или нѣсколько сильныхъ вздоховъ, выдыханіе; два или нѣсколько сильныхъ вздоховъ, опять выдыханіе и т. д. Это періодическое появленіе выдыханій, которыя обыкновенно постепенно укорачиваются, продолжается обыкновенно до 25″, 30″. Затѣмъ уже не замѣчается никакихъ неправильностей въ ритмѣ вплоть до конца раздраженія ([1]); измѣненія обнаруживаются только въ частотѣ и силѣ дыханій: 3) послѣ описаннаго, дыханія становятся чаще и положе (отъ *Д* до *Е*). Это учащеніе длится обыкновенно около 15″. Частота ритма при этомъ рѣдко превышаетъ частоту ритма до раздраженія, а обыкновенно только доходитъ до послѣдней. 4) Вслѣдъ затѣмъ дыханія становятся нѣсколько рѣже, и такъ дѣло продолжается вплоть до окончанія раздраженія. Вотъ числовыя данныя всей кривой 2-й (смыслъ отдѣльныхъ цифръ тотъ-же, что и въ предыдущихъ случаяхъ)

11, 9, 9, 8, 8, 9*, 11, 9, 9, 8, (нач. раздр.) $\overbrace{\text{4 е, I е,}}^{5''}$ |

$\overbrace{\text{I е, I е, I е, I}}^{5''}$ | II е, II е, II е, | III е, II е, I | II е, V | 9 (II, 7) |
7, 7, 7, 6, 6, 5, 6, 6, 6, 5, 6, 6, 6, 6, 6, (кон. раздр.)
7, 8, 7, 7, 7, 7, 8.

Звѣздочка на шестомъ промежуткѣ означаетъ, что въ это время началась укладка нерва на электроды. Римскія цифры употреблены для обозначенія глубокихъ дыханій, въ отличіе отъ обыкновенныхъ, обозначенныхъ арабскими. Буква *е*, поставленная вслѣдъ за какой нибудь цифрой, означаетъ, что въ предшествующемъ ей вздохѣ экспирація удлинена.—Въ этомъ опытѣ въ началѣ раздраженія мелкихъ вздоховъ четыре; обыкновенно-же число ихъ больше, около семи. На рисункѣ кривой 2-ой замѣтно, что болѣе глубокія и рѣдкія дыханія у W переходятъ въ болѣе частыя и пологія сразу,—я это наблюдалъ почти постоянно.

Съ возрастающей силой раздражающаго тока въ явленіи замѣчаются слѣдующія измѣненія (кривая 3-я какъ примѣръ):

([1]) Раздраженіе среднимъ токомъ производилось въ теченіи двухъ, трехъ минутъ,—не долѣе.

a) періодическій рядъ выдыханій, отдѣленныхъ другъ отъ друга нѣсколькими вздохами (см. кривую 2-ую отъ C до D), выпадаетъ: послѣ длиннаго выдыханія слѣдуютъ глубокіе вздохи съ удлиненными выдыханіями, которыя постепенно укорачиваются (кривая 3, CD); b) количество мелкихъ вздоховъ въ началѣ раздраженія постепенно уменьшается до полнаго пропаданія (напр. кривая 4-ая *(B)*, взятая отъ животнаго, у котораго предварительно перерѣзаны оба vagi); c) учащеніе вслѣдъ за періодомъ выдыханій (CD) становится менѣе рѣзкимъ.—Такимъ образомъ послѣдовательныя явленія, замѣчаемыя при раздраженіи n. isch. *сильными* токами, представляются въ слѣдующемъ видѣ: 1) два, три мелкихъ вздоха, или же прямо: 2) длинное выдыханіе; затѣмъ 3) рядъ глубокихъ вздоховъ, держащихся долго на выдыханіи; эти выдыханія постепенно укорачиваются и переходятъ (обыкновенно не такъ рѣзко какъ при раздраженіи среднемъ) въ 4) рядъ дыханій, происходящихъ съ частотой, уступающей нормѣ (до раздраженія), и такъ дѣло продолжается обыкновенно вплоть до конца раздраженія.

Вотъ числовыя данныя кривой 3-й:

?, ?, ?, ?, ?, 12, 15, 12, 13 (нач. раздр.), з. 1, 2, 5, 6, 7, 8, 8, 8, 7, 7, (кон. раздр.), 10, 9, 9, 9, 9.

Числовыя данныя кривой 4-ой слѣдующія:

2, 3, 3, 3, 3, 2, 3, 2, 3, 3, 2, 3 (нач. раздр,), е (1?), 1, 2, 2, 2, 3, 2, 3, 2, 2, 2, 2, 2, 2, 2, 2, 2, 2, 3, 2, 2, 2, 2, 2, 2, 2, 2, 1, (кон. раздр.), 2, 2, 2, 2, 2, 2, 2, 2, 2, 2, 1, 2.

Изъ этого описанія эффектовъ раздраженія n. ischiadici на кроликѣ видно, что они въ главныхъ чертахъ сходны съ эффектами, полученными при тѣхъ-же условіяхъ на лягушкѣ. Сила раздраженія и тутъ имѣетъ первенствующее вліяніе на качество эффекта. Слабый токъ въ обоихъ случаяхъ производитъ учащеніе ритма. На лягушкахъ подъ вліяніемъ токовъ средней силы періодичность въ дѣятельности щели рѣзкая; на кроликѣ она тоже существуетъ, но здѣсь отдѣльные періоды не раздѣляются на-

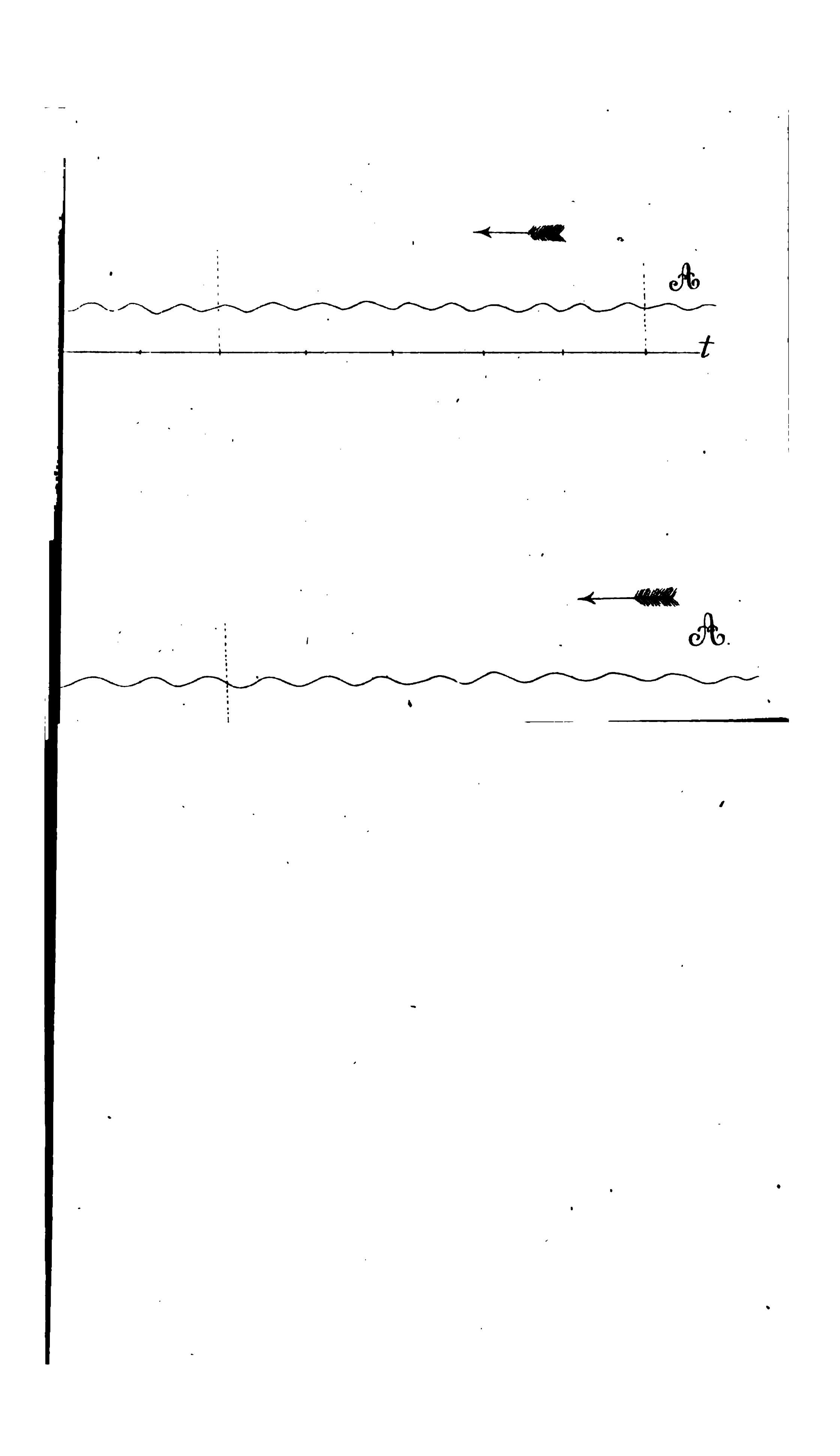
узами (полнымъ покоемъ) (¹). Выпаданіе перваго періода дѣятельности подъ вліяніемъ сильнаго тока на лягушкѣ наблюдать не трудно; на кроликѣ-же обыкновенно длинному выдыханію предшествуетъ по крайней мѣрѣ одна инспирація.

Дальнѣйшую разработку этого вопроса я предпринялъ въ слѣдующемъ направленіи. Въ описанныхъ опытахъ искусственное раздраженіе ner. ischiadici врывается въ дѣятельность работающаго аппарата. Эта сторона вопроса, повидимому, можетъ быть упрощена: извѣстно, что животное можно, посредствомъ усиленнаго искусственнаго вдуванія воздуха въ легкія, привести въ состояніе «apnoë» — состояніе покоя дыхательныхъ мышцъ. Если раздражать n. ischiad. на кроликѣ во время этого состоянія, эффекты раздраженія на дыхательные центры должны быть повидимому проще и ужь во всякомъ случаѣ чище, чѣмъ въ вышеописанныхъ опытахъ (²). При этомъ я еще имѣлъ въ виду слѣдующую мысль: дыхательный аппаратъ въ состояніи apnoë напоминаетъ собой локомоторный аппаратъ въ покойномъ состояніи; подобная форма опытовъ представляетъ такимъ образомъ еще выгоды для сравненія эффектовъ раздраженія n. ischiadici на дыхательномъ аппаратѣ съ эффектами такого раздраженія на локомоторномъ.

Предварительные опыты, сдѣланные въ этомъ направленіи, дали, однако, вмѣсто ожидаемой простоты, результаты очень разнообразные. Причина этого разнообразія должна быть, повидимому, отнесена къ различной въ отдѣльныхъ случаяхъ продолжительности apnoë, а, можетъ быть, и къ качественному различію

(¹) Нѣсколько пробныхъ опытовъ съ продолжительнымъ раздраженіемъ ner. vagi токами средней силы убѣдили меня въ томъ, что этотъ нервъ тоже производитъ періодическія измѣненія въ самой правильности дыхательнаго ритма. Эти измѣненія однако длятся несравненно болѣе долгое время, нежели описанныя измѣненія въ правильности ритма при раздраженіи n. ischiadici; такъ что такого рода опыты слѣдуетъ дѣлать при посредствѣ метода регистрированія дыханій, позволяющаго продлить наблюденіе гораздо долѣе, чѣмъ то допускаетъ форма опытовъ, которую я употреблялъ до сихъ поръ.

(²) Даже въ томъ случаѣ, если получатся результаты отрицательные.


A
t
A.

A

t

A.

КИНЕМАТИКА.

составилъ В. Лигинъ,

ПРОФЕССОРЪ ИМПЕРАТОРСКАГО НОВОРОССІЙСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ЧИСТАЯ КИНЕМАТИКА.

ВВЕДЕНІЕ.

Кинематика есть ученіе, относящееся къ области какъ теоретической, такъ и практической механики. Чтобы опредѣлить ея предметъ и ея задачи, надо уяснить отношенія ея къ этимъ двумъ наукамъ и указать на мѣсто, какое она занимаетъ въ ряду ихъ различныхъ подраздѣленій.

Механика есть наука о движеніи и о причинахъ движенія. Самое это опредѣленіе уже указываетъ на двѣ совершенно различныя стороны предмета.

Первую, ближайшую задачу механики составляетъ изслѣдованіе одного только движенія, разсматриваемаго независимо отъ причинъ его производящихъ. Наука о движеніи въ такомъ смыслѣ, изученіе которой должно слѣдовать непосредственно за изученіемъ геометріи, существенно отличается отъ науки о пространствѣ введеніемъ новаго понятія, понятія о времени, употребляемомъ движущимся образомъ для перехода изъ одного его положенія въ другое. Уже въ геометріи часто прибѣгаютъ къ соображеніямъ, основаннымъ на понятіи о движеніи. Для примѣра стоитъ припомнить опредѣленія, какія даютъ кривой, называемой циклоидою, поверхностямъ и тѣламъ вращенія, и проч. Циклоида, какъ извѣстно, есть линія, которую описываетъ опредѣленная точка данной окружности, катящейся по неподвижной прямой; поверхности и тѣла вращенія происходятъ чрезъ обращеніе опредѣленныхъ кривыхъ или поверхностей около неподвижной оси, и т. д. Въ этихъ примѣрахъ введеніе понятія о движеніи необходимо; иногда же геометрія пользуется имъ только съ цѣлью придать извѣстнымъ представленіямъ бо́льшую степень ясности и очевидности. Такъ, вмѣсто того, чтобы опредѣлять шаровую поверхность какъ геометрическое мѣсто всѣхъ точекъ, лежащихъ на

одинаковомъ разстояніи отъ одной данной точки, часто воображаютъ ту же поверхность произведенною обращеніемъ полуокружности около ея діаметра; и, дѣйствительно, нельзя не согласиться, что послѣднее опредѣленіе приводитъ къ представленію болѣе ясному и наглядному, чѣмъ первое; причину такой наглядности, по всей вѣроятности, нужно искать въ томъ обстоятельствѣ, что понятіе о движеніи принадлежитъ къ самымъ отчетливымъ изъ всѣхъ представленій, которыя слагаются въ нашемъ воображеніи. Но во всѣхъ этихъ случаяхъ, когда геометрія прибѣгаетъ къ болѣе или менѣе сложнымъ представленіямъ движенія, понятіе о времени совершенно не принимается въ расчетъ; для геометрическихъ вопросовъ важно и достаточно одно — чтобы движущіяся точки, линіи или поверхности совокупно переходили въ свои соотвѣтственныя положенія, тогда какъ время, употребляемое ими для перехода изъ одного положенія въ другое, или законъ измѣненія положенія со временемъ въ теченіи этого перехода, остаются вполнѣ неопредѣленны. Наоборотъ, въ наукѣ о движеніи, изучаемомъ независимо отъ его причинъ, разсматриваются большей частью движенія вполнѣ опредѣленныя, при чемъ время составляетъ существенный элементъ. Объяснимся подробнѣе.

Вообразимъ, что мы наблюдаемъ движеніе какого нибудь тѣла въ пространствѣ. Всякое тѣло, отвлекаясь отъ его вещественныхъ свойствъ, можно разсматривать какъ совокупность очень большого числа геометрическихъ точекъ. Движеніе тѣла познается изъ движенія точекъ его составляющихъ. Но извѣстно, что положеніе точки въ пространствѣ опредѣляется посредствомъ разстояній или угловъ, считаемыхъ отъ постоянныхъ, неподвижныхъ осей и называемыхъ координатами. Измѣряя координаты опредѣленной точки наблюдаемаго движущагося тѣла въ каждое мгновеніе движенія, мы будемъ знать рядъ послѣдовательныхъ ея положеній и будемъ въ состояніи построить кривую или прямую линію, образующую пройденный точкою путь. При этомъ опредѣленіи пути мы пользуемся только одною геометріею. Если же, сверхъ того, мы замѣтимъ время, протекшее между каждыми двумя послѣдовательными наблюденными положеніями разсматриваемой точки, то ея движеніе будетъ вполнѣ опредѣлено, потому что мы

будемъ въ состояніи отличить его отъ всѣхъ другихъ движеній, или по виду описаннаго точкою пути, или по различію временъ, употребляемыхъ точкою на прохожденіе одинаковыхъ пространствъ. Точно такъ же можно опредѣлить движеніе другихъ точекъ наблюдаемаго тѣла, а слѣдовательно и движеніе послѣдняго. Такимъ образомъ видимъ, что, изучая движеніе только какъ явленіе, отвлекаясь вполнѣ отъ причинъ его производящихъ, отвлекаясь даже отъ матеріальности, т. е. отъ вещественныхъ свойствъ тѣлъ, и разсматривая ихъ съ точки зрѣнія чисто геометрической, можно съ помощью только геометріи и вычисленія, безъ всякаго новаго теоретическаго или опытнаго начала, находить общія свойства движенія; и какъ эти общія свойства получаются независимо отъ тѣхъ болѣе или менѣе гипотетичныхъ свѣдѣній, которыя мы, при современномъ состояніи нашихъ знаній, можемъ имѣть о составѣ и строеніи тѣлъ, то они обладаютъ всею общностью и непреложностью чисто геометрическихъ истинъ.

На такой геометрическій методъ изслѣдованія движенія указали въ концѣ прошлаго и въ началѣ нашего столѣтія Карно (1), Вронскій (2) и Амперъ (3). Амперъ же первый предложилъ (4) для

(1) Carnot, «Essai pour les machines en général», nouvelle édition, Dijon, 1786; та же мысль о пользѣ ученія о движеніи, разсматриваемомъ независимо отъ причинъ его производящихъ, была повторена этимъ ученымъ позднѣе въ его «Géométrie de position», 1803, p. 336 — 338, и въ одномъ сообщеніи, сдѣланномъ въ парижской академіи наукъ 4-го марта 1811 года и перепечатанномъ въ сочиненіи Гаштта «Traité élémentaire des machines», 2-me édition, p. XXIV.

(2) Wronski, «Système architectonique absolu de l'Encyclopédie du savoir humain», статья, помѣщенная въ 1818 году въ первомъ нумерѣ періодическаго изданія Sphinx, котораго вышло только два нумера. Въ этой статьѣ, какъ замѣтилъ въ новѣйшее время Трансонъ (Transon, «Loi des séries de Wronski; sa phoronomie», Nouvelles Annales de mathématiques, 2-me série, T. XIII, an. 1874, p. 305 — 318), Вронскій, 16 лѣтъ до Ампера, которому обыкновенно приписываютъ основаніе науки о движеніи, разсматриваемомъ независимо отъ силъ, уже вполнѣ опредѣлилъ ту же науку подъ названіемъ *форономіи*. Вронскій помѣщаетъ это ученіе между подраздѣленіями чистой математики съ предупрежденіемъ «pas à confondre avec la mécanique dans laquelle entre de plus la considération des forces».

(3) Ampère, «Essai sur la philosophie des sciences», an. 1834, T. I, p. 50 — 53.

(4) Ibid.

ученія, имѣющаго цѣлью геометрическое изслѣдованіе всѣхъ *необходимыхъ* свойствъ всякаго движенія, независимыхъ ни отъ причинъ послѣдняго, ни отъ вещественныхъ свойствъ движущихся образовъ, названіе *кинематика*, происходящее отъ греческаго κίνημα — движеніе. Впрочемъ Амперъ, какъ мы скоро увидимъ, придалъ этому наименованію болѣе обширное значеніе, разумѣя подъ кинематикою не только геометрическую теорію движенія, въ указанномъ выше смыслѣ, но и примѣненіе этой теоріи къ изслѣдованію нѣкоторыхъ частей машинъ, относящееся къ области практической механики. Поэтому для теоретической части Амперовой кинематики были предложены особыя названія — *чистая кинематика* или *форономія* (отъ греческ. φορά, перемѣщеніе, и νόμος, законъ) (5), въ отличіе отъ приложенія ея къ элементамъ машинъ, которому тогда приличествуетъ названіе *кинематики прикладной*.

Какъ мы увидимъ, всякое движеніе, особенно сложныхъ образовъ или тѣлъ, обладаетъ нѣкоторыми свойствами, не зависящими даже отъ понятія о времени; если выдѣлить эти свойства въ одно отдѣльное цѣлое, то получится еще особая часть чистой кинематики, которая составляетъ истинное звено соединенія между геометріею и механикою и которую нѣкоторые авторы называютъ *геометріею движенія* (6) или *кинематическою геометріею* (7). Тогда второй части чистой Кинематики, основанной почти исключительно на геометріи, но присоединяющей къ тремъ измѣреніямъ послѣдней еще одно — время, справедливо было бы приписать наименованіе *геометріи четырехъ измѣреній*, которое Лагранжъ предлагалъ для механики вообще (8).

---

(5) Названіе *чистая кинематика* (cinématique pure) введено французскимъ геометромъ Резалемъ. Терминъ же *форономія* былъ, какъ мы видѣли, предложенъ еще Вронскимъ; онъ преимущественно употребителенъ въ нѣмецкихъ сочиненіяхъ.

(6) Schell, «Theorie der Bewegung und der Kräfte».

(7) Aronhold, «Vorlesungen über kinematische Geometrie». Verhandlungen des Vereins zur Beförderung des Gewerbfleisses in Preussen. 1872.

(8) «Comme la position d'un point dans l'espace dépend de trois coordonnées x, y, z, ces coordonnées dans les problèmes de mécanique seront censées être des fonctions du temps t. Ainsi on peut regarder la mécanique comme une géométrie a quatre dimensions, et l'analyse mécanique est comme une extension de l'analyse géométrique». Lagrange. «Théorie des fonctions analytiques». an. 1813. § 185.

Второй основной вопросъ, служащій предметомъ механики, состоитъ въ изученіи причинъ движенія. Въ слѣдствіе общаго свойства матеріи, называемаго инерціею, тѣло, находящееся въ покоѣ, не можетъ прійти въ движеніе, а также тѣло, находящееся въ опредѣленномъ движеніи, не можетъ измѣнить этого движенія, само собою; для этого необходимо дѣйствіе на него какихъ либо внѣшнихъ причинъ. Такія причины, производящія (или стремящіяся произвести) движеніе или измѣненіе движенія, называютъ *силами*. Вопросы относительно силъ и ихъ дѣйствія не подлежатъ изслѣдованію чистой кинематики, такъ какъ она разсматриваетъ движеніе именно независимо отъ силъ. А между тѣмъ изученіе причинъ движенія и розысканіе соотношеній, существующихъ между этими причинами и производимыми ими движеніями, въ высшей степени важно для приложеній. Изслѣдованіе движенія съ этой новой точки зрѣнія, принимая во вниманіе его причины и вещественныя свойства движущихся образовъ, составляетъ предметъ второй части механики, извѣстной подъ названіемъ *динамики* (отъ греческ. δύναμις, сила); она представляетъ совокупность истинъ и началъ, служащихъ основаніемъ для рѣшенія двоякой задачи: когда даны силы, дѣйствующія на тѣло, опредѣлить движеніе или измѣненіе движенія, которое онѣ производятъ; и, наоборотъ, зная движеніе тѣла, найти силы, подъ вліяніемъ которыхъ это движеніе происходитъ.

Но силы, дѣйствующія на тѣло, могутъ быть таковы, что онѣ не измѣняютъ своимъ дѣйствіемъ состоянія этого тѣла. Такъ, тѣло, находившееся первоначально въ покоѣ, можетъ оставаться въ покоѣ и тогда, когда на него подѣйствуютъ извѣстныя силы; это—явленіе, которое мы наблюдаемъ ежедневно. Точно такъ же тѣло, находящееся въ опредѣленномъ движеніи, можетъ не измѣнить этого движенія, когда на него повліяютъ новыя силы. Въ этихъ случаяхъ, когда тѣло отъ дѣйствія нѣкоторыхъ силъ не измѣняетъ своего состоянія покоя или движенія, говорятъ, что тѣло находится *въ равновѣсіи* подъ вліяніемъ этихъ силъ. Вопросы о равновѣсіи, какъ вопросы о частномъ случаѣ дѣйствія силъ, могли бы составить отдѣльную главу динамики. Тѣмъ не менѣе, въ виду обширности и чрезвычайной важности этихъ

вопросовъ для приложеній и въ слѣдствіе другихъ, чисто научныхъ причинъ (9), справедливо предпочитаютъ излагать ученіе о равновѣсіи отдѣльно отъ ученія о движеніи. Такъ происходитъ еще третій отдѣлъ механики, предметомъ котораго служатъ изслѣдованія одного равновѣсія; этотъ отдѣлъ еще у древнихъ получилъ названіе *статики* (отъ греческ. *ςτατική*, подразум. *θεωρια* или *ἐπιςτήμη*, наука о вѣсѣ, о взвѣшиваніи) (10).

Въ историческомъ развитіи науки, происхожденіе статики значительно древнѣе происхожденія динамики. Первые труды, относящіеся къ теоріи равновѣсія тѣлъ, мы находимъ еще у Архимеда (III стол. до Р. Х.); ему приписываютъ открытіе одного изъ основныхъ законовъ всей статики, извѣстнаго начала равновѣсія рычага; основываясь на этомъ началѣ, Архимедъ пришелъ къ цѣлому ряду важныхъ статическихъ теоремъ, которыя составляютъ предметъ двухъ отдѣльныхъ книгъ изъ его дошедшихъ до насъ сочиненій. Такимъ образомъ, наукѣ о равновѣсіи было положено начало еще у древнихъ. Но чтобы указать на первый примѣръ рѣшенія динамической задачи, приходится перешагнуть цѣлыхъ восемнадцать столѣтій и перейти отъ Архимеда къ Галилею (1564 — 1642); «громадный промежутокъ времени, раздѣляющій этихъ двухъ геніевъ», говоритъ Лагранжъ, «совершенно исчезаетъ въ исторіи механики». Галилей первый нашелъ законы паденія тѣлъ, подверженныхъ дѣйствію силы тяжести, и тѣмъ положилъ начало наукѣ о движеніи. Затѣмъ Гюгенсъ (1629—1695), Ньютонъ (1642—1727) и ихъ послѣдователи, развивая идеи Галилея, достигли рѣшенія весьма многихъ вопросовъ, относящихся къ опредѣленію движенія тѣлъ подъ вліяніемъ данныхъ силъ.

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что всѣ теоретическіе вопросы, которые могутъ представляться при изученіи движенія, рѣ-

---

(9) Объ этихъ причинахъ и вообще о необходимости самостоятельнаго изложенія статики сравн. Duhamel, «Cours de mécanique», préface de la seconde édition.

(10) *ςτατική* — женскій родъ прилагательнаго *ςτατικός*, подлежащій взвѣшиванію, вѣсящій, происходящаго отъ глагола *ἱςτημι*, кладу, ставлю, взвѣшиваю. Слово *ςτατική* въ смыслѣ науки о взвѣшиваніи и равновѣсіи встрѣчается уже у Платона.

шаются чистою кинематикою, статикою и динамикою. Эти отдѣльныя части, имѣя конечною цѣлью теоретическое изслѣдованіе отвлеченныхъ явленій, производимыхъ силами, составляютъ въ совокупности одну науку, извѣстную подъ общимъ названіемъ *теоретической* или *раціональной механики*. При этомъ эпитетъ «раціональная» (отъ лат. ratio, разумъ) указываетъ на то обстоятельство, что изслѣдованія и выводы этой науки прилагаются непосредственно къ движущимся образамъ фиктивнымъ, существующимъ въ точности только въ нашемъ воображеніи и къ которымъ дѣйствительныя тѣла природы подходятъ только приближенно.

Главныя примѣненія теоретическая механика встрѣчаетъ въ астрономіи, въ физикѣ и въ техникѣ. Изслѣдованіе движенія небесныхъ тѣлъ составляетъ отдѣльную науку — небесную механику, обязанную своимъ происхожденіемъ Ньютону и Лапласу и представляющую въ настоящее время одну изъ самыхъ законченныхъ отраслей точнаго знанія. Причины почти всѣхъ физическихъ явленій теперь ищутся въ движеніи малѣйшихъ частицъ тѣлъ или особенныхъ жидкостей, такъ что изученіе явленій звука, свѣта, тепла, электричества и магнитизма основывается цѣликомъ на механическихъ истинахъ. Но самое непосредственное и практическое приложеніе ученіе о движеніи и силахъ съ давнихъ поръ находило въ машиновѣдѣніи, на что указываетъ уже самое названіе механики, происходящее отъ греческ. μηχανή, машина; совокупность всѣхъ относящихся сюда примѣненій составляетъ предметъ цѣлаго ряда прикладныхъ наукъ, которыя извѣстны подъ однимъ общимъ наименованіемъ *практической механики*.

Чтобы обозрѣть содержаніе различныхъ отдѣловъ ученія о машинахъ, необходимо прежде всего остановиться на общемъ предметѣ ихъ изслѣдованія.

Машиною называютъ всякій снарядъ, служащій для того чтобы воспринять опредѣленную силу, преобразовать сообразно даннымъ требованіямъ эту силу самостоятельно и передать ее на данное тѣло или матеріалъ. Источникъ, изъ котораго машина воспринимаетъ силу, называется *двигателемъ*. Къ двигателямъ, преимущественно употребительнымъ въ современной промышленности, относятся: паденія воды, водяной паръ, воздухъ въ сгущенномъ и

нагрѣтомъ состояніи, вѣтеръ, мускулы человѣка и нѣкоторыхъ животныхъ, взрывныя вещества, какъ порохъ и т. п., электромагниты и пружины. Соотвѣтственно этимъ различнымъ двигателямъ, машины раздѣляются на водяныя, паровыя, воздушныя или калорическія и проч.

Но къ какой бы изъ всѣхъ этихъ категорій не принадлежала машина, всегда она состоитъ изъ трехъ существенно различныхъ по своему назначенію частей. Одна изъ этихъ частей находится въ прямомъ сообщеніи съ двигателемъ и непосредственно воспринимаетъ заключенную въ немъ силу; эту часть машины называютъ *пріемникомъ* или *рецепторомъ*; она бываетъ весьма разнообразна по своему устройству, смотря по свойству двигательной силы; такъ, въ случаѣ, когда машина работаетъ силою ручныхъ человѣческихъ мускуловъ, пріемникомъ обыкновенно бываетъ рукоятка; въ водяныхъ машинахъ, напр. въ водяной мельницѣ, пріемникомъ служитъ колесо, движимое теченіемъ рѣки, или, точнѣе, лопатки этого колеса, и т. д. — Вторая часть, составляющая необходимую принадлежность всякой машины, помѣщается въ противоположномъ концѣ снаряда и находится въ непосредственномъ соприкосновеніи съ тѣломъ, надъ которымъ производится дѣйствіе машины; эту часть называютъ *орудіемъ* или *операторомъ*; примѣромъ орудій, которыя, такъ же какъ и пріемники, бываютъ чрезвычайно разнообразны, смотря по цѣли всего снаряда, могутъ служить жерновъ въ водяной или вѣтряной мельницѣ, пила, молотъ и т. п. Когда машина находится въ дѣйствіи, тогда пріемникъ и орудіе должны очевидно быть въ движеніи; но движеніе орудія бываетъ почти всегда совершенно иное, чѣмъ движеніе пріемника; и часто даже нѣсколько различныхъ орудій приводятся въ движеніе однимъ общимъ пріемникомъ. Такъ, напр., при большихъ водопадахъ, въ которыхъ сосредоточенъ обильный источникъ силы, часто нѣсколько различныхъ фабрикъ работаютъ однимъ общимъ пріемникомъ — водянымъ колесомъ, приводимымъ въ движеніе быстрымъ теченіемъ воды вблизи водопада; а какъ снаряды въ каждой изъ фабрикъ имѣютъ иную цѣль, то и движенія всѣхъ орудій должны быть различны между собою и должны отличаться отъ движенія общаго ихъ пріемника. Изъ этого видно.

что въ машинахъ движеніе пріемника должно быть, во первыхъ, передано орудію, и во вторыхъ, измѣнено, преобразовано, сообразно съ работою, которую должно исполнять орудіе. Для такой передачи и такого преобразованія движенія служитъ третья часть, общая всѣмъ машинамъ, называемая *трансмиссіею* и состоящая изъ одного или нѣсколькихъ такъ называемыхъ *передаточныхъ механизмовъ* или *приводовъ*. Первыя двѣ названныя части машинъ, пріемникъ и орудіе, по виду и устройству зависятъ спеціально отъ свойствъ двигателя и отъ назначенія машины; но механизмы, служащіе для передачи и преобразованія движенія, остаются по большей части одинаковы въ различныхъ машинахъ изменяются только способы ихъ сочетанія, и измѣняются сообразно съ цѣлью, для которой предназначенъ данный снарядъ. Примѣромъ приводовъ или передаточныхъ механизмовъ служатъ зубчатыя колеса, безконечные ремни, шатуны и пр. Теоретическое изслѣдованіе подобныхъ механизмовъ, или, другими словами, теорія передачи и преобразованія движеній въ машинахъ, составляетъ одинъ изъ самыхъ важныхъ предметовъ практической механики. Первая мысль о выдѣленіи теоріи передаточныхъ механизмовъ изъ общей науки о машинахъ въ отдѣльное ученіе принадлежитъ извѣстному основателю метода проложеній и начертательной геометріи — Монжу. Разсуждая, въ 1794 г., объ основаніи парижской политехнической школы и о предметахъ преподаванія новаго заведенія, онъ набросалъ въ общихъ чертахъ программу изложенія этого ученія, исходя изъ той мысли, что самыя сложныя машины суть только результаты соединеній различныхъ средствъ, которыми измѣняются движенія(¹¹). Разумѣя подъ этими средствами передаточные механизмы, Монжъ назвалъ ихъ элементами машинъ и указалъ начала, на которыхъ можно основать ихъ перечисленіе и систематическую классификацію. Указанія Монжа были приведены въ исполненіе сначала Гашеттомъ, которому съ 1806 г. было поручено преподаваніе предмета въ политехнической школѣ, а затѣмъ Ланцомъ и Бетанкуромъ въ изданномъ ими въ 1808 г. сочиненіи «Опытъ описанія состава машинъ».

(¹¹) Rapport lu à la Convention nationale le 3 vendémiaire an III.

Разбирая задачи теоретической механики, мы убѣдились въ возможности и въ пользѣ разсматривать движенія точекъ и тѣлъ независимо отъ силъ ихъ производящихъ и отъ матеріальныхъ свойствъ движущихся образовъ, съ точки зрѣнія чисто геометрической. Подобно тому можно изслѣдовать геометрически, на основаніи выводовъ одной чистой кинематики, и механизмы, отвлекаясь отъ силъ, приводящихъ ихъ въ движеніе, и отъ вещества ихъ составляющаго. Этимъ исключеніемъ понятія о силѣ значительно упрощается теорія передачи и преобразованія движенія въ машинахъ и въ такомъ именно видѣ она составляетъ предметъ *кинематики прикладной* или *теоріи механизмовъ.* Трудно съ большею ясностью опредѣлить содержаніе, цѣль и важность послѣдняго ученія, какъ это сдѣлалъ Амперъ, которому, на ряду съ Монжемъ, оно обязано своимъ происхожденіемъ. «Еще задолго до изданія предлагаемаго труда», пишетъ онъ въ 1834 году въ своемъ Опытѣ классификаціи наукъ([12]), «я замѣтилъ, что въ началѣ всѣхъ сочиненій о движеніи и силахъ обыкновенно опускаютъ многія изслѣдованія, которыя, при достаточномъ развитіи, составили бы науку третьяго порядка ([13]), науку, нѣкоторые отдѣлы

([12]) «Essai sur la philosophie des sciences», T. I, p. 50—53.

([13]) Амперъ, въ своей классификаціи наукъ, дѣлитъ науки на три порядка, съ одной стороны по предметамъ, къ которымъ онѣ относятся, съ другой, по различнымъ точкамъ зрѣнія, съ которыхъ въ нихъ эти предметы разсматриваются. Основанія этого дѣленія заключаются въ слѣдующемъ. Амперъ называетъ науками перваго порядка тѣ, которыя соединяютъ въ себѣ всѣ свѣдѣнія, относящіяся къ одному и тому же предмету. Каждая наука перваго порядка дѣлится на двѣ науки второго порядка: въ одной изъ нихъ изучаемые предметы разсматриваются сами въ себѣ (en eux mêmes), а въ другой эти предметы разсматриваются соотносительно, т. е. сравниваются факты для вывода общихъ законовъ, или объясняются факты одни другими, пока не получится возможность перейти отъ дѣйствій къ причинамъ ихъ производящимъ, и предвидѣть дѣйствія, которыя должны проистекать отъ извѣстныхъ причинъ. Каждая изъ этихъ двухъ наукъ второго порядка въ свою очередь распадается на двѣ науки третьяго порядка; первая, въ которой предметы разсматриваются сами въ себѣ, раздѣляется на двѣ, смотря по тому, изучается ли въ этихъ предметахъ то, что̀ въ нихъ доступно непосредственному наблюденію, или ищется то, что̀ сначала остается въ нихъ скрытымъ и знаніе чего можетъ быть достигнуто только путемъ анализа или сравненія фактовъ; другая наука второго порядка, въ которой предметы разсматриваются соотносительно, дѣлится на двѣ, изъ коихъ одна изучаетъ послѣдовательныя измѣненія, претерпѣваемыя опредѣленнымъ предметомъ, съ цѣлью

которой были изложены частью въ мемуарахъ, частью даже въ спеціальныхъ сочиненіяхъ, каковы напр. статья Карно «о движеніи, разсматриваемомъ геометрически», и «Опытъ описанія состава машинъ» Ланца и Бетанкура. Эта наука должна содержать все то, что̀ можетъ быть сказано о различныхъ видахъ движенія независимо отъ силъ, которыя могутъ ихъ произвести. Она должна, во первыхъ, заниматься всестороннимъ разсмотрѣніемъ пространствъ, проходимыхъ во всѣхъ различныхъ движеніяхъ, временъ, употребляемыхъ на прохожденіе этихъ пространствъ, и опредѣленіемъ скоростей по различнымъ соотношеніямъ, какія могутъ существовать между пространствами и временами. Затѣмъ, она должна изучать различные снаряды, посредствомъ которыхъ можно измѣнять одно движеніе въ другое; такъ что, разумѣя, по принятому обычаю, эти снаряды подъ названіемъ машинъ, надо будетъ общепринятое опредѣленіе машины, какъ снаряда, съ помощью котораго можно измѣнять направленіе и напряженіе данной силы, замѣнить слѣдующимъ: машина есть снарядъ, посредствомъ котораго можно измѣнять направленіе и скорость даннаго движенія. Такимъ образомъ, это опредѣленіе дѣлается независимымъ отъ разсмотрѣнія силъ, дѣйствующихъ на машину, разсмотрѣнія, которое можетъ только развлекать вниманіе того, кто стремится понять ея механизмъ. Чтобы, напр., составить себѣ ясное понятіе о системѣ зубчатыхъ колесъ, помощью которой минутная стрѣлка

находить законы, которымъ слѣдуютъ эти измѣненія, а вторая, исходя изъ результатовъ, полученныхъ въ первыхъ трехъ наукахъ третьяго порядка, имѣетъ цѣлью открывать причины фактовъ, данныхъ въ двухъ первыхъ изъ этихъ трехъ наукъ и законовъ, найденныхъ въ третьей, и дать возможность предусматривать дѣйствія, проистекающія отъ извѣстныхъ причинъ. Съ точки зрѣнія такой классификаціи, механика подраздѣляется слѣдующимъ образомъ:

наука 1-го порядка	*науки 2-го порядка*	*науки 3-го порядка*
Механика	Механика элементарная	Кинематика
		Статика
	Механика высшая	Динамика
		Молекулярная Механика

Классификація наукъ Ампера не лишена многихъ недостатковъ, на которые указалъ еще въ 1843 году Рэйно (Reynaud) въ Encyclopédie pittoresque, 41-e livraison.

часовъ совершаетъ двѣнадцать оборотовъ въ то время, какъ часовая дѣлаетъ только одинъ оборотъ, есть ли какая нибудь необходимость заниматься силою, приводящею въ движеніе часы? Дѣйствіе зубчатыхъ колесъ въ той мѣрѣ, въ какой отъ послѣднихъ зависитъ отношеніе между скоростями обѣихъ стрѣлокъ, не останется ли одно и то же, если движеніе будетъ происходить отъ дѣйствія какой либо силы, отличной отъ обыкновеннаго двигателя, напр. если мы станемъ двигать стрѣлки пальцемъ?—Сочиненіе, въ которомъ такимъ образомъ разсматривались бы всѣ движенія, независимо отъ силъ, могущихъ ихъ произвести, было бы чрезвычайно полезно для преподаванія, отдѣляя въ умѣ ученика трудности, которыя можетъ представлять ходъ нѣкоторыхъ машинъ, отъ тѣхъ, которыя могутъ проистекать изъ разсужденій о равновѣсіи силъ. Этой то наукѣ, въ которой движенія должны быть изслѣдуемы сами въ себѣ, такими, какъ мы ихъ наблюдаемъ въ тѣлахъ насъ окружающихъ, и въ частности, въ снарядахъ, называемыхъ машинами, я далъ названіе *кинематика* отъ κίνημα, движеніе. Разсмотрѣвъ, что такое движеніе и скорость, кинематика особенно должна заниматься отношеніями, существующими между скоростями различныхъ точекъ машины и вообще какой либо системы матеріальныхъ точекъ, во всѣхъ движеніяхъ, какія можетъ принимать эта машина или система; этимъ въ послѣдствіи значительно облегчится пониманіе одного основного начала, извѣстнаго подъ именемъ начала возможныхъ скоростей, посредствомъ котораго все сказанное объ отношеніи скоростей, можетъ быть приложено къ отношенію силъ». «Если до сихъ поръ», продолжаетъ въ другомъ мѣстѣ Амперъ, «не существуетъ подробнаго сочиненія по этой наукѣ, равно какъ и по многимъ другимъ, то мнѣ, быть можетъ, будутъ благодарны за то, что я указалъ на промежутки, которые остается пополнить, на труды, которые надо предпринять и закончить; и если довѣрять дорогому мнѣ предчувствію, мои указанія можетъ быть косвенно дадутъ начало новымъ спеціальнымъ сочиненіямъ, которыя конечно послужатъ къ большему распространенію научныхъ знаній и ихъ благотворнаго вліянія». Желанія знаменитаго ученаго исполнились, надежды его оправдались; со времени изданія его классификаціи наукъ, какъ

чистая, такъ и прикладная кинематика сдѣлали быстрые успѣхи, и, благодаря трудамъ новѣйшихъ геометровъ Пуансо, Шаля, Понслэ, Виллиса, Морена, Бура, Рёло и другихъ, достигли значительной степени развитія.

Не должно думать однако, чтобы изученіе прикладной кинематики было бы достаточно для механика-практика. Исключительное примѣненіе кинематическихъ истинъ привело бы къ крупнымъ заблужденіямъ людей, занимающихся розысканіемъ новыхъ механическихъ комбинацій и въ то же время опускающихъ изслѣдованіе силъ, нужныхъ для того чтобы произвести проектируемыя ими движенія. Можно привести безчисленное множество движеній, вполнѣ возможныхъ съ точки зрѣнія геометрической, но которыя не могутъ быть осуществлены съ пользою въ практикѣ, или въ слѣдствіе значительныхъ давленій между различными частями, или по многимъ другимъ причинамъ, съ которыми мы ознакомимся въ теоріи приводовъ. Поэтому даже самое обстоятельное геометрическое изученіе механизмовъ еще далеко не исчерпываетъ предмета практической механики. Подобно тому какъ чистая кинематика служитъ введеніемъ въ общую науку о движеніи, точно такъ же прикладная кинематика составляетъ вступленіе въ науку о машинахъ вообще. Вторую и самую обширную часть практической механики образуетъ *динамическая теорія машинъ.* Существенныя ея задачи состоятъ въ физическомъ и динамическомъ изслѣдованіи различныхъ двигателей и соотвѣтственныхъ пріемниковъ и въ розысканіи средствъ для наиболѣе выгоднаго примѣненія двигательныхъ силъ. Рѣшеніями этихъ вопросовъ занимались Понслэ, Коріолисъ, Комбъ, Моренъ, Редтенбахеръ и др. Понслэ преимущественно принадлежитъ заслуга соединенія всѣхъ разрозненныхъ свѣдѣній по этому предмету въ одно научное цѣлое.

Наконецъ, практическая механика разсматриваетъ машины еще со стороны ихъ *построенія*, что̀ составляетъ третью часть машиновѣдѣнія. При построеніи машинъ одна изъ главныхъ трудностей состоитъ въ опредѣленіи наивыгоднѣйшаго вида и наивыгоднѣйшихъ размѣровъ ихъ частей. Ясно, что слишкомъ значительные размѣры увеличиваютъ безъ всякой пользы вѣсъ и объемъ снаряда, а вмѣстѣ съ тѣмъ и его стоимость; поэтому надо

стараться сводить эти размѣры на такой минимумъ, при которомъ части машинъ все еще были бы въ состояніи выдерживать наибольшіе усилія, давленія и напоры, какимъ онѣ должны подвергаться, и въ то же время не претерпѣвали бы значительнаго измѣненія въ формѣ и строеніи; къ опредѣленію такихъ наименьшихъ размѣровъ даетъ возможность ученіе о сопротивленіи матеріаловъ, основанное одновременно на опытныхъ выводахъ и на математической теоріи упругости тѣлъ.

Такимъ образомъ вся практическая механика распадается на три большіе отдѣла: теорія механизмовъ или прикладная кинематика изучаетъ геометрически различные способы передачи и преобразованія движеній; динамическая теорія машинъ занимается приложеніемъ результатовъ раціональной механики и физики къ теоретическому изслѣдованію двигателей, пріемниковъ и общаго устройства машинъ; наконецъ, теорія построенія машинъ имѣетъ цѣлью дать практикѣ правила для наиболѣе прочнаго и экономическаго построенія всѣхъ отдѣльныхъ ихъ частей (14).

Соединяя все сказанное видимъ, что *кинематика*, *представляя необходимое вступленіе съ одной стороны въ теоретическую, а съ другой—въ практическую механику, имѣетъ двоякій предметъ и, соотвѣтственно, состоитъ изъ двухъ различныхъ частей*: *одна, чистая кинематика, есть геометрическое ученіе о движеніи, разсматриваемомъ независимо отъ причинъ его производящихъ и отъ вещественныхъ свойствъ движущихся образовъ; другая, прикладная кинематика, имѣетъ предметомъ геометрическую теорію передаточныхъ механизмовъ или приложеніе выводовъ чистой кинематики къ изученію средствъ для передачи и преобразованія движеній въ машинахъ.*

Мы начнемъ наше изложеніе съ первой, теоретической части.

---

(14) Теоретическое ученіе объ орудіяхъ, основанное также на общихъ началахъ раціональной механики, принадлежитъ къ динамической теоріи машинъ; практическое же ознакомленіе съ ними есть одинъ изъ предметовъ спеціальнаго изученія каждаго отдѣльнаго ремесла.

ЧИСТАЯ КИНЕМАТИКА.

Предварительныя свѣдѣнія.

§ 1. Какой либо образъ находится въ *движеніи*, если онъ послѣдовательно занимаетъ различныя положенія въ пространствѣ; образъ находится въ *покоѣ*, если положеніе его въ пространствѣ остается постоянно одно и то же.

§ 2. Понятіе о движеніи слагается изъ двухъ другихъ понятій—о протяженіи и о времени. Съ понятіемъ о протяженіи и его свойствами знакомитъ насъ геометрія. Понятіе о времени есть, такъ же какъ понятіе о протяженіи, понятіе простое, которое не можетъ быть опредѣлено, т. е. сведено на другія, и которое каждый пріобрѣтаетъ опытомъ; можно опредѣлить только его мѣру. Для этого необходимо обозначить съ точностью, что должно разумѣть подъ равными промежутками времени. Понятіе о промежуткѣ времени внушается намъ послѣдовательностью событій. Два промежутка времени называютъ равными, если они потребны для совершенія тождественныхъ явленій, если напр. два тождественныя тѣла, находящіяся въ тождественныхъ условіяхъ въ началѣ этихъ промежутковъ времени и подверженныя совершенно одинаковымъ дѣйствіямъ и вліяніямъ всякаго рода, прошли тождественныя пространства къ концу этихъ промежутковъ. Представленіе о послѣдовательномъ рядѣ равныхъ промежутковъ времени приводитъ непосредственно къ понятію объ отношеніи какихъ либо промежутковъ времени, а слѣдовательно, принявъ опредѣленный промежутокъ за единицу, и къ отчетливому понятію о мѣрѣ какого бы то ни было промежутка времени. Такимъ образомъ, время становится величиной, подлежащей, какъ и протяженіе, измѣренію и вычисленію.

Всякій промежутокъ времени имѣетъ начало и конецъ; первый называютъ *начальнымъ*, послѣдній — *конечнымъ мгновеніемъ* или *моментомъ* этого промежутка; такъ что мгновеніе или моментъ имѣетъ въ механикѣ такое же значеніе относительно времени, какое имѣетъ въ геометріи точка относительно линіи; какъ точка не имѣетъ длины, такъ мгновеніе или моментъ не имѣетъ продолжительности (15).

§ 3. Приступая къ изученію науки о движеніи, необходимо прежде всего установить понятіе о движущемся, т. е. о тѣхъ образахъ, коихъ движенія подвергаются теоретическому изслѣдованію. Эти образы могутъ быть безконечно разнообразны. Въ раціональной механикѣ вообще разсматриваются образы матеріальные, одаренные всѣми физическими свойствами матеріи и единственные, встрѣчающіеся въ природѣ. Простѣйшій изъ такихъ образовъ есть матеріальная точка, т. е. матеріальный образъ безъ измѣреній, понятіе о которомъ получается, воображая, что какое либо матеріальное тѣло, сохраняя свои вещественныя свойства, все болѣе и болѣе уменьшается и разсматривая его въ моментъ его исчезновенія. Совокупность нѣсколькихъ матеріальныхъ точекъ, связанныхъ между собою какими либо условіями, называютъ матеріальною системою; эти послѣдніе образы могутъ, въ свою очередь, быть чрезвычайно разнообразны, смотря по условіямъ, которыми связаны ихъ точки. Такъ, взаимныя разстоянія точекъ системы могутъ или оставаться постоянными, или измѣняться во время движенія; въ первомъ случаѣ матеріальную систему называютъ неизмѣняемою, во второмъ — измѣняемою. Неизмѣняемая система есть простѣйшая изъ всѣхъ матеріальныхъ системъ; предполагая въ ней разстоянія между точками весьма малыми, мы приходимъ къ понятію о твердомъ тѣлѣ, представляющемъ такое идеальное состояніе такъ называемыхъ твердыхъ тѣлъ природы, къ которому послѣднія, какъ не абсолютно твердыя, въ дѣйствительности только

(15) Въ общежитіи подъ *мгновеніемъ* часто разумѣютъ очень краткій промежутокъ времени; но мы здѣсь будемъ употреблять это слово только въ указанномъ выше смыслѣ начала или конца нѣкотораго промежутка времени; въ этомъ смыслѣ оно не приложимо даже къ дифференціальному элементу времени.

болѣе или менѣе приближаются. Примѣрами измѣняемыхъ системъ могутъ служить капельныя жидкости, газы и проч. Вообще не должно упускать изъ виду, что всѣ образы, разсматриваемые въ механикѣ, представляютъ только образы фиктивные и что при примѣненіи найденныхъ относительно ихъ выводовъ къ явленіямъ природы всегда необходимо провѣрять, съ какой степенью приближенія данныя тѣла, участвующія въ этихъ явленіяхъ, можно разсматривать какъ системы того или другого рода.

Кинематика, какъ ученіе чисто геометрическое, отвлекается отъ матеріальности образовъ, коихъ движеніе она изслѣдуетъ, и разсматриваетъ одни геометрическіе образы, получаемые изъ приведенныхъ матеріальныхъ, сохраняя въ послѣднихъ только ихъ геометрическія свойства. Такимъ образомъ предметомъ ея изслѣдованія служитъ движеніе:

1) *геометрической точки,*

2) *геометрическихъ системъ, неизмѣняемыхъ или измѣняемыхъ*, т. е. совокупности геометрическихъ точекъ, которыхъ взаимныя разстоянія или остаются неизмѣнными, или измѣняются по опредѣленному закону во время движенія.

§ 4. Мы можемъ распознавать движеніе даннаго образа только относя его положенія къ какимъ либо постороннимъ и неизмѣняемымъ образамъ, напр. къ опредѣленнымъ неизмѣняемымъ геометрическимъ системамъ точекъ, прямыхъ или плоскостей. Если эти послѣдніе образы неподвижны въ пространствѣ, то изслѣдуемое относительно ихъ движеніе даннаго образа, или движеніе его въ неподвижномъ безпредѣльномъ пространствѣ, называютъ *абсолютнымъ*. Если же эти посторонніе образы сами движутся, то изслѣдуемое относительно ихъ движеніе даннаго образа, слагающееся изъ собственнаго абсолютнаго движенія послѣдняго и участія его въ движеніи образовъ, къ которымъ относятъ движеніе, называютъ *относительнымъ*; по отношенію къ наблюдателю, участвующему въ движеніи образовъ, къ которымъ относятъ изслѣдуемое относительное движеніе, послѣднее называютъ еще *кажущимся* или *видимымъ* движеніемъ. Точно такъ же можно говорить объ *абсолютномъ, относительномъ* и *кажущемся* или *видимомъ покоѣ*. Ясно, что данный об-

разъ можетъ находиться одновременно въ абсолютномъ покоѣ и въ относительномъ движеніи, или обратно.

Всѣ наблюденныя явленія говорятъ въ пользу того предположенія, что въ природѣ нѣтъ ни одной матеріальной частицы, которая находилась бы въ абсолютномъ покоѣ: съ одной стороны извѣстно, что всѣ тѣла нашей солнечной системы движутся, такъ какъ земля и другія планеты съ ихъ спутниками имѣютъ двоякое движеніе, около своихъ осей и вокругъ солнца, и самое солнце вращается около своей оси, перемѣщаясь въ то же время, по всей вѣроятности, вмѣстѣ со всѣми планетами по направленію къ созвѣздію Геркулеса; что же касается, съ другой стороны, до такъ называемыхъ неподвижныхъ звѣздъ, то доказанное собственное движеніе тѣхъ изъ нихъ, которыя были подвергнуты достаточному наблюденію, даетъ поводъ предполагать движеніе и за всѣми вообще. Не зная тѣлъ абсолютно неподвижныхъ, мы въ дѣйствительности можемъ наблюдать только относительныя движенія. Тѣмъ не менѣе, мы въ состояніи составить себѣ представленіе объ абсолютномъ покоѣ, приписать умственно этотъ покой образамъ, къ которымъ относятъ движеніе даннаго тѣла, и изучать затѣмъ абсолютное движеніе послѣдняго. Изученіе же законовъ абсолютнаго движенія важно потому, что, какъ мы увидимъ, изслѣдованіе относительнаго движенія всегда сводится весьма легко на изслѣдованіе движенія абсолютнаго, а послѣднее есть явленіе болѣе простое, чѣмъ первое. Мы должны начать поэтому съ теоріи движенія абсолютнаго.

I. Геометрическая теорія абсолютнаго движенія.

§ 5. Конечною цѣлью всѣхъ кинематическихъ и механическихъ изслѣдованій должно служить изученіе движенія системъ, такъ какъ въ природѣ мы встрѣчаемся только съ тѣлами, т. е. съ различнаго рода системами. Но движеніе системы познается изъ движеній точекъ его составляющихъ; поэтому изученію движенія системы должно предшествовать изученіе движенія точки.

1. АБСОЛЮТНОЕ ДВИЖЕНІЕ ТОЧКИ.

§ 6. Опредѣлить движеніе точки значитъ розыскать такія свойства этого движенія, которыя позволяли бы находить положеніе движущейся точки въ каждый данный моментъ и которыя слѣд. необходимы и достаточны для того, чтобы отличить разсматриваемое движеніе отъ всѣхъ возможныхъ другихъ движеній точки.

Для того, чтобы абсолютное движеніе точки было опредѣлено, надо, съ одной стороны, знать линію, образующую геометрическое мѣсто послѣдовательныхъ положеній движущейся точки относительно какихъ либо неподвижныхъ и неизмѣняемыхъ образовъ, напр. относительно трехъ неподвижныхъ косоугольныхъ или прямоугольныхъ осей координатъ; эту линію, которую точка описываетъ въ пространствѣ при своемъ движеніи, называютъ ея *путемъ* или *траекторіею*. Траекторія должна необходимо быть линія непрерывная, потому что движущаяся точка не можетъ перейти изъ одной ея точки въ другую, не смежную, не пройдя чрезъ точки промежуточныя.

Смотря по тому, есть ли траекторія линія прямая или кривая, движеніе точки называютъ *прямолинейнымъ* или *криволинейнымъ*.

Знанія одной траекторіи не достаточно для опредѣленія движенія точки, потому что точка можетъ двигаться по одной и той же линіи весьма различными движеніями, напр. болѣе и менѣе быстрыми и проч. Если же кромѣ траекторіи будутъ извѣстны еще

мгновенія, въ которыя точка проходитъ данныя, напр. равноотстоящія другъ отъ друга точки своего пути, то разсматриваемое движеніе будетъ вполнѣ опредѣлено, потому что можно будетъ отличить его отъ всякаго другого, или по виду траекторіи, или по временамъ, употребляемымъ на прохожденіе одинаковыхъ пространствъ.

Такимъ образомъ полное изученіе движенія точки распадается на двѣ отдѣльныя части: одну часть составляетъ опредѣленіе траекторіи, другую — изученіе закона, связывающаго пространства, проходимыя по опредѣленной траекторіи, съ временами, употребляемыми на прохожденіе этихъ пространствъ.

Мы разсмотримъ въ отдѣльности каждый изъ этихъ двухъ вопросовъ и начнемъ со второго изъ нихъ, такъ какъ къ нему приводится, какъ мы покажемъ, изслѣдованіе перваго.

a) Изслѣдованіе движенія точки по данной траекторіи.

§ 7. Предположимъ, что траекторія, которую описываетъ точка въ нѣкоторомъ разсматриваемомъ движеніи, извѣстна напередъ и что она есть линія AB (фиг. 1).

Чтобы опредѣлить положеніе точки на данной линіи AB, которая вообще будетъ какая либо кривая, но въ частномъ случаѣ можетъ быть и прямая, достаточно знать считаемое по этой линіи криволинейное разстояніе разсматриваемой точки отъ какой либо произвольно избранной на AB постоянной точки O, называемой *началомъ* разстояній, и сторону, въ которую это разстояніе должно быть отложено отъ O по AB. Пусть M будетъ положеніе, занимаемое движущеюся точкою въ какое либо мгновеніе; условимся считать разстояніе OM положительнымъ или отрицательнымъ, смотря по тому лежитъ ли M по опредѣленной сторонѣ отъ точки O, или по сторонѣ противоположной, напр. условимся брать число, измѣряющее разстояніе OM, со знакомъ $+$, если точка M находится вправо отъ начала O, и со знакомъ $-$, если она лежитъ влѣво отъ начала O. Положительное или отрицательное число, выражающее, согласно этимъ условіямъ, по величинѣ и по знаку разстояніе OM, будетъ очевидно вполнѣ опредѣлять положеніе M дви-

жущейся точки; это число мы будемъ означать вообще чрезъ *s*. Чтобы выразить разстояніе *OM* числомъ надо чтобы была избрана опредѣленная единица длины; за такую единицу въ научныхъ вопросахъ о движеніи принимаютъ обыкновенно метръ (1 метръ = 3,280 фут. = 1,406 арш.), потому что послѣдній, представляя самую безотносительную линейную единицу, соединяетъ въ себѣ вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ выгоды десятичной системы мѣръ.

При движеніи точки по кривой *AB* криволинейное разстояніе *s* непрерывно измѣняется и слѣд. въ каждый моментъ принимаетъ иное значеніе. Но чтобы отличить одинъ моментъ отъ другого, надо принять одинъ моментъ за *начальный* и отъ него считать время. Выборъ этого начальнаго мгновенія произволенъ, точно такъ же какъ выборъ начала *O* разстояній *s*: иногда за него берутъ мгновеніе, въ которое начинается разсматриваемое движеніе, иногда же мгновеніе, наступающее до или послѣ начала движенія. Кромѣ выбора начальнаго мгновенія счетъ временъ предполагаетъ выборъ опредѣленной единицы времени: за такую единицу обыкновенно принимаютъ въ механикѣ секунду средняго солнечнаго дня, т. е. $^1/_{86400}$ часть среднихъ солнечныхъ сутокъ. Избравъ начальное мгновеніе и единицу времени, всякій моментъ, наступающій послѣ начальнаго мгновенія, выразится числомъ принятыхъ единицъ, протекшихъ отъ начальнаго до разсматриваемаго мгновенія, а всякій моментъ, предшествующій начальному мгновенію, выразится числомъ принятыхъ единицъ, протекшихъ отъ разсматриваемаго мгновенія до начальнаго; чтобы отличить моменты, наступавшіе послѣ начальнаго мгновенія отъ тѣхъ, которые предшествовали послѣднему, приписываютъ имъ противоположные знаки, принимая напр. первые за положительные, а вторые за отрицательные. Такъ, въ историческомъ лѣтосчисленіи надо было бы по этому условію принимать года до Р. Х. за отрицательные, а года послѣ Р. Х. за положительные. Положительное или отрицательное число, выражающее, согласно высказаннымъ условіямъ, по величинѣ и по знаку промежутокъ времени, протекшій отъ начальнаго момента до разсматриваемаго позднѣйшаго, или отъ болѣе ранняго момента до начальнаго, вполнѣ опредѣляетъ раз-

сматриваемый моментъ; это число мы будемъ означать вообще буквою t.

Пусть теперь s и t будутъ одновременныя перемѣнныя значенія криволинейнаго разстоянія движущейся точки отъ избраннаго начала O ([16]) и времени, считаемаго отъ опредѣленнаго начальнаго мгновенія. Каждому значенію времени t соотвѣтствуетъ одно опредѣленное значеніе координаты s; слѣд., во всякомъ движеніи точки по данной траекторіи AB, s есть опредѣленная функція незави-

---

([16]) Дугу s должно вообще разсматривать только какъ *разстояніе* (положительное или отрицательное) движущейся точки въ моментъ t отъ опредѣленной избранной точки O траекторіи, считаемое по этой траекторіи, т. е. какъ криволинейную координату положенія движущейся точки въ моментъ t. Эта дуга вообще отлична отъ *пути или пространства, пройденнаго точкою во время* t. Ибо, если движеніе происходитъ въ одну сторону въ теченіи времени t и если O (фиг. 3) есть начало, отъ котораго считается дуга s. M_0 положеніе движущейся точки въ моментъ, принимаемый за начальный, M ея положеніе въ позднѣйшій моментъ t, то путь σ, пройденный точкою во время t, будетъ дуга M_0M, а $s=OM$, такъ что называя $OM_0=s_0$, будетъ $s=\sigma+s_0$. Если же движеніе происходитъ въ теченіи времени t въ разныя стороны, напр. если точка изъ M_0 переходитъ въ M', а оттуда начинаетъ двигаться обратно и приходитъ въ M въ моментъ t, то будетъ опять $s=OM$. но путь, пройденный точкою во время t есть $\sigma=M_0M+2\,MM'=s-s_0+2MM'$. и слѣд. $s=\sigma+s_0-2\,MM'$. Изъ этого видно, что для того, чтобы величины s и σ были тождественны, надо чтобы $MM'=0$ и $s_0=0$; иными словами. дуга s изображаетъ путь, пройденный точкою во время t только въ томъ частномъ случаѣ, когда въ теченіи всего промежутка времени t движеніе происходитъ въ одну и ту же сторону и когда сверхъ того за начальный моментъ принято мгновеніе, въ которое движущаяся точка находится въ точкѣ O, избранной за начало дугъ s. — Если эти два условія удовлетворены и если при этомъ траекторія есть *кривая сомкнутая*, то дуга s можетъ быть и менѣе и *болѣе* длины p всей кривой, смотря по тому, разсматриваемъ ли мы движеніе точки въ теченіи только ея перваго оборота, или въ теченіи нѣсколькихъ, напр. $n+1$ оборотовъ, по наступленіи начальнаго мгновенія; въ послѣднемъ случаѣ дуга s представляетъ, согласно только что сказанному, также разстояніе, но въ болѣе общемъ смыслѣ; она выражаетъ не длину OM, на которую положеніе M, занимаемое движущеюся точкою въ моментъ t, въ теченіи $(n+1)$-го оборота, отстоитъ отъ начала O, а отложенную по сомкнутой кривой отъ начала O въ опредѣленную сторону длину $np+OM$, равную пути, пройденному точкою отъ начальнаго момента до момента t. Такъ напр., если точка движется въ одну сторону по кругу радіуса r, если въ моментъ, избранный за начальный, она находится въ началѣ дугъ O и если M есть одно изъ положеній точки во время перваго оборота, то будетъ, какъ во всѣхъ другихъ случаяхъ, $s=OM$; но если точка совершила въ сторону отъ O къ M n полныхъ оборотовъ и M есть одно изъ ея положеній въ теченіи $(n+1)$-го оборота, тогда $s=\sigma=2n\pi r+OM$.

симой перемѣнной t. Зная эту зависимость между s и t для разсматриваемаго движенія, мы будемъ въ состояніи отличить послѣднее отъ всѣхъ другихъ движеній точки по той же траекторіи AB, такъ что эта зависимость, во всякомъ частномъ случаѣ, вполнѣ опредѣляетъ движеніе по данной линіи, почему ее и называютъ *закономъ движенія по данной траекторіи.*

Этотъ законъ можетъ быть данъ, во первыхъ, аналитически, т. е. уравненіемъ вида

$$s=f(t) \ , \tag{1}$$

изъ котораго для каждаго значенія t опредѣлится соотвѣтственное значеніе s и которое называютъ *уравненіемъ движенія по данной траекторіи*; ур. (1) получается обыкновенно какъ результатъ аналитической формулировки свойствъ разсматриваемаго движенія, если эти свойства напередъ извѣстны въ достаточномъ числѣ. Иногда же зависимость между s и t дается въ видѣ таблицы, содержащей извѣстное число одновременныхъ значеній перемѣнныхъ s, t; этотъ случай имѣетъ мѣсто каждый разъ, когда проходимыя пространства и времена опредѣляются непосредственнымъ наблюденіемъ разсматриваемаго движенія, и встрѣчается очень часто въ приложеніяхъ. Если соотношеніе между s и t дается въ видѣ таблицы, то могутъ быть два случая: или эта таблица можетъ быть замѣнена уравненіемъ между s, t, воспроизводящимъ въ точности всѣ ея числа, или такое точное замѣненіе таблицы формулою невозможно.

Но въ какой бы изъ этихъ трехъ формъ ни была дана зависимость между s и t, всегда, зная ее, можно рѣшить два слѣдующіе основные вопроса: 1) Опредѣлить положеніе движущейся точки въ данное мгновеніе, и наоборотъ 2) опредѣлить время, когда точка займетъ данное положеніе. Если соотношеніе между s и t дано аналитически, формулою (1), то рѣшеніе обѣихъ задачъ сводится на рѣшеніе уравненія съ одною неизвѣстною; при этомъ могутъ получиться при рѣшеніи первой задачи для s, а при рѣшеніи второй—для t, величины отрицательныя; отрицательное значеніе s покажетъ, что точка въ данный моментъ находится влѣво отъ начала O, а отрицательное значеніе t, — что

точка занимала данное положеніе въ моментъ, предшествовавшій мгновенію, избранному за начальное; мнимые корни для s и t обнаружили бы несообразность условій вопросовъ. Если соотношеніе между s, t дано въ видѣ таблицы, которая можетъ быть въ точности замѣнена формулою, то, совершивъ это замѣненіе, этотъ случай приведется къ предыдущему. Наконецъ, если соотношеніе между s, t дается таблицею, незамѣнимою строго уравненіемъ, то двѣ помянутыя задачи могутъ быть рѣшены или посредствомъ обыкновеннаго интерполированія, или помощью графическаго пріема, на который мы тотчасъ укажемъ. Замѣтимъ только еще, что въ практическихъ приложеніяхъ эти способы интерполированія и графическіе методы оказываются часто на столько проще рѣшенія ур. (1), что бываетъ нерѣдко выгодно даже въ первомъ случаѣ, когда законъ движенія по траекторіи данъ формулою (1), обращать эту формулу въ таблицу.

§ 8. Въ какомъ бы видѣ не давалась зависимость между s и t, всегда ее можно построить графически.

Дѣйствительно, эту зависимость можно всегда считать данною въ видѣ таблицы съ двумя аргументами s и t, потому что если она дана формулою (1), то послѣднюю всегда можно обратить въ такую таблицу. Возьмемъ двѣ прямоугольныя оси координатъ ωT, ωS (фиг. 2); избравъ произвольно нѣкоторую длину для изображенія единицы временъ t и другую длину для изображенія единицы разстояній s, нанесемъ на оси ωT отъ точки ω длину $\omega\tau'$, выражающую въ избранномъ масштабѣ временъ одно изъ значеній времени, даваемыхъ таблицею, принимая за правило откладывать длину $\omega\tau'$ вправо или влѣво отъ начала ω, смотря по тому, имѣетъ ли изображаемый этою длиною моментъ знакъ $+$, или знакъ $-$; возставимъ затѣмъ въ точкѣ τ' перпендикуляръ къ ωT и отложимъ на этомъ перпендикулярѣ отъ τ' длину $\tau'\mu'$, выражающую въ принятомъ масштабѣ разстояній значеніе s' разстоянія s, соотвѣтствующее въ таблицѣ значенію времени $t' = \omega\tau'$, принимая за правило откладывать длину $\tau'\mu'$ надъ или подъ осью ωT, смотря по тому, есть ли s' число положительное, или отрицательное. Линіи $\omega\tau'$, $\tau'\mu'$, разсматриваемыя какъ прямоугольныя координаты относительно осей ωS, ωT, опредѣлятъ нѣкоторую

точку μ' въ плоскости этихъ осей. Повторяя то же построеніе для другихъ паръ одновременныхъ значеній t и s, даваемыхъ таблицею, напр. для значеній t'', s''; t''', s''';......, получимъ рядъ точекъ μ', μ'', μ''',......, а соединяя послѣднія между собою прямыми, получимъ многоугольникъ, который перейдетъ въ опредѣленную непрерывную кривую (α_s), если достаточно увеличить число точекъ μ', μ'', μ''',......, т. е. если взять изъ таблицы достаточно близкія между собою значенія времени; если бы таблица не давала столь близкихъ значеній, то ее можно было бы пополнить интерполированіемъ.

Линія (α_s) выражаетъ графически законъ движенія по данной траекторіи; ее называютъ *линіею пространствъ*, потому что разности ея ординатъ представляютъ пространства, проходимыя точкою въ промежутки времени, изображаемые соотвѣтственными разностями абсциссъ. Эта линія непосредственно обнаруживаетъ своею формою главныя свойства движенія; такъ, всякая положительная ея ордината указываетъ на положеніе движущейся точки по сторонѣ положительныхъ s-овъ отъ начала дугъ s, а всякая отрицательная ордината—на положеніе по сторонѣ отрицательныхъ s-овъ; пересѣченіе кривой съ осью временъ соотвѣтствуетъ прохожденію движущейся точки чрезъ начало дугъ s; когда ордината кривой возрастаетъ съ увеличеніемъ абсциссы, тогда можно заключить, что точка движется въ сторону положительныхъ s-овъ, а когда ордината уменьшается съ увеличеніемъ абсциссы, то точка движется въ сторону отрицательныхъ s-овъ, и т. д. Линія пространствъ можетъ быть чрезвычайно разнообразна, смотря по закону движенія точки, но она всегда необходимо обладаетъ слѣдующими свойствами: 1) она есть всегда линія непрерывная, что слѣдуетъ прямо изъ условія непрерывности движенія точки; 2) каждому значенію абсциссы соотвѣтствуетъ въ ней только одно опредѣленное значеніе ординаты, потому что движущаяся точка не можетъ въ одно и то же время занимать два различныя положенія на своей траекторіи; кромѣ того мы увидимъ ниже (§ 13), что 3) линія пространствъ не можетъ имѣть ни въ одной своей точкѣ касательной, параллельной оси пространствъ ωS.

Разсмотрѣніе линіи пространствъ представляетъ многія выгоды при изученіи движенія точки. Съ одной стороны, вообще кривыя весьма ясно и наглядно рисуютъ свойства функцій, изображеніемъ которыхъ онѣ служатъ. Съ другой стороны, когда зависимость между s и t дана таблицею, составленною непосредственно изъ наблюденій движенія, наблюденій, которыя никогда не лишены нѣкоторыхъ ошибокъ, то при построеніи соотвѣтственной линіи пространствъ эти ошибки исправляются самымъ черченіемъ кривой, свойства непрерывности которой непремѣнно обнаружатъ всякую сколько нибудь чувствительную погрѣшность опыта Сверхъ того сравненіе линіи пространствъ съ извѣстными кривыми можетъ часто облегчить розысканіе аналитическаго выраженія закона движенія по сдѣланнымъ и занесеннымъ въ таблицу наблюденіямъ, если такое выраженіе вообще возможно.

Построивъ линію пространствъ по указанному въ началѣ этого § способу, можно весьма просто рѣшить обѣ основныя задачи объ опредѣленіи s по данному t и t по данному s помощью графическаго интерполированія, будетъ ли зависимость между s и t дана въ видѣ формулы, или въ видѣ таблицы, замѣнимой или незамѣнимой точно уравненіемъ.

§ 9. Примѣнимъ изложенныя въ двухъ предыдущихъ §§ общія соображенія объ изслѣдованіи движенія по данной траекторіи къ простѣйшему частному случаю.

Равномѣрное движеніе. Мы видѣли, что для всякаго движенія по данной линіи имѣетъ мѣсто опредѣленная зависимость между перемѣнными s и t и что каждое отдѣльное движеніе характеризуется спеціальнымъ видомъ функціи, которою для этого движенія s выражается посредствомъ t. Простѣйшая изъ всѣхъ функцій есть функція алгебраическая линейная; поэтому простѣйшее изъ всѣхъ возможныхъ движеній по данной траекторіи будетъ движеніе, котораго уравненіе имѣетъ видъ

$$s=a\pm bt \quad , \qquad (A)$$

гдѣ a и b постоянные коеффиціенты. Полагая въ этомъ уравненіи $t=0$, находимъ $s=a$; слѣд. a въ ур. (A) есть криволинейная координата движущейся точки въ моментъ, принятый за на-

чальный, а $\pm(s-a)$ есть пространство, проходимое точкою въ теченіи промежутка времени t; ур. (A) показываетъ, что это пространство $\pm(s-a)$ измѣняется пропорціонально t и что разстояніе s, разсматриваемое по величинѣ и по знаку, постоянно увеличивается или постоянно уменьшается съ увеличеніемъ t, т. е., что точка движется постоянно въ одну и ту же сторону. Слѣдовательно движеніе, законъ котораго выражается уравненіемъ (A), обладаетъ тѣмъ свойствомъ, что въ немъ *точка проходитъ въ одну и ту же сторону въ произвольно взятыя времена пространства, пропорціональныя этимъ временамъ*, или, другими словами, что *въ равные, произвольно выбранные, промежутки времени точка проходитъ въ одну и ту же сторону равныя пространства.* Такого рода движеніе, простѣйшее изъ всѣхъ, называютъ *равномѣрнымъ движеніемъ.*

До сихъ поръ доказано, что если уравненіе движенія имѣетъ видъ (A), то движеніе будетъ равномѣрное. Легко убѣдиться, что, и наоборотъ, законъ всякаго равномѣрнаго движенія имѣетъ видъ (A) линейной алгебраической зависимости.

Пусть AB (фиг. 3) будетъ данная линія, которую точка описываетъ равномѣрнымъ движеніемъ, O начало координатъ s, M_0 положеніе движущейся точки въ моментъ, принятый за начальный, M положеніе движущейся точки въ какой либо моментъ t; называя $OM_0=s_0$, $OM=s$, ясно, что $M_0M=\pm(OM-OM_0)=\pm(s-s_0)$ будетъ пространство, пройденное точкою въ одну и ту же сторону въ t единицъ времени, напр. въ t секундъ, при чемъ верхній знакъ относится къ случаю, когда движеніе происходитъ въ сторону положительныхъ s-овъ, а нижній — къ случаю, когда движеніе происходитъ въ сторону s-овъ отрицательныхъ ([17]); но по опредѣленію равномѣрнаго движенія это пространство $\pm(s-s_0)$ должно быть пропорціонально t, слѣдовательно, называя чрезъ V постоянный коэффиціентъ пропорціональности, имѣемъ

$$\pm(s-s_0)=Vt\quad,$$

или

$$s=s_0\pm Vt, \tag{2}$$

([17]) На фиг. 3 изображенъ только первый случай и при томъ предположеніи, что s_0 есть величина положительная.

уравненіе, тождественное по виду съ ур. (A) и въ которомъ, во второй части, надо брать верхній или нижній знакъ, смотря по тому, происходитъ ли движеніе въ сторону положительныхъ или отрицательныхъ s-овъ. ([18])

Чтобы обнаружить значеніе коеффиціента V по отношенію къ движенію, обратимся къ равенству

$$\pm(s-s_0)=Vt.$$

Разность $\pm(s-s_0)$, а слѣд. и равное ей произведеніе Vt есть пространство, пройденное точкою въ t единицъ времени; поэтому коеффиціентъ V выражаетъ пространство, пройденное точкою въ единицу времени. Это пространство V будетъ различно для различныхъ родовъ равномѣрнаго движенія и есть единственный элементъ, отличающій одно равномѣрное движеніе отъ другого по данной траекторіи; оно измѣряетъ бóльшую или меньшую быстроту этихъ движеній и потому называется *скоростью* равномѣрнаго движенія. И такъ, *скорость въ равномѣрномъ движеніи есть пространство, проходимое точкою въ единицу времени*, или, принимая во вниманіе равенство

$$\frac{\pm(s-s_0)}{t}=V,$$

можно еще сказать, что *скорость равномѣрнаго движенія есть отношеніе пространства, пройденнаго въ опредѣленный промежутокъ времени, къ этому промежутку времени.*

По второму изъ этихъ двухъ опредѣленій, содержащему въ себѣ и первое, скорость есть отношеніе двухъ разнородныхъ величинъ, пространства и времени, отношеніе, подъ которымъ должно

([18]) Иногда уравненію равномѣрнаго движенія даютъ видъ еще болѣе общій, разумѣя подъ s_0 координату движущейся точки не въ начальный моментъ, а въ какой либо данный моментъ t_0; тогда это уравненіе будетъ

$$s=s_0\pm V(t-t_0),$$

которое переходитъ въ (2), полагая $t_0=0$. Но замѣчая, что выборъ начала счета временъ произволенъ и что всегда можно за начальное мгновеніе принять моментъ t_0, для котораго извѣстно значеніе s_0 координаты s, достаточно ограничиться формою (2).

разумѣть ничто иное, какъ частное отношеній послѣднихъ къ соотвѣтственнымъ единицамъ; она есть слѣд. число отвлеченное, зависящее отъ единицъ длины и времени и измѣняющееся вмѣстѣ съ измѣненіемъ каждой изъ этихъ единицъ. Поэтому для полнаго опредѣленія величины скорости не достаточно знать ея численное значеніе, а необходимо указывать каждый разъ единицу длины и единицу времени, къ которымъ это число отнесено, чтὸ и дѣлаютъ всегда въ приложеніяхъ. Законъ, по которому численное значеніе скорости измѣняется съ единицею длины и съ единицею времени, весьма простъ: 1) численная величина скорости измѣняется съ единицею длины, какъ числа, измѣряющія длины; слѣд. если единица длины увеличивается или уменьшается въ опредѣленное число, n, разъ, то число, выражающее скорость, соотвѣтственно уменьшается или увеличивается въ такое же число, n, разъ; 2) численная величина скорости измѣняется съ единицею времени, какъ числа обратныя тѣмъ, которыя выражаютъ промежутки времени; такъ что если единица времени увеличивается или уменьшается въ опредѣленное число, m, разъ, то число, выражающее скорость, соотвѣтственно увеличивается или уменьшается въ такое же число, m, разъ. Отношеніе же двухъ скоростей не измѣняется отъ одновременнаго и одинаковаго измѣненія единицъ длины и времени въ каждой изъ нихъ. Въ научныхъ вопросахъ скорость обыкновенно относятъ къ метру и къ секундѣ, т. е. выражаютъ ее числомъ, показывающимъ сколько метровъ въ разсматриваемомъ движеніи точка проходитъ въ одну секунду. Въ различныхъ вопросахъ техники и обыденной жизни обычай установилъ различныя единицы. Такъ скорость движенія поѣздовъ по желѣзной дорогѣ, движенія, принимаемаго за равномѣрное, относятъ къ мѣстной единицѣ разстояній и къ часу; говоря, напр., что скорость поѣзда равна 30, у насъ разумѣютъ, что онъ проходитъ 30 верстъ въ 1 часъ. Скорость кораблей выражается въ особыхъ линейныхъ единицахъ, называемыхъ узлами (1 узелъ $= 1/_{120}$ морской мили $= 1/_{120} . 1,738$ верстъ $= 50,6$ фут.) и относится также къ часу ([19]); и т. д. Въ каждомъ данномъ случаѣ легко, на основа-

([19]) Обычай выражать скорости кораблей въ *узлахъ* и названіе послѣднихъ единицъ объясняются употребительнымъ способомъ практиче-

ніи вышесказаннаго, перевести число, выражающее скорость въ какихъ либо опредѣленныхъ единицахъ, въ число, выражающее скорость относительно метра и секунды. Когда разъ избрана опредѣленная единица времени, время можно разсматривать какъ число отвлеченное и тогда скорость, согласно съ первымъ ея опредѣленіемъ, выражаетъ опредѣленное число линейныхъ единицъ, т. е. длину; число это зависитъ отъ принятой линейной единицы. Съ такой точки зрѣнія скорость часто разсматриваютъ какъ длину, подразумѣвая, что она относится къ опредѣленной, напередъ принятой единицѣ времени.

До сихъ поръ мы говорили только о величинѣ скорости, разсматривая ее просто какъ отношеніе, или какъ длину. Но сверхъ того скорости приписываютъ еще знакъ, съ цѣлью обобщенія, которое будетъ ясно изъ слѣдующаго. Мы видѣли, что уравненіе равномѣрнаго движенія принимаетъ два различные вида

$$s = s_0 + Vt$$

и

$$s = s_0 - Vt \quad ,$$

первый, когда движеніе точки происходитъ въ сторону положительныхъ s-овъ, т. е. когда дуга s, разсматриваемая по величинѣ

скаго измѣренія такихъ скоростей. Это измѣреніе дѣлается посредствомъ прибора, называемаго *лагомъ*; онъ состоитъ изъ треугольнаго поплавка, нагруженнаго такъ, чтобы онъ оставался въ вертикальномъ положеніи при погруженіи его въ воду, и привязаннаго къ шнурку, намотанному на катушку; на этомъ шнуркѣ навязаны красные узлы на опредѣленныхъ равныхъ между собою разстояніяхъ одинъ отъ другаго. Лагъ бросаютъ въ воду, сматывая катушку, и въ моментъ, когда одинъ изъ красныхъ узловъ на веревкѣ сходитъ съ катушки, опрокидываютъ песочные часы, показывающіе напр. промежутокъ времени въ $^1/_2$ минуты. Сосчитавъ число n узловъ, сошедшихъ съ катушки въ эти $^1/_2$ минуты, можно будетъ по числу n судить о пути, пройденномъ кораблемъ въ то же время, а слѣдовательно и о скорости корабля. Постоянное разстояніе a между узлами на веревкѣ выбираютъ такъ, чтобы 1 узелъ въ $^1/_2$ минуты соотвѣтствовалъ 1 морской мили (1852 мет. = 1, 738 верстъ) въ часъ, т. е. такъ, чтобы число n показывало число морскихъ миль, проходимыхъ кораблемъ въ 1 часъ; теоретически для этого нужно чтобы $a = \frac{1852^{м.}}{60 . 2} = 15^{м.}, 43 = 50^{ф.}, 6$. Но опытъ показываетъ, что, въ виду нѣкоторой неизбѣжной подвижности поплавка, для осуществленія упомянутаго соотвѣтствія между числомъ морскихъ миль въ часъ и числомъ узловъ въ 30 секундъ, надо брать $a = 14^{м.}, 62 = 47^{ф.}, 9$.

и по знаку, увеличивается съ увеличеніемъ времени, второй, когда движеніе происходитъ въ сторону отрицательныхъ s-овъ, т. е. когда дуга s, разсматриваемая по величинѣ и по знаку, уменьшается съ увеличеніемъ времени. Эти два результата можно соединить въ одинъ. Для этого допускаютъ, что скорость имѣетъ знакъ, именно условливаются ставить передъ ней знакъ $+$, когда движеніе происходитъ въ сторону положительныхъ s-овъ, и знакъ —, когда движеніе происходитъ въ сторону s-овъ отрицательныхъ; тогда, называя чрезъ v полученное такимъ образомъ для скорости положительное или отрицательное число, мы будемъ имѣть для всѣхъ равномѣрныхъ движеній одно уравненіе

$$s=s_0+vt\quad, \tag{3}$$

которое и представляетъ общее уравненіе равномѣрнаго движенія. И такъ мы будемъ впредь разумѣть подъ скоростью v равномѣрнаго движенія отношеніе или длину, выше опредѣленныя, взятыя со знакомъ $+$ или —, смотря по тому, происходитъ ли движеніе въ сторону положительныхъ или отрицательныхъ s-овъ, или, что то же, смотря по тому, увеличивается ли или уменьшается дуга s, разсматриваемая по величинѣ и по знаку, съ увеличеніемъ времени.

Линія пространствъ въ равномѣрномъ движеніи имѣетъ уравненіемъ линейную алгебраическую зависимость (3) и есть слѣдов. прямая линія (α_s) (фиг. 4). Эта прямая пересѣкаетъ ось пространствъ ωS на разстояніи $\omega\mu_0$ отъ начала осей ω, изображающемъ въ масштабѣ, принятомъ при построеніи ординатъ линіи пространствъ, разстояніе s_0 положенія M_0 (фиг. 3) движущейся точки отъ начала O разстояній s, а *угловой коеффиціентъ* этой прямой выражаетъ скорость v изображаемаго ею равномѣрнаго движенія. При этомъ подъ *угловымъ коеффиціентомъ* прямой (α_s) здѣсь надо разумѣть отношеніе числа, измѣряющаго по масштабу разстояній или пространствъ опредѣленную разность $\mu\nu$ ея ординатъ, къ числу, измѣряющему по масштабу временъ соотвѣтственную разность $\mu_0\nu$ абсциссъ, и не должно думать, что скорость v выражается вообще также тангенсомъ угла, который прямая (α_s) составляетъ съ осью временъ. Къ послѣднему невѣрному заклю-

ченію могло бы привести то обстоятельство, что, въ аналитической геометріи, въ уравненіи прямой, отнесенной къ прямоугольнымъ осямъ,

$$y = ax + b,$$

коеффиціентъ a изображаетъ тангенсъ угла наклоненія прямой къ оси абсциссъ; но не надо упускать изъ виду, что послѣднее уравненіе выводится при предположеніи, что координаты x, y однородныя величины, длины, которыя поэтому, при ихъ графическомъ изображеніи, относятся къ одному и тому же масштабу. Здѣсь же s, t, а слѣдовательно и $\mu\nu$, $\mu_0\nu$ представляютъ величины разнородныя, $\mu\nu$ — пространство, $\mu_0\nu$ — время. Скорость равна не отношенію двухъ длинъ $\mu\nu$, $\mu_0\nu$, а равна отношенію числа единицъ масштаба пространствъ, содержащихся въ $\mu\nu$, къ числу единицъ масштаба временъ, содержащихся въ $\mu_0\nu$; но масштабъ пространствъ и масштабъ временъ, послужившія для графическаго изображенія линіи пространствъ (α_s), совершенно не зависятъ одинъ отъ другого, они могутъ быть взяты какими угодно, а слѣд. и весьма различными между собою; такъ напр., можно было бы удвоить масштабъ пространствъ, чрезъ что получилась бы новая прямая для линіи пространствъ того же разсматриваемаго движенія, имѣющая иное наклоненіе къ оси абсциссъ, чѣмъ (α_s), и которой слѣд. соотвѣтствовалъ бы новый тангенсъ угла съ этой осью. Тангенсъ угла линіи пространствъ съ осью временъ будетъ измѣрять скорость v только въ томъ частномъ случаѣ, когда единица пространствъ и единица временъ изображаются при построеніи линіи пространствъ одною и тою же длиною, т. е. когда абсциссы и ординаты линіи (α_s) отнесены къ одному масштабу, ибо тогда отношеніе дѣйствительныхъ величинъ количествъ $\mu\nu$, $\mu_0\nu$ равно отношенію этихъ линій; а этотъ частный случай и есть именно тотъ, который исключительно разсматривается въ аналитической геометріи. И такъ, чтобы опредѣлить графически скорость, всего проще и удобнѣе строить линію пространствъ, относя ея абсциссы и ординаты къ одному и тому же масштабу; тогда скорость выразится просто тангенсомъ угла наклоненія прямой пространствъ къ оси абсциссъ. Если же такой выборъ мас-

штабовъ по какимъ либо причинамъ невозможенъ, то скорость выразится угловымъ коеффиціентомъ прямой (α_s) въ приведенномъ общемъ смыслѣ и опредѣлится графически во всѣхъ случаяхъ слѣдующимъ построеніемъ. Чрезъ какую либо точку μ линіи пространствъ (α_s) проводимъ прямую μT_1, параллельную оси временъ, и на ней откладываемъ длину $\mu\delta$, выражающую въ принятомъ масштабѣ временъ единицу времени; перпендикуляръ $\delta\delta'$, возставленный въ точкѣ δ къ μT_1 и продолженный до пересѣченія съ прямою (α_s), выразитъ въ единицахъ масштаба, принятаго для изображенія пространствъ, скорость v разсматриваемаго равномѣрнаго движенія.

Возможны 6 различныхъ расположеній прямой пространствъ относительно осей ωT, ωS, соотвѣтствующія 6 слѣдующимъ допустимымъ комбинаціямъ знаковъ и значеній параметровъ s_0 и v:

s_0 :	+	—	+	—	0	0
v :	+	+	—	—	+	—

Предоставляя читателю начертить эти различныя расположенія, замѣтимъ только, что два послѣдніе случая соотвѣтствуютъ тому допущенію, что время t считается отъ мгновенія, когда движущаяся точка находится въ точкѣ O траекторіи, принятой за начало разстояній s, и что тогда уравненіе равномѣрнаго движенія представляется въ болѣе простой формѣ

$$s=vt, \tag{4}$$

а линія пространствъ есть прямая, проходящая чрезъ начало осей ωT, ωS.— Случай $v=0$ соотвѣтствовалъ бы покою точки; поэтому, когда линія пространствъ имѣетъ видъ прямой, параллельной оси временъ или совпадающей съ этою осью, то должно заключить, что точка находится въ покоѣ.

Въ заключеніе изложенныхъ свойствъ равномѣрнаго движенія замѣтимъ, что въ природѣ это простѣйшее движеніе встрѣчается весьма рѣдко; единственный извѣстный намъ примѣръ строго равномѣрнаго движенія представляютъ обращенія планетъ

около своихъ осей, напр. суточное движеніе земли; всѣ остальныя движенія, принимаемыя часто за равномѣрныя, въ дѣйствительности принадлежатъ къ движеніямъ другого рода, съ которыми мы ознакомимся ниже.

§ 10. Рѣшеніе всѣхъ задачъ, которыя могутъ быть предложены о равномѣрномъ движеніи, заключается въ уравненіи этого движенія (3), а какъ послѣднее уравненіе представляетъ прямую, то рѣшеніе всѣхъ этихъ задачъ содержится также въ аналитической геометріи прямой линіи на плоскости, какъ это будетъ видно и изъ слѣдующихъ примѣровъ.

Примѣръ 1. Зная, что точка движется равномѣрно по данной кривой AB (фиг. 5) и зная положенія ея M_1, M_2 въ два данныя мгновенія t_1, t_2, найти уравненіе движенія точки.

Такъ какъ разсматриваемое движеніе равномѣрно, то искомое уравненіе должно имѣть видъ

$$s=s_0+vt, \qquad (\alpha)$$

гдѣ надо только опредѣлить значенія неизвѣстныхъ коеффиціентовъ s_0 и v. Для этого, называя чрезъ s_1 и s_2 разстоянія OM_1 и OM_2 движущейся точки отъ начала дугъ O въ моменты t_1 и t_2 и замѣчая, что ур. (α) должно удовлетворяться, если въ немъ вмѣсто перемѣнныхъ s, t подставить ихъ одновременныя значенія s_1, t_1, или одновременныя значенія s_2, t_2, имѣемъ уравненія

$$s_1=s_0+vt_1,$$

$$s_2=s_0+vt_2,$$

изъ которыхъ получимъ

$$s_0=\frac{s_1t_2-s_2t_1}{t_2-t_1}, \qquad v=\frac{s_2-s_1}{t_2-t_1}.$$

Внося эти значенія s_0 и v въ ур. (α), находимъ искомое уравненіе разсматриваемаго равномѣрнаго движенія

$$s=\frac{s_1t_2-s_2t_1}{t_2-t_1}+\frac{s_2-s_1}{t_2-t_1}t,$$

или $$s-s_1=\frac{s_2-s_1}{t_2-t_1}(t-t_1). \qquad (\beta)$$

Тотъ же вопросъ можетъ быть рѣшенъ гораздо проще, если замѣтить, что онъ сводится на слѣдующую задачу аналитической геометріи прямой линіи: найти уравненіе прямой, проходящей чрезъ двѣ данныя точки (s_1, t_1) и (s_2, t_2); уравненіе такой прямой можетъ быть написано прямо и имѣетъ, какъ извѣстно, видъ (β). Возможность такого непосредственнаго рѣшенія частныхъ вопросовъ о движеніи сведеніемъ на задачи аналитической геометріи представляетъ новый примѣръ выгодъ графическаго изображенія движеній.

Примѣръ 2. Двѣ точки движутся равномѣрно по данной не сомкнутой линіи AB (фиг. 3) съ соотвѣтственными данными скоростями v, v'; найти моментъ и мѣсто ихъ встрѣчи.

Предположимъ, что въ моментъ, избранный за начальный, первая точка, движущаяся со скоростью v, находится въ M_0, вторая, движущаяся со скоростью v', находится въ M_0', и что въ какой либо моментъ t эти точки находятся соотвѣтственно въ M и M'; называя чрезъ O начало разстояній s и означая $OM_0=s_0$, $OM_0'=s_0'$, $OM=s$, $OM'=s'$, уравненія движенія двухъ точекъ будутъ

$$\left.\begin{aligned} s&=s_0+vt, \\ s'&=s_0'+v't. \end{aligned}\right\} \qquad (\alpha)$$

Чтобы получить то значеніе T времени t, при которомъ точки встрѣчаются, надо положить $s=s'$ и $t=T$ въ предыдущихъ уравненіяхъ и изъ найденнаго такимъ образомъ равенства

$$s_0+vT=s_0'+v'T \qquad (\beta)$$

опредѣлить T. Находимъ $$T=\frac{s_0'-s_0}{v-v'}, \qquad (\gamma)$$

а внося это значеніе T вмѣсто t въ одно изъ уравненій движе-

нія (α), получимъ координату S, опредѣляющую мѣсто встрѣчи:

$$S = \frac{s_0' v - s_0 v'}{v - v'}. \qquad (\delta)$$

Такъ какъ ур. (β) линейно относительно T, то видимъ, что точки могутъ встрѣтиться только одинъ разъ. При разборѣ выраженій (γ) и (δ) возможны 4 случая:

$s_0' \gtrless s_0$	$s_0' = s_0$	$s_0' \gtrless s_0$	$s_0' = s_0$
$v \gtrless v'$	$v \gtrless v'$	$v = v'$	$v = v'$

толкованіе которыхъ не представляетъ никакихъ затрудненій.

Геометрически приведенная задача сводится на слѣдующую: даны уравненія (α) двухъ прямыхъ, лежащихъ въ одной плоскости, найти координаты S, T точки пересѣченія этихъ прямыхъ. Эти координаты опредѣляются, какъ извѣстно, формулами (γ) и (δ).

Если бы точки двигались по кривой сомкнутой, то получилось бы множество рѣшеній.

§ 11. *О перемѣнномъ движеніи.* Всякое движеніе, въ которомъ пространства, проходимыя точкою въ равные, произвольно взятые, промежутки времени, не равны между собою, называютъ *перемѣннымъ* или *неравномѣрнымъ* движеніемъ.

Для всякаго перемѣннаго движенія функція f въ зависимости $s = f(t)$ отлична отъ линейной алгебраической функціи, а слѣд. линія пространствъ есть линія, въ которой равнымъ разностямъ абсциссъ соотвѣтствуютъ не равныя разности ординатъ, т. е. есть линія кривая.

Если перемѣнное движеніе таково, что пространства, проходимыя послѣдовательно точкою въ равныя времена, постоянно возрастаютъ, то его называютъ *ускореннымъ* движеніемъ; если эти пространства постоянно уменьшаются, то движеніе называютъ *уменьшеннымъ*; наконецъ, если эти пространства то увеличиваются, т

уменьшаются, то такое перемѣнное движеніе, составное изъ ускоренныхъ и укосненныхъ движеній, называютъ *смѣшаннымъ*.

Въ первомъ случаѣ, когда движеніе есть ускоренное, линія пространствъ (a_s) (фиг. 6) обладаетъ тѣмъ свойствомъ, что разности ординатъ $\nu_2\mu_2$, $\nu_3\mu_3$, $\nu_4\mu_4$, $\nu_5\mu_5$,........., соотвѣтствующія равнымъ, но произвольнымъ по величинѣ, слѣдовательно даже произвольно малымъ, разностямъ абсциссъ $\tau_1\tau_2 = \tau_2\tau_3 = \tau_3\tau_4 = \tau_4\tau_5 = ...$, постоянно увеличиваются съ увеличеніемъ положительныхъ абсциссъ; поэтому въ случаѣ ускореннаго движенія линія пространствъ есть кривая, обращенная своею *выпуклою* стороною къ оси абсциссъ. Во второмъ случаѣ, когда движеніе есть укосненное, тѣ же разности ординатъ $\nu_2\mu_2$, $\nu_3\mu_3$, $\nu_4\mu_4$, $\nu_5\mu_5$,..... (фиг. 7) постоянно уменьшаются съ увеличеніемъ положительныхъ абсциссъ и кривая пространствъ обращена своею *вогнутою* стороною къ оси абсциссъ. Наконецъ, въ случаѣ смѣшаннаго движенія, разности ординатъ $\nu_2\mu_2$, $\nu_3\mu_3$, $\nu_4\mu_4$, $\nu_5\mu_5$,...... (фиг. 8), соотвѣтствующія равнымъ разностямъ абсциссъ, будутъ попеременно увеличиваться и уменьшаться, и линія пространствъ будетъ кривая *волнообразная*, однѣ части которой обращены выпуклою, а другія вогнутою стороною къ оси временъ; каждому моменту, въ который движеніе переходитъ изъ ускореннаго въ укосненное, или обратно, будутъ соотвѣтствовать на этой кривой такъ называемыя точки перегиба, какъ μ_3, μ_8.

Такимъ образомъ, по одному расположенію кривой пространствъ относительно оси временъ, можно судить о томъ, будетъ ли изображаемое ею перемѣнное движеніе ускоренное, укосненное или смѣшанное.

§ 12. При изслѣдованіи равномѣрнаго движенія мы опредѣлили скорость какъ постоянное пространство, проходимое точкою въ единицу времени. Въ перемѣнномъ движеніи точка описываетъ въ равныя времена не равныя пространства; поэтому ясно, что не можетъ быть рѣчи о скорости перемѣннаго движенія вообще, а можно говорить только о скорости въ опредѣленный моментъ движенія или въ опредѣленной точкѣ траекторіи. Чтобы дать ясное и точное опредѣленіе этого новаго количества, нужно

предварительно опредѣлить другое понятіе — о такъ называемой *средней скорости.*

Предположимъ, что точка движется перемѣннымъ движеніемъ по нѣкоторой кривой, что въ какой либо моментъ t она занимаетъ положеніе, опредѣляемое координатою s, а въ нѣкоторый позднѣйшій моментъ t_1 — положеніе, опредѣляемое координатою s_1, и что промежутокъ времени $t_1 - t$ взятъ достаточно малымъ для того, чтобы въ теченіи этого промежутка движеніе происходило постоянно въ одну и ту же сторону; тогда пространство, описанное точкою въ теченіи промежутка времени $t_1 - t$, будетъ $\pm (s_1 - s)$, гдѣ надо брать верхній или нижній знакъ, смотря по тому, происходитъ ли движеніе въ сторону положительныхъ или отрицательныхъ s-овъ. Можно всегда найти равномѣрное движеніе, въ которомъ точка, двигаясь въ сторону разсматриваемаго перемѣннаго движенія, употребитъ время $t_1 - t$ для того, чтобы описать пространство $\pm (s_1 - s)$; *скорость этого равномѣрнаго движенія, взятую по величинѣ и по знаку, называютъ среднею скоростью разсматриваемаго перемѣннаго движенія за промежутокъ времени* $t_1 - t$. По этому опредѣленію, означая чрезъ v_m среднюю скорость за время $t_1 - t$ по величинѣ и по знаку, имѣемъ (§ 9)

$$v_m = \frac{s_1 - s}{t_1 - t}.$$

Это количество v_m измѣняется одновременно и съ промежуткомъ $t_1 - t$ и съ начальнымъ моментомъ t этого промежутка. Можно еще сказать, что средняя скорость перемѣннаго движенія за данный промежутокъ времени $t_1 - t$ есть, по абсолютной величинѣ, отношеніе пространства, пройденнаго точкою за промежутокъ времени $t_1 - t$, къ этому промежутку, а знакъ имѣетъ положительный или отрицательный, смотря по тому, происходитъ ли разсматриваемое перемѣнное движеніе въ сторону положительныхъ или въ сторону отрицательныхъ s-овъ.

Основываясь на понятіи о средней скорости, можемъ теперь высказать слѣдующее опредѣленіе:

Скоростью перемѣннаго движенія въ моментъ t называютъ предѣлъ, къ которому стремится средняя скорость того же движенія за промежутокъ времени, начинающійся въ моментъ t, когда этотъ промежутокъ времени приближается къ нулю.

Ясно, что скорость, такимъ образомъ опредѣленная, измѣняется уже только съ моментомъ t, или съ положеніемъ точки на траекторіи. Знакъ этой предѣльной скорости тождественъ съ знакомъ приближающейся средней скорости, т. е. будетъ положительный или отрицательный, смотря по тому, происходитъ ли движеніе, начиная съ момента t, въ сторону положительныхъ или въ сторону отрицательныхъ s-овъ. Для изображенія скорости перемѣннаго движенія въ моментъ t по величинѣ и по знаку мы будемъ употреблять букву v.

Изъ даннаго опредѣленія вытекаетъ замѣчательная зависимость между скоростью v, временемъ t и координатою s, опредѣляющею положеніе движущейся точки, зависимость, доказывающая существованіе предѣла, о которомъ идетъ рѣчь въ этомъ опредѣленіи, и позволяющая всегда находить скорость, когда дано уравненіе движенія по траекторіи. Пусть M (фиг. 9) будетъ положеніе движущейся точки въ моментъ t, M'—положеніе, въ которое она перешла по истеченіи какого либо промежутка времени Δt, считаемаго отъ момента t и настолько малаго, чтобы движеніе въ теченіи времени Δt происходило въ одну и ту же сторону; тогда, означая дугу MM' траекторіи, пройденную въ теченіи времени Δt, чрезъ Δs, согласно высказанному опредѣленію, скорость v движенія въ моментъ t будетъ предѣлъ, къ которому стремится отношеніе $\frac{\Delta s}{\Delta t}$, когда Δt приближается къ нулю; но изъ началъ дифференціальнаго исчисленія извѣстно, что, разсматривая s какъ функцію независимой перемѣнной t, этотъ предѣлъ есть производная $\frac{ds}{dt}$; слѣд.

$$v=\frac{ds}{dt}. \tag{5}$$

И такъ скорость перемѣннаго движенія въ моментъ t выра-

жается первою производною пространства по времени, такъ что если законъ движенія по траекторіи данъ аналитическою зависимостью

$$s=f(t),$$

то скорость v въ моментъ t опредѣлится по величинѣ и по знаку изъ равенства

$$v=f'(t).$$

Законъ (5) можетъ быть полученъ и путемъ чисто геометрическихъ соображеній, изъ разсмотрѣнія линіи пространствъ. Эта линія есть, въ случаѣ перемѣннаго движенія, всегда нѣкоторая кривая (α_s) (фиг. 10); пусть μ, μ_1 будутъ двѣ ея точки, соотвѣтствующія двумъ послѣдовательнымъ моментамъ t, t_1, достаточно близкимъ для того чтобы въ теченіи промежутка времени t_1-t движеніе происходило въ одну сторону. Чтобы получить среднюю скорость движенія за промежутокъ времени t_1-t, въ теченіи котораго точка описываетъ пространство, изображаемое линіею $\mu_1\nu_1$, надо, по опредѣленію средней скорости, найти скорость равномѣрнаго движенія, которымъ точка описала бы то же пространство $\mu_1\nu_1$ въ то же время $t_1-t=\tau\tau_1$; такое равномѣрное движеніе изобразится графически хордою $\mu\mu_1$, а скорость его будетъ (§ 9) $\frac{\mu_1\nu_1}{\mu\nu_1}$; и такъ, средняя скорость разсматриваемаго перемѣннаго движенія за промежутокъ времени t_1-t выразится графически угловымъ коеффиціентомъ хорды $\mu\mu_1$. Воображая теперь, что промежутокъ времени t_1-t, а слѣд. и линія $\tau\tau_1$, все болѣе и болѣе уменьшаются, хорда $\mu\mu_1$ станетъ все болѣе и болѣе приближаться къ нѣкоторому предѣльному положенію, которое, какъ извѣстно, есть положеніе касательной къ кривой (α_s) въ точкѣ μ; вмѣстѣ съ тѣмъ угловой коеффиціентъ хорды станетъ приближаться къ угловому коеффиціенту этой касательной и въ предѣлѣ совпадетъ съ послѣднимъ коеффиціентомъ, который есть ничто иное, какъ производная $\frac{ds}{dt}$. Но мы видѣли, что угловой коеффиціентъ хорды есть средняя скорость движенія за время t_1-t, а предѣлъ этой средней скорости есть, по

данному опредѣленію, скорость v движенія въ моментъ t; такимъ образомъ снова приходимъ къ равенству $v=\frac{ds}{dt}$.

Величинѣ v можно дать другое опредѣленіе; можно еще сказать, что *скорость перемѣннаго движенія въ моментъ t есть постоянная скорость, съ которою продолжала бы двигаться точка, начиная съ момента t, или путь, который она прошла бы въ слѣдующую за этимъ моментомъ единицу времени, если бы въ моментъ t разсматриваемое перемѣнное движеніе вдругъ сдѣлалось равномѣрнымъ.* Чтобы увидѣть согласіе этого опредѣленія съ первымъ, достаточно замѣтить, что если бы въ моментъ t движеніе сдѣлалось равномѣрнымъ, то линія пространствъ (α_s), начиная отъ точки μ (фиг. 10), обратилась бы въ прямую $\mu\alpha'$, касательную къ кривой (α_s) въ точкѣ μ, и скорость v этого равномѣрнаго движенія выразилась бы (§ 9) угловымъ коеффиціентомъ прямой $\mu\alpha'$, т. е. угловымъ коеффиціентомъ касательной къ кривой $s=f(t)$, который есть $\frac{ds}{dt}$.

Такъ какъ скорость v перемѣннаго движенія въ моментъ t можно разсматривать какъ скорость нѣкотораго равномѣрнаго движенія, то къ численному значенію количества v примѣняются всѣ замѣчанія, сдѣланныя въ § 9 относительно численнаго значенія скорости равномѣрнаго движенія и зависимости этого значенія отъ единицъ длины и единицъ времени.

§ 13. Изъ сказаннаго въ предыдущемъ § слѣдуетъ, что скорость перемѣннаго движенія въ данный моментъ выражается аналитически первою производною пространства по отношенію къ времени, геометрически—угловымъ коеффиціентомъ касательной къ линіи пространствъ въ точкѣ, соотвѣтствующей разсматриваемому мгновенію, при чемъ къ этому угловому коеффиціенту прилагаются разсужденія, совершенно подобныя тѣмъ, которыя были изложены въ § 9 относительно отличія углового коеффиціента прямой пространствъ равномѣрнаго движенія отъ тангенса угла наклоненія этой прямой къ оси временъ. Чтобы построить этотъ угловой коеффиціентъ, т. е. найти графически скорость v въ дан-

ное мгновеніе t, достаточно начертить къ линіи пространствъ $(\alpha_{\circ})$ касательную $\mu\alpha'$ (фиг. 10) въ точкѣ μ, соотвѣтствующей мгновенію t, затѣмъ провести чрезъ точку μ прямую μT_1, параллельную къ оси временъ, отложить на этой прямой отъ точки μ длину $\mu\delta$, равную длинѣ, которая выражаетъ единицу времени по принятому при построеніи линіи $(\alpha_{\circ})$ масштабу временъ, и изъ точки δ возставить перпендикуляръ $\delta\delta'$ къ прямой μT_1, продолживъ его до пересѣченія съ касательной $\mu\alpha'$; тогда длина $\delta\delta'$ представитъ въ единицахъ масштаба, принятаго для изображенія пространствъ, скорость v въ моментъ t.

Изъ этого построенія между прочимъ видно, что если бы касательная къ линіи пространствъ въ точкѣ μ была параллельна къ оси пространствъ, то скорость въ соотвѣтственный моментъ t была бы безконечно велика, что̀ не допустимо въ дѣйствительныхъ движеніяхъ; этимъ оправдывается сдѣланное въ § 8 замѣчаніе, что линія пространствъ не можетъ имѣть, ни въ одной своей точкѣ, касательной, параллельной къ оси пространствъ.

Можно еще найти геометрически скорость v, продливъ касательную $\mu\alpha'$ до пересѣченія ρ съ осью временъ и взявъ отношеніе $\frac{\tau\mu}{\rho\tau}$ ординаты точки μ къ подкасательной, такъ какъ прямоугольные треугольники $\mu\tau\rho$, $\delta'\delta\mu$ подобны между собою и слѣд. $\frac{\delta\delta'}{\mu\delta} = \frac{\tau\mu}{\rho\tau}$. Но при примѣненіи этого правила опять не должно упускать изъ виду, что измѣряя скорость отношеніемъ $\tau\mu$ къ $\rho\tau$, надо вообще разумѣть отношеніе дѣйствительныхъ величинъ этихъ количествъ, выраженныхъ въ числахъ, а не отношеніе самыхъ длинъ, изображающихъ ихъ на чертежѣ; эти два отношенія равны, если при построеніи линіи пространствъ взята одна и та же длина для изображенія единицы пространствъ и единицы временъ; если же приняты различные масштабы для изображенія пространствъ и временъ, тогда надо по этимъ масштабамъ взять для $\tau\mu$ пространство и для $\rho\tau$ время, изображаемыя каждою изъ этихъ длинъ, т. е. взять отношенія длины $\tau\mu$ къ единицѣ масштаба пространствъ и длины $\rho\tau$ къ единицѣ масштаба временъ.

Когда законъ движенія по траекторіи данъ въ видѣ аналитической зависимости $s=f(t)$, скорость движенія v въ данный моментъ можетъ быть опредѣлена на основаніи каждагò изъ приведенныхъ способовъ, или аналитически, помощью простого дифференцированія соотношенія $s=f(t)$, или геометрически, посредствомъ указанныхъ построеній, начертивъ предварительно по точкамъ геометрическое мѣсто уравненія $s=f(t)$. Въ случаѣ же, когда соотношеніе между s и t дано въ видѣ таблицы, незамѣнимой формулою, должно, построивъ по этой таблицѣ линію пространствъ, пользоваться однимъ изъ двухъ изложенныхъ геометрическихъ способовъ для опредѣленія v.

§ 14. Изъ соотношенія $v=\frac{ds}{dt}$ слѣдуетъ, что для всякаго перемѣннаго движенія имѣетъ мѣсто равенство

$$ds=vdt.$$

Это равенство справедливо во всей строгости только тогда, когда подъ v разумѣется средняя скорость за промежутокъ времени dt; но разумѣя подъ v и скорость въ начальный моментъ этого промежутка, т. е. въ моментъ t, приведенное равенство остается справедливымъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда безконечно малыя величины второго порядка могутъ быть отброшены, т. е., когда разсматриваются предѣлы отношеній или суммъ; ибо скорость въ моментъ t отличается отъ средней скорости за промежутокъ времени dt на безконечно малую величину перваго порядка, а слѣд. дуги ds, вычисленныя для этихъ двухъ значеній скорости, разнятся только на безконечно малую величину второго порядка. При этомъ ограниченіи, сравнивая равенство $ds=vdt$ съ ур. (4) равномѣрнаго движенія, видимъ, что въ теченіи элемента времени dt всякое перемѣнное движеніе можно разсматривать какъ равномѣрное; кромѣ того ясно, что въ теченіи времени dt всякое движеніе происходитъ по элементу ds траекторіи, а какъ этотъ элементъ можно, пренебрегая безконечно малыми величинами второго порядка, считать направленнымъ по касательной къ траекторіи, проведенной въ точкѣ послѣдней, гдѣ находится движущаяся

точка въ моментъ t, то: при указанныхъ ограниченіяхъ, всякое перемѣнное движеніе можно въ теченіи безконечно малаго промежутка времени разсматривать какъ равномѣрное и прямолинейное, направленное по соотвѣтственной касательной къ траекторіи.

Такимъ образомъ въ механикѣ всякое перемѣнное движеніе сравнивается съ рядомъ безконечно большого числа безконечно малыхъ по своей продолжительности равномѣрныхъ движеній, совершенно аналогично тому, какъ въ геометріи кривыя сравниваются съ вписанными въ нихъ многоугольниками съ безконечнымъ числомъ безконечно малыхъ сторонъ; какъ кривая есть предѣлъ вписаннаго многоугольника, такъ перемѣнное движеніе есть предѣлъ помянутаго ряда равномѣрныхъ движеній.

§ 15. До сихъ поръ мы говорили только о величинѣ и о знакѣ скорости v перемѣннаго движенія. Но сверхъ того ей приписываютъ еще направленіе, на основаніи слѣдующихъ соображеній. Перемѣнное движеніе въ теченіи безконечно малаго промежутка времени, начинающагося съ момента t, можно, какъ мы только что видѣли, принимать за равномѣрное и прямолинейное, направленное по касательной къ траекторіи въ точкѣ послѣдней, соотвѣтствующей моменту t. Поэтому и скорость перваго движенія въ моментъ t тождественна со скоростью второго движенія; но скорость этого второго движенія есть (§ 9) путь, который прошла бы точка въ единицу времени по помянутой касательной, если бы она двигалась по послѣдней прямой съ постоянною скоростью, равною $\frac{ds}{dt}$. Поэтому скорость перемѣннаго движенія въ моментъ t разсматриваютъ какъ длину, равную $\frac{ds}{dt}$, отложенную по касательной къ траекторіи въ точкѣ, гдѣ находится движущаяся точка въ мгновеніе t, отъ точки касанія въ сторону движенія. Такимъ образомъ приписываютъ скорости направленіе, разумѣя подъ нимъ направленіе движенія въ моментъ t. Согласно съ этимъ, чтобы изобразить скорость v въ моментъ t по величинѣ, направленію и знаку, проводятъ въ точкѣ M (фиг. 9) траекторіи AB, гдѣ движущаяся точка находится въ мгновеніе t, каса-

тельную MK къ AB и откладываютъ на ней отъ точки касанія M, въ сторону, куда движется точка въ моментъ t (§ 12), длину MV, равную абсолютной величинѣ производной $\frac{ds}{dt}$.

Съ такой точки зрѣнія скорость есть прямая, измѣняющаяся вообще и по величинѣ и по направленію со временемъ, т. е. есть перемѣнное *геометрическое количество*, именно *геометрическая функція времени* и подлежитъ поэтому *геометрическимъ дѣйствіямъ* (20). Въ перемѣнномъ криволинейномъ движеніи оба элемента скорости, какъ величина, такъ и направленіе, перемѣнны; въ прямолинейномъ перемѣнномъ движеніи измѣняется только ея величина, въ криволинейномъ равномѣрномъ движеніи—только ея направленіе, а въ простѣйшемъ изъ всѣхъ движеній, прямолинейномъ равномѣрномъ, скорость не измѣняется ни по величинѣ, ни по направленію, т. е. есть постоянное геометрическое количество.

§ 16. Предположимъ, что данная траекторія AB (фиг. 11), которую описываетъ точка, отнесена къ полярной системѣ координатъ; пусть P будетъ полюсъ, PX полярная ось, M и M' два безконечно смежныя положенія, занимаемыя движущеюся точкою въ моменты t и $t+dt$, $PM=r$ и $PM'=r+dr$ радіусы векторы, соотвѣтствующіе этимъ положеніямъ. Разсматривая радіусъ векторъ движущейся точки какъ геометрическую функцію времени и элементъ траекторіи $MM'=ds$ какъ прямолинейный, этотъ элементъ будетъ очевидно безконечно малая геометрическая разность $\overline{PM'}-\overline{PM}$ или *геометрическій дифференціалъ* (21) радіуса вектора $\overline{PM}=\overline{r}$, такъ что

$$\overline{MM'}=\overline{dr},$$

а слѣд.

$$\overline{v}=\frac{\overline{MM'}}{dt}=\frac{\overline{dr}}{dt}, \tag{6}$$

(20) О геометрическихъ количествахъ, геометрическихъ функціяхъ и вообще о методѣ геометрическихъ дѣйствій см. Прибавленіе I.

(21) См. тамъ же.

т. е. *скорость перемѣннаго движенія въ моментъ t есть геометрическая производная радіуса вектора движущейся точки по времени.* Это воззрѣніе будетъ намъ полезно впослѣдствіи. Если бы движеніе было прямолинейно и полюсъ взятъ на самой траекторіи, тогда направленіе r было бы постоянно и мы имѣли бы просто

$$v = \frac{dr}{dt},$$

т. е. скорость выражалась бы аналитическою производною радіуса вектора по времени, результатъ, согласный съ прежде даннымъ опредѣленіемъ скорости.

§ 17. Мы видѣли, что скорость v движенія точки по ея траекторіи въ данное мгновеніе t есть отношеніе безконечно малаго пространства ds, описаннаго ею въ теченіи слѣдующаго за этимъ мгновеніемъ элемента времени dt, къ элементу dt. Въ механикѣ и вообще въ прикладныхъ наукахъ слово *скорость* употребляется часто въ болѣе обширномъ смыслѣ.

Вообще, когда какое либо количество u измѣняется со временемъ, то *скоростью измѣненія этого количества* или просто *скоростью этого количества* въ данный моментъ t называютъ отношеніе $\frac{du}{dt}$ (22) измѣненія du, которое претерпѣваетъ количество u въ теченіи безконечно малаго промежутка времени dt, слѣдующаго за мгновеніемъ t, къ промежутку времени dt, или, что

(22) Мы для краткости говоримъ здѣсь прямо объ отношеніи $\frac{du}{dt}$, но не должно забывать, что подъ этимъ отношеніемъ разумѣется предѣлъ, къ которому стремится отношеніе $\frac{\Delta u}{\Delta t}$ приращенія Δu, получаемаго перемѣнною u въ теченіи какого либо промежутка времени Δt (достаточно малаго для того чтобы перемѣнная u, разсматриваемая по величинѣ и по знаку, въ теченіи этого промежутка или постоянно увеличивалась, или постоянно уменьшалась), къ промежутку времени Δt, по мѣрѣ того какъ Δt приближается къ нулю. Отношеніе $\frac{\Delta u}{\Delta t}$ выражаетъ *среднюю скорость измѣненія количества u* за промежутокъ времени Δt.

то же, величину, на которую увеличилось или уменьшилось бы количество u въ слѣдующую за моментомъ t единицу времени, если бы въ теченіи послѣдней измѣненіе количества u было равномѣрно, т. е. пропорціонально времени (23). Скорость $\frac{du}{dt}$ будетъ величина положительная или отрицательная, смотря по тому, увеличивается ли или уменьшается количество u, разсматриваемое по величинѣ и по знаку, со временемъ, начиная съ момента t. Если зависимость между u и t дана уравненіемъ, то скорость $\frac{du}{dt}$ перемѣннаго количества u найдется путемъ простого дифференцированія; когда же одновременныя значенія u и t даются таблицею, то можно всегда начертить линію, выражающую графически помянутую зависимость, и найти скорость $\frac{du}{dt}$, строя касательную къ этой линіи и примѣняя пріемъ, совершенно аналогичный изложенному въ § 13 для графическаго опредѣленія скорости v движенія точки по ея траекторіи.

Такъ напр. въ тѣлѣ, нагрѣтомъ какимъ либо образомъ до опредѣленнаго числа градусовъ и предоставленномъ затѣмъ охлажденію соприкосновеніемъ съ болѣе холодною средою, температура τ во время нагрѣванія и во время охлажденія будетъ количество, измѣняемое со временемъ, и можно говорить о скорости $\frac{d\tau}{dt}$ этого количества, т. е. о *скорости температуры* тѣла. Эта скорость будетъ величина положительная въ теченіи періода нагрѣванія и отрицательная въ теченіи періода охлажденія. Наблюдая и записывая температуры тѣла въ опредѣленные моменты, составимъ таблицу, которую можно будетъ выразить кривою; угловые коэффиціенты касательныхъ къ послѣдней будутъ опредѣлять значенія скорости температуры.

---

(23) Самая скорость v движенія точки по ея траекторіи есть, съ такой общей точки зрѣнія, скорость измѣненія координаты s движущейся точки, или просто скорость этой координаты.

Подобныхъ примѣровъ можно привести значительное число. Мы остановимся только на двухъ изъ нихъ, которые встрѣчаютъ частое примѣненіе въ кинематикѣ и вообще въ механикѣ.

1) Когда нѣкоторый уголъ θ между двумя прямыми измѣняется со временемъ, то отношеніе $\frac{d\theta}{dt}$ положительнаго или отрицательнаго приращенія $d\theta$, получаемаго имъ въ элементъ времени dt, начиная съ момента t, къ элементу dt, называютъ скоростью этого угла или *угловою скоростью* въ моментъ t. Такъ напр., если точка движется какимъ либо образомъ по данной кривой AB (фиг. 11), отнесенной къ полюсу P и къ полярной оси PX, радіусъ векторъ $PM=r$ образуетъ съ послѣдней уголъ θ, непрерывно измѣняющійся со временемъ, и $\frac{d\theta}{dt}$ представляетъ угловую скорость этого радіуса вектора, которая будетъ положительная или отрицательная, смотря по тому, увеличивается ли или уменьшается уголъ $DPM=\theta$ со временемъ, начиная съ момента t. Предположимъ, въ частномъ случаѣ, что траекторія AB есть окружность даннаго радіуса r и P ея центръ; тогда $MM'=ds=rd\theta$, слѣд.

$$\frac{ds}{dt}=v=r\frac{d\theta}{dt}.$$

Обыкновенно принято въ разсматриваемомъ случаѣ кругового движенія называть угловую скорость $\frac{d\theta}{dt}$ радіуса *угловою скоростью движущейся точки* и означать ее буквою ω; тогда

$$v=r\omega; \tag{7}$$

если положимъ здѣсь $r=1$, получимъ $\omega=v$; поэтому, называя скорость v движенія точки по ея траекторіи, въ отличіе отъ угловой и всякой другой скорости, допустимой въ указанномъ общемъ смыслѣ послѣдняго слова, *линейною скоростью*, можемъ

сказать, что *угловая скорость точки въ круговомъ движеніи есть линейная скорость, съ которою двигалась бы разсматриваемая точка по кругу, если бы этотъ кругъ имѣлъ радіусъ, равный линейной единицѣ, или, если бы точка находилась на единицѣ разстоянія отъ центра траекторіи,* и что *линейная скорость равна произведенію изъ угловой скорости на радіусъ круга, который описываетъ точка.* Зная одну изъ двухъ скоростей v, ω и радіусъ r, найдемъ другую изъ зависимости (7).

2) Предположимъ, что точка въ опредѣленномъ своемъ движеніи описываетъ плоскую траекторію AB (фиг. 11); при этомъ движеніи радіусъ векторъ $PM=r$, проведенный отъ какой либо неподвижной точки P, взятой въ плоскости траекторіи, къ движущейся точкѣ M, будетъ описывать нѣкоторую площадь S; эта площадь, которую часто приходится разсматривать въ механикѣ, считаемая отъ опредѣленнаго положенія радіуса вектора, напр. отъ положенія PD, измѣняется со временемъ, и отношеніе $\frac{dS}{dt}$ безконечно малаго приращенія dS, получаемаго ею въ теченіи элемента времени dt и изображаемаго площадью безконечно узкаго сектора MPM', къ промежутку времени dt, употребляемому движущеюся точкою для перехода изъ M въ M', представитъ скорость v_a этой площади или такъ называемую *площадную скорость* (24) въ моментъ t; она будетъ положительная или отрицательная, смотря по тому, увеличивается ли или уменьшается со временемъ площадь DPM, начиная съ момента t. Легко найти соотношеніе этого количества съ линейною скоростью v и угловою скоростью $\frac{d\theta}{dt}$. Разсматривая площадь $dS=MPM'$ какъ элементарное приращеніе площади сектора DPM и называя чрезъ r, θ полярныя координаты точки M, имѣемъ непосредственно, по извѣстному выраженію дифференціала площади сектора,

$$dS={}^1/_2\, r^2\, d\theta\ ,$$

---

(24) Французскіе авторы называютъ эту скорость *vitesse aréolaire.*

и слѣд. $$v_a = \frac{dS}{dt} = {}^1/_2\, r^2 \frac{d\theta}{dt}.$$

Съ другой стороны, принимая безконечно малую дугу $MM'=ds$ а прямолинейный элементъ и фигуру $MM'P$ за прямолинейный треугольникъ и называя чрезъ p длину перпендикуляра Pp, опущеннаго изъ полюса или такъ называемаго центра площадей P на касательную, проведенную въ M къ траекторіи, площадь dS треугольника $MM'P$ выразится чрезъ $^1/_2 pds$; поэтому будетъ

$$v_a = \frac{dS}{dt} = {}^1/_2\, p \frac{ds}{dt} = {}^1/_2\, pv.$$

И такъ $$v_a = {}^1/_2\, r^2 \frac{d\theta}{dt} = {}^1/_2\, pv, \tag{8}$$

т. е. *площадная скорость выражается произведеніемъ изъ половины квадрата радіуса вектора на угловую скорость послѣдняго или произведеніемъ изъ половины разстоянія центра площадей отъ соотвѣтственной касательной къ траекторіи на линейную скорость движущейся точки.*

§ 18. Возвратимся къ понятію о скорости движенія точки по ея траекторіи. Въ перемѣнномъ движеніи эта скорость есть нѣкоторая функція времени, которой значеніе можетъ быть опредѣлено въ каждое мгновеніе, когда извѣстенъ законъ движенія по траекторіи; зависимость между v и t можно изобразить графически линіею, точно такъ же, какъ мы изображали зависимость между s и t линіею пространствъ, что представляетъ выгоды того же рода, какія сопряжены съ построеніемъ послѣдней кривой. Эту новую линію, служащую графическимъ выраженіемъ закона измѣненія скорости со временемъ, называютъ *линіею скоростей.*

Чтобы построить линію скоростей надо знать законъ движенія по траекторіи.

Если этотъ законъ данъ аналитическою зависимостью $s=f(t)$, то дифференцированіе ея по времени дастъ новую зависимость

$$v=f'(t)=\varphi(t).$$

Взявъ двѣ прямоугольныя оси координатъ, разсматривая одновременныя значенія перемѣнныхъ t, v какъ соотвѣтственныя абсциссы и ординаты относительно этихъ осей и избравъ опредѣленные масштабы временъ и пространствъ ([25]), останется построить эту зависимость по точкамъ, чтобы получить линію скоростей.

Если же законъ движенія по траекторіи данъ графически, т. е. линіею пространствъ (α_s) (фиг. 12), то линія скоростей найдется, строя, какъ было указано въ § 13, въ точкахъ μ_1, μ_2, μ_3,......., соотвѣтствующихъ напр. равнымъ разностямъ абсциссъ $\tau_1\tau_2=\tau_2\tau_3=\tau_3\tau_4=$......, скорости движенія $\delta_1\delta_1'$, $\delta_2\delta_2'$, $\delta_3\delta_3'$,...... въ моменты, изображаемые длинами $\omega\tau_1$, $\omega\tau_2$, $\omega\tau_3$,......, и откладывая на ординатахъ $\tau_1\mu_1$, $\tau_2\mu_2$, $\tau_3\mu_3$,...... длины $\tau_1\gamma_1$, $\tau_2\gamma_2$, $\tau_3\gamma_3$,......, соотвѣтственно равныя $\delta_1\delta_1'$, $\delta_2\delta_2'$ $\delta_3\delta_3'$,...... вверхъ или внизъ отъ оси временъ, смотря по тому, лежатъ ли точки δ_1' δ_2', δ_3',...... соотвѣтственно надъ или подъ прямыми $\mu_1\delta_1$, $\mu_2\delta_2$, $\mu_3\delta_3$,......, проведенными чрезъ точки μ_1, μ_2, μ_3,...... параллельно къ ωT; линія (α_v), соединяющая точки γ_1, γ_2, γ_3,......, будетъ линія скоростей для движенія, коего линія пространствъ есть кривая (α_s).

Сравнивая двѣ кривыя (α_s), (α_v), принадлежащія одному и тому же движенію, между собою, видимъ, что максимуму или минимуму ординаты линіи пространствъ будетъ соотвѣтствовать въ линіи скоростей ордината, равная нулю; тогда скорость обращается въ нуль и мѣняетъ свой знакъ; такой случай представляетъ напр. точка μ_4 на фиг. 12, гдѣ ордината $\tau_4\mu_4$ кривой (α_s) имѣетъ наибольшее значеніе, а ордината линіи (α_v) переходитъ изъ положительной въ отрицательную; обратно, каждому максимуму или ми-

---

([25]) Говоримъ—пространствъ, а не скоростей, потому что, какъ скоро избрана опредѣленная единица времени, скорость есть длина и выражается въ тѣхъ линейныхъ единицахъ, какія приняты для измѣренія разстояній или проходимыхъ точкою пространствъ.

ниїмуму ординаты линіи скоростей соотвѣтствуетъ на линіи пространствъ точка перегиба, опредѣляемая условіемъ $\frac{d^2s}{dt^2}=0$, какова напр. точка μ_1 на фиг. 12, соотвѣтствующая наибольшей ординатѣ $\tau_1\gamma_1$ линіи (α_v).

Площадь $\tau_0\gamma_0\gamma\tau$ (фиг. 13), заключенная между линіею скоростей (α_v), двумя ея ординатами $\tau_0\gamma_0$, $\tau\gamma$, соотвѣтствующими двумъ опредѣленнымъ послѣдовательнымъ мгновеніямъ $t_0=\omega\tau_0$ и $t=\omega\tau$, и осью абсциссъ, изображаетъ пространство, пройденное движущеюся точкою въ теченіи времени $t-t_0$; потому что эта площадь выражается, какъ извѣстно, интеграломъ

$$\int_{t_0}^{t} vdt,$$

тогда какъ, съ другой стороны, интегрируя зависимость

$$ds=vdt$$

между предѣлами t_0 и t и называя чрезъ s_0 значеніе s при $t=t_0$, имѣемъ

$$s-s_0=\int_{t_0}^{t} vdt, \tag{9}$$

а $s-s_0$ есть именно пространство, пройденное точкою во время $t-t_0$.

Примѣняя указанное въ этомъ § построеніе линіи скоростей къ разсмотрѣнному въ § 9 случаю равномѣрнаго движенія, найдемъ (фиг. 14), что въ этомъ движеніи линія скоростей есть прямая (α_v), параллельная оси абсциссъ и отстоящая отъ этой оси на разстояніе $\gamma_1\tau_1 = \delta_1\delta_1' = \delta_2\delta_2' = \delta_3\delta_3' = \dots\dots$, изображающее постоянную скорость разсматриваемаго равномѣрнаго движенія.

§ 19. Мы видѣли тотчасъ, что когда данъ законъ движенія по траекторіи аналитически или графически, т. е. когда данъ уравненіемъ или только графически линія пространствъ, тогда

можно построить линію скоростей. Легко показать, что и наоборотъ, когда дана аналитически или графически зависимость между v и t, т. е. когда дана уравненіемъ или только графически линія скоростей, то можно построить линію пространствъ.

Предположимъ сначала, что дано уравненіе

$$v=\varphi(t).$$

Построивъ его по точкамъ, получимъ линію скоростей (α_v) (фиг. 13). Затѣмъ, на основаніи того же уравненія мы можемъ вычислить аналитически точное значеніе интеграла

$$\int_{t_0}^{t} v dt = \int_{t_0}^{t} \varphi(t) dt \qquad (a)$$

или величину площади $\tau_0\gamma_0\gamma\tau$ для каждаго частнаго значенія t; избравъ опредѣленную единицу времени, время можно разсматривать какъ число отвлеченное, послѣ чего площадь $\tau_0\gamma_0\gamma\tau$ будетъ представлять опредѣленное число линейныхъ единицъ, т. е. длину, и чтобы построить ординату s искомой линіи пространствъ, соотвѣтствующую разсматриваемому частному значенію времени t, изображаемому абсциссою $\omega\tau$, останется только придать (алгебраически) найденную линейную величину $\mu_0'\mu$ площади $\tau_0\gamma_0\gamma\tau$ или интеграла (a), выраженную въ принятомъ масштабѣ пространствъ, къ ординатѣ $\tau_0\mu_0$, соотвѣтствующей моменту $t_0=\omega\tau_0$, ибо изъ рав. (9).

$$s=s_0+\int_{t_0}^{t} v dt.$$

Такимъ образомъ, если только извѣстна ордината s_0 $\tau_0\mu_0$ линіи пространствъ, соотвѣтствующая данному моменту t_0, мы, откладывая на каждой продолженной ординатѣ линіи скоростей отъ оси абсциссъ по величинѣ и по знаку длину $\tau\mu_0'=\tau_0\mu_0$ и затѣмъ отъ точки μ_0' длину $\mu_0'\mu$, изображающую въ избранномъ масштабѣ пространствъ соотвѣтствующее моменту $t=\omega\tau$ значеніе площади $\tau_0\gamma_0\gamma\tau$, построимъ какое угодно число ординатъ $\tau\mu$ линіи пространствъ, соотвѣтствующихъ даннымъ абсциссамъ $\omega\tau$, а

слѣд. и самую линію (α_s); такъ что вопросъ о построеніи послѣдней по данной линіи скоростей (α_v) приводится къ квадратурѣ линіи (α_v); но изъ сказаннаго вмѣстѣ съ тѣмъ видно, что, для того чтобы этотъ вопросъ былъ опредѣленный, необходимо, чтобы кромѣ линіи скоростей была извѣстна еще координата s_0 движущейся точки для момента t_0, принятаго за начало площадей, или, другими словами, чтобы была дана одна точка μ_0 (s_0,t_0) линіи пространствъ.

Когда линія скоростей (α_v) дана только графически, а уравненіе ея не извѣстно, тогда способъ построенія линіи пространствъ остается тотъ же, съ тѣмъ только различіемъ, что въ этомъ случаѣ нельзя находить аналитически точное значеніе интеграла $\int_{t_0}^{t} vdt$ или площади $\tau_0\gamma_0\gamma\tau$, потому что неизвѣстна аналитическая зависимость между v и t, и приходится опредѣлять эту площадь или помощью одного изъ способовъ приближенныхъ квадратуръ, напр. на основаніи извѣстныхъ правилъ Симпсона и Понслэ ([26]), или помощью особыхъ приборовъ, служащихъ для механическаго опредѣленія данныхъ криволинейныхъ площадей и называемыхъ *планиметрами* ([27]).

§ 20. Кромѣ линіи пространствъ (α_s) и линіи скоростей (α_v) можно, для графическаго изображенія свойствъ изучаемаго движенія, построить еще третью кривую ($\alpha_{s,v}$), выражающую зависимость между разстояніемъ или пространствомъ s и скоростью v. Когда линія пространствъ дана своимъ уравненіемъ $s=f(t)$, тогда кривая ($\alpha_{s,v}$) получится, исключая t между уравненіями

$$s=f(t), \quad v=f'(t)=\varphi(t)$$

([26]) Способы приближенныхъ квадратуръ Симпсона и Понслэ изложены въ Прибавленіи II.

([27]) Къ наиболѣе удобнымъ и употребительнымъ изъ такихъ приборовъ принадлежатъ планиметры Эрнста, Бёвіера и Амслера. Описаніе и теорію первыхъ двухъ можно найти въ сочиненіи Sonnet «Dictionnaire des mathématiques appliquées», а описаніе и теорію третьяго — въ механикѣ Вейсбаха.

и строя по точкамъ найденное въ результатѣ этого исключенія уравненіе между s и v, откладывая при этомъ значенія s на оси абсциссъ, а значенія v параллельно оси ординатъ. Если линія пространствъ дана только графически, то, построивъ по ней линію скоростей (§ 18), кривая $(\alpha_{s,v})$ получится, относя первыя двѣ кривыя (α_s), (α_v) къ одному и тому же масштабу временъ и строя кривую, коей абсциссы были бы равны ординатамъ линіи (α_s) и коей ординаты равнялись бы ординатамъ линіи (α_v). Кривая $(\alpha_{s,v})$ употребляется впрочемъ сравнительно рѣдко.

§ 21. Вообще, пока при изученіи какого либо движенія точки по ея траекторіи разсматриваются только три его элемента: время t, разстояніе или пространство s и скорость v, до тѣхъ поръ полное рѣшеніе всякой задачи относительно этого движенія состоитъ въ розысканіи зависимостей между каждыми двумя изъ 3 перемѣнныхъ t, s, v. А какъ между этими 3 перемѣнными для всякаго движенія имѣетъ мѣсто соотношеніе

$$v = \frac{ds}{dt},$$

то ясно, что въ каждой задачѣ должна быть дана одна частная зависимость

$$\Phi(t, s, v) = 0,$$

характеризующая спеціальныя свойства разсматриваемаго движенія, такъ чтобы имѣлись всего двѣ зависимости между тремя перемѣнными. Функція Φ можетъ содержать или двѣ, или всѣ три изъ перемѣнныхъ t, s, v. Въ первомъ предположеніи возможны три случая, ибо функція Φ можетъ содержать или перемѣнныя s, t, или v, t, или v, s; во второмъ предположеніи возможенъ только одинъ случай. Такимъ образомъ всѣ вопросы о движеніи точки по ея траекторіи, относящіеся къ временамъ, къ пространствамъ и къ скоростямъ, приводятся къ слѣдующимъ 4 типамъ задачъ:

Когда дана зависимость между	s,t	v,t	v,s
найти зависимость между	v,t	s,t	s,t
и зависимость между	v,s	v,s	v,t

и когда дана зависимость между t, s, v,

найти зависимости между s,t; v,t; v,s.

Замѣчая же, что когда двѣ изъ зависимостей между s, t; v, t; v, s извѣстны, третья найдется исключеніемъ общей перемѣнной изъ двухъ другихъ, видимъ, что первыя три изъ приведенныхъ задачъ равнозначны съ слѣдующими:

1) найти зависимость между v, t, когда дано соотношеніе между s, t;

2) найти зависимость между s, t, когда дано соотношеніе между v, t;

3) найти зависимость между s, t, когда дано соотношеніе между v, s.

Эти три вопроса рѣшаются соотвѣтственно уравненіями:

$$v=\frac{ds}{dt}=f'(t), \tag{5}$$

$$s=s_0+\int_{t_0}^{t}vdt, \tag{9}$$

$$t=t_0+\int_{s_0}^{s}\frac{ds}{v}, \tag{10}$$

изъ которыхъ два послѣднія суть слѣдствія перваго и въ которыхъ s_0 и t_0 представляютъ опредѣленныя одновременныя частныя значенія перемѣнныхъ s и t; обыкновенно за моментъ t_0 берутъ моментъ, избранный за начало счета временъ, тогда $t_0=0$.

Рѣшеніе же четвертой задачи зависитъ отъ интегрированія дифференціальнаго уравненія перваго порядка $\Phi\left(t,\ s,\ \frac{ds}{dt}\right)=0$, послѣ чего она сводится на первую изъ 3 предыдущихъ задачъ.

Кромѣ 4 приведенныхъ общихъ вопросовъ, бываетъ иногда нужнымъ опредѣлить среднюю скорость v_m перемѣннаго движенія за данный промежутокъ времени $t-t_0$, истекшій отъ опредѣлен-

наго момента t_0 до какого либо позднѣйшаго момента t, предполагая, что скорость v извѣстна или въ функціи времени, или въ функціи разстоянія s. Называя чрезъ s_0, s значенія координаты s въ моменты t_0, t, по опредѣленію средней скорости (§ 12) имѣемъ

$$v_m = \frac{s - s_0}{t - t_0},$$

откуда, въ силу рав. (9) и (10), для аналитическаго опредѣленія средней скорости въ двухъ помянутыхъ случаяхъ находимъ формулы

$$v_m = \frac{\int_{t_0}^{t} v dt}{t - t_0}, \qquad (11)$$

$$v_m = \frac{s - s_0}{\int_{s_0}^{s} \frac{ds}{v}}. \qquad (12)$$

Скорость v_m можно опредѣлить и геометрически, когда дана линія скоростей разсматриваемаго движенія. Мы знаемъ, что пространство $s - s_0$ выражается площадью $\tau_0\gamma_0\gamma\tau$ (фиг. 13), ограниченною линіею скоростей (α_v), двумя ея ординатами $\tau_0\gamma_0$, $\tau\gamma$, соотвѣтствующими моментамъ $t_0 = \omega\tau_0$, $t = \omega\tau$, и осью временъ; но, съ другой стороны, равенство

$$s - s_0 = v_m(t - t_0)$$

показываетъ, что то же пространство выражается прямоугольникомъ, котораго основаніе есть $t - t_0$, а высота равна v_m; поэтому для опредѣленія v_m стоитъ построить прямоугольникъ $\tau_0\gamma_m\gamma_m'\tau$, который имѣлъ бы основаніе $\tau_0\tau$, общее съ фигурою $\tau_0\gamma_0\gamma\tau$, и площадь, равную площади этой фигуры; высота $\tau_0\gamma_m$ такого прямоугольника изобразитъ среднюю скорость v_m за промежутокъ времени $t - t_0$.

§ 22. Примѣнимъ сказанное въ §§ 11—21 о перемѣнномъ движеніи къ простѣйшимъ и важнѣйшимъ для приложеній частнымъ примѣрамъ.

а) *Равномѣрно-перемѣнное движеніе.* Мы видѣли (§ 9), что простѣйшее изъ всѣхъ вообще движеній точки по данной траекторіи есть движеніе равномѣрное, въ которомъ координата s есть линейная алгебраическая функція времени t и скорость постоянна. Такимъ же образомъ, между всѣми перемѣнными движеніями, въ коихъ скорость измѣняется со временемъ, простѣйшее движеніе должно быть то, въ которомъ скорость v связана со временемъ простѣйшею изъ всѣхъ зависимостей, именно линейною алгебраическою зависимостью вида

$$v = a \pm bt, \qquad (A)$$

гдѣ a и b постоянныя количества. Коеффиціентъ a есть значеніе скорости въ моментъ, принятый за начальный, а разность $\pm(v - a)$ есть абсолютное измѣненіе скорости за время t; и ур. (A) выражаетъ, что въ движеніи, законъ котораго дается этимъ уравненіемъ, измѣненіе скорости $\pm(v - a)$ пропорціонально t и что скорость v, разсматриваемая по величинѣ и по знаку, постоянно увеличивается или постоянно уменьшается съ увеличеніемъ времени t. Такое движеніе, въ которомъ *измѣненія скорости*, *разсматриваемой по величинѣ и по знаку*, *за произвольные промежутки времени пропорціональны этимъ временамъ и постоянны по знаку*, или, другими словами, въ которомъ *измѣненія*, *претерпѣваемыя скоростью*, *разсматриваемой по величинѣ и по знаку*, *въ равные*, *произвольно избранные промежутки времени*, *равны и однозначны*, называютъ *равномѣрно-перемѣннымъ движеніемъ.* При томъ, если скорость, разсматриваемая только по своей абсолютной величинѣ, увеличивается пропорціонально времени, движеніе называютъ *равномѣрно-ускореннымъ*, если же абсолютная величина скорости уменьшается пропорціонально времени — *равномѣрно-укосненнымъ.*

Изслѣдованіе равномѣрно-перемѣннаго движенія имѣетъ двоякую важность; съ одной стороны на него и на движеніе равномѣрное сводятъ въ механикѣ изученіе всѣхъ другихъ движеній; съ другой стороны, оно, какъ мы увидимъ, представляетъ теоретическій типъ движеній, встрѣчающихся постоянно въ природѣ.

Мы видѣли, что когда зависимость между скоростью и временемъ имѣетъ видъ (A), то движеніе будетъ равномѣрно перемѣнное. Легко убѣдиться, что, и наоборотъ, если движеніе равномѣрно-перемѣнное, то законъ скоростей будетъ выражаться зависимостью вида (A). Назовемъ съ этою цѣлью чрезъ v_0 скорость точки, движущейся по данной линіи равномѣрно-перемѣннымъ движеніемъ, въ моментъ, принятый за начальный, чрезъ v скорость въ концѣ какого либо времени t, считаемаго отъ избраннаго начальнаго мгновенія; тогда $\pm(v-v_0)$ будетъ положительное измѣненіе скорости за промежутокъ времени t, при чемъ надо брать верхній или нижній знакъ, смотря по тому, увеличивается ли или уменьшается скорость, разсматриваемая по величинѣ и по знаку, съ увеличеніемъ времени; и, называя чрезъ W постоянный коэффиціентъ пропорціональности, по опредѣленію равномѣрно-перемѣннаго движенія будетъ:

$$\pm(v-v_0)=Wt,$$

или

$$v=v_0\pm Wt, \tag{13}$$

соотношеніе, тождественное по виду съ ур. (A). ([28])

Ур. (13) есть частная форма зависимости

$$v=f'(t)=\varphi(t)$$

для случая равномѣрно-перемѣннаго движенія. Въ немъ постоянный коэффиціентъ

$$W=\frac{\pm(v-v_0)}{t}$$

выражаетъ положительное измѣненіе скорости за единицу времени.

([28]) Какъ эти разсужденія, такъ и соотвѣтственныя о равномѣрномъ движеніи въ § 9 предполагаютъ величину t положительною, т. е. относятся непосредственно лишь къ моментамъ, наступающимъ послѣ мгновенія, избраннаго за начальное; но весьма легко видѣть, что всѣ заключенія §§ 9 и 22 остались бы тѣ же и для отрицательныхъ значеній времени t, т. е. для моментовъ, предшествовавшихъ начальному мгновенію.

Этотъ коэффиціентъ W, отличающій одно равномѣрно-перемѣнное движеніе по данной траекторіи отъ другого, играетъ по отношенію къ скорости точно такую же роль, какую скорость играетъ относительно проходимыхъ пространствъ въ равномѣрномъ движеніи; онъ изображаетъ мѣру постоянной быстроты, съ которою скорость равномѣрно-перемѣннаго движенія увеличивается или уменьшается со временемъ, или съ которою это движеніе ускоряется или замедляется, т. е. измѣряетъ собою ускореніе движенія, но ускореніе въ алгебраическомъ смыслѣ, которое можетъ быть и замедленіемъ. Поэтому его называютъ *ускореніемъ* равномѣрно-перемѣннаго движенія; мы будемъ его называть вообще *ускореніемъ по направленію движенія* или *касательнымъ ускореніемъ*, по причинѣ, которую объяснимъ впослѣдствіи, когда будемъ говорить о томъ, чтò разумѣютъ въ механикѣ подъ *ускореніемъ движенія вообще*; мы увидимъ тогда, что количество W представляетъ только опредѣленную часть послѣдняго ускоренія и что эти два понятія совпадаютъ лишь въ одномъ частномъ случаѣ прямолинейнаго движенія, въ которомъ мы поэтому и будемъ называть количество W просто *ускореніемъ*.

Такъ какъ касательное ускореніе есть отношеніе опредѣленной разности скоростей къ опредѣленному промежутку времени, то оно представляетъ отвлеченное число, зависящее отъ единицы длины и отъ единицы времени. Отсюда слѣдуетъ, что для того, чтобы вполнѣ опредѣлить касательное ускореніе, надо, выражая его численное значеніе, всегда указывать единицу длины и единицу времени, къ которымъ это значеніе относится. Число, выражающее ускореніе, измѣняется слѣдующимъ образомъ съ единицею длины и съ единицею времени: 1) численная величина касательнаго ускоренія измѣняется съ единицею длины, какъ скорости, и слѣд. (§ 9) какъ числа, изображающія длины, т. е. если единица длины увеличивается или уменьшается въ опредѣленное число, n, разъ, то число, выражающее касательное ускореніе, соотвѣтственно уменьшается или увеличивается въ такое же число, n, разъ; 2) численная величина касательнаго ускоренія измѣняется съ единицею времени, какъ скорость, раздѣленная на время, т. е. (§ 9) какъ числа, обратныя квадратамъ чиселъ, изображающихъ времена; такъ что если еди-

ница времени увеличивается или уменьшается въ m разъ, то число, выражающее касательное ускореніе, соотвѣтственно увеличивается или уменьшаетсявъ m^2 разъ. Отношеніе же двухъ ускореній не измѣняется отъ одновременнаго и одинаковаго измѣненія единицъ длины и времени въ каждомъ изъ нихъ. Когда единица времени избрана, время можно разсматривать какъ число отвлеченное и тогда касательное ускореніе выражаетъ опредѣленное число линейныхъ единицъ, т. е. длину, коей численное значеніе зависитъ отъ принятой единицы длины; съ такой точки зрѣнія касательное ускореніе разсматриваютъ часто какъ длину, подразумѣвая, что оно относится къ опредѣленной, напередъ избранной единицѣ времени.

Касательному ускоренію приписываютъ, такъ же какъ скорости, знакъ. Согласно сказанному выше, законъ, связывающій скорость со временемъ въ равномѣрно-перемѣнномъ движеніи, выражается двумя различными уравненіями

$$v=v_0+Wt,$$

или

$$v=v_0-Wt,$$

первымъ—когда скорость, разсматриваемая по величинѣ и по знаку, увеличивается съ увеличеніемъ времени, вторымъ—когда эта скорость уменьшается съ увеличеніемъ времени; въ нихъ W представляетъ касательное ускореніе въ опредѣленномъ выше смыслѣ абсолютнаго отношенія, или абсолютной длины. Эти два результата можно соединить въ одинъ, допуская, что касательное ускореніе имѣетъ знакъ, именно, условливаясь приписывать ему знакъ $+$, когда скорость, разсматриваемая по величинѣ и по знаку, увеличивается съ возрастаніемъ времени, и знакъ $-$, когда эта скорость уменьшается съ возрастаніемъ времени. Тогда, называя чрезъ w полученное такимъ образомъ для касательнаго ускоренія положительное или отрицательное число, мы будемъ имѣть для всѣхъ равномѣрно-перемѣнныхъ движеній одно уравненіе

$$v=v_0+wt. \qquad (14)$$

Движеніе, опредѣляемое уравненіемъ (14), будетъ равномѣрно-

ускоренное, если начальная скорость v_0 и касательное ускореніе w имѣютъ одинаковые знаки, и будетъ при этомъ происходить въ сторону положительныхъ или отрицательныхъ s-овъ, смотря по тому, будутъ ли величины v_0 и w обѣ положительны, или обѣ отрицательны. Если начальная скорость и касательное ускореніе имѣютъ противные знаки, то равномѣрно-перемѣнное движеніе будетъ сначала равномѣрно-укосненное, происходящее въ сторону положительныхъ или отрицательныхъ s-овъ, смотря по тому, будетъ ли начальная скорость v_0 положительна или отрицательна; но это равномѣрно-укосненное движеніе, если только оно продолжается достаточно долгое время, всегда переходитъ затѣмъ, какъ показываетъ ур. (14), въ равномѣрно-ускоренное, происходящее въ сторону обратную той, въ которую было направлено равномѣрно-укосненное движеніе.

Ур. (14) показываетъ, что линія скоростей въ равномѣрно-перемѣнномъ движеніи есть прямая (α_v) (фиг. 15), пересѣкающая ось абсциссъ на разстояніи v_0 отъ начала ω и коей угловой коэффиціентъ есть количество w, при чемъ относительно этого углового коэффиціента снова должны быть повторены всѣ замѣчанія, сдѣланныя въ § 9 касательно углового коэффиціента прямой пространствъ равномѣрнаго движенія. Поэтому для графическаго построенія касательнаго ускоренія w стоитъ чрезъ произвольную точку γ линіи (α_v) провести прямую γT_1, параллельную къ оси временъ, на этой прямой отъ точки γ отложить длину $\gamma\pi$, равную единицѣ принятаго масштаба временъ и изъ π возставить перпендикуляръ $\pi\pi'$ до пересѣченія съ (α_v); линія $\pi\pi'$ изобразитъ въ принятомъ масштабѣ пространствъ касательное ускореніе w. Если уголъ, образуемый прямою скоростей съ положительною частью оси временъ, острый, то ординаты прямой (α_v) будутъ увеличиваться съ увеличеніемъ времени и изображаемое движеніе будетъ равномѣрно-ускоренное; если же помянутый уголъ тупой, то ординаты прямой (α_v) будутъ уменьшаться съ увеличеніемъ времени и движеніе будетъ равномѣрно-укосненное.

Чтобы найти законъ $s=f(t)$ равномѣрно-перемѣннаго движенія по данной траекторіи аналитически, зная зависимость (14)

между v и t, надо (§ 21, задача 2) примѣнить къ ур. (14) общую формулу

$$s=s_0+\int_{t_0}^{t} v dt,$$

положивъ въ ней $t_0=0$; получимъ

$$s=s_0+\int_0^t (v_0+wt)dt,$$

или $$s=s_0+v_0t+{}^1/_2wt^2, \qquad (15)$$

гдѣ s_0 есть значеніе s при $t=0$. Ур. (15) есть общее уравненіе равномѣрно-перемѣннаго движенія; и мы такимъ образомъ видимъ, что въ этомъ движеніи, простѣйшемъ послѣ равномѣрнаго, въ которомъ s есть *линейная* функція времени, разстояніе s выражается *квадратною* функціею времени.

Тотъ же законъ (15) можно получить геометрически, зная линію скоростей (a_v) (фиг. 15). Пусть γ_0 и γ будутъ точки линіи скоростей, соотвѣтствующія моментамъ 0 и t, въ которые координата s имѣетъ значенія s_0 и s; площадь $\omega\gamma_0\gamma\tau$ равна пространству $s-s_0$, пройденному точкою во время $t=\omega\tau$ (§ 18); съ другой стороны эта площадь, какъ площадь трапеціи, равна $\omega\tau\left(\frac{\omega\gamma_0+\tau\gamma}{2}\right)$, такъ что

$$s-s_0=\omega\tau\left(\frac{\omega\gamma_0+\tau\gamma}{2}\right);$$

но $\omega\tau=t$, $\omega\gamma_0=v_0$, $\tau\gamma=v_0+wt$; слѣд.

$$s-s_0={}^1/_2t(v_0+v_0+wt)=v_0t+{}^1/_2wt^2,$$

или $$s=s_0+v_0t+{}^1/_2wt^2.$$

Изъ этого уравненія слѣдуетъ, что линія пространствъ въ равномѣрно-перемѣнномъ движеніи есть парабола, которой ось парал-

лельна оси s-овъ, которой вершина имѣетъ координаты

$$t_1 = -\frac{v_0}{w},\ s_1 = s_0 - \frac{v_0{}^2}{2w}$$

и которой параметръ p равенъ $\frac{1}{w}$; смотря по знакамъ величинъ v_0, w и s_0, возможны 8 различныхъ расположеній этой кривой.

Чтобы получить линію $(\alpha_{s,v})$, выражающую законъ измѣненія скорости v съ разстояніемъ s въ равномѣрно-перемѣнномъ движеніи, надо исключить время между ур. (14) и (15) и найденную въ результатѣ зависимость

$$v^2 = v_0{}^2 + 2w(s - s_0)$$

построить по точкамъ; легко видѣть, что эта кривая есть парабола, коей ось параллельна къ оси s-овъ, коей вершина имѣетъ координаты

$$s_1 = s_0 - \frac{v_0{}^2}{2w},\quad v_1 = 0$$

и которой параметръ p равенъ касательному ускоренію w.

И такъ равномѣрно-перемѣнное движеніе характеризуется относительно проходимыхъ въ немъ пространствъ и скорости слѣдующими двумя уравненіями

$$s = s_0 + v_0 t + {}^1/_2 w t^2, \qquad (15)$$

$$v = v_0 + wt, \qquad (14)$$

которыя принадлежатъ равномѣрно-ускоренному или равномѣрно-укосненному движенію, смотря по тому, имѣютъ ли начальная скорость v_0 и ускореніе w одинаковые или противные знаки. Эти уравненія упрощаются, если считать время отъ мгновенія, въ которое скорость равна нулю, а разстоянія s отъ положенія, которое занимаетъ движущаяся точка въ это мгновеніе; тогда одно-

временно $t=0$, $v=0$, $s=0$, т. е. $v_0=0$, $s_0=0$, и предыдущія уравненія замѣняются слѣдующими:

$$s=\frac{1}{2}wt^2, \tag{16}$$

$$v=wt; \tag{17}$$

но эти уравненія принадлежатъ уже исключительно равномѣрно-ускоренному движенію, такъ какъ равномѣрно-перемѣнное движеніе не можетъ быть укосненнымъ, если оно начинается безъ начальной скорости.

Изъ ур. (14), (15), (16) и (17) вытекаютъ нѣсколько замѣчательныхъ общихъ свойствъ равномѣрно-перемѣннаго движенія.

Такъ, исключая количество w между ур. (14) и (15), получаемъ равенство

$$\frac{s-s_0}{t}=\frac{v_0+v}{2},$$

высказывающее, что 1) *въ равномѣрно-перемѣнномъ движеніи средняя скорость за данный промежутокъ времени есть среднее ариѳметическое между скоростями въ начальный и конечный моменты этого промежутка.*

Далѣе, изъ рав. (15) имѣемъ непосредственно

$$\frac{s-s_0}{t}=v_0+w\frac{t}{2},$$

а сравнивая вторую часть этого равенства съ ур. (14), заключаемъ, что 2) *въ равномѣрно-перемѣнномъ движеніи средняя скорость за данный промежутокъ времени равна скорости движенія въ средній моментъ этого промежутка.*

Исключая время t между ур. (14) и (15), имѣемъ

$$\frac{1}{2}(v^2-v_0^2)=w(s-s_0),$$

. е. 3) *въ равномѣрно-перемѣнномъ движеніи половина при-*

ращенія квадрата скорости за данный промежутокъ времени равна произведенію изъ касательнаго ускоренія на пространство, пройденное точкою въ этотъ промежутокъ времени.

Примѣняя ур. (16) и (17) къ двумъ какимъ либо моментамъ t', t'', въ которые пройденное пространство s имѣетъ соотвѣтственно значенія s', s'', а скорость v — значенія v', v'', имѣемъ

$$s'={}^1/_2wt'^2\ ,\ s''={}^1/_2wt''^2,$$

$$v'=wt'\ ,\ v''=wt'',$$

откуда

$$s':s''=t'^2:t''^2,$$

$$v':v''=t':t'',$$

$$s':s''=v'^2:v''^2.$$

Первая изъ этихъ пропорцій показываетъ, что 4) *въ равномѣрно-ускоренномъ движеніи, начинающемся безъ начальной скорости, пространства, пройденныя отъ начальнаго положенія движущейся точки, относятся какъ квадраты временъ, употребленныхъ на прохожденіе этихъ пространствъ.* Называя чрезъ a пространство, пройденное точкою въ 1-ую единицу времени движенія, на основаніи послѣдняго закона, пространства, пройденныя къ концу 1, 2, 3, 4, 5,..... единицы времени, т. е. въ теченіи первой одной, первыхъ двухъ, первыхъ трехъ,..... единицъ времени движенія, будутъ

$$a,\ 4a,\ 9a,\ 16a,\ 25a,.....;$$

отсюда слѣдуетъ, что пространства, пройденныя въ теченіи 1-ой, 2-ой, 3-ей, 4-ой, 5-ой..... единицы времени, соотвѣтственно будутъ

$$a,\ 3a,\ 5a,\ 7a,\ 9a,.....,$$

такъ что предыдущій законъ 4) можетъ быть формулированъ еще слѣдующимъ образомъ: *въ равномѣрно-ускоренномъ движеніи*

начинающемся безъ начальной скорости, пространства, проходимыя въ отдѣльныя послѣдовательныя единицы времени, относятся какъ рядъ нечетныхъ чиселъ 1, 3, 5, 7, 9.... Третья изъ приведенныхъ пропорцій выражаетъ, что 5) *въ равномѣрно-ускоренномъ движеніи, начинающемся безъ начальной скорости, пространства, пройденныя отъ начальнаго положенія движущейся точки, относятся какъ квадраты скоростей, пріобрѣтенныхъ по прохожденіи этихъ пространствъ.*

Наконецъ, изъ ур. (16) и (17), полагая $t=1$ и называя соотвѣтственныя значенія s и v чрезъ s_1 и v_1, находимъ

$$w = v_1 = 2s_1,$$

т. е. 6) *въ равномѣрно-ускоренномъ движеніи, начинающемся безъ начальной скорости, касательное ускореніе есть удвоенное пространство, пройденное въ первую единицу времени движенія.*

§ 23. *Вертикальное движеніе тяжелыхъ тѣлъ въ безвоздушномъ пространствѣ.* Замѣчательный примѣръ равномѣрно-перемѣннаго движенія представляетъ движеніе точекъ тяжелаго тѣла, свободно падающаго или брошеннаго вертикально вверхъ въ безвоздушномъ пространствѣ, если высоты паденія или поднятія не слишкомъ значительны. Опытъ показываетъ, что въ первомъ изъ этихъ двухъ случаевъ движеніе есть прямолинейное равномѣрно-ускоренное, во второмъ — прямолинейное равномѣрно-укоснненное въ теченіи періода поднятія, что въ обоихъ случаяхъ траекторія есть отвѣсная прямая и ускореніе постоянно для всѣхъ тѣлъ для одного и того же мѣста на земномъ шарѣ и измѣняется только съ географическимъ положеніемъ мѣста наблюденія и съ высотою надъ уровнемъ моря; для нашихъ широтъ и для не слишкомъ значительныхъ высотъ, это постоянное ускореніе, отнесенное къ секундѣ, можетъ, какъ показали наблюденія, быть принято равнымъ, въ среднемъ выводѣ, 32,2 фут. или 9,81 метр.; это значитъ, что всякая точка тѣла, свободно падающаго безъ начальной скорости въ безвоздушномъ пространствѣ, проходитъ въ первую

секунду своего движенія прямолинейный путь въ 16,1 фут. или 4,9 метр.; число, выражающее ускореніе свободнаго вертикальнаго движенія тяжелыхъ тѣлъ въ пустотѣ, принято означать буквою g.

Наблюдаемое нами въ дѣйствительности вертикальное движеніе тяжелыхъ тѣлъ происходитъ не въ пустотѣ, а въ воздухѣ, и въ слѣдствіе вліянія этой среды нѣсколько уклоняется отъ равномѣрно-перемѣннаго.

На основаніи сказаннаго, уравненія вертикальнаго движенія тяжелыхъ тѣлъ въ пустотѣ получатся изъ ур. (15) и (14), полагая въ нихъ $w=g$, и будутъ:

$$s=s_0+v_0t+{}^1/_2gt^2, \qquad (18)$$

$$v=v_0+gt. \qquad (19)$$

Эти уравненія содержатъ рѣшеніе всѣхъ вопросовъ, которые могутъ быть предложены относительно движенія въ безвоздушномъ пространствѣ какъ свободно падающихъ, такъ и брошенныхъ вертикально вверхъ тяжелыхъ тѣлъ.

1. *Паденіе тяжелыхъ тѣлъ въ пустотѣ.* Приложимъ сначала ур. (18) и (19) къ изслѣдованію движенія точки тяжелаго тѣла, падающаго свободно съ нѣкоторой высоты безъ начальной скорости. Въ этомъ случаѣ всего проще считать время t отъ момента, съ котораго началось движеніе разсматриваемой точки тѣла, а разстоянія s отъ положенія, занимаемаго точкою въ тотъ же моментъ, такъ чтобы $v_0=0, s_0=0$; тогда, принимая направленіе сверху внизъ за направленіе положительныхъ s-овъ, уравненія движенія будутъ

$$s={}^1/_2gt^2, \qquad (20)$$

$$v=gt. \qquad (21)$$

Предполагая численное значеніе g извѣстнымъ изъ наблюденій, послѣднія уравненія позволяютъ найти двѣ изъ трехъ величинъ t, s, v, когда одна изъ нихъ дана, что приводитъ к

слѣдующимъ тремъ задачамъ:

дано	t	s	v
найти	s, v	t, v	t, s

Задача 1. Зная продолжительность паденія, найти высоту, съ которой падаетъ точка, и скорость, которую она пріобрѣтаетъ въ концѣ паденія.

Эта задача рѣшается непосредственно уравненіями (20) и (21).

Задача 2. Зная высоту, съ которой падаетъ точка, найти продолжительность паденія и скорость, пріобрѣтенную въ концѣ паденія.

Исключая время между ур. (20) и (21), найдемъ

$$v^2 = 2gs,$$

и скорость, пріобрѣтенная въ концѣ паденія, опредѣлится по формулѣ

$$v = \sqrt{2gs}. \qquad (22)$$

Чтобы получить продолжительность паденія, изъ ур. (21) имѣемъ

$$t = \frac{v}{g},$$

или

$$t = \sqrt{\frac{2s}{g}}. \qquad (23)$$

Задача 3. Зная скорость, пріобрѣтенную точкою въ концѣ паденія, найти высоту, съ которой точка должна упасть, чтобы пріобрѣсти эту скорость, и продолжительность паденія.

Продолжительность паденія найдется изъ ур. (21):

$$t = \frac{v}{g}, \qquad (24)$$

а высота, съ которой должна упасть точка, чтобы пріобрѣсти данную скорость v, получится, внося послѣднее значеніе t въ ур. (20):

$$s = \frac{v^2}{2g}. \qquad (25)$$

Кромѣ того ур. (20), (21) рѣшаютъ множество другихъ вопросовъ.

Примѣръ. Двѣ тяжелыя точки начинаютъ падать изъ одной и той же точки въ безвоздушномъ пространствѣ безъ начальныхъ скоростей, одно τ секундъ послѣ другого; найти мгновеніе, въ которое эти двѣ точки будутъ находиться на данномъ разстояніи d одна отъ другой.

Назовемъ чрезъ t_1 время, протекшее отъ момента, въ который началось движеніе первой точки, до искомаго мгновенія, и чрезъ s и s' пространства, пройденныя въ концѣ времени t_1 первою и второю точкою, такъ что $s - s' = d$; тогда по ур. (20) имѣемъ

$$s = {}^1/_2 g t_1^2, \quad s' = {}^1/_2 g (t_1 - \tau)^2,$$

и слѣд. $s - s' = d = {}^1/_2 g t_1^2 - {}^1/_2 g (t_1 - \tau)^2 = g\tau t_1 - {}^1/_2 g \tau^2$,

откуда $$t_1 = {}^1/_2 \tau + \frac{d}{g\tau}.$$

2. *Движеніе тяжелыхъ тѣлъ, брошенныхъ вертикально вверхъ въ пустотѣ.* Примѣнимъ теперь ур. (18) и (19) къ движенію точки тяжелаго тѣла, брошеннаго по вертикальному направленію снизу вверхъ въ безвоздушномъ пространствѣ съ начальною скоростью v_0. Предполагая, какъ въ предыдущемъ случаѣ, направленіе сверху внизъ положительнымъ, скорость v_0 будетъ величина отрицательная; если назовемъ чрезъ V_0 абсолютную величину этой скорости и, считая время отъ мгновенія, въ которое началось движеніе, за начало s-овъ возьмемъ положеніе движущейся точки въ это мгновеніе, то въ общихъ ур. (18) и

(19) будетъ $v_0 = -V_0$, $s_0 = 0$, и эти уравненія примутъ для разсматриваемаго случая видъ

$$s = -V_0 t + {}^1/_2 g t^2, \tag{26}$$

$$v = -V_0 + g t. \tag{27}$$

Точка будетъ сначала подниматься равномѣрно-укосненнымъ движеніемъ, пока ея скорость не сдѣлается равною нулю; послѣднее обстоятельство наступитъ въ моментъ T, который опредѣлится изъ ур. (27), полагая

$$-V_0 + gT = 0,$$

откуда

$$T = \frac{V_0}{g}. \tag{28}$$

Внося это значеніе T вмѣсто t въ ур. (26), получимъ высоту поднятія H

$$H = -\frac{V_0^2}{2g}. \tag{29}$$

Достигнувъ этой высоты, точка начнетъ падать внизъ равномѣрно-ускореннымъ движеніемъ и будетъ продолжать это обратное движеніе до тѣхъ поръ, пока не возвратится въ свое первоначальное положеніе; время T', которое она употребитъ для этого обратнаго движенія, и скорость V_0', которую она пріобрѣтетъ по возвращеніи въ начальное положеніе, опредѣлятся, какъ въ задачѣ 2 о свободномъ паденіи тѣлъ, по форм. (23) и (22), и будутъ

$$T' = \sqrt{\frac{2}{g}\frac{V_0^2}{2g}} = \frac{V_0}{g} = T,$$

$$V_0' = \sqrt{2g\frac{V_0^2}{2g}} = -V_0.$$

Послѣднія равенства показываютъ, что точка употребляетъ для своего обратнаго движенія, т. е. для паденія съ своей наибольшей вы-

соты H, такое же время, какое она употребила для поднятія на эту высоту, и что она пріобрѣтаетъ въ концѣ этого паденія скорость, равную и противоположно направленную съ тою, съ которою она была брошена вверхъ. Эти два закона представляютъ только частные случаи двухъ слѣдующихъ болѣе общихъ свойствъ изучаемаго движенія:

1) *Время, употребляемое точкою для поднятія на какую либо высоту s, считаемую отъ ея начальнаго положенія, равно времени, которое она употребляетъ для того, чтобы упасть съ той же высоты s до начальнаго положенія.*

2) *При поднятіи и паденіи точки, скорости ея на одной и той же высотѣ одинаковы по абсолютной величинѣ и противоположны по знаку.*

Чтобы оправдать первое изъ этихъ свойствъ, напишемъ ур. (26) въ видѣ квадратнаго уравненія въ t:

$$t^2 - \frac{2V_0}{g}t - \frac{2s}{g} = 0. \qquad (a)$$

Это уравненіе имѣетъ корнями времена t' и t'', изъ которыхъ меньшее, t', есть время, употребляемое движущеюся точкою, чтобы подняться отъ начальнаго положенія до высоты s, а большее, t'', есть время, употребляемое точкою на то, чтобы подняться до своей наибольшей высоты и возвратиться при паденіи до высоты s. Назовемъ чрезъ τ время, нужное для того, чтобы точка поднялась до своей наибольшей высоты и возвратилась въ свое начальное положеніе; тогда время, употребляемое точкою, чтобы упасть съ высоты s до начальнаго положенія, будетъ $\tau - t''$; но время τ получается, полагая $s=0$ въ ур. (a), что дастъ для τ значенія 0 и $\frac{2V_0}{g}$, такъ что $\tau = \frac{2V_0}{g}$. Съ другой стороны, по извѣстному свойству уравненій второй степени, имѣемъ

$$t' + t'' = \frac{2V_0}{g};$$

и такъ $t'+t''=\tau$,

откуда $\tau-t''=t'$,

равенство, которое и выражаетъ свойство 1).

Для того чтобы доказать второе изъ приведенныхъ свойствъ, рѣшимъ ур. (a) относительно t; получимъ

$$t'=\frac{V_0-\sqrt{V_0^2+2gs}}{g}, \qquad t''=\frac{V_0+\sqrt{V_0^2+2gs}}{g};$$

внося послѣдовательно эти значенія для t въ ур. (27), находимъ соотвѣтственно, называя чрезъ v' скорость, которую имѣетъ точка на высотѣ s при поднятіи, и чрезъ v'' скорость, которую имѣетъ точка на высотѣ s при паденіи,

$$v'=-\sqrt{V_0^2+2gs}, \qquad v''=+\sqrt{V_0^2+2gs},$$

значенія, разнящіяся только по знаку.

Ур. (26), (27) рѣшаютъ всѣ возможныя задачи о движеніи тяжелой точки, брошенной вертикально вверхъ въ безвоздушномъ пространствѣ. Такъ, предполагая ускореніе g извѣстнымъ, можно помощью этихъ уравненій опредѣлить двѣ изъ четырехъ величинъ t, s, v, v_0, когда другія двѣ даны, что̀ приводитъ къ слѣдующимъ 6 группамъ задачъ:

даны	t,s	t,v	s,v	t,v_0	s,v_0	v,v_0
найти	v,v_0	s,v_0	t,v_0	s,v	t,v	t,s.

Рѣшеніе этихъ и другихъ относящихся сюда вопросовъ слишкомъ просто, чтобы на нихъ здѣсь останавливаться.

§ 24. b) *Періодичное движеніе.* Между перемѣнными движеніями особое вниманіе заслуживаютъ, по своей важности для

приложеній, движенія, называемыя *періодичными* или *періодично-равномѣрными*; они отличаются тѣмъ свойствомъ, что въ нихъ *точка описываетъ равныя пространства въ равные, но опредѣленные промежутки времени.* Легко видѣть, въ чемъ состоитъ различіе между этими движеніями и движеніемъ равномѣрнымъ; въ равномѣрномъ движеніи, пространства, проходимыя точкою въ равные промежутки времени, равны, какъ бы малы или велики ни были эти промежутки; въ періодичномъ движеніи равенство описываемыхъ точкою путей имѣетъ мѣсто только когда эти промежутки времени дѣлаются кратными нѣкотораго опредѣленнаго промежутка, называемаго *періодомъ* движенія. Теперь вмѣстѣ съ тѣмъ видно, почему при опредѣленіи равномѣрнаго движенія (§ 9) необходимо было къ условію равенства пространствъ, проходимыхъ въ равныя времена, присовокупить условіе произвольной продолжительности этихъ равныхъ временъ.

Законъ періодичнаго движенія по данной траекторіи долженъ выражаться аналитически періодическою зависимостью между s и t, напр. соотношеніями вида

$$s=a\cos\varkappa t\ ,\qquad s=b\sin\lambda t,$$

и т. п.; а графическое выраженіе этого закона, т. е. линія пространствъ періодичнаго движенія должна быть (§ 11) правильная волнообразная кривая вида (a_8) (фиг. 16), обращенная попеременно своею выпуклою и вогнутою стороною къ оси временъ и симметрично расположенная по обѣ стороны нѣкоторой прямой (a_8'), которую она пересѣкаетъ въ своихъ точкахъ перегиба μ_1, μ_2, μ_3, μ_4,.....[29]; постоянная разность абсциссъ $\tau_1\tau_2=\tau_2\tau_3=\tau_3\tau_4=$..... двухъ послѣдовательныхъ точекъ перегиба пред-

(29) Теоретически линія пространствъ періодичнаго движенія можетъ имѣть и формы, указанныя на фиг. 17 и 18, въ которыхъ каждыя двѣ ея части, соотвѣтствующія полнымъ періодамъ, соединяются между собою не точкою перегиба, а такъ называемою угловою точкою, въ коей кривая имѣетъ двѣ различныя касательныя; но для дѣйствительныхъ движеній подобное расположеніе не допустимо, ибо оно предполагаетъ мгновенный переходъ скорости изъ одного значенія $\delta\delta'$ въ другое значеніе $\delta\delta''$, конечно

ставляетъ періодъ движенія, а соотвѣтственныя разности $\nu_2\mu_2 = \nu_3\mu_3 = \nu_4\mu_4 = ...$ ординатъ—постоянное пространство, проходимое точкою въ теченіи періода. Линія скоростей есть, какъ легко видѣть изъ чертежа, также правильная волнообразная кривая (α_v), симметрично расположенная по обѣ стороны прямой (α_v'), параллельной къ оси временъ.

Бóльшая часть движеній, которыя кажутся намъ равномѣрными, въ дѣйствительности только періодично-равномѣрны; таковы, напр., движеніе точекъ часовой стрѣлки, годичное движеніе солнца по отношенію къ землѣ, и т. п.; такова также бóльшая часть движеній въ машинахъ, напр. движеніе поршня парового цилиндра, движеніе маховика, движеніе водяного колеса, и т. д. Такія періодичныя движенія часто замѣняютъ, для простоты, равномѣрнымъ движеніемъ, котораго скорость есть средняя скорость разсматриваемаго періодичнаго движенія за цѣлый періодъ, т. е. есть отношеніе пространства, пройденнаго въ теченіи періода, къ періоду; это воображаемое равномѣрное движеніе называютъ *среднимъ движеніемъ* относительно даннаго періодичнаго. Графически такое замѣненіе приводится къ замѣненію линіи пространствъ (α_s) (фиг. 17) даннаго періодичнаго движенія прямою (α_s'), имѣющею съ (α_s) общія точки μ_1, μ_2, μ_3, ..., которыя соотвѣтствуютъ началамъ или концамъ послѣдовательныхъ періодовъ $\tau_1\tau_2 = \tau_2\tau_3 = \tau_3\tau_4 = ...$, и къ замѣненію линіи скоростей (α_v) прямою (α_v'), параллельною къ оси временъ. Но при этомъ условномъ замѣненіи никогда не должно забывать, что равномѣрное движеніе есть движеніе только воображаемое и что скорость истиннаго, періодичнаго движенія измѣняется иногда между широкими предѣлами въ теченіи каждаго періода.

Такъ напр. поршень парового цилиндра въ паровой машинѣ имѣетъ перемѣнное движеніе въ теченіи одного удара или полу-

---

разнящееся отъ перваго, а такія конечныя и мгновенныя измѣненія скорости не возможны въ дѣйствительныхъ движеніяхъ матеріальныхъ точекъ, ибо въ такихъ движеніяхъ скорость можетъ измѣняться только постепенно; если внезапныя измѣненія скорости и допускаются иногда въ механикѣ, то только какъ болѣе или менѣе грубыя приближенія. То же замѣчаніе относится къ линіи скоростей періодичнаго движенія.

качанія, но каждое такое полукачаніе совершаетъ въ одинаковый промежутокъ времени; это движеніе есть слѣд. періодичное и время одного удара поршня представляетъ его періодъ. Полагая, что ходъ поршня равенъ a фут. и что поршень дѣлаетъ n качаній или двойныхъ ударовъ въ минуту, время каждаго простого удара будетъ $\frac{60}{2n}$ секундъ, а средняя скорость поршня за періодъ его движенія будетъ $a : \frac{60}{2n} = \frac{2na}{60}$. Поэтому перемѣнное движеніе поршня можно замѣнить среднимъ равномѣрнымъ движеніемъ съ постоянною скоростью $\frac{na}{30}$; между тѣмъ какъ скорость истиннаго движенія поршня обращается въ нуль въ началѣ и въ концѣ каждаго періода, а посреди періода достигаетъ наибольшей величины, значительно превышающей среднюю скорость $\frac{na}{30}$.

§ 25. Вообще, какое бы то ни было перемѣнное движеніе, за данный промежутокъ времени, можетъ быть часто съ пользою замѣнено *среднимъ* равномѣрнымъ движеніемъ, въ слѣдствіе котораго точка описывала бы въ тотъ же промежутокъ времени по той же траекторіи то же пространство, какъ въ разсматриваемомъ перемѣнномъ движеніи.

Примѣръ. Въ техникѣ перемѣнное движеніе поѣздовъ на желѣзныхъ дорогахъ разсматриваютъ какъ равномѣрное; говоря, что нѣкоторый поѣздъ движется со скоростью n верстъ въ часъ, разумѣютъ постоянную скорость воображаемаго средняго равномѣрнаго движенія, которымъ замѣняютъ истинное перемѣнное движеніе поѣзда. Пользуясь такимъ условнымъ замѣненіемъ движеній, получается возможность строить весьма просто чертежъ, который позволяетъ обозрѣвать всѣ обстоятельства движенія поѣздовъ на данной желѣзно-дорожной линіи, ихъ одновременныя положенія, скрещиванія, сравнительныя скорости, и т. д. Подобные чертежи, употребляемые постоянно въ эксплоатаціи желѣзныхъ дорогъ подъ названіемъ *графикъ*, представляютъ интересный примѣръ практическаго примѣненія графическихъ изображеній движеній вообще и замѣненія перемѣнныхъ движеній средними.

Для построенія графики проводятъ на листѣ бумаги двѣ взаимно перпендикулярныя прямыя, горизонтальную *AT* и вертикальную *AS* (фиг. 19); одну изъ этихъ прямыхъ, обыкновенно горизонтальную *AT*, дѣлятъ, начиная отъ нѣкоторой точки *O*, взятой близь начала *A*, на 24 равныя части, изображающія часы однѣхъ сутокъ, считая напр. отъ полудня одного дня до полудня другого; каждую изъ этихъ 24 частей дѣлятъ въ свою очередь на 6 или 12 равныхъ частей, изображающихъ промежутки времени въ 10 или 5 минутъ (на фиг. 19 означены промежутки только въ 10 минутъ), предоставляя оцѣнку меньшихъ промежутковъ времени глазомѣру; изъ всѣхъ намѣченныхъ точекъ дѣленія XII, 10′, 20′, 30′, 40′, 50′, I, 10′,..... проводятъ чрезъ весь листъ прямыя, параллельныя второй, вертикальной оси *AS*. Затѣмъ на этой второй оси *AS* откладываютъ отъ начала *A*, изображающаго начальную станцію линіи, части, выражающія, въ опредѣленномъ масштабѣ, единицы пути, напр. версты, и помѣщаютъ всѣ станціи линіи *A*,*B*,*C*,*D*,*E*,*F*,....., сообразно даннымъ ихъ разстояніямъ отъ начальной станціи *A*; чрезъ точки *A*,*B*,*C*,*D*, *E*,*F*,..... проводятъ чрезъ весь листъ прямыя, параллельныя оси временъ *AT*. Такимъ образомъ листъ покроется сѣтью взаимноперпендикулярныхъ прямыхъ, изъ которыхъ каждая вертикальная соотвѣтствуетъ опредѣленному мгновенію сутокъ, а каждая горизонтальная—опредѣленной станціи линіи. На фиг. 19 изображена часть полной графики, соотвѣтствующая четыремъ первымъ часамъ по полудни I, II, III, IV и пяти станціямъ *B*,*C*,*D*,*E*,*F*, ближайшимъ къ начальной станціи *A*.

Предположимъ теперь, что одинъ изъ поѣздовъ, напр. какой нибудь поѣздъ средней скорости № 5, выходитъ изъ начальной станціи A въ $12^{ч.}$ $20^{м.}$ и приходитъ на слѣдующую станцію *B* въ $12^{ч.}$ $50^{м.}$; его истинное перемѣнное движеніе между этими пунктами можно замѣнить среднимъ равномѣрнымъ движеніемъ, изображаемымъ графически прямою a_5b_5. Допустимъ, что тотъ же поѣздъ остается на станціи *B* $5^{м.}$ и слѣд. отходитъ изъ *B* въ $12^{ч.}$ $55^{м.}$; такъ какъ онъ движется съ постоянною среднею скоростью, то среднее его движеніе между станціями *B* и *C* изобразится прямою $b_5'c_5$, параллельною къ a_5b_5; эта прямая пере-

сѣчетъ горизонталь станціи *C* въ точкѣ c_5, соотвѣтствующей $1^ч$ $35^м$. т. е. поѣздъ придетъ на станцію *C* въ $1^ч$ $35^м$; предполагая, что простой его на этой станціи длится $25^м$, онъ отойдетъ изъ *C* въ $2^ч$ и придетъ на станцію *D* въ моментъ, опредѣляемый точкою пересѣченія d_5 прямой $c_5'd_5$, параллельной къ $b_5'c_5$ или къ a_5b_5, съ горизонталью станціи *D*, т. е. въ $2^ч$ $25^м$. Послѣ простоя въ $5^м$ на станціи *D*, поѣздъ отходитъ изъ этой станціи въ $2^ч$ $30^м$, приходитъ на станцію *E* въ $3^ч$ $5^м$, стоитъ тамъ $10^м$, отходитъ изъ *E* въ $3^ч$ $15^м$, приходитъ на станцію *F* въ $3^ч$ $55^м$, и т. д. Среднее движеніе поѣзда № 5 будетъ слѣдовательно изображаться ломанною линіею $a_5b_5b_5'c_5c_5'd_5d_5'e_5e_5'f_5$ ..., которая представляетъ линію пространствъ этого средняго движенія; наклонныя ея части соотвѣтствуютъ движенію, горизонтальныя — простоямъ.

Движенія болѣе скорыхъ поѣздовъ изобразятся прямыми, менѣе наклоненными къ оси временъ *AT*, движенія болѣе медленныхъ поѣздовъ —прямыми, болѣе наклоненными. Такъ ломанная линія $a_8c_8c_8'e_8e_8'$... представляетъ среднее движеніе болѣе скораго, напр. курьерскаго поѣзда № 8, который выходитъ изъ начальной станціи *A* въ $1^ч$ $10^м$, минуетъ станцію *B*, приходитъ на станцію *C* въ $1^ч$ $50^м$, отходитъ изъ *C* послѣ 5-ти минутнаго простоя въ $1^ч$ $55^м$, минуетъ станцію *D*, приходитъ на станцію *E* въ $2^ч$ $25^м$, отходитъ изъ *E* въ $2^ч$ $30^м$, минуетъ станцію *F* и т. д.; этотъ поѣздъ № 8 догонитъ и опередитъ поѣздъ № 5 на станціи *C*, изъ которой первый выходитъ $5^м$ раньше втораго. Наоборотъ, линія $a_2b_2b_2'$.... изображаетъ среднее движеніе медленнаго, напр. тяжелаго поѣзда № 2, который выходитъ изъ станціи *A* въ $1^ч$ $50^м$, приходитъ на станцію *B* въ $2^ч$ $40^м$, отходитъ изъ *B* въ $2^ч$ $50^м$, и т. д.

Движенія поѣздовъ, идущихъ по противоположному направленію, изобразятся прямыми, наклоненными въ другую сторону, т. е. образующими тупые углы съ положительною частью оси временъ *AT*. Такъ напр. ломанная $f_4'e_4e_4'd_4d_4'c_4c_4'$..... изображаетъ среднее движеніе поѣзда № 4, идущаго отъ станціи *F* къ станціи *A*; этотъ поѣздъ отходитъ изъ станціи *F* въ $1^ч$ $30^м$, приходитъ на станцію *E* въ $2^ч$ $5^м$, отходитъ изъ *E* въ $2^ч$ $10^м$.

приходитъ на станцію D въ 2ч. 45м., отходитъ изъ D въ 2ч. 50м., приходитъ на станцію C въ 3ч. 25м., отходитъ изъ C въ 3ч. 35м., и т. д. Изъ чертежа видно, что этотъ поѣздъ встрѣчаетъ между станціями E и D поѣздъ № 8 въ 2ч. 20м. и поѣздъ № 5 въ 2ч. 35м., а между станціями C и B поѣздъ № 2 въ 3ч. 55м., что̀ предполагаетъ конечно полотно дороги двойнымъ; положеніе точекъ встрѣчи опредѣлится, измѣряя разстоянія точе̇къ $x'_{4,8}$, $x'_{4,5}$, $x'_{4,2}$ отъ начала A помощью принятаго масштаба разстояній.

Такимъ образомъ видимъ, что указанное графическое изображеніе движенія поѣздовъ позволяетъ технику соединить всѣ обстоятельства этого движенія въ одномъ чертежѣ, по которому онъ, чтобы избѣжать столкновеній, съ легкостью можетъ приличнымъ образомъ назначать время прохожденія поѣздовъ чрезъ различныя станціи и время простоя на послѣднихъ, распредѣлять движеніе по располагаемымъ па̀рамъ рельсъ, и проч. Но при этомъ онъ не долженъ упускать изъ виду, что наклонныя прямыя на графикѣ представляютъ только воображаемыя среднія движенія, отличныя отъ истинныхъ перемѣнныхъ, изображаемыхъ волнообразными линіями, и что это различіе можетъ производить иногда чувствительныя уклоненія результатовъ чертежа отъ дѣйствительныхъ обстоятельствъ движенія. Такъ напр. на черт. 19, для среднихъ движеній, мѣсто и время встрѣчи поѣздовъ № 4 и № 8 опредѣляются координатами точки $x_{4,8}$ пересѣченія прямыхъ $e_4'd_4$ и $c_8'e_8$, т. е. опредѣляются соотвѣтственно линіями $Ax'_{4,8}$, $\xi x_{4,8}$; между тѣмъ какъ линіи пространствъ истинныхъ движеній поѣзда № 4 между станціями E,D и поѣзда № 8 между станціями C,E будутъ волнообразныя кривыя $e_4'\alpha\beta d_4$ и $c_8'\varepsilon\delta e_8$, которыя пересѣкутся въ другой точкѣ o; и только координаты An, no послѣдней точки опредѣлятъ истинное положеніе мѣста встрѣчи и истинный моментъ встрѣчи поѣздовъ № 4 и № 8.

§ 26. Чтобы пополнить изложенныя въ §§ 11—21 свѣдѣнія о перемѣнномъ движеніи точки по данной траекторіи, намъ остается еще обобщить на случай какого бы то ни было перемѣннаго движенія понятіе о касательномъ ускореніи, введенное

при изученіи равномѣрно-перемѣннаго движенія и играющее чрезвычайно важную роль въ механикѣ.

Во всякомъ движеніи, отличномъ отъ равномѣрно-перемѣннаго, скорость есть функція времени, отличная отъ линейной, т. е. приращенія скорости за равные, произвольно избранные промежутки времени не равны между собою. Поэтому для такихъ движеній опредѣленіе касательнаго ускоренія, данное для случая равномѣрно-перемѣннаго движенія, какъ постояннаго приращенія скорости въ единицу времени (§ 22), болѣе не примѣнимо, и можно говорить только о касательномъ ускореніи какого либо перемѣннаго движенія въ опредѣленный моментъ послѣдняго. Опредѣленіе этого новаго понятія получается путемъ вполнѣ аналогичнымъ тому, который, на основаніи понятія о скорости въ равномѣрномъ движеніи, привелъ насъ къ опредѣленію понятія о скорости въ перемѣнномъ движеніи; какъ тамъ мы начали съ опредѣленія средней скорости, такъ теперь мы должны предпослать опредѣленіе *средняго касательнаго ускоренія.*

Разсмотримъ какое либо перемѣнное движеніе точки по данной траекторіи; предположимъ, что въ нѣкоторый моментъ t скорость этой точки по величинѣ и по знаку есть v, а въ другой позднѣйшій моментъ t_1 скорость ея есть v_1, и что промежутокъ времени $t_1 - t$ взятъ достаточно малымъ для того, чтобы въ теченіи этого промежутка скорость, разсматриваемая по величинѣ и по знаку, или постоянно увеличивалась, или постоянно уменьшалась; тогда положительное измѣненіе скорости за промежутокъ времени $t_1 - t$ будетъ $\pm (v_1 - v)$, гдѣ надо брать верхній или нижній знакъ, смотря по тому, увеличивается ли или уменьшается скорость, разсматриваемая по величинѣ и по знаку, въ теченіи промежутка времени $t_1 - t$. Можно всегда найти равномѣрно-перемѣнное движеніе, въ которомъ скорость въ теченіи промежутка времени $t_1 - t$ соотвѣтственно увеличилась или уменьшилась бы на ту же величину $\pm (v_1 - v)$, на какую въ тотъ же промежутокъ времени она увеличивается или уменьшается въ разсматриваемомъ перемѣнномъ движеніи; *касательное ускореніе этого равномѣрно-перемѣннаго движенія*, *взятое по величинѣ и по знаку*, *называютъ среднимъ касательнымъ ускореніемъ раз-*

сматриваемаго перемѣннаго движенія за промежутокъ времени t_1-t. По этому опредѣленію, называя чрезъ w_m среднее касательное ускореніе за промежутокъ времени t_1-t по величинѣ и по знаку, имѣемъ (§ 22)

$$w_m=\frac{v_1-v}{t_1-t}.$$

Величина w_m есть функція промежутка времени t_1-t и момента t, въ который начинается этотъ промежутокъ. Можно еще сказать, что среднее касательное ускореніе какого либо перемѣннаго движенія за данный промежутокъ времени t_1-t есть, по абсолютной величинѣ, отношеніе абсолютнаго измѣненія, претерпѣваемаго скоростью за промежутокъ времени t_1-t, къ этому промежутку, а знакъ имѣетъ положительный или отрицательный, смотря по тому, увеличивается ли или уменьшается скорость перемѣннаго движенія, разсматриваемая по величинѣ и по знаку, въ теченіи промежутка времени t_1-t.

На основаніи понятія о среднемъ касательномъ ускореніи, можно теперь высказать слѣдующее опредѣленіе:

Касательнымъ ускореніемъ перемѣннаго движенія въ моментъ t *называютъ предѣлъ, къ которому стремится среднее касательное ускореніе того же движенія за промежутокъ времени, начинающійся въ моментъ* t, *когда этотъ промежутокъ времени приближается къ нулю.*

Знакъ этого предѣльнаго касательнаго ускоренія будетъ знакъ приближающагося средняго касательнаго ускоренія w_m, т. е. будетъ положительный или отрицательный, смотря по тому, увеличивается ли или уменьшается скорость, разсматриваемая по величинѣ и по знаку, начиная съ момента t, съ увеличеніемъ времени. Для обозначенія касательнаго ускоренія перемѣннаго движенія въ моментъ t по величинѣ и по знаку мы будемъ пока употреблять букву w.

Вообще среднее касательное ускореніе w_m за данный промежутокъ времени t_1-t, въ теченіи котораго измѣненіе скорости

есть $v_1 - v$, и мгновенное касательное ускореніе w въ моментъ въ который скорость есть v, имѣютъ знакъ, одинаковый со скоростью v, когда абсолютная величина V скорости v увеличивается съ увеличеніемъ времени, и знакъ, отличный отъ знака v, когда V уменьшается съ увеличеніемъ времени. Ибо, предполагая, что V увеличивается, скорость v, коей абсолютная величина есть V будетъ увеличиваться или уменьшаться, смотря по тому, будетъ ли она положительна или отрицательна; поэтому среднее ускореніе w_m и мгновенное ускореніе w, которыя имѣютъ знакъ + или —, смотря по тому, увеличивается ли или уменьшается v, будутъ въ этомъ случаѣ имѣть знакъ, одинаковый съ v. Предполагая же, что V уменьшается, скорость v будетъ уменьшаться или увеличиваться, смотря по тому, будетъ ли она положительна или отрицательна; слѣд. ускоренія w_m и w будутъ имѣть знакъ, отличный отъ знака v.

Удерживая введенныя выше обозначенія и полагая сверхъ того $t_1 - t = \Delta t$, $v_1 - v = \Delta v$, изъ даннаго опредѣленія касательнаго ускоренія w слѣдуетъ, что

$$w = \lim w_m = \lim \frac{\Delta v}{\Delta t},$$

откуда, разсматривая скорость v какъ функцію независимой перемѣнной t,

$$w = \frac{dv}{dt}, \tag{30}$$

или, такъ какъ $v = \dfrac{ds}{dt}$, $w = \dfrac{d^2 s}{dt^2}$, (31)

т. е. касательное ускореніе перемѣннаго движенія выражается по величинѣ и по знаку первою производною скорости или второю производною проходимаго пространства, взятыми по измѣняемому времени. Написавъ рав. (30) въ видѣ

$$w = \frac{dv}{ds}\frac{ds}{dt}$$

и разсматривая скорость v какъ функцію s, имѣемъ, какъ слѣдствіе основныхъ соотношеній (5) и (30), еще замѣчательную зависимость

$$w = v\frac{dv}{ds}. \qquad (32)$$

Въ справедливости рав. (30) легко было бы убѣдиться и путемъ геометрическимъ, прилагая къ линіи скоростей разсужденія, совершенно подобныя тѣмъ, которыя изложены въ § 12 относительно линіи пространствъ для геометрическаго вывода равенства (5). Эти разсужденія вмѣстѣ съ тѣмъ показали бы, что геометрически касательное ускореніе изображается угловымъ коэффиціентомъ касательной $\gamma\alpha'$ (фиг. 20) къ кривой скоростей (α_v) въ точкѣ γ этой кривой, соотвѣтствующей моменту t; этотъ угловой коэффиціентъ строится, откладывая отъ точки γ параллельно оси временъ прямую $\gamma\pi$, равную единицѣ масштаба временъ, и возставляя въ π къ ней перпендикуляръ $\pi\pi'$ до пересѣченія съ касательною $\gamma\alpha'$; линія $\pi\pi'$ изобразитъ касательное ускореніе w въ принятомъ масштабѣ пространствъ.

Если бы разсматриваемое перемѣнное движеніе сдѣлалось въ моментъ t вдругъ равномѣрно-перемѣннымъ, то кривая скоростей (α_v), начиная отъ точки γ, обратилась бы въ прямую $\gamma\alpha'$, касательную къ (α_v) въ точкѣ γ; касательное ускореніе этого равномѣрно-перемѣннаго движенія выразилось бы угловымъ коэффиціентомъ касательной $\gamma\alpha'$, который есть $\frac{dv}{dt}$; поэтому можно опредѣлить касательное ускореніе перемѣннаго движенія еще слѣдующимъ образомъ: *касательное ускореніе какого бы то ни было перемѣннаго движенія въ моментъ t есть постоянное касательное ускореніе, съ которымъ продолжала бы двигаться точка, начиная съ момента t, если бы въ этотъ моментъ разсматриваемое перемѣнное движеніе вдругъ сдѣлалось равномѣрно-перемѣннымъ.*

Разсматривая, согласно послѣднему опредѣленію, касательное ускореніе всякаго перемѣннаго движенія какъ касательное ускоре

ніе нѣкотораго равномѣрно-перемѣннаго движенія, къ числ... выраженію количества w примѣняются всѣ замѣчанія, сдѣл... въ § 22 относительно численнаго выраженія касательнаго у... нія равномѣрно-перемѣннаго движенія и зависимости этого ... женія отъ единицъ длины и времени.

Въ случаѣ прямолинейнаго движенія мы будемъ наз... соотвѣтственно величины w_m и w просто *среднимъ ускор...* и *ускореніемъ* движенія въ моментъ t (§ 22).

Сравнивая рав. (30), написанное въ видѣ

$$dv = w dt,$$

съ ур. (17) равномѣрно-перемѣннаго движенія, заключаемъ ... въ § 14, что во всѣхъ случаяхъ, когда могутъ быть отб... безконечно малыя величины второго порядка относительно ... когда разсматриваются предѣлы отношеній или суммъ, всякое пе... ное движеніе въ теченіи безконечно малаго промежутка ... dt можетъ быть разсматриваемо какъ равномѣрно-перемѣнное ... поминая же, съ другой стороны, сказанное въ § 14, видимъ ... всякое перемѣнное движеніе разсматривается въ механикѣ ... кимъ образомъ какъ предѣлъ ряда безконечно малыхъ по ... продолжительности, послѣдовательныхъ движеній; въ одномъ ... чаѣ эти элементарныя движенія равномѣрны, въ другомъ ра... номѣрно-перемѣнны. «Первыя имѣютъ въ одно и то же мгн... общую скорость $\frac{ds}{dt}$ съ разсматриваемымъ перемѣннымъ движ... вторыя — общую скорость $\frac{ds}{dt}$ и общее ускореніе $\frac{d^2s}{dt^2}$. П... если можно такъ выразиться, имѣютъ соприкосновеніе перв... рядка съ перемѣннымъ движеніемъ, вторыя—соприкоснове... рого порядка; и можно, даже въ безконечно малый проме... времени, замѣнять перемѣнное движеніе рядомъ элемент... движеній перваго рода только для того, чтобы вычислят... щенія путей или пространствъ, тогда какъ рядъ движе...

го рода можно употреблять и для вычисленій приращеній скорости» ([30]).

Такъ какъ линейная скорость во всякомъ перемѣнномъ движеніи есть количество, измѣняемое со временемъ, то, исходя изъ ложеннаго въ § 17 общаго воззрѣнія на понятіе о скорости, сательное ускореніе можно еще разсматривать какъ *скорость ннейной скорости* движенія. Вообще изъ всего сказаннаго въ омъ § о количествѣ w видно, что касательное ускореніе играетъ чно такую же роль относительно линейной скорости, какую линая скорость играетъ относительно проходимыхъ точкою проранствъ.

Понятіе о касательномъ ускореніи можетъ, точно такъ же къ понятіе о скорости (§ 17), быть примѣнено вообще ко всяму количеству, перемѣнному со временемъ. Такъ, можно было бы зворить о *касательномъ ускореніи температуры* нагрѣваемаго ли охлаждаемаго тѣла въ данный моментъ t, разумѣя подъ имъ отношеніе $\dfrac{d\left(\dfrac{d\tau}{dt}\right)}{dt} = \dfrac{d^2\tau}{dt^2}$ положительнаго или отрицательго приращенія скорости температуры (§ 17) въ теченіи элементрнаго промежутка времени dt, слѣдующаго за моментомъ t, къ ементу dt. Въ этомъ же смыслѣ, разсматривая измѣненіе какого ибо угла θ со временемъ, называютъ *касательнымъ угловымъ скореніемъ* отношеніе $\dfrac{d\left(\dfrac{d\theta}{dt}\right)}{dt} = \dfrac{d^2\theta}{dt^2}$ измѣненія угловой скорои за элементъ времени dt къ этому элементу, и *касательнымъ лощаднымъ ускореніемъ* отношеніе $\dfrac{dv_a}{dt} = \dfrac{d\left(\dfrac{dS}{dt}\right)}{dt} = \dfrac{d^2S}{dt^2}$ прираенія площадной скорости v_a за промежутокъ времени dt къ ому промежутку. Въ отличіе отъ всѣхъ этихъ количествъ, кательное ускореніе w называютъ *линейнымъ касательнымъ ускореніемъ*. Знакъ касательнаго ускоренія какого либо количества u,

([30]) Duhamel, «Cours de mécanique». T. I.

измѣняемаго со временемъ, въ моментъ t, будетъ положительный или отрицательный, смотря по тому, увеличивается ли или уменшается скорость $\frac{du}{dt}$ количества u, начиная съ момента t, съ увеличеніемъ времени.

Во всякомъ перемѣнномъ движеніи касательное ускореніе есть вообще нѣкоторая функція времени; эту зависимость между w и t можно строить геометрически, чрезъ что получится кривая (a_r), которую, по аналогіи съ линіею пространствъ и съ линіею скоростей, можно назвать *линіею касательныхъ ускореній*. Для построенія этой линіи надо знать или законъ скоростей, т. е. зависимость между v и t, или законъ движенія по траекторіи, т. е. зависимость между s и t. Когда одна изъ этихъ зависимостей дана аналитически, т. е. дано уравненіе

$$s=f(t),$$

или уравненіе
$$v=\varphi(t),$$

то въ первомъ случаѣ двухкратное, а во второмъ случаѣ простое дифференцированіе дастъ новую зависимость

$$w=f''(t)=\varphi'(t)=\psi(t),$$

которую останется построить по точкамъ. Когда же одна изъ двухъ зависимостей между s и t и между v и t дана графически, т. е. когда дана или линія пространствъ, или линія скоростей, то можно первый случай свести на второй, построивъ линію скоростей по способу, указанному въ § 18, а зная линію скоростей, построимъ линію касательныхъ ускореній точно такъ же, какъ линія скоростей строится по данной линіи пространствъ (§ 18).

Равенство
$$v-v_0=\int_{t_0}^{t} w dt, \tag{33}$$

получаемое изъ ур. (30) и въ которомъ v_0 есть значеніе v въ опредѣленный моментъ t_0, показываетъ, что площадь $\tau_0 e_0 e \tau$ (фиг. 20)

граниченная линіею (α_w), двумя ея ординатами $\tau_0 e_0$, τe, со-
твѣтствующими момéнтамъ t_0, t, и осью абсциссъ, выражаетъ
риращеніе скорости за промежутокъ времени $t-t_0$. Поэтому,
огда дана линія касательныхъ ускореній, то по ней можно по-
троить линію скоростей, если только извѣстна одна точка
$_0(t_0, v_0)$ послѣдней, точно такъ же, какъ мы въ § 19 по данной
иніи скоростей (α_v) строили линію пространствъ (α_s), зная одну
очку (s_0, t_0) этой линіи (α_s); зная же линію (α_v), построимъ линію
ространствъ (α_s), если извѣстна одна точка послѣдней.

Въ равномѣрномъ движеніи касательное ускореніе равно нулю,
бо скорость въ этомъ движеніи постоянна; линія (α_w) есть ось
ременъ. Въ равномѣрно-перемѣнномъ движеніи касательное уско-
еніе постоянно, а линія (α_w) есть прямая, параллельная къ оси
ременъ. Въ періодичномъ движеніи касательное ускореніе есть
еріодическая функція времени; линія (α_w) есть правильная вол-
ообразная кривая, пересѣкающая ось временъ въ мгновенія, которымъ
ъ линіи пространствъ соотвѣтствуютъ точки перегиба.

Кромѣ линій (α_s), (α_v), (α_w) и $(\alpha_{s,v})$ (§ 20) можно было бы,
ля графическаго изображенія дальнѣйшихъ свойствъ движенія,
троить еще двѣ кривыя; одну, $(\alpha_{s,w})$, выражающую графически
ависимость между проходимымъ пространствомъ и касательнымъ
скореніемъ, другую, $(\alpha_{v,w})$, выражающую зависимость между ско-
остью и касательнымъ ускореніемъ. Если линія пространствъ дана
воимъ уравненіемъ, то двѣ кривыя $(\alpha_{s,w})$, $(\alpha_{v,w})$ получились бы
оотвѣтственно, исключая время между уравненіями

$$s=f(t), \qquad w=f''(t),$$

между уравненіями $v=f'(t)$, $\qquad w=f''(t)$,

строя два найденныя соотношенія по точкамъ. Если же линія
ространствъ дана только графически, то, построивъ по ней линію
коростей (§ 18) и линію касательныхъ ускореній (§ 26), отне-
енныя къ одному и тому же масштабу временъ, надо будетъ на-

чертить одну кривую, которой абсциссы были бы равны орди-
тамъ линіи (α_s), и которой ординаты равнялись бы ордината
линіи (α_w), и другую кривую, имѣющую абсциссами ординаты ли
(α_v), а ординатами — ординаты линіи (α_w). Но эти двѣ кри
$(\alpha_{s,w})$, $(\alpha_{v,w})$ употребляются рѣдко, какъ и кривая $(\alpha_{s,v})$, о котор
было говорено въ § 20.

§ 27. *Примѣръ.* Найти свойства движенія точки по дан
траекторіи, въ которомъ касательное ускореніе есть алгебраичес
линейная функція времени

$$w=w_0+ut. \qquad (a)$$

Такое движеніе есть очевидно простѣйшее изъ всѣхъ перемѣнны
движеній послѣ равномѣрно-перемѣннаго: въ немъ приращенія к
сательнаго ускоренія въ равные, произвольно избранные про
жутки времени равны между собою и одинаковы по знаку. Вел
чина w_0 есть значеніе касательнаго ускоренія w при $t=0$, и
постоянный коэффиціентъ u выражаетъ положительное или отр
цательное приращеніе касательнаго ускоренія въ единицу време
Линія касательныхъ ускореній (α_w) есть прямая.

Скорость v въ моментъ t найдется, подставляя значеніе (a)
для w въ ур. (33) и производя интегрированіе; получимъ

$$v=v_0+w_0t+{}^1/_2ut^2, \qquad (b)$$

гдѣ v_0 есть скорость въ моментъ, съ котораго считается врем
Линія скоростей (α_v) есть парабола.

Законъ движенія по траекторіи получается на основаніи фор
(9), внося въ послѣднюю вмѣсто v значеніе (b); послѣ произ
деннаго интегрированія находимъ

$$s=s_0+v_0t+{}^1/_2w_0t^2+{}^1/_6ut^3, \qquad (c)$$

гдѣ s_0 есть координата движущейся точки въ начальный момен
Линія пространствъ есть плоская кривая третьей степени.

Ур. (b), (c) нѣсколько упрощаются, если принять за начальное мгновеніе моментъ, въ который скорость равна нулю, и считать координаты s отъ положенія, занимаемаго точкою въ это мгновеніе; тогда одновременно $v_0=0$, $s_0=0$ и ур. (a), (b), (c) принимаютъ видъ

$$w=w_0+ut,$$

$$v=w_0t+{}^1/_2ut^2,$$

$$s={}^1/_2w_0t^2+{}^1/_6ut^3.$$

Исключеніе времени между этими уравненіями, взятыми попарно, дастъ уравненія кривыхъ ($\alpha_{s,v}$), ($\alpha_{s,w}$), ($\alpha_{v,w}$); первыя двѣ линіи будутъ плоскія кривыя третьей степени, а третья кривая—парабола второй степени.

§ 28. Изученіе свойствъ движенія точки по данной траекторіи привело насъ въ предыдущихъ §§ къ введенію понятій о скорости v и о скорости скорости или касательномъ ускореніи w. Продолжая далѣе такой же ходъ изслѣдованія вопроса, можно было бы, для раскрытія дальнѣйшихъ свойствъ движенія точки, ввести кромѣ скорости и касательнаго ускоренія, третье количество w_2, которое имѣло бы относительно касательнаго ускоренія w точно такое же значеніе, какое w имѣетъ относительно скорости, т. е. которое представляло бы собою скорость (§ 17) измѣненія касательнаго ускоренія и выражалось бы слѣд. чрезъ $\frac{dw}{dt}=\frac{d^2v}{dt^2}=\frac{d^3s}{dt^3}$; затѣмъ ввести четвертое количество $w_3=\frac{dw_2}{dt}=\frac{d^2w}{dt^2}=\frac{d^3v}{dt^3}=\frac{d^4s}{dt^4}$, и т. д.; эти различныя количества, изъ коихъ каждое послѣдующее представляетъ мѣру быстроты измѣненія величины предыдущаго со временемъ, можно было бы назвать *касательными ускореніями высшихъ порядковъ*. Свойства послѣднихъ количествъ, къ которымъ мы далѣе будемъ имѣть случай возвратиться, начали изучать только въ весьма недавнее время; вообще же въ механикѣ из-

давна довольствовались и довольствуются обыкновенно до сихъ поръ спеціальнымъ разсмотрѣніемъ только двухъ первыхъ величинъ, скорости v и касательнаго ускоренія w, тѣмъ болѣе, что для большей части вопросовъ о движеніи, встрѣчающихся въ приложеніяхъ, это пока оказывается вполнѣ достаточнымъ.

При этомъ ограниченіи, полное изученіе движенія точки, когда траекторія ея извѣстна, приводится къ изслѣдованію только четырехъ элементовъ t, s, v, w, и полное рѣшеніе всякой задачи о такомъ движеніи заключается въ опредѣленіи зависимостей между каждыми двумя изъ этихъ четырехъ элементовъ. Для того чтобы такое опредѣленіе было возможно, очевидно надо, чтобы были даны 3 зависимости между 4 перемѣнными t, s, v, w. Но принимая во вниманіе, что для *всякаго* движенія по данной траекторіи между этими перемѣнными имѣютъ мѣсто два независимыя соотношенія

$$v=\frac{ds}{dt}, \qquad (5)$$

$$w=\frac{dv}{dt}, \qquad (30)$$

ясно, что данныя въ каждой отдѣльной задачѣ должны состоять въ одной частной зависимости между тѣми же перемѣнными

$$\Phi(t,s,v,w)=0,$$

—зависимости, характеризующей спеціальныя свойства *разсматриваемаго* движенія.

Функція Φ можетъ содержать или 2, или 3, или всѣ 4 изъ количествъ t, s, v, w. Первый случай обнимаетъ, въ свою очередь, 6 различныхъ видовъ, соотвѣтственно 6 слѣдующимъ возможнымъ сочетаніямъ перемѣнныхъ t, s, v, w по 2:

$$s,t;\quad v,t;\quad w,t;\quad v,s;\quad w,s;\quad w,v; \qquad (a)$$

второй случай обнимаетъ 4 вида, соотвѣтственно 4 возможнымъ сочетаніямъ перемѣнныхъ t, s, v, w по 3:

$$s,v,t;\quad s,w,t;\quad v,w,t;\quad s,v,w; \qquad (b)$$

а третій случай допускаетъ только 1 видъ, при которомъ функція Φ содержитъ всѣ 4 перемѣнныя

$$t,s,v,w. \qquad (c)$$

Такимъ образомъ всѣ задачи, которыя могутъ быть предложены относительно движенія точки по данной траекторіи, дѣлятся на 11 типовъ. Укажемъ здѣсь вкратцѣ рѣшенія для каждаго типа въ отдѣльности.

Что касается, во-первыхъ, до 6 типовъ (a) первой группы, когда дается зависимость между какими либо двумя изъ 4 перемѣнныхъ t, s, v, w, то ясно тотчасъ же, что если извѣстны только 3 изъ зависимостей (a), тогда остальныя 3 получаются изъ первыхъ непосредственно, путемъ исключенія перемѣнныхъ; поэтому задачи первыхъ 6 типовъ приводятся къ 6 слѣдующимъ:

дана зависимость между	s,t	v,t	w,t	v,s	w,s	w,v
найти зависимость между	v,t	w,t	v,t	w,s	v,s	v,t
и между	w,t	s,t	s,t	s,t	s,t	s,t

и остается слѣд. указать рѣшенія послѣднихъ 6 задачъ. Эти рѣшенія основаны на форм. (5), (30), (31), (32) и на вытекающихъ изъ нихъ равенствахъ

$$s=s_0+\int_{t_0}^{t} v\,dt, \qquad (9)$$

$$t=t_0+\int_{s_0}^{s}\frac{ds}{v}, \qquad (10)$$

$$v = v_0 + \int_{t_0}^{t} w\,dt, \tag{33}$$

$$t = t_0 + \int_{v_0}^{v} \frac{dv}{w}, \tag{34}$$

$$v^2 = v_0^2 + 2\int_{s_0}^{s} w\,ds, \tag{35}$$

гдѣ s_0, v_0 представляютъ значенія s и v въ опредѣленный моментъ t_0; если, какъ бываетъ обыкновенно, за моментъ t_0 принято мгновеніе, съ котораго считаютъ время t, тогда $t_0 = 0$.

1. Дана зависимость $s = f(t)$.

Находимъ по форм. (5) и (31) $v = f'(t)$,

$w = f''(t)$.

2. Дана зависимость $v = \varphi(t)$.

Находимъ по форм. (30) $w = \varphi'(t)$,

и по форм. (9) $s = s_0 + \int_{t_0}^{t} \varphi(t)\,dt$.

3. Дана зависимость $w = \psi(t)$.

Находимъ по форм. (33) $v = v_0 + \int_{t_0}^{t} \psi(t)\,dt$,

а затѣмъ по форм. (9) $s = s_0 + \int_{t_0}^{t} v\,dt$.

4. Дана зависимость $v = \pi(s)$.

Находимъ по форм. (32) $w = \pi(s) . \pi'(s)$,

и по форм. (10) $t = t_0 + \int_{s_0}^{s} \frac{ds}{\pi(s)}$.

5. Дана зависимость $w=\chi(s)$.

Находимъ по форм. (35) $v^2=v_0{}^2+2\int_{s_0}^{s}\chi(s)ds,$

а затѣмъ по форм. (10) $t=t_0+\int_{s_0}^{s}\frac{ds}{v}.$

6. Дана зависимость $w=\tilde{\omega}(v)$.

Находимъ по форм. (34) $t=t_0+\int_{v_0}^{v}\frac{dv}{\tilde{\omega}(v)},$

а затѣмъ по форм. (9) $s=s_0+\int_{t_0}^{t}vdt.$

Мы видимъ, что рѣшеніе задачъ первыхъ 6 типовъ приводится къ дифференцированіямъ и къ квадратурамъ, т. е. къ интегрированіямъ дифференціальныхъ выраженій вида $F(x)dx$, и что слѣд. это рѣшеніе всегда возможно.

Разсмотримъ теперь 4 типа (b) второй группы, когда дается зависимость между какими либо 3 изъ перемѣнныхъ t, s, v, w.

7. Дана зависимость

$$F(v,s,t)=0.$$

Вносся въ нее $\frac{ds}{dt}$ вмѣсто v, задача сводится на интегрированіе дифференціальнаго уравненія перваго порядка

$$F\left(\frac{ds}{dt},\ s,\ t\right)=0;$$

это интегрированіе приведетъ къ зависимости между s и t

$$F_1(s,t)=C,$$

въ которой произвольная постоянная C опредѣлится изъ условія, что $s = s_0$ при $t = t_0$, т. е. опредѣлится изъ равенства

$$F_1(s_0, t_0) = C.$$

По опредѣленіи же зависимости между s и t, настоящая задача приводится къ задачѣ 1.

8. Дана зависимость $\Psi(w, s, t) = 0$.

Написавъ ее въ видѣ $\Psi\left(\frac{d^2s}{dt^2}, s, t\right) = 0$,

вопросъ сводится на интегрированіе послѣдняго уравненія, которое не всегда можетъ быть выполнено, такъ какъ не извѣстно общихъ пріемовъ для интегрированія дифференціальныхъ уравненій второго порядка, содержащихъ кромѣ независимой перемѣнной t и самую искомую функцію s. Если же въ частномъ случаѣ интегрированіе можетъ быть совершено, то оно дастъ первый интегралъ

$$\Psi_1\left(\frac{ds}{dt}, s, t\right) = C,$$

а вторичное интегрированіе приведетъ къ зависимости между s, t

$$\Psi_2(s, t, C) = C',$$

при чемъ произвольныя постоянныя C, C' опредѣлятся изъ условныхъ равенствъ

$$\Psi_1(v_0, s_0, t_0) = C, \qquad \Psi_2(s_0, t_0, C) = C'.$$

Такимъ образомъ, если только интегрированіе даннаго дифференціальнаго уравненія второго порядка возможно, настоящая задача снова сведется на задачу 1.

9. Дана зависимость

$$\Pi(w, v, t) = 0.$$

Подставляя въ ней $\frac{dv}{dt}$ вмѣсто w, получимъ дифференціальное уравненіе перваго порядка

$$\Pi\left(\frac{dv}{dt}, v, t\right)=0;$$

интегралъ его будетъ $\Pi_1(v,t)=C$,

гдѣ $C=\Pi_1(v_0,t_0)$.

Зная же зависимость между v и t, вопросъ сводится на задачу 2.

10. Дана зависимость

$$\Omega(w,v,s)=0.$$

Подставляя вмѣсто w и v ихъ значенія $\frac{d^2s}{dt^2}$ и $\frac{ds}{dt}$, получается дифференціальное уравненіе второго порядка, которое можно преобразовать въ уравненіе перваго порядка, принимая s за перемѣнную независимую, v за ея функцію и замѣняя, на основаніи ур. (32), w чрезъ $v\frac{dv}{ds}$; получимъ

$$\Omega\left(v\frac{dv}{ds}, v, s\right)=0;$$

интегрируя это уравненіе, найдемъ

$$\Omega_1(v,s)=C,$$

гдѣ $C=\Omega_1(v_0,s_0)$.

Этимъ задача 10 сводится на задачу 4.

Такимъ образомъ видимъ, что задачи второй группы приводятся къ интегрированіямъ дифференціальныхъ уравненій,—интегрированіямъ, которыя не всегда выполнимы.

Намъ остается разсмотрѣть послѣдній случай (*c*), когда дана зависимость между всѣми 4 перемѣнными t, s, v, w.

11. Дана зависимость

$$\Phi(w, v, s, t) = 0.$$

Представивъ ее въ видѣ

$$\Phi\left(\frac{d^2s}{dt^2}, \frac{ds}{dt}, s, t\right) = 0,$$

вопросъ сводится на интегрированіе дифференціальнаго уравненія второго порядка, которое возможно только въ нѣкоторыхъ частныхъ случаяхъ, напр. въ случаѣ линейныхъ или однородныхъ уравненій. Если интегрированіе выполнимо, то мы получимъ послѣдовательно зависимости

$$\Phi_1\left(\frac{ds}{dt}, s, t\right) = C, \quad \Phi_2(s, t, C) = C',$$

гдѣ $C = \Phi_1(v_0, s_0, t_0)$, $C' = \Phi_2(s_0, t_0, C)$,

и вопросъ сведется опять на задачу 1.

§ 29. Въ заключеніе изложенной теоріи движенія точки по данной траекторіи, замѣтимъ, что основныя уравненія этой теоріи

$$v = \frac{ds}{dt} \ (5), \quad w = \frac{dv}{dt} \ (30),$$

и равнозначныя съ ними уравненія

$$w = \frac{d^2s}{dt^2} \; (31), \qquad w = v\frac{dv}{ds} \; (32),$$

служащія аналитическимъ выраженіемъ обстоятельствъ движенія точки по данной линіи, были даны впервые для частнаго случая прямолинейнаго движенія Вариньономъ (Varignon) въ 1700 г. ([31]); до него еще Ньютонъ нашелъ путемъ геометрическимъ многіе законы движенія точки по прямолинейной и криволинейной траекторіи и изложилъ ихъ въ своемъ знаменитомъ сочиненіи «Principia philosophiae naturalis», изданномъ въ 1686 году. Послѣднее изъ приведенныхъ уравненій, именно ур. (32), послужило поводомъ къ нѣкоторымъ разногласіямъ между учеными; будучи представлено въ видѣ

$$w = \frac{d(^1/_2 v^2)}{ds}, \qquad (32')$$

оно выражаетъ, что ускореніе пропорціонально производной квадрата скорости по измѣняемости s; Даніилъ Бернулли ([32]) усумнился въ справедливости этого закона, полагая, что нѣтъ причины разсматривать зависимость (32′) какъ единственный возможный законъ измѣненія ускоренія со скоростью и что ускореніе можетъ быть пропорціонально производной какой бы то ни было n-ой, степени скорости. Эйлеръ ([33]) отвергнулъ ошибочное мнѣніе Д. Бернулли и старался доказать необходимость закона квадрата скорости. Наконецъ Даламберъ ([34]) показалъ, что справедливость этого закона зависитъ единственно отъ значенія, приписываемаго символу w, и что, разумѣя подъ w ускореніе въ выше опредѣленномъ смыслѣ (§ 26), зависимость (32′) есть единственная возможная.

([31]) Mémoires de l'Académie des sciences de Paris, an. 1700, p. 22.

([32]) Commentarii Academiae Petropolitanae, an. 1727, p. 136.

([33]) Mechanica, Petrop. an. 1736, p. 62 et seq.

([34]) Traité de Dynamique, an. 1743.

УПРАЖНЕНІЯ.

1. Тяжелое тѣло, падающее вертикально въ безвоздушномъ пространствѣ, проходитъ высоту H въ промежутокъ времени T, меньшій чѣмъ $\sqrt{\frac{2H}{g}}$; опредѣлить высоту S, съ которой тѣло упало.

Численный примѣръ. $H=8$ метр., $T=1$ сек.; принимая $g=9,81$, получится $S=8,49$ сек.

2. Тяжелое тѣло, свободно падающее въ безвоздушномъ пространствѣ, проходитъ данную часть $\frac{n}{m}$ своей первоначальной высоты H въ послѣднюю секунду своего паденія. Найти высоту H.

Численный примѣръ. При $n=8$, $m=9$, $g=9,81$, получается $H=11,036$ метр.

3. Тяжелое тѣло упало въ безвоздушномъ пространствѣ изъ A въ B въ мгновеніе, когда другое тѣло начало падать изъ третьей точки C, лежащей ниже B на одной вертикальной прямой съ точками A и B; опредѣлить, съ какой высоты H успѣетъ упасть второе тѣло, прежде чѣмъ его догонитъ первое.

Численный примѣръ. Если $AB=10$ метр., $BC=4$ метр., то получается $H=0,4$ метр.

4. На вертикальной прямой взяты послѣдовательно четыре точки A,B,C,D такъ, что разстоянія AB,BC,CD равны; доказать, что если тяжелое тѣло начинаетъ падать въ пустотѣ изъ точки A, то времена, употребляемыя имъ на прохожденіе отрѣзковъ AB,BC,CD, относятся между собою какъ $1 : \sqrt{2}-1 : \sqrt{3}-\sqrt{2}$.

5. Двѣ тяжелыя точки расположены на одной и той же вертикальной линіи, на данномъ разстояніи a одна отъ другой; въ одно и то же мгновеніе верхнюю точку пускаютъ внизъ безъ начальной скорости, а нижнюю точку бросаютъ снизу

вверхъ съ данною скоростью β. Опредѣлить моментъ и мѣсто встрѣчи двухъ точекъ.

Численный примѣръ. $a=24$ метр., $\beta=20$ метр., $g=9{,}81$. Называя чрезъ τ моментъ встрѣчи, считаемый отъ мгновенія, въ которое началось движеніе, а чрезъ σ разстояніе точки встрѣчи отъ начальнаго положенія верхней изъ двухъ движущихся точекъ, получается $\tau=1{,}2$ сек., $\sigma=7{,}06$ метр.

6. Опредѣлить глубину H колодца, зная, что прошло n секундъ отъ момента, въ который наблюдатель, стоящій надъ отверстіемъ колодца, бросилъ въ него камень, до мгновенія, когда тотъ же наблюдатель услыхалъ ударъ камня о поверхность воды, и зная кромѣ того, что ускореніе движенія камня есть постоянное число g и что звукъ распространяется равномѣрно со скоростью a.

Численный примѣръ. $n=4$ сек., $g=9{,}81$, $a=340$ метр. При этихъ данныхъ получается, въ цѣлыхъ числахъ, $H=70$ метр.

7. Доказать невозможность такого движенія точки по какой бы то ни было траекторіи, при которомъ скорость точки, въ каждомъ ея положеніи, была бы пропорціональна пространству, пройденному точкою съ начала движенія.

8. Движеніе точки по опредѣленной прямой наблюдается въ теченіи $2^1/_2$ секундъ, считаемыхъ съ какого либо мгновенія, принятаго за начальное. Наблюденія показали, что въ моменты

$$0{,}25 \text{ сек.};\ 0{,}50 \text{ с.};\ 0{,}75 \text{ с.};\ 1 \text{ с.};\ 1{,}25 \text{ с.};\ 1{,}50 \text{ с.};\ 1{,}75 \text{ с.};\ 2 \text{ с.};\ 2{,}25 \text{ с.};\ 2{,}50 \text{ с.}, \qquad (a)$$

точка находилась соотвѣтственно на разстояніяхъ

$$0{,}3 \text{ метр.};\ 1{,}2 \text{ м.};\ 2{,}7 \text{ м.};\ 4{,}9 \text{ м.};\ 7{,}6 \text{ м.};\ 10{,}9 \text{ м.};\ 14{,}9 \text{ м.};\ 19{,}5 \text{ м.};\ 24{,}7 \text{ м.};\ 30{,}5 \text{ м.},$$

отъ положенія, занимаемаго ею въ начальное мгновеніе. Требуется по этимъ даннымъ: 1) построить линію пространствъ, принимая масштабъ абсциссъ въ 0,06 метр. на 1 секунду, а масштабъ ординатъ въ 0,005 метр. на 1 метръ; 2) опредѣлить, по-

средствомъ линіи пространствъ, значенія скорости, отнес... къ метру и къ секундѣ, соотвѣтствующія моментамъ (a), ... которыхъ извѣстны изъ наблюденій положенія движущейся точ... 3) построить линію скоростей, принимая масштабъ абсциссъ ... 0,06 метр. на 1 секунду, а масштабъ ординатъ въ 0,005 мет... скорость въ 1 метр. въ секунду; 4) опредѣлить, посредствомъ л... ніи скоростей, значенія w_1 и w_2 ускоренія для моментовъ $t=1$ ... и $t=2$ сек. Получается приблизительно $w_1=9{,}767$, $w_2=$...

9. Точка движется по прямой съ ускореніемъ, проп... нальнымъ ея перемѣнному разстоянію s отъ опредѣленной ... O траекторіи и имѣющимъ постоянно знакъ, противный ... этого разстоянія; зная значеніе скорости въ моментъ, ... движущаяся точка находится въ O, найти для этого дв... зависимость между пространствомъ и скоростью и завис... между пространствомъ и временемъ.

Численный примѣръ. Скорость точки въ моментъ ... хожденія чрезъ неподвижную точку O равна 20 метр. ... кунду, а ускореніе въ моментъ, когда точка находится на ... стояніи 1 метра отъ O, равно 3 метр. въ секунду; найти, ... комъ разстояніи σ отъ O точка остановливается, чтобы ... двигаться въ обратную сторону, къ точкѣ O, и время τ, п... ное для прохожденія разстоянія σ. Рѣшеніе: $\sigma=11{,}55$ ... $\tau=0{,}907$ сек.

10. Точка движется по прямой съ ускореніемъ, проп... нальнымъ n-ой степени разстоянія ея s отъ опредѣленной ... O траекторіи и имѣющимъ знакъ, противный знаку этого ... стоянія; зная скорость β движущейся точки въ моментъ, ... послѣдняя находится на данномъ разстояніи a отъ O, о... лить, на какомъ разстояніи σ отъ O началось движеніе.

Численный примѣръ. При $n=1$, $a=0$, $\beta=20$ метр. ... кунду и предполагая, что ускореніе точки на разстояніи 1 ... отъ O равно 3 метр. въ секунду, получается, какъ въ ч... номъ примѣрѣ предыдущей задачи, $\sigma=11{,}55$ метр.

11. Точка движется извѣстнымъ равномѣрнымъ дви... по данному кругу; найти выраженіе для ея угловой с... около какой либо точки, взятой въ плоскости круга.

———

Листъ 1.

фиг.5

фиг.9.

фиг.10.

фиг.11.

фиг.15.

фиг.20.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

ОБЪ ИЗДАНІИ „ПРАВОСЛАВНАГО СОБЕСѢДНИКА“

въ 1875 году.

Въ будущемъ 1875 г. „**Православный Собесѣдникъ**“ будетъ издаваться по прежней программѣ.—Въ настоящемъ году редакція озабочивалась уже предлагать въ **Православномъ Собесѣдникѣ** по возможности разнообразное чтеніе. Главною задачею было, конечно, служить разработкѣ ученыхъ вопросовъ. Въ виду этого она давала мѣсто такимъ серьезнымъ изслѣдованіямъ, какъ „Антитринитаріи XVI в.“ Будрина, „Ириней и его догматическая система“ Гусева, „Древняя христіанская архитектура“ Красносельцева. Кромѣ этихъ статей, имѣющихъ интересъ ученый, редакція съ особеннымъ удовольствіемъ отводила мѣсто тѣмъ статьямъ, которыя посвящались разработкѣ вопросовъ, выдвинутыхъ современною жизнію. Извѣстно, что въ настоящее время идутъ сношенія между старокатоликами и петербургскимъ отдѣломъ общества любителей духовнаго просвѣщенія, въ видахъ сближенія первыхъ съ православною церковію. Сношенія эти побуждаютъ заняться разработкою тѣхъ разностей, какія существуютъ издавна между католичествомъ и православіемъ. Съ этою цѣлію начата печатаніемъ статья Бѣляева. „Объ удовлетвореніи, по ученію католиковъ“. Подъ этимъ заглавіемъ сгруппированы всѣ вопросы, относящіеся къ ученію объ епитиміяхъ, сверхдолжныхъ дѣлахъ, индульгенціяхъ и чистилищѣ — которые доселѣ разсматривались въ нашей литературѣ лишь отрывочно.

Понятно, что каждое періодическое изданіе, давая мѣсто обсужденію вопросовъ общихъ, не должно игнорировать чисто мѣстныхъ интересовъ. Удовлетвореніе потребностямъ мѣста кладетъ характерную печать на изданіе. Въ этомъ смыслѣ въ „Православномъ Собесѣдникѣ“ всегда встрѣчались, и въ текущемъ году помѣщены статьи по буддизму Миротворцева, мусульманству Остроумова. Живое столкновеніе православныхъ дѣятелей съ расколомъ также даетъ матеріалъ и вызываетъ на рѣшеніе возникающихъ вопросовъ по расколу. Такой смыслъ имѣютъ статьи Ивановскаго; изъ нихъ послѣдняя „По поводу воспрещенія иконописцамъ изъ раскольниковъ писать иконы для православныхъ храмовъ“,—была вызвана значительнымъ движеніемъ казанскихъ старообрядцевъ, которое могло и можетъ отражаться и въ другихъ мѣстностяхъ. Лѣтомъ текущаго года минуло сто лѣтъ со времени взятія Казани Пугачевымъ. По поводу этого Знаменскій напечаталъ статью „Сто лѣтъ назадъ“, излагающую одинъ изъ эпизодовъ означеннаго событія — обвиненіе казанскаго архіепископа Веніамина въ сношеніяхъ съ Пугачевымъ.

Наряду съ чтеніемъ строго-серьезнымъ, редакція заботилась и о томъ, чтобы давать читателямъ „Православнаго Собесѣдника“ статьи болѣе легкія, но тѣмъ не менѣе имѣющія или историческое или современое значеніе — будутъ ли то записки, рефераты, обозрѣнія текущихъ замѣчательныхъ событій, рецензіи о вышедшихъ сочиненіяхъ. Въ этомъ отношеніи первое мѣсто занимаютъ „Записки о Стародубьѣ“ протоіерея петербургской единовѣрческой церкви Т. А. Верховскаго, Высочайше командированнаго въ 1845—48 года въ стародубскія слободы для утвержденія единовѣрія. Сверхъ того, въ послѣднихъ книжкахъ текущаго года идетъ рядъ статей о нѣмецкомъ католицизмѣ, представляющихъ очерки его историческаго развитія. Затѣмъ нельзя не упомянуть о статьѣ Гренкова, представляющей рефератъ изъ сочиненія Леруа-Болье о русской церкви, сочиненія отличающагося и безпристрастіемъ, замѣчательнымъ для католика, и во многомъ мѣткостію сужденій.

Въ будущемъ году редакція постарается итти по тому же пути,—давать чтеніе по возможности разнообразное, отвѣчающее

сколько требованіямъ науки, сколько же и потребностямъ церковной жизни, при сотрудничествѣ главнымъ образомъ академическихъ преподавателей; но она съ благодарностію приметъ и всякій посторонній трудъ, лишь бы онъ отвѣчалъ вызсказаннымъ требованіямъ. Въ портфелѣ редакціи имѣется уже статья Снегирева „О снѣ и сновидѣніяхъ", статьи о заграничныхъ раскольникахъ аѳонскаго инока Михаила, заботившагося объ учрежденіи единовѣрія у майковскихъ старообрядцевъ и путешествовавшаго къ старообрядцамъ придунайскимъ. Кромѣ того, сдѣлано сношеніе о присылкѣ автобіографіи прот. Т. А. Верховскаго, болѣе пятидесяти лѣтъ обращавшагося въ средѣ старообрядцевъ.

Новые подписчики получатъ безмездно начальные листы дѣяній 7 вселенскаго собора, который окончится печатаніемъ въ первой половинѣ будущаго 1875 года.

Цѣна за полное годовое изданіе ПРАВОСЛАВНАГО СОБЕСѢДНИКА на 1875 годъ, со всѣми приложеніями къ нему, остается прежняя: съ доставкою на домъ по г. Казани и съ пересылкою во всѣ мѣста Имперіи—

Семь рублей серебромъ.

Подписка принимается въ Казани, въ Редакціи Православнаго Собесѣдника, при Духовной Академіи.

Извѣстія по казанской епархіи,

издаваемыя при „Православномъ Собесѣдникѣ" съ 1867 года, будутъ выходить и въ 1875 году, два раза въ мѣсяцъ, нумерами, по 2 печатныхъ листа въ каждомъ, убористаго шрифта.

Цѣна „ИЗВѢСТІЙ" для мѣстъ и лицъ другихъ епархій и другихъ вѣдомствъ: а) отдѣльно отъ „Православнаго Собесѣдника" четыре руб., б) а для выписывающихъ и „Православный Собесѣдникъ" три руб. (всего за оба изданія десять руб.) сер.—съ пересылкою.

Подписка принимается также въ Редакціи Православнаго Собесѣдника.

Въ тойже редакціи продаются слѣдующія книги:

А. **Православный Собесѣдникъ** *въ полномъ составѣ* книжекъ (т. е. съ приложеніями): за 1855 и 1856 годы (по 4 книги въ каждомъ) по 3 руб. за годъ, за 1858, 1859, 1860, 1861, 1862, 1863, 1864, 1865 и 1866 годы (по 12 книгъ въ каждомъ) по 4 руб. за годъ, за 1868 г. (12 книгъ въ году) 6 руб., за 1871, 1872, 1873 и 1874 годы (по 12 книгъ въ каждомъ) по 7 руб. сер. Полныхъ экземпляровъ за 1857, 1867, 1869 и 1870 гг. въ продажѣ нѣтъ. Можно получать и отдѣльныя книжки Собесѣдника за 1855, 1856 и 1857 гг. по 75 коп., а за остальные годы по 60 коп. за книжку.

Б. *Отдѣльно* отъ приложеній одинъ **Православный Собесѣдникъ**: за 1855 г. одинъ томъ, цѣна 75 к.; за 1856 г. одинъ томъ, цѣна 75 коп.; за 1857 г. одинъ томъ, цѣна 1 рубль; за 1858, 1859, 1860, 1861, 1862, 1863, 1864, 1865, 1866, 1868, 1869, 1870, 1871 и 1872 годы, по три тома въ каждомъ, по 2 руб. сер. за годъ.

В. *Отдѣльно* отъ **Православнаго Собесѣдника** приложенія къ нему:

1. **Посланія св. Игнатія богоносца** (съ свѣдѣніями о немъ и его посланіяхъ). Одинъ томъ. 1855. Цѣна 75 коп.

2. **Дѣянія вселенскихъ соборовъ.** Шесть томовъ. 1859 — 1870. Цѣна за первый томъ 4 руб., за второй 2 руб. 50 коп., за третій 3 руб. 50 коп., за четвертый 3 руб. 50 коп., за пятый 3 руб., за шестой 3 руб. 50 к. За всѣ шесть томовъ 20 руб.

3. **Благовѣстникъ,** или толкованіе блаженнаго Θеофилакта, архіепископа болгарскаго, на св. евангелія—Матθея и Марка (съ предисловіемъ), два тома. 1855 — 1857. Цѣна 3 руб. за оба тома. *Тоже*, томъ третій (изд. 2-е)—на евангеліе отъ Луки цѣна 2 руб.—*Тоже*, томъ четвертый—на евангеліе Іоанна. Цѣна 2 р. 50 к. За всѣ четыре тома цѣна 7 руб. 50 коп.

4. **Его же** толкованіе на соборныя посланія святыхъ апостоловъ. Одинъ томъ. 1865. Цѣна 1 руб.

5. **Его же** толкованіе на посланіе къ Римлянамъ. Одинъ томъ. 1866. Цѣна 1 руб. 25 коп.

6. **Его же** толкованіе на Дѣянія св. апостоловъ. Одинъ томъ. 1872. Цѣна 1 руб. 50 к.

7. **Святаго отца нашего Григорія двоеслова** Собесѣдованія о жизни италійскихъ отцевъ и о безсмертіи души (съ предисловіемъ). Одинъ томъ. 1858. Цѣна 1 руб.

8. **Сказанія о мученикахъ** христіанскихъ, чтимыхъ православною каѳолическою Церковію (съ предисловіемъ). Томъ 1-й. 1865. Цѣна 1 руб. 75 коп.

9. **Посланія Игнатія**, митрополита сибирскаго и тобольскаго (съ предварительными замѣчаніями). Одинъ томъ. 1855. Цѣна 75 к.

10. **Сочиненія преподобнаго Максима грека** (съ предисловіемъ). Три тома. 1859—1862. Цѣна за первый томъ (съ портретомъ преп. Максима) 2 руб. 50 коп., за второй 1 руб. 50 коп., за третій 1 руб., за всѣ три тома 5 руб.

11. **Стоглавъ** (съ предисловіемъ). Одинъ томъ. 1862. Цѣна 2 р.

12. **Сочиненіе инока Зиновія**: Истины показаніе къ вопросившимъ о новомъ ученіи (съ предисловіемъ). Одинъ томъ. 1863 — 1864. Цѣна 2 руб. 50 коп.

13. **Остенъ**. Памятникъ русской духовной письменности XVII вѣка (съ предисловіемъ и съ портретомъ патріарха всероссійскаго Іоакима). Одинъ томъ. 1865. Цѣна 75 коп.

14. **Сборникъ** древностей казанской епархіи и другихъ приснопамятныхъ обстоятельствъ, архимандрита Платона Любарскаго. Одинъ томъ. 1868. Цѣна 1 руб. 25 коп.

15. **Житіе** преподобнаго отца нашего Трифона, вятскаго чудотворца. Памятникъ русской духовной письменности XVII вѣка. Одинъ томъ. 1868. Цѣна 50 коп.

16. **Житіе** преосвященнаго Иларіона, митрополита суздальскаго, бывшаго Флорищевой пустыни перваго строителя. Памятникъ начала XVIII вѣка. Одинъ томъ. 1868. Цѣна 50 коп.

17. **Устройство управленія въ церкви королевства греческаго.** Ѳ. Курганова. 1872. Цѣна 2 руб. 25 коп.

18. **Западныя миссіи противъ татаръ-язычниковъ и особенно противъ татаръ-мусульманъ.** Н. Красносельцева. 1872 Цѣна 1 руб. 25 к.

19. **Ересь антитринитаріевъ III вѣка.** Д. Гусева. 1872. Цѣна 1 руб. 25 к.

20. **Проскинитарій.** 1871. Цѣна 75 коп.

21. **Древнее языческое ученіе о странствованіяхъ и переселеніяхъ душъ и слѣды его въ первые вѣка христіанства.** Изслѣдованіе П. Милославскаго. Цѣна 2 р.

22. **Ученіе о лицѣ Господа Іисуса Христа въ трехъ первыхъ вѣкахъ христіанства.** Изслѣдованіе В. Снегирева. Цѣна 2 р.

23. **Книга** о антихристѣ и о прочихъ дѣйствахъ иже при немъ быти хотящихъ. 1873. Цѣна 1 р. 25 к.

24. **Стародубье.** Записки протоіерея Т. А. Верховскаго, Высочайше командированнаго 1845—48 гг. въ черниговскіе раскольническіе посады для водворенія единовѣрія. Цѣна 2 руб.

25. **Указатель** статей, помѣщенныхъ въ «Православномъ Собесѣдникѣ» съ 1855 по 1864 годъ. Цѣна 30 коп.

26. **Портретъ патріарха всероссійскаго Іоакима.** Цѣна 2 р.

Изъ тойже редакціи и отъ издателей можно выписывать книги:

1. СЛОВА къ смоленской паствѣ преосвященнаго Антонія, бывшаго епископа смоленскаго. Цѣна 1 р. 50 к.

2. ЦЕРКОВНАЯ ИСТОРІЯ, соч. Гассе, переводъ съ нѣмецкаго, подъ редакціею профессора каз. д. академіи Н. Соколова. *Первый томъ.* Цѣна: безъ пересылки 1 р., съ пересылкою 1 р. 20 к., для воспитанниковъ духовно-учебныхъ заведеній и съ пересылкою 1 руб. сер. *Второй томъ.* Цѣна такая же.

3. РУКОВОДСТВО КЪ РУССКОЙ ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРІИ. Составилъ П. Знаменскій. Цѣна 1 р. 25 к. Пересылка 15 коп.

4. АПОКРИФИЧЕСКІЯ СКАЗАНІЯ О ВЕТХОЗАВѢТНЫХЪ ЛИЦАХЪ И СОБЫТІЯХЪ. Изслѣдованіе И. Порфирьева. Цѣна 2 р. съ пересылкою.

5. БОГЪ И ПРИРОДА. Соч. Ульрици. Переводъ съ нѣмецкаго. Два тома. Цѣна 3 р. съ пересылкой. Томъ второй отдѣльно—1 р. 50 к.

6. ТВОРЕНІЕ БЛАЖЕННАГО АВГУСТИНА «DE CIVITATE DEI», КАКЪ АПОЛОГІЯ ХРИСТІАНСТВА ВЪ ЕГО БОРЬБѢ СЪ РИМСКИМЪ ЯЗЫЧЕСТВОМЪ. Сочиненіе М. Красина. Казань. 1873. Цѣна 2 руб.

ОТЪ КІЕВСКАГО ОБЩЕСТВА ЕСТЕСТВОИСПЫТАТЕЛЕЙ.

Поступилъ въ продажу **«Указатель русской литературы»** по математикѣ, чистымъ и прикладнымъ естественнымъ наукамъ (физикѣ, химіи, минералогіи, геологіи, ботаникѣ, зоологіи, сельскому хозяйству и технологіи) медицинѣ и ветеринаріи **за 1873** г., составленный подъ редакціею профессора Н. А. Бунге. (Изданіе Кіевскаго Общества Естествоиспытателей) «Указатель» за 1873 г. составленъ по тому же плану, какъ и «Указатель» за 1872. *Цѣна «Указателя» 2 руб.*—Съ требованіями просятъ обращаться во всѣ извѣстные книжные магазины въ Кіевѣ или въ техническую лабораторію Университета св. Владиміра; тамъ же можно получать *«Указатель» за 1872*; цѣна ему 2 р.

Кіевское Общество Естествоиспытатетей, въ виду издаваемаго имъ Указателя русской Литературы по математикѣ, чистымъ и прикладнымъ естественнымъ наукамъ, медицинѣ и ветеринаріи», имѣетъ честь покорнѣйше просить гг. авторовъ сочиненій по названнымъ наукамъ присылать Обществу (Кіевъ, Университетъ Св. Владиміра) или самыя сочиненія или заявленія объ ихъ выходѣ, а всѣ ученыя общества и редакціи журналовъ по естествознанію — обмѣнивать свои изданія на «Записки Кіевскаго Общества Естествоиспытателей».

ТОМЪ XII. Содержаніе: 1) Протоколы засѣданій совѣта (съ о сентября по 5-е декабря 1873 г.) — 2) Программа курса церково законовѣдѣнія, одобр. юридическимъ факультетомъ новороссійіго университета (Приложеніе къ ст. 14-й протокола 2-го ноября).— Памятникъ гарпій изъ Ксаноа въ Ликіи. Опытъ исторической хатеристики. *Н. Кондакова.* — 4) Замѣтка объ ускореніяхъ высшихъ рядковъ въ движеніи неизмѣняемой системы.

ТОМЪ XIII. Содержаніе: 1) Протоколы засѣданій совѣта съ го января по 2-е марта 1874 г.—Записка о путешествіи по славянскимъ млямъ. Доцента *А. Кочубинскаго.* (Приложеніе къ 13-й ст. протокола сѣданія совѣта 2-го марта). — 3) Статья 6-я протокола засѣданія ізико-математическаго факультета 17-го января 1873 года (приложеніе ъ 18-й статьѣ протокола засѣданія совѣта 2-го марта).— 4) Федонъ, ізговоръ Платона. Переводъ съ объяснительными примѣчаніями. *Д. Лебедева.* — 5) Замѣчательнѣйшія рукописи каноническаго содержанія ъ московской синодальной (бывшей патріаршей) библіотекѣ. *А. Павлова.*

ТОМЪ XIV. Содержаніе: 1) Каталогъ дублетовъ библіотеки овороссійскаго университета. (Приложеніе къ 28 й ст. протокола засѣданія совѣта новороссійскаго университета 2-го марта 1874 года).—) Вступительная лекція по православному богословію, проф. *А. Кудрявцева.* 3) Анализъ Платонова діалога «Федонъ», доцента *Лебедева.*— 4) Матеріалы для исторіи народнаго продовольствія въ Россіи, доцента *И. Шпилевскаго.*

Цѣна за каждый томъ 2 р. 50 коп.

13

87